

- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Книга 2](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
- [Книга 3](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)²⁸⁵
  - [Глава 15](#)
- [Книга 4](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Книга 5](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
- [Книга 6](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
- [Книга 7](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Книга 8](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
- [Книга 9](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
- [Книга 10](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
- [Книга 11](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
- [Книга 12](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
- [Книга 13](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
- [Книга 14](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Книга 15](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
- [Книга 16](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
- [Книга 17](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Книга 18](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
- [Книга 19](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
- [Книга 20](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
- [Приложения1264](#)
  - [Денежные системы Древней Греции1265](#)
  - [Персидская денежная система на территории Малой Азии \(VI-IV в. до н.э.\)](#)
  - [Денежная система Древнего Рима](#)
  - [Древнеримские единицы веса](#)

- [Первосвященники ветхозаветного периода](#)
- [Цари Израиля и Иудеи \(1020—587 гг. до н. э.\)](#)
- [Сирийско-македонский календарь \(с приблизительным соответствием месяцам современного календаря\)](#)
- [Единицы длины, использованные в «Иудейских древностях»](#)

- [Примечания](#)

- [**](#)
- [***](#)
- [****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)
- [*****](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)

- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)

- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)

- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)

- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)

- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)

- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)

- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)

- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)

- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)

- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)

- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)

- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)

- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)

- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)

- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)

- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)

- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)

- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)

- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)

- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)

- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)
- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)
- [1107](#)
- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)

- [1116](#)
- [1117](#)
- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)
- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)
- [1130](#)
- [1131](#)
- [1132](#)
- [1133](#)
- [1134](#)
- [1135](#)
- [1136](#)
- [1137](#)
- [1138](#)
- [1139](#)
- [1140](#)
- [1141](#)
- [1142](#)
- [1143](#)
- [1144](#)
- [1145](#)
- [1146](#)
- [1147](#)
- [1148](#)
- [1149](#)
- [1150](#)
- [1151](#)
- [1152](#)
- [1153](#)
- [1154](#)
- [1155](#)
- [1156](#)
- [1157](#)
- [1158](#)
- [1159](#)
- [1160](#)
- [1161](#)
- [1162](#)

- [1163](#)
- [1164](#)
- [1165](#)
- [1166](#)
- [1167](#)
- [1168](#)
- [1169](#)
- [1170](#)
- [1171](#)
- [1172](#)
- [1173](#)
- [1174](#)
- [1175](#)
- [1176](#)
- [1177](#)
- [1178](#)
- [1179](#)
- [1180](#)
- [1181](#)
- [1182](#)
- [1183](#)
- [1184](#)
- [1185](#)
- [1186](#)
- [1187](#)
- [1188](#)
- [1189](#)
- [1190](#)
- [1191](#)
- [1192](#)
- [1193](#)
- [1194](#)
- [1195](#)
- [1196](#)
- [1197](#)
- [1198](#)
- [1199](#)
- [1200](#)
- [1201](#)
- [1202](#)
- [1203](#)
- [1204](#)
- [1205](#)
- [1206](#)
- [1207](#)
- [1208](#)
- [1209](#)

- [1210](#)
- [1211](#)
- [1212](#)
- [1213](#)
- [1214](#)
- [1215](#)
- [1216](#)
- [1217](#)
- [1218](#)
- [1219](#)
- [1220](#)
- [1221](#)
- [1222](#)
- [1223](#)
- [1224](#)
- [1225](#)
- [1226](#)
- [1227](#)
- [1228](#)
- [1229](#)
- [1230](#)
- [1231](#)
- [1232](#)
- [1233](#)
- [1234](#)
- [1235](#)
- [1236](#)
- [1237](#)
- [1238](#)
- [1239](#)
- [1240](#)
- [1241](#)
- [1242](#)
- [1243](#)
- [1244](#)
- [1245](#)
- [1246](#)
- [1247](#)
- [1248](#)
- [1249](#)
- [1250](#)
- [1251](#)
- [1252](#)
- [1253](#)
- [1254](#)
- [1255](#)
- [1256](#)

- [1257](#)
- [1258](#)
- [1259](#)
- [1260](#)
- [1261](#)
- [1262](#)
- [1263](#)
- [1264](#)
- [1265](#)
- [*](#)

Введение

[Предисловие автора](#)

[Предисловие издателей](#)

Предисловие автора

В «Предисловии автора» кратко рассказано о цели и задачах первой части труда — изложить на греческом языке историю древних евреев по данным священных иудейских книг и иных доступных исторических источников. Здесь Иосиф Флавий ссылается на сведения, взятые из трудов его авторитетных предшественников (Эпафродита, ученых из круга Птолемея II и его современника, первосвященника Элезара). Особое внимание он уделяет мудрости Моисея, его способности точнейшим образом передать божественные установления.

1. Я нахожу у лиц, приступающих к составлению исторических сочинений, не одну и постоянно одинаковую к тому побудительную причину, но целое множество их, и в большинстве случаев поводы крайне несходные между собою. Именно, одни стремятся принять участие в научной работе с целью выказать блестящий стиль свой и приобрести себе неизбежную в таком случае славу; другие берутся за такой труд, невзирая на то, что он им не по силам, имея в виду снискать себе расположение тех лиц, о которых им приходится повествовать; существуют, далее, также историки, побуждаемые каким-то внутренним чувством необходимости запечатлеть на бумаге события, в которых они сами были участниками; многих, наконец, побудило величие дотоле скрытых и покоящихся как бы во тьме событий вывести описание последних на свет, на пользу общую. Из указанных здесь причин последние две являются решающими также для меня. Именно, с одной стороны, я, как личный участник, чувствовал необходимость описать происшедшую у нас, иудеев, с римлянами войну, все ее перипетии и конец, ввиду того что существуют лица, искажившие в своих на этот счет описаниях истину^{**}.

2. С другой же стороны, я взялся за настоящее сочинение, полагая, что содержание его будет достойно возбудить к себе интерес со стороны греков, так как здесь имеется в виду представить картину всех наших древностей и нашего государственного устройства, критически выведенную из еврейских сочинений. Ведь уже раньше, когда я описывал [Иудейскую] войну, я подумывал, не показать ли, кто такие по своему происхождению иудеи, каким превратностям судьбы они подвергались, какой законодатель воспитал в них стремление к благочестию и

побуждал их развивать в себе добродетель, какие войны вели они в продолжительный период времени своего существования и как они, против своего собственного желания, впутались в свою последнюю войну с римлянами^{***}. Но так как подобная вставка была бы слишком обширна для такого рода сочинения, то я ее сделал предметом особого труда, в котором тщательно изложил от начала и до конца все сюда относящееся. С течением же времени и меня, как это обыкновенно бывает с людьми, решающимися взяться за какое-либо грандиозное предприятие, обуяли лень и сомнение в возможности довести на чужом языке и в чуждой нам форме до благополучного конца такую обширную задачу. Но нашлись люди, которые из любви к истории побуждали меня к этой работе; между ними на первом плане [стоит] Эпафродит^{****}, человек, серьезно любящий всякую науку и находящий особенное удовольствие в исторических исследованиях, тем более что он сам был участником великих событий и свидетелем многообразных переворотов, причем он во всех этих случаях проявил удивительную силу характера и неизменную добропорядочность. Под влиянием его, который проявляет всегда столь великую симпатию ко всем предпринимающим какое-нибудь полезное или славное дело, и стыдясь навлечь на себя его подозрение, будто бы мне приятнее безделье, чем столь славный труд, я усерднее стал продолжать свою работу, тем более что, кроме всего вышесказанного, принял во внимание и то обстоятельство, что предки наши охотно сообщали [другим] подобные сведения и что некоторые из греков с усердием изучали наши обычаи и историю.

3. Между прочим, я нашел, что Птолемей Второй^{*****}, более всех царей заинтересовавшийся наукою и собиранием книг, с особенною любовью занимался нашим [религиозным] законодательством и позаботился перевести на греческий язык его постановления и данные о государственном сообразно ему устройстве; равным образом и не уступавший в добродетели никому из наших первосвященников Элеазар^{*****} нисколько не воспротивился тому, чтобы вышеназванный царь пользовался этим [переводом], причем он во всяком случае возбранил бы ему это, если бы нам было издревле свойственно держать в тайне что-либо хорошее. Поэтому и я считал себя вправе подражать великодушию того первосвященника и равным образом предполагать, что и теперь еще существует, наподобие того царя, много любознательных людей; тем более что последний получил перевод не всего Св. Писания, но лица, посланные для перевода в Александрию^{*****}, сообщили [ему] только перевод Пятикнижия^{*****} (собственно, только того, что касается закона). А между тем в священных книгах записаны [кроме законов] десятки тысяч разных других фактов ввиду того, что там обнимается период пяти тысячелетней исторической жизни [народа], тут сообщается о всевозможных неожиданных событиях, о случайностях войны, о доблести полководцев и о переменах в государственном устройстве. Во всяком же случае каждый, желающий подробно ознакомиться с этой историей, выведет из нее на первом плане заключение, что, с одной стороны, людям, повинующимся велению Господа Бога и не дерзающим преступать законы, все удастся сверх чаяния, и наградою их от Бога является будущее [загробное] блаженство; с другой же стороны, людям, отступающим от точного исполнения этих повелений, в одинаковой мере легкое становится непреодолимым и даже обращается в неизбежную гибель все то, за что они взяли бы как за нечто несомненно хорошее. Поэтому я убеждаю тех, которым попадутся в руки эти книги, иметь в виду повеление Господа Бога и принять во внимание, что наш законодатель достойным образом понял природу Его и всегда приписывает Ему лишь деяния, соответствующие Его могуществу, сохранив повествование о Нем свободным от всяких позорных, хотя и встречающихся у других [историков], мифологических прикрас, несмотря на то что он, ввиду отдаленности времени и глубокой древности, мог бы вполне безбоязненно ввести в свой рассказ многообразные лживые выдумки. Ведь он жил две тысячи лет тому назад,

т.е. в такое отдаленное время, к которому поэты не осмелились отнести не только деяния и законодательства людей, но и происхождение самих богов. Все это с должною ясностью и в соответствующем порядке покажет нижеизложенное историческое повествование; в нем я себе поставил неизменной задачей ничего [лишнего] не прибавлять, но и ничего не опускать.

4. А ввиду того что почти все это явилось у нас благодаря мудрости нашего законодателя Моисея, то мне необходимо о нем кое-что вкратце предпослать, дабы некоторые из будущих читателей не изумлялись, почему наша книга, по заглавию своему посвященная вопросу о законах и исторических деяниях, настолько подробно занимается данными естествознания. Итак, следует принять во внимание, что Моисей считал необходимым, чтобы человек, собирающийся урегулировать свой образ жизни и затем давать руководящие законы другим людям, раньше всего усвоил себе правильный взгляд на сущность Господа Бога и, постоянно имея мысленно пред глазами Его деяния, стремился бы к подражанию этому величайшему примеру и, поскольку это в его силах, старался бы приблизиться к Нему. Ибо при отсутствии такого взгляда на вещи у самого законодателя не может быть верного понимания и равным образом он нисколько не вызовет своими сочинениями склонности к добродетели в читателях, если те раньше всего прочего не усвоят себе убеждения, что Господь Бог — отец и властелин всего существующего, что Он взирает на все и что Он дарует повинующимся Ему блаженство, а шествующих вне пути добродетели наказывает крупными несчастиями. И вот, так как Моисей захотел дать своим собственным сородичам наставление именно в этом, то он, в противоположность всем прочим, начал [свое сочинение] не с изложения законов и законоположений, имеющих условное среди людей значение, но, направив внимание их на Божество и на устройство мироздания и убедив их в том, что мы, люди, лучшее из творений Господа Бога на земле, уже легко мог убедить их во всем [остальном], после того как расположил их таким образом к благочестию. И в то время как остальные законодатели, придерживаясь мифов, перенесли на богов весь позор людских заблуждений и тем дали преступным людям возможность всяких отговорок, наш законодатель показал, что Господь Бог владеет добродетелью в полной ее чистоте, и считал необходимым, чтобы люди хоть несколько пытались усвоить ее; тех же, кто этого не понимал или в это не верил, он безжалостно наказывал. И вот с этой-то точки зрения ознакомиться [с моим сочинением] приглашаю я своих читателей. Те, которые посмотрят на него с такой точки зрения, увидят, что оно не содержит в себе ничего несообразного с их собственными взглядами, равно как ничего несовместимого с величием Господа Бога и с Его любовью к роду человеческому. Это сочинение содержит в себе все расположенным в соответствующем природе вещей порядке, причем законодатель вполне разумно на одно [только] намекает, на другое указывает торжественно-аллегорически, а о том, о чем можно высказаться прямо, — об этом он говорит обстоятельно. И если бы нашлись желающие рассмотреть причины каждого явления, то пришлось бы вывести много, притом строго философских, теорий, что я, однако, теперь опускаю; если же Господь даст мне для того достаточно продолжительную жизнь, то я примусь, по окончании этого труда, и за ту тему. Теперь же я перейду к изложению своих данных, напомнив первоначально о том, что повествует Моисей о сотворении мира. Все это я нашел записанным в священных книгах, и притом в следующем виде.

Предисловие издателей

Эта книга не переиздавалась на русском языке почти сто лет. Написана же она была около двух тысячелетий назад и пользовалась популярностью у читателей всех предшествующих

исторических эпох. Ее читали в разных странах, на разных языках, читали люди, принадлежавшие к разным культурам и вероисповеданиям. Книга многократно переписывалась и переводилась, а с изобретением книгопечатания часто издавалась. Написанная автором-иудеем, она стала популярной среди христиан. И то, что «Иудейские древности» дошли до нас, — это заслуга прежде всего христианской традиции.

Именно в этой книге находится хронологически первое нехристианское упоминание об Иисусе Христе. Именно в ней, как и в «Иудейской войне», христиане находили подробные характеристики многих персонажей, которые в Новом Завете обрисованы весьма фрагментарно. Это — Ирод I (Великий), Ирод-Антипа, Ирод-Филипп, Иродиада, римские прокураторы Иудеи Понтий Пилат, Феликс, Порций Фест, наместник Сирии Квириний и другие. В средние века произведения Иосифа Флавия были, пожалуй, единственным источником, из которого можно было получить дополнительные сведения о деяниях этих людей. А ведь именно с ними пересекались судьбы главных героев христианского Нового Завета. «Иудейские древности», равно как и «Иудейская война», давали христианской мысли богатый и уникальный материал о той ситуации в Палестине, да и в других регионах Римской империи, где жили и действовали Иисус и апостолы. Иудея — родина христианства, и это, несомненно, вызывало у христиан повышенный интерес к ее истории, особенно новозаветного времени.

Но, разумеется, целью автора было отнюдь не описание первохристианских реалий. В «Иудейских древностях» излагается история еврейского народа с древнейших времен до начала Иудейской войны в 66 году н. э., причем освещается она на широком фоне всемирной истории — в той степени, конечно, в какой она была известна автору.

«Иудейские древности» — это вторая и самая крупная работа Иосифа Флавия. Судьба этого человека необычна. Настоящее его имя Иосиф бен Маттафия (Йосеф бен Маттитьяху). Он еврей, родился в Иерусалиме в первый год правления римского императора Гая Калигулы (то есть между мартом 37 и мартом 38 года и. э.). Происходил из знатной еврейской семьи. В детстве и юности получил традиционное образование, в основном религиозное. В молодости увлекся изучением различных направлений в иудаизме. Три года жил в пустыне с ессеями, но затем вернулся в Иерусалим — возможно, потому, что не выдержал трехлетнего испытательного срока, установленного ессеями для своих приверженцев. Сохранив симпатии к ессеям, Иосиф все же стал сторонником фарисеев и был им до конца своей жизни. В двадцатитрехлетнем возрасте он отправился в Рим, где пробыл несколько лет. Грандиозность и пышность великого города поразили его.

Когда Иосиф возвратился на родину, там уже шла освободительная война против римского гнета. В этой войне 66—73 годов н. э., которую благодаря Иосифу Флавию стали называть Иудейской, переплелось еврейское национально-освободительное движение против римлян, превративших с 6 года н. э. Иудею в свою провинцию, с социальной и религиозной борьбой внутри самого иудейского общества. Иосиф бен Маттафия был назначен командующим войсками повстанцев в Галилее, через которую римляне направили свой главный удар. Иосиф действовал медленно, нерешительно, а когда римляне разбили восставших в Галилее, он сдался в плен. Там он предсказал римскому полководцу Веспасиану, что тот вскоре станет императором. Так и произошло — в усобицах, последовавших за смертью Нерона, победил тот, под чьим командованием находились самые крупные военные силы. Веспасиан освободил Иосифа из плена, и он в знак благодарности по обычаю римских вольноотпущенников взял себе родовое имя Веспасиана — Флавий. Так Иосиф бен Маттафия стал Иосифом Флавием. Он ступил на путь измены — служил вначале при Веспасиане, а затем адъютантом при его сыне Тите, который окончательно подавил восстание в Иудее.

После кровавого завершения Иудейской войны Иосиф до конца своих дней жил в Риме, в

императорском дворце на Эсквиллине, и был, по существу, самым влиятельным человеком среди римских евреев, пользуясь покровительством императоров Веспасиана, Тита и даже Домициана. В Риме он занялся литературной работой и начал писать исторические сочинения. Первым из них была «Иудейская война», прочитанная и одобренная Веспасианом и Титом.

Над вторым своим произведением — «Иудейскими древностями» — Иосиф Флавий трудился много лет и закончил его в середине 90-х годов, незадолго до своей смерти (умер он, вероятно, в 100 году или двумя-тремя годами позднее). Главной целью Иосифа было не простое описание исторических событий. Он хотел ознакомить с богатой и древней историей своего народа широкие круги читателей из разных стран, подчиненных могущественному Риму. В известной степени его произведение — это иудейская апология. Иосиф стремился показать, что евреи, так же как и многие другие народы, имеют древние и глубокие религиозные, государственные и культурные традиции. Его концепция истории — провиденциалистская: в соответствии со своими религиозными убеждениями он считал только евреев богоизбранным народом и историю их рассматривал как выполнение божественных установлений, отступления от которых приводили к тяжелым бедам и несчастьям.

В соответствии с главной целью Иосифа его труд был написан на греческом языке. Он состоит из двадцати книг. Свое повествование Иосиф Флавий начинает с момента сотворения мира. Текст первых десяти книг параллелен библейскому тексту. Иосиф подробно не пересказывает содержание Библии и строго не следует ему. Его повествование более краткое и, если можно так сказать, более историзованное — он скрупулезно прослеживает в Библии линию именно человеческой истории. В одиннадцатой книге он доходит до времен Александра Македонского. С двенадцатой книги содержание «Иудейских древностей» перекликается с содержанием «Иудейской войны», но события раскрываются более подробно, более широко, порой в иной версии. Как и в первой своей книге, Иосиф Флавий излагает историю евреев на фоне всемирной истории.

При работе над «Иудейскими древностями» автор использовал большое количество источников, многие из которых до нас не дошли. Он приводит множество текстов государственных указов, цитирует договоры между государствами. Опирается Иосиф и на труды своих предшественников — историков Страбона, Полибия, Тита Ливия, Азиния Поллиона, Николая Дамасского и других. Для первых же книг «Иудейских древностей» главным источником, конечно, была Библия.

Трудно переоценить значение трудов Иосифа Флавия для научной библеистики. Как в «Иудейской войне», так и в «Иудейских древностях» он предпринял попытку представить в наивыгодном свете историю и культуру древнееврейского народа. Понимая всю ответственность поставленной перед собой задачи, Иосиф выработал своеобразный подход к материалу библейских книг. В основном следуя тексту Септуагинты, он опускает или подает иначе все то, что представляет его народ в невыгодном ракурсе. Так он игнорирует в своем пересказе Ветхого Завета эпизод с продажей Исава Иакову своего первородства, сведения о кровосмесительстве Иуды и Фамари, Лота и его дочерей, об убийстве Моисеем египтянина и о других нелицеприятных событиях.

Своеобразно его отношение к чудесам, о которых рассказывает Библия. В большинстве случаев он стремится при первой возможности дать им рациональное объяснение. В остальных же местах ограничивается простым пересказом библейского текста. К некоторым ветхозаветным чудесам Иосиф относится явно скептически. Это видно из приведенных им аналогий. К примеру, проход израильтян по дну Красного (Черного) моря он сравнивает с описанием перехода Александра Македонского через Памфилийское море; при этом он оговаривается: пусть каждый думает о таких сведениях как ему угодно.

Иосиф старается показать, что уже древнейшие представители его народа обладали культурой и образованностью весьма высокого уровня. В этом, по его словам, они не уступали представителям современной ему античной цивилизации. Иосиф щедро наделяет библейских персонажей достоинствами, присущими древнегреческим героям и легендарным царям. Так уже Каин, по Иосифу Флавию, ввел систему мер и весов, учредил межи на полях, а Сиф и его дети освоили астрономию. Иосиф сообщает, что первый человек Адам предсказал конец мира от потопа или вселенского огня. Притянутыми выглядят его вставки о преследовании Авраама месопотамскими земляками за единобожие и о том, что именно Авраам научил египтян математике и астрономии.

Заметно приукрасил Иосиф Флавий и достоинства древнееврейской литературы. В его передаче Пятикнижия последняя песнь Моисея написана гекзаметром, а псалмы Давида — пентаметром. Царю Соломону приписываются три тысячи книг и парабол. По мнению Иосифа, древнееврейской литературе присущи ритм и музыкальность, свойственные древнегреческой изящной словесности.

Во всем этом проявилось стремление Иосифа Флавия создать как можно лучшее мнение о древних евреях у иноземных читателей, прежде всего у его высочайших покровителей из императорской династии Флавиев и их придворного окружения. Вероятно, в этой части своего труда Иосиф использовал и иудейские народные предания.

Вместе с тем следует отметить, что библейские законы Иосиф пересказывает кратко, с большими пропусками. Возможно, это объясняется тем, что он имел намерение посвятить этой теме отдельное сочинение.

Критика трудов Иосифа Флавия обильна и разнообразна. Раньше всех, начиная с XVII века, недоверие к нему выразили богословы разных вероисповеданий. Их возмущало его открытое и необъясненное пренебрежение к тексту Священного писания. Таких примеров, действительно, можно привести много. Иосифа часто обвиняли в самовосхвалении и неумеренном честолюбии. Даже авторские экскурсы высокого литературного достоинства признавались великим кощунством. У соплеменников же недовольство вызывала эллинизация Ветхого Завета.

В то же время светская критика его произведений была не всегда объективной и аргументированной. Последнее во многих случаях относится к подозрениям о слабом знании Иосифом как родного языка, так и древнегреческого. Однако, как показали последующие исследования, замеченные у него огрехи в равной мере присутствуют и в трудах других авторитетов древности, в основном как описки переписчиков.

Несомненно, Иосиф Флавий владел древнееврейским, арамейским, греческим, латинским, а возможно, даже набатейским и арабским языками. В своей книге «Против Аппиона» он говорит: «Свое сочинение о древностях я составил... на основании наших священных книг, так как сам принадлежу к священническому роду и основательно изучил философию, заключающуюся в тех книгах».

В «Иудейских древностях» содержится много ценного, порой уникального, исторического материала. Это относится, например, к истории эллинистических государств, Парфии, Армении, Nabateyского царства. Римской державы, к истории покорения Римом государств Передней Азии. Не случайно в средневековье и в новое время эта книга Иосифа Флавия считалась одним из важнейших источников по древнеримской истории, наряду с сочинениями Тита Ливия, Тацита, Светония, а один из наиболее эрудированных христианских авторов IV-V веков Иероним назвал Иосифа Флавия «Титом Ливием греков».

Однако для христиан, пожалуй, наиболее важным в труде Иосифа Флавия было первое нехристианское свидетельство об Иисусе Христе, помещенное в 18-й книге «Иудейских древностей». Вот оно: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще

можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поньше еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени».

Это место позднее вызвало бурные споры относительно своей подлинности. Многие исследователи (как атеисты, так и теологи) считали, что не мог фарисей Иосиф принимать Иисуса за Христа (Мессию) и верить в Его воскресение. При этом приводили утверждение видного христианского автора III века Оригена о том, что Иосиф, мол, не считал Иисуса Христом. Весь вышеприведенный отрывок объявлялся позднейшей вставкой, сделанной христианским переписчиком. И мало кто обратил внимание, что тот же Иероним, цитируя Иосифа в латинском переводе, вместо слов «то был Христос» давал «Его считали Христом». Но в начале нашего века была обнаружена иная версия этого места, процитированная по-арабски христианским епископом X века Агапием в его «Всемирной истории», и все стало на свои места: оказывается, Иосиф просто передавал слова учеников Иисуса о своем наставнике, которого именно они считали мессией.

Повествуя о различных пророческих и мессианских движениях в Иудее, Иосиф Флавий в той же 18-й книге рассказывает и об Иоанне Крестителе, праведном человеке, который призывал иудеев быть добродетельными и совершать омовения, чтобы избавиться от грехов. Версия его смерти у Иосифа иная, чем в Новом Завете, - Иоанн был казнен Иродом-Антипой в крепости Махерон из-за опасения массовых волнений среди населения Иудеи.

Произведения Иосифа Флавия были популярны уже в период поздней античности. Тогда же появился и перевод «Иудейских древностей» на латынь. Он приписывается либо Иерониму, либо его современнику Руфину Аквилейскому. В средневековой Европе «Иудейские древности» многократно переписывались, в основном в латинском переводе.

В IX-X веках в Италии появился так называемый «Иосиппон», написанный на древнееврейском языке. В нем описывались события всемирной и еврейской истории от времен строительства Вавилонской башни до взятия римлянами Иерусалима в 70 году н. э. По существу эта хроника представляла собой сокращенный перевод «Иудейских древностей» и «Иудейской войны», но автором был назван Иосиф бен Горион. Почему же не Иосиф Флавий? Видимо, в то время иудеи настороженно относились к нему из-за его предательства в период Иудейской войны. «Иосиппон» приобрел не меньшую популярность, чем «Иудейские древности». С появлением книгопечатания он был издан даже раньше этого крупнейшего сочинения Иосифа Флавия — в 1476 году.

Первое печатное издание «Иудейских древностей» на греческом языке появилось в 1544 году. Затем последовали другие издания — 1611 и 1634 годов (Кельн), 1687 года (Оксфорд), 1691 года (Лейпциг), 1700 года (Оксфорд), 1726 года (Лейден) и так далее. Уже в XV-XVI веках «Иудейские древности» были переведены на французский, итальянский, немецкий и испанский языки. Книга издавалась как на современных языках, так и на латыни.

Первый русский перевод «Иудейских древностей» появился в 1781 году. Он был выполнен М. Мануйловым. Однако этот перевод обладал серьезными недостатками. Достаточно сказать, что сделан он был с французского перевода, а тот, в свою очередь, переводился с латинской версии.

Следующий перевод на русский язык был осуществлен в 1900 году. Г. Генкель перевел «Иудейские древности» уже с древнегреческого языка. Именно этот перевод мы и предлагаем читателю. Конечно, его нельзя назвать совершенным; особенно это относится к стилистике,

которая к тому же во многом устарела. Кроме того, здесь встречаются неточности, неоправданная модернизация древних реалий. Однако этот перевод гораздо ближе к оригиналу. Издатели лишь в некоторых случаях внесли стилистические правки, уточнения и исправления. Примечания переводчика частично сохранены.

Большинство же комментариев — новые, они должны помочь читателю лучше ориентироваться в огромном многообразии исторических событий и действующих лиц, о которых повествует Иосиф Флавий. При подготовке комментариев мы исходили из того, что многие любители исторической литературы уже знакомы с другим произведением Иосифа Флавия — «Иудейской войной», которая в 1991 году вышла в издательстве «Беларусь».

Г. Довгяло, В. Федосик

Иосиф Флавий

Иудейские древности*

Предисловие

Здесь Иосиф Флавий излагает содержание библейской книги Бытие. В самом начале он несколько осовременил библейскую географию. В частности, у него появляется Индия с рекой Гангом. Имеются авторские вставки в рассказе об Адаме и Еве. Данные Ветхого Завета о потопе дополнены свидетельствами Бероса, Иеронима, Мнасея и Николая Дамасского. Говоря о многолетию древнейших людей, Иосиф привлекает сведения Манефона, Бероса, Мохоса, Гекатея, Иеронима, Гесиода и других. В шестой главе осуществлена первая в древности попытка научного анализа генеалогической таблицы народов, приведенной в книге Бытие ([Быт 10.1](#) — [Быт 11.1](#)) и Первой книге Паралипоменон ([1Пар 1.4—23](#)). Эта часть труда Иосифа Флавия послужила источником для Иеронима и Исидора.

Более пространно по сравнению с Ветхим Заветом дано жизнеописание Авраама. Здесь Иосиф также привлек данные Бероса и Гекатея. Намного подробнее, чем в библейском тексте, описано пребывание Авраама в Египте. При рассказе о разгроме Авраамом армий четырех восточных царей Иосиф значительно отошел от текста Библии. В дальнейшем он следует ему более строго.

Читателю следует иметь в виду, что переименование Авраама в Авраама и его бесплодной жены Сары в Сарру выступает как часть договора, заключенного между Богом и Авраамом. По завету, престарелому Аврааму было обещано многочисленное потомство и владение Ханааном при условии обязательного обрезания младенцев мужского пола как знака избранности Богом Авраама и его потомков.

1. Вначале сотворил Бог небо и землю. И так как последняя была не видима, но скрыта в глубоком мраке, а дух [Божий] витал над нею, то Господь повелел создаться свету. Обозрев, по возникновении последнего, всю материю в ее совокупности, Он отделил свет от тьмы и дал последней имя ночи, а первый назвал днем, а начало возникновения света и прекращения его назвал утром и вечером. Так возник первый день; Моисей же говорит: один день. Хотя я был бы в состоянии и сейчас уже объяснить причину этого явления, однако так как обещал представить объяснение причин всех явлений в особом сочинении, то я откладываю до тех пор пояснение и этого. После этого Он во второй день раскинул над всем небо, потому что Он счел необходимым отделить небо от всего остального, как нечто самостоятельное, и окружил его кристаллом, в который, на пользу орошения земли, включил весьма кстати воду и сырость (Ср. [Быт 1.7](#)). На третий день Он создал землю¹, разлив вокруг нее море. В тот же самый день Он тотчас вызвал из земли растения и семена. На четвертый Он украшает небо солнцем, луною и остальными светилами, определив их движения и пути [по небу], для того чтобы тем самым определялись перемены времени. На пятый же день Он создал плавающих животных и птиц, назначил первым глубь морскую, а вторым воздух и сблизил соответственно тех и других в половом отношении, ради воспроизведения потомства, распложения и умножения их рода. На шестой день Он создал четвероногих животных, сотворив их самцами и самками. В этот же день Он сотворил и человека. И вот, говорит Моисей, во все эти шесть дней возник мир со всем своим содержимым, а на седьмой [Господь] почил и отдохнул от трудов своих. Отсюда и мы в этот день воздерживаемся от трудов своих, называя его sabbaton: имя это на еврейском языке обозначает отдых.

2. После [описания] седьмого дня Моисей переходит на почву естественноисторическую, рассказывая о сотворении человека следующее: Господь Бог сотворил человека, взяв для этого прах от земли и соединив с ним дух и душу². Этот человек получил название Адама, что значит на еврейском языке «красный», так как человек был сотворен из красной глины³, такого именно состава девственная, нетронутая почва. Затем Господь Бог привел к Адаму животных, по разрядам их, и показал ему самцов и самок. Адам дал им те названия, которыми они пользуются по сейчас. Видя же, что Адам не имеет общества и совместной жизни с существом женского пола (потому что женщины еще не было) и что он удивляется тому, что у всех других животных это не так. Он вынул у него во время сна одно ребро и сотворил из него женщину⁴. Когда же она предстала пред Адамом, то он понял, что она создана из него. Женщина же по-еврейски называется essa⁵. Имя этой женщины было Ева, что обозначает «мать всего живого» (Ср. [Быт 3.20](#)).

3. Далее [Моисей] рассказывает, что Господь Бог устроил на востоке сад и насадил в нем всевозможных растений; среди последних находилось также одно древо жизни, а другое — познания, по которому можно было бы узнать, что такое добро и что зло. Затем Он ввел в тот сад Адама и жену его и повелел [им] ходить за растениями. Этот сад был орошаем рекою, которая обтекает вокруг всей земли и распадается на четыре рукава: Фисон (имя это обозначает «множество»)⁶ течет по направлению к Индии и впадает в море, называется греками Гангом; Евфрат и Тигр текут в Красное море, причем Евфрат назван Фором, что означает «распространение» или «цветок»⁷, Тигр же — Тиглатом, чем определяется нечто узкозаостренное. Река же Геон, протекающая через Египет, означает «текущий к нам с востока». Греки называют его Нилом.

4. Господь Бог повелел Адаму и жене его есть от всех прочих деревьев, но воздерживаться

от [древа] познания, сказав, что от прикосновения к нему они навлекут на себя погибель. В то время как все животные жили тогда с ними в согласии, бывшая в дружелюбных с Адамом и его женою отношениях змея стала завидовать им⁸ в том, что, если они будут следовать повелению Господа Бога, они достигнут блаженства. Понимая, что при неповиновении Господу Богу люди впадут в несчастье, она коварно стала убеждать женщину отведать от [плодов] древа познания, уверяя при этом, что здесь именно и находится распознавание добра и зла и что они, достигнув последнего, поведут жизнь более счастливую и ничем не отличающуюся от бытия самого Господа Бога. Таким образом удалось ей склонить женщину к презрительному отношению к запрещению Божьему, и когда последняя отведала плод и нашла в том удовольствие, она подговорила также и Адама последовать ее примеру. И тогда они вдруг заметили, что они наги, и, стыдясь своей наготы, стали думать об одеянии для себя: дерево, оказалось, повлияло на их рассудок и мышление. Тогда они прикрыли себя листьями смоковницы и, скрыв под ними наготу свою, начали думать, что они теперь еще счастливее, чем прежде, найдя то, в чем они раньше нуждались⁹. Когда же Господь Бог пришел в сад, то Адам, который раньше встречал Его с радостью и доверчиво, теперь, в сознании вины своей, стал прятаться. Господа же удивил этот поступок, и Он стал расспрашивать его о причине, по которой Адам, раньше находивший удовольствие в общении с Ним, теперь Его избегает и прячется. Так как тот, вследствие сознания своего греховного нарушения божественной заповеди, не отвечал ничего, то Господь Бог сказал: «Я знал, что вы могли бы прожить жизнью блаженною и свободною от всякого страдания, что душу вашу не мучила бы никакая забота, так как все, что полезно вам и могло бы доставить вам наслаждение, было бы вам дано Мною само собою без всякого с вашей стороны усилия и труда, лишь благодаря Моему [к вам] расположению; при наличности всего этого и старость не так скоро напала бы на вас и вам можно было бы дольше жить. Теперь же ты нагло нарушил Мое повеление, ослушавшись Моих приказаний; ведь ты молчишь не из скромности, но потому, что сознаешь за собою совершенное злодеяние». Адам стал молить о прощении и взывать к Господу не гневаться на него, указывая на женщину как на виновницу всего случившегося, и говоря, что он согрешил, введенный ею в соблазн. Та же, со своей стороны, обвиняла змею. Тогда Господь Бог определил ему наказание за то, что он подчинился убеждению жены, и сказал, что земля отныне более не будет сама от себя доставлять им ничего из своих произведений; лишь в том случае, если они будут трудиться и всячески обрабатывать ее, она иногда им будет давать кое-что, иногда же отказывать и в этом. Еву же Он наказал родами, сопряженными с мучительными болями, за то, что она, соблазнив Адама так же, как ее соблазнила змея, ввергла его в несчастье.

В гневе же за коварство змеи по отношению к Адаму Он лишил ее голоса и впустил ей под язык яд; вместе с тем Он объявил ее существом, враждебным к людям, и погрозил, что ей раздробят голову, так как в ней заключается все зло для людей и потому что таким образом последние, обороняясь против нее, легче всего причинят ей смерть. Лишив ее вместе с тем ног. Он заставил ее ползать и извиваться по земле. В то же самое время Господь, определив им такие страдания, выселил Адама и Еву из рая в другое место.

1. У них родились двое детей мужского пола: первый был назван Каином (в переводе это имя означает «приобретение»)¹⁰, второй же — Авелем (что значит «печаль»)¹¹. Родились у них также и дочери. Братья находили удовольствие в различных друг от друга образе жизни и занятиях. Младший, Авель, старался быть справедливым и стремился к добродетели, так как был уверен, что Господь видит все дела его. По занятию своему он был пастухом. Каин же был во всех делах своих весьма порочен и имел в виду одну только цель — получать выгоды; он первый изобрел земледелие, а [затем] убил брата своего по следующей причине. Однажды они решили принести жертвы Господу Богу. Каин возложил [на алтарь] произведения своего земледелия и плоды деревьев, Авель же молоко и перворожденное из стад своих. Господу же последняя жертва понравилась более, так как Он отдавал предпочтение тому, что возникло самостоятельно сообразно самой природе, перед тем, что было насильно вызвано из земли по расчету корыстолюбивого человека¹². Тогда Каин, разгневанный предпочтением, которое Господь Бог оказал Авелю, убил брата своего и, скрыв труп его, предполагал, что это останется незамеченным. Бог же, зная об этом поступке, явился к Каину и стал спрашивать о том, где его брат, которого Он не видит уже много дней, тогда как раньше видел его постоянно в его обществе. Не зная в смущении своем, что сказать Господу Богу, Каин сперва ответил, что он и сам удивляется отсутствию брата; но когда Господь настоятельно стал всяческим образом допытываться от него объяснения, он гневно возразил, что он не воспитатель и не соглядатай ни его, ни его поступков. Тогда Господь Бог изобличил Каина в убийстве брата.

«Удивляюсь,- сказал Он,- как ты не знаешь, что стало с человеком, которого ты сам загубил». Хотя Господь и освободил его от наказания за смертоубийство, так как Каин принес жертву и этим путем умилостивил Бога не слишком сильно гневаться на него, однако Он проклял его и присовокупил к этому угрозу, что он накажет также и потомков Каина до седьмого колена. Вместе с тем Он выгнал его вместе с женою из той местности. А так как Каин боялся попасть при своих странствиях во власть диких зверей и таким образом погибнуть, то Господь Бог повелел ему не опасаться никакого вреда от подобной причины и безбоязненно странствовать по всей земле: звери ему не причинят никакого вреда. При этом Он отметил Каина особым знаком, по которому его можно было бы узнать, и повелел ему отправиться в путь.

2. Обойдя большую часть земли, Каин остановился со своею женою в Наиде¹³ — так называлось это место — и поселился там; тут родились у него дети. Однако в [постигшем его] наказании он не видел предостережения; напротив, его порочность все увеличивалась, так как он предавался всякому чувственному удовольствию, хотя бы оно было связано с жестокостями над прочими жившими в его обществе людьми. Свои владения он увеличивал грабежами и насилием, и, приглашая своих сотоварищей к совершению бесстыдства и разбойничанью, он становился руководителем и наставником их в разных гнусностях. Изобретением весов и мер он изменил ту простоту нравов, в которой дотоле жили между собою люди, так как жизнь их, вследствие незнакомства со всем этим, была бесхитростна, и ввел вместо прежней прямоты лукавство и хитрость. Он первый поставил на земле разграничительные столбы, построил город и, укрепив его стенами, принудил своих близких жить в одном определенном месте. Этот город он назвал по имени старшего сына своего, Геноха, Генохию. У Геноха же был сын Иаред, а у последнего Маруил (Мегияэль), от которого родился сын Мафусаил; сыном этого был Ламех, у которого было семьдесят семь сыновей¹⁴, рожденных ему его двумя женами, Селлой и Адой. Из них Иовел, сын Ады, воздвигал палатки и любил скотоводство, а единоутробный брат его Иувал

занимался музыкой и изобрел лютни и арфы¹⁵. Товел (Тубалкайн) же, один из сыновей другой жены, превосходя всех других [братьев] силою своею, особенно усердно занялся военным искусством, доставая себе при помощи его все способствовавшее физическим его удовольствиям, и первый изобрел кузнечное ремесло¹⁶, Ламех же, став отцом дочери по имени Ноема¹⁷ и понимая хорошо и точно требования религии, был того мнения, что ему самому придется поплатиться за братоубийство Каина. Это он сообщил своим женам¹⁸. Еще при жизни Адама потомки Каина были крайне преступны, так что, следуя друг за другом [по пятам] и подражая один другому, они становились под конец все хуже и хуже, вели непрерывные войны и постоянно отправлялись на грабежи. Вообще же, если тот или другой из них не особенно охотно предавался убийствам, то зато выделялся безумною наглостью, своеволием и корыстолюбием.

3. Адам же, первый происшедший от земли человек,- повествование требует вернуться к нему — после того как Авель был зарезан, а Каин должен был вследствие этого убийства бежать, стал очень помышлять о новом потомстве¹⁹. Это сильное желание иметь детей возникло у него потому, что ему было уже двести тридцать лет, хотя он и умер, прожив сверх того еще семьсот лет. И вот у него родилось еще несколько других детей, и в том числе Сиф. Было бы долго рассказывать о прочих; поэтому я сообщу данные лишь о Сифе. Когда он вырос и достиг того возраста, в котором у человека является возможность отличать добро [от зла], он стал вести добродетельный образ жизни и, будучи сам наилучшим человеком, оставил после себя потомство, подражавшее ему в этом. Будучи все людьми хорошими, живя между собою в согласии и мире, они населили одну и ту же местность, причем до самого конца жизни не подвергались никакому несчастью. Они же изобрели науку о небесных телах и их устройстве²⁰, и для того, чтобы изобретения их не были забыты и не погибли раньше, чем с ними познакомятся люди,- ввиду того, что Адам предсказал гибель отчасти от силы огня, отчасти же вследствие огромного количества воды,- они воздвигли два столба, один кирпичный, другой каменный, и записали на них сообщение о своем изобретении. Последнее было сделано с тем расчетом, чтобы, если бы кирпичный столб случайно погиб при наводнении, оставшийся невредимым каменный дал людям возможность ознакомиться с надписью и вместе с тем указал бы и на то, что ими была воздвигнута и кирпичная колонна. [Каменный] столб сохранился по сей день в земле Сириадской²¹.

1. Потомки Сифа пребывали в продолжение семи поколений в непоколебимой вере, что Господь Бог владыка всего существующего, и были всецело преданы добродетели. Затем же, с течением времени, они уклонились от отцовских обычаев в сторону зла, так как перестали питать необходимое благоговение к Богу и относиться справедливо к людям; то рвение к добродетели, которое они выказывали раньше, они заменили теперь вдвое большим злом во всех своих поступках. Вследствие этого Господь стал во враждебные к ним отношения. Дело в том, что много ангелов вступило в связь с женщинами²² и от этого произошло поколение людей надменных, полагавшихся на свою физическую силу и потому презиравших все хорошее. Нечто подобное позволяли себе и известные по греческим преданиям гиганты²³. Ной же, огорчаясь их поступками и крайне печалась при виде их гнусных стремлений, стал, по силе возможности, убеждать их переменить свой образ мыслей и действий. Видя, однако, что они не поддаются увещаниям и уже вполне подпали страсти к совершению злодеяний, и равным образом опасаясь, как бы они не вздумали убить его, он решил выселиться из страны с женою, детьми и домочадцами (Ср. [Быт 6.1—4](#)).

2. Господь Бог полюбил Ноя за его справедливость; остальных же Он не только наказал за порочность их, но и порешил уничтожить весь род людской и создать новых людей, чистых от греха. Поэтому Он сократил сперва продолжительность их жизни настолько, что они стали жить теперь, взамен прежнего, только сто двадцать лет²⁴, а затем наслал на землю потоп. Таким образом, прежнее поколение всецело исчезло с лица земли, и спасся один только Ной ввиду того, что Господь Бог дал ему следующую возможность спастись: построить четырехэтажный ковчег, длиною в триста, шириною в пятьдесят и вышиною в тридцать локтей. Ной вошел в него со своею женою, сыновьями и женами последних, взял с собою все необходимое к жизни и прибавил к тому всевозможных животных, по самцу и самке, чтобы сохранился род их, а прочих по семи пар. Ковчег имел прочные стены с сильными скрепами и крышею, так что вода не могла никуда проникнуть и ковчег не мог поддаться ее напору. Таким только образом спасся Ной со своими домочадцами. Он является десятым потомком Адама, так как он был сыном Ламеха, отцом которого был Мафусал, происходивший, в свою очередь, от Еноха, сына Иаред. Иаред же рожден был от Малуиила, который происходил с несколькими сестрами от Эноса; Энос же был сыном Сифа, сына Адамова (Ср. [Быт 5.5—7](#)).

3. Это бедствие (потоп) произошло на шестисотом году жизни Ноя, во втором месяце, который называется македонянами дием, а евреями марсуаном²⁵; таким образом они распределяли год в Египте. Моисей же первым месяцем религиозного года определил нисан, который тот же самый, что и ксантик, так как в этот месяц он вывел евреев из Египта. Этот же месяц служил у него точкою отправления во всех религиозных постановлениях; для определения же времени купли, продажи и прочих жизненных отношений Моисей сохранил первый из названных месяцев (как начало года). Моисей замечает, что потоп начался в двадцать седьмой день названного месяца. Время от Адама, прародителя рода человеческого, до этого момента обнимало период в две тысячи двести шестьдесят два года. Этот промежуток записан в священных книгах, потому что люди, тогда жившие, отмечали с большою точностью как рождение, так и смерть выдающихся личностей.

4. У Адама, жившего всего девятьсот тридцать лет, родился сын Сиф, когда Адаму было двести тридцать лет. Сифу было двести пять лет, когда у него родился Энос, который, достигнув девятисотпятилетнего возраста, передал сыну своему Каину, родившемуся у него, когда ему было 190 лет, заботу о правлении. Он прожил девятьсот двенадцать лет²⁶. Каин же прожил

девятьсот десять лет и на сто семидесятом году своем получил сына Малаиила. Этот последний умер, прожив восемьсот девяносто пять лет и оставив после себя сына Иаред, который родился у него, когда ему было сто шестьдесят пять лет. После того как Иаред прожил девятьсот шестьдесят девять лет²⁷, ему наследовал сын его Енох, родившийся, когда отцу его было около ста шестидесяти двух лет. Прожив около трехсот шестидесяти пяти лет, он отошел к Богу, почему и нет сообщения о его смерти²⁸. Сын же Еноха, Мафусал, родившийся, когда Еноху было сто шестьдесят пять лет, имел на сто восемьдесят седьмом году своей жизни сына Ламеха, которому он и передал правление, принадлежавшее ему самому до девятист шестидесяти девятого года его жизни. Ламех сделал своим наследником Ноя, который родился у него, когда ему было сто восемьдесят лет и после того как он сам правил в продолжение семисот семидесяти семи лет²⁹. Ной правил девятьсот пятьдесят лет. Если сложить все вышеприведенные числа лет, то получится [указанное] время [от начала миротворения до потопа]. Но не следует делать попытки установить годы смерти указанных патриархов (так как жизнь последних захватывала часть времени жизни их детей и дальнейших потомков), но нужно обращать внимание исключительно на даты их рождений.

5. После того как Господь Бог предостерег [людей], Он наслал дождь, и в продолжение сорока дней непрерывно лились потоки воды, так что она покрыла землю на пятьдесят локтей в высоту. Это было причиною того, что вообще больше (кроме Ноя с семейством) никто не спасся, так как не было средства к отступлению и бегству. Лишь сто пятьдесят дней после того, как перестал лить дождь, именно на седьмой день седьмого месяца, начала мало-помалу сбывать вода. Затем, когда ковчег остановился на вершине одной горы в Армении, а это заметил Ной, последний открыл его и, увидев около ковчега несколько суши, стал надеяться на лучшее и успокоился. Несколько дней спустя, когда вода еще более убыла, он выпустил ворона, желая узнать, нет ли еще где-нибудь свободной от воды и уже доступной для высадки земли. Однако тот вернулся к Ною, найдя, что еще все покрыто водою. Через семь дней Ной выпустил с тою же целью голубя. Когда же последний вернулся к нему запачканный [землею] и неся лист маслины, то Ной увидел, что земля освободилась от воды, и, прождав еще семь дней, выпустил из ковчега животных и сам вышел со своими домочадцами. Принеся затем жертву Господу Богу, он вместе с сородичами своими устроил жертвенный пир. Это место армяне называют «местом высадки», и до сих пор еще туземцы показывают там остатки, сохранившиеся от ковчега³⁰.

6. Об этом потоке и о ковчеге упоминают также все те, которые писали историю неевреев³¹. В числе их находится и халдеянин Берос³². В одном месте [своего сочинения] он высказывается следующим образом о потоке: говорят, что еще до сих пор сохранился в Армении на горе Кордуйской³³ остаток от этого ковчега и что некоторые берут от него смолу, пользуясь ею в большинстве случаев как средством против заболеваний. Об этом упоминает также египтянин Иероним³⁴, написавший древнейшую историю Финикии, Мнасей и некоторые другие.

Равным образом и Николай Дамасский³⁵, рассказывая об этом в девяносто шестой книге, сообщает следующее: выше области Минады находится в Армении высокая гора по имени Барис³⁶, на которой, по преданию, искало убежища и нашло спасение множество людей во время потопа. Сообщается также, что некто в ковчеге остановился на ее вершине и что в продолжение долгого времени сохранялись [здесь] остатки этого судна. Быть может, это тот самый человек, о котором писал и Моисей, иудейский законодатель (Ср. [Быт 7.10](#) — [Быт 8.19](#)).

7. Боясь, как бы Господь Бог не вздумал насыпать на землю ежегодно потоп, чтобы окончательно уничтожить род людской, Ной принес жертву всесожжения и затем стал еще просить Господа Бога, чтобы Он оставил землю в ее прежнем виде и более не подвергал бы ее

такой печальной участи, от которой могла бы возникнуть опасность, что все живое погибнет; напротив, пусть Он, наказав грешников, пощадит тех, которые вследствие своей добродетели остались в живых и по Его решению избежали этой страшной участи. Последним ведь иначе пришлось бы быть куда несчастнее первых и подвергнуться гораздо худшему наказанию, если бы они не были спасены бесповоротно и должны были бы погибнуть от нового потопа: в таком случае они узнали бы чувство того страха, который вызвала в них картина первого потопа, и [кроме того] погибли бы при втором потопе. Поэтому он умолял Господа Бога благосклонно принять его жертву и не подвергать землю подобной гневной расправе, для того чтобы [уцелевшие люди] могли, обрабатывая землю и строя города, жить покойно, наслаждаться всеми благами [жизни], как это было до потопа, легче достигнуть глубокой старости и пользоваться (подобно предкам своим) такою же продолжительною жизнью.

8. После того как Ной вознес к Господу Богу эти мольбы. Он, любя Ноя за его праведность, согласился привести в исполнение его просьбу, прибавляя, однако, при этом, что не Он причина гибели грешников, но что они только поплатились за свою собственную испорченность, и что, если бы Он желал губить людей. Ему не нужно было бы создавать их; было бы гораздо разумнее совершенно не даровать им жизни, чем, дав, снова отнимать ее. «Но тем, что они поглумились над требуемыми Мною благочестием и добродетелью,- этим они заставили Меня подвергнуть их такому наказанию. Впрочем, впоследствии Я не стану взыскивать с них за прегрешения с такою строгостью, тем более что ты являешься их заступником. И если Я все-таки когда-нибудь нашла [на землю] непогоду, то не бойтесь силы ливня: вода уже более не затопит земли. Но Я требую, чтобы вы воздерживались от пролития человеческой крови и были чисты от убийства, причем вы должны наказывать тех, кто совершает что-либо подобное. При этом, однако, вы можете пользоваться всеми прочими животными по своему желанию и собственному благоусмотрению, так как Я вас поставил властелинами над всеми животными, которые находятся на земле, в воде или воздухе; [пользуйтесь ими всецело], кроме их крови, так как в ней находится душа³⁷. В знак же, что [гневу Моему] на вас положен конец, Я воздвигну мой лук — радугу». Это явление считается ими луком Господним (Ср.: [Втор 32.23:42](#); [Иов 6.4](#); [Пс 7.13](#) и далее; [Пс 38.3](#); [Иез 5.16](#); [Зах 9.10](#) и далее; [Плач 2.4](#); [Плач 3.12](#) и далее.). После этого обещания Господь расстался с ним (Ср. [Быт 8.21](#) — [Быт 9.17](#)).

9. Ной же прожил после потопа еще триста пятьдесят лет, и прожил все это время счастливо; затем он умер, достигнув девятисотпятидесятилетнего возраста. Пусть, однако, никто не считает, при сопоставлении данных древних писателей о продолжительности их жизни с краткостью теперешней нашей, этих сообщений лживыми, объясняя это тем, что никто из наших современников не достигает такого возраста и что поэтому никто из древних не мог прожить такое количество лет. Весьма естественным является такое количество лет жизни у людей, которые пользовались особенным расположением Господа Бога, были сотворены Им самим и употребляли в продолжение долгого времени более подходящую пищу. Кроме того, Господь Бог даровал им более продолжительную жизнь за их благочестие и для того, чтобы они могли вполне проверить и применить свои изобретения в области астрономии и геометрии; ведь если бы эти люди не прожили [по крайней мере] шестисот лет, то они не были бы в состоянии делать предсказания, потому что именно столько лет обнимает так называемый «великий год»³⁸. Мои слова подтверждаются также всеми греческими и негреческими историками, и с мнением моим согласны: Манефон³⁹, написавший историю египетскую, Берос, сообщающий данные о Халдее, Мохос⁴⁰, Гекатей⁴¹ и, кроме того, египтянин Иероним, повествующие о деяниях финикийцев. Гесиод⁴², Гекатей, Гелланик⁴³ и Акузилай⁴⁴, вдобавок Эфор⁴⁵ и Николай сообщают, будто древние люди жили по тысяче лет. Впрочем, пусть всякий смотрит на эти

данные как кому заблагорассудится (Ср. [Быт 9.28—29](#)).

1. Три сына Ноя, Сим, Яфет и Хам, родившиеся за сто лет до потопа, первые спустились с гор на равнины, поселились здесь и убедили прочих людей, сильно боявшихся низин и неохотно спускавшихся с возвышенных мест вследствие опасения [нового] потопа, смело последовать их примеру. Равнина же, на которой они для начала поселились, называется Сеннар⁴⁶. Когда же Господь Бог повелел им выделить из своей среды часть людей, вследствие сильного их размножения, и послать их на новые места, чтобы им не ссориться между собою и чтобы они, обрабатывая большое пространство земли, имели полный достаток в плодах, они по невежеству не повиновались Господу Богу и потому подверглись бедствиям и испытали результаты своей греховности. Когда же среди них значительно увеличилось количество молодежи, Господь Бог снова приказал им разделиться и расселиться. Они же [и на этот раз] ослушались повеления, так как, с одной стороны, полагали, что владеют всем своим имуществом не по благодати Господней, а с другой — были того мнения, что их собственная сила является причиной их настоящего благополучия. К этому неповиновению воле Господа Бога они присоединили еще предположение о злом умысле Божества, которое будто побуждает их к расселению, чтобы тем легче справиться с ними.

2. К такому дерзкому ослушанию относительно Господа Бога побудил их Немврод⁴⁷, внук Хама, сына Ноева, человек отважный и отличавшийся огромною физическою силою. Он убедил их не приписывать своего благоденствия Господу Богу, а считать причиной своего благополучия собственную свою доблесть. Спустя немного времени Немврод стал домогаться верховной власти, будучи убежден, что люди только в том случае перестанут бояться Бога и отпадут от Него, если согласятся жить под властною защитою его, Немврода. При этом он хвастливо заявлял, что защитит их от Господа Бога, если бы Тот вновь захотел наслать на землю потоп. Он советовал им построить башню более высокую, чем насколько могла бы подняться вода, и тем отомстить за гибель предков.

3. Толпа единодушно выразила желание последовать предложениям Немврода и стала считать повиновение Господу Богу [позорным] рабством. И вот они начали строить башню, не щадя рвения и усилий. Вследствие множества рабочих рук, башня росла скорее, чем можно было бы раньше предполагать, причем ширина ее была столь велика, что вследствие этого вышина ее не так бросалась в глаза зрителям. Строилась она из жженого кирпича, залитого асфальтом, чтобы вода не могла проникнуть в нее. Видя такое их безумие. Господь Бог, хотя и решил не губить их совершенно, несмотря на то что они могли бы быть благоразумнее вследствие примера гибели прежних людей от потопа, однако посеял между ними распрю, сделав их разноязычными и тем самым вызвав среди них непонимание друг друга. То место, где они построили башню, называется теперь Вавилоном вследствие происшедшего здесь смешения языков, вместо которых раньше был один всем доступный: евреи называют смешение babel⁴⁸. Об этой башне и смешении языков упоминает также Сивилла⁴⁹, выражаясь следующим образом: «Когда все люди говорили еще на одном языке, некоторые из них начали строить страшной высоты башню, чтобы при помощи ее взойти на небо. Боги, однако, наслали ветры, сокрушили башню и при этом дали каждому [из строителей] особый язык. Отсюда и город стал называться Вавилоном»⁵⁰. Относительно же так называемой находящейся в Вавилонии сеннаарской долины Гекатей упоминает следующее: «Те из жрецов, которые спаслись, отправились в Сеннаар в Вавилонии, захватив с собою священные доспехи Зевса Эниалия»⁵¹.

В конце концов люди вследствие своего разноязычия стали расходиться и расселились повсюду по земле, кто куда попадал или куда кого привел Господь, так что вся суша, как внутренние, центральные места, так и береговые полосы, покрылась населением. Явились также и такие люди, которые переправились на кораблях на острова и заняли их. Некоторые народы сохранили при этом свои прежние, основные названия, другие их переменили, третьи, наконец, приняли имена, по их мнению, более понятные своим [новым] соседям. Виновниками такого нововведения являются греки, так как с течением времени они стали искать особенной славы в том, что украшали разные племена названиями, свойственными им, самим грекам, и навязывая им свое собственное государственное устройство, как будто бы те племена были одного с ними происхождения⁵².

1. У сыновей Ноя были потомки, в честь которых лица, завладевавшие какою-либо страной, называли ее население. У Ноева сына Яфета было семь сыновей. Последние расселились, начиная с гор Тавра и Амана до реки Танаиса⁵⁴, а по Европе до Гадиры⁵⁵ занимая встречавшиеся по пути земли, до этого никем не занятые, и дали населению свои собственные названия. Именно родоначальником тех народов, которые теперь именуются у греков галатами, а вообще называются гомарейцами, был Гомар⁵⁶; Магог же положил начало тому народу, который от него получил название Магога, а ими (греками) именуется скифами⁵⁷. От сыновей Яфета — Явана и Мада произошли племена: от Мада — мадеи⁵⁸, называющиеся у эллинов мидянами, а от Явана произошло имя Ионии и всех греков. Фовел положил начало фовелийцам, которые современниками нашими именуется иберами⁵⁹. Мосохенцы, родоначальником которых является Мосох, носят теперь название каппадокийцев⁶⁰, хотя существует еще указание и на их древнее имя: посейчас у них есть город Мазака⁶¹, указывающий сообразительным людям, что таким образом когда-то назывался и весь народ. Фирас же назвал тирянами подвластное себе племя, имя которого греки переделали в фракийцев⁶². Вот все эти народы ведут свое происхождение от сыновей Яфета. Из трех сыновей Гомара Асханаз положил начало астаназийцам, которые называются теперь у греков регийцами, Рифат — рифатейцам, ныне пафлагонийцам, Форгам же форгамейцам, которых греки, кажется, называли фригийцами⁶³. У сына Яфета, Явана, было [также] три сына: Елисей, давший свое имя народу, которым он правил; это — теперешние эоляне; затем Фарс, родоначальник фарсийцев. Так в древности называлась Киликия⁶⁴, доказательством чего служит следующее: самый выдающийся главный город их носит название Тарса, причем они изменили в его имени букву тау на фиту. Хетим, наконец, завладел островом Хетимою (он теперь именуется Кипром), отчего все острова и большинство прибрежных пространств называются евреями Хетим⁶⁵. Доказательством верности моего сообщения служит один из городов на острове Кипре; этот город до сих пор сохранил название Китиона, как именуют его те, кто переделал его имя на греческий лад, причем таким образом имя его не особенно сильно отличается от слова «Хетим».

Столькими-то народами владели сыновья и внуки Яфета⁶⁶. Но раньше, чем мне вернуться к дальнейшему рассказу, на котором я остановился, я сделаю замечание, вероятно, новое для греков. В Писании все имена переделаны для удобства читателей на греческий лад, чтобы было сподручнее [произносить их]. Нам же такого рода тип названий кажется неподходящим, а потому у нас как формы, так и окончания слов остаются неизменными: например. Ной (Нозос) называется [у нас] Ноэ, и такая форма проходит у нас по всему сочинению.

2. Сыновья же Хама заняли область от Сирии, Амана и Ливанских гор вплоть до самого моря, овладев страной до океана. Впрочем, названия одних местностей совершенно утратились, других — были изменены и искажены в иных случаях до неузнаваемости; лишь немногие сохранили свои названия в неизменном виде. Из четырех сыновей Хама имя Хуса не подверглось губительному влиянию времени, потому что эфиопы, которыми он правил, до сих пор не только сами называют себя хусейнами⁶⁷, но и получают это название от всех жителей Азии. Равным образом сохранилось в памяти у всех также имя местреян, потому что все мы, жители нашей страны, называем Египет Местрою, а египтян местреями⁶⁸. Фут населил Ливию и назвал по себе жителей страны футийцами⁶⁹. Равным образом в стране мавров существует река этого имени, о которой, как известно, упоминают, равно как о прилегающей к ней стране, именуемой Футою, весьма многие греческие историки. Теперешнее свое название [Ливия] страна получила

от одного из сыновей Местраима, Ливия. Несколько ниже⁷⁰ мы приведем причину, по которой ее называют также Африкою. Ханаан же, четвертый сын Хама, поселился в области, ныне именуемой Иудеею, и назвал ее по своему имени Хананею⁷¹. От всех их (т.е. сыновей Хама) произошли сыновья. У Хуса их было шесть, из которых Саба положил начало сабеянам, Эвиль — эвильцам, ныне именуемым гетулами, а Сабафа — сабафейцам. Последние называются у греков астабарами⁷². Сабакафа же положил начало сабакафинеяцам⁷³. Регм был родоначальником регмеян⁷⁴ и имел двух сыновей, из которых Иудада положил начало иудадеянам, западноэфиопскому племени, и дал ему свое имя, а Саба — сабеям. Немврод же, сын Хуса, остался у вавилонян и завладел, как у меня было показано уже выше, там престолом⁷⁵. У Местраима было восемь сыновей, которые все заняли землю от Газы до Египта, но страна эта сохранила лишь название Филистии, от имени [сына Ханаанова] Филистея. Область последнего греки именуют Палестиною⁷⁶. Об остальных [сыновьях Местраима], Лудииме, Энеметииме и Лабииме, который поселился в Ливии и назвал страну по своему имени, о Недеме, Феросиме, Хеслеме и Хефториме нам неизвестно ничего, кроме имен, так как эфиопская война, о которой мы будем говорить ниже, принесла окончательную гибель их городам⁷⁷. У Ханаана также были сыновья: Сидон, который основал в Финикии город того же имени, поныне называемый греками Сидоном; Амафий жил в Амафе⁷⁸, которая и теперь еще именуется так туземцами, тогда как македоняне называли ее по имени одного из своих эпигонов⁷⁹ Эпифаниею⁸⁰; Арадий занял остров Арад⁸¹, Арукей же — Арку на Ливане⁸². О семи же остальных сыновьях не сохранилось в священных книгах ничего, кроме имен: Хеттея⁸³, Иевусея⁸⁴, Аморрея⁸⁵, Геггесея, Эвея, Асеннея и Самарейя. Дело в том, что евреи по следующей причине совершенно разрушили их города.

3. Когда после окончания потопа земля приняла опять свой прежний вид, то Ной начал ее обрабатывать и насаждать на ней виноградники. После того как плоды в свое время созрели, он приступил к сбору их и нашел годное для употребления вино. Принеся Господу Богу жертву, он выпил вина. Опьянев от него. Ной впал в сон и лежал обнаженным и в полном беспорядке. Увидев его [в таком положении], младший сын Ноя с насмешкою указал на это своим братьям, которые, однако, прикрыли отца. Когда Ной узнал об этом, он благословил [двух] других сыновей своих, а Хама хотя и не проклял вследствие столь близкого родства с ним, но зато проклял его потомков. Таким образом, в то время как все прочие избегли проклятия, сыновей Ханаана постиг гнев Божий. Об этом мы расскажем ниже.

4. У Сима, третьего сына Ноя, было пять сыновей, потомки которых населили Азию, начиная от Евфрата и до Индийского океана. Элам оставил после себя эламейцев, родоначальников персов⁸⁶. Ассур воздвиг город Нин и дал имя подданным своим ассирийцам, которые достигли необычайного могущества⁸⁷. Арфаксад же назвал нынешних халдеян⁸⁸ арфаксадейцами, так как он правил ими. Арамейцами владел Арам, греки называют их сирийцами. Родоначальником нынешних лидийцев, которых тогда именовали лудейцами, был Луда⁸⁹. У Арама было четверо сыновей: Ус основал Трахониту и Дамаск (находящийся в середине между Палестиною и Келесириею⁹⁰), Ул положил начало Армении⁹¹, Гавор является родоначальником бактрийцев⁹², Мис — мисанейцев, страна которых у наших современников называется Спасинхараксом⁹³, от Арфаксада произошел сын Сала, а от последнего Евер⁹⁴, по которому иудеи в древности назывались евреями. У Иукты, сына Евера, были сыновья: Елмодад, Салеф, Азермоф, Ирай, Едорам, Эзил, Декла, Ивал, Авимаил, Савей, Офир, Эвилат, Иобав. Все они населяют местность от индийской реки Кефина до примыкающей к ней страны Сэров. Этого будет достаточно о сыновьях Сима. Теперь же я поведу речь о евреях.

5. У Фалека, сына Евера, был сын Рагав, а у последнего Серуг, у которого родился сын Нахор, а от него Фарр. Последний был отцом Аврама, который является десятым потомком Ноя и родился девятьсот девяносто два года спустя после потопа. Фарр родил Аврама на семидесятом году своей жизни, а Нахору было сто лет, когда у него родился Фарр. Нахор же родился у Серуга, когда последнему было сто тридцать два года, а Рагав стал отцом Серуга на сто тридцатом году жизни. В таком же возрасте и Фалек имел Рагава. Евер родил на сто тридцать четвертом году жизни Фалека. Сам он родился у Салы, когда тому было сто тридцать пять лет. Последний же родился у Арфаксада, когда тому было сто тридцать пять лет. Арфаксад же был сыном Сима, родившимся у последнего двенадцать лет спустя после потопа. У Аврама были братья Нахор и Аран. Из них Аран умер в Халдее, именно в городе Ур ⁹⁵, называемом халдейским, оставив после себя сына Лота и дочерей Сарру и Мельху. Могила его показывается до сих пор. На племянницах своих женились Нахор и Аврам, первый на Мельхе, второй на Сарре. Так как Фарр возненавидел Халдею вследствие печали по Аране, то все [члены семьи] переселились в область месопотамскую Харран ⁹⁶. Тут же сыновья похоронили и Фарра, умершего по достижении двухсотпятилетнего возраста. Дело в том, что теперь уже жизнь людей стала понемногу убавляться и сокращаться, и это продолжалось вплоть до рождения Моисея. После него по постановлению Господа Бога сроком жизни является сто двадцать лет. Такого возраста достиг и Моисей. У Нахора родилось от Мельхи восемь сыновей: Укс, Ваукс, Камуил, Хазад, Азав, Фелда, Иельдафа и Вафуил. Это были законные дети Нахора. Тавей же, Гаам, Тава и Мах родились у него от наложницы, Румы. У Вафуила, законного сына Нахора, родились: дочь Ревекка и сын Лаван.

1. Не имея прямого потомства, Аврам усыновил Лота, сына брата своего Арана и брата жены своей Сарры, и покинул, имея от роду семьдесят пять лет, Халдею, чтобы по приказанию Господа Бога направиться в Хананейскую землю. В ней он поселился и ее же оставил своим потомкам. Он был человеком необыкновенно понятливым во всех отношениях, отличался большою убедительностью в речах своих и порядочностью в обращении. Выделяясь поэтому среди других и пользуясь между ними большим почетом, вследствие своего добродетельного образа жизни, он пришел к мысли, что настало время обновить и изменить присущее всем [его современникам] представление о Господе Боге. Таким образом, он первый решился объявить, что Господь Бог, создавший все существующее, един и что все, доставляющее человеку наслаждение, даруется Его милостью, а не добывается каждым [из нас] в силу собственного нашего могущества. Аврам вывел все это из созерцания изменяемости земли и моря, солнца и всех небесных явлений⁹⁷. Ибо (так рассуждал он) если бы всем этим телам была присуща [собственная, самостоятельная] сила, то они сами заботились бы о сохранении порядка между собою; но так как этого-то у них как раз и нет, то очевидно, что они полезны нам не в силу собственного, присущего им могущества, но вследствие власти Повелевающего им, которому Одному подобает воздавать честь и благодарность. Когда вследствие всего этого халдеи и прочие жители Месопотамии восстали против Аврама, он, решив выселиться, занял по воле и при помощи Господа Бога Хананейскую землю. Основавшись тут, он воздвиг Господу Богу алтарь и принес Ему жертву.

2. Не называя его, впрочем, по имени, и Берос упоминает о нашем патриархе Авраме, выражаясь при этом следующим образом: «В десятом поколении после потопа жил среди халдеев справедливый и великий человек, опытный в астрономии». Гекатей же не только вскользь упоминает о нем, но оставил целое специальное о нем сочинение. Николай из Дамаска так выражается о нем в четвертой книге своей истории: «Авраам правил в Дамаске, прибыв в качестве чужеземца с войском из так называемой Халдеи, страны, лежащей выше Вавилонии. Спустя короткое время он выселился со своим народом в страну, которая тогда именовалась Хананею, а теперь Иудею; там размножились потомки его, о которых я в другом месте буду распространяться подробнее. До сих пор еще имя Авраама пользуется большою известностью в области Дамаска, и [теперь еще] показывается там деревня, названная по его имени обиталищем Авраамовым».

1. После того как несколько времени спустя голод постиг Хананею, а Аврам узнал, что египтяне живут в полном довольстве, он порешил отправиться к ним, с одной стороны, желая воспользоваться их избытком, с другой же — для того, чтобы поучиться у тамошних жрецов науке о божествах. При этом он решил стать их последователем, если бы нашел их взгляды правильнее своих, или, в противном случае, преподать им лучшие данные. Но так как он вез с собою и Сарру и боялся, ввиду безумной слабости египтян к женщинам, чтобы фараон, вследствие красоты его жены, не решил погубить его, он придумал следующую хитрость: выдавая себя за брата Сарры, он побудил и ее согласиться на это, так как это-де полезно им обоим. Когда же они прибыли в Египет, то все случилось так, как предполагал Аврам. Весть о красоте его жены быстро разнеслась, вследствие чего и царь египетский, не удовлетворенный одними о том рассказами, а стгорая желанием увидеть ее лично, возымел намерение овладеть Саррою. Но Господь Бог воспрепятствовал исполнению его гнусной страсти, наслав на него боязнь и расстройство в делах⁹⁸. Когда же фараон принес [очистительную] жертву для отвращения гнева Божества, то жрецы заявили ему, что это несчастье постигло его вследствие его желания изнасиловать жену чужестранца. Испугавшись этого, фараон стал расспрашивать Сарру, кто она такая и кто приехал вместе с нею. И когда он узнал всю истину, то он стал извиняться перед Аврамом, говоря, что, считая ее за его сестру, а не за жену, он старался снискать ее благоволение с тем, чтобы вступить с ним в родство, а не для того, чтобы оскорбить ее своей страстью. Затем он одарил его богатыми подарками и сблизил его с самыми учеными египтянами⁹⁹. Вследствие всего этого еще более распространилась молва о добродетели, присущей Авраму.

2. Так как египтяне вследствие различия в своих обычаях глумились друг над другом и постоянно из-за этого враждовали между собой, то Аврам стал ближе сходиться с ними, знакомиться с их мировоззрением и доказывать затем всю пустоту и полную несостоятельность последнего. Этим он, благодаря частым сношениям, заслужил их удивление, как человек весьма выдающийся и необыкновенный, который не только обладает даром правильно мыслить, но и убеждать людей в чем угодно. Затем он преподавал им арифметику и сообщил сведения по астрономии, в которых египтяне до прибытия Аврама были совершенно несведущи¹⁰⁰. Таким образом эти науки перешли от халдеев в Египет, а оттуда уже и к грекам.

3. По прибытии в Ханаан Аврам поделился с Лотом страной, ввиду того что их пастухи стали ссориться из-за пастбищ. Окончательный выбор местности он вполне предоставил Лоту. Сам он взял себе отвергнутую Лотом нагорную страну и поселился в городе Хеброн, который на семь лет древнее египетского города Танида¹⁰¹. Лот же занял низменность около реки Иордана, недалеко от города содомитян, который в то время еще был цветущ, а теперь, по решению и гневу Божьему, стерт с лица земли. Причину этого последнего обстоятельства я приведу в свое время.

В то время, когда ассирийцы властвовали над Азиєю¹⁰², дела у содомитян были в цветущем положении, так как, с одной стороны, богатства их умножились, а с другой — у них было много юных воинов. Страна их находилась во власти пяти царей: Валласы, Варсы, Сенавара, Симовора и правителя валенцев. Каждый из них имел свой собственный удел. На них пошли ассирийцы войною и, разделив свое войско на четыре части, над которыми было поставлено по одному военачальнику, осадили их города. Когда же в происшедшей затем битве ассирийцы остались победителями, то они наложили дань на содомитских царей. И таким образом последние были им подвластны и платили наложенную на них дань в продолжение двенадцати лет; на тринадцатый же год они восстали, а ассирийцы снова пошли на них походом¹⁰³, причем командование над ними было в руках Амарапсида, Ариуха, Ходолламора и Фадала. Последние разграбили всю Сирию и уничтожили потомков гигантов¹⁰⁴. Затем они направились против Содома и расположились лагерем в долине, носившей название «Асфальтовые ключи». В то время тут находились колодцы, теперь же, после уничтожения города содомитян, вся эта долина обратилась в озеро, носящее название «Асфальтового»¹⁰⁵. Об этом озере мы, впрочем, расскажем подробности несколько ниже. Когда дело дошло у содомитян до столкновения с ассирийцами и произошло сильное сражение, многие из первых пали, а прочие были взяты в плен; в числе последних находился и Лот, явившийся к содомитянам в качестве союзника (Ср. [Быт 14.1—12](#)).

1. Когда Аврам узнал об их поражении, то на него напал страх за его родственника Лота и он почувствовал также сострадание к содомитянам, друзьям своим и соседям. Решив поспешить к ним на помощь, он тотчас исполнил это, выступил и напал около пятого часа ночи на ассирийцев у Дана (так называется один из истоков Иордана) и, предупредив возможность им (ассирийцам) вооружиться, одних убил в то время, как они, не предвидя нападения, спали, а других, которые хотя и не спали, но не были вследствие опьянения в силах сражаться, обратил в бегство. Аврам же преследовал их, пока наконец на другой день не согнал их в город Ову в области Дамаска, чем он доказал, что победа зависит не от численности или скученности войска, а что мужество и храбрость сражающихся может справиться со всяким количеством противников: он одержал победу над столь большим войском врагов, имея при себе лишь триста восемнадцать слуг и трех друзей. Те из противников, которым удалось спастись бегством, должны были уйти с позором.

2. После того как Аврам спас пленных содомитян, которые попались в руки ассирийцев, и в том числе родственника своего Лота, он мирно возвратился домой. Царь же Содомы вышел к нему навстречу до того места, которое называется «Царская равнина»¹⁰⁶. Здесь принял Аврама царь города Солимы, Мельхиседек. Имя последнего означает «праведный царь», каковым все его и признавали, так что он по этой причине был и служителем Господа Бога. Солиму же впоследствии называли Иерусалимом¹⁰⁷. Этот Мельхиседек радушно принял людей Аврама и доставил им жизненные припасы в огромном количестве. Во время пиршества же он начал прославлять самого Аврама и восхвалять Господа Бога, который даровал тому победу над врагами. Когда же Аврам предложил ему десятую часть добычи, то он принял этот подарок. В это время царь содомитян стал уговаривать Аврама оставить за собою добычу и выдать ему только тех его людей, которых он отбил у ассирийцев. Аврам, однако, отказался от этого, говоря, что не желает себе из той добычи никакой выгоды, кроме того, что уже послужило его людям в пищу, и небольшую долю каждому из участвовавших с ним в походе союзников своих. Они назывались Эсхол, Эннир и Мамвр.

3. Похвалив Аврама за [такую] добродетель, Господь Бог сказал: «Тебя не минует награда, которой ты достоин за совершение такого благородного поступка». Когда же Аврам ответил, к чему ему послужит такая награда, раз он не имеет потомства (у него тогда еще не было детей), Господь возвестил ему, что у него будет сын и от него произойдет такое великое потомство, которое по численности своей будет равно звездам. Услышав это, Аврам принес Господу Богу жертву, как это Им Самим повелено. Форма жертвоприношения же была следующая: трехлетнюю телку, трехлетнюю козу и такого же возраста барана он разрезал, по повелению Господа Бога, на части, а голубя и горлицу он принес в жертву не разрезанными на части. Затем, раньше, чем был воздвигнут алтарь, налетели хищные птицы, привлеченные кровью; и раздался глас Божий, возвестивший, что у потомков Аврама будут в продолжение четырехсот лет дурные соседи в Египте, но что потомки, испытав от тех много горя, затем одержат верх над своими врагами и, подчинив себе хананейцев с оружием в руках, овладеют их страной и городами.

4. Аврам жил вблизи дуба Огиг (такая есть местность в Хананее, недалеко от города Хеброна)¹⁰⁸. Так как он был огорчен бесплодием жены своей, то стал умолять Господа Бога даровать ему дитя мужского пола. Предвечный же повелел ему успокоиться; ввиду того, что все прочие дела его со времени выхода его из Месопотамии приняли отличное направление, у него будут и дети. Сарра же побудила, по повелению Господа Бога, одну из своих рабынь именем Агарь, по происхождению египтянку, к сожительству с ним, в надежде, что у Аврама будут от

нее дети¹⁰⁹. Забеременев, эта рабыня возымела смелость обходиться с Саррою нагло и дерзко, ввиду того что надеялась передать главенство в доме ребенку, который должен был от нее родиться. Когда же Аврам передал ее Сарре для наказания, то Агарь, не ожидая такого позора, предпочла убежать и начала умолять Господа Бога сжалиться над нею. И вот когда она шла по пустыне, то перед нею предстал ангел Божий с повелением вернуться к своим господам, так как жизнь ее устроится лучше, если она сама будет скромна. Теперешнее же бедственное положение ее является результатом ее собственного неблагодарного и дерзкого отношения к госпоже ее. При этом ангел присовокупил, что, если она ослушается Господа Бога и пойдет дальше, она погибнет, если же вернется назад, то станет матерью сына, который впоследствии будет царем той земли. Послушавшись этого совета и возвратясь к господам своим, Агарь получила прощение и вскоре затем родила Измаила, т.е. «Богом услышанного», вследствие того что Предвечный внял ее мольбам.

5. Этот ребенок родился у Аврама, когда последнему было уже восемьдесят шесть лет. Когда же он достиг девяностодевятилетнего года своей жизни, то Господь Бог явился Авраму и объявил ему, что у него будет сын также и от Сарры. При этом он повелел ему назвать ребенка Исаком и указал на то, что от него произойдут великие народы и цари, которые путем войны завладеют всею Хананею от Садома до Египта. При этом Господь присовокупил, что Он желает, чтобы имеющее произойти от него племя не смешивалось с другими народами и подвергалось обрезанию, которое должно производиться на восьмой день после рождения ребенка. О причине этого нашего обрезания я поговорю в другом месте. Когда же Аврам стал спрашивать также и об Измаиле, останется ли он в живых, то Господь объявил, что он будет долговечным и сделается родоначальником великих народов. Вознеся за это благодарение Господу Богу, Аврам немедленно приступил к обрезанию самого себя; равным образом этому подвергли себя также все его домашние и сын его Измаил, которому в то время было тринадцать, тогда как Авраму девяносто девять лет (Ср. [Быт 16.16—17:27](#)).

1. Возгордясь своим богатством и обилием имущества, содомитяне в это время стали относиться к людям свысока, а к Предвечному — нечестиво, видимо совершенно забыв о полученных от Него благодеяниях; равным образом они перестали быть гостеприимными и начали бесцеремонно обходиться со всеми людьми. Разгневавшись за это, Господь Бог порешил наказать их за такую дерзость, разрушив их город и настолько опустошив их страну, чтобы из нее уже более не произрастало ни растения, ни плода¹¹⁰.

2. После того как Господь Бог порешил поступить так с содомитянами, Аврам увидал однажды трех ангелов (он сидел у дубравы Мамре около дверей своего жилища) и, приняв их за чужеземцев, поднялся со своего места, приветствовал их и гостеприимно предложил им кров и пищу. Когда они согласились [принять его приглашение], Аврам тотчас повелел приготовить для них лепешки из тонкой муки, нарезать и зажарить телятца и стал угощать их, после того как они расположились под дубом. Те сделали вид, будто едят, и вместе с тем стали также расспрашивать, где его жена Сарра. Когда Аврам ответил, что она в доме, то они сказали, что вернутся на будущий год и найдут ее уже матерью. Но так как жена Аврама посмеялась над этим и сказала, что ей уже невозможно помышлять о потомстве ввиду того, что ей девяносто лет, а мужу ее сто, гости более уже не скрывались, но объявили, что они ангелы Божьи, что один из них послан для того, чтобы объявить им о рождении сына, а двое других для окончательного уничтожения содомитян (Ср. [Быт 18.1—21](#)).

3. Услышав это, Аврам стал скорбеть об участи содомитян и, поднявшись, начал умолять Господа Бога не губить праведных и хороших людей вместе с нечестивцами. Когда же Господь возразил, что среди содомитян нет ни одного благочестивого (ибо если бы среди них нашлось десять праведных, Он отпустил бы им наказание за их грехи), то Аврам перестал просить. Ангелы же явились в город содомитян, и Лот гостеприимно пригласил их к себе, так как он отличался большим радушием к странникам и подражал в этом прекрасном деле Авраму. Сodomитяне, увидев, что к Лоту зашли чрезвычайной красоты юноши, тотчас попытались совершить над ними гнусное насилие. Лот стал увещевать их успокоиться, не подвергать позору этих чужеземцев, но отнестись с уважением к его гостям; если же они уже никак не смогут сдержать себя, то, сказал он, — он выдаст им, вместо гостей своих собственных дочерей для утоления их страсти. Однако тех это не удовлетворило.

4. Разгневавшись на такую их дерзость, Господь Бог поразил их слепотою, так что они не были в состоянии найти вход в жилище [Лота], и порешил затем погубить весь народ содомский. Поэтому Лот, которого Господь предупредил о предстоящем уничтожении содомитян, удалился [из города] со своею женою и двумя дочерьми; последние были еще девушками; женихи же их не согласились уйти вместе с ними, так как не придавали словам Лота значения. Затем Господь поразил город огненными молниями, сжег его вместе с жителями и равным образом опустошил пожаром всю область, как это я раньше рассказывал уже в «Иудейской войне» (Ср. «Иуд. война». IV, 8, 4). Жена Лота, которая во время бегства, вопреки запрещению Господа Бога, постоянно обращалась назад в сторону города, выражая страшное любопытство, была обращена в соляной столб. Последний я видел лично: он сохранился по сей день.

Сам же [Лот] убежал со своими дочерьми в небольшое место, оставшееся нетронутым огнем. Оно до сих пор называется Цоор, что по-еврейски значит «малость»¹¹¹. Здесь он затем бедственно прожил некоторое время, в удалении от людей и чувствуя недостаток в припасах.

5. Полагая, что весь род людской уничтожен, девушки (дочери Лота) сблизилась с отцом

своим, но сделали это так ловко, что он сам этого не заметил; поступили же они таким образом, чтобы не остаться без потомства. От них действительно родилось двое мальчиков: от старшей Моав, что значит «от отца», а от младшей Амман, какое имя означает «сын племени». Первый из них является родоначальником моавитян, которые до сих пор еще представляют весьма большой народ, а второй — аммонитян. Оба эти племени живут в Келесирии — таково-то было удаление Лота из области содомитской^{[112](#)}.

1. Аврам переселился в Герар¹¹³ в Палестине и взял с собою Сарру под видом сестры своей; так как подобно прежнему он и теперь боялся за нее, оттого-то и решился опять на такой обман. Он опасался Авимелеха, тамошнего царя, который также почувствовал вождедение к Сарре и готов был обесчестить ее. Но эта страсть царя была обуздана тяжкою болезнью, которую наслал на него Господь Бог. И когда врачи уже совершенно отказались от надежды на его выздоровление, [Авимелеху] приснилось, что возбраняется чем бы то ни было оскорблять жену чужестранца. Лишь только ему полегчало, царь сообщил близким своим, что Господь Бог наслал на него болезнь в виде возмездия за оскорбление чужестранца, причем предупредил его не трогать женщины, которая при нем не в качестве сестры, но живет с ним как законная жена. При этом Господь присовокупил, что Он дарует милость Свою Авимелеху и во всех прочих делах, лишь бы только тот (Аврам) мог быть покоен за безопасность своей жены. После этого царь, по совету своих приближенных, послал за Аврамом и уверил его, что ему уже более нечего бояться за жену свою, что ей не будет причинено ни малейшего оскорбления, так как Господь Бог заботится о нем, и что она, состоя под его личным покровительством, будет приведена к нему нетронутою. При этом царь призывал в свидетели Господа Бога и самую Сарру, что он с самого начала и не подумал бы домогаться ее, если бы знал, что она замужем. «Но, принимая ее за твою сестру, я не поступил бы противозаконно» (женясь на ней, добавил царь). Вместе с тем он стал просить Аврама отнестись к нему дружелюбно и расположить в его (царя) пользу Господа Бога; если бы Аврам пожелал остаться у него, он не будет терпеть ни в чем недостатка, если же предпочтет уехать, то ему будут оказаны торжественные проводы и он получит все, ради чего он прибыл к Авимелеху. На это Аврам ответил, что он выставил родство свое с женою обманно (так как она ведь дочь его брата) и что он без этой предосторожности не считал предпринятого путешествия безопасным. Что же касается болезни царя, то не он является ее виновником, но радуется, что царь избавился от нее, и охотно готов у него остаться. Ввиду всего этого Авимелех уделил Авраму часть своих владений и имущества и они заключили союз путем клятвенного обещания вблизи одного колодца, который называется Вирсувою (что значит «колодец клятвы»), в том, что будут жить совместно без коварства и лжи. Место же это еще и теперь так называется у населения¹¹⁴.

2. Вскоре затем родился у Аврама сын и от Сарры, как ему то было предвещено Господом Богом. Его он назвал Исаком, что обозначает «смех», так как Сарра усмехнулась, когда Господь сказал, что она родит ребенка; она так назвала своего сына, потому что при своей старости уже не рассчитывала на рождение ребенка: ей было [тогда] девяносто лет, Авраму же сто. Ребенок их родился на следующий год. На восьмой день они его тотчас обрезали. Вследствие этого-то у иудеев и явился обычай совершать обрезание после стольких дней, тогда как арабы приступают к обрезанию лишь на тринадцатом году, потому что родоначальник их племени, Измаил, сын Аврама от наложницы, подвергся обрезанию в таком возрасте¹¹⁵. О последнем (т.е. Измаиле) я расскажу теперь подробно и обстоятельно.

3. Первоначально Сарра любила Измаила, сына рабыни своей Агари, и относилась к нему с таким же точно расположением, как если бы то был ее собственный ребенок; он воспитывался так, как будто ему предстояло наследовать первенствующее значение в доме. Когда же Сарра родила Исака, то она не считала возможным, чтобы Измаил воспитывался вместе (т.е. наравне) с ним, ввиду того что он был старше и мог, в случае смерти их общего отца, обидеть Исака. Поэтому она начала уговаривать Аврама отправить его вместе с матерью в другое место. Сначала этот никак не соглашался последовать желанию и стараниям Сарры, так как ему

казалось величайшею жестокостью изгнать малолетнего ребенка и женщину, нуждавшуюся во всем необходимом. Затем же (так как и Господь Бог отнесся сочувственно к требованиям Сарры) он склонился к тому, чтобы передать ребенка, который не мог самостоятельно уйти, его матери, и велел ей, взяв с собою мех с водою и хлеба, удалиться туда, куда бы привел ее случай. Когда она ушла, то вскоре очутилась в затруднительном положении вследствие недостатка во всем необходимом. И когда у них вышла вся вода, то Агарь положила умиравшего от жажды ребенка под сосну, а сама отошла в сторону, чтобы не присутствовать при его смерти. Тогда пред нею предстал ангел Божий, указал на находившийся недалеко источник и повелел ей особенно тщательно беречь ребенка, так как спасение Измаила принесет ей самой великие блага. Ободренная этими словами, она отправилась дальше и встретила пастухов; при помощи их ей удалось избежать печальной гибели (Ср. [Быт 21.9—20](#)).

4. Когда ее сын возмужал, то Агарь женила его на египтянке (из этого племени она сама была родом), от которой у Измаила родились дети, всего двенадцать: Навеоф, Кидар, Авдеил, Массама, Идума, Маема, Масс, Холад, Феман, Иетур, Нафес и Кедма. Все они поселились в стране, простирающейся от Евфрата до Чермного моря, и назвали ее Набатеею. По ним именно и называются отдельные племена арабского народа, с одной стороны, именуясь так в честь их доблести, а с другой — в честь Аврама (Ср. [Быт 21.21](#); [Быт 25.12—18](#)).

1. Аврам любил сына своего Исака больше всего на свете за то, что он был его единокровным, а также за то, что Господь Бог даровал ему его на пороге старости. Впрочем, и сам ребенок вызывал к себе это расположение и все большую любовь со стороны родителей тем, что был склонен ко всякой добродетели, старался всячески служить своим родителям и выказывал особенную ревность в богопочитании. Аврам же полагал свое собственное счастье в том лишь, что когда умрет, то оставит после себя счастливого сына. И по желанию Господа Бога ему суждено было видеть это. Предвечный, желая испытать его благочестие, предстал перед Аврамом и стал перечислять ему все оказанные благодеяния, как Он даровал ему победу над врагами и как Аврам пользуется и теперешним своим счастьем — тем, что имеет сына Исака — лишь в силу расположения Его, Господа. Затем Он потребовал, чтобы Аврам принес Ему сына своего в жертву. Он повелел Авраму привести его на гору Морию [116](#) и, воздвигнув там алтарь, сжечь в виде жертвы. Этим он выкажет свое истинное благочестие, если предпочтет выполнение угодного Господу Богу жизни своего ребенка.

2. Аврам считал неповиновение Предвечному в чем бы то ни было предосудительным и, полагая, что следует беспрекословно подчиниться во всем Тому, Который по благодати Своей дарует всем жизнь и Свое расположение, скрыл от жены своей повеление Божие и собственное свое решение закласть сына, не сказал об этом даже никому из домашних (так как ему могли бы помешать исполнить долг повиновения Богу), взял сына и двух служителей, взвалил все нужное для жертвоприношения на осла и отправился в путь к горе. В продолжение двух дней служители совершили путь вместе с ним. На третий же день, когда показалась гора, Аврам оставил спутников своих на равнине и отправился с одним сыном на гору, на которой впоследствии царь Давид воздвиг храм. С собою они захватили все необходимое для жертвоприношения, кроме только жертвенного животного. Когда же Исаак, которому было тогда двадцать пять лет, соорудил алтарь и спросил, что же он принесет в жертву, если нет жертвенного животного, Аврам ответил, что Господь Бог даст его, так как Он в состоянии доставлять людям в изобилии то, в чем они нуждаются. Поэтому Он и теперь дарует ему предмет жертвы, если только таковая будет угодна ему.

3. И вот, когда алтарь был воздвигнут, дрова положены на него и все было приготовлено, Аврам обратился к сыну со следующими словами: «О сын мой! Несчетными мольбами вымолил я у Господа Бога, чтобы ты родился; когда же ты явился на свет, то не было ничего, чего бы я пожалел, чтобы вырастить тебя; при этом я считал самым большим своим счастьем, если бы я мог увидеть тебя возмужалым и если бы мог, перед смертью, оставить тебя своим наследником. Но так как я стал отцом твоим [лишь] по желанию Господа Бога, которому теперь заблагорассудилось отнять тебя у меня, то снеси мужественно быть самому предметом жертвоприношения. Ибо Господу Богу возвращаю я тебя назад. Ему, Который требует теперь от нас этой чести взамен той милости, которую Он оказал мне в качестве заступника и покровителя. Как родился ты, так простишься теперь с жизнью не обычным путем, но в виде жертвы, принесенной родным отцом Господу Богу, всеобщему Отцу, который, по мнению моему, удостоил тебя чести расстаться с жизнью не от болезни, не от войны или какого-нибудь другого бедствия, приключаящегося с людьми, но с молитвами и священнодействием. Он примет душу твою и оставит у Себя. Будь же мне заступником и украшением моей старости, ради чего я тебя главным образом и взрастил, и дай мне вместо себя заступничество Господа Бога».

4. Исаак спокойно выслушал эти слова (потому что при таком отце он сам по

необходимости должен был отличаться благородством характера) и, сказав, что его рождение было бы незаконным если бы он вздумал уклоняться от исполнения решения Господа Бога и отца своего и не предоставил бы себя охотно в распоряжение их обоих, тем более что было бы уже беззаконием не послушаться отца хотя бы он один только решил это жертвоприношение, вошел на алтарь, готовясь быть принесенным в жертву. И это было бы действительно приведено в исполнение, если бы Господь Бог не воспрепятствовал тому [117](#): Он позвал Аврама по имени и тем удержал его от заклания сына. Ведь не из желания человеческой крови повелел ему Господь, как говорил Он, заклание сына, равным образом не для того, чтобы отнять так жестоко у него того, отцом которого Он его сделал, но желая убедиться в образе его мыслей, т.е. повинуется ли он даже такому [жестокому] повелению. Раз же Он убедился в готовности Аврама и в его чрезвычайном благочестии, то пусть он пользуется всеми ему дарованными [благами]: Он, Господь, никогда не откажет ни ему, ни его потомству в милостивом покровительстве; а сын его достигнет преклонного возраста, и когда он в полном счастье окончит жизнь свою, то передаст своим добрым и родным сыновьям великую власть. При этом Господь предсказал ему, что род их разовьется во много богатых племен, что память о родоначальниках последних будет жива вечно, что они с оружием в руках овладеют землею Хананейскою и тем возбудят зависть во всех людях. Сказав это, Господь Бог велел внезапно появиться барану для жертвоприношения. Они же, оставшись против ожидания неразлучными и удостоившись предвещания таких благ, обняли друг друга и, принеся жертву, вернулись к Сарре. Затем они проводили дни свои в счастье, так как Господь Бог покровительствовал им во всех их предприятиях (Ср. [Быт 22.1—19](#)).

Спустя неделю после этого Сарра умерла, прожив сто двадцать семь лет. Похоронили ее в Хевроне, причем хананеяне предлагали бесплатно участок земли для ее погребения, но Аврам купил это место у некоего Евраима из Хеврона за сорок сиклей. Таким образом Аврам и его потомки устроили себе места для погребения^{[118](#)}.

Затем, погодя немного, Аврам женился на Хетуре, от которой у него родилось шесть сыновей, способных к трудам и необычайно одаренных: Замбран, Иазар, Мадан, Мадян, Иосувак и Суй. У этих также родились сыновья: у Суя — Савафан и Дадан, а от последнего — Латусим, Ассурис и Луом; у Мадяна — Эфа, Офрен, Анох, Евида и Елда. Всех этих сыновей и внуков своих Аврам побудил расселиться отдельно; они заняли Троглодиту и ту часть счастливой Аравии, которая доходит до Чермного моря¹¹⁹. Также рассказывается, что Офрен пошел войною на Ливию и занял ее, причем внуки его поселились в этой стране и назвали ее по его имени Африкою. Слова мои подтверждаются также и Александром Полигистором¹²⁰, который сообщает по этому предмету следующее: «Прорицатель Клеодем, он же Малх¹²¹, написавший историю иудеев так же, как о них повествовал их собственный законодатель Моисей, сообщает, что у Аврама родились от Хетуры благородные сыновья». При этом он называет также имена последних, приводя троих: Аферу, Сурима и Иафру. От Суримы получила свое название Ассирия¹²², от двух других же, от Аферы и Иафры, получил свое имя город Афра и была названа вся страна Африкою¹²³. Они были союзниками Геракла в его походе на Ливию и против Антея; когда же Геракл женился на дочери Афры, то у него родился от нее Дидор, от которого в свою очередь произошел Софон; по имени же последнего варвары называются софакийцами¹²⁴.

1. Когда Исаку было около сорока лет, Аврам задумал дать ему в жены Ревекку, внучку брата своего Нахора, и отправил просить ее руки старшего из слуг своих, связав его наперед торжественною клятвою. Последние совершаются таким образом: положив друг другу руки ниже бедер, [клянущиеся] взывают затем к Господу Богу, как к свидетелю грядущего ¹²⁵. Аврам послал также жителям той местности подарки, особенно ценные по своей редкости или по затруднительности иначе получить их. Отправившись в путь, посланец совершил его нескоро, потому что путешествовать по Месопотамии вообще затруднительно: зимою вследствие глубокой грязи, летом из-за бездождия; к тому же там водятся разбойники, избегнуть которых невозможно, если путешественник не примет заранее мер предосторожности. Наконец достиг он города Харрана ¹²⁶. Прибыв в окрестности города, он встретил нескольких девушек, шедших за водою. Тогда он обратился к Господу Богу с молитвою, чтобы, если Господу угоден будет брак, он мог найти среди них Ревекку, из-за брака сына с которой отправил его Аврам, и чтобы Он мог узнать ее по тому, что, когда он попросит напиться, другие откажут ему в этом, тогда как она подаст ему воды.

2. С этим намерением он приблизился к цистерне и стал просить девушек дать ему напиться. Когда же они отказали ему в этом, говоря, что сами нуждаются в воде и должны отнести ее домой (между тем как доставать воду нелегко), то только одна из всех стала упрекать их в нелюбезности к иноземцу, говоря, что если они не дадут человеку даже воды, то чем же выкажут людям свою воспитанность? При этом она с удовольствием подала ему напиться. Это исполнило его наилучших надежд. Желая узнать всю правду, он похвалил девушку за ее благородство и дельность, что она не избегает собственным трудом помогать нуждающимся, а затем стал расспрашивать, кто ее родители, и пожелал им счастья за такую дочь. «Да будет дано им,- сказал он,- выдать тебя замуж в дом хорошего человека, чтобы ты родила ему таких же благородных детей». Она же не отказалась сообщить ему все желаемое и объявила ему, кто она такая. «Зовут меня Ревеккой,- сказала она,- отец мой Вафуил. Он, однако, уже умер, брат же наш — Лаван, который вместе с матерью заведует всем домом и заботится о моем девичестве». Услышав это, тот обрадовался как всему случившемуся, так и словам ее, так как видел, что Господь Бог действительно способствует достижению цели его путешествия. Вынув ожерелье и еще некоторые другие украшения, он подал их девушке как бы в ответ на любезно поданный ею напиток и в знак уважения, причем сказал, что она получает эти вещи по полному праву, так как выдается среди стольких девушек своею добротой. Вместе с тем он просил ее позволить остановиться у ее родных ввиду невозможности для него продолжать при приближении ночи дальнейшее путешествие, тем более что при нем находится драгоценное женское украшение, довериться с которым он считает наиболее безопасным таким людям, каких он узнал в ее лице. На человеколюбие ее матери и брата и на то, что они не рассердятся, добавил он, он рассчитывает, найдя тому подтверждение в ее собственной добродетели; он им не будет в тягость, так как заплатит за гостеприимство, да и будет пользоваться собственными припасами. Она же ответила ему, что он совершенно верно мнения о гостеприимстве ее родных, но также упрекнула его в том, что считает их столь мелочными; он получит все безвозмездно. Сперва, однако, она заявит об этом брату своему Лавану, а затем с его разрешения приведет [его в дом их].

3. После этого она ввела его в качестве гостя в дом, а верблюдов его взяли рабы Лавана на свое попечение. Затем ему самому предложили отобедать вместе с Лаваном. После еды он обратился к хозяину и матери девушки со следующими словами: «Аврам, сын Фарра и наш

родственник, так как, о госпожа, Нахор — дед этих детей [твоих], вместе с тем родной брат Аврама, как по отцу, так и по матери, посылает [меня] теперь к вам с просьбою выдать эту девушку замуж за его сына, который единственный у него наследник всех его имуществ. Имея возможность выбрать для него вполне хорошую жену из обитательниц собственной страны, он, однако, этого не сделал, так как ставит высоко собственный род свой и задумал именно этот брак. Не отвергайте его желания и его плана, потому что по явному благоволению Господа Бога и в дороге у меня все было удачно, да и эту девушку в дом наш нашел я (по указанию Господа Бога): приблизившись к городу и увидя приход многих девушек к колодцу, я вознес молитву к Нему, прося дать мне возможность найти между ними суженую, что и случилось на самом деле. Согласитесь же теперь и вы на этот очевидно Предвечным благословляемый брак и почтите Аврама, отправившего [меня] с таким [к вам] вниманием, тем, что не откажете в руке девушки». Те (им это очень понравилось) увидели тут промысел Божий и отправили, как Аврам просил, [к нему] дочь свою. Исак женился на ней, так как все дела были переданы ему; сыновья же Хетуры успели уже выселиться¹²⁷.

Вскоре спустя умер Аврам, человек, выдающийся всевозможными добродетелями и особенно угодный Богу за свое ревностное по отношению к Нему усердие. Прожил он всего сто семьдесят пять лет и был похоронен своими сыновьями Исаком и Измаилом в Хеброне рядом с женою своею Саррою (Ср. [Быт 25.7—10](#)).

1. После смерти Аврама жена Исака почувствовала себя беременною; опасаясь дурных последствий от чрезмерного увеличения чрева ее, он спросил [об этом] Господа Бога [128](#), который ответил ему, что Ревекка родит близнецов. От последних произойдут соответствующие именам их народы, причем тот, который на вид будет казаться меньшим, будет властвовать над большим. Действительно, немного спустя у Исака, согласно предсказанию Божию, родились близнецы, из которых старший от головы до ног был покрыт густыми волосами, а младший держал родившегося перед ним за пятку. Отец особенно полюбил старшего Исава, который вследствие обилия своих волос назывался также Сииром, так как евреи называют волосы seeiron [129](#). Младший же, Иаков, был любимцем матери.

2. Когда страну постиг голод, то Исаак, решивший было перекочевать в Египет, так как там земля была плодородна, переселился, по повелению Господа Бога, в Герар. [Тут] его гостеприимно принял по дружественным отношениям к Авраму царь Авимелех. Вначале он выказывал к Исаку полное расположение, но затем это не долго оставалось так, вследствие зависти царя; видя, что Господь Бог поддерживает Исака и так сильно о нем заботится, он изгнал его [из своих владений]. Исаак же, испытав такую переменчивость нрава завистливого Авимелеха, удалился тогда в местность недалеко от Герара, по имени Фаранкс [130](#). И вот, когда он был занят вырытием [здесь] колодца, пастухи [Авимелеха] с оружием в руках напали на него с целью помешать ему в работе; а так как он не желал ссориться, то они сочли себя за победителей. Отступив [подальше], Исаак принялся за сооружение другого колодца; и когда новые пастухи Авимелеха [опять] оказали ему сопротивление, то он и здесь оставил работу и ушел, так как по здравому размышлению предпочитал безопасность. Когда затем [Авимелех] добровольно предоставил ему беспрепятственно рыть цистерну [131](#), то [Исаак] назвал последнюю Роовоф; имя это означает «обширная местность». Из прежних же колодцев один называется Эксоном, т.е. «битвою», а другой — Ситенною, это значит «вражда» [132](#).

3. Между тем, с увеличением богатств, стало возрастать и могущество Исака, и Авимелех начал бояться, как бы Исаак не употребил [своей силы] против него: тем более что отношения их стали подозрительными и Исаак удалился вследствие скрытой вражды [к нему царя]. Опасаясь поэтому, что прежняя дружба их не принесет ему никакой пользы и что Исаак теперь будет мстить за испытанные неприятности, Авимелех решился заключить с ним дружественный, как раньше, союз и взял с собою [к нему] одного из своих военачальников, Фикола. Добившись, благодаря доброте Исака, всего, чего он желал, так как тот, во имя прежней дружбы, своей и отцовской, простил ему нанесенные обиды, Авимелех возвратился к себе домой.

4. Из сыновей Исака Исав, к которому отец особенно благоволил, достигнув сорокалетнего возраста, взял в жены Аду и Аливаму, дочерей зажиточных хананейцев Илона и Есевеона. В этом брачном вопросе он действовал совершенно самостоятельно, отнюдь не испросив совета у отца. Дело в том, что Исаак ни за что не одобрил бы его намерения, так как ему было крайне неприятно вступать в родство с жителями той страны. Не желая, однако, своим приказанием сыну отказаться от этих женщин огорчать его, Исаак предпочел молчание [в этом деле] [133](#).

5. Когда Исаак состарился и совершенно потерял зрение, он позвал к себе Исава и сказал ему, что он вследствие старости, слабости и слепоты уже не в состоянии более служить Господу Богу [134](#). При этом он велел ему пойти на охоту и, если удастся убить что-нибудь, приготовить ему еду, чтобы он после этого мог обратиться с молитвою к Господу Богу, дабы Тот был его союзником и Покровителем на всю его жизнь; неизвестно, когда ему (Исаку) суждено умереть, но раньше смерти ему хотелось бы молитвою снискать [для сына] благословение Божие.

6. Исав тотчас же отправился на охоту. Между тем Ревекка, которая считала необходимым снискать благословение Божие, хотя бы против желания Исака, на Иакова, приказала последнему зарезать несколько козлят и приготовить их к обеду. Иаков повиновался во всем указаниям матери. Когда же обед был готов, она навязала сыну на руку шкуру козленка, чтобы таким образом отец принял его за волосатого Исава (дело в том, что во всех отношениях он был совершенно похож на последнего, исключая волосатость, которая была единственным отличительным между ними признаком), и он понес отцу обед, боясь, однако, как бы отец раньше благословения не заметил обмана и не превратил бы благословение в обратное (т.е. в проклятие). Исак, заметив что-то странное в голосе сына, подозвал его поближе к себе. Когда же тот протянул к нему руку, обмотанную козлиною шкуркою, Исак, прикоснувшись к ней, сказал: «По голосу ты похож на Иакова, но по массе волос [на руке] ты кажешься мне Исаком».

7. Не предполагая, впрочем, никакого обмана, Исак пообедал и затем обратился с молитвою и воззванием к Господу Богу, говоря: «Владыка Предвечный и Создатель всего существующего! Ты обещал отцу моему великое множество благ, признал также и меня достойным своей милости и обещал всегда быть моим потомкам милостивым хранителем и даровать им лучшие блага. Подтверди это и ныне и не отвергай меня в моей настоящей слабости, которая заставляет меня еще более нуждаться в Твоей поддержке. Спаси милостиво мне этого сына и охрани его от всякого зла, даровав ему счастливую жизнь и приобретение всех благ, сколько можешь дать ему. Сделай его грозным для врагов и даруй ему почет и любовь со стороны друзей»¹³⁵.

8. Так взывал Исак к Богу, думая, что молится за сына своего Исава. Лишь только он окончил благословение, как Исав явился с охоты. Хотя Исак и заметил обман, но смолчал. Исав же выразил желание получить от отца одинаковое с братом своим благословение, а когда отец отказал ему в этом, так как он дал Иакову полное благословение, то тот открыто выразил свое огорчение по поводу этого обмана. Наконец отец, тронутый его слезами, заявил, что Исав стяжает себе известность своими успехами в охоте, физическою силою в употреблении оружия и другими подвигами и что также потомство его будет пользоваться вечно этою его славою, но что ему все-таки придется быть в подчинении у брата (Ср. [Быт 27.30—40](#)).

9. Так как Иаков стал опасаться, как бы брат его не вздумал отомстить ему за обманном образом полученное благословение, то мать решила избавить его от этой опасности тем, что начала уговаривать мужа своего женить Иакова на родственнице, какой-нибудь жительнице Месопотамии, в то время как Исав, против воли отца, взял в жены Вассемафу, дочь Измаила. Между тем домашние Исака были нерасположены к хананеям, и потому они отнеслись неприязненно и к первому браку Исава, а теперь он взял в жены Вассемафу, к которой он особенно сильно привязался (Ср. [Быт 27.41—46](#); [Быт 28.6—9](#)).

1. Посланный матерью своею в Месопотамию для женитьбы на дочери Лавана, брата ее, после того как и Исак повелел ему это, склонясь на желание жены своей, Иаков начал свое путешествие по Хананею. Вследствие нерасположения к населению, он не хотел останавливаться ни у кого [из хананейцев], а ночевал под открытым небом, преклонив голову на собранные им камни¹³⁶; вот ему во сне явилось следующее видение: ему казалось, что он видит лестницу, ведущую с земли до самого неба, а по ней спускаются видения более благородные, чем люди, а на самом конце ее он ясно увидел Самого Господа Бога, который назвал его по имени и обратился к нему со следующей речью:

2. «Иаков! Так как у тебя отец столь добродетелен, да и слава деда твоего велика, то тебе нечего бояться за настоящее, но следует надеяться на лучшее [будущее]. При Моем содействии тебе во всем будет дано полное изобилие великих благ. Аврама Я ведь также привел сюда из Месопотамии, когда родственники изгнали его, а отца твоего Я также сделал счастливым; поэтому и тебе Я ниспошлю удел не хуже их. Посему мужайся и [спокойно] совершай путь этот: Я буду твоим руководителем. Брак, который ты имеешь в виду, состоится, и у тебя родятся хорошие дети. Количество потомства их будет бесчисленно, так как они оставят после себя еще большее число сыновей. Им и детям их, которые наполнят всю землю и все побережье морское, куда только ни смотрит солнце, Я дарую власть над этою землею. Не страшись поэтому никакой опасности и не смущайся массою затруднений, потому что во всех твоих начинаниях Я окажу тебе свою милость, как теперь, так особенно в будущем».

3. Это возвестил Иакову Господь Бог. Иаков же, вне себя от радости вследствие виденного и слышанного им, освятил камни, у которых ему было предвещано столько благ, и дал обет принести на них жертву, когда вернется жив и невредим, и на возвратном пути отдать Господу Богу десятину из того, что у него будет тогда с собою. Он признал это место священным и дал ему имя Вифил, что в переводе на греческий язык значит «жертвенник Божий»¹³⁷.

4. Направившись далее в Месопотамию, он через несколько времени прибыл в Харран. Найдя здесь недалеко от города пастухов, юношей и девушек, которые сидели около цистерны, он присоединился к ним, так как чувствовал жажду, и, вступив с ними в разговор, спросил их, не знают ли они у себя некоего Лавана и жив ли он еще. Те отвечали, что они все знают его (это ведь не такое лицо, которое можно было бы не знать); дочь его обыкновенно вместе с ними пасет стада, и они удивляются, что ее [сейчас] нет среди них. «От нее ты лучше узнаешь, что тебе желательно узнать». И в то время, когда они еще говорили об этом, подошла и дочь [Лавана] с возвратившимися домой пастухами. Они указали ей на Иакова, как на чужеземца, прибывшего, чтобы разузнать о ее отце. Тогда она любезно выразила Иакову свое удовольствие по поводу его прибытия и стала расспрашивать его, кто он, откуда прибыл к ним и по какому делу, и пожелала иметь возможность исполнить то, ради чего он прибыл к ним.

5. Иаков же, побуждаемый не столько чувством родства и вызванным последним ласковым с ним обращением, сколько пораженный видом ее красоты, которой в такой степени обладали не многие из тогдашних женщин, ответил: «Если ты дочь Лавана, то родство мое с тобою и с отцом твоим старше, чем мы оба на свете; у Фарры были сыновья Аврам, Арран и Нахор, от которых у Нахора родился твой дед Вафуил, а от Аврама и Сарры, дочери Аррана, произошел отец мой — Исак. Кроме того мы связаны друг с другом еще более новым и близким родством, потому что мать моя — Ревекка, сестра отца твоего Лавана — от одних и тех же родителей: таким образом, мы с тобою двоюродные брат и сестра. И теперь я явился сюда, чтобы приветствовать вас и возобновить наше давнишнее родство». Как это случается с молодыми

людьми, она вспомнила рассказы отца своего о Ревекке и, зная, что родители ее с удовольствием упоминали ее имя, при мысли о радости отца прослезилась, бросилась к Иакову и, обняв его, сказала, что он доставил [своим прибытием] отцу ее и всем домашним самую желанную и величайшую радость, так как отец постоянно вспоминает о его матери, о ней одной говорит и не променяет этой радости ни на какое благо. Затем она пригласила его немедленно последовать за нею к отцу, чтобы дольше не лишать последнего столь большого удовольствия.

6. С этими словами она повела его к Лавану. Немедленно узанный своим дядею, Иаков очень обрадовался и почувствовал себя совершенно как дома среди этих друзей своих, тем более что он доставил, видимо, и им большое удовольствие. Спустя несколько дней Лаван сказал, что хотя он и радуется его прибытию более, чем в состоянии выразить словами, но желал бы узнать причину, почему он покинул отца с матерью, которые уже стары и [вероятно] нуждаются в его помощи; он готов (присовокупил Лаван) оказать ему всяческую поддержку и покровительство. Иаков на это рассказал ему причину [прибытия своего] во всех подробностях: как у Исака родилось двое сыновей-близнецов, он и Исав; как последний, благодаря хитрости матери, лишился отцовского благословения и потому искал предлога убить его, Иакова, за то, что он отнял у него предназначенное от Господа Бога первенство и блага отцовского благословения. Это — причина его здешнего пребывания, совершившегося по решению матери. «Хотя у нас есть и другие близкие родственники, однако ближе этого родства является родство [твое к] матери,- сказал он.- Рассчитывая на твое и Божие заступничество в этом моем уходе из дома, я в теперешнем моем положении смело смотрю в глаза будущему». Лаван обещал ему ради его родителей оказать всяческое дружеское содействие, равно как ради матери, которой, хотя ее и нет здесь, он тем выразил бы свое расположение за ее любовное к нему отношение.

7. При этом он присовокупил, что поручит ему надзор за пастухами и за это поставит его в особенно выгодные, исключительные условия. Если же он захочет вернуться к своим родителям, то он отпустит его с дарами и почестью, какая подобает такому родственнику. Иаков с удовольствием выслушал все это и сказал, что он охотно возьмется за всякую работу, которую тому будет угодно поручить ему, а в награду за это просит руки Рахили, которая, кроме всего прочего, уже тем стала ему дорога, что была посредницей в деле его прибытия сюда к нему. (Последние слова были у него вызваны любовью к этой девушке.) Лаван с радостью обещал выдать за Иакова дочь свою, сказав, что лучшего зятя не отыщешь. Сделает он это, если Иаков пробудет у него некоторое время, так как он не желал бы отправлять дочь в Хананею ввиду того, что жалеет уже и о выдаче туда замуж своей сестры. Когда Иаков согласился на эти условия, то Лаван назначил [срок службы] семь лет. Такое время решил он назначить своему зятю, чтобы последний мог проявить доказательства своей пригодности и лучше показать, каков он. По истечении семи лет Лаван, сообразно данному слову, велел приготовить свадебный пир. С наступлением же ночи Лаван уложил рядом с ничего не подозревавшим Иаковом другую свою дочь, которая была старше Рахили и некрасива. В темноте и опьянении [ничего не заметив], Иаков соединился с нею и лишь на другой день, заметив обман, стал упрекать Лавана в нарушении слова. Последний оправдывался необходимостью, которая заставила его совершить этот подмен, так как он привел к нему Лию не из злого умысла, но потому, что его побудила к тому другая, более серьезная причина. Это, однако, отнюдь не препятствует его женитьбе и на Рахили, которую он, если Иаков ее любит, выдаст за него по истечении другого семилетия. Иаков согласился на это, так как любовь его к этой девушке не позволяла ему поступить иначе. И действительно, по истечении второго семилетия он женился на Рахили¹³⁸.

8. У обеих сестер было по служанке, которых отдал за ними отец их: у Лии — Зелфа, у Рахили же — Балла. Впрочем, то были не рабыни, но лишь служащие. Лию очень огорчала любовь мужа ее к сестре; и вот в надежде заслужить его расположение, если родит ему детей,

она постоянно молилась о том Господу Богу. Когда же у нее родился мальчик и муж ее, вследствие того, стал относиться к ней ласковее, она назвала сына своего Рувиллом, так как он был ей дарован Господом Богом из сострадания; последнее именно и обозначается этим именем. С течением времени у нее родилось еще трое других сыновей: Симеон (это имя означает, что Господь Бог стал внимать ее мольбам), затем Леви, т.е. способный скреплять узы, а за ним Иуда, имя которого означает «благодарность». Между тем Рахиль, боясь, как бы отношения ее не изменились к мужу, благодаря плодородию сестры своей, убедила Иакова соединиться с ее служанкою Валлою. От последней родился ребенок, именем Дан (что, по мнению некоторых, значит по гречески Феокрит, т.е. «Божие решение»), а за ним Нефталим, т.е. такой, который не поддается ни на какую хитрость, ввиду того, что здесь была пущена в ход уловка относительно плодородия сестры. Впрочем, такую же уловку применила и Лия, для того чтобы противодействовать проискам сестры своей: потому и она привела к соединению с мужем свою служанку. И вот от Зелфы родился сын Гад (т.е. «случай»), а за ним Асир, т.е. «счастливый», вследствие того что он способствовал благополучию Лии. Когда же [однажды] старший из сыновей Лии, Рувиль, принес матери своей яблоки мандрагоры¹³⁹ и Рахиль увидела это, то она стала просить [сестру] отдать их ей, потому что ей весьма хотелось отвесть их. Лия отказала ей в этом, и когда привела в виде причины отказа то соображение, что та лишит ее расположения мужа, Рахиль успокоила сестру тем, что сказала, что уступит ей на эту ночь мужа, когда он явится к ней в тот вечер для сна. Так как Рахиль отказалась от объятий, Иаков спал, в угоду Рахили, у Лии. И вот у последней опять родились дети: Иссахар, т.е. «полученный взамен воздаяния», Завулон, т.е. «залог расположения к ней», и дочь Дина. Немного спустя и у Рахили родился сын Иосиф, что означает «увеличение будущего»¹⁴⁰.

9. Все это время, т.е. в продолжение двадцати лет, Иаков служил пастухом у своего тестя. По истечении этого срока он решил забрать своих жен и вернуться к себе домой; а так как тесть не соглашался на это, то он задумал сделать это тайком. Поэтому Иаков стал спрашивать у жен своих, какого они мнения о переселении. Когда последние вполне на это согласились, то Рахиль захватила с собою также изображение божеств, почитать которые, как домашних богов, было [там] в обычае¹⁴¹, и бежала вместе с сестрой, со своими детьми, а вместе с ними бежали также и служанки со своими сыновьями и со всем их имуществом, какое было у них. Иаков угнал, без ведома Лавана, также половину стад. Рахиль же для того захватила с собою изображения богов (презирать которых научил ее Иаков), чтобы, если бы их во время преследования настиг отец ее, она могла иметь при них убежище и легче склонить его к примирению¹⁴².

10. Узнав на третий день о бегстве Иакова и дочерей, Лаван в страшном гневе со значительной ратью бросился за ними в погоню. Лишь на седьмой день он настиг их, в то время как они расположились для отдыха на одном холме. Однако он спокойно воздержался от нападения, так как был вечер. Ночью же Господь Бог послал ему сновидение, в котором советовал взять к себе обратно зятя и дочерей, отнестись к ним мягко и не подвергать их никакому насилию; напротив. Он советовал ему заключить союз с Иаковым, так как Он, Господь, окажет ему Свою поддержку, если бы Лаван, презрительно отнесясь к малочисленности людей Иакова, вздумал вступить с ним в бой. Ввиду такого заявления Господа Бога, Лаван с наступлением дня пригласил Иакова для мирных переговоров и сообщил ему при этом о сновидении. Когда Иаков, доверившись этому, явился к Лавану, последний начал упрекать его, указывая на то, как он принял его, когда тот явился к нему бедным и лишенным всего необходимого, и как он без всякой зависти отнесся к увеличению его имущества. «В расчете, что таким образом усилится твое расположение ко всем нам, я отдал тебе в жены дочерей моих. Ты же, не обратив внимания ни на свою мать, ни на близкое родство, в котором ты состоишь со мною, не постыдясь ни жен своих, ни детей, дедом которых я являюсь, обошелся

со мною, как с врагом, похитил мое имущество, побудил дочерей моих к бегству от отца и ушел, украв и унеся с собою родные божества, высокочтимые моими предками и пользовавшиеся и с моей стороны немалым почитанием. Следовательно, ты поступил так, как не поступает даже неприятель по отношению к врагу своему, ты, мой родственник, сын моей сестры, муж моих дочерей, бывший гостем и домочадцем моим». На эти слова Лавана Иаков привел в свое оправдание, что любовь к родине внушил Господь Бог не ему одному, но всем людям и что вполне естественно было его стремление вернуться туда после такого продолжительного промежутка времени. «Что же касается неправильного присвоения с моей стороны твоего имущества, в чем ты меня обвиняешь,- продолжал он,- то ты сам при другом (менее пристрастном) суде явился бы виновным: ведь в то время как тебе бы следовало чувствовать к нам благодарность за то, что мы сберегли и умножили твое имущество, разве ты не грешишь относительно истины, упрекая меня в том, что мы взяли себе из этого имущества небольшую долю? Что же касается дочерей твоих, то знай, что они последовали за мною не потому, что я коварно подбил их покинуть тебя, но по собственному влечению, которое ведь и вполне уместно у замужних женщин относительно мужей своих. Впрочем, они следуют за мною не столько ради меня, сколько из-за детей своих». Это сказал [Лавану] Иаков в оправдание свое от взведенного на него обвинения в неблагопристойности, а затем обратился сам к обвинению Лавана в том, что последний, несмотря на то что он брат его матери и выдал за него замуж своих дочерей, притеснял его всевозможными затруднениями в продолжение целых двадцати лет. То, что он с ним сделал под предлогом выдачи дочери замуж, хотя и было тяжело, однако может быть названо легким в сравнении с тем, что было после брака: от этого убежал бы даже враг. И действительно, Лаван поступил крайне неприглядно с Иаковом. Так как он видел, что во всех начинаниях Господь Бог помогает Иакову, то Лаван обещал дать ему то белых, то черных ягнят приплода; и всякий раз, когда следуемый по данному Иакову слову приплод оказывался довольно значительным, Лаван не сдерживал своего обещания тотчас же, но обещал дать следующее ему на будущий год, вследствие того что не желал значительного увеличения состояния Иакова; поэтому он, ошибаясь каждый раз в своем расчете, давал зятю обещания на будущее, в чаянии, что он не оправдает возлагаемых на него надежд¹⁴³.

11. Относительно же идолов (взятых из дома Лавана) Иаков предложил обыскать его. Когда же Лаван приступил к обыску, Рахиль предусмотрительно спрятала идолов в кобуру того верблюда, на котором ехала, а сама села на нее, говоря, что у нее наступило месячное очищение. При таких условиях Лаван отказался от дальнейшего обыска, полагая, что дочь его в таком состоянии не посмеет приблизиться к идолам. Затем он дал Иакову клятвенное обещание не поминать случившегося, а Иаков поклялся ему, что [всегда] будет любить его дочерей. Этими клятвенными уверениями обменялись они на известных горных высотах, на которых воздвигли колонну в форме алтаря. Отсюда эта возвышенность получила имя Галад¹⁴⁴, вследствие чего и всю ту местность ныне называют страню Галаадскою. По заключении договора пиршеством Лаван возвратился домой¹⁴⁵.

1. В то время как Иаков продолжал свой путь в Хананею, ему являлись видения, дававшие ему прекрасные надежды на будущее. Место это Иаков назвал «станом Божиим»¹⁴⁶. Желая знать, как относится к нему его брат, он выслал вперед лазутчиков, которые должны были разведать все в точности, так как Иаков боялся со стороны Исаву прежнего нерасположения. При этом он поручил посланным сказать Исаву, что Иаков, считавший невозможным жить вместе с ним вследствие его гнева против него, добровольно покинул страну, теперь же, полагая, что наступило удобное время для примирения, возвращается назад, желая с самым ценным своим имуществом, с женами, детьми и средствами к жизни предать себя в его руки, потому что считает величайшим счастьем поделиться с родным братом всем, что даровано ему Господом Богом. Посланные сообщили об этом Исаву, который очень тому обрадовался и выступил навстречу брату с четырьмястами тяжеловооруженными воинами. Иаков же, узнав, что он идет к нему со столькими воинами, испугался, хотя стал уповать в надежде на спасение на Господа Бога и на всякий случай принял все меры предосторожности, чтобы избежать опасности как самому, так и своим домашним и одолеть врагов, если бы они вздумали обидеть его. Поэтому он разделил своих спутников на два отряда; один из них он послал вперед, остальным же приказал непосредственно следовать за первыми, для того чтобы первые могли спастись за последними, если бы, в случае нападения со стороны брата, передовой отряд потерпел поражение. Распределив таким образом свои силы, он послал нескольких человек с дарами к брату. То были вьючные животные и масса мелкого скота, о которых Иаков думал, что они вследствие недостатка в них [у Исаву] явятся в его глазах особенно ценными. Посланные между тем двигались с интервалами для того, чтобы, являясь друг за другом, казалось, что их много. Этими подарками Иаков рассчитывал смягчить гнев брата, если бы тот все еще питал к нему неприязненное чувство. Кроме того, он велел посланным обращаться к нему с ласковыми речами.

2. Употребив на эти распоряжения целый день, Иаков с наступлением ночи двинулся вперед со своими людьми. И когда они переходили через быстрый поток Иавакх¹⁴⁷, то Иаков несколько отстал от других, и тут ему представилось видение, которое вызвало его на бой. Однако Иаков одолел его, и оно заговорило с ним человеческим голосом и сказала, чтобы он радовался, так как он осилил ни больше ни меньше как посланца Божия; пусть он видит в этом предвещание великих будущих благ, что его род никогда не прекратится и что он никогда не подпадет власти человеческой; затем оно повелело ему именоваться Израилем, что на еврейском языке означает «противник ангела Божия». Все это предсказало ему видение, по настоятельной просьбе Иакова, так как последний, заметив, что то ангел Божий, просил сказать ему о будущей судьбе его. После этого сообщения видение исчезло¹⁴⁸, Иаков же в великой радости (вследствие предвещения) назвал это место Фануилом, что значит «лик Божий». А так как он после борьбы ощутил боль в одной из жил, в боку своем, то он сам стал воздерживаться от употребления в пищу этой части животных и потому также и мы не считаем ее съедобною.

3. Когда Иаков узнал, что брат его уже близок, то он велел женам своим, и притом каждой отдельно со своими прислужницами, двинуться вперед, для того чтобы они могли издали присутствовать при битве воинов, если бы на то решился Исав. Затем он и сам приблизился к брату своему, который, однако, нисколько не злоумышлял против него, и поклонился ему. Исав же обнял его и спросил, где его дети и жены, а затем, осведомившись обо всем их касающемся, предложил направиться вместе с ними к отцу; но когда Иаков указал на утомленность вьючных животных, то Исав вернулся в Сайр, где он проводил жизнь свою. Местность эта и была им

названа так по обилию его волос на теле¹⁴⁹.

1. Иаков между тем прибыл в то место, которое еще и поныне называется «Шатрами», откуда он направился к Сикиму¹⁵⁰. Это хананейский город. В то время как жители его справляли праздник, единственная дочь Иакова, Дина, вошла в город с целью поглядеть на наряды местных женщин. Увидев ее, сын царя Еммора, Сихем, похитил ее и изнасиловал, а затем стал просить отца своего позволить ему взять эту девушку в жены. Тот согласился и пришел к Иакову, прося по всем обрядам выдать Дину замуж за его сына Сихема. Не зная, что возразить на предложение это, но, с другой стороны, также не считая удобным брак дочери с иноземцем, Иаков решил успокоить его уверением, что будет поступлено сообразно с его желанием. Тогда царь вернулся назад в надежде, что Иаков устроит этот брак. Между тем последний сообщил сыновьям своим об изнасиловании их сестры и о просьбе Еммора и просил посоветовать, что предпринять. И в то время, как большинство из них в недоумении молчало, Симеон и Леви, единоутробные братья девушки, порешили между собою привести в исполнение следующий план: так как был праздник и жители Сихема предавались развлечениям и пиршествам, то они ночью напали сперва на стражу и перебили ее во сне, а затем, проникнув в город, перерезали всех мужчин, и вместе с ними царя и царского сына; одних женщин они пощадили. Сделав все это без ведома отца своего, они привели назад сестру.

2. Этим жестоким поступком Иаков был крайне поражен и очень разгневался за него на сыновей своих. Тогда явился ему Господь Бог, повелел ему успокоиться, подвергнуть «Шатры» очищению и принести Ему те жертвы, относительно которых Иаков дал обет после сновидения при своем путешествии в Месопотамию. И вот, когда Иаков приступил к очищению своих спутников, то он наткнулся и на идолов Лавана (он совершенно не знал, что их похитила Рахиль) и зарыл их в Сихеме в землю под дубом. Выступив затем оттуда, он совершил жертвоприношение в Вифиле, где он раньше, при своем путешествии в Месопотамию, видел сон.

3. Когда он, покинув это место, прибыл к Эвфратане, то ему пришлось похоронить здесь Рахиль, умершую в родах, единственную из семейства, которая не удостоилась чести быть погребенной в Хеброне. Горько оплакав ее, Иаков назвал родившегося от нее младенца Венямином, вследствие той боли, которую он причинил матери своей. Вот это и все дети Иакова, двенадцать сыновей и одна дочь. Из них восемь было законных: шестеро от Лии, двое от Рахили; четверо от прислужниц, по двое от каждой. Имена всех их я привел уже выше (Ср. [Быт 33.17](#) — [Быт 34.31](#); [Быт 35.1—26](#)).

Отсюда Иаков прибыл в город Хеброн, расположенный в Хананее. Там жил Исак. Они лишь короткое время прожили вместе. Ревекку Иаков уже не застал в живых. И Исак умер вскоре после прибытия своего сына и был погребен детьми своими в Хеброне рядом с женою своею в родовой усыпальнице предков. Иаков же пользовался любовью Господа Бога и большим Его расположением, как и Аврам, предок его, и достиг глубокой старости, потому что, прожив добродетельно сто восемьдесят пять лет, он так же благочестиво и умер (Ср. [Быт 35.27—29](#)).

Предисловие

Во второй книге Иосиф Флавий редко отходит от сюжетной линии Ветхого Завета, хотя в интересных для него местах делает пространные художественные экскурсы. Расселение сыновей Исава в Каменистой Аравии не совпадает с данными Евсевия и других авторов. Подробный рассказ об Иосифе Прекрасном, в сравнении с библейским, имеет некоторые сюжетные перестановки. Иосиф не скрывает своих симпатий к личности старшего из братьев Иосифа Прекрасного — Рувила.

Жизнеописание Моисея, предложенное Иосифом Флавием, заметно отличается от библейского. Здесь есть и отсутствующие в Ветхом Завете предсказания о судьбе Моисея, которые были сделаны еще до его рождения, и подробные сведения о его родителях. Рассказы об эфиопском походе Моисея, о зависти к нему египтян, о вынужденном его появлении в Троглодите, о приключении с дочерьми Рагуила и дружбе с ним — все это напоминает популярные сказочные сюжеты.

1. После смерти Исака сыновья его не остались жить на прежде занятых местах¹⁵¹, но поделили владения между собою таким образом, что Исав предоставил брату своему город Хеброн, сам поселился на жительство в Сайре и стал править Идумею, как он назвал ту страну по своему имени¹⁵²; он ведь носил прозвище Эдома, которое получил по следующей причине: будучи еще мальчиком, он однажды вернулся домой с охоты усталый и голодный, и тут он встретил брата, который только что сварил себе к завтраку совершенно красную и потому еще более привлекательную чечевичную похлебку. Тогда Исав попросил брата дать ему отведать от нее, а Иаков, хитро воспользовавшись голодом брата, предложил ему взамен этого блюда отказаться от права перворождения. Исав действительно клятвенно отказался от этих прав, побуждаемый к тому сильным голодом. Будучи поэтому вследствие красного цвета того кушанья в шутку прозван сверстниками своими Эдомом (этим словом евреи означают красный цвет)¹⁵³, он дал это имя и стране, тогда как греки называли ее более благозвучным именем — Идумею.

2. Исав был отцом пятерых сыновей, из которых Иаус, Иеглом и Корей происходили от жены его Олиамы, остальные же — Елифаз от Ады, а Рагуил от Васемафы. То были сыновья Исава. У Елифаза родилось пять законных сыновей: Феман, Оман, Софар, Гофам и Кенез; Амалек же был незаконным, так как происходил от наложницы именем Фамнаи. Они населяли ту часть Идумеи, которая носит название Говолиты, и Амелекиту¹⁵⁴, получившую имя свое от Амалека. С течением времени расширившаяся Идумея сохранила общее свое название, тогда как отдельные части ее стали именоваться по древнейшим своим обитателям (Ср. [Быт 36.1—12](#)).

1. Иакову выпало на долю такое великое благополучие, которое не часто достается другим людям. Он не только превосходил своим богатством остальных жителей страны, но он прославился также и был предметом зависти за прекрасные качества сыновей своих, так как у них не было недостатка ни в чем, и к тому же они обладали особенными способностями к различного рода работам, легко переносили всякие невзгоды и отличались выдающимися умственными дарованиями. Господь Бог так заботился о нем и старался о его благополучии, что обратил даже кажущиеся бедствия Иакова в обильные блага и сделал его и его потомков причиной выхода наших предков из Египта. Произошло это следующим образом: Иаков любил предпочтительно пред всеми остальными сыновьями своими Иосифа, которого родила ему Рахиль и который отличался особенно красотой телесною и душевною добродетелью (выдаваясь также умом). Однако в братьях возбудила зависть и недоброжелательство, с одной стороны, любовь к нему отца, а с другой — то обстоятельство, что он сообщал отцу и им о тех прекрасных, предвещавших ему великую будущность сновидениях, которые он имел. Ведь люди, и даже наиболее близкие, обыкновенно завидуют нашему счастью. Сны, которые видел Иосиф, были такого рода.

2. Когда он во время жатвы был вместе с братьями послан отцом для сбора плодов, ему приснился сон, значительно отличавшийся от прежних обычных его сновидений. По пробуждении своем Иосиф рассказал этот сон своим братьям, чтобы те объяснили его ему, а содержание его было следующее: с наступлением ночи ему представилось, что его сноп остался неподвижен на том месте, на которое он его поставил, их же снопы приблизились к нему и поклонились ему, как рабы пред господами. Так как братья поняли, что этот сон предвещает Иосифу будущую силу, могущество и власть над ними, то они не объяснили Иосифу ничего этого, как будто они не поняли сна, но искренно пожелали, чтобы не случилось ничего, что предвещало им это сновидение; они стали с этих пор еще недружелюбнее относиться к брату.

3. В воздаяние за их завистливое отношение к Иосифу Господь Бог послал ему сон еще более удивительный, чем предшествующий. Иосифу показалось, что солнце вместе с луною и прочими планетами сошли на землю и преклонились перед ним. Не подозревая никакой гнусности со стороны братьев, Иосиф в присутствии их сообщил об этом сновидении отцу своему, прося последнего истолковать ему значение этого сна. Отец остался доволен этим видением: так как он понял смысл сновидения и вполне умно и правильно постиг его, то он возрадовался великому предвещанному сыну счастью. Поэтому он сказал сыну, что сон предвещает счастье, что придет время, когда по воле Господа Бога Иосиф будет предметом почитания со стороны родителей и братьев и удостоится их поклонения; при этом он сравнил луну и солнце с матерью и отцом, из которых первая все заставляет расти и питает, второе же дарует всему форму и силу, а братьев со звездами, потому что последних было так же, как и звезд, одиннадцать, которые получают силу свою от солнца и луны¹⁵⁵.

4. Такое истолкование сна со стороны Иакова было вполне правильно. Между тем это предвещание крайне огорчило братьев Иосифа, и они стали относиться к этому так, как будто предсказанные в сновидении блага достанутся какому-нибудь постороннему, совершенно чужому для них человеку, а не родному брату, с которым, ввиду общего их с ним происхождения, им пришлось бы делиться и будущим его благополучием. И вот они даже решили погубить юношу. Сговорившись относительно этого намерения, они отправились по окончании жатвы в Сихем (ввиду того что эта местность очень удобна и пригодна для скотоводства) и стали там пасти скот, не предупредив, однако, отца о своем прибытии туда. Так

как Иаков ничего об этом не знал и от сыновей к нему не был прислан никто из пастухов, который был бы в состоянии объяснить ему о них точные сведения, то он сильно стал беспокоиться и волноваться о них и поэтому послал Иосифа к стадам, чтобы он узнал о братьях своих и сообщил ему, как они поживают (Ср. [Быт 37.1—18](#)).

1. Когда же братья увидели Иосифа, то обрадовались, впрочем, не прибытию родственника и посланца от отца, но приходу врага своего, которого Сам божественный Промысел отдал в их руки. И вот, не желая упускать столь удачно представившийся им случай, они собрались [тотчас же] убить Иосифа. Видя это намерение братьев, старший из них, Рувил¹⁵⁶, стал пытаться удержать их от этого поступка, причем указал на всю преступность и гнусность такого деяния, говоря, что если в глазах Предвечного и людей убийство совершенно постороннего человека является позорным, то гораздо большим преступлением явится братоубийство. Вместе с братом это преступление простирается также на отца и на мать, которые подвергнутся незаслуженному горю при потере сына, да еще притом неестественною смертью. Итак, если Они постыдятся причинить это горе родителям и в то же время подумают о себе, что бы они почувствовали, если бы у них самих умер младший, и притом хороший сын, то пусть, убеждал он их, они воздержатся от своего преступного намерения и побоятся Господа Бога, который, видев все это и быв свидетелем их коварного замысла против брата, простит их, если они откажутся от приведения его в исполнение, раскаются и будут держаться лучшего образа мыслей. Если же они все-таки совершат это преступление, то Господь Бог не пощадит средств к отмщению им за братоубийство, Он, которого вездусущее Провидение, не остающееся без ведома ни о том, что случается в пустынном месте, ни о совершаемом в [многолюдных] городах, они оскорбят; ибо где бы ни находился человек, там следует предполагать и присутствие Господа Бога. Также и собственная совесть, говорил он, будет мучить их за совершенное преступление, совесть, голоса которой, будь она чиста или такова, как у них по убиении родного брата, невозможно избежать. К этим словам своим он прибавил еще, как несправедливо убивать брата, даже в чем-нибудь провинившегося, и как прекрасно не поминать лихом родственника, даже если он в чем-нибудь согрешил. Между тем они собираются загубить Иосифа, который не провинился ни в чем относительно их и который по юности своей скорее нуждается в нашей защите, милосердии и попечении. Кроме того, и самый повод к убиению его усугубляет гнусность их намерения, так как они решили лишить его жизни из зависти к будущему счастью его, тогда как они по праву могли бы сделаться участниками этих благ: ведь они не чужие ему, но близкие родные. На все, что Господь Бог дарует Иосифу, им следовало бы смотреть, как на дарованное и им самим; поэтому-то, следовательно, они могут быть убеждены и в том, что гнев Господен будет ужаснее, если они убьют человека, которого сам Предвечный счел достойным столь великих будущих благ, и если они тем самым отнимут у Господа Бога того, которого Господь собрался одарить такими милостями¹⁵⁷.

2. Такими и еще более настоятельными просьбами Рувил пытался удержать их от братоубийства. Когда же он убедился, что от его слов они нисколько не смягчатся, но даже еще более спешат избавиться от Иосифа, то он стал уговаривать их как-нибудь облегчить ему самый способ смерти. Конечно, было бы лучше, говорил он, если бы послушались его первоначальных убеждений; раз они непременно настаивают на необходимости во что бы то ни стало убить брата, то они, по крайней мере, не навлекут на себя столь тяжкой вины, если послушаются теперь его совета: таким образом они хотя и достигнут своей цели, но все-таки более легким способом. Именно он стал упрашивать их лично не налагать рук на брата своего, но бросить последнего в близлежащую цистерну и дать ему там умереть: таким образом они, по крайней мере, выгадают то, что не запятнают рук своих его кровью. Получив на это согласие братьев, Рувил взял Иосифа и на канате осторожно спустил в цистерну, в которой, кстати, не было воды. Сделав это, он удалился, чтобы пойти искать удобных пастбищ.

3. Между тем Иуда, также один из сыновей Иакова, увидел арабских купцов из племени измаильского, которые везли пряности и другие сирийские товары в Египет из Галаада, и дал, ввиду отсутствия Рувила, братьям совет — вытащить [из цистерны] Иосифа и продать его арабам, потому что таким образом Иосиф умрет на чужбине среди иностранцев, а они сами не запятнают рук своих его кровью¹⁵⁸. И так как предложение это им понравилось, то они извлекли Иосифа из цистерны и отдали его купцам за двадцать серебряников¹⁵⁹. Иосифу было тогда семнадцать лет. Рувил же ночью пошел к цистерне, имея в виду тайком от братьев спасти Иосифа. Когда же Рувил на зов свой не получил ответа, то очень испугался, что братья убили мальчика после его ухода, и стал осыпать их упреками. Когда же те рассказали ему все дело, Рувил несколько успокоился.

4. После того как братья поступили таким образом с Иосифом, они стали советоваться между собою, что им делать, чтобы отвратить от себя подозрение отца. И вот они решили разорвать и забрызгать кровью козла одежду, в которой явился к ним Иосиф и которую они сняли с него, когда спустили его в цистерну, отнести ее к отцу и сказать, что Иосифа, вероятно, разорвали дикие звери. Решив это, они явились к старцу, который между тем уже получил известие о несчастье, приключившемся с сыном¹⁶⁰, и сказали, что не видали Иосифа и не знают, какая беда постигла его, что они нашли эту забрызганную кровью и разодранную одежду его, откуда у них возникает подозрение, что он погиб от лютых зверей, если только он в ней был послан из дому. Иаков, который до тех пор питал еще слабую надежду, что, быть может, Иосиф попался кому-нибудь в руки и уведен в рабство, потерял теперь и ее, когда убедился, что одежда (в ней он узнал именно ту, в которой послал сына своего к братьям) служит непреложным знаком его смерти, и стал с тех пор оплакивать юношу, как безусловно умершего. И он печалился о нем, как будто то был его единственный сын и как будто он лишился всякого другого утешения, полагая, что Иосиф был разорван дикими зверями раньше прихода своего к братьям. И вот он облекся в мешок и был так удручен печалью, что сыновья никак не были в состоянии утешить его, и не прекращал, несмотря на полное истощение от трудов, постоянного изъясления своего глубокого горя (Ср. [Быт 37.16—21](#)).

1. Иосифа купил у купцов¹⁶¹ Петефрес, египтянин, один из заведующих кухнею фараона¹⁶². Он относился к Иосифу с полной предупредительностью, стал обучать его разным вещам, как будто бы тот был человеком свободным, и велел кормить его гораздо лучше, чем подобало рабу. Наконец он сделал его заведующим всем его домом.

Иосиф пользовался всеми этими преимуществами, но не отступал, несмотря на этот поворот к лучшему в его судьбе, от обычной своей добродетели и даже доказал, что рассудительность вполне может померяться со всеми превратностями жизни, если обладаешь ею в чистом виде, а не сообразуешь ее только со случайно удачно сложившимися обстоятельствами.

2. Дело в том, что когда жена его господина, влюбившаяся в него за его красоту и ловкость, с которой он исполнял все даваемые поручения, и полагавшая, что, если она сообщит ему об этом, легко убедит его сблизиться с нею и что он даже сочтет такое желание со стороны своей госпожи за счастье (она имела в виду только его положение раба, но не сообразила, что Иосиф, несмотря на перемену своего общественного положения, не изменил своих взглядов на вещи), открыла ему свою страсть и стала уговаривать его сойтись с нею, то он решительно отверг это ее вожделение: он считал непозволительным согласиться на такое ее предложение, исполнение которого навлекло бы на господина, его купившего и удостоившего его таких милостей, позор и было бы по отношению к нему преступлением. Вместе с тем он стал убеждать ее обуздать свою страсть и ответил ей решительным отказом когда-нибудь согласиться на ее желание, будучи уверен, что, лишив ее надежды на это, будет оставлен ею в покое. Сам он, продолжал Иосиф, готов скорее решиться на все, что угодно, чем послушаться ее в этом деле. Хотя он, как раб, и обязан ни в чем не противиться госпоже своей, тем не менее его неповиновение в таком случае, как этот, может иметь свое оправдание. Между тем она, не предвидевшая сопротивления со стороны Иосифа, еще более возгорелась страстью к нему и, охваченная вполне этой страстью, решила вторично попытаться склонить его.

3. А именно, когда вскоре случайно пришелся общественный праздник, на который был открыт доступ и женщинам, она притворилась перед мужем больной, желая остаться одной дома и тем иметь возможность [еще раз] обратиться со своею просьбою к Иосифу. Когда же ей представился этот случай, то она стала умолять Иосифа еще неотступнее и льстить ему, говоря, что он поступил хорошо, что отказал ей в первой просьбе, из уважения к ней, но что она не в состоянии долее выдерживать этих мук, страдая от которых она, невзирая на то, что она его госпожа, забыла о его непочтении к ней, и чтобы он теперь был благоразумнее и исправил то, что он раньше совершил по неведению. Ибо если он ожидает вторичного приглашения, то вот оно, и притом более настоятельное [чем прежде]: ведь она притворилась больной и предпочла многолюдному празднеству сближение с ним; если же ее первые убеждения по недоверию остались тщетными, то он не должен видеть преступления в том, что она все-таки стоит на своем. Ему следует подумать о выгоде своего теперешнего положения и какими он уже теперь пользуется преимуществами, и о том, что эти преимущества еще значительно увеличатся, если он любовно сойдется с нею; если же он откажет ей в просьбе и если предпочтет свою мнимую скромность исполнению желания госпожи своей, то она обещала ему со своей стороны ненависть и месть: ему не поможет тогда ничто, потому что она сама взведет на него перед мужем, хотя бы и лживое, обвинение. Петефрес же, конечно, скорее поверит ее словам, чем его, хотя бы ее речи и были в значительной степени далеки от истины.

4. Несмотря на эти слова и на слезы ее, Иосифа, однако, не побудили к необдуманности ни

жалость к ней, ни страх [за будущее], и он противостоял ее мольбам и не склонился на угрозы, не боясь будущих незаслуженных страданий; напротив, он предпочитал скорее испытывать еще большие неприятности, чем вкусить теперь от удовольствия, за пользование которым, как он сам прекрасно сознавал, ему пришлось бы совершенно справедливо погибнуть. Поэтому он стал напоминать ей, что она ведь женщина замужняя, живущая со своим мужем, и что поэтому ей следует скорее пользоваться этими правами, чем случайным удовлетворением вспыхнувшей страсти; при этом он указал ей еще на то, что при недозволенном сожитии за раскаянием последует у нее душевное терзание, и притом не в том смысле, чтобы искупить свое падение, а от ужасной мысли, что оно откроется и при стараниях всячески скрыть его, тогда как совместная жизнь с мужем является непредставляющею ни одной подобной опасности. Кроме того, Иосиф особенно выставил на вид преимущество чистой совести как пред Господом Богом, так и пред людьми, как она (т.е. жена Петефреса), оставаясь чистою, будет находить его еще более покорным слугою и сможет еще более применять к нему свою господскую власть, чем когда ее будет мучить стыд за совместно совершенный проступок. Лучше полагаться на свой открытый и безупречный образ жизни, чем на тайный разврат.

5. Такими и еще многими другими подобными речами, Иосиф пытался сдержать порыв женщины и направить ее мысли на правильный путь. Однако та еще более возгорела преступною страстью и, охватив его руками, хотела насильно заставить повиноваться ей. Когда же Иосиф в негодовании вырвался от нее и, выскочив из ее комнаты, оставил при этом в ее руках свой плащ, то она, испугавшись, как бы Иосиф не рассказал всего ее мужу, и чувствуя себя тяжело уязвленной в своем самолюбии, немедленно решила оклеветать Иосифа пред Петефресом и таким образом отомстить ему; при этом она сочла единственно разумным и соответствующим ей, как женщине, предупредить жалобу Иосифа и первой взвести на него обвинение. Поэтому она села, приняв расстроенный и подавленный вид, заменив гнев свой за неудавшееся утоление страсти притворною печалью, якобы над попыткою изнасиловать ее. Когда же вернулся ее муж и, пораженный ее видом, спросил, что случилось, то она начала обвинять Иосифа, говоря: «Ты, супруг мой, недостойн долгие оставаться в живых, если не накажешь гнусного раба своего, который осмелился совершить попытку осквернить ложе твое; он совершенно забыл, в каком виде он был принят в дом наш, какими знаками милости ты осыпал его, но в гнусной неблагодарности за все это к нам он задумал посягнуть на твои супружеские права, и все это во время праздника, воспользовавшись для того твоим отсутствием. Если он и казался раньше скромным, то он притворялся таким только из страха перед тобой, а не потому, что был таковым по природе. Таким, конечно, сделали его твои милости и надежда добиться еще более почетного положения, как и можно было ожидать от человека, которому удалось добиться доверия во всех твоих делах, прибрать в свои руки все управление домом и стать выше всех остальных, более старых слуг в доме, и который счел себя теперь вправе посягнуть даже и на жену твою». При этих словах она показала мужу и плащ, который Иосиф, при попытке изнасиловать ее, якобы оставил тут [163](#). Петефрес, при виде всего этого и слез жены, нисколько не сомневаясь в ее словах и не подумав, при своей безграничной любви к ней, даже о необходимости исследовать все дело и выяснить истину, похвалил жену свою за добродетель, распорядился заключить Иосифа, которого считал гнусным преступником, в тюрьму и почувствовал к жене своей еще большее расположение, восхваляя ее порядочность и благонравие (Ср. [Быт 37.36](#); [Быт 39.1—20](#)).

1. Иосиф же, всецело предав судьбу свою в руки Господа Бога, не подумал даже оправдываться или объяснить истинный ход всего дела, молча подвергся насилию и отправке в темницу, будучи в полной уверенности, что раз Всевышний знает причину его несчастья и всю правду. Он проявит Свою силу над людьми, посадившими его в темницу. И действительно, вскоре Иосифу представился случай убедиться в основательности своего упования на милость Божию. Узнав добросовестность и заботливость Иосифа во всем, к чему бы его ни приставить, и тронутый его красотой, начальник тюрьмы освободил его от оков, облегчил ему по возможности тягость тюремного заключения и велел кормить его лучшей пищей, чем других узников. И вот случилось, что последние, отдыхая от тяжелой работы своей, разговаривали между собой и участливо, как это обыкновенно бывает среди товарищей по несчастью, разузнавали друг от друга о причинах своего наказания. Между этими арестантами находился также и некогда пользовавшийся у царя большою милостью виночерпий, который в минуту царского гнева был брошен в темницу. Будучи скован одною цепью с Иосифом, он привык к последнему и полюбил его; ставя высоко ум юноши, он рассказал ему однажды сон, который он видел, и просил истолковать его смысл, причем был крайне недоволен, что к горю, причиненному ему фараоном, присоединяются еще мучения и заботы, посылаемые ему Божеством в форме сновидений.

2. Итак, он рассказал Иосифу, что ему приснилась виноградная лоза с тремя отпрысками, на каждом из которых висели большие и вполне зрелые грозди; их он сам выдавил в чашу, которую держал царь, процедил затем напиток и дал его выпить фараону, причем последний принял его с удовольствием. Таков то был сон, сказал он и попросил, если Иосиф сможет истолковать его, объяснить ему значение этого сновидения. Иосиф же посоветовал ему успокоиться и рассчитывать на то, что через три дня он будет освобожден от оков, так как царь захочет видеть его снова среди слуг своих и вновь поставит его на прежнюю службу. Виноградные плоды, пояснил он. Господь Бог даровал людям на радость, подобно тому как виноградная кисть служит предметом их жертвоприношения Ему Самому, так она вызывает и между людьми доверие и дружбу, уничтожая вражду, отнимая у них горе и печали и побуждая их к веселью. «Ты говоришь, что ты выдавил своими собственными руками сок из трех кистей и подал царю. Знай же, что ты видел хороший сон, предвещающий тебе избавление от этого заточения по истечении стольких дней, из скольких кистей ты во сне выдавил сок. Когда же ты убедишься в справедливости этого, то вспомни о том, который дал тебе это хорошее толкование, и, будучи на свободе, не забудь меня, которого ты тут оставишь, в то время как ты уйдешь, сообразно моему толкованию. Ведь я попал без всякой вины в тюрьму, но терплю это наказание, как преступник, за добродетель и скромность, в силу нежелания путем собственного благополучия опозорить человека, так со мною поступившего». Виночерпий, естественно, крайне обрадовался, когда услышал такое истолкование сна, и стал выжидать предвещанных последствий.

3. И вот другой узник, попавший в тюрьму вместе с виночерпием, именно начальник над царскими пекарями, преисполнился добрых надежд, после того как Иосиф указанным образом истолковал сновидение (он и сам видел сон), и стал просить Иосифа сказать, что означает сновидение, которое у него было предыдущею ночью, а именно: «Мне показалось, будто я нес на голове три корзины; из них две были полны хлеба, а третья наполнена мясом и другими съестными припасами, которые обыкновенно подаются царю; на это налетели большие птицы и пожрали все, сколько я ни старался отогнать их». Он думал, что толкование этого сна будет

подобно истолкованию сна виночерпия. Между тем Иосиф, внимательно обдумав этот сон и сказав, что ему хотелось бы быть истолкователем лучшего, чем предвещаемое, по его мнению, этим видением, сообщил, что пекарю придется жить еще только всего-навсего два дня (это означают корзины), а на третий он будет распят и станет добычей хищных птиц, причем нет никакой возможности отвлечь такое горе. И действительно, как Иосиф сказал, так и случилось: когда на третий день царь праздновал свое рождение, то он велел казнить начальника хлебопеков, а виночерпия освободить из тюрьмы и поставить на прежнюю должность.

4. После того как Иосиф два года протомился в заключении, не получив в воспоминание за предсказание от виночерпия никакой помощи. Господь Бог сам освободил его из темницы, устроив это следующим образом: царь-фараон увидел в одну ночь два сна и получил для каждого из них два истолкования, которые он забыл, хотя и помнил самые сны ¹⁶⁴. Будучи сильно озабочен этим (тем более что сны казались ему зловещими), он с наступлением дня созвал самых ученых египтян и попросил их изложить ему значение его сновидений. Когда же те смутились, то царь заволновался еще более. Увидя царя в таком состоянии, виночерпий вспомнил об Иосифе и его умении разгадывать сны, предстал перед фараоном и рассказал ему об Иосифе: как ему самому в темнице приснился сон, как тот ему изложил его и как все это точно исполнилось, а именно, что в указанный день начальник хлебопеков действительно был казнен и как ему самому вышло все то, что предрек ему Иосиф; что Петефрес, начальник поваров, велел его, раба своего, отправить в заточение; что Иосиф называет себя евреем и происходит из славной семьи. «Пошли за ним, невзирая на то, что он находится в положении преступника, и узнаешь от него значение своих сновидений». Тогда царь повелел привести к нему Иосифа, а посланные за ним облекли его в лучшие одежды и привели в надлежащий вид, чтобы он мог предстать перед фараоном.

5. Схватив Иосифа за руку, последний обратился к нему со следующими словами: «Юноша (о выдающихся твоих качествах и уме твоём мне только что было сообщено со стороны одного из моих слуг), прояви и по отношению ко мне ту же самую доброту, которой ты удостоил его, сказав мне, что означают виденные мною сны. Только я желаю, чтобы ты из ложного страха не скрывал от меня ничего и не говорил, из желания польстить или доставить мне удовольствие, какую-нибудь неправду, хотя бы истина и оказалась зловещею. Мне казалось, что, гуляя по берегу реки, я вижу семь упитанных и отменной величины коров, которые выходили из воды и направлялись к низине, и что семеро других, но очень тощих и страшных на вид, вышли из болота навстречу первым; при этом тощие коровы, пожрав жирных и больших, нисколько не поправились, но оставались такими же истощенными и голодными, как и раньше. Проснувшись от этого сна в большом волнении, что могло бы означать это мое видение, я вскоре вновь заснул и увидел второй сон, еще гораздо более странный, чем первый, который меня еще более испугал и смутил. Я видел, как из одного стебля выросло семь колосьев, которые были полны, клонились под тяжестью зерен и вполне зрелы; а рядом с ними я увидел семь других стеблей, крайне сухих, тощих и хрупких, которые склонились в сторону зрелых колосьев, чтобы пожрать их. Тем они вызвали во мне ужас и трепет».

6. В ответ на это Иосиф сказал: «Царь! Хотя данное сновидение представилось тебе и в двух видах, однако оно допускает только одно-единственное толкование. То, что ты видел коров, т.е. животных, припрягаемых к плугу, и что они были пожраны более тощими коровами, равно как то, что [хорошие] колосья были пожраны дурными колосьями,- все это предвещает Египту голод и бесплодие в продолжение стольких лет, сколько страна до того будет пользоваться обилием всех благ земных, и что запасы урожайных лет будут истреблены недостатком стольких же последующих голодных лет. И при этом нужда дойдет до крайних

пределов. Признаком этого служит то обстоятельство, что тощие коровы, несмотря на то что пожрали лучших, тем не менее не могли поправиться. Не за то Господь Бог раскрывает людям будущее и не для того, чтобы повергать их в печаль и горе, а для того, чтобы они, зная вперед имеющее случиться, придумали средства к более легкому перенесению предсказанных бедствий. Поэтому и ты, если будешь бережно обходиться с изобилием, которое дадут тебе первые годы, сможешь облегчить египтянам ожидающее их затем бедствие»¹⁶⁵.

7. Выразив свое удивление по поводу рассудительности и мудрости Иосифа, фараон расспросил его также, каким образом следует устроить сбережение во время урожайных лет на следующие годы, чтобы облегчить период бесплодия. На это Иосиф посоветовал ввести самую полную экономию в израсходовании запасов, не давать египтянам расточительно обходиться с ними, но повелеть им откладывать на черный день все то, что не пойдет им на пропитание тотчас же. При этом он посоветовал также царю велеть земледельцам доставлять себе весь хлеб и откладывать его, выдавая им лишь необходимое на пропитание. Фараону в одинаковой мере понравилось остроумие Иосифа как в изложении сновидений, так и в сообщении такого совета, и он поручил ему все это дело, разрешив ему поступать по своему личному усмотрению, как он найдет наиболее целесообразным не только для массы египетского народа, но и для самого царя, потому что лицо, изыскавшее известный образ действия в том или другом деле, будет и наилучшим исполнителем этого дела. Иосиф же, получив от царя такую власть, что мог носить его собственный перстень [с печатью] и облекаться в багряницу¹⁶⁶, стал на колеснице объезжать всю страну и собирать хлеб у земледельцев, оставляя им лишь необходимое для собственного их употребления и будущего посева и не объясняя никому причины такого поступка¹⁶⁷.

1. Иосифу тогда минуло ровно тридцать лет¹⁶⁸; он пользовался теперь со стороны царя всяческими почестями, и фараон, ввиду его необычайного ума, дал ему прозвище Псофомфанеха, что значит «раскрывающий скрытые вещи»¹⁶⁹.

Ввиду всего этого Иосиф женился на знатной девушке, получив, благодаря содействию царя, в жены дочь Петефрея¹⁷⁰, одного из жрецов гелиополитанских, именем Асенеф. От нее родились у него еще до наступления голодных лет сыновья: старший Манассия (что значит «наводящий забвение», так как в теперешнем счастье своем Иосиф предал забвению прежнее свое несчастье), а второй Ефраим, что значит «восстановитель», потому что [при рождении его] Иосиф восстановил себе прежнюю свободу своих предков¹⁷¹.

После того как, сообразно с толкованиям Иосифа, Египет пользовался семь лет полным благополучием, на восьмой год наступил голод, и так как бедствие нагрянуло неожиданно, то все в великом смущении направились к дворцу фараона. Последний же призвал Иосифа, и он стал раздавать им хлеб, так что он, по общему мнению, явился теперь истым спасителем толпы. При этом Иосиф не только отдавал хлеб туземцам, но предоставил и иноземцам возможность покупать его, так как он был того мнения, что все люди, ввиду общего их происхождения, должны пользоваться поддержкой со стороны тех, кто имеет в чем-либо избыток¹⁷².

2. Так как и Хананея сильно пострадала от неурожая (это бедствие распространилось по всей земле), то и Иаков послал всех сыновей своих в Египет для закупки хлеба, когда узнал, что туда допускаются также иноземцы. Одного Венъямина, сына своего от Рахили, единоутробного брата Иосифа, оставил он при себе. И вот братья прибыли в Египет и пришли к Иосифу с просьбой разрешить им покупку хлеба, так как тогда ничего не делалось без его ведома и только в том случае можно было поклониться в то время царю, если засвидетельствуешь свое почтение Иосифу.

Иосиф признал в них своих братьев, несколько не подозревавших, что это он, потому что он расстался с ними, когда сам был еще мальчиком, а теперь он был уже в таком зрелом возрасте, да и лицом изменился до неузнаваемости, тем более что им никак не могла прийти в голову мысль, чтобы он мог достигнуть столь высокого положения. Поэтому он решился выяснить себе теперешний их образ мыслей. Ввиду этого он отказал им в выдаче хлеба, указывая на то, что они явились сюда в качестве разведчиков политического положения дел, собрались из разных мест и только притворяются родными братьями: совершенно немисливо, чтобы у простого человека было столько и тем более таких видных собою сыновей, так как подобного рода явление бывает даже редкостью у царей. Все это Иосиф сделал для того, чтобы разузнать кое-что об отце и о его житье-бытье с тех пор, как он расстался с ним, и равным образом из желания узнать что-нибудь о своем брате Венъямине; тем более что он боялся, не развязались ли они и с ним таким же способом, на какой решились по отношению к нему самому.

3. Братья страшно встревожились и испугались, предполагая, что им угрожает величайшая опасность; при этом они, конечно, были далеки от мысли о брате. Придя несколько в себя, они стали оправдываться во взводимых на них обвинениях, причем от имени всех их как старший начал речь Рувил. «Мы, - сказал он, - явились сюда без всяких преступных замыслов и несколько не злоумышляя против царя, но для того, чтобы найти здесь спасение и помощь в постигших страну нашу бедствиях; при этом мы рассчитывали на ваше человеколюбие, так как слышали, что тут производится продажа хлеба не только жителям собственной страны, но и чужеземцам, и так как узнали, что вы решили оказать поддержку всем в ней нуждающимся. А что мы братья

и что в нас течет одна и та же кровь — это явствует уже из нашего между собою сродства, которое, конечно, не случайное; отец наш Иаков, еврей, у которого нас двенадцать человек сыновей от четырех жен. Когда все мы были вместе, нам жилось хорошо; когда же умер один из наших братьев (именно Иосиф), то дела наши приняли дурной оборот, так как и отец наш глубоко о нем скорбит, и мы сильно опечалены как его потерю, так и горем престарелого отца. Теперь же мы явились сюда для закупки, поручив уход за отцом и заведывание нашим домом младшему своему брату Венъямину. Ты сможешь сам убедиться в том, сказали ли мы тебе правду, если только пошлешь к нам домой».

4. Такими словами Рувил старался расположить Иосифа в свою пользу. Тот же, узнав, что отец еще жив и брат не убит, приказал посадить их в тюрьму, как бы для того, чтобы при случае подвергнуть их допросу под пыткой. На третий же день он велел их привести и сказал: «Так как вы настаиваете на том, что явились сюда без злых умыслов против царя, называете себя братьями и приводите даже имя вашего отца, то вы заставите меня вполне поверить этому, если оставите у меня одного из своих братьев, которому здесь не будет причинено ни малейшего зла, отвезете хлеб к отцу своему и затем вернетесь сюда назад ко мне совместно с тем своим братом, которого, как вы утверждаете, вы оставили там; это и будет доказательством истины [ваших заявлений]». Тогда братья переполошились еще более, разрыдались и стали друг друга укорять в гибели Иосифа, говоря, что им послана эта беда в виде наказания Господа Бога из-за него. Рувил же стал им особенно усердно указывать на тщетность такого изменения мыслей, от которого Иосифу уже не будет никакой пользы, и стал настойчиво требовать, чтобы они твердо переносили свое горе, которое послал им Господь в возмездие за Иосифа. Так говорили они между собою, не предполагая, чтобы Иосиф понимал язык их. Вследствие слов Рувила всех охватило глубокое раскаяние в совершенном поступке, за который, по их убеждению, они теперь, по постановлению Господа Бога, терпят заслуженное наказание. Видя их в таком беспомощном состоянии, Иосиф сам горько заплакал, но, не желая это показывать братьям, удалился, а затем уже снова вышел к ним. Удержав Симеона в качестве заложника и поручителя в возвращении братьев, он дал им возможность закупить хлеб и позволил уехать, причем повелел своему слуге тайно вложить в их мешки деньги, которые они привезли с собой для закупки хлеба, и дать им уехать с ними.

5. Слуга исполнил повеление. По прибытию в Хананею, сыновья Иакова рассказали отцу все случившееся с ними в Египте: как их приняли за соглядатаев, как они рассказали, что они братья и явились, оставив одиннадцатого брата дома у отца, как они оставили Симеона у правителя [египетского], пока Венъямин не явится к последнему в подтверждение справедливости их слов. Затем они стали упрашивать отца, чтобы он без опасения отпустил с ними юношу. Иаков же был вне себя от того, что сделали сыновья его, и, горюя о задержании Симеона, считал безумным подвергнуть той же участи и Венъямина. И несмотря на все упрашивания Рувила и на то, что тот предоставлял ему в полное распоряжение своих собственных детей, так что, если бы с Венъямином приключилось что-нибудь во время путешествия, дед мог бы убить их, старик все-таки не соглашался. Братья же были в крайнем смущении от всех этих несчастий, а еще более смущали их деньги, которые они нашли скрытыми в своих мешках с хлебом. Когда же привезенный ими хлеб стал приходить к концу, а голод все более усиливался, Иаков в такой крайности решился отпустить с братьями Венъямина, так как им нельзя было вернуться в Египет, не исполнив возложенного поручения. Он при существовавших условиях не имел возможности поступить иначе, тем более что бедствие росло с каждым днем, да к тому же присоединялись неотступные просьбы сыновей. Особенно Иуда, человек по природе крайне решительный, стал настаивать на том, что Иакову не подобает ни бояться за брата, ни предполагать ничего опасного [для него], так как все, что бы ни случилось с

братом, будет зависеть от воли Господа Бога, даже если бы он и оставался у него здесь дома; при этом он стал уговаривать его не осуждать [всех] их таким образом на явную гибель и своим безрассудным страхом за сына не лишать их возможности получить хлеб от фараона, тем более что следует подумать и о спасении Симеона, как бы тот не погиб из-за удержания Венямина от путешествия. Когда Иуда продолжал убеждать старика доверить сына и его судьбу Господу Богу, говоря, что он сам либо вернет его ему живым и здоровым, либо умрет вместе с ним, Иаков согласился, доверил им Венямина, дал им двойную плату за хлеб и велел отвезти в подарок Иосифу произведения Хананеи: бальзам, мирру, пряности и мед. При отъезде сыновей с обеих сторон было пролито много слез: отец беспокоился, вернутся ли его дети здоровыми из путешествия, они же боялись, как бы им застать [при возвращении] отца еще в живых, а не умершим от глубокой по ним печали. Такое горе удручало их весь первый день; старик пребывал в своей скорби дома, сыновья же держали путь к Египту, облегчая свою настоящую печаль надеждой на лучшее будущее.

6. Когда они прибыли в Египет, их повели к Иосифу; при этом они натерпелись немало страху, как бы их не посадили в темницу по обвинению в преступном, самовольном присвоении денег, уплаченных за покупку хлеба. Ввиду этого они начали с того, что стали оправдываться перед заведующим делами Иосифа, говоря, что они нашли эти деньги в мешках своих уже по возвращении домой и теперь доставили их обратно. Когда же заведующий сообщил им, что не понимает, о чем они говорят, то страх у них прошел. Затем он освободил Симеона и дал ему возможность быть вместе со своими братьями. Когда же явился Иосиф со службы от царя, то они поднесли ему подарки и на расспросы его об отце сообщили, что оставили его дома в полном здравии. Заметив Венямина, Иосиф (сразу узнавший его) спросил, не это ли младший брат их, и когда они ответили утвердительно, то он сказал, что Господь — устроитель всего, и, чувствуя от сильного волнения, что слезы подступают к нему, удалился, так как не хотел открыться братьям. Потом он пригласил братьев к обеду, причем их рассадили таким же точно образом, как они сидели у себя дома, при отце; и хотя Иосиф относился ко всем им одинаково любезно, однако он почтил Венямина предложением двойного количества пищи из подаваемых блюд¹⁷³.

7. Когда же братья после обеда удалились, чтобы отдохнуть, Иосиф приказал своему управляющему заготовить им определенное количество хлеба и снова спрятать в метки деньги; при этом он велел засунуть в мешок Венямина также серебряный кубок, из которого он обыкновенно сам пил. Все это он сделал, желая испытать братьев, пожелают ли они оказать помощь Венямину, если его уличат в краже и ему будет грозить явная опасность, или же оставят его и, как будто сами ни в чем неповинные, вернутся к отцу. Управляющий исполнил возложенное на него поручение, а сыновья Иакова, ничего о том не ведая, отправились в обратный путь, вдвойне радуясь как тому, что с ними Симеон, так и тому, что доставляют обратно к отцу, согласно обещанию своему, и Венямина. Вдруг за ними ринулись в погоню всадники, и в числе их был также и тот управляющий, который спрятал кубок в мешке Венямина. Сильно испугавшись этой внезапной погони всадников и спросив о причине, по которой на них, столь недавно еще удостоенных почетного гостеприимства правителя, теперь нападают, они получили в ответ, что они гнуснейшие люди, которые, забыв о гостеприимстве и любезности Иосифа, не постеснялись совершить по отношению к последнему преступное деяние, так как похитили кубок, из которого Иосиф пил за их здоровье; причем они предпочли свою собственную гнусную наживу дружественному отношению к ним Иосифа, но при этом совершенно упустили из виду всю угрожающую им тут опасность. К этому [посланцы] прибавили еще угрозу, что они будут достойно наказаны: если им удалось обмануть служителя, они все-таки не смогут обмануть Господа Бога и скрыть свое воровство. «И теперь вы еще

спрашиваете о причине нашего здесь появления, как будто не знаете, в чем дело; впрочем, подвергшись наказанию, вы все скоро поймете». Такими и подобными речами насмехался над ними управляющий. Они же, ничего не понимая в этом, считали слова эти за шутку и выразили управляющему свое удивление по поводу легкомыслия, с которым он решился обвинять их, тогда как они даже не удержали при себе за хлеб деньги, найденные в мешках, но доставили их обратно, хотя никто и не знал об этой их находке. Настолько далеки они от мысли сознательно совершить такое преступление¹⁷⁴. Впрочем, они предпочитают препирательству наглядное доказательство и потому предлагают обыск, и если найдется между ними лицо, совершившее кражу, то все готовы подвергнуться наказанию. Не чувствуя за собою никакой вины, они считали себя вправе говорить так самоуверенно. Посланные изъявили готовность приступить к обыску, но заметили при этом, что в ответе будет лишь один тот, у которого будет найдена украденная вещь. Приступив к обыску и осмотрев по порядку мешки всех [братьев], они дошли наконец до Венямина, отлично зная, что в его именно мешке и спрятан кубок. Хотя и желали подать вид, как будто бы совершают обыск по всем правилам. Успокоившись в своих опасениях насчет себя лично, остальные братья были еще несколько озабочены касательно Венямина; но, будучи вполне уверены, что он неповинен в таком преступлении, стали даже выражать своим преследователям неудовольствие свое по поводу того, что они задержали их и тем лишили возможности совершить значительную часть пути. Когда же при обыске кубок нашелся в мешке Венямина, то они подняли вопль и плач и, разорвав одежды, стали печаловаться как о брате, которому угрожало теперь наказание за воровство, так и о себе, так как им придется обмануть отца относительно благополучного возвращения Венямина. Горе их увеличивалось еще тем обстоятельством, что теперь рушилась их надежда на то, что они избегли всех бед, и сознанием, что в несчастии своего брата и горе отца виновны они сами, так как принудили отца против его желания отпустить с ними брата.

8. Всадники забрали между тем Венямина и, в сопровождении братьев, повели его к Иосифу. Когда последний увидал Венямина под стражею, а братьев в глубокой печали, то он спросил: «Какого мнения вы, нечестивцы, о моем человеколюбии и о Промысле Божиим, если осмелились поступить так по отношению к вашему благодетелю и человеку, гостеприимно раскрывшему вам двери?» На это они, желая спасти Венямина, предложили наказать их вместо него, причем опять вспомнили о своем насилии по отношению к Иосифу, считая его, если только он умер, гораздо счастливее себя, так как он в таком случае уже не подвергается теперь жизненным невзгодам, а если еще жив, то Господь Бог наслал на них тяжелое за него возмездие. При этом они называли себя безбожниками по отношению к отцу своему, так как присоединили к тому горю, которое он испытывает по сей день об Иосифе, также и эту печаль с Венямином. Наиболее между ними поражен горем и тут был Рувил¹⁷⁵. Когда же Иосиф отпустил их (так как они ни в чем не провинились), сказав, что удовлетворится наказанием одного только младшего (потому что было бы, по его мнению, неблагоприятно отпускать на волю последнего только ради тех, кто невиновен ни в чем, или подвергать наказанию их вместе с совершившим воровство), и при этом обещал им даже охрану в пути, то всех их обуял ужас и они от волнения не могли произнести ни слова¹⁷⁶. Однако Иуда, который уговорил и отца отпустить с ними Венямина и который вообще был человеком мужественным, решился сам подвергнуться опасности ради спасения брата и потому сказал следующее: «Действительно, повелитель, мы поступили с тобою очень дурно и достойны наказания; вполне справедливо было бы всем нам подвергнуться этому наказанию, хотя вина и не падает на всех нас, но на одного младшего. Хотя из-за него мы и готовы вполне отчаяться в своем спасении, но у нас все-таки остается еще надежда на твою милость, которая приближает нас к возможности избежать угрожающей опасности. Теперь же, совершенно не взирая на нас и оставя в стороне самый факт

преступления, внемли, сообразно характеру своему, совету доблести, а не гнева, которому, впрочем, лишь вообще мелочные люди так сильно поддаются, и притом не только в серьезных делах, но и при всяком случае; будь великодушен и не давай гневу обуять себя настолько, чтобы загубить людей, которые не в состоянии уже думать о своем собственном спасении, но ожидают его от тебя. Ведь ты окажешь нам милость свою теперь уже не в первый раз: когда мы недавно явились для закупки хлеба, ты великодушно дал нам средство поддержать нашу жизнь, предоставив возможность получить этот хлеб и для родных наших в таком количестве, которое было в состоянии избавить их от опасности голодной смерти. Нет никакой разницы не дать людям погибнуть от нужды или не подвергать их наказанию, считая их провинившимися, причем они лишь будут предметом зависти вследствие их очевидного облагодетельствования тобой. Это совершенно одна и та же милость, лишь оказанная различными способами: ты ведь спасешь тех, жизнь которых ты для того только и поддержал, и милостями своими ты сохранишь жизнь тех, которых ты не допустил погибнуть от голода; таким образом, является в одинаковой степени достойным удивления и великим даровать нам жизнь и вместе с тем средства к ее сохранению. Я убежден в том, что Господь Бог вверг нас в это бедствие из желания дать тебе возможность выказать свое рвение к добродетели и для того, чтобы твое человеколюбие обнаружилось также в прощении поступивших по отношению к тебе преступно, как оно обнаружилось уже по другому поводу, именно при подаче помощи нуждающимся. Если великим делом является такой поступок по отношению к впавшим в нужду, то еще более достойно правителя миловать тех, кто вследствие своего преступления по отношению к тебе достоин смерти. Если уж освобождение провинившихся от малых наказаний приносит похвальную славу прощающим, то незлобивое отношение к тем, которые подлежали бы за преступления свои смертной казни, приближает человека к естеству Господа Бога. И если бы у нас не было отца, который так страшно страдает от потери детей своих, как уже доказывает его горе по Иосифу, то я и не подумал бы тратить слова, если бы дело касалось нашего спасения; и если бы не приходилось считаться с твоим великодушным характером,- ты ведь считаешь необходимым спасать жизнь даже таких лиц, которые не имеют никого, кто бы оплакивал их смерть,- мы бы охотно подчинились любому твоему наказанию. Теперь же мы, не столько жалея самих себя, хотя мы умрем молодыми и еще не вкусившими сладости жизни, сколько памятуя об отце и оплакивая его старость, возносим к тебе эти мольбы и просим за жизнь нашу, которую преступное наше деяние предоставило твоему возмездию. Ведь отец наш ни сам не дурной человек, ни нас не воспитал для того, чтобы быть преступниками, но, будучи человеком порядочным и не заслуживающим таких испытаний, страдает и печалится из-за нашего отъезда; если же он узнает, что мы погибли и по какой причине, то он этого не вынесет: весь позор обрушившегося на нас несчастья лишь ускорит его смерть и сделает эту смерть ужасною, тем более что он уже теперь почти дошел до состояния умопомешательства раньше, чем наше бедствие дошло через других до его сведения. Поэтому прими все это в соображение и, хотя бы наша преступность и возбуждала в тебе гнев, прости нас и ради отца не подвергай нас заслуженному за нее наказанию; пусть сострадание к нему превозможет наше злодеяние; прими также во внимание старость его, которую ему придется дожить в одиночестве, и то, что он умрет [один], если мы погибнем; принеси эту жертву во имя [всех] родителей. Тем самым ты почтишь и своего собственного отца, и самого себя, так как ты уже сам радуешься этому имени, в чем тебя счастливым да сохранит Господь Бог, отец всех людей, имя которого ты сможешь прославить своим человеколюбием, если только почувствуешь сострадание к отцу нашему и к его горю, когда он нас потеряет. В твоих руках теперь отнять у нас дар, дарованный нам Господом Богом, и, вернув его нам снова, ни в чем не отличаться по милосердию от Него. Прекрасно, если пользуешься своей властью, которую можно было бы также употребить на

погибель людям, только для того, чтобы оказывать им добро, и если, имея право лишать других жизни, не пользуешься этим правом, но направляешь всю свою власть исключительно на дело спасения людей; и чем большему числу их являешь таким образом милость свою, тем больше имеешь собственных заслуг. Если ты простишь брату его роковое преступление, то ты спасешь всех нас; ведь, в случае его наказания, кончена жизнь и для нас, которые не можем вернуться к отцу без него и которым придется здесь разделить с ним его печальную участь. И об этом одном мы будем умолять тебя, повелитель, если уже ты решил, чтобы брат наш умер: подвергни и нас одинаковому с ним наказанию, как бы сообщников его преступления, потому что нам не захочется извести себя, печалясь о смерти брата; мы предпочитаем умереть таким же точно образом, как будто бы мы вместе с ним совершили злодеяние. Я не стану долее говорить об этом и предоставлю тебе сообразоваться с тем, что он провинился, будучи еще мальчиком, еще не достаточно рассудительным, и что вообще принято прощать таких лиц; не буду распространяться об этом, чтобы, если ты приговоришь нас к смерти, не казалось, что все сказанное [мною] еще более испортило нашу участь, и чтобы, если ты оправдаешь нас, и это было приписано твоему благородству, в силу которого ты не только спас нас, но и даровал нам тем самым возможность явиться еще более облагодетельствованными тобою; значит, ты более нашего подумал о нашем спасении. Если же ты уже непременно настаиваешь на его казни, то подвергни ей вместо него меня, а его отошли назад к отцу; если же тебе удобнее сделать меня рабом своим, то я для этого дела являюсь, как ты видишь, более [его] пригодным и подходящим и соглашусь как на то, так и на другое»¹⁷⁷.

Сказав это. Иуда, готовый подвергнуться чему угодно ради спасения брата своего, бросился к ногам Иосифа, пытаясь тем смягчить гнев последнего и умиловить его. Также и все другие братья пали перед ним ниц, плача и предоставляя ему свою собственную жизнь взамен Венямина.

9. Глубоко этим растроганный и не будучи более в силах притворяться разгневанным, Иосиф повелел всем присутствовавшим удалиться, для того чтобы наедине открыться братьям своим. Когда все вышли, то он открылся братьям своим и сказал: «Хвалю вас за вашу добродетель и за расположение ваше к брату и нахожу вас гораздо более порядочными, чем я мог предполагать на основании совершенного вами некогда со мною. Все сделанное теперь я совершил с целью испытать вашу братскую любовь. Теперь я понимаю, что вы поступили со мною преступно не в силу природы вашей, но в силу желания Господа Бога, предоставившего мне ныне и в будущем пользование благами, если только Он сохранит милостивое к нам расположение. Узнав теперь о здравии отца, на что я вовсе не надеялся, и видя такое отношение ваше к брату, я более не стану поминать того, чем вы видимо так погрешили относительно меня, перестану питать к вам за это неприязнь и выражаю вам, как содействовавшим по сей день исполнению предначертаний Господних, свою благодарность; и таким образом мне хотелось бы, чтобы и вы сами предали все это забвению и скорее радовались тому, что ваши тогдашние козни привели к такому концу, чем стыдиться и страдать за свой проступок. Поэтому и не думайте печалиться о том, что вы приняли [тогда] относительно меня столь гнусное решение, тем более что у вас есть сознание, что решение это не осуществилось. Радуйтесь тому, что произошло от Господа Бога, отправьтесь к отцу и сообщите об этом ему, чтобы он не умер от горя из-за вас и тем лишил меня лучшего моего счастья и чтобы он не умер раньше, чем явится сюда ко мне воспользоваться всеми имеющимися тут у меня благами. Возьмите отца, жен и детей ваших и всю родню свою и переселитесь сюда, потому что невозможно, чтобы самые дорогие мне люди были чужды моему благополучию, тем более что и голод продлится еще целое пятилетие». С этими словами Иосиф обнял братьев своих. Они же плакали и сильно беспокоились о том, что они совершили по отношению к нему: им казалось, что, несмотря на

все расположение к ним брата, возмездие неизбежно. Царь же, узнав о прибытии к Иосифу братьев его, был очень доволен и, как будто бы его самого постигла большая радость, приказал отпустить им целые возы, наполненные хлебом, и дать им золота и серебра для доставки отцу. Получив затем от брата своего еще больше подарков, отчасти предназначавшихся для отца, отчасти для каждого из них в личную собственность, причем больше всех было уделено Веньямину, они отправились в обратный путь [178](#).

1. Когда Иаков по прибытии сыновей узнал все совершившееся с Иосифом, что он не только избег той смерти, которую он так долго оплакивал, но также и то, что он жив, пользуется счастьем и внешним блеском, так как вместе с царем правит Египтом и на него чуть ли не возложена вся забота о стране, старик поверил этому известию, так как подумал о величии Божьем и о милости Предвечного к нему, хотя последняя и не проявлялась в течение долгого времени; поэтому он тотчас собрался в дорогу к Иосифу.

2. Прибыв к колодцу Клятвы¹⁷⁹, он принес там жертву Господу Богу: с одной стороны, он опасался, что сыновья, переселившись туда, слишком привяжутся к Египту ввиду его плодородия и захотят там остаться на постоянное жительство, так что потомство его уже не вернется в Хананею и не будет владеть ею, вопреки обещанию Господа Бога, а с другой стороны, боялся, как бы отправление, против желания Предвечного, в Египет не навлекло гибели на род его; наконец, он, кроме того, опасался умереть раньше, чем увидит Иосифа. Волнуемый всеми этими соображениями, Иаков впал в сон.

3. Тогда предстал перед ним Господь Бог и дважды позвал его по имени. На вопрос Иакова, кто его зовет, Предвечный заметил: «Иакову не подобает не знать Господа Бога, который всегда являлся покровителем и оказывал поддержку твоим предкам, а за ними и тебе; ибо когда отец собирался лишить тебя власти, то Я сохранил ее за тобой; отправясь, при Моем покровительстве, один в Месопотамию, ты заключил [там] удачный брак и возвратился затем с множеством детей и крупными богатствами на родину. Благодаря Моему лишь благоволению сохранилось все твое потомство, а того сына своего, которого ты считал уже погибшим, именно Иосифа, Я удостоил пользования еще гораздо более значительными благами и сделал его властелином Египта, немногим отличающимся от самого царя. И теперь Я предстал, чтобы быть руководителем твоим в этом путешествии и объявить тебе о том, что ты умрешь на руках у сына своего Иосифа, что потомство твое будет продолжительное время пользоваться властью и почетом и что Я приведу их обратно в страну, которую Я им обещал».

4. Ободренный этим сновидением, Иаков более уверенно отправился в Египет с сыновьями своими и их детьми. Всех их было семьдесят. Я было не хотел приводить имена их, особенно благодаря их неблагозвучию; но для того, чтобы опровергнуть мнение людей, считающих нас египетского, а не месопотамского происхождения, все-таки считаю нужным напомнить здесь имена эти¹⁸⁰. Итак, у Иакова было двенадцать сыновей, из которых об Иосифе было уже упомянуто. Поэтому теперь мы поименуем остальных и их потомков. У Рувилы было четверо сыновей: Анах, Фаллус, Ассорон и Хармис; у Симеона шесть: Иамуил, Иамин, Иаод, Иахин, Соар и Саул; у Леви — три: Гирсом, Кааф и Марар; у Иуды также было три сына: Сала, Фарес и Цара — и два внука от Фареса: Эсрон и Амир; у Исахара — четверо сыновей: Фула, Фуа, Иасув и Самарой; Завулон вез с собою трех сыновей: Сарадона, Илона и Иалила. Все это было потомство Лии, и сама она находилась тут вместе с ними, равно как и дочь ее Дина, — итого тридцать три человека. У Рахили было два сына: из них у Иосифа было также два сына: Манассия и Ефраим, а у другого, Веньямина, десять: Волосор, Вакхар, Асавил, Гираос, Нэеман, Ий, Рос, Мемфис, Оптаид и Арад. Если прибавить этих четырнадцать человек к вышепоименованным, то получится число сорок семь. Это было вполне законное [правоспособное] потомство Иакова. Кроме того, от прислужницы Рахили, Баллы, были у последнего еще сыновья Дан и Неффал, который в свою очередь имел при себе четырех сыновей: Иесила, Гуниса, Иссара и Селлима, тогда как у Дана был один только ребенок Усис. При сложении их с числом предыдущих выйдет сумма пятьдесят четыре. Гад же и Асир

родились от Зельфы, которая была прислужницей Лии. У Гада было семь сыновей: Сафония, Авгис, Сунис, Азавон, Аирин, Эроед, Ариил, тогда как Асир имел одну дочь Сару и шестерых сыновей, имена которых: Иомн, Исус, Исуй, Варис, Авар и Мельхиил. Прибавив этих шестнадцать к указанным пятидесяти четырем, получаем полное вышеупомянутое число семьдесят, не включая сюда Иакова¹⁸¹.

5. Узнав о приближении отца (так как брат Иуда поехал вперед для извещения его об этом прибытии), Иосиф выехал к нему навстречу и съехался с ним у Героонполиса¹⁸². Старик чуть было не умер от столь неожиданной и великой радости; но Иосиф привел его опять в чувство, потому что, хотя он сам едва мог совладать со своей радостью и сам был близок к такому же состоянию, он все-таки не дал чувству обуять себя в такой мере, как это случилось с отцом его. Посоветовав затем отцу не спеша продолжать путь свой, Иосиф взял пятерых из числа братьев и поехал с ними к царю, чтобы известить его о прибытии Иакова с семейством. Фараон принял это известие с радостью и спросил Иосифа, каким делом они обыкновенно занимаются, чтобы устроить их сообразно с их привычками. Иосиф сказал, что они отличные пастухи и собственно только к одному этому делу питают наибольшую склонность; сообщил же он это потому, что имел в виду, чтобы братья не разлучались, но, живя все вместе, совокупно заботились об отце, а также чтобы они, не имея ничего общего с египтянами, не сближались с последними. Между тем египтянам было запрещено заниматься скотоводством как промыслом¹⁸³.

6. Когда же Иаков предстал пред царем, чтобы приветствовать его и пожелать ему благоденствия на престол, фараон стал между прочим его расспрашивать и о его возрасте. Узнав же от него, что ему сто тридцать лет, он удивился преклонным летам Иакова, который сообщил ему при этом, что он еще не дождался обычного возраста своих предков. Затем фараон предоставил ему для житья вместе с семейством Гелиополь¹⁸⁴, потому что тут находились и пастбища, предназначенные для царских пастухов.

7. Между тем голод в Египте продолжался, и стесненное положение населения становилось все чувствительнее, так как река, не поднимаясь выше своего обычного уровня, перестала орошать страну, да и дождей не посылал Господь. При этом народ, в неведении грозившей ему беды, не принял заранее никаких мер предосторожности, а Иосиф отпускал хлеб только за деньги. Поэтому людям не оставалось другого исхода: им приходилось продавать свои стада и рабов и покупать себе на вырученные деньги хлеб; равным образом, у кого был участок земли, тому приходилось уступать его за хлеб. Когда в силу этого вся земельная собственность их перешла в руки царя, то они стали выселяться в разные места, чтобы царю сделать удобное приобретение их земли. Исключение составляли одни только жрецы, которые сохранили за собой свою недвижимую собственность. Бедствие не только поработило народ внешним образом, но и нравственно¹⁸⁵, принудило его в конце концов обратиться к позорному способу пропитания. Когда же бедствие прекратилось и река залила страну, так что земля начала давать урожаи по-прежнему, Иосиф стал разъезжать по всем городам и, собирая в каждом народ, возвращал ему в целости земли, которые перешли было в собственность царя и которыми последний был вправе распорядиться вполне самостоятельно; при этом он приглашал народ возделывать эти земли на правах личной собственности, при условии, однако, чтобы они доставляли царю пятую часть всех плодов земли, которую последний предоставлял им, хотя имел полное право распорядиться ею как собственностью. Так как народ против ожидания стал теперь собственником земли, то его обуяла великая радость и он подчинился указанным предписаниям. Благодаря всему этому, авторитет Иосифа возрос у египтян, а еще более усилилась их любовь к царю. Обычай же отдавать пятую часть всех плодов остался и при следующих фараонах¹⁸⁶.

1. Прожив семнадцать лет в Египте, Иаков заболел и умер, окруженный сыновьями своими. При этом он пожелал им всякого благоденствия и пророческим образом предсказал каждому из них, где его потомки будут жить в Хананею, как то впоследствии и случилось. Высшую похвалу он воздал Иосифу за то, что тот не только не относился злопамятно к братьям своим, но и выказал даже особенное к ним внимание, осыпав их такими подарками, которых многие не делают даже своим благодетелям. При этом он повелел своим собственным сыновьям принять в число свое и сыновей Иосифа, Ефраима и Манассию, и поделиться также и с ними Хананею, о чем у нас речь будет впереди. Наконец, Иаков просил похоронить его в Хеброне. Он умер, прожив без трех лет полтора века, не уступая никому из предков своих в благочестии по отношению к Господу Богу и получив в удел воздаяние по заслугам своим, как то было и со всеми предками его. С разрешения фараона, Иосиф отвез тело отца в Хеброн и похоронил его торжественно. Ввиду того что братья не захотели возвратиться вместе с ним в Египет (боясь, как бы он после смерти отца не вздумал наказать их за их прежние козни против него, так как теперь уже более не было в живых человека, ради которого он мог бы обходиться с ними милосердно), Иосиф стал убеждать их совершенно оставить всякие опасения и не относиться к нему с подозрением. Приведя их с собою назад, он подарил им большие владения и не переставал всяческим образом выказывать им свое расположение.

2. Затем умер и Иосиф, прожив сто десять лет на свете, соискав себе общее удивление за свою добродетель, отнесясь ко всему мудро и сумев с пользой употребить свою власть. Эти данные были также причиной столь великого его среди египтян успеха, несмотря на то что он прибыл из другой страны и к тому же в таком печальном положении, о котором мы упомянули уже выше. Умерли затем и братья его, счастливо прожив в Египте. Тела всех их спустя некоторое время потомки и дети их отвезли и похоронили в Хеброне, тогда как прах Иосифа был перевезен в Хананею позже, именно когда евреи вышли из Египта: такое клятвенное обещание было дано ими Иосифу¹⁸⁷. Что затем произошло со всеми этими потомками и с какими трудностями они овладели Хананею, это я расскажу позже, после того как упомяну о причине, по которой они покинули Египет (Ср. [Быт 47.27](#) — [Быт 50.25](#)).

1. Так как египтяне были изнежены и недобросовестны в работах, особенно же преданы удовольствиям и легкой наживе, то в результате получилось враждебное с их стороны отношение к евреям, основывавшееся также на чувстве зависти к их благополучию. Именно, видя, что племя израильское увеличивается и благодаря своей добродетели и трудолюбию становится богатым и пользуется значением, они испугались, как бы оно не овладело ими самими. При этом, благодаря отдаленности времени, египтяне совершенно забыли о заслугах Иосифа, стали крайне надменно обходиться с израильтянами и взвалили на них различные тяжелые работы, тем более что царская власть перешла к новой династии: они поручили им отвести реку [Нил] в разные каналы и соорудить у городов стены и плотины, чтобы вода реки не проникла в города и не обратила почву их в болото. Равным образом они побуждали народ наш строить пирамиды¹⁸⁸, изучать всевозможные ремесла и привыкать к тяжелым трудам. В продолжение четырехсот лет они несли такое иго¹⁸⁹; при этом происходило нечто вроде состязания, так как египтяне преследовали цель — во что бы то ни стало извести израильтян тяжелыми работами, а последние хотели показать, что они сильнее всех этих мероприятий.

2. В то время как евреи находились в таком положении, у египтян явилась и другая причина, по которой они еще более постарались стереть с лица земли народ наш. Поводом к этому послужило следующее: один из египетских ученых (которые, кстати сказать, особенно выдаются своими предсказаниями будущего) возвестил царю, что к тому времени среди израильтян родится мальчик¹⁹⁰, который если вырастет, то сокрушит могущество египтян и сделает евреев властным народом; при этом он превзойдет своей добродетелью всех людей и приобретет вечную славу. Испугавшись этого, фараон по совету того предсказателя повелел всех родившихся тогда еврейских детей мужского пола бросить в реку и загубить, а египетским повивальным бабкам приказал следить за беременностью еврейских женщин и не выпускать из виду их родов; он повелел именно египетским бабкам следить за этим, потому что они, будучи одной с ним национальности, не решатся ослушаться царского приказа. Тех же, кто поступит вопреки этому приказанию и осмелится тайно спасти новорожденных, царь приказал вместе со всем их семейством подвергать смертной казни. Это было ужасным ударом для тех, кого это распоряжение касалось (т.е. евреев), не только потому, что родители таким образом лишались детей своих, причем им самим приходилось исполнять роль палачей, но и оттого, что мысль о совершенном прекращении рода — а это представлялось неизбежным при убиении детей и их собственном полнейшем изнурении — еще усугубляла им тягость и безвыходность их положения. В таком-то горе были они. Однако никто не в состоянии оказать сильное давление на решения Господа Бога, хотя бы и пустил для этого в ход тысячи ухищрений. Поэтому-то и ребенок, о котором предсказывал ученый прорицатель, продолжал, несмотря на все мероприятия царя, подрастать, и все случилось именно так, как о нем было предсказано. Произошло же все это следующим образом:

3. Один знатного происхождения еврей, Амарам¹⁹¹, очень заботился об участи всего своего народа, боясь, как бы он совершенно не исчез с лица земли ввиду недостатка в подрастающем молодом поколении¹⁹², при этом он и сам лично находился в безвыходном положении, так как жена его была беременна. Поэтому он обратился к милосердию Предвечного¹⁹³, умоляя Его сжалиться наконец над людьми, которые ни в чем не изменили своему благочестию, и, освободив их от настоящего их горя, оставить им надежду, что их племя не погибнет. Господь Бог сжалился над ним и в ответ на его мольбу явился ему во сне. Он стал уговаривать Амарама не отчаиваться относительно будущего, говоря, что отлично помнит благочестие их (евреев) и за

это всегда воздаст им должное, как Он уже даровал предкам их то, что они из столь небольшой горсти людей стали таким многочисленным народом. Ведь Аврам явился одиноким из Месопотамии в Хананею и здесь нашел свое счастье как во всех прочих отношениях, так и относительно жены своей, которая сначала была бесплодна, а затем, ввиду его страстного желания, стала способна к деторождению и родила сына. Таким образом он оставил Измаилу и его потомкам Аравию, детям Хетуры — Троглодиту, Исаку же — Хананею. «А какие великие военные подвиги он совершил при Моем покровительстве,- сказал Господь,- этого вы никогда, даже если бы вы были отъявленными нечестивцами, не сможете забыть. Иакову же выпало на долю стяжать себе известность даже среди иноплеменников за его великое счастье в жизни, которое он передал и своим потомкам; хотя он явился в Египет всего с семьюдесятью [членами семьи], вы теперь достигли уже числа более шестисот тысяч человек. Отныне же знайте, что Я помышляю как об общем благе вашем, так и, в частности, о твоей личной славе, потому что ребенок, из-за которого египтяне решили убивать всех рождающихся израильских мальчиков, будет именно твоим сыном. Он останется скрытым от лиц, подстерегающих его с целью загубить его, необычайным образом будет воспитан и освободит народ еврейский от египетского ига. Этим он на вечные времена оставит по себе славную память не только среди евреев, но и у иноплеменников. Таковую милость явлю Я тебе и потомкам твоим. Кроме того, будет у него такой брат, который сохранит на вечные времена вместе со своим потомством священство мое».

4. Проснувшись после этого сновидения, Амарам сообщил о нем Иоахевед, жене своей. Однако страх их лишь усилился вследствие этого сновидения, потому что они теперь беспокоились не только о ребенке, но и относительно необычайного величия его в будущем. Впрочем, подтверждением предвещения Господа Бога послужили уже самые роды жены [Амарама], так как ей удалось скрыть их от соглядатаев, вследствие легкости и безболезненности родового процесса¹⁹⁴. Кроме того, [родителям] удалось воспитывать ребенка тайно у себя в продолжение трех месяцев¹⁹⁵. Затем, однако, Амарам стал бояться, как бы это дело не обнаружилось и как бы он, навлекши на себя гнев царя, не пострадал вместе с ребенком и тем помешал бы осуществлению предсказания Господа Бога. Поэтому он предпочел предоставить спасение дитяти и заботу о нем Предвечному, чем, положившись на это скрывание (которое, кроме того, было ненадежно), подвергать опасности не только тайно воспитываемого ребенка, но и самого себя, тем более что, по его убеждению, Господь Бог и Его слова представляют полную гарантию и наверно оправдаются. Порешив это, родители сделали тростниковую плетеную корзиночку, наподобие колыбельки, такой величины, чтобы удобно было поместить туда младенца. Замазав ее смолою, которая по природе своей препятствует проникновению внутрь воды, они положили в корзину ребенка и, спустив на реку, предоставили его спасение Господу Богу. Река подхватила и понесла корзину, Мариамма же, сестра ребенка, по приказанию матери, шла по берегу, чтобы посмотреть, куда течение понесет корзину¹⁹⁶. Тут-то Господь Бог и показал, что человеческие расчеты совершенно несостоятельны, что все, чего бы Он сам ни пожелал, доводится до благополучного разрешения и что те, кто из личного интереса готовит другим погибель, даже при самом большом со своей стороны рвении, ошибаются в своих расчетах, тогда как уповающие на предопределение Предвечного находят неожиданное спасение и благополучие, несмотря на величайшие затруднения и опасности. Судьба именно этого ребенка служит наглядным доказательством всемогущества Господа Бога.

5. У царя была дочь именем Фермуфис¹⁹⁷. Гуляя по берегу реки и увидав корзинку, увлекаемую течением, она послала пловцов с приказанием доставить ее ей. Когда посланные вернулись с корзиною и царевна увидела ребенка, она полюбила его за его величину и красоту. Таково было попечение Господа Бога о Моисее, что воспитать и заботиться о нем пришлось как

раз тем людям, которые решили погубить прочих еврейских мальчиков ради того, чтобы воспрепятствовать именно его рождению. Фермуфис тотчас повелела привести женщину, которая дала бы грудь ребенку. Но когда последний не хотел принимать груди и отказывался от множества женщин, бывшая при этом Мариамма подошла как бы случайно и как бы из любопытства и сказала: «Напрасно, царевна, призываешь ты этих женщин для кормления ребенка, он ведь не одного с ним племени; если же ты велишь призвать одну из еврейских женщин, то он немедленно примет родную грудь». Признав это замечание правильным, дочь царя приказала [девушке] пойти за [еврейскою] кормилицей. Воспользовавшись этим случаем, та вскоре явилась обратно в сопровождении никому из присутствующих не знакомой матери своей. Так как младенец с удовольствием взял у нее грудь, то царевна вполне доверила ей воспитание его¹⁹⁸.

6. От того, что он был брошен в реку и вытасчен из нее, ребенок получил и свое имя, так как египтяне называют воду мо, а спасенных — исей. Сложив эти два слова, они дали их ему в виде имени¹⁹⁹. Сообразно предсказанию Господа Бога, Моисей вскоре по общему отзыву стал вследствие силы ума своего и презрительного отношения к трудностям всякой работы одним из лучших представителей еврейства. (Авраам был его седьмым предком; сам Моисей был сыном Амарама, этот — сын Каафа, отцом которого является Леви, сын Иакова, сына Исаака, который в свою очередь был сыном Авраама)²⁰⁰. Ум его развивался несообразно с его возрастом, так как тот соответствовал бы по силе более зрелым годам. Мощь этих способностей обнаруживалась [у него] уже в раннем детстве, и тогдашние поступки его уже свидетельствовали о том, что в зрелом возрасте он совершит гораздо более необычайные вещи. Когда ему минуло три года, Господь даровал ему необыкновенный для таких лет рост, и к красоте его никто не только не был в состоянии относиться равнодушно, но все при виде Моисея непременно выражали свое изумление. Случалось также, что, когда ребенка несли по улице, многих из прохожих поражал взгляд его настолько, что они оставляли дела свои и в изумлении останавливались, глядя ему вслед, настолько сильно его детская красота и миловидность приковывали внимание всех²⁰¹.

7. Не имея собственных детей, Фермуфис ввиду таких его качеств усыновила его. Приведя Моисея однажды к отцу своему, она указала на него как на своего желанного наследника, потому что по воле Господа Бога ей не суждено иметь родного сына. При этом она сказала отцу: «Взрастив этого чудного обликом и благородного по своему духовному развитию ребенка, которого я столь странным образом получила в дар от реки, я задумала усыновить и сделать его [со временем] наследником твоего царства». С этими словами она подала ребенка отцу на руки. Последний взял его и, прижав к груди своей, из желания выказать дочери расположение, надел на него свою диадему. Но Моисей швырнул корону на землю, сорвав ее с себя в детской шаловливости, и стал топтать ее ножками. Это было дурным предзнаменованием для царя. Когда это увидел тот самый ученый, который [когда-то] предсказал, что рождение Моисея будет началом унижения власти египтян, то он бросился [на ребенка] с целью убить его; при этом он громко закричал: «Царь! Это именно тот ребенок, которого Бог велел нам убить, чтобы быть в безопасности. Своим поступком он ведь подтверждает правильность предсказания, глумясь [теперь уже] над твоею властью и топча ногами твою корону. Поэтому убей его, тем освободи египтян рота страха перед ним и обмани надежды евреев, которые вызовет в них эта его смелость». Однако Фермуфис быстро велела убрать ребенка и предупредила исполнение этого совета; к тому же и царь медлил с приказанием бить его, так как к тому побуждал его Господь Бог, который заботился о спасении Моисея²⁰². Затем его воспитывали с большою заботливостью. И в то время как евреи возлагали на него все свои надежды, египтяне относились к его воспитанию с подозрением. Но так как не было прямой причины, по которой

убил бы его либо царь (вдобавок родственный ему теперь благодаря усыновлению), или кто-нибудь другой, кто решился бы на это в интересах египтян ввиду известного предсказания, то его никто и не думал убивать²⁰³.

1. Затем Моисей, о рождении, воспитании и юности которого было сообщено вышеуказанным образом, доказал египтянам свою доблесть, равно как и то, что он родился для унижения их и для возвеличения евреев. Поводом к этому ему послужило следующее обстоятельство: эфиопы (соседи египтян) ворвались в их страну, похитили у них все имущество и угнали весь скот египтян. В ярости последние пошли на эфиопов походом, чтобы отомстить им за обиду, но, побежденные в битве, одни из них пали, другие же искали спасения в постыдном бегстве на родину. Эфиопы следовали за ними по пятам, считая трусостью не занять всего Египта, еще далее проникли в страну и, вкусив от тамошних благ, уже не хотели более от них отказаться. Напав поэтому сперва на пограничные области, которые не осмелились оказывать им сопротивление, они дошли до Мемфиса и до самого моря, причем ни один город не смог противостоять перед ними. Стесненные таким грустным оборотом дел, египтяне прибегли к вопрошанию оракулов и к прорицаниям. Бог их посоветовал им обратиться за помощью к евреям, и фараон потребовал у своей дочери выдачи Моисея, чтобы он послужил ему в качестве военачальника. Царевна предоставила Моисея отцу, заставив последнего поклясться, что юноша не подвергнется с его стороны никакому насилию; на эту просьбу о помощи она смотрела как на великое (оказываемое ею стране) благодеяние и стала упрекать жрецов, которые советовали убить Моисея, в том, что они теперь не стыдятся просить его о помощи.

2. Упрощенный Фермуфисою и фараоном, Моисей усердно взялся за это дело. Равным образом радовались и ученые книжники обоих народов: египетские — тому, что теперь, когда они, благодаря доблести Моисея, победят врагов, им представится возможность избавиться и от него каким-нибудь коварным способом; еврейские — тому, что у них возникала надежда на освобождение от египтян под предводительством Моисея. Желая предупредить врагов раньше, чем они могли бы узнать о его на них нападении, Моисей отправил против них войско не морским путем, но сухопутным. При этом он дал образчик своего изумительного ума. Дело в том, что путешествие по суше представляло большие затруднения ввиду множества змей. Их там страшное обилие, причем существуют и такие, которые в других местах нигде не водятся и отличаются силой, злокачественностью и безобразным видом; некоторые из них вдобавок обладают крыльями, так что не только могут оказать вред, крадучись по земле, но и, налетая сверху, нападать на людей, которые того совершенно не ожидают. И вот Моисей придумал для большей безопасности и спокойствия войска следующее удивительное средство: он велел приготовить плетеные коробки из тростника, наполнить их ибисами и взять с собой. Эти птицы очень враждебно относятся к змеям, которые быстро удаляются при их появлении, но, попавшись ибисам, налетающим на них с быстротою оленя, уносятся и пожираются последними. При этом ибисы легко приручаются, не изменяя своего отношения только к змеям. Впрочем, так как греки хорошо знакомы с этими птицами и их внешностью, я не буду здесь останавливаться на их описании. И вот, когда Моисей добрался до местности, где водятся змеи, он стал выпускать ибисов на змей и пользовался их борьбой, чтобы оградить свое войско. Совершая таким образом переход, Моисей нагрянул на эфиопов раньше, чем они могли предполагать это. Затем он сошелся с ними в бою, победил их и отнял у них всякую надежду на подчинение египтян. Немедленно за этим он двинулся на города эфиопские и при завладении ими произвел большую резню среди жителей. Увидев такое геройство Моисея и уже почувствовав его результаты, египетское войско перестало теперь страшиться всяких затруднений, так что для эфиопов оставался лишь печальный выбор между пленом или

полнейшим разорением. Наконец они были оттиснуты в главный город Эфиопии Саву, который Камбиз впоследствии переименовал в честь своей родной сестры в Мерое²⁰⁴, и подверглись здесь осаде. Это место было почти неприступно, так как с одной стороны его обтекал полукругом Нил, с другой же стороны — две другие реки, Астап и Аставор, своим течением отрезали наступающим доступ. Внутри же, на острове, находился самый город, окруженный крепкой стеной; и хотя реки служили ему достаточным оплотом против врагов, тут возвышались за стенами еще огромные искусственные валы, которые должны были служить более надежной защитой против напора воды при разливе и делали врагам взятие города крайне затруднительным, если бы им даже удалось переправиться через реки. И вот, пока Моисей с крайним неудовольствием видел тут бездействие своего войска (так как враги не решались вступить в бой), с ним случилось следующее происшествие. У эфиопского царя была дочь Фарбис. Видя, как близко Моисей подводит войско свое к стенам [города] и как он храбро сражается, и удивляясь его необычайно умелым распоряжениям, поняв, что, благодаря ему, египтяне, потерявшие было свою свободу, теперь снова ее себе вернули и пользуются таким успехом, тогда как столь гордившиеся своими удачами эфиопы стеснены и подвергаются крайней опасности, она вспылала безумной страстью к Моисею. Так как это чувство все более и более овладевало ею, она решила послать к Моисею самых верных слуг своих для переговоров о браке. Когда он поставил условием для этого сдачу города и дал клятвенное обещание, что он, женившись на царевне и заняв город, не нарушит договоров, то тотчас же было приступлено к делу. Возблагодарив после покорения эфиопов Господа Бога, Моисей вступил в брак и повел египетское войско обратно на родину.

1. Те же, которые спаслись благодаря Моисею²⁰⁵, почувствовали к нему еще большую ненависть и еще более страстно стремились привести в исполнение свои коварные намерения относительно него, так как боялись, что Моисей ввиду своего успеха задумает совершить государственный переворот в Египте. Ввиду этого они стали советовать царю убить его. Царь и сам по себе уже подумывал об этом, отчасти оттого, что завидовал военным удачам Моисея, отчасти же из страха быть свергнутым им. Когда же его к этому подстрекнули также и книжники, фараон окончательно решил избавиться от Моисея. Узнав заблаговременно об этом коварном замысле, последний, однако, тайно бежал, а так как все дороги были оберегаемы стражей, то он направил путь свой по пустыне и таким местам, где он не рисковал попасться в руки врагам. И хотя он терпел недостаток в пище, он, благодаря стойкости своего характера, все-таки уходил, не обращая внимания на бедствия. Прибыв наконец к городу Мадiane, лежащему у Чермного моря²⁰⁶ и носившему свое имя по одному из сыновей Аврама от Хетуры, он присел недалеко от города около ближайшего колодца, чтобы отдохнуть от усталости и изнурения. Дело было в полдень. Тут, благодаря тамошним обычаям, Моисею представился случай совершить деяние, которое обнаружило всю его добродетель и доставило ему возможность устроиться значительно лучше.

2. Так как в той местности чувствовался недостаток в воде, то пастухи наперерыв друг перед другом старались овладеть колодцами, чтобы стада не оставались без воды, если другие вычерпают ее раньше их. И вот к тому колодцу пришли семь девушек-сестер, дочери священнослужителя Рагуила, пользовавшегося большим почетом у тамошних жителей. Они стерегли стадо отца своего, так как это дело, по обычаю жителей Троглодиты, лежит также на обязанности женщин²⁰⁷. Придя раньше других к колодцу, они стали накачивать воду для своих стад из желобов, которые были сделаны для спуска влаги. Когда же затем появились пастухи и стали отгонять девушек, чтобы самим овладеть водой, Моисей счел позорным относиться хладнокровно к оскорблению девушек и дозволить, чтобы сила этих мужчин восторжествовала над правом девушек; поэтому он оказал последним необходимую поддержку и отогнал желавших прибегнуть к насилию пастухов. Получив от Моисея такую поддержку, девушки возвратились к отцу своему, рассказали ему о насилии пастухов и о помощи со стороны чужестранца и просили вознаградить последнего за его добрый поступок, не откладывая этой благодарности. Рагуил²⁰⁸ сердечно отнесся к чувству благодарности дочерей своих, которое они питали к человеку, оказавшему им поддержку, и велел привести к себе Моисея, чтобы должным образом отблагодарить его. Когда Моисей явился, то старик сообщил ему, как дочери отнесли к оказанной им помощи, а затем, выразив ему свою признательность за его доброе дело, сказал, что он оказал поддержку отнюдь не людям, которые могли бы безразлично отнестись к этому, но таким, которые способны чувствовать благодарность и сумеют своей признательностью еще превзойти оказанную им услугу.

Затем он принял Моисея к себе в дом как сына и дал ему в жены одну из дочерей своих; вместе с тем он назначил его заведующим и хозяином всех стад своих (которые в древности у варваров составляли все их богатство)²⁰⁹.

1. Будучи так хорошо принят Иофором (таково было прозвище Рагуила), Моисей остался у него пасти его стада. Спустя некоторое время он однажды погнал скот на гору Синай, которая выше всех тамошних вершин и представляла особенно хорошее пастбище, так как там росла отличная трава. Ввиду существования поверья, что тут обитает божество, травы этой не трогали и пастухи не решались вступать на эту гору. Тут Моисею представилось необычайное зрелище.

Терновый куст стоял весь в огне, причем пламя не касалось ни окружавшей его травы, ни цветов; также и зеленые ветви куста оставались невредимыми, хотя пламя было очень сильное и большое. Моисей испугался при виде этого необычайного зрелища, но был поражен еще более, когда услышал раздавшийся из огня голос, назвавший его по имени и вступивший с ним в разговор. Тут Моисею была указана дерзость, с которой он решился вступить в местность, на которую раньше, вследствие ее святости, не дерзал вступать ни один смертный, и был дан совет отойти как можно дальше от пламени и, как богобоязненному человеку и потомку великих мужей, удовольствоваться виденным, а не стараться глубже проникнуть в смысл всего этого. При этом голос предсказал Моисею также его будущую славу и почести, которые он стяжает себе при помощи Господа Бога среди людей, и повелел ему смело вернуться в Египет, стать тут начальником и руководителем еврейской престонародной массы и освободить своих соплеменников от тех унижительных притеснений, которым они там подвергаются. «Ведь они будут населять ту счастливую страну,- продолжал раздаваться голос,- в которой жил предок ваш Аврам, и будут пользоваться всеми ее благами. Все это доставишь им ты своим умным руководством». Когда же он выведет евреев из Египта, то ему повелевается принести в этом самом месте благодарственную жертву. Так вещал голос из огня.

2. Пораженный всем виденным, а еще более услышанным предвещанием, Моисей сказал: «Не доверять могуществу Твоему, Господи, перед которым я преклоняюсь и которое Ты, как я знаю, явил нашим предкам, я считал бы безумием и несовместимым с моим рассудком. Тем не менее я недоумеваю, как мне, лицу частному и не пользующемуся никаким влиянием, уговорить моих соплеменников покинуть страну, которую они теперь населяют, и последовать за мною туда, куда я поведу их; далее, если бы мне даже удалось уговорить их к тому, то каким образом заставлю я фараона согласиться на такой исход людей, на трудах и работах которых египтяне основывают свое собственное благосостояние».

3. Но Господь Бог посоветовал Моисею быть увереннее и обещал лично помочь, даровав ему, где нужно будет, красноречие, а где потребуются наглядный пример — соответствующую силу. При этом для большей убедительности Своего обещания Господь Бог повелел Моисею бросить на землю посох²¹⁰. Когда он это сделал, то посох обратился в змею, которая стала извиваться спиралью, подняла голову, как бы готовясь защититься от нападающих, а затем опять обратилась в посох. После этого Господь Бог повелел Моисею сунуть правую руку за пазуху. Сделав это, Моисей вынул ее, и она была бела и похожа по цвету на известь, но потом опять обратилась в прежнее обычное свое состояние. Далее Господь приказал взять где-нибудь поблизости воды и вылить ее на землю, и он увидел, что вода обратилась в жидкость, похожую на кровь. Изумленного всем этим Моисея Господь убедил быть посмелее и верить в то, что Предвечный будет ему всегда его самым могущественным покровителем; «и ты будешь применять во всевозможных случаях эти чудеса для того, чтобы убедить людей, что ты послан Мною и совершаешь все сообразно Моему повелению. Итак, Я приказываю тебе без замедления поспешить в Египет, не отдыхать ни днем ни ночью, чтобы потерей здесь времени не заставлять евреев еще дольше томиться в их рабстве».

4. Не имея причины не доверять тому, что возвестил ему Господь Бог, и лично увидев и услышав такие достоверные вещи, Моисей возблагодарил Предвечного и просил Его даровать ему чудодейственную силу также и в Египте. При этом он умолял также Господа Бога не отказать ему сообщить Его собственное, настоящее имя, чтобы он знал и Его, так как Предвечный уже удостоил его Своим разговором и лично показался ему. Тогда он при жертвоприношениях будет обращаться к Нему с подобающим Ему воззванием²¹¹. И Господь Бог раскрыл Моисею Свое настоящее, раньше людям неизвестное имя. Но говорить о нем я не смею²¹².

Моисей же получил возможность совершать эти чудеса не только на данный случай, но и навсегда, когда в том представилась бы надобность. Все это его еще более убедило в истине божественного обещания из огненного куста и в необходимости полного упования на поддержку со стороны Господа Бога; он укрепился еще более в надежде на спасение своих соплеменников и на то, что Предвечный накажет египтян (Ср. [Исх 3.1—22](#); [Исх 4.1—12](#)).

1. Узнав, что умер царь египетский, фараон, от которого он некогда бежал, Моисей стал просить у Рагуила разрешения вернуться на пользу своих соплеменников в Египет. Взяв затем жену свою Сапфору²¹³, дочь Рагуила, и сыновей своих от нее, Герсона и Елеазара, Моисей отправился в Египет. Что касается имен сыновей, то Герсон означает на еврейском языке, что он прибыл в чужую страну, Елеазар же — что он бежал от египтян при содействии родного своего Бога²¹⁴. Недалеко от границы Египта, по повелению Господа Бога, встретился Моисею брат его Аарон, которому он тотчас сообщил все, приключившееся с ним на горе, а также поручения, данные ему Предвечным. Когда они совершили еще часть пути, то навстречу им вышли самые родовитые из евреев, которым было уже сообщено о прибытии Моисея. Когда последний рассказал и им о цели своего прибытия и они не хотели поверить словам его, то он убедил их представленными им чудесами. Пораженные этим неожиданным и невиданным зрелищем, евреи воспрянули духом и стали твердо надеяться, что Господь Бог позаботится об их спасении.

2. После того как Моисей таким образом уже успел склонить на свою сторону евреев, получил от них согласие на беспрекословное повиновение его приказаниям и увидел, что они действительно жаждут свободы, он явился к царю²¹⁵, лишь недавно вступившему во власть, и стал излагать ему, какую услугу оказал он египтянам, когда те были унижены эфиопами и когда страна их подверглась разграблению, как он подвергал себя за них, как будто за родных своих единоплеменников, трудам и опасностям войны и как он за все это не получил от них должного воздания. Затем он подробно сообщил царю все, случившееся с ним на горе Синай, как говорил с ним Господь Бог и какие чудеса были явлены Им для подтверждения основательности повелений Его. Далее Моисей стал просить фараона отнестись с доверием ко всему этому и не противиться [столь явно выраженному] желанию Господа Бога.

3. Когда же царь начал глумиться над этим, Моисей на деле дал ему возможность своими глазами увидеть те чудеса, которые произошли на горе Синай. Однако царь рассердился и назвал его гнусным обманщиком, который бежал когда-то от египетского рабства, а теперь хитро обставил свое возвращение и пытается своими фокусами и магическими представлениями ввести людей в заблуждение. С этими словами он одновременно отдал приказ жрецам показать Моисею те же самые чудесные вещи, чтобы он убедился, что и в этой науке египтяне достаточно сведущи (и чтобы он не считал себя единственным обладателем такой божественной силы; он ведь показывает свои необычайные вещи лишь для того, чтобы заручиться доверием необразованного простонародья). Затем жрецы бросили свои посохи наземь, и они обратились в змей. Моисей, однако, не смутился этим и сказал: «Я, царь, нисколько не умаляю египетской мудрости; но тем не менее я заявляю, что совершаемое здесь мной настолько же лучше и выше магических опытов этих людей, насколько отличны деяния Господа Бога от человеческих. Поэтому я сейчас покажу, что мои чудеса не фокусы и не только похожи на чудеса, но на самом деле совершаются по желанию и в силу могущества Господа Бога». С этими словами он бросил свой посох на землю, приказав ему обратиться в змею. Посох повиновался, набросился на посохи египетские, которые только казались змеями, и один за другим поел их все. Когда он затем принял опять свой обычный вид, Моисей поднял его.

4. Однако царь нисколько этим не был поражен, но рассердился еще более, сказал, что Моисей не добьется своим умением и ловкостью ничего от египтян, и повелел лицу, поставленному для надзора за евреями, не давать последним ни малейшего отдыха от работы, но притеснять их сильнее прежнего. Раньше надзиратель давал им солому для выделки кирпичей, а теперь прекратил и эту выдачу, так что днем заставлял их томиться над работой, а ночью

собирать солому. И так как евреи очутились таким образом в вдвойне тягостном положении, то они стали упрекать Моисея как виновника того ухудшения, которое произошло в их бедственном положении. Последний же не пугался угроз царя и не поддавался жалобам евреев, но, вооружившись твердостью духа, решил подвергнуться любым испытаниям для того, чтобы доставить своим единоплеменникам свободу. Представ поэтому снова перед фараоном, он старался склонить его отпустить евреев к горе Синайской, для того чтобы они там могли совершить жертвоприношение Господу Богу, как это было повелено Предвечным, и убеждал царя не противиться воле Господней, но предпочесть исполнение Его желаний всему прочему и разрешить евреям исход; иначе, в случае запрещения, фараону придется приписать самому себе все то горе, которое неизбежно постигает всякого, противодействующего повелениям Господа Бога. Ведь на тех, кто навлекает на себя гнев Предвечного, отовсюду обрушиваются бедствия: земля и воздух становятся к ним во враждебные отношения, рождение детей перестает совершаться нормальным путем, все объявляет им войну и распрю. Все это придется испытать египтянам, говорил он, и тем не менее народ еврейский, хотя бы и против их желания, в конце концов все-таки покинет их страну (Ср.: [Исх 4.18—31](#); [Исх 5.1](#); [Исх 7.10—12](#); [Исх 5.6—21](#)).

1. Так как фараон глумился над словами Моисея и не думал придавать им серьезное значение, то египтян поразили ужасные бедствия. Последние я подробно опишу каждое в отдельности, отчасти потому, что постигшие египтян ужасы раньше не были испытаны ни одним народом, отчасти для того, чтобы показать, что решительно все предсказания Моисея вполне оправдались, отчасти, наконец, оттого, что людям вообще полезно ознакомиться с этим и научиться избегать совершения таких поступков, какие позволили себе египтяне,- не оскорблять Господа Бога и не побуждать Его в гневе наказывать их злодеяния. Итак, по повелению Предвечного, вода в реке обратилась в кровь, так что ее невозможно было пить; между тем у египтян не было другого источника влаги. При этом вода не только по цвету стала похожа на кровь, но и по качеству своему, так как у всех, кто пытался напиться ее, вызывала сильные боли и резь. Но таково было действие ее лишь по отношению к египтянам; для евреев же она оставалась сладкой и вполне для питья пригодной и нисколько не изменялась в своем составе. Это необычайное явление настолько подавило фараона, что он, боясь за участь народа, согласился на Исход евреев. Но лишь только бедствие прекратилось, он снова отменил свое решение и отказался отпустить их.

2. Тогда Господь наслал на египтян второе бедствие, так как фараон не изменял своего мнения и не хотел образумиться даже после прекращения постигшего народ первого несчастья. Страну наводнило несчетное множество лягушек, которыми была переполнена и река, так что люди, бравшие воду, могли получить лишь жидкость, насыщенную остатками околевающих в воде и заражавших ее таким образом животных. И вся страна была страшно загрязнена, так как лягушки рождались и околевали, и домашний обиход стал невозможен, потому что их находили в пище и в питье, и они прыгали по постелям. Вместе с тем повсюду распространялось невообразимо страшное зловоние от околевавших и разлагавшихся лягушек. Так как египтяне очень страдали от этого бедствия, то фараон велел Моисею и всем евреям покинуть страну. Лишь только было дано это приказание, как вся масса лягушек исчезла, и земля и река приняли обычный свой вид. Но не успела страна избавиться от этого бедствия, как фараон уже забыл о причине последнего, стал удерживать евреев и, как будто желая испытать еще гораздо больше неприятностей, окончательно запретил Моисею и его единоплеменникам исход, который он первоначально им разрешил, скорее, впрочем, из страха, чем по здравому рассуждению.

3. Тогда Господь Бог в воздаяние за его обман ответил царю новой напастью. Во внутренних частях египтян зародилось несчетное количество вшей, от которых мучители гибли в страшных страданиях, так как не были в состоянии избавиться от них ни омовениями, ни целебными мазями. Устрашившись этого отчаянного бедствия, боясь, как бы весь народ не погиб, и приняв в соображение весь позор такого рода гибели, фараон египетский отчасти пришел в сознание, был принужден внять голосу благоразумия и разрешил самим евреям исход, но вместе с тем, лишь только бедствие прекратилось, потребовать от них оставления жен и детей в качестве заложников. Но этим он возбудил против себя гнев Предвечного в еще большей степени, так как рассчитывал обмануть Провидение, как будто не Оно, а Моисей наказывал египтян за евреев. Поэтому страну наводнило множество различных раньше никем не виданных животных, от которых гибла масса народа и которые не давали земледельцам возможности обрабатывать поля, остававшиеся, таким образом, невозделанными. Если же кто и избегал смерти от них и оставался в живых, то погибал вскоре за тем от болезни.

4. А так как фараон все-таки не хотел подчиниться желанию Господа Бога, но, разрешая женщинам уйти вместе с мужьями, требовал оставления в стране детей, то Предвечный не

переставал наказывать его за его гнусность многоразличными новыми и более тяжелыми, чем раньше, бедствиями. Так, например, тела египтян покрылись страшными гнойными язвами, которые разрушали все внутренности; от этого погибло большое множество народа. Но так как и от этого бича фараон не образумился, то пошел такой крупный град, какого раньше никогда не было в Египте и какого не бывает в других местностях даже зимою; он был гораздо крупнее того, какой замечается в северных странах даже самой холодной зимой [216](#), так что он побил все плоды их. Затем на оставшиеся нетронутыми градом посевы набросилась саранча, и последние надежды египтян на какой бы то ни было урожай рушились.

5. Конечно, всякому другому, который помимо злобы не отличался бы также и безрассудством, указанных бедствий было бы вполне достаточно, чтобы прийти в себя и окончательно понять сущность положения вещей. Между тем фараон не столько от невежества, сколько из природной гнусности добровольно отказывался от лучшей участи и сам вредил себе; хотя он понимал причину этих бедствий, он тем не менее противился Господу Богу. Правда, он позволил Моисею вывести из страны евреев с женами и детьми, но вместе с тем приказал оставить свое имущество [в пользу египтян], так как имущество последних погибло [во время описанных бедствий]. Когда же Моисей стал указывать на всю несправедливость этого требования (тем более, что имущество было евреям необходимо хотя бы только для того, чтобы из него совершать жертвоприношения Господу Богу) и за переговорами об этом терялось понапрасну время, египтяне были внезапно окутаны плотной непроницаемой мглой, так что они перестали видеть что-либо, а также, будучи стеснены, вследствие густоты воздуха, в своем дыхании, должны были беспомощно умирать или постоянно бояться задохнуться от такого густого тумана. Когда наконец, по прошествии трех дней и стольких же ночей, мгла рассеялась, но фараон все еще не изменил своего решения относительно выхода евреев, Моисей явился к нему и сказал: «Доколе будешь ты противиться воле Господней? Предвечный ведь повелевает тебе отпустить евреев. Иначе вам (египтянам), если вы не послушаетесь Его, не избавиться от этих бедствий». В ярости от этих слов Моисея царь пригрозил ему отсечением головы, если он осмелится заявиться к нему еще раз с подобными назойливыми приставаниями. На это Моисей ответил, что он более уже не будет попусту терять на этот счет слова, но что со временем сам фараон с главнейшими египетскими сановниками попросит евреев покинуть страну.

6. С этими словами он ушел от царя. Предвечный же, решив еще одним бедствием принудить египтян отпустить евреев, повелел Моисею заявить народу, чтобы он держал наготове жертвоприношения, приготавлился с десятого до четырнадцатого дня месяца ксанфика, который у египтян носит название фармуфи, у евреев нисан, а у македонян называется ксанфиком, а затем выступал в поход, захватив с собою все необходимое. Моисей поэтому приготовил евреев к выступлению, распределил их по коленам и держал их вместе. Когда же наступило четырнадцатое число, то все, приготавливаясь к выступлению, совершили жертвоприношение, с помощью метелки окропили кровью жертвенных животных дома свои, употребив для нее виссон, совершили жертвенную трапезу и сожгли остатки мяса, как будто собирались немедленно выступить в путь. Отсюда до сих пор еще у нас сохранился обычай жертвоприношения, который, как и связанный с ним праздник, мы называем Пасхою [217](#), что значит «переход», потому что в тот вечер Господь Бог поразил египтян болезнью, но прошел мимо евреев и пощадил их. В ту ночь напала на все перворожденное у египтян чума, так что многие, жившие вблизи царского дворца, собрались к фараону и стали требовать от него, чтобы он отпустил евреев. И действительно, призвав Моисея, царь приказал ему вывести евреев из страны, так как предполагал, что если они уйдут, то и бедствия Египта прекратятся. Население сделало евреям даже подарки отчасти для того, чтобы тем ускорить исход их [218](#), отчасти же также на память о взаимных добрых соседских отношениях (Ср.: [Исх 7.13—25](#); [Исх 8.1](#); [Исх 9.1](#)

—10:20—29; Исх 12.1—36.).

1. Таким образом евреи вышли из Египта, причем египтяне плакали и сожалели, что обходились дурно с ними. Они направили путь свой через Летополь ²¹⁹, местность в то время пустынную, но где впоследствии, при нашествии на Египет Камбиза, был основан город Вавилон ²²⁰. Так как они подвигались вперед быстро, то уже на третий день достигли Вельсефонта на Черном море ²²¹. Но в этой пустынной стране, по которой они теперь проходили, им не удалось найти никаких съестных припасов, и они должны были поэтому удовольствоваться хлебом, наскоро приготавливаемым из муки и воды и лишь немного пропеченным. Этой пищей они питались тридцать дней, потому что на более продолжительное время им не хватало взятых из Египта припасов; притом им приходилось в высшей степени экономно обходиться с этой пищей, пользуясь ею только в крайнем случае и лишь для того, чтобы кое-как насытиться. Отсюда, в воспоминание тогдашней нужды, мы празднуем восьмидневный праздник, называющийся «временем опресноков» ²²². Всо количество народа, ушедшего из Египта вместе с женщинами и детьми, не поддавалось счету: одних мужчин, достигших возраста, в котором можно было носить оружие, было шестьсот тысяч.

2. Покинули они Египет в месяце ксанфике, на пятнадцатый день по обновлении луны, четыреста тридцать лет спустя после прихода праотца нашего Аврама в Хананею и двести пятнадцать лет после переселения Иакова в Египет. Моисею тогда было уже восемьдесят лет, а брат его Аарон был тремя годами старше его. При выходе из Египта они захватили с собой также и бранные останки Иосифа, сообразно повелению, которое последний некогда дал сыновьям своим (Ср. [Быт 50.25](#)).

3. Между тем египтяне вскоре раскаялись в том, что дали евреям возможность уйти, и так как особенно фараон был расстроен этим, приписывая все случившееся обманному волшебству Моисея, то было решено пуститься за евреями в погоню. Взяв оружие и приготовившись к походу, египтяне приступили к преследованию, чтобы вернуть евреев назад, если бы удалось настичь их. При этом египтяне были того мнения, что, раз евреям было разрешено оставить Египет, они теперь уже более не будут молиться Господу Богу своему, а так как евреи безоружны и утомлены путешествием, то рассчитывали справиться с ними без особенного затруднения. Спрашивая поэтому у всех встречных, куда направились евреи, они быстро подвигались вперед, хотя эта страна и представляла не только для целого войска, но и для отдельного одинокого путешественника огромные трудности. Моисей же преднамеренно повел евреев именно по этому пути, для того чтобы египтяне, если бы вздумали изменить свое решение и захотели бы пуститься в погоню, подверглись заслуженному наказанию за такую гнусность и нарушение данного слова. С другой же стороны, он хотел по возможности скрыть свой уход от палестинцев ²²³, так как эти были издавна во вражде с евреями, а страна их близко примыкала к границам Египта. Поэтому-то он и не повел народ свой по прямому пути в Палестину, но, выбрав более продолжительный и трудный путь по пустыне, рассчитывал вторгнуться в Хананею, тем более что и Господь Бог повелел повести евреев к горе Синай, чтобы там совершить жертвоприношение. Настигнув наконец евреев, египтяне построились в боевой порядок и благодаря своей огромной численности стеснили их на небольшом пространстве, что было тем легче, что у египтян было двести тысяч тяжеловооруженных, за которыми следовали шестьсот колесниц и пятьдесят тысяч всадников. И вот они отрезали все пути, по которым, по их расчетам, могли бы бежать евреи, и заключили последних между недоступными скалами и морем. Дело в том, что к самому морю [в том месте] подходит совершенно недоступная, почти отвесная гора, мешающая какому бы то ни было бегству. Таким

образом, египтяне замкнули евреев в пространстве между горой и морем и заняли своим лагерем выход отсюда на открытую равнину.

4. Так как евреи не обладали необходимыми съестными припасами, чтобы выдержать такого рода осаду, и не видели возможности бегства, да и, кроме того, если бы и захотели сражаться, совершенно не располагали нужным для того оружием, то им приходилось либо оставить всякую надежду на спасение, либо добровольно сдаться египтянам. И вот они, забыв о всех необычайных явлениях, ниспосланных им Господом Богом для того, чтобы вернуть им свободу, стали обвинять в своем несчастье Моисея и дошли в своем недоверии до того, что хотели даже забить камнями пророка, который их довел до этого, хотя возвещал им спасение; вместе с тем они решили сдаться египтянам. Велик был плач и вопль женщин и детей, видевших перед собой верную гибель, так как они были заключены между горой и морем и не было никакой возможности бежать куда бы то ни было.

5. Но, хотя народ был так возбужден против него, Моисей все-таки не переставал заботиться о нем и не отчаивался в помощи Господа Бога, который ведь уже и раньше для достижения свободы даровал им все, сообразно обещанию своему, и теперь не допустит до того, чтобы враги одолели их и отвели назад в рабство или на погибель. Поэтому, войдя в толпу народную, Моисей обратился к ней со следующими словами: «Было бы несправедливо с вашей стороны, если бы вы стали не доверять людям, которые до сих пор отлично вели дела ваши, и если бы стали полагать, что они будут в будущем держаться к вам другого образа действий. Величайшим же безумием было бы теперь отчаиваться вам в помощи Господа Бога, от которого вы достигли всего того, что Он через меня обещал вам сделать в смысле вашего спасения и освобождения от рабства, даже без того, чтобы вы на это сами рассчитывали. Напротив, чем больше вы стеснены, тем более вам следует надеяться на помощь от Господа Бога, который и теперь поставил вас в столь затруднительное положение для того лишь, чтобы вас самих, уже ниоткуда не рассчитывающих на спасение, и притом неожиданно для врагов, избавить от этого бедствия и тем проявить, с одной стороны, свою силу, а с другой — показать вам свою о вас заботливость. Ведь Божество являет свою поддержку тем, к кому Оно благоволит, не в малых делах, но в тех случаях, когда видит, что люди потеряли уже всякую надежду на улучшение своего действительно бедственного положения. Поэтому доверьтесь такому мощному Покровителю, который в силах сделать из малого большое и который может обратить в ничто и сделать бессильным даже такое количество людей [как египетское войско]; не пугайтесь ратного ополчения египтян и не отчаивайтесь в своем спасении только оттого, что море и гора, видимо, лишают вас возможности бегства: если пожелает Господь Бог, то и горы обратятся для вас в равнины, и море в сушу» (Ср.: [Исх 12.37—40](#); [Исх 13.19](#); [Исх 14.5—13](#)).

1. Сказав это, Моисей повел евреев на глазах египтян к морю. Последние не теряли евреев из виду, но так как были утомлены тягостями погони, то сочли уместным отложить решительный бой до следующего дня. Когда же Моисей достиг берега моря, то схватил свой посох и стал взывать к Господу Богу о помощи и покровительстве следующими словами: «Ты Сам, Господи, знаешь, что не в силах человека или по присущему последнему уму выпутаться из настоящего стесненного положения нашего. Но в Твоих силах явить теперь уже полное спасение этому народу, который по Твоему желанию покинул Египет. Мы сами потеряли всякую надежду на то, чтобы собственными силами спастись, и можем ныне прибегнуть единственно к Тебе и с ожиданием взираем на Твое Провидение, которое одно сможет спасти нас от гнева египтян. Яви и скорее покажи нам могущество Свое и внуши народу, который в полном отчаянии и готов впасть в ужаснейшие крайности, бодрость и уверенность в спасении. Мы же не находимся в столь бедственном положении, из которого Ты не был бы в состоянии выручить нас: Твое ведь море, Твои отрезающие нам выход горы и по Твоему повелению они раздвинутся; Ты можешь заставить море обратиться в сушу, и мы могли бы умчаться отсюда по воздуху, если бы Тебе заблагорассудилось явить нам спасение таким образом».

2. Вознеся эти молитвы, Моисей ударил посохом по морю, которое от этого удара раздвинулось и, отступив перед евреями, дало им возможность удалиться по сухому пути. Усматривая в этом явную милость Господа Бога и видя, что море сдвинулось для них со своего собственного места, Моисей первый вступил туда и приказал евреям следовать за собою по устроенному самим Предвечным пути, позволяя им радоваться той опасности, которой подвергались теперь враги, и повелев благодарить Господа Бога, явившего столь неожиданный путь к спасению.

3. Так как народ не задумывался и быстро следовал, уповая на Господа Бога, за Моисеем, то египтяне сперва подумали, что евреи потеряли рассудок, идя на очевидную гибель. Когда же они увидели, что евреи без вреда прошли значительное расстояние, не встретив на пути своем ни препятствий, ни затруднений, они решили броситься за ними в погоню, рассчитывая на то, что и перед ними расступится море. И вот они стали спускаться в него, послав вперед конницу. Пока же египтяне еще вооружались и теряли за этим время, евреи успели благополучно добраться до противоположного берега. Это последнее обстоятельство вызвало в египтянах еще больше решимости продолжать погоню, так как они рассчитывали пройти так же свободно [по морю]; но при этом они совершенно упускали из виду, что путь этот был создан только для евреев, а не вообще для всех, кто вздумал бы ступить на него, что он возник только для того, чтобы послужить к спасению людей, находившихся в крайней опасности, но не для того, чтобы им могли воспользоваться желавшие гибели евреев. И вот, когда все египетское войско находилось в самой середине моря, последнее вновь сомкнулось и вздувшиеся от ветров волны всей силой своей рушились обратно на египтян и нахлынули на них. В то же самое время с неба потекли потоки дождя, раздались раскаты грома и частые молнии засверкали по небу в разных направлениях. Одним словом, тут было все, чего бы Господь Бог в гневе ни насылал на людей; к тому же густой непроницаемый мрак охватил египтян. И таким образом последние все до единого погибли, так что не оставалось даже лица, которое могло бы возвестить остальным [жителям Египта] о постигшем войско бедствии.

4. Евреи не были в состоянии удержаться от радости при виде своего чудесного спасения и гибели врагов и были теперь твердо убеждены в том, что они отныне будут свободны, так как притеснявшие и державшие их в рабстве люди были уничтожены, а Господь Бог таким

очевидным образом покровительствовал им. И так как они сами избежали теперь опасности, да вдобавок враги их подверглись неслыханному до тех пор и никому раньше неизвестному наказанию, то они всю ночь провели в веселье и песнях. Моисей же сложил хвалебный шестистопный в честь Предвечного гимн, в котором он прославлял и благодарил Господа Бога за явленную милость (Ср. [Исх 14.21—31](#); [Исх 15.1—21](#)).

5. Все это я рассказал совершенно так, как нашел [записанным] в священных книгах. И пусть никто не изумляется необычности рассказа, если для древних людей, которые были гораздо менее испорчены [нынешних], нашелся, либо по желанию Господа Бога, либо само собою, путь спасения даже в море. Ведь вовсе не так давно Памфилийское море²²⁴ также отступило перед войском македонского царя Александра, которое не имело другого пути, и дало ему возможность пройти, потому что Предвечный решил положить конец владычеству персов. С этим согласны все историки, описавшие деяния Александра. Впрочем, на этот счет каждый может иметь свое собственное мнение.

6. Когда на следующий день течением и силой ветра было прибито к месту стоянки евреев оружие египтян, то Моисей и в этом усмотрел перст Божий, дабы евреи не оставались безоружными, собрал его и вооружил им народ. Затем он повел его к горе Синайской, чтобы принести там благодарственные жертвоприношения Господу Богу за спасение народа, как это ему было повелено раньше.

Предисловие

В этой книге Иосиф в целом следует тексту Ветхого Завета, хотя и с некоторыми отступлениями. К примеру, в Библии нет описания богатой добычи после победы над амалькитянами и ее дележа между особо отличившимися в битве. Неправдоподобно звучит утверждение о том, что никто из израильтян не погиб в этом сражении.

Книга содержит много материала о метрологии древних народов. Но эти сведения в отдельных случаях изменялись переводчиками.

1. Несмотря на то что евреи были спасены таким чудесным образом, они все-таки вскоре опять сильно упали духом во время своего путешествия к горе Синайской, так как страна, по которой им приходилось идти, была совершенно пустынна и не доставляла им ничего необходимого для поддержания жизни; тут ощущался крайний недостаток в воде, так что не только не могло быть и речи о каких-либо удобствах для людей, но и не было никакой возможности доставить скоту необходимое ему пастбище. Страна эта представляет сплошную песчаную пустыню без малейшего признака оазиса, где могло бы произрастать что-либо. Тем не менее евреи по необходимости шли по этой местности, не имея другого пути [к Синаю]. Правда, по приказанию своего вождя, они брали с собою воду из тех пунктов пути, где таковая находилась, но, когда этот запас истощился, им приходилось с большими вследствие сухости почвы трудностями рыть колодцы и таким путем добывать влагу; но она, если им удавалось находить ее, была в большинстве случаев горька и непригодна для питья; к тому же ее было всегда очень немного.

Совершая таким образом путь свой, они к вечеру прибыли в Мар²²⁵, местность, так названную ими за дурное качество воды (Мар значит «горечь»), и решили тут остаться, потому что были очень утомлены продолжительностью путешествия и недостатком в съестных припасах, которые к тому времени также оказались совершенно израсходованными. К тому же тут находился и колодезь (это и послужило главною побудительною причиною к тому, чтобы сделать здесь привал), который хотя и не был в состоянии удовлетворить потребности такого огромного количества людей, тем не менее все-таки несколько освежил и ободрил их тем, что они нашли его даже в такой местности; от высланных же вперед разведчиков они узнавали, что поблизости они более уже не найдут никакой влаги. Однако и эта вода оказалась горькою и непригодною для питья, и притом не только для людей, но и для скота.

2. Когда Моисей заметил уныние народа и то, что тут словами не поможешь (ведь он имел дело не с дисциплинированным войском, которое было бы в состоянии противопоставить тягости стесненного положения свою храбрость, но, напротив, вся бодрость мужчин пропадала при виде толпы детей и женщин, конечно, слишком слабых, чтобы поддаться словесным убеждениям), то он увидел себя в крайне тягостном положении, потому что чувствовал общее бедствие так, как будто бы оно постигло его одного, и это тем более, что ни к кому другому, а лишь к нему одному прибегали с мольбою женщины за детей, а мужчины за женщин, чтобы он подумал о них и нашел какое-нибудь средство к спасению. Тогда Моисей обратился с молитвою к Господу Богу, прося Его обратить эту непригодную воду в хорошую и возможную для питья. Когда Предвечный обещал явить ему и эту милость, Моисей взял кусок дерева, случайно валявшийся у него под ногами, расколол его вдоль и, бросив его в воду, стал уверять евреев, что Господь Бог внял его молитвам и обещал дать им такую воду, какую они желают, если только они немедленно и беспрекословно подчинятся Его приказаниям. Когда же народ его спросил, что им делать, чтобы качество воды улучшилось, Моисей приказал самым сильным мужчинам вычерпывать воду, уверяя, что, когда большая часть колодца будет опорожнена, остальное станет пригодно для питья. Мужчины принялись за работу, и приведенная частыми движениями в чистый вид вода стала наконец пригодною для употребления²²⁶.

3. Двинувшись отсюда, евреи прибыли в Элим²²⁷, местность, которая, вследствие имевшихся там пальм, издали казалась очень заманчивой, но вблизи оказалась никуда не годною. Дело в том, что все эти пальмы, которых было никак не более семидесяти, были очень низкого роста и тощи вследствие недостатка воды, так как вся окрестность и здесь представляла

песчаную пустыню и из тех ключей, которых тут было всего двенадцать, почва не могла в достаточной степени орошаться, родников и, следовательно, влаги было слишком мало, и если разрывали песок, то не находили ее совсем. Если же случайно и попадалась какая-нибудь вода, то она оказывалась по мутности своей совершенно непригодною. Поэтому-то ввиду полного недостатка воды и деревья оказывались бессильными произвести какие бы то ни было плоды. И вот народ стал опять обвинять вождя своего и укорять его, взваливая на него все испытываемое им горе и все лишения, которым он его подвергает. Дело в том, что за свое тридцатидневное странствование народ съел все захваченные с собою припасы, а так как он на пути не встретил ничего, то был близок к полному отчаянию. Думая только о своем настоящем бедственном положении и совершенно позабыв о той поддержке, которую уже неоднократно оказывал им Господь Бог, равно как о доблести и мудрости Моисея, евреи рассвирепели против своего вождя и уже приготовились побить его камнями, как главного виновника их теперешнего бедствия.

4. Хотя народная масса была так возбуждена и столь враждебно настроена против него, Моисей в уповании на Господа Бога и на то, что он лично всегда имел в виду лишь благо своих соплеменников, стал посреди них, несмотря на весь крик их и на то, что они уже держали в руках наготове камни. Так как он отличался внешностью, которая сразу привлекала к нему каждого, и, кроме того, обладал даром убедительно говорить с народом, то он начал с того, что стал успокаивать их, убеждая не забывать, ввиду настоящих своих мытарств, прежних благодеяний Господа Бога, не упускать в теперешнем затруднительном своем положении из виду прежних великих и неожиданных проявлений Его к ним благоволения и поддержки и, наконец, быть в твердой уверенности, что Он, по милости Своей, освободит их и из этого бедственного положения: по всему вероятно, Господь Бог лишь испытывает теперь их мужество, чтобы узнать, насколько в них стойкости и насколько им памятливы еще прежде явленные чудеса или в какой степени они позабыли о них ввиду теперешнего своего стесненного положения. Между тем оказывается, что они люди не хорошие ни в смысле своей стойкости, ни в смысле памятования всех удач своих, так как они в такой мере недоверчиво относятся к Господу Богу и Его решениям, в силу которых им удалось покинуть Египет, и так как они столь гнусно держат себя относительно слуги Предвечного: ведь слуга этот не обманул их ни в чем, что приказывал им делать по повелению самого Господа Бога. Затем Моисей стал перечислять им все, чем они обязаны Предвечному: как погибли египтяне, решившиеся против воли Господней держать их в рабстве; каким образом одна и та же река обратилась для египтян в кровь и вода ее стала для них непригодною, тогда как для евреев продолжала оставаться сладкою и удобною для питья; как само море, очень далеко отступив перед ними, дало им новый путь, по которому они спаслись, между тем как то же море затопило бросившихся за ними в погоню неприятелей; как при отсутствии у них оружия Господь Бог снабдил их и этим, как Он во многих случаях, когда евреи, казалось, уже окончательно были обречены на гибель, неожиданно спасал их, и каково должно быть, следовательно, всемогущество Предвечного. Поэтому они и теперь не смеют отчаиваться в Его покровительстве, но должны терпеливо и без волнения ожидать его, памятуя, что помощь эта никогда не опаздывает, хотя она и не является раньше, чем они испытают некоторое бедствие. Им следует также принять во внимание, что Господь медлит со Своею помощью не по забывчивости, но для испытания их мужества и их любви к свободе, чтобы узнать, в достаточной ли мере вы порядочны, чтобы ради этой свободы терпеть недостаток в пище и питье, или предпочитаете быть в рабстве подобно скоту у хозяев, которые держат и охотно кормят его, чтобы пользоваться его трудом. Наконец, Моисей сказал еще, что он вовсе не беспокоится за свою личную безопасность (потому что для него вовсе не будет таким ужасным несчастьем, если его несправедливо убьют), но боится за них, как бы Предвечный не счел их за безбожников, если они побьют его камнями.

5. Таким образом Моисей понемногу успокоил их, удержал их от того, чтобы побить его камнями, и вызвал в них раскаяние в поступке, который они собирались совершить. Но так как он был того мнения, что они доведены до такого исступления лишь крайностью своего положения, Моисей решил прибегнуть к молитве и обратиться за помощью к Господу Богу. Поэтому он взошел на высокую скалу и вознес к Предвечному молитву, в которой просил о поддержке народу и облегчении его нужды (ведь в Нем одном только все спасение народа) и молил простить народу то, что он теперь совершил в своем смятении, так как род человеческий по природе своей в несчастьи всегда бывает нетерпелив и склонен к выражению своего неудовольствия. И Господь Бог возвестил Моисею, что Он позаботится [о евреях] и явит им желанную помощь. Услышав от Предвечного такое обещание, Моисей спустился к народу. И когда последний увидал его радостное возбуждение от обещания Господня, то и их подавленное настроение заменилось весельем. Став среди народа, Моисей возвестил ему, что явился от Господа Бога с освобождением от гнетущих народ бедствий. И действительно, спустя немного времени из-за моря прилетело множество перепелок (эта порода птиц водится более других у Аравийского залива)²²⁸, а так как они были в одно и то же время очень утомлены от перелета, да перепелки и вообще летают ниже других птиц, то они спустились на землю как раз среди еврейского стана. Народ же, видя в них ниспосланную самим Господом Богом птицу, ловил этих птиц и утолял ими свой голод. Тогда Моисей обратился снова уже с благодарственной молитвой к Предвечному за быстрое оказание обещанной помощи.

6. Немедленно же после этого первого доставления пищи Господь Бог послал евреям еще другое. Именно, когда Моисей поднял руки свои к небу для молитвы, на них упало нечто вроде росы. Так как оно оставалось на руках, то Моисей, предполагая и в этом пищу, ниспосланную от Господа Бога, отведал от нее и с радостью убедился, что не ошибся. Но так как народ был в недоумении, считая, что идет снег, как то бывает в зимнее время года, то Моисей объяснил ему, что это вовсе не роса падает с неба на гибель им, но пища для спасения их. Для большей убедительности он дал им отведать этого небесного дара и сам подал им пример. Народ последовал примеру своего вождя и обрадовался новой пище, потому что она была похожа по сладости и приятности на мед, по виду своему походила на бделлий, а по величине на зерна кориандра²²⁹. Тотчас все принялись усердно собирать эту пищу. Тут же было повелено, чтобы каждый собирал ежедневно ровно ассарон (это известная мера)²³⁰; тогда у евреев не будет недостатка в пище и, равным образом, слабосильным будет дана возможность собирать также для себя, а более сильные не смогут отнимать у слабых их пищу. Впрочем, те, кто хотел собрать более положенного количества, не облегчал себе тем своей задачи, потому что никто не находил более одного ассарона. Впрочем, и от того запаса, который сохранялся некоторыми до следующего дня, никому не было никакой пользы, так как пища портилась от червей и приобретала горечь. Вот какую необыкновенную была эта ниспосланная Господом Богом пища. При этом те, кто ею обладал, не нуждались уже ни в какой другой. Впрочем, еще и поныне вся та местность изобилует этим продуктом, после того как тогда Предвечный ниспослал его Моисею в пищу народу. Евреи называют его манною, потому что слово представляет на нашем языке вопрос, значащий «Что это такое?». Евреи могли наслаждаться этою пищею, ниспосланною им с неба, еще продолжительное время, так как они пользовались ею в продолжение всех тех сорока лет, которые они провели в пустыне.

7. Когда евреи, выступив отсюда, прибыли в Рафидин²³¹, то страдания их от жажды достигли крайних пределов, потому что они встретили на пути своем лишь немного источников, а теперь попали в местность совершенно безводную. Поэтому они снова очутились в бедственном положении и опять среди них возникло неудовольствие против Моисея. Последний на короткое время скрылся от взоров рассвирепевшей толпы и обратился с молитвою

к Господу Богу, умоляя Его даровать и теперь народу и питье, подобно тому как Он ниспослал ему в опасную минуту пищу, так как без воды последнее благодеяние теряет свое значение. Предвечный не замедлил опять явить Свое милосердие и обещал указать Моисею источник и большое обилие воды там, где народ того и не ожидает. Затем Он повелел Моисею ударить посохом по той скале, которую они видят перед собою, и тогда они с избытком получают то, в чем нуждаются; пусть они при этом обратят внимание на то обстоятельство, что эта вода достается им без всякого с их стороны труда и без малейшего к тому усилия. Получив такое утешительное обещание от Господа Бога, Моисей предстал пред народом, с ожиданием на него взиравшим: люди успели уже заметить, как быстро он спускался к ним с утеса. Как только он был между ними, он сообщил им, что Господь избавит их и от этого бедственного положения и в милости Своей явит им спасение, на которое они никак не рассчитывали; что Он заставит для них потечь из скалы реку. Услышав эти слова, они были в большом недоумении и смущенно спрашивали, неужели им, утомленным путешествием и изнемогающим от жажды, придется разбивать скалу. Но Моисей ударил по ней посохом; она раздалась, и из нее обильно истекла самая свежая и прозрачная вода. Народ был так поражен необычайностью совершившегося перед его глазами чуда, что одного вида уже было довольно, чтобы утолить их жажду; когда же люди напились освежительной и сладкой влаги, тогда только они поняли всю прелесть этого дара Божия. На Моисея, как на любимца Предвечного, они стали теперь, конечно, взирать с удивлением, а Господу Богу они принесли благодарственные жертвы за Его к ним милостивую заботливость. Помещающееся в [нашем] храме Св. Писание сообщает о том, что Господь Бог предсказал Моисею о таком появлении воды из скалы²³².

1. Так как молва о евреях успела распространиться уже далеко и о них много говорили, то жителей страны обуял немалый страх и, обменявшись друг с другом сведениями, они решили оказать евреям сопротивление и попытаться совершенно уничтожить их. Особенно усердно к этому побуждали жители Говолиты и Каменистой [Аравии]²³³, носившие название амалекитян²³⁴, самые воинственные из тамошних племен. Цари их приглашали друг друга, равно как и соседей, принять участие в войне с евреями, указывая на то, что евреи представляют из себя чужеземное войско, бежавшее из-под ига египтян и теперь идущее на них. «Войском этим,- говорили они,- нам пренебрегать не следует, но раньше, чем оно окрепнет и усилит свое могущество и, не встречая с нашей стороны сопротивления, само решится вступить с нами в бой, представляется наиболее основательным и благоразумным побить его и отомстить ему за то, что сделало оно в пустыне, а не дожидаться, пока евреи овладеют нашими городами и нашим имуществом. Те, кто с самого начала старается сокрушить еще только возникающую силу врагов, поступают благоразумнее тех, которые собираются подавить эту силу, когда она успеет уже развиться. В последнем случае приходится бороться с преимуществом врагов, тогда как в первом с самого начала можно не допускать никаких этих преимуществ». Передавая путем посольств соседям своим подобные рассуждения и распространяя их среди собственного народа, они достигли того, что было решено идти войной на евреев.

2. Моисея, который никак не ожидал неприязненных отношений, эти действия туземного населения крайне смутили и расстроили. И, когда враги приготовились уже к битве и настал опасный момент, народ еврейский обуяло полное замешательство, потому что приходилось сражаться с людьми прекрасно вооруженными, тогда как у них самих ощущался крайний недостаток даже в наиболее необходимом [оружии]. Тогда Моисей начал увещевать их и ободрять, приглашая положиться на волю Господню: последняя вернула им свободу, она же даст им возможность победить тех, кто вступает с ними в бой, оспаривая эту самую свободу. Им следует принять во внимание, что войско их многочисленно и в достаточной мере снабжено оружием, деньгами, пищей и всем тем, в уповании на что люди обыкновенно вступают в бой, так как в лице Господа Бога евреи имеют все это. Между тем силы противников ничтожны, безоружны и слабы, так что Господь Бог не даст им в таком положении, в каком их видит, победить евреев. Ведь евреи столь часто и в более серьезных положениях, чем эта война, успевали убедиться, какого покровителя имеют они в лице Предвечного; ведь воевать им придется теперь лишь с людьми, тогда как раньше, когда им приходилось бороться с голодом и жаждою, когда горы и моря отрезали им всякий путь к отступлению, им удавалось одолеть и такие преграды, благодаря милостивой помощи со стороны Господа Бога. Пусть они поэтому теперь как можно смелее вступают в бой, так как в победе над врагами заключается для них источник всевозможного благополучия.

3. Такими словами Моисей старался ободрить народ; затем созвал всех старейшин и начальников отдельных отрядов и приказал младшим беспрекословно повиноваться повелениям старших, а последним слушаться вождя. Теперь все смело смотрели в глаза опасности и были готовы на все, так как надеялись освободиться раз навсегда от всевозможных бедствий. Поэтому они просили Моисея не медлить и тотчас вести их на врагов, чтобы отсрочка не охладила их рвения. Тогда Моисей выделил из всей массы народной все военные силы и поставил начальником над ними Иисуса, сына Навина, из колена Ефремова, человека весьма храброго, способного переносить всякие тягости, крайне рассудительного и красноречивого, который отличался глубоким благочестием, так как в этом деле наставником его был сам Моисей, и

потому пользовался большим уважением среди евреев. Небольшому отряду тяжеловооруженных поручил он охрану воды, детей, женщин и вообще всего стана. Затем в продолжение всей ночи войско готовилось к битве, поправляло оружие, которое имело какие-либо изъяны, и собиралось вокруг своих начальников, чтобы по данному Моисеем знаку немедленно вступить в бой. И Моисей в свою очередь не спал, так как давал указания Иисусу насчет расположения войска в боевом порядке. Когда же начало светать, он еще раз просил Иисуса не обмануть возлагаемой на него в этом деле надежды и своими распоряжениями в сегодняшний день своего начальствования стяжать себе славу в глазах всего войска. Затем он убеждал в этом самых выдающихся евреев, каждого в отдельности, и, наконец, ободрил все войско во всей его совокупности. Подготовив таким образом воинов к бою не только путем увещаний, но и снабдив их всем нужным в деле оружием, Моисей поднялся на гору и поручил войско Господу Богу и Иисусу.

4. И вот оба войска сошлись и вступили в отчаянный рукопашный бой, в котором бились очень храбро, постоянно побуждая к тому друг друга. И пока Моисей воздымал руки свои к небу и держал их вверх, евреи побеждали амалекитян. Но так как он не был в состоянии долго пребывать в таком тяжелом положении (а между тем всякий раз, как он опускал руки, его войска терпели урон), то он повелевал брату своему Аарону и Ору, мужу сестры своей Мариаммы, стать с обеих сторон рядом с ним и поддерживать его руки, чтобы он не мог переставать оказывать таким образом поддержку своему войску. Ввиду этого евреи совершенно разбили амалекитян, которые наверно погибли бы все, если бы наступление ночи не положило предела резне. Таким образом предки наши весьма кстати одержали славнейшую победу, одновременно разбив напавших на них врагов и нагнав страх на всех окрестных жителей; при этом им достались в награду за труды и лишения значительные и прекрасные богатства: они захватили лагерь врагов, и им, которые раньше нуждались даже в самой необходимой пище, теперь удалось завладеть, всем вообще и каждому в отдельности, крупными богатствами. Этот бой принес им не только минутную пользу, но был причиной прекрасных последствий и на дальнейшее время, так как они не только физически отразили напавших на них врагов, но покорили их себе и нравственно, нагнав поражением амалекитян большой страх на все жившие в той местности туземные племена. Сами же они (как было уже упомянуто) сильно обогатились, потому что захватили в лагере массу серебра, золота и медной посуды для домашнего обихода, равным образом множество чеканной серебряной и золотой монеты, тканой материи, ковров и оружия, всякого другого имущества и скарба, а также все количество всевозможного скота, какой обыкновенно всегда следует за лагерем. Кроме того, евреи стали мужественнее, и вообще в их доблести произошла значительная перемена к лучшему; теперь они всегда были готовы подвергать себя всевозможным трудностям, понимая, что трудом можно добыть все, чего желаешь.

5. Таков был результат этой битвы. На следующий день Моисей приказал снять доспехи с павших врагов и собрать оружие, брошенное бежавшими неприятелями. Тем [из евреев], которые отличились особенной храбростью, он раздал почетные награды, а военачальника Иисуса удостоил публичной похвальной речи, свидетельствовавшей о совершенных им на глазах у всего войска доблестных подвигах. Из евреев никто не пал в битве, неприятелей же — столько, что их нельзя было и сосчитать. Для принесения благодарственной жертвы Моисей приказал воздвигнуть алтарь и, назвав Господа Бога Богом-Победителем, предсказал, что амалекитяне погибнут окончательно и что из них не уцелеет на будущее время ни один за то, что они напали на евреев, когда те находились в пустыне в особенно стесненном положении. Для войска же Моисей устроил пиршество.

Такова была первая война евреев, которую им пришлось вести с неприятелями по выходе

своим из Египта. После того как войско справилось со своим победным праздником, Моисей дал им отдохнуть ближайшие несколько дней после битвы и затем повел евреев вперед уже в боевом порядке. Но так как вследствие массы багажа они могли двигаться очень медленно, то Моисей достиг лишь на третий месяц по выступлении из Египта горы Синайской, где, как мы уже раньше сообщили, с ним случились необычайные происшествия с терновником и прочие чудеса (Ср. [Исх 17.8—16.](#)).

Узнав об успехах Моисея, тесть его Рагуил радостно выехал к нему навстречу, чтобы приветствовать его, Сапфору и детей их. Моисей также обрадовался прибытию своего тестя и, совершив жертвоприношения, устроил для народа угощение вблизи того тернового куста, который когда-то уцелел в огне. И весь народ, распределяясь по колоннам, принял участие в этом пире, Аарон же с родственниками своими и Рагуилом стали петь хвалебные гимны в честь Господа Бога за оказанную поддержку и за то, что Он явил себя виновником и дарователем их свободы. Равным образом они прославляли и вождя своего, благодаря доблести которого все им так отлично удалось. Рагуил, выражая свою признательность Моисею, сказал много похвального также по адресу всего народа, но главным образом он выразил свое удивление Моисею, проявившему столько мужества в деле спасения своих друзей (Ср. [Исх 18.1—12.](#)).

1. На следующий день Рагуил заметил, что Моисей завален делом (потому что он сам разрешал все споры между тяжущимися, так как все являлись к нему и тогда только никто не считал себя обиженным, если тот лично разбирал дело; даже когда люди проигрывали дело, то им казалось это легче, если все происходило по строгому праву, чем если они приписывали такой исход произвольному решению). Тогда Рагуил не сказал ничего, не желая мешать людям, обращавшимся за справедливостью к доблестному вождю своему; но когда толпа [просителей] ушла, шум умолк и он остался с Моисеем наедине, он решил дать последнему совет, как следует поступать [при таких обстоятельствах]. Совет этот сводился к тому, чтобы предоставить разрешение мелких дел другим лицам, тогда как разбор более серьезных случаев и общая забота о благе всего народа должна была лежать на самом Моисее: судить найдутся среди евреев и другие почтенные лица, тогда как заботиться о благе стольких десятков тысяч людей не сможет никто иной, кроме Моисея. «Зная сам о своих заслугах,- заметил Рагуил,- которые проявил ты в деле спасения народа, служа Господу Богу, поручи другим или самим тяжущимся разрешение их объединенных житейских споров, сам же ты посвети себя исключительно служению Предвечному и обрати все заботы свои на изыскание средств к тому, чтобы выручать народ из бедственных положений. Воспользуйся моим предложением, сделай точный смотр и исчисление войска и, разделив его на десятки тысяч и на тысячи, назначь над ними начальников. Затем подраздели войска на отряды в пятьсот, сто, пятьдесят, тридцать, двадцать и десять человек и отдай каждое из этих подразделений под команду одного выборного начальника, который и будет именоваться сообразно численности порученного ему отряда. Те же лица, которые пользуются у народа репутацией добросовестных и справедливых людей, пусть будут судьями в их тяжбах; если же возникнет более серьезное дело, то таковое они передадут тем, кто занимает более высокое общественное положение; если же и эти затруднятся решением вопроса, то они могут снестись с тобою. Таким образом результат получится вдвойне благоприятный: евреи будут наслаждаться правосудием, ты же сам сможешь посвятить себя всецело служению Господу Богу и еще более располагать Его к благоволению по отношению ко всему народу».

2. Этот совет Рагуила Моисей принял охотно и поступил сообразно его указанию. Впрочем, он никоим образом не приписывал себе чести изобретения этого нововведения, не скрывал, кто виновник его, но охотно сообщил народу имя лица, нашедшего это средство. В сочинениях своих он также назвал Рагуила автором указанного распределения [еврейского народа], так как считал необходимым свидетельствовать всю истину о лицах достойных, тем более что человеку пишущему делает честь упоминание и чужих открытий. Таким образом, перед нами еще один пример благородства Моисея, причем мы попутно в других местах этого сочинения укажем еще и на другие подобные примеры (Ср. [Исх 18.13—26.](#)).

1. Созвав народ, Моисей объявил ему, что пока он уйдет на гору Синайскую для общения с Господом Богом, а затем вернется обратно с тем решением Предвечного, какого он от Него удостоится²³⁵. Народ между тем должен расположиться станом вблизи горы и свято чтить соседство Божества. С этими словами Моисей отправился на Синай, самую высокую гору в той местности. Благодаря своей чрезмерной величине и крутым склонам, возвышенность эта не только является недоступною людям, но даже, если смотреть на нее, вызывает страшное ощущение; а так как к тому же существовало предание, что тут пребывает Божество, то гора эта вызывала священный ужас и никто не дерзал приблизиться к ней.

Сообразно повелению Моисея, евреи расположились станом у подошвы горы и были в радостном возбуждении при мысли, что Моисей вернется к ним назад с наилучшими известиями и предвещанием всевозможных благ от Господа Бога. В ожидании вождя своего они находились в праздничном настроении, совершали всевозможные очищения и по приказанию Моисея воздерживались в продолжение трех дней от общения с женами своими. В то же время они молили Господа Бога явить Свое милосердие Моисею и даровать ему средство, которое могло бы утвердить их благополучие. Себе же они разрешили более обильное и изысканное питание и вместе с женами своими и детьми облеклись в наилучшие и красивейшие свои одежды.

2. Таким образом провели они в праздничном настроении два дня. На третий же день, еще до восхода солнца, над всем станом евреев поднялось густое облако, какого они раньше не видали, и окутало всю местность, где были расположены их палатки. И в то время, как вся остальная местность кругом была залита солнечным светом, вдруг поднялись ужасные вихри с сильнейшим проливным дождем, засверкали молнии, вызывая трепет в зрителях, и раздавшиеся грозные громовые удары указали на близость Божества и на то, что Оно вступило в милостивое общение с Моисеем. Пусть всякий читатель составит об этом сам себе свое личное мнение: мое дело рассказать обо всем том так, как о том повествуется в наших священных книгах. Это зрелище в связи со страшным громом повергло евреев в ужас и трепет, потому что они не привыкли к подобным явлениям, да к тому же и распространенное мнение, что на эту гору снисходит сам Господь Бог, сильно возбуждало их расстроенное воображение. Поэтому они печально сидели в своих палатках, считая Моисея погибшим от гнева Господня и ожидая и себе подобной же участи.

3. И пока они находились в таком удрученном состоянии, вдруг явился к ним Моисей, веселый и бодрый, и такой вид его сразу рассеял в них весь страх и возбудил в них наилучшие надежды, тем более что недавно еще столь ужасная погода сменилась с появлением Моисея солнечным сиянием и светом. Затем Моисей созвал весь народ в собрание для того, чтобы выслушать повеления Господа Бога. Когда все были в сборе, он взошел на высокое место, откуда все могли его услышать, и сказал: «Еврей! Подобно тому, как и раньше, Господь Бог милостиво отнесся ко мне, и Он сам теперь между вами, в стане, для того, чтобы устроить вашу жизнь наилучшим образом и преподать вам правильное государственное устройство. Поэтому, во имя Его и тех благодетелей, которые он успел уже явить нам, умоляю вас, не отвергайте того, что я скажу вам теперь, отнеситесь к этому с должным вниманием и уважением, потому что я говорю с вами ныне не от лица моего, но от имени Господа Бога. Итак, приняв во внимание все значение этих слов, постарайтесь понять все величие Того, Кто говорит с вами и Кто не пренебрег вступить со мною в сношение ради вашего же блага. Ведь при моем посредстве удостоивает вас теперь своей речи не Моисей, сын Амарама и Иохаведы, но Тот, Кто ради вас

заставил Нил течь кровью и сокрушил гордыню египтян многоразличными бедствиями; Кто указал вам путь через море; Кто сниспослал вам, когда вы были в нужде, пищу с неба; Кто даровал из скалы воду жаждущим; волею Которого Адам стал пользоваться плодами земли и произведениями моря; при помощи Которого Ной избежал погибели во время потопа; милость Которого даровала нашему предку, бездомному скитальцу Авраму, Хананейскую землю и благодаря Которому родился Исаак у своих престарелых родителей; по воле Которого Иаков был благословен двенадцатью доблестными сыновьями и по благодати Которого Иосиф стал властвовать над всею землею египетскою. Пусть повеления Его будут для вас священны и драгоценнее ваших детей и жен. Следуя этим повелениям, вы будете счастливы в жизни, будете пользоваться плодородною почвою, тихим морем, дети у вас будут рождаться отличные и вы будете наводить страх на врагов ваших; вступив в непосредственные сношения с самим Господом Богом, я лично слышал Его беспредельно могучий голос. Настолько Предвечный заботится о вашем спасении и сохранении вашего рода».

4. Сказав это, Моисей повел весь народ вместе с детьми и женщинами вперед, для того чтобы все сами могли слышать слова Предвечного, с которыми Он обратился к ним с наставлениями, и для того чтобы значение этих слов не умалилось, если бы они были переданы им голосом человека. И вот все услышали глас, снисходивший с вершины горы, так что все точно могли себе усвоить те десять повелений, которые Моисей оставил записанными на двух скрижалях²³⁶. Впрочем, так как я не смею сообщить эти заповеди дословно, то я передам их общее содержание.

5. Итак, первая заповедь учит нас тому, что Господь Бог един и что только Ему следует поклоняться. Вторая запрещает делать изображения живых существ и почитать их; третья — клясться всуе именем Господа Бога; четвертая повелевает чтить субботу и воздерживаться в продолжение ее от всякой работы; пятая — почитать родителей своих; шестая — воздерживаться от убийства; седьмая — не прелюбодействовать; восьмая — не красть; девятая — не лжесвидетельствовать; десятая — не домогаться никакой чужой собственности.

6. Когда народ услышал от самого Господа Бога подтверждение того, что сообщил уже Моисей, то в великой радости разошелся по домам; в продолжение следующих дней евреи часто являлись в палатку Моисея с просьбою сообщить им еще и другие законы от Господа Бога. Законы эти Моисей сообщал, давая наставления, каким образом следует на будущее время устроить весь жизненный обиход; но об этом я упомяну в своем месте. Разбор большинства этих законоположений я, впрочем, предприму в другом сочинении, в котором собираюсь специально трактовать о них²³⁷.

7. В таком положении было дело, когда Моисей сообщил евреям, что он вновь отправится на гору Синайскую, и действительно он совершил подъем этот на их глазах. А так как время шло (он был в отсутствии уже сорок дней), то страх обуял евреев, не случилось ли с Моисеем какого-нибудь несчастья; а между тем все приключившиеся с ними бедствия не испугали бы и не опечалили бы их в такой степени, в какой удручала их мысль о возможности гибели Моисея. И вот среди евреев возникло разногласие: одни уверяли, что он погиб, будучи растерзан дикими зверьми (особенно держались такого мнения все те, кто был враждебно настроен против Моисея), другие же полагали, что он отошел к Господу Богу. Более же разумные, которые не испытывали ни малейшей личной удовлетворенности как от той, так и от другой возможности, оставались довольно равнодушными к этим словопрениям, так как считали вполне справедливым, ввиду безусловной добродетели Моисея, чтобы он был принят Господом Богом на небе, хотя бы он на земле и разделил участь многих людей и был растерзан дикими зверьми. Но они были глубоко опечалены при мысли, что лишились такого руководителя и заступника, какого им уже более не найти, и поскольку им казалось невозможным предполагать, что с

таким достойным человеком случилось несчастье, постольку они, однако, не могли не печалиться и не убиваться. Но ввиду того, что Моисей повелел им оставаться здесь, они все-таки не дерзали покинуть это место стоянки.

8. Когда наконец прошло сорок дней и столько же ночей, явился к ним и Моисей, который не принимал за все это, время никакой пищи, как это свойственно людям. Появление его наполнило народ радостью. Затем он разъяснил евреям, как печется о них Господь Бог, сообщил, что за эти дни он удостоился откровения, каким образом им следует устроить быт свой, чтобы жить счастливо, и объявил, какой скинии желает себе Предвечный, куда Он мог бы сходить и где мог бы находиться среди них, «для того чтобы мы, переходя с одного места на другое, были в состоянии брать ее с собой и нам не нужно было подниматься на Синай, так как Предвечный сам будет посещать нашу скинию и там внимать нашим молитвам». При этом Моисей показал народу две скрижали, на которых были начертаны десять заповедей, по пяти на каждой. Сама рука Господня начертала их²³⁸.

1. Когда евреи увидели скрижали и услышали это от вождя своего, они очень обрадовались и не щадили рвения в сил, доставляя ему серебро, золото, медь, лучшее дерево, не поддававшееся гниению от сырости, козьи шкуры и шерстяные ткани, отчасти окрашенные в фиолетовый, отчасти в пурпурный цвет, другие были ярко-красного, последние, наконец, совершенно белого цвета. Равным образом народ приносил сырую шерсть соответственной окраски и чистое полотно, драгоценные камни в дорогих оправках, которыми обыкновенно люди пользуются как самым дорогим украшением, и, наконец, множество благовонных трав. Из такого материала Моисей соорудил скинию ²³⁹, которая ничем не отличалась от переносного и походного храма. И вот, когда народ с таким рвением доставлял для этого сооружения необходимый материал и каждый старался превзойти в обилии своих пожертвований всех прочих, Моисей, по повелению Господа Бога, назначил для постройки архитекторов, которых выбрал бы и сам народ, если бы ему предоставлено было это право. Имена их (записанные в Св. Писании) были следующие: Веселеил, сын Ури, из колена Иудова, племянник вождя по его сестре Мариамме, и Елиав, сын Исамаха, из колена Дана. Народ же настолько ревностно способствовал осуществлению предприятия, что Моисею пришлось остановить его, заявив, что, по мнению строителей, наличного материала вполне достаточно. Затем было приступлено к сооружению самой скинии. Моисей сам, по указанию Господа Бога, указывал размеры всякой вещи и определял число необходимых для жертвоприношений сосудов. Также и женщины старались по мере сил о снабжении храма облачениями для священнослужителей и всем прочим, что было необходимо для украшения скинии и для проведения богослужения в ней.

2. Когда все это было заготовлено, золото, серебро, медь и ткани, Моисей назначил празднество с жертвоприношениями сообразно средствам каждого и велел воздвигнуть скинию. Сперва он вымерил место в пятьдесят локтей ширины и сто в длину для двора. Затем он велел поставить медные столбы в пять локтей вышины, по двадцати с каждой продольной стороны и десять по задней поперечной. У каждого из этих столбов были на верху кольца, серебряные капители ²⁴⁰ и золотые подножия наподобие оснований копий, а нижние медные концы столбов были вогнаны в землю. К кольцам были прикреплены канаты, привязанные другим концом к медным в локоть длины клиньям, которые были вбиты в землю снаружи против каждого столба и имели назначение защитить скинию от напора сильных ветров. Между всеми этими колоннами тянулись занавесы из самого мягкого виссона ²⁴¹, спускаясь тяжелыми складками от капителей до самого низа столбов. Занавесы эти, совершенно как стена, окружали и замыкали все пространство двора. Так были устроены три стороны этой ограды. На четвертой же стороне, имевшей также пятьдесят локтей в длину и представлявшей фас ²⁴² всего сооружения, открывалось пространство в двадцать локтей для входа, по краям которого возвышались две колонны наподобие портала ²⁴³, сплошь покрытые кованным серебром, исключая основания, которые были сделаны из меди. Между этими пилонами ²⁴⁴ стояли три колонны, вогнанные в землю в одинаковом друг от друга и от пилонов расстоянии. Между всеми ними тянулась завеса из виссона. Вход закрывался от одного пилон до другого ковром длиною в двадцать, а шириною в пять локтей ²⁴⁵, который был сделан из пурпура ²⁴⁶, красно-фиолетовой шерсти и виссона и на котором были вытканы различные и самые разнообразные узоры, отнюдь, однако, не напоминавшие изображений живых существ. За входом же (во дворе) помещался медный большой сосуд на медном же подножии; из него священнослужители совершали омовения рук и ног. Таким образом была устроена ограда двора, самую же скинию Моисей воздвиг посредине двора, обратив ее лицевою стороною к востоку, для того чтобы лучи восходящего солнца раньше

всего могли проникать внутрь ее²⁴⁷. Длинною скиния была в тридцать, шириною же в десять локтей. Одна [боковая] стена ее была обращена к югу, другая к северу, а задняя к западу. Возвышалась скиния на такую же высоту, на сколько она раздавалась в ширину. Каждую продольную стену составляли двадцать деревянных четырехугольных столбов, шириною в полтора локтя каждый, толщиной в четыре пальца²⁴⁸. Как изнутри, так и с наружной стороны столбы эти были покрыты коваными золотыми листьями. На конце каждого столба было по два клина, пропускавшиеся через два серебряных подножия со специально для этих клиньев сделанными отверстиями. Столбов, образовавших западную сторону, было шесть, и все они примыкали друг к другу и к крайним боковым с помощью вполне точных надрезов и скреплений; так что выходила сплошная стена, изнутри и снаружи обитая золотом. Число боковых столбов было точно рассчитано и с каждой стороны одинаковое, именно по двадцати, которые в общей совокупности заполняли собою пространство в тридцать локтей, потому что ширина каждого столба представляла третью часть четырех с половиной аршин. По краям задней же стены, состоявшей из шести столбов в десять локтей общей ширины, воздвигли еще по одному столбу в пол-аршина ширины, которые были устроены совершенно так же, как и все прочие планки. Каждый из столбов имел с наружной стороны золотые кольца, выступавшие по одной линии как бы из общего корня и своими отверстиями все обращенные в одну сторону. Пропущенные через них золоченые шесты, каждый по пяти локтей в длину, представляли связь между планками, и каждый шест скреплялся на концах с продолжением своим с помощью выступа, искусно сделанного наподобие винта. По задней стене шел поверх всех столбов неразрывною линиею один общий засов, который соединялся под прямым углом также с затворами боковых стен, так что конец одного затвора плотно входил в соответственно ему вырезанное отверстие другого. Все это устройство имело назначением оградить скинию от напора ветров и других несчастий, а также дать ей возможность невредимо выдержать всякую непогоду.

3. Разделив внутренность скинии на три части, Моисей поставил в расстоянии десяти локтей от задней стены четыре колонны, сделанные наподобие всех остальных столбов и покоившиеся на таких же основаниях, причем промежутки между этими колоннами был самый незначительный. Помещение за этими колоннами до задней стены представляло Святая Святых, тогда как остальное пространство скинии было открыто доступу священнослужителей. Такое распределение скинии знаменовало собой изображение всего мироздания: третья часть ее, которая отделялась четырьмя колоннами и в которую был запрещен доступ священнослужителям, изображала небо как местопребывание Господа Бога, остальное же пространство в двадцать локтей было открыто для одних священнослужителей наподобие того, как земля и море доступны человеку. По фронту здания, где находился вход в него, были воздвигнуты покоившиеся на медных подножиях золотые колонны, числом пять. Скиния была покрыта коврами из виссона с вотканными пурпуровыми, фиолетовыми и красными узорами. Первый ковер представлял собой квадрат, стороны которого имели длину в десять локтей каждая; он покрывал заднюю часть скинии вплоть до тех колонн, которые отделяли переднюю часть святилища от Святая Святых, так что внутренность последнего оставалась совершенно незримою. Все сооружение носило название святилища, а место за четырьмя колоннами, куда был запрещен доступ, называлось Святая Святых.

4. Чудно украшена многообразными, самыми разнообразными изображениями цветов, какие только производит земля, и всякими другими узорами, исключая изображения живых существ, была завеса, разделявшая обе части храма. Другая же завеса, совершенно схожая с этою как по величине, так и по узору и цвету, была устроена между пятью колоннами входа и, будучи прикреплена сбоку каждой колонны, доходила от вершины последней лишь до середины

столбов, так что остальное пространство внизу служило входом для священнослужителей. Поверх этой завесы тянулась еще холщевая, одинаковой с нею величины, которую можно было с помощью шнуров раздвигать в обе стороны; к шнурам и ткани были приделаны кольца, при помощи которых можно было раздвигать и собирать по углам [входа] эту завесу, для того чтобы открывался, особенно в торжественные дни, вид во внутрь святилища. По другим же дням и особенно в непогоду вход плотно закрывался задернутым вытканым занавесом. Отсюда и у нас возник обычай при построении храма устраивать такого же рода завесы у входа. Кроме того, имелось еще десять других ковров, шириною каждый по четыре локтя, а длиною в двадцать восемь, с золотыми застежками, которыми они привязывались так плотно друг к другу, что казались состоящими из одной сплошной массы. Их настилали поверх святилища, и они настолько закрывали также обе боковые и заднюю стены, что свешивались поверх земли еще на один локоть. Кроме того, были еще другие ковры, одинаковой с этими ширины, но числом на один больше и несколько длиннее, так как длина каждого из них составляла тридцать локтей. Они были сотканы из козьей шерсти, но так же тонко, как и первые, и спускались до самой земли. Над входом они образовывали как бы фронтон или навес; для этого предназначался одиннадцатый ковер. Наконец, поверх всех этих ковров лежали еще другие, сделанные из кожи (Ср. [Исх 26.14](#)), служа защитой и покровом тканым коврам от палящего зноя или проливного дождя. Кто издали смотрел на это сооружение, невольно поражался, потому что все это сверкало и переливалось так, как сверкает сияющее, ясное небо. Покровы, сделанные из козьей шерсти и из кожи, также спускались над входной завесой, защищая и ее от зноя и проливных дождей.

5. Таким образом была сооружена скиния. Для Господа Бога был затем воздвигнут кивот из прочного неподдающегося гниению дерева, которое на нашем языке носит название «эрон» [249](#). Устройство же самого кивота [250](#) было следующее: длина его обнимала пять спифамов [251](#), ширина и вышина по три спифама. Весь он был как снаружи, так и изнутри окован золотом, так что совсем не видно было дерева. Сверху же кивот имел удивительной работы золотую крышку, прикрепленную к нему золотыми же винтами, которая совершенно ровно покрывала кивот, ни в одной части не выступая над ним и не нарушая такими выдающимися углами симметрии всего сооружения. У каждой из более длинных стен кивота выступали золотые кольца, проходившие сквозь дерево; в них у каждой [продольной] стенки кивота были пропущены позолоченные [деревянные] шесты, при помощи которых можно было, в случае необходимости, переносить кивот; дело в том, что последний доставлялся с места на место не на повозках, но его носили священнослужители. На крышке кивота были сооружены две фигуры; евреи называют их херувимами, и они имеют вид крылатых существ, несколько, однако, не похожих на те создания, которых видим мы летающими по воздуху. Моисей уверял, что он видел такие существа изображенными на троне Господа Бога. В этот кивот он положил те две скрижали, на которых были начертаны десять заповедей, по пяти на скрижали, причем на каждой стороне было записано по две с половиной, а сам кивот поместили в Святая Святыя [252](#).

6. В святилище Моисей поместил стол, похожий на те, которые находятся в дельфийском храме [253](#), длина его была в два локтя, ширина в один локоть, а вышина в три спифама. У этого стола ножки были в нижней половине своей изящно выточены и походили на те подставки, на которые дорийцы [254](#) обыкновенно кладут ложа. На этом подножии лежала искусно сделанная четырехугольная доска, которая была окружена со всех сторон ободком величиной в человеческую руку кверху и книзу. У каждой ножки было приделано по кольцу под самой крышкой стола, и сквозь эти кольца продевались золоченые шесты из вышеупомянутого отличного дерева; их нельзя было вынимать, потому что они не проходили насквозь под столом,

а упирались концами в углубления, из которых одно было сделано в самой доске стола, а другие в каждой из его ножек. С помощью этих шестов стол переносился во время путешествий. На этом столе, который помещался в святилище с северной стороны, недалеко от Святой Святынь, были разложены друг против друга рядами по шести штук десять опресноков, выпеченных из двух ассаронов (эта мера у евреев равняется семи аттическим котилам²⁵⁵) самой чистой и лучшей муки. На эти хлебы насыпался из двух золотых чаш фимиам²⁵⁶, и эти хлебы заменялись новыми по прошествии каждой недели, в день, называемый нами субботним, так как седьмой день именуется у нас Sabbath. О причине этого обычая мы скажем в другом месте²⁵⁷.

7. Напротив этого стола, ближе к южной стене, был поставлен золотой светильник чеканной работы, внутри пустой, весивший сто мин, что евреи обозначают словом «кинхар», а в переводе на греческий язык это передается «талант»²⁵⁸. Он состоял из круглых трубок, шаровидных лилий, изображений гранатовых яблок и чашечек, числом до семидесяти, которые все исходили из одного общего основания и возвышались кверху, образуя такое количество ветвей, сколько существует планет вместе с солнцем, именно семь чашечек, расположенных по одной линии (на одинаковой высоте) друг против друга. На этих чашечках помещалось семь лампочек, тоже по числу планет. Так как светильник поставлен наискось, то и лампочки были обращены к востоку и югу.

8. Как раз между светильником и столом помещался алтарь для сожжения жертв, из такого же точно дерева, из какого, как я упомянул уже, были сделаны и все раньше описанные предметы. Дерево это не могло поддаваться гниению, и вдобавок оно было покрыто плотной [золотой] броней. Каждая сторона поверхности этого алтаря имела локоть длины, а вышиной весь он был вдвое больше. На нем помещался золотой очаг, окруженный с каждой стороны по краям венкообразным возвышением, сделанным тоже из золота. К этому борту были прикреплены также кольца и шесты, с помощью которых алтарь несли священнослужители во время путешествий. Кроме того, перед скинею был воздвигнут еще медный жертвенник, подножие которого было деревянное. Каждая сторона его имела пять локтей в длину и три в высоту, и он был так же украшен, как и золоченый алтарь, именно кованою медною броней; под очагом тянулась медная сеть, и так как под жертвенником было пустое пространство, то уголья падали через эту сетку на землю. Против этого алтаря стояли: чаша для возлияния, сосуды, кадила и площадки, сделанные из золота; все прочие, нужные для священнодействий приборы были медные. Таково было устройство скинии со всеми ее принадлежностями²⁵⁹.

1. Для священнослужителей были сделаны особые облачения, притом одни для всех тех, которые носят название хаанеев, и особенно для первосвященника, именующегося аравархом, что означает архиерея²⁶⁰. Общее для всех прочих священнослужителей облачение было следующее: всякий раз, как иерей²⁶¹ приступал к богослужению, он очищался сообразно ритуальному постановлению и затем для начала надевал так называемый менахасен²⁶², что означает повязку и представляет сделанные из сученого виссона панталоны для нижней части тела; их и надевали на ноги, как панталоны, и они доходили до половины тела, оканчиваясь у бедер, над которыми они крепко стягивались.

2. Поверх этой одежды священник носил льняное облачение из двойного тонкого виссона, которое называлось хефоменою, что значит «льняная одежда», так как лен у нас называется хефоном. Эта одежда представляла из себя плотно прилегавший к телу и доходивший до конца ног хитон²⁶³ с узкими, облегавшими руки рукавами. Его стягивали под грудью поясом, охватывавшим тело, шириною в четыре пальца. Пояс этот был так тонко выткан, что казался сделанным из кожи змеи, так как в нем были вытканы пестревшие красным, пурпуровым и фиолетовым отливом узоры (Ср. [Исх 39.29](#)). Основа же его состояла из чистого виссона. Пояс этот, начинаясь вблизи груди, около которой он несколько раз обвивался, спускался затем оттуда до низа ног. Иерей носил его в виде прелестного украшения до тех пор, пока не приступал к богослужению. Когда же приходилось приносить жертву или служить, то он откидывал концы пояса на левое плечо, чтобы они не мешали ему при отправлении его обязанностей. Моисей назвал пояс этот аванифом, мы же именуем его по-вавилонски емианом, как его называют в Вавилонии. Упомянутый хитон не имеет пазухи, но оставляет шею и верхнюю часть груди открытыми, причем прикрепляется к обоим плечам шнурами, идущими от передней и задней обшивки его верхних краев. [Эта верхняя часть хитона] называется массавазаном²⁶⁴.

3. На голове у иерея убор в форме усеченного конуса, который покрывает не всю голову, но несколько более половины ее. Убор этот называется маснаемфом²⁶⁵ и похож на венок, так как плотно скручен из тканой льняной материи и состоит из частых стеганых и затем сшитых складок. Сверху к этой шапке прикрепляется вуаль, которая обматывается вокруг него и спускается до глаз, скрывая швы головного убора и все, что могло бы казаться в нем неизящным. Это покрывало плотно охватывает голову. Весь этот убор так крепко сидит на голове священнослужителя, что не может с него свалиться во время богослужения. Итак, мы описали устройство облачения обыкновенных иереев.

4. Первосвященник же облачается так же, как и последние, так как надевает на себя решительно все те же части, о которых мы только что рассказывали. Но сверх того он надевает еще пурпурно-фиолетовый хитон, который также доходит до пят. На нашем языке риза эта называется меиром²⁶⁶, она охватывается поясом такого же рисунка, как мы показали выше, только в этот пояс вотканы еще золотые узоры. К подолу этого облачения пришиты кисти, похожие по виду и цвету на гранаты, а также, для большего изящества, золотые колокольчики таким образом, что между двумя кистями приходится по колокольчику, а между двумя колокольчиками по кисти. Хитон этот не состоит из двух отдельных кусков материи, которые были бы сшиты на плечах и с боков, но по всей длине своей соткан из одного куска, не имеет наверху широкого поперечного разреза, но снабжен продольным от груди до половины спины отверстием, края которого обшиты, для большей красоты, каймою. Равным образом хитон этот имеет разрезы в тех местах, где продеваются руки.

5. Сверх этих облачений первосвященник надевает еще третью ризу, носящую название ефуда²⁶⁷ и похожую на греческий наплечник. Устройство ее следующее: она состоит из вытканной разноцветными с золотом узорами материи длиной в локоть, спускается до середины груди, снабжена рукавами и общим видом напоминает хитон. На остающейся не закрытой этим облачением части груди находится величиной в спифам кусок материи, украшенный золотыми и такого же цвета узорами, как и ефуд. Он носит название ессена²⁶⁸, чему на греческом языке соответствует слово *Logion*, т.е. оракул, и вполне закрывает собою то место груди, которое остается открытым от ефуда. К ефуду этот нагрудник прикрепляется при помощи устроенных на каждом углу его золотых колец, которым на ефуде соответствуют также кольца, соединяющиеся с первыми фиолетовым шнуром, проходящим через них. А для того, чтобы сквозь отверстия колец ничего не просвечивало, под них подложены полоски фиолетово-пурпуровой ткани. Ефуд сдерживается на плечах двумя сардониксами, которые оправлены в золотые ободы, устроенные в форме удобно замыкающихся браслетов. На этих камнях вырезаны еврейскими буквами имена сыновей Иакова, по шести на каждом из камней, причем имена старших помещаются на правом плече. Также на нагруднике помещаются двенадцать удивительной величины и красоты драгоценных камней, которые представляют украшение столь значительной ценности, что человек не был бы в состоянии приобрести себе таковое. Эти камни крепко вделаны в ткань четырьмя рядами по три в ряд. Каждый из камней вделан в золотую оправу, концы которой проникают в ткань, так что они не могут вывалиться. Первый ряд камней состоит из сардоникса, топаза и смарагда; второй — из рубина, яшмы и сапфира; третий — из яхонта, аметиста и агата; в четвертом, наконец, первое место занимает хризолит, затем идет оникс, а замыкается ряд бериллом (Ср.: [Исх 28.17—20](#); [Исх 39.10—13](#); [Иез 28.13](#)). На всех этих камнях выгравированы имена сыновей Иакова, которых мы считаем родоначальниками отдельных колен наших, причем на каждом камне помещается по одному в последовательном порядке рождения носителей этих имен. Но так как маленькие кольца слишком слабы, чтобы выдержать тяжесть всех этих камней, то в ткань нагрудника вделаны еще другие два кольца побольше, именно в том месте каймы, где она подступает к шее. Через эти кольца пропущены кованые цепочки, которые идут к золотым филигранной работы брошкам на предплечьях. Концы этих цепочек тянутся через плечо и снизу прикрепляются к кольцам, имеющимся на нижней кайме ефуда, так что благодаря этому последний прикреплен совершенно плотно и не может сдвигаться с места. К ефуду примыкает пояс, тканый из той же материи с золотом и такого же цвета, как я уже говорил раньше. Он охватывает все тело, стягивается в месте своего шва, и концы его свешиваются вниз. Каждый конец его украшен кистями, состоящими из цельных золотых трубочек.

6. У первосвященника был такой же головной убор, как и у прочих священнослужителей, но поверх этого убора у него был еще другой, сделанный из узорчатой фиолетовой ткани. Вокруг него идет золотой тройной кованный венок, на котором сверкает золотая чашечка, похожая на цветок растения, которое у нас называется сахарным стручком, а у греческих знатоков ботаники именуется *hyoskyamos*. Для тех, кто, хотя и видел это растение, всетаки не запомнил его формы или же, будучи знаком с ним понаслышке, сам не видал его, я здесь дам его описание. Растение это часто достигает высоты более трех спифамов, имеет корень, похожий на свекловичный (это будет сравнением особенно удачным), и листья, похожие на листья эвзомы. На концах стеблей выступают почки, обтянутые кожицей, само собой раздвигающейся при появлении плода. Такая почка величиною в сустав мизинца и по округленности своей напоминает чашу. Впрочем, я и ее опишу подробнее для лиц, незнакомых с этим растением. Представляя полукруг, она примыкает нижним круглым концом к стеблю, от которого поднимается, образуя закругление; затем середина ее вновь несколько сплющена

красивым изгибом, который сверху опять расходится для того, чтобы образовать по краям складки, подобные тем, которые представляет срезанный гранат. Над этим покоится другой полукруг, и притом такой правильной формы, что его можно принять за выточенный, по нему тянутся те складки цветка, которые я сравнил со складками граната. Они похожи на шипы терновника и оканчиваются тонкими, крайне острыми иглами. Под этим покровом покоится плод, занимающий все пространство внутри чашечки и похожий на семена растения *sideritis*, которое имеет цветок, подобный маку. На этот (описанный мною) цветок похож металлический венчик [на шапке первосвященника], по крайней мере в задней его части, от темени до обоих висков; над лицом же находится не эта *erhielis*, как называется украшение, но золотая бляха, на которой вырезано священное имя Господа Бога²⁶⁹.

7. Таково облачение первосвященника. Иной, пожалуй, изумится той вражде к нам, которая мотивируется пренебрежительным якобы с нашей стороны отношением к Господу Богу, тогда как наши хулители приписывают только себе постоянное и истинное богочитание. Между тем, кто поразмыслит над устройством скинии, кто внимательно присмотрится к облачению священнослужителя и к принадлежностям нашего богослужения, тот придет к убеждению, что наш законодатель был человеком святым и что нам напрасно приходится выслушивать обвинения в отсутствии религиозности. Дело в том, что всякий, кто без задней мысли и внимательно присмотрится ко всему описанному, найдет, что все это устройство должно напоминать и служить отражением всего мироздания: скиния, имеющая в длину тридцать локтей, разделена на три части; две из них, как место не священное, предназначены для всех священнослужителей и соответствуют земле и морю, которые также доступны всем. Третья же часть посвящена одному Господу Богу, потому что и небо для людей недостижимо. Лежащие на столе двенадцать хлебов знаменуют собой год, разделенный на такое же число месяцев. Светильник, состоящий из семидесяти составных частей, напоминает знаки, через которые проходят планеты, а семь светочей на нем указывают на течение планет, которых также семь. Завесы, сотканые из четырех сортов материала, служат эмблемою стихий, при чем виссон очевидно напоминает землю, которая родит лен, пурпур — море, окрашивающееся в пурпуровый цвет кровью рыб, фиолетовый гиацинф-лазоревоый воздух, а багряный цвет служит символом огня. Льняной хитон первосвященника также напоминает о земле, фиолетовые нити его — небосклон, причем гранаты вызывают представление о молниях, а звук колокольчиков знаменует раскаты грома. Наплечник также — изображение всей созданной Господом Богом природы, почему, мне кажется, он и сделан из четырех родов материала, причем вотканые в него золотые нити, по моему мнению, должны напоминать о всюду проникающем свете. Нагрудник, помещающийся как раз посередине наплечника, занимает именно то же самое место, которое занимает земля в самом центре мироздания. Охватывающий эту одежду пояс служит эмблемою океана, который также обтекает вокруг всей земли. Сардониксы на плечах первосвященника знаменуют солнце и луну, а двенадцать камней [нагрудника] могут быть приняты либо за изображения месяцев, либо за такое же число звезд, группу которых греки называют зодиаком. То и другое предположение не будет ошибочным. Головной убор [первосвященника] также напоминает, по моему мнению, о небе, тем более что лазоревато-фиолетового цвета, да и, кроме того, иначе на нем не была бы помещена надпись с именем Господа Бога. Вдобавок на нем имеется венчик, и притом золотой, который указывает на сияние, постоянно окружающее Божество. Сказанного здесь, на мой взгляд, достаточно. Впрочем, еще часто и во многих местах мне придется упоминать о деяниях, свидетельствующих о великом благочестии нашего законодателя.

1. Когда описанная скиния была готова, но отдельные части и утварь ее еще не были освящены, Господь Бог явился Моисею и приказал предоставить священство брату его Аарону, который по своему благочестию более всех других достоин этой чести. Созвав по этому поводу народное собрание, Моисей представил народу всю добропорядочность и мягкость характера Аарона и упомянул также о тех опасностях, которым последний подвергал себя за всех их. Так как все готовы были засвидетельствовать это и выказывали большое к нему расположение, то Моисей обратился к народу со следующими словами: «Мужи израильские! Сооружение, которое столь благоугодно Господу Богу, теперь, поскольку это было в наших силах, уже готово. А так как нам предстоит вскоре принять Господа Бога в скинии, то раньше всего нам следует озаботиться подысканием священнослужителя, которого задачей было бы заведовать жертвоприношениями и возносить за всех нас молитвы к Всевышнему. Если бы решение данного вопроса лежало в моих руках, то я был бы готов себя самого признать достойным этой чести, так как в природе каждого из нас имеется эгоизм и так как я отлично сознаю, сколь много я выстрадал ради вашего благополучия. Между тем ныне сам Предвечный признал Аарона достойным этой чести и избрал его Своим священнослужителем, так как считает его к тому наиболее подходящим из всех нас. Ввиду этого Аарон наденет посвященное Господу Богу облачение, возьмет на себя заботу об алтарях и жертвоприношениях и будет молиться за вас Господу Богу, который охотно внимлет мольбам его, потому что эти молитвы будут возноситься избранником Самого Предвечного». Евреям эта речь понравилась, и они согласились с выбором Господа Бога, тем более что Аарон, как по происхождению своему, так и по присущему ему пророческому дару, наконец, и по заслугам брата был наиболее других достоин этой чести. В то время у него было четверо сыновей: Навад, Авнауи, Елеазар и Ифамар (Ср. [Исх 28.1](#); Лев 8.1).

2. Весь тот материал, который оставался не употребленным при сооружении скинии, Моисей приказал употребить на устройство предохранительных завес для самой скинии, светильника, жертвенника и прочей утвари, для того, чтобы все эти предметы во время путешествия не были попорчены дождем или пылью. Затем он еще раз собрал народ и повелел, чтобы каждое лицо внесло налог в полсикла. Сикл представляет еврейскую монету, равную четырем аттическим драхмам²⁷⁰. Народ с удовольствием подчинился требованию Моисея. Плательщиков оказалось 603 550 человек, потому что налог вносили лишь свободнорожденные в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Собранные таким образом деньги пошли в пользу скинии (Ср. [Исх 30.11—16](#); [Чис 1.1—46](#)).

3. Затем Моисей стал освящать скинию и священнослужителей, приступив к посвящению следующим образом: он велел взять на пятьсот сиклов отборной мирры и на столько же ириса и половину этого количества корицы и мяты (последняя тоже годится для курения) и растолочь, затем примешать туда оливкового масла гин (это местная мера, соответствующая двум аттическим хоям²⁷¹) и, искусно сварив все это, получить таким образом в высшей степени благовонную мазь. Этой мазью Моисей в знак очищения помазал священнослужителей и всю скинию; крайне дорогие курения же, которых требуется всегда много разнообразных сортов для скинии, он повелел сложить на золотом жертвеннике. Впрочем, я обойду молчанием приготовление этих курений, чтобы не утомлять читателей. Дважды в день, именно перед восходом и при закате солнца, было предписано воскуривать фимиам и вливать свежее масло в лампы светильника; из этих ламп святого светильника три должны были гореть в честь Господа Бога в продолжение целого дня, остальные же зажигались только вечером (Ср. [Исх 30.7—8](#), [Исх 30.22—38](#)).

4. Окончанием всего сооружения искусные строители, Веселиил и Елиав, стяжали себе большую славу, так как они не только сами усовершенствовали при работах то, что было придумано другими раньше, но и сделали совершенно новые, до них прежде неизвестные и крайне удачные изобретения. Из этих строителей первым и лучшим признан Веселиил. На окончание всего сооружения ушло ровно семь месяцев, и таким образом закончился как раз год со времени выхода евреев из Египта. В начале же второго года, в месяц, носящий у македонян название ксанфика, а у евреев нисана²⁷², именно в новолуние, произошло освящение скинии и всех ее мною описанных принадлежностей.

5. Также и Господь Бог выказал свое удовольствие по поводу этого сооружения, следовательно, не напрасно потрудившихся евреев и не пренебрег им, но удостоил его Своим присутствием. Проявил же Он последнее следующим образом: в то время как небо [кругом] оставалось совершенно чистым, над одной только скинией появилось темное облако, не такое густое и грозное, как то бывает зимою, но, однако, и не настолько редкое, чтобы взор мог проникнуть сквозь него. Из этого облака выделялась приятная роса, знаменуя всем любящим Господа Бога и верующим в Него присутствие Предвечного.

6. Почтив строителей, соорудивших всю постройку, такими подарками, которые соответствовали их заслугам, Моисей, по повелению Господа Бога, принес на двор скинии в очистительную жертву быка, барана и козла. В главе о жертвоприношениях вообще, когда я укажу, в каких случаях закон повелевает сжигать жертвенное животное целиком и в каких разрешает употреблять в пищу часть его, я поговорю о ритуале жертвоприношения и связанного с ним богослужения. Затем Моисей окропил кровью жертвенных животных облачения Аарона и сыновей его и, омыв их ключевой водой и помазав мирром, посвятил их на служение Господу Богу. Таким образом он поступал в течение семи дней с ними и их облачением, а также помазывал выше мною упомянутым елеем скинию и всю утварь ее и окроплял все это кровью быков и баранов, которых онежедневно зарезал. На восьмой день он объявил празднество и повелел всем принести жертвы сообразно со своими средствами. Народ повиновался этому повелению, и каждое отдельное лицо в рвении своем старалось превзойти других и приносило по возможности обильные жертвы. Когда же все посвященные Господу Богу приношения были возложены на алтарь, внезапно из-под них само собой вырвалось пламя, подобное сверкающей молнии, и пожрало все лежавшее на жертвеннике.

7. Тут крупное несчастье постигло Аарона, как человека и отца; но оно было с благородством перенесено им, с одной стороны, потому, что он обладал большой твердостью духа, а с другой — оттого, что видел в этом горе проявление воли Божьей. Дело в том, что из упомянутых мною четырех сыновей его двое старших, Навад и Авиауй, были охвачены пламенем, так как возложили на жертвенник не то курение, которое им повелел Моисей, но то, которое они раньше употребляли в дело. Пламя ринулось на них и так обожгло им грудь и лицо, что никто не был в состоянии спасти их, и они должны были умереть. Тогда Моисей повелел отцу и братьям вынести тела их за ограду стана и там похоронить с большой торжественностью. Народ был глубоко опечален этой неожиданной кончиной, Моисей же убеждал братьев и отца покойных не слишком скорбеть о постигшем их горе, а ставить славу Божью выше своего собственного несчастья, тем более что Аарон уже носил священное облачение (Ср. Лев 8.1—9,24; Лев 10.1—7).

8. Отказавшись от всяких почестей, которые народ счел нужным воздать ему, Моисей посвятил себя исключительно одному служению Богу. Он теперь также не восходил уже более на Синай, но отправлялся в скинию и тут просил у Бога поддержки и совета, в которых нуждался; при этом как по платью, так и по всему прочему он держал себя совершенно так, как всякий простой человек, и не желал ничем отличаться от массы, кроме заботливости, с которой

относился к нуждам последней. Кроме того, он давал предписания насчет государственного устройства и издал законы, следуя которым народ мог бы вести угодный Господу Богу образ жизни и не входить в своей собственной среде в пререкания ни с кем. Все эти постановления Моисей составил по указанию самого Господа Бога, и к их рассмотрению я теперь перейду.

9. Но раньше я все-таки дополню тут то, что я пропустил при описании облачения первосвященника. Дело в том, что Моисей лишил должных пророков, если бы нашлись таковые и стали выдавать себя за возвестителей воли Божьей, всякой возможности совращать народ. Господь Бог мог, по усмотрению Своему, присутствовать при богослужении или нет, и при этом такое присутствие или отсутствие Предвечного должно было быть усматриваемо не только евреями, но и случайно находившимися в святилище чужеземцами. Ввиду этого всякий раз, как Господь Бог присутствовал при богослужении, тот из драгоценных камней, которые, как я упомянул уже выше, первосвященник носил на плечах (то были сардониксы, подробное описание которых я здесь опускаю, так как считаю их всем достаточно известными), который находился на правом плече, служа там застежкой, начинал особенно сильно сверкать и издавать такой яркий свет, какой ему обыкновенно не был свойствен. Конечно, это должно было вызывать удивление всех тех, которые для унижения всего божественного не прибегали к своим собственным лживым мудрствованиям. Но я сейчас скажу о явлении еще более изумительном. Дело в том, что Господь Бог возвещал евреям, когда они собирались на войну, победу при помощи тех двенадцати драгоценных камней, которые были пришиты к нагруднику первосвященника: еще до выступления войска в поход камни эти начинали так сильно блистать и сверкать, что всей народной массе становились очевидными милостивое присутствие и покровительство Господа Бога. Ввиду этого и те греки, которые почтительно относятся к нашим установлениям, не могут отрицать этот факт и называют нагрудник первосвященника оракулом. Впрочем, как камни нагрудника, так и плечевой сардоникс перестали издавать такой необыкновенный свет еще за двести лет до составления мною настоящего сочинения, так как Господь Бог отвратил милость Свою от народа вследствие постоянного нарушения последним законов. Но об этом мы поговорим при более удобном случае. Теперь же я обращаюсь к продолжению своего прерванного рассказа.

10. Когда была освящена скиния и все касавшееся устройства священнослужителей было окончено, то народ стал думать, что отныне Господь Бог будет пребывать среди него в скинии, и приступил к жертвоприношениям и молитвам, в надежде, что теперь отвращены уже все бедствия и что отныне можно предаться наилучшим ожиданиям. Колена еврейского народа стали приносить Господу Богу дары, отчасти каждое в отдельности, отчасти сообща. Старейшины же колен, соединясь по двое, пожертвовали повозки, запряженные двумя быками (так что таких повозок было всего шесть), для того чтобы перевозить скинию со всею к ней относящейся утварью во время путешествий. Кроме того, каждый старшина пожертвовал еще по чаше, блюду и кадьнице, которая весила по десяти дариков²⁷³, и была наполнена курением. Блюда же и чаши (все из серебра) весили вместе попарно двести сиклов, из которых семьдесят приходилось на долю каждой чаши, и были наполнены смесью муки с оливковым маслом, как то требуется для жертвоприношений на алтаре. Наконец, каждый представил по барану, теленку и годовалому ягненку для жертвы всесожжения, а также по козлу для жертвы всепрощения. Кроме того, каждый из старейшин приносил еще и другие, так называемые спасительные жертвы, именно ежедневно по два быка и по пяти баранов с годовалыми ягнятами и козлами.

Такие жертвы приносили они в продолжение двенадцати дней, ежедневно по одной. Моисей же более не подымался на гору Синайскую, но получал в скинии от Господа Бога наставления относительно образа жизни народа и составления для него законов. Так как последние были гораздо лучше человеческих постановлений, то этот дар Божий свято почитался

в течение веков, так что евреи не нарушали ни одного из этих законов, ни в мирное время, когда они пользовались изобилием всех благ земных, ни во время войны, когда были в стесненном положении. Но имея в виду составить об этих законах отдельное сочинение, я здесь не буду более распространяться об этом [274](#).

1. Заговорив о жертвах, я здесь упомяну о некоторых постановлениях, касающихся ритуала очищения и жертвоприношений. Существует два рода последних, и смотря по тому, приносятся ли они от лица частного человека или от лица всего народа, и характер их двойкий: в одном случае вся жертва сжигается целиком, отчего она и получает название жертвы всесожжения; в другом жертвенное животное съедается во время пира, и жертва тогда называется благодарственной. Итак, я поговорю о первом роде жертвоприношений.

Если частное лицо хочет принести жертву всесожжения, то оно закалает быка, барана и козла; последние должны быть годовальными, быки же могут быть и старше. Все, предназначающееся в жертву всесожжения, должно быть мужского пола. По заклинании жертвенных животных священнослужители окропляют их кровью алтарь со всех сторон, затем сдирают шкуры и рассекают туши на части, чтобы посыпать их солью, возложить на алтарь, на котором уже имеются горящие дрова. Ноги жертвенных животных и внутренности их подвергаются затем тщательной очистке и возлагаются к остальным частям на алтарь, шкуры же поступают в пользу священнослужителей. Таким-то образом приносили жертвы всесожжения.

2. Кто же собирается принести благодарственную жертву, тот закапает таких же точно животных, как и при жертве всесожжения, и могут быть как самцы, так и самки. После заклинания животных кровью их окропляется алтарь, на который возлагаются: почки, перепонка печени, жировые части и самая печень, а также хвост барана. Грудь и правое бедро предоставляются священнослужителям, остальное же мясо идет в еду в продолжение двух дней. Все же, что бы ни осталось еще по истечении того срока, предается сожжению.

3. Жертвы бывают также грехоочистительными, и ритуал их схож с обрядом при благодарственных жертвоприношениях. Те, кто не имеет средств приносить такие дорогостоящие жертвы, являются с двумя горлицами или молодыми голубями, из которых одного сжигают в честь Господа Бога, а другого оставляют в пищу священнослужителям. О приношении этих птиц мы, впрочем, подробнее будем говорить в сочинении о жертвоприношениях²⁷⁵. Кто по неведению впал в грех, жертвует барана и овцу, однолеток; кровью этих животных священнослужитель окропляет алтарь, впрочем, не весь, как то практиковалось при вышеуказанных жертвоприношениях, но лишь выступы по краям его; почки и остальные жирные части вместе с печенью возлагаются на алтарь. Шкуры и мясо священнослужители оставляют себе, и мясо это они должны еще в тот же самый день употребить в пищу в храме; закон не позволяет оставлять его до следующего дня. Если же кто-нибудь согрешил сознательно и нет никого, кто изобличил бы его в этом, то он, по предписанию закона, должен принести в жертву барана, мясо которого также в тот же самый день должно идти в пищу священнослужителям в храме. Если старшины совершат прегрешение, то и они приносят таким же образом жертвы, как и частные лица, с тою лишь разницею, что приводят быка и козла (Ср. Лев 1.1—17; Лев 3.1—16; Лев 5.7—19).

4. Закон также предписывает присоединять к жертвенным животным, как при жертвоприношениях от частных лиц, так и при общественных, известное количество самой чистой муки; а именно: при овце прилагается одна мера, носящая название ассарона, при баране — две, при быке — три меры. Эта мука для возложения на алтарь смешивается с оливковым маслом, которое должно быть представляемо при жертвенных животных, при быке — полгина, при баране — треть его, при овце — четверть гина. Гин же представляет из себя древнееврейскую меру, которая соответствует двум аттическим хоям. Также и вина приносят одинаковое с оливковым маслом количество, и вино это разливается вокруг алтаря. Если же кто

приносит не в жертву, но по обету пшеничную муку, то он сначала возлагает на алтарь горсть ее; остальную муку берут для своего употребления священнослужители, причем либо поджаривают ее, смешав с оливковым маслом, либо выпекают из нее хлебы. Но все то, что возложил священнослужитель на алтарь, непременно предается сожжению целиком. Закон запрещает закалать в один и тот же день детеныша вместе с маткою и вообще не позволяет приносить в жертву новорожденное раньше истечения восьмидневного срока после появления его на свет. Существуют также жертвоприношения за избавление от болезни или по другим причинам, причем вместе с жертвенными животными в число подношений входят также сладкие лепешки. Закон и тут не разрешает, раз священнослужители получают в свою пользу часть приношений, оставлять что-либо до следующего дня (Ср. [Чис 15.1—15](#)).

1. Закон также повелевает приносить в жертву ежедневно, утром и вечером, на общественный счет годовалого барана; на седьмой же день, именующийся субботним, закалается, по тому же ритуалу, пара их. Кроме этих ежедневных жертвоприношений, в новолуние закалают еще двух быков, семь годовалых овец и барана, да вдобавок в виде грехоочистительной жертвы еще барана, на случай если кто-нибудь согрешил бессознательно (Ср. [Исх 29.38—42](#); [Чис 28.3—15](#)).

2. В седьмом месяце, носящем у македонян имя гиперберетея, к указанным жертвоприношениям присоединяют еще быка, барана, семь овец и козла для отпущения грехов.

3. В десятый день этого месяца назначается пост до появления луны, и в этот день закалают быка, двух баранов, семь овец и козла в виде грехоочистительной жертвы. Кроме того, приводят еще двух козлов. Из них один выгоняется живым за пределы стана в пустыню, служа носителем и искупителем грехов всего народа, другого же выводят на чистое место вблизи стана и сжигают там целиком, вместе с кожей, без всякого очищения. Единовременно с ним предается сожжению также и бык, которого доставляет не народ, но из своих личных средств первосвященник. Когда этот бык заклан и кровь его, как и козла, доставлена в святилище, первосвященник обмакивает в нее палец и окропляет по семи раз потолок и пол святилища и столько же раз стены и золотой алтарь; остальную кровь он выносит на двор и окропляет ею большой жертвенник. Затем внутренности, почки, жировые части и печень быка возлагаются на алтарь, первосвященник присоединяет к этому еще барана и приносит таким образом жертву всесожжения Господу Богу.

4. Так как время подходило к зиме, то Моисей приказал на пятнадцатый день того же месяца, чтобы каждый построил себе шатер в виде жилья и приготовился к встрече холодного времени года. Когда же они достигнут отечества [говорил он], им придется собираться в том городе, в котором будет находиться храм и который поэтому будет главным, и праздновать восьмидневный праздник, причем они будут преподносить жертвы всесожжения и благодарственные и будут держать в руках миртовые, ивовые, пальмовые и персиковые с плодами ветви. В первый день жертва всесожжения должна состоять из тринадцати быков, четырнадцати овец и двух баранов, а также одного козла для искупления грехов. В следующие дни им придется приносить в жертву такое же число овец, баранов и по козлу; лишь количество быков они могут уменьшать ежедневно на одного до тех пор, пока они не дойдут до числа семь. На восьмой же день им следует воздержаться от всякого труда и, по вышеуказанному нами ритуалу, принести Господу Богу в жертву теленка, барана, семь овец и козла в виде искупления грехов.

5. Таким образом, было установлено для евреев строить по родному обычаю шатры. В месяце ксанфике, который у нас носит название нисана и представляет начало года, на четырнадцатый день после новолуния, когда солнце станет в знак овна (в этот месяц произошло наше избавление от египетского рабства), Моисей повелел приносить такую же жертву, какую мы, как было выше сказано, принесли при выходе из Египта и которая называется Пасхой. Мы справляем ее по отдельным семьям, причем ничто из пищи не сохраняется до следующего дня. На пятнадцатый день наступает праздник опресноков, продолжающийся семь дней, в продолжение которых люди питаются опресноками и ежедневно закалают двух быков и одного барана с семью овцами. Все это представляется [в святилище] в качестве жертвы всесожжения и служитежеско́ю пищею священнослужителей, прачем ко всему этому присоединяется еще козел для искупления прегрешений. Во второй день праздника опресноков (следовательно, в

шестнадцатый день этого месяца) берут от вновь созревших плодов, к которым раньше никто не смел прикасаться, считая справедливым почтить на первом плане Господа Бога, которым даруется вся эта благодать, и приносят Ему в жертву следующим образом первый ячмень: высушив, смолов и очистив от всех примесей кучу колосьев ячменя, посвящают на алтаре Господу Богу ассарон их, а остальное предоставляют священнослужителям для личного пользования. Лишь после этого дозволяется всем и каждому приступать к жатве. Вместе с первыми плодами приносят в виде жертвы всежжения Господу Богу и ягненка (Ср. Лев 23.5—8; [Чис 28.16—25](#)).

6. По истечении седьмой седмицы, т.е. сорока девяти дней, после этого жертвоприношения, именно в Пятидесятницу, которую евреи называют Асарфа, что значит пятидесятый день, приносят Предвечному в жертву выпеченный из двух ассаронов белой муки сдобный хлеб и двух овец. Все, что тут приносится в жертву (Ср. Лев 23.6; [Чис 28.26—31](#)) Господу Богу, по закону, идет в пищу священнослужителям, причем ничего не должно оставлять до следующего дня. В виде жертвы всежжения закапается три тельца, два барана и четырнадцать овец, равно как два козла для искупления грехов. Вообще, ни один праздник не обходится без жертвы всежжения и без прекращения работы; напротив, во всех случаях предписывается законом известный вид жертвоприношения, полный отдых от трудов, равно как жертвенный пир.

7. Затем на общественный счет выпекается пресный хлеб, на что идет двадцать четыре ассарона муки. Из каждых двух ассаронов накануне субботы выпекается по хлебу, а рано утром в субботу эти хлебы возлагаются на стол в святилище по шести в ряд. Хлебы эти посыпаются курениями из двух золотых сосудов и оставляются таким образом до следующей субботы, когда вместо них приносятся новые хлебы, тогда как старые отдаются в пользование священнослужителям; курение, которое лежало на хлебах, сжигается в жертву Господу Богу, а вместо него возлагается на хлебы новое. Священнослужитель же дважды в день приносит в жертву из собственных средств ассарон муки, смешанной с оливковым маслом; смесь эта немного пропекается, и затем рано утром и вечером обе половины ее бросаются в огонь. Впоследствии мы будем говорить об этом подробнее, здесь же и сказанного кажется мне достаточным²⁷⁶

1. Выделив из среды всего народа колено Левино для отправления священнослужительских обязанностей, Моисей освятил его членов омовением в чистой родниковой воде и с помощью установленных законом на подобные случаи жертвоприношений. Затем он передал им скинию со священной утварью и всем устройством для охраны их во время пути и повелел им прислуживать священникам, так как те уже были посвящены Господу Богу (Ср. [Чис 3.5—9](#)).

2. Равным образом Моисей точно определил всех животных, которыми можно питаться, и тех, от употребления которых в пищу следует воздерживаться. Об этом мы при случае поговорим подробно в другом месте этого сочинения, а также укажем на причины, основываясь на которых он разрешил нам употреблять в пищу одних животных, а от других велел воздерживаться. Моисей запретил также употреблять в пищу всякую кровь, считая ее тождественною с душою и духом. Равным образом он запретил есть мясо павших животных, возбранив тоже употребление в пищу внутренностей и жировых частей почек козы, овцы и быка (Ср. Лев 11.1—47; [Втор 14.1—21](#)).

3. Моисей выделил из совместного сожительства с евреями всех обезображенных проказою и всех страдающих кровотечением. Женщин же во время менструаций он отделил на семь дней, по истечении какового срока и очищения им вновь разрешалось вступать в общение с мужьями. Равным образом все, кто хоронил покойника, должны были воздержаться от общества других людей в продолжение такого же количества дней. Всякий, кто, благодаря своей ритуальной нечистоте, пробыл такое время вне общения с людьми, должен был, по закону, принести в жертву двух ягнят, из которых один обязательно предавался закланию, а другой поступал в собственность священнослужителей. Таковую же жертву приносили и те, кто страдал кровотечением. У кого во сне совершались выделения семени, тот обязан был выкупаться в холодной воде, подобно тому, как если бы имел общения с женщиною. Зараженных проказою он совершенно удалял из города, и они не могли ни с кем общаться: на них смотрели совершенно как на покойников. Если же кто из прокаженных, благодаря своим молитвам, выздоравливал от этой своей болезни и исцелялся вполне, тот должен был принести Господу Богу целый ряд разнообразных жертв, о которых мы поговорим впоследствии (Ср. Лев 13.1 — Лев 15.1).

4. В силу всего этого можно лишь посмеяться над теми, которые уверяют, будто Моисей сам был одержим проказою и потому бежал из Египта и будто по этой-то причине он и повел с собою в Хананею больных проказою. Если бы это было справедливо, то Моисей не издал бы таких постановлений, которые логически противоречили бы его собственному состоянию, равно как положению его товарищей, тем более что у многих других народов прокаженные не только не изгоняются и с позором выделяются из общества, но даже занимают высокие и почетные должности как в военной службе, так и по управлению государством и свободно посещают священные места и храмы. В таком случае, если бы Моисей сам или весь сопровождавший его народ был одержим этою заразною болезнью, ничто не помешало бы ему издать на этот счет самые мягкие постановления, а не определять такого, подобного наказанию, отделения больных от здоровых. Поэтому все это, очевидно, говорится в силу ненависти к нам. Моисей же сам, равно как и его единоплеменники, был свободен от этой болезни, почему он во славу Божию и издал такие постановления.

5. Однако предоставляю судить об этом каждому по его усмотрению. Родильницам, родившим дитя мужского пола, возбранялся в течение сорока дней доступ в храм; если же рождалась девочка, то это запрещение обнимало вдвое более продолжительный период времени.

Придя, по истечении указанного срока, в храм, они приносили с собою жертвы, которые представлялись пред лицо Господа Бога священнослужителями (Ср. Лев 12.1).

6. Если кто-нибудь станет подозревать жену свою в прелюбодеянии, то доставит ассарон ячменной муки и возложит горсть ее на алтарь, в честь Господа Бога, а остальную предоставит в распоряжение священникам. Один из последних поставит женщину у ворот в святилище, снимет с ее головы покрывало, напишет на пергаменте²⁷⁷ имя Господне, затем повелит ей поклясться, что она невинна перед мужем своим, указывая при этом, с одной стороны, на то, что если она преступила закон, то правое бедро испортится, чрево раздуется и она от этого умрет, с другой же — предсказывая ей рождение на десятом месяце дитяти мужского пола в том случае, если бы муж ее, движимый великою к ней любовью, а также ревностью в силу этой любви, слишком поспешно обвинил ее. По принесении женщиной соответствующей клятвы, священнослужитель погружает пергамент с написанным на нем именем Господним в чашу с водою, примешивает к этому несколько земли, подобранной в святилище, и дает все это женщине выпить. Если обвинение, взведенное на женщину, оказывается неосновательным, то она впоследствии действительно становится беременною и чрево ее постигает благодать, если же она обманула мужа и принесла ложную клятву Господу Богу, то позорно умирает, причем бедро у нее выпадает и низ живота раздувается, как бы от водянки. Вот такие правила дал Моисей своим единоверцам относительно жертвоприношений и связанных с ними очищений. Кроме того, он оставил им еще другие законы следующего рода (Ср. [Чис 5.12](#) и далее).

1. Всякое прелюбодеяние Моисей безусловно запретил, считая необходимым и высшим благом, чтобы мужчины жили с женами своими в здоровом браке: тогда будет польза как целым общинам, так и отдельным семьям от законнорожденных детей. Сходиться же с замужними женщинами закон запретил, как гнуснейшее зло. Жить с женою отца своего, с тетками своими, сестрами или женами детей своих — преступление противоестественное. Моисей также запретил общение с женщиною менструирующею, скотоложство и мужеложство, указав на весь позор таких преступлений. За нарушение всех этих постановлений Моисей определил в наказание — смерть²⁷⁸.

2. Священнослужители должны вдвойне отличаться нравственною чистотою, и потому на них не только распространяются все общие запрещения, но им запрещено жениться на публичной женщине, на рабыне, на военнопленной, на продавщицах или служанках в гостиницах, равно как на всех тех женщинах, которые по каким бы то ни было причинам были со своими мужьями. Первосвященнику было запрещено жениться даже на вдове умершего, что было, однако, разрешено всем прочим священнослужителям; он мог взять в жены лишь девушку и не имел права расходиться с нею. Равным образом первосвященник не мог приблизиться к покойнику, тогда как другим священнослужителям не было запрещено прикасаться к трупам своих братьев, родителей или собственных детей. Все священники должны были быть совершенно свободны от каких бы то ни было телесных недостатков. Если кто-нибудь из священнослужителей имел какой-либо телесный недостаток, то хотя ему и было повелено получать свою долю из жертвенных приношений, однако было запрещено приближаться к алтарю и входить в храм. И не только во время отправления богослужения иереи должны были быть чистыми, но они должны были особенное рвение прилагать к тому, чтобы весь образ их жизни отличался безукоризненною чистотою. По этой-то причине лица, носящие священническое облачение, должны быть совершенно трезвы, безусловно не запятнаны и целомудренны; пока на них облачение, им безусловно запрещено употребление вина. Также и жертвенные животные должны быть без малейшего изъяна, без каких бы то ни было телесных недостатков²⁷⁹.

3. Эти законы ввел Моисей еще при своей жизни; кроме того, он издал еще во время пребывания евреев в пустыне несколько таких постановлений, которых евреи должны были держаться по завоевании Хананеи. Подобно тому как народу был предписан отдых от трудов на каждый седьмой день, он повелел давать и земле отдых от возделывания по истечении каждых шести лет. Все, что произвела бы земля в это время сама по себе, без обработки, было предоставлено в общее свободное пользование, и притом не только единоплеменникам, но и чужестранцам. Из таких произведений земли нельзя было ничего сохранять до следующего года. То же самое постановление распространялось на седьмую седмицу лет, т.е. полного пятидесятилетия. Такой пятидесятый год называется у евреев юбилейным. В такой год должники освобождаются от своих обязательств, единоверцы же, которые совершили какое-нибудь преступление против закона и потому были наказаны рабством, а не смертью, отпускаются на свободу. Равным образом в это время возвращаются и земельные участки их первоначальным владельцам. При наступлении юбилейного года (это название означает свободу)²⁸⁰ сходятся продавец поля и покупатель и высчитывают стоимость плодов поля и затраты на его обработку; если оказывается, что стоимость плодов выше, то продавец прямо оставляет поле за собою; если же ценность обработки превышает стоимость плодов, то покупателю возмещается разница и он предоставляет землю в пользу продавца. Если же

стоимость плодов и затраты на обработку оказываются одинаковыми, то земля также переходит в собственность первоначальному своему владельцу. Такое же законоположение должно было применяться к деревенским постройкам, тогда как относительно городских домов существовали другие постановления; а именно, если продавец до истечения годового срока возвращал покупателю денежную стоимость здания, то он тем самым принуждал последнего возвращать ему и дом. Если же год истек, то владение закреплялось за купившим его. Такие законы получил Моисей от Господа Бога в то время, когда народ расположился лагерем у подошвы горы Синайской, и их он передал евреям в писаном виде (Ср. Лев 25.1—55).

4. Когда Моисей пришел к убеждению, что этих законоположений пока будет достаточно, он решил обратиться наконец к устройству войска, так как давно уже имел в виду заняться этим. Поэтому он повелел всем старшинам колен, кроме колена Левина, точно выяснить число способных носить оружие. Левиты же были посвящены служению Богу и были свободны от всего этого. На смотре оказалось, что способных носить оружие лиц, в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, было шестьсот три тысячи шестьсот пятьдесят человек. На место Леви Моисей назначил старшиною Манассию, сына Иосифа, а вместо последнего Ефрема. Таково было, как я уже выше упомянул, желание Иакова, которое он выразил Иосифу, именно чтобы он причислил своих сыновей к его сыновьям²⁸¹.

5. Евреи расположились лагерем таким образом, что скиния помещалась как раз посередине (Ср. [Чис 9.17—23](#)), а с каждой стороны ее стали по три колена. Их отделяли друг от друга дороги, пересекавшие весь стан. Тут же помещался и удобный рынок, где каждый продавец занимал свое определенное место и каждый ремесленник имел свою на определенном пункте помещавшуюся мастерскую, так что весь стан совершенно имел вид передвижного города. Ближе всех к скинии жили священнослужители, подальше же левиты (и они также подверглись счислению, в том числе и все мальчики в возрасте более тридцати дней), которые представляли массу в двадцать две тысячи восемьсот человек (Ср. [Чис 2.1](#) — [Чис 3.51](#)). Все время, пока туча стояла над скинией, они оставались на своих местах, будучи в полной уверенности, что Господь пребывает там; когда же она переходила на новое место, то и они передвигались за нею (Ср. [Чис 9.17—23](#)).

6. Моисей изобрел также нечто вроде серебряной трубы, которая имеет следующий вид: длиною она немногим меньше локтя, а трубка ее узка, лишь немного шире, чем у флейты; наконечник ее достаточно объемист, чтобы вбирать в себя всю массу воздуха, который вдует в нее играющий; оканчивается же она широким отверстием, наподобие охотничьего рога. На еврейском языке инструмент этот носит название асосры²⁸². Таких труб было сделано две: одною пользовались для созыва и сбора народа в общее собрание, другою приглашались старшины на совещание; если же одновременно трубили в обе, то все без исключения должны были собираться на сходку. Когда имелось в виду передвинуть на другое место скинию, то поступали следующим образом: при первом звуке труб должны были сниматься с места все те, которые жили на восточной стороне, при втором звуке те, которые занимали пространство к югу от скинии. Затем уже снималась и самая скиния, которую везли таким образом, что она помещалась между двенадцатью коленами; из них шесть предшествовало ей, шесть замыкало шествие, все же левиты окружали святыню. При третьем трубном звуке выступали жители западной стороны, а четвертый служил сигналом к выступлению для тех, которые занимали северную сторону лагеря. Этими же трубами пользовались также по субботам и другим дням для созыва народа к жертвоприношениям. Тогда же Моисей впервые после выступления народа из Египта принес в пустыне и так называемую пасхальную жертву (Ср. [Чис 10.1—10](#)).

Спустя некоторое время евреи двинулись станом от горы Синайской (Ср. [Чис 10.11](#) — [Чис 11.34](#)) и, миновав несколько стоянок, о которых у нас речь будет впереди, прибыли в местность по имени Есермоф²⁸³. Тут народ вновь начал волноваться и обвинять Моисея во всех испытанных со времени выхода из Египта бедствиях, так как он ведь посоветовал покинуть плодородную страну и привел их в гибельную пустыню, тогда как, однако, раньше обещал им благодатную местность; вместо всего этого они странствуют теперь без цели в таком бедственном положении и чувствуют крайний недостаток в воде, и если у них вдобавок выйдет еще и манна, то они окончательно погибнут. И вот, когда толпа в исступлении своем разражалась такими угрозами против Моисея, кто-то начал убеждать их не забывать о трудах последнего на общую пользу и не упускать из внимания помощи, которую оказывал народу сам Господь Бог. Но толпа в ответ на это лишь еще больше заволновалась, подняла еще более сильный шум и еще серьезнее стала угрожать Моисею. Тогда Моисей, видя их в таком отчаянии, начал урезонивать их и, несмотря на всю гнусность их поведения, все-таки обещал им доставить в изобилии мяса, и притом не на один день, а на более продолжительное время. Когда они на это выразили ему свое полное недоверие и кто-то спросил, откуда он думает достать мяса для стольких тысяч людей, Моисей ответил: «Господь Бог и я, несмотря на то что слышим от вас такие безобразные речи, не перестаем заботиться о вас, в чем вы сможете сейчас убедиться». Не успел он сказать это, как весь стан наполнился перепелками, и евреи тотчас принялись за сбор их. Господь Бог, однако, немного спустя наказал евреев за их дерзкие хулы и поношения, потому что немалое число их вскоре умерло. Еще и поныне та местность называется Каврофавою, то есть «воспоминанием о прихоти»²⁸⁴.

1. Отсюда Моисей повел евреев в местность, именующуюся Фаранкс²⁸⁶, которая находилась вблизи границ хананейских и представляла для заселения большие затруднения. Тут он созвал народ в собрание и обратился к нему со следующими словами: «Из тех двух благ, которые Господь Бог решил даровать нам, а именно свободы и владения плодородною страной, вы, благодаря Ему, первым уже пользуетесь, а второе вскоре получите. Дело в том, что мы находимся в непосредственной близости к границам хананейских племен, и не только ни царь, ни город, но даже и весь их народ в совокупности не сможет оказать нам сопротивление, когда мы пожелаем занять эту страну. Итак, приготовимся к этому делу, потому что туземцы без боя не уступят нам своей страны и нам придется завоевать ее целым рядом трудных битв. Поэтому вышлем разведчиков, которые разузнали бы о степени плодородия этой страны и познакомились бы с военными силами жителей ее. Но прежде всего, да будем единодушны в почитании Господа Бога, Который во всем является вашим покровителем и союзником».

2. На эти слова Моисея народ ответил сочувственными кликами, в которых выражалось все его почтение к вождю, и выбрал двенадцать разведчиков из числа самых почтенных лиц, из каждого колена по одному. Эти разведчики прошли по всей Хананее от границы ее вблизи Египта и до города Амафы²⁸⁷ и Ливана и затем вернулись назад, хорошенько ознакомившись в продолжение тех сорока дней, которые они употребили на это дело, как с характером страны, так и с местным населением. Великолепием последних и рассказом об изобилии тех благ, которыми отличается эта страна, разведчики возбудили в народе военный пыл, с другой же стороны, они напугали евреев трудностью завладеть ею, указав на то, что там имеются реки, через которые переправа, вследствие их ширины и глубины, крайне затруднительна, если не невозможна, что придется переходить через неприступные горы и брать города, огражденные не только стенами, но и сильнейшими укреплениями. В Хеброне они даже встретили потомков необычайных исполинов. Одним словом, поскольку сами разведчики, увидевшие на пути своем в Хананее большие затруднения, чем все препятствия, которые пришлось преодолеть евреям со времени выхода их из Египта, чувствовали трепет, постольку же они старались напугать своими рассказами и народ.

3. Последний, действительно, услышав все это, стал считать завоевание такой страны невозможным. Поэтому, разойдясь по домам, евреи начали с женами и детьми оплакивать свою горькую судьбину и жаловаться, что Господь Бог тешит их только словесными обещаниями, а на самом деле не оказывает им никакой поддержки. И вновь они стали громко обвинять во всем Моисея и брата его, первосвященника Аарона. Таким образом, они провели ночь в гнусных поношениях этих двух мужей, а на следующее утро, рано, опять собрались на сходку, имея в виду побить камнями Моисея и Аарона и затем вернуться назад в Египет.

4. Тогда двое из разведчиков, Иисус, сын Навина, из колена Ефремова, и Халев из колена Иудова, в смятении вошли в толпу и стали успокаивать народ, убеждая его не отчаиваться, не обвинять Предвечного в нарушении данного обещания и, главным образом, не верить словам тех, которые пугают их своими рассказами о Хананее; напротив, им следует довериться тем, которые доставят им полное благополучие и владение такими благами. Если они будут мужественны, то их не удержат от этого намерения ни высота гор, ни глубина рек, тем более что сам Господь Бог окажет им в бою Свою милостивую поддержку. «Двинемся поэтому, - сказали они, - на врагов, отстранив от себя всякие подозрения в малодушии, и в полном уповании на руководство Господа Бога последуем за теми, кто поведет нас». Такими речами они старались успокоить смятение разъяренной толпы, Моисей же и Аарон бросились

наземь и стали молить Господа Бога не о своем собственном спасении, но о том, чтобы Он прекратил неверие народа и изменил бы его взгляды на вещи, так как теперь народ этот подавлен трудностью предстоящей ему задачи. Тотчас появилось облако и, став над скиниею, указало на присутствие Божества.

1. Тогда Моисей смело вошел в толпу и объявил, что Господь разгневался на народ и решил наказать его, впрочем, не так строго, как заслуживают его прегрешения, но подобно тому, как отцы наказывают детей своих для вразумления. Дело в том, что, когда он, Моисей, вошел в скинию и с плачем стал умолять Предвечного отвратить от них предстоящую гибель. Господь Бог выставил на вид, сколько раз Он оказывал им поддержку и какими благодеяниями Он осыпал их, и что, несмотря на это, они все-таки не чувствуют никакой благодарности к Нему, но даже, побуждаемые трусостью разведчиков, считают их слова более основательными, чем все Его собственные обещания. Ввиду всего этого Он, правда, хотя и не погубит их совершенно и не уничтожит племени их, которым Он дорожит более других народов, тем не менее не даст им овладеть Хананею с ее земными благами, но заставит их в продолжение сорока лет быть бездомными скитальцами по пустыне и тем накажет их за их беззаконие. «Детям же вашим,- продолжал Моисей,- Господь Бог обещал предоставить эту страну и сделать их обладателями всех тех богатств, которых вы лишились, благодаря вашему собственному невоздержанию».

2. Когда Моисей сообщил об этом решении Господа Бога, народ впал в печаль и уныние и стал упрашивать Моисея быть заступником их перед Господом Богом, освободить Их от необходимости скитания по пустыне и даровать им возможность поселиться в тех городах. Но тот отвечал, что Предвечный не поддастся такому искушению, так как Он гневается на них не легким людским гневом, и что Он мудро постановил им такое наказание. Вместе с тем отнюдь не следует думать, будто он один, Моисей, успокоил разъяренную толпу в столько десятков тысяч человек и вернул ее к послушанию: Господь Бог, явившись ему, оказал ему поддержку в усмирении народа, который ведь неоднократно имел случай убеждаться, что неповиновение Ему влекло за собою страшные бедствия (Ср. [Чис 14.11—39](#)).

3. Этот человек (Моисей) является по своей добродетели, равно как по убедительности в силе своего слова, не только в свое время, но даже еще и поныне, прямо изумительным: нет такого еврея, который бы не повиновался его предписаниям, как будто бы сам Моисей был всегда налицо и мог наказать его за ослушание, хотя бы такое ослушание и не сделалось известным. Впрочем, существует масса случаев, поясняющих его власть над человеком. Так, например, однажды несколько жителей области за Евфратом совершили четырехмесячное, сопряженное с большими опасностями и затратами, путешествие, чтобы удостоиться чести посетить наш храм. Когда они окончили свои жертвоприношения, они все-таки не удостоились получить свою долю жертвенной трапезы, потому что Моисей не разрешил этого лицам, которые не признают наших законов и не подчиняются действующим у нас постановлениям. Несмотря на то, что некоторые из этих людей вовсе не приступали к жертвоприношениям, другие же совершали его лишь наполовину, а многие вовсе не входили еще в храм, они удалились, предпочитая повиноваться постановлениям Моисея, чем своему личному влечению. При этом им не приходилось опасаться, чтобы кто-нибудь силою удержал их от этого; они поступили так в силу собственной своей совестливости. Таким образом законы, приписываемые Господу Богу, достигли того, что этот человек пользовался сверхъестественным авторитетом. Еще недавно, незадолго до начала этой войны²⁸⁸, в царствование у римлян императора Клавдия²⁸⁹ и в бытность Измаила нашим первосвященником, когда страна наша была охвачена таким голодом, что ассарон муки продавался за четыре драхмы, когда на праздник опресноков было доставлено лишь семьдесят кор²⁹⁰ муки (т.е. тридцать один сицилийский или сорок один аттический медимн²⁹¹), никто из священнослужителей, несмотря на такое голодное время, не осмелился присвоить себе ни одной горсточки муки, боясь закона и гнева Господнего, с

которым Предвечный преследует даже тайные провинности. Таким образом, не следует удивляться тому, что тогда совершил Моисей, раз до сих пор еще оставленные им записанными законы имеют такую силу, что даже лица, ненавидящие нас, все согласны в том, что сам Господь Бог при посредстве Моисея и его добродетели устроил нашу общественную жизнь.

Впрочем, предоставляю каждому судить об этом по собственному его усмотрению.

Предисловие

Основное содержание этой книги — описание странствий иудеев по пустыне и изложение законодательства Моисея. Здесь Иосиф Флавий довольно точно воспроизводит ветхозаветный текст. Правда, присутствуют и небольшие вставки, например описания природы и животного мира плодородной долины около Иерихона и окрестностей города Авилы у Иордана. Приведены некоторые сведения о древних календарях.

1. Связанная с лишениями и различными затруднениями жизнь евреев в пустыне побудила их наконец, вопреки воле Господа Бога, попытаться овладеть Хананею. Они не только оставляли без всякого внимания убедительные доводы Моисея, которыми последний старался отвлечь их от исполнения принятого решения, но и, помимо его на то согласия, были твердо уверены в победе своей над врагами. При этом они опять начали взводить на Моисея всевозможные обвинения и стали громко высказывать подозрение, будто он старается оставить их в таком бедственном положении исключительно для того только, чтобы они всегда нуждались в его помощи; потому они решили начать войну с хананеями, уверяя друг друга, что Господь Бог оказывает им поддержку отнюдь не из расположения к Моисею, но потому, что вообще печется о народе, предков которого он взял под особое Свое покровительство, и подобно тому как раньше того Он даровал им в силу добродетельной жизни этих предков свободу, так и теперь будет их всегдашним союзником, лишь бы они сами выразили готовность подвергнуться всевозможным опасностям. В то же время они утверждали, что они и сами собою были бы достаточно сильны для преодоления враждебных им народов, хотя бы Моисей и вздумал отвлечь от них помощь Господа Бога; вообще они считали для себя полезным быть более самостоятельными и освободиться от тирании Моисея, которую они сносили лишь в силу благодарности за освобождение их от египетского ига, и от образа жизни по его желанию, в ложной уверенности, будто в награду за его покорность Господь Бог сообщит ему ожидающую их судьбу: разве не все они происходят от Авраама и разве Господь Бог одному Моисею даровал власть сообщать им будущее? Поэтому им казалось более благоразумным не обращать внимания на заносчивость Моисея и постараться, в уповании на Господа Бога, овладеть страной, которую Он им обещал. В то же время они решили совершенно отказаться от руководства Моисея, который именем Предвечного удерживал их от этого. Основываясь таким образом на тягости своего положения в пустыне, которая казалась им, благодаря продолжительности их в ней пребывания, еще более грозною, они приготовились вступить в бой с хананеями, причем они рассчитывали на предводительство Господа Бога и не ожидали уже более никакого содействия со стороны своего законодателя.

2. И вот, когда евреи приняли такое решение и напали на врагов своих, последние не испугались ни их нашествия, ни количества их войск, но храбро встретили их. Вскоре многие из евреев пали, а все остальное их войско, после того как совершенно был нарушен боевой порядок, в полном беспорядке бежало от врагов в свой лагерь. Потерпев против ожидания такое поражение, евреи совершенно пали духом и уже не надеялись более на какой бы то ни было успех, так как видели в этой неудаче возмездие Божие за то, что они начали войну вопреки Его воле.

3. Видя отчаяние, в которое впали его единоверцы после этого поражения, и опасаясь, как бы враги, ввиду своей победы, не стали рассчитывать на дальнейшие, еще большие успехи и не напали на них, Моисей признал необходимым увести евреев подальше от Хананеи в пустыню, тем более что народная масса опять обратилась к нему за поддержкою, так как понимала, что без его руководства ей не справиться с новыми затруднениями. Поэтому Моисей отступил с войском дальше в пустыню, где, как он рассчитывал, народ успокоится и не раньше свяжется с хананеями, чем Господь Бог сам укажет им удобный для того момент [292](#).

1. Как обыкновенно бывает в огромных войсках, особенно же при неудачах, что людьми овладевает неудовольствие и дух неповиновения, так это случилось и с евреями. Последних ведь было шестьсот тысяч человек, и если при этой численности они не отличились особенною дисциплиною даже при удачном исходе предприятий, то тем более теперь, во время такого бедствия и после постигшего их удара, они не только стали ссориться между собою, но и ополчились против своего вождя. И вот среди них возникло такое возмущение, равного которому мы не знаем ни у греков, ни у [других] варваров. При этом случае все подверглись бы опасности погибнуть, если бы их не спас Моисей, который готов был забыть, что он чуть было не был ими побит камнями. Да и Господь Бог не переставал заботиться о них и о том, чтобы они избежали такого страшного несчастья, и хотя они восстали против своего законодателя и против повелений, которые Он дал им через посредство Моисея, Он избавил их от тех ужасных последствий мятежа, которые были бы для них, без Его попечений, неизбежны. Итак, я теперь перейду к рассказу об этом возмущении и о связанных с ним нововведениях, но первоначально укажу на причину, ради которой произошло это возмущение.

2. Корей, который занимал, как по своему происхождению, так и по богатству, видное положение среди евреев, отличался красноречием, которым умел увлекать народную толпу, с завистью видел возрастающее значение Моисея и был недоволен этим. Будучи родственником Моисея и принадлежа к одному с ним колену, он считал себя особенно правоспособным к занятию столь почетного положения, тем более что был гораздо богаче Моисея и не ниже его по происхождению. Поэтому он стал жаловаться левитам вообще, к колену которых он принадлежал, и особенно своим родственникам, указывая на опасность, проистекающую из того, что Моисей употребляет все усилия к упрочению своего положения, на котором он и держится при помощи всяких злоупотреблений, хотя в своих мероприятиях постоянно ссылается на Господа Бога. Так, например, он вполне противозаконно предоставил первосвященство брату своему Аарону, основываясь при этом не на решении народном, а исключительно на собственном произволе; следовательно, он, по примеру тиранов, раздает почетные должности кому захочет. Однако гораздо более тяжким преступлением, чем такое насилие, является тайная агитация, так как она губит людей не только открыто, но и главным образом потому, что жертвы ее сами не знают всех интриг. Ведь всякий, считающий себя вправе занять почетную должность, старается добиться ее силою убеждения, а не насильственным образом действий; между тем, кто не в состоянии легальным путем достигнуть желаемой почести, тот не решается, дабы не потерять ореола порядочности, действовать путем открытого насилия, но пускает в ход всякие хитропридуманные интриги. Народу полезно наказывать таких людей, пока они считают свою деятельность еще скрытою от глаз общественности, и не давать им усиливаться, чтобы не видеть в них впоследствии явных врагов. «Какую же причину в состоянии привести Моисей, в силу которой он предоставил Аарону и его сыновьям священство? Ведь если Господь решил оказать эту честь комулибо из колена Левина, то я, который по происхождению не ниже Моисея, а по богатству выше и летами гораздо старше его, был бы, казалось, более достойным ее. Если же честь эта принадлежит старшему из колен, то по всей справедливости она подобала бы колену Рувилу, а именно Дафамну, Авираму и Фалаю, которые являются наиболее престарелыми и, по богатству своему, самыми могущественными членами его».

3. Такими речами Корей хотел выставить себя ревнителем общего блага, на самом же деле старался лишь о том, чтобы народ удостоил его самого этой высшей почести. Сперва он

обращался с такими хитрыми, но, по-видимому, справедливыми словами к своим сородичам. Вскоре эти речи распространялись дальше, и так как каждый из слушателей мог прибавить что-либо в обвинение Аарона, то подобные обвинения стали раздаваться по всему стану. И вот с Кореем вошли в соглашение двести пятьдесят лучших мужей, решивших как можно скорее лишить брата Моисеева священства, а самого Моисея обесчестить. Также и народная толпа была возбуждена; она даже решилась побить Моисея камнями и с этой целью в беспорядке, с шумом и гамом стеклась в народное собрание. Перед скинией Господа Бога народ стал кричать, что следует изгнать тирана и освободить евреев от гнета того, который, прикрываясь Господом Богом, издает насильственные постановления. Ведь если бы сам Предвечный выбрал себе священнослужителя, то Он назначил бы на эту почетную должность человека достойного, а не дал бы ее лицу, которое во многом значительно уступает другим; наконец, если бы Господь Бог и хотел даровать эту почетную должность Аарону, то Он поручил бы это назначение всему народу, а не предоставил бы его одному брату назначенного.

4. Хотя Моисей уже давно знал о происках Корея и давно заметил возбужденное состояние народа, однако он не испугался, но в полном сознании того, что он честно заботился о народном благе, что назначение его брата на пост первосвященника состоялось не по его личной воле, но по определению самого Господа Бога, спокойно явился в собрание; К народу он не обратился ни единым словом, хотя ему не трудно было бы убедить его в чем угодно, но за то он закричал на Корея так громко, как только мог: «Как ты, Корей, так и каждый из них (при этом Моисей указал на двести пятьдесят приверженцев Корея) являетесь в моих глазах достойными высокой чести [священства]. Я даже готов не лишать никого из своих единоплеменников этой чести, хотя бы он и уступал вам по своему богатству и по другим преимуществам. Однако я предоставил эту почетную должность Аарону, и не потому, что он выдается своим богатством — ты сам превосходишь нас обоих в этом отношении,- а также не вследствие его благородного происхождения — Господь Бог дал нам всем одно общее происхождение, даровав нам одного общего предка,- наконец, также не из любви к брату предоставил я ему то, на что и всякий другой имел бы право. Ведь если бы я не сообразовался с велениями Господа Бога и с законными постановлениями, то я оставил бы эту почетную должность себе самому, а не отдал бы ее другому, так как я сам себе ближе, чем мне мой брат, и так как я сам себе дороже, чем он мне. Однако было бы неразумно подвергать себя самого опасности ради того, чтобы сделать приятное другому. Я далек от того, чтобы совершать несправедливости, да и сам Господь Бог не дозволил бы, чтобы пренебрегали Его волею и чтобы вы оставались в неведении относительно последней. Поэтому-то Он сам и выбрал себе священнослужителя и освободил нас от всякой в этом деле ответственности. И хотя Аарон получил эту должность не благодаря моему к нему расположению, но по постановлению самого Господа Бога, он тем не менее готов сложить ее перед вами и предоставить ее желающим; но при этом он требует, чтобы, если он будет выбран, мог беспрепятственно занимать ее, и настаивает на своем праве домогаться ее, причем он предпочитает этой должности не видеть вас бунтующимися из-за нее, хотя напоминает, что получил ее с вашего согласия. Получая все то, что дает нам Господь Бог, мы не грешим, даже если это делается и против вашего желания: было бы безбожно отказываться от чести, которой удостоивает Предвечный, и было бы совершенно безрассудным не принимать ее, когда Он нам дает ее навсегда и Сам скрепляет ее за нами. Итак, пусть Господь теперь еще раз решит, кому Он желает поручить жертвоприношения за вас и кому заведовать богослужением. Было бы совершенно неуместным, если бы Корей, присвоив себе эту почетную должность, отнял у Господа Бога возможность предоставить ее тому, кому Он сам пожелает. Поэтому прекратите теперь всякие волнения и шум по поводу этого дела; завтра же утром пусть явятся сюда все те, кто имеет притязание на священство, и принесут каждый из дому кадильницу, курение и огонь.

И ты также, Корей, предоставь решение дела Господу Богу и обожди Его постановления; не считай себя сильнее самого Предвечного; явись и ты с другими, чтобы выяснилось, достоин ли ты этой высокой должности. При этом я также считаю необходимым и присутствие Аарона, который принадлежит к одному «с тобою колену и который не навлек на себя ни малейшего упрека во время отправления им первосвященнических обязанностей. Затем вы перед лицом всего народа принесете жертвы воскурения, и чью жертву благосклоннее примет Господь Бог, за тем и останется священство. Таким образом, невозможно будет утверждать, чтобы кто-нибудь получил эту почетную должность вследствие расположения к нему его брата» (Ср. [Чис 16.1—3](#), [Чис 8.1](#) — [Чис 15.1](#)).

1. При этих словах Моисея прекратился не только шум толпы, но исчезло и всякое относительно него подозрение. Евреи согласились с его доводами, потому что все в этом видели, как оно и было на самом деле, благо народа. Поэтому собрание тотчас разошлось, а на следующий день народ опять собрался на сходку, чтобы присутствовать при жертвоприношении, которое должно было решить, кому из состязавшихся будет принадлежать первосвященство. Сборище этих людей вело себя, впрочем, крайне беспокояно, потому что с нетерпением ожидало исхода испытания: одни из них были бы весьма довольны, если бы были доказаны проделки Моисея, другие же, более рассудительные, рассчитывали избавиться наконец от всех этих тревожностей и беспокойств, потому что они боялись, что если беспорядки будут продолжаться, то скоро нарушится весь строй их жизни. Масса же простонародья шумела потому, что по природе своей находит удовольствие в ругательствах по адресу правящих классов и готова согласиться с любым мнением, с которым к ней обращаются. Моисей между тем послал к Авираму и Дафамну слуг с приглашением явиться сообразно уговору и ожидать решения спора путем жертвоприношения. Однако те ответили посланным, что они не намерены повиноваться Моисею, да и не желают долгие смотреть на то, как будет усиливаться, благодаря различным бесчестным проделкам, его авторитет. Получив такой ответ, Моисей пригласил старейшин следовать за ним и сам отправился к Дафамну и его приверженцам, не придавая никакого значения опасности, которой он подвергал себя, идя к таким заносчивым людям. Старейшины беспрекословно повиновались Моисею и пошли за ним. Когда же приверженцы Дафамна увидели, что Моисей является к ним с самыми отборными представителями народа, то вышли со своими детьми и женами из палаток, чтобы посмотреть, что собирается Моисей делать дальше. Вблизи них стояли и слуги их, на всякий случай готовые явиться на помощь, если бы Моисей вздумал прибегнуть к силе.

2. Когда же Моисей приблизился к ним, то воздел руки к небу и воскликнул таким громким голосом, что весь народ мог слышать его слова: «Владыка небес, земли и моря! Ты самый надежный свидетель того, что все поступки мои сообразовались с волею Твоею. Ты, который в крайности даровал евреям возможность избежать гибели и во всех опасностях милостиво относился к ним, явись мне на помощь и внемли словам моим. От Тебя ведь не остаются скрытыми не только никакие деяния, но даже ни один помысел; потому не откажи и мне в раскрытии всей истины и выведи наружу всю неблагодарность этих людей. Ты ведь в точности знаешь все, что совершилось даже раньше появления моего на свет, и притом знаешь это не понаслышке, но как очевидец, при том присутствовавший. И теперь будь свидетелем моим в том, в чем подозревают меня эти безбожники, хотя они отлично сознают всю истину²⁹³. Раньше я вел безмятежную жизнь благодаря своей добродетели, Твоей воле и заботливости своего тестя Рагуила; затем я отрешился от всех этих благ и отдал себя на трудное служение этим людям. Сперва я подвергался страшным опасностям и лишениям для возвращения им свободы, теперь же подвергаюсь тому же ради спасения их и охотно готов идти за них на все. Но так как я ныне навлек на себя подозрение в нечестности в глазах тех людей, которые обязаны своим существованием моим непосильным трудам и заботам, то явись мне на помощь Ты, Который явил мне чудесное пламя на Синае, дал мне слышать тогда Твой голос и показал мне в том месте столько чудес; Ты, Который повелел мне отправиться в Египет и объявить этим людям волю Твою; Ты, Который нарушил благоденствие египтян и дал нам возможность избавиться от их ига. Который сокрушил передо мною войско фараонов, указал нам, не знавшим путей страны, дорогу через море и вздул волны его так, что они нахлынули на египтян и принесли им

гибель; Ты, Который милостиво даровал нам для большей безопасности оружие, когда мы были безоружны; Ты, Который в жажде нашей заставил горькие источники течь годною для питья водою и, когда мы окончательно изнывали, вызвал нам воду из скал; Ты, Который спас нас дарованием пищи со стороны моря, когда от земли мы не могли рассчитывать ни на что, и Который ниспослал нам с неба пищу, ранее никому не известную; Ты, Который внушал нам мысль о законах и дал нам общественное благоустройство, явись, Владыка вселенной, и будь мне судьей и неподкупным свидетелем в том, что я никогда ни от кого из евреев не принимал никакого подарка в ущерб справедливости, не постановлял приговора в пользу богача или в ущерб бедняку и не управлял во вред обществу. Теперь же я навлек на себя совершенно чуждое моим принципам обвинение в том, будто бы я предоставил Аарону первосвященство не по Твоему повелению, а ввиду личного своего интереса. Докажи же поэтому и ныне, что все делается сообразно Твоему предопределению и что ничто не доводится до конца само собою, а лишь по Твоему решению и желанию. Накажи Авирама и Дафамна, которые обвиняют Тебя в безрассудном подчинении моей хитрости, и докажи им, что Ты печешься о лицах, желающих принести евреям посильную помощь. Яви на тех, которые столь дерзко затрагивают славу Твою, заслуженное возмездие, лишив их жизни не обычным порядком, дабы не показалось, что они умерли естественною смертью; пусть земля, на которой стоят они, разверзнется под ними и поглотит их вместе с их ближними и имуществом. Это будет для всех показателем Твоего могущества и наставлением в необходимости повиноваться Тебе для всех, нечестиво о Тебе помышляющих. Вместе с тем это могло бы засвидетельствовать и то, что я верно служу Тебе и точно исполняю все Твои предначертания. Если эти люди возводят на меня справедливые обвинения, то спаси их от всего того возмездия и от той гибели, которую я придумал для них, и подвергни меня самого этой казни. И когда Ты накажешь того, кто захотел совратить народ Твой с пути истины, то установи наконец единодушием мирное согласие в народе, спаси его, заставив беспрекословно следовать Твоим предначертаниям, избавь его от бедствий и не заставляй терпеть наказание вместе с провинившимися. Ведь Ты знаешь, что было бы несправедливо вымещать злодеяния этих людей на всех евреях вообще»²⁹⁴.

3. После того как Моисей со слезами на глазах произнес эту речь, земля внезапно задрожала и заволновалась, подобно тому как волнуется и вздувается море при сильном напоре ветра; весь народ был охвачен ужасом. С шумом и страшным треском раздалась земля около палаток тех недовольных людей и поглотила в себя все, что было им дорого. Раньше, чем кто-нибудь мог сообразить, в чем дело, они таким образом исчезли в недрах земли, которая затем вновь сомкнула свою зияющую бездну и приняла обычный вид, так что не осталось и следа от всего случившегося. Таким образом погибли эти люди во свидетельство всемогущества Господа Бога, и гибель их была достойна сожалений не только вследствие чрезмерности постигшего их бедствия, которое само по себе вызывало грусть, но и потому, что родственники их были довольны постигшим тех заслуженным возмездием. Дело в том, что, невзирая на свое родство с погибшими, они, ввиду случившегося, не могли не одобрить такого Божьего суда и не печалились, потому что считали, что с приверженцами Дафамна погибли самые преступные элементы народа.

4. Затем Моисей призвал тех, которые спорили о священстве и должны были решить этот спор жертвоприношением, причем тому выпало бы на долю священство, чья жертва оказалась бы более угодно Господу Богу. И вот, когда собралось двести пятьдесят человек, которые пользовались за добродетели своих предков большим, а за свои собственные еще большим почетом в глазах народа, тогда выступили вперед также и Аарон и Корей, и все зажгли перед скинией в своих кадилах принесенные с собой курения. Тогда вдруг появилось такое пламя, какого никогда не зажигала рука человека и какое никогда не вырывалось из недр земли, какого

не может произвести сам собою при сильнейшем ветре загоревшийся лес. Пламя это было так ярко и могуче, что его могло вызвать только веление Господа Бога. Огонь этот бросился на всех двести пятьдесят человек вместе с Кореем и пожрал их совершенно, так что даже кости их не уцелели. Один только Аарон оставался совершенно невредимым среди всего этого огня в знак того, что сам Предвечный ниспослал то пламя для сожжения провинившихся. Ввиду гибели тех людей, Моисей хотел сохранить воспоминание о постигшем их наказании также для грядущих поколений и потому приказал Елеазару, сыну Аарона, сложить их кадилаицы у подножия медного жертвенника в назидание будущим поколениям о тех страданиях, которым подверглись люди, считавшие себя в силах обмануть всемогущего Бога. С этих пор, после того как стало очевидным, что Аарон был первосвященником не по личному расположению к нему Моисея, а в силу ясно выразившейся воли Господней, он мог уже безмятежно отправлять со своими сыновьями священнические обязанности²⁹⁵.

1. Несмотря, однако, на все это, не удалось подавить восстание, которое, напротив, разгорелось с гораздо большей силою, чем раньше. Причина этой еще сильнейшей вспышки заставляла думать, что эти тревожения не только не прекратятся, но и будут повторяться в продолжение значительного времени. Дело в том, что, хотя народ и был теперь уверен, что ничто не случается помимо предопределения Господнего, он тем не менее не желал, чтобы все делалось Предвечным лишь в угоду Моисею. И вот они стали обвинять Моисея в столь гневной расправе Господа Бога, который наказал виновных не столько вследствие их проступка, сколько вследствие происков Моисея; к тому же раздавалось обвинение, что эти люди погибли совершенно безвинно, так как выказали лишь ревностное отношение к богослужебному вопросу; между тем Моисей для того лишь покарал народ гибелью такого количества лучших людей, чтобы не подвергаться новым обвинениям и, вдобавок, чтобы беспрепятственно предоставить первосвященство своему брату: теперь уже никто не станет у другого отбивать эту должность, когда имел случай лично убедиться, что первые соревнователи погибли таким ужасным образом. К тому же присоединилось еще и то обстоятельство, что родственники погибших сильно уговаривали народную толпу чем-нибудь обуздать властолюбие Моисея: этим ведь отвлечется общая для всех опасность (Ср. [Чис 16.41.](#)).

2. Моисей же, который уже давно слышал о распространяющемся волнении и опасался, как бы не произошли новые, более серьезные и опасные беспорядки, созвал народ в собрание и, вовсе не оправдываясь в тех обвинениях, о которых до него доходили слухи, и не желая возбуждать толпу еще более, обратился к старейшинам колен с одною лишь просьбою: принести посохи, на которых были бы написаны имена колен, по одному на каждом посохе. Пусть впоследствии тому будет принадлежать первосвященничество, над чьим посохом Господь Бог явит чудо. Это предложение было принято, и посохи были доставлены всеми старейшинами, а также и Аароном, который написал на своем посохе имя Леви. Все эти посохи Моисей положил в скинии Господней, а на следующий день вынес их оттуда. Они были все легко узнаваемы, потому что их отметили не только старейшины, принесшие их, но и простой народ. Тогда оказалось, что все остальные посохи остались совершенно в том же виде, в «каком получил их Моисей, тогда как из посоха Аарона вышли листья, ветки и спелые плоды, именно миндаль, потому что из миндального дерева был сделан и посох. Пораженные таким необычным зрелищем, все те, кто питал еще злобу к Моисею и Аарону, отказались от нее и стали открыто выражать свое удивление Божьему суду в этом деле. В результате они совершенно подчинились решению Господа Бога и охотно согласились беспрепятственно предоставить Аарону отправление первосвященнических обязанностей. Таким образом, последний окончательно занял, после троекратного подтверждения права его Господом Богом, эту почетную должность, и продолжавшиеся столь долгое время беспорядки среди евреев наконец прекратились (Ср. [Чис 17.1—13.](#)).

3. Освободив колено Левине от всякой военной службы, для того чтобы оно могло служить Господу Богу, Моисей повелел евреям, когда они получают по воле Господней Хананею, предоставить левитам сорок восемь укрепленных и хороших городов, каждый с участком земли в две тысячи локтей ширины, считая от городских стен. Таким образом он обеспечил их и избавил их от необходимости искать себе средств к жизни и тем самым запускать богослужение. Сверх того, он также распорядился о том, чтобы народ доставлял левитам и священникам десятину от всех плодов каждого года. Вот какой доход получало колено Левине от всего народа; вместе с тем я считаю здесь уместным специально указать на то, что в отличие

от других получали священнослужители (Ср. [Чис 18.1—7](#); [Чис 35.1—8](#)).

4. Из сорока восьми городов левиты должны были предоставлять служителям тринадцать и уделять им сверх того десятую часть той десятины, которую левиты получали ежегодно от народа. Кроме того, Моисей сделал постановление, чтобы народ приносил в жертву Господу Богу первые плоды, которые производила земля, а также доставлял к жертвоприношениям первородных самцов из скота для священников, так что последние со всеми их домочадцами могли употреблять их в пищу в священном городе. Если рождались у хозяев такие животные, мясо которых употреблять в пищу было запрещено законами, то владельцы должны были приносить священникам полтора сикла, а при рождении собственного первенца — пять сиклов. Священнослужителям также принадлежала первая шерсть от стрижки овец, и равным образом они получали также часть вновь испекаемого хлеба и всяких печений. Все те, кто по обету посвящают себя Господу Богу (такие люди носят в таком случае наименование назореев, отпускают себе волосы и не пьют вина), когда являются к жертвоприношению и срезают, в знак отречения, свои волосы, должны отдавать эти волосы вместе с жертвою священникам; те же, которые посвящают себя Богу, причем эта жертва носит имя корбана (что по-еврейски значит «приношение»), а затем желают освободиться от принятого на себя обязательства, должны уплатить священникам известную сумму денег, а именно женщина — тридцать, мужчина же — пятьдесят сиклов. Тех, наконец, которые не обладают достаточными для того денежными средствами, священнослужителям разрешено, сообразно усмотрению своему, и совсем освобождать от взноса выкупной суммы. Также предписано, если кто-нибудь закалывает у себя в доме животное для пиршества, а не с религиозною целью, обязательно доставлять священнослужителям желудок, грудь и правое предплечье закалываемого животного. Столь обильные доходы предоставил Моисей священникам, помимо всех тех приношений, которые, как мы показали в предыдущей книге, доставлял им народ, приносивший грехоочистительные жертвы. Получать свою долю из всего того, что доставлялось священнослужителям, исключая части грехоочистительных жертв, постановил Моисей также и домочадцам, дочерям и женам священников. Части грехоискупительных жертвоприношений поступали в пищу, и притом в тот же день и в самом святилище, впрочем, только членам мужского пола священнического сословия (Ср. [Чис 5.9:10](#); [Чис 6.20](#); [Чис 18.8—32](#)).

5. Сделав после подавления беспорядков эти распоряжения, Моисей двинулся со всем станом к пределам Идумеи и, прибыв туда, послал к идумейскому царю послов с просьбою разрешить пройти через его страну, причем уверил его, что готов дать ему какое угодно ручательство, что жителям не будет нанесено ни малейшего ущерба. Равным образом он просил о разрешении своему войску покупать в стране съестные припасы и даже, по желанию, готов был платить за воду. Но царь отказался исполнить просьбу Моисея и не только не согласился на проход евреев через его страну, но даже двинулся навстречу Моисею во главе готового к бою войска, намереваясь с оружием в руках воспрепятствовать евреям войти в страну, если бы те решились на это силою. Тогда Моисей, которому Господь Бог на запрос, как быть, посоветовал не вступать в бой, повел войско свое назад, решившись сделать обход по пустыне (Ср. [Чис 20.14—21](#)).

6. Тут наступил и конец жизни сестры Моисеевой, Мариаммы, по истечении сорока лет после того, как она покинула Египет, в новолуние месяца ксанфика. Ее торжественно, при участии всего народа, похоронили на горе, называющейся Сином²⁹⁶, а после тридцатидневного траура Моисей велел совершить следующим образом ритуал очищения над народом: выведя на совершенно чистое место недалеко от расположения стана совершенно рыжую молодую телку без изъяна и не знавшую ни ярма, ни полевых работ, первосвященник заклал ее и семь раз окропил ее кровью, в которую опустил свой палец, скинию Господа Бога. Затем животное

целиком, с кожей и внутренностями, было предано сожжению, а народ кидал в огонь куски кедрового дерева, иссоп²⁹⁷ и окрашенную в пурпуровую краску шерсть. Всю золу собрал потом ритуально чистый мужчина и положил на совершенно чистое место. Впоследствии все те, которые осквернились прикосновением к покойнику, бросали немного этой золы в источник, опускали туда стебель иссопа и окроплялись на третий и на седьмой день. Лишь после совершения этих обрядов люди могли считать себя, ритуально безусловно чистыми. Такой способ очищения Моисей установил для евреев и на будущее время, когда им удастся занять обетованную землю (Ср. [Чис 19.1—22](#)).

7. По совершении обряда очищения над всем народом, оплакивавшим смерть сестры Моисея, последний повел евреев через пустыню и по Аравии. Таким образом он достиг местности, которую арабы считают своею столицею и которая прежде называлась Аркою, ныне же именуется Тетрою²⁹⁸. Тут возвышается большая гора. На нее взшел Аарон, потому что Моисей объявил ему о приближении смерти, на глазах у всего народа — возвышенность эта находилась как раз против месторасположения стана — снял свое первосвященническое облачение и передал его сыну своему Елеазару, которому, по его возрасту, уже подобало быть первосвященником. Затем он на виду у всех испустил дух свой, в тот же самый год, в который умерла сестра его; прожил он в общей совокупности сто двадцать три года. Умер он также в новолуние того месяца, который у афинян носит название гекатомбеона, у македонян лооса, а у евреев авваса²⁹⁹.

1. После того как народ оплакивал смерть Аарона в продолжение тридцати дней и срок этот истек, Моисей двинулся со всем станом и прибыл к реке Арнону, которая берет начало в горах Аравии, протекает посередине пустыни и впадает в Асфальтовое море, служа границею между страню моавитян и землями аморреян. Почва в этой местности плодородна и в состоянии легко прокормить своими произведениями массу народа. Ввиду этого Моисей отправил к Сихону, царю той страны, посольство с просьбою разрешить еврейскому войску прохождение по его владениям, причем выразил готовность представить какие угодно ручательства в том, что ни страна, ни подданные Сихона не подвергнутся ни малейшему ущербу, и указал, кроме того, еще на всю выгоду такого разрешения, так как евреи намереваются закупить у него необходимые им съестные припасы и готовы платить им за воду, которою намерены пользоваться. Сихон, однако, ответил решительным отказом, вооружил войско и весьма усердно приготовился воспрепятствовать евреям перейти Арнон (Ср. [Чис 21.13—23](#); [Втор 2.26—30](#)).

2. Видя такое враждебное настроение аморреянина, Моисей решил молча не сносить такого презрительного к себе отношения и, желая избавить евреев от бездеятельности и вытекающей отсюда нужды, и в силу которой они сперва бунтовались, да и теперь выражали свое неудовольствие, обратился к Господу Богу за разрешением вступить в бой. Когда же Предвечный предсказал ему победу, то Моисей сам воспылил воинственным пылом и стал побуждать своих воинов повоевать теперь вволю, потому что они имеют ныне на то разрешение Господа Бога. Последние не успели получить столь давно желаемое разрешение, как тотчас схватились за оружие и немедленно приступили к делу. Царь же аморрейский, увидев наступление евреев, совершенно растерялся, так что перестал быть похож на себя, да и войско его, незадолго перед тем казавшееся храбрым, теперь было объято паническим страхом. Поэтому аморреяне даже не решились дожидаться открытого боя и нападения со стороны евреев, но обратились тотчас же в бегство, видя в последнем более надежное средство спасения, чем в рукопашной битве. Они рассчитывали на прочные укрепления своих городов, которые, однако, не принесли им ни малейшей пользы, когда они пытались скрыться за ними; видя их отступление, евреи тотчас пустились за ними в погоню, вмиг расстроили их боевой порядок и нагнали на них панику. И в то время, как аморреяне в ужасе бежали в города, не прекращали преследования их и охотно подвергались теперь трудностям, которые раньше подорвали бы их силы; а так как они отлично владели пращами и вообще ловко обращались со всякого рода метательным оружием, да и, кроме того, легкость вооружения облегчала им преследование, то они либо настигали врагов, либо поражали из пращей и метательными копьями тех из неприятелей, которые были слишком далеко, чтобы можно было захватить их в плен. Таким образом произошло массовое избиение врагов; бегущие вдобавок очень страдали от полученных ран; кроме того, их мучила ужасная жажда, гораздо более сильная, чем у евреев (дело происходило в летнее время); и вот, когда большую массу бежавших аморреян пригнало к реке желание напиться, евреи окружили их со всех сторон и перебили их дротиками или стрелами из луков. Тут же пал и царь аморрейский Сихон. Евреи же стали снимать с убитых оружие, овладели богатою добычею и захватили огромное количество съестных припасов, так как все поля еще были полны хлеба. Еврейское войско беспрепятственно проходило по всей стране, забирая припасы и овладевая неприятельскими городами, чему ничто не мешало, так как все вооруженные силы врагов были перебиты.

Аморреян постигло такое несчастье, потому что они не сумели выказать ни ума в своих решениях, ни храбрости на деле; евреи поэтому и заняли их страну. Находясь между трех рек,

последняя напоминает остров, ограничивающийся с юга Арноном, с северной стороны Иавакхом³⁰⁰, который, впадая в Иордан, сливается с ним в одну реку³⁰¹, а с западной стороны эту местность охватывает Иордан (Ср. [Чис 21.24—31](#); [Втор 2.31—37](#)).

3. При таком-то положении дела двинулся на евреев царь Галада³⁰² и Гауланитиды, Ог, спеша во главе войска на выручку другу своему Сихону; и хотя он успел узнать, что последний пал, он тем не менее решил вступить в бой с евреями, вполне рассчитывая на победу и лишь желая испытать их храбрость. Однако он ошибся в своих надеждах: сам он пал в битве, да и все войско его целиком подверглось избиению. Тогда Моисей переправился через реку Иавакх и пошел по стране Ога, разрушая на пути своем города и убивая всех жителей, которые, в силу плодородия своей почвы и больших хлебных запасов, превосходили всех прочих тамошних туземцев богатством.

Ог отличался исполинским ростом и редкою красотой; при этом ему была присуща также необыкновенная храбрость, которая вполне отвечала его статному и красивому телосложению. В его силе и огромном росте могли убедиться евреи, захватив в амманитском царском городе Ревате его ложе: последнее было сделано из железа, имело четыре локтя в ширину, а в длину вдвое больше с прибавкою еще одного локтя. После поражения, нанесенного Огу, дела евреев поправились не только в данную минуту, но его смерть явилась причиною и будущего их благополучия, потому что они заняли шестьдесят бывших у него в подчинении и весьма сильно укрепленных городов и получили все вместе и каждый в отдельности богатую добычу (Ср. [Чис 21.24—35](#); [Втор 3.1—12](#)).

1. Моисей между тем продолжал поход и повел свое войско к Иордану на большую равнину, лежащую против Иерихона. Город этот отличается большим богатством, разводя главным образом массу финиковых пальм и бальзамовых кустов³⁰³. В это время израильтяне уже начали сильно уповать на свою храбрость и горели желанием вести войны. Поэтому Моисей, принеся сперва в продолжение нескольких дней благодарственные жертвы Господу Богу и устроив для народа пиршество, выслал часть своих воинов для разграбления страны мадианитян и для занятия их городов. Поводом же к объявлению им войны послужило ему следующее обстоятельство.

2. Когда моавитский царь Валак, связанный с мадианитами старинной дружбой и союзным договором, заметил такое усиление могущества евреев, то стал очень беспокоиться относительно собственных владений (тем более ему ведь было неизвестно, что Господь Бог запретил евреям занимать другие земли после овладения Хананею) и решил, впрочем более поспешно, чем разумно, подойти к ним с хитростью. При таких условиях он считал рискованным начать с ними войну, тем более что ввиду недавних успехов евреи сделали еще храбрее; он решил по возможности только воспрепятствовать усилению могущества евреев и с этою целью отправил посольство к мадианитянам. Так как у Евфрата жил некий Валам, лучший в то время прорицатель, с которым мадианитяне были в дружественных отношениях, то последние послали к нему вместе с посольством Валака нескольких из самых почтенных мужей своих, которым было поручено склонить прорицателя к тому, чтобы он явился к ним для произнесения губительного заклинания над израильтянами. Когда к нему явились посланные, то Валам принял их крайне гостеприимно и, устроив им угощение, обратился к Господу Богу за советом, как ему отнестись к предложению мадианитян. Получив отрицательный ответ, он вернулся к посланным, указал им на свою личную охоту и готовность исполнить их просьбу, но вместе с тем сказал, что Господь Бог, который один столь возвысил его даром правильного предвещения будущего, противится такому предложению, так как войско, которое ему теперь предлагается проклинать, пользуется большим расположением со стороны Предвечного. Ввиду всего этого Валам посоветовал им не выказывать евреям своего враждебного к ним настроения (Ср. [Чис 22.1—14](#)).

3. С этими словами он отпустил послов домой, но мадианиты, вследствие настойчивых и неуклонных просьб Валака, отправили к Валаму новое посольство. Желая угодить последнему, Валам вновь спросил Господа Бога, который разгневался на это и приказал Валаму не отказывать в просьбе мадианитянам. Тогда Валам, не подозревая в этом умысла, отправился в путь вместе с послами³⁰⁴. Когда во время путешествия ангел Господен заградил ему путь в узком месте между двумя каменными стенами, то ослица, на которой ехал Валам, чувствуя близость Господню, прижала Валама к одной из стен, не обращая внимания на удары, которыми награждал ее Валам за то, что она причиняла ему боль, прижимаясь так плотно к стене. Когда же ангел продолжал стоять на дороге, то ослица, получая удары, упала на передние ноги и, по воле Господа Бога, заговорила человеческим голосом, укоряя Валама в несправедливости, выражающейся в том, что он награждает ее ударами, хотя она до сих пор всегда хорошо служила ему, и не понимает, что теперь решение Предвечного удерживает ее идти к тем, к которым он так сильно спешит. Валам пришел в крайнее смущение, когда услышал, что ослица заговорила человеческим голосом, и в ту же минуту ему стал виден и ангел, который запретил ему бить ни в чем не повинное животное и сказал, что он сам преградил ему дальнейший путь, потому что так решено Господом Богом. Валам в ужасе готов был вернуться назад, но Господь

Бог повелел ему продолжать путешествие, приказав при этом высказать [при Валаке] все то, что Он внушит ему.

4. Когда Валам после этого повеления Предвечного прибыл к Валаку и царь торжественно принял его, то прорицатель попросил, чтобы его повели на вершину какой-нибудь горы, откуда ему представилась бы возможность видеть все еврейское войско. Валак сам вызвался сделать это и с царскими почестями проводил прорицателя на гору, которая возвышалась над еврейским станом в расстоянии шестидесяти от него стадий. Обозрев отсюда неприятельские силы. Валам приказал парю воздвигнуть семь алтарей и велел привести столько же быков и баранов. Царь распорядился поскорее исполнить требование Валама; последний принес жертву всесожжения и, когда увидел, что последняя предзнаменует бегство, сказал: «Тот народ счастлив, которому Господь Бог даровал такое обилие всяких благ и которому навсегда милостиво обещал Свое покровительство и заботливую поддержку. Не существует ни единого племени, которого вы не превосходили бы по добродетели вашей и рвению ко всему лучшему и высокому, и качества эти вы в еще большей степени передадите своему потомству, так как Господь Бог взирает перед всеми людьми лишь на вас, почему вы и достигнете величайшего среди всех народов, которым светит солнце, благополучия. Страну, в которую Он сам направил вас, вы займете; она всегда будет в подчинении у потомков ваших и славою имени последних наполнится суша и море. Вы будете иметь возможность доставить всякой стране земли потомков своих. Радуйся поэтому, счастливое войско, что ты, исходя от одного родоначальника, стало столь многочисленным народом! Теперь, когда вас еще не так много, вы займете лишь страну Ханаан, но знайте, что в будущем вам уготована вся земля для жительства и что народ ваш, более многочисленный, чем количество звезд на небе, распространится не только по материкам, но и по островам. И хотя вы достигнете такого размножения. Господь Бог все-таки не лишит вас свободного пользования всеми благами в мирное время и будет продолжать даровать вам победу и силу во время войны, когда потомство врагов ваших охватит желание воевать с вами и когда у них будет настолько храбрости, чтобы вступить с вами в бой. Из них ни один не вернется домой победителем на радость детям и жене. Такая храбрость будет у вас следствием расположения к вам Господа Бога, который обладает властью отнять у человека все лишнее и дать ему все недостающее».

5. Все это возвестил Валам не по собственному желанию, но вследствие побуждения к тому со стороны духа Господня. Когда же Валак в негодовании стал упрекать его в том, что он нарушил договор, хотя союзники и сделали ему крупные подарки и пригласили его для произнесения проклятия над врагами, и что он возвеличил их и прославил как самых счастливых людей. Валам ответил: «О, Валак! Приняв все хорошенько во внимание, неужели ты думаешь, что от нас зависит молчать или говорить, если охватывает нас дух Божий, который заставляя нас говорить помимо нашего собственного сознания так, как Он пожелает? Я, конечно, отлично помню, ради чего ты и пригласившие меня мадианитяне привели меня сюда и ради чего я прибыл к вам; при этом у меня положительно не было намерения обмануть хоть в чем-нибудь твои ожидания. Но Господь Бог могущественнее тех, кому я решил было служить, потому что бессильными оказываются все те, которые сами по себе рассчитывают раскрыть завесу будущих судеб человечества, мнят себя в силах воздействовать на решение Господа и хотят сказать не то, к чему побуждает их Предвечный. Мы сами не принадлежим себе, раз дух Божий осенил нас. Таким образом, и я был далек от мысли восхвалять это [вражеское] войско или перечислять блага, которыми одарит его Господь Бог; но Предвечный, относясь к ним с расположением и желая как можно скорее даровать им счастье в жизни и вечную славу, заставил меня возвестить то, что я сказал. Теперь же, так как мне очень хочется оказать тебе и мадианитянам услугу, в которой мне даже неловко отказать им, давай воздвигнем еще раз другие алтари и принесем жертвы, подобные прежним: быть может, мне и удастся склонить

Господа Бога и Он разрешит мне произнести проклятие тем людям».

Валак согласился на это, но Господь Бог вторично не позволил произнести проклятие над израильтянами. Когда же в третий раз было совершено на вновь воздвигнутых алтарях жертвоприношение, то и тогда Валам не был в силах произнести проклятие над евреями; напротив, он пал ниц и стал пророчествовать, что некогда случится с царями и самыми выдающимися городами, из которых многих тогда еще вовсе не существовало, а также начал упоминать о всем том, какие судьбы постигли прежде и до настоящего времени род людской на суше и море. Так как все так действительно и случилось, как говорил Валам, то в этом также заключается залог правильности его предсказаний относительно грядущего (Ср. [Чис 22.15—35](#); [Чис 23.11](#) — [Чис 24.9](#)).

6. Валак очень рассердился, что Валам не проклял израильтян, и отпустил его домой, ничего не заплатив ему. И вот, когда Валам отправился восвояси и уже собирался переправиться через Евфрат, он послал за Валаком и князьями мадианитскими и обратился к ним со следующими словами: «Так как я чувствую потребность и помимо воли Господа Бога оказать вам услугу, послушайте меня, Валак и присутствующие здесь мадианитяне: народ еврейский не может совершенно погибнуть ни от войны, ни от болезни, ни от недостатка плодов земных, ни от другого внезапного бедствия, потому что у Господа Бога решено спасти их от всякого несчастья и даже не допускать их до такой беды, от которой все могли бы погибнуть. Конечно, незначительные напасти от времени до времени постигают и их, причем кажется, что напасти эти производят на них удручающее впечатление; но вскоре затем они снова усиливаются в такой степени, что наводят страх на лиц, пытавшихся оказать им вред. Итак, если вы на короткое время желаете пользоваться выгодами победы над евреями, то сможете этого достигнуть следующим образом: пошлите самых красивых дочерей своих, которые были бы в состоянии, благодаря своей очаровательности, соблазнить и вполне подчинить себе евреев, поближе к стану последних; пусть они еще более выставят свои прелести наилучшими нарядами, и повелите им не отказывать тем еврейским юношам, которые будут умолять их о взаимности. Когда же девушки увидят, что они разожгли страсти, то пусть [притворно] обратятся в бегство и согласятся не раньше внять мольбам своих преследователей, чем удастся склонить последних к отречению от своих законов и от Господа Бога, который дал им эти законы, а равным образом побудить их к почитанию мадианитских и моавитских божеств. Таким способом евреи наклекут на себя гнев Божий».

7. Дав этот совет, Валам отправился дальше. Когда же мадианитяне, согласно его предложению, послали дочерей своих к еврейскому стану, то еврейские юноши были очарованы их красотой, вступили с ними в разговор и стали умолять их дать им насладиться этой красотой и согласиться вступить с ними в более близкие отношения. Девушки охотно внимали таким речам и сошлись с ними, а когда увидели, что им удалось возбудить сильнейшую, все более и более возраставшую страсть, то собрались уходить. Юношей при этом охватило страшное отчаяние, и они стали настойчиво умолять не покидать их, но, сделавшись их женами, остаться тут и быть господами всего их имущества. Юноши клятвенно уверяли их в этом и призывали в свидетели осуществления этих обещаний Господа Бога, плакали и всяческим образом старались вызвать жалость в этих женщинах. Последние же, видя, что юноши в полном у них подчинении и окончательно поддадутся им при постоянном сожительстве, обратились к ним со следующими словами:

8. «У нас, дражайшие юноши, имеются собственные отцовские дома наши и полное обилие всяких благ, к тому же мы пользуемся покровительством и любовью наших родителей и прочих членов семьи. Не нуждаясь, следовательно, ни в чем таком, мы добровольно пришли к вам сюда, вступили с вами в дружеские разговоры и согласились на ваши настойчивые требования сойтись

с вами не для того, чтобы вы могли пользоваться телесною красотой нашею, но склонились на ваши мольбы оттого, что считали вас хорошими и порядочными людьми, которых мы почтили этим даром гостеприимства. Теперь же, раз вы уверяете нас в такой безграничной любви и так опечалены нашим намерением возвратиться к себе домой, мы и сами не в состоянии отказать вам в вашей просьбе и готовы любить вас и всегда жить с вами, как жены ваши, если только вы дадите тот залог верности, который единственно имеет значение в глазах наших. Мы должны иметь ручательство в том, что, когда вы пресытитесь сожителем с нами, вы не отошлете нас с позором и бесчестьем обратно домой». При этом девушки говорили, что лишь при таких условиях они могут рассчитывать на прощение со стороны своих родных. Когда же юноши немедленно и единодушно выразили согласие дать им какое угодно ручательство в своей верности, в ослеплении страсти, очевидно не будучи в состоянии им ни в чем отказать, девушки сказали: «Так как вы держитесь такого взгляда на вещи, но в обычаях своих и образе жизни сильно отличаетесь от всех существующих народов, так что и пища у вас должна быть особенная и питье различное от других людей, то, если вы желаете вступить с нами в сожителство, необходимо, чтобы вы почитали наших богов. Другого залога в искренности вашего расположения к нам, в прочности которого вы нас уверяете, мы не можем принять, как только этот: поклоняйтесь тем же самым богам, которых чтим и мы. При этом никто не сможет сделать вам ни малейшего упрека, если вы обратитесь к богам той страны, в которую вы прибыли, тем более что наши божества общие всем прочим людям, ваш же Бог до этого еще не дорос. Итак,- закончили девушки речь свою,- всем нам приходится либо согласиться на такие условия, либо искать другой земли, где вы могли бы жить одни по своим собственным законам».

9. Юноши в своем любовном увлечении готовы были согласиться со всем, что бы ни сказали эти девушки, подчинились всем требованиям последних и нарушили родные установления, признав существование нескольких богов, принеся идолам их, которых они поставили у себя в домах, жертвы по обрядам туземцев, вкушая чуждую им дотоль пищу и постоянно делая в угоду этих женщин все, чего бы они не пожелали, хотя бы это и было противно их родным установлениям. Таким образом вскоре во всем стане распространилось крайне незаконное поведение юношества и возникли беспорядки гораздо более серьезные, чем прежде, так что явилась опасность окончательной гибели родных обычаев. Ибо раз юношество успевало познакомиться с чужими нравами, оно тотчас всецело отдавалось им, и те юноши, которые еще случайно выдавались своею привязанностью к прежним обычаям, также быстро подвергались общей порче.

10. Даже Замврий, начальник Симеонова колена, вступивший в связь с Хосвиною, дочерью владетельного князя Сура, был у нее в полнейшем подчинении, делал ей в угоду все против постановления Моисея, перестал, в честь ее, приносить установленные жертвы и взял эту чужестранку даже в жены. При таком положении дел Моисей стал опасаться, как бы не случилось еще чего-нибудь худшего. Созвав поэтому народное собрание, он, не называя, однако, никого по имени, чтобы не отрезать скрытым нечестивцам возможности одуматься, начал указывать им на всю непристойность поступков тех лиц, которые ставят свое удовольствие выше собственного и родного Бога и установленного Им образа жизни. Таким людям, если они желают иметь успех, следует измениться и искать славы не в нарушении законов, а в неподчинении своим страстям. К тому же Моисей указывал на необдуманность их, заключающуюся в том, что люди, которые вели воздержный образ жизни в пустыне, теперь, при счастливых обстоятельствах, предаются разгулу и стараются расточить ныне все то имущество, которое приобретено ими путем лишений. Такими увещаниями он старался вернуть юношей на путь истины и привести их к раскаянию в их поступках.

11. Но Замврий поднялся со своего места и сказал следующее: «Ты, Моисей, следуй тем

законам, относительно которых ты так усердствуешь и к которым ты приучил народ путем продолжительной практики, потому что, если бы последнее было не так, ты давно получил бы достойное возмездие и понял бы, что евреи не так наивны. Во мне, однако, ты не увидишь последователя своих тиранических предписаний. Отняв у нас всякую усладу и самостоятельность жизни, каковые качества являются уделом свободных, не признающих над собою постороннего владычества людей, ты до сих пор всяческими средствами навязывал нам под видом законов полное порабощение Богу, а себе оставлял всю власть. Таким образом, ты для евреев хуже египтян, потому что постоянно готов наказывать всякого, кто бы поступил не по законам, а по собственному усмотрению. Гораздо справедливее было бы подвергнуть тебя самого наказанию за то, что ты отвергаешь общепризнанное благо и, наперекор общественному мнению, выставляешь свои собственные грубые и неуместные суждения. По справедливости, я должен был бы теперь лишиться своего положения, если бы, считая свои настоящие поступки хорошими, постеснялся открыто признать их таковыми. Я взял-де жену-иностранку, выставляешь ты на вид. Хорошо. Ты услышишь от меня, как от человека свободного, о всех моих поступках, потому что я не намереваюсь скрывать их. Затем я жертвую тем богам, приносить жертвоприношение которым мне кажется подходящим, так как я считаю уместным отыскать себе истину среди многих божеств, а не жить как бы под властью тирана, на которого одного должна быть направлена надежда всей моей жизни. Никто не сможет похвастаться тем, что он оказал на меня серьезное давление в делах, в которых я поступал сообразно собственному своему влечению».

12. Когда Замврий привел это в оправдание своих собственных и некоторых чужих правонарушений, то народ совершенно умолк, боясь последствий этой речи и видя, что законодатель не желает переубеждать его и пускаться в препирательство. Моисей же стал опасаться, как бы дерзкие речи Замврия не нашли подражания и не волновали бы народа. При таких обстоятельствах народ разошелся по домам, и гроза приняла бы еще большие размеры, если бы весьма скоро затем Замврий не умер. Дело это произошло следующим образом: Финеес, человек вообще более добродетельный, чем его товарищи, и к тому занимавший среди своих сверстников выдающееся положение, благодаря заслугам отца своего (дело в том, что Финеес был сыном первосвященника Елеазара и внучатым племянником Моисея), был крайне возмущен поступками Замврия и решил лично наказать последнего, раньше чем распространится и усилится, ввиду своей безнаказанности, подобное дерзкое отношение. Желая, следовательно, предупредить распространение безнаказанного нарушения законов, Финеес выказал такую твердость характера и неустранимую храбрость, что, несмотря на все опасности, не только не отказывался от исполнения задуманного плана, но успокоился лишь тогда, когда столкнулся с этими опасностями лицом к лицу и осилил их. Именно он пошел в палатку Замврия и ударом копья уложил последнего и Хосвию на месте. Тогда все юноши, у которых еще оставалось хотя бы немного порядочности и честности, последовали решительному примеру Финееса и перебили всех подобно Замврию провинившихся. Таким образом, благодаря честности этих юношей, погибло множество людей, преступивших законы, все же остальные [вероотступники] умерли от чумы, которую наслал на них Господь Бог и жертвами которой сделались даже и все те родственники погибших, которые вместо того, чтобы удерживать их от неповиновения Предвечному, напротив, даже поощряли таковое. Так вышло из числа способных носить оружие не менее четырнадцать тысяч человек.

13. В гневе на эту гнусность со стороны мадианитян Моисей выслал против них войско с поручением перебить их всех. Но об этом нашествии евреев мы расскажем несколько ниже, а здесь остановимся на предмете, который мы раньше пропустили. Именно тут будет уместным не обходить молчанием порядочное отношение нашего законодателя к Валаму. Дело в том, что,

хотя Валам был приглашен мадианитянами для того, чтобы произнести над евреями проклятие, которого он, по воле Господа Бога, правда, произнести не мог, и хотя он вместо того дал мадианитянам совет, от которого чуть было не погибло все войско евреев, отчасти вследствие изменения образа жизни, отчасти от чумы, Моисей все-таки счел возможным в высокой степени почтить Валама, отметив его пророчества. И хотя Моисею было бы совсем легко приписать себе лично и своим заслугам весь славный исход этого дела, тем более что ему нечего было бы опасаться каких-либо изобличителей, он тем не менее засвидетельствовал заслуги Валама и сохранил его память потомству. Впрочем, пусть судит об этом всякий по личному своему усмотрению.

1. В силу указанных нами выше соображений, Моисей отправил в страну мадианитян войско, состоящее из двенадцати тысяч человек, набранных поровну из каждого колена, и назначил военачальником этой рати Финееса, который, как было нами выше упомянуто, явился охранителем еврейских законов и наказал решившегося преступить последние Замврия. Узнав, что на них надвигается войско и что оно уже недалеко, мадианитяне тем временем собрали свои силы и заняли проходы, ведущие в их страну. Тут они готовились встретить неприятелей и потому, укрепив эти проходы, ожидали их здесь. Когда же войска, сошлись, то бесчисленное, неподдающееся счету количество мадианитян пало, равно как были убиты и все цари их, которых было пять: Оей, Сур, затем Ровей и Ур. Пятым же был Рекей, по имени которого был назван самый выдающийся город Аравии, еще и поныне называющийся по имени своего царственного арабского основателя Рекемоу, тогда как грекам город этот известен под именем Петры. Обратив врагов своих в бегство, евреи принялись опустошать всю их страну, захватили богатую добычу и перебили жителей, мужчин и женщин, пощадив, по приказанию, данному Финеесу Моисеем, только девушек. Затем Финеес вернулся назад с совершенно невредимым войском и огромною добычею, а именно с шестьюдесятью тысячами крупного рогатого скота, шестьюстами семьюдесятью пятью тысячами овец, шестьюдесятью тысячами ослов и громадным количеством золотой и серебряной домашней посуды и утвари, потому что при своем богатстве мадианитяне привыкли к роскоши. Вместе с тем в еврейский стан было приведено тридцать две тысячи девушек. При распределении добычи Моисей предоставил пятидесятую часть Елеазару и священникам, пятидесятую часть остатка отдал левитам, а все остальное распределил между народом. После этого евреи зажили счастливо, наслаждаясь добытыми собственною храбростью богатыми средствами, и никакое бедствие не омрачало пользование этими богатствами (Ср. [Чис 31.1—54](#)).

2. Достигнув теперь уже преклонного возраста, Моисей, по указанию самого Господа Бога, назначил своим преемником, как в отношении пророчествования, так и в качестве предводителя на случай необходимости, Иисуса, который, под личным руководством самого Моисея, изучил все законы и вероучение (Ср. [Чис 27.18—23](#)).

3. В то же самое время два колена, Гадово и Рувилово, а также половина колена Манассиева, которые были особенно богаты рогатым скотом, да и вообще отличались большею зажиточностью, сообща обратились к Моисею с просьбою предоставить им перед другими завоеванную страну аморритян, которая была им особенно пригодна ввиду своих хороших пастбищ. Предполагая, однако, что они из боязни сражаться с хананеями нашли в этой заботливости о своих стадах лишь удобный предлог, Моисей назвал их гнусными трусами и сказал им, что они прикрывают свою трусость приличным предлогом, желают вести спокойную и безопасную жизнь, в то время как все остальные будут работать над достижением обетованной земли, и не хотят участвовать со всеми прочими в дальнейшем завоевании страны, которую обещал предоставить им Господь Бог по переходе через Иордан, и в том, чтобы совместно со всеми остальными евреями прогнать оттуда всех указанных Предвечным врагов. Видя такой гнев Моисея и находя, что последний совершенно основательно отнесся таким образом к их просьбе, они стали приводить в свое оправдание, что они обратились к нему с этою просьбою не из страха перед опасностями и не вследствие изнеженности и тягости походов, но лишь с тою целью, чтобы иметь возможность, поместив в удобном месте свое имущество, с большею легкостью участвовать в походах и битвах. Они охотно, продолжали они, пойдут за остальными войсками, раз он позволит основать им города для безопасного в них

пробывания их жен и детей и имущества. Моисей склонился на этот довод, созвал на совещание первосвященника Елеазара, Иисуса и всех старейшин и предоставил просителям страну аморритян на условии оказания остальным единоплеменникам вооруженной помощи во всех случаях, пока вся страна не будет покорена окончательно. Получив таким образом желаемую местность, указанные колена основали в ней укрепленные города и перевели туда детей, жен и то имущество, которое могло бы стеснять их в походах (Ср. [Чис 32.1—42](#)).

4. Моисей постановил также, чтобы десять из этих [вновь построенных] селений вошли в состав сорока восьми левитских городов; три из них он назначил местом убежища для всех, кто совершит неумышленное убийство, и определял сроком такого изгнания период от совершения убийства до смерти того первосвященника, при жизни которого произошло неумышленное преступление это. С наступлением смерти первосвященника убийце было разрешено вернуться домой; до этого же момента родственникам убитого предоставлялось право безнаказанно убивать убийцу, если бы они встретили его вне границ города-убежища; простым же лицам это не разрешалось вовсе. Города, которые были назначены местом убежища, были следующие: Восора на границах Аравии, Ариман в стране Галаадской и Гауланан в Батанее [305](#). Равным образом Моисеем было сделано распоряжение, чтобы по завоевании Хананеи три других города из числа принадлежащих левитам служили местом убежища для беглецов (Ср. [Чис 35.9—34](#); [Втор 19.1—13](#)).

5. Когда однажды к Моисею явились старейшины из колена Манассиева, заявили ему, что из их колена умер выдающийся человек по имени Олофан [306](#), который не оставил по себе наследников мужского пола, а только дочерей, и спросили, будут ли иметь последние право наследия, то Моисей ответил: если они собираются выйти замуж за кого-нибудь, кто принадлежит к их собственному колену, то они могут сделаться участницами отцовского наследства, если же выйдут за представителей другого колена, то наследство должно остаться за их коленом. Таким образом Моисей установил, чтобы ни одно наследство не выходило из пределов колена, к которому принадлежал наследователь (Ср. [Чис 36.1—13](#)).

1. Так как [со времени исхода из Египта] прошло сорок лет без тридцати дней, то Моисей созвал народное собрание вблизи Иордана в том месте, где теперь находится город Авила [307](#), славящийся обилием финиковых пальм, и обратился к собравшемуся народу со следующей речью (Ср. [Втор 1.1—46](#)):

2. «Соратники мои и товарищи по продолжительному и бедственному странствованию! Так как я достиг преклонного возраста, именно ста двадцати лет, а Господу Богу угодно отозвать меня из жизни и волею того же Предвечного мне не разрешено быть вашим сподвижником и товарищем в будущих предприятиях ваших по ту сторону Иордана, то я не считаю себя вправе отказать вам в известной заботливости относительно благополучия вашего и хотел бы, чтобы вы вечно пользовались этим благополучием и в такой счастливости сохраняли также память обо мне. Я вполне готов расстаться с жизнью, если мне удастся лишь указать вам еще раз путь благополучия, следуя которому вы смогли бы и за детьми своими сохранить во веки веков благоденствие. При этом вы можете смело поверить словам моим, как ввиду прежнего моего для вас усердия, так и вследствие того, что душа человека, соприкасающегося со смертью, входит в более тесное общение с чистою добродетелью.

О дети Израилевы! Единственным средством к достижению счастья для всех людей является преблагий Господь Бог, ибо Он один в состоянии даровать счастье людям, достойным его, и отнять его у тех, кто согрешил перед Ним. Если вы будете относиться к Нему так, как он сам того желает и как я, в точности знакомый с Его постановлениями, убеждаю вас, то вас не постигнут неудачи, вы не перестанете славиться своим всем завидным счастьем и не только будете неустанно обладать теперешними средствами своими, но и вскоре достигнете того могущества, какого у вас пока еще нет. Повинуйтесь только требованиям Господа Бога и поступайте всегда так, как Он велит. Не заменяйте никогда теперешних своих законов другим устройством, не отказывайтесь с презрением от теперешней правильной своей религиозности, в пользу какого-либо рода богопочитания. Следуя этим советам, вы будете всегда самыми сильными борцами в битвах с кем бы то ни было, и никто из врагов ваших не сможет осилить вас, потому что, опираясь на помощь Божию, вы можете смело не обращать внимания ни на кого. За добродетель вашу вам уготованы великие награды, лишь бы вы держались ее в продолжение всей вашей жизни, потому что добродетель самое главное и значительное благо, которое влечет за собою все остальные блага: если вы будете держаться ее по отношению друг к другу, то вы не только будете вполне счастливы и заслужите даже среди иноземцев почетную известность, но и создадите себе также в глазах потомства незыблемую славу. Всего этого вы сможете достигнуть, если будете послушными охранителями мною данных вам по повелению Господа Бога законов и если усердно постараетесь вникнуть в смысл их. Я сам с радостным чувством покидаю вас, рассчитывая на предоставленные вам блага и поручая вас мудрому законодательству, благоустроенному государственному порядку и попечению добродетельных руководителей, которые будут заботиться о вашем благополучии. И Господь Бог, который до сих пор заботился о вас, по желанию которого я посвятил вам свои силы, руководил вами не только до сего дня, но готов оказывать вам поддержку свою в продолжение всего того времени, в течение которого вы сами пожелаете пользоваться его покровительством; но для этого вы должны оставаться неизменно добродетельными. Лучшие советы, следуя которым вы будете всегда счастливы, дадут вам первосвященник Елеазар, Иисус, старейшины и начальники колен; охотно слушайте указаний их, принимая в соображение, что все, кто сумеет хорошо подчиняться, со временем, когда сам получит власть, сумеет и хорошо править; знайте, что

истинная свобода состоит в том, чтобы не протривиться распоряжению руководителей ваших. Теперь вы, правда, ищете своей свободы в том, что обижаете своих благодетелей; дела ваши дальше пойдут лишь тогда хорошо, когда вы окончательно откажетесь от этого приема. Никогда не раздражайтесь против руководителей таким образом, как вы неоднократно решались поступать относительно меня; вы ведь отлично знаете, что мне чаще представлялась опасность умереть от руки вашей, чем от руки неприятелей. Впрочем, я говорю вам все это не в виде укора (ведь мне не хочется, расставаясь с жизнью, оставить в вас неприятное по себе воспоминание, тем более что я не сердился на вас даже в то время, когда мне приходилось терпеть от вас оскорбления), но исключительно для того, чтобы вы сдерживали себя на будущее время именно в этом отношении и чтобы вы не думали оскорблять своих начальников, опираясь на те богатства, которые в большом количестве попадут в ваши руки, когда вы перейдете через Иордан и овладеете Хананею. Если вы, благодаря своему богатству, будете свысока и презрительно относиться к добродетели, то вы потеряете расположение Господа Бога. Если же вы восстановите Предвечного против себя, то будете побеждены врагами своими, вновь потеряете с величайшим позором ту страну, которою вам теперь придется овладеть, будете рассеяны по всей земле и унижением вашим будут полны земля и море. Тогда, когда вы подвергнетесь такому испытанию, раскаяние ваше уже будет бесполезно и воспоминание о законах, не соблюденных вами, не поведет ни к чему. Поэтому, если желаете сохранить последние, то, победив врагов, не даруйте никому из них жизни, но решительно избивайте всех их поголовно для пользы дела, для того чтобы не прельститься, если оставите им жизнь, образом их жизни и тем не нарушать своих собственных установлений. К тому же я советую вам разрушать их жертвенники, срубить их священные рощи, разносить все их храмы, сколько бы их ни было, и уничтожать огнем весь род их, чтобы не было о них помину: только таким образом вы упрочите за собою спокойное пользование своим собственным достоянием. А для того, чтобы вы по неведению лучшего не склонялись в сторону зла, я, по повелению Господа Бога, записал для вас как все законы, так и все правила обихода; если вы будете держаться их, то вас можно будет признать самыми счастливыми среди людей».

3. С этими словами Моисей вручил народу книгу, в которой были записаны все законы и правила жизни. Народ же плакал и горько жаловался на то, что теперь придется утратить вождя; люди вспоминали при этом, как Моисей, заботясь об их собственном спасении, подвергал себя всевозможным опасностям, и не надеялись уже более иметь другого подобного руководителя. При этом они также опасались, что, если теперь прекратится заступничество Моисеево, и Господь Бог уже не так хорошо будет относиться к ним. Вместе с тем их обуяла страшная скорбь и охватило глубокое раскаяние относительно того, как недоброжелательно держали они себя в пустыне по отношению к нему, и весь народ разразился громкими рыданиями и был совершенно безутешен. Тем не менее Моисей стал их успокаивать, отвлек их мысли от себя и от якобы недостойных слез заслуг своих и стал настойчиво убеждать их следовать его правилам жизни (Ср. [Втор 12.1—3](#); [Втор 31.2](#)).

4. Таким образом было распущено народное собрание. Но раньше, чем переходить к продолжению своего повествования, мне хотелось бы остановиться на нашем государственном устройстве, как таковое проистекало из мудрости и добродетели Моисея, чтобы доставить таким путем читателям возможность ознакомиться с этим устройством в его первоначальном виде. Все это я напишу так, как нам оставил Моисей, причем не прибавлю для прикрасы ничего, чего бы он сам не оставил после себя. Нововведением с моей стороны является тут лишь известная группировка материала, потому что у Моисея все эти предписания рассеяны во всевозможных местах его сочинения и в беспорядке, сообразно с тем, как он получал эти предписания от Господа Бога. Я счел необходимым предпослать эти предварительные

замечания для того, чтобы не навлечь на себя со стороны случайного читателя из моих единоверцев упрека в неподходящем уклонении от подлинника. Впрочем, здесь будут указаны только те распоряжения, которые имеют отношение к государственному устройству. Остановиться же на подробном разборе тех законов Моисеевых, которые общие у нас с другими народами, я оставляю за собою право впоследствии, в сочинении о наших обычаях и вызвавших их причинах. Книгу эту я, с помощью Господа Бога, собираюсь составить тотчас же по окончании подлежащего сочинения³⁰⁸.

5. «Когда вы займете страну Ханаанскую, будете спокойно пользоваться ее благами и приступите наконец к основанию городов, то совершайте в угоду Господу Богу следующее, и вы будете иметь прочное основание благоденствия своего: пусть будет священным один из ханаанских городов в наилучшем и выдающемся своим плодородием месте, которое изберет сам Господь Бог и которое укажет путем пророчества. Пусть будет в этом городе один храм с одним алтарем, составленным не из обтесанных, но случайно собранных камней, которые для большего внешнего изящества должны быть покрыты слоем извести. Вести к этому жертвеннику должны не искусственные лестницы, но ступени из насыпанной для того земли. Ни в каком другом городе не быть ни храму, ни алтарю, ибо Господь Бог един и народ еврейский един» (Ср. [Втор 12.4—14](#)).

6. «Если кто осмелился богохульствовать, тот да будет побит камнями, труп же его повешен напоказ на целый день и погребен с позором» (Ср. Лев 24.15—16).

7. «Пусть трижды в году собираются евреи со всех окраин страны, которую им удастся занять, в тот город, где они построят храм, для того чтобы возблагодарить Господа Бога за оказанные благоденствия и обратиться к Нему с мольбою не только о поддержке в будущем, а также для того, чтобы путем личных сношений и общих трапез сблизиться между собою; ведь очень хорошо, если единоплеменники, и притом живущие по общим установлениям, близко знают друг друга. Это-то и достигается путем таких личных сношений, причем люди, выдавшие друг друга и беседовавшие между собою, сохраняют об этом воспоминание, тогда как, при отсутствии таких непосредственных сношений, они навсегда остаются совершенно чуждыми друг другу» (Ср. [Втор 12.17—27](#)).

8. «Кроме определенной мною для священников и левитов десятины, пусть будет отделена еще вторая десятина плодов, которая должна быть продаваема в стране для устройства на вырученные деньги общих трапез и жертвоприношений в священном городе, ибо справедливо, чтобы дары страны были употребляемы в честь Предвечного, который предоставил людям владеть этою страною» (Ср. [Втор 14.22—23](#)).

9. «Запрещено совершать жертвоприношения на деньги блудницы; ибо Господь Бог не находит удовольствия в жертве, купленной греховным поступком, и эта жертва будет хуже того позора, при помощи которого для совершения ею добыты средства. Равным образом запрещено приносить жертвы Господу Богу на те деньги, которые получены ценою случки собак, охотничьих ли или сторожевых, безразлично» (Ср. [Втор 23.18](#)).

10. «Пусть никто не осмеливается хулить богов, почитаемых в других государствах. Также недозволено ограблять чужие храмы или присваивать себе приношение, назначенное какому бы то ни было божеству»³⁰⁹.

11. «Никто из вас не должен носить одежду, сотканную из шерсти и льна: это право предоставлено одним лишь священнослужителям» (Ср. [Втор 22.11](#)).

12. «Когда народ будет собираться в священный город при наступлении праздника Кущей, то каждые семь лет первосвященник, став на возвышенное место, откуда его будет хорошо слышно, обязан прочесть всем вслух законы; и пусть не будут исключены из числа его слушателей ни женщины, ни дети, ни даже рабы. Ибо хорошо, если законы эти будут

запечатлены в сердцах их и по возможности прочно утверждены в памяти их, потому что таким образом люди не смогут грешить и не посмеют отговариваться неведением соответствующих постановлений. Кроме того, законы будут в таком случае пользоваться большим значением в глазах прегрешающих, если они будут напоминать последним об ожидающих их наказаниях и если будут столь твердо запечатлены таким громким прочтением в сердцах людей, что всегда будут памятны им как в смысле сущности прегрешения, так и относительно неизбежного за этим наказания. Пусть поэтому и дети раньше всего заучивают наизусть законы: это для них будет наилучшим предметом обучения и основой их дальнейшего благополучия» (Ср. [Втор 31.10—13](#)).

13. «Дважды в день, именно при начале его и когда наступит час отхода ко сну, следует возблагодарить Господа Бога за те блага, которые Он даровал нам по освобождению из Египта: справедливо, чтобы мы чувствовали и выражали Ему свою благодарность за все Им уже оказанное нам и тем самым заслужили Его благоволение и на будущее время. Все те необычайно великие благодеяния, которые оказал людям Господь Бог, должно записать на косяках дверей и держать их прикрепленными к руке своей. Все, что может указывать на всемогущество Предвечного и на Его к нам расположение, должны мы записать и носить на лбу и на руке, чтобы расположение к нам Господа Бога было видно повсюду» (Ср. [Втор 6.7—9](#); [Втор 9.18—20](#)).

14. «Пусть в каждом городе правление будет в руках семи мужей, выдающихся своим добродетельным образом жизни и своим рвением к справедливости, и пусть к каждому из таких правлений будет присоединено в виде помощников по два представителя колена Левина. Пусть те, которые назначены судьями в городах, пользуются возможно большим почетом, дабы в присутствии их никто не осмеливался произносить хулу или совершать что-либо непристойное, потому что такое особенное почтение к людям, занимающим высокую должность, вызовет и большее почтение к Господу Богу и не позволит никому презрительно относиться к Нему. Все, что постановят судьи по своему усмотрению, пусть будет принято как должное, разве что кому-либо удастся доказать, что они нарушили право за деньги или постановили неправильный приговор по какой-нибудь другой [незаконной] причине. Ведь судьи не смеют давать неправильные решения ни из личной выгоды, ни из пристрастия, но должны выше всего ставить истину. Иначе то было бы оскорблением самого Господа Бога, который явился бы таким образом стоящим ниже лиц, в пользу которых, ввиду их могущества, постановлялись бы решения. Во всемогущем Боге — правда; поэтому, кто в угоду людям, случайно пользующимся значением, извращает истину, тот тем самым признает могущество этих людей выше Божьего. Если же судьи затруднятся разрешить то или другое предложенное им дело (что нередко и случается), то пусть они передадут его целиком в священный город, где собрание, состоящее из первосвященника, пророка и старейшин, уже постановит окончательный приговор» (Ср. [Втор 16.18](#)).

15. «Показание одного свидетеля не должно иметь законной силы, но свидетелей должно быть трое или в крайнем случае двое, безупречный образ жизни которых мог бы служить гарантией справедливости их показаний. Свидетельство женщин, ввиду их легкомыслия и пристрастия, не должно быть принимаемо во внимание. Также не следует допускать к свидетельствованию рабов, вследствие их неблагородного образа мыслей, так как может возникнуть подозрение, что они скрывают истину из личной выгоды или из чувства страха. Если же кто-нибудь будет уличен в лжесвидетельствовании, то пусть такой человек подвергнется наказанию, которое постигло бы обвиняемого»³¹⁰.

16. «Если в какой-нибудь местности будет совершено убийство и ни на кого не падет подозрение в возможности совершения его из чувства личной мести, то пусть с наиболее

возможным усердием разыскивается убийца, причем может быть назначено вознаграждение за указание его. Если же это средство окажется тщетным, то пусть начальники городов, лежащих в соседстве с местом совершения убийства, и старейшины соберутся вместе и измерят расстояние от того места, где найден был труп, до ближайшего города. Пусть затем начальники последнего купят молодую телку, поведут ее в ущелье, которого еще не касался плуг и где не было совершено посева, и, перервав ей горло, пусть священнослужители, левиты и старейшины того города омоют руки свои над головою зарезанной телки и громко заявят, что руки их чисты в этом смертоубийстве, что не они совершили его, а также не были пособниками в этом преступлении; затем они должны обратиться с мольбою к Господу Богу и впредь оставаться милостивым к ним и предохранить страну их от повторного совершения такого ужасного деяния»³¹¹.

17. «Лучшим видом правления является аристократическое³¹², по которому вам и надлежит устроить жизнь свою; не желайте другой формы правления, но держитесь ее, признавая над собою власть законов и нормируя последними все свои поступки: с вас достаточно, что владыкою вашим является Господь Бог. Если же вы тем не менее захотите непременно иметь царя, то пусть будет таковым ваш единоплеменник, и да будут в глазах его выше всего заботы о всегдашней справедливости и всякой добродетели. Пусть он преклонится пред мудростью Господа Бога и законов, пусть не решает ничего без совета первосвященника и собрания старейшин, пусть не впадает в многоженство, пусть не домогается чрезмерных богатств и массы лошадей, ради обладания которыми он мог бы пренебрежительно относиться к законам. Если же сердце его будет чрезмерно лежать к чему-нибудь подобному, то воспрепятствуйте ему приобрести слишком большое, могущее стать гибельным для вас, значение» (Ср. [Втор 17.14—20](#)).

18. «Не разрешается самовольно изменять границы ни своей собственной, ни чужой страны, с которою вы живете в мире. Напротив, берегитесь нарушать эти границы, как определенные навеки самим Господом Богом, потому что из желания расширять свои владения возникают лишь войны и смуты. Кто нарушает границы, недалек и от того, чтобы нарушать законы» (Ср. [Втор 19.14](#)).

19. «Если кто обработает землю и эта земля родит ему плоды раньше четырех лет, то такой человек не должен представлять Богу первину плодов этих, равно как и сам не должен пользоваться ими. На четвертый же год пусть собирает он все плоды (только тогда они будут вполне зрелы) и доставит их в священный город; пусть поделится тогда он этими плодами вместе с десятиною прочих произведений почвы путем общей трапезы с друзьями, сиротами и вдовами. Лишь на пятый год он может, совершенно по собстаеяьому своему усмотрению, распорядиться жатвою» (Ср. Лев 19.23—25).

20. «Та почва, на которой разведен виноград, не должна воспринимать в себе другой посев, потому что совершенно достаточно, если она будет питать виноград и останется свободною от возделки плугом. Землю следует вспахивать с помощью волов и не припрягать к ярму вместе с последними никакого другого домашнего животного: пусть запашка производится одним родом этих животных. И семена пусть будут чистыми и без примесей, дабы не сеять двух или трех родов злаков, потому что природа не терпит такого разнородного смешения. Также не должно случать разнородных животных, чтобы из того не возникло опасности, что и люди по примеру их обесчестят род свой, так как все дурное первоначально возникает из малых причин. Поэтому и не следует допускать ничего такого, подражание которому могло бы привести к коренному изменению всего строя общественной жизни. Напротив, ввиду именно этого, законы не оставляют без внимания ни одного случая практики и все их старания направлены к тому, чтобы по возможности быть совершенно безупречными» (Ср. [Втор 22.9](#); Лев 19.19).

21. «Те, кто заняты жатвою и сбором злаков, обязаны оставлять также несколько снопов для нуждающихся, дабы эти неожиданные находки служили последним к поддержанию жизни. Равным образом следует оставлять для бедных также несколько кистей винограда, а также не срывать с маслин несколько плодов для тех, которые не имеют собственных деревьев. Ведь столь тщательный сбор плодов даст хозяевам не такую прибыль, какую доставит им чувство благодарности в нуждающихся. Да и Господь Бог заставит почву дать более обильную жатву, если люди не только будут стремиться к собственной выгоде, но и примут во внимание нужду ближнего. Также не следует завязывать морду вола, когда он молотит на жниве [313](#), потому что несправедливо лишать тех, кто трудится вместе с нами и способствует лучшему произрастанию хлеба, известной доли злаков. Равным образом не должно препятствовать путешествующим, будь то туземцы или иностранцы, пользоваться зрелыми плодами, но позволять им брать эти плоды и насыщаться ими; хозяева даже должны быть рады, что могут предоставить путникам такое пользование зрелыми плодами. Впрочем, путешественникам не дозволено забирать с собою запасы таких плодов. Хозяева, перевозящие виноградные кисти к прессу, не должны препятствовать лицам, попадающимся им на пути, отвеживать этого винограда: было бы несправедливо не уделять от дарованных нам Господом Богом для пользования благ тем людям, которым хочется отведать их, особенно же ввиду того, что эти плоды зреют и опадают по повелению Божию. Если же некоторые из деликатности постесняются взять таких плодов, то таких людей, если это израильтяне, следует прямо пригласить пользоваться этими плодами на правах сородичей и совладельцев; если же это чужеземцы, пришедшие из другой страны, то следует просить их принять несколько от этих плодов на память о гостеприимстве, оказываемом им самим Господом Богом. Дело в том, что нельзя считать бесполезно пропавшим всякий подарок, сделанный от чистого сердца, так как Господь Бог дарует нам обилие благ земных не для того только, чтобы мы одни пользовались ими, но и для того, чтобы мы добровольно предоставляли их также в распоряжение других людей. При этом Господь Бог желает, чтобы таким образом, когда евреи будут уделять другим людям от имущества своего, стали особенно ясными неевреям Его, Предвечного, благоволение и щедрость по отношению к народу израильскому. Если кто будет поступать вопреки этим предписаниям, тот да подвергнется от руки общественного служителя сорока без одного ударам плетью и получит, несмотря на то, что он человек свободный, такое позорнейшее наказание за то, что в рабском служении личной выгоде осмелился нарушить законное постановление. Так как вы сами испытали в Египте и в пустыне много бедствий, то вам подобает заботливо относиться к людям, находящимся в подобных же условиях, и, пользуясь теперь, благодаря милосердию и заботливости Господа Бога, благополучием, в одинаковой степени уделять от него всем нуждающимся» (Ср.: Лев 19.9; [Втор 23.24—25](#); [Втор 24.19—22](#); [Втор 25.4](#)).

22. «Кроме тех двух десятин, которые, как я уже выше сказал, уделяются ежегодно одна левитам, а другая в пользу устройства общественной трапезы, должно сверх того на каждый третий год уделять еще третью десятину нуждающимся вдовам и сиротам. Из первых зрелых плодов каждый должен доставить часть в священный город, возблагодарить Господа Бога за то, что эти плоды принесла дарованная Им почва, совершить установленные законом жертвоприношения и представить затем первые части священнослужителям. Когда же кто-нибудь все это сделает, то есть уделит от всего десятины левитам, на общественные трапезы и вместе с тем первенцев, а затем пожелает вернуться к себе домой, то, став против святилища, вознесет благодарственную Господу Богу молитву за то, что он освободил евреев от гнета египтян и дал им хорошую и плодородную страну; равным образом он должен заявить, что он доставил сообразно законам Моисеевым установленные десятины, и вместе с тем обязан молить Бога оставаться во веки веков благосклонным и милостивым к нему, а также ко всем остальным

евреям, сохранить за всеми ими дарованные блага и еще приумножить их, если возможно, по свойственному Ему милосердию» (Ср. [Втор 14.28—29](#); [Втор 26.12—15](#)).

23. «Всякий, кто достигнет брачного возраста, пусть берет себе в жены свободнорожденную девушку из хорошего дома. Кто же не имеет намерения жениться на девушке, тот да не вступит в связь с женщиною, живущею с другим человеком, чтобы не нанести оскорбления ее законному мужу. Свободнорожденным не следует вступать в брак с рабынями, даже хотя бы к тому побуждала их сильная страсть, так как сдерживать свои порывы служит лучшим украшением человека и весьма способствует сохранению им своего [человеческого] достоинства. Также нельзя вступать в брак с публично женщиною, брачного жертвоприношения которой, благодаря ее телесному осквернению, не примет Господь Бог. Кроме того, лишь у детей, происшедших не от позорных браков или от таких, которые были заключены не по свободному выбору, развивается благородный и свободный склад ума, который склонен к добродетели. Если же кто-нибудь женится, причем невеста слыла девушкой, а на самом деле она таковою не окажется, то пусть он возбудит против нее судебный процесс и лично выступит обвинителем, пользуясь всеми средствами, которые будут в его распоряжении, для доказательства ее виновности; защиту же и замещение обвиняемой на суде обязан взять на себя отец, или брат девушки, или какой-нибудь другой подходящий ближайший родственник. Если же на суде выяснится невинность девушки, то обвинитель обязан оставить ее у себя для сожительства и теряет при этом всякое право отослать ее обратно домой, исключая тот случай, если бы в его распоряжении находились веские и неопровержимые доводы в пользу такого отослания; а за дерзкое и поспешное возведение на нее обвинения и клеветы он должен подвергнуться заслуженному наказанию, а именно получить сорок без одного ударов плетью и заплатить отцу [жены своей] пятьдесят сиклов. В случае же если будет доказано, что девушка действительно виновна и не сумела сохранить свою девственность до законного замужества, то она подвергается побитию камнями, если она из народа, и сжигается живьем, если происходит из семьи священнослужительской. Если у кого-нибудь будет две жены, из которых он к одной особенно сильно привяжется и станет оказывать ей явное предпочтение перед другой из-за ее страстности, красоты или по иной какой-либо причине, тогда как другая его жена очутится в пренебрежении, если от любимой жены родится ребенок, который был бы моложе ребенка от первой жены, и если этот младший сын, ввиду явного расположения отца к его матери, станет добиваться прав перворождения и двойной части наследства, как это определено в законах, то это не должно быть допускаемо: несправедливо ведь, чтобы старший по рождению лишился своих прав наследства потому только, что отец более привязан к матери младшего. Тот, кто вступит в связь с нареченною невестою другого человека, уговорив ее и заручившись ее согласием, подвергается смерти вместе с нею, потому что оба в одинаковой мере виновны: он — в том, что подговорил ее постыдными обещаниями уступить ему и предпочесть такую связь законному браку, она же — в том, что отдалась ему и склонилась на прелюбодеяние либо из сладострастия, либо из выгоды. Если же он, напав на нее, изнасилует ее, причем не будет никого вблизи, кто бы мог оказать ей помощь, то будет казнен лишь он один. Кто изнасилует девушку, которая еще не обручена ни с кем, тот обязан на ней жениться. В случае же если отцу девушки представится нежелательным такой брак, то виновный в совершении насилия платит отцу своей жертвы пятьдесят сиклов пени. Если кто-нибудь захочет по какой бы то ни было причине (которых в жизни может быть очень много) развестись с законною женою своею, тот должен ей выдать письменное удостоверение в том, что никогда уже не осмелится вновь сблизиться с нею. Лишь таким путем разведенная женщина получает право вступить в новый брак с кем-нибудь другим. Если же она навлечет на себя неудовольствие и этого второго мужа или, если по смерти последнего, первый муж вновь пожелает вступить с нею в брак, то ей не

разрешается вернуться к нему. Если у бездетной женщины умрет муж, то пусть брат последнего женится на ней и, назвав родившегося затем у нее сына именем умершего брата своего, воспитывает его как наследника имущества, оставшегося после покойного. Это постановление должно послужить к общей пользе, потому что при таких условиях роды не вымирают, имущество сохраняется в семьях и вдовам облегчается их участь тем, что они имеют возможность вступить в брак с ближайшими родственниками первых мужей своих. Если же брат покойного не пожелает вступить в брак со своею свояченицею, то пусть последняя пойдет в собрание старейшин, заявит об этом, равно как о том, что, несмотря на ее желание остаться в семье и родить детей, он не соглашается на это и тем позорит память умершего брата своего. По предложении со стороны собрания старейшин ему вопроса, почему он уклоняется от брака, следует, несмотря на вескость или ничтожность объяснения, поступить следующим образом: сняв с брата своего покойного мужа сандалию и плюнув ему в лицо, вдова должна сказать, что он достоин этого за то, что опозорил память умершего. Вслед за этим деверь покидает собрание с позором на всю жизнь свою, вдова же располагает правом выйти замуж за кого ей вздумается³¹⁴. Если кто-нибудь возьмет на войне в плен девушку или замужнюю женщину и пожелает вступить с нею в брак, то такое сожителство разрешается ему не раньше, чем у нее, по острижении волос и облачении в траурную одежду, пройдет срок траура по родственникам и близким, павшим в сражении; лишь когда истечет время печали, она может обратиться к торжественным пиршествам и брачному веселью, потому что хорошо и справедливо, чтобы человек, берущий жену, сообразовывался с ее личным настроением и желаниями, а не думал бы исключительно о доставлении самому себе удовольствий, совершенно пренебрегая ею. Лишь по прошествии тридцати дней (этого срока разумному человеку вполне достаточно для оплакивания самых близких друзей) разрешено вступать в брак. Если же муж, удовлетворив страсть свою, не захочет быть дольше в браке с такою женщиною, то он не должен иметь права сделать ее своею рабынею, но ей предоставляется возможность, пользуясь лично полною свободою, уйти от него, куда пожелает» (Ср.: [Втор 21.10—17](#); [Втор 22.13—30](#); [Втор 24.1—4](#); [Втор 25.5—10](#)).

24. «Всех тех юношей, которые стали бы относиться пренебрежительно к своим родителям и отказали бы последним в подобающем почтении, отцы должны первоначально стараться обратить на путь истины словесными увещаниями (ибо отцы являются достаточно компетентными судьями поступков сыновей своих). При этом родители должны поставить молодым людям на вид, что они, родители, вступили друг с другом в брак не удовольствия ради и не для того, чтобы путем союза составить и приумножить свое имущество, а для того, чтобы иметь таких детей, которые позаботились бы о них в старости и снабдили бы их впоследствии всем необходимым. Тут им следует сказать непослушному ребенку примерно так: «Когда ты родился у нас, мы с радостью и глубочайшей за это признательностью к Господу Богу постарались сколь возможно лучше воспитать тебя, не щадя ничего, что могло бы быть тебе особенно полезно и спасительно. Правда, надо быть снисходительнее к проступкам молодых людей; однако до сих пор ты достаточно легко смотрел на обязанности свои по отношению к нам, сделайся теперь благоразумным и вспомни, что и Господь Бог дурно смотрит на тех, кто дерзко поступает с родителями своими, потому что, будучи сам Отцом и родоначальником всего рода человеческого. Он считает Себя лично Задетым: ведь Он сам носит с родителями одно и то же название Отца, и вы, дети, оскорбляете и Его своим недостойным поведением. Кроме того, неумолимо наказывает таких детей и закон, всей тягости которого не дай тебе Бог испытать на себе лично». Если юноша добровольно будет подчиняться таким увещаниям, то следует оставить дальнейшие упреки и приписать его бывшие проступки неведению: таким образом может быть поддержан и авторитет законодателя, и родители могут быть довольны, что

им не пришлось подвергнуть наказанию [непокорных] сына или дочь. Если же такие словесные убеждения и настойчивые наставления и указания, как образумиться, окажутся тщетными, если ребенок постоянными оскорблениями, наносимыми родителями, окончательно восстановит их против себя, то родители должны в сопровождении народной толпы вывести его за город и там побить камнями, а труп, оставшись в продолжение целого дня на виду у всех, должен быть предан земле ночью. Точно таким же образом следует поступать и со всеми преступниками, законом приговоренными к смерти. Так же должны быть погребаемы и враги; труп человека, получившего должное возмездие, не должен оставаться без погребения дольше положенного срока» (Ср. [Втор 21.18—23](#))

25. «Никому из евреев не дозволено взимать лихву за пищу или питье, потому что несправедливо, чтобы он наживался на счет единове́рца своего; он, напротив, должен помогать последнему в его нужде и видеть в его благодарности и в будущем воздаянии со стороны Господа Бога достаточное вознаграждение за свои труды» (Ср. Лев 25.37; [Втор 23.19—20](#)).

26. «Кто получит займы деньги или какие-нибудь плоды, сушеные ли или сырые, обязан с чувством благодарности возратить занятое собственникам, когда по милости Господней его дела опять поправятся; таким образом, возвращая аккуратно свой долг, они сами себе создают возможность и в другой раз, в случае нужды, получить займы. Но даже и тогда, когда [заемщик] задержит возвращение долга, кредитор не смеет вторгаться в дом должника и брать у него что-либо в залог без установленного на то судебного решения, но он может, стоя на дворе, просить себе залога, а должник должен ему сам вынести таковой, не имея права отказать в этом человеку, который явился под прикрытием закона. Если должник человек состоятельный, то кредитор может сохранить у себя залог до возврата ссуды; если же он бедняк, то он должен вернуть ему залог до заката солнца, особенно если этим залогом является плащ, дабы должник мог прикрыться им во сне: ведь и Господь Бог особенно милостив к бедным. Не дозволено брать в залог ручную мельницу с принадлежащими к ней приборами, чтобы бедняки не лишились необходимых вещей для приготовления ежедневной пищи и не подвергались за неимением последней еще какой-нибудь худшей беде» (Ср. [Исх 22.25—27](#); [Втор 24.10—15](#)).

27. «За похищение человека наказанием должна служить смертная казнь. Кто украдет золото или серебро, обязан вернуть двойное его количество. Человек, убивший другого, вломившегося в дом с целью грабежа, свободен от всякого наказания, даже если бы он накрыл преступника лишь при самом взломе. Кто украл скот, должен возместить учетверенную стоимость его, исключая тот случай, если будет украден вол: за последнего он должен внести в пять раз больше, чем он стоит. Кто не в состоянии уплатить этот штраф, тот да будет рабом тех, кому он своим преступлением нанес убыток»³¹⁵.

28. «Проданный в рабство своему единоплеменнику обязан служить ему в продолжение шести лет; на седьмой же год он должен быть отпущен на свободу. Если же в это время у него родились от брака с рабыней в доме хозяина дети и он из расположения к последнему и из любви к своей семье пожелал бы служить еще дольше, то при наступлении юбилейного, то есть пятидесятого, года он должен быть свободен вместе с женою и детьми своими»³¹⁶.

29. «Если кто-нибудь найдет на улице золото или серебро, тот должен стараться разыскать потерявшего это, объявлять о месте своей находки и затем возратить вещь ее владельцу, памятуя, что не следует извлекать пользу из несчастья другого человека. Равным образом, если кто-нибудь найдет скотину, заблудившуюся в пустыне, и ему не удастся разыскать ее владельца, тот должен уберечь эту скотину у себя, призвав Господа Бога в свидетели того, что он не присваивает себе чужой собственности»³¹⁷.

30. «Не следует проходить, не обращая внимания, мимо чужого скота, страдающего от непогоды или завязшего в грязи, но должно постараться спасти его и помочь ему, отнесясь к

нему, как к своей собственности» (Ср. [Втор 22.4](#)).

31. «Людам, не знающим дороги, следует указывать такую, не глумиться и не смеяться над ними, не обманывать их в шутку, чтобы они от того не пострадали» (Ср. Лев 19.14; [Втор 27.18](#)).

32. «Равным образом безусловно запрещено глумиться над немым или глухим».

33. «Кто во время ссоры без оружия нанесет другому рану, от которой он тотчас умрет, тот должен умереть таким же образом, как и его жертва. Если же раненого доставят домой и он умрет от последствий раны спустя несколько дней, то нанесший рану не подвергается наказанию. Впрочем, если раненый останется жив и понесет большие издержки на свое лечение, то ранивший его обязан возместить ему убытки за все время лечения, а также плату врачам. Кто ударит ногой беременную женщину, так что она выкинет, на того судьи должны наложить денежное взыскание, потому что народ лишился в лице погибшего зародыша одного человека; равным образом он обязан уплатить штраф и мужу потерпевшей женщины. Если же последняя умрет от последствий удара, то и нанесший ей его подвергается смертной казни, по смыслу закона, требующего жизнь за жизнь» (Ср. [Исх 21.18—23](#)).

34. «Никто из израильтян не смеет держать у себя яд или какое-либо другое вредоносное снадобье. Если же у него будет найдено что-нибудь подобное, то он подлежит точно такой же смерти, какую он собирался причинить другим, для которых предназначался яд» (Ср. там же.).

35. «Причинивший кому-нибудь увечье подвергается лишению того же члена, которого он лишил ближнего своего, разве что изувеченный предпочтет получить от него денежное вознаграждение, причем сам закон предоставляет потерпевшему право назначить сумму вознаграждения, если он не желает отнестись к изувечившему его строже» (Ср. [Исх 21.24](#); Лев 24.20; [Втор 19.21](#)).

36. «Бодливого быка хозяин обязан заколоть. Если такой бык боднет на жниве когонибудь так, что тот умрет, то такого быка должно побить камнями и мясо его не может считаться пригодным в пищу. Если же обнаружится, что хозяин знал о бодливости быка и не принял достаточных мер предосторожности, то он также подвергается смертной казни, потому что является виновником смерти человека. Если же бык забодает раба или рабыню до смерти, то сам он побивается камнями, владелец же быка обязан уплатить хозяину погибшего или погибшей тридцать сиклов. Если же один бык забодает другого, то оба должны быть проданы, а вырученные за них деньги разделены между их владельцами» (Ср. [Исх 21.28—36](#)).

37. «Кто вырыл колодезь или цистерну, должен озаботиться прикрыть таковые досками не для того, конечно, чтобы помешать кому-нибудь пользоваться водою, но для того, чтобы предохранить всех от опасности свалиться в колодезь. Если же в неприкрытый таким образом колодезь упадет чей-нибудь скот и погибнет там, то владелец колодца должен уплатить хозяину животного стоимость последнего. Впрочем, пусть окружают цистерны оградами в виде стен, которые служили бы предохранительными средствами от опасности свалиться в яму и погибнуть там» (Ср. [Исх 21.33—34](#)).

38. «Если кому-нибудь отдана вещь на сохранение, то получивший такую должен беречь ее как нечто священное и как бы принадлежащее самому Господу Богу; и пусть никто, ни мужчина, ни женщина, не осмеливаются выманить такую вещь у него, хотя бы при этом и представлялась возможность большой денежной выгоды и хотя бы такая проделка за неимением улик могла бы остаться совершенно не раскрытою. Во всяком деле каждый обязан поступать честно, внемля лишь голосу собственной совести, и, удовлетворяясь сознанием этого, всегда действовать так, чтобы заслужить всеобщую похвалу, особенно же снискать благоволение Господа Бога, от которого не остается скрытым ни один гнусный поступок. Если же лицо, которому была доверена на сохранение вещь, безо всякой со своей стороны вины, потеряет ее

или лишится ее, то оно должно предстать пред семью судьями и призвать в свидетели Господа Бога, что оно потеряло вещь не по собственной вине или преступности и что не воспользовалось ею в видах личной выгоды. После такой клятвы оно освобождается от всякой ответственности. Если же оно употребило в свою пользу даже самую ничтожную часть доверенного ему имущества и случайно при этом потеряло его, то постановляется приговор, чтобы вещь или имущество были возвращены в полной целости (Ср. [Исх 22.7—15](#)). Подобно тому, что было сейчас указано относительно вещей, отданных на сохранение, никто не смеет задерживать и платы своих, работающих на него, поденщиков, памятуя при этом, что уже потому нельзя лишать бедного человека заработанной им платы, что таковую предоставил ему Господь Бог взамен владения землею и всяких других благ. Не следует также оттягивать выплату заработка, но уплачивать его в тот же самый день, так как Предвечный не желает, чтобы работник лишился плодов труда своего» (Ср. [Исх 24.14—15](#)).

39. «Не должно наказывать детей за вину родителей их, но, если эти дети добродетельны, относиться к ним скорее с сожалением за это. Равным, впрочем, образом не следует делать ответственными и родителей за проступки детей их, потому что молодежь относится к вам свысока и не желает внимать наставлениям нашим» (Ср. [Втор 24.16](#)).

40. «Следует избегать общества кастратов и не сходиться с теми, кто лишил себя признаков мужественности или отрезал детородный член свой, который дарован людям Господом Богом для приумножения рода их. Их нужно гнать, так как такие люди виновны как бы в умерщвлении детей своих. Очевидно, что как осколчено у них тело, так кастрирована и душа. Равным образом следует относиться и ко всяким так называемым уродствам. Кастрация как людей, так и всяких животных безусловно воспрещена» (Ср. [Втор 23.1](#)).

41. «Итак, таковы пусть будут законы ваши в мирное время; милосердный Бог же да сохранит эти законы нерушимыми среди вас. Пусть никогда не наступит момента, чтобы кто-нибудь изменил или извратил их.

Но так как в человеческой жизни неизбежны минуты, когда сознательно или несознательно возникают беспорядки и опасности, то мы и на этот случай дадим несколько дополнительных предписаний, чтобы вы, заранее зная, что нужно делать, не искали долго средств спасения и чтобы вам не приходилось в последний момент доискиваться этих средств и по своей неподготовленности случайно не делаться жертвами так или иначе сложившихся обстоятельств.

Дай Бог, чтобы вы без войны владели тою страной, которую Он даровал вам за то, что вы не щадили трудов и приучили себя к добродетели; дай Бог, чтобы чужеземцы не пошли на нее гибельными походами и чтобы вас не обуяли внутренние раздоры, во время и по поводу которых вы могли бы нарушать данные предкам вашим предписания. Неуклонно держитесь законов, которые дал вам Господь Бог, признав в них ваше благо. Всякая война, какую бы ни пришлось теперь вести вам, а впоследствии детям вашим, пусть ведется вне пределов страны вашей. Собираясь начать войну, непременно первоначально посылайте к врагам своим [с извещением ее] посольство и глашатаев, потому что хорошо, чтобы раньше начала военных действий вы вступили в переговоры с неприятелями, указывая им на то, что, хотя в вашем распоряжении и имеются значительное войско, конница и хорошее вооружение, а на первом плане вы пользуетесь милостивым расположением и поддержкою Господа Бога, вам все-таки не хотелось бы по необходимости вступать с ними в борьбу и, отняв у них имущество, причинить им вовсе нежелательный вред, самим же обогатиться на их счет. Если вам удастся убедить их, то вам лучше сохранить мирные отношения с ними; если же враги ваши, полагаясь на свои силы, предпочтут вступить в борьбу с вами, то поведите на них войска свои, уповая на Господа Бога как на главного своего руководителя и назначив своим военачальником одного такого человека, который выдавался бы своею храбростью: начальство многих лиц обыкновенно только

вредит общему делу, особенно когда является необходимость действовать быстро и энергично. На войну должно отправлять войско отборное, состоящее из лиц, пред всеми отличающихся как физической силою, так и храбростью; все трусливые элементы должны быть выделены, чтобы им не вздумалось, когда дело дойдет до боя, своим бегством предоставить победу врагам. Все те, которые недавно построит себе дома и меньше года жили в «их, которые развели виноградники, но еще не успели получить плоды от них, которые обручились или недавно вступили в брак, все такие люди должны быть освобождены от участия в войне, чтобы они не вздумали, при воспоминании о своем счастье, спасти жизнь свою и сознательно притворяться трусами с целью вернуться к себе домой» (Ср. [Втор 20.1—12](#); [Втор 23.9](#)).

42. «Во время походов старайтесь поступать по возможности гуманно. Если во время осады неприятельского города у вас будет чувствоваться недостаток в лесе для сооружения осадных орудий, то вы не только не должны вырубать плодовые деревья, но и всячески оберегать их от уничтожения, памятуя, что деревья эти существуют на благо людям, и что, если бы у них был дар слова, они заявили бы вам совершенно разумно, что они несправедливо подвергаются истреблению, так как не они были виною войны, и что, если бы у них была на это возможность, они перешли бы на другое место. Впрочем, убивайте всех, кого вы победите в бою с оружием в руках, всем же остальным даруйте жизнь, наложив на них дань, исключая, однако, хананеян: этих вы должны истреблять совершенно и без пощады» (Ср. [Втор 20.13—20](#)).

43. «Смотрите всегда, особенно же во время войны, за тем, чтобы женщина не надевала мужского платья, а мужчина женского» (Ср. [Втор 22.5](#)).

44. Такие распоряжения оставил Моисей народу и передал ему при этом записанные еще сорок лет тому назад законы, о которых мы, впрочем, поговорим в другом сочинении [318](#). В следующие дни (дело в том, что Моисей теперь ежедневно созывал народные собрания) он благословил евреев и призвал проклятия на главу тех из них, которые перестали бы жить согласно сообщенным законам и вздумали бы нарушать эти постановления (Ср. [Втор 28.1—68](#)). Затем он пропел перед народом песнь в стихах, которая сохранилась нам также в Священном Писании; произведение это содержит в себе предсказание будущего и согласно этому предсказанию все и случилось, да и теперь еще продолжает оправдываться в точности (Ср. [Втор 31.30](#) — [Втор 32.42](#)).

Затем Моисей передал священникам священные книги и поручил им ковчег завета, в который он положил начертанные на двух скрижалях десять заповедей, и скинию. Народу же он напомнил не забывать, по завоевании и подчинении страны, о заносчивости амалекитян, повелел пойти на них войною и отомстить им за нанесенные евреям в бытность их в пустыне обиды (Ср. [Втор 31.9](#)). Далее Моисей распорядился, чтобы евреи, заняв страну Ханаанскую и уничтожив, согласно повелению, все население последней, воздвигли невдалеке от города Сихема алтарь, обращенный лицевой стороною на восток, поместив его между двух гор таким образом, чтобы с правой стороны находилась гора Гаризин, а с левой возвышенность, носящая название Гибала [319](#). Народ должен был разделиться на две половины, по шести колен в каждой, и стать вместе с левитами и священниками на вершинах обеих гор. Затем колена, ставшие на горе Гаризин, должны были провозгласить благословение и пожелать всего лучшего для всех тех, кто соблюдает благочестие, ревностно охраняет законы Моисеевы и повинуется последним, и когда эти колена произнесут данное благословение, прочие должны были повторить их, и наоборот: вслед за провозглашением благословений второю частью народа первая должна была также повторить их. Затем было предписано таким же точно образом по очереди произнести проклятие по отношению ко всякому, кто бы вздумал нарушить законы. Формулы этих благословений и проклятий Моисей собственноручно записал, чтобы они никогда не предавались забвению. Эти же формулы он незадолго до своей кончины начертал на каждой

стороне алтаря, причем повелел народу тут же принести жертву, а затем уже более не приносить здесь жертв, потому что это было бы противно закону. Такие постановления издал Моисей. Народ же еврейский впоследствии точно исполнял их (Ср. [Втор 27.1—26](#); [Нав 8.30—35](#)).

45. На следующий день Моисей опять созвал народ в полном составе, с женщинами, детьми и рабами, в народное собрание и потребовал от всех клятвы в точном соблюдении законов, в том, что они будут неукоснительно следовать предписаниям Божиим и не преступать их ни под каким предлогом: ни из родственных соображений, ни из страха, ни по какому другому поводу который мог бы показаться важнее точного соблюдения этих законов. Если бы кто из ближайшей родни или какой-нибудь целый город вздумал затронуть или даже уничтожить государственное устройство их, то евреи должны все вместе и каждый в отдельности помешать этому и, победив противников, совершенно истребить их, так чтобы не оставалось от них и следа. Если же они не будут в силах примерно наказать виновных, то им [по крайней мере] должно наглядно показать, что подобное злодеяние было придумано совершенно помимо их личного желания (Ср. [Втор 29.10](#)).

46. Народ поклялся, как того пожелал Моисей, который затем указал ему, какие жертвоприношения более угодны Господу Богу, как им выступать в поход и как при этом обращаться за предзнаменованием к упомянутым мною выше камням (на облачении первосвященника)³²⁰. В присутствии Моисея обратился с заявлением к народу также и Иисус Навин, причем объявил о своем старании трудиться на благо народа в военное и мирное время и о том, какие распоряжения и установления он намерен дать ему для лучшего устройства их быта. Затем он, по внушению Господа Бога, предсказал евреям, каким они подвергнутся бедствиям, если откажутся от повиновения Предвечному: как землю их займут враги с оружием в руках, как будут разрушены города их, а храм сделается жертвою огня, как сами они будут проданы в рабство к людям, у которых они не встретят сочувствия в постигшем их несчастье, и как им впоследствии придется безуспешно раскаиваться в своих проступках. «Однако,- прибавил он,- Господь Бог, сотворивший вас, возвратит города и храм вашим потомкам». Впрочем, такое несчастье постигнет их не один только, но много раз» (Ср. [Чис 28.1](#) — [Чис 29.29](#)).

47. Затем Моисей обратился с речью к Иисусу, убеждая его начать войну с хананеями и указывая на поддержку, которою он будет пользоваться со стороны Господа Бога во всех своих начинаниях. После этого он благословил весь народ и сказал следующее: «Так как я теперь собираюсь отойти к предкам нашим и Господь Бог назначил для этого именно сегодняшней день, то я пользуюсь случаем, пока я еще жив и нахожусь среди вас, для того, чтобы возблагодарить Его за все Его о вас попечения, в силу которых Он не только избавил вас из прежнего бедственного положения, но и уделил вам лучшие блага; кроме того, прославляю Предвечного еще и за то, что Он оказывал мне всяческую поддержку во всех трудах моих и заботах по исправлению вашему и вообще так милостиво относился к нам. Ведь, собственно, это Он, которому вы обязаны всеми начинаниями своими и тем, что, благодаря Его милосердию, доводили начинания эти до благополучного конца, так как Он осыпал народ ваш благодеяниями, причем смотрел на меня лишь как на слугу своего и орудие. Ввиду этого-то я, расставаясь с вами, и считаю необходимым превознести всемогущество Божие; пусть Он и в будущем печется о вас. Этим мне лично хотелось бы не только воздать Ему должное, но и достигнуть того, чтобы вам глубоко запало в душу, насколько следует почитать Его, преклоняться пред Ним и соблюдать законы, которые Он уже даровал и по милосердию своему еще дарует вам, как высшее и лучшее наследие. Ведь если люди презрительно относятся к законам человеческим и оставляют их без внимания, то издавший эти законы сердится и

становится к нарушителям во враждебные отношения. Поэтому не вызывайте же гнева Божия своим равнодушием к законам, которые он издал именно для вас» (Ср. [Втор 31.7](#)).

48. Когда Моисей пред кончиною своей сказал это и, благословляя каждое колено в отдельности, предрек ему будущую его участь, то весь народ громко заплакал; даже женщины били себя в грудь, выражая скорбь по поводу близкой смерти Моисея, равно как и дети, которые рыдали все больше и больше и никак не могли подавить свои вопли, показывая тем самым, что, несмотря на их возраст, им все-таки были понятны добродетель и все величие Моисея. Казалось, как будто стар и млад старались превзойти друг друга в выражении своей печали: одни сокрушались о будущем, вполне сознавая, какого начальника они теперь лишаются; другие же были удручены горем не только по этой причине, но и потому, что приходится расставаться с человеком, всей добродетели которого они раньше не успели оценить. Впрочем, как велика была скорбь и печаль народа, можно видеть из того, что случилось с самим законодателем нашим; а именно, хотя он сам держался убеждения, что не следует скорбеть о предстоящей смерти, которая является последствием предопределения Божия и законов природы, в этом случае, однако, горе народа сломило его и сам он заплакал (Ср. [Втор 33.1—29](#)). Когда же он отправился туда, где ему было положено умереть, то вся толпа народная с плачем последовала за ним. Тогда Моисей знаком руки остановил стоявших подальше, прося их не следовать за ним, а тех, которые стояли ближе к нему, уговаривал не увеличивать своим присутствием тяготы разлуки. Не смея перечить ему в этом его желании один на один встретить смерть, они со слезами на глазах остановились и не последовали за ним дальше. Лишь старейшины, первосвященник Елеазар и военачальник Иисус еще сопровождали его. Когда же Моисей достиг вершины горы, носящей название Аварим³²¹ (эта возвышенность лежит насупротив Иерихона, и с нее открывается чудный вид на всю Хананею), то отпустил и старейшин. Затем он обнял Елеазара и Иисуса, и, пока еще говорил с ними, его вдруг окружила туча, и он скрылся в каком-то ущелье. Впрочем, в священных книгах он сам упомянул о своей смерти, из опасения, как бы люди не вздумали утверждать, будто бы он, вследствие особенной любви к нему со стороны Господа Бога, был взят прямо на небо (Ср. [Втор 34.1—6](#)).

49. Моисей прожил всего сто двадцать лет; в течение одной трети этого времени без одного месяца он был руководителем судеб своего народа. Умер же Моисей в новолуние последнего месяца в году, называемом македонянами дистром, а нами (евреями) адаром. Мудростью он превосходил всех когда-либо существовавших людей, отлично умел приводить в исполнение задуманные решения, а также отличался весьма убедительным в глазах простого народа красноречием. К тому же он так владел собою и так умел обуздывать свои страсти, что казалось, их у него вовсе не было, и он был знаком с ними скорее по имени и по примеру на других людях, чем по себе лично. Таких полководцев, каким был он, существовало не много, да и пророк он был такой, какого другого больше не было, так что, когда он говорил, казалось, будто устами его вещает сам Господь Бог. Народ оплакивал его смерть в продолжение тридцати дней, и никогда еще печаль евреев не была так велика, как при кончине Моисея. И долго потом вспоминали о нем не только те, которые лично знали его, но и все те, которые ознакомились с его законами, так как вывели из последних заключение о присущей ему добродетели.

Вот что мы могли рассказать о кончине Моисея (Ср. [Втор 34.7—8](#)).

Предисловие

В этой книге в легендарной форме отражены реальные события, имевшие место с конца XIII в. до н.э., когда на территорию Палестины и соседних стран начали проникать со стороны восточного берега р. Иордан израильские племена. По всей вероятности, было несколько последовательных волн. Первоначально израильтяне селились на полупустынных окраинных землях, прилегающих к стране Ханаан. Легкость завоевания израильтянами хананейских городов-государств с их древними культурными традициями объясняется значительным разорением страны опустошительными походами египетских фараонов в предшествовавшие столетия. Следы египетского влияния в Палестине подтверждаются археологическим материалом. Первое упоминание союза племен Израиля в письменных источниках, относящихся к истории Восточного Средиземноморья, засвидетельствовано в надписи египетского фараона Мернептаха последней четверти XIII в. до н.э.

1. После того как Моисей умер и все установленные на этот случай церемонии и траурное время окончились, Иисус приказал войску готовиться к походу. Вместе с тем он выслал соглядатаев в Иерихон, чтобы узнать о численности врагов и об их настроении. Сам же он выстроил свое войско, чтобы вовремя переправиться через Иордан. Затем он пригласил к себе старейшин колен Рувилова, Галона и Манассиева (половине последнего, как известно, была предоставлена для жительства страна аморреев, которая составляла седьмую часть всей Ханаяеи), напомнил им о некогда данном ими Моисею обещании и убедительно просил их исполнить теперь свое обещание не только из любви к Моисею, который до последней минуты своей жизни неустанно заботился о них, но также ради общего блага. Получив от них согласие участвовать в походе, Иисус с тяжеловооруженным войском в пятьдесят тысяч человек двинулся от Авилы к Иордану, что составляет расстояние в шестьдесят стадий (Ср. [Нав 1.1—18](#)).

2. Не успел он расположиться тут лагерем, как уже явились и лазутчики, которым удалось высмотреть все нужное у хананеев. Сначала они совершенно спокойно обошли и осмотрели весь город, где окружавшие последний стены были особенно крепки и где находились наиболее слабые пункты, а также какие ворота были менее укреплены и потому могли послужить первым пунктом нападения со стороны еврейского войска. Все, кто случайно встречался с ними, не обращали на них никакого внимания, думая, что они по примеру прочих иностранцев хотят все хорошенько осмотреть, и отнюдь не предполагали в них врагов. Под вечер они отправились на постоянный двор вблизи городской стены, на который им раньше уже указали, как на место, где можно было пообедать. Когда они затем стали помышлять о том, что им теперь остается вернуться только восвояси, царю за ужином было сделано донесение, что явились какие-то соглядатаи из еврейского стана для осмотра города, теперь находятся на постоялом дворе некоей Рахавы и очень стараются о том, чтобы их присутствие осталось незамеченным. Царь распорядился немедленно захватить и привести их, чтобы при помощи пытки выведать от них о цели их прибытия. Когда Рахава увидела приближение посланных царя (она как раз в это время сушила на крыше лен), то она тотчас спрятала соглядатаев под кучами льняных связок, а посланцам царским сказала, что какие-то неизвестные чужеземцы действительно закусили у нее, но затем удалились незадолго до заката солнца; если же посланные опасаются, что эти иностранцы представляют опасность для города или для царя, то их не трудно будет догнать и схватить. Обманутые хитростью этой женщины, посланцы царя поверили ей, даже не подумали сделать на постоялом дворе обыск и отправились к тем улицам, которые вели к реке и по которым, казалось им, могли уйти соглядатаи. Не найдя, однако, никакого следа их, они прекратили свои поиски. Когда все стихло, Рахава повела евреев вниз и рассказала им, какой она подвергла себя опасности ради их спасения, причем указала на то, что, если обнаружится ее проделка, ей не избежать мести царя и придется погибнуть со всем домом. При этом она просила вспомнить о ней впоследствии, когда евреям удастся овладеть Хананеею, и отплатить ей добром за добро; затем она взяла с них клятву в том, что они пощадят ее и всех родных ее, когда, по взятии города, станут избивать всех его жителей согласно постановлению (Моисея); а что они овладеют городом, это ей безусловно известно на основании некоторых данных, полученных от Господа Бога. Лазутчики не только охотно поблагодарили ее за оказанную услугу, но обещали на деле воздать ей добром за добро. При этом они дали ей совет, когда она заметит, что город будет взят, собрать все свои пожитки и всех родных на свой постоянный двор, запереться в нем и повесить у входа красные платки, чтобы полководец узнал дом и охранял бы его от насилия. «Мы уж укажем ему,- сказали они,- что обязаны своим спасением тебе. Если же

кто-нибудь из родных твоих падет в битве, то не приписывай нам этой вины, а сами мы будем умолять Господа Бога, именем Которого мы поклялись, не взыскивать с нас за это, как если бы мы нарушили данную клятву». С этим обещанием соглядатаи отправились в обратный путь, спустившись на канатах со стены, вернулись домой невредимыми и рассказали своим о своих приключениях в городе. Затем Иисус сообщил первосвященнику Елеазару и совету старейшин о клятве, данной лазутчиками Рахаве, и они признали эту клятву обязательною (Ср. [Нав 2.1—24.](#)).

3. Еврейское войско между тем было в крайне затруднительном положении относительно перехода через Иордан, потому что вода в реке сильно поднялась, нельзя было построить мостов (их не было и раньше, а до возведения таковых не допустили бы спохватившиеся уже враги), не имелось судов. Тогда Господь Бог возвестил евреям, что он даст им возможность перейти реку, понизив в ней уровень воды. По прошествии двух дней Иисус действительно перевел свое войско и весь народ следующим образом: шествие открывал кивот завета, за ним шли левиты с частями скинии и служившею для жертвоприношений утварью, а за левитами следовал по коленам весь народ, причем посередине, между мужчинами, находились дети и женщины, из опасения, как бы последние не пострадали от сильного течения реки. Когда священнослужители первые вступили в реку и убедились, что ее можно будет перейти, так как было неглубоко, да и валуны и камни на дне уже более не увлекались силою течения, а представляли прочную опору для ног, то все прочие смело последовали их примеру и, вступив в воду, сами убедились, что Господь Бог сдержал свое обещание. Дойдя до середины реки, священники остановились и стали ожидать, пока не перейдет весь народ и благополучно достигнет противоположного берега. Когда же все перешли, то за ними двинулись и священники и, выйдя из реки, предоставили ей уже течь по-прежнему. Река, действительно, тотчас же по выходе из нее евреев, опять поднялась и приняла прежний свой вид (Ср. [Нав 3.1—4:18.](#)).

4. Пройдя еще пятьдесят стадий, евреи расположились станом в расстоянии десяти стадий от Иерихона. Затем Иисус воздвиг алтарь из тех камней, которые по повелению его взял с собою со дна реки каждый из начальников отдельных колен, в память того, что здесь река отступила перед ними, и принес на нем жертву Господу Богу. Потом народ отпраздновал тут праздник Пасхи, причем у всех теперь было полное обилие всего того, в чем им прежде приходилось нуждаться. Дело в том, что хлеб хананеев успел уже вполне созреть, его поэтому сжали, да и другой добычи попадалась масса. Тогда-то прекратилось питание евреев манною, которой они пользовались в продолжение сорока лет (Ср. [Нав 4.19](#) — [Нав 5.12.](#)).

5. Так как, несмотря на такие поступки израильтян, хананей и не думали выступать против них с войском, а спокойно сидели за стеной своего города, то Иисус решил осадить последний. Итак, в первый день праздника Пасхи священники с кивотом завета, который охранялся со всех сторон окружавшим его отрядом тяжелооруженных воинов, с семью трубачами, игравшими на трубах, направились к городу, стали вызывать войско на бой и обошли в сопровождении старейшин вдоль стен его. Затем они вернулись обратно в свой лагерь, причем священники только трубили в трубы и более серьезного не было предпринято ничего. После того как они повторили этот маневр шесть дней подряд, Иисус на седьмой день созвал в собрание все войско и весь народ и объявил всем радостную весть, что город ими будет взят, что Господь Бог дарует им эту победу, в этот же еще день, так как городские стены рухнут сами собой без всяких с их стороны к тому усилий. При этом он приказал евреям убивать всех, кого удастся захватить, не задумываясь над избиением врагов, не щадить их из жалости и не давать им, ради добычи, спасаться бегством, но предавать гибели решительно все живое, не оставляя в свою пользу ничего и никого. Все то золото или серебро, которое попадется им в руки, им следует снести в одно место, чтобы принести его впоследствии в жертву Господу Богу, как первое приношение от первого взятого ими города. Пощадить придется лишь одну Рахаву и ее родню ввиду

клятвенного обещания, данного ей лазутчиками (Ср. [Нав 4.19](#) — [Нав 6.18.](#)).

6. С этими словами Иисус выстроил свое войско в боевой порядок и повел его против города. Евреи опять обошли вокруг городских стен, причем впереди войска несли кивот завета, а священнослужители звуками труб поощряли воинов к предстоявшему им делу. И вдруг, когда евреи семь раз обошли вокруг города и на минуту остановились, стены сами собою рухнули, хотя евреи не подвели к ним осадных орудий и не пустили для этого в ход никакого другого средства (Ср. [Нав 6.19—22.](#)).

7. Ворвавшись затем в Иерихон, евреи стали избивать всех, тем более что жители так были поражены необычным и неожиданным изменением стен, что совершенно забыли о всякой самозащите. Их стали убивать не только на улицах, но и в домах, и не было пощады никому, но погибли все, не исключая женщин и детей. Весь город наполнился трупами, и никто из жителей не избежал смерти. Затем евреи зажгли город и окрестные селения. Рахаву же, которая со своими родственниками укрылась в своем постоялом дворе, спасли лазутчики; впоследствии Иисус велел привезти ее, поблагодарил ее за спасение его соглядатаев и заметил, что он воздаст ей за это должную признательностью. При этом он тотчас же подарил ей участок плодородной земли и вообще оказал ей необычайный почет (Ср. [Нав 6.23—24.](#)).

8. Все, что в городе уцелело от огня, Иисус велел истребить и провозгласил проклятие врозь всех тех, кто когда бы то ни было вздумал бы вновь отстроить разрушенный город, причем проклятие это постигло бы его таким образом, что при закладке фундамента стены у восстановителя должен был умереть старший сын, а при окончании — младший. Это проклятие, как мы впоследствии покажем. Господь Бог не оставил без внимания, но действительно привел к печальному исполнению (Ср. [Нав 6.25.](#)).

9. При взятии [города] было найдено огромное количество серебра, золота, а также меди; все это было собрано в одно место, потому что никто не решался послушаться приказа и присвоить себе что-либо из этой награбленной добычи, но всякий воздержался от нее, как будто бы она была уже посвящена Господу Богу. Иисус же передал все эти вещи священникам, для того чтобы они сложили их в казну (Ср. [Нав 6.24.](#)).

10. Таким образом был разрушен Иерихон. Между тем некий Ахар, сын Зеведея из колена Иудова, нашел царскую мантию, всю сотканную из золота, которого пошло на мантию двести сиклов. Считая жестоким не иметь личной выгоды от испытанных опасностей и отказываться в пользу Господа Бога от вещи, в которой тот вовсе и не нуждается, он вырыл в своем шатре глубокую яму и зарыл в ней находку, думая, что таким образом ему удастся скрыть последнюю как от своих сотоварищей, так и от Предвечного (Ср. [Нав 7.1:20—22.](#)).

11. Место, на котором Иисус тогда расположился станом, получило название Галгала, что значит «свобода», потому что евреи, перейдя через Иордан, считали себя уже совершенно освобожденными как от египтян, так и от всех бедствий, постигших их в пустыне».

12. Спустя несколько дней после гибели Иерихона, Иисус послал три тысячи тяжелооруженных воинов для занятия города Аннана³²², лежавшего выше Иерихона. В стычке с населением Аннана евреи были обращены в бегство, причем потеряли тридцать шесть человек убитыми. Известие об этом поражении вызывало в израильянах большую печаль и страшное отчаяние, впрочем, не вследствие потери нескольких воинов, хотя и погибли все наилучшие и наидостойнейшие люди, но от разочарования, так как они были уже вполне уверены в том, что им удалось окончательно овладеть страной и что их войска, сообразно обещанию Господа Бога, будут выходить из сражений невредимыми. Между тем они видели теперь, какой необычайный подъем духа вызвала эта победа у врагов. Поэтому евреи в знак траура облеклись в мешки, целый день горевали и плакали и даже не прикасались, в своем угнетении от постигшего их несчастья, к пище (Ср. [Нав 7.2—6.](#)).

13. Видя, что войско так удручено и вообще готово уже отчаиваться в благополучном исходе всего предприятия, Иисус обратился за поддержкою к Господу Богу. «Мы,- молился он,- были побуждены к подчинению себе этой страны с оружием в руках не собственной решимостью или бесстрашием, но нас склонил к тому раб Твой Моисей, которому Ты путем многих чудесных явлений возвестил, что дашь нам возможность овладеть этою страной и даруешь победу войску нашему над неприятелями. И действительно, кое-что из Твоих предсказаний уже успело оправдаться. Но теперь, когда мы совершенно неожиданно потерпели поражение и даже потеряли несколько человек из нашего войска, приходится сомневаться, исполнишь ли Ты свое обещание и оправдаешь ли предсказания Моисея. Поэтому мы сильно удручены и плоха у нас надежда на будущее, когда нам с самого начала пришлось потерпеть такую неудачу. Но в Твоей, Господи, власти поправить все наше дело и, даровав нам победу над врагами, утешить нас в настоящем нашем горе и успокоить нас относительно будущего» (Ср. [Нав 7.7—9](#)).

14. Так молился Иисус Господу Богу, припав головою к земле. На все его вопросы Предвечный отвечал, чтобы он встал и очистил войско от совершенного среди него преступления, а именно кражи вещи, которая должна была быть посвящена Ему, Предвечному. (Ввиду именно этого случая они и потерпели теперь поражение; когда же виновный будет разыскан и наказан, евреи всегда будут побеждать врагов своих). Иисус сообщил об этом народу, призвал к себе первосвященника Елеазара и старейшин и велел метать жребий по отдельным коленам. Когда жребий пал на колено Иудово, как на то, одним представителем которого было совершено преступление, стали опять метать жребий уже по отдельным семьям. Таким образом выяснилось, что преступление было совершено кем-нибудь из родни Ахара. Когда же вся родня последнего подверглась жеребьевке, то оказалось, что виновник всего — сам Ахар. Не имея возможности отпереться и видя, что суд Божий постиг его, последний сознался в краже и отдал утаенную вещь. Его тотчас же приговорили к смертной казни, в ту же ночь убили и с позором похоронили, как и подобает преступнику (Ср. [Нав 7.10—26](#)).

15. Очистив таким образом войско, Иисус повел его против Аннана и, оставив ночью часть людей в засаде, рано утром напал на врагов. Так как последним придавала особенной смелости недавняя победа и они рьяно устремились на евреев, то Иисус сделал вид, что отступаете увлек их на значительное расстояние от города; они между тем думали, что им удалось обратить врагов в бегство, и потому были уже совершенно уверены в победе. Затем он велел войску своему повернуться к неприятелю фронтом, дав знак сидевшим в засаде, и евреи устремились в битву. Войско, спрятанное в засаде, ворвалось в город в то время, как население последнего находилось на стенах и издали следило за действиями своих войск. Евреи же заняли город и стали избивать всех, кого находили в нем, между тем как Иисус вступил в рукопашный бой с врагами и обратил их затем в бегство. Победенные сперва бросились к городу, как в убежище, но когда увидели, что и он взят и предан пламени, вместе с их женами и детьми, они рассеялись по полям, не будучи по своей малочисленности уже в состоянии защищаться. При этом поражении жителей Аннана в руки евреев попала страшная масса детей, женщин, прислуги, а также несметное количество всякой утвари. Евреи также захватили огромные стада скота и множество денег (местность эта отличалась своим богатством), и Иисус предоставил всю эту добычу войску в Галгале (Ср. [Нав 8.1—27](#)).

16. Когда жившие в непосредственной близости к Иерусалиму гаваониты узнали о несчастье, постигшем жителей Иерихона и Аннана, то поняли, что и им грозит такая же печальная участь. Однако они решили не просить у Иисуса пощады (полагая, что они все равно не добьются ничего у человека, который задался целью — войною истребить весь народ хананейский), но стали склонять к заключению оборонительного союза своих соседей

кеферитов и кариафиаримитов³²³, указывая при этом на то, что и им не избежать опасности, если они будут ждать, пока израильтяне не побьют их, тогда как в союзе с ними можно будет избежать ее. Когда те согласились на это предложение, они отправили к Иисусу для заключения дружественного с ним договора таких людей, которые по общему мнению были вполне способны оказать народу поддержку в беде. Полагая, что будет небезопасно сразу объявить себя хананеями, и думая, что можно будет совершенно избежать ее, выдав себя за людей, которые ничего общего с хананеями не имеют и живут от последних в дальнем расстоянии, послы решили сказать Иисусу, что они прибыли издалека и не испугались продолжительного путешествия, так как и до них дошла молва о доблести евреев. В доказательство справедливости своих слов они собирались указать на состояние своего платья, которое, будучи совершенно новым при начале их путешествия, теперь от продолжительности последнего совсем истрепалось. С этой целью они нарочно оделись в старые одежды, чтобы Иисус легче поверил их заявлениям. В таком виде они затем действительно явились к евреям и сообщили в народном собрании, что их послали гаваонитяне и жители соседних с последними городов, которые находятся в значительном отсюда расстоянии, для того чтобы по установленному у них обычаю заключить дружественный договор: они-де узнали, что по милости Предвечного евреям предоставлена в дар страна Хананейская, а что они сами очень рады этому и очень просят удостоиться чести гражданства у евреев. Говоря таким образом и указывая в доказательство справедливости своих слов на признаки совершенного ими дальнего путешествия, они уговаривали евреев заключить с ними дружественный союз. Иисус поверил уверениям их, что они не хананеяне, заключил с ними дружественный договор, а первосвященник Елеазар с советом старейшин скрепил этот союз присягою в том, что евреи будут их друзьями и союзниками и ничем не станут обижать их, причем народ присоединился к этой клятве. Достигнув обманным образом желанной цели, посланцы вернулись к себе домой. Когда же впоследствии Иисус повел свое войско в нагорные части страны и при этом узнал, что гаваонитяне живут недалеко от Иерусалима и принадлежат к племени хананейцев, то он велел призвать к себе их старейшин и стал обвинять их в обмане. Когда же те заявили, что у них не было другого средства к спасению, кроме этого, и что они поэтому по необходимости прибегли к нему, он призвал первосвященника Елеазара и старейшин и стал совещаться с ними, как поступить в данном случае. Так как было решено, что клятвы никак нельзя нарушить, но что гаваонитян можно употребить на общественные работы, то Иисус и постановил соответствующее решение. Таким образом гаваонитяне нашли способ, как уберечься от угрожавшего им бедствия и как гарантировать себе личную безопасность (Ср. [Нав 9.3—27](#)).

17. Так как царь иерусалимский очень рассердился на переход гаваонитян на сторону Иисуса, то он предложил царям ближайших народностей пойти совместно с ним войною на изменников. Когда же гаваонитяне увидели, что те действительно соединились с ним (их было всего четверо), теперь идут на них и, расположившись станом вблизи одного источника, недалеко от их города, уже готовятся к осаде, то они обратились за помощью к Иисусу, так как предполагали, что при настоящем положении дел им можно ожидать от своих соплеменников одной только гибели, тогда как им можно было рассчитывать ввиду заключения дружественного договора на поддержку и спасение со стороны тех, которые поставили себе целью войны окончательное истребление всего хананейского народа. Иисус действительно со всем своим войском поспешил к ним на выручку, совершал переходы в продолжение целого дня и целой ночи, напал на врагов врасплох рано утром, обратил их в бегство и преследовал их по ложбине, носящей название Вифоры. Тут-то он убедился в том, что Господь Бог помогает ему, потому что началась сильная гроза с громом, молнией и необычайно крупным градом. Вдобавок и день тогда продолжился для того, чтобы наступление ночи не помешало полной победе евреев³²⁴.

Наконец Иисус достиг четырех царей в пещере Маккед, где они искали убежища, и перебил их всех. А что день тогда действительно удлинился сверх обыкновения, это засвидетельствовано в священных книгах, лежащих в храме (Ср. [Нав 10.1—27](#)).

18. После того как таким образом погибли цари, собиравшиеся идти походом на гаваонитян, Иисус вернулся обратно в нагорную часть Хананеи и, совершив там массовые избиения населения и захватив богатую добычу, возвратился назад в лагерь при Галгале. Так как молва о храбрости евреев быстро распространялась среди окрестных племен и так как всех поражало огромное количество убитых евреями людей, то хаванейские цари, жившие у Ливанских гор, равно как и те, которые занимали равнину, в союзе с филистимлянами пошли походом на евреев и расположились лагерем вблизи Вирофы, города верхней Галилеи, недалеко от Кедеса, который также входит в состав Галилейской страны³²⁵.

Все их войско состояло из трехсот тысяч тяжеловооруженных, десяти тысяч конницы и двадцати тысяч колесниц. Эта масса врагов очень испугала самого Иисуса и израильтян, и в своем ужасе они потеряли всякую надежду на возможность победы. Господь Бог, однако, выразил евреям порицание за их робость и за то, что они так мало полагаются на Его помощь, но тем не менее обещал даровать им победу над врагами и приказал целить в лошадей и сжигать колесницы неприятелей. Такое обещание поддержки со стороны Предвечного опять придало Иисусу Навину бодрости; он выступил против врагов и сошелся с ними на пятый день. Тут произошла жестокая битва и такая невероятно ожесточенная резня, которая превосходила все дотоле известное в этом роде. В конце концов Иисус обратил врагов в бегство и во время преследования уничтожил все его войско за ничтожными исключениями. При этом пали и все цари хананейские; а когда уже больше не было людей для резни, то Иисус стал убивать лошадей и жечь колесницы. Затем он победоносно прошел по всей стране, где теперь уже никто не решался оказывать ему сопротивление, осаждал и брал города и избивал все, что ему попадалось на пути (Ср. [Нав 10.28](#) — [Нав 12.24](#)).

19. Таким образом прошло пять лет, и из хананеев уже никого не осталось в живых, кроме тех, которые бежали в крепости, ища спасения за толстыми стенами. Затем Иисус выступил из Галгала в нагорную часть страны и поставил священную скинию в городе Сило³²⁶, потому что эта местность по красоте своей показалась ему для этого подходящею, по крайней мере до тех пор, пока обстоятельства не позволят выстроить настоящий храм. Отсюда он двинулся со всем народом к Сихему и, сообразно повелению Моисея, воздвиг там алтарь. Затем он разделил евреев на две части и поставил одну половину на горе Гаризин, а другую вместе с левитами и священниками на Гивале, где помещался и жертвенник. После того как евреи совершили тут жертвоприношения, произнесли установленные благословения и проклятия и записали последние на подножии алтаря, они возвратились в Сило (Ср. [Нав 8.30—35](#)).

20. Между тем Иисус достиг уже преклонных лет. Видя, что не легко взять хананейские города вследствие неприступности их местоположения и укрепленности стен, которые окружали и без того уже самую природою в достаточной мере обеспеченные города и потому делали осаду крайне затруднительною (дело в том, что, когда хананеяне узнали, что израильтяне вышли из Египта с целью полного их уничтожения, они все это время употребили на укрепление своих городов), и отчаиваясь в возможности занять эти города, Иисус созвал народ в Сило на собрание. Когда народ собрался в достаточном количестве, вождь обратился к нему с речью, в которой изложил историю всех их деяний и совершенных ими великих подвигов, достойных Господа Бога, который даровал им Свою поддержку, и вполне соответствующих величию законов, которым следуют евреи; тут же он указал на то, что они победили тридцать одного царя, осмелившегося вступить с борьбу с ними, и упомянул, как все войска их, вступившие в бой с евреями в уповании на свои силы, совершенно разбиты, так что в живых не

осталось ни одного воина этого племени. Так как теперь, продолжал Иисус, многие из хананейских городов уже взяты, а для занятия прочих потребуются долговременная осада вследствие укрепленности их стен и отчаянного мужества жителей, то он считал бы уместным и своевременным отпустить с благодарностью за оказанное содействие по домам тех из соплеменников, которые явились с той стороны Иордана и по родственному участвовали с прочими во всех опасностях войны. Затем следовало бы послать по одному, пользующемуся всеобщим доверием, почтенному человеку из каждого колена для точной вымерки всей страны и для того, чтобы эти посланные затем вполне добросовестно и без малейшей утайки сообщили о величии ее (Ср.: [Нав 11.23](#); [Нав 13.1](#); [Нав 24.1](#); [Нав 12.1](#); [Нав 22.1](#); [Нав 18.4](#)).

21. Иисус сразу склонил народ к принятию этого предложения и потому тотчас же отправил выборных для измерения страны, прибавив к ним нескольких ученых землемеров, которые, по своей опытности, могли бы с большею точностью исполнить возложенную на посланцев задачу, и дал им поручение вдобавок определить также количество плодородной и плохой земли. Дело в том, что по характеру своему Ханаан представляет собой огромные равнины, которые сами по себе очень удобны для земледелия и в сравнении с другими местами могли бы казаться в высшей степени плодородными, но которые при сопоставлении с окрестностями Иерихона и Иерусалима вовсе не представляются ценными: хотя эти окрестности и не обширны и вдобавок большею частью гористы, они все-таки превосходят другие местности обилием и красотой родящихся тут пледов. Поэтому-то Иисус и решил распределить землю между коленами, руководствуясь качеством, а не количеством земли, так как часто одна десятина могла сойти за тысячу других. Посланные (которых было всего десять) отправились в иуть, обошли всю страну, оценили ее почву и вернулись на седьмой месяц к Иисусу Навину в Сило, где находилась тогда скиния (Ср. [Нав 18.8](#)).

22. Призвав Елеазара и собрав совет старейшин с начальниками отдельных колен, Иисус распределил всю страну между [оставшимися] девятью коленами и половиною Манассиева, сообразуясь при этом распределении с численностью каждого колена. При метании жребия потомки Иуды получили в удел всю верхнюю Идумею, которая вдоль простиралась до Иерусалима и тянулась поперек до озера Содомского³²⁷. В этой области находились города Аскалон и Газа. Симеонову колену (как второму) выпала на долю та часть Идумеи, которая примыкает к нределам Египта и Аравии. Веньяминиты получили пространство земли длиной от реки Иордана до самого моря, а в ширину эта местность доходила до Иерусалима и Вифила. Ввиду особенного плодородия своего, эта область и была так необычайно узка; вдобавок же тут находились города Иерихон и Иерусалим. Удел колена Ефремова обнимал в длину пространство от Иордана до Гадары³²⁸, а в ширину тянулся от Вифила до большой равнины. Половина Манассиева колена получила участок от Иордана до города Дора³²⁹, а в ширину эта полоса доходила до Вифисана, который теперь называется Скифополем³³⁰. После них колено Иссахарово заняло область, ограниченную с одной стороны горою Кармель и рекою, а с другой — горою Итабирийскою³³¹. Потомство Завулону получило в удел страну до Генисаретского озера, примыкающую с одного края к горе Кармель, а с другого — к морю. Так называемую «долину Кармеля», которая действительно и представляет из себя глубокую впадину, целиком заняли вплоть до Сидона потомки Асировы. В этой же области находился и город Арка, Екдипус тож³³². Страну, простирающуюся к востоку до города Дамаска и до верхней Галилеи вплоть до Ливанского хребта и до источников Иордана, берущих начало в этой горе и примыкающих к северной части города Арки, получили в удел потомки Неффала. Данитам, наконец, досталась вся та долина, которая тянется к западу и примыкает к Азоту³³³ и Дору, вся Ямния³³⁴ и Гетта³³⁵ от Акарона³³⁶ до того хребта, откуда уже начинались владения колена

Иудова (Ср. [Нав 15.1](#) — [Нав 19.51](#)).

23. Таким образом Иисус распределил между девятью с половиною коленами израильскими всю страну Хананейскую, принадлежавшую шести народам, которые именовались по сыновьям Ханаана³³⁷. Землю аморреев, также получившую свое название от одного из сыновей Ханаана, Моисей уже раньше предоставил, как мы выше успели показать, двум с половиною коленам. Окрестности же Сидона, равно как владения арукеян, амафеев и фрадеян, пока еще не подверглись разделу (Ср. [Нав 13.8—32.](#)).

24. Так как теперь уже преклонные лета мешали Иисусу привести в исполнение все то, что он задумал совершить, а, с другой стороны, преемников его по командованию войсками уже меньше интересовал вопрос об общем благополучии всего народа, то он предложил каждому колену в отдельности самостоятельно заняться истреблением всех еще оставшихся в каждой области хананеев (тем более, что, как говорил раньше Моисей, а теперь и сам он смог убедиться, только от этого зависела их собственная безопасность и сохранение чистоты родных обычаев). Левитам он распорядился предоставить тридцать восемь городов, потому что десять им уже было назначено в Аморрее. Из них три города пользовались правом убежища (как видно, у Иисуса на первом плане стояла забота о возможно точном исполнении Моисеевых предначертаний), а именно: в колене Иудовом — Хеброн, в Ефремовом — Сихем, в Неффаловом — Кедес в верхней Галилее. Затем Иисус распределил между войсками остаток добычи, которая состояла из золота, серебра, платья, всякой утвари и огромного числа домашнего скота и была так велика, что не только весь народ в совокупности очень разбогател, но и каждый еврей в отдельности получил крупное состояние (Ср. [Нав 23.1—16.](#)).

25. Затем Иисус Навии созвал все войско в народное собрание и обратился со следующей речью к тем участвовавшим в походах пятидесяти тысячам тяжеловооруженных, которые поселились по ту сторону Иордана в Аморее; «Так как Господь Бог, Отец и владыка еврейского племени, даровал нам в собственность эту страну и обещал сохранить ее за нами навсегда, а так как вы, по повелению Предвечного, постоянно и охотно содействовали нам в завоевании ее, то справедливость требует, чтобы теперь, когда уже более не предвидится никаких особенных опасностей, вы могли отдохнуть и мы пощадили ваше рвение. Кроме того, если бы нам пришлось когда-нибудь опять нуждаться в вашей поддержке, мы хотели бы иметь возможность немедленно рассчитывать на нее, и поэтому мы ныне не смеем долгие утомлять вас. Ввиду всего этого примите теперь нашу благодарность за ту готовность, с которой вы подвергли себя грозившим нам опасностям; признательность эту мы чувствуем не только сейчас, но она будет жить в нас навсегда, потому что мы настолько порядочны, чтобы не забывать своих друзей и постоянно помнить, какую значительную поддержку они оказывали нам: ведь вы ради нас отказались от представлявшейся вам самим возможности спокойно наслаждаться приобретенными вами благами, рассчитывая сделать это лишь после того, как вы разделите с нами труды наши и поможете нам добиться того, что теперь, благодаря милосердию Предвечного, принадлежит нам. Правда, результатом вашей совместной с нами работы является, кроме вам уже принадлежавших богатств, еще значительное состояние, которое вы получите в виде огромной добычи, золота и серебра, сверх того, что гораздо важнее, еще наша признательность и готовность со своей стороны поддержать вас, в чем бы вы ни захотели: вы не забыли ничего из того, что некогда предписал Моисей, несмотря на то, что он уже умер, и тем заслужили полнейшую нашу благодарность. Поэтому мы с сердечною признательностью отпускаем вас теперь домой и убедительно просим не забывать, что между нашими дружественными отношениями не должно быть никакой преграды, равно как не считать нас чужими, или неевреями, лишь потому, что нас отделяет друг от друга эта река (Иордан). Ведь все мы, которые живем по ею или по ту сторону этой реки, потомки Авраама, и Господь Бог —

един, который вызвал к жизни как наших, так и ваших предков. Поэтому усердно почитайте Его и точно соблюдайте предписания, которые Он дал евреям при посредстве Моисея, пока вы будете держаться этих предписаний, и Господь Бог будет милостив к вам и окажет вам поддержку; если же станете подражать чужим обычаям, то Он отвернется от вас». Сказав это и простившись поочередно с каждым из начальников колен и затем вообще со всеми ими, Иисус отпустил их восвояси; сам он не провожал их, но зато народ сделал это, и притом не без слез. Так они с грустью расстались (Ср. [Нав 22.1—8.](#)).

26. Переправившись через Иордан, колена Рувилово, Гадово и сопутствовавшие им члены колена Манассиева воздвигли на берегу реки алтарь в память будущих отличных отношений с жителями противоположной стороны и в знак своей дружбы с ними. Узнав, что расставшиеся с ними единоплеменники воздвигли по ту сторону Иордана жертвенник, и не зная о значении этого поступка, но предполагая, что то было сделано с целью ввести новшества и культы чужих божеств, евреи легко поддались такому предположению, увидели во всем этом открытое отпадение от родной веры и схватились было за оружие, чтобы, перейдя реку, напасть на воздвигших жертвенник и наказать их за отступничество от родных обычаев. Им и в голову не приходило считаться с родственными отношениями и со степенью заслуженно провинившихся, но на первом плане у них стояли исполнение воли Господней и принцип правильного богочитания. Поэтому-то евреи в великом гневе своем и собирались идти войною на своих сородичей. Однако от исполнения этого намерения их удержали Иисус, первосвященник Елеазар и совет старейшин, которые все посоветовали им сперва вступить в переговоры и хорошенько выяснить цель сооружения жертвенника, чтобы затем уже, если эта цель окажется преступною, пойти на них с оружием в руках. Ввиду всего этого было отправлено посольство в составе Финееса, сына Елеазара, и десяти других мужей, пользовавшихся у евреев особым почетом; они должны были узнать, чем руководствовались перешедшие через Иордан, когда воздвигали на берегу его упомянутый жертвенник.

Когда, по переправе через реку и прибытии посольства к месту своего назначения, было созвано народное собрание, Финеес обратился к нему с речью, в которой стал говорить, что они провинились слишком сильно, чтобы их можно было склонить увещаниями к исправлению в будущем; что, несмотря на это и на серьезность их вины, евреи все-таки не тотчас схватились за оружие, чтобы примерно наказать виновных, но отправили это посольство ввиду родственных отношений и в расчете путем словесных убеждений скоро вернуть их к благоразумию. «Мы явились к вам,- продолжал он,- чтобы узнать о причине, в силу которой вы решились воздвигнуть этот жертвенник; если выяснится, что вы построили его с чистыми намерениями, то мы и не подумаем безрассудно подавать на вас оружие, если же окажется, что вы при этом замыслили дурное, то мы по праву истины пойдем на вас, как на очевидных вероотступников. Мы, правда, не считали вас, которые вполне усвоили себе волю Господа Бога и слышали о тех законах, которые Предвечный дал нам, способными тотчас после того, как вы расстались с нами и прибыли в свою собственную страну, которая досталась вам в удел по милосердию и расположению к вам Господа Бога, совершенно позабыть о Нем, отказаться от скинии, ковчега завета и родного вам алтаря, предпочесть чужих богов и примкнуть к гнусностям хананеян. Впрочем, все это будет прощено вам, если вы только одумаетесь, не станете упорствовать и устыдитесь своей вины, вспомнив о родных своих законах. Если же вы вздумаете еще и дольше продолжать свой греховный образ жизни, то мы ради закона не пощадим сил своих, но перейдем Иордан, поспешим на выручку этих законов, поддержим тем самым славу Господа Бога, не будем делать различия между вами и хананеянами, но истребим вас так, как истребили последних. Не думайте, что, перейдя чрез реку, вы очутились вне власти Предвечного: в Его власти вы повсюду, и нет возможности уклониться от нее и от связанного с нею возмездия. Если

же вы полагаете, что пребывание здесь препятствует вам быть благоразумными, то ничто не мешает вам приступить с нами к новому разделу всей страны и уйти отсюда, тем более что эта местность так благоприятна для скотоводства. Во всяком случае вы поступите хорошо, если вовремя одумаетесь и не прибавите к старым еще новых прегрешений. Умоляем вас именем детей и жен ваших не заставляя нас прибегать к военной силе. Так как в руках этого собрания лежит решение вопроса о спасении вас самих и самых дорогих вам существ, то сообразно с этим вы и дайте ответ, принимая при этом во внимание, что лучше склониться на словесные убеждения, чем испытать насилия войны» (Ср. [Нав 22.9—20.](#)).

27. Когда Финеес окончил речь свою, то начальствующие лица, равно как и вся масса народная, стали отвергать взведенное на них обвинение и заявили, что они и не думали делаться вероотступниками, вовсе не ради нововведений воздвигли жертвенник, но отлично сознают, что существует только один Бог, общий всем евреям, и только один алтарь, на котором можно совершать жертвоприношения, а именно медный алтарь, стоящий перед скиниею. «Между тем теперь нами воздвигнутый алтарь, который вызвал [в вас] такие подозрения, мы построили вовсе не в целях религиозного культа, но для того, чтобы он служил символом и вечным напоминанием нашей взаимной близости и чтобы он побуждал нас оставаться благоразумно верными родным установлениям, а не для того, чтобы быть нам поводом к отступничеству, как вы, однако, предполагаете. Засвидетельствовать такую цель построения нами этого жертвенника может всеблагий Господь Бог. Поэтому будьте о нас лучшего мнения и не считайте нас заслуживающими истребления, которому должны бы подлежать все потомки Авраама, вводящие у себя новые порядки и отступающие от родных обычаев» (Ср. [Нав 22.21—29.](#)).

28. За это заявление Финеес выразил им свою благодарность и похвалу; затем он вернулся к Иисусу Навину и сообщил народному собранию о результатах своей миссии. Иисус был очень рад, что не представляется никакой необходимости идти в поход, взяться за оружие и начинать войну с близкими родственниками, и за это принес Господу Богу благодарственные жертвы. Распустив после этого народ по своим областям, Иисус сам остался жить в Сихеме (Ср. [Нав 22.30—34.](#)).

Двадцать лет спустя, когда он достиг очень преклонного возраста, он послал во все города извещение, что приглашает к себе наиболее почетных граждан, начальствующих лиц, старейшин и возможно большее число простого народа. Когда все собрались в Сихеме, Иисус стал им напоминать о всех благодеяниях, оказанных евреям Господом Богом, указал им на великое значение этих благодеяний, в силу которых евреи вышли из своего униженного положения и достигли такой славы и могущества, убеждал их и дальше заслуживать такое милостивое расположение Предвечного, оказывая Ему всяческий почет и выражая свое благочестие, которое одно только и угодно Господу Богу и которое закрепит за ними Его к ним любовь. Он же считает своею священною обязанностью обратиться к народу с этим увещанием, так как собирается расстаться с жизнью, и потому просит их не забывать его наставления³³⁸.

29. Сказав это всем собравшимся, Иисус Навин испустил дух. Прожил он сто десять лет, из которых провел сорок, учась всему полезному у Моисея, а после его смерти был двадцать пять лет военачальником. Это был человек крайне одаренный, отлично умевший убеждать народную массу в целесообразности придуманных им мероприятий, выдававшийся также своей храбростью и неустрашимостью в опасностях войны, отличный руководитель в мирное время и во всякую минуту дававший доказательства истинной своей добродетели. Похоронили Иисуса в городе Фамне³³⁹ в колене Ефремовом. Около того же времени умер и первосвященник Елеазар, оставив своим преемником сына своего Финееса. Елеазара могила и надгробный памятник находятся в городе Гавафе (Ср. [Нав 24.29—33.](#)).

1. После смерти этих двух мужей Финеес возвестил, по приказанию Господа Бога, чтобы в войне с хананейскими племенами начальство принадлежало колену Иудову. Дело в том, что народ в этом предприятии очень желал знать точное решение Предвечного. Затем колено Иудово пригласило себе в помощь симоонитов с тем условием, что если они помогут им истребить хананеев в области Иудовой, то им будет оказана та же услуга по отношению к их собственной стране (Ср. [Суд 1.1—3](#)).

2. Так как к тому времени дела хананеян опять поправились, то они с большим войском стали поджидать евреев близ города Везеки ³⁴⁰, поручив предводительствование этим войском царю Везеки, Адонивезеку (это имя значит «владыка Везеки», потому что слово «адон» означает по-еврейски владыку, господина), и рассчитывали побить израильтян благодаря тому, что умер Иисус Навин. Сойдясь с этими хананеянами, еврейские войска в составе двух вышеупомянутых колен блестящим образом сразились с ними, перебили из них свыше десяти тысяч человек, остальных же обратили в бегство и бросились за ними в погоню. При этом они схватили Адонивезека, которому отрубили конечности, так что он сказал: «Я убеждаюсь теперь, что Господь Бог всегда воздаст человеку по его заслугам, потому что я подвергся ныне тому же самому, что я сам некогда причинил семидесяти двум ³⁴¹ царям». Они доставили его живьем в Иерусалим, где он умер и был ими похоронен. Затем евреи прошли по всей стране, занимая города, и, овладев большинством их, приступили к осаде Иерусалима. С течением времени им удалось взять нижнюю часть города и перерезать все население, тогда как верхняя часть оказалась неприступною отчасти вследствие укрепленности стен, отчасти же и вследствие характера самого местоположения своего (Ср. [Суд 1.4—9](#)).

3. Отсюда евреи направились к Хеврону, взяли его и умертвили все его население. Там еще оставалось в то время племя гигантов, которые выдавались среди остальных людей огромным ростом и страшною внешностью, так что вызывали во всех изумление, переходившее в страх, благодаря их мощному голосу. Еще и по сей день показываются их исполинские кости, и кто не видел их лично, тот не поверит, как чудовищно велики они.

Этот город был представлен, в знак особого отличия, левитам, и к нему было прирезано еще сверх того пространство в две тысячи локтей, остальную же часть этой области евреи отдали, сообразно распоряжению Моисея, в дар Халеву, одному из тех разведчиков, которых Моисей [когда-то] посылал в Хананею. Равным образом они уделили часть земли потомкам мадианитянина Иофора, тестя Моисея, потому что те покинули свою страну, примкнули к евреям и совершили вместе с последними странствование по пустыне (Ср. [Суд 1.10—16](#)).

4. Затем колена Иудово и Симеоново заняли все города в нагорной части Хананеи, «из тех, которые были расположены в равнине и у моря» — Аскалон и Азот, тогда как Газа и Аккарон не сдавались им. Напротив, жители этих мест, занимая равнину и обладая значительным количеством боевых колесниц, нанесли напавшим на них евреям чувствительный урон. Ввиду этого те два колена, удовлетворившись необычайно богатою добычею, захваченною во время всех этих войн, вернулись в свои города и сложили оружие (Ср. [Суд 1.17—19](#)).

5. Между тем вениаминиты, в стране которых находился Иерусалим, удовольствовались тем, что наложили на население дань, и таким образом обе враждующие партии успокоились: одни отдыхали от резни, другие от постоянных опасностей, и те и другие принялись мирно обрабатывать землю. Их примеру последовали и все остальные колена израильские, а именно удовольствовались наложением на хананеян дани и перестали воевать с ними (Ср. [Суд 1.21:27—34](#)).

6. Воины колена Ефремова осадили Вифил, но, несмотря на продолжительность осады и на все усилия, не были в состоянии довести дело до успешного конца. Тем не менее они упорно осаждали город, не двигаясь с места. Затем им удалось поймать одного человека, который как раз доставлял городу съестные припасы; евреи уверили его в том, что, если он передаст им город, они спасут как его, так и его родственников. На таких условиях тот дал клятвенное обещание впустить евреев в город. Таким образом изменник спасся вместе с родною своею, евреи же перерезали всех жителей и овладели городом (Ср. [Суд 1.22—26.](#)).

7. После этого израильтяне стали жить в мире со своими врагами и усердно занялись обработкою земли и вообще полевыми работами. Так как последние в высокой мере вознаграждали их за труды и привели к большому богатству, то евреи впали в роскошь и стали настолько предаваться удовольствиям, что совершенно позабыли всякий порядок и перестали быть точными исполнителями законов и предписаний Господних. Разгневавшись на то, Предвечный высказал им сначала неудовольствие по поводу того, что евреи пощадили, вопреки Его желанию, хананеян, а затем сказал, что последние в будущем сумеют улучшить минуту, чтобы отплатить им за это страшную жестокостью. Несмотря на то что это неудовольствие Господа Бога задело их за живое, евреи все-таки никак не хотели решиться на возобновление войны с хананеянами, тем более что они получали с последних такие доходы, да и успели уже отвыкнуть, благодаря развившейся среди них роскоши, от военных невзгод. В то же самое время и государственное устройство у евреев пришло в упадок; они перестали назначать старейшин и других, раньше обыкновенно выборных начальствующих лиц и совершенно исключительно предались земледелию, радуясь сопряженным с ним выгодам. Вследствие столь большого беспорядка между ними опять возникли серьезные смуты, которые повели даже к междоусобной войне. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство.

8. Один из простых левитов, принадлежавший к колону Ефремову и живший в соответствующей области, женился на девушке из Вифлеема, города, который входил в состав владений колена Иудова. Будучи страстно влюблен в свою жену за ее красоту, он, однако, не пользовался взаимностью и очень страдал от этого. Так как она не изменяла своих отношений к мужу, то последний все более и более скорбил и у них происходили непрерывные ссоры. В конце концов женщине все это надоело; на четвертый месяц она покинула мужа и вернулась к своим родителям. Изнывая от тоски по ней, муж также прибыл к родителям жены своей, которым и удалось помирить супругов и снова сблизить их между собою. В продолжение четырех дней левит прожил в доме своего тестя, причем родители жены приняли его самым радушным образом, на пятый же день после обеда он собрался домой в обратный путь: дело в том, что родители неохотно отпускали свою дочь на чужбину и оттянули отъезд до позднего часа. Затем они отправились в путь, причем за ними шел раб, а на ослице ехала молодая женщина. Пройдя уже тридцать стадий и приблизившись к Иерусалиму, раб дал супругам совет остановиться здесь на ночлег, указывая на то, как бы с ними не случилось чего-нибудь ночью в пути, тем более что невдалеке были враги, да в ночное время вообще и безопасные места часто могут быть подозрительными и опасными. Левиту, однако, пришлось не по вкусу предложение остановиться на ночевку у чужеземцев (город был тогда еще в руках хананеян), и он настаивал на том, чтобы им пройти еще двадцать стадий до какого-нибудь своего города. Это предложение было принято, и путешественники добрались наконец до Гавы в колоне Веняминовом.

Был уже поздний час, и на площади не было никого, к кому бы можно было обратиться с просьбою о ночлеге. Тогда случайно встретился им живший в Гаве и возвращавшийся теперь с поля старик из колена Ефремова. Он спросил левита, кто он такой и почему ищет ночлега в такое позднее и темное время. Левит сказал, кто он, и заявил при этом, что возвращается с женою от родителей последней к себе домой и что город его находится в области колена

Ефремова. Тогда старик, ввиду общего происхождения их по принадлежности к одному и тому же колену и ввиду случайности их встречи, предложил путешественникам ночлег в своем собственном доме, и они приняли это предложение. Между тем несколько местных юношей, успевших увидеть молодую женщину на площади, поразиться красотой ее и заметить, что она остановилась в доме старика, решили ворваться в жилище последнего, рассчитывая на слабость сопротивления и на малочисленность защитников, которых они найдут там. Они действительно принялись выламывать двери, и когда старик стал уговаривать их уйти и не прибегать к гнусному насилию, то они отвечали ему, что, если он выдаст им иноземку, они оставят его в покое. Когда же старик стал указывать на то, что эта женщина одного с ними племени и левитянка, и на то, что они ради своего удовольствия решаются на безумный шаг и на нарушение законов, то они отвечали, что им до этого нет дела и что они смеются над законами, а также начали угрожать ему смертью, если он будет мешать удовлетворению их страсти. Поставленный в такое затруднительное положение и не допуская возможности насилия над людьми, которым оказано гостеприимство, старик предложил буянам свою собственную дочь, говоря, что они таким образом более законно утолят свои страстные вожделения, чем если подвергнут насилию его гостей (Ср. [Суд 2.1—23.](#)), и полагая, что таким образом он сам ничем не обидит последних. Когда же юноши не отступали от своих притязаний, но все настойчивее и настойчивее требовали выдачи чужестранки, то старик еще раз стал умолять их не решаться на незаконный поступок. Тогда юноши силою ворвались в дом, схватили молодую женщину и, в предвкушении ожидающего их удовольствия, шумно увели ее с собою; затем они в продолжение всей ночи насильовали ее и, натешившись вдоволь, отпустили ее с наступлением утра домой³⁴². Измученная всем случившимся, она вернулась в дом, где ей было оказано гостеприимство, и, удрученная горем и совершенно сломленная позором, который не позволял ей показаться на глаза мужу, очевидно, по ее мнению, совершенно безутешному в постигшем его несчастии, она упала на землю и тут же испустила дух. Между тем муж ее, полагая, что жена впала в обморок и не предполагая еще большого несчастья, прилагал все усилия, чтобы привести ее в себя, и стал утешать ее, указывая, что ведь она не добровольно отдалась изнасиловавшим ее негодьям, но была силою похищена ими из дома. Когда же он убедился, что жена его мертва, то, совершенно сломленный горем, взвалил труп на осла и повез его в свой город. Прибыв туда, он разрубил труп на двенадцать частей и разослал эти части по всем коленам израильским, поручив при этом посланцам рассказать народу о причине смерти жены его и о совершенном над нею насилии (Ср. [Суд 19.1—29.](#)).

9. Евреи были страшно взволнованы видом этих окровавленных частей тела и рассказом о совершенном насилии, так как раньше никогда не слыхали ни о чем подобном, и, в сильном и справедливом гневе собравшись пред скинией в Сило, решились было немедленно взяться за оружие и пойти войною на жителей города Гавы. Но их удержал от этого совет старейшин, которые стали выставлять народу на вид, что не следует так порывисто объявлять войну единоплеменникам раньше вступления с ними в переговоры относительно взводимых на них обвинений, тем более что и закон не позволяет вести войско даже на иноземцев, которые видимо заслуживают наказания за свои проступки, раньше, чем будет отправлено к ним посольство и будет сделана попытка склонить их к миролюбивому соглашению. Поэтому-то и теперь будет уместно, повинувшись предписаниям законов, послать к жителям Гавы послов с требованием выдать виновных в совершении такого злодеяния, и если это требование будет уважено, удовлетвориться примерным их наказанием; если же они ответят отказом, тогда только пойти на них с оружием в руках. Ввиду всего этого евреи послали к жителям Гавы обвинение юношей в насилии, произведенном над женщиною, и с требованием выдать виновных в таком незаконном поступке, которые по всей справедливости заслужили за это

смертную казнь. Между тем жители Гавы не только не выдали юношей, но и считали постыдным, признавая себя не менее сильными, чем остальные евреи, как по численности войск, так и по личной храбрости, только из страха перед войною подчиняться чужим предписаниям. Поэтому, подобно прочим членам своего колена, они стали поспешно готовиться к войне, успев заручиться на случай крайней опасности обещанием поддержки с их стороны (Ср. [Суд 19.30](#) — [Суд 20.14](#)).

10. Когда слух о таком отношении к делу со стороны жителей Гавы дошел до остальных израильтян, то они клятвенно обещали друг другу не выдавать более своих дочерей замуж за веньяминитян и объявить колону Веньяминову более ожесточенную и разъяренную войну, чем некогда объявили их предки хананеянам. Затем они повели на них огромное войско, а именно четыреста тысяч тяжеловооруженных, тогда как войско веньяминитов состояло из двадцати пяти тысяч шестисот человек, между которыми находилось до пятисот воинов, которые отлично умели левою рукою стрелять из пращи. Когда дело дошло до битвы при Гаве, то веньяминитам удалось совершенно разбить остальных израильтян, так что из числа последних пало до двадцати двух тысяч человек, причем погибло бы, наверно, гораздо больше народу, если бы не помешала ночь, которая разъединила сражавшихся. После этого веньяминиты с ликованием вернулись в город, а израильтяне, совершенно подавленные этим поражением, к своему стану. Когда на следующий день оба войска вновь сошлись, то веньяминиты опять одержали победу; причем из строя иврайльтян выбыло восемнадцать тысяч человек, так что остальные в паническом страхе перед такою резною покинули даже свой лагерь. Затем они устремились в близлежащий город Вифил и, наложив на себя на следующий день строгий пост, стали через первосвященника Фниееса умолять Господа, чтобы Он, прекратив свой гнев и удовольствовавшись их двумя поражениями, даровал им возможность осилить и победить врагов. Действительно, устами Финееса Предвечный обещал исполнить их просьбу (Ср. [Суд 21.1](#); [Суд 20.15—28](#)).

11. Затем израильтяне разделили свои силы на две части: одну из них они ночью поместили в засаду около города, другая же половина вступила в бой с вейьяминитами, а затем, когда последние стали особенно налегать на них, начала понемногу отступать. Веньяминиты бросились преследовать их, в то время как евреи мало-помалу отступали перед ними, желая их по возможности дальше отвлечь от города. И в то время, как враги только и думали о преследовании, из города выбежали даже старики и молодежь, остававшиеся там вследствие своей непригодности к участию в военном деле, с целью совершенно добить неприятелей. Очутившись в достаточно далеком расстоянии от города, евреи остановились в своем мнимом бегстве, повернулись к врагам фронтом и, вступив с ними снова в бой, дали войскам, сидевшим в засаде, заранее условленный знак. Тогда последние с криком выскочили из засады и устремились на врагов. Вмдя себя вовлеченными в ловушку, вевьяминиты тотчас смутились и не знали, что им делать. Поэтому-то они и дали загнать себя в узкое ущелье, где их со всех сторон стали забрасывать стрелами, так что все тут и погибли, исключая шестисот человек, которые сомкнулись тесным строем и, пробившись сквозь ряды иенриятелей, бежали в ближайшие горы, где им удалось укрепиться и продержаться еще некоторое время. Все же остальные веньяминиты, в числе около двадцати пяти тысяч человек, остались на поле сражения. Между тем израильтяне подожгли Гаву и перерезали всех жителей, исключая женщин и несовершеннолетних мальчиков. Точно таким же образом поступили они и со всеми прочими городами вейьяминитов, причем ярость их дошла до такой степени, что они послали двенадцать тысяч отборных воинов к городу Иавису³⁴³ в области Галаадской и поручили им уничтожить его за то, что жители того города не приняли участия в совместном походе против колена Веньяминова. Посланные на самом деле перерезали всех граждан, способных носить оружие, а

также детей и женщин, пощадив лишь четыреста девушек. Они были доведены до такой ярости тем, что к позору, постигшему жену левита, присоединилось еще горе по поводу утраты такого множества отличных воинов (Ср. [Суд 20.29—48](#); [Суд 21.8—12](#)).

12. Впрочем, впоследствии израильтян охватило чувство раскаяния за то бедствие, которое они причинили колену Веньяминову; поэтому они назначили для искупления совершенных жестокостей пост, хотя и считали наказание, понесенное веньяминитами за нарушение этих законов, вполне справедливым. Итак, они отправили послов к бежавшим шестистам веньяминитам, которые тем временем укрепились в пустыне на утесе, носившем название Рои³⁴⁴. Будучи подавлены не только постигшим их несчастьем, но также и гибелью стольких своих единоплеменников, посланные стали уговаривать их стойко переносить это горе и соединиться воедино, чтобы не доводить дела до окончательного уничтожения всего колена Веньяминова. «Мы ведь уступаем вам,- сказали послы,- всю вашу область и такое количество добычи, сколько вы будете в состоянии взять себе». Тогда веньяминиты, убедившись в том, что их постигла кара Божия за преступления, приняли предложение израильтян и вернулись в свою родную страну. Израильтяне же предоставили им в жены тех четырехсот девушек, которых они захватили в Иависе, и стали затем придумывать средство, как снабдить женами и остальных веньяминитов. Дело в том, что до войны евреи дали друг другу клятвенное обещание не выдавать более дочерей своих замуж за веньяминитов. Между тем теперь нашлись люди, которые стали советовать не обращать внимания на клятву, данную в минуту сильного раздражения без должной обдуманности и соображения, тем более что не будет богопротивным, если таким образом удастся спасти и сохранить целое колено, иначе подвергающееся опасности окончательно вымереть. При этом они указывали также и на то обстоятельство, что клятвоварушение является преступным и опасным лишь в том случае, если оно вызывается какою-нибудь преступною целью, а отнюдь не тогда, когда оно является результатом необходимости. Когда, однако, совет старейшин выразил отвращение перед одним только уже термином клятвопреступничества, то кто-то заявил, что он знает способ, как достать достаточное количество женщин и вместе с тем не нарушить клятвы. Когда же его спросили об этом способе, тот ответил:

«Ведь трижды в году, когда мы собираемся в Сило, вместе с нами на праздник являются туда также и жены и дочери наши. Пусть будет предоставлена веньяминитам возможность похитить и взять себе затем в жены тех из них, которые сами того пожелают, так что мы не станем принуждать их к этим бракам, но и не будем препятствовать таковым. Если же родители девушек будут этим недовольны и вздумают потребовать от нас наказания похитителей, то мы ответим им, что они сами виноваты в этом, потому что не достаточно оберегали своих дочерей; при этом можно будет также указать и на то, что пора прекратить раздоры с веньяминитами, которые и без того уже слишком чувствительно и не в меру от этого пострадали». Это предложение было принято, и было решено допустить для веньяминитов похищение жен. Когда затем наступил праздник, то двести веньяминитов, разделившись на группы по два или по три человека, спрятались недалеко от города в виноградниках и других скрытых местах и стали поджидать девушек, которые, совершенно не зная ни о чем, со смехом и шутками без охраны совершали свой путь. Затем веньяминиты выскочили из своих засад, рассеяли девушек и похитили себе каждый по одной. Таким образом им удалось вновь устроить себе семейную жизнь. Затем они возвратились к себе домой, к своим занятиям и стали прилагать по-прежнему всяческое старание вернуться к былому благополучию. Итак, благодаря мудрому плану израильтян, колено Веньяминово, подвергшееся было опасности совершенно вымереть, вновь возродилось к жизни, вскоре опять достигло значительной численности и добилось обеспеченного положения (Ср. [Суд 21.1—23](#)).

1. Такой-то исход имела война эта. Подобная же судьба постигла и колена Даново, которое дошло до такого состояния по следующей причине: так как израильтяне вскоре опять успели отвыкнуть от военного дела и совершенно предалися обработке земли, то хананеяне совершенно перестали бояться их и собрали значительное войско, не потому, впрочем, что опасались подвергнуться каким-нибудь новым притеснениям со стороны евреев, но оттого, что, нанеся им жестокое поражение, твердо рассчитывали совершенно безопасно и спокойно жить в своих городах. Ввиду этого хананеяне заготовили множество боевых колесниц, набрали хорошо вооруженное войско и соединились в колене Иудовом с сочувствовавшими им жителями городов Аскалона и Аккарона, а также с другими расположенными на равнине городами. Затем они принудили данитов бежать в горы, не оставив им ни клочка земли на равнине.

Не будучи в состоянии вести войну, а также не найдя [в горах] достаточного количества подходящей земли, даниты выбрали из своей среды пять человек и послали их к морскому побережью, чтобы они там высмотрели землю, куда бы им всем можно было переселиться. Сделав дневной переход и встретив хорошую и плодородную почву недалеко от Ливанского хребта вблизи источников Малого Иордана на большой Сидонской равнине, посланные сообщили об этом своим единоплеменникам. Последние тотчас отправились туда со своим войском и основали там город Дану, по имени сына Иакова и родоначальника их колена (Ср. [Суд 1.34](#); [Суд 13.25](#); [Суд 18.1:2,11,12](#), [Суд 18.27—29](#).).

2. Между тем государственное устройство у израильтян приходило постепенно в упадок вследствие того, что они отвыкли от труда и стали пренебрежительно относиться к вопросам религиозным. А раз у них пошатнулось это, каждый вскоре стал думать только о своих собственных удовольствиях и жить, как ему вздумается, так что между ними в непродолжительном времени широко расцвели все пороки, присущие хананеянам. За это Господь Бог сильно разгневался на них, и им пришлось, благодаря своему беспутному образу жизни, потерять то благополучие, которое они создали себе раньше бесчисленными трудами и лишениями. Дело в том, что на них пошел войною ассирийский царь Хусарф ³⁴⁵, и тут евреи потеряли в битвах множество войска, а другие были взяты в плен после ожесточенных осад городов. Между евреями оказались и такие, которые покорились царю добровольно, из страха. При этом им пришлось заплатить дань, превышавшую их платежные силы, и подвергаться в продолжение восьми лет всевозможным насилиям (Ср. [Суд 3.5—8](#).). По истечении этого срока они избавились от указанного бедствия следующим образом.

3. В колене Иудовом находился некий Офниил, сын Кевеза, человек деятельный и разумный. Он удостоился откровения от Господа Бога не относиться безразлично к такому стесненному положению израильтян, но попытаться вернуть им свободу, и при этом получил повеление взять себе в помощники на случай опасности нескольких надежных товарищей (дело в том, что тогда среди евреев было очень мало лиц, которые стыдились бы своего унижения и стремились бы к перемене обстоятельств). И вот для начала Офниил перебил находившиеся в городах гарнизоны Хусарфа и, так как, ввиду удачного исхода этой первой попытки, к нему присоединялось все больше и больше желающих поддержать его, то он наконец вступил с ассирийцами в открытый бой, совершенно разбил их и, оттеснив к Евфрату, принудил их отступить за него. В награду за оказанные при этом случае подвиги храбрости Офниил получил от народа почетную должность общественного судьи. Он умер после того, как в продолжение сорока лет нес эту обязанность (Ср. [Суд 3.9—11](#).).

1. После его смерти положение израильтян снова ухудшилось вследствие вновь наступившего периода безначалия, и так как они отвратились от богопочитания и совершенно перестали повиноваться законам, то дела их пошли все хуже и хуже, так что заметивший их внутренние неурядицы моавитский царь Еглон пошел на них войною. Ему удалось в нескольких битвах разбить их, заставить их отказаться от всякой мысли о самостоятельности, совершенно сокрушить их силы и наложить на них значительную дань. Затем он воздвиг себе дворец в Иерихоне, всяческим образом стал притеснять народ и в продолжение восемнадцати лет довел его до окончательного разорения (Ср. [Суд 3.12—14.](#)). Наконец Предвечный сжалился над страданиями израильтян, внял их молитвам и освободил их от притеснений моавитян. Это произошло следующим образом.

2. В Иерихоне жил некий юноша из колена Веняминова, по имени Иуд, сын Гира, отличавшийся большою храбростью, смелостью и предприимчивостью наравне с необычайною физическою силою, заключающеюся особенно в его левой руке, которою он действовал лучше, чем правою. Он был своим человеком у Еглона, так как сумел обратить на себя благосклонное внимание последнего различными подарками и мелкими услугами, вследствие чего и все окружавшие царя были дружественно расположены к нему. Однажды ен понес в сопровождении двух слуг подарки царю. Тайком он привязал к правому бедру своему под одеждою меч и таким образом вошел к царю. Дело было летом, в полдень, когда стража, отчасти от сильной жары, отчасти будучи занята обедом, отправляла свою службу довольно вяло. Вручив Еглону, находившемуся в летнем павильоне, подарки, юноша вступил с ним в продолжительный разговор. Они были одни в комнате, потому что царь, чтобы не было свидетелей при их времяпрепровождении, велел уйти слугам. Так как он сидел на троне, то Иуд боялся, как бы ему не промахнуться и не нанести смертельного удара. Поэтому он побудил царя встать со своего места, сказав, что имеет, по повелению Божьему, сообщить ему о сне, который он видел. Когда же царь, радуясь услышать подробности об этом сне, соскочил со своего трона, то Иуд вонзил ему меч в сердце, не извлек его из трупа, но быстро вышел, заперев за собою дверь. Между тем слуги царские дремали, полагая, что и повелитель их заснул (Ср. [Суд 3.15—24.](#)).

3. Тем временем Иуд немедленно известил жителей Иерихона о совершившемся и стал убеждать их вернуть себе свободу. Те с удовольствием узнали об этом, тотчас взяли за оружие и разослали по всей стране вестников, которые должны были трубить в рога, как и было установлено для созыва всего народа в собрание. Между тем приближенные Еглона оставались в неведении относительно постигшего их несчастья. Когда же наступил вечер, то они, в страхе, не случилось ли с царем чего-нибудь, вломились в павильон и, найдя там труп, долго стояли в полном оцепенении. Но раньше, чем можно было собрать всю стражу, на них уже успела напасть толпа израильтян, так что одни были убиты тут же на месте, другие же бежали по направлению к стране Моавитской, ища там спасения. Последних было более десяти тысяч. Однако израильтянам удалось заблаговременно занять брод Иордана; поэтому они избili множество врагов во время преследования, а затем еще больше близ реки, так что ни один из них не избег тут смерти.

Таким-то образом евреи освободились от моавитского ига. Иуд же был почтен народом за это тем, что ему всецело поручили управление народом. Этой властью он пользовался восемьдесят лет, после чего умер, будучи человеком, заслужившим похвалу и помимо вышерассказанного поступка. После него власть была передана Санагару, сыну Анафа, но он умер еще в первый год своего правления (Ср. [Суд 3.25—31.](#)).

1. Между тем израильтяне, которым прежние несчастья, явившиеся последствием ослабления богопочитания и нарушения законов, не послужили достаточно жестоким уроком, не успели еще хоть немного оправиться от моавитского ига, как они вновь были обращены в рабство хананейским царем Иавином. Последний двинулся из города Асора (который лежит выше Семехонитского озера)³⁴⁶ против евреев с войском в триста тысяч тяжеловооруженной пехоты, десять тысяч всадников и три тысячи боевых колесниц. Начальствовавший над этим войском Сисара, пользовавшийся величайшим уважением в глазах царя, так жестоко разбил вступивших с ним в бой израильтян, что они принуждены были согласиться платить ему дань.

2. В продолжение двадцати лет они несли это иго, так как в своем несчастье совершенно пали духом, да и Господь Бог желал подольше наказать их за их заносчивость и презрительное к Нему отношение, чтобы они наконец переменили свое поведение, научились уму-разуму и поняли, что все постигающие их несчастья проистекают из их легкомысленного отношения к законам. В конце концов евреи обратились к некоей прорицательнице Деворе (это имя по-еврейски означает пчелу) с просьбою помолиться за них Господу Богу, дабы Он почувствовал сострадание к ним и не допустил бы полного уничтожения их хананеянами³⁴⁷. Предвечный действительно внял этим мольбам, согласился оказать им поддержку и назначить в военачальники над евреями некоего Варака из колена Неффалова. Слово «Варак» на еврейском языке значит «молния».

3. Послав за Бараком, Девора приказала ему выбрать десять тысяч отборных молодых воинов и повести их на врагов: большого числа ратников не требовалось, потому что Господь Бог заранее предвещал евреям победу. Когда же Варак ответил, что он лишь в том случае примет на себя начальствование над войском, если Девора присоединится к последнему, то она в сердцах воскликнула: «Хорошо! Если ты хочешь предоставить женщине долю того почета, который тебе назначил Господь Бог, то я не отказываюсь». Затем они собрали десять тысяч человек и расположились станом вблизи Итавирийских гор.

4. По повелению царя навстречу им выступил Сисара и стал лагерем невдалеке от них. Между тем на израильтян и на Варака напал страх при виде такого множества врагов, и они решили было уже отступить, но их от этого удержала Девора, которая потребовала, чтобы они в тот же день сразились с ассирийцами, потому что им окажет поддержку Господь Бог и они победят врагов. Итак, войска сошлись и, когда они вступили в рукопашную, внезапно поднялась сильная буря с проливным дождем и градом, причем ветер гнал дождь хананеянам в лицо и мешал им видеть, так что они не могли пустить в ход свои луки и пращи. В то же время и тяжеловооруженные воины их от холода не могли действовать мечами. Тем временем буря, поражавшая евреев с тыла, приносила им меньше вреда, и так как евреи, убедившись в помощи свыше, несколько приободрились, то им удалось наконец врезаться в самый центр врагов и перебить множество их. Одни из ассирийцев были убиты израильтянами, другие в общем смятении попадали со своих лошадей, многие, наконец, были раздавлены и искалечены собственными своими боевыми колесницами. Когда же Сисара увидел, что войска его обратились в бегство, он соскочил со своей колесницы и тоже бросился бежать. При этом он прибыл к одной хананеянке, по имени Иала, которая приняла его к себе ввиду его просьбы скрыть его, и, когда он попросил пить, дала ему кислого молока. Напившись его через меру, Сисара впал в глубокий сон. Тогда Иала вбила молотком железный гвоздь в висок спавшего и, когда немного погодя явились люди Варака, показала им пригвожденный к земле труп³⁴⁸. Таким образом, сообразно предсказанию Деворы, победа осталась за женщиною. Варак же

пошел с войском к городу Асору, встретился здесь с Иавином и убил его. После этого он совершенно разгромил город и был правителем израильтян в продолжение сорока лет^{[349](#)}.

1. После смерти Варака и Деворы, умерших почти одновременно, медианиты соединились с амалекитянами и арабами, пошли затем на израильтян войною, совершенно разбили их и, поджегши хлеб на полях, увели значительную добычу. Так поступали они в продолжение семи лет. Тогда масса израильтян покинула равнину и удалилась в горы. Там они стали вырывать ямы и пещеры и прятали в них все, что им удалось спасти от врагов. Дело в том, что мадианитяне нападали на них всегда летом, предоставляя евреям зимою обрабатывать поля, для того чтобы впоследствии иметь возможность испортить им всю их работу. Ввиду всего этого, среди евреев начались голод и страшная нужда, и они обратились с молитвами к Господу Богу, моля Его о спасении (Ср. [Суд 6.1—7](#)).

2. В это время Гедеон, сын Йоаса, одного из выдающихся членов колена Манассиева, нес однажды несколько снопов ржи домой, чтобы обмолотить их тайно в погребке: он не хотел сделать это открыто на гумне из страха пред врагами. Вдруг перед ним предстало видение в образе юноши, которое назвало его счастливым избранныком Господа Бога, На это Гедеон ответил: «Неужели может служить наилучшим доказательством благорасположения ко мне Предвечного то обстоятельство, что мне приходится теперь пользоваться погребком вместо гумна?» Но видение повелело ему мужаться и попытаться вернуть своим единоверцам свободу. Гедеон, однако, ответил, что считает это невозможным, потому что то колено, к которому он принадлежит, отличается малочисленностью, да к тому же сам он еще слишком молод, чтобы даже и думать о таком трудном предприятии. Предвечный тем не менее обещал ему дать все для того необходимое и предсказал израильтянам победу, если только он согласится предводительствовать войском (Ср. [Суд 6.11—16](#)).

3. Тогда Гедеон рассказал об этом нескольким юношам. Те доверились ему, и вскоре набралось десять тысяч человек воинов, готовых выступить в бой. Во сне же явился Гедеону Господь Бог и сказал, что по природе люди всегда настолько самолюбивы и так враждебно настроены против всех тех, кто превосходит их храбростью, что они, пожалуй, не припишут победы Господу Богу, а самим себе, если войска у них будет много, и притом отличного. Итак, дабы они убедились, что поддержку им окажет именно Предвечный, Он советует Гедеону повести войско свое в полдень, когда будет наиболее жарко, к реке и обратить внимание на следующее: кто наклонится к воде и будет пить в таком положении, того Гедеон может отнести к числу храбрых солдат, тогда как все те, кто поспешно и в смятении бросится к воде, могут быть признаны людьми робкими, столь спешащими исключительно из стоаха пред врагами. Когда Гедеон поступил сообразно указанию Божию, то нашлось триста человек, которые в смятении и страхе стали черпать воду руками и так пить ее. Тогда Господь повелел ему повести именно этих людей на врагов. В силу этого они расположились лагерем вблизи Иордана, намереваясь на следующий же день переправиться через реку (Ср. [Суд 6.34:35](#); [Суд 7.1—8](#)).

4. Между тем Гедеон очень испугался, когда Господь Бог приказал ему напасть на врагов ночью. Желая, однако, успокоить его, Предвечный повелел ему взять одного из своих воинов и подойти поближе к стану мадианитов: здесь ему придется успокоиться и почерпнуть доверия и смелости. Гедеон повиновался и отправился в сопровождении своего слуги Фары. Когда он приблизился к одной из палаток вражеского стана, то он нашел, что воины там еще не спали, и один из них так громко излагал товарищам виденный им сон, что Гедеон мог все расслышать. Сон же заключался в следующем: воину приснилось, что ячменный хлеб, до того испорченный, что не годился уже более в пищу, прокатился по всему лагерю и сбил не только царский шатер, но и палатки всех воинов. Тогда другой солдат ответил, что это сновидение означает гибель

всего войска, причем представил и соответствующее толкование, указав на то, что ячмень, по общему мнению, считается наихудшим сортом хлебных злаков. «Между тем,- продолжал он,- израильтяне пали теперь ниже всех народов Азии и тем уподобились ячменю. В то же время израильтян ныне обуяла отвага и между ними появился Гедеон и с ним целое войско. А так как ты говоришь, что видел, как ячменный хлеб поверг наши шатры наземь, то я начинаю опасаться, как бы Господь Бог не даровал Гедеону победы над нами».

5. Когда Гедеон услышал об этом сновидении, то его охватила радостная надежда на хороший исход предприятия, и он смело стал смотреть в глаза опасности. Рассказав затем своим воинам о приснившемся врагам сновидеюш, он приказал им вооружаться, что было исполнено ими с большою готовностью, так как сообщение Гедеона придало им смелости. После этого Гедеон разделил свое войско на три части, по сто человек в каждой, и повел их около времени четвертой стражи³⁵⁰ к лагерю врагов. Все воины его несли в левой руке иустые кувшины, внутри которых были вставлены факелы, так что их наступление оставалось незамеченным врагами, а в правой по рогу, которым они пользовались вместо трубы. Стан врагов занимал обширное пространство, потому что у них было огромное количество верблюдов; при этом они образовали большой круг, расположившись по отдельным племенам. Евреям же было повелено, приблизившись к неприятелям, по данному знаку затрубить в рога, разбить кувшины и, потрясая факелами, с военным криком броситься на врагов и победить их, потому что Господь Бог обещал Гедеону оказать поддержку. Так евреи и сделали. Так как враги еще не спали, то их обуяли панический страх и ужасное смятение: была еще ночь. Между тем сам Господь Бог хотел этого.

Лишь немногие были убиты евреями, большинство же пало от руки своих же товарищей, потому что все они говорили на разных языках, так что в общей сумятице каждый колот первого попавшегося, не обращая внимания на то, враг ли он или свой. Таким образом среди них произошла ужасная резня. Когда же весть о победе Гедеона дошла до израильтян, то они тотчас схватились за оружие, бросились за неприятелями в погоню и настигли их в узком, перерезанном ущельями месте, откуда те не были в состоянии выбраться. Тут они их окружили и перебили всех их, в том числе и двух царей, Орива и Зива. Между тем остальные вожди увели уцелевшие войска свои (которых было еще около восемнадцати тысяч) в сторону и расположились лагерем в значительном расстоянии от израильтян. Однако Гедеон не устранился трудностей похода, но бросился со всеми своими войсками в погоню за ними; ему удалось настигнуть и перерезать всех врагов, а остальных двух предводителей их, Зеву и Салмана, он взял в плен и увел с собою. В этой самой битве пало из числа мадианитов и союзных с ними арабов до ста двадцати тысяч человек. Евреям досталась богатейшая добыча, масса золота, серебра, тканей, верблюдов и прочего вьючного скота. Прибыв в родной свой город Эфран, Гедеон убил мадианитских царей (Ср. [Суд 9.15—25](#), [Суд 10.4—12](#)).

6. Между тем колена Ефремове было недовольно успехом Гедеона и решило объявить ему войну, под предлогом, что он предпринял поход против врагов без предварительного их о том оповещения. Тогда Гедеон, как человек рассудительный и вполне добропорядочный, ответил, что он решился сделать нападение на врагов без их, ефраимитов, участия не по собственному решению, но по непосредственному повелению самого Господа Бога, причем указал и на то, что ведь плоды победы в одинаковой степени будут распространяться как на них, так и на участников похода. Такими успокоительными речами он вполне умиротворил возбужденных евреев и принес им больше пользы, чем военными подвигами своими, потому что положил предел готовым разразиться внутренним междоусобицам. Впрочем, как мы покажем в своем месте, колону этому пришлось впоследствии еще поплатиться за свою заносчивость.

7. Хотя Гедеон после этого и хотел отказаться от своей власти, однако был принужден

сохранить ее за собою еще в продолжение сорока лет, разрешая все споры и недоразумения, которые возникали среди его единоверцев. Все постановления его признавались имеющими обязательную силу. Достигнув преклонных лет, он умер и был похоронен в родном городе Эфране (Ср. [Суд 8.1—32](#)).

1. У Гедеона, который имел многих жен, было семьдесят законных сыновей и один незаконнорожденный, по имени Авимелех, от наложницы Друмы. Этот последний отправился после смерти отца своего в Сихем к родственникам своей матери (которая была родом из Сихема), отличавшимся полнейшей испорченностью, забрал у них денег, вернулся затем с ними в отцовский дом и перерезал там всех своих братьев, за исключением одного Иоафама, которому удалось спастись бегством. Затем Авимелех ввел тиранический образ правления, не придавая ни малейшего значения законам, поступая самовластно по личному своему усмотрению и обходясь жестоко со всеми теми, кто еще дорожил справедливостью (Ср. [Суд 8.30—31](#); [Суд 9.1—6](#)).

2. И вот, когда однажды в Сихеме справлялся общенародный праздник и там собрался весь народ, брат Авимелеха, Иоафам, который, как мы сейчас сказали, успел спастись от него бегством, взошел на гору Гаризин (возвышающуюся над городом Сихемом) и закричал громким голосом, так что все могли его услышать, прося народ спокойно выслушать от него то, что он будет говорить. Когда водворилась тишина, он стал рассказывать, как однажды деревья, когда они еще обладали человеческим голосом, собрались вместе и стали просить смоковницу быть царем над ними. Когда же смоковница отказалась от этого, указав на то, что с нее уже довольно чести, если она может гордиться своими плодами, и что ей другого почета не нужно, деревья все-таки не отказались от мысли выбрать себе правителя и наконец решили предложить эту честь винограду. Но и этот отклонил предложение теми же словами, которые понзнесла перед тем смоковница. Когда этому примеру последовала и маслина, то деревья обратились к терновнику, который представляет хороший горючий материал, и он обещал взять на себя правление и всецело посвятить себя ему. Деревья смогут, заявил он, отдыхать в тени его; если же они вздумают погубить его, то их спалит тот огонь, который изойдет из него³⁵¹. «Все это я рассказал вам не в шутку,- закончил свою речь Иоафам,- но потому, что, хотя Гедеон оказал вам массу благодеяний, вы относитесь спокойно к тому, что Авимелех забрал всю власть в свои руки, и даже вместе с ним, который ничем не разнится от огня, убили его братьев». Сказав это, Иоафам быстро удалился и три года скрывался в горах, прячась от Авимелеха. Вскоре за тем, по окончании этого праздника, жители Сихема раскаялись в том, что способствовали умерщвлению сыновей Гедеона, и изгнали Авимелеха не только из своего города, но и из пределов своей области. Между тем Авимелех начал придумывать средства, как бы отомстить городу, так что, когда наступило время жатвы, сихемцы стали бояться выйти в поля для сбора плодов, страшась мести Авимелеха. В то время у них гостил один из князей, по имени Гаал, со своими воинами и родною. Жители Сихема просили его защитить их, пока они будут заняты жатвой. Тот исполнил их просьбу, и тогда они вышли за город в сопровождении Гаала и его войска (Ср. [Суд 9.7—24](#)).

3. Таким образом им удалось без приключений собрать все плоды. Затем был устроен народный пир, во время которого они уже дерзнули открыто поносить Авимелеха. Начальники же войска тем временем засели в засаду в окрестностях города, переловили многих людей Авимелеха и казнили их.

4. Между тем один из влиятельнейших граждан Сихема, бывший в дружественных отношениях с Авимелехом, некий Зевул, сообщил последнему через послов, что Гаал возбуждает против него народ, и дал ему совет спрятаться вблизи города; сам он уговорит Гаала выступить против Авимелеха, и тогда сам собою представится случай отомстить ему. Если это случится, то он обещает ему вернуть расположение народа. Ввиду этого Авимелех засел в

засаду, Гаал же, не приняв никаких мер предосторожности, вышел за город, причем его сопровождал Зевул. Вдруг Гаал заметил надвигавшихся на него вооруженных людей и сообщил об этом Зевулу. Зевул же ответил, что это ему только так кажется и что он принимает за воинов тени, падающие от скал. Но когда Гаал ясно увидел, что воины подходят все ближе и ближе, то он высказался об этом Зевулу, который ответил: «Разве не ты обвинял Авимелеха в трусости? Почему же ты сам не покажешь ему великую храбрость свою и не вступишь с ним в бой?» В сильном смущении Гаал вступил в рукопашную с людьми Авимелеха. Но когда несколько его воинов пало, он бежал назад в город и увлек за собой остальных солдат своих. Тем временем Зевул начал среди граждан интриговать против Гаала, добиваясь того, чтобы его изгнали из города за трусость, которую он будто бы проявил в стычке с людьми Авимелеха. Авимелех между тем узнал, что жители Сихема еще раз выйдут из города, чтобы окончить свою жатву, и потому посадил в засаду в окрестностях города еще несколько войска. Когда граждане действительно вышли из Сихема, одна треть его войска заняла городские ворота с намерением отрезать жителям возвращение назад, остальное же войско занялось ловлею рассеявшихся по полям сихемитов, и таким образом повсюду шла резня. Затем Авимелех разрушил город до основания, так как не встретил тут ни малейшего сопротивления, посыпал солью его развалины³⁵² и окончательно добил всех жителей. Те же из них, которые, будучи рассеяны по всем окрестностям, избежали опасности, собрались затем на неприступной скале, засели там и собрались даже воздвигнуть стену в виде укрепления. Узнав об этом их намерении, Авимелех поспешил предупредить их, пошел на них со своими войсками и, захватив с собою вязанку сухих дров, велел и людям своим сделать то же самое и сложить все эти дрова около скалы с сихемцами. Когда затем в скором времени вся гора была окружена грудой дров и прочего горючего материала, то они подожгли последний и вызвали страшное пламя, которого не избег ни один человек, бывший на скале; напротив, все сихемцы вместе с женами и детьми сделались жертвами огня, так что одних мужчин погибло около полутора тысяч и прочих значительное количество. Такое горе постигло жителей Сихема, и они были бы в еще большей мере достойны сожаления, если бы это наказание не постигло их по всей справедливости за ту обиду, которую они причинили своему величайшему благодетелю.

5. Между тем Авимелех, нанеся такое поражение жителям Сихема, вверг в ужас израильтян, так как не скрывал, что имеет в виду еще и дальнейшие завоевания и что не раньше прекратит свои насильственные действия, чем истребит всех евреев. В силу этого он двинулся против Фив³⁵³ и взял город приступом. А так как там находилась большая башня, в которой народ искал убежища, то он решил осадить ее. В тот момент, однако, когда он бросился к входу в эту башню, какая-то женщина бросила в него обломком жернова и попала ему прямо в голову. Авимелех упал наземь и попросил своего оруженосца добить его, чтобы его смерть не была делом женщины³⁵⁴. Оруженосец исполнил эту просьбу, и таким образом Авимелех получил заслуженное возмездие за братоубийство и за преступление, учиненное над жителями Сихема, которых в свою очередь постигло бедствие, предсказанное им Иоафамом. Со смертью Авимелеха войско его разбрелось в разные стороны и разошлось по домам (Ср. [Суд 9.25—56](#)).

6. Затем начальствование над израильтянами принял на себя Иаир, галаадец из колена Манассиева, человек, отличавшийся большим счастьем в жизни³⁵⁵. У него были прекрасные сыновья, числом тридцать, все отличные наездники. Им было вверено управление над народами Галаада. Иаир умер в преклонном возрасте, после того как правил в продолжение двадцати двух лет, и был похоронен в галаадском городе Камоне³⁵⁶.

7. Вскоре у евреев наступило прежнее безначалие, выразившееся в ослаблении богопочитания и в нарушении законов. Ввиду этого амманитяне и филистимляне не задумались

опять напасть с большим войском на страну их и разграбить ее. Заняв все местности по ту сторону Иордана, они даже решились перейти через реку и заняться завоеванием всей остальной страны. В таком бедственном положении евреи, однако, образумились, стали молиться Господу Богу и приносить Ему жертвы, умоляя Его умерить свой гнев и, снизойдя к их мольбам, уважить их просьбы. Тогда Господь Бог опять смилостивился над ними и обещал им свою помощь (Ср. [Суд 10.1—16](#)).

8. Когда амманитяне пошли походом на страну Галаадскую, местные жители вышли им навстречу до горного хребта, хотя и не имели предводителя. Был тогда некий Иеффа, человек и сам по себе очень могущественный и пользовавшийся большим значением потому, что содержал у себя на свой счет собственное войско. К нему-то и послали евреи с просьбою оказать им вооруженную поддержку и обещали ему за это навсегда предоставить начальствование над ними. Он, однако, отверг их предложение, обвиняя их в том, что они в свою очередь не оказывали ему помощи, когда его собственные братья открыто обижали его. Дело в том, что, так как он не был их родным братом, но происходил от другой матери, которую отец по любви взял к себе в дом, они выгнали его, пользуясь правом сильнейших. С тех пор Иеффа и поселился в Галаадской стране и стал принимать к себе в военную службу за деньги всех, кто бы откуда ни явился к нему. Когда же евреи еще настойчивее стали упрашивать его и поклялись при этом навсегда предоставить ему власть над ними, он согласился участвовать с ними в походе (Ср. [Суд 10.17](#) — [Суд 11.10](#)).

9. Затем Иеффа с большим старанием занялся всеми необходимыми приготовлениями, поместил свое войско в городе Масфафе³⁵⁷ и отправил к царю амманитян посольство с жалобой на своевольное вторжение в страну. Тот в свою очередь послал послов к израильтянам с обвинением, что они осмелились совершить исход из Египта, и требованием вернуть ему страну аморреев, которая издревле принадлежала ему. Иеффа же ответил ему, что он совершенно неосновательно обвиняет предков их в занятии страны Аморрейской и что им скорее следовало бы быть благодарными евреям, что они оставили им еще страну Амманитскую (хотя Моисею представлялась возможность отнять ее у них). Затем он велел еще передать царю, что евреи и не подумают уступить им ту страну, которую они, благодаря милосердию Господа Бога, владеют свыше трехсот лет, и что они готовы сразиться за обладание ею.

10. После того Иеффа отправил послов домой, а сам стал молить Господа Бога о победе, причем дал обещание, если вернется невредимым из похода, принести Ему в жертву первое, что встретится ему на пути при возвращении домой. Затем он сошелся с врагами, победил и перерезал множество их и преследовал их до города Малиавы. Вторгнувшись далее в страну Амманитскую, он разрушил массу городов, захватил богатую добычу и освободил своих соотечественников от того ига, которое они несли в продолжение восемнадцати лет. Когда же он возвращался домой, с ним случилось несчастье, испортившее ему всю радость по поводу одержанной победы. Дело в том, что навстречу ему вышла его единственная дочь. Она была еще девушкою. В страшном отчаянии Иеффа разрыдался от горя и стал укорять дочь в поспешности, с которою ова вышла встречать его: теперь придется принести ее в жертву Господу Богу. Однако девушка не сочла за чрезмерное несчастье поплатиться жизнью за победу отца и за восстановление свободы своих сограждан; она просила лишь дать ей двухмесячный срок для того, чтобы она могла оплакивать со сверстницами свою юность. Затем она была готова предоставить себя в жертву Господу Богу, сообразно данному обету. Отец согласился на эту отсрочку; по истечении же двух месяцев он принес Предвечному дочь свою в жертву всесожжения. Жертвоприношение это, однако, было и не законно и не угодно Господу Богу, и Иеффа не подумал о том, как осудят его впоследствии все те, которым придется услышать об этом его поступке (Ср. [Суд 11.11—40](#)).

11. Спустя некоторое время колено Ефремове объявило Иеффе войну за то, что он не пригласил его к участию в походе против аммаивтгян, но забрал себе одну всю добычу и присвоил исключительно себе всю славу этого предприятия. Иеффа, однако, ответил, что членам колена Ефремова было отлично известно, что сородичи их подвергаются опасности войны, во что они тем не менее, хотя у них и просили помощи, ее не оказали, несмотря на то что в ней очень нуждались. Затем он указал им на всю гнусность их поступка, заключающуюся в том, что они раньше не решались сразиться с врагами, но теперь готовы воевать против едивюплеменников своих. Наконец, он пригрозил им наказать их с помощью Господа Бога, если они не одумаются. Но так как ему не удалось убедить их, то ему пришлось вступить с ними в бой при помощи тех войск, которые были у него в Галааде, и учинить страшную резню. Обратив их в бегство, он бросился за ними в погоню, велел своему авангарду занять все места, где имелся на Иордане брод, и перебил там около сорока тысяч человек.

12. После шестилетнего правления Иеффа умер и был похоронен в родном своем городе Севее³⁵⁸, который находится в стране Галаадской.

13. После его смерти власть перешла к Аpsану из колена Иудова, а имеию из города Вифлеема. У Аpsана было шестьдесят человек детей, тридцать сыновей и столько же дочерей, которые все пережили его, причем ему удалось еще при жизни своей поженить сыновей, а дочерей выдать замуж. Впрочем, за семь лет своего правления он не совершил ничего замечательного, о чем стоило бы вспомнить, и умер в преклонном возрасте. Погребен он был также в своем родном городе.

14. После кончины Аpsана власть перешла к Илону из колена Завулонова. Впрочем, за десять лет своего правления и он не совершал ничего достопамятного (Ср. [Суд 12.1—12](#)).

15. После Илона был назначен правителем Авдон, сын Геллела, из колена Ефремова и города Фарафона³⁵⁹; о нем можно упомянуть только то, что у него были отличные дети, но ничего славного в свое правление он не совершил; при нем страна пользовалась миром в полном внутреннем спокойствии. У него было сорок сыновей и от них тридцать внуков, все отличные наездники, так что он ездил по стране со свитой в семьдесят человек, которые были все еще живы, когда он сам умер в преклонных годах. Блестящие похороны его состоялись в Фарафоне.

1. После смерти Авдона филистимляне подчинили себе израильтян и в продолжение сорока лет вжимали с них дань. Из этого стесненного положения еврея были выведены следующим обстоятельством:

2. Некий Манох, один из немногих знатных людей из колена Данова, считавшийся лучшим воином среди своих соотечественников, обладал необычайно красивою и этим сильно отличавшеюся от прочих жен прся супругою. Но так как у него не было детей и он был очень огорчен этим, то он часто отправлялся со своею женою за город, в свое большое поместье, и молил там Господа Бога даровать ему потомство. Будучи безумно влюблен в свою жену, Манох вместе с тем отличался крайнею к ней ревностью. Однажды, когда жена его была одна дома, ей явилось небесное видение в лице ангела Божья, принявшего облик статного в прекрасного юноши, который возвестил ей, что по милосердию Предвечного у нее родится красивый и чрезвычайно сильный сын, который, возмужав, будет грозою филистимлян. Вместе с тем ангел потребовал, чтобы ребенку не подреали волос и не давали ему другого питья, кроме воды, потому что так угодно Господу Богу [360](#). С этими словами видение так же внезапно исчезло, как оно явилось по повелению Предвечного.

3. Когда муж вернулся домой, то жена рассказала ему об обещании ангела, причем выразила ему свой восторг по поводу красоты и статности явившегося ей юноши. Это вызвало ревность в Манохе, и он стал подозрительно относиться ко всему происшествию. Тогда жена, желая освободить мужа от его мрачных мыслей, обратилась с молитвою к Господу Богу вторично послать к ним ангела, чтобы и муж ее увидел его. И действительно, по милосердию Предвечного, ангел явился еще раз, когда муж и жена находились за городом в поместье. Впрочем, и теперь он явился в такой момент, когда жена была одна. Последняя просила его обождать, чтобы ей можно было привести мужа; ангел согласился, и она побежала за Манохом. Когда Манох увидел ангела, у него все-таки не исчезли его подозрения и он просил его сообщить и ему возвещенное жене его. Однако ангел возразил, что совершенно достаточно, если она одна это будет знать. Тогда Манох просил его сказать, кто он такой, дабы супруги были в состоянии по рождении ребенка возблагодарить его и сделать ему подарок. Когда же ангел ответил, что он в таковом вовсе не нуждается (так как он возвестил им о рождении сына не для того, чтобы получить от них за это вознаграждение), а Манох все еще просил его остаться и воспользоваться его гостеприимством, то ангел не согласился. Наконец он все-таки уступил настоятельным просьбам Маноха. Когда последний зарезал козла и приказал жене зажарить его и когда все было приготовлено для обеда, то ангел велел положить хлеб и мясо без посуды на скалу, прикоснулся затем жезлом своим к мясу, и оно тотчас сгорело вместе с хлебами в пламени, которое внезапно вырвалось из скалы. Ангел же на глазах их вознесся в дыме, как в колеснице, на небо. Манох испугался, как бы для них не было губельно то, что они лицезрели Господа Бога, но жена успокоила его и сказала, что Предвечный явился им на радость и благо.

4. Жена Маноха вскоре затем забеременела и строго исполнила все предписания, данные ей. Когда родился у нее мальчик, то родители назвали его Самсоном, что значит «сильный». Ребенок быстро подрастал, и видно было, что он будет пророком; это доказывали его умеренность в употреблении пищи и необычайный рост его волос (Ср. [Суд 13.1—25](#)).

5. Однажды, во время праздника, Самсон пришел со своими родителями в филистимский город Фамну [361](#) и, полюбив там туземную девушку, стал просить своих родителей позволить ему жениться на ней. Хотя последние не согласились на это ввиду того, что она иноземка, однако у Господа Бога этот брак был решен на пользу и на благо евреев, и потому Самсон

добился наконец того, что девушку с ним обручили. С этих пор он часто стал навещать родителей своей невесты. В одно из таких посещений случилось, что по дороге попался Самсону лев, и, хотя юноша был совершенно безоружен, он не только не пустился бежать, но даже задавил его своими руками и бросил затем труп животного в кусты близ дороги.

6. Когда он впоследствии вторично шел опять тою же дорогой к своей невесте, Самсон нашел целый рой пчел, засевших в труп убитого им льва, вынул три ряда сот и с прочими подарками принес своей суженой. На свадебном пире, на который Самсон пригласил жителей Фамны, последние, побаиваясь необычайной силы юноши, дали ему, будто бы в дружки, но на самом деле для ограждения себя от всяких случайностей, тридцать самых сильных молодых людей. И вот, когда все в значительной мере напились и начались соответствующие подобному случаю игры и забавы, Самсон сказал: «Я вам задам загадку; если вы разгадаете ее мне в течение семидневного срока, то каждый из вас получит от меня в награду за остроумие по куску холста и по праздничной одежде». Так как молодежь хотела блеснуть остроумием и вместе с тем воспользоваться такими выгодными условиями, то она согласилась, а Самсон на ее просьбы сообщить загадку сказал, что «нечто всеядное произвело из себя сладкую пищу, которая истекла из предмета, возбуждающего крайнее отвращение». Когда, однако, юноши в продолжение трех дней никак не могли найти разгадку, то они обратились к жене Самсона с просьбою выведать ее от мужа и сообщить им (иначе, если она не исполнит их требования, они грозили сжечь ее живьем). Когда жена пристала к мужу сообщить ей разгадку, Самсон первоначально отказал ей в этом, но затем, когда она стала просить еще неотступнее, расплакалась и усмотрела в этом его молчании доказательство его нерасположения к ней, сообщил жене всю историю со львом и то, как он нашел в падали рой пчел и принес ей три ряда сот меду. Рассказывая все это, Самсон не предполагал с ее стороны никакой хитрости; жена же его сообщила обо всем этом тем, которые пригрозили ей. На седьмой день, в который по уговору должно было представить разгадку поданной загадки, юноши собрались у Самсона до заката солнца и объявили: «Для путника нет ничего хуже льва и нет ничего слаще меда». Самсон же добавил: «И нет ничего коварнее женщины, которая выдала вам мою загадку». Затем он отдал юношам обещанное, так как ему удалось ограбить нескольких попавшихся ему на пути жителей Аскалона (также филистимлян), и отказался совсем от своей жены. В ответ на его гнев последняя вышла замуж за того из друзей Самсона, который был у него главным распорядителем на свадьбе (Ср. [Суд 14.1—20](#)).

7. Возмущенный такою гнусностью, Самсон порешил отомстить как ей, так и всем филистимлянам. Так как время было летнее и злаки на полях почти совершенно созрели, то он поймал трехсот лисиц, привязал к хвостам их зажженные факелы и выпустил их в поля филистимлян. Таким образом, вся жатва последних пропала. Когда филистимляне узнали, что это дело рук Самсона, а также сообразили, почему он так поступил с ними, они послали своих старшин в Фамну и велели им сжечь живьем новую жену Самсона со всеми ее родственниками, как виновниками этого их бедствия.

8. Между тем Самсон успел перебить многих из жителей низменной части Филистии и поселился на Эте, высокой скале в области колена Иудова. Ввиду этого филистимляне объявили войну колену Иудову. Когда же евреи стали жаловаться филистимлянам на то, что им совершенно несправедливо приходится расплачиваться за проделки Самсона, тем более что они ведь вдобавок платят еще дань филистимлянам, последние потребовали от них выдачи Самсона, если они хотят быть признаны невиновными. Желая развязаться со всеми этими неприятностями, евреи, в количестве трех тысяч тяжеловооруженных, отправились на скалу (на которой засел Самсон), стали жаловаться на его дерзкие с филистимлянами поступки, которые могут повести к губительным для всего еврейского народа последствиям, и сказали, что явились с намерением схватить и выдать его филистимлянам. При этом они просили Самсона сдаться

добровольно. Он же заставил их поклясться, что они не подвергнут его никакому насилию, а только выдадут его врагам, спустился со скалы и отдал себя в власть евреев. Последние связали его двумя веревками и повели к филистимлянам с целью выдать им его. Когда же они достигли одной местности, которая теперь, благодаря подвигу Самсона, носит название «Челюсти» ³⁶², прежде, однако, не имела особого имени, и вблизи которой филистимляне расположились станом, и когда последние с радостными криками вышли навстречу евреям, как будто бы они уже достигли желанной цели, Самсон вдруг разорвал веревки, схватил тут же под его ногами валявшуюся ослиную челюсть и бросился с нею на врагов. Поражая их этою челюстью, он перебил до тысячи человек, остальные же в ужасе бросились бежать.

9. В этом деле Самсон приписывал успех себе лично в большей мере, чем бы следовало, и хвастливо заявлял, что он, благодаря своей личной доблести, а никак не в силу помощи от Всевышнего, сумел лишь одною челюстью часть врагов своих перебить, часть же обратить в бегство. Когда же затем сильнейшая жажда обуяла Самсона, то он понял, что и наивысшая человеческая храбрость не имеет никакой цены, но что всякое решение в руках Божьих. Поэтому он обратился к Предвечному с молитвою, в которой просил Его не гневаться на него за прежние хвастливые речи и не предавать его врагам, но оказать поддержку в этом затруднительном положении и спасти от беды. Тогда Господь Бог внял молитве Самсона и вызвал из одной скалы обильный источник отличной воды; Самсон же назвал, ввиду всего этого происшествия, данную местность «Челюстью», как она называется и поныне.

10. После этого боя Самсон перестал страшиться филистимлян, прибыл в Газу и остановился там на одном постоялом дворе. Лишь только городские власти узнали о прибытии Самсона, как тотчас же заняли стражею все выходы из дома, чтобы тот не мог убежать. Между тем Самсон, от которого не скрылись все эти меры предосторожности, встал уже в полночь, выломал двери вместе с замками, задвижками и всеми прочими деревянными частями, взвалил их себе на плечи, понес их на вершину одной горы, лежащей вблизи Хеврона, и положил их там.

11. Между тем, однако, Самсон начал изменять родным обычаям и замвиять установленный законом образ жизни чужеземными привычками, что и послужило поводом его гибели. Так, например, он влюбился в филистейскую женщину дурной репутации, по имени Далила, и жил с нею. И вот к ней явились начальники филистимлян и уговорили ее всевозможными обещаниями выведать у Самсона причину той силы, благодаря которой он является непреодолимым для врагов своих. Когда однажды, во время посещения Самсона, Далила угощала его вином, она стала высказывать ему свое удивление по поводу совершенных им подвигов и хитро старалась выведать, откуда у него берется такая сила. Самсон же, который еще не настолько опьянел, чтобы потерять сознание, ответил Далиле хитростью на хитрость, сказав, что он потеряет силу совершенно, если его свяжут семью лозами, которые можно еще согнуть. Далила тогда удовлетворилась этим ответом и затем сообщила об этом начальникам филистимлян. По их требованию она скрыла в своем доме нескольких солдат и, когда впоследствии Самсон совершенно опьянел и заснул, она связала его по возможности крепче лозами, разбудила его и закричала, что на него хотят совершить нападение. Тогда Самсон сразу порвал лозы и стал в оборонительное положение, ожидая нападающих. Но так как Самсон и после этого случая не переставал часто навещать Далилу, то она однажды высказала ему свое неудовольствие по поводу того, что он из недоверия к ее преданности не говорит ей того, о чем она его просит, как будто она бы не сумела умолчать о такой вещи, разглашение которой могло бы стать для него гибельным. Однако Самсон еще раз обманул ее и сказал, что его сила совершенно пропадет, если его свяжут семью бечевками; но когда и это средство оказалось недействительным, то он объявил ей в третий раз, что следует заплести ему волосы и привязать их. Сделав это и убедившись, что Самсон и теперь не сказал правды, Далила стала еще настоятельнее приступать

к нему со своими просьбами. Тогда в конце концов Самсон (которому было заранее предопределено его несчастье), желая угодить Далиле, сказал: «Обо мне печется сам Господь Бог, по особому желанию которого я и родился на свет. Так как Предвечный не велел мне стричь мои волосы, то я и ношу такую гриву, с ростом и наличием которой и находится в непосредственной связи моя сила». Узнав это, Далила срезала ему волосы и затем выдала его врагам, так как он уже более не был в состоянии сопротивляться им. Враги же выкололи ему глаза и увели его к себе как пленного.

12. Впрочем, с течением времени волосы опять выросли у Самсона. Однажды во время филистийского народного праздника, начальники и знатнейшие филистимляне пировали в здании, крыша которого покоилась на двух колоннах. Между прочим они послали за Самсоном и велели привести его на пир, чтобы потешиться над ним во время праздничного разгула. Самсон же, считая в его положении крайне жестоким невозможность отомстить филистимлянам за их над ним издевательства, попросил мальчика, ведшего его за руку, подвести его к одной из колонн, чтобы он там мог несколько отдохнуть от своей усталости. Когда его желание было исполнено, он ухватился за колонну и пошатнул ее так, что обрушилась крыша здания и убила три тысячи человек. В числе погибших был, впрочем, и сам Самсон.

Таков был конец человека, стоявшего во главе израильтян в продолжение двадцати лет. Он был достоин удивления по своей храбрости, силе и мужественной встрече смерти, равно как и по той ненависти, которую он сохранил к врагам своим вплоть до самой своей смерти. То, что он дал женщине перехитрить себя, должно быть отнесено на счет слабости человеческой природы, которая вообще легко впадает в ошибки; между тем все остальные его поступки свидетельствуют о безусловной его добродетели. Родственники Самсона взяли его тело и похоронили его вместе с его предками в родном его городе Сариасе³⁶³.

1. После смерти Самсона во главе израильтян стал первосвященник Илий. При нем страна страдала от голода. В то время некий Елимелех из Вифлеема (это город в колене Иудовом), не будучи в силах дольше бороться с неурожаем, переселился вместе со своею женою Нааминою и сыновьями своими Хеллионом и Маллоном в страну Моавитскую, и так как дела пошли у него здесь хорошо, то он и поженил сыновей своих на моавитянках, а именно Хеллиона на Орфе, а Маллона на Руфи. По прошествии десяти лет умер Елимелех, а немного спустя скончались и сыновья его. Тогда Нааминь, глубоко опечаленная этим несчастьем и не будучи в состоянии дольше выносить тут утрату самых дорогих ей людей, ради которых она покинула отечество, решила вернуться домой, тем более что, по всем сведениям, и дела там опять поправились. Однако обе снохи ее ни за что не хотели расставаться с нею, и сколько она ни старалась отговорить их от этого, она не могла убедить их, несмотря на то, что указывала им на возможность вторичного брака на родине, и притом более удачного, чем тот, который они некогда заключили с ее сыновьями. Таким образом Нааминь уговаривала их остаться на родине и не подвергать себя риску новых жизненных условий на чужбине. Наконец Орфа склонилась на ее убеждения и осталась. Руфь же не поддавалась этим представлениям и не покинула ее, желая разделить с нею радость и горе.

2. Когда Руфь со свекровью прибыла в Вифлеем, то их радушно принял родственник Елимелеха, Воаз. Нааминь же, когда к ней обращались, называя ее этим ее именем, сказала: «Называйте меня лучше Марою; это будет правильнее». Дело в том, что слово «Нааминь» означает по-еврейски «счастье», Мара же — «горе».

Так как было время жатвы, то Руфь, с разрешения своей свекрови, вышла в поле, чтобы подбирать колосья, которые должны были затем идти им в пищу, и случайно попала также на поле Воаза. Немного погодя пришел туда и Воаз и, увидев молодую женщину, стал расспрашивать о ней надсмотрщика за полевыми работами, а этот рассказал хозяину все, что только что перед тем сам узнал от Руфи. Тогда Воаз приветствовал и похвалил Руфь за преданность свекрови и за добрую память о сыне последней, женою которого она была, и, пожелав ей всякого благополучия, заявил, что не позволяет ей подбирать оставшиеся колосья, но требует, чтобы она сжала для себя столько хлеба, сколько сможет. При этом он велел надзирателю ни в чем не мешать ей и уделить ей пищи и питья, когда будут кормить жниц. Получив затем порцию ячменной похлебки, Руфь сохранила ее для своей свекрови и понесла ее вечером домой вместе со снопами. Впрочем, и Нааминь оставила ей часть той пищи, которую ей любезно предоставили ее соседи. Тут Руфь рассказала свекрови весь свой разговор с Воазом и, узнав, что он им родственник, и, будучи человеком добродетельным, вероятно, позаботится о них, пошла и в следующие дни на сбор колосьев вместе с прислужницами Воаза (Ср. Руфь 1.1 — Руфь 2.23).

3. Несколько дней спустя, когда ячмень был уже обмолочен, Воаз отправился однажды спать на гумно. Узнав об этом, Нааминь принялась уговаривать Руфь лечь к нему (она видела пользу в том, чтобы Воаз сошелся с молодой женщиною) и послала ее, велев ей лечь у него в ногах. Так как Руфь считала невозможным противиться какому бы то ни было приказанию свекрови, то она пошла на гумно, но ее не заметил Воаз, потому что уже был погружен в глубокий сон. Когда же Воаз среди ночи проснулся и, почувствовав вблизи себя человека, спросил, кто там, то Руфь назвала себя и сказала, что она предоставляет себя в его распоряжение, как своему господину. Воаз тогда ие двинулся с места, на рассвете же, раньше, чем слуги его начали выходить на работу, он разбудил ее, велел взять с собою столько ячменя,

сколько может унести, и поскорее отправиться к своей свекрови, прежде чем заметят, что она тут спала: благоразумие требует остерегаться всяких сплетен, особенно если таковые совершенно не имеют под собою основания. «Относительно же всего этого дела мы решим следующее,- сказал он.- Сперва мне придется спросить какого-нибудь родственника твоего, который тебе ближе, чем я, не желает ли он взять тебя в жены; если он согласится, то ты последуешь за ним, если же откажется, то я женюсь на тебе по всем правилам закона».

4. Когда Руфь сообщила обо всем этом своей свекрови, то она была очень рада, потому что у нее теперь явилась надежда, что Воаз возьмет на себя попечение о них обоих. В полдень того же дня Воаз со своей стороны отправился в город, собрал там совет старейшин, а также позвал туда Руфь и одного близкого ей родственника. Когда последний явился, Воаз спросил его: «Не желаешь ли ты воспользоваться своим правом наследства от Елимелеха и его сыновей?» Когда тот, ввиду родственных отношений своих и вследствие законности такого наследования, ответил утвердительно, то Воаз продолжал: «Но знай, что законы должно исполнять всецело, а не наполовину: здесь вдова Маллона, которую ты должен взять по закону в жены, если желаешь сделаться наследником его земельной собственности». Тот, однако, уступил Воазу свое право на наследство и вдову Маллона, так как и Воаз являлся родственником умерших, тогда как у него самого уже имелись и жена и дети. Затем Воаз призвал старейшин в свидетели и велел Руфи снять с родственника сапог и по закону пихнуть ему в лицо³⁶⁴. После этого сам Воаз женился на Руфи, и спустя год у них родился младенец мужского пола. Нааминь воспитала этого ребенка и назвала его по совету [знакомых] женщин Оведом, как такого, который впоследствии мог бы позаботиться о ней, когда она достигнет старости: Овед по-еврейски означает человека служащего. У Оведа был сын Иессей, а у этого Давид, достигший царской власти и оставивший ее потомкам своим до двадцать первого поколения.

Историю Руфи я рассказал по необходимости, потому что хотел дать образчик всемогущества Божия: Господу легко доставить почетное и блестящее положение даже ничтожным людям, подобно тому как Он возвысил и Давида, происходившего из столь скромного рода (Ср. Руфь 3.1 — Руфь 4.22).

1. Несмотря на то что дела евреев вскоре опять пошатнулись, они тем не менее снова начали войну с филистимлянами, а именно по следующей причине:

У первосвященника Илия было два сына, Офнис и Финеес. Последние в одинаковой мере гнушно относились к людям и к Господу Богу и не останавливались ни перед каким преступлением. Так, например, они не довольствовались теми приношениями, которые доставлялись им ввиду их общественного положения, но присваивали себе многое путем открытого грабежа; равным образом они насиловали женщин, являвшихся в храм ради богослужебных целей, отчасти пуская в ход силу, отчасти же прельщая их подарками. Таким образом, их жизнь ничем не отличалась от времяпрепровождения тиранов. Отец их, конечно, был крайне огорчен такими их поступками и думал, что, наверное, наступит когда-нибудь момент кары Господней за все это; народ же был глубоко возмущен их поведением. Когда же Господь Бог объявил об этой имеющей постигнуть их каре как самому Илию, так и пророку Самуилу, который в то время был еще ребенком, тогда Илий стал открыто оплакивать своих сыновей.

2. Но раньше, чем рассказывать историю сыновей Илия и о том несчастье, которое постигло весь народ еврейский, мне хочется сперва сообщить здесь кое-что об этом пророке Самуиле. В городе Арамафе в области колена Ефремова жил среди прочих граждан также и левит Алкан, у которого было две жены, Анна и Фенанна. От последней он имел детей; первая же была бездетна, но, несмотря на это, Алкан не переставал любить ее. Когда он однажды для жертвоприношения прибыл с женами своими в город Сило (где, как мы выше упомянули, помещалась тогда скиния Божия) и во время жертвенного пира распределил части мяса между своими женами и детьми, Анна взглянула на другую жену Алкана, увидела, как дети толпятся около нее, и заплакала, жалуясь на свою бездетность и одиночество. И такая скорбь обуяла ее, что она не могла утешиться от ласковых слов мужа, но вошла в скинию и стала умолять Господа Бога даровать ей ребенка и материнство. При этом она дала обет посвятить Господу Богу на служение первого имеющего родиться у нее ребенка, которого она будет воспитывать специально с этой целью. Так как Анна находилась уже очень долго в скинии, где она молилась, то первосвященник Илий, сидевший перед скиниею, повелел ей выйти, считая ее пьяною. Когда же она ответила, что она пила одну только воду, а теперь печалится о своем бесплодии и умоляет Господа Бога внять ее мольбам, Илий велел ей надеяться, что Предвечный дарует ей сына.

3. Затем Анна, полная радостного упования, вернулась к мужу и весело приняла участие в жертвенном пире. Когда же вся семья вернулась в родной свой город, то Анна почувствовала себя беременною. И действительно, впоследствии родился у них сын, которого они назвали Самуилом, что значит «испрошенный у Бога». Затем Алкан и Анна вновь явились в Сило, для того чтобы совершить жертвоприношение по поводу рождения сына и чтобы внести десятину. Тут Анна вспомнила о своем обете относительно ребенка и передала последнего Илию, посвятив его в пророки Господа Бога. С этих пор ему отпустили волосы и давали пить одну только воду. Самуил проводил свое время при скинии и тут вырос. Алкану же Анна родила еще других сыновей и трех дочерей.

4. Когда Самуилу исполнилось двенадцать лет, он уже начал пророчествовать. Однажды ночью во сне он услышал, как Господь Бог зовет его по имени. Он подумал, что его зовет первосвященник, и потому отправился к нему. Илий же сказал, что он его не звал. Так поступил Господь Бог трижды. Тогда Илий понял, в чем дело, и сказал: «Я, Самуил, и раньше и теперь не

звал тебя, а призывает тебя Предвечный. Поэтому ответь Ему: «я здесь». Когда затем вновь раздался глас Господа Бога, Самуил просил Предвечного объявить ему волю Свою, так как он готов служить Ему, как угодно. Господь сказал тогда: «Так как ты готов служить Мне, то знай, что израильтян постигнет большее несчастье, чем можно было бы описать словами и чем можно было бы поверить: в течение одного дня умрут сыновья ИлиАи первосвященство перейдет к дому Елеазарову; Илий ведь любит своих сыновей больше, чем Меня, и сильнее, чем им это полезно». Самуил не хотел было огорчать Илию сообщением всего этого, но этот насильно заставил его сделать это, обязав его предварительно клятвою, и теперь еще более уверился в неизбежности гибели своих сыновей. Слава Самуила между тем росла все больше и больше, так как все его предвещения оправдывались на деле (Ср.: [1Цар 2.12—36](#); [1Цар 1.1—18](#); [1Цар 2.10](#); [1Цар 3.1—21](#)).

1. В это именно время филистимляне пошли войною на израильтян и расположились станом вблизи города Афекана³⁶⁵. Когда немного погодя израильтяне встретились с ними и вступили на следующий день в решительный бой, филистимляне разгромили их, перебили до четырех тысяч евреев и погнали остальных назад в лагерь.

2. Вконец растерявшись, евреи послали к своим старейшинам и к первосвященнику, прося доставить в стан ковчег завета для того, чтобы перед ним еще раз приготовиться к битве и затем уже наверно одержать победу над врагами. При этом они совершенно упустили из виду, что Тот, Который решил их поражение, гораздо могущественнее ковчега завета, почитаемого лишь ради Предвечного. Ковчег завета действительно был доставлен в лагерь евреев, и с ним вместе явились и сыновья первосвященника, которым отец перед отъездом заявил, чтобы, если они утратят ковчег завета и захотят остаться в живых, они не смели показываться ему на глаза. В то время Финеес уже священнодействовал, так как его отец уступил ему, ввиду своего преклонного возраста, эту должность. И действительно, евреев охватило чувство полной уверенности в том, что с прибытием ковчега завета им удастся осилить врагов, тогда как последних обуял ужас, когда они узнали об этом прибытии ковчега к израильтянам. Но на деле все эти опасения и предположения ни тут, ни там не оправдались, потому что победа, на которую рассчитывали евреи, осталась, как показал исход битвы, за филистимлянами и евреи потерпели то поражение, которое они рассчитывали сами нанести врагам: оказалось, что они напрасно полагались на кивот завета, так как не успели они вступить в бой с неприятелями, как уже были обращены в бегство, причем потеряли до тридцати тысяч человек; в том числе пали и сыновья первосвященника. Кивот завета же попал в руки врагов.

3. Когда весть об этом поражении и об утрате ковчега завета достигла Сило (ее принес туда бывший свидетелем всего этого дела некий веньяминитский юноша), то весь город обуяла глубокая скорбь. Первосвященник Илий, сидевший на высоком кресле под одним из входов в скинию, услышал страшные вопли и подумал, что произошло что-либо необычайное в его семье. Когда же он послал узнать, в чем дело, и юноша сообщил ему об исходе битвы, то он не слишком был опечален участью сыновей своих и поражением, которое постигло еврейское войско, потому что он, благодаря предсказанию Господа Бога, ожидал этого (удары судьбы, заранее известные нам, не так тяжелы). Когда же он услышал, что кивот завета попал в руки неприятелям, - а этого он уже никак не ожидал, - то он застонал от боли, упал с кресла и тут же умер. Всего он прожил девяносто восемь лет, из которых сорок лет исправлял должность первосвященника.

4. В тот же самый день скончалась и жена его сына Финееса, которая не была в состоянии пережить несчастье, постигшее ее мужа. Когда до нее дошла весть о гибели Финееса, она, находясь в состоянии беременности, произвела на свет семимесячный плод, который, впрочем, остался жив и получил имя Иохава (что значит «позор»), вследствие того позора, который тогда пал на еврейское войско (Ср. [1Цар 4.1—22](#)).

5. Илий был первосвященником из рода Ифамара, второго сына Аарона. До этого первосвященство оставалось в семье Елеазара, переходя поочередно от отца к сыну: Елеазар передал его сыну своему Финеесу, после которого его получил сын последнего Авиезер, а затем оно перешло к сыну последнего, Вуки, который передал его в свою очередь сыну своему Озису. После него оно досталось Илию, о котором у нас только что была речь. Затем первосвященство оставалось в его роде вплоть до времен правления Соломона, когда оно возвратилось снова к потомкам Елеазара (Ср. [1Пар 6.4](#)).

Предисловие

После ослабления сильных государств Переднего Востока здесь возникло множество небольших государств, которые при необходимости в военных целях объединялись в коалиции. В такой внешнеполитической обстановке союз племен Израиля превратился в Израильское царство. Первым его царем около 1020 г. до н.э. становится Саул, представитель племени Вениамина. При нем были одержаны важные победы над филистимлянами. В этой книге сохранились зримые отголоски борьбы за верховную политическую власть в государстве, в которую включилось сильное племя Иуды; его представитель Давид вступил в открытую вооруженную борьбу с царем Саулом. Авторы библейского текста явно идеализируют личность и деяния Давида, что невольно перешло и в труд Иосифа Флавия. События в этой книге начинаются с конца XII в. до н.э., после вторжения в страны Переднего Востока с севера, с побережья и островов Средиземного моря, так называемых морских народов. Они сокрушили Хеттское царство и способствовали ослаблению сильных государств Месопотамии и Египта. Об этом нашествии нет сведений в Библии, хотя часто упоминаемые в ней филистимляне, вероятнее всего, являются осевшей в южной Палестине малоазийской ветвью морских народов. Они стали опасными врагами израильтян.

1. Захватив, как мы несколько выше рассказали, ковчег завета, филистимляне отправили его в город Азот и в виде трофея поставили там рядом со своим идолом, носящим название Дагона³⁶⁶. На следующий день рано утром, когда филистимляне пошли в храм поклониться своему богу их взорам представилась следующая картина: идол упал с того постамента, на котором раньше стоял, и лежал у подножия ковчега завета. В сильном смущении филистимляне вновь поместили своего бога на его постамент. Но всякий раз, когда они затем являлись к Дагону, они находили его лежащим на земле перед ковчегом завета, как бы в преклонении перед ним, и это повергало их в страшное уныние и смущение. В конце концов Господь Бог наслал на город Азот и на всю страну филистимлян необычайное бедствие и болезнь. Люди умирали в страшных мучениях от дизентерии, причем перед смертью у них ужасно вздувались животы, чувствовалась крайне острая резь и выпадали все внутренности, успевшие во время болезни перейти в гниение. В то же время на страну совершило нашествие огромное количество мышей, которые, не щадя ни посевов, ни древесных плодов, нанесли населению необычайный вред. Не имея в таком бедственном положении более сил для борьбы с постигшею их напастью, жители города Азота поняли, что вся беда исходит от находящегося у них кивота завета, и что их победа над евреями и захват кивота не послужили им к добру. Ввиду этого они послали к жителям города Аскалона с предложением взять к себе кивот завета. Те охотно исполнили просьбу азотийцев и даже выразили им за это свою благодарность; но лишь только они приняли в свой город кивот завета, как и их постигли те же бедствия, потому что кивот принес с собою от азотийцев те же страдания и для тех, кто теперь принял его к себе. Тогда аскалонцы отправили его от себя в другое место, но и тут он оставался недолго, потому что, лишь только обнаруживались связанные с присутствием кивота напасти, его отправляли дальше в другие города. Таким образом кивот завета перебивал в пяти городах филистимлян, повсюду требуя себе за свое пребывание у них как бы дани в виде приносимых им с собою бедствий.

2. Испытав такие бедствия и тем самым служа предметом предостережения для всех, кто об этом слышал, не принимать к себе за такую цену кивот завета, филистимляне наконец стали искать способа, как бы удобнее избавиться от этого кивота. С этой целью правители пяти городов, Гитты, Аккарона, Аскалона, Газы и Азота, сошлись вместе и стали обсуждать дальнейший образ действий. Сперва было решено отослать кивот назад на родину, так как очевидно, что Бог насылает на них и их города бедствия в виде наказания за присвоение ими кивота. Но тут раздались голоса, что этого делать не следует, так как мнение, будто кивот является причиной всех бедствий, безусловно неосновательно; ведь у кивота, говорили они, не может быть такой силы и могущества, тем более что если бы Господь Бог дорожил этим ящиком, то Он не допустил бы до того, чтобы кивот попал в руки врагов. Поэтому лица, державшиеся такого мнения, советовали успокоиться и стойко переносить постигшие их напасти, считая причиной последних исключительно какие-нибудь физические условия, которые случайно в это именно время вызывают такие перемены во внутренностях людей, в земле, в плодах и прочих отношениях. В конце концов над обоими приведенными мнениями восторжествовало третье, которое исходило от людей, уже и раньше отличавшихся особенно сообразительностью и испытанною сметкою. Оно и теперь, при данных условиях, показалось наиболее целесообразным. Совет этот сводился к тому, что не следует ни отсылать кивот обратно, ни держать его у себя, а принести пять золотых статуй, от имени каждого города по одной. Господу Богу в благодарственную жертву за то, что Он позаботился об их избавлении и спас от напастей, которым они не могли бы при своих собственных силах противостоять.

Равным образом, советовали они, должно сделать столько же золотых изображений тмьшей наподобие тех, которые напали на них и опустошили их страну. Затем нужно поместить все эти изображения в особый ящик и, поставив его на кивот завета, соорудить для последнего новую колесницу и впрячь в нее недавно отелившихся коров, телят же оставить дома и запереть в хлевах, чтобы они не мешали коровам в пути и не побуждали последних вернуться как можно скорее домой. Наконец, советовали они, должно оставить везущих колесницу с кивотом коров на перепутье и предоставить им самим по собственному желанию выбрать дорогу: если они направятся в страну евреев, то будет очевидно, что именно кивот является причиной всех постигших их бедствий. «Если же коровы пойдут другою дорогою,- говорили они,- то мы вернем кивот назад, потому что будем уверены, что он не обладает никакою сверхъестественною силою».

3. Этот совет был очень охотно принят всеми, и тотчас было решено привести его в исполнение. После того как все было приготовлено вышеуказанным способом, филистимляне привели коров к перепутью, оставили их тут и вернулись домой. Между тем коровы, как будто их кто-то вел, двинулись прямым путем вперед, а начальники филистимлян следовали за ними, желая узнать, где они остановятся и куда придут. В колене Иудовом есть деревня по имени Вифсама. Сюда прибыли коровы и здесь остановились с колесницею, не желая идти дальше, хотя пред ними расстилалась и манила их к себе обширная и прекрасная равнина. Когда увидели это жители деревни, то это необычайное зрелище вызвало во всех них неопишемую радость. Дело в том, что была как раз пора жатвы и все население находилось на полях, занятое сбором плодов. Когда они увидели ковчег завета, то великая радость обуяла всех их; побросав свои работы, они немедленно кинулись к колеснице. Тут они схватили кивот завета вместе с ящиком, в котором лежали статуя и изображения мышей, и поместили его на большой камень, возвышавшийся на равнине. Затем они принесли Господу Богу богатую жертву и устроили пиршество, причем сожгли колесницу и коров в виде жертвы всесожжения. Увидя это, начальники филистимлян вернулись назад восвояси.

4. Между тем Господь Бог разразился гневом над семьюдесятью жителями деревни Вифсамы за то, что они, не имея на то права (т.е. не будучи священнослужителями), решились прикоснуться к священному кивоту и дерзнули приблизиться к нему. Предвечный поразил их за это молниею насмерть. Остальные жители деревни стали оплакивать потерпевших, везде была печаль о Богом посланном горе, каждый оплакивал какого-нибудь сородича. Вместе с тем жители деревни решили, что они недостойны долгие держать у себя кивот завета, и потому они послали к еврейскому народу посланцев с извещением, что филистимляне вернули священный кивот. Евреи же немедленно по получении этого сообщения отвезли кивот в Кариафиарим, соседний с Вифсамою город, где тогда жил славившийся своею справедливостью и благочестивым образом жизни левит Аминадав. В дом его, как в место, угодное Господу Богу, потому что тут жил человек праведный, привезли они кивот завета, а сыновья Аминадава служили при кивоте и несли эту обязанность в продолжение двадцати лет: столько именно лет находился священный кивот в Кариафиариме, пробыв в руках филистимлян четыре месяца³⁶⁷.

1. Все то время, в продолжение которого кивот завета находился в городе Кариафиариме, народ усердно предавался молитвам и жертвоприношениям Господу Богу, выказывая дотоле небывалое благочестие и религиозность. Видя такое настроение народа и считая момент подходящим для того, чтобы поговорить о свободе и о сопряженных с нею благах, пророк Самуил обратился к евреям с такою речью, которую считал наиболее целесообразною и в настоящем случае убедительною. А именно он сказал следующее: «Людям, которые хотя все еще имеют жестоких врагов в лице филистимлян, но к которым начинает вместе с тем благосклонно и дружественно относиться сам Господь Бог, не должно останавливаться на одном только желании свободы, но они обязаны исполнить также все, чем возможно было бы на деле добиться этой желанной свободы. Итак, вы не должны только желать освободиться от ига чужеземных господ, держась при этом прежнего своего образа жизни, совершенно бездеятельного. Напротив, вам следует жить совершенными праведниками, вполне изгнать из сердца своего всякие дурные помыслы и от всей души обратиться к служению Господу Богу, неукоснительно пребывая в почитании Его. Если вы будете поступать таким образом, то вы достигнете и всевозможных благ, и освобождения от рабства, и победы над врагами: добиться всего этого невозможно ни физическою силою, ни оружием, ни большим количеством войска, потому что не за такие данные Предвечный обещал даровать все названное, а лишь за вашу добродетель и справедливость. Поручителем же непреложности Его обещаний являюсь пред вами я сам». Эту речь Самуила народ встретил восторженно и обещал ему во всем творить угодное Господу Богу. Тогда Самуил повел народ в один город, носящий название Масфаты, что на еврейском языке означает далеко видимое место [368](#). Здесь евреи черпали воду, делали возлияния Господу Богу, пропостились целый день и молились Предвечному.

2. От внимания филистимлян не скрылось то обстоятельство, что израильтяне собрались здесь. Узнав об этом их собрании, они немедленно двинулись на евреев с большим войском в надежде застигнуть их совершенно врасплох и не приготовленными к отпору. Действительно, евреев испугало и даже повергло в крайний ужас это нашествие, и поэтому они побежали к Самуилу, говоря, что, ввиду первого их поражения, страх обуял их и что они вследствие этого готовы поддерживать мир с врагами, чтобы, как говорили они, не вызывать гнева могущественных неприятелей своих. «Ведь ты сам повел нас сюда для молитвы, жертвоприношений и заключения клятвенного договора [с Господом Богом], а между тем враги теперь напали на нас, совершенно к тому неприготовленных и безоружных. Поэтому у нас остается одна лишь надежда на спасение, это — на тебя и на Господа Бога, Которого ты сможешь молитвами склонить к дарованию нам средства укрыться от филистимлян». Самуил уговорил их успокоиться и возвестил им помощь от Господа Бога. Затем он взял ягненка-сосуна, принес его от имени всего народа в жертву и обратился к Господу Богу с молитвою поддержать евреев Своею десницею в битве с филистимлянами и не ввергать их вторично в несчастье. Предвечный внял этим мольбам его, благосклонно принял жертвоприношение и обещал им при Своем содействии полную победу над врагами. В то время, как жертва еще находилась на алтаре Господнем и не успела еще совершенно сгореть, из стана врагов вышло войско филистимлян и стало строиться к бою в твердой надежде непременно разбить иудеев в их теперешнем положении, когда у них не было никакого оружия и они вовсе не были приготовлены к сражению. Но исход боя оказался таким, какому бы не поверил никто, если бы ему даже раньше предсказали это. Дело в том, что сперва Господь Бог поразил врагов землетрясением, заставил почву колебаться под их ногами, так что они не были в состоянии твердо стоять на ногах, но

пошатывались во все стороны, причем то тут, то там под ними разверзлась бездна, поглощавшая многих. Затем Предвечный нагнал ужас на филистимлян раскатами грома и ярко сверкавшими молниями, которые как будто ежеминутно были готовы поразить их прямо в лицо, так что оружие выпадало из рук воинов и они, побросав все, наконец обратились в бегство. Тогда Самуил с народом бросились за ними в погоню и, перебив многих, преследовали остальных до места, носившего название Коррея³⁶⁹. Здесь он воздвиг в знак победы над врагами и в память их бегства камень, который назвал «сильным», для того чтобы он мог служить символом дарованной евреям от Господа Бога силы над врагами.

3. Филистимляне после этого поражения уже более не воевали с израильтянами, но хотели жить с ними в мире, боясь их и памятуя постигшее их несчастье. В то же самое время прежняя отвага филистимлян, которую они выказывали по отношению к евреям, перешла теперь, после победы, к последним. Ввиду этого Самуил предпринял поход на филистимлян, перебил большое множество их, совершенно сломил их прежнюю гордость и снова отнял у них всю ту страну, которую раньше овладели филистимляне, насильно отторгнув ее от иудеев. Это была именно местность, простирающаяся от города Аккарона до пределов Гитты. В это же самое время остатки хананейских племен жили в дружбе с израильтянами (Ср. [1Цар 7.3—14](#)).

1. Затем пророк Самуил разделил весь народ на отдельные части и назначил каждой свой город, куда и велел обращаться за разрешением всех могущих возникнуть среди них тяжб и споров. Сам же он дважды в год объезжал все эти города и творил там суд, чем надолго укрепил тамошнее судоустройство.

2. Затем, когда Самуил достиг преклонных лет, которые мешали ему делать обычную его работу, он передал начальствование и предводительствование народом своим сыновьям, из которых старший назывался Иоилом, имя же другого было Авия. Самуил распорядился, чтобы один из них творил суд в Вифиле, а другой в Варсуве, причем каждому из них точно определил ту часть народа, на которую должна была распространяться его юрисдикция. Но именно эти сыновья явили на себе непреложный пример и подтверждение того, что дети не всегда похожи на родителей своих, подобно тому как, впрочем, и хорошие и дельные сыновья бывают у совершенно негодных родителей. В этом же случае сыновья хороших родителей оказались вполне дрянными людьми: отвратясь от образа действий отца своего и выбрав путь, как раз противоположный отцовскому, они за подарки и гнусные взятки стали нарушать справедливость, постановляя судебные решения не сообразно истине, а сообразно личной своей выгоде; при этом они вели роскошный, дорого стоивший образ жизни, нарушая таким путем, с одной стороны, повеления Господа Бога, а с другой — поступая вопреки желаниям отца своего, пророка, который обращал всегда особенное внимание и заботливость на развитие в народной массе чувства справедливости.

3. Так как сыновья пророка своим глумлением над справедливостью вносили повсюду прежнюю смуту и грозили подорвать все основы гражданственности, то народ, не будучи долее в состоянии выносить такой режим, явился к Самуилу (он жил тогда в городе Арамафе ³⁷⁰) и стал жаловаться ему на беззакония его сыновей. А так как он сам уже стар и вследствие своего преклонного возраста более не в состоянии лично заведовать всеми делами, то евреи настойчиво просили его назначить им какого-нибудь царя, который взялся бы править народом и достойным образом отомстил бы филистимлянам за прежние их гнусности, которые до сих пор еще составляли для них источник различных выгод.

Такие речи глубоко огорчили Самуила вследствие врожденного ему чувства справедливости, с одной стороны, и отвращения к царской власти — с другой, так как он отдавал предпочтение аристократической форме правления, как единственной, которая была установлена самим Господом Богом и потому была в состоянии доставить полное удовлетворение принявшим ее. Заботы и страх относительно сделанного ему предложения лишили его пищи и сна, и всю ночь он мучился тяжелыми думами о печальном положении вещей.

4. При таких грустных условиях явился Самуилу Господь Бог и стал уговаривать его не печалиться столь сильно относительно требования народа, который ведь оскорбил не Самуила, а Его, Предвечного, не желая, чтобы Он один был у них царем. При этом Он знает, что евреи добиваются этого с самого того дня, как Он вывел их из Египта, но что, впрочем, они в непродолжительном уже времени успеют раскаяться в своем желании. «Конечно, от этого, — сказал Предвечный, — раз сделанное уже не изменится, но зато им придется убедиться в необычайной виновности их предо Мною, когда они презрительным своим отношением к Моим желаниям выказали полную свою неблагодарность как ко Мне, так и к твоему пророческому сану. Ввиду всего этого повелеваю тебе выбрать им царем того человека, на которого Я укажу тебе; но при этом ты предваришь евреев о том, каким бедствиям подвергнет их царская власть, и

объяснишь им, какие перемены ожидают их впереди».

5. Услышав такое повеление, Самуил на заре созвал иудеев и выразил свое согласие на избрание царя, причем указал на необходимость раньше всего представить им все будущие условия их жизни при царях и указал на все ожидающие их в таком случае затруднения. «Знайте,- сказал он народу,- что раньше всего цари лишат вас сыновей ваших для того, чтобы сделать одних из них возницами на колесницах, других всадниками или телохранителями, третьих скороходами; других цари сделают тысяцкими и сотниками или же ремесленниками, оружейниками, каретниками и строителями, а также полевыми рабочими, управителями над царскими владениями или сборщиками винограда, и не будет такого дела, которого бы им не дали, как будто бы они наемные слуги. Равным образом и дочери ваши будут обращены в горничных, кухарок и стряпух, и на них будет навалена всякая такая работа, за которую берутся лишь рабыни, и то лишь из страха перед плеткой или другим наказанием. К тому же цари начнут отнимать у вас имущество ваше и произвольно будут раздавать его своим евнохам и телохранителям, а стада ваши перейдут в руки царских служителей. Одним словом, вы вместе с вашими близкими будете рабами царя, а также и его слуг. И когда вы подвергнетесь такому унижению и станете вспоминать об этих словах моих, то с раскаянием в сердце обратитесь с мольбою к Господу Богу смилостивиться над вами и даровать вам поскорее избавления от таких царей. Но Предвечный не внемлет мольбам вашим, а, напротив, заставит вас понести заслуженное наказание за ваше дурное решение».

6. Однако народ все-таки оставался равнодушен к этим предсказаниям ожидающих его бедствий и упорно отказывался переменить свое раз уже утвердившееся в нем на этот счет мнение. Он не уступал Самуилу и не обращал никакого внимания на убедительные доводы его, но твердо стоял на своем, требуя немедленного избрания царя и прося не заботиться о будущем. При этом евреи указывали на необходимость иметь царя уже для того, чтобы отплатить врагам войною, а также подчеркивали всю уместность иметь такое же государственное устройство, какое было у соседних народов, управлявшихся царями. Тогда Самуил, видя, что речь его не разубеждает народ, но даже заставляет его еще более упорствовать в исполнении этого желания, сказал: «В таком случае разойдитесь теперь пока все по домам, а затем я опять соберу вас, когда Господь Бог сообщит мне, кого Он даст вам в цари»³⁷¹.

1. Существовал тогда некий человек из колена Веняминова, знатного рода и доброго нрава, по имени Кис. У него был сын, юноша необычайной красоты и исполинского роста. При этом он еще более отличался своею отвагою и сообразительностью. Его звали Саулом. Когда у этого Киса однажды заблудилось во время пастьбы несколько хороших ослиц, которыми он особенно дорожил пред всем скотом своим, то он послал искать их своего сына в сопровождении одного слуги. Обойдя в поисках ослиц всю область родного своего колена и придя также в соседние местности, но нигде не найдя животных, Саул решился наконец вернуться домой, чтобы своим отсутствием не возбуждать в отце опасений за себя самого. Когда он достиг города Арамафы и сопровождавший его слуга указал ему на то, что здесь живет пророк, который предсказывает сущую правду, причем дал Саулу совет отправиться к нему и узнать от него об участи пропавших ослиц, то Саул ответил, что у них, однако, нет при себе ничего, чем бы они могли отблагодарить пророка за его предсказание, так как все свои запасы они уже успели израсходовать в пути. На это слуга возразил, что у него есть еще четверть сикла и что ее они отдадут пророку (при этом им было совершенно неизвестно, что пророк обыкновенно не взимает платы за свое предсказание). Решив ввиду всего этого отправиться к пророку, они продолжали путь свой и, встретив у [городских] ворот девушек, шедших за водою, спросили их о местожительстве пророка. Те указали им требуемый дом и советовали поспешить, чтобы застать пророка раньше, чем он сядет за обед, потому что у него как раз собралось большое общество и он скоро займет председательское место среди приглашенных.

Самуил же устроил у себя обед на многочисленное общество по следующей причине: после того как он целый день умолял Господа Бога указать ему того, кого следует избрать в цари, Предвечный объявил ему, что Он сам пошлет ему на следующий день в этот же час одного юношу из колена Веняминова. И вот, ввиду этого, Самуил оставался дома и выжидал наступления означенного времени, а когда оно миновало, он принялся за устройство обеда. И лишь только Самуил увидел Саула, как Господь Бог послал ему откровение, что именно это и есть будущий правитель евреев. Когда Саул предстал перед Самуилом и приветствовал его, то просил его указать дом пророка, извиняясь в своем неведении тем, что он чужестранец. Тогда Самуил ответил, что он сам и есть искомый пророк, и, пригласив Саула принять участие в обеде, сказал, что ослицы, на поиски за которыми он послан, не пропали, а что лично ему, Саулу, будет предоставлено пользование всякими благами. На это Саул возразил: «Однако, владыка, я далек от всякой подобной надежды, тем более, что и колено мое слишком ничтожно, чтобы выделять из своей среды царей, а род мой вдобавок ничтожнее всех прочих родов. Ты, конечно, шутишь и, говоря о вещах, которые слишком возвышенны для меня, поднимаешь меня на смех». Но пророк повел его к себе на обед, поместил Саула вместе со спутником его выше всех приглашенных, которых было семьдесят человек, и повелел слугам подавать Саулу поистине царские блюда. Когда же наступило время отхода ко сну, то гости поднялись со своих мест и разошлись все по домам, Саул же со своим слугою остались ночевать у пророка (Ср. [1Цар 9.1—25](#)).

2. С наступлением утра Самуил разбудил своих гостей и пошел провожать их. Когда они вышли за город, он предложил Саулу послать слугу вперед, а самому остаться несколько позади, так как он имеет нечто сообщить ему без посторонних свидетелей. Тогда Саул отослал своего спутника, а пророк вынул сосуд со священным елеем, полил им голову юноши и, обняв его, сказал: «Знай, что ты рукоположен Господом Богом в цари на страх филистимлян и на защиту евреев. Вот тебе знак, который послужит тебе подтверждением истинности слов моих: когда ты

уйдешь отсюда, то встретишь на пути трех людей, которые отправились поклониться Господу Богу в Вефиль; первый из них, как ты увидишь, будет нести три хлеба, второй — козленка, а третий пойдет за ними с мехом вина. Эти люди будут приветствовать тебя, ласково поговорят с тобой и дадут тебе два хлеба, которые ты прими от них. Когда ты затем отправишься оттуда дальше и придешь к так называемой гробнице Рахили³⁷², то ты там встретишь человека, который обрадует тебя известием, что ослицы [отца твоего] нашлись, а когда отсюда придешь в город Гавафу, то найдешь там собрание пророков и, войдя в толпу их, будешь пророчествовать вместе с ними, так что все, которые это увидят, будут крайне поражены этим и скажут: «Откуда такое счастье сыну Киса?» И вот, когда все это случится с тобою, то знай, что Господь Бог с тобою, пойди затем к отцу своему и родственникам своим и приветствуй их. После этого я пришлю за тобою и ты явишься ко мне в Галгал, чтобы тут принести благодарственную за все это жертву Господу Богу». С этим предвещанием старец отпустил юношу, а с Саулом произошло действительно все то, что предсказал ему Самуил.

3. Когда же Саул прибыл в дом родственника своего Авинара, которого он любил больше всех других родных своих, то на вопрос Авинара о подробностях путешествия и о своих в продолжение его приключениях он не скрыл от него ни своего посещения пророка Самуила, ни того, как последний сообщил ему, что ослицы нашлись. Что же касается миропомазания его на царство и всего, к тому относящегося, то Саул умолчал об этом, с одной стороны, чтобы не вызывать своим рассказом зависти к себе, а с другой — боясь встретить недоверие. Таким образом, хотя они и были близкие друг другу люди и Саул знал, что кровное родство их укрепляется еще личным расположением, он тем не менее считал небезопасным и неблагоприятным сообщить обо всем Авинару, относясь, на мой взгляд, совершенно правильно к человеческой природе, как она того требует, а именно отлично понимая, что нельзя рассчитывать вполне ни на одного близкого друга или родственника, которые, лишь только Господь Бог дарует нам особенное счастье, тотчас становятся недружелюбны и завистливы к нам.

4. Между тем Самуил созвал народ в город Масфафу и обратился к евреям с речью, которую объявил исходящею от самого Господа Бога и содержанием которой было то, что, хотя Предвечный даровал евреям свободу и поверг в рабство врагов их, они все-таки забыли обо всех оказанных Им благодеяниях и отказались от царя своего. Господа Бога, как будто не знают, что для них нет высшего счастья, как быть в подчинении у лучшего из властелинов, самого Господа Бога; что теперь они предпочитают иметь царем своим человека, который будет, сообразно собственному произволу и собственным нередко гнусным страстям, обходиться со своими подчиненными, как с вещью, и безмерно увлекаться сознанием своей власти. Конечно, такой царь не будет заботиться, как то делает Господь Бог, о благе человеческого рода: этот последний ведь не его собственное творение и создание. «Но раз это у вас уже решено и такое презрительное к Предвечному отношение обуяло вас, то станьте все по отдельным коленам и семьям и метайте жребий».

5. Когда евреи последовали этому приглашению, то жребий выпал на колено Веняминово, затем жребий упал на род Матрис и наконец на Саула, сына Киса, как на избранника на царство. Лишь только юноша узнал об этом, как он поспешил скрыться, не желая, по моему мнению, подать виду, будто он охотно принимает бразды правления. И в то время как большинство людей не в состоянии бывают скрыть свою радость даже при сравнительно ничтожных жизненных успехах и стараются навлечь на себя всеобщее внимание, Саул выказал столько сдержанности и самообладания, что не только не выступил вперед, как подобает царю и властелину такого большого и славного народа, но даже бежал от взоров своих будущих подданных и тем доставил последним немало затруднений, заставив разыскивать себя. Так как

евреи совершенно не были в состоянии отыскать его и в их сердца уже вкралось беспокойство насчет этого, то пророк Самуил обратился к Господу Богу с молитвою, прося Его указать местопребывание юноши, чтобы можно было бы показать его народу. Узнав наконец от Предвечного о месте, где скрывается Саул, он послал людей привести его и, когда это было сделано, поставил его посреди народа. Саул оказался такого высокого, истинно царского роста, что возвышался головою над всеми присутствовавшими.

6. Затем пророк обратился к народу со следующими словами: «Этого человека Господь Бог назначил царем над вами. Вы видите, что он действительно лучше всех и перед всеми другими достоин власти». Затем, когда народ громкими возгласами приветствовал вновь избранного царя и пожелал ему благоденствия, Самуил прочитал в присутствии царя то, что он записал относительно будущих судеб народа, и положил эту книгу в скинию завета, для подтверждения истины своих пророчеств для грядущих поколений. Сделав это, Самуил распустил народ по домам, а сам отправился в города Арамафу. С Саулом же, который вернулся в родной свой город Гавафу, отправились туда многие благонамеренные мужи, оказывавшие царю подобающие почести, но еще больше гнусных людей, которые относились к нему с презрением, насмехались над остальными и не приносили (ему даров, отказывая ему как на деле, так и на словах в подобающем ему почете (Ср. [1Цар 9.1—26](#); [1Цар 10.1—27](#)).

1. Спустя месяц после этого Саул снискал себе всеобщее уважение путем войны с амманитским царем Наасом, который с огромным и отлично вооруженным войском двинулся на живших по ту сторону Иордана иудеев, причинил им массу зла и разрушил и покорил их города, причем не удовольствовался этими насилиями и жестокостями, но сумел коварною хитростью лишить этих евреев и в будущем возможности стряхнуть с себя его иго; дело в том, что он велел выкалывать правый глаз всем тем, которые сдавались ему на слово или которые попадали к нему в качестве военнопленных. Делал он это для того, чтобы лишить этих людей раз навсегда способности к военной службе, потому что левый глаз оставался у них в бою прикрытым щитом. Поступив таким образом с жившими по ту сторону Иордана евреями, царь амманитский пошел походом также против галаадцев. Расположившись станом вблизи главного города последних, Иависа³⁷³, он послал к ним послов с требованием немедленно сдаться ему на условии, в силу которого у каждого из них должен быть выколот правый глаз, и под угрозой, что в противном случае они подвергнутся осаде, а города их полнейшему разрушению; итак, им предоставляется выбор, желают ли они потерпеть ничтожное увечье или же совершенно погибнуть. В страшном смятении галаадцы не решались дать окончательный ответ, не зная, сдаться ли им или воевать с врагами, и просили о предоставлении им семидневного срока для того, чтобы они могли послать к своим единоплеменникам с просьбою о помощи: если последняя будет им оказана, говорили они, они готовы вступить в борьбу, если же они получат отказ, то сдадутся ему на требуемых им условиях.

2. Наас, не придавший большого значения силам галаадцев и их ответу, предоставил им просимую отсрочку и разрешил им обратиться за помощью к союзникам. Ввиду этого галаадцы отправили посольства во все города израильтян с извещением об условиях Нааса и о том затруднительном положении, в котором они очутились. Евреев это известие о стесненном состоянии жителей Иависа повергло в печаль и слезы, но страх пред врагами лишал их возможности, помимо этого, что-нибудь сделать в пользу своих соотечественников. Когда послы прибыли в город царя Саула и рассказали об опасности, угрожающей жителям Иависа, то и здесь население почувствовало такое же сострадание к печальному положению своих сородичей. И вот Саул, возвращаясь в город со своих полевых работ, нашел среди населения стон и вопль и, спросив о причине этой печали и такого смятения, узнал от послов все подробности. Тогда дух Божий обуял его, и он отпустил послов восвояси, обещав прийти к ним на помощь на третий день и разбить врагов еще до восхода солнца, для того чтобы дневное светило озарило их уже победителями и освобожденными от всяких страхов. Вместе с тем он оставил у себя нескольких послов для того, чтобы они могли ему послужить в качестве проводников в пути.

3. Желая побудить своих подданных к войне с амманитянами и хотя бы страхом наказания заставить их собраться поскорее в поход, Саул велел перерезать у своих быков жилы и послал их по всей стране с угрозой, что он сделает то же самое со всем скотом тех ослушников, которые вздумали бы не явиться к Иордану на следующий день вооруженными и не последовать за ним и пророком Самуилом туда, куда последние поведут их. Когда из страха пред угрожающим наказанием народ стал действительно во множестве стекаться [к Иордану] в назначенное время, то Саул сделал в городе Вале³⁷⁴ подсчет вооруженным силам, и оказалось, что, помимо колена Иудова, выставившего семьдесят тысяч воинов, численность его войска доходила до семисот тысяч человек. С этими силами Саул переправился через Иордан, успел в продолжение всей ночи пройти расстояние в десять схойнов³⁷⁵ и еще до восхода солнца достиг

цели своего похода. Разделив затем войска свои на три части, он со всех сторон неожиданно ударил на врагов и в ожесточенном бою перебил множество их и в том числе также амманитского царя Нааса.

Этот славный подвиг Саула стал скоро известен всем евреям и немало способствовал распространению его славы, как человека удивительной храбрости. Даже те немногие, которые раньше относились к нему с недоброжелательством, теперь изменили свое о нем мнение, стали уважать его и считать самым выдающимся среди всех евреев. Однако Саул не удовлетворился только тем, что спас жителей Иависа от угрожавшей им опасности; он напал также на страну амманитян, совершенно опустошил ее и затем уже, захватив богатую добычу, увенчанный славой возвратился домой. Народ ликовал от радости по поводу успехов Саула, а также от восторга, что избрал себе такого царя. В то же время по адресу людей, раньше относившихся презрительно к Саулу и уверявших, что его избрание не поведет к добру, стали теперь раздаваться крики: «Где такие господа? Пусть они ныне поплатятся за свои слова!» — и многое подобное, что чернь обыкновенно говорит, когда удача вызовет в ней особенно сильное самомнение и возбудит ее ярость против тех, кто раньше решался презрительно отзываться о ее вожде.

Хотя Саул и отнесся благосклонно к выражению народного восторга, столь явно свидетельствовавшего о его личной популярности, однако он в тот же день дал клятвенное обещание не лишать жизни никого из своих единоплеменников, так как, по его мнению, было бы неуместным запятнать кровью и насильственным избиением соплеменников Господом Богом дарованную победу, тогда как веселое празднество в кругу лиц, которых соединяло бы дружеское между собою чувство, казалось ему гораздо более подходящим.

4. Ввиду того что Самуил требовал вторичного избрания Саула на царство путем всеобщего голосования, весь народ собрался еще раз в город Галгал, куда именно евреям велел направиться Самуил. Тут на глазах народной толпы пророк вновь помазал Саула священным елеем и вторично провозгласил его царем. Таким только образом страна евреев окончательно приняла монархическое устройство, потому что при Моисее и ученике его Иисусе, который был [лишь] предводителем войска, правление находилось в руках нескольких представителей знати, а после смерти Моисея и Иисуса, в продолжение восемнадцати лет, народ совершенно не имел правителей. После этого евреи вернулись к прежнему своему образу правления, предоставляя право судить народ тому, кто, по общему отзыву, оказывался наиболее храбрым и мужественным на войне. В силу этого и весь тот период получил название «времен судей».

5. Затем пророк Самуил созвал евреев в народное собрание и обратился к ним со следующей речью: «Заклиная вас всемогущим Богом, пославшим вам столь благородных братьев, Моисея и Аарона, которые вырвали предков наших из-под власти египтян и их ига, прошу сказать мне без робости, без потворства, без страха и без всякого лицепрятия, совершил ли я по отношению к вам что-нибудь недостойное или какую-нибудь несправедливость ради выгоды своей или корысти или в угоду другому. Если вы сможете доказать, что я присвоил себе какую-нибудь чужую собственность, либо теленка, либо овцу, которых можно употребить в пищу и безвозбранно принять их в подарок, или огорчил кого-нибудь, отняв себе на пользование принадлежавший ему вьючный скот, то заклинаю вас высказать это здесь в присутствии царя вашего прямо и открыто». В ответ на это народ заволновался и громко удостоверил, что ничего такого Самуил никогда не делал, но, напротив, всегда свято охранял права народа, во главе которого стоял.

6. После того как Самуил удостоился получить от лица всех собравшихся столь лестное удостоверение своей честности, он следующим образом продолжал свою речь: «Так как очевидно, что вы отныне уже более не в состоянии обвинить меня в каких-нибудь

неблаговидных поступках, то выслушайте теперь спокойно мое откровенное вам заявление: вы избранием себе царя совершили большой грех относительно Господа Бога. Вам не следует забывать, что прародитель наш Иаков явился вследствие наступившего в его стране голода только с семьюдесятью членами семьи своей в Египет. И когда здесь потомство его достигло количества многих десятков тысяч человек, которых затем египтяне ввергли в тяжелое и позорное рабство, то Господь Бог, вняв мольбам ваших предков, дал народу, помимо всякого царя, возможность избавиться от этого ига и послал евреям братьев Моисея и Аарона, которые и привели вас в ныне занимаемую вами страну. И несмотря на все эти благодеяния Предвечного, вы теперь все-таки отвращаетесь от поклонения Ему и от истинного благочестия! И несмотря на это, ведь Он избавил Вас от власти врагов ваших, так как именно Он первый помог вам стряхнуть с себя владычество ассирийцев и совладать с их могуществом, а затем даровал вам ряд побед над амманитянами, моавитянами и, наконец, филистимлянами. И все это совершили вы не под предводительством царя, но благодаря своим военачальникам Иефее и Гедеону. Что же за безрассудное желание обуяло вас, когда вы захотели избавиться от власти Господа Бога и подчиниться власти царя? Между тем мне пришлось указать вам на того, кого Предвечный Сам назначил вам в цари. Но для того, чтобы наглядно доказать вам все недовольство и весь гнев Предвечного на ваше избрание, я постараюсь сделать так, что сам Господь Бог покажет вам это наиболее наглядным образом. Ввиду этого я упрошу Предвечного наслать на вас теперь, среди самой середины лета, такую непогоду, какой до сих пор никто из вас никогда еще и не видывал».

Лишь только Самуил закончил эту свою речь к народу, как Господь Бог уже подтвердил всю истину, заключающуюся в словах пророка: загремел сильный гром, сверкнули молнии и пошел страшный град. Всех обуял страх и ужас, народ в смятении своем признал себя виновным, хотя и бессознательно согрешившим, и стал умолять пророка, как доброго и снисходительного отца, вымолить им прощение у всемилосердного Бога за то великое прегрешение, которое они дерзнули присовокупить к большому числу прочих своих проступков и беззаконий. На это Самуил обещал евреям вымолить для них у Господа Бога помилование и прощение, но вместе с тем увещевал их, если они вообще дорожат своим собственным при наличии царя благополучием и спасением, быть всегда справедливыми и добродетельными, вечно помнить, что нарушение этих условий повлечет за собою ряд бедствий для них, и не забывать о проявлениях могущества Господа Бога и о законодательстве Моисеевом. Если они упустят это из виду, то, говорил он, их вместе с царем постигнет от Господа Бога тяжкое несчастье. Предсказав это евреям, Самуил отпустил их домой, вторично подтвердив избрание на царство Саула (Ср. [1Цар 11.1](#) — [1Цар 12.1](#)).

1. Затем Саул выбрал из народа около трех тысяч человек, из которых две тысячи назначил своими телохранителями в резиденции своей, Вифиле, а сыну своему Ионафу предоставил в виде почетной стражи остальных, с которыми и отправил его в город Гаву. Сам же он затем занялся осадой одной крепости филистимлян, находившейся недалеко от Галгала.

Дело в том, что жившие вблизи Гавы филистимляне покорили себе окрестных иудеев, отняли у них все оружие, заняли своими гарнизонами их наиболее укрепленные пункты и запретили им раз навсегда всякое железоделательное производство. Ввиду такого ограничения еврейские земледельцы, нуждаясь в каких-либо сельскохозяйственных орудиях, как, например, плугах, заступах и т.п. необходимых в земледельческом обиходе предметах, должны были каждый раз отправляться к филистимлянам и там заказывать себе все нужное.

Когда филистимляне узнали о взятии крепости, то они страшно рассердились и в гневе на эту обиду двинулись с тремястами тысячами пехоты, тридцатью тысячами боевых колесниц и шестью тысячами конницы походом на иудеев. Лагерем расположились они вблизи города Махмы³⁷⁶. Когда же весть об этом нашествии достигла еврейского царя Саула, он отправился в город Галгал, разослал по всей стране посланцев и стал сзывать народ на бой за свою свободу против филистимлян, умаляя при этом действительные силы последних и уверяя, что они ничтожны и потому не могут внушить никому никакого опасения. Между тем, узнав о численности войска филистимлян, приверженцы Саула совершенно пали духом;- одни из них стали прятаться в пещерах и подземных ямах, большинство же бежало на ту сторону Иордана в область, которую занимали колена Гадово и Рувилово.

2. Тогда Саул послал за пророком [Самуилом] и пригласил его к себе для обсуждения дальнейшего образа действий и вообще положения дел. Самуил ответил, что придет, а пока велел заготовить все нужное для жертвоприношений, обещая прибыть к Саулу по истечении шестидневного срока, чтобы на седьмой день приступить к жертвоприношениям, а затем уже начать бой с врагами. Саул стал ждать пророка так, как тот ему велел, но при этом не вполне точно исполнил предписания Самуила: видя, что последний медлит со своим прибытием и что тем временем войско у него разбегается, Саул сам приступил к жертвоприношению. Когда же ему возвестили о приезде Самуила, Саул вышел к нему навстречу; тут ему пришлось выслушать со стороны старца упрек в ослушании, что он не дождался его прибытия, но незаконно и самовольно совершил жертвоприношение, право на которое, равно как на молитвы за народ, по точному желанию Господа Бога, принадлежит ему, Самуилу. Когда же Саул стал оправдываться, ссылаясь на то, что он прождал условленное число дней и что затем необходимость заставила его приступить к жертвоприношению, потому что его собственное войско обуял страх и оно стало самовольно расходиться, тогда как силы врагов в то же самое время покинули Махму и, по дошедшим к нему слухам, двинулись на Галгал, Самуил перебил его словами: «А все-таки, если бы ты был добросовестен, ты не ослушался бы меня, исполнил бы приказание, данное мною тебе от имени Господа Бога, и не поторопился бы совершенно неуместно, то как тебе самому, так и твоим будущим потомкам пришлось бы удерживать в руках своих царскую власть дольше, чем это будет теперь». Затем Самуил, недовольный всем случившимся, вернулся назад к себе домой, Саул же в сопровождении сына своего Ионафа только с шестьюстами воинами, из которых у большинства не было даже и оружия, потому что в этой местности, благодаря вышеупомянутому запрещению филистимлян, не имелось вовсе железа, да и совершенно не было оружейников, направился к городу Гаваону. Между тем филистимляне разделили войска свои на три части и двинулись по трем направлениям по

стране еврейской, все предавая на пути своем разрушению, причем царю еврейскому Саулу и сыну его Ионафу, вследствие невозможности оградить с горстью из шестисот воинов страну, пришлось быть беспомощными свидетелями этого опустошения. Заняв со своим сыном и с первосвященником Ахией, потомком первосвященника Илия, возвышенный холм, Саул поневоле должен был с глубокою скорбью взирать на всеобщее опустошение, не имея возможности помочь беде. Между тем сын Саула решился вместе со своим оруженосцем тайно пробраться в лагерь врагов и произвести там переполох и смятение. Так как оруженосец, ввиду беззаветной храбрости юноши, обещал ему охотно пойти за ним, куда бы он его ни повел и хотя бы это им стоило даже жизни, Ионаф спустился с холма и отправился к врагам.

Лагерь последних был расположен на крутом утесе, с трех сторон почти совершенно отвесном, и кругом его венком тянулись, наподобие искусственных укреплений, большие скалы, служившие ему достаточною защитою против всякого рода нападений. Ввиду последнего обстоятельства, именно природной укрепленности и безопасности этого места, филистимляне, считая его совершенно неприступным, не обращали большого внимания на охрану его. Когда Ионаф со своим товарищем приблизились к вражескому стану, то первый стал ободрять своего оруженосца словами: «Итак, мы пойдем на врагов; если при этом они, увидя нас, пригласят нас к себе, то усмотри в этом признак нашей победы над ними; если же они не станут зазывать нас к себе, то нам придется воротиться назад». И вот, когда на рассвете следующего дня Ионаф со своим спутником приблизились к лагерю врагов, то филистимляне, увидев их, стали указывать друг другу, что вот и евреи выползли из своих нор и пещер, и обратились к Ионафу и его оруженосцу с приглашением: «Придите сюда к нам, чтобы мы могли вас хорошенько наказать за вашу смелость». Видя в этих словах предзнаменование победы, сын Саула очень обрадовался, немедленно удалился с того места, где он был замечен врагами, и пробрался тайком к одной скале, которая по крутизне своей не была охраняема стражею. Взобравшись на этот представлявший необычайные трудности утес и достигнув таким образом вражеского стана, юноши напали на филистимлян, еще не успевших хорошенько проснуться, и перерезали их до двадцати человек. На остальных же они нагнали своим внезапным появлением такой ужас, что некоторые побросали свое оружие и обратились в бегство, большинство же, не узнавая друг друга вследствие принадлежности своей к разным племенам и видя в товарищах неприятелей (тем более, что им не могла прийти в голову мысль, что на них напало только двое евреев), взялось за оружие и стало рубить своих же. Таким образом многие были убиты, другие же, обратившись в бегство, попадали с кручи утеса и убились до смерти.

3. Между тем соглядатаи Саула объявили царю, что в лагере филистимлян заметно необычайное смятение. Тогда Саул спросил, не ушел ли кто-нибудь из его людей. Узнав об уходе собственного сына своего в сопровождении оруженосца, он приказал первосвященнику облечься в священническую одежду и совершить гадание об исходе этого предприятия. Когда же последовал ответ, гласивший о победе над врагами, то Саул немедленно выступил против филистимлян и напал на них во время всеобщей сумятицы и взаимной резни. Услыша о том, что победа склоняется в сторону Саула, к последнему стали опять стекаться те евреи, которые перед тем искали спасения в бегстве, в подземельях и пещерах. Когда у него таким образом составилось уже десятитысячное войско, Саул бросился с ним в погоню за врагами, которые между тем успели рассеяться по всей стране. В то же самое время, под влиянием ли необычайной радости по поводу неожиданной победы, как это часто случается, что люди при больших удачах теряют рассудок, или по несообразительности, но Саул впал в страшную, имевшую роковые последствия ошибку, а именно: желая отомстить филистимлянам и примерно наказать их, он призвал проклятие на главу каждого еврея, который бы вздумал поесть чего-нибудь раньше наступления ночи, когда само собою прекращается погоня и резня врагов; таким

образом он хотел предупредить возможность слишком раннего прекращения резни. Не успел Саул произнести это проклятие, как евреи попали в дремучий, принадлежавший колену Ефремову лес, в котором водилось множество пчел, и сын Саула, не слыхавший проклятия отца и ничего не знавший о том, что народ согласился с последним, достал себе из улья меду и стал его есть. Узнав тем временем о сопровождавшемся страшным проклятием запрещении отца своего принимать до заката солнца какую бы то ни было пищу, Ионаф, правда, бросил свой мед, но и не мог удержаться от замечания, что запрещение отца совершенно неосновательно, потому что, по его личному мнению, евреи стали бы с большей энергией и рвением преследовать врагов и захватили бы и перебили бы их гораздо большее количество, если бы они подкрепили свои силы пищею.

4. Когда евреи таким образом перебили много десятков тысяч филистимлян, они вечером принялись за разграбление вражеского лагеря, нашли там богатую добычу и множество скота. Последний они перерезали и принялись его есть, не выпустив предварительно крови. Царю было тотчас же донесено его чиновниками, что народ грешит против божественных предписаний, зарезав и употребляя в пищу убоину, из которой не выпущена в достаточной мере кровь и которая таким образом является ритуально нечистой³⁷⁷. Тогда Саул велел немедленно притащить в самую середину стана огромный камень и приказал народу на этом камне убивать скот установленным в ритуале образом, причем было запрещено употреблять в пищу мясо вместе с кровью, так как это не угодно Господу Богу. Когда затем все поступили согласно повелению царя, то Саул воздвиг на том месте алтарь и принес на нем Предвечному жертву всесожжения. Это был первый построенный им жертвенник.

5. Имея в виду еще до рассвета повести войско свое на место новой стоянки врагов, чтобы разграбить и ее, и видя, что воины его готовы следовать за ним и обнаруживают полную готовность исполнять все его приказания, царь призвал к себе первосвященника Ахитува³⁷⁸, приказал ему узнать (путем гадания), разрешил ли Господь Бог евреям напасть на лагерь врагов и перерезать всех, кто им там попадет. Когда же первосвященник возразил, что от Предвечного не получается определенного ответа, то Саул сказал: «Видно, не без основания отказывает нам в ответе Господь Бог, который раньше Сам, даже без специального к Нему обращения, сообщал нам о своей воле. Следовательно, причиной такого Его молчания является, без сомнения, какой-нибудь еще не обнаруженный проступок с нашей стороны. Поэтому я сим клянусь убить виновного, хотя бы это прегрешение совершил даже собственный сын мой Ионаф, которого да постигнет такое же наказание, какое постигло бы всякого чужого и постороннего мне человека».

Так как народ громкими криками выразил Саулу свое сочувствие, то он немедленно собрал всех в одно место, сам отошел со своим сыном в сторону и стал метать жребий,- чтобы таким образом изобличить виновного. Когда же жребий пал на Ионафа, то отец спросил его, что такое совершил он, в каком неправильном или безбожном поступке чувствует он себя виновным. На это юноша отвечал: «Отец мой! Я не совершал ничего недозволенного, разве то, что, совершенно не зная о твоей клятве и твоём проклятии, отведал меду во время погони за врагами». Несмотря на это, Саул все-таки предпочел исполнение обета дорогим узам родства и природы и тут же дал слово убить Ионафа. Последний, однако, не утратился предстоящей ему казни, но вошел в толпу народа и, полный благородства и мужества, воскликнул:

«Отец! Я не стану умолять тебя пощадить мою жизнь, потому что сладка для меня смерть, являющаяся последствием твоего благочестия и постигающая меня при одержании столь славной победы. Для меня является величайшим утешением то, что я покидаю евреев победителями филистимлян». При этих словах юноши весь народ обуяла скорбь и жалость, и евреи тут же поклялись, что не допустят казни виновника этой победы, Ионафа. Таким образом

войско избавило отца от приведения в исполнение его страшной клятвы и стало молиться Господу Богу за юношу, прося Предвечного простить ему его невольное прегрешение.

6. После этого Саул, успев истребить приблизительно шестьдесят тысяч врагов, вернулся в свою резиденцию. Тут он правил счастливо, подчинив себе путем войны все окрестные народы, а именно амманитян, моавитян, филистимлян, идумеян, амалекитян и царя Собы³⁷⁹. У Саула было трое сыновей: Ионаф, Иосус и Мелхис — и Дочери Мерова и Михала. Военачальником у него был его двоюродный брат Авинар, сын Нера, Нер же и отец Саула, Кис, были родными братьями, сыновьями Авиила. В распоряжении Саула находилось также множество боевых колесниц и конницы. С кем ему приходилось воевать, того он побеждал и затем отпускал на свободу. Евреям он помог достигнуть полного благополучия и счастья, сделав их могущественнее всех прочих народов. Всех юношей, отличавшихся статным ростом и красивым телосложением, он зачислял в состав своей личной почетной стражи (Ср. [1Цар 13.1:1Цар 14.1](#)).

1. Явившись к Саулу, Самуил объявил последнему, что он послан к нему Господом Богом, чтобы напомнить ему, что, хотя Предвечный и избрал его царем над всеми евреями, он именно в силу такого избрания должен повиноваться Господу Богу и не отказывать последнему в послушании: хотя сам он и правит народами, но верховная власть над ним самим и над всем существующим все-таки находится в руках Божьих. При этом Самуил сообщил также о том, что повелел ему сказать Господь Бог, а именно: «Так как амалекитяне причинили много зла евреям во время их странствований по пустыне, когда они, выйдя из Египта, направлялись в ныне им принадлежащую страну, то Я повелеваю Саулу отомстить амалекитянам, объявить им войну и, одержав над ними победу, не щадить никого из них, но перерезать всех, какого бы возраста они ни были, начиная с женщин и кончая грудными младенцами. Таким образом враги получат должное возмездие за все гнусности, совершенные ими над вашими предками. При этом запрещаю вам щадить также крупный и мелкий скот их, не оставлять его в свое собственное пользование, но повелеваю посвятить все Мне, Господу Богу вашему, дабы, сообразно желанию, высказанному еще Моисеем, было истреблено даже самое имя амалекитян».

2. Саул обещал исполнить повеление Божие и счел нужным выказать свое повиновение Предвечному не только самим фактом похода на амалекитян, но главным образом тою готовностью и поспешностью, с которыми он принял за сборы к этому походу. Он быстро собрал все свои вооруженные силы и, подвергнув их в Галгале исчислению, нашел, что они достигают количества четырехсот тысяч человек, не считая представителей колена Иудова, которое одно выставило тридцать тысяч воинов. Ворвавшись с этими войсками в область амалекитян, Саул поместил множество отдельных отрядов по ложбинам около одной реки в засаде, так что таким образом ему представилась возможность не только нанести урон врагам в открытом бою, но и неожиданно напасть на них во время переходов, окружить их и затем подвергнуть беспощадной резне. И действительно, уже в первой битве ему удалось побить врагов, уничтожить множество их и броситься в погоню за обратившимися в бегство. И так как, сообразно предвещанию Господа Бога, дело пошло у Саула с самого начала столь удачно, то он набросился на города амалекитян, взял одни из них с помощью осадных орудий, другие путем подкопов или насыпей в уровень со стенами, третьи путем голода и жажды, явившихся последствием прекращения подвоза съестных припасов или отрезанности от воды, прочие, наконец, иными насильственными способами. При этом он беспощадно избивал женщин и детей, не считая этого ни жестокостью, ни бесчеловечным, во-первых, потому, что имел дело с врагами, а, во-вторых, также оттого, что основывался при этом на повелении Господа Бога, не повиноваться Которому он все-таки считал опасным.

Однажды ему попался в руки даже сам царь неприятельский, Агаг. Пораженный красотой и статным ростом последнего, Саул решил не убивать его. Тут уже он поступил наперекор ясно выраженной воле Предвечного, поддавшись собственной слабости и нехоти дав обуять себя чувству жалости, которое могло сказаться для него самого в высшей степени роковым: Господь Бог настолько был возбужден против народа амалекитского, что запретил щадить даже детей, к которым вообще всякий бывает более сострадателен, Саул же теперь спас от смерти самого царя и виновника всех постигших евреев бедствий, предпочтя красоту своего врага исполнению повеления Господа Бога. А вместе с царем в грех впал и народ, который щадил крупный и мелкий скот и оставлял его себе, несмотря на запрещение Предвечного делать это; равным образом войско похищало и присваивало себе также остальные вещи и деньги, уничтожая только то, чего не стоило оставлять за собою.

3. Таким образом Саул победил все народы, жившие от Пелузия³⁸⁰ в Египте до Черного моря, и опустошил их владения; пощадил он лишь население сикимитское³⁸¹, жившее в центре страны Маданской. Раньше, чем пойти на них войною, он отправил к ним посольство с предложением добровольно удалиться из страны, чтобы не подвергнуться печальной участи, ожидающей амалекитян. При этом Саул видел достаточную причину для оказания им пощады в их родственных отношениях с Рагуилом, тестем Моисея.

4. Победив врагов своих и как будто в точности и свято исполнив все предписания, данные ему пророком Самуилом перед началом войны с амалекитянами, Саул вернулся домой в глубокой радости по поводу постигшей его удачи. Между тем Господь Бог был недоволен тем, что царю амалекитскому была оказана пощада и что народ присвоил себе скот врагов, так как во всем этом было нарушение Его повелений. Он считал гнусною дерзостью одерживать победы над врагами, пользуясь поддержкою Его, Предвечного, и вместе с тем оставлять без внимания Его требования и оказывать Ему такое слушание, которого не посмеешь выказать даже по отношению к обыкновенному царю. Ввиду этого Он заявил пророку Самуилу о том, что уже жалеет об избрании Саула царем, так как сей последний не только не думает повиноваться Его предписаниям, но и во всем поступает согласно личному своему усмотрению. Услышав это, Самуил глубоко огорчился и в продолжение целой ночи пытался вымолить у Господа Бога для Саула прощение и не гневаться на него. Но Господь Бог не внял мольбам пророка Самуила за Саула, считая несправедливым потворствовать греху только ввиду заступничества за грешника, потому что ничто так не развивает греховности, как мягкое отношение к провинившимся: ища какого-то удовлетворения в снисходительности и мягкости к лицу провинившемуся, сам не замечаешь, как тем самым лишь вызываешь новые прегрешения. Итак, ввиду того что Господь Бог отказал пророку в исполнении его просьбы и было очевидно, что Предвечный не изменит своего решения, Самуил на рассвете отправился к Саулу в Галгал. Увидев старца, царь выбежал ему навстречу и, приветствовав его, сказал: «Я возношу благодарность Господу Богу, даровавшему мне победу». При этом он присовокупил, что исполнил все, приказанное Господом Богом. Но Самуил перебил его словами: «Почему мне слышится речь и блянье всякого скота в лагере?» Саул ответил, что народ оставил у себя этот скот для жертвоприношений, и присовокупил, что, сообразно повелению, весь род амалекитян подвергся избиению, так что от него не осталось и следа, а что пощажены только один царь амалекитский, которого он держит еще при себе, желая посоветоваться с Самуилом, как следует поступить с ним. На это пророк возразил, что Господь не удовлетворяется жертвоприношениями, но требует добродетели и справедливости; добродетельными же и справедливыми людьми являются лишь те, которые повинуются желаниям и повелениям Предвечного и признают лишь тогда свою деятельность правильною, если она согласуется с предписаниями Господними: презрительное отношение к Господу Богу не выражается в непринесении жертв, но в неповиновении Ему. «От тех людей, которые не повинуются Ему и не отправляют этой единственной Ему угодной и уместной службы. Предвечный неблагоприятно принимает жертвоприношения, хотя бы такие люди предлагали Ему и обильные и богатые жертвы и представляли в Его распоряжение самые изысканные золотые или серебряные жертвенные дары; напротив, Господь питает даже отвращение к такого рода приношениям, считая таковые признаком людской гнусности, а отнюдь не благочестия. К тем же людям, которые свято хранят в своей памяти все речи и повеления Его и предпочитают смерть нарушению этих постановлений, только единственно к таким людям благоволит Предвечный, не требуя от них даже и жертвоприношений; и если такие люди и жертвуют какие-нибудь, хотя бы очень скромные приношения, Он считает такое к Себе почтение бедняков гораздо более приятным, нежели блестящие жертвоприношения отъявленных богачей. Знай, что именно ты навлек на себя гнев Божий, потому что пренебрег

повелениями Предвечного и не дал себе труда исполнить их. И как же ты можешь рассчитывать на то, что Господь Бог благосклонно примет твою жертву, когда она принесется из того, что Предвечный предназначил к уничтожению? Или ты, может быть, считаешь, что принести что-либо в жертву Господу Богу равносильно уничтожению этой вещи? Поэтому готовься лишиться царства и власти, данных тебе Господом Богом, за то, что ты безумно обратил эту же данную тебе власть против самого Предвечного». Тогда Саул признался в неблагоприятном своем поступке и, не отрицая всей греховности его, согласился, что преступил повеления пророка, хотя и поступил так из страха пред своими воинами, которых не посмел удержать от насильственного присвоения добычи. «Прости меня и будь милостив ко мне!» — сказал он, обещая при этом на будущее время избегать греха. Вместе с тем он стал умолять пророка принести за него примирительные жертвы Господу Богу. Самуил же, зная, что Предвечный не изменит своего решения, собрался в обратный путь. Тогда Саул, желая удержать Самуила, схватился за плащ его, и при этом насильственным задержании Самуила плащ последнего разорвался. На это пророк сказал, что точно таким же образом будет отторгнута у Саула царская власть, которая затем перейдет к человеку достойному и праведному, потому что Господь Бог непреклонен в своих решениях и что не в Его природе, подобно человеку, изменять свои решения и постановления. Тогда Саул еще раз выразил свое раскаяние по поводу совершенного им богопротивного поступка и сказал, что не в состоянии изменить совершившегося факта. Вместе с тем он стал просить пророка не позорить его, а пред лицом всего народа вместе с ним помолиться Господу Богу. Самуил склонился на его просьбу и вместе с ним совершил богослужение. Затем к нему был приведен и амалекитский царь Агаг, и хотя тот выразил ему глубокую свою скорбь по поводу ожидавшей его смерти, Самуил сказал: «Подобно тому как ты заставил множество еврейских матерей проливать слезы и печалиться над смертью детей их, так пусть и казнь твоя вызовет скорбь в груди твоей собственной матери». После этого он велел немедленно казнить его в Галгале, а сам возвратился в город Арамафу³⁸².

1. Между тем Саул, поняв, что он своими преступлениями стал во враждебные к Господу Богу отношения, возвратился в резиденцию свою Гаву (это слово в переводе означает «холм») и с тех пор уже более не показывался на глаза пророку. Так как Самуил тем временем очень печалился о Сауле, то Господь Бог велел ему оставить о нем заботу, захватить священного елея и, отправившись в город Вифлеем к Иессею, сыну Овида, помазать в качестве будущего царя того из сыновей Иессея, которого Он ему укажет. Но Самуил заявил, что боится сделать это, так как Саул сможет узнать обо всем и умертвить его либо исподтишка, либо совершенно открыто. Когда же Предвечный уверил старца в Своей поддержке и в полной безопасности, тот отправился в путь и прибыл в названный город. Все население последнего с восторгом приветствовало его и стало расспрашивать о причине его прибытия, на что Самуил отвечал, что прибыл, чтобы принести жертву Господу Богу. По совершении затем, действительно, жертвоприношения, пророк пригласил к участию в жертвенной трапезе Иессея с его сыновьями, и когда он увидел его старшего сына, юношу статного роста и красивой наружности, он счел его по этим признакам будущим царем. Однако в этом он ошибся, не предугадав решения Предвечного, потому что, спросив Господа Бога, не следует ли ему помазать юношу, который в нем самом вызвал удивление своею внешностью и которого он поэтому счел достойным царской власти, пророк получил в ответе, что суждения Господа Бога не сходятся с воззрениями людскими. «Ты, конечно,- сказал Предвечный,- зриаешь лишь на телесную красоту юноши и только на основании ее считаешь его достойным царствовать, тогда как Я предоставлю царскую власть не в награду за физическую красоту, а за достоинства духовные, выискивая того, кто бы был совершенством в этом отношении и отличался бы благочестием, любовью к справедливости, мужеством, повиновением, что все вместе составляет душевную красоту». Ввиду таких слов Предвечного, Самуил приказал Иессею показать ему всех своих сыновей, на что тот позвал и прочих, из которых старший назывался Елиавом, второй — Аминадавом, третий — Самалом, четвертый — Нафанаилом, пятый — Раилом, а шестой — Асамом. Взглянув на них и увидев, что никто из них по красоте своей не уступает старшему, Самуил спросил Господа Бога, кого из них выбрать в цари. Когда же был получен ответ, что ни один из них недостоин царствовать, то старец спросил Иессея, нет ли у него еще каких-нибудь других сыновей. Тот ответил, что есть еще один, Давид, служащий у него в пастухах и смотрящий за мелким скотом. Самуил велел немедленно позвать и его, так как, по его словам, без него нельзя приступить к трапезе. Когда же явился Давид, за которым послал отец, и перед старцем предстал красивый юноша с русыми волосами, загорелым лицом и живыми глазами, то Самуил подумал про себя:

«Это именно и есть избранник Божий». Затем он сам сел за стол, усадил рядом с собою юношу Давида, а дальше поместил Иессея с остальными его сыновьями. Потом он на глазах Давида вынул сосуд с елеем и, помазав его, шепнул ему тихо, что Господь Бог избирает его на царство³⁸³. При этом он наставлял его бить всегда справедливым и покорно исполнять повеления Предвечного, ибо только под этим условием царская власть останется долгое время в руках его, дом его будет славным и знаменитым, он победит также филистимлян, равно как и другие народы, с которыми вступит в борьбу, стяжает себе прочную славу своими военными подвигами не только при жизни, но и передаст эту славу своим потомкам.

2. После таких наставлений Самуил вернулся домой, Давида же обуял дух Божий, покинувший тем временем Саула, и он начал, с этим переходом на него духа Господнего, предвещать будущее. Саул с этих пор почувствовал себя одержимым какою-то странною

болезнью, выражавшеюся у него в ощущении, будто его душат злые демоны. Против этого врачи не были в состоянии придумать какое-нибудь средство, кроме того, что следовало найти человека, который бы был отличным певцом и виртуозом на арфе и мог бы всякий раз, как злые духи обуяют и начнут мучить царя, стать у изголовья больного и начать свою игру и пение. Саул принял этот совет к сведению и тотчас же велел отыскать подходящего человека. Когда же один из царских приближенных заявил, что он знает в городе Вифлееме сына Иессея, еще совсем молодого мальчика, благонравного и красивого, который, помимо всяких других преимуществ, отличается умением играть на арфе и складывать песни, да и вдобавок является еще и отличным воином, Саул отправил к Иессею послов с требованием отпустить к нему сына его, пастуха Давида, так как он столь много слышал о красоте и мужестве юноши, что теперь захотел увидеть его лично. Иессей отправил сына с почетными подарками к Саулу. Увидев его, Саул сразу почувствовал к нему расположение и, сделав его своим оруженосцем, стал оказывать ему всякие почести, так как юноша очень нравился ему. При этом всякий раз, как злые духи приводили царя в смятение, Давид являлся единственным врачом этого недуга: он пел царю свои песни, играл на арфе и тем приводил Саула в себя. Ввиду этого последний отправил к отцу юноши, Иессею, послов с просьбою совершенно предоставить в его распоряжение Давида, потому что один вид и присутствие последнего уже доставляют ему облегчение. Иессей не считал возможным отказать Саулу в просьбе и согласился предоставить ему Давида³⁸⁴.

1. Некоторое время спустя филистимляне вновь окрепли, собрали большое войско для войны с израильтянами и, заняв местность между Сохо и Азикою ³⁸⁵, расположились там лагерем. Саул вывел против них войска свои и, раскинув свой стан на одной горе, тем самым принудил и филистимлян покинуть место своей первоначальной стоянки и расположиться лагерем на горе, лежавшей против той, которая была занята Саулом. Таким образом оба стана разделялись лишь ложбиною между двумя горами. И вот однажды из лагеря филистимлян вышел исполинского роста человек, по имени Голиаф, из города Гитты. Ростом он был четырех аршин с половиною и вооружение его вполне соответствовало его исполинским размерам; так, например, на нем был панцирь весом в пять тысяч сиклов; шлем и медные поножи его также соответствовали размерам такого огромного человека; копье его не представляло собой легкой игрушки в правой руке, но по тяжести своей всегда лежало у него на плече; один наконечник его был весом в шестьсот сиклов. За Голиафом следовала толпа оруженосцев. Затем Голиаф, став между обоими лагерями и обратившись к Саулу и евреям, закричал громким голосом: «Я готов освободить вас от необходимости биться в бою и подвергать себя опасностям. К чему вашему войску сходиться с нашим и терпеть урон? Выставите из своей среды человека, который бы взялся сразиться со мною, и пусть будет ускорен конец войны победою одного из нас: та сторона, на которой окажется победитель, пусть будет признана повелительницею противной стороны. По моему мнению, гораздо «лучше и благоразумнее добиться этого, подвергнув опасности одного человека, чем всех». Сказав это, исполин вернулся назад в свой лагерь. На следующий день он в пятый раз вышел из своего стана и вновь обратился к евреям с тою же речью, и таким образом он в продолжение сорока дней не переставал вызывать своих противников на единоборство, так что это очень испугало самого Саула и его войско. Между тем обе стороны готовились к бою, но ни та ни другая не решалась начать его.

2. Когда началась война евреев с филистимлянами, Саул отпустил Давида домой к отцу его Иессею, а сам удовлетворился присутствием трех других сыновей, которых последний выслал в войско. Тем временем Давид по-прежнему стал пастухом и пас родительский скот.

Однажды ему пришлось по поручению отца отправиться в еврейский лагерь, чтобы доставить братьям съестных припасов и узнать, что они поделывают. В то время Голиаф как раз опять вышел со своим вызовом на единоборство и стал поносить евреев, среди которых не находится храбреца, решившегося бы вступить с ним в бой. Когда Давид, в то время разговаривавший с братьями и передававший им поручения отца, услышал, как филистимлянин поносит еврейское войско и укоряет его в трусости, он страшно рассердился и заявил своим братьям о своей готовности вступить с врагом в единоборство. На это старший из братьев, Елиав, закричал на него, что это, при его молодости, было бы безумною смелостью, и велел ему немедленно вернуться назад к стадам и отцу. Боясь брата, Давид собрался уходить к отцу, но при этом заявил нескольким воинам о своем желании принять вызов на бой. Когда последние тотчас донесли об этом желании юноши Саулу, царь немедленно послал за ним и на расспросы свои получил от Давида ответ: «Не падай, царь, духом и не сомневайся, мне удастся отнять у врага его самомнение, вступив с ним в бой и поразив огромного исполина. Тогда он навлечет на себя насмешки, твое же войско покроет великая слава, когда Голиафу придется пасть от руки не человека, уже испытанного в бою и знакомого с военным делом, но от мальчика моего возраста, по которому я кажусь вам еще ребенком».

3. Хотя Саул и выразил удивление по поводу смелости и бесстрашия юноши, однако он не рассчитывал на него вследствие его молодости, считая его слишком слабым для такого боя.

Когда он сказал Давиду об этих своих сомнениях, последний ответил: «Обещание свое я исполню, почерпая смелость, в уповании на Господа Бога, который поддержит меня и помощь которого я уже раз испытал на себе. Дело в том, что когда однажды лев напал на мои стада и утащил у меня овцу, то я погнался за ним, настиг его, вырвал у него из пасти овцу и, когда он бросился на меня, схватил его за хвост, повалил на землю и умертвил зверя. То же самое я сделал в другой раз и с напавшим на меня медведем³⁸⁶. И так как этого врага, который теперь так поносит наше войско и глумится над Богом нашим, нельзя считать сильнее тех диких зверей, то я и теперь уповаю на Господа Бога, который даст мне возможность осилить его».

4. Ввиду такого мужества и бесстрашия юноши Саул призвал на него благословение Божие, пожелал ему удачи и отпустил со словами: «Ну, вступай в бой». Вместе с тем он сам облек его в свой панцирь, дал ему свой меч Я надел на него свой собственный шлем³⁸⁷. Но так как Давид не занимался раньше военными упражнениями и не умел носить оружия, то его стесняла тяжесть вооружения, и он сказал: «Царь! Эти военные украшения принадлежат тебе, и ты один можешь носить их; позволь поэтому мне, рабу твоему, сразиться, как это мне будет удобно». С этими словами он снял с себя все вооружение, схватил дубину, сунул в свою пастушескую суму пять подобранных в ближайшем ручье камней³⁸⁸, взял в правую руку пращу свою и с этим вышел на бой с Голиафом. Последний же, увидев такого врага, стал глумиться над ним и говорить, что с таким оружием, как у Давида, бьются обыкновенно не с людьми, а отгоняют от себя собак. Не считает ли Давид поэтому и его за собаку? На это Давид отвечал, что считает его не собакою, но еще гораздо более низким существом. Это привело Голиафа в ярость, он стал изрыгать против него целый поток проклятий и грозно призывать в свидетели своего бога, чтобы изрубить его в мелкие куски и бросить их на пищу зверям и птицам. На это Давид возразил: «Ты вот выходишь на меня, вооруженный мечом, копьем и панцирем, тогда как моим единственным оружием является Господь Бог, который нашими руками уничтожит как тебя самого, так и все ваше войско: я еще сегодня отрублю тебе голову и брошу твой труп на съедение родственникам твоим, псам, и тогда все узнают, что Предвечный наш оплот и наша сила и что всякая мощь и всякое оружие оказываются ничтожными, если нет поддержки со стороны Господа Бога». Тогда филистимлянин, не имевший, благодаря тяжести своего вооружения, возможности двигаться свободно и быстро наступать на врага, медленно двинулся на Давида, глумясь над ним и рассчитывая без труда уложить безоружного и в то же время столь юного противника.

5. Давид же вышел ему навстречу под охраной невидимого для врага союзника, самого Господа Бога. Затем он вынул из своей сумки один из положенных туда речных валунов, метнул им из пращи в Голиафа и попал ему прямо в лоб, так что камень пробил череп и проник до самого мозга. Голиаф тотчас упал навзничь. Давид быстро приблизился к лежавшему на земле врагу и, за неимением собственного меча, отрубил ему голову мечом исполина. Смерть Голиафа вызвала смятение среди филистимлян, и они бросились бежать, потому что, когда они увидели падение своего славнейшего воина, то потеряли всякую надежду на победу и в ужасе уже более не хотели выжидать нападения евреев, пытаясь избежать угрожающей опасности путем постыдного, беспорядочного бегства. Саул же и все еврейское войско с военным кликом ударили на врагов, перерезали множество их и преследовали остальных до пределов Гитты и ворот Аскалона. Таким образом из числа филистимлян пало до тридцати тысяч человек, а вдвое большее количество их было ранено. Саул вернулся затем к стану неприятелей, совершенно разграбил его и поджег, тогда как Давид отнес голову Голиафа в свой шатер, а меч его посвятил Господу Богу (Ср. [1Цар 17.1—54](#)).

1. Между тем женщины вскоре возбудили в душе Саула зависть и ненависть к Давиду. Дело в том, что навстречу возвращавшемуся домой победоносному войску вышли женщины с песнями, кимвалами, литаврами, всевозможными музыкальными инструментами и начали петь, что Саул перебил много тысяч филистимлян, тогда как девушки стали воспевать славу Давида, восклицая, что он погубил много десятков тысяч врагов. Когда царь услышал, что его ставят ниже юноши, приписывая последнему избиение большого числа неприятелей, то он подумал, что для завершения славы Давида ему недостает только царской власти, и потому начал бояться юноши и с недоверием относиться к нему. Ввиду этого соображения он перевел Давида с его прежней должности своего личного оруженосца, которую он, благодаря непосредственной к нему близости молодого человека, считал слишком опасной, на место начальника над тысячью воинов, что было несомненным повышением и вместе с тем, по мнению царя, покойнее для него самого. Тут он рассчитывал иметь возможность почаще отправлять Давида в походы, где тот подвергался бы беспрерывным опасностям и легко мог бы погибнуть.

2. Между тем Давида во всех его начинаниях и за что бы он ни брался охраняла благодать Божия, и народ не только любил его за его отменную храбрость, но к нему вспылала страстью даже дочь царя Саула, еще не бывшая замужем. Не будучи в силах совладать с этой страстью, она не скрывала ее; наконец об этом узнал также отец. Замышляя недоброе против Давида, последний обрадовался, услышав об этом, и сказал лицам, объявившим ему о любви его дочери, что он с удовольствием выдаст ее за Давида замуж. Сам он рассчитывал таким образом легче избавиться от опасного человека, подвергнув его такому делу, которое могло бы окончиться для него верной гибелью. Поэтому Саул подумал: «Я готов отдать за Давида дочь мою, если только он доставит мне головы шестисот неприятелей. Ввиду значительности обещанной за это награды Давид наверное возьмется за такое опасное и навряд ли исполнимое предприятие в расчете еще более покрыть себя славой, при этом падет от руки филистимлян и тем отлично оправдает мои относительно него намерения: я избавлюсь от него, причем смерть его будет делом уже не моих, а других рук». Ввиду таких соображений Саул велел нескольким приближенным хорошенько разузнать от Давида, как он смотрит на брак с царской дочерью. Приближенные царя отправились к нему и стали рассказывать ему, как его любит царь и весь народ и как Саул даже готов дать ему в жены дочь свою. На это Давид отвечал: «Вам, пожалуй, покажется стремление стать царским зятем не самонадеянным, тогда как я, наоборот, совершенно противоположного мнения, тем более что я ведь человек небогатый, не обладаю славой и почетом». Когда же посланные сообщили Саулу ответ Давида, царь сказал: «Передайте ему, что я вовсе не нуждаюсь ни в деньгах, ни в выкупных свадебных подарках, потому что такого рода брак мог бы быть назван запродажей девушки, а не выдачей ее замуж; но мне хотелось бы иметь зятя храброго и вообще добродетельного, каким, как видно, именно и является Давид. Поэтому я не требую от него взамен дочери ни золота, ни серебра из родительского дома, но лишь того, чтобы он отомстил филистимлянам и доставил мне головы шестисот убитых врагов. Более ценного, блестящего и почетного дара он не может доставить мне, да и для дочери моей, чем получение обыкновенных свадебных подарков, будет более лестно сознание, что она вышла замуж за столь славного человека, доказавшего свою доблесть поражением врагов».

3. Когда этот ответ был передан Давиду, последний очень обрадовался тому, что Саул хочет вступить с ним в столь близкое родство, и, совершенно не рассуждая, возможно ли и удоисполнимо ли возлагаемое на него поручение, он немедленно отправился со своими

товарищами на врагов и взялся за совершение подвига, возложенного на него взамен брака. А так как Господь Бог облегчал Давиду все его предприятия и делал ему даже невозможное удобоисполнимым, то ему удалось убить множество врагов, отрубить у шестисот из них головы, представить их царю и требовать себе за это условленное разрешение вступить в брак с царевной. Саул не имел возможности уклониться от исполнения данного обещания, считая гнусным обмануть Давида или коварно отказать ему, дабы не обнаружилось, что он ему только посулил брак, чтобы на самом деле избавиться от него путем почти неисполнимого поручения. Поэтому он выдал за него дочь свою Михалу (Ср. [1Цар 18.6—27](#)).

1. Однако и после этого Саул успокоился ненадолго: видя, что Давид пользуется благоволением Господа Бога и расположением простонародья, он стал еще больше бояться его, и так как вопрос сводился к двум весьма серьезным пунктам — к сохранению царства и жизни, из которых потеря того или другого представляла бы страшное несчастье, он не был в состоянии подавить в себе ужас перед этим. Ввиду этих соображений Саул решил избавиться от Давида и поручил сыну своему Ионафу и вернейшим своим приближенным умерщвление его. Ионаф был страшно поражен столь странной к Давиду переменной отношений отца, который прежде отличался таким к нему благоволением, а теперь готов был даже убить его, и, так как он очень любил юношу и относился с глубоким уважением к его добродетелям, Ионаф выдал ему намерение и решение Саула убить его. При этом Ионаф посоветовал Давиду принять меры предосторожности и не показываться Саулу в течение следующего дня. Сам же он хотел пойти к отцу, под предлогом осведомления о его здоровье, а на самом деле для того, чтобы в удобную минуту навести разговор на Давида, узнав о причине, побуждающей Саула к такому решению, и затем постараться представить эту причину несовместной со справедливостью, в силу которой нельзя убивать человека, оказавшего столько благодеяний не только народу, но и самому царю.

Этим путем он рассчитывал добиться от Саула помилования Давида, даже если бы последний был виновен в самых тяжких преступлениях. «Затем,- заключил Ионаф свою речь,- я уведомя тебя о решении отца». Следуя дружескому совету, Давид избегал показываться на глаза царю.

2. Когда на следующий день Ионаф явился к Саулу, то нашел его бодрым и в отличном расположении духа и потому решился немедленно завести разговор о Давиде. «Какую малую или большую вину,- сказал он,- нашел ты, отец, в Давиде, что отдал приказ убить его, человека, который оказал тебе такую услугу, выручив тебя самого, а еще большую народу, наказав филистимлян и избавив народ еврейский от постоянных в продолжение сорока дней насмешек и поношений. Ведь он один решился принять вызов врага. Затем он доставил тебе требуемое количество голов филистимлян и в награду за это получил в жены сестру мою. Ввиду этого его смерть должна бы быть для всех нас большим несчастьем, не только потому, что мы потеряли бы заслуженного человека, но и оттого, что этот человек наш родственник. Смерть его была бы страшною несправедливостью и по отношению к дочери твоей, которая, не успев насладиться брачной жизнью, уже должна будет овдоветь. Приняв все это во внимание, смягчи свое решение и не губи человека, который сослужил нам всем великую службу, во-первых, тем, что, когда ты был одержим злым недугом беспокойства, вернул тебе душевный мир, а во-вторых, отомстив за вас врагам; по-моему, было бы совестно забывать о таких вещах». Эти речи убедили Саула, и он поклялся сыну своему не причинять Давиду зла, так как справедливый довод сильнее вспышки гнева или чувства страха. Ионаф послал тотчас же за Давидом, известил его о миролюбивом настроении отца и затем привел его к Саулу. С этих пор Давид оставался при царе, как и раньше.

3. Когда около того же времени филистимляне вновь вошли войною на евреев, Саул выслал против них Давида с войском. В сражении с ними Давид перебил множество врагов и, одержав полную победу, возвратился к царю. Саул, однако, принял зятя не так, как тот рассчитывал после столь счастливого исхода войны, а с нескрываемым по поводу удачи его неудовольствием, так как опять усматривал в его победе опасность лично для себя. Когда же вскоре затем злой дух снова обуял и стал терзать его, то царь велел Давиду явиться к нему в опочивальню, где он лежал на постели, держа копьё свое в руке. Затем Саул приказал ему играть на цитре и петь, и в

то время как зять стал исполнять требование, Саул пустил в «него копьё. Но Давид, предвидя это, уклонился от Удара, тотчас бежал к себе домой и оставался там целый день.

4. Ночью царь послал к его дому стражу с приказом стеречь Давида до зари, чтобы он не убежал и не вздумал скрыться: затем он хотел предать его суду и казнить. Между тем жена Давида, царская дочь Михала, узнав о происках отца своего против ее мужа, стала очень беспокоиться за его участь, а также и за себя, потому что смерть мужа лишила бы и ее радостей жизни. Поэтому она пришла к Давиду и сказала ему: «Берегись, чтобы восходящее солнце не застало тебя здесь, так как иначе ты его больше уже не увидишь вовсе. Беги, пока эта ночь предоставляет тебе возможность бегства, и да продлит для тебя Господь Бог эту ночь. Знай, что, если тебя найдет отец, ты погиб». Затем она спустила его на канате из окна и таким образом спасла его. После этого она устроила кровать так, как будто в ней лежит больной, а под одеяло сунула печень козы³⁸⁹.

Когда на следующее утро явились посланцы Саула, чтобы схватить Давида, то Михала сказала им, что муж ее провел очень беспокойную ночь, что он болен, и показала им прикрытую кровать и двигавшуюся в ней печень, уверяя, что это Давид так тяжело дышит. Посланцы вернулись к царю и объявили ему, что Давид ночью заболел. Саул, однако, велел доставить к нему Давида хотя бы и в таком состоянии, потому что непременно хотел умертвить его. Когда посланные вернулись в дом Давида, то, открыв кровать, увидели, какую хитрую штуку устроила с ними Михала, и сообщили об этом царю. Последний осыпал дочь упреками за то, что она обманула его и спасла врага; она же придумала в свое оправдание довольно правдоподобное объяснение, а именно сказала, что Давид пригрозил ей умертвить ее, если она не изыщет средства к его спасению; ввиду этого она просит простить ее, так как обманула царя по принуждению, а не по доброй воле. «Мне кажется,- сказала Михала в заключение,- тебе следует не столько заботиться об умерщвлении своего врага, сколько быть довольным, что я осталась жива». Этим она добилась от Саула помилования. Давиду между тем удалось избежать опасности и прибыть в Арамафу к пророку Самуилу, которому он и рассказал о кознях царя, о том, как тот чуть не убил его копьем, несмотря на то что он, Давид, ничем пред ним не провинился, всегда храбро сражался за него в битвах с врагами я с Божьею помощью постоянно удачно и счастливо трудился за царя. Но оказывается, что это-то именно и было причиною враждебного настроения Саула против Давида.

5. Когда пророк Самуил узнал о такой несправедливости царя, он вместе с Давидом покинул город Арамафу и отправился с ним в местность, носящую название Галваафа³⁹⁰. Тут он прожил с ним некоторое время. Когда же Саула известили о том, что Давид находится у пророка, то царь отправил туда воинов с приказанием схватить его и привести во дворец. Придя к Самуилу и застав у него собрание пророков, царские посланцы также преисполнились духа Божьего и тоже начали пророчествовать. Когда Саул узнал об этом и выслал для поимки Давида других воинов, то и с ними произошло то же самое, а также и с третьими посланцами, которые тоже стали пророчествовать. В сильном гневе Саул сам в конце концов отправился к Самуилу, который, при его приближении, заставил и его в свою очередь пророчествовать. Поэтому, лишь только Саул прибыл к Самуилу, дух Божий обуял его и он совершенно потерял рассудок сорвав с себя одежду, Саул упал наземь и в продолжение целых суток лежал без движения на глазах у Самуила и Давида.

6. Отсюда Давид прибыл к Ионафу, сыну Саула, пожаловался ему на преследования со стороны отца его в рассказав ему, как Саул, несмотря на отсутствие какой-нибудь с его стороны провинности или какого бы то ни было упущения, так и старается поскорее умертвить его. Однако Ионаф стал умолять Давида не доверять таким предположениям и не полагаться на всякую клевету, которую сообщат ему, но успокоиться и полагаться на него, потому что

невероятно, чтобы отец мог так злоумышлять против него; иначе он, наверное, сообщил бы об этом ему, Ионафу, и посоветовался бы с ним, как он обыкновенно поступал во всех прочих делах. Давид же стал клятвенно уверять Ионафа, что дело обстоит все-таки так, как говорит он, Давид, и вместе с тем умолял Ионафа лучше положиться на верность высказываемых предположений, чем относиться к ним без внимания и убедиться в правильности их лишь тогда, когда он либо увидит его, Давида, мертвым, либо услышит о его смерти. Отец же, по его мнению, потому не делится с Ионафом своими на этот счет планами, что отлично знает его дружбу и расположение к нему, Давиду.

7. Ионаф тем не менее не был вполне уверен в том, что Давид не ошибается относительно намерений Саула, и с печалью в сердце спросил его, чем бы он мог помочь ему. На это Давид отвечал: «Я отлично знаю, что ты захочешь по силе возможности оказать мне услугу и помощь. Завтра наступает новолуние, когда я обыкновенно принимаю участие в царском обеде. Так вот что: я уйду из города и скроюсь где-нибудь в низменности. Когда же твой отец начнет спрашивать обо мне, то скажи ему, что я, с твоего разрешения, отправился в свой родной город Вифлеем, где семья моя справляет празднество. Если он ответит на это тем, что обыкновенно принято говорить при отъезде близких людей, т.е. пожелает мне счастья в пути, то знай, что он не замышляет против меня ничего недоброго. Если же ответит иначе, то будет ясно, что он злоумышляет против меня. Во всяком случае сообщи мне о настроении отца твоего, хотя бы из чувства сострадания ко мне и в знак дружбы нашей, доказательств которой ты, господин мой, имеешь от меня, раба твоего, достаточное количество. Если же находишь, что я в чем-нибудь действительно провинился, то лучше убей меня сам и тем предупреди мою казнь от руки отца твоего».

8. Последние слова Давида кольнули Ионафа в самое сердце, и он обещал другу сделать для него все, чего бы тот ни пожелал, во всяком же случае немедленно уведомить его, если бы отец дал ему зловещий или опасный для Давида ответ. А для того, чтобы еще более уверить Давида в своей поддержке, он пошел с ним в поле и тут под открытым небом поклялся ему, что сделает все возможное для его спасения. «Тот Господь Бог, Который, как тебе известно, вездесущ, наполняет Собою все и знает мои помыслы даже раньше, чем я облеку их в форму слов, да будет свидетелем моего с тобою уговора, в силу которого я не упущу случая выведать планы отца моего и настроение его относительно тебя. И когда я узнаю это, я не только не скрою этого от тебя, но немедленно извещу тебя, невзирая на то, расположен ли к тебе отец, или злоумышляет против тебя. Тот же самый Предвечный и Сам знает, как умоляю я Его всегда быть с тобою. Он и теперь с тобою, и не только не покинет тебя, но даст тебе возможность осилить врагов, хотя бы то был отец мой или я сам. Ты помни эти слова мои; а если мне придется умереть, спаси детей моих и отплати им добром за то добро, которое оказал тебе я». Поклявшись ему таким образом, Ионаф расстался с Давидом, указав ему первоначально также и место, где он, Ионаф, обыкновенно занимается телесными упражнениями. Сюда он обещался прийти с сыном, лишь только узнает о намерениях отца своего. «Когда я выпущу три стрелы,- сказал он,- и велю мальчику своему принести их, потому что они лежат перед ним, то знай, что тебе ничего не угрожает от отца; если же я скажу как раз обратное³⁹¹, то пойми, что тебе предстоит все дурное от царя. Во всяком случае рассчитывай на меня в смысле личной твоей безопасности: ты не подвергнешься никаким притеснениям. Когда дал тебя снова наступят счастливые времена, вспомни об этом и позаботься о моих сыновьях».

9. После таких со стороны Ионафа уверений в преданности Давид отправился в условленное место. На следующий день (в новолуние) царь Саул, совершив, по установленному обычаю, ритуальное очищение, сел за обеденный стол, причем место с правой от него стороны занял сын его Ионаф, а с левой — военачальник Авеннир. Когда Саул увидел, что место Давида

осталось незанятым, он сперва промолчал, предполагая, что Давид не успел совершить ритуального очищения. Когда же он и на второй день не заметил Давида, то обратился к сыну своему Ионафу с вопросом, почему как накануне, так и сегодня не видно за столом в числе обычных гостей сына Иессея. Ионаф ответил по уговору, что Давид, с его разрешения, отправился к себе на родину ввиду семейного праздника и пригласил и его, Ионафа, направиться вместе с ним для участия в жертвоприношении. «Поэтому, если ты разрешишь мне это,- прибавил он,- и я отправлюсь [в Вифлеем]».

Тут только пришлось Ионафу воочию убедиться во враждебном настроении отца своего против Давида и явно увидеть все его козни, потому что Саул не смог скрыть гнев свой, но стал поносить и Ионафа, называя его развратником и врагом, сообщником и пособником Давида, говоря, что Ионаф, при таких своих взглядах, не стыдится ни отца, ни матери своей и не желает понимать, что, пока жив Давид, их собственная царская власть подвергается крайней опасности. «Поэтому пошли за ним,- сказал Саул,- чтобы я [достойным образом] наказал его». Когда же Ионаф возразил: «За какие преступления собираешься ты наказать Давида?» — то Саул окончательно рассвирепел и перешел от упреков и ругательств к делу: схватив копье, он бросился с ним на сына, намереваясь убить его. Однако ему не удалось сделать это, потому что он вовремя был остановлен друзьями. Ионафу же стало вполне очевидно вся ненависть царя к Давиду и страстное его желание погубить последнего, так как он из-за этого чуть было не поднял руки на собственного сына.

10. Так как Ионаф с горя уже больше не был в состоянии участвовать в обеде, то он вышел из-за стола и всю ночь не мог сомкнуть глаз от печальных размышлений, что сам он чуть не погиб и что гибель Давида решена бесповоротно. На рассвете он же вышел в поле, за город, как будто для упражнения в стрельбе, а на самом деле для того, чтобы, по уговору, известить друга своего о решении отца. Сделав все, как было условлено, Ионаф отправил сопровождавшего его отрока назад в город, сам же пошел в более скрытое место, где находился Давид, чтобы свидеться и переговорить с последним. Увидев его, Давид бросился к ногам Ионафа и со слезами на глазах благодарил его за спасение ему жизни. Ионаф же поднял его с земли, крепко обнял его, и оба долго плакали, вспоминая вместе прожитую юность, свою взаимную дружбу, служащую предметом столь великой зависти, и предстоящую им теперь разлуку, которая казалась им хуже смерти. Оправившись наконец несколько от своей печали, они дали друг другу слово не забывать о клятвенном своем обещании и затем расстались (Ср. [1Цар 18.18](#) — [1Цар 21.15](#)).

1. Убегая от царя и смерти от руки его, Давид прибыл в город Наву³⁹² к первосвященнику Ахимелеху, который очень удивился, видя, что Давид пришел один без спутника и даже без слуги, и потому тотчас же спросил о причине такого странного явления. Давид известил, что царь дал ему тайное поручение, при исполнении которого присутствие посторонних лиц было нежелательно. «Впрочем,- сказал Давид,- я приказал слугам съехаться со мною здесь, в этом городе». Затем он попросил у первосвященника несколько припасов на дорогу, говоря, что своею помощью он окажет ему дружескую услугу и поспособствует исполнению предприятия. Получив припасы, Давид попросил также какого-нибудь оружия, бывшего случайно под рукою, меча или копья. В то время там находился один из сынов Саула, сириец Доик³⁹³, которому были поручены табуны царских мулов. Первосвященник ответил на просьбу Давида, что у него нет никакого оружия, кроме Голиафова меча, который, после убиения филистимлянина, Давид сам посвятил Господу Богу.

2. Взяв себе этот меч, Давид бежал из пределов еврейской земли в филистейский город Гитту, где тогда царем был Анхус. Тут его увидели и узнали слуги царя и тотчас донесли последнему, что это тот самый Давид, который перебил много десятков тысяч филистимлян. Тогда, боясь быть убитым и подвергнуться здесь той же самой опасности, от которой он бежал из владений Саула, Давид притворился сумасшедшим и юродивым, говорил с пеной у рта и всякими другими способами старался убедить царя Гитты в своей душевной болезни. Действительно, царь очень рассердился на своих слуг за то, что они привели к нему сумасшедшего, и потому приказал им поскорее выпроводить Давида.

3. Спасшись таким образом из Гитты, Давид направился в область колена Иудова, поселился тут в пещере вблизи города Адуллама³⁹⁴ и послал своим братьям известие о своем местопребывании. Братья явились к нему в сопровождении всей родни, а также стали стекаться к Давиду все те, которые были в бедственном положении или должны были почему-либо бояться царя Сеула, и охотно стали предлагать ему свои услуги. Таким образом вокруг Давида вскоре собралось около четырехсот человек. Ободренный такою массою товарищей, Давид покинул пещеру, отправился к моавитскому царю и просил его разрешить родителям его жительство в стране до тех пор, пока не выяснится его положение. Царь не только с радостью оказал Давиду эту услугу, но и оказывал родителям его в продолжение всего их пребывания в его стране всяческое почтение...³⁹⁵

4. Между тем сам Давид, по приказанию пророка, векинул пустыню, отправился в область колена Иудова — поселился там в городе Саре³⁹⁶.

Когда Саул услышал, что Давида видели окруженным большою толпою [вооруженных], он впал в необычайный страх, и ужас обуял его при мысли, что, при знакомой ему храбрости и отваге Давида, здесь угрожает такая опасность, которая совершенно сокрушит его или по крайней мере представит серьезные затруднения. Ввиду этого Саул созвал своих приближенных, военачальников и представителей того колена, из которого он сам был родом, к себе на ту гору, где помещался его дворец, сел на месте, носившем название Аруры³⁹⁷, и, окруженный множеством высокопоставленных лиц и отрядом телохранителей, обратился к собранию со следующими словами:

«Товарищи и сородичи мои! Думаю, что вы не забыли о тех благодеяниях, которые я оказал вам, предоставив в ваше владение земельные участки и удостоив вас почетными должностями и званиями. Теперь я спрашиваю вас, рассчитываете ли вы на более щедрые знаки милости и на большее число подарков со стороны сына Иессея? Я ведь знаю, что вы все расположены к нему,

так как даже собственный сын мой Ионаф держит его сторону и склоняет вас к тому же. Мне отлично известен факт заключения клятвенного договора Ионафа с Давидом, и я прекрасно знаю, что Ионаф является товарищем и сообщником Давида в происках против меня. Между тем никому из вас нет до этого дела; напротив, вы спокойно ожидаете грядущих событий».

Царь смолк, но никто из присутствующих не ответил на его речь. Один лишь сириец Доик, заведовавший царскими мулами, сказал, что он видел, как Давид явился в город Наву к первосвященнику Ахимелеху, как тот предсказывал ему будущее и как Давид, получив от него припасы на дорогу и меч Голиафа, отправился дальше, куда хотел, предварительно обезопасив себя указанным образом.

5. Ввиду этого Саул тотчас послал за первосвященником и всеми его родственниками: «Что я сделал тебе такого ужасного и неприятного, что ты принял к себе сына Иессея и снабдил того, который злоумышляет против моей царской власти, припасами и оружием? Какие предсказания относительно будущего дал ты ему? Ведь тебе было небезызвестно, что он бежал от меня и прятался, злоумышляя против всего моего дома». Первосвященник и не думал отпираться, но прямодушно отвечал, что он все это дал Давиду, думая тем оказать услугу не последнему, но царю, так как не мог предполагать в нем врага Саула, но, напротив, считал его наиболее верным его слугою, тысяцким, а главное, видел в нем царского родственника, зятя. В родство же обыкновенно не вступают с людьми, враждебно настроенными, но, наоборот, с теми, к кому питаешь благоволение и кого хочешь почитать этим. Что же касается предсказания, то он делал это с Давидом уже не в первый раз, но часто и раньше при разных случаях. «Так как Давид заявил,- продолжал первосвященник,- что он послан тобою со спешным поручением, то отказ ему в его просьбе я считал бы скорее неповиновением именно тебе, чем ему. Поэтому ты не имеешь права обвинять меня в каком бы то ни было неблагоприятном поступке и не можешь подозрительно относиться к тому, что я помог тогда Давиду, когда думал этим исполнить повелеваемую мне чувством преданности обязанность относительно тебя; я помог твоему другу, зятю и тысяцкому, а не врагу твоему»

6. Однако такими доводами первосвященнику не удалось убедить Саула, потому что страх последнего был так велик, что он не поверил даже столь правдивому объяснению. Царь приказал своим воинам схватить первосвященника вместе с его родственниками и убить их. Но так как стража не решалась прикоснуться к особе первосвященника, предпочитая оказать неповиновение скорее царю, чем Господу Богу, то Саул поручил это дело сирийцу Дойку. Тот в сообществе нескольких подобных же негодяев перебил Ахимелеха и всю его родню, состоявшую приблизительно из трехсот пяти человек. Затем Саул послал отряд также в священнический город Наву с повелением перебить там всех, не щадя даже женщин и малых детей. Самый же город был предан пламени. Спасся из этой резни один лишь сын Ахимелеха, по имени Авиафар. Таким образом оправдалось предсказание, данное Господом Богом первосвященнику Илию, а именно, что беззакония его двух сыновей повлекут за собою истребление всего рода (Ср. [1Цар 21.1 — 1Цар 22.20](#)).

7. Этот бесчеловечный поступок царя Саула, который перерезал целую первосвященническую семью, не пожалел и не устыдился поднять руку на старцев, разрушил город, который сам Предвечный назначил местопребыванием и владением священнослужителей и пророков, где Только и могли являться такие пророки, дает возможность лишней раз понять людские наклонности. Пока люди остаются лицами частными и живут на скромных условиях, они не имеют возможности предаваться влечениям всей природы и не решаются поступать сообразно своим прихотям. В таком положении они бывают скромны и умеренны, думают об одной лишь правде и направляют исключительно на нее все свои помыслы и стремления. Только тогда они твердо убеждены в том, что Господь Бог присутствует при всех случаях

жизни, не только видя все дела людские, но даже зная все помыслы, которые будут руководить поступками людей. Лишь же только люди достигают власти и силы, они немедленно снимают, подобно актерам на сцене, маску своих прежних привычек и обычаев и заменяют последние наглостью, чванством, презрительным отношением ко всему человеческому и божественному. И в то время как им в теперешнем их положении, когда все завистливо смотрят на них и вся их деятельность и помыслы на глазах у всех, следовало бы быть особенно благочестивыми и праведными, теперь-то именно они и кичатся своею деятельностью, как будто бы Господь Бог не видит или даже трепещет пред их властью. И если они, на основании какого-нибудь слуха, начинают по собственному своему усмотрению бояться чего-либо, или ненавидеть, или без причины любить кого-нибудь, то они уже считают это вполне правильным, неоспоримым, точным, угодным людям и Господу Богу. При этом они не дают себе труда даже подумать о будущем. Напротив, они сперва осыпают почестями тех, кто много постарался за них, а затем начинают завидовать им; доведя кого-нибудь до какого-либо высокого общественного положения, они затем лишают его не только этого положения, но ради последнего даже и жизни, основываясь при этом на каких-нибудь гнусных и по своей преувеличенности совершенно невероятных доводах и соображениях. При этом они не только не наказывают таких деяний, которые действительно заслуживают наказания, но и, по возможности, убивают невинных на основании доносов и нерасследованных обвинений. Правильность всего этого подтвердил нам сын Киса, Саул, первый царь после периода патриархов и эпохи еврейских судей: из-за одного подозрения на Ахимелеха он перебил триста священнослужителей и пророков, совершенно до основания разрушил их город и в известном смысле приложил все старания, чтобы лишить храм священников и пророков, перерезав такое количество их и не оставив им даже родного города, откуда могли бы впоследствии выйти новые священнослужители и новые пророки.

8. Между тем сын Ахимелеха, Авиафар, единственный, которому из всего числа умерщвленных Саулом членов священнического рода удалось спастись, бежал к Давиду и рассказал ему о бедствии, постигшем его родню, а также о гибели отца своего. Давид же возразил ему, что сам он, увидев Дойку, предугадал такой исход дела, потому что подозревал, что этот Доик наклеветает царю на первосвященника. При этом он обвинял самого себя, как виновника всего этого несчастья. Затем он предложил Авиафару остаться здесь и жить при нем, потому что он нигде, как именно тут, не будет в такой безопасности (Ср. [1Цар 22.20—23](#)).

1. Около этого времени Давид узнал, что филистимляне вторглись во владения килланцев³⁹⁸ и предали их разграблению. Поэтому он решил просить Господа Бога чрез пророка о разрешении начать борьбу и затем вступить в войну с филистимлянами. Когда получился благоприятный ответ, предвещавший победу, Давид двинулся со своими товарищами на филистимлян, учинил среди них страшную резню и захватил крупную добычу. Затем он остался у килланцев для их охраны в продолжение всего времени, пока они могли бы безопасно собирать свою жатву с полей. Между тем царю Саулу было донесено, где находится Давид, потому что удачный исход его военного предприятия не остался неизвестным, но молва о нем распространялась повсюду и дошла через множество людей и до ушей царя, а вместе с тем и подробности о положении победителя. Саул очень обрадовался, когда узнал, что Давид находится в Килле, и подумал: «Наконец-то Предвечный дал мне его в руки, так как принудил Давида засесть в городе со стенами, воротами и засовами». Поэтому Саул приказал всему народу пойти походом на Киллу, осадить ее и, схватив Давида, убить его. Когда Давиду было сообщено об этом, а также стало известно от Господа Бога, что, если он останется у жителей Киллы, они выдадут его Саулу, то он вместе со своими четырьмя товарищами покинул город и удалился в пустыню, расположенную выше так называемой степи Энгедаин³⁹⁹. Когда же царь узнал, что Давид удалился из города килланцев, то отменил свое распоряжение относительно похода на него.

2. Затем Давид отправился дальше и прибыл в местность, носящую название Кены⁴⁰⁰ в области Зиф⁴⁰¹. Сюда явился к нему и сын Саула, Ионаф. После сердечного приветствия последний просил Давида не терять бодрости духа и смело смотреть в глаза будущему, потому что ему, Давиду, суждено впоследствии быть царем и иметь в своем распоряжении все военные силы евреев. При этом Ионаф указал, что подобные результаты достигаются только путем больших усилий.

Обменявшись еще раз клятвенными обещаниями всю жизнь свою любить друг друга и призвав Господа Бога в свидетели того, что он никогда не нарушит этой клятвы и не поступит против нее, Ионаф расстался с Давидом, успев несколько утешить друга и успокоить его в его опасениях. Между тем жители города Зифа, желая угодить Саулу, послали последнему извещение, что Давид в настоящую минуту находится у них, и присовокупили о своей готовности выдать ему Давида, если бы царь пожаловал к ним: придется лишь занять несколько ущелий их страны, и тогда Давиду не представится ни малейшей возможности убежать куда бы то ни было. За такое их предложение выдать врага Саул выразил жителям Зифа свою признательность и обещал им в недалеком будущем награду за их к нему расположение. Вместе с тем он выслал к ним отряд для обыска всех потайных мест пустыни и для поимки Давида и сообщил при этом, что он сам вскоре явится вслед за своим передовым отрядом. При этом зифитяне предложили царю свои услуги не только в качестве проводников при отыскании и поимке Давида, но и обещали выказать царю свое особенное расположение и свою преданность тем, что изо всех сил поспособствуют поимке врага. Однако злему и гнусному намерению зифитян не суждено было осуществиться. Они ничего не потеряли бы, если бы не открыли Саулу местопребывания Давида. Но так как они из угодливости к царю и из желания наживы изменили человеку, особенно угодному Господу Богу и совершенно напрасно подвергавшемуся смертельной опасности, тогда как он мог отлично укрыться у них, и обещали Саулу выдать его, то Давид, узнав о гнусности зифитян и о нашествии царя, тотчас покинул ущелья их страны и бежал на высокую скалу, находившуюся в пустыне Маонской⁴⁰².

3. Саул тем временем продолжал свое преследование. Узнав в пути, что Давид ушел из теснины, он направился к другой стороне утеса. Давид едва было не попал во власть Саула, когда последнего отвлекло от его преследования известие, что филистимляне вновь вторглись в страну еврейскую. Ввиду этого Саулу пришлось пойти на этих природных врагов евреев, так как он считал более необходимым отразить нападение их, чем гнаться за личным врагом, дальнейшее преследование которого могло бы при данных обстоятельствах повлечь за собою разорение и гибель всей страны.

4. Неожиданно избегнув таким образом опасности, Давид снова вернулся в ущелья Энгедина. Между тем Саул успел прогнать филистимлян и получить известие, что Давид вновь находится в пределах Энгедина. Царь тотчас отправился на поиски за врагом, став во главе отборного отряда из трех тысяч тяжеловооруженных. Подойдя уже близко к цели своего похода, Саул увидал в стороне от дороги обширную и глубокую пещеру, которая далеко входила в гору. В этой пещере случайно спрятался как раз в то время Давид со своим отрядом в четыреста человек. Побуждаемый естественной нуждой, Саул один ушел в эту пещеру. Когда один из людей Давида заметил Саула и, сказав об этом Давиду, указал на то, что сам Господь Бог дает случай отомстить врагу, причем советовал отрубить Саулу голову и тем самым раз навсегда избавиться от всех беспокойств и несчастий, то Давид подошел к Саулу сзади и отрезал ему только край плаща, в который был облачен Саул; в эту минуту в голове его немедленно мелькнула мысль, что безнравственно было бы умертвить своего властелина, да еще вдобавок признанного царем самим Предвечным. «Ведь если,- подумал Давид,- этот человек поступает гнусно по отношению к нам, то из этого еще не следует, чтобы и мне поступать так же относительно его». Когда же затем Саул вышел из пещеры, Давид вышел вслед за ним и закричал громко, прося выслушать его. Царь обернулся, Давид пал пред ним ниц, как подобало пред царем, и сказал:

«О царь, не следует тебе слушаться гнусных клеветников, выдумывающих небывальщины и сплетни, а также благосклонно верить им и подозревать во всем скверном наиболее преданных тебе людей, но следовало бы на основании фактов судить о расположении к тебе всех тех лиц, с которыми ты приходишь в соприкосновение. Навет ведь обманчив, тогда как истинным показателем отношения являются лишь факты; ведь слово в одинаковой мере может быть верным и ложным, тогда как одни поступки раскрывают голую истину. И вот из всего этого вывод: тебе следует наконец убедиться, что я предан тебе и дому твоему, а не доверять людям, обвиняющим меня в таких деяниях, о которых я даже не помышлял и не мог помышлять, и столь натравливающим тебя на меня, что ты И днем и ночью помышляешь только о том, как бы лишить меня жизни; а между тем ты совершенно неосновательно домогаешься моей смерти. Как могло прийти тебе на ум совершенно ложное подозрение, будто я ищу случая убить тебя? Как тебе не грешно пред Богом считать своим врагом и домогаться смерти человека, который сегодня вполне легко мог наказать и умертвить тебя, но не захотел этого, как не пожелал воспользоваться представившимся случаем, тогда как, если бы тебе выдался такой случай по отношению ко мне, ты никоим образом не упустил бы его? Ведь раз я отрезал край твоей одежды, я мог бы отрубить тебе и голову». При этих словах Давид, для подтверждения истинности их, показал царю отрезанный лоскуток и продолжал: «Тем не менее я воздержался от справедливого отмщения тебе, тогда как ты не гнушаешься питать ко мне совершенно необоснованную ненависть. Пусть же будет Господь Бог судьей между нами и пусть Он постановит решение относительно образа действий каждого из нас».

Саул был поражен своим неожиданным спасением, сдержанностью и силою воли юноши и громко зарыдал; когда же и Давид заплакал, то царь сказал, что плакать приходится одному ему, Саулу. «Ведь ты,- заметил он Давиду,- стал моим благодетелем, тогда как я причинял тебе одно

только горе. Сегодня ты показал, что в тебе еще живо чувство справедливости наших предков, которые требовали спасения врагов своих, застигнутых в безвыходном положении. Теперь я убеждаюсь, что Предвечный приуготовляет тебя к царской власти и что ты будешь править над всеми евреями. Посему [прошу тебя] дай мне клятвенное обещание не губить моего потомства и не умерщвлять, в воспоминание о моих злодеяниях, моего рода, но пощадить меня и принять весь дом мой под свое покровительство».

Давид поклялся ему в этом, сообразно его желанию, и затем отпустил Саула в его владения, сам же со своими товарищами ушел в теснины масферонские⁴⁰³.

5. Приблизительно в это же время умер и пророк Самуил, человек, пользовавшийся среди евреев совершенно необычайным почетом. О его добродетели и о расположении к нему народа свидетельствовали как продолжительный траур, который носил по нем народ, так и общее ревностное участие, которое все приняли в сооружении в честь его соответствующего памятника. Похоронили его в его родном городе Арамафе и в течение очень продолжительного времени оплакивали его, причем эта общая скорбь не походила на траур, который носят по чужому человеку, но была такова, как будто бы каждый оплакивал своего собственного, близкого родственника. И правда, Самуил был человеком праведным и добрым и по этой причине особенно мил Господу Богу. Он один правил и руководил народом после смерти первосвященника Илия в продолжение двенадцати лет, а затем при воцарении Саула еще восемнадцать. Такова была кончина Самуила.

6. Вблизи Зифа жил происходивший из города Еммы⁴⁰⁴ зажиточный и даже богатый человек, имевший стадо в три тысячи голов овец и в тысячу коз. Давид приказал своим товарищам не трогать этих стад и не наносить им вреда и строго наказывал им не поддаваться искушению из нужды или из соображения, что в пустыне их поступок легко мог бы остаться незамеченным, но выше всего этого ставить безукоризненную честность, в силу которой даже прикосновение к чужому добру является правонарушением, противным Господу Богу. Эти наставления дал Давид своим товарищам в уповании, что тем самым угодит порядочному и достойному такой заботливости человеку. Между тем Навал (так звали владельца стада) оказался человеком грубым и непорядочным, с собачьими наклонностями и привычками; впрочем, его жена была женщиною добродетельною, разумною и вдобавок милостивою. К этому-то Навалу Давид как раз в то время, когда происходила стрижка овец, послал десять товарищей своих для того, чтобы они передали Навалу привет Давида и пожелание благополучия еще на долгие годы. При этом Давид наказал своим людям попросить Навала дать им, если возможно, несколько штук овец, потому что Навал должен знать от своих пастухов, что люди Давида не только не трогали его стада, но даже охраняли последнее, равно как и пастухов его, несмотря на то, что уже долгое время скитались по пустыне. Поэтому, говорили они, Навалу не придется раскаяться, если он подарит Давиду несколько кувов скота.

Когда посланцы в точности исполнили возложенное на них поручение, то Навал отнесся к ним крайне нелюбезно и даже грубо; спросив, кто такой Давид, и получив в ответ, что это сын Иессея, он сказал: «Теперь я вижу, как нахальны и дерзки беглецы и рабы, удравшие от своих господ». За такие слова Давид страшно рассердился на Навала, взял с собою четыреста вооруженных, а двести оставил для охраны имущества (у него было тогда уже шестьсот человек войска) и пошел походом на Навала, поклявшись этою же еще ночью разрушить до основания его дом и захватить все его имущество. Давид был возмущен не только тем, что Навал оказался человеком неблагодарным и непризнательным по отношению к тем людям, которые обошлись с ним столь деликатно, но и главным образом тем обстоятельством, что он позволил себе оскорбление и сквернословие по отношению к людям, не причинившим ему ни малейшего вреда.

7. Между тем один из рабов, служивших у Навала в пастухах, рассказал жене своего хозяина, как Давид послал к ее мужу и как тот не только не отнесся сочувственно к его желанию, но и оскорбил его страшными поношениями, несмотря на то что люди Давида всегда относились дружелюбно к его пастухам и даже оберегали их. Это, продолжал раб, не пройдет хозяину даром. Услыхав все это, Авигея (так звали жену Навала) распорядилась немедленно оседлать ослов и нагрузить их различными подарками и, не сказав мужу, который в то время был совершенно пьян, ни слова, сама отправилась к Давиду. С последним она встретилась в одном ущелье, куда тот вошел со своими четырьмястами воинами во время похода на Навала. Увидев Давида, Авигея сошла с мула и пала на землю, прося не относиться слишком строго к словам ее мужа, который ведь, как известно, недаром носит свое имя (Навал означает по-еврейски — дурак), и извиняясь за себя лично тем, что сама она даже не видала посланцев Давида. «Поэтому прости меня,- сказала она,- и благодари Господа Бога за то, что Он удержал тебя от обгабления рук твоих человеческою кровью. Ведь если ты останешься незапятнанным. Предвечный сам накажет всех людей, обижающих тебя. То возмездие, которого избегнет теперь Навал, да падет на главу врагов твоих. Поэтому будь милостив ко мне, удостой меня принятия этих моих подарков и оставь ради меня свою злобу и гнев свой на моего мужа и на весь дом его. Ведь тебе, раз ты собираешься быть царем, и без того следует быть мягкосердечным и человеколюбивым». Давид принял подарки и сказал: «Тебя, женщина, привел сегодня ко мне всемилосердый Господь Бог. Ты не увидела бы завтрашнего дня, потому что я поклялся еще сегодняшнюю ночь разрушить дом Навала и никого из вас не пощадить за такую гнусную неблагодарность мужа твоего ко мне и моим товарищам. Но теперь Господь Бог оберег тебя, надоумив предупредить мое нашествие и смягчить мой гнев. Впрочем, хотя Навал, благодаря тебе, теперь и избегнет заслуженного наказания, оно все-таки в другой раз постигнет его, потому что его погубит по какому-нибудь другому поводу его же собственный тяжелый характер».

8. С этими словами Давид отпустил женщину домой. Когда она вернулась к себе и нашла своего мужа за вином и уже пьяным в большой компании, она ему пока ничего не рассказала о случившемся; на следующий же день, когда Навал успел протрезвиться, она сообщила ему обо всем, и этот рассказ так на него подействовал и так поразил его, что у него онемели все члены тела. Прожив затем еще не более десяти дней. Навал скончался. Узнав о его смерти, Давид сказал, что его совершенно справедливо постигла кара Божия, потому что смерть Навала явилась следствием его собственной испорченности. При этом Давид был доволен, что наказание постигло его врага, не осквернив рук Давида кровью. При этом случае Давиду еще раз пришлось убедиться в том, что грешники преследуются Господом Богом, Который не оставляет без должного возмездия ни одного человеческого проступка, воздавая людям добродетельным добром за добро и жестоко наказывая провинившихся.

Вскоре затем Давид отправил к вдове Навала посланных с предложением вступить с ним в брак. Авигея на это ответила посланным, что считает себя недостойною прикоснуться даже к ногам Давида, но все-таки прибыла к нему со всею своею челядью и вступила в брак с ним. Этой чести удостоилась Авигея не только за свое разумное отношение к делу Навала и за врожденное ей чувство справедливости, но и за свою красоту. Кроме нее, у Давида раньше была и другая жена, которую он взял из города Ависара. Бывшую же жену Давида, Михалу, дочь царя Саула, последний выдал за происходившего из города Геелы Фелтия, сына Лиса.

9. После этого несколько жителей Зифа явились к Саулу и заявили ему, что Давид опять находится в пределах их владений и что они могут, если царь желает озомочь им в этом, поймать его. Тогда Саул выступил иротив Давида с тремя тысячами вооруженных и с наступлением ночи расположился лагерем в местности, носившей название Секелы⁴⁰⁵. Когда

Давид узнал, что Саул идет на него, он выслал лазутчиков с поручением выведать, куда успел пройти Саул. Получив ответ, что Царь расположился на ночевку в Секеле, Давид спрятал своих воинов, а сам в сопровождении своего (от сестры Саруи) племянника Ависея и хеттеянина Ахимелеха пробрался в лагерь Саула. Царь уже спал, и вокруг него спали воины его и полководец Авеннир. Однако Давид, узнавший ложе царя по копью, которое было воткнуто рядом с ним, ни сам не убил Саула, ни позволил сделать это собиравшемуся уже придушить его Ависею, мотивируя такое запрещение тем, что большой грех убивать поставленного самим Господом Богом царя, хотя бы это был даже очень гнусный человек (потому что Тот, Который даровал ему царскую власть, со временем успеет и наказать его). Ввиду таких соображений они воздержались от всяких насильственных действий, а в знак того, что, хотя им представлялась полная возможность убить Саула, они все-таки не сделали этого, они захватили его копье и флягу с водою, которая стояла около ложа Саула; затем они незаметно, так как все в стане спали глубоким сном, вышли из лагеря, несмотря на то что Давид имел возможность сделать с царем все, что угодно, так как к тому представлялся удобный случай, да и смелости было довольно у Давида. Перейдя затем на другую сторону ручья и взобравшись на вершину горы, откуда его голос мог бы быть слышен, Давид громко кликнул воинов Саула и полководца Авеннира по имени и разбудил этим всех от сна. Когда полководец услышал, что его зовут по имени, и спросил, кто зовет его, то получил в ответ: «Это — я, Давид, сын Иессея, ваш беглец. Но почему ты, занимающий столь важное и почетное место при царе, так небрежно исполняешь свои обязанности телохранителя и отчего тебе сон приятнее охраны царя и заботы о нем? Ведь то обстоятельство, что вы не заметили, как только что проникли в лагерь к царю вашему некоторые из врагов ваших, а за ними могли бы последовать и все остальные, достойно смертной казни. Поищи-ка копье царя и его флягу с водою, и ты увидишь, что за ужасная вещь случилась внутри вашего стана без того, чтобы вы ее заметили». Когда Саул узнал голос Давида, а также то, что он застиг его в глубоком сне и тем не менее, несмотря на отсутствие охраны, не только не умертвил его, но пощадил его, хотя имел полное право убить его, то воскликнул, что он отблагодарит Давида за это, и стал просить последнего не бояться его больше и смело возвращаться домой. Царь при этом сказал, что теперь он вполне убедился в том, что Давид любит его больше, чем любит себя он сам, потому что в то время, как он мог бы иметь его при себе и пользоваться неоднократными проявлениями к нему преданности, он прогнал от себя Давида, заставил его прожить столько времени в изгнании и в постоянном душевном волнении, без друзей и родственников, причем не только неоднократно был пощажён им, но даже обязан ему своею жизнью, хотя он, очевидно, мог его лишить ее. Давид в свою очередь просил прислать человека за копьем и флягою и сказал, что судьбою в их взаимных отношениях будет сам Господь Бог, «Который знает, что я и сегодня не убил тебя».

10. Избежав таким образом вторично смерти от руки Давида, Саул вернулся домой в свою резиденцию, тогда как Давид, все-таки опасавшийся, как бы Саул не велел схватить его, если бы он еще оставался в этом месте, считал более благоразумным уйти в пределы владений филистимлян и жить там. Поэтому он отправился со своими шестьюстами сподвижниками к царю Гитты, одного из пяти филистейских городов, Анхусу. Так как этот царь принял его с войском дружелюбно и предоставил ему у себя право жительства, то Давид поселился вместе со своими двумя женами, Ахимою и Авигею, в Гитте. Когда Саул узнал об этом, он уже более не думал высылать против Давида свое войско или самому выступать против него, потому что ему уже дважды пришлось самому подвергнуться большой от него опасности в то время, как он рассчитывал поймать Давида. Но и Давид не захотел оставаться в городе Гитте и просил поэтому царя, уже раз оказавшего ему любезность и радушный прием, сделать ему еще одно удовольствие, а именно — предоставить ему для жительства какую-нибудь местность внутри

его страны, потому что Давид боялся, живя в городе, стать царю как-нибудь в тягость или затруднить его. И вот Анхус предоставил ему селение Секелу, которое Давид так любил, что впоследствии, когда он достиг царской власти, как он сам, так и его потомки смотрели на Секелу, как на свою любимую личную собственность. Но об этом мы будем говорить ниже, в другом месте.

Время, которое Давид прожил в филистейском селении Секеле, обнимало четыре месяца и двадцать дней. В течение этого периода Давид предпринимал внезапные походы на соседей филистимлян, серритян и амалекитян, разграблял их владения, забирал в виде добычи множество волов и верблюдов и возвращался затем домой. Людям он при этом не причинял никакого насилия, боясь, как бы не извратили в донесениях царю Анхусу об этих походах истинного смысла последних. Впрочем, Давид всегда посылал при этом часть добычи в дар Анхусу. Когда же царь осведомлялся, откуда у Давида такая добыча, то тот отвечал, что она взята им у евреев, живших к югу от него и на равнине. Этому Анхус охотно верил, потому что надеялся, что Давид будет всегда и впредь ненавидеть свой народ и что он, Анхус, со своей стороны будет иметь в нем верного слугу в продолжение всего того времени, в течение которого он останется в пределах его владений⁴⁰⁶.

1. В то же самое время филистимляне опять решили пойти походом на израильтян и стали поэтому рассылать всем своим союзникам приглашение собраться на войну в Ренгу [407](#), чтобы уже оттуда напасть объединенными силами на евреев. Царь Гитты, Анхус, предложил и Давиду с его собственными воинами принять в качестве союзников участие в походе против евреев. Когда Давид охотно выразил свое согласие, указывая на то, что теперь наступил наконец момент, когда ему будет возможно отблагодарить Анхуса за его доброе к нему отношение и за гостеприимство, царь обещал Давиду сделать его после удачного исхода войны своим телохранителем, имея в виду обещанием такой почетной и доверенной должности еще более расположить его к себе.

2. Между тем случилось, что царь еврейский Саул изгнал из страны своей всех прорицателей, чревоещателей и лиц, занимавшихся подобными профессиями, за исключением пророков [408](#). Узнав, что филистимляне уже успели вторгнуться в его пределы и расположились станом в непосредственной близости к городу Суне [409](#), расположенному в низменности, он выступил против них во главе всех своих войск. Достигнув горы, известной под именем Гелвуи [410](#), Саул стал лагерем как раз против врагов своих и страшно испугался, не того, впрочем, что очутился в столь близком соседстве с неприятелем, но того, что войска последнего были многочисленнее и очевидно сильнее его собственных. Поэтому Саул спросил при посредстве пророков Господа Бога относительно исхода боя. Когда же ответа от Предвечного не последовало вовсе, то Саул испугался еще более и совершенно пал духом, ясно предвидя неизбежное поражение, если Господь Бог не окажет ему поддержки. Поэтому он приказал отыскать себе какую-нибудь прорицательницу и вызывательницу душ усопших, чтобы таким образом узнать, что ожидает его впереди. Дело в том, что лица, принадлежащие к разряду предвещателей, умеют вызывать души умерших и при помощи последних предсказывать желающим будущее. Саулу было сообщено кем-то из приближенных, что в городе Эндоре [411](#) имеется такая женщина. Тогда он переделался в простую одежду, захватил с собою двух вполне преданных ему слуг и тайно от всех находившихся в лагере явился в Эндор к прорицательнице с просьбою погадать ему и вызвать для него душу того усопшего, которого он ей сам укажет. Но волшебница стала отказываться, говоря, что она не станет нарушать приказания царя, изгнавшего из пределов своей страны весь класс прорицателей, и что он сам, хотя она и не подавала ему повода к тому, желает ее гибели, подбивая ее к такому нарушению, которое запрещено и за которое, если ее накроют, придется отвечать жизнью. Но Саул поклялся ей, что об этом никто не узнает, так как он о ее гаданье не сообщит никому, и что она может быть на этот счет вполне спокойна. Уговорив ее путем таких клятвенных уверений, Саул потребовал вызова тени Самуила. Гадалка, не зная, кто такой Самуил, стала вызывать тень его из преисподней, и когда эта тень появилась и женщина с ужасом увидела величественную боговдохновенную фигуру, то, пораженная этим зрелищем, обратилась к Саулу с вопросом: «Не ты ли царь Саул?» Так поступить повелел ей дух Самуила. Когда Саул ответил на вопрос заклинательницы утвердительно и вместе с тем спросил, почему она так испугана, женщина отвечала, что видит поднимающуюся из земли величественную фигуру. На приглашение описать внешность и указать возраст видения, она сказала, что это горделивой осанки старик, облаченный в священническую одежду. Царь тотчас узнал Самуила, которого он почтительно приветствовал, пав ниц на землю. Когда же дух Самуила спросил, почему его потревожили и ради чего заставили подняться из преисподней, Саул стал жаловаться на то, что сделал это в крайности: жестокие враги напали на него, сам же он совершенно потерял голову в своем

бедственном положении, так как Господь Бог покинул его и он не может от Него добиться предсказания ни чрез пророков, ни путем сновидений. «Вот нечему я и решился прибегнуть к тебе за советом», - сказал Саул в заключение. Самуил же, зная, что уже наступает конец Саулу, ответил, что последний совершенно напрасно желает от него узнать о будущем, раз сам Господь Бог покинул его. «Впрочем, услышь от меня,- сказал он,- что царствовать придется Давиду, которому и суждено удачно закончить эту войну. Ты же потеряешь власть и жизнь, сообразно тому, как я предсказал тебе это еще при своей жизни, за то, что ты ослушался Господа Бога во время войны с амалекитянами и не поступил сообразно с Его повелениями. Поэтому знай, что народ твой будет побит врагами, ты сам с сыновьями своими падешь в битве и завтра же будешь там же, где я теперь»⁴¹².

3. Когда Саул слышал это, то онемел от горя, а затем упал в обморок, от которого легко мог бы умереть, потому что на него столь сильно повлияло скорбное предсказание, или даже оттого, что он страшно отощал (за все предшествовавшие сутки он не брал в рот пищи). С трудом приведя его наконец в чувство, женщина стала упрашивать Саула поесть немного, прося об этом, как об единственном вознаграждении за ее труд по вызову тени, труд опасный и предпринятый ею только из чувства страха, при полном неведении, кто такой Саул. Итак, в виде возмездия за свою работу, она просила его лишь присесть к столу и отведать пищи, чтобы подкрепить хоть немного силы и иметь возможность благополучно добраться до своего лагеря. Хотя Саул и отклонил это предложение и в своем унынии положительно отказывался от всякой пищи, она его наконец все-таки уговорила и склонила исполнить ее просьбу. Она была бедна, жила трудом рук своих и имела одного только теленка, которого очень любила и которого вскормила в своем доме. Этого-то именно теленка она теперь зарезала и, зажарив, предложила его мясо Саулу и его слугам. Затем Саул отправился в обратный путь и еще той же ночью прибыл в свой лагерь (Ср. [1Цар 28.1—25](#)).

4. Здесь будет вполне уместным подчеркнуть доброту и человеколюбие этой женщины; хотя царь запретил и ей занятие гаданием, которым она была бы в состоянии снискать себе лучший заработок и лучше устроить жизнь свою, и хотя она его раньше никогда не видала, она тем не менее не питала к нему злобы за причиненный ей таким запрещением убыток и не только не отказала ему, чужому и совершенно незнакомому ей человеку, но даже почувствовала сострадание к нему и старалась утешить его в постигшем его чрезмерном горе и убеждала его, несмотря на его к этому отвращение, принять несколько пищи, причем охотно предложила ему для этого единственное, что имелось в ее убогом доме. Все это сделала она с чрезвычайной готовностью, нисколько не рассчитывая ни на какое за то вознаграждение и не стараясь снискать тем благоволение царя на будущее время, потому что слышала, что ему придется скоро умереть. Так поступила она вопреки обычаю других людей, которые оказывают услуги либо в расчете получить воздаяние за это, либо в уповании на возможность как-нибудь иначе иметь выгоду от своего образа действий в настоящую минуту. Поэтому поступок этой женщины заслуживает полного сочувствия, и хорошо, если, по ее примеру, мы станем оказывать поддержку всем, кто впал в стесненное, бедственное положение. Нет ничего лучшего и более человеческого, чем этот ее поступок, и ничем мы не смогли бы снискать себе большего благоволения и расположения со стороны Господа Бога.

Но сказанного об этой женщине довольно. Зато я здесь скажу еще нечто, что может быть полезно для государств, народов и отдельных лиц, что понравится всем хорошим людям и что в состоянии, быть может, заставить всех стремиться к добродетели и искать того, что сможет доставить человеку истинную славу и добрую по себе память. Это указание мое, быть может, придаст царям над народами и управителям государств больше рвения и стремления к совершению таких славных подвигов, ради которых они готовы будут подвергнуться

величайшим опасностям и предпочтут всему другому даже смерть за родину, так как это указание заставит их презрительно относиться ко всяким ужасам. Поводом к этому является у меня личность еврейского царя Саула. Хотя последний, благодаря предсказанию пророка, и знал, что случится и что ему угрожает неминуемая смерть, он все-таки не только не захотел спастись бегством и для личной безопасности предоставить своих товарищей на избиение врагам,- этим было бы запятнано также его собственное царское достоинство,- но и ринулся всем домом, вместе с сыновьями своими в самый центр опасности, считая своим долгом пасть вместе с детьми в честном бою за своих подданных и предпочитая видеть доблестную смерть сыновей своих, чем оставить их после себя на неопределенную в будущем участь. Он предпочитал оставить вместо потомства и наследников славу и непорочную по себе память. Поэтому-то я полагаю, что Саул был человеком исключительным: справедливым, храбрым и рассудительным, и если кто-нибудь другой явится с его качествами, то он, за свою добродетель, будет достойным всеобщего почитания. Я никак не могу согласиться с мнением историков, повествующих в своих сочинениях о необычайной храбрости тех людей, которые, выступив на войну с наилучшими обещаниями (относительно удачного ее окончания), победив врагов и вернувшись домой целыми и невредимыми, будто бы совершили из ряда вон выходящий подвиг. Конечно, и такие люди достойны похвалы, но истинными героями, храбрецами и бесстрашными воителями могли бы по праву быть названы лишь те, которые походят в этом отношении на Саула; не служит еще доказательством чрезмерной храбрости, хотя бы и пришлось совершать значительные подвиги, если человек в неведении, что его ожидает на войне, выступает на нее наугад; но я считаю доказательством положительного геройства, если человек, не только не ожидая удачного исхода боя, но в твердой заранее уверенности, что ему придется пасть в битве, все-таки ничего не боится, ни перед чем не отступает и смело идет навстречу ожидающей его опасности. Между тем именно таким-то образом и поступил Саул, показав, что все те, кто добивается почетной известности после своей смерти, должны поступать именно таким образом, чтобы оставить по себе заслуженную славу, особенно цари, так как, вследствие значительности их власти, им приходится не только ни в чем не отставать от своих подданных, но и подавать им в особенно значительной степени наилучшие во всем примеры.

Я мог бы еще дольше остановиться на прекрасных чертах характера Саула, так как нет недостатка в его заслугах, но чтобы не казалось, будто мы уже чрезмерно превозносим его своими похвалами, я вернусь к вышепрерванному дальнейшему повествованию.

5. Когда филистимляне, как я уже упомянул, расположились станом, подсчитав свои набранные из разных народов, царств и провинций силы, то наконец к ним примкнул и царь Анхус со своим собственным войском и в сопровождении Давида с его шестьюстами тяжеловооруженными товарищами. Увидев Давида, военачальники филистимлян стали расспрашивать царя [Анхуса], откуда явились эти евреи и кто призвал их. Тот ответил, что это Давид, который бежал от своего властелина, Саула, и, придя к Анхусу, был принят им, а теперь, желая отблагодарить его за оказанную услугу и отметить Саулу, примкнул к их войску. Но Анхус этим объяснением навлек на себя неудовольствие военачальников, которые стали укорять его за то, что он принял к себе в качестве союзника врага, и советовали ему отослать Давида обратно, потому что под видом помощи у того может скрываться тайное желание оказать своим друзьям большой вред и таким образом иметь предлог для примирения со своим государем. Ввиду таких соображений, военачальники требовали немедленной отсылки Давида с его шестьюстами товарищами назад в то место, которое Анхус предоставил им для жительства, потому что ведь это тот самый Давид, который, по хвалебным гимнам девушек, убил множество десятков тысяч филистимлян. Услышав эти соображения и признав их вполне правильными, царь Гитты призвал к себе Давида и сказал ему: «Я со своей стороны могу тебе заявить, что

верю в полную твою ко мне преданность и любовь; ввиду этого я и взял тебя с собою на войну в качестве союзника. Но не так смотрят на дело остальные полководцы. Поэтому возвратись еще сегодня в то место, которое я предоставил тебе для жительства, не подозревай меня ни в чем дурном и охраняй там страну мою, чтобы в нее не вторглись какие-нибудь враги. Такого рода дело тоже достойно союзника».

Поэтому Давид, по приказанию царя Гитты, возвратился в Секелу; между тем в то самое время, как Давид отправился на помощь к филистимлянам, на Секелу нагрянули амалекитяне, взяли ее силою, подожгли ее и, захватив здесь и в других филистейских владениях богатую добычу, вернулись домой.

6. Найдя Секелу совершенно разрушенною и разграбленною и видя, что обе его жены, равно как жены и дети его товарищей, захвачены в плен, Давид с горя разорвал свою одежду и предался ввиду постигшего его бедствия такому отчаянию и так заплакал, что вскоре у него не хватило и слез. Вместе с тем он чуть было не подвергся опасности со стороны своих товарищей, которые, в отчаянии, что их жены и дети уведены в рабство, готовы были побить его камнями на смерть, потому что считали виновником всего несчастья именно Давида. Придя несколько в себя от постигшего его горя и вознесясь мыслью к Господу Богу, Давид предложил первосвященнику Афияфару надеть на себя облачение и, спросив Предвечного, сказать, даст ли Он евреям возможность при погоне настичь амалекитян, отбить у них захваченных ими жен и детей и наказать врагов. Так как со стороны первосвященника последовал ответ положительный, то Давид бросился во главе своих шестисот воинов в погоню за неприятелями. Достигнув ручья, носившего название Васела, и совершенно случайно найдя там какого-то заблудившегося египтянина, совсем истощенного лишениями и голодом (так как человек этот в продолжение трех дней блуждал без пищи по пустыне), Давид сперва подкрепил его силы пищею и питьем, а затем стал расспрашивать его, кто он и откуда. Тот ответил, что он египтянин и был брошен тут своим господином, так как по болезни не мог дальше следовать за ним; при этом он пояснил, что находился в числе тех, которые подожгли и разграбили Секелу и другие иудейские поселения, Давид тотчас употребил этого человека в качестве проводника к месту расположения амалекитян и напал на них в то время, как они лежали на земле отчасти за едою, отчасти уже пьяные от вина, отчасти наслаждаясь обществом захваченных в виде добычи пленниц. Давид нагрянул на них совершенно неожиданно и учинил среди них страшную резню, что было тем легче, что все они были безоружны, не ожидали ничего подобного и направили все свои помыслы исключительно на пьянство и на разгул. Некоторые из амалекитян были перерезаны в то самое время, как они сидели еще за столом, так что кровь их обагрила стоявшие на столе кушанья, другие были перебиты в тот момент, когда они пили за здоровье своих собеседников, третьи, наконец, пали под ударами мечей, погруженные в глубокий сон от чрезмерного употребления вина. Все те же, которым второпях удалось надеть на себя оружие и которые стали оказывать Давиду сопротивление, были убиты также без труда, как и безоружные, лежавшие на земле. Спутники Давида провели за эту резню весь день, с утра до наступления вечера, так что от всей массы амалекитян не уцелело более четырехсот человек, которым удалось вскочить на своих верблюдов и спастись бегством. Таким образом Давид вернул назад все то имущество, которое захватили у евреев враги, а также освободил своих жен и жен товарищей.

Когда на возвратном пути евреи прибыли на то место, где они оставили двести товарищей своих для охраны имущества, то остальные четыреста не хотели отдать последним известной части добычи, мотивируя это тем, что они не согласились вместе с ними преследовать врагов, но предпочли спокойное безделье, и предоставляя им теперь удовлетвориться лишь получением обратно своих освобожденных из плена жен. Но Давид вмешался в это дело и заявил, что такое

решение гнусно и несправедливо, потому что, раз Господь Бог даровал им победу над врагами и дал им возможность вернуть свое имущество, следует разделить всю добычу поровну как между участвовавшими в походе, так и между теми, которые остались для охраны остального добра. С тех пор установился среди них закон, в силу которого одинаковую часть добычи получали как участники походов, так и охранители имущества. Прибыв в Секелу, Давид разослал часть добычи всем своим сородичам и приверженцам в области колена Иудова.

Так произошло разрушение Секелы и избиение амалекитян.

7. Между тем филистимляне сошлись с израильтянами в очень ожесточенной битве, победили евреев и перебили множество их. Царь же израильский, Саул, и его сыновья сражались доблестно и с полнейшим самоотвержением, потому что вся их слава заключалась в том только, чтобы доблестно умереть, нанеся врагам своим по возможности больший урон. Другого они ничего не добивались. Поэтому они ринулись в самый центр врагов, были немедленно окружены со всех сторон и, умертвив множество филистимлян, пали как доблестные воины. То были сыновья Саула, Ионаф, Аминадав и Мелхис.

Когда они пали, войска евреев дрогнули, произошли страшное смятение и свалка, наконец, бегство и смерть от руки налегавших на них неприятелей. Бежали также и Саул с толпой своих приближенных и, так как филистимляне выслали в погоню за ними всех своих копейщиков и стрелков, то почти все спутники Саула были убиты. Сам же Саул бился отчаянно и получил такое множество ран, что он не был более в состоянии выдерживать натиск и даже стоять на ногах. Не имея сил убить самого себя, царь приказал оруженосцу извлечь меч и поразить им его раньше, чем он попался бы в руки врагов; но так как оруженосец не решался убить своего господина, то Саул взял свой собственный меч и, укрепив его рукояткою в земле, бросился на него. Однако у него не хватило сил пронзить себя насквозь. Поэтому царь обратился к тут же стоявшему юноше и, узнав, что он амалекитянин, просил его прикончить его, так как он сам уже более не в состоянии сделать это, и тем доставить ему тот род смерти, который в его глазах являлся наиболее желательным. Юноша исполнил желание Саула, затем снял с него золотое запястье и царскую корону и бежал с этим. При виде смерти Саула его оруженосец убил самого себя. Никому из телохранителей царя также не удалось спастись, так как все они пали у горы Гелвуи.

Когда евреи, занимавшие долину по ту сторону Иордана и жившие в городах на равнине, узнали, что Саул и его сыновья пали и что погибло все их войско, то они покинули города свои и стали спасаться бегством в укрепления. Филистимляне же между тем заняли покинутые и совершенно опустевшие поселения их.

8. Когда на следующий день филистимляне принялись обыскивать трупы врагов, то они натолкнулись также и на тело Саула и его сыновей. Ограбив их, они отрубили им головы и послали затем по всей стране извещение о том, что враги их пали в битве. Взятые оружие они принесли в дар храму Астарты⁴¹³, а трупы неприятелей пригвоздили к крестам около стен своего города Вифсана, который теперь носит название Скифополя. Когда же жители галаадского города Иависса слышали о поругании, которому подверглись трупы Саула и его сыновей, то сочли невозможным и безобразным оставить эти трупы без погребения. Поэтому самые храбрые и бесстрашные мужи города (а тут имелось множество силачей и людей отчаянных) отправились в путь и, пройдя всю ночь, прибыли к Вифсану, подошли к стенам вражеского города и, сняв тела Саула и его сыновей, повезли их к себе в Иависс, без того, чтобы враги смогли или осмелились воспрепятствовать им в этом. Затем жители Иависса устроили пышные похороны для этих трупов и погребли их в самой красивой местности своих владений, в так называемой Аруре. В продолжение семи дней они с женами и детьми глубоко скорбели и плакали о царе и его сыновьях и не прикасались ни к пище, ни к питью.

9. Таков был конец Саула, сообразно предсказанию Самуила, за послушание повелений Господа Бога, которые Предвечный дал ему относительно амалекитян, и за то, что он не только загубил семью первосвященника Ахимелека, но и его самого и разрушил город первосвященнический. При жизни Самуила Саул царствовал восемнадцать лет, а после его смерти двадцать два года⁴¹⁴. Так окончил жизнь свою Саул⁴¹⁵.

Предисловие

В начале этой книги описаны события, последовавшие после смерти царя Саула. Ожесточилась борьба за власть между последователями Саула и Давидом с его сторонниками. Иосиф Флавий, следуя за ветхозаветным текстом, сохраняет тенденцию апологии действий и поступков Давида и его приближенных. Он искусно передает библейские сюжеты, которые драматизируют и героизируют личность Давида как основоположника новой царской династии. В книге содержатся важные данные о внешней и внутренней политике Израильского царства в правление царя Давида (около 1004—965 гг. до н.э.). Давид завоевал Иерусалим, успешно вел борьбу с племенами Заиорданья, подчинил некоторые арамейские государства Сирии, в том числе Дамасское царство. Удачным был его союз с царем финикийского г. Тира Хирамом I, который способствовал успешной борьбе с филистимлянами на суше и море.

1. Эта битва⁴¹⁶ произошла в тот же самый день, в который Давид вернулся в Секелу после своей победы над амалекитянами. На третий день после этого явился к Давиду с разорванной одеждой и посыпанной пеплом головой тот бежавший из битвы с филистимлянами амалекитянин, который убил царя Саула. Бросившись перед Давидом наземь, он на вопрос, откуда он прибыл в таком виде, ответил, что спасся бегством из боя израильтян, причем сообщил о несчастном исходе сражения, в котором было перебито много десятков тысяч евреев и в котором пал их царь Саул со своими сыновьями. Сам он был свидетелем отступления евреев и находился во время его бегства вблизи царя, которого он лично и убил по его просьбе, когда тому угрожала опасность попасть в руки врагов: хотя царь бросился на меч свой, он, вследствие чрезмерного количества полученных ран, все-таки не имел сил сам покончить с собой. При этих словах амалекитянин показал Давиду для подтверждения факта смерти Саула золотое запястье царя и его корону, которые он снял с него, чтобы принести их Давиду. Последнему не приходилось более сомневаться в верности полученного известия, так как он имел перед глазами ясные доказательства смерти Саула; поэтому и он разорвал свою одежду и оплакивал целый день вместе со своими товарищами кончину царя. Особенно огорчала его смерть сына Саулова, Ионафа, который был его вернейшим другом и спас ему жизнь. При этом случае Давид опять выказал необычайную порядочность и преданность Саулу: несмотря на то, что он лично неоднократно подвергался со стороны последнего опасности [лишиться] жизни, он не только был удручен его смертью, но и решился достойным образом наказать убийцу. Так как этот сам признался в убиении царя и стал таким образом собственным своим язобличителем, да еще при этом оказался амалекитянином, то Давид приказал казнить его. Затем он написал на кончину Саула и Ионафа элегии и хвалебные похоронные песни, которые сохранились до моего времени (Ср. [2Цар 1.1—27](#). (Перев)).

2. Почтив таким образом память царя, Давид, по истечении срока траура, обратился при посредстве пророка к Господу Богу с запросом: в каком городе колена Иудова ему следует поселиться. Получив указание на Хеврон, он покинул Секелу и переселился в назначенный город вместе с обеими женами своими и товарищами по оружию. Затем собрались все представители колена Иудова и провозгласили Давида царем. Когда же он узнал, что жители галаадского города Иависса предали земле тела Саула и его сыновей, он послал к ним посольство с выражением признательности за это их доброе дело и с обещанием вознаградить их за хорошее отношение к покойным. Вместе с тем он объявил им также о своем избрании в цари в колена Иудовом.

3. Когда же главный военачальник Саула, Авеннир, сын Нира, человек предприимчивый и храбрый, узнал о смерти царя, Ионафа и двух других царских сыновей, то бросился в укрепленный стан Саула, схватил оставшегося там царевича Иевосфа, переправил его на другую сторону Иордана и провозгласил его царем над всем еврейским народом, за исключением колена Иудова. Резиденцией его он назначил местность, носящую по-еврейски имя Маналис, а по-гречески «укрепленный лагерь»⁴¹⁷. Отсюда Авеннир двинулся затем с отборным войском в пределы области колена Иудова, потому что он негодовал на это колено за избрание Давида. Ему навстречу выступил по поручению Давида племянник его Иоав, сын сестры его Саруйи и Сурия, в качестве главного военачальника, и с ним его братья Авессей⁴¹⁸ и Асаил со всеми войсками Давида. Прибыв к одной цистерне вблизи города Гаваона, Иоав стал готовиться к битве. Когда же Авеннир предложил ему испытать, чьи солдаты храбрее, то Иоав принял вызов и с обеих сторон было решено выставить по двенадцати борцов. После этого, когда выступили

на арену избранные обоими полководцами борцы, они начали с того, что бросили друг в друга копья, извлекли затем мечи и, схватившись друг с другом, стали поражать противников мечами в бок и распарывать друг другу животы, пока не пали все до единого, как будто сговорились покончить таким образом. Только они пали, остальные войска бросились друг на друга и произошла ожесточенная битва, окончившаяся поражением людей Авеннира. Иоав не упустил случая пуститься в погоню за обратившимися в бегство врагами, сам принял в этом преследовании самое деятельное участие и велел своим воинам непосредственно следовать за ним и, не щадя неприятелей, перебить всех их. Также и братья его сражались с отчаянной храбростью, особенно же среди прочих выделялся младший, Асаил, пользовавшийся громкой славой за быстроту бега (он, как говорят, превосходил в этом отношении не только людей, но и мог состязаться в быстроте бега с лошадью). С поразительной быстротой гнался он за Авенниром, не уклоняясь ни на шаг в сторону. Когда же Авеннир обернулся с намерением остановить его преследование и для этого сначала стал уговаривать его отступить от этой погони и отнять оружие у какого-нибудь простого воина, а затем, когда Асаил не согласился на это, стал удерживать его, угрожая смертью и выставляя на вид, что в таком случае ему уже нечего будет ждать пощады от его брата [Иоава], Асаил все-таки не внял этим доводам и продолжал гнаться за Авенниром. Тогда последний на бегу обернулся и ударил его так метко копьем, что Асаил тотчас же пал мертвый. Когда спутники Асаила в своей погоне за Авенниром добежали до того места, где пал Асаил, то они окружили труп и уже более не преследовали врагов. Между тем сам Иоав и его брат Авессей промчались мимо этого места и еще более рассвирепели на Авеннира за то, что тот явился виновником смерти их брата. Они неслись за Авенниром с невероятной быстротой и яростью и наконец уже при закате солнца достигли местности, носящей название Амматы⁴¹⁹. Тут они взобрались на высокий холм, находящийся в этой части владений колена Веняминова, и остановились, чтобы осмотреть силы Авеннира. Последний стал громко кричать, что единоплеменникам не следует разжигать друг друга к борьбе и бою, и указал, что брат его Асаил сам виноват в своей смерти, так как не внял его совету прекратить преследование. Иоав согласился с этими доводами Авеннира, признал их правильными, начал потому сзывать своих воинов трубным сигналом и приостановил дальнейшую их погоню за врагами. Сам он затем расположился в этом месте лагерем на ночь; Авеннир же в течение всей ночи продолжал путь свой, переправился через Иордан и прибыл в «стан» к Иевосфу⁴²⁰, сыну Саула. На следующий день Иоав сосчитал убитых и предал их земле. Оказалось, что из числа воинов Авеннира пало триста шестьдесят, из числа же войск Давида девятнадцать, кроме Асаила, тело которого Иоав и Авессей повезли оттуда в Вифлеем и похоронили в могиле своих предков. Сами же они затем вернулись к Давиду в Хеврон.

Таким образом с этих пор началась среди евреев междоусобная распря, и продолжалась она долго. При этом приверженцы Давида приобретали все больше и больше власти, и счастье все более улыбалось им, тогда как положение сына Саулова и его приверженцев делалось чуть ли не изо дня в день все более и более шатким.

4. В это время у Давида было уже шесть сыновей от такого же числа жен. Из них старшим от Ахины был Амнон, второй — Даниил от Авигеи; третий, родившийся от дочери гессирского царя Фоломея, Махамы, носил имя Авессалома; четвертого, от жены своей Ангифы, Давид назвал Адонием, пятого Сафатием (он был сыном Авитаалы), а шестого, от Эглы, назвал Гефраамом.

В продолжение междоусобной войны, когда военные силы обоих царей часто сталкивались друг с другом, Авенниру, главному военачальнику у сына Саулова, благодаря своей пронизательности и популярности в глазах народа, удавалось склонить симпатии всех на сторону Иевосфа, и народ был долгое время очень предан Иевосфу. Затем, однако, Авеннир

навлек на себя неудовольствие и порицание Иевосфа за то, что он, Авеннир, сошелся с Сауловой наложницей, Ресфой, дочерью Сивафа, и так как его очень опечалило и даже рассердило то обстоятельство, что к нему относится недоброжелательно человек, всем ему обязанный, Авеннир стал угрожать Иевосфу, что он предоставит царскую власть Давиду, тем более что Иевосф правит страной за Иорданом благодаря не собственной силе и уму, а только благодаря его, Авеннира, командованию и верности. Поэтому он послал в Хеброн к Давиду послов с просьбой дать ему клятвенное обещание в том, что он, Давид, примет его как товарища и друга, если ему, Авенниру, удастся убедить народ отказаться от сына Саулова и провозгласить Давида царем всей страны. Давид, которому предложенные Авенниром условия очень понравились, согласился и просил в знак заключенного договора вернуть ему его жену Михалу, которую он купил себе некогда ценой больших опасностей, именно ценой представленных Саулу голов шестисот убитых филистимлян. Авеннир действительно послал Давиду Михалу, отняв ее у Фелтия, который тогда жил с нею. При этом сам Иевосф оказал поддержку Давиду, потому что последний писал Иевосфу, что считает себя вправе потребовать назад жену свою.

Затем Авеннир созвал старейшин народных, военачальников и тысяцких и обратился к ним с речью, в которой выставил на вид, что, хотя они уже давно выражали готовность отступить от Иевосфа в пользу Давида и он сам их всегда удерживал от этого шага, теперь он готов согласиться предоставить им право совершенно свободного выбора, потому что ему известно, что, когда Господь Бог через посредство пророка Самуила назначил Давида в цари над всеми евреями, Предвечный же предсказал, что именно Давид отомстит филистимлянам и совершенно подчинит их себе. Лишь только старейшины и вожди услышали, что на сторону того мнения, которого они сами раньше держались относительно положения вещей, теперь склоняется и Авеннир, то тотчас же решили примкнуть к партии Давида. Склонив их таким образом к этому, Авеннир собрал колено Веняминово, из представителей которого были набраны все телохранители Иевосфа, и обратился к собравшимся с такой же речью. Когда он и их нашел совершенно согласными с его собственными взглядами и готовыми пойти за ним по первому его желанию, то он с двадцатью товарищами отправился к Давиду для заключения с ним клятвенного договора (ведь все то, что мы делаем лично, вернее того, что поручено к исполнению другим), а также для того, чтобы сообщить ему, как и что он говорил с военачальниками и всеми членами колена [Веняминова]. Давид принял его очень дружелюбно и в продолжение целого ряда дней угощал роскошно и обильно. Затем Авеннир при расставании просил его привести к нему свое войско и в присутствии всех передать ему командование им.

5. Немного спустя, после того как Давид отпустил Авеннира, в Хеброн прибыл главнокомандующий Давида, Иоав, и, узнав, что здесь только что был Авеннир и заключил клятвенный с Давидом договор относительно командования войсками, испугался, как бы его собственное положение не пошатнулось и у него не отняли бы его власти главнокомандующего; ведь Авенниру легко будет занять первое и самое влиятельное место при том, кому он, благодаря своей проницательности и ловкости, помог добиться царской власти. Поэтому Иоав решил прибегнуть к интригам. Для начала он старался оклеветать его в глазах царя, советуя последнему остерегаться Авеннира и не рассчитывать на обещания последнего, потому что тот на самом деле старается лишь о том, чтобы упрочить власть за сыном Саула, и теперь явился к нему исключительно с коварным расчетом обмануть его и, подготовив все для исполнения своего плана, оставить его в надежде на полный успех. Когда же ему не удалось убедить Давида и он увидел, что слова его не производят на царя ни малейшего впечатления, Иоав решился пойти другой, уже гораздо более смелой дорогой, а именно просто убить Авеннира. Ввиду этого он послал вдогонку за Авенниром людей своих, дав им от имени Давида приказ пригласить Авеннира вернуться назад под предлогом сообщения ему одной важной вещи, которую тот

якобы забыл сказать ему при свидании. Когда Авеннир узнал о требовании посланцев, которые нагнали его в местности, носящей название Висиры и находящейся в расстоянии двадцати стадий от Хеврона, то он, не предвидя никакой опасности, повернул назад. Вблизи городских ворот навстречу ему вышел Иоав и приветствовал его крайне дружелюбно и ласково (ведь часто случается, что злоумышленники удачно притворяются доброжелателями по отношению к тем, против которых задумывают злодеяния). Затем Иоав отвел Авеннира подальше в сторону от ворот и от его людей, как бы собираясь сообщить ему нечто секретное, так что тут находился, кроме их обоих, еще брат Иоава, Авессей, извлек меч и поразил им Авеннира в живот. Таким образом Авеннир пал, коварно завлеченный Иоавом в засаду, по словам Иоава, как жертва мести за брата Асаила, которого Авеннир убил во время преследования после битвы при Хевроне, а на самом деле потому, что Иоав боялся, как бы Авеннир, заняв при Давиде первенствующее положение, не лишил его лично командования всеми войсками и почетной при царе должности. На этом примере видно, до чего доходят и на что иногда решаются люди ради властолюбия и нежелания уступить своей власти никому другому. Стремясь к достижению намеченной цели, они не останавливаются и перед тысячью гнусностей и, боясь утратить занятую позицию, стараются еще худшими средствами укрепиться на ней, так что считают меньшим для себя уроном совершенно не добиться цели — высшей власти, чем, раз воспользовавшись ею, затем потерять ее. Но гораздо хуже, что ввиду сказанного такие люди прибегают к еще более гнусным интригам и отчаянным средствам исключительно под влиянием опасения потерять раз занятое положение. Однако сказанного здесь вкратце об этом явлении вполне достаточно.

6. Когда Давид узнал об убиении Авеннира, он искренне опечалился и, воздев правую руку к небу, громким голосом поклялся перед всеми, что он не виновен в умерщвлении Авеннира, который пал не по его приказанию или желанию. При этом Давид изрек страшные проклятия на убийцу и грозил привлечь весь дом убийцы и его товарищей и соучастников к ответу за убитого, потому что царю хотелось доказать свою невинность в деле нарушения той клятвы, которую он недавно дал Авенниру в том, что будет его верным другом. Ввиду этого Давид предписал всему народу траур по убитому, [приказал] почтить его, разорвав одежды и облачив себя в мешки. Этим способом народ должен был почтить убитого во время похорон, открывая процессию. Сам же царь следовал со старейшинами и начальствующими лицами за гробом, ударяя себя с плачем в грудь и тем показывая, как он любил покойного при жизни и как он опечален его смертью, которая совершилась, конечно, без его ведома и помимо его желания. Торжественно похоронив Авеннира в Хевроне и сочинив на его смерть элегические гимны, царь первый стал у его могилы и начал свою похоронную песню, чем дал знак всем остальным последовать его примеру. И такое горе причинила Давиду смерть Авеннира, что он, несмотря на просьбы друзей своих, не только отказался от пищи, но и поклялся до заката солнца не прикасаться ни к чему. Поведение Давида сразу расположило к нему народную массу, потому что те, которые любили Авеннира, с удовольствием видели, какую честь царь воздает покойному и как он остается верен ему, удостаивая его, как близкого родственника и друга, пышных похорон, а не предавая его земле кое-как и на скорую руку, чем бы он доказал лишь свое неприязненное отношение к убитому. Остальная же масса народа радовалась мягкому и доброму сердцу Давида, потому что всякий, видя отношение царя к смерти Авеннира, мог рассчитывать на то, что он удостоился бы сам такого же любвеобильного отношения, если бы был в подобном положении, как Авеннир. Таким образом Давид снискал себе всеобщее расположение и совершенно избавил себя от всякого подозрения относительно участия в убиении Авеннира. Вместе с тем он выяснил народу, какую печаль причиняет ему кончина столь славного мужа и сколь велика потеря евреев, лишившихся теперь человека, который был бы во время военных действий в состоянии поддержать и спасти их своими отличными советами и своей необычайной физической силой. «Но,- сказал царь,-

Господь Бог, заботящийся обо всем, не оставит его смерти без возмездия. Вам, конечно, известно, что я не в состоянии ничего предпринять против сыновей Саруйи, Иоава и Авессея, которые могущественнее меня. Но Предвечный воздаст им должное за их дерзкое преступление».

Таким образом покончил жизнь свою Авеннир (Ср. [2Цар 2.1](#) и [2Цар 3.1](#)).

1 Когда сын Саулов, Иевосф, узнал о смерти Авениира, он страшно опечалился, потеряв столь близкого родственника и человека, доставившего ему царский престол, и не знал пределов скорби и плача. Впрочем, ему самому не было суждено намного пережить его, потому что он пал жертвой коварства сыновей Иереммона, Ванасфа и Фанна. Происходя из родовитой семьи, принадлежавшей к колену Веньяминову, и рассчитывая за убийство Иевосфа получить от Давида значительную награду в виде назначения на места полководцев или на какую-нибудь другую ответственную и важную должность, эти юноши, найдя однажды Иевосфа погруженным в послеобеденный сон и одного, так как стража удалась, а привратница, утомленная своей обязанностью и сильной жарой, впала в сон, пробрались в спальню сына Саулова и убили его. Затем они отрубили ему голову и пустились в путь, спасаясь в продолжение целых суток от ожидавшего их наказания, к тому, от которого рассчитывали получить благодарность и где думали найти безопасное убежище. Прибыв в Хеврон, они показали Давиду голову Иевосфа и стали хвалиться тем, как они преданы Давиду и как умертвили врага и соперника его. Однако Давид отнесся к этому делу совершенно не так, как они надеялись, и сказал: «Злодеи, вас скоро постигнет наказание! Разве вы не знаете, как я отплатил убийце Саула, принесшему мне золотую его корону, хотя он этим убийством оказал услугу самому Саулу, не пожелавшему попасть в руки врагов? Или, быть может, вы подумали, что я изменился, уже не тот, что прежде, и буду благодарен и признателен злодеям и цареубийцам, которые дерзнули убить в его собственной спальне человека достойного и никому никогда не причинившего зла, но относившегося к вам с особенным расположением и оказывавшего вам всевозможный почет? Поэтому вы подвергнетесь заслуженному наказанию не только ради него, но и за то, что могли рассчитывать, будто я буду доволен умерщвлением Иевосфа. Вы не могли совершить большего осквернения моего доброго имени, как именно таким предположением» После этого Давид велел их пытаться всевозможными пытками до смерти, а голову Иевосфа он похоронил со всеми подобающими почестями в могиле Авениира.

2. После того как эти юноши умерли таким образом, все начальствующие над еврейским народом лица, военачальники и тысяцкие, явились к Давиду в Хеврон и предоставили себя в распоряжение царя, напомнив о своей ему преданности еще при жизни Саула и указав на то, как они почитали его, когда он достиг звания хилиарха⁴²¹. При этом они подчеркнули свою всегдашнюю ему преданность, потому что как Давид, так и сыновья его были рукоположены по повелению Предвечного через пророка Самуила в цари и потому что Господь Бог даровал Давиду после войн с филистимлянами спасти от гибели всю страну еврейскую. Царь с удовольствием принял эти выражения их верноподданнической любви к нему, просил их не изменять своего на этот счет взгляда (им не придется в этом раскаиваться) и, угостив их блестящим пиром, отпустил с тем, чтобы они привели к нему весь народ. И действительно, вскоре из колена Иудова пришло 6800 тяжелооруженных щитами и копьями (они раньше оставались верными сыну Саула и не примкнули к прочим представителям колена Иудова, которые во всей своей совокупности уже признали Давида царем); из колена Симеонова пришло 7000 человек, из Левина — 4700 с Йодамом во главе. К ним примкнул также первосвященник Цадок с двадцатью двумя родственными вождями. Из колена Веньяминова явилось лишь 4000 воинов, потому что колено это еще колебалось в своем решении окончательно примкнуть к Давиду, ожидая, что царем выступит кто-либо из родни Саула; из колена Ефремова — 20 800 самых храбрых и сильных людей; из колена Иссахарова — 200 предсказателей будущего и 20000 тяжелооруженных воинов; из половины колена Манассиева — 18 000 отборных

ратников, а из Завулонова — 50 000 отличных солдат, потому что одно это колено перешло на сторону Давида во всей своей совокупности. Все эти воины были так же вооружены, как и представители колена Гадова. Из колена Неффалимова явилась тысяча выдающихся и пользовавшихся почетом предводителей, вооруженных щитами и дротиками. За ними шло все бесчисленное число членов колена. Из колена Данова прибыло 27 600 отборных воинов, из Асирова — 40 000, а из тех двух колен, которые занимали местность по другую сторону Иордана, равно как из остальной части колена Манассиева, — 120 000 людей, оружие которых составляли щит, копье, шлем и меч. Представители прочих колен имели также мечи.

Итак, вся эта масса войска явилась с огромными запасами хлеба, вина и прочих съестных припасов к Давиду в Хеврон и единогласно провозгласила Давида царем. После трехдневного пира и всенародного угощения в Хевроне, Давид выступил со всеми этими войсками оттуда в Иерусалим (Ср.: [2Цар 4.1—12](#); [2Цар 5.1—3](#); [1Пар 11.1—13](#)).

1. Так как иевуситы, народ хананейского племени, населявшие тогда этот город, заперли перед Давидом ворота и поместили на стенах всех своих слепых, хромых и увечных в насмешку над Давидом, говоря, что эти увечные люди сумеют воспрепятствовать ему войти в город (в этом своем поступке ими руководила уверенность в укрепленности стен), то Давид расвирепел и приступил к осаде Иерусалима. При этом он приложил все свое старание и усердие, чтобы быстрым завоеванием города показать свое могущество и навести страх и ужас на всех тех, кто бы вздумал отнестись к нему таким же [наглым] образом, как то сделали иевуситы. И действительно, ему удалось с большими усилиями быстро занять Нижний город. Но так как крепость города не сдавалась, то царь, чтобы возбудить в своих воинах больше храбрости, решил прибегнуть к обещанию почетной награды тому, кто бы взобрался по крутой стене обрыва первым на вершину утеса и занял бы крепость, а именно он обещал такому герою предоставить командование над всем войском. Все немедленно стали стараться влезть на утес и уже не щадили сил своих в этом деле, потому что каждому хотелось сделаться главнокомандующим. Однако Иоав, сын Саруйи, предупредил всех прочих, первый взобрался на утес и крикнул оттуда царю, что требует себе обещанной награды.

2. Затем Давид изгнал гарнизон неприятелей из крепости, отстроив город Иерусалим, который назвал градом Давидовым, поселился в нем и провел там все остальное время своего царствования. Период времени, в течение которого он в Хеброне правил одним коленом Иудовым, обнимал семь лет и шесть месяцев. После того как Давид сделал своей резиденцией Иерусалим, дела его пошли с каждым днем все лучше и лучше, потому что Господь Бог заботился о росте и увеличении могущества города. В это же время к Давиду прибыло и посольство от тирского царя Ирама⁴²², который заключил с ним дружественный оборонительный договор. Вместе с тем Ирам прислал Давиду в подарок много брусьев кедровых и отрядил искусных архитекторов и строителей, которые должны были воздвигнуть в Иерусалиме царский дворец.

Когда Давид занял Верхний город, то соединил его с Нижним и сделал из них таким образом одно целое, которое было окружено единой общей стеной и поручено охране Иоава.

Итак, Давид, изгнав из Иерусалима иевуситов, первый назвал этот город по своему имени, потому что при праотце нашем Авраме он носил имя Солимы⁴²³. Ввиду этого, по заявлению некоторых, и Гомер называл город Солимою; он называет святилище солимою, что на еврейском языке означает «спокойствие». С того времени, как военачальник Иисус пошел войной на хананеян и, одержав над ними победу, разделил владения их между евреями, причем израильтянам все-таки не удалось изгнать хананеян из Иерусалима, до окончательного покорения их Давидом прошло пятьсот пятнадцать лет.

3. Здесь мне приходится упомянуть еще о богатом иевуситянине Оронне, который был пощажён Давидом во время осады Иерусалима за расположение его к евреям и за оказанные им царю услуги, о которых я расскажу несколько ниже.

Кроме уже бывших у него жен, Давид взял себе еще несколько других, а также наложниц. Таким образом он стал отцом еще других одиннадцати сыновей, которых назвал именами: Амнуса, Емнуса, Евана, Нафана, Соломона, Иевара, Елиина, Фалка, Иннара, Иеная, Елифала,- и одной дочери, Фамары. Из этих сыновей девять было рождено от законных матерей, двое же последних от наложниц. Фамара была единоутробной сестрой Авессалома (Ср.: [2Цар 5.4—11](#); [1Пар 11.4—9](#); [2Цар 24.16—23](#); [2Цар 5.11—16](#)).

1. Когда филистимляне узнали, что Давид провозглашен царем еврейским, они пошли против него войной на Иерусалим и, заняв так называемую долину исполинов⁴²⁴ (местность эта находится недалеко от города), расположились там лагерем. Тогда царь иудейский, который ничего не предпринимал без вопрошения и помимо приказания Господа Бога и всегда старался о получении положительного насчет исхода предприятия предсказания, предложил первосвященнику сообщить ему о воле Предвечного по этому делу и об исходе предстоящей битвы. Когда ответ получился положительный, т.е. предсказывалась полная победа, тогда Давид повел свое войско на филистимлян, напал на них во время боя неожиданно с тылу и часть их перебил, а другую обратил в бегство. Впрочем, пусть никто не подумает, что филистимляне повели на евреев незначительные военные силы, равным образом как не следует укорять их, на основании быстроты их поражения и того, что они не совершили ни одного в этом случае выдающегося и достойного замечания подвига, в том, будто бы они были трусливы или робки; напротив, должно принять во внимание, что вместе с ними выступали в поход и участвовали в битве все сирийцы и финикийцы и, кроме этих, также много других воинственных племен. Последнее-то обстоятельство и было причиной того, что филистимляне, несмотря на свои неоднократные поражения и потери стольких десятков тысяч воинов, все-таки были в состоянии идти на евреев со все более и более значительными военными силами. Поэтому-то, несмотря на полное свое поражение в этом походе, они вскоре затем напали на Давида с утроенным количеством войска и расположились лагерем в той же самой местности. Когда же израильский царь снова спросил Господа Бога об исходе сражения, то первосвященник сообщил ему о совете Предвечного стянуть силы в так называемом «лесу печали», находившемся недалеко от вражеского стана, и не выступать оттуда на бой раньше, чем при полном отсутствии ветра не зашумит лес. Когда же раздался шум леса и таким образом наступил определенный Господом Богом момент, Давид немедленно вышел оттуда, не сомневаясь более в уготованной ему Предвечным верной победе. И действительно, полчища врагов не выдержали этого натиска и после первого же нападения обратились в бегство, так что Давиду пришлось только преследовать и рубить их. Таким образом он гнал за ними до города Газара⁴²⁵ (который представляет пограничный пункт), а затем принялся разорять их лагерь, где нашел значительные богатства, и уничтожать изображения их божеств.

2. Ввиду такого благополучного результата сражения, Давид, посоветовавшись со старейшинами, военачальниками и тысяцкими, решил созвать к себе молодежь всей страны, а также священнослужителей и левитов и, отправившись со всеми ими в Кариафиарим⁴²⁶, взять и перевести оттуда в Иерусалим божественный кивот завета, чтобы затем уже постоянно здесь совершать богослужение с жертвоприношениями и другими, угодными Предвечному, способами. При этом царь был того мнения, что если бы евреи сделали это еще в царствование Саула, то им не пришлось бы испытать такие неудачи.

Итак, когда весь народ, сообразно принятому решению, был в сборе, царь отправился за кивотом завета. Священники вынесли последний из жилища Аминадава и, поставив его на новую колесницу, запряженную волами, велели везти ее братьям и сыновьям Аминадава. Царь же и весь народ с ним шли впереди колесницы, прославляя Господа Бога, распевая свои родные песнопения под аккомпанемент музыки, провожая кивот с плясками, пением и игрою на трубах и кимвалах до самого Иерусалима. Когда же они достигли местности, носящей название «гумна Хидонова», то некоему Озе пришлось тут умереть от гнева Предвечного. Дело в том, что, когда волы наклонили несколько колесницу, он протянул руку, желая воспрепятствовать падению

священного кивота. Но так как он прикоснулся к святыне, не будучи священнослужителем, то тут же умер. Царь и весь народ были глубоко опечалены смертью Озы, а место, на котором он умер, еще и поныне носит название «удара Озы». Давид же побоялся, как бы такая участь, какую испытал Оза, не постигла его самого, если он примет кивот завета в свой город, так как человек, только протянувший к нему руку, погиб таким образом; потому он не привез кивота к себе в город, но свернул с дороги во владения некоего праведного левита, по имени Оведама, и оставил кивот у него. Тут кивот оставался в продолжение целых трех месяцев и принес дому Оведама большое благополучие и счастье. Когда же царь узнал, что Оведама постигла такая удача, что он из раньше бедного и незначительного человека обратился теперь в богача и счастливца, который служит предметом зависти для всех, кто видит и знает его дом, Давид собрался с духом и решил перевести кивот к себе, не боясь уже потерпеть от этого какое-либо несчастье. Таким образом, священники понесли кивот, а семь хоров, обученных царем, шли впереди его, сам же Давид играл на арфе и был так весел, что его жена Михала, дочь первого царя Саула, при виде его в таком настроении, выразила свое негодование. Когда кивот завета был доставлен в город, то его поставили в том шатре, который воздвиг для него Давид. Затем царь устроил торжественные и изобильные покаянные жертвоприношения, во время которых угостил всю массу народную и роздал женщинам, мужчинам и детям по печеному хлебу, сухарю, слоеной лепешке и части мяса жертвенных животных. Угостив таким образом народ, царь отпустил его домой и сам возвратился в свой дворец.

3. Тут пришла к нему жена его Михала, дочь царя Саула, поздравила его и пожелала ему удачи и счастья во всем, чего бы ни дал ему всемилостивый Господь Бог, но при этом стала упрекать Давида в том, что он, такой могущественный царь, неприлично плясал и обнажался при этом перед толпой рабов и рабынь. Давид, однако, ответил, что ему нечего было стыдиться, делая это в угоду и честь Господа Бога, который предпочел его ее собственному отцу и всем прочим, и прибавил к этому, что он еще часто намерен играть и плясать, несмотря на то, что это нарушило бы чувство благопристойности как в ней самой, так и в рабынях.

Эта Михала первоначально не рожала Давиду детей. Когда же она впоследствии была отдана отцом своим Саулом в жены другому человеку (у которого затем ее опять отнял Давид), то она стала матерью пяти детей. Но об этом мы скажем впоследствии.

4. Когда царь заметил, что дела его начинают с каждым почти днем идти все лучше и лучше благодаря благоволению Господа Бога, то счел за грех в то время, как он сам живет в великолепнейшем, высоком и с чудной обстановкой дворце из кедрового дерева, оставлять без внимания помещение священного кивота в простом шатре. Поэтому Давид, сообразно предсказанию Моисея, задумал воздвигнуть Господу Богу храм. Когда же он поговорил об этом с пророком Нафаном и тот укрепил его в этом решении, указав на то, что Господь Бог будет сопутствовать Давиду во всех его начинаниях, то царь еще более убедился в целесообразности построения храма. Но в следующую же ночь Предвечный явился во сне Нафану и повелел передать Давиду, что Его очень радуется благое и столь сильное желание царя построить храм, тем более что никто раньше его не возымел мысли сделать это, но что Он вместе с тем не может позволить Давиду приступить к сооружению святилища, так как он вел множество войн и обогрил руки своей кровью убитых врагов. Вместе с тем Господь сказал, что после смерти Давида, которая постигнет последнего в преклонном возрасте после продолжительной жизни, храм этот будет сооружен тем его сыном, к которому впоследствии перейдет царская власть, а именно Соломоном. При этом Предвечный поручил передать Давиду, что Он будет охранять Соломона и заботиться о нем, как отец о сыне, а также сохранит и передаст царство его потомкам, а самого Соломона, в случае каких-нибудь с его стороны прегрешений, накажет лишь болезнью и неурожаем. Узнав это от пророка и обрадовавшись тому, что теперь наверное

царская власть будет сохранена за его потомством и что его дом достигнет блеска и великой славы, Давид предстал перед кивотом завета и, пав ниц, начал возносить к Предвечному благодарственную молитву за все то добро, которое Он оказал ему, за то, что Он сделал его, некогда ничтожного пастуха, теперь таким могущественным и славным вождем народа, за обещания, дарованные Господом Богом относительно его потомства, и за ту заботливость, которую Он выказывает евреям в деле сохранения ими свободы. Вознеся эту молитву и прославив Господа Бога в благодарственном гимне, Давид возвратился домой (Ср.: [2Цар 5.17—25](#); [2Цар 6.1](#); [2Цар 7.1—29](#); [1Пар 13.1—14](#); [1Пар 15.1—29](#); [1Пар 17.1—27](#).).

1. Спустя короткое время после этого Давид решил, что ему нельзя дольше пребывать в бездействии и беспечности, но следует начать войну с филистимлянами, для того чтобы, согласно предсказанию Господа Бога, окончательно разбить врагов и затем предоставить своему потомству в будущем возможность царствовать мирно. Поэтому он снова собрал свое войско и, велел ему приготовиться к войне, выступил из Иерусалима, когда увидел, что все у солдат в исправности, и пошел на филистимлян. Разбив их в сражении и отняв у них значительную часть их владений, которую он тут же прирезал к пределам еврейским, Давид пошел войной на моавитян, совершенно разбил и уничтожил в бою два их отряда, а остатки их войска взял в плен и наложил на нихежегодную дань. Затем он двинулся против Адразара, сына Арая, царя Софены⁴²⁷, сразился с ним вблизи реки Евфрата и перебил у него около двадцати тысяч пехоты и семи тысяч всадников. При этом Давид отнял у него также тысячу боевых колесниц, из которых большую часть велел уничтожить, а себе оставил лишь сто.

2. Когда Адад, царь Дамаска и Сирии, узнал, что Давид воюет с его другом Адразаром, то явился к Адразару с сильным войском на помощь; но исход битвы совершенно не соответствовал его ожиданиям: сразившись на берегах реки Евфрата, он потерял множество воинов; от руки евреев пало из войска Адада около двадцати тысяч человек, все же остальные обратились в бегство. Об этом царе упоминает также Николай⁴²⁸, рассказывая о нем в четвертой книге своего исторического сочинения следующим образом: «Значительное время спустя после этого царствовал один из туземцев, по имени Адад, который подчинил себе Дамаск и прочие части Сирии, исключая Финикию. Этот-то человек, казавшийся наилучшим из царей по своей силе и своему могуществу, вел войну с иудейским царем Давидом и сходил с ним во многих битвах; последняя битва, в которой он потерпел поражение, произошла вблизи Евфрата». Кроме того, этот же Николай сообщает о потомках его (Адада), что после его смерти они получили последовательно друг от друга царскую власть и вместе с тем прозвище Адада, и выражается по этому поводу следующим образом: «Когда Адад умер, потомки его были царями в продолжение десяти поколений, причем каждый из них, наподобие египетских Птолемеев, получал от отца своего вместе с царской властью также и его имя. Самым же могущественным из всех их был третий. Желая вернуть себе то, что дед его потерял во время поражения, он объявил войну иудеям и опустошил ту страну, которая ныне именуется Самариею». Это совершенно правильно, потому что данный Адад именно тот самый, который пошел войной на Самарию во время царствования израильского царя Ахава, о чем мы впоследствии расскажем в подобающем месте.

3. После того как Давид пошел войной на Дамаск и все прочие части Сирии и всю ее подчинил своей власти, он разместил по важнейшим пунктам страны гарнизоны, определил размеры дани, наложенной на жителей, и возвратился в Иерусалим, где он сделал Господу Богу приношение виде тех золотых колчанов и частей оружия, которые носили телохранители Адада. Это было то самое оружие, которое впоследствии отнял в числе значительных других иерусалимских богатств египетский царь Сулак, когда пошел войной на внука Давидова, Ровоама. Но об этом мы поговорим тогда, когда дойдем в своем повествовании до этого места. Теперь же царь еврейский, благодаря благоволению к нему Предвечного и дарованию удачи на войне, направился на лучшие города Адразара, Ваттею и Махон, взял их штурмом и предал разграблению. Тут ему попало в руки огромное количество золота и серебра, а также бронзы, которая считалась дороже золота; из этой-то бронзы Соломон соорудил большой сосуд, принятый называть «морем»⁴²⁹, и другую ценнейшую утварь, когда строил храм Предвечному.

4. Когда царь Амафы узнал о постигшем Адразара поражении и о совершенном избиении его войска, то испугался за себя и решил путем дружественного договора склонить Давида на свою сторону раньше, чем бы Давид объявил ему войну. Поэтому он отправил к нему сына своего Адорама с изъявлением признательности, что Давид воевал с его личным врагом Адразаром, и с предложением заключить дружественный договор. При этом царь послал Давиду также и дары, а именно старинной работы золотые, серебряные и бронзовые сосуды. Давид действительно принял подарки, заключил с Феном (так звали царя амафского)⁴³⁰ союз и отпустил затем его сына со всеми почестями, которые подобали высокому положению их обоих. Присланное же Феном золото и серебро, равно как все прочие драгоценности, которыми Давид овладел при взятии городов и у покоренных народов, он доставил в храм и посвятил Господу Богу в виде жертвенного дара. Предвечный же даровал победу и успех не одному только Давиду, во время личного командования его над войском, но и Авессею, брату главного военачальника Иоава, посланному с отрядом в Иудею и одержавшему, благодаря помощи Господа Бога, блестящую победу над идумеянами: Авессею удалось истребить в одной битве восемнадцать тысяч человек. Затем царь Давид занял всю Идумею своими гарнизонами и наложил дань как на земельные участки, так и поголовно на все население. При этом Давид не изменял характеру своему, признавал требования справедливости и при судебных решениях соблюдал полное беспристрастие. Главным военачальником над всей ратью он назначил Иоава, ближайшим же своим советником определил Иосафата, сына Ахила; первосвященником он сделал, наравне с дружественным ему Авиафаром, Садока из дома Финеесова, а Сису своим секретарем. Ванею, сыну Иоада, он вручил начальство над отрядом телохранителей своих, в состав которого, как ближайшие к нему люди, вошли его собственные старшие сыновья.

5. Не забыл Давид также о своем клятвенном союзе с сыном Саула, Ионафаном, и о беспредельной к нему дружбе и преданности последнего, потому что ко всяким другим присущим Давиду хорошим качествам присоединялось также чувство постоянной благодарности по отношению к лицам, когда-либо выразившим ему свое благоволение. Поэтому Давид велел доискаться, не остался ли из потомства Ионафана в живых кто-либо, которому он мог бы отплатить добром за преданность и дружбу Ионафана. Когда к Давиду привели одного Саулова вольноотпущенника, который мог знать подробности о судьбе потомства Ионафана, то царь спросил его, не в состоянии ли он указать на близкого Ионафану человека, которому можно было бы выразить признательность за оказанные Ионафаном Давиду благодеяния. Вольноотпущенник сказал, что в живых имеется еще один только сын Ионафана, по имени Мемфивосф⁴³¹ хромой, потому что его кормилица, при получении известия о гибели отца и деда дитяти в битве, со страшной поспешностью бежала с ним и в это время уронила его, так что ребенок повредил себе ноги. Когда Давид узнал, где Мемфивосф и кем воспитывается, то отправил за ним людей к Махиру в город Лавасу⁴³² (тут жил сын Ионафана) и велел привезти его в Иерусалим. По прибытии Мемфивосфа он предстал перед царем и в знак приветия пал перед ним ниц. Давид обласкал его и внушил ему надежду на перемену к лучшему в его судьбе. Затем он подарил ему его отцовский дом со всем имуществом, которое некогда принадлежало его деду Саулу. Вместе с тем он пригласил Мемфивосфа в число своих гостей и сотрапезников и приказал ему безусловно ежедневно бывать у него во дворце. Когда сын Ионафана преклонился перед царем в знак глубокой своей признательности за ласковое отношение и ценный подарок, то Давид велел призвать Сиву⁴³³ и сообщил ему, что Мемфивосфу предоставлен в собственность его родительский дом со всем имуществом, оставшимся после Саула. При этом царь приказал Сиве заняться обработкой земельного участка Мемфивосфа и доставлять произведения его в Иерусалим, приглашать Мемфивосфа ежедневно к царской трапезе и предоставить себя со своими сыновьями (которых у того было пятнадцать), а также своих рабов,

числом двадцать, в полное распоряжение сына Ионафанова. На это повеление царя Сива преклонился перед ним и удалился затем с обещанием исполнить все в точности. Сын же Ионафана стал жить с тех пор в Иерусалиме, обедал у царя и был у него совершенно на положении родного сына. У него впоследствии родился ребенок, которого он назвал Михою (Ср. [2Цар 8.1](#) и [2Цар 9.13](#); [1Пар 18.1—17](#)).

1. Таким-то почетом пользовался у Давида оставшийся после Саула и Ионафана потомок. Когда в это время умер бывший в дружеских отношениях с Давидом амманитский царь Наас⁴³⁴ и правление перешло к его сыну Аннону, Давид послал к последнему посольство с выражением соболезнования и утешения в постигшем его горе — смерти отца и с уверением, что он готов с Анионом оставаться в тех же хороших отношениях, в которых был с его отцом. Однако старейшины амманитские истолковали это известие в дурном смысле, совершенно обратном тому, который придавал ему царь Давид, и стали возбуждать недоверие своего царя, говоря, что Давид, под предлогом человеколюбия, послал лишь своих соглядатаев к ним в страну. При этом они советовали Аннону остерегаться и не доверять словам Давида, чтобы из этого не вышло неотвратимого несчастья. Итак, придавая советам своих старейшин больше значения, чем бы следовало, амманитский царь Аннон обошелся крайне грубо с посланцами Давида, велел сбрить им половину бороды и срезать нижний край одежды, чтобы они могли принести Давиду ответ не словесный, но осязательный. Увидев это, царь израильский вознегодовал так сильно, что было очевидно, что он не оставит нанесенных ему оскорбления и обиды без ответа, но пойдет войной на амманитян и отомстит их царю за безобразие, учиненное над его посланными. Когда приближенные и военачальники [Аннона] поняли, что они нарушили дружественный договор [с Давидом] и теперь придется отвечать за это, то они стали готовиться к войне. Ввиду этого они отправили к месопотамскому царю Сиру тысячу талантов с просьбой оказать им за это вознаграждение вооруженную поддержку, а также склонили на свою сторону [царя] Суву. В распоряжении этих двух правителей имелось двадцать тысяч пехотинцев. Кроме того, они наняли еще царя амалекитян и пригласили в виде четвертого союзника царя Истова, который вместе с амалекитянином мог выставить двенадцать тысяч тяжеловооруженных воинов.

2. Однако Давид не устрасился этого союза и значительных военных сил амманитян, но, уповая на Господа Бога и на то, что его война будет борьбой за правду, так как он собирается на войну лишь с целью отомстить за нанесенную обиду, дал лучшие войска свои главнокомандующему Иоаву и послал его с ними на врагов. Иоав расположился лагерем около столицы амманитян, Равафы⁴³⁵. Враги тогда вышли из своего города и выстроились к бою не в одно целое, но разбились на два отряда, причем вспомогательные войска построились отдельно на равнине, силы же амманитян стали у городских ворот, как раз напротив евреев. Когда Иоав заметил это, то и он со своей стороны принял меры предосторожности, а именно выбрал себе самых храбрых воинов и стал с ними против Сира и бывших с ним других [союзных] царей, а остальные войска свои предоставил брату своему Авессею с приказанием выстроиться против амманитян, причем напомнил Авессею, чтобы тот следил за ним и, если заметит, что его (Иоава) начнут теснить войска Сира и брать верх над ним, немедленно послал бы ему отряд в подмогу; то же самое собирался сделать и Иоав, если бы увидел Авессея в затруднении от амманитян. Итак, Иоав отпустил своего брата на бой с амманитянами и еще раз убедительно просил его храбро и энергично сразиться, как подобает людям, боящимся позора; сам же двинулся на рать Сира. После того как она некоторое, незначительное впрочем, время стойко выдерживала его натиск, Иоаву наконец удалось перебить множество врагов, а всех остальных принудить к бегству. Когда амманитяне увидели это, на них напал страх перед Авессеем и его войском; они не устояли, но подобно своим союзникам ударились в бегство по направлению к своему городу. Таким образом Иоав осилил врагов и со славой вернулся к своему царю в Иерусалим.

3. Тем не менее это поражение не побудило амманитян прекратить военные действия и,

ознакомившись с боевыми преимуществами своих врагов, заключить с ними мир. Напротив, они отправили посольство к Халаме, царю сирийцев, живших по ту сторону Евфрата, и за деньги предложили ему вступить с ними в союз, тем более что у него был главнокомандующим Савек, который начальствовал над армией, состоявшей из восьмидесяти тысяч пехотинцев и десяти тысяч кавалерии. Когда царь еврейский узнал, что амманитяне опять собрали для войны с ним такие большие военные силы, он решил более не высылать против них своих полководцев, но сам сразиться с ними. Поэтому он во главе всего своего войска немедленно переправился через реку Иордан, встретился там с неприятелями и, вступив с ними в бой, одержал полную победу. При этом он перебил до семи тысяч всадников и до сорока тысяч пехоты и нанес такую рану главному полководцу Халамы, Савеку, что тот вскоре от нее умер. Ввиду такого исхода боя месопотамцы сдались Давиду и прислали ему дары. Была уже зима, когда царь вернулся в Иерусалим; в начале же весны он выслал против амманитян своего главнокомандующего Иоава, который ворвался в их пределы, разграбил страну совершенно, запер жителей в их столице Равафе и приступил к осаде последней (Ср. [2Цар 10.1](#); [1Пар 19.1—19](#)).

1. В это время с Давидом, человеком от природы праведным, благочестивым и свято чтившим установленные законы, случился великий грех. Дело в том, что однажды вечером он увидал с крыши своего дворца, по которой в эту пору он имел обыкновение прогуливаться, женщину необычайной красоты, купавшуюся у себя дома в холодной ванне. Имя этой женщины было Вирсава. Красота ее совершенно очаровала царя, и он, не будучи в силах сдержать своей страсти, послал за ней и сошелся с ней. Женщина забеременела и послала к царю просьбу найти какое-нибудь средство скрыть ее прегрешение (потому что, по установленным законам, ей за прелюбодеяние грозила смерть). Тогда царь послал за мужем этой жены — его звали Урией, и он был оруженосцем у Иоава — и стал его спрашивать о войске и о ходе осады. Когда же тот ответил, что дела у них идут как нельзя лучше, Давид велел его хорошо угостить с его собственного стола и приказал ему затем пойти отдохнуть с женой. Урия, однако, не сделал этого, но спал в ту ночь перед дверьми царя в обществе прочих его оруженосцев. Когда царь узнал об этом, то спросил Урию, почему он [накануне] не вернулся к себе домой и не провел ночи в объятиях своей жены, как это обыкновенно делают все те, которые были в отсутствии продолжительное время и возвращаются к себе. Но воин ответил, что было бы несправедливым отдыхать и наслаждаться с женой, пока его сослуживцы и сам военачальник валяются на голой земле лагеря, в неприятельской стране. Получив такое объяснение, Давид приказал Урии остаться еще этот день у него, так как собирается отпустить его к главнокомандующему на следующий день. Затем он опять пригласил его к себе обедать и так угостил его вином, что тот дошел до полного опьянения. Тем не менее Урия опять переночевал у порога царя, не подумав даже о возможности радостного свидания с женой. Огорчившись этим, царь написал Иоаву письмо, в котором приказывал наказать Урию, так как последний-де провинился ⁴³⁶. При этом Давид также указал Иоаву на такой для Урии род наказания, при котором не обнаружилось бы, что сам царь определил его, а именно: Давид приказал поставить Урию во время боя с неприятелями на такую позицию, где бы ему пришлось сражаться одному и угрожала бы неминуемая опасность смерти, и для этого, когда начнется схватка, отступить всем его сотоварищам. Это письмо, запечатанное собственной печатью, царь поручил Урии доставить Иоаву. Последний, получив и прочитав царское послание, действительно поставил Урию и с ним несколько лучших солдат из всего войска на такую позицию, на которой, по его мнению, враги оказались бы ему особенно опасными. Сам же он обещал подойти к ним со всем войском на помощь, если им удастся, подкопав стену, проникнуть в город. При этом Иоав уговаривал Урию, столь славного воина, известного по своей храбрости не только у царя, но и у всех товарищей, радоваться такой серьезной, возложенной на него задаче, а не выражать по этому поводу своего неудовольствия. Урия взялся затем бодро за исполнение порученного ему дела, а Иоав тайно от него велел назначенным ему в помощники воинам покинуть его, когда увидят, что враги устремятся на них. И действительно, когда евреи подошли к городу, амманитяне испугались, как бы неприятели их в том месте, где стал на позицию Урия, не предупредили их, влезши на стену, и, выставив вперед самых отчаянных своих смельчаков, отперли ворота и неожиданным сильным напором быстро устремились на евреев. В это мгновение все товарищи Урии отступили назад, как им повелел Иоав. Урия же, считая позорным обратиться в бегство и покинуть занимаемое место, стал выжидать натиска врагов. Когда последние бросились на него, ему удалось перебить немало их количество, но затем он был окружен ими со всех сторон и пал под их ударами. Вместе с ним пало также несколько его товарищей.

2. После этого происшествия Иоав отправил к царю послов с извещением, что он приложил

все усилия, чтобы взять скорее город, приблизился с этой целью к городской стене, но был вынужден с большим для себя уроном отступить. Вместе с тем он велел посланным прибавить к этому сообщению еще известие о смерти Урии, если бы царь выразил гнев на их слова.

Когда царь услышал это сообщение посланцев, очень опечалился ему и сказал, что военачальники сделали оплошность, открыто подойдя к стене, и заметил, что следовало пытаться взять город при помощи осадных орудий и таранов, чему мог научить пример Авимелеха, сына Гедеона, который, желая приступом взять укрепленную башню в Финах, получил от какой-то старухи удар камнем в голову и, несмотря на все свое геройство, должен был погибнуть позорной смертью лишь вследствие затруднительности такого рода приступа.

Помня этот пример, не следовало подходить близко к стенам неприятельского города, потому что всего лучше и выгоднее никогда не забывать о всяких происходивших на войне случаях и опасных положениях, чтобы сообразоваться с первыми и остерегаться последних. Когда же Давиду, находившемуся в столь возбужденном состоянии, было сообщено о смерти Урии, то гнев царя смягчился и он приказал послам вернуться к Иоаву и передать ему, что такая случайность может выпасть на долю всякому человеку и что такова уже участь военных действий: что удача клонится то в одну, то в другую сторону, но что вообще Иоаву следует при дальнейшей осаде приложить все старания к тому, чтобы избежать вторичного поражения, пустить во время осады в дело валы и осадные орудия и, таким образом овладев городом, перебить всех жителей его. Посланец поспешил с этим поручением царя назад к Иоаву, а жена Урии Вирсава, узнав о гибели мужа, облеклась на несколько дней в траур по нем. После того как ее печаль и слезы по Урии поутихли, царь ее немедленно взял к себе в жены и у него родилось от нее дитя мужского пола.

3. Господь Бог, однако, с неудовольствием взирал на этот брак и очень негодовал за него на Давида. Ввиду этого Предвечный явился во сне пророку Нафану и стал выражать ему свое неудовольствие на царя. Нафан же, как человек утонченно вежливый и рассудительный, принял во внимание, что, когда царями овладевает гнев, они скорее поддаются этому гневу, чем чувству справедливости, и потому решил не передавать Давиду угроз, услышанных им от Господа Бога, но употребить по отношению к царю совершенно другой тон, и притом такого рода, что это должно было раскрыть Давиду его собственный на этот счет образ мыслей. Поэтому Нафан обратился к нему со следующими словами: «В одном и том же городе жило некогда двое людей; один из них был богат и имел большие стада крупного и мелкого рогатого скота, у бедного же была всего-навсего одна только овца. Эту овцу он держал при своих детях, сам кормил ее, делился с ней своей пищей и любил ее так, как любят родную дочь. И вот, когда однажды явился к богатому человеку гость, он не захотел пожертвовать на угощение друга ни одним из своих ягнят, но послал к бедняку, насильно отнял у него овцу его и приготовил ее на обед приятелью-гостью». Эта речь очень смутила царя, и он ответил Нафану, что считает человека, осмелившегося совершить такой поступок, мерзавцем, обязанным уплатить учетверенную стоимость овцы и, кроме того, быть казненным. Нафан возразил на это, что Давид признал самого себя достойным такого наказания, так как по собственному признанию сам дерзнул поступить так же гнусно и ужасно⁴³⁷. Тут же Нафан стал сообщать Давиду о страшном гневе на него Господа Бога, который сделал его царем над всей массой евреев и подчинил ему множество великих соседних народов, который, кроме того, избавил его от преследований Саула и дал ему женщин, на которых он мог жениться совершенно беспрепятственно и законно. Теперь же этот Бог сделался предметом оскорбления и насмешки с его стороны, так как Давид держит у себя чужую жену, мужа которой он выдал на убиение неприятелям. Ввиду всего этого, продолжал пророк, царь даст за это ответ перед Господом Богом, который строго накажет его: собственные жены Давида будут изнасилованы одним из его сыновей, который составит заговор против

жизни самого царя, и таким образом последний будет открыто наказан за тайно совершенный им грех. Также и ребенок, которого родила ему та женщина, должен будет скоропостижно умереть. Но так как царь был страшно подавлен всем этим и в глубоком волнении со слезами на глазах сознал все безбожие своего поступка (ведь он вообще был человеком богобоязненным и во всю свою жизнь совершил только один этот грех с женой Урии), то Господь Бог сжалился над ним и отпустил ему вину его, обещая пощадить жизнь его и не отнимать у него царской власти, так как не желает больше негодовать на Давида ввиду его раскаяния во всем случившемся. Нафан объявил об этом царю и вернулся к себе домой.

4. Ребенок же, которого родила жена Урии, заболел тяжкой болезнью, которая до того опечалила царя, что он в продолжение семи дней, несмотря на настоятельные просьбы приближенных, воздерживался от [обычной] пищи, облекся в темную одежду и, прикрывшись мешком, в знак траура, лежал на земле, умоляя Господа Бога спасти ребенка: очень уж Давид любил мать младенца. Когда же последний на седьмой день умер, то слуги не решались доложить об этом царю, боясь, как бы Давид, узнав о постигшем его горе, не стал воздерживаться еще дольше от пищи в знак траура о смерти сына, когда он так страдал во время его болезни. Но царь заметил по смущенному виду слуг, что случилось нечто, что им хотелось бы скрыть, и понял, что ребенок умер. Поэтому он подозвал к себе одного из служителей и узнал от него всю правду. Затем он встал, совершил омовение и, надев белую одежду, отправился в скинию Божию. Когда он, вернувшись оттуда, приказал подать себе обед, то вызвал тем самым большое изумление своих родственников и слуг, которые были поражены тем, что царь, от всего отказывавшийся во время болезни ребенка, теперь ведет себя так после его смерти. Ввиду этого они, с позволения Давида, решились спросить его о причине такой в нем перемены. Царь же назвал их людьми нерассудительными и объяснил им, что, когда ребенок был еще жив, и у него была еще надежда на возможность спасти его, он делал все, что было в его силах, чтобы склонить Предвечного к милосердию; но раз ребенок умер, уже не стоит йапрасно печалиться. Все согласились с такой мудростью и прозорливостью царя.

5. Между тем Иоав сильно досаждал амманитянам своей осадой, отрезав у них воду и подвоз каких бы то ни было съестных припасов, так что жители находились в крайне стесненном положении относительно пищи и питья. Дело в том, что воду доставлял им один только незначительный колодец и им приходилось обходиться с ней крайне экономно, чтобы в противном случае не остаться совершенно без воды. Обо всем этом Иоав донес царю письменно и приглашал его приехать лично для занятия города, чтобы иметь возможность приписать себе победу. Увидев из этого письма, как предан и верен ему Иоав, царь взял то войско, которое оставалось лично у него в распоряжении, и явился с ним под Равафу. Вскоре затем он взял город приступом и предоставил его своим солдатам на разграбление. Сам же он взял себе при этом корону царя амманитского; она была сделана из золота, стоила целый талант и была украшена посередине ценным сардониксом. С тех пор Давид и носил эту корону. Вместе с тем он нашел в городе также множество других драгоценностей. Мужское население Равафы он велел пытать и казнить. Так же он поступил и с прочими амманитскими городами, которыми овладел оружием (Ср. [2Цар 11.1](#) и [2Цар 12.](#)).

1. Когда царь вернулся в Иерусалим, то узнал, что в его доме случилось неприятное происшествие такого рода: у Давида была необыкновенной красоты дочь, по имени Фамара, еще незамужняя и превосходившая своей миловидностью всех прочих женщин. Она была единокровной сестрой его сына Авессалома. К ней воспылал такой страстью сын Давида Амнон, что не был в силах устоять ни перед ее девственностью, ни перед другими соображениями, которые могли бы заставить его остерегаться необдуманного шага; он страшно страдал, скорбь разъедала его, он похудел и побледнел. Однажды он встретился со своим родственником и другом Ионафаном, который отличался особенной прозорливостью и большой хитростью. Видя, что Амнон каждый день все более и более худеет, Ионафан стал расспрашивать его о причине такого явления и прибавил, что вся эта перемена в Амноне обуславливается, видимо, страстной любовью. Тогда Амнон признался ему в своей страсти и сказал, что пылает любовью к родной сестре своей. Ионафан на это предложил указать ему верный способ добиться желанных в этом деле результатов, а именно советовал ему притвориться больным и, когда навестит его отец, просить его прислать к нему в сиделки сестру и указать, что исполнение этой просьбы не представит затруднений и живо исцелит его от болезни.

Итак, Амнон, по хитрому совету Ионафана, слег в постель и притворился больным. Когда же отец навестил его и участливо стал спрашивать, что с ним такое, Амнон попросил прислать к нему сестру. Царь тотчас же велел позвать Фамару. Когда она явилась, Амнон попросил ее собственноручно приготовить ему жареных лепешек, которые ему будет приятнее получать от нее, чем от других. Тогда Фамара занялась на глазах у брата приготовлением теста и печением лепешек и поднесла их ему. Амнон не тотчас взял их, но потребовал, чтобы прислуга Удалилась из спальни, под предлогом, что ему хочется наедине отдохнуть от всего этого шума и суматохи. Когда его желание было исполнено, Амнон предложил сестре отнести готовое блюдо во внутренние покои дома, и когда девушка сделала это, он схватил ее и стал умолять отдаться ему. Тогда девушка воскликнула: «Брат! Ты не смеешь изнасиловать меня и не дерзнешь, совершив такой безбожный поступок, нарушить законы и навлечь на себя страшный позор. Удержи поэтому свою незаконную и грязную страсть, результатом которой может быть лишь срам и позор для нашей семьи». Вместе с тем она посоветовала Амнону поговорить об этом деле с отцом, который, пожалуй, согласится на их брак. Все это она говорила с целью избавиться в данную минуту от его назойливых приставаний. Амнона, однако, не убедили доводы сестры, и он, сжигаемый и распяемый жгучей страстью своей, изнасиловал ее. Но так же быстро, как охватила его страсть к обладанию девушкой, на него напало и чувство отвращения к ней, и он с ругательствами велел ей немедленно удалиться. Когда же та стала жаловаться, что это оскорбление хуже первого, если он, изнасиловав ее, не позволит ей остаться здесь до наступления ночи, то Амнон приказал ей убраться немедленно днем, при всем народе, чтобы люди были свидетелями ее позора, и даже повелел слуге вышвырнуть ее из дома. В глубоком отчаянии, вследствие нанесенного ей обидного насилия, Фамара разодрала свою верхнюю одежду (в древности девушки носили доходившие до бедер кофты с рукавами, чтобы хитон не был виден) и, посыпав голову пеплом, пошла по всему городу, громко плача о нанесенном ей оскорблении. Тут встретился с нею брат ее Авессалом и спросил ее, какое несчастье постигло ее. Когда Фамара рассказала ему о своем позоре, он стал утешать ее и просил успокоиться и не так убиваться, указывая на то, что не на нее падает позор, если она изнасилована братом. Эти доводы заставили ее прекратить свой громкий плач и не

распространять в народе молвы о нанесенном ей оскорблении; затем она надолго поселилась у брата своего Авессалома, ища утешения в слезах.

2. Узнав о всем этом происшествии, Давид ужасно рассердился на Амноиа, но так как он очень любил его (Амнон был его старшим сыном), то не хотел огорчать его. Между тем Авессалом возгорел страшной ненавистью к брату и втайне ожидал лишь удобного случая для того, чтобы отомстить ему за его безобразный поступок. Таким образом прошло два года с тех пор, как сестра его сделалась предметом поругания для Амнона.

Однажды Авессалом собрался на стрижку своих овец в городе Вельсефоне (это город в области колена Ефремова) и пригласил к себе на пир отца своего с братьями. Но когда отец, не желая быть сыну в тягость, отклонил это приглашение, Авессалом попросил его прислать к нему хоть братьев; на эту просьбу Давид согласился. Авессалом же приказал своим слугам, по данному им знаку, безбоязненно броситься на Амнона и убить его, когда увидят, что он опьянел и его клонит ко сну. Когда слуги исполнили это приказание, ужас и смущение охватили братьев, и они, испугавшись за свою собственную безопасность, вскочили на коней и понеслись к отцу своему. Но кто-то успел опередить их и возвестил Давиду, что все сыновья его убиты Авессаломом. При мысли, что он потерял зараз столько сыновей, и притом от руки их собственного родного брата, сильнейшая скорбь обуяла Давида, и он, не спрашивая о причине такого злодеяния и не желая узнавать никаких подробностей, как то было бы естественно при получении известия о столь ужасном и даже невероятном преступлении, разорвал свою одежду и бросился навзничь на землю, оплакивая всех сыновей своих, как умерщвленных, так и самого убийцу. Но Ионафан, сын брата его Самы, стал уговаривать Давида поддержать свое горе и не верить в смерть всех его сыновей (потому что нельзя было бы подыскать даже причину такого факта) и сказал, что относительно судьбы Амнона действительно следовало бы навести справки: весьма возможно, что Авессалом решился на убийство его в отмщение за изнасилование Фамары. Во время этого разговора слух их приковал к себе топот лошадей и шум от приближающейся толпы людей. То были сыновья царя, ускакавшие из-за стола Авессалома, со слезами на глазах они бросились к отцу, который со скорбью встретил их и с восторгом убедился, что паче чаяния перед ним стоят невредимыми те, о гибели которых ему только что сообщили. Затем раздался общий плач и стон: братья оплакивали погибшего брата, царь же насильственную смерть сына.

3. Между тем Авессалом бежал в Гефсуру⁴³⁸ к своему деду со стороны матери, который правил тогда тамошней областью, и оставался у него в продолжение целых трех лет.

4. Наконец Давид решил послать за своим сыном Авессаломом, и притом не для того, чтобы наказать его, но для того, чтобы иметь его при себе, так как с течением времени гнев его на Авессалома прошел. В этом намерении Давида особенно поддерживал его главный военачальник Иоав, по распоряжению которого к царю явилась престарелая женщина в траурном платье и стала рассказывать ему, что во время полевых работ ее двое сыновей поссорились друг с другом и дошли до насильственных действий; а так как вблизи не было никого, который мог бы остановить их, то один из ее сыновей был убит своим братом. Затем старуха просила Давида оказать ей милость и оградить жизнь ее сына-убийцы, так как все родственники вооружились против него и стараются умертвить его, и тем не отнимать у нее последней на старости лет поддержки. Это, продолжала она, царь в состоянии сделать, воспретив родственникам убивать ее сына: они в данном случае не отступят ни перед чем, кроме как перед страхом перед ним. Когда царь выразил согласие на исполнение просьбы старухи, последняя тотчас сказала ему: «Благодарю тебя за твою милость, с которой ты сжалился над моей старостью и моей полной бездетностью; но для того чтобы мне вполне можно было положиться на твои человеколюбивые намерения, то прости для начала своего

собственного сына и прекрати гнев свой на него. Ибо как могла бы я быть совершенно уверенной в том, что ты действительно явишь мне обещанную милость, если ты сам до сих пор питаешь злобу на собственного сына за совершенно аналогичное преступление? Было бы вполне безрассудно добровольно пожертвовать сыном, если другой сын погиб против нашего желания». Царь понял, что все это дело подстроено Иоавом и обусловлено привязанностью последнего [к Авессалому], и когда он спросил об этом старуху и узнал от нее, что дело действительно обстоит так, то Давид велел позвать Иоава и сказал ему, что предложение его принято и что Авессалому разрешается возвратиться, потому что царь более уже не гневается на него. Иоав пал ниц перед Давидом, благодарил его за его решение и затем немедленно отправился в Гефсуру, взял Авессалома и вернулся с ним в Иерусалим.

5. Когда царь узнал о том, что сын его уже находится на возвратном пути к нему, то он выслал к нему навстречу людей, с приглашением Авессалому явиться в город, причем велел присовокупить, что он, царь, еще недостаточно успокоился, чтобы принять сына немедленно по его прибытии. Ввиду этого Авессалом избегал встречи с отцом и спокойно сидел у себя дома в кругу родных. Впрочем, ни горе, ни отсутствие той заботливости, на которую он, в качестве царского сына, имел бы право рассчитывать, не умалило его [прежней] красоты; напротив, он все еще отличался среди прочих своим красивым лицом и статным ростом и в этом отношении превосходил даже тех, кто жил в роскоши и неге. Обилие волос на голове у него было таково, что на стрижку их требовалось без малого восемь дней, и волосы эти весили двести сиклов, т.е. пять фунтов.

Таким образом Авессалом прожил в Иерусалиме два года. Он был уже отцом трех сыновей и одной необыкновенно красивой дочери, которую впоследствии взял в жены сын Соломона, Ровоам. Она родила последнему ребенка по имени Авия. Однажды Авессалом обратился к Иоаву с просьбой устроить окончательное примирение его с отцом и добиться от него разрешения на личное свидание. Но так как Иоав не обратил внимания на эту просьбу, то Авессалом послал нескольких людей своих с поручением поджечь его поля, которые граничили с его собственными владениями. Когда Иоав узнал об этом, то он пришел к Авессалому, стал укорять его и спросил о причине такого поступка. Авессалом же ответил:

«Я придумал это средство для того, чтобы побудить тебя прийти ко мне, потому что ты, несмотря на полную с твоей стороны возможность, отнесся безучастно к моей просьбе примирить меня с отцом. И так как ты теперь явился ко мне, то очень прошу тебя, устрой это дело поскорее: если отец мой еще дольше будет пребывать в своем на меня гневе, то я готов считать свое здесь пребывание более тяжелым, чем прежнюю ссылку». Иоав убедился этими доводами, сжалившись над положением Авессалома, отправился к царю в качестве посредника и, переговорив с ним о его сыне, так склонил его в пользу Авессалома, что Давид велел немедленно позвать его к себе. Когда Авессалом бросился перед ним на колени и стал умолять его о прощении, царь поднял его и объявил ему о помиловании (Ср. [2Цар 13.1](#) и [2Цар 14.1](#)).

1. Достигнув таких результатов у отца своего, царя, Авессалом в весьма короткое время добыл себе много лошадей и много боевых колесниц и окружил себя отрядом оруженосцев в пятьдесят человек. Каждый день поутру он ходил во дворец, вступал в интимные разговоры с людьми, которые, явившись туда на суд, проигрывали свои процессы, говорил им, что у отца советники не хороши и что приговоры против них поставлены несправедливо. Таким образом он привлекал к себе всеобщую симпатию и заявлял, что, если бы ему была предоставлена такая власть, он лично стоял бы на почве законности и на страже их интересов. Склонив чернь такими обещаниями на свою сторону и убедившись, что успел уже заручиться ее расположением, Авессалом пошел к отцу просить его, ввиду истечения четырех лет со времени их примирения, разрешить ему отправиться в Хеврон, чтобы там принести Господу Богу ту жертву, которую во время изгнания он обещался принести Ему. Заручившись согласием Давида, Авессалом отправился в путь, и с ним двинулась огромная масса простого народа, который был собран специально с этой целью разосланными во все стороны агитаторами.

2. В числе спутников Авессалома оказались также гелмонец Ахитофел, советник Давида, и двести других иерусалимских граждан, которым ничего не было известно о готовящемся предприятии и которые приняли участие в поездке лишь для того, чтобы присутствовать при жертвоприношении. Между тем Авессалом так ловко устроил свои дела, что был всеми своими спутниками провозглашен царем (Ср. [2Цар 15.31](#) и след). Когда об этом было доведено до сведения Давида и он против ожидания услышал такие вещи о своем сыне, то крайне испугался и вместе с тем удивился его безбожной дерзости, в силу которой тот не только забыл о недавнем помиловании, но и присоединил к прежнему своему проступку еще более гнусное безобразие и беззаконие, так как, во-первых, царская власть предназначалась Господом Богом не ему, а во вторых, он стремился к умерщвлению родного отца своего. При таких обстоятельствах Давид, однако, решился искать спасения в бегстве по ту сторону Иордана. Поэтому он созвал самых преданных друзей, сообщил им о преступлении, совершенном его сыном, и, предоставив все на благоусмотрение Господа Бога, покинул свой дворец, поручив заведование им своим десяти наложницам, и выступил из Иерусалима в сопровождении охотно примкнувшей к нему толпы народа и тех шестисот тяжеловооруженных воинов, которые еще при жизни Саула не покидали его и делили с ним тягости ссылки. Первосвященников же Авиафара и Садока, решившихся было удалиться вместе с ним из города, равно как и всех левитов с кивотом завета, он уговорил остаться в Иерусалиме, ссылаясь на то, что Господь Бог защитит его даже и в том случае, если он не повезет с собой священного кивота. Вместе с тем Давид сделал распоряжение, в силу которого о всех происшествиях немедленно тайно доносили бы ему. Особенно верных исполнителей этого повеления нашел он в лице сыновей первосвященников Садока и Авиафара, Ахиме и Ионафане. Также и гитеец Ефий примкнул к Давиду против воли последнего (царь уговаривал его остаться) и тем самым еще более выказал свою преданность царю. Когда же последний с необутыми ногами проходил по горе Элеонской и все, сопровождавшие его, плакали, Давиду было принесено известие, что и Ахитофел примкнул к Авессалому и вполне разделяет его взгляды. Эта новость еще сильнее опечалила Давида, и он стал умолять Господа Бога разъединить Авессалома и Ахитофела, потому что боялся, как бы последний, человек очень умный и крайне решительный, не стал советовать Авессалому крайностей. Взобравшись затем на вершину горы, Давид стал смотреть на внизу раскинувшийся город и потом со слезами на глазах, как человек, изгнанный из своего царства, молиться Предвечному. Вскоре затем ему встретился его верный друг по имени Хуси. Видя, как этот человек раздирает свою одежду,

посыпает голову пеплом и горько плачет над переменой в судьбе Давида, царь стал его утешать и успокаивать в его горе, а затем стал просить его отправиться [к сыну] и для виду, как бы единомышленником, примкнуть к Авессалому, разузнать сокровенные планы последнего и противодействовать советам Ахитофела: таким-де образом, прибавил Давид, он поможет ему больше, чем если останется при нем. Убеденный доводами Давида, Хуси покинул его и прибыл в Иерусалим, куда вскоре затем приехал и Авессалом.

3. Не успел Давид пройти еще некоторое расстояние, как встретился ему раб Мемфивосфа Сива, которого последний отправил в виде надзирателя над всем имуществом, полученным им в качестве сына Ионафа, сына Саулова, в подарок от Давида. Сива вел двух ослов, нагруженных съестными припасами, и предложил царю и его спутникам взять себе из этих припасов сколько угодно. На вопрос Давида, где Сива оставил Мемфивосфа, тот ответил, что он находится сейчас в Иерусалиме и ожидает, что во время настоящих смут его изберут в цари в память благодеяний, оказанных жителям Саулом. Сильно на это разгневавшись, царь подарил Сиве все то, что он раньше уступил Мемфивосфу, считая Сиву гораздо более достойным этих благ, чем самого Мемфивосфа. Сива был, конечно, чрезвычайно обрадован такою милостью.

4. Когда Давид вскоре затем прибыл в местность, носящую название Ваурин, тут встретился с ним родственник Саула, Семей, сын Гиры, стал бросать в него камнями и поносить его. Несмотря на присутствие друзей Давида, которые слышали и видели все это. Семей все больше и больше ругал царя, называя его кровопийцею и корнем всякого зла. При этом он приказывал Давиду, как человеку запятнанному и проклятому, покинуть страну, а сам благодарил Господа Бога за то, что Он отнял у Давида царскую власть и наказал его тем, что его собственный сын поступает теперь относительно его так, как сам Давид некогда поступал со своим государем [Саулом]. Когда все присутствовавшие выразили Семейю свое глубокое негодование, а Авессей даже собирался умертвить его, Давид успокоил его и сказал: «Не станем присоединять к настоящему бедствию еще новый повод к неприятностям. Ведь то, что изрыгает против меня эта бешеная собака, не навлекает на меня позора, да и не вызывает во мне опасений; я совершенно покоряюсь воле Всевышнего, который допустил безумную выходку этого человека против нас. Нет ничего удивительного в том, что мне приходится терпеть это от такого человека, раз я подвергся гонениям со стороны [собственного] безобразника-сына». Затем он продолжал путь свой, не обращая внимания на Семей, который бежал по другому склону горы и поносил его жестоко. Когда же Давид достиг Иордана, он предложил своим спутникам расположиться здесь на отдых.

5. Между тем Авессалом и его советник Ахитофел прибыли со всем народом в Иерусалим. Сюда явился к ним и друг Давида и, преклонившись пред Авессаломом, пожелал ему долголетнего и прочного царствования. Когда же Авессалом спросил, каким таким образом он, бывший прежде одним из наиболее преданных его отцу друзей, который, казалось, не мог отступить от этой своей верности, теперь находится не при Давиде, но покинул последнего и перешел на его, Авессалома, сторону, Хуси отвечал ловко и разумно, что всегда следует идти за Богом и народом. «Так как оба они, о владыка, теперь на твоей стороне, то и я очевидно должен примкнуть к тебе; ведь ты получил царскую власть от Предвечного. Если ты примешь меня в число друзей своих, то я отнесусь к тебе с тою же верностью и преданностью, с которыми, как ты сам знаешь, я относился к отцу твоему. Впрочем, даже и не приходится быть недовольным настоящим положением вещей; ведь царская власть не перешла в руки другой династии, но осталась в той же семье, лишь достоянием сына сделалась она». Этими словами Хуси убедил Авессалома, который отнесся было к нему с недоверием.

Затем Авессалом призвал к себе Ахитофела и стал совещаться с ним, как поступить дальше. Тот посоветовал ему войти в сношения с наложницами отца, потому что таким образом народ

окончательно убедится в невозможности его примирения с отцом и с большою готовностью будет участвовать вместе с ним в военных действиях против отца. До сих же пор люди боялись открыто объявлять Давиду войну, потому что опасались возможности обоюдного примирения. Следуя этому совету, Авессалом приказал своим слугам поставить его шатер над царским дворцом и на глазах народа сошелся с наложницами отца своего. Таким образом оправдалось предсказание Пафана относительно оскорбления Давида его собственным сыном.

6. Поступив сообразно указанию Ахитофела, Авессалом снова обратился к нему за советом относительно того, как ему вести войну с отцом. Этот потребовал у него десять тысяч отборных воинов и обещал при помощи их умертвить его отца, привести к Авессалому живьем приверженцев Давида и вполне утвердить за ним царскую власть, когда Давида уже более не будет в живых. Этот способ понравился Авессалому, и он велел привести к себе Хуси, друга Давидова (так он все еще продолжал называть его). Сообщив Хуси о плане Ахитофела, Авессалом спросил и его о его мнении. Но этот, понимая, что, если план Ахитофела будет приведен в исполнение, Давид рискует быть схваченным и убитым, стал настаивать на противоположном и сказал: «О царь, тебе ведь отлично известна храбрость отца твоего и его приверженцев, потому что они вели неоднократные войны и всегда побеждали врагов своих. Вероятно, теперь отец твой расположился лагерем, так как ему отлично знакомы все военные хитрости и он прекрасно предвидит всякие ухищрения наступающих неприятелей. Под вечер же он покинет своих людей и скроется в одной из долин или спрячется в засаду за какую-нибудь скалою. Когда затем наши войска сойдутся с его силами, то его люди немного подадутся назад, чтобы, в сознании близости своего царя, еще храбрее оказывать нам сопротивление. И вот как раз в самый разгар боя отец твой внезапно появится из своей засады и тем самым еще более воспламенит военный пыл своих воинов, которые еще охотнее бросятся за него навстречу опасности и совершенно подавят твои войска. Поэтому прими теперь во внимание и мой совет и, признав его более целесообразным, откажись от плана Ахитофела и пошли по всей стране еврейской вестников с приглашением начать войну против отца твоего. Стань затем лично во главе своего войска в качестве военачальника и не доверяй этого дела никому другому. Очевидно, что тебе будет легко победить отца, если ты открыто сразишься с ним, у которого в распоряжении столь ничтожные силы, потому что у тебя самого будет в руках много десятков тысяч людей, желающих выказать тебе свое рвение и свою тебе преданность. Если же отец твой засел в какое-нибудь место и стал ждать там осады, то мы возьмем и этот город с помощью осадных орудий и подземных подкопов». Этот совет пришелся Авессалому более по вкусу, чем план, предложенный Ахитофелом. Господь Бог сам так устроил, что Авессалом предпочел мнение Хуси совету его противника.

7. После этого [Хуси] поспешил к первосвященнику Садоку и Авиафару, сообщил им о советах, преподанных Авессалому Ахитофелом и им самим, и сказав, что, по-видимому, Авессалом склоняется на сторону его плана, просил послать к Давиду с извещением о принятом решении и с советом поскорее переправиться через Иордан, чтобы сын его, внезапно изменив принятое решение свое и вздумав пуститься за ним в погоню, не захватил его врасплох раньше, чем Давид успеет скрыться в безопасном месте. Между тем первосвященники держали сыновей своих за пределами города наготове, чтобы каждую минуту быть в состоянии извещать Давида о положении дел. Ввиду этого они тотчас отправили к ним верную рабыню с извещением о планах Авессалома и приказали сыновьям своим скорее сообщить о всем этом Давиду. Юноши не теряли попусту времени, но лишь только получили приказание отцов своих, явились точными и добросовестными исполнителями этих повелений и, считая священной обязанностью своею поскорее и получше исполнить поручение, немедленно отправились к Давиду. Когда они уже были в расстоянии двух стадий от города (Иерусалима), их заметило

несколько всадников, которые донесли об этом Авессалому, а этот в свою очередь немедленно послал их в погоню за юношами с приказанием схватить их. Заметив за собою погоню, сыновья первосвященников тотчас свернули с большой дороги в лежащую недалеко от Иерусалима деревню (имя которой было Вахур)⁴³⁹ и тут попросили какую-то женщину спрятать их в каком-нибудь безопасном месте. Женщина спустила юношей [на канате] в колодец и прикрыла его сверху войлоком; когда же прибыли преследователи и стали расспрашивать ее о беглецах, то она не отрицала того, что их видела, но сказала при этом, что они у нее лишь напились воды и затем пустились в дальнейший путь; тут же она высказала предположение, что, если преследователи будут усердно продолжать свое дело, они наверно настигнут юношей. После того как люди, высланные в погоню, долго и тщетно искали сыновей первосвященников, они наконец решили вернуться обратно; женщина в свою очередь увидела их возвращение и поняла, что теперь для юношей уже нет никакой опасности попасть им в руки; поэтому она извлекла их из колодца и посоветовала им спокойно продолжать свой путь. Те быстро и охотно последовали ее совету, скоро прибыли к Давиду и в точности сообщили ему о всем том, что Авессаломом было решено относительно его. Ввиду этого, несмотря на то, что уже наступила ночь, Давид отдал приказание своим людям немедленно переходить через Иордан.

8. Между тем Ахитофел, видя, что его совет отвергнут (Авессаломом), сел на мула и отправился на родину, в Гелмон⁴⁴⁰, тут он созвал всех своих близких, сообщил им о том плане, который он предложил было Авессалому, и высказал предположение, что последний, не приняв его совета, очевидно, в скорейшем времени должен будет поплатиться за это собственной гибелью, тогда как Давид одержит над ним верх и вернет себе царскую власть. Ввиду этого, продолжал Ахитофел, он предпочитает добровольно и мужественно наложить сам на себя руки, чем попасться Давиду и подвергнуться с его стороны позорному наказанию за ту поддержку, которую он оказывал Авессалому в борьбе против него. С этими словами Ахитофел отправился в дом свой и там повесился. Родственники вынули его, который стал таким образом сам судьей над своею жизнью и смертью, из петли и похоронили его.

Между тем Давид, перейдя, как мы уже сказали, через Иордан, прибыл в «Лагерь»⁴⁴¹, очень красиво расположенный и хорошо укрепленный город. Все выдающиеся представители той местности приняли его с большим почетом, отчасти из сострадания к тому, что Давиду пришлось спастись бегством, отчасти ввиду его прежнего величия. То были: галаадец Верзелей, Сифар, правитель области Амманитской, и Махир, представитель Галаада. Все эти лица доставили Давиду и его спутникам все необходимые предметы и припасы, так что у них не было недостатка даже в постелях, не говоря уже о хлебе и вине. Вместе с тем они отдали им значительное количество скота и не только позаботились о том, чтобы удовлетворить их настоятельнейшие нужды, но и о том, чтобы доставить им в надлежащей мере все удобства, столь необходимые для людей переутомленных (Ср. [2Цар 15.1](#):[2Цар 16.1](#) и [2Цар 17.1](#)).

1. В таком положении находились Давид и его приверженцы, когда Авессалом, собрав огромное еврейское войско, повел его против отца своего, переправился через Иордан и остановился невдалеке от Маханаима в стране Галаадской. Главным военачальником над всеми вооруженными силами своими он назначил, вместо родственника его Иоава, Амессу. Дело в том, что Амесса был сыном Иофера и Авигеи; последняя же и мать Иоава, Саруйя, были сестрами Давида. Когда Давид подсчитал количество своих воинов и нашел, что их у него четыре тысячи, то решил не выжидать нападения Авессалома, но поставил над своими войсками тысяцких и сотников и, разделив все свои силы на три отряда, подчинил один из них ведению Иоава, другой брату его Авессею, а командование третьим отрядом предоставил своему закадычному старому другу Ефею из города Гитты. И сам Давид хотел было принять участие в бою, но друзья не допустили его до этого, удержав его от того весьма разумным соображением, а именно что, если они будут побеждены вместе с ним, он должен будет раз навсегда оставить всякую надежду на возвращение к власти; если же один отряд его даже потерпит поражение, то остальные два явятся к нему, и он успеет своим присутствием придать им еще более уверенности и силы, да и враги, очевидно, предположат, что у него имеется еще другое войско. Склонясь в пользу этого совета, Давид решил сам остаться в Маханаиме. Когда же он стал отпускать друзей своих и военачальников в бой, то обратился к ним с увещанием выказать свою храбрость и верную ему преданность в память того доброго расположения, которое он, Давид, всегда выказывал по отношению к ним. При этом он также просил пощадить, в случае победы над ним, его сына Авессалома, дабы ему, Давиду, не пришлось наложить на себя руки, если Авессалом падет в битве. Затем он пожелал войску победы и отпустил его в бой.

2. Иоав выстроил свой отряд как раз против неприятелей на большой равнине, окаймленной густым лесом; Авессалом двинул на него войска свои. Когда оба войска сошлись, то с той и другой стороны была выказана великая храбрость: воины Иоава не отступали ни пред какими опасностями и дрались с ожесточенною смелостью за то, чтобы Давид мог вернуть себе утраченную царскую власть; противники же прилагали всевозможные усилия для того, чтобы Авессалом не потерял этой власти и не попался в руки отцу, который бы строго наказал его за совершенный им дерзкий захват этой власти. Кроме того, люди Авессалома, представляя в сравнении со своими противниками значительное большинство, боялись величайшего позора, который навлекло бы на них поражение со стороны Иоава и его малочисленного отряда, тогда как у людей Давида разыгрались страсти потому, что они старались снискать себе славу одержанием победы над столькими десятками тысяч врагов. В конце концов победа осталась за воинами Давида, так как они были физически сильнее своих противников, да и опытнее в военном деле. Когда враги ударились в бегство, они пустились за ними в погоню по лесам и ущельям и перебили их множество, так что во время этого бегства их погибло больше, чем в самой битве, а именно в тот день пало около двадцати тысяч человек. Приближенные же Давида все устремились за Авессаломом, который выделялся среди своих воинов как красотой, так и огромным ростом. Боясь попасться в руки врагов, он вскочил на царского мула и также ускакал. И вот пока он налегке мчался со страшною быстротою, густые и длинные волосы его вдруг запутались в ветвях огромного дерева, и он повис на нем в то время, как мул помчался дальше, не заметив, что хозяин его уже более не сидит на нем. Повиснув таким образом на ветвях дерева, Авессалом был окружен врагами.

Увидев это, один из воинов Давида доложил о том Иоаву и, когда последний сказал ему, что он подарил бы пятьдесят сиклов, если бы он убил Авессалома, ответил:

«И хотя бы ты мне предложил даже тысячу циклов, я бы не решился поднять руку на сына моего государя, тем более что все мы слышали, как Давид просил пощадить юношу». Затем Иоав приказал воину указать ему место, где он видел Авессалома повисшим на дереве, пошел туда и пустил ему стрелу в самое сердце. Оруженосцы же Иоава, окружив труп, сняли его с дерева и, бросив тело в глубокую темную яму, завалили ее камнями, пока она не наполнилась совершенно и не приняла вида большой могилы. После этого Иоав велел трубить своим людям отбой и тем положил конец погоне за неприятельским войском, желая пощадить своих единоплеменников.

3. Авессалом раньше воздвиг в так называемой царской долине, находящейся в расстоянии двух стадий от Иерусалима, мраморную колонну, которую назвал «собственной своею рукою», говоря, что, даже если все его потомство погибнет, имя его останется все-таки жить в этой колонне. Детей у него было четверо: трое сыновей и дочь Фамара, о которой мы уже выше упоминали⁴⁴². Последняя вышла [впоследствии] замуж за внука Давида, Ровоама, и родила ему сына Авию, к которому перешла затем царская власть. Но об этом у нас будет речь впереди, в своем месте. После смерти Авессалома люди его рассеялись в разные стороны и разошлись по домам.

4. Тем временем Ахимас, сын первосвященника Садока, явился к Иоаву с просьбою разрешить ему отправиться к Давиду, чтобы объявить ему о победе и о том, что с Божьею помощью и поддержкою все сошло как нельзя лучше. Иоав, однако, возразил, что не подобает Ахимасу, который до сих пор являлся к Давиду лишь с радостными известиями, прийти теперь к нему с извещением о смерти его сына, и поэтому велел ему остаться при нем, сам же позвал Хуси и поручил ему сообщить царю все то, чего он был свидетелем. Но так как Ахимас еще настоятельнее стал просить Иоава поручить именно ему донесение царю об исходе боя (причем он обещался довести до сведения Давида лишь известие об одержанной победе, а о смерти Авессалома хотел умолчать вовсе), то Иоав наконец согласился отпустить его к Давиду. Ввиду этого Ахимас выбрал кратчайший, ему одному известный путь и опередил таким образом Хуси. Между тем Давид сидел у ворот дома и поджидал, не явится ли кто-нибудь к нему с известиями об исходе битвы. Тогда кто-то из сторожей увидел бегом приближающегося Ахимаса, но не будучи в состоянии различить, кто это, сообщил Давиду, что к нему бежит гонец. Когда же царь выразил пожелание, чтобы то был человек с хорошим известием, сторож сообщил ему, что идет еще второй посланец. Лишь только Давид повторил свое пожелание о том, чтобы и второй гонец принес ему доброе известие, как сторож узнал Ахимаса, сына первосвященника Садока, и заявил об этом Давиду, который страшно ему обрадовался и сказал, что этот гонец возвещает добро и несет сообщение о благополучном исходе сражения.

5. Не успел царь сказать это, как прибежал Ахимас, пал пред царем ниц и, на вопрос последнего об исходе боя, возвестил ему полнейшую победу. Когда же Давид затем спросил его, что он может сообщить ему о судьбе сына, то Ахимас ответил, что он отправился к Давиду в путь немедленно после того, как враги были обращены в бегство, но что слышал, как войска с громким криком бросились преследовать Авессалома. Больше он относительно Авессалома ничего не был в состоянии узнать, потому что, по поручению Иоава, должен был поспешить возвестить царю об одержанной победе. Так как в это же время подоспел и Хуси и, прибежав к Давиду, бросился перед ним на землю, то царь обратился к нему с вопросом об участи сына, на что тот ответил: «Да постигнет всех твоих врагов судьба Авессалома». Эти слова сразу положили конец великой радости Давида и его приближенных по поводу одержанной победы. Сам Давид взобрался на самую верхушку городских ворот и там стал громко оплакивать гибель сына. При этом он бил себя в грудь, рвал волосы на голове, всячески выказывал глубокое горе свое и кричал: «О если бы, дитя мое, смерть постигла и меня вместе с тобою!» Давид вообще

отличался большою привязанностью к своим родным, а особенно симпатией его всегда пользовался Авессалом. Когда же войско и Иоав узнали, что царь так горюет о гибели сына, то им было стыдно вступить в город гордыми победителями со всею подобавшею такому случаю помпою, но все они вернулись удрученными и со слезами на глазах, как будто понесли поражение. А так как царь заперся в своей комнате и продолжал оплакивать судьбу сына, то Иоав пошел к нему и, желая его несколько успокоить, обратился к нему со следующими словами:

«О государь! Ты, видно, сам не знаешь, как ты унижаешь себя, поступая таким образом, а именно делая вид, будто ты ненавидишь людей, преданных тебе всей душой и подвергавшихся за тебя и твою семью опасностям, тогда как выражаешь расположение и любовь к злейшим врагам своим и печалуешься над смертью тех, кто умер заслуженным образом. Ведь если бы победа осталась на стороне Авессалома и он тем самым упрочил бы за собою царскую власть, он никого бы из нас не пощадил, но все мы, начиная с тебя самого и детей твоих, погибли бы от руки его самым безжалостным образом, причем враги наши не только не подумали бы оплакивать нас, но, напротив, очень обрадовались бы нашей гибели и безжалостно стали бы наказывать всех тех, кто вздумал бы выразить сожаление о постигшем нас бедствии. Между тем тебе не стыдно так относиться к злейшему врагу своему, который, несмотря на то что был твоим собственным сыном, поступил так бессердечно с тобою! Умерь поэтому свою совершенно неуместную печаль, покажись своим воинам и поблагодари их за выказанную в деле храбрость. Если же ты будешь все-таки настаивать на своем, я еще сегодня уговорю народ отложиться от тебя и передать царскую власть другому лицу. Этим я наверное доставлю тебе повод действительно заслуженно печалиться».

Этими словами Иоав положил конец мучительной печали Давида и направил мысли царя на настоящее положение дел. Он принял другой облик, так что ему теперь уже стало возможным явиться на глаза народу, и сел у городских ворот, а весь народ, узнав об этом, стал стекаться к нему и приветствовать его. Так окончилась война Давида с Авессаломом (Ср. [2Цар 18.1](#) — [2Цар 19.9](#)).

1. Вернувшись к себе домой, те из сражавшихся вместе с Авессаломом евреев, которые успели избежать гибели в бою, стали рассылать по городам посланцев с напоминанием об оказанных им некогда Давидом благодеяниях и о том, что он путем целого ряда затруднительных войн доставил им свободу, а также с указанием на ту обиду, которую они нанесли ему теперь тем, что свергли его с престола и отдали царскую власть другому лицу; при этом они просили, ввиду того, что провозглашенный ими государь теперь уже более не находится в живых, убедить Давида не только не сердиться дольше на них, но и по-прежнему относиться к ним опять с добрым расположением, а также принять по-старому бразды правления. Также и к Давиду беспрестанно являлись посланные с выражением подобных же пожеланий, и ввиду этого царь послал к первосвященникам Садоку и Авиафару с поручением вступить в сношения с начальствующими над коленом Иудовым лицами и указать им, что им приходится особенно стыдиться того обстоятельства, что прочие колена вновь признают Давида своим царем раньше их, которые вдобавок являются наиболее близкими по происхождению и единокровными с ним людьми. То же самое поручил он сказать и военачальнику Амессе и представить ему всю неуместность того, что он, Амесса, несмотря на то что является племянником Давида по сестре, все-таки не побуждает подчиненного ему войска признать Давида царем; при этом царь велел присоединить уверение, что он не только готов примириться с ним (тем более, что это в сущности уже совершившийся факт), но и предоставить ему, как было при Авессаломе, главное начальствование над всем войском. Первосвященники, действительно, не только вступили в соответствующие переговоры со старейшинами отдельных колен, но и склонили Амессу на предложение царя и побудили его принять это предложение. Вместе с тем Амесса тотчас уговорил представителей колена [Иудова] отправить к Давиду посольство с изъявлением просьбы вновь принять на себя царскую власть. Благодаря побуждению того же Амессы, так же поступили и все прочие израильтяне.

2. Когда посланные явились с этою просьбою к Давиду, последний [тотчас] отправился в Иерусалим. Раньше всех других выступили навстречу царю: колено Иудово, представшее пред ним вблизи реки Тортана, а также Семей, сын Гиры, с тысячею воинов, которых он успел набрать в области колена Веняминова, и вольноотпущенник Саула, Сива, со своими пятнадцатью сыновьями и двадцатью прислужниками. Последние совместно с представителями колена Иудова построили на реке мост, чтобы царю с его приближенными облегчить переход. Когда же Давид прибыл к Иордану, то колено Иудово приветствовало его, а затем Семей пал на мосту ниц и, охватив ноги царя, стал молить его о прощении во всех содеянных им проступках и прося не поступать с ним по всей строгости и не ознаменовывать своего вновь восстановленного правления казнью, но принять во внимание, что он, Семей, чистосердечно раскаялся в своих преступлениях и поспешил первый выйти царю навстречу. И пока Семей так умолял его и взывал к милосердию Давида, брат Иоава, Авессей, сказал: «Неужели ты все-таки не будешь казнен за то, что ты осмелился повесить ставленника Божьего на царство?» Царь же обратился к нему и сказал: «Неужто вы, сыновья Саруйи, не прекратите ваших споров. Не вздумайте возбуждать у нас новые смуты и распри в дополнение к старым. Ведь вам отлично известно, что я сегодня как бы вновь начинаю править государством. Поэтому, клянусь, всех провинившихся я освобождаю от всякой ответственности и не желаю наказывать никого из них. Ты же,- закончил он речь свою, обратясь к Семейю,- успокойся и не бойся более за свою жизнь». Семей пал еще раз ниц пред Давидом и двинулся впереди его по мосту.

3. Затем навстречу Давиду вышел и Мемфивосф, внук Саула, облеченный в грязную

одежду, с беспорядочно распущенными волосами, потому что он в своей печали по поводу бегства Давида давно уже не стригся и не чистил своего платья, смотря на горе, постигшее царя, как на свое личное несчастье. Кроме того, он подвергся перед царем также напрасной клевете со стороны управляющего своего. Сивы. После того как он в знак приветия пал ниц перед Давидом, последний обратился к нему с вопросом, почему Мемфивосф не примкнул к нему и не сопутствовал ему во время его бегства. На это тот ответил, что вина в этом падает на Сиву, который, получив от него приказание приготовить все нужное к отъезду, не обратил на это приказание никакого внимания, но отнесся к нему, как будто бы Мемфивосф был его рабом. «И если бы только,- сказал последний,- у меня были здоровыми ноги, я не оставил бы тебя и мог бы пешком поспешить за тобой в изгнание. Но тот человек (Сива) не только заставил меня, государь, поступить так нехорошо с тобою, но и нашел вдобавок возможность самым безобразным способом оклеветать меня пред тобою и налгать тебе на меня. Впрочем, я знаю, что подобная вещь не может проникнуть в твою душу, отличающуюся стремлением к истине, желающую укрепления правды и любящую Господа Бога. Ведь ты подвергался со стороны моего деда еще большим невздам, и за это следовало бы, чтобы весь род наш был истреблен; тем не менее ты явил нам свое мягкое сердце и доброту свою как раз в то самое время, предав забвению все нанесенные тебе обиды, когда ты располагал наибольшую властью наказывать нас за все эти преступления. Напротив, ты отнесся ко мне, как к ближайшему своему другу, принял меня в число постоянных своих сотрапезников и не забывал оказывать мне даже такие почести, которые обыкновенно являются уделом лишь самых близких родственников». Выслушав эту речь, Давид решил не взыскивать с Мемфивосфа (за его неявку), но и не наказывать Сиву за его ложный донос; при этом царь сказал Мемфивосфу, что, хотя он отдал Сиве все его, Мемфивосфа, имущество, он, однако, теперь готов простить его и вернуть ему половину этого имущества, на что Мемфивосф ответил: «Пусть Сиве останется все; я уже доволен тем, что ты вернул себе назад царскую власть свою».

4. Галаадца же Верзелея, человека знатного и очень порядочного, вдобавок оказавшего Давиду в Маханаиме целый ряд услуг и сопровождавшего его до Иордана, царь стал уговаривать отправиться вместе с ним в Иерусалим, причем обещал ему воздать его седине всякий почет и заботиться о нем и ходить за ним, как за родным отцом. Верзелей, однако, стал отказываться от этого предложения, ссылаясь на тоску по своим домашним и по обычному своему образу жизни, а также указывая, что он, восьмидесятилетний старик, уже не может гнаться за удовольствиями, но думает только о смерти и могиле, ввиду чего и просит сделать ему одолжение — отпустить его домой, сообразно высказанному им желанию. Ведь в его возрасте, говорил он, уже не могут прельщать человека ни пища, ни питье, да и слух у него уже настолько испортился, что он не в состоянии радоваться игре на флейтах и звукам других музыкальных инструментов, которыми развлекаются царские сотрапезники.

Так как Верзелей столь настойчиво просил Давида разрешить ему возвратиться домой, царь сказал: «Хорошо, тебя я отпущу, но за то предоставь мне сына своего Ахимана; с ним я буду делить свои богатства». Тогда Верзелей оставил у Давида сына своего, поклонился царю, пожелал ему полной удачи во всех его предприятиях и возвратился к себе домой. Давид же прибыл в Галгал, склонив на свою сторону уже половину всего народа и колена Иудово.

5. В Галгале с большими массами народа явились к нему также и главные старейшины страны и стали высказывать неудовольствие по поводу того, что колена Иудово отправилось к Давиду без предварительного о том оповещения их, тогда как было бы гораздо уместнее им всем вместе, по общему соглашению, устроить ему торжественную встречу. На это начальники колена Иудова ответили просьбою — не сердиться на них за такую поспешность, потому что они, ввиду родства с царем, сочли нужным раньше других выразить ему свое расположение,

причем ведь они не имели от этого никакой личной выгоды, которой бы таким образом лишились явившиеся позже; следовательно, последним нечего выражать свое неудовольствие. Этот довод старейшин колена Иудова, однако, нисколько не успокоил начальников прочих частей народа, и поэтому они сказали: «Мы, братья, очень удивляемся тому, что вы считаете только себя одних родственниками царя. Нам, напротив, кажется, что человек, получивший от Господа Бога власть над всеми нами, тем самым для всех нас является одинаково родным. Кроме того, весь народ состоит из одиннадцати частей, вы же представляете только одну [двенадцатую] часть его; вдобавок на нашей стороне право старшинства. Вот почему вы поступили неправильно, представ пред царем тайком от нас и не известив нас об этом».

6. В то время как предводители [отдельных колен] таким образом препирались между собою, какой-то гнусный агитатор по имени Савей, сын принадлежавшего к колену Веньяминову Вохория, с громким криком бросился в самую толпу и провозгласил: «Никому из нас не близок Давид, и нет нам никакого дела до сына Иессея». С этими словами он стал трубить в рог и тем подал знак к отпадению от царя. И действительно, тотчас все отступились от Давида и последовали за Савеем. Одно лишь колено Иудово осталось верным Давиду и направилось вместе с ним в его иерусалимский дворец.

Отсюда царь велел перевести всех тех своих наложниц, с которыми имел сношение сын его Авессалом, в другое помещение, распорядился, чтобы управляющие снабжали их всем необходимым, а он более не сходил с ними. Затем он назначил Амессу военачальником и сравнял его по должности с Иоавом; вместе с тем он приказал ему в трехдневный срок набрать из колена Иудова возможно больше войска и явиться к нему с последним, чтобы затем, приняв начальство над всеми вооруженными силами, выступить в поход против сына Вохория. Когда же отправившийся для созыва войска Амесса замешкался с этим делом и не вернулся в назначенный срок, царь на третий день заявил Иоаву, что, по его мнению, опасно предоставлять Савею столько времени для сборов, так как мятежник имеет таким образом возможность сделать значительные приготовления и стать приманкою больших и гораздо значительнейших бедствий, чем были те, которые вызвал Авессалом. «Ввиду этого,- закончил Давид речь свою,- не медли теперь дольше, но возьми войска, находящиеся в нашем распоряжении, а также тех шестьсот человек, которыми командует брат твой Авессей, пусться с ними в погоню за врагом и старайся сразиться с ним, где бы ты его ни встретил. Вместе с тем поспеши и постарайся предупредить его, чтобы он не был в состоянии занять укрепленные города и тем самым не доставил нам многих и значительных затруднений».

7. Иоав и сам уже не стал медлить, но взял с собою брата и его шестьсот воинов, а также все остальные военные силы, которые находились тогда в Иерусалиме, и двинулся с ними против Савея. Когда он достиг Гаваона (это — деревня, отстоящая от Иерусалима на расстоянии сорока стадий)⁴⁴³, он встретился здесь с Амессою, который вел за собою значительное войско. Иоав был опоясан мечом и в панцире. Когда же Амесса приблизился к нему, чтобы в знак приветия поцеловать его, Иоав нарочно, но как бы случайно выронил из ножен меч свой. Затем он наклонился, чтобы поднять его с земли, и, схватив приблизившегося Амессу за бороду, как бы для того, чтобы поцеловать его, быстро, так что тот не мог даже опомниться, вонзил ему меч в живот и убил таким образом Амессу наповал. Это гнусное и непростительное деяние совершил Иоав над благородным юношей, вдобавок родственником, не подававшим к тому никакого повода, исключительно из зависти, что тому было предоставлено (наравне с ним самим) начальство над войском, и за то, что он пользовался со стороны царя равным с Иоавом почетом. По такой же точно причине он уже раньше убил и Авеннира. Но для того преступления у него было хотя бы только на вид достаточное оправдание, именно то, что он мог отговариваться желанием отомстить за смерть брата своего Асаила. Для убийства Амессы же у него не было в

запасе никакого подобного оправдания.

Убив своего товарища по службе, Иоав отправился в погоню за Савеем, предварительно оставив у трупа убитого одного воина с поручением провозгласить перед войском, что «Амесса умер по всей справедливости и потерпел наказание вполне заслуженно. Если же вы преданы царю, то следуйте за полководцем его, Иоавом, и братом последнего, Авессеем». А так как труп Амессы лежал у самой дороги и все войско стекалось туда к нему, и, как это бывает всегда с простонародьем, выражало по поводу этой смерти свое удивление и сожаление, то приставленный к трупу страж унес его оттуда в поле, подальше от большой дороги, положил его там на землю и прикрыл своим плащом. После того как это было сделано, все войско уже беспрекословно пошло за Иоавом. Пока последний искал Савея по всей стране Израильской, кто-то сообщил Иоаву, что враг засел в сильно укрепленном городе Авелмахе⁴⁴⁴. Явившись туда, обложив город своим войском и соорудив вокруг него окопы, Иоав приказал своим воинам подкопать стены и тем разрушить их. Дело в том, что он был очень восстановлен против жителей этого города за то, что они раньше отказались впустить его к себе.

8. В городе тогда жила дальновидная и очень сообразительная женщина, которая, чувствуя, что ее родина находится на краю гибели, поднялась на городскую стену и стала просить Иоава через его солдат разрешения переговорить с ним. Когда тот подошел к стене, женщина стала указывать ему на то, что Господь Бог назначает царей и полководцев для того, чтобы они освобождали народ еврейский от врагов и тем доставляли бы стране мир. «Ты же между тем, — продолжала она, — из всех сил стараешься разрушить и уничтожить ни в чем не повинный значительный израильский город».

На это Иоав возразил, что он молит Бога избавить его от этой необходимости, так как сам он, Иоав, вовсе не имеет намерения убивать кого-нибудь из жителей и нисколько не желает предавать разрушению такой выдающийся город, но только требует выдачи ему возмутившегося против царя Савея, сына Вохория, для казни, и затем немедленно готов прекратить осаду города и увести свое войско. В ответ на это заявление Иоава женщина возразила просьбою подождать немного (потому что ему сейчас будет переброшена через стену голова врага), сама спустилась вниз к своим согражданам и сказала им:

«Неужели вы, несчастные, непременно желаете жалко погибнуть со своими детьми и женами из-за гнусного, да еще никому и не знакомого субъекта, непременно хотите именно его признать своим царем, вместо оказавшего нам столько благодеяний Давида, и считаете себя в силах выдержать нападение на этот один город таких значительных и отличных войск?» И действительно, подобными речами ей удалось склонить сограждан к тому, что они отрубили Савею голову и перебросили ее в лагерь Иоава. После этого царский военачальник велел трубить отбой и снял осаду; когда же он вернулся в Иерусалим, то вновь был избран главнокомандующим всей армией. Начальником над стражею телохранителей и отрядом шестисот царь поставил Ванея, Адорама сделал заведующим пошлинами, Саваф и Ахилай остались заведующими кабинетом, Суса был сделан главным секретарем, а Садок и Авиафар остались первосвященниками (Ср. [2Цар 19.9](#) — [2Цар 20.26](#)).

1. Спустя некоторое время страну постиг голод, и Давид обратился к Господу Богу с молитвою пощадить народ и пояснить ему, царю, причину этой напасти и средства к борьбе с нею. На это пророки сказали, что Всевышний требует удовлетворения за тех гаваонитян, которых вполне незаконно и обманным образом перерезал Саул, тем самым нарушив данную им военачальником Иисусом и старейшинами клятву (Ср. [Нав 9.19](#); [Нав 10.41](#); [Нав 11.9](#)). Если Давид предоставит гаваонитянам возможность по собственному усмотрению отомстить за убитых, то Он обещает примириться с народом и избавить народ от тяготеющего над ним бедствия. Узнав таким образом от пророков о воле Божьей, Давид отправил к гаваонитянам посольство с запросом, каковы их требования в данном случае. Гаваонитяне отвечали, что они требуют выдачи семерых потомков из рода Саула для наказания их. Тогда Давид велел отыскать таковых и выдать их гаваонитянам, причем, однако, пощадил Мемфивосфа, сына Ионафана.

Получив потомков Саула, гаваонитяне предали их казни сообразно собственному своему усмотрению. Немедленно после этого вновь пошли дожди, и Господь опять сделал почву плодородною, положив конец предшествовавшей этому засухе. Таким образом земля евреев по-прежнему стала богата плодами. Несколько времени спустя Давид пошел походом на филистимлян, сразился с ними, обратил их в бегство и, бросившись за ними в погоню, оставил всех далеко за собою, так что очутился один в поле и почувствовал сильное утомление. Тут его заметил один из врагов, по имени Акмон, сын Арафа. Человек этот был исполинского роста и вооружен копьем, древко которого, по преданию, весило триста сиклов, кольчугою и мечом. Заметив усталость царя, он устремился на него, чтобы нанести смертельный удар. Тут, однако, быстро подоспел на помощь к Давиду, уже лежавшему на земле, брат Иоава, Авессей, и убил врага. Весь народ был очень взволнован тем, что царь чуть не погиб, подвергшись такой опасности, и военачальники заклинали Давида более не принимать вместе с ними личного участия в битве, чтобы своей отчаянной храбростью не лишиться себя жизни, а народ той массы благодетелей, которые он может в продолжение длинного ряда лет еще присоединять к уже оказанным.

2. Когда вслед за этим до сведения царя дошло, что филистимляне собрались около города Газарь⁴⁴⁵, он выслал против них войско. Тогда явил особенные чудеса храбрости и стяжал себе необычайную славу хеттеянин Совакх, один из самых отважных сподвижников царя. Этот Совакх перебил множество врагов, с гордостью выдававших себя за потомков исполинов и очень кичившихся своим мужеством; этим он обеспечил победу за евреями.

После этого поражения филистимляне снова объявили войну Давиду, и последний опять выслал против них войско, в котором особенно выделился своими подвигами родственник царя, Нефан. Дело в том, что он, вступив в единоборство с храбрейшим из всех филистимлян, убил его, после чего остальные обратились в бегство, во время которого потеряли множество воинов. Спустя немного времени, враги снова расположились лагерем у города Гитты, недалеко от границ еврейских владений. В числе филистимлян находился человек в шесть локтей вышины; на руках и на ногах у него было по шести пальцев.

С этим-то воином вступил в поединок Ионаф, сын Самаса, из посланной Давидом против филистимлян рати, уложил своего противника и тем самым решил победу своего войска и стяжал себе лично почетную известность. И этот филистимлянин с гордостью указывал на свое происхождение от «исполинов». После этого случая филистимляне уже более не воевали с израильтянами.

3. Покончив наконец со всеми этими полными многообразных опасностей войнами и

имея возможность в течение остального своего царствования наслаждаться глубоким миром, Давид взялся за сложение хвалебных в честь Господа Бога гимнов в разнообразных размерах, в одних из них употреблял трехстопный размер, другие писал пятистопными. Вместе с тем он велел заготовить массу музыкальных инструментов и научил левитов аккомпанировать себе при воспевании славы Предвечного по субботним и всем прочим праздничным дням. Устройство этих музыкальных инструментов было следующее: кефара имела десять струн, по которым ударяли палочкою, набла⁴⁴⁶ была снабжена двенадцатью струнами, и на ней играли непосредственно пальцами, кимвалы, наконец, представляли из себя большие, плоские, медные тарелки. Этих данных будет достаточно для нас, чтобы мы могли себе составить некоторое понятие о вышеуказанных музыкальных инструментах.

4. Все ближайшие сподвижники царя отличались необычайною храбростью; между ними особенно выдавались своими военными подвигами тридцать восемь человек. Из числа их я остановлюсь, впрочем, на деяниях лишь пяти, потому что по ним можно будет составить себе совершенно ясное представление и о всех прочих, у которых были все данные для того, чтобы покорять целые страны и подчинять себе великие народы.

Итак, первым из этих героев является Иессам, сын Ахемея, который неоднократно вламывался в самый центр врагов и успокаивался не раньше чем убивал человек девятьсот из них. За ним следует Елеазар, сын Додия, бывший с царем при Арасаме. Когда однажды израильтяне испугались множества филистимлян и ударились пред ними в бегство, он один не покинул своего поста, но ринулся на врагов и перебил массу их, так что от обилия пролитой им крови меч прилип к его рукам; когда же израильтяне увидели, что филистимляне бежали от него, то и сами они опять спустились со своих горных вершин и бросились за ними в погоню, причем им удалось одержать тогда удивительно славную победу, а войско следовало за ним и грабило убитых. Третьим валяется сын Ила, Кисавей, который также принимал участие в стычках с филистимлянами. Когда в деле при Сиагоне⁴⁴⁷ евреи также испугались и не устояли перед силами врагов, он один заменил собой целое войско, потому что перебил одну часть филистимлян, а другую, которая не была в состоянии справиться с ним и ударилась в бегство, стал преследовать. Такие подвиги военной доблести и физической силы явили трое поименованных героев. Когда однажды, как мы уже выше рассказали, в бытность царя в Иерусалиме, филистимляне напали на страну, Давид поднялся в свой укрепленный замок, чтобы спросить Господа Бога об исходе предстоящей войны. Между тем враги уже успели расположиться станом в долине, которая тянется на расстоянии двадцати стадий от Иерусалима до города Вифлеема. Тогда Давид обратился к своим друзьям с замечанием: «Какая славная вода у меня на родине!» При чем отозвался с особенной похвалой о качестве воды в цистерне у городских ворот и сказал, что если бы кто-нибудь принес ему оттуда такой воды, то доставил бы ему тем самым гораздо больше удовольствия, чем если бы сделал ему значительный подарок. Лишь только это услышали указанные три мужа, как тотчас же вскочили и, пробившись сквозь середину лагеря врагов, добрались до Вифлеема; захватив с собой воды, они вновь вернулись через вражеский став назад к царю и сделали все это так быстро, что филистимляне, пораженные их бесстрашием и храбростью, совершенно растерялись и не посмели тронуть их, несмотря на их малочисленность. Когда же вода была доставлена царю, последний не стал пить ее, указав, что она добыта ценой опасности жизни этих людей и что поэтому к ней прикасаться невозможно. Но зато он Принес ее в жертву Всевышнему и возблагодарил Его за милостивую охрану этих мужей.

К указанным трем героям присоединяется еще четвертый, брат Иоава, Авессей, которому удалось в один день истребить шестьсот неприятелей. Пятым же был Ванеас из священнического рода. Когда его вызвали на единоборство несколько братьев, славившихся в

стране моавитян своей силой, то он доблестно одержал над ними победу. В другой раз ему предложил вступить в поединок какой-то необычайного роста египтянин, и Ванеас, несмотря на то что был безоружен, убил того наповал его собственным копьем, которое он вырвал у него из рук; кроме того, он снял с еще живого своего противника его доспехи и доконал его собственным его оружием. К этим указанным подвигам может быть причислен еще и следующий, который если стоит по отчаянной смелости своей не выше упомянутых, то по крайней мере может выдержать с ними сравнение. В зимнее время однажды лев случайно провалился в цистерну, а так как отверстие колодца было довольно узко и, кроме того, занесено снегом, то он чуть не задохнулся там; не видя средства к спасению, лев начал громко рычать. Когда Ванеас, случайно проходивший мимо, услышал рев зверя, то пошел по направлению, откуда доносились звуки, спустился в цистерну и одним ударом бывшей у него в руках палки убил льва. Остальные герои являли подобные же чудеса храбрости (Ср.: [2Цар 21.1 — 2Цар 23.1](#) и [1Пар 11.11—46.](#)).

1. Однажды царь Давид пожелал узнать, из скольких десятков тысяч человек состоит его народ, причем совершенно забыл о предписании Моисея — приносить при всяком счислении народа за каждое лицо в жертву Господу Богу по полсикла ⁴⁴⁸. Итак, Давид поручил своему полководцу Иоаву отправиться по стране и подсчитать население. Несмотря на то, что Иоав выставлял всю бесполезность такого предприятия, царь не послушался его и велел ему немедленно и без проволочек приняться за подсчет евреев. Тогда Иоав взял с собой старейшин над отдельными коленами и писцов, прошел по всей стране Израильской и, выяснив все количество населения, по истечении девяти месяцев и двадцати дней вернулся к царю в Иерусалим и представил царю численность всего народа, за исключением колена Веняминова, потому что как это колено, так и Левине он не успел подвергнуть исчислению; царь тем временем, однако, уже раскаялся в том, что так согрешил относительно Предвечного. И вот оказалось, что число израильтян, способных носить оружие и участвовать в походах, доходило до девятист тысяч человек, а колено Иудово само по себе представляло количество четырехсот тысяч душ.

2. Однако вскоре пророки заявили Давиду, что Господь Бог гневается на него. Царь начал усердно молиться о том, чтобы Предвечный вернул ему прежнее свое благорасположение и простил бы ему его прегрешение. Тогда Всевышний послал к Давиду пророка Гада с предложением выбора между тремя родами наказаний: желает ли он, чтобы страну в продолжение семи лет постигал голод, или чтобы враги после трехмесячной войны нанесли евреям поражение, или чтобы в течение трехдневного срока среди евреев свирепствовала моровая язва. Давид очутился в крайне затруднительном положении при необходимости решиться на одно из сопряженных с такими ужасными бедствиями наказаний, глубоко опечалился и совершенно растерялся. Однако пророк указал на неизбежность какого-либо решения и велел дать ответ поскорее, чтобы он, пророк, мог довести решение Давида до сведения Господа Бога. Тогда царь подумал, что, если он выберет голод, пожалуй, скажут, что он сделал это во вред другим, а не себе, так как у него лично были большие запасы хлеба, между тем как всех прочих постигла бы вся тягость наказания; если же бы он склонился в пользу» трехмесячной войны, которая должна была окончиться поражением евреев, то его опять могли бы обвинить в том, что он выбрал этот род наказания потому, что сам он окружен наиболее храбрыми защитниками и имеет значительные укрепления, в силу чего ему, конечно, не приходится опасаться за свою собственную персону. Ввиду всего этого Давид выбрал наказание, которое в одинаковой мере постигало бы царей и подданных и которого все одинаково должны были опасаться (а именно моровую язву), причем выставил на вид, что лучше отдаться в руки Предвечного, чем во власть неприятелей.

3. Узнав об этом решении Давида, пророк сообщил о нем Предвечному, который и наслал на евреев моровую язву. Народ погибал при этом не в одной лишь форме, так что нелегко было определить момент заболевания. И хотя бедствие по результатам своим сводилось постоянно к одному и тому же, смерть под тысячью различных форм похищала людей, которые притом совершенно не были в состоянии уберечься от нее и принять какие-либо меры предосторожности. Дело в том, что один умирал непосредственно за другим, и сколь незаметно подкрадывалась болезнь, столь же быстро наступал и печальный конец ее жертвы, причем одни умирали в страшных мучениях и невероятных страданиях почти внезапно, тогда как других настолько истощали сопровождавшие течение болезни мучительные страдания, что от их тела к моменту смерти почти ничего уже более не оставалось, что могло бы быть предано земле. У

одних вдруг темнело перед глазами, и они умирали от удушья, другие выпускали дух во время похорон кого-либо из умерших родственников и так и не успевали окончить чужое погребение. Таким образом за время от рассвета до полудня первого же дня успело умереть от моровой язвы семьдесят тысяч человек. Тогда ангел Господен простер свою руку и над Иерусалимом, тем самым насылая бедствие и туда. Царь, облекшись в мешок, сидел на земле и слезно молил Господа Бога смилостивиться и прекратить горе, удовлетворившись массой уже погибшего народа. Когда же Давид случайно поднял глаза к небу и увидел, как по воздуху неся по направлению к Иерусалиму ангел с обнаженным мечом, он обратился к Всевышнему с указанием, что ведь он, Давид, как пастырь, один достоин наказания, тогда как ни в чем не повинную паству следовало бы пощадить; при этом он умолял Предвечного направить весь гнев на него и загубить весь род его, но иметь жалость к массе народной.

4. Господь Бог внял этой молитве и положил конец моровой язве. Вместе с тем Он через пророка Гада повелел Давиду немедленно отправиться на гумно иевусита Оронна⁴⁴⁹, воздвигнуть там алтарь и принести жертву Всевышнему. По получении этого предписания, Давид не медлил ни единой минуты и тотчас поспешил в указанное место. Когда же Оронн, занятый в это время обмолачиванием хлеба, увидел, что к нему идет царь в сопровождении всех своих сыновей, он выбежал к нему навстречу и пал перед ним ниц. Оронн был по происхождению своему иевуситянин, что не мешало ему, однако, находиться в самых дружественных отношениях с Давидом, который в силу этого, как мы показали несколько выше (Ср. выше, VII, 3, 3.), не причинил ему ни малейшего зла, когда овладевал городом. Когда же Оронн стал спрашивать Давида, что побудило его, владыку, прийти к рабу своему, царь ответил, что он явился для того, чтобы купить у него это гумно с целью воздвигнуть на нем алтарь в честь Господа Бога и принести на нем жертву. На это Оронн заметил, что он с удовольствием предоставляет Давиду для принесения жертвы всесожжения не только гумно свое, но также все свои земледельческие орудия и быков и только молит Господа Бога о том, чтобы Он милостиво принял эту жертву. Царь, однако, возразил, что, хотя он и тронут до глубины сердца благородством и великодушием такого подарка и благодарит за него, он тем не менее просит взять за все установленную цену, потому что было бы совершенно неуместно принести Всевышнему даром доставшуюся жертвователю жертву. Тогда Оронн сказал, что готов подчиниться царскому желанию, и Давид купил у него гумно за пятьдесят сиклов, воздвиг на нем алтарь и принес на нем по уставу жертвы всесожжения и примирительные, чем удовлетворился Предвечный и стал снова милостиво относиться к евреям. Между прочим, это было как раз то самое место, куда некогда Аврам привел своего сына Исака для принесения его в жертву и где в тот самый момент, когда он уж готовился заколоть сына, внезапно у жертвенника появился баран, которого, как мы уже рассказали, Аврам и принес в жертву вместо своего сына. Когда же царь Давид убедился, что Господь Бог милостиво внял его молитве и принял его жертву, то порешил назвать это место «всенародным алтарем» и построить здесь храм Господу Богу. Указанное имя он дал этому месту во внимание к будущему его назначению, потому что Господь Бог через пророка объявил Давиду, что храм будет тут воздвигнут тем его сыном, к которому после Давида перейдет царская власть (Ср. [2Цар 24.1—25](#) и [1Пар 21.1—30](#)).

1. Ввиду этого предсказания царь велел подсчитать пришельцев (живших в стране), и их оказалось до ста восьмидесяти тысяч человек. Из них он назначил восемьдесят тысяч каменотесами, остальным он поручил доставку камня, а три тысячи пятьсот человек поставил надсмотрщиками над работами. Вместе с тем он принялся за заготовку массы железа и меди для предполагавшегося сооружения, а также за подвоз множества исполинских кедровых бревен, которые высылали ему жители [городов] Тира и Сидона, согласно сделанному им заказу. Приближенным своим Давид объяснял цель всех этих приготовлений в том смысле, что желает будущему наследнику своему оставить готовый материал для постройки храма, дабы тому человеку, юному и в таких делах по возрасту своему еще не опытному, не приходилось собирать этот материал, но прямо приступить к делу, пользуясь заготовками.

2. Затем Давид призвал к себе своего сына Соломона и повелел ему, когда он примет от него царскую власть, обязательно воздвигнуть храм Господу Богу, причем указал на то, что сам он хотел было сделать это, но что Предвечный запретил ему это, так как он, Давид, запятнан множеством человеческой крови, пролитой в продолжение различных войн; вместе с тем, продолжал царь, Всевышний предсказал ему, что воздвигнет в честь Его храм самый разумный из его сыновей, носящий имя Соломон, что Он, Господь, будет заботиться о нем, как отец о сыне, и что дарует во время его правления стране евреев не только всяческие блага, но главнейшее из всех благ, именно мир и отсутствие внешних войн и внутренних неурядиц. «Поэтому-то,- сказал Давид,- ты — еще до рождения намеченный Господом Богом в цари — старайся во всех отношениях явиться достойным Его о тебе заботливости, будь благочестив, справедлив и тверд духом, свято соблюдай Его предписания и законы, которые Он дал нам при посредстве Моисея, и не позволяй другим нарушать их. Тот же храм, который Предвечный желает видеть оконченным во время твоего царствования, постарайся поскорее соорудить Господу Богу, и пусть не устрашат тебя и не удержат от этого предприятия ни грандиозность его, ни другие какие-нибудь затруднения; все нужное я заготовлю тебе до моей смерти. Знай, что уж теперь собрано десять тысяч талантов золота и сто тысяч талантов серебра; меди и железа я заготовил в еще гораздо большем количестве, а также огромную массу бревен и камня. В распоряжении твоём будет много десятков тысяч каменщиков и строителей. Если бы их, однако, все-таки оказалось недостаточно, ты можешь увеличить их число. Итак, когда ты окончишь это дело, ты станешь благоугоден Всевышнему и Он будет твоим заступником».

После этого Давид обратился также к начальствующим в народе лицам с просьбой поддержать его сына в деле будущей постройки храма и без опасения каких бы то ни было бедствий старательно участвовать в богослужении, потому что взамен такого отношения к делу они будут пользоваться плодами прочного мира и благоустройства, которыми Господь Бог наградит людей благочестивых и праведных. По окончании постройки следовало, по приказанию Давида, и поместить в храм ковчег завета и священную утварь, которые давно уже должны были бы иметь свой храм, если бы предки не ослушались повелений Всевышнего, который приказал им воздвигнуть для Него святилище сейчас же после того, как они овладеют этой страной. Все это Давид сказал начальствующим лицам, равно как и своему собственному сыну.

3. Так как Давид достиг уже очень преклонных лет и тело его с течением времени потеряло свою теплоту, то он стал так сильно зябнуть, что оказалось невозможным согреть его даже множеством покрывал. Тогда врачи стали совещаться между собой и пришли к решению — выбрать наиболее красивую во всей стране девушку, которая согласилась бы спать с царем,

согревая его своей теплотой и облегчая ему постоянно ощущаемый им холод. И вот в городе нашлась самая красивая женщина, по имени Ависака, которая, разделяя с царем ложе, одна только и была в состоянии согреть его; но от старости царь уже не имел возможности вступить с ней в половые отношения. Впрочем, подробнее мы поговорим об этой девушке несколько ниже⁴⁵⁰.

4. Между тем четвертый сын Давида, красивый и статного роста юноша, рожденный царю его женой Эгифой и носивший имя Адония, будучи похож по характеру своему на Авессалома, сам стал домогаться царской власти и высказывал друзьям своим, что будет добиваться этого. Ввиду этого он завел множество колесниц и коней, а также пятьдесят скороходов. Несмотря на то что отец его видел все это, он, однако, нисколько о том не беспокоился, не удерживал его от его затей и даже не подумал спросить, к чему Адония заводит все это. Между прочим, Адония успел склонить на свою сторону военачальника Иоава и первосвященника Авиафара, а противодействие ему оказывали лишь первосвященник Садок, пророк Нафан, начальник стражи телохранителей Ванея, друг Давида Семеис и все приближенные к царю храбрецы. И вот однажды Адония устроил вне города у ручья В царском парке пиршество и пригласил на него всех своих братьев, за исключением Соломона; кроме того, он привлек к участию в этом пире также военачальника Иоава, Авиафара и старейшин колена Иудова, которые все и приняли приглашение, тогда как первосвященника Садрка, пророка Нафана, Ванею, начальника отряда телохранителей, и всех тех, кто противился его предприятую, он не позвал на это угощение. Между тем пророк Дафан известил мать Соломона, Вирсаву, что Адония держит себя как царь и что об этом Давид ничего не знает, причем посоветовал ей принять меры к ограждению безопасности своей и сына, а именно добиться тайного свидания с Давидом и объявить ему, что, несмотря на данное им клятвенное обещание сделать своим преемником Соломона, тем временем Адония уже успел захватить власть в свои руки. При этом пророк обещал, что, когда Вирсава будет говорить об этом с царем, сам явится к нему и подтвердит верность ее сообщения. Вирсава послушалась совета Нафана, отправилась к царю и, пав перед ним ниц и получив разрешение высказать свою просьбу, рассказала Давиду все, как тому обучил ее пророк, а именно сообщила об устроенном Адонией пиршестве, о том, кого он пригласил к себе, а также об участии в этом пире первосвященника Авиафара, военачальника Иоава и его сыновей, равно как о том, что Соломон и ближайшие друзья его не удостоились приглашения. Затем она стала указывать на то, что народ с нетерпением ждет, кого Давид назначит своим преемником, причем просила обратить внимание на то обстоятельство, что, если Адония после его смерти овладеет престолом, он наверное загубит как ее, так и ее сына Соломона.

5. Пока Вирсава еще беседовала с царем, придворная стража объявила, что пришел Нафан и просит разрешения повидать Давида. Когда по приказанию царя пророк был допущен, последний тотчас спросил его, не назначил ли он сегодня Адонию царем и не передал ли ему правления, потому что Адония устроил блестящее пиршество и пригласил на него всех его сыновей, кроме Соломона, а также [царского] военачальника Иоава, которые теперь с большим ликованием и шумной радостью пьют за здоровье Адонии и за процветание и долголетие его правления. «Ни меня, ни первосвященника Садока, ни Ванею, начальника отряда телохранителей, он, однако, не пригласил», - закончил свою речь пророк, причем указал на то, что, если все это делается с разрешения Давида, было бы уместным, чтобы все это знали.

При этих словах Нафана Давид велел позвать назад Вирсаву, которой он при появлении пророка приказал удалиться, и когда она пришла, то сказал: «Клянусь тебе всемогущим Господом Богом, что царем будет сын твой Соломон, как я поклялся уже раньше, и что он сядет на мой трон, и притом еще сегодня же». На это та поклонилась ему в ноги и пожелала ему еще много лет жизни. Затем Давид послал за первосвященником Садоком и за начальником отряда

телохранителей Ванею, и когда они явились, велел им взять пророка Нафана и всех воинов, находившихся во дворце, посадить сына его Соломона на царского мула и повезти его за город к колодцу, носящему название Гиона⁴⁵¹, чтобы там помазать его священным елеем и тем провозгласить его царем. Последнее [миропомазание] должны были совершить первосвященник Садок и пророк Нафан, тогда как прочим он велел сопровождать Соломона по всему городу, трубить в рога и провозглашать многолетие взошедшему на престол царю Соломону, дабы знал весь народ, что сам отец объявил его царем. Соломону же Давид дал нужные наставления относительно образа правления и настойчиво рекомендовал ему подавать своим благочестием и справедливостью пример всему еврейскому народу, и особенно колену Иудову. Затем Ванея пожелал Соломону милостивой поддержки со стороны Всевышнего, и немного спустя все покинули дворец и посадили Соломона на мула. Потом они повезли его за город к названному источнику и, помазав юношу елеем, приехали с ним назад в Иерусалим с криками радости и пожеланиями многолетнего царствования. Когда же они привезли его в царский дворец, то посадили его на трон. Весь народ тотчас же стал бурно выражать свою радость и устроил блестящее празднество с плясками и музыкой на таком количестве инструментов, что от звуков их земля содрогалась и стон стоял в воздухе.

6. Когда же Адония и его гости слышали эти радостные клики, то очень смутились, а полководец Иоав заметил, что ему вовсе не нравятся все эти ликования и трубные звуки. Между тем был подан обед, но никто к нему уже и не думал прикасаться. И в то время как все сидели в полном замешательстве, внезапно вбежал Ионафан, сын первосвященника Авиафара. Адония всегда с удовольствием видел этого юношу и называл его предвестником добра. На этот раз, однако, он сообщил всем собравшимся о происшествии с Соломоном и царем Давидом. Тогда как Адония, так и все гости его повскакали из-за стола и бросились бежать, каждый к себе домой. Адония же, боясь гнева царя за все случившееся, обратился с мольбой о заступничестве к Господу Богу и с этой целью припал к жертвеннику и схватился руками за выдававшиеся по бокам концы его⁴⁵². Соломону между тем было донесено об этом, равно как о том, что Адония умоляет его дать ему слово, что преступление его будет Предано забвению и что он не подвергнется за него наказанию. Соломон весьма милостиво и разумно простил его на этот раз, но при этом велел ему напомнить, что, если он снова попадет в каких-нибудь интригах, ему придется пенять на самого себя. Затем он приказал ему подняться с земли и оставить это убежище. Когда же Адония пришел к Соломону и поклонился ему, последний отпустил его домой, уверив его в полной его безопасности и прося его впредь держать себя хорошо, ибо такое поведение послужит ему лишь на пользу.

7. Так как Давид намеревался перед всем народом провозгласить Соломона царем, то он с этой целью созвал в Иерусалим всех старейшин, священников и левитов. После того как он подсчитал их, он нашел среди них тридцать восемь тысяч человек от тридцатилетнего до пятидесятилетнего возраста. Из них он назначил двадцать четыре тысячи надзирателями за постройкой храма, шесть тысяч сделал народными судьями и их писцами, четыре тысячи привратниками дома Господня и стольких же певчими в храме, дабы играть на введенных Давидом инструментах, как мы уже выше упомянули. Затем он подразделил их на череды и, выделив священников, нашел, что между последними было двадцать четыре семьи, шестнадцать из дома Елеазара и восемь из дома Ифамара. После этого он постановил, чтобы каждая семья отправляла богослужение по очереди в продолжение восьми дней, от субботы до субботы.

Затем все отдельные череды, в присутствии Давида, первосвященников Садока и Авиафара и всех начальствующих лиц, стали метать жребий, и та чередка, чей жребий выпал первым, была записана первой, за ней вторая и так далее до двадцать четвертой. Такое подразделение сохранилось по сей день (Ср. [Лк 1.8](#) и след).

Равным образом Давид разделил и представителей колена Левина на двадцать четыре смены, которые также по вышеуказанному образцу метали между собой жребий и затем тоже, как и священники, должны были по восьми дней служить в храме. Потомкам же Моисея он предоставил особенно почетную должность, а именно назначил их хранителями храмовой казны и тех жертвенных подношений, которые были подносимы Господу Богу разными царями. Вместе с тем он сделал распоряжение, чтобы все левиты и священники, сообразно Моисееву постановлению, отправляли богослужение непрерывно днем и ночью.

8. После этого он разделил все войско на двенадцать отрядов под командой отдельных военачальников, сотников и десятников. Каждый отряд заключал в себе двадцать четыре тысячи человек и должен был вместе со своими тысяцкими и сотниками нести службу при Соломоне в продолжение целых тридцати дней, от первого до тридцатого. Кроме того, он назначил еще над каждым отрядом по хорошему, ему лично известному начальнику, а также определил, кому заведовать казной, кому быть старшиной в деревне, кому следить за полеводством и т.д. Однако мы не считаем нужным перечислять здесь все эти должности поименно.

9. Когда Давид устроил все это вышеуказанным образом, то созвал в народное собрание начальствующих над евреями лиц, старшин отдельных колен, предводителей отдельных подразделений народа и всех поставленных во главе какого-нибудь дела, взошел на возвышение и обратился ко всем собравшимся со следующими словами:

«Братья и соплеменники! Я желал бы сообщить вам, что я имел в виду воздвигнуть храм Господу Богу и что с этой целью я заготовил множество золота и сто тысяч талантов серебра. Однако Предвечный через пророка Нафана возбранил мне это, так как я запятнал руки свои ведением за вас войн и убиением врагов своих, причем повелел, чтобы сын мой, который будет моим преемником на престоле, построил Ему этот храм. Так как вам, конечно, известно, что из двенадцати сыновей предка нашего Иакова один Иуда был назначен царем и что из шести братьев моих именно я был избран Господом Богом в цари и получил от Него власть без того, чтобы кто-нибудь из братьев моих выразил по этому поводу неудовольствие, то я теперь также прошу сыновей своих не ссориться между собою из-за того, что царская власть досталась Соломону, но всегда памятовать, что сам Всевышний избрал его для этого, почему и признавать его своим государем. Вполне естественно признавать, если того пожелает Господь Бог, даже чужеземца правителем; поэтому приходится лишь радоваться, если такая честь выпадет на долю родного брата, потому что в таком случае почет, которым он пользуется, становится отчасти и нашим собственным. Я со своей стороны молю Господа Бога лишь о том, чтобы обещания Его действительно оправдались и чтобы Он ниспослал обещанное нам в царствование Соломона, по всей стране и на вечное время. Обещания же эти будут исполнены с лихвою, если ты, сын мой, явишь себя государем благочестивым и справедливым и охранителем древних законов; если же этого не будет и ты нарушишь данные предписания, то знай, что тебя ждет одно лишь горе».

10. Такими словами царь закончил речь свою. Затем он на глазах у всех передал Соломону подробный план будущего храма с обозначением размеров фундамента, стен и крыши по объему, вышине и ширине, с подробным указанием веса отдельных золотых и серебряных принадлежностей. Вместе с тем он обратился к Соломону с увещанием отдаться всем сердцем приведению в исполнение этого предприятия, начальствующих же лиц и колена Левине он просил оказать возможную поддержку его сыну, который, хотя еще и молод, тем не менее избран самим Всевышним в строители храма и в представители власти. Тут же он не преминул напомнить им, что вся эта постройка не представит для них лично особенных затруднений и не потребует от них каких-либо чрезвычайных жертв, потому что он сам уже успел позаботиться о заготовке значительного количества талантов золота, а еще больше серебра и дерева, равно как о назначении строителей и каменотесов и о подборе изумруда и всякого рода драгоценных

камней. Кроме того, заявил Давид, он теперь назначает еще три тысячи талантов червонного золота из собственных своих средств для украшения Святая Святых, а также для сооружения колесницы Господней и херувимов, которые должны быть помещены на кивоте завета, дабы осенять его своими крыльями.

После того как Давид умолк, начальствующие лица, священники и представители колена Левина с большою готовностью стали жертвовать тут же на храм и обещать блестящие и ценные на него приношения. Так, например, они выразили готовность представить пять тысяч талантов и десять тысяч статиров⁴⁵³ золота, десять тысяч талантов серебра и множество десятков тысяч талантов железа. У кого имелся какой-либо драгоценный камень, тот отдавал его в казнохранилище, которым заведовал потомок Моисея, Иал.

11. При виде такого необычного рвения старейшин, священнослужителей и всех прочих Давид и весь народ с ним очень обрадовались и царь начал громким голосом восхвалять Господа Бога, называя Его отцом и создателем всего существующего, устройтелем всего человеческого и божественного, которым возвеличивается Он сам, и родителем и властелином еврейского племени, о благополучии которого Он заботится, ради чего и сделал его царем над ним. Пожелав затем всему народу всяких благ, а сыну своему Соломону здравомыслия, справедливости и украшенного всяческими добродетелями сердца, Давид предложил собравшейся массе народной восхвалить Господа Бога. Тогда все присутствующие пали ниц, помолились Предвечному и выразили свою признательность Давиду за все те блага, которыми они наслаждались во время его царствования. На следующий же день они принесли Господу Богу в жертву всесожжения тысячу телок и столько же баранов и овец. Равным образом они принесли и очистительные жертвы и с этой целью заклали много десятков тысяч жертвенных животных. В продолжение целого дня царь принимал участие в народном празднестве. Соломон вторично был помазан елеем и провозглашен царем. Садок же объявлен первосвященником всего народа. При этом Соломона повели в царский дворец и посадили на отцовский престол и с этого дня оказывали ему повиновение, как правителю⁴⁵⁴.

1. Спустя некоторое время Давид от старости впал в болезнь; видя, что приходится умирать, он призвал к себе сына своего Соломона и обратился к нему со следующим увещанием: «Я, сын мой, собираюсь теперь отойти к своим предкам, и мне приходится пуститься в общий всем нам как ныне, так и в будущем путь, с которого еще никогда никто не возвращался, чтобы узнать, что делается тут среди живых. Поэтому, пока я жив, но уже столь близок к смерти, я еще раз напомню тебе о том, что я тебе советовал неоднократно и раньше, а именно: чтобы ты был справедлив к своим подданным, благочестив по отношению к даровавшему тебе царскую власть Господу Богу, чтобы ты соблюдал Его постановления и законы, которые Он ниспослал нам при посредстве Моисея, и чтобы ты ни в силу угодливости кому-нибудь, ни вследствие лести или старости или какого-нибудь другого побуждения не вздумал отворачиваться от этих законов. Если ты нарушишь законы, то ты отвратишь от себя милостивое благоволение Всевышнего и навсегда лишишься Его доброжелательной поддержки. Если же будешь держать себя так, как должно и как я прошу тебя, то ты сохранишь за родом нашим царскую власть и не будет среди евреев другой династии, кроме нашей, которая будет править во веки веков. Помни также о беззаконии, совершенном военачальником Иоавом, который из зависти умертвил двух почтенных и хороших полководцев, Авеннира, сына Нира, и Амессу, сына Иефера. Можешь наказать его за смерть этих мужей, как тебе самому заблагорассудится, потому что Иоав, будучи сильнее и могущественнее меня, до сих пор сумел избежать этого наказания. Вместе с тем поручаю тебе детей галаадца Верзелея; оказывай им, в угоду мне, всякий почет и заботься о них, потому что этим мы не окажем им лишнего благодеяния, но только воздадим им должное за поддержку, которую их отец оказал мне во время моего собственного изгнания. Для наказания же Гиры, сына Семея из колена Веньяминова, найди теперь подходящий предлог, потому что он сильно поносил меня во время моего бегства; затем же, когда я направился к Маханаиму, он выступил мне навстречу близ Иордана и вынудил у меня слово, что тогда он не подвергнется наказанию».

2. Дав своему сыну эти наставления относительно управления, поручив его вниманию друзей своих и указав на тех лиц, которые заслужили наказание, Давид умер на семидесятом году своей жизни, быв царем в Хевроне над коленом Иудовым в продолжение семи лет и шести месяцев и процарствовав в Иерусалиме над всею страню тридцать три года.

Это был человек в высшей степени достойный, обладавший всеми качествами, необходимыми царю, в руках которого лежит благополучие стольких народностей. Будучи храбр, как никто другой, Давид в сражениях за независимость своих подданных всегда первый шел навстречу всяким опасностям и личным примером в строю побуждал солдат своих к перенесению всех тягостей боя, а не одними только приказаниями, как обыкновенно делают государи. При этом он обладал большою проницательностью и дальновидностью относительно будущего и отлично умел распоряжаться в каждый отдельный момент. Он отличался скромностью, мягкостью, отзывчивостью на нужды несчастных, справедливостью и человеколюбием, т.е. такими качествами, которыми именно и надлежит отличаться царям. При этом он никогда не злоупотреблял своею столь обширною властью, исключая случай с женою Урии. Вместе с тем он оставил после себя такие богатства, каких не оставлял ни один царь не только еврейский, но и никакого другого народа.

3. Сын Давида, Соломон, блестящим образом похоронил отца в Иерусалиме и не только устроил ему обычные царские похороны со всею подобающею торжественностью, но и опустил в могилу несметное количество драгоценностей, об обилии которых можно себе составить

некоторое представление по следующему: когда тысячу триста лет спустя первосвященник Гиркан⁴⁵⁵, подвергаясь осаде со стороны Димитрия, Антиоха, прозванного благочестивым, хотел откупиться от осады деньгами и нигде не мог найти требуемой суммы, то он открыл часть склепа Давида и вынул оттуда три тысячи талантов, которые и вручил Антиоху, чем освободился от осады, как мы уже рассказывали в другом месте (Ср.: «Иуд. война». I, 2, 5 и ниже, XIII, 8, 4.). По происшествии опять-таки многих лет царь Ирод в свою очередь вскрыл гробницу Давида и также извлек из нее массу денег. Впрочем, ни Гиркан, ни Ирод не добрались до самих гробов царей, так как эти гробы были так искусно зарыты в землю, что при входе в мавзолей нельзя было догадаться, где они находятся. Однако пока об этом довольно (Ср. [3Цар 2.1—11](#) и [1Пар 29.26—28](#)).

Предисловие

Значительная часть этой книги посвящена описанию истории Израильского царства во время его наивысшего расцвета в правление сына Давида Соломона (965—926 гг. до н.э.), который, продолжая политику своего отца, упрочил союзнические отношения с царем Тира Хирамом I. На Красном море Соломон построил гавань Эционгебер и вместе с финикийцами отсюда начинал плавания в далекий и богатый золотом Офир. Он усовершенствовал государственное управление, разделив территорию государства на 12 провинций, установил единую систему налогообложения и государственных повинностей, организовал постоянную армию с сильными отрядами колесничих. Соломон заключил союз с последним фараоном XXI династии Псусеннесом II и одновременно женился на его дочери, получив в виде приданого крупный город центральной Палестины Газер. Священнослужители, создатели ветхозаветного текста, основной заслугой его правления признавали возведение и оборудование Иерусалимского храма. Иосиф Флавий сохраняет библейскую идеализацию образа царя Соломона.

1. Итак, в предшествующей книге мы рассказали о Давиде и о его доблести, о том, какие благодеяния оказал он своим единоплеменникам и после каких и скольких войн и битв он умер, достигнув преклонного возраста. После него царская власть перешла к его еще молодому сыну Соломону, которого Давид еще при жизни, сообразно желанию Господа Бога, назначил правителем всего народа. И вот, когда Соломон вступил на престол, народ, как это всегда бывает при воцарении властелина, приветствовал его радостными кликами и пожеланиями видеть полную удачу во всех его предприятиях и дожить до глубокой старости в довольстве и благополучии в государственных делах.

2. Между тем Адония, который еще при жизни Давида пытался овладеть престолом, явился к матери царя, Вирсаве, и, приветствовав ее самым вежливым образом, начал на ее вопрос, не имел ли он какого-нибудь до нее дела, и на приглашение ее высказаться, так как она готова охотно оказать ему всяческое содействие, излагать следующее: Вирсава-де знает, что, хотя царская власть, как по существу своему, так и ввиду его, Адонии, более зрелого возраста, а особенно вследствие выраженного народом желания, и должна была бы принадлежать ему, Адонии, но так как эта власть по определению Предвечного досталась ее сыну Соломону, то он, Адония, вполне удовлетворяется таким положением вещей и готов охотно подчиниться обстоятельствам и свыкнуться с теперешними условиями. При этом он просит царицу лишь о том, чтобы она взяла на себя труд убедить брата его Соломона отдать ему, Адонии, в жены Ависаку, ходившую за их отцом, что вполне возможно, потому что Давид, по старости, не жил с нею и она осталась еще девицей. На это Вирсава ответила обещанием сделать все от нее зависящее для того, чтобы устроить для них обоих этот брак, тем более что и Соломону, вероятно, хочется сделать ей удовольствие, и потому она попросит его об этом насколько можно убедительнее. Ввиду всего этого Адония, вполне обнадеженный ею относительно указанного брака, простился с нею, Вирсава же немедленно отправилась к сыну своему Соломону для того, чтобы сообщить ему о настоятельной просьбе Адонии. Сын ее вышел к ней навстречу, заключил мать в объятия, повел ее в ту комнату, где стоял его царский трон, и, воссев на него, приказал поставить направо от себя такой же трон и для матери своей. Когда Вирсава села, то обратилась к Соломону со следующими словами: «Исполни для меня, сын мой, одну только просьбу, с которою я обращусь к тебе, и не огорчай и не расстраивай меня отказом». На это Соломон предложил Вирсаве изложить свое желание, указав при этом случае, что всякое желание матери является для сына священным, и пожурив ее сначала даже немного за то, что она могла не надеяться на исполнение своей просьбы и даже могла подумать о возможности отказа с его стороны. Тогда Вирсава стала просить его отдать его брату Адонии в жены девушку Ависаку.

3. Царь, однако, страшно рассердился на эти слова своей матери и попросил ее удалиться, указав на то, что Адония добивается гораздо более серьезных целей и что сам он, Соломон, удивляется, почему в таком случае она не советует ему уступить Адонии как старшему брату также и царскую власть, раз Вирсава уже хлопочет о разрешении для него жениться на Ависаке: ведь у Адонии очень сильные друзья в лице военачальника Иоава и первосвященника Авиафара. Вместе с тем Соломон тут же приказал послать за начальником отряда телохранителей Ванею и повелел ему умертвить брата Адонию. Затем он призвал к себе первосвященника Авиафара и сказал ему: «От смертной казни избавляет тебя, между прочим, лишь то обстоятельство, что ты вместе с отцом моим разделял опасности, и то, что ты вместе с ним унес ковчег завета. Но так как ты принял сторону Адонии и поддерживал его в его стремлениях, то вот что будет тебе за

это наказанием: тебя больше здесь не будет; не показывайся мне отныне на глаза, но отправляйся к себе на родину и живи у себя в деревне. Такова да будет жизнь твоя вплоть до смерти твоей, так как вина твоя не позволяет тебе дольше пользоваться почетом своего сана». Таким образом по указанной причине потомство Ифамара лишилось первосвященства, подобно тому как то предсказал Господь Бог еще деду Авиафара, Илию, а первосвященство перешло к роду Финееса, именно к Садоку. А до тех пор, пока первосвященство не перешло к семье Ифамара в лице первого ее представителя — первосвященника Илия, следующие лица из рода Финееса оставались частными людьми: сын первосвященника Иосафа — Воккий, сын последнего Иоафам, сын Иоафама — Марэоф, сын Марэофа — Арофей, сын Арофея — Ахитов и сын Ахитова — Садок, который первый стал во время царствования Давида первосвященником.

4. Узнав об умерщвлении Адонии, военачальник Иоав сильно испугался, потому что он был гораздо более привязан к нему, чем к царю Соломону. Не без основания предвидя и для себя опасность вследствие своего расположения к Адонии, Иоав искал убежища у подножия жертвенника, причем рассчитывал на благочестие царя, который не причинит ему вреда, раз он прибег к защите святыни. Но когда Соломону донесли о решении Иоава, царь приказал Ванею силою увести Иоава из святилища и доставить в суд, дабы тот мог тут оправдываться лично. Но Иоав ответил, что он не покинет святилища, но предпочитает умереть здесь, чем в другом месте. Когда же Ванея сообщил царю об этом его ответе, то Соломон повелел поступить сообразно желанию Иоава, а именно отрубить ему тут же, в храме, голову, дабы он понес такое наказание за преступное умерщвление двух полководцев⁴⁵⁶, а тело предать земле. Таким образом преступления Иоава не должны были проститься его потомству, тогда как в смерти Иоава нельзя было уже винить ни самого царя, ни его отца.

Исполнив возложенное на него поручение, Ванея сам был назначен главнокомандующим всем войском, тогда как Садока царь сделал единственным первосвященником на место Авиафара, которого он сместил с должности.

5. Вместе с тем он повелел Семейю выстроить себе дом в Иерусалиме и остаться здесь на постоянное жительство, не имея права переходить чрез поток Кедрон, причем объявил, что, если он нарушит это предписание, его постигнет за это смертная казнь. При этом Соломон принудил Семейю путем такой страшной угрозы дать соответствующую клятву в точности исполнения указанного предписания. Ввиду всего этого Семейю пришлось лишь согласиться на предложение царя и, скрепив свое обещание клятвою, покинуть навсегда родину и поселиться в Иерусалиме. По истечении трехлетнего срока Семей однажды узнал, что у него убежало двое рабов, которые в данный момент находятся в Гитте. Вследствие этого известия он отправился вдогонку за своими беглыми слугами. Когда же Семей вернулся с ними [в Иерусалим] и царь узнал о том, что он не только нарушил его, царя, повеление, но — что было гораздо хуже — не обратил также ни малейшего внимания на связанное с этим клятвopреступление, то Соломон страшно рассердился и, велел позвать к себе Семейю, обратился к нему со следующими словами: «Разве ты не поклялся не уходить от меня и не перебираться из этого города в другой? Поэтому ты не только не избежнешь наказания за свое клятвopреступление, но заплатишься зараз также и за тот позор, который ты, по гнусности своей, навлек на отца моего во время его бегства. Таким образом ты узнаешь, что злодеи ничего не выигрывают оттого, что наказание не постигает их непосредственно за их злодеянием, но что возмездие за все то время, в продолжение которого они считают себя в безопасности и неотвественными за свои проступки, растет и значительно превосходит в конце концов то наказание, которому они подверглись бы, будучи уличены на месте преступления». Затем, по приказанию царя, Ванея убил Семейю (Ср. [3Цар 2.12—46](#) и [2Пар 1.1](#)).

1. После того как Соломон успел укрепить за собою престол и наказать всех своих противников, он женился на дочери египетского фараона⁴⁵⁷. Укрепив затем более прежнего и увеличив объем стен Иерусалима⁴⁵⁸, он после этого уже правил, пользуясь полнейшим миром. При этом юные годы его⁴⁵⁹ не препятствовали ему быть справедливым, строго соблюдать законы и помнить предсмертные наставления отца своего, но решать все дела с большою осмотрительностью, как будто бы он был гораздо старше своих лет и обладал значительно большею опытностью. Равным образом он решил отправиться в Хеврон⁴⁶⁰ и принести тут жертву Господу Богу на воздвигнутом некогда Моисеем в том месте медном жертвеннике; с этой целью он принес там в жертву всеожжания Предвечному тысячу жертвенных животных. Не успел он сделать это, как уже мог убедиться, что его жертвоприношение милостиво принято Господом Богом. Дело в том, что в ту же ночь Предвечный явился Соломону во сне и предложил ему назвать награду, которую Господь Бог мог бы даровать ему за его великое благочестие.

Тогда Соломон стал просить Всевышнего даровать ему самое лучшее и высшее, что и Господу Богу будет приятнее всего дать, и человеку полезнее всего получить; а именно: он не стал просить, как бы сделал всякий другой человек на его месте, да притом еще юноша, ни золота, ни серебра, ни прочих богатств (что в глазах большинства людей одно только и считается единственно желательным даром от Господа Бога), но воскликнул:

«Даруй мне, Господи, здравый ум и ясную мысль, дабы я, судя народ мой, мог всегда находить истину и решать дела его по всей справедливости». Такой просьбе обрадовался Предвечный и возвестил Соломону, что Он дарует ему не только то, о чем тот просил его, но и то, о чем он не упоминал в своей просьбе, а именно богатство, славу, победу над врагами, а главным образом такой ум и такую мудрость, какою до него не обладал никто из людей, ни царь, ни частный человек. При этом Господь Бог обещал ему сохранить за ним и за его потомством на отдаленнейшие времена и царство его, если только он останется человеком справедливым, будет повиноваться Ему и станет подражать всем отличным качествам отца своего. Получив такое предсказание от Предвечного, Соломон тотчас поднялся со своего ложа и, помолясь Господу Богу, вернулся в Иерусалим, где устроил пред скиниею торжественное жертвоприношение, после которого угостил всех иудеев.

2. К тому же времени ему пришлось разобрать одно судебное дело, благополучное разрешение которого представлялось затруднительным. Остановиться на этом деле, Которое приходилось ему тогда разрешить, я счел необходимым для того, чтобы ясно представить своим читателям всю трудность этого процесса и чтобы они, если бы очутились в подобном же положении, смогли бы на примере остроумия Соломона поучиться, как следует поступать в такого рода случаях. К царю явились две публичные женщины, из которых та, которая выставляла себя потерпевшей, обратилась к Соломону со следующей речью: «Я, царь, живу вместе с этою женщиною в одном доме. И вот случилось, что мы обе в один и тот же день и час⁴⁶¹ родили по дитяти мужского пола. По прошествии трех дней эта женщина заспала своего ребенка, унесла затем мое дитя к себе и подложила мне, пока я еще спала, своего мертвого ребенка. И вот, когда я утром захотела покормить своего младенца грудью, я не нашла его, а увидела возле себя мертвое дитя ее. Все это я выяснила путем точного расследования. В силу этого я требую обратно своего ребенка и, не достигнув этого, прибегаю, владыка, к твоей помощи: так как мы были одни в доме и этой женщине не приходится опасаться никаких изобличителей ее лжи, она упорно продолжает настаивать на своем».

На это ее обвинение царь обратился с вопросом к другой женщине, что она имеет возразить

на сказанное. Когда же та стала отрицать взводимое на нее обвинение, говоря, что живой ребенок — ее дитя, тогда как младенец ее противницы умер, и когда никто из присутствовавших не мог рассудить этот спор, но все бродили перед этим случаем как впотьмах, один лишь царь понял, как поступить. Послав одного из своих телохранителей, он велел принести живого младенца, равно как труп мертвого дитяти, а затем приказал разрубить обоих пополам и вручить по одной половине того и другого каждой из женщин. При этом решении весь народ втайне посмеялся над царем, якобы поступившим в этом случае совершенно по-детски, но в ту же минуту настоящая мать с громким воплем потребовала не делать этого и согласилась отдать другой женщине своего ребенка, как будто бы та была его родною матерью (она готова была удовлетвориться одним уже сознанием, что ребенок останется в живых и она сможет видеть его, хотя бы он и считался не ее дитятею), тогда как другая женщина охотно согласилась видеть дитя умерщвленным для того, чтобы вдобавок иметь возможного лицезреть отчаяние своей противницы. По голосу сердца обеих женщин царь, однако, узнал всю истину и постановил отдать ребенка той, которая так сильно возопила при его первом решении (по этому воплю он узнал в ней настоящую мать ребенка), а другую решил наказать за то, что она, умертвив свое собственное дитя, еще старалась загубить младенца подруги. По такому решению всему народу пришлось убедиться, каким необычайным умом и какою мудростью обладает этот царь, и с того дня все относились к нему раз навсегда как к человеку, имеющему в своем распоряжении просто божественный разум.

3. Что касается военачальников и правителей над отдельными частями всей страны, то это были следующие лица: начальником над областью Ефремовою был Ур, над областью Вифлеемскою — Диоклир. Правителем же Дора и приморской местности был сделан Авинадав, тот самый, который женился впоследствии на дочери Соломона. Так называемая большая равнина⁴⁶² находилась в ведении Ваней, сына Ахилова, который был также наместником над всею странюю до Иордана. Областью галаадскою и гауланскою по ею сторону Бивана с шестьюдесятью большими и весьма укрепленными городами правил Гавар. Ахинадав был наместником над всею Галилеею до города Сидона; он также был зятем Соломона, будучи мужем его дочери Васимы.

Ванакат правил прибрежною областью Арки (Акры), а Иосаф местностью, где находились горы Итавирийские и Кармель, а также всею нижнею Галилеею (до реки Иордана). Над всеми этими лицами был поставлен в свою очередь один главный начальник; Семею была предоставлена в управление область колена Веньяминова, а Гавару — земля по ту сторону Иордана, а над обоими опять-таки был назначен один главный начальник. Удивительно, как поднялся тогда в своем расцвете весь еврейский народ и [особенно] колено Иудово, после того как они обратились к обработке земли и вообще к сельскому хозяйству. А так как они пользовались плодами мирного времени и не были беспокоиваемы ни внешними войнами, ни внутренними смутами, причем к тому же пользовались полнейшею, наивозможнейшею свободою, каждый имел возможность умножать свое имущество и качественно улучшать его.

4. Кроме вышеуказанных, были у царя еще другие наместники, именно над областью сирийского и чужеземными местностями на пространстве от реки Евфрата до страны Египетской. На обязанности этих лиц лежало собирание податей с [покоренных] народов. Они должны были ежедневно представлять к обеденному столу царя тридцать коров⁴⁶³ пшеничной муки, шестьдесят откормленных волов, двадцать штук крупного рогатого скота с пастбищ и сотню откормленных баранов. Все это продовольствие, не считая дичи, оленей, буйволов, птицы и рыбы, ежедневно доставлялось царю чужеземными его подданными. Кроме того, у Соломона было такое множество колесниц, что у него имелось сорок тысяч стойл для упряжных лошадей. Помимо последних он имел двенадцать тысяч верховых коней, из которых половина всегда

находилась в распоряжении у царя в самом Иерусалиме, а остальные были распределены по отдельным царским поместьям⁴⁶⁴. Тот же самый чиновник, которому была поручена обязанность снабжать царский стол продовольствием, должен был заботиться и о содержании лошадей, сопровождая с этой целью царя повсюду, где бы он ни находился.

5. Ко всему этому богатству Господь Бог даровал Соломону столь великую опытность и мудрость, что он превосходил в этом отношении всех людей, живших до него, даже египтян, которые, по общему мнению, отличаются особенною сообразительностью: они не только не могли сравняться в этом отношении с ним, но безусловно стояли неизмеримо ниже его. Мудростью своею Соломон значительно превосходил даже тех славившихся в его время у евреев за свою проницательность лиц, имена которых я не могу обойти молчанием, а именно сыновей Емаона, Ефана, Эмана, Халкея и Дардана. Он сочинил в стихах и в виде песен тысячу пять книг и три тысячи книг притч и парабол⁴⁶⁵, при виде каждого дерева, от иссопа до кедра, он умел сообщить какую-нибудь притчу, равным образом как и относительно всех диких зверей и ручных животных, рыб и птиц. Не было ни одной черты их образа жизни, которая осталась бы неизвестною ему или которую он оставил бы без внимания; напротив, о всех их он умел сообщить что-нибудь и при этом обнаруживал основательнейшее знакомство с мельчайшими их особенностями. Господь Бог даровал Соломону также возможность изучить искусство входить в общение с демонами на пользу и на благо людям. Дело в том, что Соломон оставил после себя заклинания для излечения всяких болезней и волшебные формулы, с помощью которых возможно так связать демонов, что они никогда более не рискнут вернуться к людям. Это искусство до сих пор еще весьма сильно процветает среди нас⁴⁶⁶. Так, например, мне пришлось слышать о некоем Елеазаре, нашем единоплеменнике, как он однажды в присутствии Веспасиана⁴⁶⁷, сыновей последнего, тысяцких и массы войска избавил всех, одержимых злыми духами, от последних. При этом он поступил следующим образом: он подносил к носу одержимого демоном палец, на котором находился перстень с включенным в нем корнем указанного Соломоном растения, и тем извлекал у бесноватых демона из ноздрей. Больной, конечно, тотчас падал замертво на землю, и всякий, присутствовавший при этом, готов был бы поклясться, что он уже больше не придет в себя, если бы не было Соломона и составленных им формул заклинаний. Желая, однако, вполне убедить присутствующих в том, что он действительно обладает указанной силою, Елеазар велел ставить вблизи бесноватого наполненный водою кубок и сосуд для омовения ног и приказывал демону при выходе из тела больного опрокидывать сосуд, чтобы все зрители на деле могли убедиться, что злой дух действительно покинул одержимого. Так как дело таким образом и происходило, то всем представлялась возможность убедиться в действительно глубокой мудрости Соломона. Мы потому считали себя принужденными рассказать об этом случае, чтобы всем стала известна необычайная даровитость богоприятного царя [Соломона] и чтобы никому из живущих на земле не оставалось неизвестным, в какой мере Соломон обладал всеми качествами для того, чтобы считаться совершенством.

6. Между тем царь тирский Хирам, узнав, что отцовский престол перешел к Соломону, очень обрадовался (потому что Хирам был дружен с Давидом)⁴⁶⁸ и отправил к нему посольство с поздравлением и с пожеланием ему всякого благополучия. По этому поводу Соломон послал Хираму ответное письмо следующего содержания:

«Царь Соломон — царю Хираму. Тебе известно, что отец мой имел намерение воздвигнуть Господу Богу храм, но ему воспрепятствовали привести это намерение в исполнение ведение войн и постоянные походы. Между тем он успокоился не раньше, чем победил всех врагов и сделал всех их данниками своими. Что же касается меня, то я возношу благодарность

Предвечному за ныне наступивший у меня мир, благодаря наличности которого мне предоставляется возможность исполнить свою мечту и воздвигнуть храм Господу Богу, сообразно с тем, как это было относительно меня предсказано уже раньше Предвечным отцу моему. Ввиду всего этого прошу тебя послать нескольких твоих мастеров на подмогу моим мастерам на гору Ливан, чтобы там совместно с ними валить деревья, потому что к рубке деревьев сидонийцы оказываются гораздо способнее наших людей. Что же касается вознаграждения этим дровосекам, то я им выдам такое, какое тебе благоугодно будет назначить».

7. Получив и прочитав это письмо, Хирам, польщенный поручением царя, ответил Соломону следующим образом:

«Царь Хирам — царю Соломону. Следует вознести благодарственную молитву к Всевышнему, что Он даровал тебе, человеку мудрому и во всех отношениях достойному, родительский престол. Радуюсь этому, я с готовностью исполню все твои поручения. А именно: я прикажу срубить множество крупных кедров и кипарисов, велю людям моим доставить их к морю и распорядюсь, чтобы те немедленно затем составили из них плоты и пригнали их к любому пункту твоей страны, куда ты пожелаешь. Затем уже твои люди смогут доставить этот строительный материал в Иерусалим. Вместе с тем предлагаю тебе взамен этого позаботиться о доставлении нам хлеба, в котором мы нуждаемся, потому что живем на острове».

8. И до сего дня сохранились копии этих писем не только в наших [священных] книгах, но и в летописях жителей Тира, так что если кто-нибудь захочет убедиться в этом воочию, то ему стоит лишь вступить по этому поводу в соглашение с казенными хранителями архивов в Тире, и он найдет, что их данные вполне соответствуют нашим⁴⁶⁹. Все это я привожу лишь к тому, чтобы убедить своих читателей, что я в своем рассказе ничего не прибавляю к действительности и что не только не пытаюсь путем каких-нибудь льстивых или обманных или рассчитанных на увеселение эпизодов уклониться от настоящей материи, нисколько не претендую на слепую веру в мои сообщения и не ожидаю, в случае извращения мною действительных фактов, остаться без укора, но и не рассчитываю ни на какое доверие, помимо того, которое я мог бы оправдать путем приведения точных и непреложных доказательств истинности моего рассказа.

9. Когда царь Соломон получил ответное письмо тирского царя, то он не мог не отнестись сердечно к выказанным последним преданности и благорасположению и в ответ на это исполнил просьбу Хирама, а именно стал высылать ему ежегодно двадцать тысяч коров пшеницы и столько же батов оливкового масла. Бат содержит в себе семьдесят две меры. Вместе с тем Соломон посылал ему такое же количество вина. Все это повело лишь к еще большему скреплению дружбы между Хирамом и Соломоном, которые к тому же поклялись друг другу в вечной верности.

Затем царь Соломон набрал со всего народа тридцать тысяч работников, которыми он весьма облегчил пред стоявший им труд путем умелого распределения последнего между ними. Дело в том, что он назначал на один месяц партию в десять тысяч человек дровосеками на горе Ливанской, а затем отпускал эту партию домой на отдых на два месяца, в течение которых остальные двадцать тысяч рабочих делали свое дело. Когда же истекал срок и их работы, то на место их становились первые, которым таким образом в течение четвертого месяца приходилось отрабатывать свою долю. Общим руководителем всего этого количества рабочих рук был назначен Адорам. Из представителей податных сословий, которых оставил после себя Давид, семьдесят тысяч были назначены в виде носильщиков камней и прочих строительных материалов, а восемьдесят тысяч получили занятия в каменоломнях. Над всеми ими было поставлено три тысячи триста надзирателей. Затем Соломон поручил этим рабочим наломать для фундамента храма огромных камней и, предварительно обтесав и примерно пригнав друг к

другу еще на месте, в горах, доставлять затем уже таким образом в обделанном виде в город. Впрочем, эту работу исполняли не одни только туземные рабочие, но и некоторые из тех мастеров, которых прислал Хирам⁴⁷⁰.

1. К самой постройке храма Соломон приступил уже на четвертый год своего правления, а именно во втором месяце, носящем у македонян название артемизия, а у евреев иара, пятьсот девяносто два года спустя после выхода израильтян из Египта, тысячу двадцать лет после прибытия Авраама из Месопотамии в Ханаан и тысячу четыреста сорок лет после потопа. С рождения же первого человека, Адама, до построения Соломоном храма прошло в общей сложности три тысячи сто два года. Тот год, когда началась постройка этого храма, являлся уже одиннадцатым годом правления Хирама в Тире, а с основания Тира до построения храма истек период в двести сорок лет⁴⁷¹.

2. Итак, царь начал с того, что велел заложить на весьма значительной глубине в земле для храма фундамент из очень твердых камней, которые смогли бы устоять в продолжение долгого времени, и, совершенно слившись с почвою, могли бы служить прочным и устойчивым основанием для возведения на них предполагавшейся постройки и, благодаря своей крепости, были бы в состоянии без труда выдержать не только все грандиозное сооружение храма, но и тяжесть всех его украшений. Тяжесть последних должна была, по расчету, быть не менее значительною, чем сама основная постройка, в которой царь собирался путем вышины и простора сочетать красоту с грандиозностью⁴⁷². До самой крыши здание было выведено из белого камня. Высота этого здания доходила до шестидесяти локтей, равно как и длина его, тогда как ширина его составляла лишь двадцать локтей. На этом (основном) здании возвышался еще этаж такого же размера, так что общая высота всей постройки доходила до ста двадцати локтей. Фасадом своим здание было обращено к востоку. Преддверие храма было выведено в двадцать локтей в длину, сообразно ширине главной постройки, в десять локтей в высоту. Кроме того, царь велел построить кругом храма тридцать маленьких зданий⁴⁷³, которые прочностью своей постройки и общию массою своею должны были объединять и сдерживать все главное здание. Все эти здания были соединены между собою (внутри) дверьми⁴⁷⁴. Каждое из этих отдельных зданий имело пять локтей в длину, столько же в ширину и двадцать в высоту⁴⁷⁵. Равным образом поверх их были надстроены одинаковых объемов и одинакового количества еще два этажа, так что вся пристройка доходила до половины основного здания всего храма, верхняя половина которого не была окружена такими пристройками. На всем этом покоилась крыша из кедрового дерева⁴⁷⁶. У каждой из упомянутых пристроек была собственная, не соприкасавшаяся с соседними крыша, все же здание покрывала одна общая крыша, покоившаяся на пригнанных друг к другу огромных, проходивших по всей постройке балках, причем средние части этих балок, сдерживаемые деревянными стропилами, крепко упирались друг в друга и образовывали прочное основание⁴⁷⁷. Потолок под крышею был сделан из того же материала, совершенно, впрочем, гладко выскобленного, чтобы принять надлежащую полировку и позолоту⁴⁷⁸. Стены храма получили обшивку из кедровых досок и были вызолочены, так что весь храм сверкал и ослеплял взоры посетителей обилием всюду разлитого золота. Вся внешняя отделка храма была сделана из удивительно искусно и точно обтесанных камней, которые так плотно и легко были пригнаны друг к другу, что никто не мог бы заметить следа молотка или какого-либо другого инструмента. Невзирая на все это, здание отличалось чрезвычайною легкостью и соразмерностью, и вся гармоничность его казалась скорее естественною, чем результатом требований искусства. Во внутренней части стены царь велел устроить вход⁴⁷⁹ в верхний этаж здания, потому что этот этаж не имел на восточной стороне своей, подобно нижнему этажу, входа, но в него можно было проникнуть с боковых сторон через крошечные

двери⁴⁸⁰. Вместе с тем все здание, как снаружи, так и изнутри, было выложено кедровыми планками, стянутыми крепкими цепями, которые служили ему прочною оградой и придавали ему больше устойчивости.

3. Разделив храм на две части, царь определил заднюю часть, длиною в двадцать локтей, для Святая Святых, переднюю же часть, длиною в сорок локтей, для святилища. В стене, отделявшей обе эти части, он велел вырезать отверстие и поместить двери из кедрового дерева, которые были богато расписаны золотом и покрыты резьбою⁴⁸¹. Перед этими дверьми царь приказал повесить разноцветные завесы лазоревого, пурпурного и фиолетового цвета из самого прозрачного и тонкого виссона⁴⁸². В Святая Святых, имевшем двадцать локтей в ширину и столько же в длину, были поставлены две фигуры херувимов из чеканного золота, вышиною каждая в пять локтей. Каждая фигура имела по два распростертых крыла длиною по пяти локтей. Потому-то царь и поставил означенных херувимов почти рядом друг с другом, чтобы они могли прикасаться своими крыльями с одной стороны к южной, с другой же к северной стене Святая Святых и чтобы два других крыла их осеняли помещенный между этими фигурами кивот завета. Как чудно-прекрасны были эти изображения херувимов, никто не сможет ни рассказать, ни представить себе. Также и пол храма был выложен золочеными плитами; при входе в святилище царь велел устроить двери⁴⁸³ сообразно с вышиною стены, а шириною в двадцать локтей и также покрыть их золоченою резьбою. Вообще, ни внутри сооружения, ни вне его не было ни одной вещи, которая не была бы вызолочена⁴⁸⁴. В этих дверях, подобно тому, как это было сделано с внутренним входом в Святая Святых, также были повешены завесы, тогда как вход в преддверие храма не был украшен ничем подобным.

4. В то же самое время Соломон пригласил к себе от царя Хирама из Тира художника по имени Хирам, который по матери своей происходил из колена Неффалимова, а отец которого был Урий, израильтянин родом⁴⁸⁵. Этот человек был знатоком во всякого рода мастерствах, особенно же искусным художником в области обработки золота, серебра и бронзы, ввиду чего он и сделал все нужное для украшения храма сообразно желанию царя [Соломона]. Этот-то Хирам соорудил также две медные колонны для наружной стены храма, в четыре локтя в диаметре. Вышина этих столбов доходила до восемнадцати аршин, а объем до двенадцати локтей. На верхушку каждой колонны было поставлено по литой лилии вышиною в пять локтей, а каждую такую лилию окружала тонкая бронзовая, сплетенная как бы из веток сеть, покрывавшая лилию. К этой сети примыкало по двести гранатовых яблок, расположенных двумя рядами. Одну из этих колонн Соломон поместил с правой стороны главного входа в храм и назвал ее Иахин, а другую, которая получила название Воаз, он поставил с левой стороны⁴⁸⁶.

5. Затем было вылито и медное «море» в форме полушария. Такое название «моря» этот сосуд для омовения получил благодаря своим объемам, потому что он имел в диаметре десять локтей, а толщина была в ладонь. Дно этого сосуда в середине покоилось на подставке, состоявшей из десяти сплетенных [медных] полос, имевших вместе локоть в диаметре. Эту подставку окружало двенадцать волов, обращенных по трое во все четыре стороны света и примыкавших друг к другу задними конечностями, на которых и покоился во всей окружности своей медный полушаровидный сосуд. «Море» это вмещало в себя три тысячи батов⁴⁸⁷.

6. Вместе с тем [мастер Хирам] соорудил также десять бронзовых четырехугольных подставок для сосудов, которые назначались для омовений⁴⁸⁸. Каждая такая подставка имела пять локтей длины, четыре ширины и шесть вышины, и каждая из них была устроена и украшена резьбою следующим образом: вертикально были поставлены по четыре четырехугольные колонки, которые соединялись между собою поперечными пластинками (планками), образовавшими три пролета, из которых каждый замыкался столбиком,

опиравшимся на нижнюю раму всей подставки. На этих столбиках были сделаны рельефные изображения где льва, где вола, а где и орла. Такие же рельефные изображения, как и на средних колонках, имелись также на крайних столбах. Вся эта подставка покоилась на четырех подвижных литых колесах⁴⁸⁹, диаметр которых вместе с ободом доходил до полутора локтей. Всякий, кто смотрел на окружность этих колес, не мог не удивиться тому, как искусно они были пригнаны и прилажены к боковым столбам подставки и как плотно они прилегали к основе этой подставки. Верхние концы основных крайних столбов заканчивались ручками наподобие вытянутых вперед ладоней, а на этих последних покоилась витая подставка, поддерживавшая умывальник, в свою очередь упиравшийся на колонки с рельефными изображениями львов и орлов, причем весь верх этой подставки был так искусно скреплен между собою, что на первый взгляд казался сделанным из одного куска. Между рельефными изображениями указанных львов и орлов выделялись также рельефные финиковые пальмы (Ср. [3Цар 7.41—42](#)). Таков был характер означенных десяти подставок для сосудов. Затем [Хирам] сделал и самые десять умывальниц, круглых медных сосудов, из которых каждый вмещал в себе по сорока батов. Глубина каждого сосуда доходила до четырех локтей; такой же величины был и диаметр их от края до края. Эти умывальницы он поставил на означенные десять подставок, получивших название мехонот⁴⁹⁰. Пять умывальниц было помещено налево, т.е. от храма, с северной стороны его, и столько же с правой, т.е. с южной стороны, если обратиться лицом к востоку. Тут же было вмещено и «медное море»⁴⁹¹. После того как эти сосуды были наполнены водою, [царь] назначил «море» для омовения рук и ног священников, входивших в храм и собиравшихся приступить к алтарю, тогда как целью умывальниц служило обмывание внутренностей и конечностей животных, назначавшихся к жертве всесожжения.

7. Затем был сооружен также медный алтарь для жертв всесожжения⁴⁹², длиною и шириною в двадцать локтей, а вышиною в десять. Вместе с тем Хирам вылил из меди также все приборы к нему, лопаты и ведра, кочерги, вилы и всю прочую утварь, которая красивым блеском своим напоминала золото. Далее царь распорядился поставить множество столов, в том числе один большой золотой, на который клали священные хлебы предложения, а рядом бесчисленное множество других, различной формы; на последних стояли необходимые сосуды, чаши и кувшины, двадцать тысяч золотых и сорок тысяч серебряных. Сообразно предписанию Моисееву было сооружено также огромное множество светильников, из которых один был помещен в святилище, чтобы, по предписанию закона, гореть в продолжение [целого] дня; напротив этого светильника, который был поставлен с южной стороны, поместили у северной стены стол с лежавшими на нем хлебами предложения. Между обоими же был воздвигнут золотой алтарь. Все эти предметы⁴⁹³ заключались в помещении в сорок локтей ширины и длины, отделявшемся завесою от Святой Святых. В последнем же должен был поместиться кивот завета (Ср.: [3Цар 6.1 — 3Цар 7.51](#) и [2Пар 3.1—14](#); [2Пар 4.1—22](#)).

8. Ко всему этому царь велел сделать еще восемьдесят тысяч золотых кувшинов для вина и сто тысяч золотых же чаш и двойное количество таких же сосудов из серебра; равным образом восемьдесят тысяч золотых подносов для принесения к алтарю приготовленной муки и двойное количество таких же серебряных подносов; наконец, шестьдесят тысяч золотых и вдвое более серебряных [сосудов], в которых мешали муку с оливковым маслом; к этому было присоединено также двадцать тысяч золотых и вдвое более серебряных мер, подобных мерам Моисеевым, которые носят название гина и ассарона; далее, двадцать тысяч золотых сосудов для принесения (и сохранения) в них благовонных курений для храма и равным образом пятьдесят тысяч кадила, с помощью которых переносили огонь с большого жертвенника (на дворе) на малый алтарь в самом святилище⁴⁹⁴; тысячу священнических облачений для иереев с

наплечниками, нагрудниками и камнями, служившими для гадания. Но головная повязка имелась тут только одна — та, на которой Моисей начертал имя Господне и которая сохранилась до настоящего времени. Царь велел сшить священнические облачения из виссона и сделать к ним десять тысяч поясов из пурпура. Равным образом он распорядился заготовить, по предписанию Моисееву, двести тысяч труб и столько же одеяний из виссона для певчих из левитов. Наконец, он приказал соорудить из электрона⁴⁹⁵ сорок тысяч самостоятельных музыкальных инструментов, а также таких, которые служат для аккомпанеента при пении, т.е. так называемых набл и кинир⁴⁹⁶.

9. Все это Соломон соорудил по возможности богаче и красивее в честь Господа Бога и не щадил ничего, стараясь лишь о том, чтобы со всяческим великолепием и по возможности достойнее украсить здание храма. Все эти пожертвования он поместил в храмовой сокровищнице. Вместе с тем он окружил храм со всех сторон так называемым, по-еврейски, гейсием⁴⁹⁷, чему на языке греческом соответствует *thrinakes*, т.е. зубчатую с выступами стеною, которая достигала трех локтей вышины и должна была преграждать народной толпе доступ к храму, оставляя вход свободным лишь для одних священнослужителей. Снаружи этой стены царь оставил четырехугольную площадь для священного внутреннего двора, окружив эту площадь специально для того воздвигнутыми обширными и широкими портиками, доступ в которые был чрез высокие ворота. Последние были обращены в разные стороны, а именно по направлению четырех сторон света, и снабжены запиравшимися золотыми дверьми. В этот священный двор могли входить все без различия, соблюдавшие законные постановления и отличавшиеся благочестием. Но поразительнее его по виду и не поддающимся никакому описанию был тут двор, который находился вне указанного внутреннего священного двора⁴⁹⁸; дело в том, что царь распорядился заполнить огромные ложбины, в которые раньше, благодаря их глубине, так как она доходила до четырехсот локтей, нельзя было смотреть без опасности потерять равновесие от головокружения и свалиться, и притом заполнить так, чтобы сровнять их с верхнею площадкою горы, на которой был воздвигнут храм. Таким образом ему удалось поместить наружный двор храма на одинаковой высоте с самим святилищем. Вместе с тем и эту площадь двора он окружил двойными портиками, колонны которых были высечены из тут же выломанного камня. Крыши колоннад были выложены резными кедровыми планками. Ворота к этому наружному двору он велел сделать из чистого серебра.

1. Если принять во внимание, что царь Соломон окончил все эти огромные и прекрасные здания, не только с внешней стороны, но и внутреннее их убранство, в семилетний срок, то приходится констатировать одинаково веское доказательство не только его богатства, но и его личного рвения: ведь всякий согласится, что для осуществления такого грандиозного предприятия, собственно, потребовался бы период целой человеческой жизни. Тем не менее царю удалось завершить дело сравнительно с грандиозностью сооружения в столь непродолжительный срок. [Тотчас же по окончании работ] он написал еврейским наместникам и старейшинам письма с предложением собрать весь народ в Иерусалим для осмотра храма и для участия в церемонии перенесения священного кивота Господня в святилище. При получении этого приглашения прибыть в Иерусалим, все поспешили отправиться туда. То был седьмой месяц, носящий у туземцев название фисри⁴⁹⁹, у македонян же — имя иперверетей. С этим же временем совпал и праздник Кущей, столь выдающийся и свято чтимый у евреев.

Итак, кивот завета вместе с воздвигнутой Моисеем скинией, равно как со всею необходимою при богослужениях и жертвоприношениях утварью, был перенесен в храм. Сам царь и весь народ с жертвоприношениями шли во главе процессии, причем левиты окропляли путь жертвенным вином и кровью массы убитых жертвенных животных, а также сжигали несметное количество благовонных курений, так что воздух во всей окрестности наполнился благоуханием и сладостью своею указывал даже в большом от этого места расстоянии проходившему путнику на близость Божества и, если выразиться на всем доступном языке, на Его переселение во вновь сооруженное и Ему посвященное местожительство. Равным образом левиты не переставали петь гимны и хоровые славословия в продолжение всего пути до самого храма. Таким-то образом совершалась церемония перенесения кивота. Когда же наступил момент внесения кивота в самое святилище, весь народ остановился; одни лишь священнослужители подняли кивот и поместили его между обоими херувимами. Эти последние были устроены художником таким образом, что крылья их соприкасались между собою, образуя для кивота нечто вроде крыши или балдахина. В самом кивоте не было, впрочем, ничего, кроме двух каменных скрижалей, на которых были записаны сохранившиеся десять заповедей, которые Господь Бог сообщил Моисею на горе Синайской. Светильник, трапеза с хлебами предложения и золотой алтарь были помещены в святилище пред входом в Свята Святых на тех же местах, на которых они стояли и раньше в скинии, и тотчас были возложены на них обычные ежедневные жертвоприношения. Медный жертвенник же был поставлен снаружи храма, как раз против входа, так что при открытых дверях он был на виду у всех и было возможно лицезреть священнодействие и обилие жертвоприношений. Вся остальная священная утварь была помещена внутри храма.

2. Лишь только священнослужители устави́ли все в святилище и вышли из него, по всему храму внезапно разлился густой туман, впрочем не холодный и не наполненный сыростью, как то бывает в зимнее время, но плотный и нежный, и сразу отнял у священнослужителей возможность видеть друг друга. И в тот же миг в уме и воображении каждого мелькнула мысль, что это Господь Бог снизошел в свое святилище и милостиво занял его. И пока все были еще погружены в раздумье о виденном, царь Соломон, до тех пор сидевший, встал со своего седалища и обратился к Предвечному со словами, которые он признал подходящими к данному случаю и в милостивом со стороны Господа Бога отношении к которым он был вполне уверен. А именно он сказал следующее: «Хотя ты, о Господи, и не имеешь Свою собственную, вечную обитель и хотя мы знаем, что из того, что Ты Сам для Себя создал, возникли небо, и воздух, и

земли, и моря и что Ты наполняешь Собою все в тем не менее все существующее не может объять Тебя, я все-таки решился воздвигнуть Тебе этот славный храм с тою целью, чтобы мы могли приносить Тебе здесь наши жертвы и возносить из него наши славословия, будучи в полной уверенности, что Ты здесь и не находишься вдали от нас. И если Ты зриаешь на все и слышишь все, то отныне, поселившись здесь, не откажи в Своей близости никому и милостиво внемли и ночью, и днем всякому к Тебе прибегающему».

Обратившись с этою вдохновенною речью к Господу Богу, царь обратился к народу с воззванием, в котором выяснил народной массе всемогущество Божие и любовь Его к иудеям. При этом он указал на то, как Предвечный предвещал отцу его, Давиду, все, из чего уже многое осуществилось, а остальное еще должно осуществиться; как Он дарует настоящее имя еще не существующему и предсказывает будущее назначение всякого и всего; как Он предсказал отцу его, что сам он, Соломон, станет Царем по смерти отца своего и воздвигнет Господу храм. Ныне, заключил он речь свою, когда иудеи смогли воочию убедиться в справедливости предвещаний Господних, им следует славословить Его и не отчаиваться в осуществлении всего того, что Он обещал сделать для благополучия их: уверенность эту может дать им уже то, что они теперь видят.

3. Сказав это народу, царь вновь обратился лицом к храму и, воздев правую руку к небу, воскликнул: «Люди не в состоянии возблагодарить делами своими Господа Бога за все полученные от Него благодеяния, ибо Божество ни в чем не нуждается и выше всякой благодарности. Но все-таки, Господи, в одном отношении Ты поставил нас выше всех остальных существ, и с помощью этой одной способности мы обязаны восхвалять Твою славу и возносить благодарность за все милости, указанные Тобою нашему дому и еврейскому народу. Ибо с чем иным можем мы лучше прибегнуть к Тебе или умилостивить Тебя, будь Ты милостив к нам или разгневан на нас, как не с нашим словом, которое является к нам из воздуха и о котором мы знаем, что оно вновь воздымается [к Тебе] по тому же самому воздуху⁵⁰⁰. Итак, я для начала вознесу к Тебе с помощью голоса моего благодарение за отца своего, которого Ты, несмотря на его ничтожество, столь возвеличил, а затем возблагодарю Тебя и за себя лично, ибо Ты до сего дня исполнил все Твои предсказания относительно меня. Поэтому молю Тебя и на будущее время сохранить мне Свою милость и даровать мне все то, что можешь даровать Ты, Господь Бог, избранникам своим, а именно на веки утвердить власть дома нашего, сообразно с предвещанием Твоим отцу моему при его жизни и в минуту смерти, что у нас останется царская власть, которая и будет переходить среди нас из рода в род непрерывно. Итак, сохрани за нами это и даруй детям моим ту добродетель, которая Тебе угодна. Сверх того, умоляю Тебя, ниспошли в этот храм также частицу духа Твоего, дабы знаменовать Твое присутствие здесь на земле среди нас. И хотя вся ширь небесная со всем ее окружающим, а следовательно, и этот сооруженный [человеческими руками] храм, конечно, являются для Тебя слишком тесным обиталищем, тем не менее с мольбою взываю к Тебе: сохрани его навсегда в целостности, как Твою собственность, от разрушительного натиска врагов и позаботься о нем, как о личном своем достоянии. И если когда-либо случится, что народ, согрешив и будучи Тобою за это свое согрешение наказан каким-нибудь ужасным бедствием вроде неурожая или чумы или подобною напастью, которая обыкновенно постигает ослушников Твоих святых повелений, в полном смятении толпою станет искать убежища в Твоем храме и с мольбою будет взывать о спасении, - будь тогда милостив к нему и, как находящийся [в этом храме], внемли его молитвам и избавь его в милосердии Своем от этих бедствий. Но не для одних евреев я прошу у Тебя такой милости в случае беды: даже если сюда придут люди с крайних пределов земли или откуда бы то ни было с желанием, обратиться к Тебе и вымолить у Тебя какую-нибудь милость, внемли им и исполни их моление. Только таким образом станет общеизвестным, что Ты сам пожелал от

нас сооружения Тебе этого храма, и что мы не только не являемся человеконенавистниками по своей природе и нисколько не настроены враждебно против иноплеменников, но желаем всем и каждому пользоваться Твоею помощью и полным избытком всяких благ» (Ср. «Против Апиона» (II, 27—2). (Перев.)).

4. Сказав это, царь пал ниц наземь и долгое время пребывал в молитве. Затем он поднялся и принес Господу Богу жертвы. Заклав установленное количество жертвенных животных без изъяна, он мог убедиться воочию, что Господь Бог принял все жертвоприношения, потому что с неба вдруг на глазах у всех снизошло пламя на алтарь, охватило все жертвы и пожрало их. Увидев это явное чудо и усмотрев в нем ясное доказательство очевидного нахождения Божества в храме и желание Его и на будущее время иметь тут свое местопребывание, народ в великой радости бросился на колени и стал молиться, а царь стал восхвалять Предвечного, чем принудил и народ к тому же самому. Славословие это сводилось к указанию, что [евреи] уже теперь имеют пред собою доказательство милостивого расположения к ним Господа Бога, и к мольбе — всегда сохранять к ним это чувство, уберечь сердца их чистыми от всякого зла и навеки даровать им любовь к справедливости, благочестию и точному исполнению тех заповедей, которые Предвечный дал им чрез посредство Моисея: лишь в таком случае народ еврейский будет счастлив и даже счастливее всякого другого племени. Вместе с тем царь присоединил к этому еще свое собственное увещание народу не забывать, что он должен сохранить и даже усугубить свое счастье таким же точно путем, каким он приобрел его в настоящую минуту: не довольно достигнуть его путем благочестия и справедливости, но следует постоянно помнить, что лишь таким же путем можно его сохранить за собою. Дело в том, что людям не так трудно приобрести то, чего у них еще нет, чем сохранить имеющееся и нисколько не умалить его.

5. Обратившись с такою речью к народу, царь распустил собрание. Вместе с тем он принес лично за себя и за всех евреев жертву в двенадцать тысяч волов и сто двадцать тысяч овец. Это было первое, по освящении храма, жертвоприношение, и при этом случае приняли участие в угощении все евреи с их женами и детьми. После этого царь блестяще и пышно отпраздновал в продолжение четырнадцати дней так называемый «праздник кущей», и весь народ участвовал в этом торжестве.

6. Когда народ в достаточной мере повеселился и все обязанности по отношению к Господу Богу, казалось, были в точности исполнены, все евреи, с разрешения царя, отправились по домам, прославляя царя за его о них заботливость и величие его деяний и моля Предвечного о том, чтобы Он сохранил им Соломона царем еще на многие годы. С радостным ликованием выступили они в путь и, совершая его с хвалебными в честь Господа Бога песнопениями, без всякого труда для себя самих (вследствие своего радостного настроения) незаметно прибыли домой. Равным образом вернулись в свои родные города также все те, которые лично участвовали в церемонии внесения ковчега завета внутрь храма и могли теперь рассказывать (по своим собственным наблюдениям) о величине и красоте этого храма, а также о тех необычайных жертвоприношениях и празднествах, в которых они сами явились непосредственными участниками.

В ту же самую ночь Соломону представилось во сне видение, которое возвестило ему, что Господь Бог милостиво внял его (царя) молитве, готов принять под свое покровительство храм и всегда иметь в нем свое местопребывание и оказывать милосердие как его потомкам, так и всему народу. Если только сам царь первый останется верен заветам отца своего, то, говорило видение, Предвечный не только непременно возвеличит его и даст ему высшее счастье, но и предоставит потомству Соломона навсегда царскую власть над всею этой страной и коленом Иудовым. Если же он изменит этим наставлениям, забудет о них и променяет Его на чужеземных богов, то Всемогущий угрожал совершенно истребить его, не оставить и следа его

потомства, равно как не пощадить никого из израильского народа, уничтожить их войнами и бесконечным количеством всевозможных бедствий, изгнав их из страны, которая была дарована их предкам, и предоставить эту страну, по изгнании их, чужим пришельцам. Вместе с тем Господь грозил предать огню ныне сооруженный храм и предоставить его врагам на разграбление, а также отдать весь город в руки неприятелей. И повсюду бедствия евреев войдут тогда в поговорку и возбудят недоверие по своей тяжести, так что, когда соседи евреев станут затем с удивлением расспрашивать о причине, почему евреи, раньше столь возвеличенные и столь богато одаренные Предвечным, теперь впали в такую у Него немилость, им придется услышать из уст случайно уцелевших от погрома чистосердечное признание в прегрешениях и в нарушении прародительских заветов⁵⁰¹.

Все то, что сказал Господь царю чрез посредство ночного видения, записано [в священных книгах]⁵⁰²

1. После сооружения храма, который, как мы уже упоминали, был окончен в течение семи лет, Соломон приступил к построению царского дворца, на что ему с трудом хватило тринадцати лет. Правда, рвения к этой постройке было приложено не менее, чем к сооружению храма, который, хотя и отличался своею грандиозностью и необычайным великолепием, был окончен в сравнительно столь непродолжительное время потому, что окончанию его постройки способствовал сам Предвечный, в честь Которого он воздвигался. Между тем дворец, значительно уступавший по своей грандиозности зданию храма, строился медленнее, с одной стороны, оттого, что для него не было так задолго и с таким рвением припасено нужных строительных материалов, а с другой — потому, что тут шла постройка царского дворца, а не храма для Господа Бога. Впрочем, и дворец этот отличался вполне достойным великолепием, и сооружение его всецело соответствовало богатству страны еврейской вообще и ее царя в частности, и я считаю необходимым дать здесь подробное и точное его описание уже для того, чтобы все будущие читатели этой книги могли себе составить полное и верное представление о грандиозности указанного сооружения.

2. Главная часть здания представляла из себя обширный и красивый чертог, окруженный множеством колонн и предназначенный для судебных и иных публичных заседаний, почему ему пришлось дать такие размеры, чтобы он был в состоянии вместить в себя большое стечение народа. Ввиду этого длина этой залы была определена в сто, ширина в пятьдесят, а вышина в тридцать локтей. Поддерживавшие потолок четырехгранные колонны были сделаны все из кедра и у потолка были украшены коринфскими узорами⁵⁰³, а симметрично расположенные двери с тройными резными створами представляли собой не только большое удобство, но и придавали особенную красоту зале. К боковой стене этого чертога во всю его длину примыкало другое четырехугольное здание в тридцать локтей в ширину, которое на противоположном конце своем имело чертог, украшенный низкими и толстыми колоннами. Тут находился прекрасный трон, на котором восседал царь во время судебных разбирательств. К этому зданию, в свою очередь, примыкали покои царицы и все прочие комнаты, нужные для хозяйства и для свободного времяпрепровождения и отдыха после трудов. Все эти покои были снабжены резными дверьми из кедрового дерева.

Все здания были сооружены из больших каменных глыб в десять локтей ширины, а стены были также облицованы дорогими полированными каменными плитами, которые обыкновенно добываются для украшения святилищ или пышных царских дворцов из недр земли и тем необычайно усиливают красоту отделанных ими построек. Наружность здания еще более выигрывала от тройного ряда воздымавшихся друг над другом колонн, тогда как четвертый этаж представлял картину удивительной лепки, изображавшей целые деревья и многоразличные плоды, причем отдельные ветви и ниспадавшая с них листва, которая была сработана так тонко и искусно, что можно было предположить, что все это задвигается, не только давали тень, но и скрывали находившийся под ними камень. Все остальное пространство стен вплоть до крыши было покрыто разнообразными красками, узорами и изречениями. Ко всему этому царь воздвиг также и другие чертоги, предназначавшиеся для празднеств, и расположенные в красивейшей части дворца колоннады, среди которых помещалась также великолепнейшая зала для роскошных пиршеств, вся залитая золотом. Вся необходимая утварь этой залы, предназначавшейся для пользования гостей, была из чистого золота. Вообще, крайне затруднительно рассказать о всей грандиозности и великолепии царского дворца, равно как перечислить все хотя бы обширнейшие покои, не говоря уже о второстепенных и подземных, а

потому сразу невидимых, и сообщить о красивой внешности воздымавшейся к небу постройки или о ласкавших взор и представлявших приятное убежище во время летнего зноя и чудные уголки для отдыха садах дворца. Короче говоря, царь воздвигал всю постройку из белого камня (мрамора), кедра, золота и серебра, а потолок, равно как и стены, был покрыт такими же красивыми, оправленными в золото, камнями, как то было в храме Господнем. Вместе с тем царь велел соорудить из слоновой кости огромный трон, поставленный на возвышении, к которому вело со всех [четырёх] сторон по шести ступеней. На каждой ступени стояло по бокам по два льва и по столько же наверху по обеим сторонам трона. Седалище было снабжено ручками, на которые мог опираться царь, а спинку, к которой он мог прислониться, составлял зад вола, обращенного в противоположную от восседавшего сторону. Все это было в изобилии выложено золотом.

3. На все эти сооружения Соломон употребил двадцатилетний период времени.

Так как тирский царь Хирам доставил ему для этого большое количество золота, а еще больше серебра, равно как кедрового и елового дерева, то и сам Соломон отплатил Хираму значительными подарками, посылая ему постоянно ежегодно жито, вино и масло, в которых тирцы, как мы уже выше упомянули, всегда особенно нуждались, так как жили на [отрезанном от материка] острове. Кроме всего этого, Соломон предоставил в распоряжение Хирама еще двадцать галилейских городов, лежавших невдалеке от Тира. Но когда Хирам посетил и осмотрел эти города, то остался недоволен этим подарком, что и выразил Соломону путем отправления к нему особого посольства, которое должно было заявить, что Хирам в этих городах не нуждается. Отсюда вся эта местность получила название «Хавалон», потому что в переводе с финикийского Хавалон значит «неприятное»⁵⁰⁴.

Впоследствии царь Тира стал посылать Соломону различные хитрые загадки в форме запросов, прося отгадать их и тем помочь ему в его затруднении при решении этих задач. Но так как Соломону, при его необыкновенной даровитости, это не представляло никакой трудности, то он с легкостью отгадывал все их и свободно раскрывал тайный смысл этих задач. Об этих сношениях указанных двух царей упоминает также и Менандр, переводчик тирских летописей с финикийского языка на греческий⁵⁰⁵, и сообщает следующее:

«После смерти Абибала царство перешло к его сыну Хираму, который прожил пятьдесят три года и был из них царем в продолжение тридцати четырех лет. Он расширил посредством насыпей место, носящее название Еврихора⁵⁰⁶, поставил в виде жертвенного дара золотую колонну в храме Зевса, лично отправился в роццу и приказал рубить на горном хребте Ливанском материал для сооружения крыши [Иерусалимского] храма. Он же велел срыть старые капища и воздвиг храмы в честь Геракла и Астарты⁵⁰⁷ и первый установил праздник воскресения Геракла в месяце перитии⁵⁰⁸. Он же пошел походом против отказавшихся платить дань итикийцев⁵⁰⁹ и вернулся назад после их покорения. При нем жил Абдимон, который, хотя и был гораздо моложе, всегда отлично решал задачи, предлагаемые царем иерусалимским, Соломоном⁵¹⁰. Об этом имеется упоминание также у Дия⁵¹¹, гласящее следующим образом:

«После смерти Абибала на царский престол вступил сын его Хирам. Этот сделал в восточных частях города насыпи, чем расширил город, соединил с ним стоявший особняком на острове храм Зевса Олимпийского⁵¹², засыпав лежавшее [до этого] между ними пространство, и украсил храм золотыми жертвенными дарами. Затем он лично поднялся на Ливан и велел нарубить деревьев для построения храмов. Сообщают, что иерусалимский царь Соломон посылал Хираму загадки и предлагал ему обмениваться загадками с тем, чтобы тот, кто не в состоянии будет разрешать их, уплачивал разгадчику денежную пеню. Так как Хирам, согласившийся на эти условия, не был в состоянии разрешать предложенные загадки, то ему

пришлось расплатиться, в виде пени, большею частью своих сокровищ. Но потом некий тирянин, Абдимон, решил загадки и от себя предложил Соломону целый ряд других, которых Соломон не мог разгадать, так что был принужден приплатить Хираму еще много пени от своих сокровищ». Таково сообщение Дия⁵¹³.

1. Так как царь [Соломон] обратил внимание на то, что стены города Иерусалима совершенно лишены необходимых для безопасности башен и вообще какого бы то ни было укрепления (что, по его мнению, не соответствовало значению и достоинству города), то он занялся возведением стен и воздвиг на них высокие башни. Вместе с тем он принялся за основание и других городов, являвшихся особенно значительными, а именно Асоры и Магедона. Третьим он отстроил Газару, главнейший город в области филистимлян. Город этот подвергся осаде и взятию со стороны выступившего против него в поход египетского фараона. После того как фараон перебил там всех жителей и поджег Газару, он впоследствии отдал этот город дочери своей, вышедшей замуж за Соломона. Ввиду этого и в силу того, что Газара уже по положению своему представляла укрепленный пункт и во время войны или в иных затруднительных случаях могла оказать особенные услуги, царь вновь отстроил ее. Невдалеке от нее он воздвиг два других города; имя одного из них было Витхора, а другой назывался Валефом. Равным образом он построил, кроме названных, также еще и другие города, которые были, благодаря своему чудному воздуху, отличному климату и обилию ключей, особенно пригодны для отдыха и летнего пребывания. После этого он совершил вторжение в пустынную область, расположенную к северу от Сирии, и, завладев ею, основал там обширный город, в расстоянии двух дней пути от северной Сирии и одного дня от Евфрата, тогда как расстояние этой местности от великого Вавилона было шестидневное. Причиной постройки такого города в столь отдаленной от более густо заселенных частей Сирии местности является то обстоятельство, что южнее нет вовсе воды, тогда как только в одном этом углу можно было найти источники и цистерны. Выстроив и окружив этот город весьма прочными стенами, царь дал ему имя Фадамера, каковое название его и по сей день сохранилось у сирийцев, тогда как у греков он известен под именем Пальмиры⁵¹⁴.

2. Такими предприятиями царь Соломон наполнял в то время досуг свой. Но так как уже несколько раз встречалось у нас имя фараона и могут найтись люди, которые пожелают узнать, почему все египетские цари, начиная с Минея, построившего город Мемфис и жившего за много лет до прародителя нашего Аврама, вплоть до Соломона, т.е. в течение более тысячи трехсот лет, назывались фараонами по имени царя Фараона, правившего по истечении столь продолжительного периода времени, то я считаю необходимым, в видах рассеяния недоумения и раскрытия истинного положения дела, сообщить, что слово «фараон» означает по-египетски царя⁵¹⁵. Полагаю, что египетские властители, носящие в юности различные имена, с воцарением получают указанный титул, знаменующий собою, на их родном языке, все их величие. Подобно этому и александрийские⁵¹⁶ цари, первоначально нося различные другие названия, получали с момента вступления на царский престол название Птолемеев⁵¹⁷, по имени родоначальника династии. Равным образом и римские императоры, называясь с минуты своего рождения различными именами, принимают прозвище Цезарей; на этот титул дают им право их высокое положение и связанный с последним почет, и, принимая этот титул, они отказываются уже навсегда от первоначальных своих собственных имен. Я полагаю, что по этой-то именно причине и Геродот из Галикарнасса, говоря, что после строителя города Мемфиса, Минея, было у египтян тридцать три царя⁵¹⁸, и приводит их имена, так как все они носили общее название фараонов. Дело в том, что, когда этому писателю приходится говорить о воцарении после смерти тех фараонов женщины, он называет ее Никавлюю⁵¹⁹, тем самым указывая, что все царствующие лица мужского пола могли носить одно всем общее имя, тогда как женщина не имела этого права, почему автору и пришлось привести ее настоящее природное имя. Вместе с

тем я заметил, что в наших собственных [священных] книгах после Фараона, тестя Соломонова, ни один из египетских царей уже более не носит этого титула и что впоследствии к Соломону является вышеупомянутая женщина, царица Египта и Эфиопии. Но о ней мы расскажем несколько ниже. Теперь же я остановился на этом лишь с целью показать, что при сопоставлении данные наших священных книг вполне сходятся с фактами египетской истории.

3. Затем царь Соломон подчинил себе тех из еще не покоренных хананейцев, которые жили по Ливанскому хребту вплоть до города Амафы. Наложив на них дань, он заменил ее тем, что заставил их высылать ему слугителей для комнатных услуг и ежегодно известное количество народа для обработки земли. Дело в том, что никто из евреев не служил в качестве раба (так как Господь Бог подчинил им много народов, то ведь было бы и неприлично набирать из их собственной среды слуг, тогда как имелась возможность набирать их из числа покоренных), но все они с большею охотою с оружием в руках на колесницах или верхом проводили жизнь свою в походах, чем за работою, приличествовавшею рабам⁵²⁰. А над теми хананеями, которым царь поручил отправление черной работы, он поставил пятьсот пятьдесят надзирателей, получивших от царя приказание озаботиться всем, что касалось этих рабочих, так что этим надзирателям пришлось обучать подчиненных им хананеян всем работам и ремеслам, на которые те назначались.

4. Царь также велел построить в египетском заливе и в одной бухте Чермного моря по имени Гасионгавел недалеко от города Элафы, который теперь носит название Вереники⁵²¹, множество судов. Вся эта местность принадлежала в те времена евреям. И при постройке этих судов Соломон получил соответственный подарок от тирского царя Хирама, который послал ему опытных и способных в морском деле кормчих и моряков. Этим людям он приказал вместе с его собственными уполномоченными отправиться в плавание в страну, которая в древности называлась Софиром⁵²², а теперь именуется Золотою страню (она находится в Индии), и привезти ему оттуда золота. Посланные действительно собрали там около четырехсот талантов [золота] и вернулись с ними к царю.

5. Когда же царствовавшая в то время над Египтом и Эфиопией и отличавшаяся особенною мудростью и вообще выдающимися качествами царица узнала о доблести и необычайных умственных способностях Соломона, то желание лично познакомиться с тем, о котором она ежедневно слышала столько необычайного, всецело овладело ею⁵²³. Ввиду того, что вполне естественно не полагаться на чужие сообщения, правдоподобность которых зависит исключительно от личности рассказчика, царица пожелала сама на опыте убедиться в справедливости всего слышанного и решила отправиться к Соломону для того, чтобы воочию ознакомиться с его мудростью путем предложения разных вопросов, при разрешении которых могла бы обнаружиться вся глубина его ума.

Итак, она явилась в Иерусалим с большою помпою и несметными сокровищами, которыми были нагружены ее верблюды. Тут было золото, различные благовонные товары и драгоценные камни. При ее приезде царь принял ее особенно ласково, был с нею необычайно любезен и предупредителен и разрешил предложенные ею загадки, благодаря своему необыкновенному уму, гораздо скорее, чем можно было предполагать. Царица была поражена мудростью Соломона, которая, как она теперь имела случай убедиться воочию, далеко превосходила ее собственную и все досель ею об этом слышанное. Но еще более царица была поражена красотой и грандиозностью царского дворца и распределением отдельных входивших в состав его частей, ибо и в этом сказывался весь необычайный ум Соломона. Но окончательно подавили ее дворец, носивший название ливанского кедрового⁵²⁴, роскошь изо дня в день устраивавшихся пиршеств, богатство убранства и утвари, роскошные одежды и необычайная ловкость

прислужников, равно как обилие ежедневно приносимых Господу Богу жертв и служба при этом священнослужителей и левитов. Видя это изо дня в день, царица не была в состоянии удержаться от выражения своего удивления и не скрывала этого. Напротив, раз она даже отправилась к царю, чтобы высказать ему, насколько все виденное ею [в Иерусалиме] превзошло всякие ее ожидания и все раньше слышанные ею об этом рассказы.

«Все то, о царь,- сказала она,- что узнаешь по слухам, принимается с некоторым недоверием. Между тем о тех сокровищах, которые ты носишь в себе — я имею здесь в виду твою мудрость и житейскую опытность,- равно как о тех богатствах, которые связаны с твоим царским достоинством, молва, дошедшая до нас, не только не сказала неправды, но даже далеко оставила за собою истину, потому что я теперь воочию убедилась в избытке того счастья, которым она тебя наделяла. Эта слава о тебе только убеждала нас в своей истинности, тогда как не столько простое описание твоего величия заставило нас поверить ему, сколько то личное впечатление, которое выносится при виде всех этих прелестей. Уже то, что мне было возведено о твоем величии и богатстве, вызвало мое недоверие, но я лично убедилась, что истина далеко оставляет за собою описание, и я считаю необычайно счастливым народ еврейский, в особенности же тех слуг и друзей твоих, которым дана возможность изо дня в день пребывать в созерцании твоего величия и внимать твоей мудрости. Как не восхвалять им Всевышнего, который столь возлюбил эту страну и обитающих в ней жителей ее, что поставил над ними царем именно тебя!»

6. Затем царица словесно выразила Соломону свою глубокую признательность за радушный прием и доказала это также некоторыми тут же сделанными ему подарками; а именно: она преподнесла ему двадцать талантов золота, несметное количество благовонных товаров и массу драгоценных камней. От нее же, по преданию, развелось и растение, дающее нам корень опобальзама⁵²⁵ и до сих пор еще в изобилии произрастающее в нашей стране. В свою очередь и Соломон одарил царицу щедрыми дарами, предоставив ей выбор таковых по ее собственному усмотрению. Он не только не отказал ей ни в чем, что она просила, но выказал ей полное свое великодушие, предоставив ей пользование всем тем, что наполняло дом его, и выслал ей все, что она пожелала получить.

Когда таким образом состоялся обмен подарков между царем Соломоном и царицею египетскою и эфиопскою, последняя отправилась в обратный путь (Ср.: [3Цар 9.15—18](#); [3Цар 15.33—34](#); [2Пар 16.1—6](#); [3Цар 15.8](#) — [3Цар 16.28](#).).

1. Так как около того времени к царю было доставлено из так называемой золотоносной страны множество драгоценных камней и соснового леса, то он употребил часть дерева на сооружение перил у храма и строений, входивших в состав царского дворца, а другую на изготовление музыкальных инструментов, цитры и арфы, дабы левитам была предоставлена возможность славословить Всевышнего под звуки музыки. Между прочим, все те материалы, которые тогда получил царь Соломон, значительно различались качеством и добротностью от соответствующих, ныне нам известных. Пусть никто не думает, чтобы сосновое дерево того времени не отличалось от того, что мы ныне называем этим именем; напротив, оно так было непохоже на то, что у нас известно под этим названием, что продавцы нередко злоупотребляли этим именем для обмана покупателей: прежнее сосновое дерево имело ценность наравне с фиговым деревом, да вдобавок еще превосходило последнее белизною и блеском. Мы сочли нужным и крайне полезным упомянуть об этом дереве, раз мы вспомнили об употреблении его царем, дабы всякий знал различие того соснового дерева от обыкновенного и знал его отличительные качества.

2. Между прочим, вес доставленного царю золота достигал шестисот шестидесяти шести талантов, не считая при этом того, что закупили для него торговцы, и того, которое присылали ему в дар правители областей и цари Аравии. Все это золото Соломон велел вылить в виде двухсот таблиц, по шестисот сиклов весом каждая.

Равным образом он велел заготовить также триста щитов, из которых каждый был весом в три мины⁵²⁶. Все эти золотые вещи царь велел поставить в так называемый ливанский кедровый дом (Ср. выше, 6, 5.). Также и кубки для пиршеств были великолепно сделаны им из золота и драгоценных камней, равно как он велел заготовить из золота все приборы домашнего обихода, потому что ценность серебра была тогда так незначительна, что его нельзя было ни продать, ни купить на него что-либо. У Соломона имелось в так называемом Тарсийском море⁵²⁷ множество кораблей, назначение которых состояло в том, чтобы вести самую разнообразную торговлю с отдаленнейшими народами, у которых закупались серебро, золото, множество слоновой кости, эфиопы⁵²⁸ и обезьяны. Продолжительность плавания каждого корабля, начиная с момента отплытия до возвращения его на родину, доходила до трех лет.

3. Между тем слава о доблести и мудрости Соломона и о его блеске распространилась далеко за пределами его страны в соседних землях, так что повсюду правители, не веря рассказам о Соломоне и считая их преувеличенными, жаждали лично увидеть его и щедрыми приношениями выказать ему свое уважение. Ввиду этого они посылали царю золотые и серебряные сосуды, тканые одежды, всевозможного рода благовония, лошадей и колесницы, равно как значительное количество мулов для переноски тяжестей, причем полагали, что эти мулы особенно понравятся царю как по своей красоте, так и выносливости. Таким образом, благодаря этим подношениям, число царских лошадей, доходившее первоначально до двадцати тысяч, увеличилось теперь на две тысячи, а количество колесниц, которых у него раньше была тысяча, на четыреста. При уходе за этими лошадьми обращалось одинаковое внимание на сохранение ими как внешней красоты, так и быстроты, так что другие кони не были в состоянии выдержать с этими сравнение в данном отношении: на вид это были красивейшие и недостижимые по резвости своей животные. Большим украшением в этом случае служили также их всадники, необычайно цветущие юноши, далеко превосходившие прочее население своим значительным ростом и статным телосложением и отличавшиеся длинными распущенными волосами и одеянием из тирийского пурпура. Ежедневно они посыпали себе волосы золотым

песком, так что головы их сияли золотом, когда на них падали лучи солнца. В таком убранстве с луками в руках эти всадники окружали царя, когда тот обыкновенно на заре выезжал на своей колеснице в белом одеянии и сам правил лошадьми. В расстоянии двух схойнов от Иерусалима находилось местечко Ифам⁵²⁹, представлявшее, благодаря своим садам и обилию влаги, в одинаковой мере приятный и плодородный уголок. Местечко это служило целью утренних поездок царя.

4. Так как царь отличался во всем прямо необычайною внимательностью и сообразительностью, да и, кроме того, стремлением к красоте, то он обратил также особенное внимание на пути сообщения вообще, а в частности — на те дороги, которые вели его в столицу Иерусалим, и приказал их вымостить черным камнем, с одной стороны, для того, чтобы облегчить передвижение путешественникам, а с другой — чтобы еще раз выказать всю силу своего богатства и величие своей власти. Колесницы свои он разделил на группы и распределил их по отдельным городам, так что в каждом из последних всегда имелось определенное количество их, а себе оставил незначительное число их. Означенные города он назвал колесничными⁵³⁰. Серебра царь доставил такое количество в Иерусалим, как будто то были простые камни, а кедровых бревен, которых раньше тут не имелось вовсе, также множество, как будто то были стволы в изобилии дико растущих по долинам Иудеи тутовых деревьев. От египетских купцов он покупал колесницы, запряженные парой лошадей, и платил за каждую по шестисот драхм серебра. Эти колесницы он рассылал царям сирийским и правителям земель по ту сторону Евфрата.

5. Став среди всех царей самым знаменитым, снискав себе особенную любовь со стороны Предвечного и превосходя умом и богатством всех предшествовавших ему властителей над евреями, Соломон, однако, не остался верен себе вплоть до своей кончины, но под конец покинул строгое соблюдение отцовских предписаний, так что конец его царствования был совершенно не таким, каким, как мы показали выше, было начало его. Дело в том, что, сходя с ума по женщинам и необузданно предаваясь удовлетворению своих половых влечений, царь не только не удовлетворялся одними туземными женщинами, но брал себе в жены множество иностранок, сидонянок, тириянок, амманитянок и идумеянок и тем нарушал Моисеевы постановления, в силу которых было запрещено сожитие с иноземными женщинами. Между тем Соломон, в угоду этим женщинам и из любви к ним, стал поклоняться и их богам, что как раз было предусмотрено законодателем, который по этой-то именно причине и запретил вступать в брак с иностранками, чтобы евреи не отстали от своих родных обычаев, предавшись чужеземным, и не стали почитать богов своих жен, оставляя поклонение своему собственному Богу. Однако Соломон, втянувшись в безрассудное удовлетворение своих страстей, уже более не обращал на это внимание. Взяв себе в жены, кроме дочери царя египетского, еще семьдесят жен и дочерей владетельных князей и родовитых людей, а также держа при себе до трехсот наложниц⁵³¹, он немедленно впал в такую от них зависимость, что стал подражать их обычаям, а желание выказать всем этим женщинам свою любовь и преданность побудило его устроить свою жизнь совершенно на их образец. А так как и лета его уже подвинулись, да и сила ума, благодаря годам, стала ослабевать у него, то он начал понемногу забывать о родных установлениях; он все более и более пренебрегал собственным своим Господом Богом и стал воздавать почести богам своих пришлых жен. При этом и раньше ему пришлось уже раз согрешить и нарушить законоположение, а именно тогда, когда он велел соорудить изображения медных быков под жертвенною чашею — «морем» и фигуры львов у собственного своего трона: ведь изображения эти были сооружены им вопреки точному запрещению закона. Несмотря на то что перед глазами Соломона был блестящий пример добродетели собственного отца его и славы, которую последний оставил по себе благодаря своему истинному

благодетелю, Соломон тем не менее не пошел по стопам его, и, хотя Господь Бог дважды являлся ему во сне и увещевал следовать примеру отца, он должен был умереть бесславно. Дело в том, что вскоре к царю явился посланный самим Предвечным пророк с извещением, что от взора Всевышнего не скрыты все его беззакония, и с угрозой, что Соломону придется недолго уже предаваться своим удовольствиям. При этом пророк заметил, что хотя Господь и не отнимает у Соломона при жизни того царства, которое Он обещал Давиду сохранить за его наследником, но после его смерти придется за все поплатиться сыну Соломона: правда. Господь отнимет у этого сына власть не над всем народом, но зато отдаст десять колен одному из рабов его, оставляя два колена внуку Давида за то, что последний возлюбил Всевышнего, и за то, что он отстроил город Иерусалим, в котором Господу Богу было желательно иметь собственное святилище.

6. Услышав это, Соломон глубоко опечалился и сильно испугался, причем все те блага, которых он раньше столь ревностно домогался, приняли в глазах его отталкивающий характер. И правда, немного прошло времени с тех пор, как прорицатель предсказал ему грядущее, и Господь Бог уже послал Соломону врага в лице некоего Адера, которому причиною для неприязненных действий против Соломона послужило следующее обстоятельство.

Он был еще молодым человеком и происходил из царского идумейского рода. Когда же полководец Давида Иоав завоевал Идумею и в продолжение шести месяцев перерезал всех молодых людей, способных носить оружие, он один спасся бегством и прибыл к египетскому царю-фараону. Последний принял Адера благосклонно, предоставил ему дом и участок земли для пропитания и так полюбил его, когда тот достиг более зрелого возраста, что дал ему в жены свояченицу свою Фафину, родившегося у Адера от нее сына царь велел воспитывать вместе с собственными своими детьми.

Когда однажды Адер узнал о смерти Давида и Иоава, то отправился к фараону и стал просить его разрешить ему вернуться на родину. В ответ на эту просьбу фараон спросил Адера, чего недостает ему или вследствие какой обиды он старается покинуть его, и затем настоятельными просьбами и представлениями добился наконец того, что Адер остался. Когда же наступил момент, что положение Соломона, благодаря его вышеуказанным беззакониям и гневу вследствие того на него Господа Бога, уже начало становиться шатким, фараон согласился отпустить Адера, и тот вернулся в Идумею. Не будучи, однако, в состоянии побудить население этой страны отложиться от Соломона (дело в том, что там было много еврейских гарнизонов, благодаря которым государственный переворот представлял большие затруднения и опасности), Адер покинул Идумею и направился оттуда в Сирию. Тут он столкнулся с неким Раазаром, убежавшим от своего господина, царя Софенского⁵³², Адразара, и разбойничавшим в той местности, вошел с последним в дружественные сношения и двинулся вперед, став во главе разбойничьей шайки. Затем он овладел тою частью Сирии, принудил население признать его царем этой местности и вторгся еще при жизни Соломона в землю израильскую, предавая все опустошению и разграблению. Вот что пришлось претерпеть евреям от Адера.

7. Вслед за тем на Соломона напал также один из его собственных подданных. То был Иеровоам, сын Наватея, который, на основании старого предсказания, сам рассчитывал сделаться царем. Потеряв еще в детстве отца своего и воспитанный матерью, он успел обратить на себя своим благородством и неустрашимостью внимание Соломона, который поручил ему надзор за постройкою городских стен, когда он со всех сторон укреплял город Иерусалим. Это поручение Иеровоам исполнил настолько хорошо, что царь принял его к себе и в награду поручил ему управление над всем коленом Иосифовым. И вот, в самое то время, как Иеровоам покидал Иерусалим, ему повстречался на пути пророк из города Сило, по имени Ахия, и, приветствовав его, отвел его немного в сторону от дороги, в такое место, где им никто не мог

помешать внезапным появлением. Тут пророк разодрал свой плащ, в который был облачен, на двенадцать частей и, приказав Иеровоаму взять из них десять, сказал, что таково желание Господа Бога, который разделит власть Соломона и даст сыну последнего, сообразно данному Давиду обещанию, одно колено и затем еще другое, «тебе же,- присовокупил он,- предоставит начальствование над десятью остальными, так как Соломон согрешил относительно Него, отдавшись женам и их богам. Итак, раз ты знаешь причину, по которой Господь Бог отвернулся от Соломона, постарайся быть праведным и соблюдай законоположения, так как тебе за твое благочестие и за почтительное отношение к Предвечному назначена величайшая награда, а именно стать таким человеком, каким, как тебе известно, был Давид».

8. Ободренный такими речами предсказателя и будучи, по самому характеру своему, юношей пылким и готовым на рискованные предприятия, Иеровоам уже не был в состоянии успокоиться, но лишь только занял пост военачальника, вспомнил о предсказании Ахии и начал свои попытки склонить народ к отпадению от Соломона, причем побуждал народ передать ему, Иеровоаму, верховную власть. Когда же Соломон узнал об этих его происках и интригах, он принял меры к тому, чтобы захватить и казнить его. Предупрежденный об этом, Иеровоам, однако, успел спастись бегством к Сусаку⁵³³, царю египетскому, у которого и оставался вплоть до кончины Соломона, причем имел то преимущество, что не подвергался никакой ответственности и пользовался в резиденции фараона полной безопасностью⁵³⁴.

Затем умер и Соломон в глубокой старости, процарствовав восемьдесят лет из девяноста лет жизни, и был похоронен в Иерусалиме; он успел бы превзойти всех царей жизненными удачами, богатством и мудростью, если бы только в старости женами своими не был увлечен на путь беззакония. Но мне кажется более уместным подробнее поговорить об этом и о постигших евреев вследствие того бедствиях в другом месте.

1. Когда после смерти Соломона царская власть перешла к Ровоаму, его сыну от амманитянки Ноомы, начальники отдельных колен немедленно послали в Египет за Иеровоамом. Последний прибыл к ним в город Сихем, куда направился также и Ровоам, который желал быть избранным на царство всеми прибывшими туда израильтянами. При этом начальники народа вместе с Иеровоамом обратились к царю с просьбой облегчить им несколько их службу и обращаться с ними помягче, чем то делал родитель его, при котором им приходилось нести тяжелое иго; вместе с тем они указывали на то, что они будут ему, при гуманном с ними обращении, гораздо более преданы и охотнее нести службу, чем если бы пришлось повиноваться ему из страха. Когда же Ровоам обещал им дать чрез три дня ответ на их просьбу, то это тотчас возбудило их подозрения и они отнеслись с большим недоверием к тому, что он не согласился немедленно исполнить их желание и тем доставить им удовольствие; они были вполне уверены, что в юноше особенно должно быть живо чувство податливости и гуманности. Но вместе с тем то обстоятельство, что Ровоам решил сперва обдумать их предложение, а не сразу ответил им отказом, побуждало их все-таки надеяться на благополучный исход их ходатайства.

2. Затем Ровоам созвал приближенных отца своего и стал совещаться относительно того, как ответить народу на его петицию. Приближенные посоветовали ему, как и подобало людям благомыслящим и знакомым с характером народным, быть гуманным к народу и более обходительным с ним, чем то обыкновенно делают лица, облеченные царскою властью; таким образом, говорили советники, царь скорее всего сможет снискать себе расположение народа, потому что подданные любят, чтобы с ними обходились ласково и по возможности как с равными. Однако Ровоам не послушался столь благожелательного и во всяком случае полезного совета (а если и не всегда, то во всяком случае полезного при вступлении человека на царство), потому что, как я думаю, Господь Бог уже лишил его способности здраво рассуждать о полезном и вредном. Поэтому Ровоам созвал своих юных сверстников и, сообщив им совет более зрелых людей, предложил им высказать свое на этот счет мнение. И вот эти-то люди (которым ни юность их, ни указанное мною решение Господа Бога не позволяли остановиться на единственно правильном решении) посоветовали Ровоаму ответить народу, что его царский мизинец крепче спины отца его, что если они при последнем несли весьма тяжкое иго, то им придется познакомиться в его лице с еще гораздо большим деспотом, и что, если Соломон наказывал их бичами, он обещает им пользоваться с этой целью скорпионами. Царь послушался этого совета, считая такой ответ вполне отвечающим его царскому достоинству, и, когда на третий день народ в полном составе и сгорая от нетерпения узнать, что скажет царь, собрался в надежде услышать что-нибудь приятное, Ровоам, не обращая никакого внимания на совет, преподанный его [истинными] друзьями, отвечал ему так, как научили его сверстники. Все это произошло сообразно постановлению Всевышнего, дабы оправдалось предсказание Ахии.

3. Слова царя поразили всех, как молния, и сперва все замерли, как будто бы их хотели подвергнуть предварительному испытанию. Затем вдруг все заволновались и стали выражать свое неудовольствие громким криком и грозным заявлением, что с этого дня у них более ничего не будет общего с родною и потомством Давида и что они оставят последнему один лишь храм, который воздвиг отец его. Вместе с тем они приготовились к открытому восстанию против Ровоама, и возбуждение и гнев их были настолько сильны, что, когда царь послал к ним для успокоения волнения и для смягчения настроения пылкой молодежи или вообще недовольных его ответом податного чиновника Адорама, они не только не стали слушать его, но немедленно

закидали его камнями до смерти. Когда Ровоам это увидел, то испугался, как бы чернь не побила и его самого камнями, подобно тому, как сделала это с его подчиненным, и, вообще боясь каких бы то ни было враждебных и серьезных демонстраций, немедленно сел на свою колесницу и спасся бегством в Иерусалим. Между тем колена Иудово и Веняминово признали Ровоама своим царем, тогда как весь остальной народ с этого дня отложился от потомства Давидова и выбрал Иеровоама своим властелином. Тем временем сын Соломона, Ровоам, созвав на совещание представителей тех двух колен, которые остались верны ему, увидел, что он в силах выставить сто восемьдесят тысяч отборных солдат и выступить с ними против Иеровоама и остального народа, чтобы путем войны принудить их подчиниться ему. Однако Ровоам был удержан от этого похода самим Всевышним, который объявил царю при посредстве пророка, что совершенно неуместно воевать со своими единоплеменниками, тем более что отпадение последних произошло по решению самого Предвечного, и поэтому Ровоам отказался от своего предприятия. Впрочем, сперва я расскажу о деяниях израильского царя Иеровоама, а затем уже о том, что произошло при Ровоаме, царе двух остальных колен: таким образом будет соблюдена стройность и последовательность исторического повествования.

4. Итак, Иеровоам построил себе дворец в городе Сихеме и назначил его своею резиденциею. Другой [укрепленный] дворец он воздвиг себе в городе, носящем название Фануил⁵³⁵. Так как немного спустя после указанных событий должен был наступить праздник Кущей, то Иеровоам сообразил, что, если он разрешит народу отправиться на поклонение Господу Богу в Иерусалим и там провести праздники, народ этот, пожалуй, одумается и, очарованный великолепием храма и богослужением в нем, отступится от него, Иеровоама, и вернется под власть своего прежнего царя. Так как при таких обстоятельствах он, Иеровоам, подвергнется риску потерять жизнь, то он придумал следующее.

Велев соорудить два золотых тельца и построив два небольших храма, один в городе Вифиле, а другой в Дане (местность эта находится у истоков Малого Иордана) он поместил эти изображения тельцов в указанных капищах. Затем он созвал десять колен своих и обратился к ним со следующей речью:

«Дорогие мои единоплеменники! Полагаю, вам изве стно, что Господь Бог вездесущ и что нет такого одного определенного места, где Он предпочитал бы находиться; напротив. Он везде взирает на поклоняющихся Ему и везде выслушивает моления их. Ввиду этого мне кажется теперь неуместным направить вас в Иерусалим, город врагов наших, на поклонение Ему и ради этого заставить вас делать такое дальнее путешествие. Простой смертный воздвиг тамошний храм. Поэтому я и велел соорудить два золотых тельца в виде символических представителей Господа Бога и поместил их в нарочно для того построенных святилищах, одного в городе Вифиле, другого в Дане, для того, чтобы те из вас, которые живут в непосредственной близости к этим городам, могли отправиться туда и там поклониться Всевышнему. Вместе с тем я назначу вам из вашей же среды также и священников и левитов, дабы вы не нуждались в услугах колена Левина и потомков Аароновых. Пусть всякий из вас, который пожелал бы сделаться священнослужителем, принесет Господу Богу в жертву вола и барана, что сделал по преданию, и первый священнослужитель Аарон».

Таковыми речами Иеровоам ввел народ в заблуждение и, заставив его отступиться от родного культа, побудил преступить законы. Это-то обстоятельство стало для евреев началом всяких бедствий и было причиною того, что они впоследствии были побеждаемы на войне с чужеземными народами и подпадали их игу. Впрочем, об этом мы поговорим в своем месте.

5. Когда на восьмой месяц наступил праздник [Кущей], Иеровоам, желая отпраздновать его самостоятельно в Вифиле по образцу того, как проводили этот праздник два иерусалимских колена, воздвиг пред тельцом жертвенник и, взяв на себя обязанности первосвященника,

вступил в сопровождении своих собственных иереев на ступени этого алтаря. Но в ту минуту, как Иеровоам собрался пред лицом своего народа принести жертвенные дары и совершить жертву всесожжения, к нему подошел присланный из Иерусалима самим Предвечным пророк, по имени Иадон, и обратился среди народа в присутствии царя со следующими словами к алтарю:

«Так говорит Господь Бог: из рода Давидова выйдет человек, по имени Иосия, который принесет на тебе в жертву самозванных, в то время здесь собранных, священнослужителей и сожжет на тебе кости этих обманщиков народа, этих прельстителей и безбожников. А для того, чтобы эти здесь собравшиеся люди поверили истинности моего предсказания, я явлю им соответственное знамение: этот жертвенник немедленно обрушится и весь тук жертвенных приношений разольется по земле».

Не успел пророк окончить своей речи, как Иеровоам в бешенстве простер руку, давая тем знак схватить его. Но в тот же миг простертая рука его засохла, так что царь уже более не был в состоянии владеть ею; она у него повисла как плеть и совершенно омертвела. Вместе с тем обрушился и жертвенник и, сообразно предсказанию пророка, все находившиеся на нем предметы упали на землю.

Увидя, что этот человек говорит правду и обладает божественным даром прорицания, Иеровоам обратился к нему с просьбою умиловить Всевышнего и исцелить ему руку. Пророк действительно стал молить Господа Бога исполнить эту просьбу царя, и когда последний убедился, что рука его начинает по-прежнему действовать, в великой радости пригласил пророка разделить с ним трапезу. Иадон, однако, возразил, что ему не разрешено навестить его, равно как запрещено принять в этом городе хлеб или воду. Это, сказал он, запретил ему Господь Бог, равно как запретил ему вернуться отсюда тою же самою дорогою, которою он пришел, а велел идти другим путем. Такой воздержности пророка царь очень удивился и вместе с тем очень испугался, предвидя на основании всего рассказанного крайне неблагоприятный исход своих собственных начинаний⁵³⁶.

1. В городе [Вифиле] находился [в то время] гнусный старый лжепророк, которого Иеровоам очень почитал, потому что тот обманывал его такими предвещаниями, которые были приятны царю. Вследствие своей старческой немощи, этот человек почти не покидал уже своего ложа, и поэтому сыновья его рассказали ему о случае с прибывшим из Иерусалима пророком и о совершенных последним чудесах. Когда же дети его сообщили ему, как по просьбе Иеровоама у последнего вновь ожила рука, старик испугался, как бы чужой прорицатель не затмил его самого в глазах царя и не снискал бы себе большего, чем пользовался он сам, благоволения Иеровоама, и велел своим сыновьям немедленно оседлать осла и приготовить его ему для поездки. Сыновья поспешили исполнить это приказание, и затем старик сел на осла и направился вслед за пророком [Иадоном], которого наконец и настиг отдыхающим под огромным ветвистым и тенистым дубом. Приветствовав его сначала, он затем выразил ему упрек за то, что Иадон не зашел к нему и не воспользовался его гостеприимством. Когда же последний возразил, что Господь Бог запретил ему останавливаться у кого бы то ни было в этом городе, то старик заметил: «Но во всяком случае это запрещение Господне не относится ко мне и со мною ты мог бы разделить свою трапезу; ведь я такой же пророк, как и ты, и отличаюсь таким же, как и ты, богопочитанием. Теперь же я послан Предвечным с поручением пригласить тебя к себе разделить со мною трапезу».

Иадон послушался этих лживых слов и вернулся назад. В то время, однако, пока они еще закусьвали и благодушно разговаривали друг с другом. Господь Бог внезапно явился Иадону и объявил ему, что он будет наказан за нарушение Его повеления и вот в чем будет состоять это наказание: когда он выступит в путь, на него нападет лев, который растерзает его и лишит его таким образом погребения вблизи могил его предков. В этом, думается мне, следует видеть особенное решение Господа Бога, решение, в силу которого Иеровоам путем заведомо ложного сообщения был удержан от того, чтобы поверить словам Иадона. В то время как Иадон совершал обратное путешествие свое в Иерусалим, на него действительно напал лев и, сорвав его с осла, растерзал до смерти. При этом он не причинил ослу ни малейшего вреда, но лег возле него и тела умерщвленного пророка у дороги и стерег их до тех пор, пока несколько путешественников не увидели этого и, придя в город [Вифил], не сообщили об этом лжепророку. Последний поручил сыновьям своим доставить труп [Иадона] в город и устроил затем пышные похороны, причем распорядился, чтобы в случае, если он сам умрет, его похоронили бы рядом с Иадоном. Тут же старик сказал, что все предсказания Иадоном относительно судьбы города [Вифила], жертвенника, священнослужителей и лжепророков воистину исполнятся и что он сам после своей смерти лишь в том случае не подвергнется поруганию, если будет похоронен в одной с Иадоном могиле, так что нельзя будет различить их останков. Несмотря, однако, на то, что старик [торжественно] похоронил пророка [Иадона] и сделал в присутствии сыновей своих вышеуказанные распоряжения, он был настолько непорядочен и безбожен, что пришел к Иеровоаму и сказал ему:

«Каким образом мог ты смутиться от слов безумца?» Когда же царь указал старику на случай с жертвенником и с его собственной рукою, видя в этом несомненный признак божественности Иадона и называя последнего поистине великим пророком, тогда старик злонамеренно начал оспаривать это убеждение царя и лживыми речами вызывать в нем сомнения в истинности божественной миссии Иадона. Дело в том, что старик постарался убедить Иеровоама, что рука последнего просто утомилась от поднимания большого количества частей жертвенных животных и поэтому вдруг перестала служить ему, затем же, после отдыха,

вновь вернулась к прежнему своему состоянию и что алтарь, будучи сооружен недавно и отягченный массой больших жертвоприношений, вполне ее естественно поддался и обрушился под тяжестью последних. Вместе с тем он указал царю и на смерть того прорицателя, а именно, что он был растерзан львом: уже это одно достаточно показывает, что Иадон не был настоящим пророком⁵³⁷. Такими речами старику удалось окончательно убедить царя отворотить сердце от Господа Бога, от праведности и благочестия и склонить его к беззакониям. И Иеровоам зашел настолько далеко в презрении к Всевышнему и в своих беззакониях, что стал ежедневно придумывать все новые и более гадкие гнусности. Этого, впрочем, пока достаточно относительно Иеровоама (Ср. [3Цар 13.10—34](#)).

1. Между тем сын Соломона, Ровоам, правивший, как мы рассказали уже выше, указанными двумя коленами, отстроил и сделал большими укрепленными городами Вифлеем, Итаму, Фекою, Вифсур, Сохо, Одоллам, Ипану, Мариссу, Зифу, Адораим, Лахис, Азику, Сараим, Илом и Хеврон. Эти города он отстроил в области колена Иудова, а затем приступил также к укреплению других больших центров в земле колена Вениаминова. Укрепив все эти города стенами и поместив в каждом из них по гарнизону под начальством отдельного коменданта, он снабдил каждый город богатым запасом хлеба, вина, масла и других съестных припасов, а также дал каждому городу по многу десятков тысяч щитов и копий. В Иерусалиме же собрались к нему все израильские священнослужители и левиты, равно как остальные представители простонародья, которые оставались благонамеренны и честны; все эти люди покинули города свои, чтобы поклониться Всевышнему в Иерусалиме, потому что ничто не могло побудить их преклониться пред сооруженными Иеровоамом тельцами. Таким образом они поддерживали в продолжение трех лет могущество царства Ровоамова. В течение этого времени царь, успевший уже жениться на одной родственнице своей, которая подарила ему трех детей, взял себе в жены еще внучку Авессалома от дочери его Тамары. Имя этой девушки было Махана, и она, следовательно, также приходилась сродни Ровоаму. Последнему она родила также мальчика, которого он назвал Авию. Впрочем, Ровоам имел детей еще от целого ряда жен, но больше всех этих жен любил он Махану. У него было восемнадцать законных жен и тридцать наложниц; сыновей у него было двадцать восемь, а дочерей шестьдесят. Наследником своим по престолу он назначил сына от Маханы, Авию, и предоставил ему все свои сокровища и наиболее укрепленные города.

2. По моему мнению, причиною разных бедствий и беззаконий людей бывает их жизненная удача и человеческое стремление улучшить свое [материальное] благосостояние. Так было и с Ровоамом: когда он заметил, что власть его упрочивается, он обратился к несправедливому и безбожному образу действий и стал пренебрегать богопочитанием, так что вскоре заразил своими беззакониями и подвластный ему народ. Ведь параллельно с порчею нравов правителей портятся нравы и у подданных, которые, чтобы извинить распущенность первых, оставляют в стороне собственную свою сдержанность и следуют дурному примеру своих правителей, как будто бы так и следовало: без такого следования примеру правителя было бы невозможно подать вид, будто одобряешь поведение его. Это именно и случилось с подданными Ровоама. Когда он поступал нечестиво и преступал законы, им, хотя они и желали оставаться благочестивыми, нельзя было сделать это без умышленного упрека царю. Между тем Господь Бог послал Ровоаму наказание за его издевательство над Ним, именно в лице египетского царя Сусака. Геродот смешал этого правителя с Сезострисом⁵³⁸, приписав последнему все деяния первого.

Вот этот-то Сусак и выступил на пятый год царствования Ровоама против последнего во главе многотысячного войска, а именно в состав его рати входило: одна тысяча двести колесниц, шестьдесят тысяч всадников и четыреста тысяч человек пехоты. Большинство этих воинов были ливийцы и эфиопы.

Ворвавшись в страну евреев, фараон без боя овладел наиболее укрепленными городами Ровоамова царства и, утвердившись в них, двинулся напоследок против Иерусалима.

3. Когда таким образом Ровоам со своими приверженцами был замкнут войском Сусака в Иерусалиме, они обратились к Господу Богу с мольбою спасти их и даровать им победу; однако они не могли склонить Предвечного в свою пользу. Напротив, пророк Самаяя заявил им, что

Господь Бог собирается совершенно отступить от них, подобно тому, как они оставили почитание Его. Когда они услышали это, они тотчас совершенно пали духом и, хотя не видали для себя уже никакого опасения, тем не менее единодушно признались, что Всевышний совершенно справедливо отвратился от них, так как они поступали относительно Его нечестиво и сознательно попирали законы. Когда же Всевышний увидел их в таком настроении и заметил, что они раскаиваются в своих прегрешениях, то объявил им чрез пророка, что не загубит их совершенно, но все-таки подчинит их власти египтян, дабы они узнали, насколько легче служить Богу, чем человеку. Таким образом, Сусак без боя овладел городом, потому что Ровоам в страхе открыл ему ворота, и, не обратив никакого внимания на [предварительно заключенное с царем] условие [пощадить город], принялся за разграбление храма и за расхищение Господней и царской сокровищниц; при этом он овладел несметным количеством золота и серебра и не оставил Ровоаму решительно ничего. Он овладел также золотыми щитами и копьями, которые велел соорудить царь Соломон, а также не пренебрег и золотыми колчанами, которые Давид, отняв у царя софенского, посвятил Господу Богу. Совершив все это. Сусак возвратился в свою страну⁵³⁹.

Об этом походе упоминает также и галикарнасец Геродот, перепутав только имя царя, равно как ошибочно сообщив о том, что царь напал на множество разных народов и в том числе покорил также палестинскую Сирию, подчинив себе без боя ее население. Этим Геродот, очевидно, хочет сказать, что именно наш народ был подчинен египетским фараонам. Вместе с тем он присовокупляет, что Сусак оставил в стране подчинившихся ему без боя жителей памятники с нескромными изображениями женщин, равно как и то, что наш царь Ровоам предоставил ему город (Иерусалим) без боя. Тут же Геродот сообщает, что эфиопы научились от египтян обычаю обрезания. «Ведь как финикийцы,- говорит он по этому поводу,- так и палестинские сирийцы признают, что переняли этот обычай от египтян». Между тем известно, что никто из палестинских сириян не прибегает к обрезанию, кроме нас одних⁵⁴⁰. Впрочем, предоставим каждому судить об этих вещах по его собственному усмотрению.

4. После того как Сусак удалился восвояси, царь Ровоам распорядился сделать вместо золотых щитов и копий соответственное число бронзовых и передал их дворцовой страже. С этих пор ему приходилось проводить остаток своего царствования уже не в пышном блеске военной славы и удачи, а в полном спокойствии и скромности. Но он навсегда остался непримиримым врагом Иеровоама. Наконец он умер пятидесяти семи лет от роду, после семнадцатилетнего царствования, оставаясь человеком заносчивым и непокладистым, потерявшим власть потому только, что не послушался друзей отца своего. Погребен он был в Иерусалиме, в царской усыпальнице. Преемником его по царству стал сын его, Авия, после того как Иеровоам уже семнадцать лет правил десятью [израильскими] коленами. Так произошло все нами рассказанное. Но пока довольно об этом. Теперь нам приходится закончить повествование об Иеровоаме, а именно рассказать, каким образом он закончил жизнь свою. Этот царь не прекращал и не оставлял своего заносчивого отношения к Господу Богу: ежедневно продолжал он сооружать на вершинах гор жертвенники и назначать священнослужителей из среды своих подданных (Ср.: [2Пар 11.5—23](#); [2Пар 12.1—16](#) и [3Цар 14.21—31](#).).

1. Однако уже в непродолжительном времени Господь Бог собрался ниспослать на главу царя и всего его потомства кару за такие его беззакония. А именно, когда у Иеровоама около того времени заболел сын, которого звали Овимом, царь повелел своей супруге снять царское облачение и в одеянии простой женщины отправиться к пророку Ахии (дело в том, что он считал этого человека необыкновенным предсказателем будущего, тем более что тот ему дал верное предсказание относительно избрания его на царство) и спросить у него, под видом чужеземки, исцелится ли ребенок от своей болезни. Жена Иеровоама, переодевшись, как ей приказал муж, прибыла в город Сило, где тогда жил Ахия. Когда же она собиралась преступить порог дома пророка, глаза которого от старости ослепли. Господь Бог явился пророку и сообщил ему как о том, что к нему прибыла жена Иеровоама, так и относительно того, что ему следует ответить ей в настоящем положении. Когда царица, под видом простой чужеземки, вошла в дом Ахии, последний приветствовал ее словами: «Войди, жена Иеровоама. Зачем ты представляешься чужою? Ведь ты не обманешь Предвечного, Который уже возвестил мне о твоём прибытии и определил, что мне следует тебе сказать». Затем Ахия поручил ей передать мужу по возвращении следующее:

«Так как, несмотря на то что я вознес тебя из ничтожества и из ничего сделал тебя великим человеком, отняв царство у потомства Давида и передав его тебе, ты все-таки позабыл об этом, покинул истинное богопочитание и соорудил себе для поклонения медных идолов, то я вновь свергну тебя с твоей высоты, загублю весь род твой и дам его на пожрание псам и птицам. Мною будет признан над всем народом другой царь, который не оставит от рода Иеровоамова даже воспоминания. Кара же царя постигнет и народ, который будет изгнан из прекрасной страны и рассеян по местности, лежащей по ту сторону Евфрата, потому что народ этот последовал безбожным деяниям царя своего и, оставив принесение жертв Мне, поклонился им же самым созданным богам. Ты же, женщина, поспеши к своему мужу и сообщи ему скорее об этом. Сына своего ты найдешь уже мертвым, потому что в то время, как ты вступишь в город, он будет умирать. При его погребении будет плакать весь народ, и он удостоится всеобщей печали, ибо он один из всей семьи Иеровоама был добродетелен». При этом предсказании царица в сильнейшем волнении вскочила с места и была удручена глубочайшим горем о предстоящей смерти своего сына. Плача в продолжение всего обратного пути и чувствуя, как у нее сердце разрывается при мысли о предстоящей кончине ребенка, она с невыразимыми страданиями и неизлечимую скоробью о сыне все-таки быстро стремилась домой, так как ей хотелось поскорее увидеть ребенка хотя бы мертвым, а также потому, что поспешить повелел ей ее муж. Прибыв домой, она действительно нашла, по предсказанию пророка, сына уже мертвым и затем сообщила царю все то, что ей было поручено сказать ему.

2. Между тем Иеровоам не обратил на все это большого внимания, но собрал значительное войско и во главе его пошел походом на Авию, сына Ровоамова, который стал преемником отца своего по царствованию над упомянутыми двумя коленами. При этом Иеровоам относился весьма пренебрежительно к Авии ввиду юного возраста последнего. Авия же, узнав о нашествии Иеровоама, отнюдь не испугался его: его рассудительность ставила его выше его юности и подрывала надежды врагов его [на победу]. Созвав из среды подвластных ему двух колен отборное войско, он пошел навстречу Иеровоаму вплоть до одной горы, которая называется Семароном⁵⁴¹, и, расположившись здесь вблизи Иеровоама лагерем, стал готовиться к сражению. Войска у него было четыреста тысяч, тогда как рать Иеровоама вдвое превосходила его. Когда же оба войска выстроились друг против друга, чтобы вступить в решительный

рукопашный бой, Авия взошел на возвышенность и подал знак рукою, чтобы войска и Иеровоам сперва спокойно выслушали его. Когда наступила тишина, он начал речь свою следующим образом:

«Что Господь Бог обещал Давиду и его потомству навсегда сохранить за ними царскую власть, всем вам хорошо известно. Поэтому я удивляюсь, как вы могли изменить моему отцу и перейти на сторону раба его, Иеровоама, а особенно удивляюсь тому, как вы теперь явились с ним сюда за тем, чтобы вести войну против человека, предназначенного самим Всевышним на царство, и с тем, чтобы отнять у него принадлежащую ему законную власть его. Ведь Иеровоам уже теперь владеет совершенно произвольно большею частью страны. Однако я полагаю, что он дольше не будет пользоваться этою своею властью, так как ему придется покончить со своими беззакониями и пренебрежительным отношением к Предвечному, за что его постигнет теперь возмездие. Ведь он не перестает глумиться над Господом Богом и вас побуждает следовать его примеру; вы же не подверглись никакому притеснению со стороны моего отца, а все-таки свергли его за то лишь, что он, созвав вас в собрание и послушавшись совета дурных людей, обратился к вам с неласковою речью, в чем вы усмотрели признак его гнева. На самом же деле вы, своим отпадением от отца моего, отвратили лишь самих себя от Господа Бога и его законных постановлений. Поэтому-то вам следовало бы простить Ровоаму, как человеку молодому и еще неопытному в управлении народом, не только его суровую речь, но также и все то, в чем он по юности и неведению жизненных условий прегрешил пред вами, хотя бы уже ради отца его Соломона и оказанных вам последним благодеяний; ведь ошибки потомков должны находить себе извинение в благодеяниях предков. А между тем ни тогда, ни теперь вы обо всем этом не подумали, но явились к нам таким многочисленным войском. На какую победу рассчитываете вы? Не ожидаете ли вы поддержки от золотых тельцов ваших или от жертвенников на горах? Но ведь эти жертвенники являются лишь показателями вашего нечестия, а никак не вашего благочестия. Или, быть может, ваше численное превосходство над нами возбуждает в вас смелые надежды? Однако [знайте, что] в скольких угодно тысячах воинов, сражающихся за неправое дело, нет никакой силы, потому что лишь на справедливости и благочестии может покоиться твердая надежда одержать верх над противниками. А между тем такое-то именно упование присуще нам, так как мы с самого начала соблюдали законоположения и почитали истинного Бога, не человеческими руками сделанного из скоропреходящего материала и не являющегося результатом досужей фантазии безбожного царя для обмана простонародья, но создавшего Самого Себя и представляющего начало и конец всего существующего. Поэтому я советую вам теперь изменить свое решение и выбрать нечто лучшее, а именно оставить мысль о вооруженном сопротивлении и подумать о своих предках и о том, что привело вас к вашей жизненной удаче и столь завидному положению».

3. Такую речь сказал Авия пред лицом войска. Но в то время, пока он еще говорил, Иеровоам тайно послал отряд своих воинов с поручением окружить Авия со стороны нескольких не столь открытых частей его лагеря. И вот, когда Авия увидел себя внезапно захваченным врагами, а войско его сильно испугалось и совершенно пало духом, царь собрал всю свою энергию и стал просить возложить все упование на Господа Бога, Который не может быть врасплох застигнут и окружен врагами. Тогда все воины Авии вместе призвали на помощь Всевышнего и по данному священнослужителями трубному знаку с громким военным кликом ринулись на врагов. Уверенность последних поколебалась, и Господь Бог расстроил ряды их, тогда как войску Авии Он [в то же самое время] даровал преимущество: тут произошло такое ужасное кровопролитие, какого не запомнить во всей военной истории греков и варваров; такую массу людей перерубили воины Авии в рядах рати Иеровоама и такую удивительную и знаменитую победу одержать удостоились они от Предвечного. Врагов пало пятьсот тысяч, и,

кроме того, наиболее укрепленные города их были взяты силою и преданы разграблению, в том числе Вифил с принадлежавшею к нему областью и Псауа с ее областью. Иеровоам же не был в состоянии оправиться от этого поражения в продолжение всего времени жизни Авии. Впрочем, последний прожил не долго после этой победы, процарствовав всего три года. Он был похоронен в Иерусалиме, в склепе своих предков, и оставил после себя двадцать два сына и шестнадцать дочерей; всех этих детей родили ему его четырнадцать жен. Преемником его по престолу стал сын его Асан, мать этого юноши носила имя Махеи. Во время его правления страна израильская пользовалась десятилетним миром.

4. Вот что мы могли рассказать о сыне Ровоама и внуке Соломона. Затем, после двадцатидвухлетнего царствования, умер и Иеровоам, правитель десяти колен. Ему наследовал его сын Надав в то время, когда Асан уже в продолжение двух лет был царем. Этот сын Иеровоама царствовал всего два года, причем совершенно походил на отца своего по безбожию и испорченности. В течение двухлетнего своего правления он двинулся походом против филистейского города Гавафона⁵⁴² и окружил его, собираясь взять его осадю. Но тут он умер от руки одного вероломного приближенного Васана, сына Махила. Этот Васан после смерти Надава овладел царским престолом и уничтожил весь род Иеровоама. Так оправдалось пророчество Господне, что родственники Иеровоама, убитые в городе, будут разорваны и пожраны собаками, а те из них, которых настигла смерть в деревне, станут добычею птиц. Впрочем, такой печальной участи подвергся дом Иеровоама совершенно справедливо за свое нечестие и за все свои беззакония (Ср.: [3Цар 14.1—17](#); [2Пар 13.1—12](#) и [3Цар 15.25—30](#)).

1. Царь иерусалимский Асан был превосходным и богобоязненным человеком; он ничего не делал и ничего не предпринимал, что не подтверждало бы его благочестия и не имело бы в виду ограждения божеских законоположений. Он укрепил свое царство тем, что удалил из него все, что было в нем непорядочного, и очистил его от всего дурного. В виде войска он имел в своем распоряжении триста тысяч отборных воинов из колена Иудова, вооруженных щитами и копьями, и двести пятьдесят тысяч человек из колена Веньяминова; последние отчасти были вооружены щитами, отчасти луками.

Он успел уже процарствовать десять лет, как на него пошел войною с большою ратью царь эфиопский, Зарай, во главе девятист тысяч пехотинцев, ста тысяч всадников и трехсот колесниц. Зарай успел уже дойти до города Мариссы (в колоне Иудовом) ⁵⁴³, как против него выступил со своим войском Асан. Выстроив затем свою рать недалеко от названного города, в долине, именованной Сафею, и увидев многочисленность эфиопов, он стал громко взывать к Господу Богу, моля даровать ему победу над столь многими тысячами врагов. Ни на что другое, по его собственному признанию, он надеяться не мог, как только на помощь свыше, помощь, которая в состоянии сделать и малочисленных сильнее многих, и слабых сильнее сильных; с упованием на это он решился вступить в бой с Зараем.

2. В то время как Асан говорил таким образом. Предвечный предсказал ему победу, и, обрадовавшись такому предсказанию со стороны Господа Бога, Асан ринулся на врагов, перебил множество эфиопов, а обратившихся в бегство преследовал вплоть до области Герарской. Утомленные резною, евреи кинулись грабить город (Герар ⁵⁴⁴ также был взят ими) и расположенный вблизи его неприятельский лагерь, где они нашли множество золота и серебра и богатейшую добычу в виде множества верблюдов, вьючного и всякого другого скота.

После такой блестящей победы Асан и его войско вернулись с богатою добычею в Иерусалим. При вступлении же их в город им на пути встретился пророк Азария. Попросив их остановиться, он обратился к ним с речью и сказал, что войско потому удостоилось Господом Богом одержать такую победу, что они явили себя людьми справедливыми и во всем послушными велениям Предвечного. Если они останутся таковыми, продолжал он, Всевышний всегда будет даровать им победу над врагами и жизненную удачу, если же они оставят свое благочестие, то наступит как раз обратное и придет время, когда не найдется ни одного истинного пророка среди их народа и не будет истинного священнослужителя между ними. Тогда и города их будут опустошены, и народ будет рассеян по лицу всей земли, ведя жизнь изгнанников и бродяг. Теперь же, пока у них есть полная к тому возможность, пророк советовал им оставаться праведными и не лишать себя своевольно благорасположения к ним Господа Бога.

Услышав это, как царь, так и народ очень обрадовались и все вместе и каждый за себя в отдельности дали обещание оставаться праведниками. Вместе с тем царь разослал по всей стране лиц, на обязанности которых лежало следить за повсеместным исполнением предписаний Господних.

3. Таковы были дела Асана, царя двух израильских колен. Теперь я вернусь к правителю над остальным израильским народом, Васану, который убил сына Иеровоама, Надава, и овладел царством. Этот Васан жил в городе Фарсе ⁵⁴⁵ и сделал его своею резиденцией). Царствовал он в продолжение двадцати четырех лет, но по испорченности и безбожию значительно превосходил Иеровоама и сына последнего, принося большой вред народу и постоянно глумясь над Предвечным. Господь же послал к нему пророка Иуя с предсказанием, что Всевышний

уничтожит весь род его и погубит дом его таким же ужасным образом, как Он погубил Иеровоама, за то, что Васан, став по милости Его царем, не ответил на благодеяние справедливым отношением к народу и благочестием, что было бы благом для народа и угодным самому Господу Богу; напротив, он стал во всем следовать безбожнику Иеровоаму, и, хотя тот и загубил свою душу, он все-таки принял в себя и продолжает развивать всю гнусность последнего.

Итак, сказал Предвечный, если Васан уподобился Иеровоаму, ему придется испытать в одинаковой мере и несчастье, подобное постигшему того.

Васан же, несмотря на то, что его за его дерзкий образ действий ожидала гибель как собственная, так и всего его потомства, и теперь еще не хотел смириться, дабы не ускорить своей смерти еще большею видимою преступностью или чтобы добиться от Господа Бога прощения путем хотя бы позднего раскаяния. Напротив, подобно тому как борцы изо всех сил стараются добиться назначенной за победу награды, так и Васан, после предсказания ему со стороны пророка гибели, стремился лишь к совершению величайших гнусностей, как будто то было его идеалом, к гибели своего потомства и уничтожению всего своего рода и потому становился все хуже и хуже и изо дня в день, подобно борцу за все злое, увеличивал свои преступления. В конце концов он созвал опять свое войско и пошел на один из неизвестных городов по имени Арамафон⁵⁴⁶, отстоявший от Иерусалима в расстоянии сорока стадий. Взяв этот город, он стал укреплять его, имея в виду оставить в нем войско, которое могло бы постоянными отсюда нападениями приносить вред владениям царя Асана.

4. Асан же, испугавшись этого предприятия своего врага и сообразив, сколько вреда сможет причинить всей его стране оставленное в Арамафоне войско, отправил к царю дамасскому послов с золотом и серебром и с просьбой вступить в союз с ним; при этом он напомнил ему также о старинной дружбе их отцов. Царь дамасский с радостью принял обильное приношение и заключил союз с Асаном, предварительно расторгнув союз свой с Васаном. Затем он послал в города его своих собственных военачальников с ратью, дав приказание грабить эти города. Военачальники действительно одни из этих городов сожгли, другие же по пути предавали разграблению, в том числе Эон, Дану, Авеллану⁵⁴⁷ и множество других. Узнав об этом, царь израильский перестал отстраивать и укреплять город Арамафон и поспешно направился на выручку к подвергавшимся таким опасностям собственным владениям. Между тем Асан принялся возводить из заготовленного противником для отстройки Арамафона материала два других укрепленных города в той же самой местности: один из этих городов получил название Гавы, другой Масфы. После этого Васану уже не представилось более случая вновь пойти походом на Асана: он был застигнут смертью и был погребен в городе Фарсе. Престол его перешел к его сыну Илану. Но и этот умер после двухлетнего правления, потому что его предательски убил Замар, начальник одной половины его всадников. Именно, когда Илан однажды был в гостях у своего управляющего Ольсы, Замар уговорил нескольких из своих всадников напасть на царя, и таким образом ему удалось лишить царя жизни, так как при последнем не было ни солдат, ни военачальников, которые в то время все были заняты осадой филистейского города Гавафона.

5. Умертвив Илана, иппарх⁵⁴⁸ Замар сам сел на царство и, сообразно предсказанию Иуя, истребил весь род Васана; семья эта должна была совершенно погибнуть вследствие своих беззаконий, подобно тому как, сообразно нашему рассказу, погибло и потомство Иеровоамова. Когда между тем осаждавшее Гавафон войско узнало о том, что случилось с его царем, что Замар убил его и сам овладел престолом, то оно со своей стороны провозгласило царем своего военачальника Амарина. Последний повел свое войско от Гавафона к царской резиденции Фарсу и, напав на город, взял его штурмом. Когда же Замар увидел город в такой опасности, то

бежал в самое сокровенное место дворца и, поджегши последний, сгорел вместе с ним, процарствовав, таким образом, всего семь дней. Тогда весь израильский народ немедленно распался на две части; одна из них требовала признания царем Фамнея, другая же Амарина. В этой распре победителями остались приверженцы последнего, которые умертвили Фамнея, и тогда царем всего народа сделался Амарин. Он правил в продолжение двенадцати лет, вступив на престол на тридцатом году царствования Асана. Из этих двенадцати лет он прожил первые шесть в городе Фарсе, а последние шесть в Семареоне, носящем у греков название Самарии. Он сам назвал этот город Семареоном по имени некоего Семара, уступившего ему ту гору, на которой Амарин воздвиг упомянутый город⁵⁴⁹. Амарин ничем не отличался от предшествовавших ему правителей, кроме того, что был еще хуже их. Впрочем, стремления всех их были направлены исключительно к тому, чтобы ежедневными новыми безбожными поступками отвращать народ от Господа Бога, вследствие чего Всевышний и заставлял их губить друг друга и не оставил в живых ни одного из их потомков. Амарин умер в Самарии, и преемником его стал сын его Ахав.

6. Из всего этого наглядно видно, какое внимание уделяет Божество людским делам, как Оно любит людей добродетельных и с какою ненавистью относится к дурным, предавая таковых бесследному истреблению. Цари израильские, вследствие своих беззаконий и несправедливостей, в короткое время гнусно истребили не только друг друга, но и все свое потомство. Между тем царь иерусалимский и правитель двух колен, Асан, благодаря своему благочестию и праведному образу жизни, достиг, по милости Господа Бога, глубокой и счастливой старости и тихо почил после сорокаоднолетнего царствования. После его смерти правление перешло к его сыну Иосафату, которого родила Асану жена его Авида. Этому вскоре все признали достойным преемником предка своего Давида, как по его храбрости, так и по его благочестивому образу действий. Впрочем, теперь пока нечего забегать вперед в рассказе о деяниях этого царя⁵⁵⁰.

1. Израильский царь Ахав жил в Самарии и правил приблизительно двадцать два года, причем ничем не отличался от своих предшественников по престолу, если не считать того, что он дошел в своей порочности до крайних пределов, подражая всем их злодеяниям и глумлению над Всевышним и взяв себе примером особенно беззакония Иеровоама. И он также поклонялся тельцам, сооруженным последним, да вдобавок придумал к этому культу еще всякие другие мерзости. Женился он на дочери царя тирского и сидонского, Ифавала, которая носила имя Иезавели, и от нее научился поклонению ее собственным (финикийским) богам. Это была женщина энергичная и смелая, которая зашла в своей дерзости и распущенности до того, что воздвигла даже храм тирскому божеству Ваалу⁵⁵¹ и обсадила это капище рощею из всевозможных деревьев. Вместе с тем она назначила также священнослужителей и лжепророков в честь этого бога. Вместе с тем и сам царь держал при себе множество таких бездельников, так как безрассудством и гнусностью далеко превосходил всех своих предшественников.

2. В то время к Ахаву явился из галаадского города Фесбоны⁵⁵² некий пророк Всевышнего и сообщил царю о поручении Господа Бога предсказать ему, что в течение нескольких лет Предвечный не пошлет стране его ни дождя, ни росы, вплоть до тех пор, пока он, пророк, вновь не предстанет пред царем. Подтвердив свое предсказание клятвою, пророк удалился в северную местность и поселился там у одного ручья, который доставлял ему питье, тогда как ежедневную пищу его приносили ему вороны. Когда же и этот ручей, вследствие бездождия, иссяк, он отправился в город Сарепту, лежавший между Тиром и Сидоном, в недалеком от обоих расстоянии. Поступить таким образом было повелено ему Всевышним, который вместе с тем предупредил пророка, что там он найдет вдову, которая будет снабжать его пищею. Приблизившись к городским воротам, пророк увидел женщину во вдовьей одежде, собирающую топливо. А так как Предвечный внушил ему, что это и есть его будущая хозяйка, он подошел к ней с приветствием и попросил ее принести ему воды напиться; когда же та ушла за водою, пророк призвал ее обратно и попросил принести ему еще кусок хлеба. На это женщина отвечала клятвенным уверением, что у нее дома нет решительно ничего, кроме горсти пшеницы и самой малости масла, что она пошла поискать дров, чтобы спечь себе и сыну своему хлебец, а потом, за неимением более пищи, умереть. Тогда пророк сказал ей:

«Успокойся, пойди домой, сделай мне сперва маленький хлебец и принеси его сюда; я ж тебе предсказываю, что твой сосуд с пшеницею и твоя бутылка с маслом будут всегда полны вплоть до тех пор, когда Господь Бог опять пошлет нам дождь». Ввиду такого заявления пророка женщина отправилась домой и сделала, как ей было сказано. При этом у нее осталось достаточно муки и масла не только для себя и своего ребенка, но и для пропитания пророка. И так они действительно перестали терпеть недостаток вплоть до той поры, как прекратился в стране голод.

Об этой засухе упоминает следующим образом также и Менандр⁵⁵³ в повествовании своем о тирийском царе Ифобале: «При нем наступила засуха, которая продолжалась от месяца гиперверетей одного года до месяца гиперверетей следующего года⁵⁵⁴. Когда же царь прибег к [всенародному умиловительному] богослужению, то начались страшные грозы. Этот же царь основал в Финикии город Ботрис, а в Ливии город Аузу». Очевидно, Менандр имеет при этом в виду засуху, бывшую во времена Ахава, который царствовал единовременно с тирийским царем Ифобалом.

3. Между тем случилось, что у вышеупомянутой женщины, которая кормила пророка, сын впал в такую болезнь, что казалось, будто ему придется умереть; он имел уже совершенно вид

группа⁵⁵⁵. Тогда мать с плачем заключила ребенка в свои объятия и с громкими рыданиями стала жаловаться на свое несчастье и приписывать последнее присутствию в ее доме пророка, что изобличило ее греховность и повело к тому, что ее ребенок теперь умирает⁵⁵⁶. Пророк же стал уговаривать ее не терять бодрости духа и предоставить ребенка ему, обещаясь вернуть его ей живым и здоровым. Когда она отдала ему ребенка, пророк отнес его в свою комнату и, положив его на постель свою, стал взывать к Предвечному, что смерть сына не является должною наградою за то, что вдова приняла его, пророка, в свой дом и кормила его. Вместе с тем он умолял Господа Бога снова вернуть жизнь ребенку и воскресить его. Тогда Всевышний, сжалившись над матерью и желая показать пророку свое расположение, которое должно было выразиться в том, что Он послал его сюда не для наказания [жителей], внезапно, против всякого ожидания, оживил ребенка. Мать преисполнилась глубокой признательностью к пророку и с тех пор постоянно уверяла его в своей уверенности, что устами его говорит сам Предвечный.

4. Спустя некоторое время пророк, по внушению Господа Бога, явился к царю Ахаву, чтобы объявить последнему, что пойдет дождь. В ту пору голод и полный недостаток в съестных припасах успел обуять уже всю страну, так что не только люди терпели нужду от недостатка хлеба, но и лошади и остальная скотина не находили на иссушенной палящим солнцем почве травы для пастьбы. Тогда царь призвал к себе надзирателя своего за скотом, Оведию, и приказал ему отправиться ко всем цистернам и ручьям и посмотреть, не найдется ли где-нибудь сколько-нибудь травы, которую можно было бы собрать и предложить в пищу скотине. А так как он уже раньше разослал по всей стране лиц, которым было поручено разыскать пророка Илию и которые не были в состоянии нигде найти его, он повелел тому же Оведии отыскать его. Но затем оба решили отправиться на поиски вместе; потому они разделили между собою задачу, и как царь, так и Оведия отправились каждый в разных направлениях. Когда однажды царица Иезавель велела перебить всех [истинных] пророков, этот Оведия спрятал сто человек их в подземных пещерах и кормил их, доставляя им хлеб и воду (Ср. [3Цар 18.4](#)).

Расставшись с царем, Оведия вскоре встретил на пути пророка Илию, и когда он на вопрос свой узнал, кто это, то пал ниц перед ним и приветствовал его. Пророк же повелел Оведии вернуться к царю и сказать, что он, Илия, сам придет к нему. Оведия спросил, какое он, Оведия, причинил ему зло, что посылает его к царю, который ищет его смерти и велел по всей стране искать его. Или разве он не знает, что Ахав разослал решительно ко всем местностям людей, которым поручено схватить Илию и привести его к царю на казнь? И вот, продолжал Оведия, он боится, как бы Господь Бог не явился пророку и не перенес бы его на другое место. В таком случае, если царь пошлет меня за тобою и я не буду в состоянии нигде найти тебя, мне самому придется за это поплатиться жизнью. Поэтому Оведия просил Илию пощадить его и упомянул при этом о своем ревностном старании спасти сто его товарищей-пророков, что ему и удалось, так как, пока Иезавель перебила всех остальных, он их держит в потайном месте и снабжает пищею.

Однако Илия повелел ему без страха вернуться к царю, причем дал ему клятвенное обещание, что он, Илия, еще в этот день предстанет пред Ахавом.

5. Когда Оведия возвестил Ахаву о прибытии Илии, Ахав вышел к нему навстречу и гневно спросил, не он ли наслал бедствие на народ еврейский и был причиною бесплодия почвы. На это пророк без всякого колебания и страха ответил, что сам Ахав и весь род его являются виновниками этих бедствий, так как они ввели в страну чужих богов и их культы, отстранившись от своего родного Бога, который один является настоящим Божеством, и не обращали на Него никакого внимания.

Впрочем, тут же Илия пригласил Ахава пойти на гору Кармель и собрать туда весь народ, вместе с пророками, поставленными царем и его женою, сколько бы их ни было, а также со

жрецами храмов при рощах, всего до четырехсот человек. Когда же по распоряжению Ахава все поспешно собрались на упомянутую гору, пророк Илия стал между ними и спросил их, доколе еще желательно им упорствовать в своих взглядах и решении продолжать такой образ жизни. Если они, продолжал Илия, считают собственного Бога единственно истинным, то пусть они и следуют Ему и повинуются Его предписаниям, если же ставят Его ни во что, но признают чужих богов и считают необходимым поклоняться им, то пусть всецело отдадутся этим богам.

Когда же народ ничего не отвечал на это, Илия предложил, для испытания могущества чужеземных богов в сравнении с Его собственным Богом, которого он один является представителем, тогда как у тех налицо четыреста служителей, взять и зарезать быка и возложить его на жертвенник, не зажигая дров последнего; пусть затем и жрецы иноземных богов сделают то же самое и пригласят своих богов возжечь дрова: из этого можно будет затем вывести заключение о природе и свойствах различных божеств. Предложение это было принято, и Илия предложил идолопоклонникам первым выбрать и заколоть быка в жертву и при этом воззвать к своим богам. Когда же на моления и следовавшие за ним жертвоприношения лжепророков не последовало никакого ответа, Илия насмешливо посоветовал им громче звать к богам, так как последние либо находятся в отсутствии, либо спят. После того как жрецы бесплодно трудились с зари до полудня, причем, по обычаю своему, кололи себя мечами и кинжалами, Илия хотел сам приступить к своему жертвоприношению и предложил им поэтому дать ему место, причем присовокупил приглашение подойти поближе и проследить за ним, чтобы он не мог потихоньку от них поджечь дрова жертвенника. Когда же толпа обступила Илию, он взял сообразно числу колен еврейского народа двенадцать камней, сложил из них жертвенник и вырыл вокруг него довольно глубокий ров. Затем он возложил на алтарь дрова, а на них части жертвенных животных и велел вылить на алтарь четыре наполненных водою из [ближайшего] источника сосуда, так что вода залила весь жертвенник и наполнила до краев окружавший последний ров. После этого Илия стал молиться Предвечному и звать к нему, прося явить Свою силу находящемуся столь долгое время в заблуждении народу. В ответ на эту молитву вдруг, на глазах у всех, с неба снизошел на жертвенник огонь, который пожрал приношения, так что вся вода [вокруг алтаря] испарилась и место стало совершенно сухим.

6. Увидя это, израильтяне пали ниц и преклонились пред единым Богом, зывая к нему как к единственному всесильному и истинному Божеству и давая всем прочим богам презрительные и насмешливые прозвища. Вместе с тем, по данному Илиею знаку, народ схватил лжепророков и тут же убил их. Царю же, который все еще не мог прийти в себя, Илия дал совет поскорее вернуться домой, потому что ему вскоре придется увидеть, как Господь Бог ниспошлет дождь. Ахав удалился восвояси, Илия же взшел на вершину горы Кармел, сел на землю и, склонив голову свою к коленам, приказал одному из слуг взобраться на какой-нибудь утес, смотреть на море и, когда увидит где-нибудь собирающееся облачко, тотчас сказать ему; до этого же времени небо было совершенно чисто. Тот повиновался, но несколько раз возвращался к Илие с заявлением, что ничего не видно; на седьмой раз, однако, слуга заявил, что увидел на горизонте какое-то темное пятно, которое не больше человеческого следа. Когда Илия услышал это, то послал к Ахаву приглашение удалиться скорее в город, чтобы его не застал проливной дождь. Царь отправился в город Иесраил⁵⁵⁷. Вскоре затем небо почернело и покрылось тучами, поднялся сильный вихрь и полил проливной дождь. Пророка же обуял дух Божий, и он добежал рядом с колесницею царя вплоть до города Иесраила, лежащего в области колена Иссахарова.

7. Когда жена Ахава, Иезавель, узнала о чудесах, совершенных Илиею, а также о том, что он велел перебить ее пророков, то при сильном гневѣ отправила к нему посланцев с угрозою, что при помощи последних она убьет и его, подобно тому, как он загубил ее жрецов. Устрашась этой угрозы, Илия бежал в город, носящий название Вирсувы (он находится на границе между

областью колена Иудова и страну Идумейскою), и, оставив там слугу своего, удалился затем в пустыню. Здесь ему страстно хотелось умереть. Считая себя не лучше своих предшественников, он полагал, что если эти предшественники его погибли, то и ему самому более не стоит жить. В изнеможении он опустил под деревом и вскоре крепко заснул. Но вскоре он опять проснулся: кто-то разбудил его; когда он встал, то увидел, что около него лежит пища [558](#). Поев и набравшись сил, Илия отправился в дальнейший путь и пришел к горе Синай, где, по преданию, Моисей получил от Всевышнего законы.

Здесь он нашел обширную пещеру, в которой и поселился на довольно продолжительное время. Однажды он услышал здесь голос невидимого лица, спросившего его, почему он находится тут и покинул город. На это Илия ответил, что причиною его удаления то, что он перебил жрецов иноземных богов и убедил народ, что есть один только истинный Бог, именно Тот, Которому евреи поклонялись с самого начала. За это-то, сказал Илия, жена царя и домогается его казни. Затем пророку было дано повеление выйти на следующий день из пещеры, и тогда он узнает, что ему следует предпринять. На рассвете Илия вышел из своего убежища. Земля дрожала, и блестящий свет озарял окрестности. Затем, когда все опять успокоилось, раздался глас Всевышнего, который уговаривал Илию не пугаться ничего, что бы ни случилось, так как ни один из врагов его не причинит ему никакого вреда. При этом Илия услышал повеление вернуться домой и провозгласить царем еврейским сына Немессея, Иуя, а царем дамасских сирийцев Азаила, а также посвятить в качестве собственного своего преемника Елисея из города Авелы [559](#). Нечестивцев же из народа уничтожат отчасти Азаил, отчасти Иуй.

Сообразно такому повелению, Илия вернулся в страну еврейскую. Тут он нашел Елисея, сына Сафата, занятым в обществе нескольких других лиц вспахиванием поля ври помощи двенадцати волов. Подойдя к Елисею, Илия накинул на него собственный плащ свой, Елисей же тотчас стал пророчествовать и, бросив своих волов, последовал за Илиею. Но при этом он попросил Илию разрешить ему проститься с родителями и, когда получил надлежащее разрешение и воспользовался им, последовал за Илиею, став на всю свою жизнь учеником и слугою пророка.

8. Вот что мы могли рассказать про этого пророка. В то время ближайшим к царю соседом был некий Навуф из города Изара. И вот, желая округлить свои владения, царь предложил этому Навуфу уступить ему за какую угодно цену ближайшее поле, причем выразил готовность, если бы тот не пожелал взять деньги, отдать Навуфу в обмен любой из других своих земельных участков. Однако Навуф наотрез отказался от этой сделки, указывая на то, что желает пользоваться именно тою собственностью своею, которая перешла к нему по наследству от отца. Тогда Ахав очень огорчился и оскорбился невозможностью присвоить себе чужой земельный участок и с горя перестал купаться, есть и пить. Когда же Иезавель, жена его, стала расспрашивать его о причине его горя и почему он не купается, не завтракает и не обедает, царь рассказал ей о нелюбезном отказе Навуфа и о том, как последний, несмотря на настоятельные просьбы лица, облеченного царскою властью, все-таки поглумился над ним и, несмотря на то что он его подданный, отказал ему в исполнении его просьбы. Иезавель на это посоветовала мужу не приходить в уныние и, забыв о своем горе, вернуться к прежнему образу жизни, а ей предоставить заботу о наказании Навуфа. Немедленно после этого она от имени Ахав разослала начальствующим над израильтянами лицам письменное приказание объявить о назначении поста в известный день, созвать народное собрание и вызвать туда Навуфа (который был знатного рода). При этом она велела привести в собрание трех негодяев, которые согласились бы лжесвидетельствовать в том смысле, будто Навуф при них богохульствовал и поносил царя; за это Навуфа можно будет побить камнями и таким образом избавиться от него. И действительно, как приказала царица, Навуф был изобличен лжесвидетелями в богохульстве и

поношении Ахава и подвергся смертной казни чрез побитие камнями от руки черни. Получив известие о приведении приговора в исполнение, Иезавель пошла к царю и предложила ему даром завладеть виноградником Навуфа. Ахав обрадовался этому случаю, покинул свое ложе и отправился осмотреть виноградник Навуфа. Тогда Господь Бог в гневе послал пророка Илию на поле, принадлежавшее Навуфу, чтобы встретиться там с Ахавом и спросить его, на каком основании он, убив законного владельца данного земельного участка, теперь думает столь бесчестно овладеть его имуществом. Когда же Илия пришел к Ахаву, царь спросил его, что он имеет сообщить ему (Ахаву было стыдно быть застигнутым врасплох на самом месте преступления). Тогда пророк ответил, что на том самом месте, на котором труп убитого Навуфа стал добычею собак, прольется кровь Ахава и его жены и погибнет весь род их за то, что он решился на столь дерзновенный поступок и вопреки всяким законам загубил совершенно невинного гражданина. Тогда Ахава охватили скорбь и раскаяние в содеянном им преступлении; он надел на себя власяницу, ходил босой, не прикасался к пище и открыто сознавался в своем преступлении, которое навлекло на него гнев Предвечного. Господь Бог же объявил ему чрез пророка, что, так как Ахав чувствует раскаяние в совершенных злодеяниях, Он при его жизни отложит наказание рода его, а приведет свою угрозу в исполнение лишь на сыне Ахава (Ср. [3Цар 17.1](#) — [3Цар 19.29](#)).

1. Это решение Предвечного объявил царю пророк. Таковы были дела Ахава в то время, как царствовавший в Сирии и Дамаске сын Адада⁵⁶⁰, собрав из всех владений своих значительную рать и соединившись с тридцатью двумя царями, владевшими землями по ту сторону Евфрата, пошел войною на Ахава. Не будучи по боевым силам равным своему противнику, Ахав не решился вступить с ним в битву, но велел всему населению своей страны искать убежища в наиболее укрепленных городах, а сам засел в Самарии, которая была сильно укреплена прочнейшими стенами и вообще казалась почти недоступной. Тогда сирийский царь стянул туда все свое войско и, обложив город, приступил к его осаде. Но перед этим он послал к Ахаву посланца с требованием принять то посольство, которое должно будет ознакомить Ахава с его, сирийца, требованиями. Когда царь израильский согласился на принятие такого посольства, последнее было прислано и объявило, чтобы по требованию их царя последнему были выданы все сокровища, дети и жены царя Ахава. Если Ахав согласен с этим и предоставит их царю распорядиться, как ему заблагорассудится, то он готов удалиться с войском и прекратить осаду. На это Ахав велел посольству вернуться и объявить царю, что как он сам, так и вся семья его предоставляют себя в его распоряжение. Когда посланные принесли царю сирийскому такой ответ, царь отправил к Ахаву вторичное посольство с требованием впустить, если Ахав согласен предоставить в его распоряжение все свое имущество, на следующий день в город тех людей Адада, которых он пришлет; пусть Ахав позволит им обыскать весь дворец и дома друзей и родственников царя, захватить все, что им наиболее там понравится, и оставить то, что не будет по их вкусу.

Пораженный требованиями этого второго посольства сирийского царя. Ахав [немедленно] созвал народное собрание и сказал, что, ради спасения народного и сохранения мира, он был готов пожертвовать врагу своих собственных жен и детей и предоставить ему все свое личное имущество, так как того требовал сириец чрез первое свое посольство. «Ныне же,- продолжал Ахав,- сириец требует, чтобы я позволил прислать сюда его людей, которые обыщут все дома и, конечно, не оставят там ничего ценного. Тут он, очевидно, желает сохранить себе лишь предлог к продолжению войны, так как отлично знает, что, хотя я лично и готов пожертвовать собою ради нас, я все-таки предпочту воевать с ним для сохранения в целости ваших личных интересов. Впрочем, я поступлю сообразно вашему решению».

На это народ отвечал, что не следует слушать требования сирийского царя, не обращать на него внимания и быть готовым вести войну. Ввиду этого Ахав отпустил послов с ответом, что на первое условие царя он и теперь еще готов согласиться, ради безопасности своих подданных, но что второе предложение он отвергает.

2. Услышав об этом, Адад очень разгневался и в третий раз отправил к Ахаву послов с угрозою, что он воздвигнет стену, гораздо более высокую, чем та, которая окружает Самарию и над которою он смеется: для того ему лишь стоит приказать каждому из своих солдат бросить одну горсть земли. Этим он хотел показать Ахаву свое численное над ним превосходство и напугать его. Ахав, однако, отвечал, что следует хвастаться не тем, что надел оружие, а тем, что в нем одержал победу во время битвы. Послы Адада отправились в обратный путь и сообщили своему государю ответ в то время, как он сидел с тридцатью двумя царственными союзниками своими за обедом. Адад немедленно отдал приказание окружить город окопами, соорудить валы и ничего не оставлять без внимания, что могло бы способствовать ближайшему успеху осады. От всех этих приготовлений Ахава и весь народ его обуял ужас. Однако он успокоился и перестал бояться, когда к нему подошел какой-то пророк с заявлением, что Господь Бог обещает

Ахаву даровать победу над столькими тысячами врагов. На вопрос царя, при помощи кого же будет одержана эта победа, пророк ответил, что способствовать ее одержанию будут сыновья военачальников, но что, так как эти молодые люди еще неопытны, ему, Ахаву, придется взять на себя руководство ими. Тогда Ахав призвал к себе сыновей военачальников (их нашлось всего двести тридцать два человека). Узнав, что царь сирийский как раз в данную минуту весь предается пиру, Ахав велел отворить городские ворота и выпустил юношей. Но так как соглядатаи Адада тотчас объявили об этом царю, то последний распорядился выслать к ним навстречу вооруженный отряд с приказанием привести к нему этих юношей связанными, если они вздумают вступить в бой, но встретить их мирно в случае, если бы и они явились с мирными намерениями. Между тем Ахав держал внутри города за стенами наготове все прочее войско свое. Встретившись с высланным против них отрядом и вступив с ним в бой, сыновья [израильских] военачальников перебили множество врагов и преследовали остальных вплоть до их лагеря. Видя, что они побеждают, царь израильский выпустил из города все прочее войско свое, которое, неожиданно нагрянув на сирийцев, одержало над ними победу. Дело в том, что сирийцы никак не ожидали такого нападения, и потому евреям удалось нагрянуть на них в то время, как они были безоружны и опьянели. Во время бегства своего из лагеря сирийцы предоставили израильтянам все свое оружие, и царь сирийский едва спасся бегством, вскочив на первого попавшегося коня. Между тем Ахав долго преследовал сирийцев, избивая попадавшихся ему на пути. Разграбив потом весь лагерь, в котором нашлось немало богатств в виде множества золота и серебра, он захватил колесницы и коней Адада и затем возвратился в свой город.

Однако тот же самый пророк (который предсказал Ахаву победу) велел ему ожидать нового нападения и с этой целью держать наготове войско, потому что на следующий год сирийский царь вновь предпримет поход против него. Ввиду этого Ахав последовал данному предостережению.

3. Между тем едва спасшийся с небольшим запасом воинов из битвы Адад стал вновь совещаться со своими друзьями о том, как бы возобновить враждебные против израильтян действия. Друзья советовали Ададу не вести воины в гористой местности, так как Бог израильский особенно могуществен в таких именно местах, как видно из недавно одержанной евреями над сирийцами победы. Но если бой произойдет на равнине, без труда можно будет одержать верх над израильтянами, полагали они. Вместе с тем приближенные Адада советовали последнему отправить на родину союзных царей, но удержать у себя их войска, назначив начальниками над этими войсками своих сатрапов, тогда как утраты, которые были причинены в их собственном войске во время последнего похода, могли бы быть заполнены набором людей, коней и колесниц в пределах родной страны. Ададу показался этот совет вполне целесообразным, и он стал указанным способом комплектовать свои войска.

4. С наступлением весны он собрал всю свою рать и вновь пошел войною против евреев. Придя к некоему городу (носившему название Афеки) ⁵⁶¹, он расположился станом на большой равнине. Ахав между тем выступил навстречу ему со своим войском и раскинул свой лагерь против неприятельского. Но войско его было, в сравнении с ратью Адада, опять значительно слабее. Впрочем, к Ахаву вновь явился пророк и предсказал ему, что Господь Бог дарует ему победу, дабы проявить Свое могущество не только в гористой местности, но и показать его в открытом месте, чему не верят сирийцы. В продолжение семи дней неприятельские войска, стоя друг против друга, не вступали в бой, а когда на заре последнего дня враги вышли из лагеря и построились к битве, то и Ахав вывел свои силы из стана. Когда произошло столкновение, то бой разгорелся со страшным остервенением; но Ахаву все-таки удалось обратить неприятеля в бегство и, жестоко рубя его, преследовать его. Множество сирийцев было при этом задавлено собственными своими колесницами или погибло от руки своих же, и лишь небольшое

количество их смогло спастись в занятый ими город Афеку. Впрочем, и последние тут погибли, будучи задавлены обрушившимися на них городскими стенами. Число этих погибших доходило до двадцати семи тысяч человек. Спасшийся между тем с горстью наиболее преданных слуг царь сирийский Адад спрятался в подземной пещере. Так как слуги стали уговаривать Адада, что цари израильские всегда отличались человеколюбием и милосердием и что можно будет, если только явиться в обычном для просителей виде, добиться от Ахава помилования Адада, лишь бы только Адад разрешил им предстать пред Ахавом, то царь сирийский согласился отпустить их. И вот, облекшись во вретича и покрыв головы тростником (это был издревле заведенный у сирийцев обычай являться с просьбами), они явились к Ахаву и просили от имени Адада помилования его, уверяя, что последний навсегда за такое помилование станет преданным Ахаву рабом. Ахав выразил удовольствие при известии, что Адад спасся и не погиб в битве, и объявил посланным о своей готовности оказать царю их почет и любовь, какую бы он оказал родному брату. Получив затем от Ахава еще клятвенное уверение, что Ададу не грозит никакой опасности, посланцы вернулись к потайному помещению, где был скрыт Адад, и привезли его на колеснице к Ахаву. При виде последнего Адад пал пред ним ниц. Ахав же подал ему руку, помог ему вновь взойти на колесницу и, обняв Адада, просил успокоиться и не опасаться никаких насилий. Адад благодарил и обещал во всю свою жизнь помнить об этом оказанном ему благодеянии; вместе с тем он объявил Ахаву, что возвратит ему те города, которые отняли у евреев предшествующие цари сирийские, а также откроет доступ в Дамаск, как то некогда сделали предки его по отношению к Самарии. Скрепив этот договор клятвенными уверениями и богато наградив Адада, Ахав отпустил его домой. Так окончился поход сирийского царя Адада против Ахава и израильтян.

5. Случилось, что некий пророк, по имени Михей⁵⁶², обратился к какому-то израильтянину с просьбою нанести ему удар по голове, ибо таково желание Господа Бога. Когда израильтянин не согласился исполнить эту просьбу, пророк объявил ему, что так как он ослушался приказания Предвечного, то погибнет от когтей льва, который встретится ему. Эта угроза действительно вскоре затем оправдалась, и тогда пророк обратился со своею просьбою к другому лицу. Последнее так ударило его по голове, что нанесло довольно тяжкое повреждение, и тогда Михей, обвязав голову, предстал пред царем с заявлением, что он, Михей, участвовал с ним в походе и получил от своего начальника поручение стеречь одного из пленных; так как этот пленник бежал, то он подвергся опасности умереть от руки начальника, поручившего ему охрану пленника: начальник предупредил угрозою казнить его, если пленнику удастся бежать.

Когда же Ахав сказал на это, что провинившийся вполне достоин казни, то Михей снял с головы покрывавшую его лицо повязку и был тотчас узан Ахавом. Но пророк хотел его поймать лишь на его собственных словах и потому сказал, что, подобно тому как Ахав дал убежать Ададу, провинившемуся в богохульстве, так и Господь Бог отвратится от него и даст Ахаву умереть от руки Адада, а войску израильскому от рати сирийской. Ахав страшно рассердился на пророка и велел связать его и посадить в темницу. Но вместе с тем слова Михея глубоко потрясли его, и, подавленный ими, он вернулся в дом свой⁵⁶³.

1. Такова история Ахава. Теперь же я вернусь к царю иерусалимскому Иосафату, который расширил царский дворец и поместил военные гарнизоны не только в городах покоренных племен, но также и в тех селениях области колена Ефремова, которые занял было дед его, Авия еще в то время, когда Иеровоам был царем над десятью коленами. Так как Иосафат был справедлив и благочестив и только думал о том, как бы ежедневно сделать что-либо приятное и удобное Господу Богу, то Предвечный был всегда расположен к нему и постоянно оказывал ему деятельную поддержку. Вместе с тем соседние правители почитали Иосафата и выражали свое к нему почтение дарами, так что царь составил себе несметное богатство и стяжал себе величайшую славу.

2. На третий год своего царствования Иосафат созвал к себе начальников отдельных частей своих владений, а также священнослужителей и предложил им предпринять путешествие по всей стране, дабы наставлять народ и подчиненных по отдельным городам в законах Моисеевых, научая людей соблюдать эти законы и ревностно служить Господу Богу. Народ этому так обрадовался, что ни на что больше не обращал внимания и ни к чему более не относился с такою любовью, как именно к тому, чтобы неуклонно исполнять божественные предписания.

Соседи тем временем по-прежнему продолжали любить Иосафата и жили с ним в полном мире. Филистимляне платили ему установленную дань, арабы же ежегодно поставляли ему триста шестьдесят овец и столько же коз. Вместе с тем Иосафат продолжал строить сильные крепости и цейхгаузы и на случай войны постоянно держал в образцовом порядке свои военные силы и боевые припасы. Войско состояло из трехсот тысяч человек тяжеловооруженных из колена Иудова, над которыми начальство было в руках Еднея, тогда как Иоанн командовал отрядом в двести тысяч человек (из того же колена). Этот же военачальник командовал еще двумястами тысячами пеших стрелков из колена Веньяминова, тогда как другой начальник, по имени Оховат, заведовал у царя ста восьмьюдесятью тысячами тяжеловооруженных. В состав всех этих войск не входили отряды, которые царь разослал по укрепленным пунктам своих владений.

3. Сыну своему Иораму он дал в жены Гофолию, дочь Ахава, царя прочих десяти колен израильских. Когда Иосафат, спустя некоторое время, отправился в Самарию, то Ахав принял его весьма радушно, блестяще угостил свиту царя всевозможною пищею и различными винами и предоставил в ее распоряжение значительное количество благовоний. Вместе с тем он предложил Иосафату соединиться с ним против царя сирийского, для того чтобы вернуть себе галаадский город Арамису⁵⁶⁴, который некогда принадлежал его отцу и затем был отнят у него родителем царя сирийского. Когда Иосафат обещал ему свою помощь, так как его войско по многочисленности своей не уступало войску Ахава, то он тотчас послал за своею ратью в Иерусалим, требуя выступления ее в Самарию. После этого оба царя вышли из города и, сев каждый на отдельном троне, приступили к раздаче жалованья своим солдатам. Затем Иосафат предложил узнать, нет ли тут нескольких пророков, и, если таковые найдутся, спросить их совета относительно предприняемого против сирийского царя похода, а именно удобно ли и своевременно ли предпринимать эту экспедицию; дело в том, что пока между Ахавом и сирийцем царствовали еще мир и согласие и с тех пор, как Ахав взял в плен Адада и затем отпустил его на свободу, это согласие не нарушалось ничем в продолжение целых трех лет.

4. Ахав тогда вызвал своих пророков, число которых доходило до четырехсот, и повелел им спросить Бога, даст ли Он ему победу над Ададом и предоставит ли возможность снова

овладеть тем городом, ради возвращения которого предпринимается поход. Когда эти пророки единогласно посоветовали Ахаву предпринять поход, так как он победит сирийского царя и одержит над ним верх, как в предшествующие походы, Иосафат вывел из этих слов, что пророки его лжепророки, и потому спросил Ахав, нет ли у него еще другого, истинного пророка, дабы можно было узнать что-либо более положительное относительно ожидаемого исхода предприятия. Ахав отвечал, что такой пророк имеется, но что он, царь, питает к нему ненависть за то, что тот дал ему скверное предсказание, а именно предвещал смерть вследствие победы над ним царя сирийского. Ввиду этого Ахав держит теперь того пророка под стражею; называется он Михеем, сыном Иемвлея. Когда Иосафат попросил велеть привести его, то Ахав отправил за ним одного из своих евнухов. Во время пути евнух сообщил Михею, что все остальные пророки предсказали Ахаву победу. На это Михей сказал, что он лично не может обмануть царя ложным предсказанием, но что он скажет ему все то, что велит сказать ему Господь Бог. Когда же Михей предстал пред Ахавом и последний стал заклинять его поведать ему истинную правду, пророк отвечал, что Господь Бог велит ему сообщить о предстоящем бегстве израильтян, о том, что они подвергнутся преследованию со стороны сирийцев и будут рассеяны ими в горах наподобие стада, потерявшие своего пастуха. Вместе с тем он указал на то, что видит, как израильтяне мирно вернутся восвояси, он же один. Ахав, падет в битве. В ответ на это предсказание Михея Ахав обратился к Иосафату со следующими словами: «Ведь вот же я недавно указал тебе на злобу этого человека против меня и на то, что он мне всегда предвещает одно наихудшее».

Тогда Михей сказал, что царю следовало бы обращать побольше внимания на все, что ему велит предсказывать Господь Бог; что, хотя лжепророки и побуждают его к войне, обещая победу, ему тем не менее суждено умереть в бою. Когда же царь впал (по поводу этих слов) в раздумье, один из лжепророков, Седекия, подошел к Ахаву и потребовал, чтобы он не обращал внимания на Михея, так как последний отнюдь не говорит правды. В доказательство он сослался на Илию, который, конечно, вернее Михея предсказывал будущее. А между тем ведь Илия предсказал ему в городе Изаре, на земельном участке Навуфа, что псы будут лизать кровь его совершенно также, как они лизали кровь по его наущению камнями побитого народом Навуфа.

«Поэтому очевидно, что, находясь в противоречии с лучшим пророком, этот Михей лжет, уверяя, что ты умрешь чрез три дня. Впрочем, сейчас представится возможность узнать, настоящий ли он пророк и имеет ли дар божественного вдохновения. Пусть он, которого я сейчас побью, иссушит мою руку, подобно тому, как то было с десницею царя Иеровоама, когда он велел схватить Иадона. Я ведь полагаю, что этот случай тебе доподлинно известен».

Когда он затем действительно начал бить Михея и с ним после этого все-таки ничего не случилось. Ахав снова приободрился и окончательно решил предпринять поход против сирийца. Решающее значение в этом деле имела, по-моему мнению, роковая неизбежность предопределения, в силу которой слова лжепророков показались Ахаву убедительнее слов истинного пророка: таким только образом могла состояться роковая развязка⁵⁶⁵.

Седекия соорудил затем бронзовые рога⁵⁶⁶ и сказал Ахаву, будто Господь Бог объявил ему, что при помощи их тот покорит всю Сирию, тогда как Михей предсказывал, что чрез несколько дней Седекия будет бегать от одной границы к другой, ища убежища, чтобы укрыться от наказания за ложное свое предсказание. За это царь велел отвести Михея к градоначальнику Ахамону, заключить его в темницу и не давать ему ничего, кроме хлеба и воды.

5. После всего этого Ахав и царь иерусалимский Иосафат направились со своими войсками к галаадскому городу Арамафе⁵⁶⁷. Узнав об этой их экспедиции, сирийский царь выступил против них со своею ратью и расположился лагерем недалеко от Арамафы. Вместе с тем Ахав и

Иосафат условились насчет того, что Ахав снимет с себя все свое царское убранство, тогда как царь иерусалимский примет на себя начальствование над соединенными войсками и останется в полном своем облачении. Таким образом они думали доказать всю неосновательность предвещения Михея. Однако рок настиг Ахава и помимо его переодеванья. Дело в том, что Адад, царь сирийский, объявил чрез начальников по всему своему войску, чтобы солдаты не смели убивать никого, кроме царя израильского. Когда во время схватки сирийцы увидели, что рядами неприятелей командует Иосафат, то, приняв его за Ахава, устремились на него и окружили его. Но лишь только они подошли к нему поближе, они узнали в нем не того, кого искали, и все отступили. Хотя бой продолжался с зари вплоть до глубокой ночи и сирийцы повсюду побеждали, однако не убивали никого, сообразно приказанию своего царя, но только тщетно искали Ахава, чтобы его одного убить. Вдруг один из царских служителей по имени Аман, пустив наугад стрелу в ряды врагов, смертельно ранил Ахава, пробив ему панцирь и попав в область легкого. Не желая, однако, показывать этого случая своему войску, чтобы оно не обратилось в бегство. Ахав приказал своему вознице повернуть колесницу и оставить место битвы, потому что он, Ахав, был смертельно ранен. Таким образом, он вплоть до заката солнца оставался в страшных мучениях на своей колеснице, наконец потерял сознание и умер.

6. С наступлением ночи сирийское войско отступило к своему стану, а когда войсковой герольд объявил о последовавшей смерти Ахава, то оно повернуло назад к его владениям. Труп Ахава был доставлен в Самарию и предан там земле. Колесница Ахава, которая была загрязнена кровью вследствие ранения царя, была обмыта в источнике Изара, и таким образом оправдалось предсказание Илии: собаки действительно лизали при этом кровь убитого царя, блудницы же обмыли все остальное около этого источника. Вместе с тем Ахав умер, сообразно предсказанию Михея, в Рамафоне⁵⁶⁸.

Итак, раз на Ахаве оправдались предсказания двух пророков, мы должны преклониться пред величием Господа Бога, всегда поклоняться Ему и почитать Его; мы никогда не должны предпочитать истине то, что доставляет нам удовольствие или соответствует нашим личным наклонностям, и нам следует вывести из всего этого, что нет ничего более серьезного, чем пророчества и вытекающие из них мероприятия в будущем, так как путем этих пророчеств Господь Бог раскрывает пред нами, чего нам следует опасаться. Вместе с тем из участи царя Ахава должно также усвоить себе представление о силе предопределения, которое неизбежно, хотя бы оно было нам известно и заранее. Этот рок, правда, иногда обманывает людей, возбуждая в них тщетные надежды на лучшее будущее; но это делается для того лишь, чтобы довести человека до такого положения, в котором легче всего настичь его. Видимо, и Ахав лишь для того настолько был ослеплен, чтобы не поверить людям, предсказывавшим ему поражение, и чтобы погибнуть, последовав советам тех, которые предсказывали ему одно лишь ему угодное. Преемником Ахава стал его сын Охозия (Ср.: [2Пар 17.1—6](#); [2Пар 17.17—19](#); [2Пар 18.1—34](#) и [3Цар 22.1—38](#)).

Предисловие

В этой книге продолжается повествование об истории Иудейского и Израильского царств. Если в Иудее по-прежнему правила династия Давидов, то в северном государстве Израиль происходили беспрестанные смены династий. Самой заметной из них была основанная в 875 г. до н.э. военачальником Омри. Она правила около 50 лет, при ней Израиль пережил пору расцвета, и в ассирийских анналах IX в. до н.э. государство Израиль именуется «дом Омри». Оба еврейских государства существовали в сложной внешнеполитической обстановке, так как почти не прекращались войны и с близкими соседями, и с такими сильными противниками, как Дамасское царство и особенно Ассирия. Важную роль в жизни Иудеи и Израиля начинают играть особые служители культа, именуемые пророками. Они объясняли все бедствия народа отступлением от божественных предписаний и угрожали крахом страны под ударами завоевателей, постоянная опасность со стороны которых выдавалась ими за гнев Бога.

1. Когда царь Иосафат вернулся в Иерусалим из совместного с израильским царем Ахавом похода против сирийского владетеля Адада, о чем мы уже рассказывали выше, пророк Иуй явился к Иосафату с упреком, что последний оказал поддержку такому злодею и безбожнику, каким был Ахав. При этом пророк сказал, что, хотя Господь Бог и очень рассердился на эту оказанную Ахаву помощь, Он тем не менее, несмотря на совершенный Иосафатом грех, спас его от руки неприятелей ради прежнего его благочестия и добронравия. Вследствие этого увещания, Иосафат снова приступил к восхвалению Господа Бога и к жертвоприношениям в честь Его. Затем он проехал по всей своей стране и посетил все уголки своих владений, где повсюду наставлял народ в данных Предвечным через Моисея законах и в настоящем благочестии по отношении к Всевышнему. Вместе с тем он назначил в каждом подвластном ему городе судей и увещевал их судить народ, не побуждаясь ничем иным, кроме начала справедливости, не склоняясь в пользу тех, кто мог бы, по их мнению, подарками или личным своим влиянием, благодаря богатству или знатности рода, подкупить их, но творить суд, равный для всех, постоянно помня, что Господь Бог взирает на все и видит даже самое сокровенное. Сделав такие распоряжения в каждом городе обеих подвластных ему областей, Иосафат вернулся в Иерусалим, где он также назначил судей из среды священнослужителей, левитов и главных начальников народа, причем и их увещевал быть особенно добросовестными и соблюдать во всех своих решениях точнейшую справедливость. Если же между единоплеменниками в других городах возникнут разногласия по поводу более сложных дел и эти дела будут присланы на рассмотрение им, судьям иерусалимским, то им придется приложить особенное старание и как можно тщательнее и нелицеприятнее постановить правдивый приговор, потому что решения суда того города, где находится храм Предвечного и имеет свою резиденцию царь, должны быть особенно основательны и правильны. Председателями судебной [иерусалимской] коллегии Иосафат назначил священнослужителя Амасию и некоего Завадию, которые оба принадлежали к колену Иудову.

Таким образом царь устроил [внутренние] дела свои.

2. Около этого же времени на Иосафата пошли войною моавитяне и амманитяне, которые соединились для этого с большим количеством арабов. Лагерем расположились они около города Энгедди⁵⁶⁹, находящегося у Асфальтового озера в расстоянии трехсот стадий от Иерусалима. В этой местности растут отличнейшие финиковые пальмы и получается бальзам. Когда Иосафат узнал, что враги переправились через озеро и уже вторглись в его владения, он испугался и созвал население Иерусалима в собрание на дворе храма. Тут он стал пред входом в святилище, помолился и стал взывать к Господу Богу оказать ему поддержку и даровать силы для отражения наступающих врагов. При этом царь указывал на то, что и строители храма просили Предвечного, чтобы Он заступался за этот город и отражал нападения тех дерзновенных, которые решились бы напасть на него. Теперь же враги наступают с очевидным намерением захватить в свои руки дарованную евреям самим Господом Богом землю. Молясь таким образом, царь плакал, и к его мольбам присоединилась молитва всего народа, женщин и детей. Тогда вдруг вошел в середину собрания некий пророк Иазиил и обратился к народу и царю с громогласным извещением, что Всевышний внял их мольбам и обещает им сражаться вместе с ними против врагов. Вместе с тем он повелел царю на следующий день выступить с войском навстречу неприятелям, которых он найдет между Иерусалимом и Энгаддаимом, на возвышенности, называемой «Склоном». При этом он велел не вступать в бой, но спокойно выжидать и быть свидетелями того, как сразится с врагами само Божество. В ответ на эти слова

пророка царь и народ пали ниц, преклонились пред Господом и возблагодарили Его, тогда как левиты запели, под аккомпанемент своих музыкальных инструментов, священные гимны.

3. С наступлением следующего дня царь отправился в простирившуюся у подножия города Фекои пустыню и там обратился к народу с увещанием, что должно верить словам пророка и потому не строиться в боевом порядке, но, выставив впереди священнослужителей с требами и левитов с певчими, вознести благодарственную молитву к Всевышнему, как будто бы Он уже очистил страну от врагов. Это предположение царя было встречено сочувственно, и народ поступил сообразно повелению. Между тем Господь Бог внушил амманитянам ужас и вселил в них смятение, так что они стали принимать друг друга за врагов и учинили между собою отчаянную резню, результатом чего было то, что от такого огромного войска их не уцелело ни одного человека. Когда же Иосафат взглянул на долину, где враги расположились лагерем, и увидел ее переполненную трупами, то очень обрадовался внезапной помощи от Господа Бога, который даровал евреям победу, не потребовав от них ни малейшего труда. Затем царь разрешил своему войску приступить к разграблению неприятельского стана и к сниманию доспехов с трупов. Евреи три дня занимались этим и очень утомились, так велико было число убитых. На четвертый же день весь народ собрался в узкой долине и приступил еще раз к восхвалению Всесильного за его помощь. От этого и местность та получила название «Долина восхваления».

4. Отсюда царь повел свое войско назад в Иерусалим и там в продолжение целого ряда дней приносил жертвы и устраивал пиршества. После того как известие об уничтожении его врагов дошло до сведения иностранных народов, все они исполнились боязни к Иосафату, потому что было очевидно, что и впоследствии Господь Бог будет оказывать ему Свою поддержку. Иосафат же с тех пор стяжал себе великую славу своею праведностью и своим благочестием. Он заключил союз с царем израильским, сыном Ахава, и вошел с ним в соглашение относительно постройки судов, которые должны были предпринимать плавание в Понт⁵⁷⁰ и главные приморские города Фракии. Однако тут он ошибся в расчете: вследствие своих крупных размеров корабли эти погибли, и оттого Иосафат раз навсегда отказался от мысли устроить морскую торговлю. Но довольно об иерусалимском царе Иосафате⁵⁷¹.

1. Сын Ахава, Охозия, царствовал над израильтянами и жил в Самарии. Это был человек порочный и во всех отношениях похожий на своих родителей, равно как на Иеровоама, который первый преступил законы и начал вводить народ в заблуждение [относительно Всевышнего]. На второй уже год правления от него отложился моавитский царь и прекратил выплату ему дани, которую он раньше выплачивал отцу его Ахаву.

Однажды случилось, что Охозия, сходя с крыши своего дома⁵⁷², оступился и упал на землю. Во время своей болезни он отправил послов к аккаронитскому богу мух⁵⁷³ (так звали это божество) с поручением узнать, выздоровеет ли он. Тогда Бог еврейский явился пророку Илии и велел ему пойти навстречу посланцам Охозии и спросить их, неужели народ израильский не имеет своего собственного Бога, что царь их посылает к чужому богу спросить об исходе болезни. Вместе с тем пророк должен был повелеть им возвратиться домой и сказать царю, что он не оправится от своей болезни. Илия в точности исполнил повеление Господа, и когда послы услышали его сообщение, то немедленно возвратились к царю. Так как последний удивился быстроте их возвращения и спросил их о причине этого, они сказали ему, что им встретился на пути человек, не позволивший им продолжать путешествие, но потребовавший, чтобы они вернулись домой и по поручению Бога израильского сообщили бы ему о смертельном исходе его болезни. Когда царь велел им описать наружность лица, сказавшего им о том, то они ответили, что то был человек, обросший волосами и опоясанный кожаным ремнем. Царь по этому описанию, данному посланцами, тотчас узнал пророка Илию и распорядился отправить за ним таксиарха⁵⁷⁴ с пятьюдесятью тяжеловооруженными и доставить Илию во дворец. Высланный за пророком военачальник нашел его сидящим на вершине горы и приказал ему сойти вниз и явиться к царю по поручению последнего, присовокупив при этом, что, если он не последует этому приглашению, его принудят к тому силою. На это Илия отвечал военачальнику, что для доказательства того, что он имеет дело с истинным пророком, он, Илия, помолится, чтобы с неба снизошел огонь и пожрал бы как солдат, так и его, военачальника. И действительно, пророк начал молиться, и с неба упало пламя и уничтожило как таксиарха, так и его воинов.

Когда царю донесли о гибели этого отряда, он рассердился и выслал против Илии вторично другого таксиарха с таким же количеством тяжеловооруженных, как и в первый раз. Но так как и этот таксиарх стал угрожать Илии, что возьмет его силою, если тот не спустится добровольно, то пророк снова прибег к молитве, и точно так же огонь истребил второго военачальника [с его отрядом], как и первого. Узнав о постигшей его участи, царь выслал третьего офицера. Это был человек рассудительный и крайне мягкий. Когда он приблизился к месту, где находился Илия, он ласково заговорил с последним, указывая на то, что явился к нему против личного желания и только повинувшись приказанию царя и что равным образом и товарищи его явились сюда не по доброй воле, но по указанной им причине. Поэтому он стал просить Илию сжалиться над его воинами, спуститься и пойти вместе с ним к царю. Уступая его ласковой речи и мягкости его характера, Илия сошел с горы и последовал за отрядом. Когда же пророк предстал перед царем, то сказал ему, по внушению Предвечного: «Так как ты презрительно отнесся к Предвечному, держа себя по отношению к Нему так, как будто бы Он вовсе не Господь Бог и не в состоянии предсказать тебе истину касательно исхода твоей болезни, но отправил людей спросить об этом исходе к идолу аккаронитскому, то знай, что ты умрешь».

2. И действительно, как предсказал Илия, так и случилось: немного спустя царь умер, а преемником его на престол стал брат его Иорам, так как Охозия умер бездетным. Этот Иорам,

вполне похожий по испорченности на отца своего, Ахава, царствовал двенадцать лет, совершая всевозможные беззакония и бесчестия относительно Господа Бога: не обращая на Всевышнего никакого внимания, он поклонялся иноземным богам. Впрочем, во всех других отношениях он был человеком дельным.

Около этого же времени исчез с лица земли пророк Илия, и никто по сей день не знает подробностей его кончины⁵⁷⁵. Впрочем, как мы уже выше упомянули, он оставил преемника в лице ученика своего Елисея. Относительно Илии, равно как относительно жившего до потопа Эноха, имеются данные в Священном Писании, что они исчезли, тогда как о смерти их никто не узнал ничего точного⁵⁷⁶.

1. Заняв царский престол, Иорам решил пойти войною на царя моавитского Мису⁵⁷⁷, потому что последний, как мы уже сообщали выше, отложился от его брата и перестал платить ему дань, которую он выплачивал отцу его Ахаву (а именно двести тысяч нестриженных овец). Итак, собрав свою собственную рать, он послал к Иосафату приглашение участвовать с ним в качестве союзника в предстоящей войне с отпавшими от него моавитянами, причем указывал на его (Иосафата) давнишнюю дружбу с его отцом. Иосафат обещал не только лично оказать ему поддержку, но и постараться принудить к участию в этом походе подчиненного ему идумейского царя. Получив со стороны Иосафата такие благоприятные обещания относительно участия в войне, Иорам со своим войском прибыл в Иерусалим, где был блестяще принят царем иерусалимским. Решив идти на врагов через идумейскую пустыню, откуда нельзя было ожидать нападения моавитян, три царя, иерусалимский, самаритянский и идумейский, выступили из Иерусалима. Так как проводники сбились с дороги, то они в течение семи дней блуждали по пустыне, пока наконец не почувствовали такой недостаток воды для скота и людей, что все впали в крайнее уныние. Особенно страдал Иорам. В горе своем он громко взывал к Господу Богу, по какой причине и за какие провинности Он завел трех царей столь далеко и теперь собирается без боя предать их в руки моавитского царя. Между тем праведник Иосафат старался подбодрить его и послал в лагерь с запросом, не последовал ли за войском какой-нибудь пророк истинного Бога, чтобы через него можно было узнать от Всевышнего, что следует предпринять. Один из приближенных Иорама ответил, что он видел в лагере ученика Илии, сына Сафатова, Елисея. Тогда, по приглашению Иосафата, три царя отправились к пророку. Подойдя к палатке Елисея, расположенной вне стана, они стали вопрошать его относительно участи, ожидающей войско. Особенно настойчивы были расспросы Иорама. Когда же Елисей просил не приставать к нему, но отправиться к пророкам родителей Иорама (эти-де пророки будут настоящими), царь стал еще настойчивее просить предсказать им будущую их судьбу и спасти их. Елисей дал клятвенное уверение, что Предвечный ни за что не ответил бы на запрос царя, если бы Иосафат не бьи таким богобоязненным и справедливым государем. Затем, по его требованию, был приведен человек, умевший играть на цитре, и когда во время его игры пророк впал в экстаз, то велел царям вырыть в ложе реки целый ряд ям. При этом он заявил им, что, хотя и не заметно туч, нет ветра и нет дождя, они скоро увидят, как река наполнится водою, так что как войска, так и скот смогут утолить свою жажду и тем спастись. «Впрочем,- сказал Елисей,- Господь Бог пошлет вам не только это, но и дарует вам победу над врагами; вы возьмете лучшие и укрепленнейшие города моавитян, вырубите их плодовые деревья, опустошите страну их и осушите их ключи и реки».

2. Сообразно предсказанию пророка, на следующий день, еще до восхода солнца, река обильно наполнилась водою (ибо в Идумее, за три дня пути от них, Господь Бог послал сильный дождь⁵⁷⁸, так что и войско, и вьючный скот могли вволю утолить свою жажду.

Когда же моавитяне услышали, что на них идут войною три царя и направляют путь свой чрез пустыню, то моавитский царь немедленно собрал свое войско и велел ему расположиться лагерем на горах⁵⁷⁹, чтобы враги не вторглись в их страну незамеченными. Когда моавитяне при восходе солнца взглянули на реку (которая лишь небольшою частью своею протекала по их владениям) и заметили, что вода совершенно кровавого цвета (а между тем в это время вода очень значительно окрашивается в багровый цвет от света зари), то ими овладело, совершенно, впрочем, неосновательное, подозрение, что враги вследствие мучений жажды перебили друг друга и что река обогрена их кровью. Итак, основываясь на таком ложном предположении,

моавитяне обратились к царю своему с просьбою разрешить им приступить к разграблению неприятельского стана; затем они все отправились в лагерь мнимопогибших врагов, думая, что там их ожидает добыча, овладеть которою будет крайне удобно. Но им пришлось ошибиться в своем расчете: враги окружили моавитян со всех сторон, так что часть их была изрублена, часть же обращена в беспорядочное бегство, во время которого они устремились в пределы своей страны. Союзные цари в свою очередь ворвались во владения моавитян, разрушили их города, испортили их поля и сделали их и впредь негодными, накидав на них камней из реки, вырубил наилучшие деревья, запрудили все источники и до основания срыли их постройки. Моавитский царь между тем бежал в один город и подвергся тут осаде. Видя, что этому городу угрожает опасность быть взятым приступом, он решился в сопровождении семисот всадников сделать вылазку из города и быстрым натиском прорваться сквозь ту часть неприятельского стана, которую он считал наименее охраняемой. Однако попытка эта ему не удалась, потому что он нашел в том месте значительную стражу, так что ему пришлось возвратиться в город. Тут он решился на отчаянное и крайнее средство: он вывел на городскую стену старшего из своих сыновей, будущего своего преемника, выставил его напоказ всем и затем сам заклал его, принося его в жертву своему богу⁵⁸⁰. При виде этого союзные цари сжалились над его отчаянием и в порыве сострадания прекратили осаду. Затем каждый из них вернулся в свою страну⁵⁸¹.

По возвращении в Иерусалим Иосафат немного прожил после описанного похода, пользуясь глубоким миром. Затем он умер шестидесяти лет, из которых царствовал в продолжение двадцати пяти. Похоронен он был в Иерусалиме с большою пышностью: во всех своих поступках он брал себе в пример Давида (Ср. [4Цар 3.1—27](#); [2Пар 21.1](#)).

1. Иосафат оставил после себя много детей; преемником своим он назначил старшего сына своего Иорама. Таким образом, этот иерусалимский царь был тезкою дяде своему, сыну Ахавову, царствовавшему над израильтянами. Когда израильский царь возвращался из страны Моавитской в Самарию, то привез с собою пророка Елисея, к деяниям (славным и достойным исторического повествования) которого я думаю теперь приступить на основании данных Священного Писания.

2. Однажды к нему явилась жена управителя Ахавова, Оведии, с заявлением, что Елисею, должно быть, неизвестно, как [покойный] муж ее [некогда] спас сто пророков, которых хотела загубить жена Ахава, Иезавель. При этом она упомянула, что Оведия спрятал и на свой собственный счет содержал эту сотню людей. Теперь же, после смерти ее мужа, продолжала вдова, ей и ее детям кредиторы угрожают продажей в рабство, а поэтому она умоляет Елисея, в память об этом благодеянии ее мужа, сжалиться над нею и оказать ей посильную помощь. Когда Елисей спросил ее, что у нее есть в доме, и узнал, что нет ничего, кроме небольшого количества масла в сосуде, то повелел ей вернуться домой, одолжить у соседей большое число пустых сосудов и, заперев двери жилища, налить в каждый из сосудов немного масла. Господь же уже наполнит эти сосуды до краев. Женщина так и сделала, как ей приказал пророк. Велев детям своим принести сосуды, она во все налила несколько масла и затем, когда все сосуды переполнились, отправилась к пророку, чтобы сказать ему об этом. Елисей повелел ей продать масло и заплатить из вырученной суммы долги кредиторам, причем указал, что от этой операции у нее еще останется некоторая сумма, на которую она с детьми сможет прожить. Таким образом Елисей избавил эту женщину от ее стесненного положения и освободил ее от притеснений кредиторов.

3. Елисей [однажды] вовремя предупредил Иорама об опасности, послал ему сказать, чтобы он берегся такого-то места, в котором находятся в засаде некоторые сирийцы, ищущие его гибели. Повинуясь этому предостережению пророка, царь не поехал на охоту. Адад же, обманувшись в своем расчете и предполагая, что его собственные люди выдали его план Иораму, сильно разгневался и послал за ними. Когда они явились к нему, он обозвал их изменниками, выдавшими его планы, и угрожал им смертью за то, что они раскрыли врагу его начинания, о которых он, Адад, сообщил только им одним. Тогда один из присутствовавших сказал, что царь ошибается, предполагая, что кто-нибудь из них, которые должны были убить Иорама, послал последнему извещение об угрожающей ему опасности; напротив, царю следует знать, что существует пророк Елисей, который сообщает Иораму обо всем и извещает его о всех начинаниях Адада. На основании этого Адад немедленно послал узнать, в каком городе проживает Елисей. Посланные вернулись с известием, что Елисей живет в Додаиме. Тогда Адад отправил к этому городу значительный отряд всадников и колесниц для поимки Елисея. Посланные в продолжение всей ночи окружали город и стерегли все его пути. На заре об этом узнал слуга пророка и прибежал в полном смятении к своему господину с криком, что враги стараются захватить Елисея. Последний успокоил слугу и, желая совершенно освободить его от всякого страха, стал просить Господа Бога явить служителю, дабы вселить в него надежду на безопасность, по силе возможности всю Его силу и поддержку. Предвечный внял молитве пророка и представил служителю видение, в котором тот мог увидеть Елисея, окруженным большим количеством всадников и колесниц. Ввиду этого служитель перестал бояться, твердо уповая на действительность такого заступничества. После этого Елисей еще раз обратился к Господу Богу с мольбою, прося Его настолько омрачить зрение врагов, чтобы они не были в

состоянии узнать его, пророка. Когда же и эту просьбу исполнил Господь, Елисей вошел в самую средину врагов и спросил их, за кем они явились. Те отвечали, что ищут пророка Елисея. Последний обещал им выдать пророка, если они последуют за ним к тому городу, в котором живет он. Тогда воины, ослепленные Господом Богом, стратившие также их умственные способности, охотно последовали за пророком, как за своим проводником. Приведя их затем в Самарию, Елисей приказал царю запереть ворота и окружить сирийцев его собственными войсками. После этого он обратился к Предвечному с просьбою открыть глаза врагам и снять с них омрачение. Когда это случилось и сирийцы увидели себя среди неприятелей, то, как и следовало ожидать, были страшно поражены и совершенно не знали, что и предпринять при таком удивительно неожиданном обороте вещей. Царь Иорам между тем спросил пророка, не переколоть ли сирийцев, но Елисей запретил делать это, основываясь на том, что было бы справедливо убивать тех, кто попался на поле брани, тогда как эти люди не причинили ни малейшего вреда его стране и явились сюда бессознательно, побуждаемые к тому лишь властью Всевышнего. Напротив, он посоветовал одарить их и, угостив, отпустить их невредимыми восвояси.

Иорам послушался совета пророка, блестяще угостил сирийцев и с большими почестями отпустил их к царю Ададу.

4. Когда сирийцы вернулись домой и сообщили царю о всем случившемся, Адад крайне изумился этому странному приключению, в котором столь ясно выказалось могущество израильского Бога, а также пророку, которому так явно покровительствовало Божество. С тех пор боясь Елисея, он уже более никогда не решался покушаться на жизнь израильского царя, но выбрал путь открытой войны, рассчитывая на то, что одержит верх над врагами при помощи численного превосходства и силы своих войск.

Ввиду этого он пошел с большою ратью на Иорама, который, не считая себя в силах сражаться с сирийцами, заперся в своем городе Самарии и уповал на неприступность своих укреплений. Адад между тем рассчитывал все-таки взять этот город, если и не при помощи осадных орудий, то хотя бы голодом и прекращением подвоза съестных припасов к самарянам, приблизил свое войско и обложил город со всех сторон. И действительно, в городе Иорама вскоре стал ощущаться такой недостаток в съестных припасах и так все вздорожало, что ослиную голову продавали за восемьдесят серебряных монет и что евреи платили за коробочку голубинового помета, которым пользовались [тогда] вместо соли, по пяти таких монет. Между тем царь Иорам очень опасался, как бы, вследствие голода, не нашлось в городе изменника, который бы предал город врагам, и поэтому он ежедневно обходил все стены и сторожевые посты, чтобы посмотреть, не впущен ли кто-нибудь из врагов в город, чтобы немедленно в этом убедиться и даже предотвратить мысль об этом, если бы кто-нибудь из жителей придумал нечто подобное. И вот, когда однажды во время такого обхода царя какая-то женщина возопила к нему: «Сжался, государь!» — то Иорам, подумав, что она просит у него какой-либо пищи, очень рассердился и, прикрикнув на нее, сказал, что у него самого ни в амбаре, ни в погребке нет ничего, что бы он мог дать ей в ее нужде. Женщина, однако, отвечала, что ей никакой пищи не нужно и что она не затем пристаёт к нему, но просит лишь разрешить спор ее с другою женщиною. Когда Иорам велел ей говорить и рассказать, в чем дело, то просительница ответила, что она заключила условие с одной своей соседкой-приятельницею зарезать своих двух детей (у каждой было по мальчику) и питаться некоторое время их мясом, так как они дальше не могли выносить мучения голода. «И вот я,- сказала несчастная,- первая зарезала свое дитя, и вчерашний день мы прожили, питаясь мясом моего ребенка: теперь же соседка не хочет последовать моему примеру, но предпочла нарушить уговор и спрятать своего сына».

Когда Иорам услышал это, страшная скорбь обуяла его, он разодрал одежду и громко

зарыдал. Гнев против Елисея наполнил его сердце, и он решил умертвить его за то, что он не может вымолить у Господа Бога помощи им и избавления от постигших самарян бедствий. Ввиду этого он немедленно послал к пророку человека, которому приказал отрубить Елисею голову. Посланный поспешил исполнить повеление царя и бросился искать пророка, но Елисею не остался неизвестен гнев Иорама. Сидя в это время у себя дома в кругу учеников своих, пророк объявил последним, что Иорам, сын убийцы, послал к нему человека с поручением отрубить ему, Елисею, голову. «Вы же,- продолжал он,- когда придет этот посланец, загородите ему дорогу и удержите его от того, чтобы он вошел в дом, потому что вслед за этим посланцем придет ко мне сам царь, который тем временем успеет изменить свое первоначальное решение».

Когда прибыл человек, получивший от царя приказание убить Елисея, ученики в точности исполнили то, что велел им их наставник. Тем временем Иорам успел раскаяться в своем гневе на пророка и, боясь, как бы отправленное им лицо не поторопилось убить Елисея, поспешил предупредить совершение этого убийства и спасти пророка. Поэтому он сам отправился к Елисею и, придя к нему, обратился к нему с упреком, что пророк не вымаливает у Господа Бога освобождения израильтян от гнетущих их бедствий, а спокойно взирает на то, как народ гибнет под бременем их. На это Елисей ответил, что на следующий же день, ровно в то время, в какое сегодня явился к нему царь, в городе будет в изобилии пища и что на рынке за один сикл будут продаваться две меры ячменя и за сикл же можно будет купить меру лучшей пшеничной муки. Это предсказание исполнило Иорама и всех присутствовавших радостью, так как они, на основании прежних примеров, не сомневались в истинности предвещения пророка; уповая на будущие блага, им казалось уже нетрудным терпеть нужду еще этот один день. Однако в числе присутствующих находился начальник одной трети царских войск. Он был в дружественных отношениях с Иорамом, и последний как раз теперь опирался на его плечо.

Этот военачальник сказал: «Невероятное возвещаешь ты, пророк! Ибо как невозможно, чтобы Предвечный ниспослал нам с неба потоки ячменя и пшеничной муки, так неправдоподобно и все то, что ты нам здесь предсказываешь!»

Пророк же возразил ему на это: «Хотя ты своими глазами увидишь исполнение моего предсказания, однако тебе не придется самому воспользоваться ничем из того, что я здесь обещаю».

5. Предвещение Елисея между тем следующим образом оправдалось: в Самарии существовал закон, чтобы все прокаженные и страдавшие язвами на теле жили вне города. По этой-то причине и в описываемое время четверем жителям города приходилось жить вне городских ворот. А так как, при общем голоде, никто более не доставлял им их пищи, а войти в город препятствовал им закон, то они, считая голодную смерть ужасною и зная, что, придя в город, они подвергнутся той же печальной участи, порешили отдаться в руки врагов, которые, быть может, пощадят их и оставят в живых; если же нет и вздумают их убить, то тем самым дадут им возможность умереть хотя бы более славною смертью. Придя к такому решению, они ночью прибыли в лагерь врагов. Между тем Господь Бог уже успел распространить среди сирийцев страх и смятение и внушить их слуху представление, будто раздается стук колесниц и топот коней надвигающейся рати, которая приближается к ним все более и более. Это настолько смутило их, что сирийские воины покинули свои палатки и все сбежались к Ададу с извещением, будто царь израильский за плату успел нанять в качестве союзников царя египетского и царя островов⁵⁸² и вместе с ними теперь идет на них, так что даже слышен шум от приближающейся рати. Адад поверил этому известию (ведь и ему чудилось то же самое, что и его людям), и поэтому сирийцы в полном беспорядке и с криком покинули свой лагерь и обратились в бегство, оставив на произвол судьбы всех своих лошадей, вьючный скот и значительные богатства. Тем временем самарянские прокаженные, о которых мы только что

упомянули, подошли к сирийскому лагерю. Когда они вошли в него и заметили, что там царят полное безмолвие и тишина, то двинулись дальше в глубь стана и вошли в одну палатку. Не найдя там никого, они поели и напились, затем нашли там одежды и много золота, вынесли все это за лагерь и спрятали. Потом они вошли во вторую палатку и точно так же вынесли оттуда все ценное. Таким образом они поступили четыре раза, причем решительно ни на кого не натолкнулись. Отсюда они вывели заключение, что враги удалились, и стали упрекать друг друга, что не известили об этом немедленно Иорама и своих сограждан. Поэтому они тотчас же отправились к стенам Самарии и громким криком известили стражу о том, что враги удалились, а эта стража в свою очередь сообщила о том телохранителям царя. Когда обо всем узнал Иорам, то сейчас же созвал своих приближенных и предводителей войска и, когда все собрались, заявил им, что, по его предположению, удаление сирийского царя представляет военную хитрость и ловушку. «Отчаявшись,- сказал он,- выморить нас голодом, неприятель рассчитывает путем притворного бегства выманить нас из города в лагерь, чтобы мы занялись его разграблением и чтобы в это время он неожиданно мог напасть на нас, перебить нас и затем беспрепятственно занять город. Поэтому я убедительно прошу вас хорошенько охранять последний и, полагаясь на это отступление врагов, не выходить за ворота города». На это кто-то заметил, что совершенно разделяет благоразумный взгляд царя на положение дел и считает его вполне целесообразным, но вместе с тем посоветовал выслать на рекогносцировку всей местности вплоть до Иордана двух всадников, которые, в случае гибели от руки засевших в засаде неприятелей, могли бы послужить предостережением для остального войска не доверять военной хитрости врагов и не подвергнуться той же участи в случае оставления города. «И уже если этим двум всадникам будет суждено попасть в руки врагов и погибнуть,- заключил свою речь говоривший,- то уж все равно отнеси их к числу тех, что погибли от голода».

Царь согласился на это предложение и немедленно выслал соглядатаев. Последние вскоре, однако, вернулись с известием, что путь совершенно свободен от врагов и что они нашли его усеянным жизненными припасами и оружием, брошенными неприятелями для того, чтобы облегчить свое бегство. Только основываясь на этих данных, царь выпустил людей своих для опустошения покинутого врагами лагеря. Здесь их ждала обильная и ценная добыча, и самаряне захватили тут массу золота и серебра, а также целые стада многочисленных пород скота. К тому же они нашли там такое обилие хлеба и пшеницы, какое им никогда и во сне не снилось, так что они совершенно оправились от прежних своих бедствий и имели всего вволю, и, согласно предсказанию Елисея, за один сикл продавались две меры ячменя и за столько же — мера пшеничной муки (одна их мера соответствует полутора итальянским модиям [583](#)). Этими благами не смог воспользоваться один лишь вышеупомянутый начальник трети царского войска: будучи откомандирован к городским воротам для того, чтобы сдерживать народ от натиска и опасности погибнуть во всеобщей давке, он сам сделался жертвою толпы и, быв задавлен, умер согласно предвещанию Елисея, предсказавшего ему смерть тогда, когда он один из всех присутствовавших не поверил его предсказанию о наступлении в городе обилия съестных припасов.

6. Между тем сирийский царь Адад спасся, благополучно достигнув Дамаска. Поняв, что страх и замешательство его самого и всего его войска были внушением Господа Бога, а не результатом нашествия врагов, царь с отчаянием констатировал факт сильного гнева на него Предвечного и от горя впал в болезнь. Около этого времени в Дамаск прибыл пророк Елисей, и когда Адад узнал об этом, то послал к нему с дарами вернейшего из слуг своих, Азаила, которому поручил спросить пророка о своей болезни, о степени ее опасности и о том, оправится ли он от нее. Азаил взял сорок верблюдов, нагруженных лучшими и ценнейшими вещами, которые только нашлись в Дамаске и во дворце, и отправился к Елисею. Найдя его и

вежливо приветствовав его, Азаил сообщил, что он послан к нему с подарками от царя и с поручением узнать, получит ли тот облегчение в своем недуге. Пророк отвечал, что Азаилу не следует сообщать царю ничего дурного, но вместе с тем прибавил, что Ададу придется умереть. Узнав об этом, слуга царя сильно опечалился; также заплакал и Елисей, предвидя, какие бедствия придется испытать народу после смерти Адада. Когда Азаил спросил пророка о причине его скорби, Елисей ответил: «Я плачу и скорблю об участи народа израильского, которому придется подвергнуться, со своей стороны, массе бедствий. Тебе суждено убить лучших представителей израильтян, ты сожжешь укрепленные города их, разобьешь о скалы младенцев их и перерубишь беременных женщин их». Когда же Азаил спросил: «Почему ты предвидишь во мне власть, в силу которой я сделаю все это?» — то пророк отвечал, что Господь Бог внушает ему, что именно он, Азаил, будет впоследствии царем Сирии.

Вернувшись к Ададу, Азаил успокоил его наилучшими сообщениями об исходе болезни. На следующий же день тот же Азаил накинуд на царя мокрую сеть, удавил его ею и захватил власть в свои руки. Впрочем, это был человек предприимчивый, снискавший себе полную симпатию сирийцев и особенно черни дамасской. Население этого города по сей день еще почитает своих правителей Адада и Азаила как богов за оказанные ими народу благодеяния и за постройку храмов, которыми эти правители украсили Дамаск. В честь их жители Дамаска ежедневно устраивают пышно-торжественные процессии и хвастаются древностью их правления, не зная, впрочем, что это совсем не древние правители и что время их правления отстоит от нас не далее как за одну тысячу и сто лет.

Между тем израильский царь Иорам, узнав о кончине Адада, снова оправился от того постоянного ужаса и трепета, в которых всегда держал его Адад, и порадовался тому, что сможет теперь опять пользоваться ничем не омрачаемым миром (Ср.: [2Цар 21.2—3](#); [3Цар 4.1—7](#); [4Цар 6.9](#); [4Цар 8.20](#); [4Цар 8.7—15](#).).

1. Иерусалимский царь Иорам, одноименный с выше нами уже упомянутым правителем израильтян, немедленно по восшествии своем на престол, приступил к избиению своих братьев и приближенных отца своего. Последние занимали вместе с тем должности начальников. Этим Иорам явно положил начало всем дальнейшим своим гнусностям, в которых он ничем не уступал израильским царям, впервые нарушившим древние еврейские установления и преступившим законы истинного богопочитания. Всем этим гнусностям, полной распущенности во всех отношениях и особенно поклонению иноземным божествам обучила его жена его Гофолия, дочь Ахава. Однако, несмотря на то что Иорам изо дня в день придумывал новые способы к обнаружению своего безбожия и глумления над старинными народными обычаями. Господь Бог все-таки все еще не хотел, ввиду данного Давиду обещания, истребить весь царский род.

Около этого времени случилось, что идумеяне отложились от Иорама, убив своего прежнего царя, который был вассалом отца Иорама, и выбрали себе правителя по своему личному усмотрению. Тогда Иорам, во главе отряда своей конницы и колесниц, ночью вторгся в пределы Идумеи и перебил всех пограничных жителей. Двинуться, однако, глубже внутрь страны он не решился. Впрочем, все это нападение не принесло ему ни малейшей пользы, потому что результатом этого было общее отпадение от Иорама его подданных, в числе которых отложились от него, между прочим, также жители целой области Лавены⁵⁸⁴. В то время царь зашел в своем ослеплении так далеко, что принудил народ взойти на вершины гор и там поклоняться чужеземным богам.

2. В то время как Иорам действовал таким образом и совершенно забывал об установленных законах, ему однажды было доставлено от еще находившегося тогда в живых пророка Илии письмо, в котором пророк писал, что Господь Бог жестоко накажет царя за то, что он забыл о примере своих собственных предков, пошел в своих беззакониях по стопам царей израильских и, подобно Ахаву, принудившему к тому же насильно израильтян, побудил представителей колена Иудова и граждан иерусалимских отказаться от почитания своего собственного истинного Бога и поклоняться идолам. В этом же письме находилась угроза будущего возмездия за гибель братьев Иорама и за то, что последний перебил других хороших и справедливых людей. Наказание, которое за все это постигнет царя, по словам пророческого послания, будет заключаться в том, что весь его народ с женами и детьми погибнет и что он сам заболит и умрет от страшного вздутия живота, причем внутренности его с ужасными для него мучениями перейдут в гниение и выпадут, а он, пророк, будет лишь немым зрителем его страданий и не сможет ничем помочь ему вплоть до его смерти. Такое грозное предсказание заключало в себе послание Илии.

3. Спустя некоторое время в пределы владений Иорама вторглись полчища арабов, живших в ближайшем соседстве с эфиопами, и других иноземцев и разграбили всю его страну, а также царский дворец, причем перебили сыновей и жен Иорама. Один лишь сын его случайно избег ярости врагов; то был Охозия. После этого поражения сам царь схватил предсказанную пророком болезнь, очень долго болел ею, так как Предвечный в гневе своем наслал страдания на его желудок, и наконец умер жалкою смертью, после того как у него выпали все внутренности. Впрочем, и после своей смерти Иорам подвергся оскорблению со стороны народа, который, видя в такого рода кончине явный гнев Предвечного, не считал возможным удостоить Иорама царских похорон, не поместил его в склепе его предков и не воздал ему вообще никаких почестей, похоронив его как частное лицо. Прожил Иорам всего сорок лет, из которых

царствовал в продолжение восьми. Престол народ иерусалимский предоставил сыну Иорама, Охозии (Ср. [4Цар 8.17—22](#); [2Пар 21.1 — 2Пар 22.1](#)).

1. Надеюсь после смерти Адада отнять у сирийцев галаадский город Арамафу, царь израильский Иорам двинулся против этого города во главе большого войска. Во время осады Арамафы он был ранен стрелой неким сирийцем, впрочем не опасно, и вернулся в город Иезраелу для того, чтобы тут заняться лечением этой раны. В Арамафе он оставил все свое войско под предводительством Иуя, сына Немеаса, потому что город был уже взят к тому времени приступом. Вместе с тем Иорам рассчитывал после своего излечения продолжать войну с сирийцами. Тем временем пророк Елисей послал в Арамафу одного из своих учеников, дав ему священного елея для помазания в цари Иуя и для сообщения последнему, что Господь Бог поставил его царем. Вместе с тем Елисей поручил посланцу, чтобы он как можно поспешнее и тайно от всех удалился из города. Посланец пророка, прибыв в Арамафу, нашел Иуя сидящим среди прочих военачальников, как ему заранее и предсказал Елисей, приблизился к нему и сказал, что имеет с ним переговорить кое о чем. Когда Иуй поднялся со своего места и последовал за ним в соседнюю горницу, юноша вынул сосуд со священным елеем и вылил елей на голову Иуя, причем сказал, что Предвечный ставит его царем на погибель всего рода Ахавова и на отмщение за кровь незаконно умерщвленных Иезавелью пророков, дабы весь дом их, подобно дому Иеровоама, сына Наватея, и потомкам Ваасы⁵⁸⁵, был с корнем истреблен за их беззакония и дабы не оставалось ни одной крупички из рода Ахавова. Сказав это, посланец Елисея ушел из горницы, стараясь не попадаться на глаза никому из воинов.

2. Иуй тем временем вернулся на прежнее свое место в собрании военачальников. Последние стали расспрашивать его и просить сообщить им о причине прихода к нему юноши, который вдобавок кажется им умалишенным. Тогда Иуй сказал: «Очевидно, вы вполне правы, потому что юноша обратился ко мне с безумною речью». Когда же военачальники стали еще настойчивее просить Иуя сообщить им о причине прибытия юноши, то Иуй ответил, что он сказал, будто Господь Бог выбирает его, Иуя, царем над народом. Услышав это, все присутствующие сняли с себя плащи, распростерли их пред Иуем и велели звуком рогов возвестить, что царем избран Иуй. Последний собрал затем войско и хотел выступить против Иорама к городу Иезраела, где, как мы рассказали выше, Иорам лечился от раны, полученной при осаде Арамафы. Случайно в то же время к Иораму прибыл иерусалимский царь Охозия, брат сестры Иорама, как мы уже имели случай сказать выше. Он явился как родственник, чтобы узнать, в каком положении находится его рана.

Тем временем Иуй, желая напасть на Иорама и его свиту совершенно неожиданно, просил воинов не уходить из лагеря, чтобы Иорам не был заранее предупрежден о его плане. Это и будет, говорил он, блестящим доказательством того, что они расположены к нему, Иую, и вполне добровольно и сознательно избрали его царем над собою.

3. Повинуясь этому приказанию, воины Иуя стали стеречь пути, чтобы никто не мог уйти в Иезраелу и сообщить там о происшествиях в Арамафе. Затем уже сам Иуй в сопровождении отряда отборных всадников сел на колесницу и отправился в Иезраелу.

Когда он приблизился к городу, поставленный Иорамом страж, на обязанности которого лежало следить за всеми прибывающими, увидев, что Иуй подъезжает в сопровождении войска, известил Иорама о прибытии отряда всадников. Царь немедленно распорядился выслать одного из своих всадников навстречу и узнать, кто идет. Подъехав к Иую, этот всадник обратился к нему с вопросом, как дела в лагере, ибо это желательно знать царю. На это Иуй отвечал, что ему нечего заботиться об этом, и велел всаднику следовать за собою. Увидев это, страж заявил Иораму, что высланный им всадник присоединился к приближающемуся отряду и идет теперь с

ним. Когда же царь выслал второго всадника, то Иуй распорядился с ним так же, как и с первым. Получив об этом донесение от стража, Иорам наконец сам сел в колесницу вместе с иерусалимским царем Охозиею (который, как мы выше уже упомянули, находился в то время у него в гостях, приехав, чтобы по родственному узнать о положении раны Иорама), и оба поехали навстречу Иую. Тем временем Иуй подвигался вперед медленно и в полном порядке. Иорам съехался с ним на земле Навуфа и спросил Иуя, все ли обстоит благополучно в лагере. На это Иуй отвечал резкими ругательствами и обозвал Иорама сыном отравительницы и блудницы. Царь сильно испугался, поняв, что Иуй замышляет против него недоброе, вскочил скорее в свою колесницу и обратился в бегство, крикнув Охозии, что они попали в засаду и имеют дело с коварною изменою. Иуй же натянул свой лук и спустил стрелу, пронзившую Иораму сердце, так что тот моментально упал на колени и испустил дух. Затем Иуй повелел Вадакру, начальнику третьей части войска, швырнуть труп Иорама на поде Навуфа и напомнить при этом о пророчестве Илии, предсказавшего отцу его, Ахаву, который убил Навуфа, что как он сам. Ахав, так и его потомство погибнет во владениях Навуфа. Это предсказание Илии он слышал своими ушами, сказал Иуй, потому что в то время стоял за Ахавом на колеснице последнего, и вот теперь это пророчество в точности исполнилось. Когда Иорам упал с колесницы, Охозия, боясь за свою личную безопасность, погнал собственную колесницу по другой дороге, в надежде избежать мщенья Иуя. Однако последний бросился за ним в погоню, настиг его у какого-то холма и ранил стрелою из лука. Тогда Охозия оставил свою колесницу, вскочил на лошадь и поскакал в город Магеддо; тут он некоторое время лечился от полученной раны, но вскоре затем умер. Потом тело его было перевезено в Иерусалим и предано там земле. Охозия царствовал всего только один год, но выказал за это время всю свою испорченность, которою превосходил даже отца своего.

4. Когда Иуй въезжал в город Иезраелу, Иезавель надела на себя все свои украшения и, взойдя на башню, кликнула ему: «Как славен слуга, убивший своего государя!» Взглянув на нее, узнав, кто эта женщина, и предложив ей сойти к нему, Иуй напоследок велел своим евреям сбросить ее с башни. Во время своего падения Иезавель обагрила своею кровью стену и умерла, затоптанная лошадьми.

После этого Иуй отправился во дворец и подкрепил свои собственные силы и силы своих спутников блестящим пиром. Вместе с тем он повелел своим слугам предать труп Иезавели земле, ввиду ее царского происхождения. Но слуги ничего уже не нашли от ее тела, кроме конечностей, так как все остальные части его уже были пожраны псами. При известии об этом Иую вновь представился случай изумиться точности предсказаний пророка Илии, предвещавшего Иезавели именно такую смерть в Иезраеле.

5. Так как Ахав оставил после себя семьдесят сыновей, которые тем временем воспитывались в Самарии, то Иуй послал туда два письма, одно, адресованное на имя воспитателей юношей, а другое к начальствующим в Самарии, с приглашением выбрать в цари самого храброго из сыновей Ахава и затем уже отомстить за смерть своего государя, так как у них-де множество колесниц, конницы, оружия, войска и имеются укрепленные города. Все это Иуй написал с заднею мыслью испытать таким образом настроение жителей Самарии. Когда начальники и воспитатели прочитали упомянутые послания, то очень испугались, поняв, что им ничего не придется поделаться с человеком, сумевшим избавиться от двух наиболее могущественных царей, и поэтому написали Иую ответ в том смысле, что признают его своим государем и готовы исполнять все его приказания. На это Иуй прислал им письменное приказание отрубить головы сыновьям Ахава и прислать ему эти головы. Начальники тогда послали за воспитателями царевичей, приказали им привести повеление Иуя в исполнение и отослать отрубленные головы к Иую. Воспитатели, нисколько не задумываясь, исполнили

поручение и, уложив головы казненных в плетеные корзины, отправили их в Иезраелу. Этот транспорт прибыл туда в то время, когда Иуй с приближенными своими сидел за обедом. Когда Иую донесли, что доставлены головы сыновей Ахава, то он распорядился свалить их в две кучи по обеим сторонам городских ворот. После этого он на следующий день пошел взглянуть на них и при этом обратился к собравшемуся народу с уверением, что, хотя он и повел войско против своего собственного государя и лично убил его, он, однако, сам не повинен в смерти этих юношей. Затем он напомнил народу, что и относительно потомства Ахава таким образом оправдалось пророчество Божие и что теперь погиб, сообразно предвещанию Илии, весь дом Ахава. После этого он велел умертвить всех всадников, находившихся среди израильтян и принадлежавших так или иначе к числу родни Ахава, и затем уже отправился в Самарию. Встретив на пути своем нескольких родственников иерусалимского царя Охозии, спросив их, куда и зачем они идут, и получив от них ответ, что они идут в гости к Иораму и своему царю Охозии (о последовавшем между тем избиении которых им пока еще ничего не было известно), Иуй велел схватить и казнить также их, в числе сорока двух человек.

6. После этого Иую встретился старинный друг его Ионадав, человек порядочный и праведный, который, приветствуя его, присоединил похвалу за то, что Иуй поступил вполне по желанию Господа Бога, совершенно истребив весь род Ахава. Иуй предложил ему место в своей колеснице и просил его поехать с ним вместе в Самарию, говоря, что здесь он ему покажет, как он тут не пощадит ни одного гнусного человека и накажет всех лжепророков, лжесвященников и всех, кто подбивал народ отпасть от почитания истинного Бога и обратиться к культу иноземных божеств. При этом Иуй указывал на то, что для порядочного и вполне праведного человека самым приятным зрелищем является то, когда он видит наказание гнусных обманщиков. Склонясь на просьбы друга, Ионадав сел к нему в колесницу и вместе с ним приехал в Самарию. Тут Иуй принялся также разыскивать всех родственников Ахава и умерщвлять их. Стараясь, чтобы ни один из лжепророков и священнослужителей Ахавовых богов не избег наказания, он устраивал облавы и различными хитростями захватил их всех, а именно: собрав народ, Иуй заявил ему, что хочет ввести поклонение двойному числу богов сравнительно с числом введенных Ахавом божеств, и при этом обратился к жрецам, лжепророкам и их слугам принять участие в устраиваемых им в честь Ахавовых божеств торжественных и блестящих празднеств. К тому же царь присовокупил, что накажет смертью каждого из жрецов, который вздумал бы уклониться от участия в предстоящем празднестве.

Главным богом, введенным Ахавом, был Ваал. Установив день, в который должно было произойти торжественное жертвоприношение, царь разослал по всей стране израильской людей, на обязанности которых лежало привести к царю всех жрецов Ваала. Вместе с тем Иуй распорядился, чтобы всем этим жрецам были выданы полные облачения. Когда это было сделано, Иуй в сопровождении друга своего Ионадава пришел в храм [Ваала] и велел собравшимся туда жрецам хорошенько посмотреть, чтобы среди них не затесался как-нибудь иноземец или человек, не принадлежащий к их сословию, ибо он-де не желает, чтобы при священнодействии присутствовал кто-либо из посторонних. Когда жрецы ответили, что постороннего лица среди них нет и когда вслед за тем было приступлено к жертвоприношениям, царь распорядился выстроить вне храма восемьдесят человек тяжелооруженных воинов, преданность которым ему была известна, и велел им перебить лжепророков и отомстить за оскорбление древних установлений, которые в продолжение столь долгого времени подвергались презрению. При этом царь угрожал солдатам, что им придется поплатиться собственной жизнью, если кто-либо из жрецов избегнет смерти. Воины умертвили всех служителей Ваала, подожгли капище последнего и очистили таким образом Самарию от чужеземных культов.

Упомянутый Ваал был богом тирийским. Желая угодить тестю своему, царю тирийскому и сидонскому, Ифовалу. Ахав выстроил в честь этого бога храм в Самарии, выбрал жрецов и позаботился о соответственном ему культе.

По уничтожении культа этого бога Иуй, однако, позволил израильтянам продолжать поклонение золотым тельцам. За все совершенные царем деяния и за то, что он так озаботился наказанием нечестивцев, Предвечный предсказал Иую через посредство пророка, что его потомки будут царствовать над израильтянами в продолжение четырех поколений (Ср. [4Цар 8.20](#) — [4Цар 10.30](#).).

1. Рассказанного об Иуе пока довольно⁵⁸⁶. Когда дочь Ахава, Гофолия, узнала о смерти брата своего Иорама и сына своего Охозии, равно как о гибели всего царского рода, то она принялась усердно истреблять всех потомков Давида и с корнем уничтожать всю родню их, дабы ни один из них не смог когда-либо сделаться царем. Ей это, поскольку она сама была в этом уверена, и удалось, но все-таки от ее гонений спасся один сын Охозии, следующим образом избегший смерти. У Охозии была родная сестра, по имени Иосавефа, бывшая замужем за первосвященником Иоадам⁵⁸⁷. Придя во дворец и найдя там среди трупов спрятавшихся годовалого младенца Иоаса (так звали ребенка) с его кормилицей, Иосавефа взяла его вместе с кормилицей и спрятала их у себя, в своей собственной спальне. Затем она и муж ее Иодай тайно воспитывали ребенка в храме в продолжение тех шести лет, в течение которых царицею над Иерусалимом и двумя коленами была Гофолия.

2. На седьмой год Иодай сообщил об этом пяти сотникам и уговорил их к участию в свержении Гофолии с престола и возвращению последнего ребенку. Взяв с этих людей для большей уверенности клятвенное обещание содействовать ему, первосвященник получил теперь твердую уверенность в том, что удастся свергнуть Гофолию. Затем те мужи, которых Иодай выбрал себе в сообщники при предполагавшемся перевороте, предприняли путешествие по всей стране, собирали вокруг себя всех священнослужителей, левитов и старейшин колен и в сопровождении их наконец вернулись в Иерусалим к первосвященнику. Последний в свою очередь потребовал от прибывших клятвенного обещания молчать о том, что они узнают от него, потому что то, что он им сообщит, нуждается одинаково в сохранении тайны, как и в их содействии. Когда присутствующие поклялись ему в этом и Иодай мог теперь действовать без риска, он представил им своего питомца из рода Давидова и сказал: «Вот вам царь из того дома, о котором, как вы сами знаете, Господь Бог предвещал, что он будет царствовать во все времена. Теперь я прошу, чтобы одна четвертая часть из всех охраняла этого ребенка в храме, другая четверть займет все входы и выходы храма, третья четверть пусть займет все входы в царский дворец, а все остальные пусть без оружия останутся внутри храма. Не давайте войти туда ни одному вооруженному, разве что это будет священнослужитель». Вместе с тем он приказал нескольким священникам и левитам окружить царя и охранять его наподобие телохранителей с обнаженными мечами, немедленно убивать всякого, кто бы дерзнул войти в храм с оружием в руках, и безбоязненно охранять жизнь царя. Все собрание охотно приняло предложение первосвященника и немедленно на деле выказало всю свою преданность ему. Между тем Иодай отпер находившуюся при храме оружейную палату, сооруженную Давидом, и распределял между сотниками, священниками и левитами все найденное им тут оружие, копья, колчаны и всякого рода другие боевые принадлежности и, вооружив их, выстроил вокруг храма тесною стеною, чтобы они могли преградить доступ туда всем посторонним. После этого привели мальчика, поставили его среди вооруженных и возложили на него царский венец, причем Иодай помазал его елеем и провозгласил его царем. Все же собравшиеся приветствовали его громкими радостными кликами и провозгласили многолетие [вновь избранному царю].

3. Услыхав неожиданно такой шум и все эти возгласы, Гофолия страшно перепугалась, бросилась с отрядом своих собственных телохранителей из дворца и прибежала к храму. Священники, сообразно приказанию первосвященника, впустили ее в храм, а последовавший за нею вооруженный отряд был остановлен и задержан выстроенными кругом храма священнослужителями. Когда Гофолия увидела ребенка стоящим у алтаря, с царскою короною на голове, то она с громким криком разодрала свои одежды и повелела убить того, кто

злоумышляет против нее и старается отнять у нее власть. Между тем, однако, Иодай подозвал сотников и приказал им отвести Гофолию в долину Кедрон и там убить, так как он не желал осквернять храм убиением грешницы. Вместе с тем он отдал распоряжение убивать всякого, кто вздумал бы заступиться за нее. Сообразно этому повелению те, которым была поручена казнь Гофолии, схватили ее, потащили ее к так называемым Царским воротам мулов ⁵⁸⁸ и тут убили ее.

4. Приведя таким образом план свой относительно Гофолии в исполнение, Иодай созвал народ и воинов в храм и тут потребовал от них присяги на верность царю, которому они от всей души должны содействовать во всех начинаниях на дальнейшее укрепление его власти. Затем первосвященник потребовал от самого царя уверения, что он всегда будет почитать Господа Бога и никогда не станет нарушать законы Моисеевы. После этого народ ворвался в капище Ваалово, которое Гофолия и муж ее Иорам соорудили на позор истинного Господа Бога, чтобы почтить память царя Ахава, разрушили его до основания и убили главного жреца этого храма Маафана. Заботу же о храме Предвечного и охрану этого святилища Иодай, сообразно распоряжению царя Давида, поручил священнослужителям и левитам, велел им дважды в день приносить жертвы всесожжения, а также совершать, сообразно установленному ритуалу, воскурения. Вместе с тем он назначил нескольких левитов привратниками у входов в святилище, дабы ни один ритуально нечистый человек не мог незаметно пробраться в храм.

5. Установив все это в точности, первосвященник в сопровождении сотников, начальствующих лиц и всего народа повел Иоаса из храма во дворец, и, когда он сел на трон, народ еще раз приветствовал его. Затем начался в продолжение многих дней целый ряд торжеств. Весь город радовался смерти Гофолии.

Когда Иоас сел на царство, ему было семь лет; мать его звали Савиею, и происходила она из Вирсавии. Он строго соблюдал законы и не нарушал истинного богопочитания в течение всего того времени, как был в живых Иодай. Достигнув соответственного возраста, он, по указанию первосвященника, взял себе двух жен, от которых впоследствии имел детей как мужского, так и женского пола.

Вот все, что мы могли рассказать о царе Иоасе, о том, как он избег преследований Гофолии и о том, как сделался царем ⁵⁸⁹.

1. Между тем сирийский царь Азаил объявил войну израильтянам и их царю Иую и стал опустошать страну по ту сторону Иордана, а именно лежавшие на восток от него области колен Рувимова, Гадова и Манассиева, а также землю Галаадскую и Ватанею, предавая все огню и грабежу и позволяя себе различные насилия над всеми, кто попадал в его руки. Все это случилось оттого, что Иуй не торопился отразить нападение этого человека, который приносил столько зла его стране, по той причине, что сам сделался изменником Богу. Вскоре затем, впрочем, он умер, пренебрежительно отнесясь к святыне и нарушив [Моисеевы] законы. Царствовал он над израильтянами в продолжение двадцати семи лет и был погребен в Самарии. Преемником своим он оставил сына своего Иоада.

2. Тем временем иерусалимского царя Иоаса обуяло страстное желание вновь отделать храм Предвечного, и потому он призвал к себе первосвященника Иодая и повелел ему разослать по всей стране священников и левитов, которые собрали бы с каждой головы по полусиклю серебра для украшения и восстановления столь запущенного при Иораме, Гофолии и ее детях храма. Однако первосвященник не исполнил тогда желания царя, зная, что никто добровольно денег не пожертвует. Но на двадцать третьем году своего царствования Иоас опять пригласил к себе первосвященников и левитов, стал упрекать их в том, что они ослушались его приказания, и повелел им на будущее время позаботиться о восстановлении храма. Тогда первосвященник решил пустить в ход для удачного сбора пожертвований следующее, по его мнению верное по отношению к народу, средство: соорудив ящик, со всех сторон закрытый и снабженный лишь в верхней своей крышке одним небольшим отверстием, он распорядился поставить этот ящик в святилище рядом с алтарем и предложил всем опускать в верхнее отверстие на восстановление храма сколько каждый пожелает. К этому предложению народ отнесся весьма сочувственно и с радостью и большим рвением стал приносить и жертвовать множество серебра и золота. Следившие за этою кружкою для пожертвований писец и священникежедневно в присутствии царя опорожняли ее, подсчитывали собранные пожертвования и затем опять ставили ящик на его место. Когда же, по мнению первосвященника Иодая и царя Иоаса, народ пожертвовал достаточную сумму, они послали за каменщиками и архитекторами и озаботились доставкой крупного и драгоценного леса. Когда последствии храм был совершенно отделан, то употребили оставшееся золото и серебро (а его осталось немалое количество) на изготовление чаш, кувшинов, стаканов и прочих сосудов и сталиежедневно возлагать на алтарь богатые жертвоприношения. Такое рвение царя продолжалось все то время, пока был жив Иодай.

3. Когда же последний умер, достигнув статридцатитрехлетнего возраста и будучи за свою всегдашнюю праведность и безукоризненную во всех отношениях честность похоронен в царском склепе в Иерусалиме за то, что он восстановил на царском престоле род Давида, царь Иоас оставил свое заботливое отношение к соблюдению всего, что касалось Господа Бога. Вместе с ним испортились и старейшины народа, так что наконец стали глумиться над справедливостью и над теми законами, которые они раньше сами ставили выше всего. Господь Бог сильно разгневался на такую перемену, происшедшую в царе и во всех прочих, и послал к ним пророков, на обязанности которых лежало предупредить их о могущих оказаться результатах такого их поведения; пророки эти должны были остановить их в совершении дальнейших гнусностей. Однако народ успел уже настолько сильно привязаться к своему новому образу жизни и так полюбить его, что ни пример их предков, жестоко потерпевших вследствие нарушения ими законоположений, ни предвещения пророков не были в состоянии заставить их раскаяться и вернуться на путь правильного богопочитания. Царь дошел даже до

того, что велел побить в храме камнями Захарию, сына первосвященника Иодая, совершенно забыв об оказанных ему отцом несчастных благодеяниях, и все это лишь за то, что Захария, повинувшись внушению Предвечного, в народном собрании позволил себе увещевать народ и самого царя вернуться на путь справедливости и предсказал, что их постигнет страшная кара, если они не последуют его увещеваниям. Умирая, Захария призвал Господа Бога в свидетели своих безвинных страданий и просил отомстить за то, что он за свой искренний совет и за все услуги, оказанные отцом его Иоасу, подвергается столь жестокой насильственной смерти.

4. Однако вскоре самому царю пришлось поплатиться за все свои правонарушения. Дело в том, что в его страну вторгся сирийский царь Азаил, опустошил и разграбил город Гитту и собрался было идти уже на самый Иерусалим. Испугавшись этого, Иоас взял все деньги, находившиеся в распоряжении храма и во дворце, а также все жертвенные дары и послал их царю сирийскому, желая этою ценою купить снятие осады и вообще личную свою безопасность. И действительно, царь сирийский прельстился этою огромною суммою и не повел своего войска на Иерусалим. Недолго спустя Иоас впал в тяжелую болезнь и был умерщвлен некоторыми друзьями Захарии, которые составили заговор с целью отомстить за смерть сына Иодая. Иоас был похоронен хотя и в Иерусалиме, однако за свои дурные наклонности не удостоился погребения в склепе своих предков. Прожил он всего сорок семь лет, а преемником его стал его сын Амасия.

5. На двадцать первом году правления Иоаса царство израильское перешло в Самарию к сыну Иуя, Иоазу, который правил в продолжение семнадцати лет и не только подражал во всем отцу своему, но и дошел в презрительном к Господу Богу отношении до таких пределов, до которых дошли все его предшественники, вместе взятые. Пошедший на него походом сирийский царь, впрочем, сильно унизил его и довел до того, что из всей огромной рати Иоазу у последнего осталось всего лишь десять тысяч пехотинцев и пятьдесят всадников. Он не только уничтожил все его войско, но и отнял у него множество крупных городов. Этому бедствию народ израильский подвергся в силу предсказания Елисея, предвещавшего Азаилу, что он убьет своего государя и станет царем сирийцев и жителей Дамаска.

Находясь в таком бедственном положении, Иоаз прибег к молитве и смирению пред Господом Богом, прося Его освободить его из-под власти Азаила и не допустить, чтобы Иоаз окончательно подпал его игу. Тогда Предвечный, который готов видеть в раскаянии своего рода выражение добродетели и охотнее предостерегает людей, чем наказывает их, решил не губить Иоазу окончательно, а освободить его от ужасов и опасностей войны. Пользуясь затем ненарушаемым миром, страна [Израильская] вскоре опять вполне оправилась и вернулась к прежнему своему благосостоянию.

6. После смерти Иоада власть перешла к его сыну Иоасу. Этот Иоас, тезка царя иерусалимского, сел на престол в Самарию на тридцать седьмом году царствования над коленом Иудовым Иоаса иерусалимского и удержал его за собою в течение шестнадцати лет. Это был человек порядочный и по характеру отнюдь не похожий на отца своего.

Когда около этого времени успевший уже сильно состариться пророк Елисей впал в болезнь, царь израильский приехал к нему в гости. Найдя старика уже при последнем издыхании, царь начал в присутствии его горько плакать и рыдать, называя его своим отцом и защитою своею, потому что, благодаря Елисею, ему, царю, никогда не приходилось прибегать к оружию против врагов, но он всегда, по его предсказаниям, без боя побеждал своих неприятелей. Теперь же, раз Елисей умрет, он тем самым оставит его на произвол страшных неприятелей, сирийцев; поэтому было бы лучше и для него самого теперь же последовать его примеру — расстаться с жизнью, так как отныне жизнь его, конечно, подвергнется всяким случайностям и опасностям. Видя царя в столь угнетенном состоянии духа, Елисей стал

успокаивать его, велел принести лук и натянуть его. Когда царь натянул лук, пророк прикоснулся к нему руками и велел стрелять. Иоас спустил подряд три стрелы и затем остановился. Тогда Елисей сказал ему: «Если бы ты спустил большее число стрел, ты в корне уничтожил бы сирийское царство; но так как ты удовлетворился тремя, то тебе суждено победить сирийцев в таком же числе битв для того, чтобы ты вернул себе назад страну, которую они отняли у отца твоего». После этого царь покинул пророка, который спустя немного времени умер, оставив после себя славу человека необычайной праведности и очевидного любимца Господа Бога. Это видно по тем изумительным и необычайным чудесам, которые он совершил благодаря присущему ему пророческому дару и которые до сих пор еще живут в воспоминаниях у евреев. Удостоился Елисей торжественного погребения, каковое приличествовало столь любимому Предвечным человеку.

Когда однажды разбойники убили какого-то человека и бросили труп его в могилу Елисея, убитый вновь ожил, прикоснувшись к телу пророка.

Вот что мы можем сообщить о пророке Елисее, о множестве предсказаний его при жизни и о присущей ему, даже после смерти его, божественной силе.

7. По смерти сирийского царя Азаила царство его перешло к его сыну Ададу, которому израильский царь Иоас объявил войну. В трех битвах последний победил Адада и отнял у него всю израильскую область со всеми городами и деревнями, которые некогда отвоевал отец Адада, Азаил. Так оправдалось [последнее] пророчество Елисея. Когда же и Иоасу наступило время умереть, то он был похоронен в Самарии, а власть перешла к его сыну Иеровоаму (Ср.: [4Цар 10.32—36](#); [4Цар 12.1—21](#); [4Цар 13.1—25](#); [2Пар 24.4—27](#).).

1. На второй год правления израильского царя Иоаса в Иерусалиме воцарился и стал править коленом Иудовым Амасия, мать которого называлась Иодадою и была родом из самого Иерусалима. Еще юношею он выказывал необычайную склонность к соблюдению справедливости. Лишь только он достиг власти, как немедленно на первых же порах решил отомстить за отца Иоаса и наказать тех его приближенных, которые подняли на Иоаса руку. Поэтому он велел схватить их всех и умертвить; но он не позволял себе при этом ни малейшего насилия по отношению к их детям, в точности следуя предписаниям Моисея, который не разрешил наказывать детей за преступления отцов. Затем он назначил смотр войску, состоявшему из молодежи в возрасте свыше двадцати лет и набранному из представителей колен Иудова и Веняминова. Таким образом он собрал войско из трехсот тысяч человек, назначил ему сотников и отправил к израильскому царю сто талантов серебра для найма ста тысяч тяжеловооруженных. С этими силами он решил пойти войною на племена амалекитян, идумеян и гавалитян. Когда он совершенно приготовился к походу и уже собирался выступить, один пророк посоветовал ему отпустить израильское войско, потому что оно состоит из нечестивцев и Господь Бог предсказывает ему поражение, если он употребит их в дело в качестве союзников, тогда как Амасия, При желании Предвечного, сможет одержать верх над врагами даже с небольшим количеством воинов. Царь был недоволен тем, что уже успел выплатить наемную плату израильтянам, но пророк все-таки убедил его поступить сообразно с желанием Господа Бога, уверяя, что Амасия значительно выиграет от этого. Тогда царь отпустил своих наемников, говоря, что дарит им их плату, а сам с собственными силами начал войну против названных племен. Победив их в битве, он перебил из них десять тысяч человек и столько же взял живьем в плен. Отведя их к высокой скале, находящейся вблизи пределов Аравии, он велел их сбросить оттуда. Кроме того, ему достались от покоренных племен значительная добыча и богатые денежные средства.

Пока Амасия действовал таким образом, отпущенные им израильские наемники рассердились за свое увольнение и, считая это увольнение позором для себя, так как иначе как недоверием к себе не могли объяснить его, напали на царство Амасии, дошли до Вифсемира⁵⁹⁰, предавая все на пути разграблению, и, захватив множество вьючного скота, перебили три тысячи человек жителей.

2. Возгордившись своею победою и военными удачами, Амасия стал забывать, что виновником этого был Господь Бог, и начал почитать тех богов, культ которых он привез с собою из страны амалекитян. Тогда к царю явился пророк и выразил ему свое удивление по поводу того, что он считает настоящими богами те божества, которые не были в состоянии ничем помочь своим всегдашним поклонникам и не смогли не только вырвать последних из-под его власти, но даже спокойно взирали на гибель множества своих почитателей и на то, что их самих забрали в плен: ведь их привезли в Иерусалим точно таким же образом, каким отвозят туда пленных неприятелей. Это заявление вызвало гнев царя, и он приказал пророку замолчать, угрожая ему в противном случае, если он будет вмешиваться не в свое дело. Жестоким наказанием. Пророк ответил, что он готов молчать, но предсказал при этом, что Господь Бог не оставит без возмездия всех начинаний царя. Между тем Амасия не умел удержаться в состоянии того благополучия, которое послал ему Предвечный, но продолжал пренебрегать Господом Богом и в своем высокомерии написал израильскому царю письмо с приглашением подчиниться ему со всем народом, подобно тому как и его колена были подчинены его предкам, Давиду и Соломону. При этом он упомянул, что, если тот не захочет подчиниться ему добровольно, дело

относительно верховной власти будет решено войною. В ответ на это Иоас написал следующее послание:

«Царь Иоас царю Амасии. На горе Ливанской стояли огромный кипарис и куст терновника. Однажды терновник обратился к кипарису с предложением отдать дочь свою за его сына замуж. И в то время, пока происходили переговоры, приходил какой-то дикий зверь и растоптал терновник. Пусть эта притча послужит тебе предостережением не тянуться за слишком высоким и в упоении того, что тебе удалось одержать на войне верх над амалекитянами, напрасно не навлекать опасность на себя и на все свое царство».

3. Получив такой ответ, Амасия еще более воспылал желанием начать войну, причем, по моему мнению, сам Предвечный побуждал его к этому для того, чтобы наказать его за все его беззакония. И вот когда он выступил со своею ратью против Иоаса и уже собирался вступить в бой, войско Амасии внезапно обуяли страх и смятение, ниспосланные разгневающимся на них Божеством, так что войско обратилось в бегство раньше вступления в бой. И в то время как люди его в страхе разбежались, Амасия увидел себя совершенно покинутым и попал в плен к врагам. Тут Иоас стал угрожать ему смертью, если он не убедит жителей Иерусалима открыть ему ворота и впустить его вместе с войском в город. В своем стесненном положении и опасаясь за жизнь свою, Амасия склонил к тому иерусалимцев. Тогда Иоас велел разрушить часть городской стены на расстоянии сорока локтей и чрез это отверстие въехал затем на колеснице в Иерусалим, ведя за собою Амасию в качестве пленника. Став таким образом хозяином города, Иоас разграбил сокровищницу храма, собрал все золото и серебро, принадлежащее Амасии и находившееся во дворце, и, освободив после этого Амасию из-под стражи, вернулся к себе в Самарию. Эта беда постигла иерусалимцев на четырнадцатый год царствования Амасии, который после этого подвергся преследованию со стороны своих приближенных, бежал в город Лахис и наконец все-таки попался в руки заговорщиков, выславших туда убийц. Тело царя было доставлено в Иерусалим и торжественно предано земле. Таким-то образом Амасия закончил жизнь свою вследствие своих новшеств и презрительного своего отношения к Господу Богу, прожив пятьдесят четыре года, в течение которых он царствовал двадцать девять лет. Преемником ему стал его сын Озия (Ср. [4Цар 14.1—14](#) и [2Пар 25.1—28](#)).

1. На пятнадцатый год правления Амасии царство Израильское перешло к сыну Иоаса, Иеровоаму, который удержал его за собою в Самарии в продолжение сорока лет. Этот царь также презрительно относился к Предвечному и был человеком крайне беззаконным, почитал вдов и предавался различным совершенно неуместным иностранным привычкам, следствием чего были неисчислимые бедствия, которые он причинил народу израильскому.

Этому Иеровоаму пророк Иона предсказал, что ему следует начать войну с сирийцами, потому что он одержит верх над их силами и расширит свои собственные владения, умножив их областями северными вплоть до города Амафа и к югу до Мертвого моря. То были в древности границы Хананеи, как их некогда определил военачальник евреев Иисус [Навин]. И действительно, предприняв поход против сирийцев, Иеровоам, сообразно предсказанию Ионы, подчинил своей власти всю их страну.

2. Обещав в точности передать события [еврейской истории], я считаю необходимым изложить все то, что я нашел об этом пророке в священных еврейских книгах.

Получив однажды от Господа Бога повеление отправиться в царство Нина и, придя в столицу последнего, объявить там, что Нин лишится власти, пророк Иона испугался и не пошел туда, но бежал от Господа Бога в город Иопу⁵⁹¹, где он нашел судно, отплывавшее в киликийский город Тарс. Он сел на него и отплыл. Когда внезапно поднялась страшнейшая буря, грозившая потопить судно, матросы, кормчий и капитан стали молиться о миновении опасности, обещая [своим богам] благодарственные жертвоприношения; Иона же спрятался в трюме и не стал делать ничего такого, что делали все остальные. Тем временем, однако, буря все усиливалась и становилась все ужаснее от поднявшегося на море вихря; тогда корабельщики, предполагая, что кто-нибудь из пассажиров является виновником такой непогоды, стали кидать жребий, чтобы в точности узнать, кто причина их бедствий. И вот жребий пал на пророка. Когда они спросили его, откуда он и ради чего он едет, то Иона отвечал, что он родом еврей и пророк Всевышнего. Вместе с тем он посоветовал им бросить его в море, если они хотят избавиться от угрожающей им опасности, ибо это он виновник бури. Корабельщики сперва не решались на такой поступок, считая нечестивым бросить на явную гибель чужеземца, да еще вдобавок доверившего им свою жизнь. Однако в конце концов их принудили к тому их собственная крайняя опасность, постоянно усиливавшаяся, то, что корабль был уже близок к окончательной гибели, а также настоятельные требования как самого пророка, так и боязнь за собственную жизнь, и они бросили его в море, после чего буря тотчас прекратилась. Существует предание, что Иона был проглочен китом и затем после трех дней и стольких же ночей, проведенных в ките, живым и здоровым изрыгнут у берегов Понта Евксинского. Испросив после этого у Господа Бога прощение в содеянных прегрешениях, пророк отправился в Ниневию и, придя туда, стал на такое видное всем место, откуда все могли его слышать, и возгласил, что [ассирийцы] спустя короткое время лишатся своей власти над Азией. После этого предсказания он возвратился восвояси. Все эти подробности об Ионе я сообщил в таком виде, как я их нашел записанными [в книгах Св. Писания]⁵⁹².

3. После того как царь Иеровоам провел свою жизнь, испытывая полную во всем удачу, он умер после сорокалетнего правления. Похоронили его в Самарии, а преемником ему стал его сын Захария. Равным образом, когда Иеровоам царствовал уже четырнадцатый год, в Иерусалиме воцарилось над двумя коленами также новое лицо, а именно Озия, сын Амасии, мать которого была Ахиала, происходившая из гражданок иерусалимских. Этот Озия был человеком прекрасного, склонного к справедливости характера, отличался великодушием и

предприимчивостью. Начав поход против филистимлян и победив их в бою, он взял штурмом города их Гитту и Иамнию и разрушил стены их до основания. После этого похода он предпринял экспедицию против живших по соседству с Египтом арабов, основал там на берегах Чермного моря город и оставил в нем гарнизон. Затем он подчинил себе амманитян, наложил на них определенную дань и, покорив всю страну до границ Египта, обратил затем всю энергию свою на заботы о благоустройстве Иерусалима. Так, например, все те части городских стен, которые обрушились либо от времени, либо от нерадения предшествующих царей, он отстроил или соорудил вновь, равно как ту часть стены, которая была низвергнута царем израильским, когда тот захватил в плен отца его Амасию и вошел в город. Вместе с тем Озия построил также множество башен в полтора-два локтя высоты, воздвиг ряд сильных крепостей в пустынных местах и заложил множество водоемов. У него было несчетное количество вьючного и всякого другого скота, потому что та местность была особенно пригодна для скотоводства.

Будучи любителем земледелия, царь сильно озаботился обработкою почвы и велел засадить ее всевозможными растениями и злаками. Отборного войска у него было триста семьдесят тысяч человек, над которыми были поставлены, в количестве двух тысяч, храбрые и отличавшиеся непомерною физическою силою военачальники, командиры и тысяцкие. Все войско царь разделил на определенные отряды и дал каждому солдату по мечу, по медному щиту и кольчуге, луку и праще. Сверх того Озия занялся также сооружением множества осадных орудий, катапульт, баллист, таранов, осадных крюков и т.п.

4. Пользуясь таким благополучием и такими удачами, царь сильно возгордился и, вознесясь, благодаря своему скоропреходящему счастью, над тем, что вечно и навсегда сохраняет свою силу, а именно над благочестием и над соблюдением божественных постановлений, он пошатнулся в своем положении и впал в прегрешения отца своего, к которым и последнего привели блестящие успехи и величие власти, хотя он и не сумел удержаться на своей высоте. Когда однажды наступил день торжественного всенародного праздника, царь вздумал облачиться в священническое одеяние и войти в святилище, чтобы там принести жертву Господу Богу на золотом алтаре. Но этому воспротивились первосвященник Азария и бывшие при нем восемьдесят священнослужителей, говоря, что это право принадлежит лишь потомкам рода Ааронова, и с громким криком требовали, чтобы царь удалился и не поступал противно велениям Предвечного. Царь разгневался и стал угрожать священникам смертью, если они не замолчат. Вдруг почва содрогнулась от сильного землетрясения, облака разделились и блестящий луч солнца скользнул между ними и ударил в глаза царю, так что последний мгновенно заболел проказою, а вблизи города, в том месте, которое именуется Ерогою⁵⁹³, отделилась половина скалы, обращенной к западу, прокатилась на расстоянии четырех стадий к востоку и навалилась на такое место, где находились царские дороги и парк, и засыпала их. Священники же, увидев, что проказа появилась на глазах царя, объявили ему об этом бедствии и приказали ему, как нечистому, покинуть город. Пристыженный постигшим его ударом и потрясенный тем, что ему уже более не придется оправиться, Озия повиновался этому приказанию и увидел в этом ужасном несчастье тяжкое возмездие за свое высокомерие по отношению к людям и за свои беззакония относительно Предвечного. Некоторое время он еще прожил как частное лицо за пределами города, и тогда сын его Иофам правил за него. Наконец он умер от горя и отчаяния по поводу приключившегося с ним несчастья, прожив всего шестьдесят восемь лет, из которых был царем в продолжение пятидесяти двух. Похоронен он был в своем собственном саду, в отдельной могиле (Ср.: [4Цар 14.23—27](#); Иона 1.1 — Иона 4.1; [4Цар 15.28—29](#) и [2Пар 26.1—23](#)).

1. Процарствовав над израильтянами в течение шести месяцев, сын Иеровоама, Захария, пал от руки злоумышленника, бывшего своего друга Селлума, сына Иависа. Этот Селлум овладел после его смерти престолом, но не удержался на нем дольше тридцати дней. Дело в том, что находившийся в то время в городе Фарсе военачальник Манаим, узнав о постигшем Захарию несчастном случае, отправился со всем своим войском в Самарию, где вступил в бой с Селлумом и убил его, а затем, провозгласив себя царем, направился оттуда к городу Фарсу. Жители этого города заперли пред ним ворота города и не впускали его к себе. Тогда царь, желая отомстить им, предал разорению всю окрестную местность, затем осадил город, взял его приступом и в гневе своем на поступок жителей перебил их всех, не щадя даже младенцев и не останавливаясь пред крайнею жестокостью и разнузданностью, что не может быть прощено даже при покорении иноземцев, не говоря уже о том случае, когда война ведется с единоплеменниками. Воцарившись таким образом, Манаим правил в продолжение десяти лет, являясь грубым и более всех своих предшественников жестоким человеком. Впрочем, когда на него пошел войною ассирийский царь Фулл⁵⁹⁴, то он не вступил с ассирийцами в борьбу, но путем уплаты тысячи талантов серебра побудил их удалиться и тем прекратить войну⁵⁹⁵. Упомянутую сумму Манаим собрал у народа, обложив его поголовно податью в пятьдесят драхм⁵⁹⁶ с человека. Вскоре затем Манаим умер и был похоронен в Самарии. Преемником себе он оставил своего сына Факею, который, не уступая отцу своему в жестокости, правил лишь в течение двух лет. Он пал во время пира от руки составивших против него заговор приближенных, причем во главе этого заговора стоял тысяцкий Факей, сын Ромелия. Таким образом власть перешла к этому Факею, и он удержал ее за собою в продолжение двадцати лет, отличаясь крайним безбожием и противозаконными наклонностями. При нем ассирийский царь Феглафалассар пошел войною на израильтян, подчинил себе всю область галаадскую, а также местности за Иорданом и соседние с ними земли, носящие название Галилеи, Кидисы и Асоры, забрал в плен [всех] жителей и увел их в свое царство⁵⁹⁷.

Но пока довольно об этом ассирийском царе.

2. Тем временем в Иерусалиме правил над коленом Иудовым сын Озии, Искрам, мать которого происходила из жительниц Иерусалима и называлась Иерасою. Этот царь отличался всякого рода добродетелями, был благочестив по отношению к Предвечному и справедлив к людям, а также обратил особенное внимание на заботы о городе. Все то, что здесь нуждалось в исправлении или украшении, он усердно починал, восстановил портики и преддверия храма, велел починить обрушившиеся части стен и снабдить их огромными и неприступными башнями и вообще обратил свое внимание на все то, что в его царстве нуждалось в исправлении. Он пошел также войною против аммонитян и, победив их в бою, наложил на нихежегодную дань в размере ста талантов, десяти тысяч мер ржи и стольких же мер пшеницы. Таким образом он настолько поднял престиж своей власти в глазах врагов, что они не решались относиться к ней пренебрежительно и что подданные его считали себя вполне счастливыми.

3. В это время жил и некий пророк по имени Наум, который провозгласил следующее предсказание относительно гибели ассирийцев и их города Ниневии: «Ниневия уподобится водоему, поверхность которого придет в движение от сильного вихря. Подобно воде его, и весь народ в смятении и расстройстве обратится в беспорядочное бегство, причем люди будут говорить друг другу: «Остановитесь же, постоит; спасите свое золото и серебро». Но тогда не найдется [среди них] ни одного желающего сделать это, потому что они скорее захотят спасти свою жизнь, чем имущество. Между ними поднимутся страшные распри и слезы, тела их

обессилятся, и от страха в конце концов помутятся взоры. Где тогда будет логовище львов и куда денется мать молодых скимнов? Ниневия, тебе говорит Господь Бог: Я уничтожу тебя совершенно, и из тебя более не будут исходить львы, подчиняющие себе вселенную». Еще множество другого в этом роде предсказал пророк относительно Ниневии, чего я, однако, не считаю нужным приводить и что я опустил, чтобы не утомлять читателей. Все эти предсказания пророка о судьбе Ниневии действительно оправдались полтора столетия спустя. Но пока довольно об этом [598](#).

1. Царь Иофам умер сорока одного года от роду, после шестнадцатилетнего правления, и был погребен в царской усыпальнице. Царство перешло к сыну его Ахазу, который был большим богоотступником и подражал царям израильским в нарушении божеских заповедей; он воздвиг в Иерусалиме алтари, на которых приносил жертвы идолам. По хананейскому обычаю он принес этим идолам в жертву даже своего собственного сына и совершал вообще много других подобных безобразий. Во время такого его безумствования на него пошли войною сирийский и дамаский царь Арас⁵⁹⁹ и связанный с ним узами дружбы израильский царь Факей, заперли его в Иерусалиме и долгое время осаждали последний, не будучи в состоянии ничего поделаться с городом, благодаря укреплённости его стен. Между тем сирийский царь взял лежащий у Чермного моря город Элаф⁶⁰⁰, перебил всех жителей его и поселил там сирийцев. Равным образом он истребил также еврейские гарнизоны в крепостях и в окрестных областях и, захватив огромную добычу, вернулся затем со своим войском в Дамаск. Тем временем царь иерусалимский узнал, что сирийцы возвратились восвояси, и, считая себя в силах бороться с царем израильским, повел против него свое войско и вступил с ним в бой, но при этом был побежден вследствие гнева Предвечного, который был раздражен его многими и великими беззакониями. В тот день пало сто двадцать тысяч человек от руки израильтян, предводитель которых, Захарис, убил в бою сына царя Ахаза, Амасию, и взял в плен главного царского советника Ерику и военачальника колена Иудова Елкана. Неприятелям удалось захватить из колена Веняминова множество женщин и детей и вернуться с богатою добычею в Самарию.

2. Некий пророк Одида, который в то время жил в Самарии, вышел за городские ворота навстречу возвращавшемуся войску и громким голосом объявил, что израильтяне одержали свою победу не вследствие присутствия им силы, но вследствие гнева, который Господь Бог питает против царя Ахаза. При этом он стал укорять войско в том, что оно не удовлетворилось победою над Ахазом, но дерзнуло захватить в плен своих соплеменников, принадлежащих к коленам Иудову и Веняминову; поэтому он посоветовал отпустить этих пленных невредимыми на родину, ибо в противном случае они навлекут на себя кару Божию. Тогда народ израильский собрался на совещание относительно этого предложения пророка. Тут один из наиболее влиятельных в государстве людей по имени Варахия, в сообществе трех других граждан, заявил, что, по их мнению, не следует позволять войскам ввести этих пленных в город, «дабы мы, - продолжал он дословно, - не подверглись поголовному истреблению со стороны Предвечного. Ведь мы, как нас [справедливо] упрекают пророки, уже совершенно достаточно нагрешили по отношению к Нему, так что к старым беззакониям нашим нечего прибавлять новых».

Услышав это, солдаты предоставили собранию решить вопрос по его усмотрению. Тогда вышеназванные лица освободили пленников от оков, окружили их всевозможною заботливостью, дали им продовольствие на обратный путь ипустили их невредимыми на родину. Вместе с тем четверо человек сопровождали их во время пути вплоть до Иерихона, который находится недалеко от Иерусалима, и затем только вернулись к себе в Самарию.

3. Потерпев со стороны израильтян такое поражение, царь Ахаз отправил к ассирийскому царю Феглафалассару посольство с просьбою оказать содействие в предпринимаемой им войне против израильтян, сирийцев и жителей Дамаска. За это Ахаз обещал ассирийскому царю значительную сумму денег, а пока послал ему блестящие подарки⁶⁰¹. Ассирийский царь принял предложение прибывшего к нему посольства, вступил в союз с Ахазом и, предприняв поход против сирийцев, опустошил их страну, приступом взял город Дамаск, убил сирийского царя

Араса и, переселив жителей Дамаска в верхнюю Мидию, перевел на место их в Дамаске колонию из нескольких ассирийских племен. Нанеся этим значительный урон также стране израильтян, он захватил там множество военнопленных. Отплатив таким образом сирийцам, царь Ахаз собрал все золото, которое находилось в царской сокровищнице, серебро, принадлежавшее храму Господнему, и наилучшие жертвенные приношения и с этим поехал в Дамаск. Там он передал все эти ценности ассирийскому царю согласно уговору и, выразив ему за все свою сердечную признательность, вернулся потом в Иерусалим. Однако этот царь Ахаз был настолько безрассуден и настолько мало обращал внимание на собственную свою выгоду, что, несмотря на новую войну с сирийцами, он не только не оставил поклонения их богам, но продолжал почитать их, как будто бы они должны были когда-нибудь даровать ему победу. Но когда он подвергся со стороны сирийцев новому поражению, то стал поклоняться божествам ассирийским и стал гораздо усерднее почитать их, чем своего собственного истинного Бога, гнев которого на него и был причиной этого его поражения. Он дошел даже до такого пренебрежительного и наглого отношения [к Господу Богу], что распорядился наконец совершенно запретить храм, запретил приносить Предвечному установленные жертвы и присвоил себе все жертвенные приношения. Оскорбив таким образом Всевышнего, он умер, прожив тридцать шесть лет и процарствовав из них шестнадцать. Преемником себе он оставил сына своего Езекию (Ср. [4Цар 16.1—20](#) и [2Пар 28.1—27](#)).

1. Около того же самого времени умер и израильский царь Факей⁶⁰² от руки составившего против него заговор приближенного своего Осии, который захватил престол и удерживал его за собою в течение девяти лет, отличаясь гнусным поведением вообще и презрительным отношением к Предвечному в частности. На него пошел войною ассирийский царь Салманасар⁶⁰³, победил его (так как Осия не имел в Господе Боге расположенного к нему союзника), подчинил его своей власти и наложил на него определенную дань.

На четвертый год правления Осии воцарился в Иерусалиме Езекия, сын Ахаза и иерусалимской гражданки Авгии. По природе своей это был человек добропорядочный, справедливый и богобоязненный. С первого же дня вступления своего на престол он стал считать самым необходимым и полезным как для себя лично, так и для своих подданных поклонение Господу Богу. Поэтому он призвал в собрание народ, священников и левитов и обратился к ним со следующей речью:

«Вам неизвестно, сколь многим тяжким бедствиям подверглись вы, благодаря прегрешениям отца моего, нарушившего святость истинного богопочитания, испортившего ваши нравы и склонившего вас к поклонению тем идолам, которых он сам считал божествами. Поэтому я умоляю вас, убедившихся на собственном опыте в том, как ужасно безбожие, забыть теперь обо всем этом и очистить себя от прежних осквернений, а священников и левитов приглашаю соединенными силами вновь открыть храм и, очистив его обычными жертвоприношениями, восстановить его в ему присущем древнем блеске и почете. Только таким образом мы сможем вновь снискать расположение к нам Предвечного, который при таких только условиях переменит свой гнев против нас на милость».

2. После этой речи царя священнослужители вновь открыли храм, привели затем в порядок всю священную утварь, удалили все, что оскверняло святиню, и приступили к обычным жертвоприношениям на алтаре. Затем царь разослал по всей стране приглашения для созыва народа в Иерусалим, чтобы отпраздновать праздник опресноков, который долго уже не праздновался, благодаря беззакониям вышеупомянутых царей. Вместе с тем он обратился с таким же приглашением и к израильтянам, уговаривая их оставить свой прежний образ жизни и вернуться к древним обычаям и почитанию истинного Бога. Он охотно готов был разрешить им доступ в Иерусалим, чтобы отпраздновать торжество опресноков и принять участие в торжественном богослужении. Это, говорил он, советует он им не для того, чтобы подчинить их своей власти, чего они, конечно, не желают, но ради их собственного блага, так как тем самым они будут споспешествовать своему собственному блаженству.

Однако израильтяне, когда прибыли к ним посланные и передали им приглашение царя, не только не приняли последнего, но даже стали глумиться над посланными, как над безумцами. Равным образом они стали поносить также и пророков, которые советовали им принять приглашение и предсказывали им различные бедствия, если израильтяне не образумятся и не вернуться на путь истинного богопочитания; наконец они схватили их и умертвили. И при этом они не удовлетворились всеми этими беззакониями, но впали в еще более гнусные преступления, которые оставили не раньше, чем когда Господь Бог наказал их за их безбожие тем, что отдал их во власть врагов. Впрочем, об этом у нас рассказ еще впереди. Однако многие представители колен Манассиева, Завулонова и Исахарова вняли увещаниям пророков и вернулись на путь благочестия. Все они отправились в Иерусалим к Езекии, чтобы там поклониться Господу Богу.

3. Когда они прибыли [в Иерусалим], царь Езекия в сопровождении старейшин и всего

народа вступил в храм и принес от своего лица жертву из семи быков и стольких же овнов, ягнят и козлов. Возложив на головы этих животных руки свои, царь и старейшины передали их для заклания священнослужителям. Последние принесли из них жертву всесожжения, а стоявшие кругом их левиты под аккомпанемент своих музыкальных инструментов запели гимны и псалмы в честь Господа Бога, как тому некогда научил их Давид, тогда как остальные священники затрубили в трубы в ответ на это пение. После этого царь и весь народ с ним пали ниц и поклонились Всевышнему. Затем царь велел принести в жертву еще семьдесят быков, сто овнов и двести ягнят и подарил народу для устройства жертвенного пира шестьсот быков и три тысячи голов прочего рогатого скота. Затем священники поступили во всем сообразно закону, а царь в радости своей стал пировать с народом и выражать свою благодарность Господу Богу. Когда же несколько спустя наступил праздник опресноков, они приступили к так называемым пасхальным жертвоприношениям, а также приносили в течение семи дней все остальные жертвы. Царь по этому поводу подарил сверх тех жертвенных животных, которых народ заклал сам от себя, еще две тысячи быков и семь тысяч голов мелкого рогатого скота. Его примеру последовали и старейшины, которые подарили народу тысячу быков и тысячу сорок штук мелкого скота. Таким образом, тогда в первый раз после царя Соломона был столь блестяще и торжественно отпразднован этот праздник. Когда же окончились праздничные дни, народ покинул город и приступил к очищению всей страны; также и самый город подвергся очищению от идолов. Вместе с тем царь велел приносить, сообразно закону, ежедневные жертвы из его собственных средств, определив, чтобы народ платил священникам и левитам десятину и доставлял им первые плоды свои, дабы [священнослужители] могли вполне предаться богослужению и ничем не были стеснены в культе Предвечного. Ввиду этого народ собрал для священников и левитов всевозможного рода плоды, а царь распорядился соорудить для этих приношений склады и амбары, откуда и выдавал содержание каждому из священников и левитов с их семьями. Таким образом они опять вернулись на путь прежнего своего богопочитания.

Устроив все это вышесказанным образом, царь пошел войною на филистимлян и, победив их, овладел всеми неприятельскими городами между Газфою и Гиттою. Вместе с тем царь ассирийский послал к нему посольство с угрозою, что он совершенно отнимет у царя иерусалимского власть, если последний не уплатит дани, которую начал выплачивать ему отец его. Однако царь Езекия не обратил особенного внимания на эти угрозы, но уповал на свое собственное благочестие и на пророка Исаию, от которого он всегда в точности узнавал будущее. Впрочем, сказанного об этом царе пока довольно (Ср. [4Цар 17.1—3](#); [2Пар 29.1—33](#)).

1. Когда ассирийскому царю Салманасару было объявлено, что израильский царь Осия отправил тайное посольство к египетскому фараону Сою⁶⁰⁴ с предложением вступить с ним в союз против Салманасара, последний сильно разгневался и пошел войною на Самарию, на восьмом году правления Осии. Но так как царь Осия оказал ему сопротивление, то Салманасар подверг Самарию осаде и лишь по истечении трех лет взял город приступом (это произошло, значит, на девятый год царствования Осии и седьмой год правления царя Езекии над иерусалимцами)⁶⁰⁵. При этом Салманасар окончательно уничтожил царство Израильское, а весь народ переселил в Мидию и Персию⁶⁰⁶. В числе прочих военнопленных в руки его попался также живьем и царь Осия. В Самарию и страну Израильскую Салманасар перевел на жительство другие племена, а именно хуфейцев, называвшихся так по области Хуф, имя которой производится от персидской реки того же названия⁶⁰⁷.

Таким образом девяти коленам израильским пришлось выселиться из Иудеи спустя девятьсот сорок семь лет после занятия этой страны их вышедшими из Египта предками и спустя восемьсот лет после предводительствования ими Иисуса [Навина]. С момента же отпадения израильтян от внука Давидова, Ровоама, и передачи страны Иеровоаму прошло, как у меня выше указано, двести сорок лет семь месяцев и семь дней. Такой именно конец постиг царство Израильское за то, что израильтяне преступали божеские законы и ослушались пророков, которые заранее предсказали им такое бедствие, если они не оставят своих прегрешений. Началом всех их бедствий было восстание, в котором они отпали от внука Давидова, Ровоама, и выбрали царем своим раба Ровоамова, Иеровоама, который своими прегрешениями и тем, что побудил их последовать своим собственным беззакониям, восстановил против них Предвечного. Впрочем, он подвергся заслуженной каре.

2. Между тем царь ассирийский пошел войною также на всю Сирию и Финикию, так что имя его встречается в тирийских летописях. Нападение свое на город Тир он совершил в то время, как там правил царь Елулей. Об этом имеется также свидетельство Менандра, который был летописцем и перевел тирийские хроники на греческий язык. Он [между прочим] пишет следующее:

«И Елулей, который носил у своих подданных имя Пиаса, царствовал тридцать шесть лет. Когда от него отпали киттейцы, то он напал на них с моря и подчинил их вновь своей власти. К ним ассирийский царь отправил затем посольство и после этого объявил всей Финикии войну, но потом заключил мир со всеми и вернулся назад в свою страну. Но при этом от Тира отпали Сидон, Арка, древний Тир и множество других городов, передавшихся царю ассирийскому. Поэтому, так как сами тирийцы не желали подчиниться ему, царь ассирийский вновь пошел на них войною, получив от финикийцев в виде подкрепления шестьдесят кораблей и восемьсот гребцов. Против них тирийцы двинулись на двенадцати кораблях, рассеяли флот противников и захватили до пятисот военнопленных. Этим подвигом все тирийцы стяжали себе громкую славу. Однако царь ассирийский при своем возвращении выставил у реки и у водопроводов стражу, на обязанности которой лежало мешать тирийцам пользоваться водою. Такому стеснению жители Тира подвергались в продолжение пяти лет и должны были пользоваться водою из специально в течение этого времени вырытых колодцев».

Вот это-то именно и записано в тирийских летописях относительно ассирийского царя Салманасара.

3. Между тем переселенные в Самарию хуфейцы (этим именем они пользуются до сих пор вследствие прибытия своего из страны, носящей название Хуфы, находящейся в Персии, где

имеется и река того же имени) принесли с собою в Самарию культ пяти отдельных божеств по числу племен и стали почитать их по своему собственному ритуалу. Этим они возбудили против себя сильнейший гнев Всевышнего Бога. Последний поразил их чумою⁶⁰⁸, которая истребляла их во множестве, и так как они нигде не могли найти средства против этого бедствия, то им, на основании одного пророчества, пришлось прибегнуть к почитанию Всевышнего, который один только мог спасти их. Ввиду этого они отправили к ассирийскому царю посольство с просьбою прислать им из числа взятых во время войны в плен израильтян нескольких священников. Когда царь исполнил их просьбу, хуфейцы научились у последних настоящему богопочитанию и стали ревностно молиться Предвечному, после чего немедленно избавились от чумы. Этих обычаев хуфейцы, как они называются по-еврейски, тогда как на греческом языке они носят имя самарян, держатся еще и поныне. Впрочем, они отличаются большим непостоянством: когда они видят, что дела иудеев идут хорошо, они называют себя их ближайшими соплеменниками и указывают на свое родство с иудеями по совместному с последними происхождению от Иосифа; если же видят, что дела иудеев пошатнулись, то уверяют, будто у них нет решительно никаких отношений к иудеям, ничего с ними ни по характеру, ни по происхождению, потому что они-де сами являются чужеземными переселенцами. Но об этих хуфейцах нам придется еще при случае поговорить подробнее⁶⁰⁹.

Предисловие

Эта книга рассказывает о последних десятилетиях ассирийской экспансии в Палестине и соседних странах, возвышении Ново-Вавилонского царства и его ожесточенной борьбе с Египтом за господство в регионе. Иудейское царство вынуждено было подчиняться сильным захватчикам. Непрерывные войны разорили Палестину. Здесь Иосиф Флавий кроме Ветхого Завета использовал данные Геродота, Бероса, Мегасфена и других древних авторов. С XIX в. стали известны летописи ассирийских и ново-вавилонских царей, египетские документы, которые подробно рассказывают о борьбе сильных держав за Восточное Средиземноморье. Интересный материал запечатлен и на многих ассирийских рельефах. Их данные не только подтверждают и уточняют содержание исторических книг Библии, но и значительно его дополняют.

1. Уже на четырнадцатый год правления царя Езекии над двумя еврейскими коленами [610](#) царь ассирийский, Сенахирив [611](#), во главе огромного войска пошел на Езекию войною и взял приступом все города колен Иудова и Веняминова [612](#). Затем, когда он собрался повести свое войско против Иерусалима, Езекия предупредил это, послал к нему посольство с обещанием подчиниться добровольно и платить дань, какую ему будет благоугодно наложить на него. Узнав о предложении, с которым явилось посольство, Сенахирив решил прекратить войну, принял сделанное предложение и выразил желание, получив триста талантов серебра и тридцать золота, заключить мир, причем дал послам клятвенное обещание вернуться теперь восвояси и при этом не причинять стране никакого вреда [613](#). Этому обещанию Езекия поверил, собрал все свои деньги и отправил их ассирийскому царю в расчете, что теперь он освободится от войны и не станет более подвергать свое царство опасности. Между тем ассириец взял деньги, но и не подумал сдержать данное обещание, а, отправившись сам войною на египтян и эфиопов, оставил своего военачальника Рапсак [614](#) с двумя другими полководцами во главе огромного войска под Иерусалимом для разрушения этого города. Имена этих двух полководцев были Фарата и Анахарис.

2. Придя к стенам Иерусалима и расположившись тут лагерем, полководцы ассирийские отправили к Езекии приглашение явиться к ним для личных переговоров. Царь из боязни за себя не сделал этого, но послал вместо себя трех преданнейших друзей своих, главного советника государства Елиакима, Совнея и канцлера Иоаха [615](#). Итак, эти мужи отправились в ассирийский лагерь и предстали пред военачальниками неприятельского войска. Увидя их, полководец Рапсак велел им возвратиться [в Иерусалим] и сказать Езекии, что великий царь Сенахирив спрашивает последнего, в уповании на что и в какой такой надежде он избегает признать его своим государем, почему он не желает послушаться его и не впускает его войско в свой город? Или, быть может, он надеется на египтян, рассчитывая при их помощи усилить свою боевую способность? Если он рассчитывает на это, то пусть они объяснят ему, что он действует безумно и уподобляется человеку, который при падении своем опирается на надломленный камыш [616](#) и таким образом портит себе только руку. Езекия должен знать, что Сенахирив предпринимает этот поход против него по специальному желанию Предвечного, который предоставил ассирийскому царю царство израильское на разрушение, дабы таким же образом погибли и подданные Езекии. Так как Рапсак говорил все это по-еврейски (он владел этим языком), то Елиаким, опасаясь, что народ услышит его, испугается и очень смутится, стал просить его говорить по-сирийски [617](#). Но полководец понял вполне его мысль и опасения и поэтому продолжал свою речь особенно громким и внятным голосом, сказав по-еврейски же следующее: [618](#)

«Пусть все услышат о желании моего государя и сообразно с этим, выбрав себе наиболее подходящее, сдадутся нам. Очевидно, что как вы, так и царь ваш старается удержать на своей стороне народ, питая его пустыми надеждами. Если же вы смелы и рассчитываете отразить наше войско, то я готов предоставить в ваше распоряжение две тысячи своих собственных коней, вы же посадите на них соответственное количество своих всадников и покажите свою силу. Однако вы не в состоянии дать то, чего у вас нет. Поэтому, чего же вы еще медлите сдать нам, более сильным и имеющим возможность взять вас и против нашей воли? Знайте ведь, что добровольная сдача не представляет для вас опасности, тогда как вынужденная война явится для вас опасным источником всевозможных бедствий».

3. Услышав эту речь ассирийского полководца, как народ, так и посланные передали ее

содержание Езекии. В ответ на это последний снял с себя свое царское облачение, облекся в рубище и, по древнему обычаю приняв вид смиренного грешника, пал ниц перед Господом Богом и стал молить Его об оказании помощи в такую минуту, когда у него нет более надежды на спасение откуда бы то ни было. Вместе с тем он послал нескольких приближенных своих и священников к пророку Исаии с просьбою помолиться Всевышнему и, принеся жертвоприношения за общее их спасение, умолиť Предвечного сокрушить надежды врагов и смилостивиться над его народом. Пророк поступил сообразно этому и по повелению Господа Бога успокоил затем как самого царя, так и приближенных друзей его, предсказав им, что врагам придется без боя отступить после позорного поражения и оставить свое настоящее высокомерие, ибо Господь Бог позаботится о том, чтобы они погибли. Равным образом и сам ассирийский царь Сенахирив ошибается в своих расчетах относительно Египта и, предсказал он, на возвратном пути домой сам погибнет от меча.

4. В то же самое время царь ассирийский прислал Езекии письмо, в котором называл его безумцем, если он думает избежать подчинения ему, который покорил своей власти много великих народов. При этом Сенахирив грозил окончательно загубить его, если он попадется ему в руки и если добровольно не откроет пред его войском ворот Иерусалима и не впустит его в город. Прочитав это послание, Езекия, однако, не обратил на него никакого внимания, потому что уповал на Господа Бога; свернув письмо, он сложил его в храме. И вот, когда он вторично помолился Предвечному, моля его о спасении города и всех его жителей, пророк Исаия объявил ему, что Господь внял его мольбам и что в скором времени прекратится осада ассирийцев, что на будущее время евреи совершенно безбоязненно смогут заниматься земледелием и, не страшась ничего, мирно делать свое дело. Действительно, немного спустя, ассирийский царь, потерпев неудачу в своей египетской экспедиции, должен был без успеха вернуться восвояси и притом по следующей причине. Потеряв много времени за осадю Пелузиума⁶¹⁹ и уже достроив осадный вал, который он велел соорудить на одинаковой вышине с городскими стенами, чтобы затем свободно взять город приступом, Сенахирив получил известие, что на помощь египтянам идет во главе большой рати эфиопский царь Фарсика⁶²⁰, причем поход его совершался по пустыне и он внезапно вторгся в Ассирию. Смутьившись при этом известии, царь Сенахирив, как я уже упомянул, покинул Пелузиум и, не окончив начатого дела, вернулся домой.

Об этом Сенахириве рассказывает и Геродот во второй книге⁶²¹ своей «Истории», что этот царь пошел войною против египетского фараона, который был жрецом бога Гефеста⁶²², и, осадив Пелузиум, снял осаду по следующей причине: царь египетский обратился к своему богу с молитвою, которую бог услышал и наслал на арабов⁶²³ бедствия. Тут [очевидно] Геродот находится в заблуждении, называя царя Сенахирива не ассирийским, но арабским государем⁶²⁴. Итак, Геродот рассказывает, что множество мышей в течение одной ночи перегрызли луки и остальное оружие ассирийцев, так что царь последних, не имея более оружия, увел свое войско из-под Пелузия. Так повествует Геродот. Берос же⁶²⁵, который написал историю Халдеи, упоминает о царе Сенахириве как о правителе ассирийском и о том, что он воевал со всею Азиею и с Египтом.

5. Вернувшись из похода против египтян в Иерусалим, он соединил там свое войско с ратью, бывшею под начальством Рапсака (и подвергшеюся опасности совершенно погибнуть от чумы). Дело в том, что Господь Бог наслал на это войско чуму, от которой в первую же ночь после его возвращения⁶²⁶ погибло сто восемьдесят пять тысяч человек вместе со своими военачальниками и таксиархами. Это бедствие повергло царя в неописанный ужас, и он, испугавшись за все свое войско, бежал с остатками его в свое царство, в город Ниневию. Тут он прожил, однако, недолго⁶²⁷, пав от руки своих собственных старших сыновей, Адрамелеха и

Сарасара⁶²⁸, в своем собственном храме, носившем название Араска⁶²⁹. После этого отцеубийцы бежали от ярости своих сограждан в Армению⁶³⁰, а на престол вступил сын Сенахирива, одинаково с братьями ненавидевший его, Ассараходд⁶³¹. Таков был конец похода ассирийцев на жителей иерусалимских (Ср.: [4Цар 18.13—36](#); [4Цар 19.1—37](#); [2Пар 32.1—4:2Пар 32.20—22](#) и [Ис 36.1—21](#), [Ис 37.1—38](#)).

1. Освободившись столь необыкновенным образом от грозившей ему опасности, царь Езекия приступил совместно со всем народом к принесению благодарственных жертв Господу Богу, потому что он отлично понимал, что враги погибли и удалились из-под Иерусалима из страха гибели не по какой другой причине, а только вследствие оказанной ему, Езекии, поддержки со стороны Предвечного. Отличаясь и далее всяческим рвением и усердием в деле истинного богопочитания, он, однако, немного спустя впал в тяжкую болезнь, так что врачи совершенно отчаялись в его исцелении и приближенные уже более не рассчитывали на благополучный исход. К этой болезни присоединилось еще страшное душевное расстройство царя, которое было вызвано его мыслью о своей бездетности и о том, что ему придется умереть, не оставив после себя потомства и не дав престолу законного наследника. Особенно тяжело и жестоко страдая от этой мысли, царь обратился к Всевышнему с мольбою даровать ему еще немного времени жизни, дабы он мог дождаться потомства, и позволить ему расстаться с жизнью не раньше, чем он станет отцом. Господь Бог смилостивился над ним и внял его молитве, так как Езекия ведь печалился о предстоящей ему теперь смерти и просил продления срока жизни не потому, что боялся потерять личные блага, связанные с царствованием, а потому, что желал оставить после себя детей, которые смогли бы стать его преемниками по престолу. Поэтому Всевышний послал к Езекии пророка Исаию с поручением передать ему, что царь оправится от своей болезни через три дня, что он проживет после этого еще пятнадцать лет и что у него родятся дети. Когда пророк возвестил согласно повелению Господа Бога об этом царю, то последний, вследствие болезни и невероятности предсказания, отнесся к нему с недоверием и просил Исаию явить какое-нибудь необычайное чудо, дабы он мог поверить, что его сообщение исходит от Предвечного: необычайные и совершенно неожиданные вещи могут быть подкреплены лишь подобными чудесными явлениями. На вопрос пророка, какого он желает чуда, царь попросил сделать так, чтобы, когда на [солнечных] часах тень пройдет десять делений, она вернулась на прежнее место и прошла этот путь вторично. Пророк обратился к Господу Богу с молитвою явить царю просимое чудо, и последний вскоре увидел, что желание его исполнилось. Вскоре затем он оправился от болезни, поспешил в храм и пал ниц пред Всевышним, благодаря его за свое исцеление.

2. Около того же самого времени царство ассирийское было уничтожено мидийцами⁶³², о чем я расскажу подробнее в другом месте. Тогда вавилонский царь Валада⁶³³ отправил к Езекии посольство с дарами и предложением заключить с ним дружественный союз. Езекия любезно принял и угостил послов, показал им свои сокровищницы и арсенал, а также другие свои богатства, состоявшие из драгоценных камней и золотых предметов, и отпустил их с подарками к Валаде. Когда к царю пришел пророк Исаия и спросил его, откуда прибыли послы, то Езекия отвечал, что они прибыли от вавилонского царя и что он показал им все с тою целью, чтобы они, увидев его богатства, вывели из этого заключение о его могуществе и сообщили об этом своему государю. Но пророк возразил на это:

«Знай, что в скором времени все это твое богатство перейдет в Вавилон и что потомки твои станут евнухами, потеряв свое отличие от мужчин, и слугами царя вавилонского. Так предсказывает Господь Бог». Крайне опечаленный этими словами, Езекия сказал, что очень бы желал предохранить народ от такого бедствия, но так как решения Предвечного неизменяемы, то он просит лишь сохранить мир на время его жизни.

Об этом вавилонском царе Валаде упоминает и Берос. А тот пророк (Исаия), который, по общему признанию, был человеком боговдохновенным и необычайно правдолюбивым, в

сознании, что он не сказал решительно ни малейшей неправды, оставил все свои предсказания записанными в книгах, для того чтобы позднейшие поколения могли проверить их действительность. Впрочем, не один только этот пророк, но еще двенадцать других поступили таким же образом, и потому у нас не случается ничего, ни хорошего, ни дурного, что бы не было в соответствии с их предсказаниями. Но о каждом из этих пророков нам впоследствии еще придется упомянуть [634](#).

1. Прожив указанное время, в течение которого он наслаждался полным миром, царь Езекия умер пятидесяти четырех лет от роду, на двадцать девятом году своего правления. Преемником его по престолу стал его сын Манассия, мать которого была Ахива⁶³⁵, иерусалимская гражданка. Этот Манассия не следовал примеру отца своего и начал вести совершенно другой образ жизни, обнаруживая всякого рода гнусности и не упуская случая проявлять свое богохульство. Подражая беззакониям царей израильских, погибших вследствие своих прегрешений относительно Предвечного, он дерзнул осквернить как храм Господа Бога, так и город Иерусалим и всю страну свою. Побуждаемый презрением к Всевышнему, он велел подвергнуть жестокой смертной казни всех праведников среди евреев; при этом он, конечно, не пощадил и пророков и, убивая их по нескольку ежедневно, учинил такую резню, что кровь лилась потоком по Иерусалиму. В сильнейшем гневе на это Господь Бог послал к царю и народу пророков, устами которых стал грозить им теми же самыми бедствиями, которым пришлось подвергнуться их братьям израильтянам, глумившимся над Ним. Но народ не поверил их словам, послушание которым могло бы их поставить в выгодное положение не подвергаться никаким подобным бедствиям, и впоследствии им на деле пришлось убедиться в правоте предсказаний пророков.

2. Оставаясь при своем прежнем образе жизни, евреи подверглись нашествию со стороны вавилонского и халдейского царя, который послал в Иудею войско, опустошил страну, велел хитростью захватить царя Манассию и привести к себе, так что последний очутился в его руках и мог подвергнуться с его стороны любому наказанию⁶³⁶. Тогда Манассия понял всю гнусность своего поведения и, считая себя лично виновником всех этих бедствий, обратился в Господу Богу с молитвою возбудить в его враге чувство жалости и сострадания к нему. Предвечный внял его мольбам и исполнил его просьбу, так что Манассия был освобожден царем вавилонским и отпущен им домой. Прибыв в Иерусалим, он стал стараться подавить в душе своей по возможности всякое воспоминание о своих прежних прегрешениях, желая вернуться на путь истины и вести, сколь возможно, более богобоязненный образ жизни. Храм был вновь освящен, город подвергся очищению, и с того времени царь стал думать лишь о том, как бы возблагодарить Господа Бога за свое избавление и на всю свою жизнь снискать Его к себе благоволение. Вместе с тем он понуждал следовать этому примеру и народ, который отлично понимал, какому бедствию еще недавно подвергся царь благодаря обратному образу действий. Восстановив затем жертвенник, царь возобновил и те жертвоприношения, которые установил Моисей. Устроив таким образом все как следует для соблюдения истинного богопочитания, Манассия обратил свое внимание и на внешнюю безопасность Иерусалима, с этой целью ревностно занялся восстановлением древней городской стены, к которой присоединил добавочную новую, стал возводить огромнейшие башни и снабжать укрепления вне города всем необходимым для неприступности, именно особенно значительным запасом хлеба и съестных припасов. После всего этого он провел остаток своей жизни в состоянии столь полного раскаяния, что с того времени, как он начал почитать Предвечного, он стяжал себе славу счастливейшего и достойнейшего человека. Наконец, прожив шестьдесят семь лет, он умер после пятидесятипятилетнего царствования и был погребен в своем собственном саду, а престол перешел к его сыну Амосу, матерью которого была некая Емалсема, происходившая из города Иоваты⁶³⁷.

1. Этот Амос начал подражать дерзкому поведению отца своего в его юности и за это стал жертвою своих собственных домашних; он был убит ими в своем собственном доме, достигнув только двадцатичетырехлетнего возраста после двухлетнего царствования. Народ перебил убийц его и похоронил Амоса рядом с отцом его, а престол был передан восьмилетнему сыну [Манассии] Иосии, мать которого происходила из города Воскефы и называлась Иедидою. Этот царь проявил прекрасный характер и большую склонность к добродетели, стремился к подражанию царю Давиду и всю свою жизнь имел перед глазами пример последнего, которым всегда и руководился. Уже двенадцати лет он выказал свое благочестие и справедливость, а именно он взывал к благоразумию народа, увещевая отступников, объясняя им сущность идолов, которые не могут быть настоящими божествами, и приглашая их к почитанию истинного Бога отцов своих. Равным образом он подверг внимательному пересмотру все постановления своих предков; те из них, которые были неправильны, он благоразумно исправил, как человек зрелого возраста и вполне опытный в распознавании необходимого, а те, которые нашел годными и своевременными, он сохранил и поставил себе примером на будущее время. При всем этом он не только следовал голосу своей природной мудрости и врожденного ума, но пользовался также советом и предложениями старших. Вследствие того, что он следовал законам, ему должно было удаваться все касавшееся государственного устройства и богослужения, так как он не только не подражал беззакониям своих предков, но старался совершенно уничтожить всякий след их. Царь сам обходил как город [Иерусалим], так и всю страну, велел вырубать разведенные в честь чужеземных божеств рощи и сокрушать жертвенники их и с презрением срывал и уничтожал те жертвенные подношения, которые находились там и сям и происходили от его предков. Таким-то способом он отвратил народ от поклонения идолам и направил его на путь истинного богопочитания, так что население вернулось к обычным жертвоприношениям и к жертвам всеожжения на алтаре Предвечного. Вместе с тем царь назначил судей и цензоров⁶³⁸, чтобы ведать все дела по принадлежности, ставить выше всего справедливость и не щадить даже своей жизни в случае необходимости. По всей стране он разослал сборщиков за добровольными пожертвованиями золотом и серебром на украшение храма, причем предоставил каждому жертвовать сколько захочет, по усердию и силам своим. Когда были собраны нужные средства, он поручил украшение храма и все необходимые по этому делу распоряжения градоначальнику Амасии, канцлеру Сафану, анналисту Иоату и первосвященнику Елиакии. Последние, не откладывая дела в долгий ящик, немедленно пригласили строителей, выписали все необходимое для постройки и приступили к самому делу. Таким образом обновленный храм тоже стал наглядным памятником благочестия царя.

2. Достигнув за этими делами уже восемнадцатого года своего правления, царь послал однажды за первосвященником Елиакиею и велел ему взять остатки средств и заказать литые чаши, жертвенные принадлежности и кубки для целей богослужения, а также употребить все золото и серебро, которое могло бы найтись в казне, равным образом на выделку чаш и подобной утвари. И вот, собирая золото, первосвященник Елиакия нашел в храме священные книги Моисея, извлек их и передал канцлеру Сафану⁶³⁹. Прочитав их, последний отправился к царю, доложил ему об исполнении всех его указаний, а также прочитал ему написанное в тех книгах. Услышав их содержание, царь разодрал на себе одежду, послал за первосвященником Елиакиею, а самого канцлера отправил в сопровождении нескольких наиболее приближенных друзей своих к пророчице ольде, жене Саллума, выдающегося человека знатного

происхождения. Посланцам было поручено попросить ее, чтобы она взяла на себя умиротворить Предвечного и постараться склонить Его в пользу иудеев, потому что являлось опасение, что, так как предки царя преступили законоположения Моисеевы, они сами подвергнутся опасности изгнания и, изгнанные из своей родины, должны будут, лишённые всего, на чужбине влачить жалкое существование. Когда пророчица узнала от посланных, ради чего они явились к ней от царя, она поручила им вернуться к государю и сказать ему, что Господь Бог уже постановил относительно иудеев решение, которого путем молитвы никто не сможет изменить; а именно погубить народ, изгнав его из страны, и лишить всех присущих ему благ за то, что он преступил законы и не изменил своего образа мыслей в течение столь продолжительного времени, хотя пророки постоянно увещевали его прийти в себя и предсказывали кару за все его беззакония. Вот эта-то кара непременно постигнет народ, дабы люди убедились, что они имеют дело с Господом Богом и что все, предсказанное им пророками, вполне верно. Но за то, что царь держится праведного образа жизни. Господь Бог пока еще отдалит предполагаемые бедствия, тогда как после смерти царя он пошлет народу обещанную гибель.

3. Посланные вернулись к царю и сообщили ему о предсказании пророчицы. Тем не менее царь повсюду разослал гонцов своих с приглашением народу собраться в Иерусалиме, куда он призвал также священников, левитов и всех людей, достигших известного возраста. Когда все приглашенные собрались, то царь сперва прочитал собранию священные книги [Моисеевы], а затем встал на возвышение среди народа и пригласил его поклясться в том, что он будет почитать Господа Бога и соблюдать законы Моисея. Собравшиеся охотно согласились на это и выразили полное желание последовать увещаниям царя, а затем принесли жертву Господу Богу и слезно умоляли Его оставаться к ним милостивым и снисходительным. Потом царь приказал первосвященнику выбросить из храма все остатки каких-либо сооружений в честь идолов и чужеземных божеств, которые были некогда воздвигнуты его предками. Когда этих остатков накопилось значительное количество, царь приказал сжечь все, а пепел развеять. Тех же языческих жрецов, которые происходили не из рода Аарона, он велел казнить.

4. Совершив в Иерусалиме все рассказанное, он отправился в путешествие по стране, разрушая все святилища, сооруженные в ней царем Иеровоамом в честь иноземных божеств, и сжигая кости лжепророков на том самом жертвеннике, который первоначально соорудил Иеровоам. Это было предвозвещено пророком, явившимся к Иеровоаму, когда тот приносил жертву, и весь народ слышал, как пророк сказал, что вышеуказанное будет сделано одним из потомков рода Давидова, человеком по имени Иосия [640](#). Так оно действительно и случилось по прошествии трехсот шестидесяти лет.

5. После этого царь Иосия отправился и ко всем остальным израильтянам, которым удалось избежать ассирийского плена и порабощения, и стал убеждать их оставить свой греховный образ жизни и почитание иноземных богов, приглашая их вместе с тем поклониться своему родному Всевышнему Божеству и примкнуть к Нему. При этом царь распорядился сделать обыски в отдельных жилищах как сельских, так и городских, подозревая, что кое-где кто-либо мог скрыть у себя какого-нибудь идола. Не удовлетворившись этим, он велел убрать также и царственные колесницы, сооруженные его предшественниками для торжественных случаев, а также решительно все, чему те поклонялись, как божеству.

Подвергнув таким образом всю страну очищению, он пригласил народ в Иерусалим для празднования там праздника опресноков, иначе называемого Пасхой. Тут он подарил народу (в честь Пасхи) тридцать тысяч молодых козлят и ягнят и три тысячи волов для принесения жертв всесожжения. Наиболее выдающиеся между евреями подарили священникам в честь Пасхи две тысячи шестьсот ягнят, а левитам начальствующие лица дали пять тысяч ягнят и пятьсот волов. При таком несметном количестве жертвенных животных они принесли жертвы вполне

сообразно Моисеевым предписаниям, и священники с трудом могли справляться с требованиями каждого отдельного лица и служить за него.

Со времен пророка Самуила евреям уже не приходилось таким образом справлять этот праздник, т.е. совершенно точно по религиозным предписаниям и по старинным отечественным традициям. После этого Иосия жил еще долго, наслаждаясь глубоким миром, пользуясь богатством и полным у всех уважением. Умер же он следующим образом⁶⁴¹.

1. Царь египетский Нехао⁶⁴² собрал войско и направился с ним к реке Евфрату с намерением вступить в войну с мидянами и вавилонянами, которые разрушили ассирийское царство⁶⁴³; дело в том, что его самого обуревало желание стать царем над всей Азией. Когда же фараон достиг города Менде⁶⁴⁴ (находившегося во владениях Иосии), то Иосия во главе войска выступил ему навстречу, чтобы воспрепятствовать ему пройти по его территории во время похода на мидян. Тогда Нехао отправил к нему посланного с заявлением, что он идет походом не на него, но желает лишь пробраться к Евфрату; к этому он присовокупил совет не раздражать его и не мешать ему идти походом на тех, воевать с которыми он порешил. Однако Иосия не обратил внимания на слова Нехао, но решился ни за что не пропускать его чрез свою страну. Мне кажется, к этому побудил его рок, так что царь ухватился за этот предлог (чтобы вступить в неприязненные отношения к фараону). И вот, пока он выстраивал в боевой порядок свое войско и разъезжал на колеснице от одного фланга к другому, кто-то из египтян пустил в него стрелу и тем положил конец его воинственному пылу. Жестоко страдая от полученной раны, он отдал войску приказ отступить и вернулся в Иерусалим. Здесь он умер от раны и был торжественно похоронен в усыпальнице своих предков, прожив всего тридцать девять лет и процарствовав в течение их тридцать один год. Кончина его вызвала во всем народе великую скорбь и плач, и стенания по нем продолжались много дней. Пророк Иеремия сочинил на смерть его похоронную элегию, которая сохранилась по сей день (Ср. [2Пар 35.25](#)). Этот же самый пророк возвестил будущие бедствия, которые должны были постигнуть город, и оставил письменное предсказание о нашем теперешнем положении, равно как и о взятии Вавилона. Впрочем, не он один предсказал это народным массам, но то же самое сделал также и пророк Иезекииль, первый оставивший нам две книги об этом. Оба пророка происходили из священнических родов. Иеремия жил в Иерусалиме с тринадцатого года царствования Иосии вплоть до разрушения города и храма. Впрочем, все относящееся до этого пророка мы сообщим в своем месте⁶⁴⁵.

2. После вышеописанной смерти Иосии престол перешел к его двадцатитрехлетнему сыну Иоахазу. Мать его звали Амигалою, и она происходила из города Лобаны⁶⁴⁶. Этот царь жил также в Иерусалиме, но был безбожником и человеком гнусного характера.

Между тем египетский царь, возвращаясь с войны⁶⁴⁷, послал за Иоахазом и пригласил его к себе в город Амафу⁶⁴⁸, находящийся в Сирии. Когда Иоахаз прибыл, фараон взял его в плен, а престол отдал его старшему брату от другой матери, хотя и от одного с ним отца. Этого брата Иоахаза звали Елиакимом, но фараон изменил его имя в Иоакима. На страну же фараон наложил дань в размере ста талантов серебра и одного таланта золота. Эту огромную дань стал выплачивать Иоаким, а фараон увез Иоахаза с собою в Египет, где он и умер, процарствовав всего три месяца и десять дней. Мать Иоакима звали Завудою, а родом она была из города Авумы⁶⁴⁹. Иоаким по природе своей был человеком несправедливым и злонамеренным, не отличавшимся ни религиозностью, ни гуманностью (Ср.: [4Цар 23.20—37](#) и [2Пар 35.20 — 2Пар 36.5](#)).

1. Когда [Иоаким] был уже четвертый год царем, верховная власть над Вавилонией перешла к некоему Навуходоносору⁶⁵⁰, который к тому времени пошел с большим войском на город Кархамиссу⁶⁵¹ (лежащий на Евфрате), решив воевать с египетским фараоном Нехао; во власти последнего находилась вся Сирия. Узнав о намерении вавилонянина и о его походе, Нехао сам нисколько не испугался, но двинулся во главе большой рати к Евфрату, чтобы [там] отразить его нападение. Когда же произошла битва, он (фараон) был разбит и потерял при этом несколько десятков тысяч людей⁶⁵². Вавилонянин затем переправился через Евфрат и занял всю Сирию, исключая Иудею, вплоть до Пелузиума. Лишь по истечении четырех лет царствования своего, когда Иоаким уже восьмой год правил евреями, вавилонянин Навуходоносор двинулся с большим войском также на иудеев, требуя от Иоакима дани или в противном случае угрожая ему войною. Иоаким испугался этой угрозы и, предпочтя деньгам мир, стал платить ему дань, которую тот назначил на три года⁶⁵³.

2. На третий же год он услышал, что египтяне собираются идти походом на вавилонянина, и поэтому он ему не заплатил дани. Однако тут он обманулся в своих расчетах, ибо египтяне не решились предпринять поход. Впрочем, пророк Иеремия изо дня в день предсказывал [иудеям], что они напрасно надеются на египтян, так как городу предопределено быть разрушенным вавилонянином, а царю Иоакиму стать его рабом. Однако эти слова не имели никакого значения, потому что никому не было предопределено спастись. Народ и его вожди, услышав речи [пророка], не только не обращали на них должного внимания, но даже рассердились на него за то, что он выдумывает-де худые предсказания относительно царя, и поэтому они обвинили Иеремию и, привлекая к суду, требовали его осуждения на смерть. Большинство [судей] действительно подали голоса против Иеремии, но нашлись между более престарелыми среди них и такие, которые, в силу присущей им житейской опытности, требовали освобождения его от всякой ответственности, советуя и прочим отнюдь не причинять Иеремию зла. При этом они указывали на то обстоятельство, что не только один этот пророк предсказывает городу неизбежные бедствия, но что и до него то же самое предсказывали Михей и многие другие пророки, из которых ни один, однако, не подвергся от своего царя взысканию, но даже пользовался с его стороны особенным почетом именно за то, что он пророк Божий. Успокоив такими речами народ, они спасли Иеремию от решенной относительно его участи. Иеремия же записал все свои пророчества и прочитал их пред народом, когда последний в девятый месяц пятого года царствования Иоакима постился и собрался в храм. В этой книге он изложил все свои предсказания относительно будущей судьбы города, храма и народа. Когда старейшины прослушали книгу, они отняли ее у него и посоветовали ему и его писцу Варуху поскорее бежать и никому не показываться на глаза. Книгу же они сами снесли к царю и отдали ее ему. Царь приказал своему секретарю прочесть ее ему в присутствии своих приближенных. Но когда он услышал содержание книги, то рассердился, разорвал ее, швырнул ее в огонь и вместе с тем отдал приказание отыскать Иеремию и писца его Варуха и представить их ему для наказания. Однако пророк и его слуга тем временем уже успели бежать от царского гнева.

3. Немного времени спустя Иоаким, когда на него пошел войною царь вавилонский, принял его к себе [в город] из боязни, что оправдаются предсказания пророка; в надежде, что не подвергнется никаким бедствиям, он и не думал запирасть пред вавилонским властелином городские ворота, равно как не решался воевать с ним. Вавилонянин же, войдя в город, не подумал соблюсти [прежние] договоры, но велел перебить самых сильных и красивых из иерусалимцев вместе с их царем Иоакимом, причем приказал труп последнего выкинуть без

погребения за [городские] стены⁶⁵⁴. Царем же над всю страну и над городом поставил сына его Иоахима. Всех почетных лиц в городе, числом до трех тысяч, он увел в качестве военнопленных в Вавилон; в числе их находился и пророк Иезекииль, который тогда был еще отроком. Такой конец постиг царя Иоахима, после того как он прожил тридцать шесть лет, из которых в течение одиннадцати царствовал. Преемник же его по престолу, Иоахим, происшедший от гражданки Носты, царствовал всего три месяца и десять дней (Ср.: [4Цар 24.1—7](#); [2Пар 36.5—8](#); [Иер 1.3](#); [Иер 36.1—32](#); [Иер 46.1—28](#); [Дан 1.1—2](#)).

1. Между тем царя вавилонского, лишь только он отдал царство Иоахиму, внезапно обуял страх: он боялся, как бы Иоахим, в отместку за гибель отца своего, со своею страшною не отложился от него. Поэтому он [тотчас] отправил [против него] войско и осадил Иоахима в Иерусалиме. Царь же, будучи человеком порядочным и справедливым, не хотел допускать, чтобы ради него город подвергнулся опасности, но взял свою мать и родственников и отдал их (в виде заложников) присланным полководцам вавилонского царя, причем потребовал от последних клятвенного обещания, что ни заложники, ни город не подвергнутся никакой обиде. Однако этот договор не оставался у них не нарушенным даже в течение одного года. Его нарушил царь вавилонский, послав своим военачальникам приказ захватить в плен всех юношей иерусалимских и всех ремесленников и связанными отправить их к нему (а их всего было 10832 человека), и в том числе самого Иоахима с его матерью и приближенными. Когда все они были доставлены к нему, он их отдал под стражу, царем же [в Иерусалиме] поставил дядю Иоахима, Седекию, от которого взял клятвенное обещание, что тот сохранит ему страну в целости, не задумает никакого переворота и не вступит в дружественные сношения с египтянами⁶⁵⁵.

2. Когда Седекия вступил на престол, ему шел двадцатый год. Он был единоутробным братом Иоахима и крайне пренебрежительно относился к требованиям справедливости и долга. Все окружавшие его сверстники его также были безбожниками, да и весь простой народ отличался крайней распущенностью и делал, что хотел. Вследствие этого пророк Иеремия неоднократно посещал его и заклинал его оставить свое безбожие и беззакония и подумать о справедливости, не прилепляться к знатнейшим (так как между ними находятся люди гнусные) и не верить обманывающим его лжепророкам, будто вавилонский царь уже более не предпримет похода на город [Иерусалим] и будто египтяне начнут с ним войну и победят его⁶⁵⁶. Все это они говорят неправду, и ничего этого не будет.

Пока Седекия слушал эти речи пророка, он слушался его и был вполне согласен с тем, что они справедливы и направлены к пользе его; но затем приближенные вновь совращали его с пути истины и отвлекали его от наставлений пророка ко всему, чего бы они не желали. В то же самое время и Иезекииль предсказывал в Вавилоне ожидающие народ бедствия и, записав свои предвещения, отослал их в Иерусалим. Но тогда Седекия не стал более доверять предсказаниям обоих пророков и притом по следующей причине: в то время как во всем пророки сходились между собой, как в предсказаниях, что город падет, так и в том, что сам Седекия будет взят в плен, Иезекииль расходился с Иеремиею в том, что Седекия не увидит Вавилона, а Иеремия утверждал, что царь вавилонский уведет его с собою в качестве военнопленного. И так как оба пророка расходились в этом пункте (хотя во всем прочем между ними не было разногласий), царь решил, что и во всем остальном они говорят неправду, и потому не верил им вовсе. А между тем все предсказания их оправдались на нем, как мы укажем в своем месте.

3. Соблюдая в течение восьми лет верность вавилонянам, Седекия наконец нарушил свои договоры с ними и соединился с египтянами в надежде в союзе с последними разгромить вавилонян⁶⁵⁷. Когда об этом узнал царь вавилонский, он двинулся на него походом, разграбил его страну и, заняв укрепленные местности в ней, прибыл к самому Иерусалиму в расчете осадить его.

Тем временем и египетский царь, узнав, в каком положении находится его союзник Седекия, собрал большую рать и прибыл с нею в Иудею с целью снять осаду⁶⁵⁸. Тогда вавилонский царь отступил от Иерусалима, выступил навстречу египтянам, сойдясь с ними в битве, разбил их и, обратив их в бегство, во время преследования совершенно изгнал из Сирии.

И вот лишь только вавилонский царь отступил от Иерусалима, лжепророки [опять] стали обманывать Седекию, уверяя его, что вавилонянин не станет более воевать с ним, да и единоплеменники его, которых тот выселил из родины в Вавилон, вернутся и привезут с собою все сокровища храма, которые царь [некогда] похитил оттуда. Тогда пришел Иеремия и стал утверждать как раз противное и предсказывать истину, а именно указывать, что они поступают дурно, обманывая царя; что от египтян им нечего ожидать пользы, но что, когда вавилонский царь победит египтян, он соберется пойти походом на Иерусалим, что он осадит его и загубит путем голода [весь] народ, а оставшихся в живых отведет в плен; что он разграбит имущество, что еще раз похитит богатства из храма, а затем подожжет его и уничтожит город. «Мы же,- продолжал он,- в течение семидесяти лет будем рабами его и потомков его; а затем нас освободят из этого рабства персы и мидяне, которые разгромят вавилонян; освобожденные ими (персами и мидянами), мы вновь построим храм и восстановим Иерусалим».

Эти слова Иеремии были приняты большинством с доверием. Знать же и безбожные люди стали насмехаться над ним, как над сумасшедшим. И вот случилось, когда пророк захотел отправиться в свой родной город, по имени Анафор⁶⁵⁹, отстоявший от Иерусалима на расстоянии двадцати стадий, что кто-то из начальствующих лиц встретил его на дороге, схватил его и задержал, обвиняя его в том, будто бы Иеремия собирается перебежать на сторону вавилонян. Тот стал утверждать, что ему приписывается совершенно ложное намерение, так как он отправляется к себе на родину. Но начальник не поверил ему, а схватил его и представил его на суд старейшин, со стороны которых ему пришлось претерпеть всякие поношения и пытки; наконец он был брошен в темницу. Таким образом Иеремия провел некоторое время, совершенно незаслуженно подвергаясь всему вышеуказанному.

4. На девятый же год правления Седекии, в десятый день десятого месяца, царь вавилонский вторично выступил против Иерусалима, обложил его и в течение восемнадцати месяцев осаждал его по всем правилам искусства⁶⁶⁰. В то же самое время над осажденными иерусалимцами разразились два величайших бедствия: голод и заразительная болезнь, сильно свирепствовавшие [среди них]. Несмотря на то, что пророк Иеремия сидел [в то время] в темнице, он все-таки не мог успокоиться и громко взывал и советовал народу впустить вавилонянина в город, открыв пред ним ворота; при этом он утверждал, что, если они это сделают, все спасутся, если же нет, то погибнут. Он указывал при этом, что если кто-нибудь и останется в городе, то наверное погибнет либо от голода, либо от меча неприятелей; если же убежит к врагам, то избегнет смерти. Однако, даже находясь в таком бедственном положении, старейшины, слыша эти предсказания, не верили им, но в гневе отправились к царю, стали обвинять пророка и требовали его казни за его сумасшествие, выражающееся в том, что он своими заявлениями о предстоящих бедствиях смущает народ и старается подорвать его энергию. В то время как последний вполне готов подвергаться всяким опасностям ради самого себя и ради отечества, Иеремия убеждает его перейти на сторону неприятелей, уверяя, что город будет взят и все при этом погибнут.

5. Между тем сам царь, по своей порядочности и справедливости, лично несколько не разгневался на пророка, но для того, чтобы именно в такое время своим противодействием планам знати не возбуждать вражды против себя, он предоставил им пророка и позволил распорядиться с ним по их собственному благоусмотрению. Ввиду этого данного им царем разрешения, знатнейшие граждане тотчас отправились в темницу и, взяв пророка, бросили его в яму, наполненную грязью, дабы он в ней задохся. Погрузившись в грязь по шею⁶⁶¹, пророк находился в яме. Однако один из главных царских служителей, родом эфиоп, сообщил царю о мучениях пророка и указал при этом на то, что царские приближенные и знатнейшие люди поступили вполне гнусно, погрузив пророка в грязь и придумав для него гораздо более

мучительный способ смерти, чем тот, которому он подвергся бы при заключении в темницу. Когда царь узнал об этом, то раскаялся в том, что выдал пророка знати, и приказал эфиопу взять тридцать царских служителей, веревок и всего, что могло быть полезно для спасения пророка, и немедленно извлечь Иеремию из ямы. Эфиоп поступил, как ему было повелено, извлек пророка из грязной ямы и отпустил его без стражи домой.

6. Когда же [затем] царь тайно послал за ним (Иеремию) и спросил его, что он мог бы сказать ему от имени Господа Бога и какое предсказание мог бы дать ему в настоящую минуту, Иеремия отвечал, что имеет сообщить царю кое-что, но что тот ведь не поверит ему и не послушается его предостережения. «Какое преступление совершил я,- спросил Иеремия,- что твои друзья решили меня загубить? Где теперь те, которые утверждали, что вавилонянин уже более не пойдет на нас войною, те, которые вас обманывали при этом? Я остерегусь сказать теперь всю правду, дабы ты не присудил меня к смерти».

Когда же царь поклялся ему, что он не загубит его и не выдаст его знати, пророк, полагаясь на это уверение, посоветовал ему передать город вавилонянам. При этом он говорил, что советует царю его, пророка, устами сам Предвечный, если только царь хочет спастись, избежать надвигающейся опасности и не желает сровнять город и храм с землею; если же он не послушается этого, то сам станет виновником всех указанных бедствий для сограждан и гибели собственного дома.

Услышав это, царь сказал, что он лично вполне желает последовать его увещаниям, которые могут принести ему одну только пользу; но вместе с тем он указывал также на то, что боится, как бы иерусалимские перебежчики к вавилонянам не наклеветали на него царю и как бы он не подвергся со стороны царя наказанию. Однако пророк стал ободрять его, указывая на неосновательность опасений царя относительно этого наказания; напротив, говорил он, ни малейшее бедствие не постигнет ни его самого, ни детей его, ни жен, если он сдастся вавилонянам, да и храм останется в таком случае в целости.

После этих слов царь отпустил Иеремию, запретив ему кому бы то ни было из граждан сообщать то, что было решено между ними, равно как и говорить о том знатнейшим, если бы те узнали о том, что Иеремия был позван к царю, если бы стали расспрашивать, что он говорил последнему, и если бы захотели узнать об этом какие-нибудь подробности; пусть Иеремия, сказал царь, отговорится у них тем, будто он просил не сажать его более в темницу и под стражу.

И действительно, пророк так и говорил им, потому что они на самом деле явились к нему и стали расспрашивать его о том, что у него было решено с царем касательно их. На это они получили условленный ответ (Ср.: [4Цар 24.10—20](#); [4Цар 25.1—3](#); [Иер 32.1—29](#); [Иер 37.1](#); [Иер 38.4—27](#); [Иер 52.1—5](#). (Перев.)).

1. Пока все это происходило указанным образом, царь вавилонский очень усердно и ревностно занимался осадой Иерусалима. Он воздвиг огромные башни на валах и с помощью этих башен удалял со стен всех там показывавшихся. Вместе с этим он велел соорудить вокруг города множество насыпей, достигавших одинаковой со стенами высоты. Однако осажденные также упорно и настойчиво выносили осаду: они не поддавались ни голоду, ни моровой язве, но, хотя эти бедствия и страшно донимали их, они все-таки энергично выходили на бой, не смущаясь хитрыми приспособлениями и осадными орудиями противников, но придумывая против каждого нового их приспособления какое-нибудь другое свое собственное. Таким образом, в течение всей этой борьбы как вавилоняне, так и иерусалимцы выказывали одинаковую быстроту и сообразительность, причем первые применяли все, по их мнению, возможное для взятия города, а вторые возлагали все свое упование на неустанное и соответственное измышление средств, как бы низвести на ничто приспособления своих врагов. Это продолжалось восемнадцать месяцев, пока [осажденные] не пали жертвою голода и метательных снарядов, которыми враги обсыпали их с вершин своих осадных башен.

2. Город пал на одиннадцатый год правления Седекии, на девятый день четвертого месяца. Взяли город те вавилонские военачальники, которым Навуходоносор поручил осаду. Сам он тем временем проживал в городе Реблафе⁶⁶². Если бы кто-либо захотел знать имена тех военачальников, которые взяли и разрушили Иерусалим, то вот они: Ниргелеар, Ареммант, Семегар, Навосар и Ехарампсар⁶⁶³. Город был взят около полуночи. Тогда военачальники врагов проникли в храм. Когда об этом узнал царь Седекия, он взял жен и детей своих, а также начальников и приближенных и бежал с ними из города чрез глубокое ущелье и пустырь. Но об этом некоторые перебежчики сообщили вавилонянам; на рассвете те бросились в погоню за царем, захватили его недалеко от Иерихона и окружили его. Приближенные же и знатнейшие, бежавшие вместе с Седекией, увидя врагов, покинули царя и, думая о своем собственном спасении, рассеялись в разные стороны. И вот когда Седекия был таким образом покинут всеми, враги захватили его и немногих (остававшихся ему верными) друзей с детьми и женами и отправили их всех к царю. Когда Седекия предстал пред Навуходоносором, этот начал упрекать его в нарушении благочестия и называть клятвопреступником, забывшим о своем обещании сохранить страну в его, Навуходоносора, власти. Вместе с тем он упрекал Седекию также в неблагодарности, так как последний от него ведь получил свое царство (которое он, Навуходоносор, отнял у Иоахима и отдал ему); и вот, говорил царь вавилонский, Седекия употребил свою власть против даровавшего ее ему. «Но,- сказал он,- великий Бог, которому ты стал ненавистен по всему своему складу, отдал тебя во власть нам». Сказав это Седекии, Навуходоносор велел немедленно, в присутствии самого Седекии и прочих пленных, перерезать его сыновей и приближенных. Затем, велев выколоть Седекии глаза, он приказал заковать его и отправить в Вавилон.

Итак, Седекию постигло то, что предсказали ему Иеремия и Иезекииль, а именно что он будет взят в плен, отправлен к царю вавилонскому, будет лично говорить с ним и глаза его узреют глаза царя. Так предсказал Иеремия⁶⁶⁴; Иезекииль же⁶⁶⁵ предсказал ему, что он будет ослеплен и, будучи приведен в Вавилон, не увидит его.

3. Все это мы привели потому, что на основании его вполне возможно объяснить тем, которые еще не знают сущности Божества, насколько велик и мудр Всевышний, насколько все Его решения исполняются в положенное время и как он предсказывает все, что должно случиться. Равным же образом из этого возможно уяснить себе невежество и неверие людей,

вследствие чего никто не хотел предвидеть того, что должно было случиться, и благодаря чему они без удержу ринулись в свою собственную гибель, как будто бы им было невозможно избежать всех этих испытаний.

4. Таким образом окончили жизнь свою цари из рода Давидова. Их было двадцать один вместе с названным царем [Седекиею], и процарствовали они всего пятьсот четырнадцать лет, шесть месяцев и одиннадцать дней. Из этого числа в течение двадцати лет власть находилась в руках первого их царя, Саула, происходившего не из одного с ними рода.

5. Царь же вавилонский отправил своего военачальника Навузардана⁶⁶⁶ в Иерусалим для разграбления храма, причем поручил ему одновременно сжечь и царский дворец, сровнять город с землею и переселить всех жителей в Вавилонию. Прибыв в Иерусалим на одиннадцатом году правления Седекии, военачальник предал храм разграблению и похитил священную золотую и серебряную утварь, а также сооруженный Соломоном⁶⁶⁷ великий сосуд для омовений, равным образом как и медные колонны и их венцы, золотые столы и светильники. Похитив все это, он зажег храм в новолуние пятого месяца одиннадцатого года царствования Седекии, на восемнадцатом году правления Навуходоносора. Вместе с тем он поджег и царский дворец и разрушил город до основания. Пожар храма произошел спустя четыреста семьдесят лет шесть месяцев и десять дней после его сооружения; от исхода [израильтян] из Египта успел к тому времени пройти промежуток в тысячу шестьдесят два года, шесть месяцев и десять дней. Между потопом и разрушением храма прошел период в тысячу пятьсот семь лет, шесть месяцев и десять дней, а от рождения Адама до гибели храма прошло четыре тысячи пятьсот тринадцать лет, шесть месяцев и десять дней. Таковы хронологические данные. А о том, что совершилось в течение всего этого времени, мы уже говорили и притом о каждом событии в отдельности.

Разрушив Иерусалим и переселив народ, полководец вавилонского царя взял в плен первосвященника Сарею и вместе с ним священника Сафонию и тех [трех] начальников, на обязанности которых лежало охранять святилище, а также предводителя тяжеловооруженных, равно как семерых приближенных Седекии, его секретаря и шестьдесят других начальствующих лиц. Всех их, вместе с награбленною утварью, он отправил к царю в сирийский город Реблафу. Тут царь приказал обезглавить первосвященника и начальников, а всех остальных военнопленных и Седекию взял с собою в Вавилон. С ними же он вел в окопах и первосвященника Иосадока, сына первосвященника Сареи, которого, как мы только что указали, царь вавилонский велел убить в сирийском городе Реблафе.

6. Так как мы указали на родословную царей и привели не только их имена, но и время их правления, то я счел необходимым упомянуть здесь также имена первосвященников и привести последовательный список их при царях. Итак, первым при сооруженном Соломоном храме был первосвященник Садок. После него звание это перешло к его сыну Ахиме, а после Ахимы к Азарию, потом к сыну его Иораму, и далее постоянно от отца к сыну в следующем порядке: к Исе, Аксиофалу, Фидее, Судее, Иуилу, Иофаму, Урии, Нирии, одее, Саллуму, Елкии, Сарее. Сыном же последнего был приведенный в Вавилон в качестве военнопленного Иосадок.

7. Прибыв в Вавилон, царь стал содержать Седекию, вплоть до его смерти, в плену. Затем он велел похоронить его с царскими почестями. Награбленную в Иерусалиме утварь он принес в жертвенный дар своим собственным богам; народ он расселил в стране вавилонской, а первосвященника освободил из заключения (Ср. [Иер 52.3—11](#)).

1. Взяв еврейский народ в плен, военачальник Навузардан оставил бедных и лиц, добровольно покорившихся [авилонянам], на месте и поставил старшим над ними некоего Годолию, сына Айкама, человека, происходившего из хорошей семьи, доступного и справедливого. Вместе с тем он поручил им обрабатывать землю и платить царю определенную подать. Пророка Иеремию он взял из темницы⁶⁶⁸ и предложил ему отправиться вместе с ним в Вавилон. При этом он сказал ему, что царь приказал ему исполнять все желания его; если бы Иеремия этого не захотел, то он позволил бы ему указать такое место, где бы Иеремия желал остаться, для того чтобы сообщить об этом царю. Однако пророк не пожелал ни последовать за военачальником, ни поселиться в другом месте, но предпочел прожить остаток дней своих среди развалин родного своего города и печальных руин его. Узнав о таком его желании, военачальник приказал Годолии, которого он оставил [за себя в Иерусалиме], немедленно исполнять все пожелания Иеремии, заботиться о нем и доставлять ему все нужное к существованию; сам же он одарил пророка богатыми подарками и затем отпустил его. Иеремия затем стал жить в городе Масфафе и убедил Навузардана отпустить к нему его ученика Варуха, сына Нира, который происходил из знатного рода и был особенно глубоким знатоком родного языка.

2. Сделав все эти распоряжения, Навузардан направился обратно в Вавилон.

Когда же лица, бежавшие во время осады Иерусалима и рассеявшиеся по стране, узнали, что вавилоняне ушли и оставили горсть людей в области иерусалимской для обработки земли, то стали опять отовсюду собираться и приходиться к Годолии в Масфафу. Во главе их стояли: Иоанн, сын Карея, Иезания, Сарей и, кроме того, еще некоторые другие. Тут находился также некий человек из царского рода, по имени Измаил, человек скверный и плутоватый, который во время осады Иерусалима бежал к аммонитскому царю Ваалиму и до сих пор проживал у него.

Итак, когда эти люди явились к нему, Годолия убедил их остаться тут, успокоив их насчет вавилонян и говоря, что, если только они станут обрабатывать землю, им нечего опасаться вавилонян. Это свое уверение он им скрепил еще клятвой и указал им на себя, как на их заступника, на поддержку которого они могут, в случае затруднения, рассчитывать. При этом Годолия посоветовал каждому выбрать по личному усмотрению какой-нибудь город для местожительства, захватить с собою свое имущество, вновь приняться за обработку земли и жить себе спокойно. В то же время он обещал им, пока еще есть возможность, снабдить их хлебом, вином и маслом, чтобы у них была готовая пища на всю зиму. Переговорив с ними таким образом, он отпустил каждого в ту местность, куда кто захотел.

3. Когда среди народностей, населявших Иудею, разнеслась молва о том, что Годолия дружелюбно принял вернувшихся к нему беглецов и дал им землю для жительства и для занятия земледельческим трудом при условии уплаты [известной] подати вавилонскому царю, многие стали стекаться к Годолии и поселились в стране.

Между тем Иоанн и другие предводители, ознакомившись с условиями [нового] быта страны и узнав честность и человеколюбие Годолии, дошли в своей любви к последнему до крайних пределов; так, например, они стали уверять его, будто аммонитский царь Ваалим подослал Измаила, чтобы он коварным образом и тайно убил Годолию и затем сам мог бы стать во главе израильтян, тем более, что он сам царского происхождения. Кроме того, говорили они, Годолия, наверно, избегнет такого покушения, если позволить им убить Измаила таким образом, чтобы никто об этом не узнал. При этом они высказывали свои опасения в том смысле, что если бы он, Годолия, пал от руки его, то наступила бы окончательная гибель остатка

израильской мощи. Но Годолия выразил им свое негодование по поводу того, будто такой коварный замысел, на который указывается ими, может исходить от человека, которого он (Годолия) облагодетельствовал. Совершенно невозможно, говорил он, чтобы человек, который столь продолжительное время, в течение коего он его знает, не навлекал на себя никакого упрека, чтобы именно такой человек оказался настолько гнусным и безбожным по отношению к своему благодетелю, что старался бы умертвить его, тогда как было бы уже большою несправедливостью, если бы такой человек не оградил его, Годолию, от других злоумышленников. Нет, этого быть не может; но уж если даже это и правда, то, уверял Годолия, он предпочитает умереть от руки этого человека, чем убивать того, который прибег к нему, ища спасения и совершенно отдаваясь во власть ему.

4. Тогда Иоанн и его товарищи, не будучи в состоянии убедить Годолию, удалились. По истечении тридцати дней к Годолии в город Масфафу прибыл Измаил в сопровождении десяти человек, которых Годолия, желая выказать им свое расположение, принял с радостью и для которых он устроил блестящий пир и обильное угощение. Но тут он сам увлекся и выпил лишнее. Когда же Измаил увидел его в состоянии полного до бесчувствия опьянения и глубокой дремоты от вина, то вскочил со своими десятью товарищами из-за стола и перерезал Годолию и прочих сотрапезников его, возлежавших с ним за пиром. После этой резни он выбежал [из дворца] и ночью перебил всех находившихся в городе иудеев и солдат, оставленных вавилонянами. На следующий день к Годолии явилось восемьдесят поселян с дарами; никто из них не знал о постигшей Годолию участи.

Когда Измаил увидел их, то пригласил их войти как бы к Годолии, и когда те вошли, то велел запереть двери, перебил земледельцев и бросил трупы их, чтобы избавиться от этого зрелища, в глубокую яму. Из этих восьмидесяти человек спаслись лишь те, которые просили его повременить с казнью, пока они не выдадут ему спрятанных в полях богатств своих, утварь, платье и хлеб. За такое их обещание Измаил пощадил этих людей. Все же население Масфафы с женами и малыми детьми он забрал в плен; в числе пленниц находились и дочери царя Седекии, которых вавилонский полководец Навузардан оставил у Годолии.

Совершив все вышеописанное, Измаил вернулся к аммонитскому царю.

5. Когда Иоанн и его товарищи узнали о деяниях, совершенных Измаилом в Масфафе, они страшно рассердились за убийство Годолии и, собрав каждый своих воинов, двинулись войною против Измаила и настигли его вблизи цистерны в Хевроне. Военнопленные Измаила, увидя Иоанна и прочих предводителей, приободрились, рассчитывая на то, что те прибыли, чтобы поддержать их, и поэтому покинули полонившего их и прибежали к Иоанну. Тогда Измаил бежал с восьмью приверженцами к аммонитскому царю, а Иоанн, приняв спасенных и избавившихся от Измаила как рабов, так и женщин и детей, прибыл в местность, именуемую Мандрою⁶⁶⁹, и остался там целый день. Тут было решено отправиться прямо в Египет, потому что существовало опасение, что, если они останутся в стране, вавилоняне в гневе за убийство поставленного ими военачальника Годолии могут убить их.

6. Придя к такому решению, Иоанн, сын Карея, и его сотоварищи отправились к пророку Иеремии с предложением попросить у Господа Бога указать им в данном затруднительном их положении, что следует делать; при этом они дали клятвенное обещание исполнить то, что бы им ни сказал Иеремия. Пророк уверил их в своем заступничестве пред Господом Богом, и по истечении десяти дней Всевышний явился ему и велел ему сообщить Иоанну, прочим предводителям и всему народу, что он, Всевышний, будет охранять их, если они останутся в этой стране, будет заботиться о них и оградит их вполне от вавилонян, которых они [столь] боятся; если же они отправятся в Египет, то он покинет их и в гневе своем поступит с ними точно таким же образом, как он они сами отлично это знают поступил с их братьями. Когда

пророк сообщил Иоанну и народу о предсказании Всевышнего, то они не поверили, что Иеремия повелевал им остаться в стране по решению Предвечного, а подумали, что он в угоду ученику своему Варуху прикрывается именем Господа Бога и лишь для того убеждает их остаться на месте, чтобы они погибли от вавилонян. Таким образом, как народ, так и Иоанн ослушались совета Предвечного, того совета, который он дал им устами пророка, и отправились в Египет, захватив с собою Иеремию и Варуха.

7. Когда они прибыли туда, Господь Бог указал пророку, что на египтян собирается идти войною царь вавилонский, а также велел ему предсказать народу взятие Египта и то, что [царь вавилонский] одних из них убьет, а других заберет в плен и уведет в Вавилон. Так и случилось. На пятый год после разрушения Иерусалима, а именно на двадцать третьем году правления Навуходоносора, последний пошел походом на Келесирию и, заняв ее, воевал с аммонитянами и моавитянами, а затем, подчинив эти народы своей власти, вторгся и в Египет с целью разгромить его. При этом он умертвил правившего там фараона, поставил на его место другого, а находившихся в стране иудеев вновь захватил в плен и увел в Вавилон [670](#). Итак, мы видим, что самостоятельность еврейского народа таким образом закончилась после его вторичной переправы через Евфрат: десять колен народа пали при Самарии от вторжения ассирийцев во время царствования осии, а затем из остальных двух колен то, что оставалось после взятия Иерусалима, было уведено Навуходоносором, царем вавилонским и халдейским.

Когда Салманассар увел израильтян, то он вместо них поселил племя хуфеев, которые раньше жили в глубине Персии и Мидии и теперь только стали называться самарянами, приняв название страны, в которую были переселены. Царь же вавилонский, выведя из Палестины два [остальные] колена, не поселил на место их никакого народа, и по этой-то причине вся Иудея, Иерусалим и храм семьдесят лет были в полном запустении. Весь же период от пленения израильтян до гибели двух [последних] колен обнимает сто тридцать лет, шесть месяцев и десять дней [671](#).

1. Царь вавилонский Навуходоносор взял самых знатных иудейских юношей и родственников царя Седекии, особенно отличавшихся физической силою и красотою, и отдал их для воспитания [особым] преподавателям. Некоторых из этих юношей он сделал евнухами. Так же он поступил и с юношами других народностей, которые он подчинил и которые были у него в плену. Им он велел отпускать пищу от собственного стола и наставлять их в нравах и обычаях страны, а также в халдейской письменности. Все эти молодые люди были богато одарены мудростью, и царь приказал [еще более] развить ее в них. В числе той молодежи находилось четверо особенно богато одаренных юношей из родичей Седекии; имена их были: Даниил, Анания, Мисаил и Азария. Царь вавилонский приказал переименовать их, а именно Даниила в Валтасара, Ананию в Седраха, Мисаила в Мисаху, а Азарию в Авденаго. Этих юношей, выдававшихся особенной красотой, а также необычайным рвением к изучению наук и мудростью, царь выделил из числа всех прочих, оказывал им особенный почет и необыкновенную любовь.

2. Между тем Даниил и его родственники решили вести аскетический образ жизни, воздерживаться от пищи с царского стола и вообще от всякой убоины; потому Даниил отправился к евнуху Асхану, которому было поручено заботиться о них, и просил его взять и как-нибудь иначе утилизировать доставляемые им с царского стола яства, а им давать лишь стручковые плоды и финики или что-либо иное из растительного мира, ввиду того, что они решились остановиться на этом роде пищи, отказавшись от всякой другой. Асхан выразил полную свою готовность исполнить их желание, но вместе с тем высказал опасение, как бы они не вызвали подозрения в царе своей худобой и переменою внешнего своего облика (потому что, по его мнению, с переменою образа жизни у них обнаружится и перемена самочувствия и в цвете лица), тем более, что они резко будут выделяться среди прочих выхоленных юношей и тем навлекут на него самого опасность наказания. Однако, видя, что Асхан не совсем отрицательно относится к их решению, юноши упросили его попробовать с ними новый режим в течение десяти дней, и если их внешний вид при этом не изменится, то оставить его им как безвредный; если же он заметит, что они похудели и выглядят хуже всех прочих, вернуть их к прежнему образу жизни. При этом оказалось, что Асхан не только не пострадал, доставляя юношам желательную им пищу, но что они даже пополнели и стали выглядеть гораздо лучше прочих молодых людей, так что можно было бы (при сравнении) предположить, будто последние, пользовавшиеся пищею с царского стола, терпят нужду, тогда как товарищи Даниила как будто бы жили в полном довольстве и изобилии всех благ. С тех пор Асхан совершенно безбоязненно оставлял себе все то, что царь по-прежнему ежедневно посылал юношам, а Даниилу с товарищами доставлял вышеуказанное. Благодаря такому режиму, последние достигли высокой душевной чистоты, умы их стали еще более восприимчивы к науке, а тела гораздо способнее к работе, ввиду того, что они не притупляли своих способностей и не подавляли их разнообразною изысканною пищею, да и не изнеживались от этой же причины, и потому они вскоре отлично усвоили себе всю образованность, которою располагали тогда евреи и халдеи. Особенно Даниил, уже прекрасно успевший изучить философию, стал ревностно заниматься толкованием сновидений, и Господь Бог уже являлся ему.

3. Спустя два года после покорения Египта царь Навуходоносор имел необычайное сновидение, значение которого Всевышний сам раскрыл ему во время сна, но которое царь при вставании с ложа совершенно забыл. Тогда Навуходоносор послал за халдеями, магами и предсказателями, сказал им, что видел сон, а также о том, что он уже успел забыть этот сон, и

при этом приказал им сообщить ему, какой это был сон и что он означает. Те ответили, что для людей эта задача является невыполнимой, но что, если он им расскажет содержание сновидения, они обещают ему истолковать его. Однако царь угрожал им смертью, если они не расскажут ему самого сновидения. Когда же маги признали невозможным исполнить требование царя, то последний велел всех их умертвить.

Даниил же, узнав, что царь приказал убить всех мудрецов, и поняв, что в числе последних подвергаются опасности как он сам, так и его товарищи, отправился к Ариоху, которому было поручено командование отрядом царских телохранителей, и попросил узнать повод, по которому царь велел перебить всех ученых, халдеев и магов. Когда Даниил узнал историю со сновидением, то, что царь успел забыть свой сон, а также о его гневе на отказ магов рассказать ему об этом сновидении, то упросил Ариоха пойти к царю и выпросить у него отсрочку казни магов в течение хотя бы одной ночи. Дело в том, что Даниил надеялся в течение этой ночи умолить Господа Бога сообщить ему содержание сновидения. Ариох передал царю об этой просьбе Даниила. Царь повелел отложить казнь магов, пока он не убедится в исполнении обещания Даниила.

Тогда юноша удалился со своими товарищами к себе и в течение целой ночи молил Всевышнего спасти магов и халдеев, гибель которых повлечет за собою и их собственную гибель, и умерить гнев царя, показав ему, Даниилу, и объяснив сновидение, которое имел царь в предшествовавшую ночь и которое он успел забыть. И вот Господь, сжалившись над людьми, подвергшимися такой опасности, и относясь благосклонно к мудрости Даниила, раскрыл последнему сновидение и вместе с тем также истолкование его, дабы царь услышал от Даниила объяснение своего сна. Получив от Всевышнего это откровение, Даниил восстал в великой радости и, сообщив об этом своим братьям, которые было уже совсем отчаялись остаться в живых и думали только о приближающейся смерти, придал им прежнюю бодрость духа и возбудил в них новые надежды на будущее. Возблагодарив затем вместе с ними Господа Бога, сжалившегося над их юностью, он с наступлением дня отправился к Ариоху и просил отвести его к царю, так как он-де желает сообщить последнему сон предшествовавшей ночи.

4. Представ пред царем, Даниил начал с того, что просил Навуходносора не считать его более мудрым, чем остальных халдеев и магов, если он собирается сообщить ему об его сне, чего не мог сделать ни один из тех. «Такое [мое] преимущество,- продолжал Даниил,- проистекает не из [моей] большей опытности, а также отнюдь не является следствием большей [с моей стороны] работы, чем у них, но только потому, что Предвечный сжалился над нами, когда мы подвергались опасности умереть, и сообщил мне сон и его разгадку вследствие молитвы моей за себя и за моих единоплеменников. При своей молитве я думал не только о нашем собственном горе, постигшем нас, когда ты приговорил всех нас к смерти, но и о твоей собственной славе, так как ты столь несправедливо приказал умертвить мужей, и притом наилучших, за то только, что поручил им задачу, не выполнимую простыми средствами общечеловеческой мудрости, и потребовать от них того, что является исключительно делом одного лишь Божества. Итак, в то время, как ты был погружен в раздумье, кто после тебя будет править всем миром, и когда ты за этим погрузился в сон, Господь Бог послал тебе следующее сновидение, желая представить тебе всех будущих правителей. Тебе казалось, будто ты видишь огромную статую, голова которой сделана из золота, плечи и руки из серебра, желудок и бедра из меди, а колени и ноги из железа. Затем ты узрел, как с горы сорвался камень и навалился на статую, опрокинул ее, разбил и не оставил в целости ни единой части ее, так что золото, серебро, железо и медь стали мельче песка и их развеял страшный, повсюду внезапно поднявшийся вихрь, в то время как каменная глыба стала расти и притом настолько, что вся земля казалась заполненной ею. Вот какое сновидение приснилось тебе; а разгадка его

следующая: золотая голова [статуи] означает тебя и двух твоих предшественников на вавилонском престоле, обе же руки и плечи указывают на то, что ваше могущество будет подорвано двумя царями. Власть последних сокрушит некий другой властелин, который придет с запада, облаченный в медное вооружение, а его силу, в свою очередь, сломит четвертый в железе и будет властвовать тут навсегда, благодаря самой сущности железа, которое тверже золота, серебра и меди». Равным образом Даниил объяснил царю и значение камня; однако мне нечего сообщать об этом, так как приходится описывать лишь прошлое и уже случившееся, а не раскрывать будущее. Тот же, кто в поисках за истиной не страшится работы и желал бы осведомиться также насчет будущих событий, тот пусть ревностно читает книгу Даниила, которую он найдет в числе прочих священных книг [наших].

5. Когда царь Навуходоносор услышал об этом и признал сновидение правильным, он изумился дарованию Даниила и, пав перед ним ниц (так они, вавилоняне, поклоняются Богу), воздал ему божеские почести и велел принести ему жертвы, как божеству. Не ограничившись этим, царь даже дал Даниилу имя своего собственного бога и сделал его вместе с его товарищами управителями всего своего царства. Товарищи же, впрочем, [вскоре] подверглись, вследствие зависти и недоброжелательства [врагов], большой опасности и навлекли на себя немилость царя по следующему поводу: царь соорудил огромную золотую статую в шестьдесят локтей в высоту и шесть в ширину и поставил ее на большой вавилонской равнине. Желая освятить статую, он пригласил на это торжество со всех своих владений знатнейших людей и повелел им при первом трубном сигнале пасть ниц и преклониться перед статуей; тем же, кто бы вздумал ослушаться, он угрожал, что бросит их в огонь раскаленной печи. И вот все при знаке трубы пали ниц и преклонились перед статуей, тогда как товарищи Даниила отказались сделать это, указывая на нежелание свое преступить родные законоположения. Их немедленно обвинили и тотчас ввергли в огонь; но здесь они спаслись благодаря заботливости Господней и чудесным образом избежали смерти. Дело в том, что пламя не коснулось их, полагаю, оттого не коснулось, что они без всякой вины были ввергнуты в огонь, который оказался бессильным по отношению к ним, так как Господь Бог настолько укрепил тела их, что они стали нечувствительными к огню. Это обстоятельство доказало царю их правоту и то, что они богоугодны, а потому он после этого оказывал им всегда всякие почести.

6. Немного спустя царю приснилось новое видение, будто он потеряет власть, будет жить с дикими зверьми по их образу жизни и, прожив таким образом в пустыне в течение семи лет, вновь вернется к власти. Увидев такой сон, он опять созвал магов и просил у них истолкования этого сновидения. Однако никто из них не мог разгадать и объяснить царю значение этого сна, и тогда один Даниил изложил этот сон; и как он его объяснил и предсказал царю, так и случилось. Дело в том, что царь прожил действительно указанное время в пустыне, причем в течение того семилетнего периода никто не осмелился овладеть верховной властью; и когда царь затем умолил Господа Бога вернуть ему его престол, он возвратился снова в царство. Пусть никто не вздумает упрекать меня в том, что все это я рассказал так, как нашел записанным в наших священных книгах. Ведь я же в самом начале своего сочинения предупредил всех, кто бы вздумал приставать ко мне по поводу излагаемых событий или упрекать меня в чем бы то ни было, что я только на греческом языке пересказываю еврейские книги и буду делать это, не прибавляя от себя к ним ничего, но и ничего не отнимая, сообразно моему обещанию⁶⁷².

1. Царь Навуходоносор умер, процарствовав сорок три года, и был человеком предприимчивым и гораздо более счастливым, чем его предшественники на престоле. Об его деяниях упоминает в третьей книге своей халдейской истории и Берос, говоря следующим образом: «Когда отец его Набопалассар узнал, что наместник, назначенный над Египтом, Келесирией и Финикией, отпал от него, старик, не будучи уже более в силах лично переносить трудности похода, поручил своему сыну Навуходоносору, который был тогда молодым человеком, часть своей рати и выслал его во главе ее против сатрапа. Сойдясь с отступником и сразившись с ним, Навуходоносор разбил его, а все страны вновь вернул под власть своего царства. Около того же времени отец его Набопалассар заболел в городе Вавилоне и умер, процарствовав двадцать один год. Когда вскоре затем Навуходоносор узнал о кончине отца своего, он [немедленно] распорядился относительно Египта и прочей области, поручил нескольким друзьям военнопленных иудеев, финикийцев, сирийцев и египтян и, велел им отправиться с главными военными силами и всей добычей в Вавилонию, сам, в сопровождении небольшой свиты, поспешил через пустыню в Вавилон. Приняв затем дела, которыми пока (во время его отсутствия) заведовали халдеи, и престол, временно занятый знатнейшим из них, и став таким образом единодержавным правителем над царством отца своего, Навуходоносор велел отвести для поселения прибывшим между тем военнопленным местности в самых плодородных частях Вавилонии, сам же занялся щедрым украшением из военной добычи святилища Ваала и прочих храмов; он также обновил древний город, доказав ему свое расположение тем, что расширил его новыми зданиями, а чтобы врагам, в случае осады, невозможно было отвести русло реки, окружил город двумя цепями стен, по три внутри и по столько же извне. Одну из этих стен он соорудил из кирпичей и асфальта, а другие из одного кирпича. Укрепив столь подобающим образом город стенами и украсив их богатыми воротами, царь приступил к сооружению нового дворца, находившегося рядом с отцовским дворцом и соединенного с ним; было бы лишним описывать устройство этого нового здания и вообще все его богатое убранство; скажем лишь, что оно было огромно и замечательно и было воздвигнуто в пятнадцать дней. При своем дворце он велел соорудить каменные возвышения, совершенно похожие по виду на горы, обсадил их всевозможными деревьями и устроил так называемый висячий сад, вследствие желания жены его, происходившей из Мидии, иметь такую вещь, к которой она привыкла у себя на родине».

Также упоминает о деяниях Навуходоносора и Мегасфен⁶⁷³ в четвертой книге своей индийской истории и старается там доказать, что этот царь мужеством и доблестью своих подвигов превзошел самого Геракла: он-де, говорит историк, подчинил своей власти большую часть Ливии⁶⁷⁴ и Иберию⁶⁷⁵. Равным образом упоминает об этом царе и Диокл⁶⁷⁶ во второй книге своей персидской истории, а Филострат⁶⁷⁷ в своей истории Индии повествует, что этот царь в течение тринадцати лет осаждал Тир, в то время как в Тире царствовал Ифвал.

Таковы сообщения всех историков об этом государе.

2. После смерти Навуходоносора преемником его стал сын его Авиламародах⁶⁷⁸, который немедленно освободил от оков иерусалимского царя Иехонию, принял его в число ближайших друзей своих, одарил его богатыми дарами и сделал его заведующим царскими имуществами в Вавилонии. Ведь отец его (Навуходоносор) не сдержал клятвы верности по отношению к Иехонии, который добровольно с женами, детьми и всеми родственниками своими сдался ему ради спасения своего отечества, чтобы город после осады не был разграблен при своем падении, как это мы, однако, выше уже рассказали. Когда же и Авиламародах после восемнадцатилетнего

царствования скончался, власть его перешла к его сыну Ниглисару⁶⁷⁹, который умер, быв царем в течение сорока лет. После него царская власть перешла по наследству к его сыну Лавосордаху⁶⁸⁰, но оставалась в его руках всего только семь месяцев, потому что он по истечении этого времени умер, а затем перешла к Валтасару, носившему у вавилонян имя Навоандила⁶⁸¹. Против последнего пошли войной персидский царь Кир и мидийский — Дарий⁶⁸².

И вот в то время, как он подвергся в Вавилоне осаде, с ним приключилось нечто удивительное и совершенно необычайное, пока он в обществе своих наложниц и приближенных возлежал за пиром в огромной зале, специально предназначенной для царских пиршеств. В это время ему вдруг пришло на ум велеть принести из храма те священные сосуды, которые Навуходносор некогда захватил в иерусалимском храме при разграблении его, а затем, не пользуясь ими, поместил в капище своего собственного божества. Сам Валтасар дошел при этом до такой дерзости, что употребил сосуды в дело во время своего пиршества, и вот, пока он пил из этих сосудов и хулил Предвечного, он вдруг увидел, как из стены показалась рука и начертала на стене несколько неизвестных слов. Испугавшись этого видения, царь велел призвать магов и халдеев и всех тех вавилонян, кто умел объяснять чудесные явления и сны, дабы эти люди прочитали ему написанное [на стене]. Но когда маги заявили, что не могут найти разгадку и понять написанное, то царь впал в сильнейшее расстройство и отчаяние по поводу этого необычного явления и велел объявить по всей стране, что обещает отдать лицу, которое смогло бы прочесть письма и сообщить ему скрытый в них смысл, кованую золотую нашейную цепь, пурпуровую одежду, какую носят халдейские цари, и третью часть своего царства.

После этого объявления собралось еще больше магов, которые хотя и выбивались из сил над разбором смысла загадочных писем, однако все-таки нисколько не преуспевали в этом. Видя отчаяние царя по этому поводу, мать старалась утешить его; при этом она сказала, что [при дворе] имеется один военнопленный из Иудеи, родом оттуда же, которого привели сюда после разрушения Иерусалима Навуходносором; имя его — Даниил, он человек мудрый и отлично умеет раскрывать все загадочное и известное одному Господу Богу; этот Даниил вполне ясно разрешил царю Навуходносору значение волновавшего его вопроса в то время, как никто не сумел объяснить ему его просьбы. Поэтому царица советовала сыну послать за этим человеком, спросить его мнения о данных письменах, объяснить ему неуменье прочих разгадать их и узнать, не знаменуют ли эти посланные Господом Богом письма какого-либо несчастья.

3. Услыхав это, Валтасар приказал позвать Даниила и, переговорив с ним, чтобы ознакомиться с ним и его ученостью, а также сказав ему, что в нем, Данииле, жив дух Божий и что он один только умеет разгадать то, что недоступно всем прочим, просил его разобрать письма и объяснить смысл их. За это он обещал Даниилу дать право ношения пурпурной одежды и золотой цепи на шее, отдать ему треть своей царской власти и возвести его в награду за его мудрость в такой почет, что он обратит на себя внимание решительно всех и все станут спрашивать о причине такого его благополучия. Однако Даниил просил царя оставить при себе все указанные подарки, так как божественная мудрость не продажна и достигается нуждающимся в ней даром, и обещал объяснить ему загадочные письма. Последние, сказал он, означают наступление конца его жизни, так как он не научился благочестию и нисколько не думает о том, что выше одного человеческого благополучия, несмотря на то, что отец его был жестоко наказан за свое презрительное отношение к Господу Богу. Невзирая на то, что Навуходносор за свои безбожные деяния был удален в общество диких зверей и лишь путем многих молений и просьб смягчил гнев Предвечного и мог снова вернуться к жизни среди людей и на свое царство и за это до скончания дней своих восхвалял Всевышнего, у которого вся

власть и который заботится о людях, он сам, Валтасар, совершенно забыл обо всем этом и помимо всех прочих богохульств осквернил божественные сосуды, употребив их во время пира со своими наложницами. И вот за это-то Господь Бог и разгневался на него и путем надписи указывает ему, каким образом ему придется окончить жизнь свою. А смысл тех писем таков: «...мане — это на эллинском языке⁶⁸³ означает число, т.е. время жизни твоей и владычества твоего исчислил Господь Бог и тебе остается еще немного времени жить; текел — это означает вес, т.е. по отношению к тебе Предвечный взвесил время твоего царствования и объявляет тебе, что оно идет уже к концу: фарес — это на эллинском языке значит раздел. Другими словами. Предвечный разделит твое царство и распределит его между мидянами и персами»⁶⁸⁴.

4. Когда Даниил сообщил царю смысл писем на стене, Валтасара, как это и вполне естественно при таких грустных данных, обуяли печаль и отчаяние.

Однако, несмотря на то, что Даниил дал ему столь дурное предсказание, царь не только не удержал ничего из обещанной ему награды, но отдал ему все дары, совершенно правильно рассудив, что угрозы его царству являются результатом неизбежного предопределения, а не виной пророка, и считая, что самая возможность давать такие объяснения, хотя бы для него лично и роковые, является следствием добродетели и справедливости Даниила.

Таково было объяснение Даниила, а немного времени спустя сам Валтасар и его город пали во время похода на него персидского царя Кира. Именно при Валтасаре, процарствовавшем семнадцать лет, совершилось взятие Вавилона. Таким образом, как мы рассказали, и прекратился род потомков царя Навуходоносора. Вместе с Киrom участвовал при сокрушении вавилонского владычества также его родственник Дарий, которому шел уже шестьдесят второй год, когда был взят Вавилон; он был сыном Астиага и известен у греков под другим именем⁶⁸⁵. Этот-то увел и пророка Даниила с собой в Мидию и держал его при себе, воздавая ему всевозможные почести. Дело в том, что Даниил стал одним из тех трех главных сатрапов⁶⁸⁶, которых Дарий назначил над своими шестьюдесятью тремя наместничествами, учрежденными им.

5. Итак, пока Даниил занимал столь почетную должность и пользовался особым расположением Дария, да и всем народом признавался за единственного человека, носившего в себе дух Божий, он тем не менее успел возбудить и зависть против себя; ведь всегда люди относятся друг к другу недоброжелательно, если видят, что кто-либо из их среды снискал себе в глазах правителей большее, чем они сами, благоволение. Но сколько они ни старались найти случай, по которому они могли бы наклеветать на любимца Дария, он не подавал им никакого к тому повода. Будучи выше денег и относясь враждебно к какому бы то ни было подкупу, да и считая крайне постыдным брать какое бы то ни было вознаграждение, даже и законное, Даниил не давал своим ревностным недоброжелателям ни малейшей возможности подкопаться под него. И вот, когда последние не смогли найти решительно никакого повода обвинить его пред царем, дабы такую гнусную клевету лишить его расположения Дария, они выискали другой способ избавиться от него. Видя, что Даниил трижды в день молится Предвечному, они решили употребить это обстоятельство, чтобы загубить его, и потому, придя к Дарию, заявили ему, что его сатрапы и военачальники решили в течение тридцатидневного срока дать покой народу, чтобы никто не мог в продолжение этого времени обращаться с просьбами ни к нему, Дарию, ни к богам и чтобы всякий, кто вздумал бы нарушить это постановление, был брошен в яму и там погиб.

6. Царь, не поняв их злого умысла и не подозревая, что все это направлено против Даниила, выразил свое согласие на их решение и, обещав им утвердить это постановление, выработал

форму, в которой можно было бы объявить народу о решении сатрапов. И вот в то время как решительно все опасались преступить изданное постановление, Даниилу не приходила в голову даже и мысль о том, чтобы последовать общему примеру, но он по-прежнему, по своей привычке, на глазах у всех молился Предвечному. Тогда сатрапы, видя, что их уловка, предпринятая ими против Даниила, вполне удалась, немедленно явились к царю и обвинили Даниила как единственного, который преступает предписания (в то время как никто другой не дерзает молиться богам) и делает-де все это вовсе не из благочестия, но потому, что он чувствует себя безопасным и совершенно независимым в глазах своих завистников. Но так как они предполагали, что Дарий, вследствие своего чрезмерного расположения к Даниилу, охотно простит ему даже нарушение его собственных постановлений, а именно этого-то они желали избежать и в этом-то пункте и добивались до Даниила, то они не стали и говорить о помиловании, но потребовали, чтобы, согласно закону, Даниил был брошен в яму со львами. Тогда Дарий, надеясь на то, что Даниила поддержит Предвечный и что он не потерпит вреда от диких зверей, стал уговаривать [своего любимца] храбро встретить опасность. Когда Даниил был спущен в яму, то царь, собственноручно запечатав камень, лежавший над отверстием ямы, удалился к себе, но, крайне беспокоясь за Даниила, не ел в тот день уже более ничего и провел всю ночь без сна. С наступлением дня он поднялся с ложа и отправился к яме. Найдя печать, которую он оставил на камне, целою, он открыл отверстие и громко позвал Даниила по имени, желая узнать, не спасся ли он. Когда последний отвечал царю, что с ним не произошло никакого несчастья, Дарий велел извлечь его из ямы с дикими зверями. И хотя недоброжелатели Даниила увидели его целым и невредимым, они решили, что он спасся не благодаря Предвечному и Его попечению о нем, но потому, что львы, заранее насытившись пищею, не были голодны и потому не тронули Даниила. Все это они стали высказывать царю. Последний же, разгневавшись на их испорченность, приказал бросить львам сперва множество мяса, а затем, когда львы насытились, также и врагов Даниила спустить в яму, чтобы узнать, действительно ли львы не тронули его вследствие своего пресыщения. И вот тут-то, когда сатрапы были брошены на съедение львам, Дарий мог воочию убедиться, что именно Всевышний спас Даниила: львы не пощадили ни одного из сатрапов, но разорвали их всех, как будто были еще голодны и нуждались в пище. Я же полагаю, что они рассвирепели не от голода, так как они незадолго перед тем вдоволь поели мяса, но от людской испорченности, которую, по определению Предвечного, поняли в наказание людям, даже неразумные животные.

7. Когда таким образом погибли злоумышленники Даниила, то царь Дарий разослал по всей стране приглашение воздать славу тому Богу, которому поклоняется Даниил; при этом царь признавал этого Бога единственно истинным и всемогущим. Даниила он осыпал неопишными почестями, сделав его самым близким к себе человеком. Пользуясь таким почетом и столь блестящим положением за общераспространенную славу о своей близости к Предвечному, Даниил соорудил в мидийской столице Экбатанах дворец; здание дивное и необычайно искусное, которое сохранилось в целости по сей день, производит на зрителей ошеломляющее впечатление и кажется каждому отстроенным как раз в самый тот день, когда его видишь, настолько жива и поразительна его красота, не поддающаяся столь продолжительному периоду времени. Ведь обыкновенно людские сооружения испытывают ту же самую судьбу, что и люди, причем они с годами теряют свою прочность, портятся и лишаются своей блестящей внешности. В этом дворце по сей день хоронят мидийских, персидских и парфянских царей, и заведование этим зданием поручено иудейскому священнику; так это осталось до нашего времени. Впрочем, в жизни этого человека (Даниила) можно отметить еще целый ряд удивительных и необычайных случаев, о которых я расскажу. Все, что бы с ним ни случалось, было необыкновенно, как и подобает одному из величайших

пророков, и таким образом он не только при жизни своей удостоился всякого почета от царей и народа, но снискал себе и после смерти вечную славу. Оставленные им после себя сочинения еще и по сей день читаются у нас, и мы приходим на основании их к твердой уверенности, что Даниил был близок к Предвечному. Дело в том, что он не только постоянно предсказывал, подобно всем прочим пророкам, будущее, но в точности определял время исполнения своих предсказаний; но в то время как другие пророки предсказывали [всегда] худшее и вследствие этого навлекали на себя неудовольствие правителей и народа, Даниил был для них предвещателем добра, так что хорошие предсказания его привлекали к нему всеобщие симпатии; а так как в конце концов предвещения его всегда сбывались, то он вместе с тем снискал себе в глазах простонародья и славу божественности. Он оставил нам записи, по которым мы можем в точности и в вполне определенной форме ознакомиться с его предвещениями.

Так, например: он рассказывает, как однажды в бытность свою в персидской столице Сузах⁶⁸⁷ он вышел со своими товарищами на равнину и как вдруг затряслась и заколебалась почва у них под ногами, как он остался один в поле, потому что друзья его бежали, и как он в ужасе упал на землю с распростертыми руками. Вдруг кто-то прикоснулся к нему и тотчас велел встать и узреть то, что должно было спустя много поколений постигнуть его сограждан. И вот, когда он поднялся с земли, то увидел огромного овна с массою рогов, и один из этих рогов был гораздо выше других. Затем ему было повелено взглянуть на запад, и там он увидел козла, несшегося оттуда на овна, ударившего его дважды рогами, низвергнувшего его на землю и начавшего топтать его ногами. Затем он увидел, как из лба козла вырос крупнейший рог, который раскололся на части и образовал четыре других рога, направленных к четырем странам света.

Из этих рогов, писал далее Даниил, выделился новый, поменьше, который, как сказал пророку Всевышний, показавший ему все это видение, должен был вырасти, пойти войною на его народ, силою взять его город, разрушить храм и остановить принесение жертв в течение тысячи двухсот девяноста шести дней. Это, по словам Даниила, узрел он на равнине близ Суз, а Господь Бог дал ему следующее объяснение указанного видения: овен изображает собою царства персидское и мидийское, рога — будущих царей, крайний рог означает последнего царя, который среди всех прочих отличится богатством и славою. Козел показывает, что из греков выйдет некий правитель, который дважды сразится с персами, победит их и захватит в свои руки всю власть. Под большим рогом на лбу козла следует понимать этого первого царя, а распадение рога на четыре новых, направленных к четырем странам света, знаменует собой деление царства между четырьмя преемниками после смерти первого царя, причем эти преемники будут властвовать над всею землею в течение многих лет, не будучи притом ни сыновьями, ни родственниками своего предшественника.

И вот [наконец] из среды их восстанет некий царь, который покорит себе народ войною, уничтожит его законы и его государственное устройство, разрушит храм и на три года приостановит [все] жертвоприношения.

Все это действительно пришлось испытать нашему народу при Антиохе Эпифане, как то предвидел и письменно предвещал Даниил за много лет вперед.

Точно таким же образом Даниил предсказал и владычество римлян, а также то, что ими будет взят Иерусалим и опустошен храм. Все эти предсказания, полученные им от Господа Бога, он записал и оставил нам, дабы читатели и свидетели событий могли преклониться перед тем, в какой чести был Даниил у Всевышнего, и дабы доказать таким образом заблуждения эпикурейцев, отвергающих предопределение в жизни и уверяющих, будто Господь не заботится о делах мирских, будто вселенная не управляется верховным и стоящим выше всех

превратностей Существом, и говорящих, что вселенная развивается сама собою, без определенного плана, самостоятельно, без руководителя и направителя. Но кто таким образом без указателя стал бы жить, тому пришлось бы разбиться о непредвиденное препятствие и погибнуть навсегда, подобно тому как мы видим, что и корабли, лишенные кормчих, погибают от силы ветров, или как наблюдаем, что колесницы без возниц сбиваются с пути.

Итак, на основании того, что предсказано Даниилом, люди, которые совершенно отвергают промысел Божий в делах человеческих, кажется мне, сильно ошибаются и далеки от истины, ибо если бы все во вселенной случилось по какому-то слепому случаю, то мы не могли бы убедиться, что все произошло совершенно так, как было предсказано Даниилом.

Я, впрочем, записал все это так, как я нашел в книгах и как прочитал там; если же кто-нибудь имеет на этот счет иное мнение, то иметь таковое ему не возбраняется⁶⁸⁸.

Предисловие

В начале книги рассказывается о создании самоуправляющейся иудейской гражданско-храмовой общины в Иерусалиме. Персидский царь Кир II, завоевав в 538 г. до н.э. Вавилон, разрешил восстановление Иерусалима. Ахемениды придерживались принципа терпимости к чужим религиям, в частности, иерусалимская храмовая община освобождалась от царских налогов и повинностей. На строительство города и храма даже отводились средства из доходов сирийско-палестинской сатрапии. Возврат евреев из Вавилонии в Палестину осуществлялся одновременно, группами, под руководством тех представителей иудейской общины, которые до этого занимали высокие чиновничьи должности при дворе персидских царей, - Зоровавеля, Ездры, Неемии. Поэтому иерусалимская храмовая община получила большие привилегии, а туземное население ставилось в неполноправное, даже зависимое положение. В пользу общины оно облагалось поборами и повинностями. Это вызывало серьезное недовольство местного населения Палестины, самаритян. Поэтому организация иерусалимской общины и восстановление города и храма происходило медленно и с большими перерывами. Они были завершены только в конце V — начале IV в. до н.э. Параллельно происходило оформление догматов иудаизма.

1. В первый год правления Кира⁶⁸⁹ (т.е. в семидесятый со дня выселения нашего народа из родины в Вавилон) Господь Бог сжалился над пленом и страданием тех несчастных, сообразно тому, как он накануне разрушения города [Иерусалима] предсказал им через Иеремию-пророка (Ср. [Иер 25.12](#); [Иер 29.10](#)), а именно, что после семидесятилетнего рабства Навуходоносору и его потомкам он вернет их назад на родину, а они отстроят храм и будут наслаждаться прежним благополучием. И вот Господь теперь даровал им все это, внушив Киру написать и разослать по всей Азии следующее воззвание: «Так говорит царь Кир: после того, как всемогущий Бог даровал мне царствование над всей землей, я убедился, что он то же самое Божество, которому поклоняется народ израильтян. Он устами пророков предвещал имя мое и объявил, что я отстрою храм Его в Иерусалиме в стране Иудейской».

2. Это Кир узнал при чтении книги, в которой за двести десять лет до этого пророк Исаия оставил свои предвещения. Последний тайно сообщает, что Предвечный сказал: «Сделав Кира царем над многими великими народами, Я желаю, чтобы он вернул народ Мой на его родину и построил Мой храм» (Ср. [Ис 44.28](#)). Это предсказал Исаия за сто сорок лет до уничтожения храма. И вот, когда Кир прочитал это, то преклонился перед Божеством, и необычайное рвение и усердие обуяли его к исполнению предначертанного. Созвав поэтому наиболее выдающихся из вавилонских иудеев, он сообщил им о своем разрешении отправиться им на родину и восстановить там город Иерусалим и храм Господа Бога. К этому царь присовокупил, что помощником в том деле будет им сам Предвечный, он же лично напишет своим начальникам и сатрапам пограничных [с Иудеею] областей, чтобы они доставили евреям необходимое для постройки храма золото и серебро, а также материал для жертвоприношений⁶⁹⁰.

3. После того, как Кир возвестил это израильтянам, начальники колен Иудова и Веньяминова, равно как левиты и священнослужители, собрались в Иерусалим. При этом многие, не желая бросить свое имущество, остались в Вавилоне. А когда [уехавшие] прибыли [на родину], то все друзья царя стали оказывать им поддержку и доставлять для сооружения храма одни золото, другие серебро, третьи стада скота и лошадей. Тогда прибывшие возблагодарили Господа Бога и принесли издревле установленные жертвоприношения, так как город теперь должен был вновь возникнуть и снова должны были ожить прежние формы культа и богочитания. Вместе с тем Кир прислал им обратно храмовые сосуды, которые некогда увез с собой Навуходоносор в Вавилон после разгрома храма. Утварь эту царь поручил своему казначею Митридату для доставления [в Иудею], причем поручил ему отдать ее на сохранение Авассару до тех пор, пока не окончится постройка храма, дабы он затем, по окончании сооружения, передал ее священнослужителям и начальникам народа для постановки в храм. Вместе с тем Кир отправил к сирийским сатрапам письмо следующего содержания:

«Царь Кир шлет привет Сисину и Саравасану. Я позволил тем из живущих в стране моей иудеям, которые того пожелали, вернуться на родину и вновь отстроить город и соорудить в Иерусалиме храм Божий на том же самом месте, на котором он был раньше. Вместе с тем я отправил [с ними] моего казначея Митридату и начальника над иудеями Зоровавеля, дабы они заложили фундамент храма и соорудили всю постройку, вышиной в 60 локтей и столько же в ширину, сделав три части здания из отесанных камней и одно отделение из дерева⁶⁹¹, равным образом как и жертвенник, на котором они приносили бы жертвы Господу Богу. Расход на сей предмет я желаю принять на свой счет. Сосуды же, которые [некогда] похитил из храма царь Навуходоносор, я им послал, передав их казначею Митридату и начальнику над иудеями Зоровавелю, дабы они перевезли их в Иерусалим и поместили в храме Господнем. Число же

сосудов этих следующее: чаш пятьдесят золотых и пятьсот серебряных, кубков золотых сорок, а серебряных пятьсот, пятьдесят золотых и пятьсот серебряных кадок, тридцать золотых и триста серебряных чаш для возлияний, тридцать золотых и две тысячи четыреста серебряных фиалов⁶⁹² и еще тысяча других больших сосудов⁶⁹³. Позволю иудеям вернуться к прежним почитаемым ими обычаям своих предков; пусть они получат на обзаведение скотом, вином и маслом двести пятьдесят тысяч пятьсот драхм и пшеничной муки двадцать тысяч пятьсот артабов⁶⁹⁴. Все эти расходы я повелеваю отнести на счет податей с Самарии. Из этого иерусалимские священнослужители принесут жертвы сообразно законоположениям Моисеевым и при этом будут молить Предвечного о спасении царя и его рода, дабы царство персидское пребывало нерушимым. Всех же, кто ослушается этого повеления или станет противодействовать ему, я повелю распять, а имущество конфисковать в пользу царской казны».

Таково было содержание [царского] письма; число же вернувшихся в Иерусалим из плена было сорок две тысячи триста шестьдесят⁶⁹⁵ человек⁶⁹⁶.

1. Пока [иудеи] клали фундамент храма и особенно усердно занимались постройкой последнего, соседние племена, преимущественно же хуфейцы (Ср. выше, IX, 14, 3 и X, 9, 7.), которых царь ассирийский Салманасар⁶⁹⁷ вывел из Персии и Мидии и поселил в Самарии, когда покорил себе народ израильский, стали просить сатрапов и прочих [царских] уполномоченных воспрепятствовать иудеям в восстановлении города и постройке храма. Уполномоченные, будучи подкуплены хуфейцами, в угоду последним стали относиться нерадиво и беспечно к сооружению евреями построек. Между тем Киру было некогда думать об этом ввиду того, что он был занят войной; во время же своего похода на массагетов⁶⁹⁸ он умер⁶⁹⁹. Когда же на царский престол вступил Камбиз⁷⁰⁰, сын Кира, то жители Сирии, Финикии, Аммонитиды, Моавитиды и Самарии отправили Камбизу письмо следующего содержания: «Владыка! Рабы твои, Рафим-историограф, Семелий-книжник и члены сирийского и финикийского суда [шлют тебе привет]. Знай, царь, что [некогда] уведенные в Вавилон иудеи прибыли теперь в нашу страну, отстраивают свой отступнический гнусный город с его площадями, сооружают стены и вновь восстанавливают храм. Будь, однако, уверен, что, если они закончат эти постройки, они не станут ни платить податей, ни пожелают повиноваться, но восстанут на царей и предпочтут сами властвовать, чем повиноваться. А так как они очень энергично и усердно принялись за отстройку своего храма, то мы, о царь, решили написать тебе и не упустить случая напомнить тебе, чтобы ты [сам] пересмотрел летописи своих предков. Тут ты найдешь указания на то, что иудеи с их городом изменники и враги [персидских] царей и что по этой именно причине город их теперь разрушен. Вместе с тем мы сочли нужным обратить твое внимание еще на один, несомненно тебе также неизвестный предмет, а именно что, когда город таким образом будет вновь отстроен и повсюду окружен стенами, тебе будет отрезан доступ в Келесирию и Финикию».

2. Когда Камбиз прочитал это письмо, то, будучи человеком подлого характера, весь проникся указанным наветом и написал следующий ответ:

«Царь Камбиз историку Рафиму, Велсему, книжнику Семелию и всем остальным своим подчиненным, живущим в Самарии и Финикии, сообщает следующее: прочитав присланное мне вами письмо, я повелел справиться в летописях моих предков и узнал, что [указанный вами] город искони был враждебен [персидским] царям и что жители его [постоянно] были заняты возмущениями и войнами. Вместе с тем мы узнали, что цари их (иудеев) были могущественны и деспотичны и налагали дань на Келесирию и Финикию. Поэтому я распорядился не разрешать иудеям вновь отстраивать их город, дабы еще более не возросла их постоянно проявлявшаяся по отношению к царям [персидским] ненависть».

По прочтении этого письма Рафим, книжник Семелий и их подчиненные немедленно сели на коней и поспешили в Иерусалим, собрали там большую толпу народа и объявили иудеям запрещение отстраивать город и храм. Таким образом эти сооружения приостановились вплоть до второго года правления персидского царя Дария, т.е. в течение целых девяти лет. Проществовав шесть лет и подчинив себе тем временем Египет, Камбиз по возвращении своем умер в Дамаске⁷⁰¹.

1. После избиения магов⁷⁰², овладевших после смерти Камбиза правлением над персами и державших власть в своих руках в течение года, так называемые семь персидских домов⁷⁰³ выбрали царем Дария Гистаспа. Еще в бытность свою частным человеком Дарий дал обет Богу, что если он станет царем, то пошлет в иерусалимский храм все священные сосуды Предвечного, которые еще находились в Вавилоне. Как раз в это время прибыл к Дарию из Иерусалима Зоровавель, который некогда был назначен начальником над пленными иудеями. Дело в том, что Зоровавель издавна был связан дружбою с царем и благодаря этой дружбе он теперь вместе с двумя другими лицами удостоился чести, которой раньше добивался, а именно стал телохранителем царя⁷⁰⁴.

2. В первый же год своего правления Дарий устроил блестящий и крайне торжественный прием всем своим приближенным, своим сородичам, начальникам мидийским, персидским сатрапам, всем наместникам стран от Индии до Эфиопии и управляющим ста двадцати семи сатрапий⁷⁰⁵. Когда все напились до пресыщения и каждый направился к себе домой для отдыха и сна, царь Дарий также отправился спать, но, немного подремав, уже более не мог заснуть; проснувшись и потеряв надежду на дальнейший сон, он вступил в разговор со своими тремя телохранителями. Тут он обещал того из них, который даст ему на его вопросы наиболее правдивые и откровенные ответы, наградить следующим образом: разрешит ему носить багряницу, пить из золотых чаш, спать на золотом вытканном ложе, подарить ему золотом украшенную колесницу, чалму из виссона и золотую цепь на шею, а также посадить его на почетное место рядом с собой. «Кроме того,- сказал царь,- он получит титул моего родственника».

Обещав им указанные награды, царь спросил первого, что самое могущественное [на свете] — не вино ли, второго — не цари ли, третьего — не женщины ли, или не сильнее ли всего этого истина? Предложив им разрешить эту задачу, он снова заснул. На утро же он пригласил [всех] вельмож, сатрапов и топархов Персии и Мидии и, сев на свое обычное председательское место, повелел каждому из своих телохранителей в присутствии всех высказать его мнение по поводу предложенных им вопросов.

3. Тогда первый телохранитель стал следующим образом описывать силу вина: «Господа,- сказал он, свидетельствуя могущество вина,- я могу сказать, что, по моему мнению, оно превосходит в этом смысле все существующее и притом потому, что оно обманывает и вводит в заблуждение разум пьющих его, равняет царя с сиротой и жалким нищим, побуждает раба к легкому обращению свободнорожденного и уравнивает бедняка с богачом. Вникая в людей, вино изменяет и перерождает их настроения, подавляет печаль людей, впавших в несчастье, дарует забвение неоплатным должникам и вызывает в них убеждение, что они богаче всех прочих, так что они уже и не говорят более о мелочах, но упоминают о талантах и тому подобных приличествующих лишь богачам суммах. Кроме того, оно делает полководцев и царей не чувствительными ни к чему и заставляет их забывать о друзьях и родных. Это же вино вооружает людей против наиболее преданных им друзей и заставляет их относиться к последним как к совершенно чуждым им лицам. Когда же люди протрезвятся и винные пары покинут их за время ночного сна, то они просыпаются в полном неведении того, что они совершили во время своего опьянения. Основываясь на всем сказанном, я нахожу, что вино могущественнее и властнее всего существующего».

4. Когда первый [телохранитель], прославлявший указанным образом мощь вина, закончил свою речь, за ним стал говорить тот, который взялся отстаивать царское могущество. Последнее

он характеризовал как наивысшую и наимогущественную силу среди всех, превосходящую интенсивностью силу физическую и интеллектуальную. Вот каким образом он повел свое рассуждение.

Сказав, что над всем доминируют люди, подчиняющие своей воле землю и пользующиеся по своему усмотрению морем, он продолжал: «А над людьми властвуют цари и распоряжаются ими. Поэтому естественно, что, кто владычествует над наиболее сильным и мощным существом (человеком), тот сам недостижим по силе и могуществу. Постоянно слышишь, как они поручают своим подданным ведение войн и подвергают их опасностям; посылая этих подданных в походы на врагов, они не встречают со стороны этих подданных, именно благодаря своему могуществу, ни малейшего отпора в этом. По их мановению сносятся горы, разрушаются стены и башни. Люди по царскому приказанию идут сами на смерть, равно как убивают других, лишь бы не навлечь на себя подозрения в ослушании царских повелений. После победы эти же люди доставляют своему царю всю военную добычу. Равным образом и не участвующие в походах, но обрабатывающие землю и вспахивающие ее впоследствии, несмотря на свои труды и перенесение всех тягостей работы, после жатвы и сбора плодов обязаны доставлять царю подати. Что бы царь ни сказал и ни повелел, все это по необходимости немедленно исполняется. Когда же затем он, вдоволь насытившись и преисполнившись удовольствия, засыпает, его охраняют бодрствующие [за него] стражи, как бы скованные страхом; ибо никто не дерзает покинуть спящего и уйти от него ради своих собственных дел, но остается при нем, считая единственной своей обязанностью — охрану царя. Разве ввиду всего этого царь очевидно не превосходит всех могуществом своим, царь, приказаниям которого повинуются такое множество людей?»

5. Когда смолк и этот оратор, слово перешло к третьему из них, Зоровавелю, и он следующим образом стал объяснять свое мнение насчет [могущества] женщин и истины: «Сильны, конечно, и вино, и царь, которому все повинуются, но могущественнее того и другого женщины. Ведь и царя произвела на свет женщина, равно как и виноградарей, насаждающих лозы, которые дают вино, рождают и вскармливают женщины. Вообще же у нас нет ничего, чего бы мы не привели в связь с женщинами. Они ткнут нам наши одежды, все домашние дела наши поручены их заботливости и наблюдению; поэтому-то мы и не можем отдалиться от женщин; даже если нам удастся заработать множество золота или серебра или добиться каких-нибудь других драгоценных и достойных стремления вещей, мы готовы при виде красивой женщины бросить все это, глазеть на нее и даже готовы отдать все наше состояние, лишь бы наслаждаться красотой ее и назвать ее своей. Мы покидаем отцов и матерей своих и даже вскормившую нас землю и часто предаем забвению наиболее дорогих друзей своих ради женщин, а иногда отдаем за последних даже жизнь свою. Вот поэтому-то вы и можете судить о могуществе женщин. Разве мы не приносим и не отдаем охотно нашим владычицам-женщинам всего того, ради чего мы трудились и, когда нужно было, подвергались бедствиям на суше и на море? Ведь я сам однажды видел этого нашего столь могущественного царя получающим побои от своей наложницы Апамы, дочери фавмасийца Равезака; видел, как он терпеливо сносил, что она сняла с его головы диадему и надела ее на себя; видел, как он радовался ее веселости и был омрачен ее гневом; видел, как он потакал всем внезапным капризам этой женщины; замечал, как он примирялся с ней путем страшнейших личных своих унижений, видя ее разгневанной».

6. Когда же [при этих словах] сатрапы и военачальники переглянулись между собой, Зоровавель стал говорить об истине. «Итак,- сказал он,- я показал, какова власть женщины. А между тем и они и царь являются все-таки бессильными сравнительно с истиной. Ибо если земля весьма велика, небо высоко, солнце быстроподвижно, то все это движется по воле Господа Бога; он же справедлив и любит истину, а по этой причине следует и истину считать

наиболее могущественным [в мире] началом и притом таким, против которого ничего не может поделаться несправедливость. К тому же в то самое время, как все, обладающее известной силой, является смертным и скоропреходящим, истина остается бессмертной и вечной. Она дает нам не красоту, увядающую с течением времени, не изобилие, пропадающее благодаря какой-либо случайности, но дарует нам все принципы справедливости и законности, отделяя и удаляя от них все несправедливое».

7. Зоровавель таким образом закончил речь свою об истине, и когда толпа собравшихся с восторгом воскликнула, что он говорил лучше всех, так как действительно одна лишь истина обладает несокрушимой и вечной мощью, царь предложил ему просить себе в награду еще чего-нибудь помимо того, что ему уже обещано; ибо, сказал царь, он охотно наградит его за его мудрость и за выдающуюся перед всеми другими рассудительность.

«Итак,- продолжал он,- ты будешь восседать рядом со мной и именоваться моим сродником!» При этих словах царя телохранитель напомнил ему об обете, данном им некогда по поводу вступления на престол, а именно — вновь отстроить Иерусалим, воздвигнуть в нем храм Предвечного и вернуть туда похищенные и привезенные Навуходоносором в Вавилон [священные] сосуды. «В этом и будет заключаться,- сказал он,- та моя просьба, исполнение которой ты мне предложил за выказанную мною мудрость и рассудительность»⁷⁰⁶.

8. Царю это понравилось, и он, поднявшись [с трона], обнял Зоровавеля; затем он написал топархам и сатрапам повеление оказывать поддержку Зоровавелю и всем тем, кто захочет вместе с ним отправиться [в Иерусалим] для участия в построении храма. Вместе с тем он поручил своим сирийским и финикийским наместникам распорядиться рубкой кедровых стволов и отправкою их с Ливана в Иерусалим, а также приказал им оказывать Зоровавелю помощь при восстановлении города. При этом царь издал указ, коим даровалась свобода всем пленным иудеям, отправляющимся в Иудею, и запретил своим наместникам и сатрапам взимать с иудеев царскую дань. Вместе с тем он наперед освободил все земли, которые иудеи смогли бы обрабатывать, от каких бы то ни было податей. Кроме того, он повелел идумеянам, самарянам и келесирийцам вернуть иудеям отнятые у них деревни и вдобавок доставить им еще пятьдесят талантов на сооружение храма. Равным образом он разрешил иудеям приносить установленные жертвы, распорядился дать им всю нужную для богослужения обстановку, велел на свои личные средства заготовить нужные для первосвященника и иереев⁷⁰⁷ облачения, равно как необходимые левитам для прославления Предвечного музыкальные инструменты. Страхе городской и храмовой он велел нарезать земельные участки, а также отпускать им ежегодно определенное денежное содержание, и распорядился отправить [в город] священные сосуды. Одним словом, Дарий привел в исполнение все то, что до него Кир желал сделать для возвращения иудеев на родину.

9. Достигнув от царя таких результатов, Зоровавель вышел из дворца и, взглянув на небо, стал благодарить Господа Бога за [дарованную ему] мудрость и за ту победу, которой он, благодаря ей, достиг в отношении Дария; «...ибо,- сказал он,- я никогда не добился бы этого, если бы Ты, Господь, не оказал мне поддержки».

Возблагодарив таким образом в присутствии всех Предвечного и присоединив к этому молитву, дабы Господь и впредь являл ему свои милости, Зоровавель отправился в путь, прибыл в Вавилон и объявил своим единоплеменникам радостную весть о распоряжениях царя. Еврейское население, узнав об этом, также вознесло благодарственные молитвы Господу Богу за то, что он вновь вернул им их отчизну, и затем в течение семи дней предавалось полному широкому веселью, празднующее восстановление и возрождение своего отечества. Затем они выбрали из родных колен первых, которые с женами, детьми и скотом должны были вернуться в Иерусалим. Эти, получив от Дария охрану до Иерусалима, отправились в путь с радостью и

весельем, с песнями, под звуки флейт и кимвалов. А за ними с торжеством двинулась и остальная масса иудеев.

10. Таким образом все эти люди покинули [Вавилонию], причем из каждого рода двинулось известное число их. Я, однако, не считаю нужным переименовать здесь все отдельные семьи, дабы не отвлекать внимания читателей от связи событий и не затруднять ему возможности следить за рассказом. Общее число выступивших евреев, свыше двенадцатилетнего возраста, было 4 628 000⁷⁰⁸ из колен Иудова и Веняминова и семьдесят четыре левита; кроме того, ушло сорок тысяч семьсот сорок две женщины с детьми. Кроме упомянутых, тут было еще сто двадцать восемь певцов из левитов, сто десять привратников и триста девяносто два служителя. К ним присоединялись еще шестьсот шестьдесят два человека, выдававших себя за евреев, но не бывших в состоянии доказать свое [иудейское] происхождение. Равным образом и из сословия священников пришлось исключить нескольких за то, что они взяли себе в жены таких лиц, относительно происхождения которых ни они сами не могли дать нужные указания, равно как таковые не могли быть найдены в родословных таблицах левитов и священников. Таких набралось пятьсот двадцать пять человек. За отправившимися в Иерусалим последовало множество рабов, а именно в количестве 7337 человек; кроме того, тут же было двести сорок пять арфистов и арфисток. Верблюдов было четыреста тридцать пять, а вьючного скота 5525.

Предводителями всей указанной толпы являлись сын Салафиила, Зоровавель, происходивший из колена Иудова и являвшийся одним из потомков Давида, и Иисус, сын первосвященника Иоседека. Кроме них, народом были избраны в качестве руководителей еще Мардохей и Серевей, т.е. те, которые пожертвовали [на дело] сто мин золотых и пять тысяч серебряных. И вот таким-то образом священнослужители, левиты и часть всего иудейского народа, сколько его было в Вавилоне, переселились в Иерусалим. Остальные же иудеи вернулись на свое прежнее местожительство (Ср.: [Езд 2.64—67](#); [3Езд 3.1—24](#); [3Езд 4.1—64](#); [3Езд 5.41](#)).

1. На седьмой месяц после выселения [иудеев] из Вавилона первосвященник Иисус и руководитель [всего дела] Зоровавель разослали приглашения всем без исключения жителям с просьбой прибыть немедленно и безотлагательно в Иерусалим и соорудили затем жертвенник на том самом месте, где он некогда был поставлен, дабы принести на нем, сообразно законоположениям Моисеевым, Господу Богу установленные жертвы. Этим, однако, они отнюдь не снискали себе расположения соседних племен, так как все они относились [к иудеям] неприязненно.

Тем не менее евреи отпраздновали Куци как раз в положенное на то законодательством время и вновь ввели после этого жертвы всесожжения и так называемые «непрерывные» жертвоприношения⁷⁰⁹, субботние и все праздничные жертвы; поставленные с этой целью священнослужители возносили при этом [установленные] молитвы и стали приносить жертвы с новолуния седьмого месяца. Вместе с тем они приступили и к постройке храма, дав каменщикам и строителям значительные суммы денег, равно как отпустив нужные средства на содержание рабочего скота. При этом сидонянам не представляло никакого затруднения сплавлять с Ливана стволы кедров, связав их в плоты и спустившись на последних в гавань Иопы⁷¹⁰. Так некогда повелел еще Кир; в исполнение же приведено это было лишь теперь, по указу Дария.

2. На второй год после возвращения иудеев в Иерусалим, когда они считали второй месяц, было собрано все необходимое для постройки храма. В новолуние этого второго месяца второго года был заложен фундамент, и затем было приступлено к дальнейшей постройке, причем во главе всего дела евреи поставили левитов свыше двадцатилетнего возраста, Иисуса с его сыновьями и братьями, а также Зодмиила, брата Иудова, и сына Аминадава с его сыновьями. Благодаря тому, что все, на кого было возложено это поручение, выказывали необыкновенное рвение и заботливость к делу, постройка храма окончилась гораздо скорее, чем первоначально можно было предполагать.

Когда святилище было готово, то священнослужители, одетые в установленное облачение и с трубами в руках, в сопровождении левитов и сыновей Асафовых стали возносить Господу Богу хвалебные песнопения сообразно тому, как это некогда впервые показал Давид. Между тем те священники, левиты и патриархи различных семей, которые еще помнили прежний огромный и драгоценнейшим образом убранный храм, глядя на ныне отстроенный, столь по бедности своей отличавшийся от прежнего, были очень удручены при мысли, насколько далеки от них их былое счастье и слава старого храма, и не могли в своей по этому поводу печали воздержаться от жалоб и слез. Народ тем временем радовался настоящему положению вещей и тому обстоятельству, что был по крайней мере отстроен хоть какой-нибудь храм; при этом ни одним словом не было упомянуто о прежнем храме, так как народ, по-видимому, не хотел мучиться сравнениями, молча признавая настоящее сооружение менее крупным, чем прежнее. Между тем звук труб и ликования народа заглушались рыданиями старейшин и священников, в глазах которых настоящий храм значительно уступал разрушенному.

3. Когда же самаряне, бывшие во враждебных отношениях с коленами Иудовым и Веняминовым, услышали звук труб, то сбежались, чтобы узнать о причине такой шумной радости. Узнав, что иудеи, некогда отправленные в Вавилон в качестве военнопленных, теперь вновь сооружают свой храм, они явились к Зоровавелю, Иисусу и начальникам колен с просьбой поручить и им работу при сооружении храма и дать им возможность участвовать в постройке. «Ведь мы не менее тех [иудеев] почитаем Господа Бога,- сказали они,- Его мы почитаем и с тех

пор особенно усердно поклоняемся Ему, как царь ассирийский Салманассар привел нас сюда из страны хуфейской и из Мидии» (Ср. выше, IX, 14, 3.).

На эту речь самарян Зоровавель, первосвященник Иисус и начальники колен отвечали, что им принимать участие в постройке [храма] невозможно, ибо именно они (иудеи) получили повеление построить храм, раз еще от Кира, а ныне от Дария, но что они разрешают им молиться в этом храме, буде они того пожелают, в чем единственно и выразится все общение [иудеев] с ними, равно как со всеми прочими людьми, которые вздумали бы прийти в храм на поклонение Предвечному.

4. Услышав это, хуфейцы (так иначе называются самаряне) сильно рассердились, стали уговаривать сирийские племена добиться от сатрапов таким же точно образом, как они то сделали при Кире, а затем и при его преемнике Камбизе, задержки в построении храма и стали сильно интриговать в этом направлении, чтобы затянуть или даже совершенно воспрепятствовать иудеям окончить сооружение храма. Как раз в это время прибыли в Иерусалим эпарх⁷¹¹ Сирии и Финикии Сисин и Саравазан, с некоторыми другими [сановниками]. Они спросили начальников над иудеями, кто им позволил таким образом строить храм, что он скорее походит на крепость, чем на святилище, и почему они окружают город столь мощными портиками и стенами. На это Зоровавель и первосвященник Иисус отвечали, что [евреи] слуги Господа Всевышнего и что сей храм, который воздвиг Предвечному счастливейший и добродетельнейший царь их, стоял тут многие годы. «Затем же,- продолжали они,- когда предки наши оскорбили Предвечного, а вавилонский и халдейский царь Навуходоносор взял город силой, разрушил его и, разграбив храм, поджег его, а народ увел в плен в Вавилон, преемник его на вавилонском и персидском престоле, Кир, сделал письменное распоряжение об отстройке храма, причем вручил Зоровавелю и казнохранителю Митридату все похищенные некогда из святилища Навуходоносором жертвенные приношения и сосуды и поручил названным лицам отвезти всю эту утварь назад в Иерусалим и вновь поместить ее в храм, который должен быть сооружен там. Привести все это в исполнение царь повелел как можно скорее, почему и распорядился послать в Иерусалим Авассара с поручением заняться сооружением святилища. Авассар, получив от Кира письменное полномочие, тотчас же приехал и заложил фундамент здания. С того времени, однако, до сих пор это здание, благодаря проискам враждебных [иудеям] лиц, остается неоконченным. Итак, если вам благоугодно будет и вы считаете это нужным, отпишите обо всем этом Дарию, чтобы он мог, справившись в царском архиве, убедиться, что мы рассказали сущую правду».

5. Ввиду этого объяснения Зоровавеля и первосвященника, Сисин и его товарищи не решились остановить дальнейшую постройку храма, пока об этом не будет донесено царю Дарию, но вместе с тем немедленно отписали последнему обо всем. Иудеи тем временем сильно пали духом, испугавшись, как бы царь не передумал относительно восстановления Иерусалима и храма. Но в то же самое время среди них находилось двое пророков, Аггей и Захария, которые стали ободрять их уверениями, что иудеям нечего опасаться никаких новых бедствий со стороны персов и что Господь Бог предвещал им это. Поэтому евреи, полагаясь на пророков, неуклонно продолжали свои постройки, не теряя в этом деле ни одного дня.

6. Между тем самаряне послали Дарию письменное обвинение иудеев в том, что последние укрепляют город и придают храму вид скорее крепости, чем святилища, причем уверяли царя, что эти начинания [иудеев] не принесут ему пользы; для вящего доказательства они указывали вдобавок на письменные распоряжения Камбиза, путем которых последний приостановил постройку храма. Когда Дарий таким образом был самарянами наведен на мысль, что восстановление Иерусалима может быть небезопасным для его власти, да к тому же прочитал еще тем временем доставленные ему донесения Сисина и его товарищей, он приказал навести

справки по всему этому делу в царских архивах. И вот в Экбатанах, в мидийском дворце, была найдена запись следующего содержания:

«В первом году своего царствования царь Кир повелел отстроить Иерусалимский храм и воздвигнуть жертвенник, причем здание должно было иметь шестьдесят локтей в вышину и столько же в ширину, три стены из хорошо обтесанных камней, а четвертую деревянную. Расходы на это сооружение царь приказал покрыть из царской казны. Вместе с тем он предписал возвратить иерусалимцам и сосуды, которые некогда похитил Навуходоносор и отвез в Вавилон. Озаботиться приведением всего этого в исполнение было поручено епарху и начальнику Сирии и Финикии с его подчиненными; вместе с тем им было предписано воздерживаться от активного участия в деле, но способствовать служителям Предвечного, иудеям и их старейшинам, в построении храма. При этом царь распорядился устроить всенародный сбор на задуманное дело и предписал начальникам областей доставить иудеям из доходов подначальных стран нужных для жертвоприношений быков, баранов, овец и козлов, а также муку, масло и вино, равно как все то, что потребуют священнослужители. Евреи же пусть молятся за здоровье царя и персидского народа. Кто же вздумал бы ослушаться этих предписаний, того царь приказал схватить и казнить путем пригвождения к кресту, имущество же его отбирать в царскую казну. Кроме того, царь воззвал к Предвечному, прося Его поражать всякого, кто бы решился воспрепятствовать построению храма, молнией и тем наказывать его за ослушание».

7. Найдя такие данные в архиве Кира, Дарий отписал Сисину и его товарищам следующее: «Царь Дарий посылает привет свой епарху Сисину, Саравазану и их товарищам. Посылаю вам при сем копию письма, которое я нашел в архиве Кира, и желаю, чтобы все было сделано так, как сказано в том письме. Будьте здоровы». Прочитав это послание и ознакомившись из него со взглядом царя на данное дело, Сисин и его товарищи решили во всем слепо последовать его желаниям. Поэтому они присоединились к старейшинам иудеев и к начальствующим старцам и [вместе с ними] стали руководить священной постройкою. И вот при таком-то большом усердии удалось [наконец] соорудить храм, по пророчеству Аггея и Захарии, сообразно велению Господа Бога и желанию царей Кира и Дария. Все сооружение было закончено в течение семи лет. В девятом году царствования Дария, двадцать третьего числа двенадцатого месяца, носящего у нас название адара, а у македонян имя дистра, священники, левиты и вся остальная масса израильского народа принесли в жертву, в честь возобновления прежнего благосостояния после возвращения из плена и в честь нового освящения храма, сто быков, двести баранов, четыреста овец и двенадцать козлов, сообразно числу колен израильских (ибо столько колен) для отпущения грехов. Сообразно законам Моисеевым, священнослужители и левиты поставили привратников при каждом входе в храм. Это было сделано потому, что иудеи вновь соорудили также некогда окружавшие самый храм пристройки с колоннами.

8. Так как был первый месяц, называющийся у македонян ксанфиком, а по нашему нисаном, и наступал праздник опресноков, то весь народ стал стекаться из деревень в город. Затем народ приступил к празднованию, очистившись предварительно по установленному древнему обычаю вместе с женами и детьми, и, принеся в четырнадцатый день того же месяца жертву, именуемую пасхальною, предавался в течение семи дней радостному празднованию. При этом не было пощажено ничего для вящего празднества; все приносили Предвечному жертвы всесожжения и заказывали благодарственные моления с жертвоприношениями за то, что Господь Бог привел их обратно на родину, вернул их к прежним законам и расположил к ним сердце царя персидского. Таким-то образом иудеи, наперерыв друг перед другом стараясь за все эти благодеяния выразить Предвечному свою благодарность обильными жертвоприношениями и усердным Его почитанием, жили в Иерусалиме, введя у себя полуаристократический,

полуолигархический строй правления⁷¹². Дело в том, что во главе их, вплоть до воцарения потомков Асмонея, стояли первосвященники. До своего пленения и удаления [из Палестины] евреи находились под властью царей, начиная с Саула и Давида, в продолжение пятисот двадцати двух лет шести месяцев и десяти дней. Раньше этих царей ими правили так называемые судьи и правители, и этот род правления сохранялся у них в течение более пятисот лет после смерти Моисея и начальствования Иисуса [Навина]⁷¹³.

9. Таково-то было положение иудеев, освободившихся из плена во времена Кира и Дария. Между тем самаряне причиняли иудеям много зла, относясь к ним враждебно и отвратительно, полагаясь на свое богатство и опираясь на родство свое с персами, тем более, что они происходили из страны персидской. Так, например, они ни за что не хотели платить из своих податей ничего евреям для их жертвоприношений, несмотря на точный указ царя; при этом они ссылались на то, что у них были солидарные с ними и потворствовавшие им в том эпархи. Напротив, жители Самарии не переставали прилагать всевозможные усилия к тому, чтобы либо лично, либо чрез других вредить сколь возможно более иудеям. Тогда наконец иерусалимцы решили отправить к царю Дарию посольство с жалобой на самарян; послами явились Зоровавель и еще четверо других начальников.

Когда царь узнал от послов причину их жалоб и обвинения, взведенные ими на самарян, он отправил посольство домой, снабдив его предварительно письмом на имя эпархов Самарии и тамошнего верховного совета. Содержание же данного письма было следующее:

«Царь Дарий эпархам самарянским, Тангане, Самваве, Садраку, Вавилону и прочим подчиненным их в Самарии. Иудейские посланцы, Зоровавель, Анания и Мардохей, обвинили вас в том, что вы препятствовали им при построении храма и не доставляли им предписанных мною средств для совершения жертвоприношений. Поэтому предписываю вам немедленно по прочтении сего письма доставить им из царского казнохранилища по счету доходов из Самарии все необходимое иудеям для жертвоприношений, согласно требованиям священнослужителей, дабы они не пропускали ни единого дня без жертв и без молитв Предвечному за меня и народ персидский».

Таково было содержание письма.

1. Тогда умер Дарий, и сын его Ксеркс⁷¹⁴ вступил на престол; последний унаследовал [от отца] его благочестие и уважение к Всевышнему. Ксеркс неусыпно следовал отцу своему в богопочитании и был очень расположен к иудеям. В это самое время первосвященником был сын Иисуса, Иоаким. В самом Вавилоне тогда жил праведный человек, очень высокопочитаемый народом и бывший его первым священником. То был Ездра, отличный знаток Моисеевых законоположений и личный друг царя Ксеркса. Решив вернуться в Иерусалим и взять туда с собою несколько живших в Вавилоне иудеев, Ездра обратился к царю с просьбою выдать ему на имя сирийских сатрапов письмо, для удостоверения своей личности. Царь дал ему на имя сатрапов письмо следующего содержания:

«Царь царей Ксеркс приветствует священнослужителя и знатока божественных законов, Ездру. Считаю долгом врожденного мне человеколюбия разрешить возвратиться в Иерусалим тем из еще остающихся в моей столице иудеям, священникам и левитам, которые бы того пожелали, я решил следующее:

Согласно желанию моему и моих советников, пусть всякий желающий [из иудеев] отправляется [в Иерусалим], чтобы там непреклонно управлять Иудеею по законам Предвечного; пусть они возьмут с собою те дары израильскому Богу, которые я и друзья мои дали обет пожертвовать Ему. Равным образом пусть все то серебро и золото, которое было посвящено Господу Богу и еще находится в стране вавилонской, будет доставлено целиком в Иерусалим и употреблено на жертвоприношения Предвечному. Тебе разрешается со своими братьями сделать из серебра и золота все то, что вам вздумается. Те священные сосуды, которые тебе при сем вручаются, ты поставишь [вновь в храм], но вместе с тем тебе позволено соорудить, кроме того, еще все, на твой взгляд, нужное; ты можешь взять необходимые для того денежные средства из царского казнохранилища. Я также дал сирийским и финикийским казначеям повеление озаботиться снабжением всем необходимым священнослужителя и знатока божественных законов Ездры при всех его начинаниях. А для того, чтобы Предвечный не имел никакого повода гневаться на меня или на моих потомков, я требую, чтобы в честь Господа Бога было доставлено все, предписанное законом, вплоть до ста коров пшеницы. Вам же еще раз настоятельно напоминаю освободить от всяких налогов, поборов или поставок священнослужителей, левитов, певчих, привратников, прислужников и писцов храма. Ты же, Ездра, по божьему указанию, назначь следующих в законах твоих судей, которые могли бы творить суд по всей Сирии и Финикии и обучить этим законам всех тех, которые их еще не знают, дабы всякий твой единоплеменник, который вздумал бы преступить закон Всевышнего или царский, получил должное возмездие по заслугам, а не мог бы отговариваться неведением. Ибо если он сознательно нарушит законы, то он дерзкий ослушник и человек, презрительно относящийся к постановлениям. Такие люди да будут наказываемы либо смертной казнью, либо денежным взысканием. Будь здоров».

2. Получив это письмо, Ездра очень обрадовался и тотчас же вознес молитву к Предвечному, приписывая только Ему причину расположения к себе царя и желая поэтому одному Ему быть всецело благодарным. Когда же он прочитал это письмо всем жившим в Вавилоне иудеям, то оставил его у себя, а копию с него разослал ко всем единоплеменникам своим в Мидии. Последние, узнав таким путем о благочестии царя и о его расположении к Ездре, все очень обрадовались, а многие из них, собрав свои пожитки, отправились в Вавилон, желая оттуда перебраться в Иерусалим. Большинство израильтян, однако, осталось на месте. Вот чем и объясняется то обстоятельство, что в пределах Азии и Европы лишь два [иудейских]

колена подчинены римлянам, тогда как остальные десять колен до сих пор живут по ту сторону Евфрата, представляя из себя многотысячную и прямо неподдающуюся точному подсчету массу народа.

К Ездre примкнуло значительное количество священников, левитов, привратников, певчих и прислужников храмовых. Затем Ездра, переведя всех собравшихся к нему бывших пленных на ту сторону Евфрата, установил там для них трехдневный пост, дабы они предварительно помолились Господу Богу о своем спасении и о том, чтобы им не подвергаться в пути никаким бедствиям и опасностям ни от врагов, ни от каких-либо превратностей. Дело в том, что перед своим выступлением Ездра сказал царю, что Господь Бог охранит их, и поэтому отказался просить у царя конной охраны.

И вот, по совершении молитвенных обрядов, евреи двинулись от Евфрата на двенадцатый день первого месяца седьмого года правления Ксеркса и прибыли в Иерусалим на пятый месяц того же года. Тут Ездра немедленно вручил казначеям, принадлежавшим к священническому роду, предназначенные для святилища средства, именно шестьсот пятьдесят талантов серебра, серебряных сосудов на сто талантов, золотых на двадцать и на двенадцать талантов сосудов из такого металла, который дороже золота. Эти средства были подарены царем, его советниками и всеми оставшимися в Вавилоне израильянами. Передав все это священникам, Ездра повелел принести Господу Богу в виде установленных жертв всесожжения двенадцать волов за здоровье всего народа, девяносто баранов, семьдесят две овцы и двенадцать козлов в виде жертв отпущения грехов. Потом он вручил царским чиновникам и епархам Келесирии и Финикии царское послание. Последние были принуждены исполнить заключавшиеся в письме предписания, выражая при этом полное уважение к народу и снабжая его всем ему необходимым.

3. На это-то и сам Ездра рассчитывал, и сообразно с этим ему [все] и удавалось, так как, по моему мнению, Предвечный удостоивал его исполнением всех его желаний за его добропорядочность и любовь к справедливости.

Спустя немного времени к Ездre явилось несколько человек, которые стали обвинять некоторых лиц из простонародья, из священников и из левитов в том, что последние нарушили государственные установления и древние законы, взяв себе в жены иностранок и осквернив тем самым [весь] священнический род. При этом обвинители просили Ездру оказать поддержку в деле соблюдения законов, дабы Господь Бог вновь не разгневался на весь народ и не вверг его снова в несчастье. Ездра в великом горе разодрал свои одежды, стал рвать себе волосы на голове и бороду и пал ниц на землю, будучи в полном отчаянии, что повод ко всему этому подают первые представители народа; а так как он отлично понимал, что, если он потребует от них изгнания жен и родившихся от последних детей, они не послушаются его, то он [в полном отчаянии] оставался на земле. К нему сбежались все благомыслящие, обливаясь слезами и тем выражая свое сочувствие к постигшему его горю. Затем Ездра поднялся с земли, простер руки к небу и воскликнул, что ему совестно глядеть на небо вследствие греховности народа, который совершенно забыл все постигшее предков за их беззакония. Вместе с тем он стал умолять Предвечного, спасшего горсть евреев от постигшей их гибели и от плена, вновь вернувшего их в Иерусалим и на родину и вселившего в сердце царей персидских жалость к ним, простить им и эти их прегрешения и не взыскивать с них, хотя они своими поступками и заслужили смерть; ведь у Господа Бога довольно милости, чтобы не подвергать даже таких людей [заслуженному] наказанию.

4. Так закончил он свою молитву. Все те, которые явились к нему с женами и детьми, обливались слезами. Некий же Ахоний, один из первых граждан иерусалимских, подошел к нему и заявил, что, так как они согрешили, живя с чужеземцами, он теперь клянется, что все

они изгонят жен и родившихся от них детей, и просил его подвергнуть наказанию тех, кто ослушается закона. Убежденный этими уверениями, Ездра, согласно совету Ахония, взял клятву от начальников над священниками, левитами и прочими израильтянами в том, что они удалят от себя жен и детей своих. Приняв это клятвенное обещание, он тотчас удалился из храма в помещение⁷¹⁵ Иоанна, сына Елиасина, и пробыл там целый день, с горя вовсе не прикасаясь к пище. Затем им было издано распоряжение, в силу которого все возвратившиеся из плена приглашались собраться в Иерусалим, причем все те, которые в течение двух или трех дней не явились бы, исключались из списков народа, а имущество их, по постановлению старейшин, секвестровалось в пользу храма. Ввиду этого [в город] собрались в течение трех дней представители колен Иудова и Веняминова; так наступил двадцатый день девятого месяца, носящего у евреев название кислева⁷¹⁶, а у македонян — апеллея. И вот, когда во дворе храма сел народ вместе со своими старейшинами и, безмолвствуя от волнения, ожидал, что будет, тогда поднялся Ездра и стал обвинять евреев в нарушении закона потому, что они взяли себе жен не из числа единоплеменниц своих. Ныне же, продолжал он, они смогут совершить богоугодное дело, правда, очень тяжелое для них самих, а именно — отослать жен обратно на их родину. Все громко выразили свое согласие сделать это, но прибавили, что сделать это не так легко, потому что народу много, время года зимнее и дело это таково, что его не исполнишь в день или в два. «однако,- решило собрание,- пусть виновники всех этих передраг и те, кто живет с иностранками, объявятся для получения известной отсрочки и назначат каких угодно старейшин, на обязанности которых будет лежать следить за выполнением обязательства со стороны давших его». Так и было решено поступить. Когда же с новолуния десятого месяца стали разыскивать тех, кто жил с иностранками (эти поиски продолжались до новолуния следующего месяца), то нашлись многие из потомков первосвященника Иисуса, многие священнослужители, левиты и прочие израильтяне, которые, ставя соблюдение законов выше любви к близким людям, немедленно удалили от себя как жен, так и родившихся от них детей и принесением Господу Богу в жертву баранов постарались вновь снискать Его расположение. Назвать здесь всех их поименно я не считаю необходимым. Искупив таким образом грех относительно вышеупомянутых браков, Ездра сделал новые на этот счет постановления, дабы на будущее время не было повторения старых ошибок (Ср. [Езд 9.2—15](#); [Езд 10.3](#) и [Неем 13.4—31](#)).

5. Когда на седьмой месяц наступил праздник Кущей и почти весь народ собрался на это празднество, то все вошли в верхний этаж храма вблизи восточных ворот и просили Ездру прочитать им законы Моисеевы. Ездра стал среди народа и начал читать; употребил он на это все время от утра до полудня. Народ же, внимая чтению законов, узнал, чего ему держаться, дабы теперь впредь быть справедливым; при этом люди очень опечалились, вспомнив все прошлое, и дошли даже до слез при мысли о том, что они не испытали бы никаких прежних своих бедствий, если бы соблюдали закон.

Когда Ездра увидел такое их настроение, то повелел им разойтись и более не плакать, ибо был праздник, в который печаль неуместна и не дозволена. Напротив, он стал побуждать их предаваться радости, соответственным образом, как следует отнестись к празднику, и соединить с раскаянием и печалью о совершенных прегрешениях также полную готовность остерегаться впадения в подобные прежним ошибки. Ввиду такого увещевания Ездры, народ приступил к празднованию и, проведя восемь дней в кущах, вернулся затем со славословием Предвечному домой, чувствуя живую благодарность к Ездре за то, что он исправил все совершенные ими нарушения законов.

Ездра затем умер в преклонном возрасте, снискав себе великое уважение в глазах народа, и был при большом стечении последнего погребен в Иерусалиме. А так как около того же самого времени умер также и первосвященник Иоаким, то преемником последнего стал его сын

Елиасив.

6. Один из оставшихся в плену евреев, некий Неемия, виночерпий царя Ксеркса, однажды прогуливался пред воротами персидской столицы Сузы и заметил нескольких чужеземцев, которые, видимо, возвращались из дальнего путешествия и разговаривали между собою по-еврейски. Подойдя к ним, Неемия спросил их, откуда они. А когда те ответили, что пришли из Иудеи, то он продолжал дальше расспрашивать их о житье-бытье тамошнего населения и о том, в каком положении находится [теперь] главный город страны, Иерусалим. На это путники отвечали, что дела там вообще плохи, так как стены города сровнены с землею, а окрестные племена сильно обижают иудеев, потому что днем они носятся по стране и предают все разграблению, а ночью позволяют себе такие насилия, что множество сельского населения, да и самих жителей Иерусалима, уведено ими в плен, днем же дороги полны трупов. Тогда Неемию обуяло сострадание к бедственному положению своих единоплеменников, он заплакал и, подняв очи к небу, воскликнул: «Доколе, Господи, будешь Ты [безучастно] взирать на страдания нашего народа, который таким образом стал добычею и игрушкою всех?»

И вот, пока Неемия находился еще у ворот, погруженный в свои мрачные думы о всем слышанном, к нему пришли с известием, что царь уже собирается сесть за стол. Тогда Неемия поспешил так скоро, как только мог, к царю, чтобы исполнить при нем свои обязанности виночерпия, и даже забыл при этом совершить омовение. Когда после обеда царь развеселился и расположение духа его стало значительно лучше, он взглянул на Неемию и, видя его таким мрачным, спросил его, чем тот так подавлен. Тогда Неемия мысленно обратился к Господу Богу с молитвою явить ему милость и подсказать, что ему следует говорить, и ответил: «Царь, как мне не казаться таким [мрачным] и как не печалиться мне в душе, когда я слышу, что в Иерусалиме, на родине моей, где находятся могилы и надгробные камни моих предков, стены сровнены с землею? Умоляю тебя, окажи мне милость и разреши мне отправиться туда, дабы восстановить стены и окончить постройку святилища».

Царь согласился оказать ему эту милость и повелел отправить к сатрапам грамоты, чтобы последние оказывали ему всевозможный почет и доставляли ему, по его желанию, все нужное. «А теперь,- сказал он,- прекрати печаловаться и весело продолжай служить мне остальное время своего здесь пребывания». Тогда Неемия возблагодарил Господа Бога и царя за милостивое обещание, и в радости от всего возвещенного ему удрученное и омраченное лицо его опять прояснилось. На следующий же день царь велел позвать Неемию и дал ему к наместнику Сирии, Финикии и Самарии, Адею, письмо, в котором сделал нужные распоряжения относительно почестей, долженствующих быть оказанными Неемии, и касательно доставления последнему всех материалов для постройки.

7. Достигнув Вавилона и приняв там к себе множество единоплеменников, пожелавших добровольно последовать за ним, Неемия прибыл затем в Иерусалим на двадцать пятом году правления Ксеркса. Тут он с Божьего помощью передал свои письма Адею и прочим наместникам, а затем, созвав весь народ в Иерусалим, стал посреди храма и обратился к собравшимся со следующими словами: «Мужи иудейские! Вы знаете, что Господь Бог все еще помнит о праотцах наших, Аврааме, Исааке и Иакове, и вследствие праведности их не покидает Своей о нас заботливости. Он, несомненно, содействовал мне при получении от царя разрешения на восстановление стены нашей и на окончание постройки храма. Так как вам отлично известно враждебное к нам отношение окрестных племен, которые, при известии об оказанной нам в деле постройки поддержке, восстанут против этой постройки и приложат все усилия, чтобы воспрепятствовать ей, то мне хотелось бы, чтобы вы уповали первым долгом на Предвечного при отражении их нападений; вы также не должны ни днем ни ночью не покидать дела своей постройки, но торопиться со всем своим усердием, потому что теперь наступил

благоприятный для этого момент».

Сказав это, он немедленно повелел старейшинам измерить землю под стены и распределить работу между народом по селам и деревням, соответственно силам каждого. Обещав затем и лично со своими домашними принять участие в этой постройке, он распустил собрание. Потом принялись за дело и [все прочие] иудеи. Это имя свое они стали носить с того дня, как они вышли из Вавилона, взяв его от колена Иудова, которое первое прибыло в ту местность, откуда как народ, так и сама страна получили свое название.

8. Узнав об ускорении постройки стен, аммонитяне, моавитяне, самаряне и все кочевники Келесирии отнеслись к этому крайне несочувственно и не переставали строить иудеям козни, мешая осуществлению их предприятия. При этом они убили множество иудеев и пытались умертвить самого Неемию, наняв с этою целью нескольких чужеземцев. Таким путем они нагнали страх и смятение на иудеев, причем распространили среди последних еще молву о готовящемся будто бы на них совместном походе целого ряда племен. Вследствие этого иудеи некоторое время оставили свою постройку.

Однако все это не ослабило энергии Неемии в предпринятом им деле. Он окружил себя, в видах личной безопасности, отрядом [телохранителей] и неизменно пребывал в своем усердии, не обращая ни малейшего внимания на все эти невзгоды ввиду воодушевления своего к начатому делу. Однако он относился столь внимательно и предупредительно к своей личной безопасности не потому, что боялся смерти, но вследствие глубокого убеждения, что с его смертью граждане уже более не примутся за восстановление [городских] стен. Поэтому он распорядился, чтобы работавшие были всегда вооружены. Таким образом, всякий каменщик имел при себе меч, равно как и всякий, подвозивший бревна. При этом Неемия повелел, чтобы вблизи них были положены щиты, а также расставил на расстоянии пятисот футов друг от друга трубачей с повелением немедленно дать знать народу, если бы показались враги, дабы последним пришлось вступить в бой с людьми вооруженными, а не напали бы на безоружных. Сам он по ночам обходил город, невзирая на свое утомление от трудов, от сурового образа жизни и от недостатка сна; теперь он питался и спал лишь постольку, поскольку это было крайне необходимо. Такие труды нес он в течение целых двух лет и четырех месяцев, ибо в такой промежуток времени была выстроена иерусалимская стена, а именно закончена она была на девятый месяц двадцать восьмого года царствования Ксеркса. Когда же постройка стены пришла к концу, Неемия и весь народ с ним принесли Предвечному благодарственную жертву и в течение восьми дней предавались веселью.

Когда населявшие Сирию племена слышали, что постройка стен приходит к концу, они очень взволновались. Тогда Неемия, видя, что в городе население слишком незначительно, предложил священнослужителям и левитам покинуть страну и, перебравшись в город, остаться здесь на постоянное жительство, причем построил им жилища на свои собственные средства.

Народу же, занимавшемуся земледелием, он повелел доставлять в Иерусалим десятину от плодов своих, чтобы священники и левиты имели достаточно средств к жизни и не пренебрегали богопочитанием. Народ, в свою очередь, охотно повиновался предписаниям Неемии. Таким образом и Иерусалим стал населеннее.

Заслужив себе общую любовь еще целым рядом других похвальных мероприятий, Неемия достиг преклонных лет и умер. То был отличного нрава справедливый человек, отличавшийся необыкновенною любовью к своим единоплеменникам и оставивший после себя вечный памятник в виде стен иерусалимских⁷¹⁷.

1. Все это произошло при царе Ксерксе. Когда же Ксеркс умер, то царство перешло к его сыну Асвиру⁷¹⁸, которого греки называют Артаксерком. В его правление над персами весь народ иудейский подвергся опасности погибнуть с женами и детьми. О причине этого мы сейчас расскажем. Дело в том, что сперва мне надлежит сообщить о делах царя, а затем уже о том, как он женился на еврейке из царского рода, которая, по преданию, и спасла наш народ.

Вступив на престол и назначив правителей в свои сто двадцать семь сатрапий от Инда до Эфиопии, Артаксеркс на третьем году своего правления пригласил к себе однажды своих друзей, представителей персидских племен и их начальников и устроил им столь блестящее угощение, какое подобало царю, желавшему выставить на показ все свое богатство. Это пиршество длилось сто восемьдесят дней. Затем он в течение семи дней увеселял отдельные племена и их посланцев в Сузах. Пир происходил следующим образом.

Велев соорудить шатер на золотых и серебряных столбах, царь распорядился покрыть его льняными пурпуровыми тканями. Шатер был таких размеров, что в нем могло расположиться много тысяч человек. Гости пользовались золотыми чарками, усыпанными драгоценными камнями, и из них было так же приятно пить, как и приятно смотреть на них. Вместе с тем он запретил служителям беспрерывно подносить гостям вино и тем самым принуждать их пить, как то обыкновенно принято у персов, но предоставил каждому из возлежащих за пиром свободный, по его вкусу, выбор. Вместе с тем царь разослал по всей стране распоряжение прекратить все работы и в течение целого ряда дней праздновать его вступление на царство.

Равным образом и царица Васты⁷¹⁹, в свою очередь, устроила во дворце пиршество для женщин. Вдруг царь, желая показать царицу гостям своим и доказать, что она превосходит красою свою всех женщин, послал за нею и приказал ей явиться к нему на пир. Царица же, соблюдая персидские законы, в силу которых женщинам не дозволено показываться посторонним, не пошла к царю и, несмотря на то, что последний несколько раз посылал за нею евнухов, тем не менее упорно отказывалась предстать перед царем. Тогда царь в сильном гневе распустил гостей, поднялся со своего места и приказал призвать тех семерых персов, которым поручено истолкование законов. Когда они затем явились, он обвинил пред ними жену свою и объявил, что она ослушалась его, ибо, будучи неоднократно приглашаема им на пир, ни разу не повиновалась ему. Ввиду этого он потребовал [от законовевдов] указать ему, какой закон они думают применить к ней. И вот тогда один из законовевдов, некий Мухей, заявил, что оскорбление тут нанесено не одному ему (Артаксерксу), но и всем персам, которым отныне, вследствие презрительного к ним отношения жен их, угрожает опасность влачить крайне позорную жизнь ("ибо ныне не будут обращать внимание на мужа, видя такой пример царицы по отношению к тебе, верховному властелину над всеми"), а поэтому он предложил применить к ее проступку высшее наказание и объявить это постановление касательно царицы всему народу. Именно было решено изгнать Васты и возвести в ее сан другую женщину.

2. Однако царь был очень расположен к Васты и не хотел примириться с мыслью о разводе, но он и не мог, ввиду закона, переменить свое решение и потому впал в печаль по поводу им самим вызванного постановления, отменить которое было уже невозможно. Видя его в таком подавленном настроении, друзья царя посоветовали ему выбросить из головы совершенно теперь бесполезное воспоминание о любви своей к этой женщине, разослать по всей земле людей искать красивых девушек и из последних выбрать наилучшую себе в жены. Они указывали при этом на то, что лишь замена прежней царицы новою утешит страсть его к первой и что он вскоре перенесет все свое чувство на новую супругу, забыв о Васты. Царь

послушался этого совета и приказал нескольким лицам выбрать наиболее красивых девушек во всем царстве и представить их ему. И вот, когда было набрано уже много девиц, нашлась в Вавилоне еще одна, очень рано лишившаяся отца и матери и воспитывавшаяся у своего дяди Мардохея. Этот Мардохей принадлежал к колену Венъяминову, происходя из одного из лучших иудейских семейств. Эсфирь (так звали девушку) отличалась необычайною красотой и этим всегда останавливала на себе взгляды всех видевших ее. Ее передали на попечение одному из евнухов; она пользовалась полнейшею его заботливостью и была снабжена в изобилии лучшими косметиками и самыми драгоценными благовониями для ухода за своим телом. Такими же попечениями пользовались в течение шести месяцев и все остальные девушки, числом четыреста. Когда же евнух счел указанное время достаточным в смысле ухода за девушками и полагал, что они уже могут удостоиться царского ложа, он ежедневно стал посылать царю по одной для сожительства. Но царь, лишь только сходил с нею, тотчас отсылал ее обратно. Когда же царю была доставлена Эсфирь, она понравилась ему и он полюбил эту девушку так сильно, что сделал ее своею законною женою и отпраздновал свою с нею свадьбу на двенадцатый месяц седьмого года своего царствования, а именно в месяце адаре. Он разослал ко всему народу конных глашатаев с предложением принять участие в свадебном торжестве его. Когда Эсфирь вошла во дворец, Артаксеркс возложил ей на голову диадему. Таким образом Эсфирь стала его женою и жила с ним, но не объявляла ему, к какому племени она принадлежит.

Затем и дядя ее перебрался из Вавилона в персидский город Сузы и поселился тут. Ежедневно он навещал дворец и узнавал о времяпрепровождении девушки, потому что любил ее, как родную дочь свою.

3. Между тем царь издал распоряжение, в силу которого никто из его приближенных не смел без особого разрешения являться к нему, когда он восседал на троне. Ввиду этого вокруг его трона были поставлены вооруженные секирами люди, которым было вменено в обязанность карать всякого, кто без зова являлся бы к царскому престолу. Сам царь, однако, восседал, держа в руке золотой скипетр, который он простирает в сторону того, кого он желал помирить, если бы тот приблизился к нему без приглашения. Всякий, к кому таким образом прикасался царь, был уже вне опасности.

4. Однако пока об этом довольно.

Когда некоторое время спустя евнухи Вагафой и Феодест составили против царя заговор, то слуга одного из них, Варнаваз, родом иудей, узнав о заговоре, сообщил об этом дяде царицы. Мардохей же при посредстве Эсфири известил царя о заговорщиках. Царь пришел в сильное смущение и скоро разузнал всю истину. Затем он приговорил евнухов к смертной казни через пригвождение к кресту, а Мардохею, виновнику своего спасения, не дал в награду ничего: он велел лишь своим секретарям внести имя его в летописи, а самому ему приказал остаться при дворце в качестве весьма необходимого и преданного царю человека.

5. В то время все чужестранцы и персы, по распоряжению самого Артаксеркса, обязаны были падать ниц перед амалекитянином Аманом, сыном Амадафа, когда тот являлся к царю.

И вот, когда Мардохей по своей мудрости и ввиду запрещения своего закона не стал падать ниц перед человеком, Аман обратил на него свое особенное внимание и стал узнавать, откуда он. Когда же Аману доложили, что Мардохей — иудей, он разгневался и стал недоумевать, почему Мардохей, будучи рабом, не считает нужным поклоняться ему, тогда как это делают же свободнорожденные персы. Поэтому, желая ему отомстить и считая исходатайствование от царя наказания одного лишь Мардохея слишком недостаточным, Аман решил уничтожить весь народ его, тем более, что он искони питал вражду к иудеям за то, что ими некогда было истреблено племя амалекитян, к которому принадлежал он сам.

Ввиду всего этого он отправился к царю и обратился к нему с жалобой, указывая ему на распространение в его царственных владениях некоего гнусного народа, который держится особняком, не входит в общение с прочими жителями страны, имеет различное от прочих богопочитание и пользуется другими законами. «Это племя,- сказал Амин,- как по своим взглядам, так и по своему образу жизни враждебно твоему народу, да и всем людям. Если ты желаешь оказать своим подданным истинное благодеяние, то прикажи с корнем уничтожить это племя, дабы и следа его не оставалось, ни в качестве рабов, ни военнопленных». А для того, чтобы царь не лишился получаемых с евреев в виде налогов денег, Аман обещался выплатить ему, по его требованию, сорок тысяч талантов серебра из собственных своих средств. Деньги эти, прибавил Аман, он охотно готов заплатить, лишь бы избавить царство от этих негодяев.

6. В ответ на это предложение Амана царь отказался от его денег и предоставил ему поступить с евреями по личному его усмотрению. Тогда Аман, добившись своего, немедленно разослал якобы от имени царя ко всем народам царства распоряжение следующего содержания:

«Великий царь Артаксеркс, правящий землями от пределов Индии до границ Эфиопии, повелевает сатрапам ста двадцати семи своих сатрапий следующее: став правителем множества народов и овладев сообразно своему желанию землею, причем я отнюдь не злоупотреблял своею властью для стеснения или обиды моих подданных, но всегда выказывал себя государем мягким и общедоступным, я, заботясь о том, чтобы среди подданных моих царили мир и законность, всегда старался найти средства, как бы навеки закрепить за этими подданными указанные блага. Но так как Аман, по доброжелательству и справедливости своим занимающий в моем сердце первое место и являющийся, благодаря своей мне верности и постоянному ко мне благожелательству, вторым после меня человеком в стране, в заботливости своей указал мне на то, что повсюду в стране среди прочего населения живет злонамеренный и подчиняющийся лишь своим собственным законам народ, который не повинуется царям, не принимает наших обычаев, ненавидит единодержавие и вообще относится крайне враждебно ко всем нашим начинаниям, то сам я повелеваю всех этих указанных мне вторым отцом моим, Аманом, людей перебить с их женами и детьми без всякой пощады, дабы никто, движимый состраданием, не осмелился послушаться сего моего письменного указа. Я желаю, чтобы указанное истребление [евреев] совершилось в четырнадцатый день двенадцатого месяца текущего года и чтобы мы, повсюду подвергнув в один день поголовному истреблению врагов наших, впредь могли жить мирно и спокойно».

Когда этот указ прибыл во все города страны, все [персы] очень обрадовались предстоявшей в указанный день резне среди евреев. В Сузах уже заранее распределялись жертвы. Между тем царь с Аманом предавались веселым попойкам, а городское население находилось в крайнем возбуждении.

7. Когда Мардохей узнал о случившемся, он разорвал на себе одежду, облачился во вретище, посыпал главу свою пеплом и побежал по городу с воплем, что губят ни в чем не повинный народ. Так добрался он до царского дворца и здесь остановился, потому что в таком виде ему нельзя было войти туда. То же самое делали все иудеи во всех прочих городах, где был получен злополучный указ. Со слезами и воплями они жаловались на постановленное относительно их решение.

Когда кто-то сообщил царице, что Мардохей стоит пред воротами в таком жалком виде, то она, испугавшись лишних разговоров, выслала к нему нескольких людей с другим платьем. Однако Мардохея нельзя было уговорить снять с себя вретище, ибо, сказал он, не кончилось еще бедствие, бывшее для него поводом к такому облачению. Тогда царица позвала евнуха своего Ахрафея, который как раз случился тут при ней, и послала его к Мардохею с расспросом, какая беда постигла его, что он явился к ней в таком одеянии и не снимает его даже по ее

предложению. Мардохей указал евнуху, как на причину всего, на разосланный по всей стране царем указ относительно иудеев и на деньги, путем обещания которых Аман купил себе у царя распоряжение об истреблении всего иудейского племени. Вместе с тем Мардохей передал ему копию вывешенного в Сузах указа для Эсфири и поручил ему передать ей, что он просит ее ходатайствовать по данному делу пред царем и не стыдится ради спасения своего народа явиться пред царем в виде просительницы, ибо только таким путем она сможет отвратить грозящую иудеям гибель, на которых царь разгневался вследствие обвинения их со стороны Амана, занимающего в государстве второе место после самого царя. Узнав об этом, Эсфирь снова послала сказать Мардохею, что ее [давно уже] не призывали к царю и что всякий, входящий к повелителю без приглашения с его стороны, подвергается смертной казни, исключая того случая, когда царь, имея в виду помиловать его, протянет по направлению к нему свой жезл. Только тот, с которым, если он вошел к нему без зова, царь поступит так, не подвергается казни, но получает помилование.

Когда евнух этот ответ Эсфири сообщил Мардохею, последний просил его передать ей, чтобы она не столько заботилась о личной своей безопасности, сколько об общем благе народа. Если она теперь оставит этот народ без поддержки, то помощь ему во всяком случае придет от Господа Бога, сама же она со всем домом своим погибнет от руки тех, кем она пренебрегла. Тогда Эсфирь поручила Мардохею через того же служителя вернуться в Сузы и, собрав тамошних иудеев на сходку, предложить им наложить на себя трехдневный строгий пост за нее; сама она обещала сделать то же самое вместе со своими прислужницами и затем прямо, вопреки закону, отправиться к царю, хотя бы ей и пришлось поплатиться за это жизнью.

8. Сообразно поручению Эсфири, Мардохей побудил народ наложить на себя пост и вместе с народом стал молить Предвечного не допустить ныне угрожающей Его племени гибели, но подобно тому как он и раньше неоднократно заботился об этом народе и прощал ему его погрешения, и ныне избавить его от грозящей ему беды. Ведь народу теперь приходится погибать совершенно безвинно, так как известно, что вся причина гнева Амана заключается в том, что он, Мардохей, не поклонился ему и не воздал Аману почести, которую он привык воздавать одному только Предвечному. На это-то Аман рассердился и постановил решение против тех, кто в данном случае вовсе не преступил божеских законов.

Такие же точно молитвы возносил к Господу Богу и весь народ, умоляя Его позаботиться спасением и избавлением от надвигающейся на всех в стране израильтян гибели, которую они уже видели воочию и быстрое приближение которой отлично сознавали. Равным образом Эсфирь умоляла Господа Бога, пав, по обычаю своих предков, ниц наземь, облачившись в траурную одежду и в течение трех дней воздерживаясь от пищи, питья и всяких развлечений. Она просила Предвечного сжалиться над нею и даровать ей, когда она предстанет пред царем и начнет упрашивать его, убедительность речи, а телу ее еще большую прелесть, дабы этими двумя средствами она смогла умерить гнев царя, когда она предстанет пред ним, и смогла бы спасти своих единоплеменников, уже стоящих на краю гибели. Вместе с тем она молила Бога вселить царю ненависть против врагов еврейских, которые, если бы евреи были покинуты Предвечным, добились бы грозящей теперь иудеям гибели.

9. После такой трехдневной молитвы к Господу Богу, Эсфирь сняла с себя траурное одеяние и надела другой наряд, украсившись как подобало царице. Затем она в сопровождении двух прислужниц, на одну из которых она слегка опиралась, причем другая несла за нею влачившийся по земле шлейф ее платья, пошла к царю, причем по лицу ее разлился густой румянец и вся она сверкала необычайно величавою красотой. С трепетом вошла Эсфирь к царю, который как раз восседал на своем троне. Когда она предстала пред лицом царя, бывшего в своем царственном облачении, которое представляло пеструю одежду, затканную золотом и

украшенную драгоценными камнями, то он ей показался грознее обыкновенного. Когда же она взглянула на него и, увидев устремленный на нее взгляд его, заметила, что лицо его омрачилось и на нем вспыхнул румянец гнева, она от страха лишилась чувств и безмолвно пала в объятия своих прислужниц. Однако царь, вероятно по решению Предвечного, вдруг совершенно преобразился, и, боясь, как бы не случилось какой-нибудь беды с его женою вследствие обуявшего ее страха, сошел с своего трона, и, заключив ее в объятия, стал ласкать и нежно уговаривать ее бросить страх и не бояться, что она пришла к нему без приглашения. При этом он сказал, что соответствующее распоряжение сделано им лишь относительно подчиненных и что Эсфирь, как полноправная с ним царица, может ничего не бояться. С этими словами он вложил в ее руку скипетр, сообразно закону предварительно прикоснувшись им к ее шее, чтобы избавить Эсфирь от всякого сомнения. Эсфирь же, придя в себя от всего случившегося, сказала: «Владыка! Я не легко смогу объяснить тебе причину столь внезапно постигшего меня припадка. Когда я узрела тебя столь величественным, прекрасным и вместе с тем грозным, у меня сразу захватило дух и я чуть не лишилась жизни». Так как царица выговаривала все это с трудом и крайне слабым голосом, самого царя обуяли страх и смятение; поэтому он стал уговаривать Эсфирь успокоиться и не бояться ничего, так как, если бы она захотела, он готов уступить ей даже половину своего царства. Тогда Эсфирь пригласила его вместе с его другом Аманом пожаловать к ней на обед, который она для них приготовила. Царь принял это приглашение и явился к ней [с Аманом]. Во время здравицы он предложил Эсфири высказать ему свое желание, причем присовокупил, что он не пожалеет для нее ничего, даже если бы она запросила половины его царства. Эсфирь же обещала высказать ему свое желание на следующий день, когда он снова придет к ней обедать с Аманом.

10. Царь обещал прийти, Аман же ушел, преисполненный радости, что он один удостоивается чести принимать участие в царском обеде у Эсфири, чести, которой никто еще из царских приближенных пока не удостоивался. Однако ему пришлось вновь разгневаться, когда увидел на дворе Мардохея: последний при виде его опять не поклонился. Придя к себе домой, Аман призвал жену свою Зарадзу и своих друзей и, когда те явились, рассказал им о чести, которой он удостоивается не только у царя, но и у царицы: он-де сегодня обедал у нее один с царем, а также получил приглашение и на завтрашний день. При этом он присовокупил, что, однако, все это не может радовать его, пока он видит во дворе [дворца] иудея Мардохея. На это жена Амана, Зарадза, посоветовала ему распорядиться срубить дерево в пятьдесят локтей вышины и на следующий день добиться разрешения царя повесить на этом дереве Мардохея. Аману этот совет понравился, и он приказал своим слугам выбрать и поставить такую виселицу во дворе для казни Мардохея. Это вскоре было исполнено. Предвечный, однако, посмеялся над гнусными расчетами Амана и, зная то, что должно было случиться, с удовольствием ожидал ближайшего события. Дело в том, что Господь Бог в эту ночь лишил царя сна. Царь не желал празднично проводить время своей бессонницы, но чем-нибудь рассеяться, помимо общества с царицею, и поэтому, повелев позвать своего секретаря, он поручил ему громко читать летописные данные о своих предшественниках на престоле и о деяниях своего собственного царствования. Когда явился секретарь и началось чтение, то царь услышал о некоем человеке, который за доблестное деяние получил в награду управление целою областью, имя которой тут же было прописано; затем, после того как было упомянуто о другом человеке, также получившем награду за [выказанную царю] верность, царь дошел до повествования о слугах царских, Вагафое и Феодесте, устроивших заговор против него, о чем донес Мардохей. Когда секретарь упомянул об этом без дальнейших подробностей и хотел затем перейти к другому эпизоду, царь остановил чтение и спросил его, разве не записано ничего о том вознаграждении, которое получил за свое деяние Мардохей. Когда же секретарь ответил отрицательно, то царь

велел ему приостановить чтение и узнать от специально для того приставленных лиц, который теперь час ночи. Узнав, что уже наступает утро, царь приказал сообщить ему, нет ли уже кого-нибудь из его приближенных во дворе. И вот оказалось, что явился Аман, потому что он пришел сегодня раньше обыкновенного, имея в виду просить у царя разрешения казнить Мардохея. Когда слуги доложили царю, что Аман на дворе, царь велел позвать его. При появлении Амана царь обратился к нему со следующими словами: «Я знаю, что ты единственный благорасположенный ко мне друг мой. Поэтому прошу тебя, посоветуй, как мне почтить некоего весьма любимого мною человека, чтобы награда вышла достойною моего царского великодушия». Тогда Аман, полагая, что ему приходится говорить тут за самого себя (так как он один только пользовался любовью царя), назвал такую награду, которую сам считал наилучшею. Поэтому он сказал: «Если ты желаешь достойно возвеличить человека, тобою любимого, то вели посадить его на лошадь в подобном твоему царском облачении с золотою цепью на шее и в предшествовании одного из твоих ближайших друзей провезти по всему городу с громогласным объявлением, что этой чести удостоивается царский любимец». Аман посоветовал ему в полной уверенности, что сам удостоится сказанной награды. Царю понравился этот совет, и потому он сказал: «Так как у тебя [мой] конь, мое облачение и цепь, то походи и разыщи иудея Мардохея и, дав ему все указанное, объяви о нем, ведя его лошадь под уздцы. Ведь ты,- продолжал он,- один из ближайших друзей, и поэтому ты лучше всего [сам] сможешь привести в исполнение то, что ты мне посоветовал. Этой чести да удостоится [Мардохей] за то, что спас мне жизнь». Услышав столь неожиданное решение царя, Аман был совершенно подавлен и уничтожен и в смятении своем вышел [из дворца], ведя за собою лошадь и неся порфиру⁷²⁰ и золотую цепь. Тут пред воротами он встретил Мардохея во вретище и велел ему облачиться в порфиру. Мардохей же, не понимая, в чем дело, и предполагая со стороны Амана глумление, воскликнул: «о ты, сквернейший из людей! Так тебе еще нужно смеяться над нами в нашем несчастье?» Когда же он убедился, что царь награждает его таким образом за то, что он спас ему жизнь, донеся о некогда направленном против него заговоре царедворцев, он облачился в порфиру, которую обыкновенно носил царь, возложил на себя цепь и, сев на коня, объехал кругом города, причем впереди него шел Аман и возглашал, что такова награда царя всякому, кого он полюбит и кого удостоит публично почтить. Затем, когда они объехали весь город, Мардохей отправился к царю [во дворец], Аман же со стыдом вернулся к себе домой и там со слезами на глазах рассказал все случившееся жене своей и друзьям. Последние признались, что ему не удастся отомстить Мардохею, так как ему покровительствует сам Предвечный.

11. И вот пока об этом шла речь, пришли слуги Эсфири, чтобы пригласить Амана на обед к ней. Между тем один из евнухов, именно Савухад, увидя в доме Амана виселицу, которую готовили для Мардохея, и узнав от кого-то из слуг, что она предназначена для дяди царицы (ибо Аман хочет-де испросить у царя разрешения казнить Мардохея), не сказал пока об этом никому ничего.

Когда же царь, пообедав вместе с Аманом, предложил царице сказать ему, какого дара она желает от него, причем заметил, что он дарует ей все, чего бы она ни пожелала, Эсфирь стала жаловаться на опасность, которой подвергается ее народ, и указала на то, что и она подвергнется вместе с единоплеменниками своими гибели, почему и решается говорить теперь об этом; тут она прибавила, что не стала бы беспокоить царя просьбами, если бы он продал всех их в тяжелое рабство (ибо то было бы еще сносным горем), теперь же принуждена умолять его избавить евреев от смертной казни.

Когда затем царь спросил, кто постановил такое решение, то Эсфирь уже более не стеснялась, но открыто стала обвинять в том Амана, указывая на то, что последний,

восстановленный против иудеев, повел против них столь гнусную интригу. В сильнейшем волнении царь вскочил из-за стола и бросился в сад, Аман же стал умолять Эсфирь простить ему его проступок, так как он понял, что сам попал в беду. И вот, когда он бросился на ложе царицы и стал умолять ее, царь вошел в комнату и, еще более рассвирепев вследствие представившегося глазам его зрелища, закричал:

«Теперь, мерзкий негодяй, ты еще пытаешься изнасиловать мою жену?»

Амана окончательно сразили эти слова, и он уже не мог ничего сказать. Тогда вошел евнух Савухад и стал изобличать Амана, говоря, что он нашел в его доме виселицу, предназначенную для Мардохея, что это сообщил ему в ответ на его расспросы один из слуг Амана, когда он пришел к последнему, чтобы пригласить его на обед, и что виселица имеет пятьдесят локтей вышины.

Услышав это, царь решил, что Амана следует подвергнуть именно тому самому наказанию, которое тот имел в виду для Мардохея. Поэтому он повелел немедленно повесить его на той же виселице. Здесь мне опять приходится отметить поразительную мудрость и справедливость Предвечного, который не только наказал Амана за его гнусность, но и уготовал ему тот самый способ казни, который тот предназначал для другого, причем Господь указал и на то, что если кто-либо готовит что-нибудь другому, то сам первый, не ведая того, направляет это против себя же.

12. Таким-то образом погиб Аман, первоначально пользовавшийся столь неограниченным почетом у царя. Имущество его перешло к царице. Затем царь призвал Мардохея, о своем родстве с которым ему уже успела сообщить Эсфирь, и передал ему перстень, который он раньше поручил Аману. Царица отдала Мардохею все имущество Амана и просила затем царя избавить племя иудейское от того трепета за свою жизнь, который был следствием разосланного по всей стране указа Амана, сына Амадафа. При этом она сказала, что, если отечество ее подвергнется разграблению, а единоплеменники ее — гибели, она сама покончит с собою. На это царь обещал ей, что не будет сделано ничего не удобного ей и ничего, что было бы ей неприятно. Вместе с тем он предложил ей написать от имени его все, что угодно будет решить касательно иудеев, скрепить это его печатью и разослать письмо по всему царству: ведь никто, кто прочитает послание, снабженное царскою печатью, не осмелится действовать против указа.

Когда затем было послано за царскими писцами, она приказала им написать касательно иудеев следующее письмо, адресованное всем [жившим в стране] народностям, всем управителям и начальствующим, от пределов Индии до Эфиопии, сатрапам ста двадцати семи сатрапий:

«Великий царь Артаксеркс приветствует начальствующих лиц и всех благомыслящих и преданных ему людей. Многие злоупотребляют обильными благодеяниями и почетом, которых они добились благодаря щедрости своих правителей, и притом решаются оскорблять не только своих подчиненных, но даже своих же собственных благодетелей; таким образом они искореняют чувство благодарности среди людей и, вследствие наглости своей, не умея пользоваться дарованными им сверх всякого ожидания дарами и не чувствуя признательности к виновникам этого их обогащения, они верят слепо, будто все это останется неизвестным Божеству и будто сами они сумеют избежать наказания. Некоторые из таких людей, получив от дружески к ним расположенных лиц управление делами и питая к некоторым особенную ненависть, путем ложных сообщений и клеветнических наветов побудили правителей своих восстать и разгневаться на совершенно невинных, которые в силу этого подверглись опасности погибнуть. Все это мы знаем не понаслышке, и все это случилось не в древности, но такая дерзновенная попытка произошла на наших же глазах. Ввиду этого мы впредь не станем более слушать наветы и не будем более внимать клевете, кто бы в чем ни старался убедить нас, но

будем судить лишь по собственному личному опыту и наказывать и награждать лишь по действительным заслугам, опираясь при этом на факты, а не на доносы.

И вот ныне сын Амадафа, Аман, родом амалекитянин, следовательно человек чуждый персам по происхождению своему, тут, на чужбине, достиг у всех великого почета, настолько, что он впоследствии стал носить титул «моего отца», ему все поклонялись и он занимал после меня второе место в государстве и пользовался всем подобающим столь высокому сану почетом, но не был в состоянии достойно отнестись к выпавшему на его долю счастью и не сумел разумно пользоваться великими доставшимися ему благами; но он злоумышлял против моей власти и моей жизни, стараясь загубить меня, виновника такой его неограниченной власти. При этом он даже посягнул на моего благодетеля и спасителя, Мардохея, и на мою подругу в жизни и на престоле, Эсфирь, злобно и обманным образом добиваясь их гибели. Желая меня таким путем лишить преданных мне людей, он рассчитывал передать власть другим лицам. Я же, поняв, что обреченные этим негодяем на гибель иудеи отнюдь не преступники, но являются наилучшими подданными и привержены тому Богу, Который сохранил за мною и моими предками царскую власть, не только освобождаю этих иудеев от всякого определенного им Аманом наказания, о котором вы лучше всего забудьте вовсе, но и желаю, чтобы им был оказываем всевозможный почет. Того же, который повел против них интригу, я повелел распять вместе со всем родом его пред воротами города Сузы, ибо всевидящий Бог подверг его такому наказанию. Вам же я повелеваю вывесить копию этого указа во всем царстве, оставить иудеев в покое и предоставить им жить по их собственным законам, оказав им поддержку во всех тех случаях, если бы им на тринадцатый день месяца адара пришлось отражать лиц, которые вздумали бы их в этот день обидеть. Этот день, по желанию Господа Бога, станет для них днем спасения вместо гибели. Да будет день сей днем радости для всех преданных нам людей и днем памятным для злонамеренных, дабы они вспомнили о наказании. При этом я желаю, чтобы мне было донесено о всяком городе и всяком племени, которые вздумали бы ослушаться в чем-либо моего указа, дабы я мог их истребить огнем и мечом. Этот указ пусть будет обнародован во всех частях подвластной нам страны и пусть все достаточно приготовятся к тому вышеуказанному дню, чтобы отразить врагов своих».

13. Всадники немедленно развезли эти указы по всем направлениям. Когда же Мардохей в царском одеянии, золотом венке и с цепью на груди появился на улицах, то все жившие в Сузах иудеи, видя, какого почета он удостоился от царя, разделяли с ним его радость. Когда же указы были получены на месте, то радость и веселье по поводу спасения охватили всех иудеев, живших как в городе, так и в прочих частях страны. Дело дошло до того, что многие другие племена из страха пред иудеями подвергли себя обрезанию, чтобы таким путем гарантировать себе личную безопасность. Когда же наступил тринадцатый день двенадцатого месяца, известного у евреев под именем адара, а у македонян под названием дистра, лица, привезшие царский указ, объявили, что теперь, в тот день, когда евреям суждено было подвергнуться такой опасности, они сами могут предаться избиению своих врагов. Правители над сатрапиями, начальствующие лица и царские писцы стали теперь относиться к иудеям с уважением, ибо страх пред Мардохеем побуждал их быть дипломатичными. В силу царского разосланного по всей стране указа иудеи в одних только Сузах перебили около пятисот врагов своих. Когда же царь сообщил Эсфири о числе перебитых в городе [персов] с присовокуплением, что ему пока еще неизвестно число павших в прочих частях страны, и спросил, что она думает делать дальше, так как ей ни в чем не будет отказа, царица испросила разрешения позволить иудеям продолжать и окончить резню еще и на следующий день и распять на кресте также десять сыновей Амана. Не желая ни в чем отказывать Эсфири, царь и на это дал свое согласие. Ввиду этого евреи еще раз собрались четырнадцатого числа месяца дистра и перебили до трехсот

врагов, причем, однако, отнюдь не касались имущества этих лиц.

В стране же и в других городах пало от рук иудеев семьдесят пять тысяч врагов их. Эти люди пали в тринадцатый день того месяца, а четырнадцатое число провинциальные евреи решили отпраздновать как день радостный. Равным образом и жившие в Сузах иудеи отпраздновали четырнадцатый и пятнадцатый день того месяца в радости и весельи. Отсюда произошел и донныне сохранившийся среди евреев обычай праздновать эти дни и посылать друг другу сласти. Дело в том, что Мардохей письменно предложил всем жившим в царстве Артаксеркса иудеям отметить эти дни, праздновать их и поручить празднование их также и потомкам, дабы этот обычай сохранился навсегда и не был предан забвению, так как ввиду предназначенной им в эти дни Аманом гибели они, избегнув угрожавшей им опасности и даже отметив врагам своим, сделают хорошо, если выделяют эти именно дни для принесения благодарности Господу Богу. В силу этого иудеи празднуют указанные дни и называют этот праздник «Пурим».

Мардохей же достиг у царя высокого и почетного положения, разделяя с ним власть его и живя при особе царицы. Дела евреев, благодаря ему, значительно и сверх всякого ожидания поправились (Ср. [Есф 1.1](#) — [Есф 9.32](#)).

1. Таковы были происшествия, ознаменовавшие правление Артаксеркса (по отношению к евреям).

Когда умер первосвященник Элиасив, то сын его Иуда стал преемником его по сану, а после смерти Иуды первосвященство перешло в свою очередь к его сыну Иоанну. Благодаря последнему, военачальник Артаксеркса II, Вагой, осквернил храм и заставил евреев при принесении каждой жертвы ежедневно платить в размере пятидесяти драхм за каждого ягненка. Причиной этого послужило следующее обстоятельство. У Иоанна был брат Иисус. Будучи в дружеских с последним отношениях, Вагой обещал ему достать первосвященство. Уповая на это обещание, Иисус затеял в храме ссору со своим братом Иоанном; последний страшно рассердился и в гневе своим убил Иисуса. Это было со стороны Иоанна гнусным преступлением, особенно же вследствие того, что убитый был его брат, и ни у греков, ни у варваров никогда не совершалось подобного гнусного и страшного преступления. Господь Бог, однако, не оставил этого дела без возмездия, и по этой-то причине народ впал в рабство у персов, а храм был последними осквернен. А именно полководец Артаксеркса, Вагой, узнав об убийстве Иисуса в храме его родным братом, еврейским первосвященником Иоанном, немедленно налег на иудеев и гневно закричал на них:

«Так вы дерзнули совершить смертоубийство в вашем храме?» А когда он захотел войти в храм, то евреи оказали ему сопротивление при этом, на что тот спросил: «Разве я не чище убийцы в храме?» С этими словами Вагой ворвался в святилище.

Пользуясь этим случаем, Вагой в течение семи лет притеснял евреев за смерть Иисуса.

2. Когда же умер Иоанн, первосвященство перешло к сыну его, Иаддую. У последнего был брат по имени Манассия. Ему-то посланный последним Дарием⁷²¹ в Самарю в качестве сатрапа хуфеец родом, т.е. того же племени, из которого происходят и самаряне, Санаваллет, охотно отдал в жены дочь свою Никасо. Дело в том, что сатрап знал о могуществе города Иерусалима и о том, что жители его причиняли немало хлопот царям ассирийским и правителям Келесирии. Поэтому-то он и рассчитывал путем такого брака более расположить к себе весь народ иудейский.

1. Около этого времени умер от руки коварного сына Кераста Павсания, происходившего из рода ореста, македонский царь Филипп в городе Эги⁷²². Тогда сын последнего, Александр, вступил на престол и, перейдя через Геллеспонт, разбил полководцев Дария при Гранике; затем он двинулся на Лидию и на Ионию, подчинил их себе и, сделав набег на Карию, ворвался в пределы Памфилии, как о том рассказано в других сочинениях⁷²³.

2. Тем временем старейшины иерусалимские, раздраженные тем, что к первосвященству имеет отношение женатый на иностранке брат Иаддуя, восстали против него (т.е. против Манассии). Дело в том, что они боялись, как бы этот брак не стал удобным предлогом для всех, кто надумал бы преступить законоположение о смешанных браках, и как бы этот случай не положил начало слишком близкому общению с иноплеменниками, тем более, что они располагали живым примером: смешанные браки с иностранками были некогда причиной их плена и различных других бедствий. Поэтому они предложили Манассии либо развестись с женою, либо не прикасаться к жертвеннику вовсе. Когда же и первосвященник сочувственно отнесся к требованию народа и запретил брату своему доступ к алтарю, Манассия отправился к своему тестю Санаваллету и заявил ему, что хотя он и любит его дочь Никасо, но он, благодаря ей, не желает лишаться священнического сана, который являлся верховным в глазах его народа и составлял постоянное достояние его рода. Однако Санаваллет не только не хотел лишать его священства, но даже обещал доставить ему сан и могущество первосвященника и сделать его верховным правителем всей области, которая была в его распоряжении, лишь бы Манассия не прекращал своего сожительства с его дочерью. Он заявил зятю, что построит для него на высочайшей из всех самарянских гор, именно на возвышенности Гаризим, такой же храм, какой имеется в Иерусалиме, и обещал сделать это с особого разрешения царя Дария.

Упова на эти обещания и возгордившись вследствие их, Манассия, в надежде получить от Дария первосвященство, остался при Санаваллете, который был тогда уже довольно пожилых лет. А так как подобные браки были заключены у значительного числа священников и [прочих] израильтян, то этот случай вверг иерусалимцев в немалое смущение, потому что все эти лица перешли к Манассии, тем более, что Санаваллет предоставил им денег и земли для обработки и наделил их участками для поселения, всячески образом оказывая поддержку своему зятю.

3. Узнав около этого времени, что Александр переправился через Геллеспонт, что он разбил его сатрапов в битве при Гранике и что он наступает все ближе и ближе, Дарий решил выступить навстречу македонянам и предупредить вторжение их и разгром всей Азии и [с этой целью] стал собирать конную и пешую рать. Поэтому он перешел через реку Евфрат и, перевалив через киликийские⁷²⁴ горы Тавра, стал ожидать врагов при киликийском городе Иссе, чтобы тут вступить с ними в бой⁷²⁵. Санаваллет был очень доволен прибытием Дария и обещал Манассии немедленное исполнение всего сказанного, лишь только Дарий победит врагов и вернется обратно. Дело в том, что Санаваллет, подобно всем прочим жителям Азии, был того убеждения, что македоняне не решатся вступить в борьбу с персами вследствие многочисленности последних. Однако это ожидание не оправдалось, ибо, сразившись с македонянами, царь потерпел поражение, потерял большую часть своего войска и бежал в Персию, оставив в плену у македонян свою мать, жену и детей⁷²⁶.

Затем Александр двинулся в Сирию, овладел Дамаском⁷²⁷ и, взяв Сидон, принялся за осаду Тира⁷²⁸. Отсюда он отправил к первосвященнику иудейскому письмо с просьбою прислать ему подкрепление и продовольствие для войска и предложением снискать себе дружбу македонян тем, что станет платить ему (Александр) все те суммы, которые раньше получал от него Дарий.

При этом царь македонский особенно подчеркнул то обстоятельство, что он не изменит своих требований (и будет настаивать на них). Когда же первосвященник ответил лицам, принесшим послание Александра, что он присягнул Дарию не поднимать против последнего оружия, и еще раз подтвердил, что он не нарушит своего обещания, пока будет жив Дарий, Александр страшно разгневался и, так как ему не казалось удобным оставлять теперь Тир, который все еще не хотел сдаваться, грозно заявил, что он по взятии Тира пойдет войною на иудейского первосвященника и в его лице покажет всем, кому они должны оставаться верны относительно своих клятв. Затем он еще настойчивее повел осаду города и взял [наконец] Тир⁷²⁹. Потом, распорядившись делами этого города, он направился к Газе и осадил ее с начальником ее гарнизона, Вавимисом⁷³⁰.

4. Считая этот момент удобным для своих коварных замыслов, Санаваллет отпал от Дария и с восемью тысячами подчиненных прибыл к Александру. Последнего он застал как раз при начале осады Тира и заявил ему, что передаст ему приведенных воинов как представителей подчиненной ему провинции, причем заметил, что скорее готов признать над собою власть македонского царя, чем Дария. Александр охотно принял его, и вследствие этого Санаваллет уже смело повел с ним речь о своих планах и рассказал ему, что у него есть зять Манассия, брат иудейского первосвященника Иаддуя, и что многие из соотечественников этого его зятя готовы теперь приступить к постройке своего храма в подчиненной ему (Санаваллету) области. Попутно было указано, что это обстоятельство, т.е. распадение иудеев на два лагеря, может быть полезно и царю македонскому: таким образом, если даже это племя вздумает в полном между собою согласии и общими усилиями предпринять отпадение, то это не представит царям затруднения, как это однажды уже было сделано им по отношению к ассирийским правителям. Получив соответственное разрешение Александра, Санаваллет с крайним усердием приступил к построению храма и сделал верховным священником Манассию в полной уверенности, что это будет для потомства его дочери наилучшею наградою. Между тем по прошествии семи месяцев осады Тира и двух месяцев осады Газы Санаваллет умер, Александр же, взяв Газу⁷³¹, поспешил по направлению к Иерусалиму⁷³². Когда известие об этом дошло до первосвященника Иаддуя, он совершенно растерялся от страха, не зная, как встретить ему македонян, ввиду того, что царь гневался на прежнее его неповиновение. Вследствие этого первосвященник поручил народу молиться и, принеся вместе с народом жертву Предвечному, стал умолять Господа защитить иудеев и оградить их от надвигающейся опасности. И вот, когда Иаддуй после жертвоприношения прилегал отдохнуть, Предвечный явился ему во сне и повелел ему не робеть, а украсить ворота города венками, открыть эти ворота, всем облачиться в белые одежды, ему же и прочим священникам встретить царя в установленных ризах и не бояться при этом ничего, так как Господь Бог заботится о них. Восстав от сна, первосвященник был очень рад и, объявив всем о полученном предвещании и поступив сообразно полученному им во сне повелению, стал готовиться к прибытию царя.

5. Когда он узнал, что царь недалеко от города, он пошел ему навстречу к местности, носящей название Сафа, вместе со своими священниками и толпою горожан, чтобы сделать встречу царя как можно торжественнее и отличною от встреч, оказанных царю другими народами; имя Сафа в переводе значит «вышка», ибо оттуда возможно обозреть весь Иерусалим и тамошний храм.

Между тем финикийцы и следовавшие [за Александром] хуфейцы полагали, что наверное гнев царя падет на иудеев и он решит предать город разграблению, а первосвященника со всею семьею гибели. Однако на деле вышло совсем не то: Александр еще издали заметил толпу в белых одеждах и во главе ее священников в одеяниях из виссона, первосвященника же в гиацинтового цвета и золотом затканной ризе с чалмою на голове и золотой на ней дощечкой, где было выгравировано имя Господне, и потому один выступил вперед, преклонился пред

именем Божиим и первый приветствовал первосвященника. Когда же иудеи единогласно громко приветствовали Александра и обступили его, цари сирийские и все прочие были поражены поведением его и подумали, не лишился ли царь рассудка. Тогда Парменион ⁷³³ подошел к царю и на вопрос, почему он теперь преклоняется перед первосвященником иудейским, когда обыкновенно все преклоняются пред Александром, получил следующий ответ: «Я поклонился не человеку этому, но тому Богу, в качестве первосвященника которого он занимает столь почетную должность. Этого [старца] мне уже раз привелось видеть в таком убранстве во сне в македонском городе Дио, и, когда я обдумывал про себя, как овладеть мне Азией, именно он посоветовал мне не медлить, но смело переправляться [через Геллеспонт]. При этом он обещал мне лично быть руководителем моего похода и предоставить мне власть над персами. С тех пор мне никогда не приходилось видеть никого в таком облачении. Ныне же, увидав этого человека, я вспомнил свое ночное видение и связанное с ним предвещание и потому уверен, что я по Божьему велению предпринял свой поход, что сумею победить Дария и сокрушить могущество персов и что все мои предприятия увенчаются успехом».

Сказав это Пармениону и взяв первосвященника за правую руку, царь в сопутствии священников пошел к городу. Тут он вошел в храм, принес, по указанию первосвященника, жертву Предвечному и оказал при этом первосвященнику и прочим иереям полное почтение. Когда же ему была показана книга Даниила, где сказано, что один из греков сокрушит власть персов ⁷³⁴, Александр был вполне уверен, что это предсказание касается его самого. В великой радости отпустил он народ по домам, а на следующий день вновь собрал его и предложил требовать каких угодно даров. Когда же первосвященник испросил разрешения сохранить им старые свои законы и освобождения на седьмой год от платежа податей, царь охотно согласился на это. Равным образом в ответ на просьбу разрешить также вавилонским и мидийским иудеям пользоваться прежними законами он охотно обещал им исполнить все их просьбы. Когда же он сам обратился к народу с предложением принять в ряды своих войск всех, кто того захочет, причем им будет предоставлено право не изменять своих древних обычаев, но жить, не нарушая их, многим очень понравилось это, и они согласились участвовать в его походах.

6. Устроив таким образом дела свои в Иерусалиме, Александр двинулся дальше к другим городам и всюду, куда бы он ни являлся, ему оказывали радушный прием. Тогда самаряне, главный город которых был в то время Сихем, лежащий у подножия горы Гаризим и построенный отщепенцами иудейского народа, видя, как Александр отличает иудеев, решили также и себя выдать за иудеев. Как мы выше уже имели случай показать, самаряне имеют такую привычку: когда иудеев постигает бедствие, тогда они отказываются от родства с ними и говорят в таком случае правду; когда же иудеев постигает удача, они тотчас готовы примкнуть к ним, опираясь якобы на свое право и выводя свое происхождение от потомков Иосифа, Ефраима и Манассии. Таким-то образом они и теперь вышли с блеском и выражением полнейшей преданности навстречу царю, почти вплоть до Иерусалима. Когда же Александр похвалил их за это, сихемиты пришли к нему со всеми воинами, которых послал ему некогда Санаваллет, и просили его посетить также их город и почтить своим приходом и их храм. Царь обещал исполнить их желание на обратном пути. Когда же они стали просить его избавить и их от платежа повинности каждый седьмой год (ибо у них тогда не производится посева), царь спросил, кто они такие, что обращаются к нему с подобными просьбами. Когда же те ответили, что они евреи и что жители Сихема известны также под именем сидонян, царь еще раз спросил их — иудеи ли они. Получив отрицательный ответ, он сказал: «однако эту привилегию я даровал иудеям; поэтому я, по возвращении своем и получении более точных о вас сведений, сделаю нужные в этом деле распоряжения».

Простившись таким образом с сихемцами, он повелел солдатам Санаваллета идти вместе с

ним походом на Египет, где он намеревался предоставить им земельные наделы, что он вскоре и сделал в Фиваиде, велел им охранять границы страны.

7. По смерти Александра⁷³⁵ власть его была распределена между диадохами⁷³⁶. Храм на горе Гаризим оставался там по-прежнему. И всякий, кто среди иерусалимцев обвинялся в нарушении предписаний касательно пищи, или в осквернении субботы, или в каком-либо другом нарушении этого рода, бежал к сихемцам и уверял, что его без вины изгнали. Около того же времени умер также и первосвященник Иаддуй, и сан его перешел к его сыну Хонию.

Таковы были в те времена дела иерусалимцев.

Предисловие

Хронологически эта книга охватывает период от смерти Александра Македонского (323 г. до н.э.) до гибели Иуды Маккавея в 160 г. до н.э. Историю Иудеи Иосиф Флавий излагает на широком фоне истории эллинистических государств, возникших в результате распада огромной державы Александра Македонского. В первых главах повествуется о положении Иудеи под владычеством Птолемеев, о борьбе за нее между Птолемеями и Селевкидами. Иосиф подробно излагает легенду о создании Септуагинты (греческого перевода Библии с древнееврейского языка) при Птолемеи II Филадельфе. Книга освещает процессы эллинизация, происходившие в Иудее, отношение к этому различных групп населения. Немало места отведено описанию походов Антиоха IV в Палестину, селевкидского гнета в Иудее.

Заканчивается книга повествованием о начальном этапе Маккавейской войны — национально-освободительного восстания в Иудее против селевкидского господства. Многие в содержании этой книги перекликается с данными Первой и Второй книг Маккавейских.

1. Итак, после того как Александр, царь македонский, вышеуказанным образом уничтожил владычество персов и так отнесся к Иудее, как мы сказали, он умер. Царство его распалось на много частей. Антигон получил в управление Азию, Селевк — Вавилонию с ее племенами, Лисимаху достались в удел земли у Геллеспонта, Кассандр получил Македонию, а на долю Птолемея Лагида выпал Египет⁷³⁷. Так как все эти лица начали ссориться между собой, завидуя власти друг друга, то наступил ряд ожесточенных и кровопролитных войн, от которых особенно страдали города и в течение которых множество жителей [этих городов] лишилось жизни. Так, например, вся Сирия претерпела от Птолемея Лагида, носившего тогда прозвище Сотера, как раз обратное тому, что значило его прозвище⁷³⁸. Он же овладел хитростью и обманным образом также и Иерусалимом, а именно, вступив в город в субботу под предлогом принести жертву, он не встретил со стороны иудеев ни малейшего к тому препятствия (они нисколько не предполагали в нем врага) и, вследствие того, что они ничего не подозревали и проводили этот день в беззаботном весельи, без труда овладел городом и стал жестоко править над ним. Об этом свидетельствует между прочим и книдиец Агатархид⁷³⁹, оставивший после себя историю диадохов, причем таким образом глумится над нашим суеверием, приписывая ему утрату нами свободы:

«Существует народ, называемый иудеями, которые, обладая укрепленным и большим городом Иерусалимом, допустили занятие его Птолемеем только потому, что не желали взяться за оружие. Вот вследствие такого несвоевременного и неуместного суеверия им пришлось предпочесть столь сурового деспота».

Таким образом рассуждал Агатархид о нашем народе.

Затем Птолемей, забрав в плен множество народа из гористой части Иудеи, из окрестностей Иерусалима, из Самарии и с горы Гаризим, повел их всех в Египет и поселил их здесь. Когда же он узнал, что иерусалимцы отличаются особенною надежностью в соблюдении клятв и сдержании данного слова, что видно уже из их ответа посланникам Александра после поражения, понесенного в бою Дарием, он многих из них разместил по гарнизонам и сделал их равноправными с александрийскими македонянами, причем взял с них клятву, что они будут сохранять эту верность также его потомкам.

Также немалое число и других иудеев добровольно переселилось в Египет, отчасти подбиваемые к тому превосходным качеством тамошней почвы, отчасти же вследствие щедрости Птолемея. Однако [впоследствии] у этих иудеев возникли распри с самарянами, вследствие желания первых сохранить издревле установленные обычаи, и они стали воевать друг с другом, потому что иерусалимцы считали единственно свой храм священным и требовали отсылки жертвоприношений именно туда, самаряне же настаивали на требовании отправлять эти приношения на гору Гаризим.

1. После того как Александр [Великий] процарствовал двенадцать лет, а после него Птолемей Сотер сорок один год, власть над Египтом перешла к [Птолемею] Филадельфу, который правил страной в течение тридцати девяти лет⁷⁴⁰. Он велел перевести закон и освободил живших в плену в Египте иерусалимцев, числом до ста двадцати тысяч человек, и притом по следующей причине: Димитрий Фалерейский, заведовавший царскими книгохранилищами, старался собрать по возможности все имевшиеся на земле книги; поэтому он скупал все то, о чем, как о стоящем, доходили до него слухи или что ему лично попадалось в руки, и тем самым вполне отвечал требованиям царя, который был необычайным любителем книг⁷⁴¹. Когда Птолемей спросил его однажды, сколько книг собрано у него, Димитрий отвечал, что пока налицо имеется двести тысяч, но что вскоре число томов дойдет до пятисот тысяч. При этом он заметил царю, что и у иудеев существует множество интересных и достойных царской библиотеки сочинений о действующих среди евреев законах, но что перевод этих книг на греческий язык доставит немалое затруднение вследствие еврейского шрифта и языка. Хотя, правда, шрифт еврейский, равно как и самый язык, имеет сходство с шрифтом и языком сирийским, однако язык еврейский все-таки своеобразен. Тем не менее, продолжал он, нет препятствия к переводу этих сочинений и к помещению их в царском книгохранилище, так как имеются на это свободные денежные средства. Ввиду того, что царь знал страсть Димитрия к увеличению числа томов библиотеки, он написал первосвященнику иудейскому письмо, в котором высказал желание видеть план Димитрия осуществленным.

2. В числе лиц, наиболее близких к царю и особенно любимых последним за порядочность, находился также некий Аристей, который уже несколько раз собирался просить об освобождении из плена иудеев, живших в его царстве. Полагая, что именно теперь наступил подходящий момент к осуществлению этой просьбы, он первоначально переговорил о том с начальниками отряда телохранителей, Сосивием-тарентинцем и Андреем, причем уговорил их поддержать его просьбу перед царем. Затем Аристей приступил к самому осуществлению своего плана, пошел к царю и обратился к нему со следующей речью:

«О царь, не станем самих себя обманывать, но признаемся себе в сущей правде. Если мы, в угоду тебе, решились не только списать, но и перевести законы иудеев, то с каким намерением мы станем делать это, раз в твоём царстве столько евреев находятся в положении [жалкого] рабства? оставаясь последовательным в своём великодушии и своей милости, освободи этих людей от рабства, так как один и тот же Господь Бог руководил твоим правлением и дал им их законы, в чем ты можешь поверить мне и моей многоопытности. Как иудеи, так и мы поклоняемся одному и тому же всеотворившему Богу, именуя Его вполне основательно Жизнедарователем и полагая, что он называется так вследствие того, что дарует всему жизнь. Ввиду этого да будет даровано этим иудеям в честь Предвечного, которого они почитают столь изысканным способом, право возвращения на покинутую ими родину и к прежнему образу жизни. Знай, однако, о царь, что я не потому прошу тебя об этом, чтобы я находился в родстве с этим народом, который отнюдь не является одноплеменным со мною. Ведь только оттого, что все люди создания Предвечного, и лишь потому, что знаю Его расположение ко всем творящим добро, я прошу тебя об этом».

3. В ответ на эти слова Аристее царь ласково и добродушно взглянул на него и спросил: «Сколько же тысяч человек, думаешь ты, придется мне отпустить?» Когда присутствовавший при этом разговоре Андрей сказал, что их будет несколько менее ста тысяч, царь воскликнул: «Ну, Аристей, о малом же подарке ты просишь нас!» Тогда Сосивий и другие указали на то, что

царю следует, ввиду своего великодушия, отблагодарить чем-либо Предвечного, даровавшего ему царство. Птолемей склонился на эти их доводы и сделал распоряжение, чтобы, когда войнам будет выдано жалованье, накинуть за каждого из бывших в их распоряжении военнопленных [иудеев] по ста двадцати драхм. Касательно же просьбы Аристея он в своем великодушии обещал издать соответствующие указы, которыми скреплялось бы намерение Аристея и которые главным образом отвечали бы желанию Предвечного, причем царь выказал готовность не только освободить тех пленных, которые были переселены в страну его отцом и войском последнего, но и всех тех живущих в царстве [иудеев], которые прибыли туда раньше или позже. Когда же было указано на то, что потери при таком освобождении [иудеев] от рабства обойдутся более чем в четыреста талантов, царь согласился и на это. Тогда было решено в ознаменование великодушия царя снять копию с его указа и [навсегда] сохранить ее. Содержание этого акта было следующее: «Все те, кто вместе с отцом нашим участвовали в походах и набегах на Сирию и Финикию и, по взятии Иерусалима, забрали там военнопленных и привели их с собою в [наши] города и страну [нашу] или же купили себе таковых, будь то из числа уже раньше живших в моем государстве или из тех, которые ныне переселились сюда, пусть отпустят их на волю, получив за каждого военнопленного сто двадцать драхм, причем деньги эти будут отпущены солдатам вместе с их жалованьем, всем же остальным будут отпущены из личной царской казны. Дело в том, что я вполне уверен, что эти люди были взяты в плен помимо желания отца моего и совершенно несправедливо, причем страна их сильно потерпела от своеволия солдат, которые в свою очередь извлекли из этого переселения евреев в Египет для себя лично великую выгоду. Преследуя поэтому теперь одну лишь справедливость и питая сострадание к столь незаконным образом притесненным, я повелеваю даровать свободу всем живущим у нас иудеям, по получении установленной за каждого из них выкупной платы, и желаю, чтобы никто не ослушался этого моего приказания, но в точности исполнил его. Я также желаю, чтобы освободительные грамоты с точным описанием освобожденного лица были, в присутствии последнего, заготовлены в трехдневный срок после совершения самого акта освобождения, и полагаю, что это принесет нам одну только пользу. Пусть будет донесено о всяком, кто вздумал бы ослушаться этого предписания, и тогда я распоряжусь забрать все имущество ослушника в царскую казну».

Когда этот указ был прочитан царю, причем тут было помещено все, кроме постановления об освобождении ранее или позже Птолемея переселенных [в Египет] иудеев, которое было опущено, царь сам великодушно прибавил к тексту соответственное гуманное постановление и, одобрив его в такой редакции, повелел своим казначеям и лицам, заведовавшим его суммами, приготовить нужные выкупные деньги. Это было быстро сделано, и, таким образом, постановление царя было всего в семидневный срок приведено в исполнение. Общий итог выкупных платежей достиг суммы свыше четырехсот шестидесяти талантов, ибо хозяева требовали себе выкупа также за каждого из несовершеннолетних иудеев, потому что царь в своем указе об освобождении иудеев употребил выражение «получить вознаграждение за каждого пленного».

4. Когда это было сделано сообразно великодушному постановлению царя, последний повелел Димитрию подать свое прошение относительно еврейских книг. При этих царях (т.е. Птолемеях) все делалось по установленным формам, причем именно формы соблюдались с величайшею точностью. Ввиду этого были занесены в архив не только копия того прошения и копии с писем, обмененных по этому поводу, но и количество отосланных жертвенных даров с отметкою на каждом всех изображений, так что всякий желающий мог узнать по этому об искусстве художника и немедленно узнать последнего по качеству изделия его. Копия же того прошения была составлена в следующих выражениях:

«Великому царю от Димитрия. Так как ты, царь, сделал распоряжение о пополнении своей библиотеки еще недостающими сочинениями и о разыскании случайно затерявшихся книг, я всеусердно докладываю тебе, что у нас, между прочим, не имеется книг по иудейскому законодательству. К тому же последние, писанные еврейским шрифтом и на чуждом нам языке, нам недоступны. Тебе, вероятно, было донесено о них не так точно, как бы тебе, царю, следовало знать о том. А между тем необходимо, чтобы и они тебе были известны, ибо изложенное в них законодательство, как исходящее от самого Бога, свидетельствует о значительной мудрости и возвышенности иудейского учения. В силу того же соображения, как замечает Гекатей из Абдеры⁷⁴², не упоминают о нем ни поэты, ни историки, ни те, кто сообразно ему правил государством: ведь законодательство это священно и не должно профанироваться нечистыми устами. Поэтому, царь, если пожелаешь, напиши иудейскому первосвященнику, чтобы он прислал тебе по шести самых опытных в законах старцев, из каждого колена, дабы мы могли от этих людей узнать точное и полное содержание тех книг и, получив от них верный перевод, достойным образом исполнить твое в этом деле желание».

5. По получении этого прошения, царь приказал написать о том иудейскому первосвященнику Элеазару и вместе с тем сообщить ему об освобождении от рабства живших [в Египте] евреев. При этом он отпустил для приготовления чаш, кубков и сосудов золота в слитках на пятьдесят талантов (а также на семьдесят талантов серебра) и огромное количество драгоценных камней. Вместе с тем царь повелел хранителям ящиков, в которых находились эти камни, предоставить выбор камней на личное усмотрение художников. Сверх того он приказал отпустить деньгами до ста талантов на жертвоприношения в храме и прочие нужды. Но раньше, чем мне рассказывать о сооруженных дарах и об их отделке, и раньше, чем мне приводить содержание отправленного первосвященнику Элеазару письма, я скажу, каким образом первосвященник этот достиг своего высокого сана. Поводом к тому послужило следующее.

По смерти первосвященника Хония преемником последнего стал его сын, Симон, получивший за свое благочестие и за свое доброе расположение к своим единоплеменникам прозвание «Праведный». Когда же он умер, оставив после себя несовершеннолетнего сына Хония, брат Симона, Элеазар, о котором как раз теперь у нас идет речь, получил первосвященство. Ему-то Птолемей отправил следующее письмо:

«Царь Птолемей посылает первосвященнику Элеазару привет свой. В моем государстве жило много иудеев, которые, подпав после персидского плена власти отца моего, пользовались большим с его стороны уважением, причем одних из них он принял в ряды своего войска за повышенную плату, а другим, прибывшим с ним в Египет, дал земельные участки и разместил их по крепостям с поручением охранять [границы] и держать египтян в страхе и повиновении. Затем, когда я вступил на престол, я отнесся ко всем гуманно, особенно же к твоим согражданам, из которых свыше ста тысяч человек я освободил от рабства и плена, заплатив выкупные за них деньги из собственных моих средств, приняв наиболее молодых и сильных юношей в число своих воинов и сделав некоторых из них своими приближенными, доверив наиболее, по-моему, способным охрану собственного дворца. Всем этим я полагал принести Предвечному соответственную благодарность за явленное Им обо мне попечение.

Желая сделать приятное всем живущим на земле иудеям, я решил приступить к переводу вашего закона и, переведя его с еврейского языка на греческий, поместить эту книгу в число сочинений моей библиотеки.

Поэтому ты поступишь хорошо, если выберешь по шести престарелых мужей из каждого колена, которые вследствие продолжительности занятий своих законами многоопытны в них и смогли бы в точности перевести его. Я полагаю стяжать себе этим делом величайшую славу. Поэтому посылаю тебе для переговоров относительно этого начальника моих телохранителей,

Андрея и Аристея, которые оба пользуются в моих глазах величайшим почетом. Через них я послал и первое свое пожертвование на храм, для жертвоприношений и всего прочего, именно сто талантов серебра. Итак, ты окажешь мне услугу, если спросишь у меня, чего желаешь».

6. Получив это письмо царя, Элеазар в ответ на него написал следующее в самых почтительных выражениях. «Первосвященник Элеазар посылает привет свой царю Птолемею. Если ты, царица Арсиноя и дети ваши здоровы, то мы вполне довольны. По получении твоего послания мы очень обрадовались твоему намерению и, собрав народ, прочитали ему об этом, причем объяснили ему всю степень твоего благочестия по отношению к Всевышнему. Вместе с тем мы показали народу также посланные тобою двадцать золотых и тридцать серебряных сосудов, пять чаш и стол для жертвоприношений и те сто талантов, в которых столь нуждается наш храм для жертвоприношений и усовершенствования своего убранства и которые доставили нам Андрей и Аристей, лучшие из приближенных твоих, мужи славные, благовоспитанные и вполне достойные твоей добродетели. Поэтому, будь уверен, мы исполним все тебе угодное, хотя бы это и шло вразрез с нашими привычками, ибо нам следует воздать тебе благодарность за твои столь щедро явленные нашим соотечественникам благодеяния. Ввиду всего этого мы немедленно принесли жертвы за тебя, сестру твою⁷⁴³, детей и друзей ваших, а народ присоединил к этому молитву, чтобы все твои начинания исполнялись, чтобы царство твое сохранялось в мире и чтобы предпринятый тобой перевод законов благополучно удался тебе же на пользу. Я уже выбрал по шести более престарелых мужей из каждого колена и отправил их к тебе с законом. Затем мы рассчитываем на твое благочестие и справедливость, в силу которых ты отошлешь нам, по снятии копии, оригинал законов, причем озаботишься, конечно, и об охране лиц, получивших это поручение.

Будь здоров».

7. Таково было содержание ответного послания первосвященника. Я, впрочем, не считаю нужным приводить здесь имена семидесяти старцев, которые, будучи посланы Элеазаром, доставили царю закон, тем более, что имена их отмечены в самом письме. Но зато я полагаю уместным остановиться здесь на описании драгоценных жертвенных даров, которые царь послал в честь Предвечного, дабы открыто засвидетельствовать Ему свое глубокое почитание. При этом царь не только ассигновал на это крупнейшую сумму, но сам постоянно посещал художников и следил за тем, чтобы все вещи были сооружаемы заботливо и тщательно. Хотя повествование, очевидно, и не требует, чтобы я в подробностях описывал все эти драгоценности, однако я все-таки беру на себя этот труд, желая выяснить читателям своим художественный вкус и великодушие царя.

8. Сперва я дам описание жертвенного стола. Имея в виду сделать его особенно крупных размеров, царь велел узнать о размерах уже имевшегося в Иерусалиме стола, а также о том, возможно ли соорудить стол еще больших размеров. Когда же царь узнал о его величине, а также что ничто не препятствует соорудить еще больший, он выразил желание сделать стол в пять раз крупнее, но присоединил к этому опасение, как бы стол не оказался по величине своей негодным для богослужебных целей (а между тем царь именно имел в виду преподнести дары не только показные, но и удобные для богослужения). Поэтому он решил соорудить стол одинаковой с уже имевшимся величины, но вместе с тем такой, который превосходил бы его обилием золота, красотой и богатством употребленного на него материала. Усердие его доходило до того, что он не только старался осмотреть всевозможные художественные произведения и познакомиться с разными новыми и редкими образцами, но и до того, что он сам пустил в ход прирожденные свои способности к рисованию и делал эскизы, которые предлагал художникам, чтобы они могли по ним работать и имели точный образец для старательного выполнения предпринятой задачи.

9. Лица, которым была поручена эта работа, соорудили стол в два с половиною локтя длины, в один локоть в ширину и в полтора локтя вышины и вылили его целиком из золота. Края стола были сделаны в виде венка в ладонь ширины, которые на концах были загнуты и здесь снабжены витыми рельефными изображениями, так что один и тот же рисунок удивительным образом был виден в трех разных положениях. Дело в том, что стол был треугольный и каждая сторона его являла один и тот же рисунок, так что, с какой стороны ни повернуть стол, все был виден один и тот же рисунок. Если края стола с внутренней своей стороны были украшены соответственными рельефами, то наружная сторона их, долженствовавшая бросаться в глаза, отличалась значительно большею красотою отделки. С этою-то целью и выдававшиеся кверху и книзу края были загнуты, так что ни один из углов, которых, как мы уже упомянули, было три, не уступал другому по красоте отделки. Витая полоса бортов была усеяна рядами драгоценных камней, сдерживавшихся золотыми проволоками, которые проходили сквозь отверстия в камнях. Наклонная, особенно бросавшаяся в глаза сторона краев стола была украшена яйцевидными дорогими камнями, уложенными частыми рядами и образовавшими как бы рельефную сетку, которая шла кругом всего стола. Под этим яйцевидным рельефным узором художники сделали венок, состоявший из всевозможного рода плодов, так что в одном месте свешивалась кисть винограда, в другом выступал колос, в третьем прятался гранат. Камни озаряли все вышеназванные плоды, сообразно цвету каждого из них, и все это сдерживалось золотою оправою кругом всего стола. Под этим венком опять находилось то же самое украшение и ряд яйцевидных камней, подобных верхнему ряду, так что стол сверху и снизу являл одинаково красивую и искусную картину; поэтому, если бы перевернуть крышку стола, чтобы углы и венок изменили свои положения, все-таки не получалось никакой разницы. Та же самая цель преследовалась и при устройстве ножек стола. Художники сделали золотую, в четыре пальца толщины, раму под всею крышкою стола и, впустив в эту раму ножки, укрепили их там гвоздями и винтами под бордюром, так что можно было поставить стол как угодно и он всегда казался одинаково оригинальным и драгоценным. На поверхности стола были выгравированы арабески, в середине которых были вделаны во всевозможных сочетаниях драгоценнейшие камни, подобные звездам, а именно карбункулы и изумруды, очаровывающие всех людей, равно как всякие другие камни, которые по своей драгоценности вызывают в особенно значительной мере восторг и изумление зрителей. Рядом с арабесками тянулась витая цепь, замыкавшая собою рисунок посредине стола и состоявшая из хрусталя и янтаря, которые своим сопоставлением друг с другом вызывали чрезвычайный восторг всех осматривавших их. Верхние части ножек были сделаны наподобие лилий, причем края их листьев были вогнуты внутрь и подходили под крышку стола, тогда как снаружи резко выделялись выступавшие между этими листьями самые цветы. Каждая подставка ножек состояла из карбункула толщиной в четыре пальца и длиною в восемь дюймов, которые имели форму сапога; на последнем уже покоились самые ножки. Эти ножки были выделаны весьма старательно до последних мелочей, так как художники изобразили на них ветки плюща и лозы с виноградными гроздьями и притом столь естественно, что их можно было принять за настоящие; дело в том, что по своей нежной и тонкой работе они колебались от ветра и тем самым давали полную иллюзию природных растений, заставляя забывать, что они являются искусственными. Весь стол был художественным образом составлен из трех примыкавших настолько плотно друг к другу частей, что совершенно не видно было места их скрепления и даже нельзя было предполагать его существование. Толщина крышки стола была не менее чем в пол-локтя.

10. Таким образом, благодаря великому усердию царя, этот подарок отличался как по ценности своего материала, так и по изяществу отделки и формы и мог служить образцом для

других художников, причем царь постарался сделать его если и не отличающимся по величине от уже имевшегося в [Иерусалимском] храме стола, то по крайней мере по искусству, по новизне устройства, по блеску отделки и значительно более ценным и видным.

Равным образом были сооружены две золотые чаши на резных чешуйчатых подставках, шедших от основания до середины ножки и усыпанных по краям разноцветными камнями. Затем на каждой из них был сделан замысловатый в локоть ширины витой рисунок из всевозможных камней, а под ним помещался вплоть до краев рельефный узор в виде плетеной сетки. Верх красоты являли прелестные, помещенные посредине чаши щитовидные камни величиною в четыре дюйма. Края же каждой чаши были окружены венком из лилий, листвы и виноградных лоз, обвивавшихся вокруг всего сосуда. Таким-то образом были сооружены эти золотые чаши, из которых каждая вмещала в себе по две амфоры. Серебряные же чаши блестели, сильнее зеркала, так что в них гораздо лучше, чем в зеркалах, отражались изображения всевозможных предметов. Помимо этих сосудов царь велел заготовить еще тридцать других фиалов, из золота правда, но уже без драгоценных камней, а украшенных зато искусными рельефными изображениями в виде веток плюща или виноградных лоз.

Все это было сделано так не только вследствие опытности художников, обладавших удивительными познаниями в своем искусстве, но гораздо более вследствие чрезвычайного усердия и рвения самого царя. Последний не только предоставил художникам обильнейшие средства и не щадил в этом смысле казны, выказывая крайнее великодушие, но отказался даже от государственных дел своих и сам присутствовал и лично руководил всею работою художников. Это же, в свою очередь, повлияло на то, что художники необычайно старались, так как они, видя усердие царя, с особенною тщательностью отнеслись к своей задаче.

11. Таковы были жертвенные дары, отправленные Птолемеем в Иерусалим. Первосвященник Элеазар поместил их в храм, почтил по возможности лиц, доставивших эти дары, и затем отпустил посланных обратно к царю, вручив им подарки для последнего. Когда эти люди прибыли в Александрию и Птолемей узнал об их прибытии и приезде семидесяти старцев, он тотчас послал за своими уполномоченными, Андреем и Аристеем. Явившись к царю, последние вручили ему письмо первосвященника и сообщили ему то, что первосвященник велел передать ему словесно. Так как царь очень хотел повидаться с прибывшими из Иерусалима старцами и побеседовать с ними относительно перевода законов, то распорядился отправить домой всех лиц, явившихся к нему по делам, сделав на этот раз исключение из общего правила и поступив вопреки обычаю. Дело в том, что докладчики являлись к царю через каждые пять дней, послов же он обыкновенно принимал раз в месяц. Теперь, однако, он отпустил всех, лишь бы иметь свидание с посланниками Элеазара.

Когда эти старцы предстали перед ним с присланными первосвященником подарками и со свитками, на которых были золотыми буквами записаны законы, царь [немедленно] спросил их о книгах, а они показали их ему. Царь в течение некоторого времени с удивлением рассматривал тонкий пергамент и изумлялся невидимому скреплению отдельных листов между собою (которое было сделано очень искусно); затем он поблагодарил старцев за их приезд и выразил еще большую признательность по адресу пославшего их, а наибольшую Господу Богу, от которого исходили данные законы.

Когда же и старцы и все присутствующие в один голос пожелали царю всех благ, царь в волнении от великой радости прослезился; ведь большая радость обыкновенно выражается подобным же образом, как и глубокая печаль. Велев затем отдать книги соответствующим чиновникам, он лишь теперь обратился к посланным с приветствием, причем сказал, что он нарочно сперва поговорил с ними по поводу их приезда, а потом уже приступил к частной беседе с ними. Тот день, продолжал он, в который они явились к нему, он обещал обратиться в

праздник, и, на самом деле, в течение всей его жизни этот день считался таковым. Это как раз тот самый день, в который он одержал на море победу над Антигоном. Затем он пригласил старцев к себе на обед и распорядился отвести им наилучшие помещения вблизи дворца.

12. Никанор, которому было поручено оказать должный прием гостям, позвал Дорофея, на обязанности которого лежало вообще заботиться о вновь прибывших, и повелел ему озаботиться доставлением каждому из старцев всех удобств. В этом смысле царем были сделаны следующие распоряжения: в каждом городе, где не имелось ничего для удобства чужеземцев, имелось лицо, на обязанности которого лежало заботиться о приеме иностранцев и доставить им все, что соответствовало их обычаям, чтобы гости, найдя здесь все по-домашнему, были вполне довольны и не чувствовали неприятности на чужбине. Так было сделано и относительно иудейских старцев этих, причем на долю Дорофея выпало позаботиться о предоставлении им всевозможных удобств во время их пребывания. Поэтому он сам достал все нужное для угощения гостей и велел поместить, по специальному приказанию царя, приборы на столе с двух сторон. Царь распорядился разместить одну половину старцев против себя, а другую рядом со своим ложем, и при этом не упустил случая опять оказать им высокую честь. Распределив затем таким образом места, царь приказал Дорофею заготовить все так, как к тому привыкли явившиеся из Иудеи гости. По этой же причине царь отослал всех прислужников при жертвоприношениях, самих жрецов и всех обыкновенно молившихся за трапезою и предложил одному из присутствующих иудеев, священнослужителю Елиссею, произнести молитву. Елиссею выступил вперед и помолился, присоединив к молитве благословение царю и всем его подданным. На это из толпы присутствующих раздались приветственные клики и рукоплескания, а затем уже, по восстановлении тишины, все приступили к еде. Пропустив некоторое время, сколько ему казалось уместным, царь начал философскую беседу и задавал вопросы из области физики⁷⁴⁴ каждому из гостей своих, и так как не нашлось среди них ни одного, который не сумел бы дать царю на всякие вопросы толкового ответа, то Птолемей очень этому обрадовался и распорядился устраивать такие обеды в течение двенадцати дней. Всякий же, кому вздумалось бы познакомиться с вопросами, предложенными на этих пиршествах, может прочитать о том в книге, написанной Аристеем⁷⁴⁵ по этому поводу.

13. Когда же удивление свое выказал им не только царь, но и [присутствовавший при этом] философ Менедем заявил, что все это результат внушения свыше, потому-то во всех речах иудеев и констатируется совершенно естественная при таких условиях логическая сила, связанная с изяществом формы, то все разговоры прекратились, а царь громко заявил, что уже самое присутствие иностранных гостей является для него величайшим благом, ибо они принесли ему ту пользу, что он научился от них, как следует править царством. Потом он распорядился вручить каждому [из старцев] по три таланта и назначил лиц, которые должны были сопутствовать им при уходе каждого в его помещение.

По прошествии трех дней за старцами явился Димитрий и, пройдя с ними Нептаstadion (это дамба на море к острову⁷⁴⁶) и миновав мост, достиг с ними северной части острова и ввел их всех в расположенный на морском берегу дом, который по своей уединенности был особенно пригоден для научных занятий. Приведя их сюда, Димитрий указал им на то, что тут имеется все нужное для перевода закона, и просил их немедленно приняться за дело. Переводчики с величайшим усердием и трудолюбием стали ежедневно непрерывно вплоть до девятого часа заниматься переводом, а затем покидали его, чтобы позаботиться также о своем теле. На это им в изобилии было отпущено все нужное, и к тому же Дорофей доставлял им многое от царского стола (ибо царь сделал соответственное распоряжение). Рано поутру они являлись ко двору и, приветствовав здесь Птолемея, возвращались в свое место, где омывали в море руки и, очистившись таким образом, вновь принимались за свой перевод. Когда же перевод был по

прошествии семидесяти двух дней окончен и записан, Димитрий собрал всех иудеев в то место, где происходил самый перевод законов, и прочитал работу громко в присутствии переводчиков. Все собрание выразило одобрение не только мудрым старцам, изъяснившим таким путем законодательство, но и Димитрию, за его счастливую мысль, осуществлением которой он даровал им столь великое благодеяние. При этом народ просил также дать прочесть закон старейшинам.

Тут же все — первосвященник, старшие переводчики и начальники над иудеями — высказали пожелание оставить перевод в таком виде, в каком он сделан, и не изменять в нем ничего, так как он вполне точен и удачен. Все присоединились к этому пожеланию и высказали мысль, чтобы всякий, кто усмотрит в переводе что-либо лишнее, какое-нибудь дополнение или упущение, немедленно справился и указал бы на необходимость поправки; в этом случае они поступили вполне предусмотрительно, ибо таким образом они навсегда гарантировали неприкосновенность и сохранение раз признанного текста.

14. И вот, если царь уже радовался тому обстоятельству, что его предприятие удачно осуществилось, то он обрадовался еще более, когда ему были прочитаны законы; он был поражен прозорливостью и мудростью законодателя. Затем он обратился к Димитрию с запросом, почему никто из историков и поэтов не упоминает о столь необычном законодательстве. На это Димитрий ответил, что никто не решался приступить к изложению данного законодательства, потому что это божественное и священное произведение и потому что уже несколько лиц, дерзавших взять на себя эту задачу, были наказываемы за это Предвечным. При этом он привел в пример Феопомпа, который взялся сообщить народу кое-что из законов, более тридцати дней страдал умопомрачением и во время просветления старался умиловить Божество, полагая, что именно в его предприятии кроется причина его умопомешательства⁷⁴⁷. И действительно, он видел сон, где было ему указано, что вся беда его приключилась с ним оттого, что он слишком пренебрежительно отнесся к божественному и собирався сообщить свои на этот счет познания массе народной; лишь когда он отказался от своего намерения, он вновь стал нормален. Равным образом Димитрий упомянул и о трагическом поэте Феодекте⁷⁴⁸, который задумал вывести в одной драме данные из Св. Писания и за это был поражен слепотою. Лишь осознав свою вину и вымолив себе прощение у Предвечного, он был избавлен от своего недуга.

15. Узнав от Димитрия все вышеприведенное, царь преклонился перед книгами и распорядился относиться к ним с особенною тщательностью, дабы сохранить их в наивозможной чистоте; переводчиков же он пригласил почаще навещать его из Иудеи; это-де будет, прибавил он, не только великою для них честью, но и небезвыгодно им, вследствие связанных с такими посещениями подарками. Ныне же, сказал он, справедливость требует отпустить их домой; когда же они, по собственному почину, задумают вернуться к нему, они найдут у него все, что потребовалось бы для их мудрости и что в состоянии предложить им его готовность быть им полезным. Итак, царь отпустил их и дал каждому из них по три наилучших одежды, два таланта золотом, чашу в талант ценностью и весь обеденный прибор их. Таким образом одарил он их, первосвященнику же Элеазару он послал через них десять лох на серебряных подставках со всеми принадлежностями, чашу в тридцать талантов, кроме того, десять одеяний, порфиру, великолепный головной убор, сто штук кусков ткани из виссона, а также несколько фиалов, подносов и жертвенных чаш, равно как два золотых сосуда в виде жертвенного подношения. Вместе с тем царь прибавил к этому также и письмо на имя первосвященника, где была выражена просьба, если бы кто-либо из этих переводчиков вздумал навещать царя, разрешить это, так как он, царь, высоко ставит общество развитых людей и охотно готов делиться таким лицам из своих богатств.

1. В таком необыкновенном почете были иудеи у Птолемея Филадельфа; таким же уважением пользовались они и в глазах [прочих] царей Азии после того, как приняли участие в их походах. Селевк Никатор ⁷⁴⁹ удостоил их во всех основанных им в Азии и Нижней Сирии городах, равно как в самой столице, Антиохии, права гражданства и сделал их равноправными с македонянами и греками, что осталось в силе по настоящее еще время. Это видно, между прочим, из следующего обстоятельства: так как иудеи не желают пользоваться чужим маслом, то они взимают вместо этого от гимнасиархов определенную сумму денег, соответствующую стоимости масла ⁷⁵⁰. Когда в последнюю войну население Антиохии ⁷⁵¹ собиралось лишить иудеев указанной привилегии, то бывший в то время сирийским наместником Мукиан ⁷⁵² сохранил за иудеями их право на нее. Равным образом когда Веспасиан и сын его Тит ⁷⁵³ овладели всем миром, александрийцы и антиохийцы стали домогаться лишения иудеев всех прав гражданства, но потерпели при этом неудачу. На этом примере можно констатировать покладистость и великодушие римлян вообще, в частности же Веспасиана и Тита, которым круто приходилось во время Иудейской войны и которые были сильно раздражены невыдачею иудеями оружия и упорною решимостью биться до последней возможности; при этом эти римляне не только не лишили иудеев ни одного из указанных гражданских прав их, но подавили в себе прежнее свое против них раздражение и настойчивые требования столь могущественной александрийской и антиохийской черни и не решились, ни в угоду этой черни, ни в силу собственного своего озлобления против врагов своих, уничтожить что бы то ни было из древних иудейских установлений, но указали на то, что евреи, поднявшие против них оружие и вступившие с ними в бой, уже достаточно дорого поплатились за это, так что нет никакого основания лишать чего бы то ни было людей ни в чем не повинных.

2. Таково же было, насколько нам известно, и отношение Марка Агриппы ⁷⁵⁴ к иудеям. Дело в том, что против них восстали ионяне и стали требовать от Агриппы, чтобы он предоставил им одним те права гражданства, которые даровал им внук Селевка, Антиох, получивший у греков прозвище Бога ⁷⁵⁵; при этом ионяне настаивали на том, чтобы, если иудеи хотят быть уравнены с ними в правах, они поклонялись и божествам ионийским; когда же возникло по этому поводу дело, то иудеи, благодаря поддержке Николая из Дамаска, отстаивали свое право пользоваться своими обычными установлениями.

Агриппа при этом наотрез отказался от правоспособности вводить у евреев какие бы то ни было новшества. Если бы кто хотел в подробностях познакомиться со всем этим делом, то пусть прочтает сто двадцать третью и четвертую книги исторического труда Николая. Если же такое постановление Агриппы и не особенно удивительно (ведь наш народ в то время не вел войны с римлянами), то великодушие Веспасиана и Тита прямо изумительно, потому что эти лица сдержали себя, несмотря на такую ожесточенную борьбу с нами.

Однако я возвращусь к своему рассказу, от которого я теперь отклонился.

3. Во время правления Антиоха Великого ⁷⁵⁶ над Азией иудеям пришлось претерпеть большие бедствия не только в своей стране, которая подверглась полному разгрому, но и в Келесирии ⁷⁵⁷. Дело в том, что в продолжение войны, веденной Антиохом с Птолемеем Филопатором ⁷⁵⁸ и сыном последнего, Птолемеем, известным под именем Эпифана, на долю евреев выпадало страдать одинаково как в случаях его победы, так и в случаях его поражения, так что они вполне уподоблялись тогда кораблю во время бури, когда он страдает с обеих сторон от волн: они находились, так сказать, посредине между удачами и неудачами Антиоха. Тем временем, однако, победа осталась за Антиохом, и он присоединил к себе Иудею. Когда же

Филопатор умер, сын его выслал против жителей Келесирии огромную рать под начальством полководца Скопаса, которому удалось занять множество сирийских городов и захватить также нашу страну, которая лежала на пути его и оказала ему отпор. Немного спустя, однако, Антиох победил Скопаса в битве при истоках Иордана и при этом уничтожил значительную часть его войска. Когда же затем Антиох овладел городами Келесирии, которые подчинил себе Скопас, равно как Самариею, то иудеи покорились ему добровольно, приняли его в свой город, доставили всему его войску и слонам его обильные жизненные припасы и охотно помогли ему в осаде оставленного Скопасом в иерусалимской крепости гарнизона. Считая уместным воздать иудеям за выказанное ими по отношению к нему рвение и расположение, Антиох отправил затем своим военачальникам и приближенным послания, в которых свидетельствовал, как хорошо отнеслись к нему иудеи, а также указал на то, какие награды он решил дать иудеям за это.

Я пока оставляю в стороне написанное царем военачальникам письмо об иудеях и укажу, в каких выражениях свидетельствует нам об этом Полибий из Мегалополиса⁷⁵⁹, который в шестнадцатой книге своей истории говорит следующим образом:

«Двинувшись в вышерасположенные местности, военачальник Птолемея Скопас подчинил себе зимою народ иудейский». Указав затем на победу, одержанную Антиохом над Скопасом, историк в той же книге продолжает: «Антиох занял Батанею, Самарию, Авилу и Гадару, и вскоре затем к нему явились иудеи, живущие около храма, который носит название Иерусалима. Об этом я мог бы сообщить кое-какие подробности, особенно же о роскошном убранстве святилища, но разговор об этом мы отложим до другого раза». Так повествует Полибий. Мы же теперь вернемся к нашему рассказу и приведем сперва содержание письма царя Антиоха. Вот оно:

«Царь Антиох посылает привет Птолемею⁷⁶⁰. Лишь только я вступил в страну иудеев, последние приняли нас дружественно, при вступлении нашем в их город оказали нам блестящий прием, выйдя к нам навстречу со всеми старейшинами, в изобилии доставили нам припасов для солдат и слонов и помогли нам изгнать египетский гарнизон из крепости. Поэтому и мы решили воздать им за это, восстановить их сильно пострадавший от непрерывных войн город и дать возможность множеству рассеянных повсюду евреев вернуться в него и вновь поселиться здесь. Ввиду этого мы для начала решили дать им за их благочестие все необходимое для жертвоприношений, именно жертвенных животных, вина, масла и курений, всего на сумму двадцати тысяч серебряников, шесть священных артаб⁷⁶¹ для пшеничной муки, сообразно их обычаю, одну тысячу четыреста шестьдесят мер пшеницы и триста семьдесят пять мер соли. Я желаю, чтобы все это, по точному моему приказу, было выдано им, равно как повелеваю закончить дело постройки храма, портиков вокруг последнего и всего, что бы потребовалось еще пристроить. Потребный для этого строительный материал пусть будет доставлен из пределов самой Иудеи, от других народов и с Ливана, и притом без взимания какой бы то ни было пошлины.

То же самое касается и всего прочего, что могло бы способствовать украшению храма. Пусть все, принадлежащие к иудейскому народу, управляются по собственным своим законам; пусть совет старейшин, священнослужители, ученые при храме и певчие будут освобождены от подушной, казенной и всякой другой подати. А для того, чтобы город скорее успел отстроиться, я освобождаю настоящих его жителей, равно как всех тех, кто бы вздумал поселиться в нем до месяца иперберетая, от всех повинностей в течение трех лет. Равным образом и впредь мы освобождаем их от третьей части всех налогов, пока жители не оправятся от понесенных ими убытков.

Всех же лиц, которые были уведены из этого города в рабство, мы сим отпускаем вместе с

их потомством на свободу, повелевая вместе с тем вернуть им их имущество».

4. Таково было содержание письма. Затем царь издал, желая выделить святилище, распоряжение по всей стране, в том смысле, что ни одному иноземцу не позволено вступать в то отделение святилища, которое закрыто и для иудеев, исключая тех из последних, которые посвящены на то и которым это разрешается местными законами. Далее было постановлено, что никто не смеет ввозить в город мясо лошадиное, или свинину, или диких или домашних ослов, кошек, лисиц, зайцев и вообще всех запрещенных иудеями животных. Также воспрещалось ввозить в город шкуры таких животных или держать их в городе; лишь издревле употреблявшиеся для жертвоприношений животные, которые необходимы при богослужении, могли находиться в пределах города. Всякий же, нарушивший какое-нибудь из этих постановлений, подвергался штрафу в три тысячи драхм серебром в пользу священнослужителей.

Удостоверяя наше благочестие и верность, царь написал об этом в то время, когда находился в нагорных сатрапиях, и узнал, что во Фригии и Лидии готовятся перевороты. По этому поводу он повелел своему военачальнику и очень близкому человеку Зевксиду послать некоторых из наших из Вавилона во Фригию. Содержание этого приказа следующее:

«Царь Антиох посылает привет «отцу» своему Зевксиду. Если ты здоров, хорошо, я здоров. Узнав, что в Лидии и Фригии происходят беспорядки, я пришел к заключению, что на это мне следует обратить особенное внимание. Когда же я посоветовался с друзьями, то мы пришли к решению переселить в крепости и наиболее опасные места две тысячи иудейских семейств из Месопотамии и Вавилонии, снабдив их всем необходимым. Я убежден, что эти люди, вследствие своего благочестия, будут преданными нам стражами, тем более, что, как я знаю, мои предки засвидетельствовали их преданность и готовность оказывать поддержку там, где это от них требуется. Поэтому, несмотря на всю трудность этого дела, я желал бы переселить их туда с разрешением им жить по их собственным законам. Когда ты распорядишься доставить их на указанные места, назначь каждому из них по участку для постройки здания, а также по наделу для земледелия и виноградарства и освободи их на десятилетний срок от всех податей с их полей. Пока они не получают со своей земли плодов, пусть будет выдаваемо им содержание из средств, назначенных для моих личных слуг; пусть будет выдано вознаграждение также и тем, которые добровольно окажут им в чем-либо поддержку, дабы выражение нашей признательности еще более привязало этих людей к нашим интересам. Одним словом, позаботься о народе, чтобы ему ни с чьей стороны не подвергаться неприятностям».

Этих фактов достаточно для удостоверения расположения Антиоха Великого к иудеям.

1. После этого Антиох заключил дружественный союз с Птолемеем, выдал за него замуж дочь свою Клеопатру и уступил ему, в виде приданого за нею, Келесирию, Финикию, Самарию и Иудею⁷⁶². Так как подати [с этих стран] делились между обоими царями, то знатнейшие люди в каждой стране брали себе на откуп эти подати и, собрав требуемую подушную податную сумму, выплачивали ее царям. В это время самаряне, которым теперь жилось хорошо, причинили много неприятностей иудеям, разграбляя их страну и похищая их население.

Все это случилось при первосвященнике Хоние⁷⁶³. Когда умер Элеазар, первосвященство перешло к его дяде Манассии, после кончины которого этот сан перешел к Хонию, сыну Симона Праведного; Симон же, как мы указали выше⁷⁶⁴, был братом Элеазара. Этот Хоний был человеком недалекого ума и очень корыстолюбивым; вследствие последнего обстоятельства он не выплатил царям подати, которую предки его обыкновенно платили из собственных средств, именно в размере двадцати талантов серебра. Этим он возбудил против себя гнев царя Птолемея (Эвергета, который был отцом Птолемея Филопатора), так что Птолемей отправил в Иерусалим посланного с упреком, что он не выплатил налога, и с угрозой, что он разделит страну на участки и пошлет туда на постой своих солдат, если не получит указанной суммы. Услышав эту угрозу царя, иудеи растерялись, но Хония это нисколько не потревожило в его корыстолюбии.

2. Некий же Иосиф, сын Товия, еще совсем молодой человек, пользовался у иерусалимцев доброю славою вследствие своей порядочности, своего ума и праведности; мать его была племянницей первосвященника Хония. Когда же мать его сообщила ему о прибытии посла (а Иосиф как раз находился в то время в родной деревушке своей Фихол), он тотчас направился в город и стал укорять Хония за то, что последний нисколько не заботится о безопасности своих сограждан, но желает, по своей любостыжательности, свергнуть народ в опасности; при этом юноша указывал также и на то, что именно корыстолюбие побудило Хония принять на себя власть над народом и добиваться первосвященнического сана. Если же он уже столь сильно привязан к деньгам, что ради них спокойно может взирать на угрожающую отечеству опасность и на всевозможные бедствия своих сограждан, то, советовал Иосиф, ему лучше пойти к царю и упросить его предоставить ему либо всю сумму денег, либо некоторую часть их. Когда Хоний ответил на это, что он уже вовсе не так желает властвовать и готов, если только это возможно, охотно сложить с себя первосвященничество, но отнюдь не желает отправиться к царю (потому что уж он вовсе не так дорожит всем этим), то Иосиф спросил, не позволит ли ему Хоний отправиться к Птолемею в качестве заступника за народ. Получив на то согласие, Иосиф вошел в храм и, пригласив народ на сходку, стал убеждать его не беспокоиться и не бояться нерадивого к ним отношения его дяди Хония, но просил иудеев выкинуть из головы все их мрачные на этот счет опасения. При этом он указал собранию, что он сам собирается отправиться к царю и убедить его в том, что народ ни в чем не повинен. Услышав это, народ выразил Иосифу свою признательность, юноша же покинул храм и любезно принял посланного Птолемеем человека; затем он одарил его ценными подарками и, радушно угостив его в течение целого ряда дней, отправил назад к царю с указанием, что он сам вскоре отправится следом за ним. Теперь Иосифу еще более хотелось поехать к царю, потому что посланец особенно настоятельно побуждал его к этому и уговаривал его к поездке в Египет, вдобавок обещая Иосифу исполнение со стороны Птолемея всех его просьб. Посланному очень понравились свобода обращения и видимая порядочность юноши.

3. И вот, когда посланный вернулся в Египет, то рассказал царю о не дальновидности Хония и о порядочности Иосифа, а также о том, что Иосиф собирается прибыть к нему, чтобы просить

за народ, которого заступником он является. Он расточал юноше столько похвал, что как сам царь, так и его жена Клеопатра оказались вполне на стороне Иосифа еще раньше, чем последний успел прибыть. Тем временем Иосиф разослал к своим друзьям в Самарию приглашение одолжить ему денег, сам заготавливал все необходимое для путешествия, одежды, сосуды и вьючный скот, и затем, после всех этих сборов, обошедшихся ему около двадцати тысяч драхм, отправился в путь и прибыл в Александрию. Как раз к тому же времени случайно поехали туда все именитые граждане и начальствующие лица из сирийских и финикийских городов с целью приобретения прав на откуп податей; царь ежегодно предоставлял это наиболее влиятельным лицам в каждом городе. Когда эти люди встретили по пути Иосифа, то стали глумиться над его бедным и неказистым одеянием. Когда же он прибыл в Александрию и узнал, что царь Птолемей находится в Мемфисе, то он отправился к нему туда, чтобы видеть его там. Царь как раз сидел в колеснице со своею женою и приближенным своим Афинионом (это было именно то лицо, которое было послано им в Иерусалим и радушно принято там Иосифом). Увидя Иосифа, Афинион немедленно сообщил царю, что это именно и есть тот самый юноша, о преимуществах которого он рассказывал ему по возвращении своем из Иерусалима. Тогда Птолемей первый приветствовал его и пригласил его к себе в экипаж; затем же, когда тот сел, царь начал жаловаться на действия Хония. Иосиф же сказал: «Прости его ради старости; ведь тебе, вероятно, неизвестно, что у стариков и у малых детей одинаковый разум. Мы, молодежь, отнесемся к тебе во всем так, что тебе не придется жаловаться». Приятно пораженный любезностью и благовоспитанностью юноши, царь еще больше полюбил его после личного с ним знакомства, так что приказал ему отвести помещение в собственном дворце и ежедневно приглашал его к своему столу. Когда же царь прибыл в Александрию, то сирийские вельможи, увидя рядом с ним Иосифа, понятно, отнеслись к этому весьма несочувственно.

4. Когда наступил день, в который должен был произойти торг на откуп податей, все стали торговаться и предлагать свои цены. За откуп податей со всей Келесирии, Финикии, Иудеи и Самарии было предложено до восьми тысяч талантов. Тогда выступил Иосиф, стал укорять откупщиков за то, что они предлагают за подати столь ничтожную сумму, и сам предложил внести двойную сумму и вдобавок присоединить к тому еще все взыскания, которые получались за оскорбление лиц царской семьи и прежде обыкновенно присоединялись к податному фонду. Царь принял такое предложение с удовольствием и распорядился предоставить откуп податей Иосифу, как лицу, дававшему значительно большую сумму за них. Когда же царь спросил его, каких поручителей он может представить за себя, тот отвечал очень тонко: «Я представляю вам людей прекрасных и безупречных, которым вы вполне поверите». На вопрос же царя, кто эти люди, юноша ответил:

«Царь! Поручителями тебе я назову самого тебя и супругу твою, каждого в равной половинной части».

Птолемей рассмеялся и предоставил ему откуп податей без поручительства. Это обстоятельство крайне огорчило лиц, прибывших из разных городов в Египет, потому что они, таким образом, ошиблись в своих расчетах.

5. Они с позором вернулись каждый в свой родной город; Иосиф же, получив от царя отряд в две тысячи воинов (которых он выпросил у него в помощь, если бы пришлось в городах прибегнуть к силе) и заняв у приближенных царя в Александрии пятьсот талантов, выступил в Сирию. Прибыв в Аскалон, потребовав от граждан уплаты податей и получив от них не только полный отказ, но подвергшись насмешкам с их стороны, он схватил двадцать человек зачинщиков этих беспорядков и распорядился казнить их. Затем он овладел их имуществом на сумму до тысячи талантов и послал эти деньги царю с подробным донесением обо всем случившемся. Птолемей удивился его распорядительности, похвалил его за его образ действий и

представил ему в дальнейшем полную свободу действий. Когда об этом узнали сирийцы, то очень испугались, и так как казнь аскалонских мужей представлялась им грозным примером наказания за непослушание, добровольно открыли Иосифу ворота своих городов, впустили его и стали выплачивать ему подати. Лишь население Скифополя вздумало встретить его насмешками и позволило себе не доставить ему податей, которые они раньше выплачивали без околичностей; тогда Иосиф и здесь казнил зачинщиков [беспорядка] и отправил к царю их имущество. Собрав значительные денежные средства и при этом способе откупа податей имея крупную выгоду, он употребил заработанные таким образом деньги на укрепление своего положения, вполне основательно полагая, что лучше всего будет гарантировать себе путем денег основание дальнейшего своего успеха. Ввиду этого, он посылал лично от себя царю, Клеопатре, их друзьям и всем влиятельным придворным подарки, снискивая себе таким образом их расположение

6. Так удачно вел он дела в течение двадцати двух лет, причем имел от одной жены семерых детей, от другой, дочери брата своего Солимия, одного по имени Гиркан. На последней он женился следующим образом: однажды он отправился в Александрию со своим братом, который вез с собою свою дочь, достигшую уже возраста, когда ее можно было выдать замуж за какого-нибудь именитого иудея. Когда во время обеда у царя в залу вошла красивая танцовщица, Иосиф воспылал к ней страстью и сообщил о том брату своему с присовокуплением просьбы помочь ему скрыть эту проделку (так как иудеям по закону запрещено сходиться с иностранкою) и поспособствовать ему получить эту женщину для удовлетворения своей страсти. Брат охотно взялся исполнить это поручение, ночью велел своей дочери принарядиться, повел ее к Иосифу и оставил ее ему. Не ведая в своем опьянении, что делает, Иосиф сошелся с дочерью своего брата и, повторив это несколько раз, был очень доволен. Потом он заявил своему брату, что рискует своей жизнью, так как имел дело с танцовщицей, которую ему царь, вероятно, не предоставил бы. Однако брат успокоил его, прося не тревожиться на этот счет, безбоязненно пользоваться обществом любимой женщины и взять ее себе в жены, причем сообщил Иосифу всю правду, сказав ему, что предпочел отдать ему лучше свою собственную дочь, чем видеть его позор и беду. За эту его любовь к нему Иосиф похвалил своего брата, стал жить с его дочерью и получил от нее сына, вышеупомянутого нами Гиркана.

Едва достигнув тринадцатилетнего возраста, этот младший сын Иосифа стал обнаруживать такое физическое и умственное развитие, что навлек на себя страшную ненависть со стороны своих братьев, которые могли превзойти его лишь в одном, именно в чувстве завистливости. Так как Иосифу хотелось знать, кто из сыновей его наиболее дельный, он посылал их всех поочередно к знаменитейшим в то время учителям. Однако все сыновья (кроме Гиркана) возвращались к нему неразвитыми неучами, вследствие своего легкомыслия и склонности к изнеженности и лени. Затем он послал младшего сына, Гиркана, со стадом в триста пар волов в пустыню, в местность, находившуюся на расстоянии двух дней пути, с тем, чтобы Гиркан обработал там участок земли, но при этом Иосиф нарочно не дал ему яремных ремней. Когда Гиркан прибыл на место и не нашел ремней, он обратился за советом к погонщикам волов, как ему быть. Те посоветовали ему послать к отцу за ремнями. Однако юноша, не считая возможным терять время в ожидании возвращения посланных, выдумал нечто очень ловкое, совершенно не соответствовавшее его юному возрасту, а именно: велел зарезать десять пар волов, он распределил их мясо между рабочими, затем нарезал из шкур ремни, связал ими волов и, обработав таким образом указанный ему отцом участок земли, вернулся домой. Когда он пришел к отцу, последний еще более полюбил его за его сообразительность, похвалил его за остроумие и решительность и сосредоточил на нем одну всю свою любовь, как будто бы он

один только и был настоящим его сыном, на что, конечно, досадовали остальные братья Гиркана.

7. Когда Иосифу было около этого времени сообщено, что у царя Птолемея родился сын, и когда все именитые люди из Сирии и других подвластных областей с торжеством отправились в Александрию для отпразднования дня рождения дитяти, то сам Иосиф, вследствие преклонного возраста своего, должен был остаться дома; поэтому он спросил сыновей своих, не хочет ли кто-нибудь из них отправиться к царю. Так как все старшие отказались от этого, ссылаясь на свою неотесанность для пребывания при дворе, и советовали старику послать туда их брата, Гиркана, Иосифу понравилась эта мысль; он позвал Гиркана и спросил его, не может ли он отправиться к царю и сделает ли он это охотно. Когда последний согласился поехать и присовокупил к этому, что ему не нужно на дорогу много денег (он-де будет жить скромно, так что довольно будет десяти тысяч драхм), отец опять порадовался благоразумию сына. Некоторое время спустя Гиркан посоветовал отцу не посылать царю от себя подарков, но дать ему, Гиркану, письмо к их делопроизводителю в Александрии с распоряжением выдать ему необходимую сумму на покупку лучших и драгоценных подарков. Тогда Иосиф, полагая, что десяти талантов хватит на покупку этих подарков царю, похвалил сына за добрый совет и написал соответствующее письмо на имя управляющего своего, Ариона, который заведовал всеми его находившимися в Александрии деньгами, достигавшими суммы не менее трех тысяч талантов. Дело в том, что Иосиф обыкновенно отсылал получаемые в Сирии деньги в Александрию и затем, когда наступал срок выплаты царю податей, давал соответственное распоряжение Ариону. К последнему-то Гиркан и попросил у отца письмо и, получив его, собрался в Александрию.

Однако после его отъезда братья отправили ко всем царским приближенным письма с просьбою погубить Гиркана.

8. Когда, по прибытии в Александрию, юноша передал Ариону письмо и тот спросил его, сколько талантов он желает получить (Арион рассчитывал на требование в десять талантов или немного больше), Гиркан отвечал, что ему нужна тысяча талантов. Тогда управляющий рассердился, стал упрекать его в разгульном образе жизни и сказал, каким образом отец его, бедствуя и воздерживаясь от всего, скопил свое состояние, причем просил его поставить себе в пример родителя. При этом Арион заметил, что он выдаст ему десять талантов и ни драхмы больше, да и то на приобретение подарков царю. Тогда юноша в свою очередь рассвирепел и приказал заковать Ариона в цепи. Жена же Ариона сообщила об этом Клеопатре и просила ее обуздать юношу (Арион пользовался у царицы большим почетом); Клеопатра, в свою очередь, сообщила обо всем царю. Тогда Птолемей отправил к Гиркану человека с выражением удивления по поводу того, что Гиркан, будучи послан к нему отцом своим, не только не отрекомендовался царю, но вдобавок еще заковал управляющего; тут же выразалось требование явиться к царю и объяснить ему весь этот случай. На это будто бы юноша велел передать царю, что у него (как иудея) существует закон, в силу которого запрещается отведывать чего-либо раньше, чем пойдет в храм и принесет Предвечному жертву. Ввиду этого соображения, он и сам пока не явился к нему, ожидая возможности доставить царю, благодетелю отца своего, подарки. Раба же он наказал за послушание, ибо нет никакой разницы в том, мал ли хозяин или велик. «Ведь если мы не станем наказывать таких людей,- сказал он,- то наконец и ты сам подвергнешься насмешкам со стороны своих подданных».

Когда Птолемею был принесен этот ответ, он рассмеялся и удивился смелости мальчика.

9. Когда же Арион узнал, что царь такого мнения о юноше и что тут уже ничего не поделаешь, он выдал Гиркану тысячу талантов и был освобожден им от оков.

Спустя три дня Гиркан представился царской чете. Последняя отнеслась к нему благосклонно и в честь его отца угощала его прекрасно. Затем он тайно отправился к торговцам

невольниками и купил у них сто красивых и грамотных рабов по таланту за каждого и столько же рабынь по той же цене. Когда он вскоре затем получил вместе с влиятельнейшими лицами страны приглашение к царскому столу, он очутился за столом ниже всех, потому что устроители обеда поместили его на последнем месте, вследствие его юного возраста. Все обедавшие сложили кости от мясных блюд перед Гирканом, съев самое мясо, так что весь столик перед Гирканом оказался заполненным этими костями. После этого шут царя, Трифон, который должен был смешить и веселить публику к концу пира за вином, по данному знаку гостей, предстал перед царем и сказал:

«Видишь, о царь, массу лежащих перед Гирканом костей; совершенно таким же образом, как этот объел все мясо с костей, и отец его обглодал всю Сирию». Царь рассмеялся на слова Трифона и, спросив Гиркана, почему перед ним лежит такая груда костей, получил в ответ: «Совершенно правильно, владыка! Ведь собаки обыкновенно съедают кости с мясом, подобно этим (тут он кивнул на гостей, перед которыми не лежало ничего), тогда как люди едят мясо, а кости кидают; я же, будучи человеком, так и сделал».

Царь был поражен его столь мудрым ответом и заставил всех рукоплескать ему за его находчивость и остроумие.

На следующий день Гиркан отправился ко всем приближенным царя и приветствовал всех влиятельных придворных; при этом он разузнавал от слуг, какие подарки собираются преподнести их господу царю по поводу рождения царевича. Когда же ему говорили, что одни собираются дать десять талантов, другие из них иные суммы, соответственно имуществу всякого, он с притворным сожалением заявлял, что сам он не в состоянии представить такие богатые дары, ссылаясь на то, что в его распоряжении только пять талантов. Эти сведения слуги, конечно, сообщали своим господам, а последние предвкушали уже удовольствие, как осрамится Иосиф и потеряет расположение царя вследствие бедности своего подношения. И вот в назначенный день все они, считая свои дары слишком крупными и ограничившись поэтому суммою не более чем в двадцать талантов, поднесли их царю. Гиркан же представил ко двору купленных сто невольников и сто невольниц и дал каждому из них в руки еще по таланту. Юношей он подарил царю, женщин же Клеопатре. Все были поражены неожиданностью такого ценного подношения; удивилась этому и сама царская чета; к тому же Гиркан сделал на сумму многих талантов подарки царским приближенным и придворным служащим, чтобы избежать грозившей ему с их стороны опасности, ибо братья его ведь написали им письма в том смысле, чтобы они загубили Гиркана. Птолемей, в благодарность за богатое приношение юноши, предложил ему потребовать себе какой угодно подарок. Последний, однако, просил у него только одного, именно чтобы царь отписал о нем отцу и его братьям. Потом царь, оказав ему величайшие почести и одарив его богатыми дарами, а также снабдив его письмами к отцу, братьям, всем своим военачальникам и наместникам, отпустил юношу домой.

Когда братья его узнали обо всем случившемся с Гирканом у царя и о том, что он возвращается с великим почетом, они выехали ему навстречу с намерением убить его. Сделали они это с ведома отца своего, который рассердился на сына за то, что последний при трате денег несколько не подумал о его интересах. Однако Иосиф, из опасения перед царем, скрывал свой гнев на сына. Когда братья вступили с Гирканом в бой, он перебил множество народа из их свиты, а также двоих из братьев, тогда как остальные спаслись бегством к отцу своему в Иерусалим. Так как при прибытии Гиркана в город никто не хотел принять его к себе, он испугался, переправился в местности по ту сторону Иордана и остался там, подчиняя себе дикие племена.

10. В это время царем [Передней] Азии был сын Антиоха Великого, Селевк, ирзованный Филопатором⁷⁶⁵. Между тем умер отец Гиркана, Иосиф, человек прекрасный и великодушный,

который успел поднять народ иудейский из его бедности и жалкого положения и поставить его в более благоприятные условия жизни; при этом он, в течение двадцати двух лет, держал на откупе подати в Сирии, Финикии и Самарии. Тогда же умер и дядя его, Хоний, и оставил первосвященство сыну своему Симону. Когда же и последний умер и преемником его сана стал сын его Хоний, то к этому Хонию отправил посольство лакедемонский царь Арей⁷⁶⁶, снабдивший посольство письмом, содержание которого было следующее:

«Лакедемонский царь Арей приветствует онию⁷⁶⁷. В какой-то книге мы нашли указание на то, что иудеи и лакедемоняне одного происхождения и ведут род свой в одинаковой мере от Авраама. Поэтому, раз вы нам братья, будет справедливо, если вы станете обращаться к нам в случае какого-нибудь желания. Так будем поступать и мы и смотреть на вам принадлежащее, как на свое, причем и вам предоставляем смотреть на наше имущество, как на свою собственность. Письмо это вручит вам Димотел, который обыкновенно составляет у нас послания. Письмо четырехугольного формата и снабжено печатью, представляющей орла, держащего змею».

11. Таково было содержание посланного лакедемонским царем письма. Когда умер Иосиф, в народе произошли смуты, повод к которым подали сыновья Иосифа. Дело в том, что старшие объявили войну Гиркану, младшему из детей Иосифа, и таким образом народ распался на две партии, наиболее многочисленная из которых стала на сторону старших братьев; то же самое сделал, вследствие родства с ними, первосвященник Симон. Ввиду этого Гиркан решил более не возвращаться в Иерусалим, но засел в местности по ту сторону Иордана и непрерывно воевал с арабами, множество которых он перебил или взял в плен. Он, между прочим, построил себе укрепленный замок, весь из белого камня вплоть до крыши, и украсил его огромными рельефными изображениями животных. Вокруг этого здания он соорудил широкий и глубокий ров. Со скал находившегося против дворца горного хребта он велел отбить все выступы, затем соорудил множество пещер длиною в несколько стадий и устроил тут в горе ряд комнат, предназначавшихся либо для пиршеств, либо для спален, либо просто для жилья; кроме того, он провел внутрь пещер множество ключей, которые служили одновременно для пользы и украшения всего этого [подземного] дворца. Входы в пещеры он сделал настолько узкими, что можно было входить не иначе как поодиночке. Все это он сделал преднамеренно, в видах личной безопасности, чтобы не попасться в руки братьям в случае осады с их стороны. Кроме того, он построил также целый ряд поселений различной величины и украсил их обширными садами. Всю эту созданную колонию он назвал Тиром. Местность эта лежит между Аравией и Иудеей, по ту сторону Иордана, недалеко от Ессевонитиды⁷⁶⁸.

В этих местах Гиркан правил в течение семи лет, именно все то время, в продолжение которого Селевк царствовал над Сириею. Когда же Селевк умер, то власть перешла к его брату Антиоху, прозванному Эпифаном⁷⁶⁹. Между тем умер и египетский царь Птолемей, также известный под именем Эпифана⁷⁷⁰, и оставил после себя двух еще малолетних сыновей, из которых старшего звали Филометором, младшего же Фисконом.

Когда Гиркан увидел, что Антиох располагает значительной ратью, то он, испугавшись, как бы царь не схватил его и не наказал за его войны с арабами, окончил жизнь свою самоубийством. Всем имуществом же его завладел Антиох.

1. Так как около этого времени умер также и первосвященник Хоний, то Антиох предоставил сан его, ввиду малолетства сына Хония, брату его. Историю этого малолетнего сына мы в свое время расскажем.

Иисус, однако (так звали брата Хония), вскоре был лишен первосвященнического сана, потому что царь рассердился на него и передал этот сан его младшему брату, носившему имя Хоний. Таким образом, у Симона было трое сыновей, к каждому из которых, как мы показали, постепенно и переходило первосвященство. Иисус изменил свое имя в Ясона, а Хоний в Менелая.

Когда прежний первосвященник Иисус восстал против позже назначенного на этот пост Менелая и народ разделился на две партии, то на сторону Менелая стали сыновья Товия. Однако преобладающая масса народа заступилась за Ясона, и последний настолько стеснил Менелая и сыновей Товия, что они бежали к Антиоху и заявили ему о своей готовности отказаться от своих законов и своего государственного устройства и принять установления царя и греческую форму правления. Потом они просили его разрешить им построить в Иерусалиме школу для гимнастических упражнений. Получив на то его согласие, они стали прикрывать наготу свою, чтобы не видно было их обрезания и чтобы с внешней стороны походить на греков, и, оставив все свои прежние обычаи, стали теперь во всем подражать другим народностям.

2. Между тем Антиох, правление которого протекало без приключений, решил предпринять поход на Египет, потому что он очень желал овладеть им ввиду того, что сыновья Птолемея не представляли в этом отношении затруднения, как по своей слабости, так и по неспособности справиться с трудностями похода. Поэтому он с большою ратью явился к Пелузию и, хитростью обойдя Птолемея Филометора⁷⁷¹, захватил Египет. Затем он появился в окрестностях Мемфиса и, завладев этим городом, двинулся на Александрию с намерением взять ее осадой и захватить царствовавшего там Птолемея. Однако ему пришлось покинуть не только Александрию, но и вообще Египет, так как римляне принудили его очистить страну, как мною уже было раньше указано в другом месте⁷⁷².

Теперь я последовательно расскажу историю этого царя, как он напал на Иудею и завладел храмом. В прежнем своем повествовании о нем я лишь в общих чертах упомянул об этом; теперь же мне кажется уместным посвятить ему более подробный рассказ.

3. Вернувшись из Египта в страхе перед римлянами, царь Антиох пошел войною на город Иерусалим и, придя туда в сто сорок третьем году после воцарения селевкидской династии⁷⁷³, взял город без боя, потому что приверженцы его⁷⁷⁴ отворили ему ворота. Овладев таким образом Иерусалимом, он перебил множество противников своих и, награбив значительное количество денег, возвратился в Антиохию.

4. Два года позже, именно в сто сорок пятом году [селевкидской эры], в двадцать пятый день того месяца, который у нас называется кислевом, у македонян же апеллаем, в течение сто пятьдесят третьей олимпиады⁷⁷⁵, царь во главе огромного войска вступил в Иерусалим и обманным образом овладел городом, выдав свой приход за совершенно мирный. Но на этот раз он не пощадил даже тех, которые впустили его в город, ввиду находившихся в храме богатств; побуждаемый своим корыстолюбием и намереваясь ограбить храм, в котором он заметил множество золота и прочие столь дорогие жертвенные приношения, он решился нарушить данное тем людям слово. Итак, он совершенно ограбил храм, не пощадив даже священной утвари, золотых светильников, золотого алтаря, трапезы и жертвенников, и даже не отказался от занавесей, вытканых из виссона и пурпура; равным образом опустошил он и тайную

сокровищницу и тем вверх иудеев в большое горе. К тому же он запретил им совершение ежедневных жертвоприношений, которые они по закону приносили Господу Богу. Затем он совершенно разграбил город, причем часть жителей перебил, других же вместе с женами и детьми взял в плен, так что более десяти тысяч человек стало рабами. Лучшие здания города он предал пламени и, срыв городские стены, укрепил находившийся в нижней части города холм, называвшийся Акрою. Этот холм был высок и господствовал над храмом; поэтому царь и укрепил его высокими стенами и башнями и поместил тут македонский гарнизон. Кроме того, в этой крепости остались также безбожники из народа и все гнусные люди, которые причинили своим согражданам много бедствий. Затем царь поставил на месте, где происходили жертвоприношения, алтарь и заклал на нем свинью, т.е. животное, которое как по божеским, так и по человеческим законам считалось у иудеев недопустимым.

Вместе с тем он принудил их отказаться от почитания своего Бога и навязал им его собственных богов, которым иудеи должны были в каждом городе и каждом селении посвящать рожи и воздвигать алтари; на последних, по его приказанию, они обязаны были ежедневно приносить в жертву свиней. При этом царь запретил также иудеям совершать обряд обрезания над мальчиками и грозил наказанием всякому, кто решился бы ослушаться этого запрещения. С этой же целью он назначил особых надзирателей, на обязанности которых лежало принуждать евреев к исполнению всех этих предписаний. И действительно, много иудеев, отчасти добровольно, отчасти из страха перед угрожающим наказанием, стали исполнять эти царские повеления. Однако наиболее выдающиеся и благородные из иудеев не обращали внимания на царя, ставя исполнение издревле установленных обычаев выше наказания, которым тот угрожал за ослушание, и потому ежедневно нескольким из них пришлось подвергаться пыткам и умирать в жестоких мучениях. Их бичевали, терзали и затем живьем пригвождали к крестам; женщин же и детей, которые были наперекор царскому велению обрезаны, подвергали казни через удушение и вешали затем тела их на шею пригвожденным к крестам мужьям и родителям. Если же у кого-либо находили книгу со священными законами, то она уничтожалась, и всякий, у которого таковая была найдена, должен был умирать жалкою смертью.

5. Когда самаряне увидели все эти бедствия иудеев, то перестали выдавать себя за их сородичей и стали уверять, что их храм на [горе] Гаризим вовсе не воздвигнут в честь Всевышнего Бога; другими словами, они поступили сообразно своей обычной манере, о которой мы уже упоминали, и выдавали себя за потомков мидян и персов, что вполне правильно. Вместе с тем они отправили к Антиоху послов с письмом следующего содержания:

«Послание царю Антиоху Богу Эпифану от сидонцев из Сихема. На основании некоего суеверия наши предки, побуждаемые к тому различными постигшими страну бедствиями, установили обычай почитать тот день, который у иудеев носит название субботнего. Вместе с тем они воздвигли на горе Гаризим святилище без определенного назначения и приносили тут разные жертвы. И вот, так как ты воздаешь теперь иудеям должное возмездие за все их гнусности, царские чиновники, полагая, что мы родственны евреям и потому следуем их примеру, подвергают и нас подобным же наказаниям, тогда как мы по происхождению своему сидоняне. Последнее, впрочем, видно и по государственным записям. Ввиду всего этого умоляем тебя, нашего благодетеля и спасителя, повелеть своему наместнику Аполлонию и уполномоченному своему Никанору не обижать нас применением к нам тех карательных мер, которые установлены для иудеев; ведь мы, как по своему происхождению, так и по своим обычаям, не имеем ничего общего с последними. Вместе с тем пусть будет никому не посвященное святилище наше предназначено греческому Зевсу. Если это будет сделано, то преследования наши само собою прекратятся, и мы сможем безбоязненно посвятить себя делам своим, от чего увеличатся лишь твои собственные доходы».

На эту просьбу самарян царь послал им следующий ответ: «Царь Антиох Никанору. Сихемские сидоняне препроводили ко мне прилагаемую записку. Так как в совещании, которое я устроил по этому поводу с приближенными моими, посланные самаряне подтвердили, что возводимые на иудеев обвинения совершенно не применимы к ним, самарянам, и что последние готовы жить по греческим обычаям, мы освобождаем их от преследований и посвящаем, сообразно их просьбе, их храм Зевсу греческому».

Такой же указ царь послал и наместнику своему Аполлонию в сто сорок шестом году, в восемнадцатый день месяца гекатомбеона⁷⁷⁶.

1. Около этого самого времени в иудейской деревне Модии жил некто Маттафия, сын Иоанна, который, в свою очередь, происходил от Симеона-хасмонеянина; этот Маттафия был священником из разряда Иоарива и происходил из Иерусалима. У него было пять сыновей: Иоанн, прозванный Гаддесом, Симон, иначе называвшийся Матфеем, Иуда, прозванный Маккавеем, Элеазар-Ауран и Иоанатан, иначе прозванный Апфусом. Этот Маттафия оплакивал с сыновьями свои потерю прежней свободы, разграбление города, разгром святилища и все постигшие народ бедствия, причем говорил, что им лучше умереть за свои древние законы, чем продолжать жить так бесславно.

2. Когда же в деревню Модию явились царские чиновники, чтобы принудить иудеев к исполнению предписаний царя и повелеть им принести установленные царем жертвы, чиновники эти обратились с просьбой подать тому пример к Маттафии, который занимал [в селении] видное общественное положение, между прочим, вследствие своего высокого образования (при этом чиновники были уверены, что именно его примеру последуют все его сограждане и Маттафия сможет тем самым снискать себе расположение царя). Однако Маттафия наотрез отказался сделать это и заметил, что он со своими сыновьями никогда не решится изменить древнему благочестию, хотя бы все остальные народы и повиновались, либо из страха, либо из низкопоклонства, предписаниям Антиоха. Не успел Маттафия закончить речь свою, как кто-то из иудеев вышел из толпы и принес требуемую Антиохом жертву; тогда Маттафия и его дети в гневе устремились на него с мечами в руках, и старик убил не только этого иудея, но и умертвил царского военачальника Апеллеса, принудившего иудея к жертвоприношению, и вместе с ним нескольких солдат. Разрушив затем алтарь, Маттафия воскликнул: «Кто еще привержен родным обычаям и истинному богочитанию, тот пусть следует за мною».

С этими словами он, сопровождаемый сыновьями, направился в пустыню, оставив в селении все свое имущество. Его примеру последовало множество других жителей деревни, которые бежали с детьми и женами в пустыню и стали жить там в пещерах.

Когда об этом узнали царские военачальники, то они взяли все войска, находившиеся в то время в иерусалимской крепости, и последовали за иудеями в пустыню. Настигнув беглецов, они первоначально пытались вразумить их и выбрать то, что им было бы полезнее, прося не заставлять их прибегать к военной силе; но когда иудеи не вняли их убеждениям, а, напротив, упорно стояли на своем, они напали на них в субботу и истребили их огнем в пещерах; при этом иудеи не оказали ни малейшего сопротивления вследствие субботнего дня, которого не желали греховным образом нарушать, так как в этот день нам законом предписано не работать. Таким образом, около тысячи иудеев с детьми и женами задохлись от дыма в пещерах; но многие, которым удалось спастись, бежали к Маттафии и выбрали его своим предводителем. Последний при этом пояснил им, что они должны сражаться даже и в субботу, и указал им на то, что, если они, соблюдая закон, не станут делать это, они сами себе повредят, потому что враги и будут нападать на них именно по субботам, когда они не станут защищаться; таким образом, ничто не спасет их от полной гибели без боя. Слова его убедили иудеев, и с тех пор по сей день у нас установился обычай сражаться даже по субботам, если того требуют обстоятельства. Затем Маттафия собрал вокруг себя значительную рать, разрушил жертвенники и стал убивать всех, кто навлек на себя грех жертвоприношениями [греческим богам] и кого он только мог захватить. (Дело в том, что многие из этих богоотступников искали из страха спасения в переходе к окрестным племенам.) Равным образом Маттафия приказал подвергнуть обрезанию

всех еще не обрезанных мальчиков и прогнал царских чиновников, которые должны были препятствовать этому.

3. Пробыв во главе [иудеев] в течение одного года и впав в болезнь, Маттафия призвал к себе однажды сыновей своих; и когда они явились к нему, сказал им:

«Я, дети мои, теперь собираюсь в путь, всем нам судьбою предначертанный. Оставляю вам свои убеждения и прошу вас не изменять им, но быть добрыми их охранителями. Помните о всегдашнем стремлении отца и воспитателя вашего спасти от гибели издревле установленные обычаи и поддерживать грозящее погибнуть древнее государственное устройство наше. Не входите в общение с теми, кто либо добровольно, либо по принуждению изменил ему, но являйте себя достойными меня сыновьями, которые, несмотря на господство всяческого насилия и принуждения, были бы в случае необходимости готовы даже умереть за свои законы. Помните при этом, что Господь Бог, видя вас такими, не забудет о вас, но, радуясь вашей стойкости, вернет вам все следуемое и возвратит вам свободу, пользуясь которой вы спокойно и без страха сможете жить по своим обычаям. Хоть тела наши смертны и бранны, однако они достигают бессмертия, благодаря воспоминанию о наших деяниях. Я желал бы, чтобы вы прониклись этим сознанием, стремились бы к такой славе и, не задумываясь пожертвовать за это даже жизнью своею, искали бы осуществления величайших идеалов. На первом же плане увещаю вас жить в согласии друг с другом и охотно признавать друг у друга имеющиеся у каждого из вас преимущества, чтобы каждый мог приносить другим пользу этими качествами. Признавайте брата своего Симона за его выдающиеся умственные способности отцом своим и слушайтесь его советов; Маккавея же, за его храбрость и силу, сделайте начальником вашего войска; он отомстит за народ свой и отразит врагов. Привлекайте также к себе всех праведных и благочестивых и укрепляйте свое могущество».

4. Переговорив так с сыновьями и помолясь Богу, дабы он оказал им свою поддержку и вновь даровал народу возможность жить сообразно его обычаям, старик вскоре затем умер. Похоронили его в Модии. После того как весь народ сильно печалился о нем, сын Маттафии, Иуда Маккавей, в сто сорок шестом году⁷⁷⁷ стал во главе правления, причем как его братья, так и все прочие иудеи охотно подчинились ему. Затем он изгнал из страны врагов своих, перебил всех тех единоплеменников своих, которые переступили издревле установленные законы, и очистил страну от всякого осквернения.

1. Когда об этом узнал наместник Самарии Аполлоний, то двинулся с большою ратью на Иуду. Последний выступил ему навстречу, сошелся с ним в битве и разбил его, причем убил не только множество его воинов, но и самого полководца, Аполлония, и овладел мечом его, которым тот обыкновенно пользовался. Еще большее число неприятелей было ранено, и затем Иуда, захватив в лагере врагов богатую добычу, вернулся восвояси.

Сирон же, наместник Келесирии, узнав, что многие примкнули к Иуде и что у последнего уже имеется достаточное для борьбы войско, решил пойти на него походом, потому что считал своею обязанностью наказать ослушников царских повелений. Поэтому он собрал все бывшее в его распоряжении войско, в ряды которого он принял также беглецов и богоотступников из иудеев, и двинулся на Иуду. Достигнув иудейской деревни Вефора, он расположился тут лагерем.

Когда Иуда двинулся ему навстречу и приготовился сразиться с ним, то увидел, что его воины, отчасти вследствие своей малочисленности, отчасти вследствие голода (они постились), трусились. Поэтому он обратился к ним с увещанием и сказал, что не от численного превосходства зависит победа над врагами, но от благочестия сражающихся, чему может служить красноречивейшим доказательством пример их собственных предков, которым вследствие праведности столь часто удавалось в борьбе за свои установления и за своих детей поражать десятки тысяч врагов. Ведь действительно прочная сила заключается в полной праведности. Такими словами ему удалось убедить своих воинов не смотреть на многочисленность врагов и разом напасть на Сирана. В последовавшем затем бою Иуда действительно обратил сирийцев в бегство, потому что в ту самую минуту, как пал их военачальник, они видели возможность спастись в одном лишь бегстве. Во время погони за врагами до равнины Иуда перебил еще около восьмисот из них; остальные же спаслись у берега моря.

2. При известии об этом событии царь Антиох жестоко разгневался и, собрав всю свою рать, которую он усилил еще множеством наемников с островов, приготовился к началу весны вторгнуться в Иудею. При выдаче платы, однако, он заметил, что у него не хватит средств и наступит полное безденежье (ибо, с одной стороны, вследствие постоянных возмущений в стране подати не поступали в казну, с другой же — сам царь при своей крайней расточительности не справлялся со своими средствами), и потому он решил первоначально отправиться в Персию для того, чтобы собрать там подати этой страны. Поэтому царь поручил некоему Лисию, который пользовался его расположением, заведование всеми делами от пределов Египта по всей Азии до реки Евфрата, оставил в его распоряжении часть своего войска и слонов, а также поручил ему тщательно воспитать сына своего Антиоха до тех пор, пока он, сам царь, не вернется после покорения Иудеи, порабощения ее жителей, полного разгрома Иерусалима и уничтожения всего племени иудеев. Поручив это Лисию, царь Антиох в сто сорок седьмом году⁷⁷⁸ направился к Персии и, перейдя Евфрат, пошел в горные сатрапии.

3. Между тем Лисий отрядил сына Доримена, Птолемея, а также Никанора и Горгия, весьма влиятельных приближенных царя, и, дав им сорок тысяч пешего и семь тысяч конного войска, отправил их против Иудеи. Они дошли до города Эммауса и расположились тут станом на равнине.

Здесь примкнули к ним союзники из Сирии и из близлежащих стран, а также множество иудейских перебежчиков, равно как несколько купцов, которые собирались купить будущих военнопленных и с этою целью привезли с собою оковы для вязания пленных и нужное для их

покупки количество золота и серебра. Между тем Иуда, увидя вражеский стан и огромное количество противников, стал увещевать своих воинов мужаться и убеждать их возлагать надежду на Предвечного и умолять Его, по старинному обычаю, во вретищах; при этом он советовал им прибегнуть к обычному в случаях большой опасности способу умиловления Предвечного, дабы побудить Его таким образом даровать им победу над врагами. Затем, разместив своих воинов, по старинному обычаю, по тысячам и сотням, и отпустив домой молодоженов и тех, кто недавно приобрел недвижимую собственность, дабы эти люди из любви к своему дому не мешали сражаться, Иуда предстал перед своим войском и воспламенил его к бою следующими словами: «Никогда еще, товарищи, не было более критического для вас момента, чем теперь, когда требуется все ваше мужество и полнейшее равнодушие к опасностям. Ныне следует в храбром бою вернуть себе свободу, которая уже сама по себе всем представляется желанным благом, особенно же для нас, потому что она даст нам возможность не прекращать нашего богопочитания. Поэтому при таком положении дел вам следует сражаться так, чтобы добиться этой свободы и вместе с нею возможности жить счастливо и беззаботно (что и требуется нашими законами и древними обычаями); иначе, если вы будете сражаться трусливо, вам придется подвергнуться крайнему унижению, а всему роду вашему уготовить полное истребление. Имея же в виду, что нам некогда предстоит смерть и помимо боя, и будучи уверены, что в борьбе за лучшие блага, за свободу и отечество, за законы и благочестие вы сможете стяжать себе вечную славу, вы должны приготовиться и собраться с духом, чтобы завтра утром на заре сойтись с врагами».

4. Такою речью Иуда стал воспламенять мужество своего войска. Между тем враги выслали Горгия с пятью тысячами пехотинцев и тысячею всадников, причем Горгию служили в качестве проводников несколько иудейских перебежчиков; он должен был ночью напасть на Иуду. Лишь только сын Маттафии узнал об этом, он решил сам ворваться в стан неприятелей, тем более, что теперь силы последних были разъединены. Поэтому, когда в определенный час солдаты поужинали, он оставил в лагере множество сторожевых огней, а сам в течение ночи держал путь к врагам, находившимся в Эммаусе. Между тем Горгий, не найдя врагов своих в лагере и полагая, что они отступили и скрываются в горах, отправился туда и стал их там разыскивать. Иуда же на заре появился перед неприятелем в Эммаусе со своими по бедности плохо вооруженными тремя тысячами войска и, увидев, что враги отлично укрепились и обезопасили свой стан по всем правилам искусства, обратился к солдатам с новым увещеванием. При этом он указывал им на то, что в случае необходимости следует сражаться даже совсем без оружия и что Предвечный нередко и при таких условиях даровал более слабым победу над более многочисленным и хорошо вооруженным неприятелем, потому что Господу Богу благоугодно было их мужество. Затем он приказал трубачам подать сигнал к началу боя и совершенно неожиданно для врагов напал на них. Этим своим внезапным нападением он привел их в такое замешательство и так напугал их, что ему удалось множество их истребить в открытом бою, а остальных подвергнуть преследованию. Таким образом он достиг Гадары и равнины Идумейской с городами Азотом и Ямниєю. Врагов пало около трех тысяч человек. Между тем Иуда запретил своим воинам думать пока о добыче врагов, потому что им еще предстояло померяться силами в бою с Горгием и его ратью. Если они одержат верх и над этими войсками, тогда, сказал он, пусть безбоязненно предаются грабежу, потому что им придется биться лишь в этом бою и другого не представится более. Еще пока Иуда так говорил со своими солдатами, люди Горгия увидели полное бегство того войска, которое они покинули в лагере, а самый лагерь в пламени. Уже издали дым от пожарища указал им на случившееся. И вот, когда воины Горгия увидели дела в таком положении и заметили, что солдаты Иуды готовы перейти в наступление, они сильно перепугались и сами обратились в бегство. Справившись, таким

образом, без всякого боя с воинами Горгия, Иуда вернулся [в лагерь] и приступил к захвату добычи; захватив тут множество золота, серебра, пурпуровых и гиацинтовых тканей, он, с радостью и прославляя Господа Бога за явленную милость, вернулся восвояси. Эта победа иудеев в значительной степени способствовала утверждению их свободы.

5. Вне себя от поражения, понесенного высланною ратью, Лисий на следующий год собрал войско из шестидесяти тысяч отборных солдат и, прибавив к ним еще пять тысяч всадников, вторгся в Иудею. Достигнув нагорной страны, он расположился станом в иудейской деревне Бет-Цуре. Ему навстречу выступил Иуда во главе десятитысячного войска. Увидя такое значительное количество врагов, Иуда обратился с молитвою к Предвечному, прося и на этот раз оказать свое содействие, и затем, напав на передовой отряд неприятелей, разбил его, перебил до пяти тысяч человек и нагнал тем самым страх на остальных. Лисий поэтому без труда понял окончательную решимость иудеев либо умереть, либо добиться полной свободы и, боясь повторения с их стороны того урока, который он уже получил от них, вернулся с остальным своим войском в Антиохию и остался там, вербуя новых наемников и готовясь вторгнуться в Иудею с гораздо более значительным войском.

6. После стольких поражений, уже нанесенных полководцам царя Антиоха, Иуда созвал своих людей на сходку и сообщил им, что после такого множества дарованных иудеям от Предвечного побед следует вернуться в Иерусалим, подвергнуть храм ритуальному очищению и принести установленные жертвы. Когда же он со всею массою своих приверженцев прибыл в Иерусалим и нашел храм пустым, ворота его сожженными и целые деревья, выросшие сами по себе в храме вследствие его заброшенности, он и все люди его начали плакать; так они были потрясены видом храма. Затем Иуда выбрал нескольких воинов и приказал им изгнать гарнизон крепости⁷⁷⁹, пока он сам займется очищением святилища. По тщательном очищении последнего он снабдил храм новою утварью, светильником, столом и алтарем, сооруженными из золота, заготовил новые завесы на двери и навесил также новые створы дверей. Разрушив старый жертвенник, Иуда воздвиг новый из различных камней, которых не коснулось железо.

И вот на двадцать пятое число месяца кислева, именующегося у македонян апеллаем, иудеи зажгли свечи на светильнике, совершили воскурения на алтаре, возложили на стол хлебы предложения и принесли на новом жертвеннике жертву всесожжения.

Все это случилось как раз в тот же самый день, в который, три года тому назад, священное место культа иудеев было осквернено и профанировано. Опустошенный Антиохом храм пребывал в таком запустении ровно три года. В сто сорок пятом году (селевкидской эры) это несчастье постигло храм, именно двадцать пятого апеллая, в сто пятьдесят третью олимпиаду, а возобновлен храм был в тот же двадцать пятый день месяца апеллая, в сто сорок восьмом году⁷⁸⁰, в сто пятьдесят четвертую олимпиаду. Опустошение храма совершилось вполне сообразно предсказанию Даниила за четыреста восемь лет, когда пророк объявил, что македоняне разрушат святилище.

7. Иуда праздновал со своими согражданами возобновление жертвоприношений в храме в течение восьми дней, причем не забыл ни одного рода удовольствий; богатые и блестящие жертвоприношения дали ему возможность обильно угостить народ, который песнями и псалмами прославлял Предвечного и увеселял самого себя. Иудеи так радовались явившейся теперь вновь возможности вернуться к своим прежним обычаям и внезапному случаю после продолжительного времени опять предаваться истинному богочитанию, что они условились на будущее время всегда праздновать день восстановления храма восьмидневным празднеством. С тех пор по настоящее время мы празднуем этот праздник под именем Празднества света⁷⁸¹, вероятно, потому, что в этот день явилась нам против всякого ожидания, подобно свету, возможность вновь поклоняться Предвечному.

Иуда обвел весь город стенами, воздвиг для отражения вражеских набегов высокие башни и поместил в них сторожевые посты. Кроме того, он также укрепил город Бет-Цуру, чтобы пользоваться им вместо крепости против могущих произойти набегов врагов.

1. Пока все это происходило, окрестные племена очень недружелюбно отнеслись к успехам и возрастанию могущества иудеев, и общими силами путем всякого рода интриг и козней им удалось погубить множество иудеев. Поэтому Иуде пришлось постоянно вести с ними войны, по силе возможности удерживать их от вторжения в страну и тем оберегать своих единоплеменников от их обид. Так, например, он напал на потомков Исава, идумеян, около Акрабадины, перебил множество их и собрал богатую добычу. Потом он окружил сыновей Ваана, которые злоумышляли против иудеев, осадил их город, сжег их укрепления и перебил их воинов. Отсюда он затем двинулся на аммонитян, которые располагали сильным и многочисленным войском под предводительством Тимофея, разбил их, взял их город Иазор, захватил их жен и детей в плен и, предав город пламени, вернулся в Иудею. Когда же соседние племена узнали о его возвращении, то собрались в область галаадскую, против живших вдоль границ иудеев. Последние тогда бежали в крепость Дафем и послали к Иуде извещение, что Тимофей заметил место, где они искали себе убежища. Пока Иуда читал их письмо, явились посланные из Галилеи с извещением, что жители Птолемаиды, Тира и Сидона, а также другие галилеяне общими силами готовятся к нападению.

2. Подумав о том, как быть при извещении о такой двойной беде, Иуда поручил брату своему Симону с тремя тысячами отборного войска поспешить на помощь к жившим в Галилее иудеям, сам же он с другим своим братом Ионатаном двинулся во главе восьмитысячного отряда в область галаадскую. Над остатками своего войска он поставил сына Захария, Иосифа, и Азарию и поручил им усердно охранять Иудею и не начинать войны ни с кем, пока он сам не вернется. Прибыв в Галилею и вступив в бой с врагами, Симон обратил их в бегство, преследовал их вплоть до ворот Птолемаиды, перебил при этом до трех тысяч человек, захватил в виде добычи доспехи убитых, а также иудеев, раньше взятых ими в плен, равно как все их имущество, и вернулся домой.

3. Между тем Иуда Маккавей и брат его Ионатан переправились через Иордан и после трехдневного пути встретили набатеян, с которыми у них были дружеские и мирные отношения.

Когда последние рассказали им о положении дел в галаадской области, какое множество иудеев томится в плену в крепостях и городах галаадских, и когда набатеяне при этом умоляли Иуду поспешить походом на иноплеменников и избавить своих единоверцев от их ига, он, глубоко потрясенный, двинулся по направлению к пустыне, бросился сначала на жителей Восора, и, взяв его, перебил всех мужчин, способных носить оружие, и сжег город дотла. Хотя за этим и наступила ночь, Иуда все-таки не стал отдыхать, но двинулся дальше и шел в течение всей ночи к той крепости, где были заключены иудеи.

Вся эта местность была занята войсками Тимофея. Явившись туда на заре, Иуда увидел, что враги расположились уже около самого города, причем одни приставляли к стенам лестницы, а другие подвозили осадные орудия. Тогда он велел трубить в трубу и, увещевая своих воинов храбро встретить опасность, защищая своих братьев и единоплеменников, разделил свое войско на три части и с тыла напал на врагов. Когда люди Тимофея узнали, что это Маккавей, они, которые уже раньше имели случай испытать его беззаветную храбрость в бою, обратились в бегство. Иуда и его войско бросились их преследовать и перебили из них до восьми тысяч человек. Затем он направился к так называемому городу чужестранцев, Малле⁷⁸², взял и его, перебил все мужское его население и предал город пламени. После этого он двинулся дальше и разрушил Хасфом⁷⁸³, Восор и множество других галаадских городов.

4. Немного времени, однако, спустя Тимофей вновь собрал большую рать, склонил другие племена и некоторых из арабов за плату вступить в союз с ним и сражаться вместе с ним и явился с войском на той стороне ручья, против Рафы (тогда это был город)⁷⁸⁴. Тут он стал уговаривать своих воинов храбро сражаться и препятствовать иудеям переправиться через ручей, когда дело дойдет до битвы. Если же иудеи перейдут через ручей, то это, по его мнению, поведет за собою поражение его собственного войска. Когда Иуда услышал о приготовлениях Тимофея к битве, он собрал всю свою рать и поспешил навстречу врагу. Перейдя ручей, он напал на неприятелей и стал истреблять тех из них, которые оказали ему сопротивление, на других же нагнал такой ужас, что они побросали свое оружие и поневоле обратились в бегство. Некоторым из врагов удалось убежать, другие же скрылись в так называемое карнаимское святилище⁷⁸⁵, рассчитывая тут найти убежище. Однако Иуда взял город, перебил жителей и поджег святилище, всяческим образом истребляя врагов своих⁷⁸⁶.

5. После этого Иуда собрал всех галаадских иудеев с их детьми, женами и всем их имуществом, чтобы отвести их обратно в Иудею. Когда он на пути своем прибыл в город, носивший имя Ефрон, и нельзя было миновать его, но и не хотелось предавать город разрушению, он послал к жителям посланников с предложением отворить ворота и предоставить иудеям свободный пропуск. Дело в том, что жители завалили ворота каменными глыбами и таким образом замкнули проход. Когда же население отказалось исполнить его просьбу, Иуда обратился с увещанием к своему войску, обложил город и приступил к его осаде. Спустя сутки он взял город, перебил всех его жителей мужского пола и, сжегши город дотла, получил возможность свободного прохода. Число убитых было при этом так велико, что пришлось идти по трупам.

Перейдя через Иордан, иудеи вступили в обширную равнину, при вступлении в которую лежит город Вифсана, носящий у греков имя Скифополиса. Вскоре затем они очутились в стране иудейской, вошли в нее и предались там веселью, песням и установленным по случаю одержанных побед играм. Вместе с тем они принесли также благодарственные жертвы за благополучный исход своего предприятия и за спасение войска, потому что во время всех этих войн иудеи не потеряли ни одного человека.

6. В то самое время, как Симон находился в Галилее и вел войну с жителями Птолемаиды, а сам Иуда со своим братом Ионатаном был занят в Галааде, оставленные Иудою в качестве военачальников Иосиф, сын Захария, и Азария, также побуждаемые желанием снискать себе славу отличных полководцев, двинулись со своею ратью на Ямнию. Когда же при встрече с Горгием, военачальником Ямнии, произошла битва, то они потеряли две тысячи человек из своего войска и должны были обратиться в бегство, причем подверглись преследованию вплоть до пределов Иудеи. Это поражение было следствием того, что они ослушались приказаний Иуды не вступать в бой ни с кем до его возвращения. Таким образом, Иуда, кроме всех его военных подвигов, заслуживает также нашего удивления ввиду поражения, постигшего Иосифа и Азарию, которого неизбежность он предвидел заранее, если бы они в чем-либо слушались его приказаний.

Между тем, однако, Иуда и его братья не прекращали своих военных действий против идумеян, но отовсюду налегали на них. Так, например, они взяли город Хеврон, заняли всю массу его укреплений, сожгли башни и опустошили всю область неприятелей вместе с городом ее Мариссою. Потом они направились к городу Азоту, взяли и разграбили его. После этого они с множеством вражеских доспехов и богатою добычею вернулись в Иудею⁷⁸⁷.

1. Около того же самого времени и царь Антиох, отправляясь походом в нагорную страну, узнал, что в Персии находится город Элиманда⁷⁸⁸, отличающийся своим богатством и великолепным храмом Артемиды⁷⁸⁹, который полон всевозможных жертвенных даров; в числе последних будто бы также находятся оружие и панцирь, оставленные тут Александром, сыном македонского царя Филиппа. Побуждаемый последним обстоятельством, Антиох двинулся на Элиманду и занялся осадой ее. Но так как жители города не испугались ни его нападения, ни его осады, а, напротив, оказывали упорное сопротивление, царь ошибся в своих расчетах; жителям города даже удалось прогнать его из-под стен, сделав вылазку, обратить его в бегство и подвергнуть преследованию, так что ему пришлось спастись в Вавилон и при этом потерять значительную часть своего войска. И вот, пока царь еще горевал об этой своей неудаче, ему доложили также о поражении его полководцев, которым он поручил вести войну с иудеями, и о возрастающем могуществе иудеев. При получении этого известия, в силу которого к прежним неудачам присоединялись еще новые, царь впал в сильное расстройство, а затем и в серьезную болезнь. Когда последняя стала затягиваться и страдания Антиоха все увеличивались, он понял, что наступает смерть, и потому созвал друзей своих, сообщил о безысходном положении своей болезни и заявил, что ему приходится страдать так оттого, что он обидел народ иудейский, разграбил его храм и глумился над Предвечным. С этими словами царь умер.

Я не могу не выразить здесь своего удивления по поводу того, что мегалополитанец Полибий, человек вообще вполне надежный, уверяет, будто Антиох умер вследствие желания своего разграбить храм персидской Артемиды; ведь человек, задумав что-либо, но не приведя этого в исполнение, еще недостоин за то наказания. Поэтому если Полибий желал именно в этом обстоятельстве видеть причину смерти Антиоха, то гораздо убедительнее будет принять, что он умер вследствие разграбления Иерусалимского храма. Впрочем, по этому поводу я не стану спорить с теми, кто признал бы мнение мегалополитанца более правильным, чем наше.

2. Перед смертью Антиох позвал к себе одного из своих приближенных, Филиппа, поручил ему управление государством и вручил ему царский венец, мантию и перстень с повелением передать все это его малолетнему сыну Антиоху и с просьбой позаботиться о его воспитании и о закреплении за ним царского достоинства. Антиох умер в сто сорок девятом году. Лисий объявил о его смерти народу, провозгласил сына его, порученного его попечению, царем и дал ему прозвище Эвпатора⁷⁹⁰.

3. В это время гарнизон иерусалимской крепости и перебежчики иудейские причиняли немало затруднений иудеям. Так, например, если кто-либо являлся в храм для принесения жертвы, солдаты внезапно вырывались из крепости и убивали такого человека; этому особенно способствовало то обстоятельство, что крепость непосредственно примыкала к святилищу. При таких обстоятельствах Иуда решил избавиться от гарнизона, собрал весь народ и приступил к упорной осаде крепости. Это было в сто пятидесятом году селевкидского правления⁷⁹¹. Итак, Иуда, заготовив осадные орудия и возведя вал, усердно принялся за взятие крепости. Однако многим из осажденных удалось ночью выбраться из нее и бежать; затем они собрали еще других себе подобных негодяев и явились все вместе к царю Антиоху. Здесь они просили его не допустить, чтобы они так страдали от своих же единоплеменников, и притом по вине отца его, потому что они, по его повелению, оставили свое прежнее богопочитание и теперь терпят за это всякое притеснение. Дело в том, что если царь не придет к ним на помощь, то предстоит опасность, что Иуда и его приверженцы возьмут крепость и истребят царский гарнизон. Когда об этом услышал малолетний Антиох, то очень разгневался, немедленно послал за своими

полководцами и приближенными и приказал им нанять наемников и созвать под знамена всех способных носить оружие подданных царства. Таким образом было собрано войско приблизительно в сто тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников с тридцатью двумя слонами⁷⁹².

4. С этим войском царь двинулся из Антиохии в сопровождении Лисия, которому было поручено главное командование над всей ратью. Прибыв в Идумею и двинувшись затем к укрепленному и представлявшему большие затруднения городу Бет-Цуре, он остановился тут и приступил к его осаде. Но так как бетцурцы оказывали упорное сопротивление и при вылазках поджигали его осадные орудия, осада города затянулась на продолжительное время.

Между тем Иуда, узнав о приближении царя, отказался от дальнейшей осады крепости, двинулся навстречу царю и расположился лагерем в ущелье Бет-Захарии на расстоянии семидесяти стадий⁷⁹³ от неприятелей. Тогда царь снял осаду Бет-Цуры и повел свое войско к ущелью, где был стан Иуды. С наступлением утра он выстроил свое войско к битве. Слоны должны были следовать гуськом один за другим, потому что их нельзя было выстроить рядами вследствие тесноты места. Вокруг каждого слона выстроились до тысячи пехотинцев и пятьсот всадников. На спине у каждого слона помещалась высокая башня со стрелками. Остальному войску было приказано с обеих сторон взбираться на горы, причем командование этими отрядами было поручено царским приближенным. Дав приказание трубить нападение, царь направил свое войско на врагов, причем были обнажены золотые и серебряные щиты⁷⁹⁴, издававшие необычайный блеск. В горах раздавалось громкое эхо от криков нападающих.

Видя это, Иуда не растерялся, но храбро встретил врагов и уложил на месте около шестисот человек авангарда. Брат же Иуды, Элеазар, носивший прозвище Аурана, увидев, что самый огромный слон вооружен царскими доспехами, и предполагая, что на нем сидит сам царь, с беззаветною храбростью бросился на него. Тут он перебил множество из окружавших слона воинов, разогнал остальных, а затем, подобравшись под слона, нанес последнему смертельный удар в живот. Слон упал на Элеазара и задавил его своею тяжестью. Таким образом потерял жизнь тот герой, который столь храбро лишил жизни многих врагов.

5. Когда Иуда заметил численное превосходство неприятелей, он отступил к Иерусалиму и стал готовиться к осаде. Антиох же послал часть своего войска против Бет-Цуры для военных там действий, а с остальною ратью сам прибыл к Иерусалиму. Между тем жители Бет-Цуры, испугавшись сильного войска и предвидя недостаток в съестных припасах, сдались царю, наперед взяв с него клятвенное обещание, что он их ничем не обидит⁷⁹⁵. Антиох, завладев городом, ограничился тем, что удалил жителей безоружными и поместил в городе свой собственный гарнизон. Но зато он очень долго осаждал Иерусалим, так как защитники его оказывали упорное сопротивление. Дело в том, что против каждого осадного орудия, которое царь воздвигал у стен города, они выставляли свое. Однако вскоре у осажденных проявился недостаток в съестных припасах, потому что запасы истощились, а земля в тот год не была обработана, ввиду того, что то был год субботний, в который, по нашему закону, не позволено возделывать почву и она должна оставаться под паром⁷⁹⁶. Вследствие этого многие из осажденных, ввиду недостатка в продовольствии, бежали, так что в святилище оставалось лишь незначительное число защитников.

6. Таково было положение осажденных в храме. Между тем главнокомандующий Лисий и царь Антиох получили известие, что из Персии явился Филипп и собирается овладеть престолом. Ввиду этого они решили оставить осаду и двинуться против Филиппа, но вместе с тем условились не сообщать солдатам и военачальникам истинной причины отступления. Царь повелел Лисию⁷⁹⁷ переговорить с полководцами и, ничего не упоминая относительно Филиппа,

сказать, что, так как осада вследствие значительной неприступности города затягивается и к тому же у них уже ощущается недостаток в съестных припасах, да и в государстве ждет решения множество неотложных дел, ввиду всего этого кажется уместным заключить мир с осажденными, войти в дружеские отношения со всем иудейским племенем и предоставить ему жить по его древним законам, упразднение которых и подало повод к настоящей войне, а затем возвратиться восвояси. При объявлении Лисием этого решения солдаты и с ними их военачальники были очень довольны.

7. Затем царь послал к Иуде и его осажденным товарищам и предложил им мир с предоставлением права жить по собственным законам. Иудеи отнеслись к этому предложению вполне сочувственно и, получив клятвенное уверение в святости его, вышли из святилища. Потом Антиох вступил в храм, но, увидя его столь укрепленным, нарушил свою клятву и приказал сопутствовавшей ему рати разрушить его стены до основания. После этого он вернулся в Антиохию и захватил с собой первосвященника Хония, известного также под именем Менелая. Дело в том, что Лисий посоветовал царю казнить Менелая, если он хотел привести иудеев в замешательство и обезопасить себя относительно их; от этого человека исходили все бедствия, потому что именно он-то и убедил отца его принудить иудеев к отказу от их прежнего богопочитания. Ввиду этого Антиох отправил Менелая в сирийский город Берею и казнил его там, после того как этот гнусный и безбожный человек был в течение десяти лет первосвященником и для укрепления своей власти принуждал народ [иудейский] преступить свои древние законы. После смерти Менелая первосвященником стал Алким, иначе называющийся Иакимом.

Между тем царь Антиох нашел Филиппа уже овладевшим престолом, пошел на него войною и, захватив его, приказал казнить. Когда же сын первосвященника Хония, который, как мы уже упомянули, потерял отца своего будучи еще ребенком, увидел, что царь казнил его дядю Менелая и передал первосвященство Алкиму, не происходившему из первосвященнического рода, и что царь по совету Лисия отнял это звание от его семьи и передал чужому семейству, то убежал к египетскому царю Птолемею. Будучи последним и его женою Клеопатрою признан достойным своего сана, он получил от них участок земли в номе Гелиополя и построил тут храм по примеру Иерусалимского. Впрочем, поговорить подробнее об этом нам еще представится возможность.

1. Около этого самого времени из Рима бежал сын Селевка, Деметрий⁷⁹⁸, и, овладев тремя главными сирийскими городами, провозгласил себя царем. Затем он окружил себя наемным войском и вошел в столицу, причем все приняли его весьма охотно и добровольно сдались ему. Войска его схватили царя Антиоха и Лисия и живыми доставили их ему. Те немедленно по приказанию Деметрия были подвергнуты смертной казни. Антиоха, как уже сказано раньше, таким образом, удалось удержаться на престоле лишь два года⁷⁹⁹. И вот к Деметрию стали стекаться многие гнусные перебежчики из иудеев, и в том числе первосвященник Алким, и стали обвинять весь народ, а также Иуду и его братьев в том, что они-де перерезали всех верных друзей его и погубили всех его истинных приверженцев, которые не изменяли ему и ждали в столице его возвращения. Сами они, мол, изгнаны из своей страны и ищут убежища в чужих местах. И вот теперь они просят его послать кого-нибудь из приближенных, чтобы тот мог узнать о всех дерзких предприятиях Иуды.

2. Деметрий рассердился и послал Бакхида, прежнего приближенного царя Антиоха Эпифана, человека ловкого и отлично знакомого с положением дел во всей Месопотамии. При этом он дал ему войско и отправил с ним также первосвященника Алкима с поручением казнить Иуду и его приверженцев. Выступив с войском из Антиохии и прибыв в Иудею, Бакхид отправил к Иуде и его братьям послов с предложением вступить в переговоры о заключении дружбы и мира; при этом он хотел взять Иуду хитростью. Последний, однако, не поверил этим уверениям, так как видел, что Бакхид явился с таким многочисленным войском, с каким обыкновенно отправляются на войну, а не для заключения мира. Однако некоторые из простых иудеев поверили словам Бакхида, полагая, что их не обидит их единоплеменник Алким, перешли на сторону врагов и, получив от обоих предводителей клятвенные уверения, что ни они, ни дальнейшие перебежчики не подвергнутся обидам, доверились сирийцам. Однако Бакхид забыл свои клятвенные обещания и распорядился перебить шестьдесят иудеев; но тем самым он удержал от неосторожного шага всех тех иудеев, которые еще имели в виду перейти на его сторону и которые теперь увидели, что он не сдержал обещания, данного первым. Затем Бакхид удалился из-под Иерусалима и направился к деревне Вифсифе; послав туда своих людей, он приказал схватить множество беглецов и простого народа и казнить всех. Вместе с тем он издал постановление, в силу которого все жители той местности подчинились Алкиму. Наконец, он оставил последнего с некоторою частью войска тут, чтобы Алким мог удержать за собою страну, а сам вернулся в Антиохию к царю Деметрию.

3. Желая упрочить за собою власть и понимая, что править будет безопаснее лишь при условии, если снискать себе расположение простонародья, Алким стал обращаться со всеми вежливо, угождать всякому и потворствовать всем. Вместе с тем он поспешно окружил себя значительными военными силами. Большинство этого войска состояло из безобразников и перебежчиков. С такими-то сподвижниками и воинами он предпринимал экспедиции по стране и убивал всех, в ком находил преданность делу Иуды.

Видя усиление Алкима, который уже успел истребить множество порядочных и благоверных представителей народа, сам Иуда стал путешествовать по стране и избивать приверженцев своего врага. Когда же Алким заметил, что ему не справиться с Иудою и что его сила подтачивается, он решил вернуться к царю Деметрию и просить у него поддержки. Поэтому когда он прибыл в Антиохию, то стал подстрекать царя против Иуды, жалуясь на притеснения со стороны последнего и указывая на то, что положение должно в значительной степени ухудшиться, если не выслать против Иуды сильного войска, которое схватило бы и

казнило его.

4. Между тем и сам Деметрий считал крайне опасным для своего собственного положения спокойно смотреть на такое усиление могущества Иуды и потому послал самого преданного и вернейшего своего друга, Никанора (который был его соучастником по бегству из Рима), с войском, по его мнению, достаточным для того, чтобы справиться с Иудой. Вместе с тем он отдал приказание отнюдь не щадить еврейского племени.

Когда Никанор подошел к Иерусалиму, он решил не вступать в бой с Иудой немедленно, но, имея в виду захватить его хитростью, послал к нему людей с мирными предложениями. При этом Никанор указывал на то, что нет ни малейшей необходимости вести опасную войну и что он клянется ему в том, что иудеям не будет нанесено никакой обиды. Сам-де он явился со своими друзьями, чтобы сообщить иудеям мнение царя Деметрия о положении их народа. Иуда и его братья поверили этим заявлениям Никанора, и, не подозревая обмана, обменялись с ним клятвами, и впустили Никанора со всею его ратью. Тогда Никанор, приветствуя Иуду, среди разговора дал своим людям знак, чтобы они схватили Иуду; последний, однако, понял коварный умысел, вскочил и убежал к своему войску.

Когда, таким образом, коварные намерения обнаружались, Никанор решил вступить в бой с Иудой. Поэтому он велел трубить сбор, приготовился к сражению и, сойдясь с Иудой около деревни Кафарсаламы, разбил его там и принудил бежать в иерусалимскую крепость.

5. Пока Никанор спускался с крепости к храму, ему встретилось несколько священнослужителей и старейшин, которые приветствовали его и указали ему на приносимые ими Предвечному за царя жертвы. Никанор, однако, стал смеяться над ним и грозил им, если народ не выдаст Иуды, при нападении разрушить храм дотла.

С этой угрозой сириец покинул Иерусалим. Священники впали в печаль, стали плакать по поводу этих слов его и усердно молили Предвечного избавить их от врагов.

Выйдя из Иерусалима, Никанор прибыл к деревне Ведору и расположился там лагерем, так как тем временем явилась к нему и остальная рать его из Сирии. Иуда, в свою очередь, раскинул свой стан в Адасе, другой деревне, отстоявшей от Ведора на расстоянии тридцати стадий. Войска у него было всего тысяча человек. Он убеждал их не страшиться численного превосходства врагов и не думать о том, против скольких им приходится сражаться, но думать о том, кто они такие и ради каких наград идут навстречу опасностям; пусть они поэтому храбро и безбоязненно сходятся с врагами. После этого он повел свои войска на бой. Сражение с Никанором вышло крайне ожесточенным, но Иуда победил противников и перебил множество их. Наконец пал и сам Никанор, выказав чудеса храбрости⁸⁰⁰. С его смертью войско [сирийское] уже не устояло, но потеряв военачальника, бросилось в бегство и побросало все свое оружие. Иуда преследовал их и убивал и звуками трубы дал знать окрестным деревням, что одержал верх над врагами. Жители селений, услыша это, выступили в полном вооружении навстречу бежавшим неприятелям и, встретив их с фронта, стали умерщвлять их, так что все до одного пали, хотя их и было девять тысяч человек. Эту победу иудеи одержали тринадцатого адара, который носит у македонян название дистра. В сей день евреи до сих пор ежегодно справляют эту победу и признают этот день праздничным. Отныне иудейский народ некоторое время мог отдохнуть от войн и пользоваться плодами мира; но потом ему вновь пришлось вступить в борьбу и подвергаться всевозможным опасностям.

6. Между тем первосвященник Алким захотел разрушить стены святилища, которое было столь древне и сооружено древними пророками. Но тут его внезапно постигла кара Предвечного: Алким безмолвно пал наземь и умер после нескольких дней, проведенных в страшных мучениях, он был первосвященником в течение четырех лет⁸⁰¹.

После его смерти народ передал первосвященство Иуде, который тем временем узнал о

могуществе римлян, о том, что они завоевали Галатию⁸⁰², Иберию⁸⁰³ и Ливийский Карфаген⁸⁰⁴, кроме того, подчинили себе Элладу, и в том числе царей Персея, Филиппа и Антиоха Великого⁸⁰⁵. Ввиду этого он решил вступить с римлянами в дружественный союз и, послав с этой целью в Рим друзей своих Евполема, сына Иоанна, и Иасона, сына Элеазара, предложил римлянам через них заключить союз с ним и отписать Деметрию, чтобы он прекратил войну с иудеями. Посланных Иудою в Рим послов принял сенат и, когда они изложили причину своего прибытия, согласился на союз с иудеями. Составив протокол этого своего решения, сенат отправил один экземпляр его в Иудею, а другой был вырезан на медных таблицах и помещен в Капитолии. Содержание этого документа было следующее:

«Постановление сената по поводу оборонительного и наступательного союза с народом иудейским. Никто из римских подданных не должен воевать с народом иудейским, равно как не доставлять тому, кто вступил бы в такую войну, ни хлеба, ни судов, ни денег. В случае, если кто-либо нападет на иудеев, римляне обязаны по мере сил помогать им, и наоборот, если кто нападет на римские владения, иудеи обязаны сражаться в союзе с римлянами. Буде же народ иудейский пожелает прибавить к этому договору что-либо или убавить, то это должно быть сделано с согласия всего римского народа; лишь в таком случае все дополнения считаются обязательными».

Это решение было подписано Евполомом, сыном Иоанна, и Иасоном, сыном Элеазара, при первосвященнике иудейском Иуде и военачальстве брата последнего, Симона⁸⁰⁶.

1. Таким образом впервые состоялся союз римлян с иудеями.

После того как Деметрию было сообщено о смерти Никанора и о гибели всего его войска, он вторично послал Бакхида с ратью в Иудею. Последний выступил из Антиохии, прибыл в Иудею и расположился лагерем при галилейском городе Арбелах. Тут он осадил множество иудеев, бежавших в тамошние пещеры, и захватил их, а затем быстрым маршем двинулся на Иерусалим. Узнав, что Иуда расположился лагерем около деревни Вифсифы, он пошел против него с двадцатитысячным войском и двумя тысячами всадников. У Иуды же было всего тысяча человек⁸⁰⁷. Когда последние увидели множество воинов Бакхида, то испугались и, оставя лагерь, бросились бежать, кроме восьмисот человек.

Однако Иуда, несмотря на то, что был покинут своими собственными солдатами и при быстром натиске врага не имел даже времени собрать все свои силы, захотел непременно сразиться с людьми Бакхида и, увещевая своих солдат храбро идти навстречу опасностям, убедил их вступить в бой. Когда же его солдаты указали на то, что они не могут биться с таким многочисленным неприятелем, и советовали на этот раз искать спасения в отступлении, чтобы впоследствии вновь собраться с силами и ударить по врагам, Иуда ответил: «Да не увидит солнце того, чтобы я обратил тыл перед врагами. Если даже этот раз мне придется встретить смерть и окончательно погибнуть в сражении, я все-таки лучше храбро выдержу все, что случится, чем покрою позором прежние наши подвиги и прежнюю нашу славу теперешним бегством». Так говорил Иуда к остаткам своего войска, убеждая его не взирать на опасности, но дружно броситься на врагов.

2. Между тем Бакхид вывел свою рать из лагеря и стал выстраивать ее на бой, причем поместил всадников по обоим флангам, выставил перед ядром своего войска легковооруженных и стрелков, а сам стал на правом крыле. Выстроившись таким образом, он подошел совершенно близко к неприятельскому лагерю и затем приказал войску трубить в трубы и двинуться вперед с громким криком. Точно так же поступил и Иуда и таким же образом напал на врагов. Когда же упорный бой, происходивший с обеих сторон с одинаковым ожесточением, затянулся до захода солнца, тогда Иуда заметил, что Бакхид с лучшими войсками находится на правом фланге. Поэтому он взял самых храбрых товарищей своих, двинулся с ними против этой части неприятельского войска, прорвал их строй и рассеял их. Ворвавшись в центр врагов, он принудил последних к бегству и преследовал их до горы Азы. Когда сирийцы левого фланга увидели бегство своих товарищей с правого крыла, то бросились за Иудею и окружили его сзади, так что он попал в самый центр врагов. Не имея возможности бежать и окруженный отовсюду неприятелем, он со своими людьми решил биться до последней крайности. Перебив множество врагов, но наконец ослабев, он пал и умер, оставаясь до конца прежним героем. Когда пал Иуда, его товарищам уже не на кого было полагаться, и потому они, лишившись такого военачальника, обратились в бегство.

Во время перемирия братьям Иуды, Симону и Ионатану, удалось получить от врагов его труп. Они отвезли его в деревню Модию, где был погребен и отец их, и тут, похоронив его, в течение многих дней оплакивали его всем народом и воздали ему установленные почести. Такой конец постиг Иуду, человека благородного и необычайно отважного, помнившего заветы отца своего Маттафии и взявшего на себя труд и все тягости борьбы для восстановления прежней свободы своих сограждан. Благодаря такому своему благородству, он стяжал себе величайшую славу и оставил по себе вечную память, освободив народ свой и избавив его от македонского ига. Он умер на третьем году своего первосвященства⁸⁰⁸.

Предисловие

В этой книге рассказывается о событиях 160—67 гг. до н.э. В центре повествования находится Маккавейская война (167—142 гг.), завершившаяся обретением Иудеей независимости, и история Иудеи при правлении династии Хасмонеев (от Ионатана до Александры-Саломеи). Значительная часть книги по содержанию тоже перекликается с Первой книгой Маккавейской, однако Иосиф Флавий гораздо больше внимания уделяет событиям в Египте и в государстве Селевкидов, клонившихся к упадку. Здесь содержатся ценные сведения о «сектах» фарисеев, саддукеев и ессеев (правда, более краткие, чем во второй книге «Иудейской войны») и излагается история создания иудейского храма в Египте.

1. В предшествующей книге мы рассказали, каким образом народ иудейский, угнетенный македонянами, вновь снискал себе свободу и после скольких и каких ужасных битв пал его предводитель Иуда в бою за народ свой.

После смерти Иуды все находившиеся еще в стране безбожники и законоотступники восстали против иудеев и со всех сторон стали наглым образом обижать последних. Благодаря гнусности этих людей, страну постиг голод, так что многие из евреев вследствие недостатка во всем необходимом и вследствие невозможности противостоять еще, кроме этой беды, другой, именно козням врагов, перешли на сторону македонян. Между тем Бакхид собрал всех тех, которые изменили древним своим обычаям и примкнули к новому (языческому) строю жизни, и поручил им управление страной. Тогда эти люди [немедленно] схватили друзей и приверженцев Иуды и выдали их Бакхиду. Этот, в свою очередь, подверг их первоначально пыткам, а затем, вдоволь помучив их, приказал их умертвить. Таким образом иудеев постигло такое несчастье, какого они не испытывали со времени исхода из Вавилона, и когда оставшиеся в живых товарищи Иуды увидели столь жалко гибнущий народ, они обратились к брату Иуды Ионатану с просьбою пойти по следам своего брата, принять на себя заботу о своих единоплеменниках, подобно Иуде, который пал за свободу народа, и не допустить, чтобы народ, оставаясь без руководителя, погиб при таких ужасных условиях. Ионатан отвечал, что он охотно готов умереть за них, и, так как, по всеобщему мнению, он ни в чем не уступал своему брату, он был избран военачальником иудейским.

2. Когда Бакхид узнал об этом, то испугался, как бы Ионатан не доставил разных хлопот царю и македонянам, как то было некогда с Иудою, и стал искать способа хитростью умертвить его. Однако это решение Бакхида не осталось скрытым ни от Ионатана, ни от его брата Симона. Когда они были поставлены об этом в известность, то наскоро собрали всех своих товарищей и бежали в ближайшую к городу пустыню и, прибыв к находившемуся там водоему, так называемому Асфару⁸⁰⁹, остановились тут. Узнав об их уходе и о прибытии их в указанное место, Бакхид двинулся против них со всем своим войском и, расположившись лагерем на противоположной стороне Иордана, остановил тут свою рать. Узнав о выступлении Бакхида, Ионатан отправил своего брата Иоанна, называвшегося также Гаддесом, к набатейским арабам, с которыми евреи были в дружбе, для того чтобы укрыть у них на время войны с Бакхидом всю свою подвижность. Однако на выехавшего к набатейцам Иоанна напали засевшие в засаде у города Мидавы потомки Амарея, схватили Иоанна и его спутников, отняли у них все их имущество и умертвили как самого Иоанна, так и всех его товарищей. Однако за это они, в свою очередь, должны были поплатиться и были наказаны братьями Иоанна, как мы сейчас расскажем.

3. Тем временем Бакхид узнал, что Ионатан расположился лагерем в низинах Иорданских, выждал субботу и напал на него в расчете, что Ионатан в этот день, сообразно своему закону, сражаться не станет. Однако тот стал увещевать своих товарищей и указал им на то обстоятельство, что теперь идет вопрос об их жизни и смерти, так как они настолько замкнуты между рекою и неприятелями, что нет никакой возможности спастись бегством (враги наступали спереди, а с тылу у них была река), и, обратясь к Предвечному с мольбою даровать победу, вышел на битву с неприятелями. Повергнув многих из них, Ионатан увидел, что [сам] Бакхид смело устремляется на него, и потому поднял уже руку, чтобы сразить его. Однако последний предвидел это и успел уклониться, тогда Ионатан бросился с товарищами в реку и переплыл ее. Таким образом иудеи спаслись на противоположный берег Иордана, тогда как

враги все еще не решались переправиться через реку. Вскоре затем Бакхид вернулся в иерусалимскую крепость. При этом он потерял из своего войска около двух тысяч человек. Заняв затем множество иудейских городов, и в том числе Иерихон, Эммаус, Бет-Хорон, Вифил, Фомнафу, Фарафон, Тохую и Гадару, он стал укреплять их. Воздвигнув в каждом из этих городов башни и окружив города огромными прочными стенами, он разместил тут гарнизоны, которые могли бы выступать отсюда и наносить вред иудеям. Особенно же тщательно он укрепил замок иерусалимский. Вместе с тем он взял в качестве заложников детей самых выдающихся иудеев, запер их в крепости и держал их там.

4. Около этого времени к Ионатану и брату его, Симону, явился человек с извещением, что племя потомков Амарея готовится отпраздновать свадьбу и поведет невесту, дочь одного из знатных арабов, с большим торжеством и блеском из города Гавафы. Полагая, что тут представляется весьма удобный случай для того, чтобы отомстить за смерть Иоанна, товарищи Ионатана и Симона направились к Мидаве и, засев в горах, стали поджидать врагов. Когда же они увидели наконец арабов, ведших невесту и жениха, окруженных по обыкновению большою толпою друзей, иудеи выскочили из своей засады, перебили всех людей и, забрав у них все свадебные подарки и всю остальную добычу, вернулись обратно. Таким образом отомстили они потомкам Амарея за смерть брата своего, Иоанна; все арабы, как сами они, так и сопровождавшие их друзья с женами и детьми, числом до четырехсот, были истреблены.

5. Симон и Ионатан направились затем назад к приречным болотам, Бакхид же, гарантировав себе спокойствие по всей Иудее путем целого ряда гарнизонов, вернулся к царю. После этого в течение двух лет в Иудее господствовало спокойствие. Когда же затем перебежчики и отщепенцы (из иудеев) увидели, что Ионатан и его товарищи совершенно безбоязненно проживают в стране вследствие царившего там мира, они отправили послов к царю Деметрию с советом послать Бакхида для поимки Ионатана. При этом они указывали на то, что эта поимка не представит никаких затруднений и что если напасть на иудеев врасплох, то в одну ночь их можно перебить всех. Когда вследствие этого царь [действительно] выслал Бакхида и последний прибыл в Иудею, Бакхид разослал всем своим иудейским друзьям и прочим союзникам приглашение помочь ему при поимке Ионатана. Но хотя все и приложили всевозможные к тому старания и все-таки не могли захватить Ионатана (последний был все время настороже, потому что узнал о замысле врагов), то Бакхид рассердился на перебежчиков и, полагая, что они обманули как его самого, так и царя, приказал схватить и казнить пятьдесят главнейших из них. Ионатан между тем, боясь Бакхида, ушел со своим братом и с товарищами в некую деревушку Вифалагу, находившуюся в пустыне. Тут он соорудил укрепления, обнес их стенами и замкнулся в них как в безопасном убежище. Когда Бакхид узнал об этом, то двинулся со своим войском и иудейскими союзниками своими против Ионатана, подошел к его укреплениям и стал осаждать их в течение долгого времени. Между тем Ионатан, несмотря на усердную осаду, не сдавался, но оказал упорное сопротивление, а затем оставил в городе брата своего, Симона, для продолжения борьбы с Бакхидом, а сам тайком выбрался из крепости и отправился по стране; тут он собрал значительный отряд единомышленников, ночью нагрянул на лагерь Бакхида и перебил такое множество врагов, что его нападение не осталось незамеченным для брата его Симона. Лишь только последний заметил, что враги подвергаются избиению с его стороны, он и сам двинулся на них, поджег все осадные орудия македонян и учинил среди них страшную резню.

Увидя себя столь стесненным врагами, из которых одни налегали на него с фронта, другие с тыла, Бакхид впал в отчаяние, и страх обуял его, потому что он был совершенно подавлен столь неожиданным исходом осады. Гнев свой он сорвал на перебежчиках, которые сманили его от царя и, по его мнению, нарочно ввели в заблуждение. Теперь ему хотелось лишь как-нибудь, по

возможности приличнее, прекратить осаду и вернуться домой.

6. Когда Ионатан узнал об этом его намерении, он отправил к нему посольство с предложением заключить дружественный союз с условием, чтобы обе стороны могли обменяться военнопленными. Бакхид признал такое разрешение вопроса наиболее приличным, поклялся Ионатану в дружбе, и затем оба полководца дали друг другу клятвенное обещание более не воевать между собою. Затем Бакхид обменялся с Ионатаном военнопленными и вернулся со своими людьми в Антиохию к царю; после этого отступления он уже более никогда не вторгался в Иудею. Ионатан воспользовался наступившим теперь моментом личной безопасности, чтобы расположиться на жительство в городе Махме. Тут он творил суд среди народа, наказывал преступных и безбожных людей и освобождал таким образом от них народ свой.

1. В сто шестидесятом году⁸¹⁰ Александр⁸¹¹, сын Антиоха Эпифана, вернулся в Сирию и занял Птолемаиду благодаря измене находившихся в ней воинов, которые были настроены против Деметрия за его заносчивость и надменное к ним отношение. Дело в том, что Деметрий замкнулся в какой-то дворец с четырьмя башнями, постройку, которую он сам воздвиг себе недалеко от Антиохии, и никого не допускал к себе; кроме того, он относился крайне легкомысленно к своим обязанностям правителя и пренебрегал ими. Отсюда еще более обострялась к нему ненависть подчиненных, как мы уже имели случай указать в другом месте⁸¹².

Итак, когда Деметрий узнал, что Александр находится в Птолемаиде, он двинулся на него со всем своим войском, а также послал послов к Ионатану с просьбою о вступлении с ним в дружественный союз. Таким образом он думал предупредить Александра, чтобы последний не мог более ранними предложениями гарантировать себе поддержку Ионатана. Все это он сделал, опасаясь, как бы Ионатан, помня о прежних неприятностях, не оказался в числе его противников. Ввиду всего этого он поручил Ионатану собрать войско и заготовить боевые припасы и взамен того получить обратно иудейских заложников, которые были заключены Бакхидом в иерусалимской крепости. В силу этого предложения со стороны Деметрия Ионатан отправился в Иерусалим и по прибытии туда прочитал в присутствии народа и крепостного гарнизона послание царя.

После этого все отступники и перебежчики, бежавшие из крепости, сильно перепугались, потому что царь поручил Ионатану набрать войско и взять себе обратно заложников. Заложников Ионатан всех вернул их родителям.

Таким образом, Ионатан [опять] очутился в Иерусалиме; он стал теперь обновлять городское управление и переделывать все по своему усмотрению.

Между прочим, он распорядился также выстроить городские стены из четырехугольных отесанных камней, чтобы стены эти представляли более надежный оплот против врагов. Когда об этом узнали гарнизоны, находившиеся в иудейских крепостях, то покинули свои стоянки и бежали в Антиохию; так поступили все, кроме гарнизонов города Бет-Цуры и иерусалимской крепости, потому что те большею частью состояли из иудейских вероотступников и перебежчиков; в силу именно последнего обстоятельства они и не покинули своих укреплений.

2. Когда до сведения Александра дошли обещания, сделанные Ионатану Деметрием, и когда он узнал о храбрости Ионатана и как он отличался в войне с македонянами, а с другой стороны, сколько Ионатан претерпел от Деметрия и его полководца Бакхида, он сказал своим друзьям, что в настоящем случае ему трудно найти более подходящего союзника, чем Ионатан: последний-де выказал необычайную храбрость в борьбе с врагами и должен отличаться особенною ненавистью к Деметрию, так как он не только претерпел от него массу зла, но и в свою очередь причинил ему немало горя.

Поэтому, сказал Александр, если следует его отвратить от союза с Деметрием, то теперь наиболее подходящий момент к тому, чтобы предложить Ионатану союз. И вот, так как он сам и друзья его решили отправить к Ионатану послов с соответствующим предложением, Александр адресовал на его имя следующее письмо:

«Царь Александр посылает привет брату Ионатану. Мы давно уже слышали о твоей храбрости и надежности и поэтому посылаем тебе предложение вступить в дружественный союз с нами. Ввиду этого мы сейчас же назначаем тебя иудейским первосвященником и принимаем тебя в число наших друзей. При этом я отправлю тебе в дар пурпурную одежду и

золотой венец и прошу тебя относиться к нам с тем же уважением, с каким мы относимся к тебе».

3. Получив это письмо, Ионатан облекся в первосвященническое облачение, так как наступил праздник Кущей⁸¹³, - это было в первый раз в течение тех четырех лет, которые протекли со времени смерти брата его, Иуды (в течение всего этого времени иудеи вовсе не имели первосвященника), стал собирать большое войско и заготавливать массу оружия.

Когда же Деметрий узнал об этом, он очень огорчился, и стал себя укорять в медлительности, что не сумел как следует предупредить Александра, снискать дружбу Ионатана, и дал Александру возможность сделать это. Ввиду этого он сам также отправил Ионатану и еврейскому народу письмо следующего содержания:

«Царь Деметрий посылает привет свой Ионатану и всему иудейскому народу. Так как вы соблюдаете дружественную к нам верность и не поддаетесь попыткам врагов склонить вас на свою сторону, то я не могу не воздать вам за это должную похвалу и прошу вас оставаться мне верными; за это вы получите от нас благодарность и всякие льготы. Я освобожу вас от большинства налогов и сборов, которые вы платили прежним царям и мне, и слагаю с вас теперь все налоги, которые вы обыкновенно платили. Кроме того, я с вас слагаю сборы за соль и государственный налог в пользу короны, которые вы нам платили, а также освобождаю вас с сегодняшнего дня от платежа третьей части злаков и от половинной части древесных плодов, которые вы мне обыкновенно отдавали. Равным образом я отныне и навеки слагаю с вас подушную подать, которую каждый из жителей Иудеи, равно как из населения трех топархий⁸¹⁴, Самарии, Галилеи и Переи, обязан был платить мне. Город Иерусалим я объявляю священным, неприкосновенным и свободным вплоть до границы его от десятины и от всех прочих поборов. Крепость [иерусалимскую] я поручаю вашему первосвященнику Ионатану; пусть он поместит в ней такой гарнизон, который он сочтет достаточно надежным и преданным, чтобы эти люди сберегали ее нам. Всех находящихся в нашей стране военнопленных или впавших в рабство иудеев я отпускаю на волю и запрещаю употреблять на какие бы то ни было казенные надобности принадлежащий иудеям вьючный скот. Пусть будут дни субботные, всякий праздник и три предшествующих ему дня свободны от всякой принудительной работы. Равным образом возвращаю я свободу и все права живущим у меня (в Сирии) иудеям и позволяю желающим из них вступить ко мне в войско до тридцати тысяч человек; люди эти будут получать, куда бы они ни пошли, такое же точно содержание, какое причитается моему собственному войску. Некоторых из них я помещу в крепостные гарнизоны, других сделаю своими личными телохранителями, отчасти же назначу их начальниками моих придворных войск. Я разрешаю [иудеям] жить по их собственным законам и соблюдать их и желаю, чтобы эти же законы распространялись и на три прилегающие к Иудее провинции. Вместе с тем мне угодно, чтобы первосвященник позаботился о том, чтобы ни один иудей не поклонялся [Богу] в другом святилище, как только в иерусалимском. Из своих личных средств я отпускаю на расходы по жертвоприношениям ежегодно сто пятьдесят [драхм] и желаю, чтобы из них весь излишек поступал в вашу же пользу. Те же десять тысяч драхм, которые обыкновенно получали цари из средств храма, я также предоставляю вам в пользу священников, несущих обязанности по богослужению в храме. Все те, кто стал бы искать убежища в иерусалимском храме или в одном из зависящих от последнего учреждений, будут отпущены на волю, и имущество их останется в целости, хотя бы они искали спасения по задолженности царю или по какой-либо иной причине. Я разрешаю возобновить и достроить храм и отпускаю на это нужные суммы из своих собственных средств; равным образом я разрешаю и постройку городских стен и позволяю возвести высокие башни, причем и на все это отпускаю свои средства. Если же понадобится где-нибудь в стране иудейской возвести сильную крепость, то да

будет это сделано также за мой личный счет».

4. Такие обещания и льготы иудеям отметил в своем послании Деметрий. Между тем царь Александр собрал огромное войско из наемных и присоединившихся к нему сирийских солдат и пошел походом на Деметрия. Когда же произошла битва, левое крыло Деметрия обратило врагов в бегство и преследовало их на дальнейшее расстояние, причем перебило множество их и принялось разграблять лагерь. Между тем правое крыло, на котором находился Деметрий, потерпело поражение. Все тут бросились бежать; Деметрий же, сражаясь геройски, перебил немало количество противников, но во время погони за остальными въехал на коне в глубокую трясины, из которой уже не был в состоянии выбраться. Тут ему, вследствие падения лошади, пришлось поплатиться жизнью, так как не было никакой возможности спастись бегством. Дело в том, что, когда неприятели увидели, что с ним случилось, они вернулись и, окружив Деметрия, забросали его дротиками. Хотя он и пеший геройски отбивался от них, однако в конце концов был так изранен, что пал, не будучи уже более в силах сопротивляться.

Таков был конец Деметрия, успевшего процарствовать одиннадцать лет, как мы уже упомянули в другом месте.

1. Когда Хоний, сын первосвященника того же имени, бежавший в Александрию к царю Птолемею Филометору и, как мы уже раньше указывали, оставшийся там на жительство, увидел угнетение Иудеи со стороны македонян и их царей, то, желая снискать себе прочную славу и вечную память, решил отправить к царю Птолемею и царице Клеопатре просьбу о разрешении воздвигнуть в Египте храм, подобный Иерусалимскому, и назначить к нему левитов и священнослужителей из своего собственного рода. В этом намерении особенно укреплял его пророк Исаия, который за шестьсот с лишним лет до него предсказал, что в Египте безусловно будет воздвигнут неким иудеем храм в честь Всевышнего [815](#). Основываясь на этом, Хоний отправил Птолемею и Клеопатре письмо следующего содержания:

«После того как я с помощью Всевышнего во время войны оказал вам целый ряд важных услуг, прибыл в Келесирию, Финикию, в гелиополитанский город Леонтополь с иудейским населением, а также в другие местности, где живут представители этого племени, я нашел, что очень многие из них против всякого закона имеют свои святилища и из-за них ссорятся между собою, что случается и среди египтян вследствие массы имеющихся у них храмов и происходящих из-за разных воззрений в религиозных делах разногласий; я нашел там весьма подходящее место в области, посвященной полевой богине Бубастис [816](#), где было множество леса и обилие всевозможных священных животных; и вот я прошу тебя уступить мне это заброшенное и не имеющее определенного назначения святилище, чтобы я тут мог воздвигнуть Всевышнему храм наподобие Иерусалимского, тех же самых размеров. Туда будут во взаимном согласии стекаться все живущие в Египте иудеи и, молясь за тебя, твою супругу и детей, иметь возможность выказывать тебе свою глубокую преданность. Ведь и пророк Исаия предсказал некогда: «Всевышнему Богу будет жертвенник в Египте». При этом он предвещал еще многое другое относительно этого».

2. Такое письмо отправил Хоний царю Птолемею, который в свою очередь ответил ему посланием, могущим служить доказательством благочестия как самого царя, так и супруги и сестры его Клеопатры. Дело в том, что последние слагают с себя ответственность за всякое нарушение закона и переносят ее на Хония. Вот как они ответили [ему]: «Царь Птолемея и царица Клеопатра посылают Хонию привет свой. Мы прочли твою просьбу о разрешении предоставить тебе право восстановить запущенный храм, находящийся в гелиополитанском номе близ Леонтополя и приписываемый полевой Бубастисе. Однако мы очень удивляемся и сомневаемся, будет ли угодно Предвечному святилище, воздвигаемое в столь дурном месте, да еще кишашем священными животными.

Но так как ты уверяешь, что пророк Исаия предсказал об этом давно, то мы предоставляем тебе это право, поскольку оно не противоречит [вашему] закону, и притом с оговоркою, чтобы нас не считали ответственными за какие бы то ни было прегрешения относительно Всевышнего».

3. Получив таким образом в свое распоряжение указанное место, Хоний воздвиг [тут] святилище и жертвенник Всевышнему, подобные иерусалимским, хотя и поменьше и победнее. Мне не казалось необходимым останавливаться теперь на размерах и убранстве этого храма, потому что об этом уже писано мною в седьмой книге моей «Иудейской войны» [817](#). Хонию удалось также найти некоторых единомышленников из иудеев, которые собирались отправлять там обязанности левитов и священнослужителей.

4. Однако об этом храме у нас довольно было речи. Между тем среди александрийских иудеев и самарян, поклонявшихся храму, сооруженному во времена Александра на горе

Гаризим, произошли распри, и они в своем религиозном споре обратились за решением к самому Птолемею; иудеи при этом уверяли, будто по законам Моисеевым построен [лишь] храм Иерусалимский, самаряне же утверждали то же самое относительно святилища на горе Гаризим. И вот обе стороны упростили царя образовать со своими приближенными судилище, выслушать доводы обеих партий и наказать смертью неправую сторону. За самарян выступили Саввей и Феодосий, а представителем интересов иудеев явился Андроник, сын Мессалама. Последние поклялись именем Господа и царя, что они будут давать свои показания по сущей истине, и просили Птолемея казнить того из них, кто нарушил бы свою клятву. Тогда царь созвал множество приближенных на совет и приготовился выслушать стороны. Александрийские иудеи очень беспокоились относительно тех мужей, которым теперь приходилось выступать на защиту прав Иерусалимского храма, потому что они были бы совершенно подавлены, если бы этот храм, столь древний и почитаемый на всей поверхности земной, не выдержал испытания. Саввей и Феодосии предоставили Андронику первому слово, и вот он начал свою аргументацию с данных закона и с преемственности первосвященника, указал на то, как каждый первосвященник получал свой сан от отца своего и стоял во главе храма, а также на то обстоятельство, что все цари Азии почтили [Иерусалимский] храм жертвенными приношениями и необычайно богатыми подарками, но никто из них ни одним словом не обмолвился о храме на горе Гаризим, как будто бы его не было вовсе. Такими доводами и целым рядом подобных соображений Андроник побудил царя признать, что святилище иерусалимское воздвигнуто сообразно постановлениям Моисеевым, и казнить Саввею и Феодосия.

Таковы были дела александрийских иудеев при Птолемею Филометоре.

1. Когда Деметрий, как мы выше рассказали, пал в битве, Александр овладел царством сирийским и отправил к Птолемею Филометору письмо, в котором просил руки его дочери. При этом он указывал на то, что теперь, после того как ему удалось возвратить себе царство отца и по милосердию Божию быть признанным в нем после победы над Деметрием, будет вполне уместно вступить в родство с ним и что он во всем думает выказать себя достойным будущего своего тестя. Птолемей ответил ему, что охотно принимает его предложение, ибо он радуется, что отцовское царство вернулось к нему, и обещал выдать за него дочь свою; при этом он предложил Александру выехать в Птолемаиду, куда фараон собирался привезти дочь свою. Туда Птолемей хотел проводить дочь свою из пределов Египта и там справить ее свадьбу. Отправив это письмо, Птолемей быстро поехал с дочерью своей Клеопатрою в Птолемаиду, встретился там с Александром, сообразно уговору выехавшим ему навстречу, выдал за него дочь и дал ей в приданое столько серебра и золота, сколько и подобало царю.

2. После окончания свадебных торжеств Александр отправил первосвященнику Ионатану письмо с приглашением прибыть в Птолемаиду. Прибыв к царям и привезя им блестящие дары, первосвященник удостоился от них обоих величайшего почета. Александр заставил его снять одежду и облечься в порфиру, посадил его рядом с собою на трон, а также велел своим сановникам отправиться с Ионатаном в самый центр города и объявить, что никому не разрешается жаловаться на Ионатана или делать ему какие бы то ни было неприятности. Когда сановники сделали это, то все те, которые собрались было выступить с обвинениями против Ионатана и относились к нему враждебно, при виде почета, которого Ионатан удостоился от царя, разбежались в страхе, как бы им самим при этом случае не пострадать. Царь Александр вообще так отличил Ионатана, что даже велел внести его в список первых своих приближенных.

3. В сто шестьдесят пятом году⁸¹⁸ сын Деметрия, Деметрий, отплыл с Крита в Киликию во главе множества наемников, которыми снабдил его критянин Ласфен. Когда Александр узнал об этом, то страшно смутился и перепугался и немедленно поспешил из Финикии в Антиохию, чтобы оградить ее раньше прибытия Деметрия. В качестве военачальника над Келесириею он оставил Аполлония Дава, который, направляясь с большим войском к городу Ямнии, отправил к первосвященнику Ионатану послов с заявлением, что он считает неприличным, что он один не подчиняется царю, а живет себе в полном спокойствии и безмятежно, и это для него полный позор, что он не покоряется царю. «Не обманывай сам себя насчет того, будто бы ты, сидя в горах, был силен,- говорил Аполлоний,- если же ты так полагаешься на свое войско, то спустись на равнину, сразись с нашею ратью; исход битвы покажет, кто храбрее. Впрочем, знай, что лучшие люди каждого города сражаются в рядах моего войска, а это как раз те люди, которые привыкли всегда побеждать твоих предков. Вступи с нами в борьбу в такой местности, где нет возможности сражаться при помощи камней, но где приходится биться с оружием в руках и где нет места, куда можно было бы убежать побежденному».

4. Ионатан рассердился на такие слова его и, собрав десять тысяч воинов, двинулся из Иерусалима в сопровождении брата своего Симона. Прибыв в город Яффу, он расположился станом вне его, потому что жители, имея внутри города гарнизон Аполлония, заперли перед ним ворота. Когда же Ионатан приготовился осаждать город, население, боясь, как бы он силою не овладел городом, раскрыло перед ним ворота. Узнав о взятии Яффы Ионатаном, Аполлоний двинулся во главе трех тысяч всадников и восьми тысяч пехоты к Азоту и пошел оттуда медленно и не спеша [на Яффу]. Приблизившись к Яффе, он стал притворно отступать и тем выманил Ионатана на равнину; при этом он гордо разъезжал на своем коне и был вполне

преисполнен надежды на победу. Ионатан двинулся вслед за Аполлоном, вплоть до Азота. Тогда Аполлоний, видя, что теперь приходится сражаться на ровном месте, повернул фронт и вступил с Ионатаном в бой. Хотя Ионатан и узнал, что у Аполлония спрятана тысяча всадников в засаде в некоей ложбине, чтобы с тыла ударить на врагов, он все-таки не испугался, но выстроил свое войско в двух направлениях, чтобы оно могло с фронта и с тыла встретить нападение врагов, и ободрил его отражать нападения последних с обеих сторон. Когда же бой затянулся до вечера, он дал брату своему Симону часть своего войска и приказал ему врезаться с ним в строй врагов; сам же он велел своим войскам сомкнуть щиты и таким образом оградить себя от дротиков всадников. Воины так и поступили, тогда как вражеские всадники, выпустив на них все свои стрелы до последней, не причинили им решительно никакого вреда, потому что эти стрелы не могли ранить никого ввиду того, что сомкнутые в одну непрерывную стену и тесно составленные щиты легко отражали их и заставляли их безрезультатно падать.

Когда же Симон заметил, что враги, метавшие в иудеев снаряды с раннего утра до позднего вечера, утомились, то нагрянул на них со своим войском, и, благодаря необычайной храбрости последнего, ему удалось обратить неприятелей в бегство. Всадники, увидя бегство пехоты, сами тоже не выдержали, но, будучи также совершенно изнурены боем, затянувшимся до вечера, и потеряв всякую надежду на поддержку со стороны пехотинцев, обратились в беспорядочное и дикое бегство, так что они в полном беспорядке рассыпались по равнине. Ионатан преследовал их до Азота и перебил при этом множество их, остальных же, потерявших надежду на спасение, принудил бежать в находившийся в Азоте храм бога Дагона⁸¹⁹. Затем Ионатан взял город после первого же натиска и поджег его и близлежащие деревни. Он также не пощадил и храма Дагона, предал пламени как храм, так и укrywшихся в нем. Число павших в бою и сгоревших в храме врагов было восемь тысяч. Одержав таким образом верх над столь многочисленной ратью, Ионатан двинулся от Азота к Аскалону и расположился лагерем перед этим городом; тут-то ему навстречу вышли аскалонцы с дарами и всячески стали выражать ему свое уважение. Приняв их добровольное подчинение, он вернулся в Иерусалим с богатой добычей, которую ему доставила победа над врагами.

Когда Александр узнал о поражении своего полководца Аполлония, то стал притворно выражать свое удовольствие по этому поводу, потому что тот против его желания напал на его друга и союзника Ионатана. При этом он отправил к Ионатану посольство с изъявлением и засвидетельствованием полного своего почтения и послал ему в дар золотой браслет, что обыкновенно дарится лишь царским родственникам, а также уступил ему в собственность Аккарон и всю провинцию последнего.

5. Около этого времени явился в Сирию с флотом и сухопутным войском также царь Птолемей Фалометор, чтобы поддержать Александра, тестем которого он был. По повелению Александра, все города оказывали ему радушный прием, и так он добрался до города Азота; тут все жители встретили его громким криком по поводу поджога, которому подвергся их храм Дагона, и стали обвинять Ионатана за то, что он уничтожил это святилище, предал огню и мечу всю область и перебил множество жителей. Птолемей, услыша это, хранил молчание; когда же Ионатан выехал ему навстречу в Яффу, то удостоился получить от Птолемея богатые дары и всяческое уважение; после этого Ионатан сопровождал его до реки Елевфера, а затем вернулся назад в Иерусалим.

6. По прибытии своем в Птолемаиду, Птолемей чуть было против всякого ожидания не погиб, потому что против него злоумышлял в лице дружественного ему Аммония сам Александр. Когда все эти козни обнаружались, Птолемей написал Александру письмо с требованием наказать Аммония, так как последний злоумышлял против его жизни и вследствие этого должен дать ответ. Но так как Александр не выдавал ему Аммония, то царь понял, что тот

сам злоумышлял против него, и потому страшно рассвирепел на него. Благодаря этому же Аммония антиохийцы уже и раньше были восстановлены против Александра, потому что они претерпели от Аммония массу зла. Однако [наконец] Аммоний подвергся заслуженному наказанию за все свои преступления: он под видом женщины был позорно зарезан, потому что, как мы рассказали в другом месте⁸²⁰, хотел скрыться в женском одеянии.

7. Теперь Птолемей стал упрекать себя за то, что выдал дочь свою за Александра, равно как за то, что вступил с ним в союз против Деметрия. Поэтому он разорвал с ним все родственные узы и отнял у него дочь свою. Затем он немедленно послал к Деметрию для переговоров о заключении с ним дружественного союза, причем обещал ему выдать за него дочь и вернуть ему отцовское царство. Деметрий очень обрадовался этому предложению, немедленно заключил с ним союз и вступил в брак. Птолемею теперь оставалось устранить еще одно только затруднение, а именно уговорить антиохийцев признать Деметрия, так как антиохийцы были не расположены к нему вследствие беззаконий, совершенных над ними его отцом Деметрием. И вот ему удалось уладить и это дело. Антиохийцы ненавидели Александра из-за Аммония, как мы уже сказали выше, и потому, недолго думая, изгнали его из Антиохии, после чего тот отправился в Киликию. И вот когда к антиохийцам прибыл Птолемей, то они и войска провозгласили его своим царем; таким образом, фараону по необходимости пришлось возложить на себя две короны: азиатскую и египетскую. Однако, будучи человеком вполне порядочным, справедливым и нелюбостязательным, да к тому же и очень прозорливым в государственных делах, Птолемей решил отказаться, чтобы не вызывать зависти к себе со стороны римлян. Поэтому он созвал антиохийцев в народное собрание и стал уговаривать их принять к себе Деметрия, причем указывал на то, что последний, удостоившись с их стороны такого отличия, и не думает вымещать на них злобы за отца своего. Сам фараон предлагал себя в руководители и наставники Деметрия во всяком добром начинании и обещал не допускать его до каких бы то ни было неудобных предприятий. Сам же он, уверял фараон, готов удовлетвориться царством Египетским. Такими речами он убедил антиохийцев принять к себе Деметрия.

8. После того, как Александр во главе огромного войска и с большими боевыми запасами двинулся из Киликии в Сирию и предал область антиохийскую огню и мечу, Птолемей выступил против него со своим зятем Деметрием (которому он уже успел дать в жены дочь свою); оба союзника разбили Александра и обратили его в бегство.

Тогда последний бежал в Аравию. В битве лошадь Птолемея, испугавшись рева слона, сбросила с себя своего всадника; враги же, увидев это, устремились на фараона, нанесли ему множество ран в голову и бросили его, подвергнув смертельной опасности. Телохранители фараона, однако, отбили его, но старик был в таком тяжелом положении, что в течение четырех дней не мог произнести ни слова и даже не приходил в сознание. Между тем арабский правитель Завил⁸²¹ послал Птолемею голову Александра, так что когда фараон на пятый день очнулся от ран и пришел в себя, то его ожидал приятнейший сюрприз — известие о смерти Александра и голова последнего в виде вещественного доказательства. Пораженный радостью по поводу смерти Александра, и сам Птолемей немного спустя умер.

Этот Александр, получивший прозвище Баласа, правил Азией в течение пяти лет, как о том повествуется в других местах⁸²².

9. Не успел Деметрий, известный под именем Никатора⁸²³, вступить на царство, как начал гнусно избивать войско Птолемея, совершенно забыв о своем союзе с фараоном и о том, что Птолемей был ему тестем вследствие женитьбы Деметрия на его дочери Клеопатре. Поэтому войска египетские бежали от его злодеяний в Александрию, Деметрию же удалось завладеть всеми слонами Птолемея.

Между тем первосвященник Ионатан собрал войска со всей Иудеи и, подступив к иерусалимской крепости, в которой находились македонский гарнизон, а также некоторые из вероотступников и перебежчиков, стал осаждать ее. Первоначально заключенные в крепости отнеслись презрительно к приготовлениям Ионатана к осаде, потому что полагались на укрепленность своего места; ночью, однако, несколько отщепенцев вышло из крепости и отправилось к Деметрию с извещением об осаде ее. Рассвирепев при этом известии, Деметрий собрал свое войско и двинулся из Антиохии на Ионатана. Прибыв в Птолемаиду, он отправил к Ионатану письменный приказ немедленно поспешить к нему в Птолемаиду. Ионатан, однако, осады не снял, но взял старейшин народа и священнослужителей и явился с ними и с запасом золота, серебра, одеяний и различных даров к Деметрию. Этими подарками ему удалось смягчить гнев царя и даже удостоиться от него чести быть утвержденным в сан первосвященника, подобно тому как он этого добивался и у его предшественников по престолу. Обвинениям перебежчиков Деметрий также не придавал веры, но когда Ионатан стал просить царя удовлетвориться оброком в тридцать талантов за всю Иудею и три топархии «Самарию, Перею и Галилею», Деметрий согласился и на это и выдал Ионатану относительно всего этого письмо следующего содержания: «Царь Деметрий приветствует брата своего Ионатана и [весь] народ иудейский. Копию с письма, которое мы написали вашему родственнику Ласфену, препровождаем вам при сем для того, чтобы вы познакомились с нею». Вот она: «Царь Деметрий приветствует отца своего Ласфена. Так как народ иудейский дружественен нам и соблюдает по отношению к нам свои обязанности, то я решил выразить ему свое благоволение за эту его привязанность и закрепляю за ним три нома, Афериму, Лидду и Рамафу, которые они отняли у Самарии и присоединили к Иудее, равно как принадлежащие к этим номам земли. Кроме того, я освобождаю их от доставления мне тех платежей, которые мои предшественники по престолу получали за иерусалимские жертвоприношения, а также от платежей налогов на злаки и древесные плоды, равно как от всех прочих поступавших к нам повинностей, например, с соляных копей, и коронных платежей. От всего этого я освобождаю их и желаю, чтобы мое распоряжение не отменялось отныне на будущее время. Итак, позаботься о том, чтобы была сделана копия с сего указа, дабы она была вручена Ионатану и помещена на видном месте в святом храме».

Таково было содержание указа.

Тогда Деметрий, убедившись в прочности мира, в отсутствии какой бы то ни было опасности и в том, что теперь нечего бояться войны, распустил свое войско и сократил при этом вознаграждение ему; он выплатил жалованье полностью лишь иноземным наемникам, которые явились вместе с ним с Крита и с прочих островов. Этим он навлек на себя неудовольствие и даже ненависть со стороны своих солдат, потому что он им не заплатил, тогда как его царственные предшественники в одинаковой мере платили им плату, как во время войны, так и во время мира; этим они располагали их к себе и заручались их поддержкою, в случае необходимости, также и на войне.

1. Между тем, заметив это нерасположение солдат к Деметрию, один из прежних военачальников Александра, Диодот, прозванный Трифоном и происходивший из города Апамеи, отправился к арабу Малху. Последнему был отдан на воспитание сын Александра, Антиох; и вот Трифон сообщил Малху о нерасположении войск к Деметрию и уговорил араба отдать ему Антиоха: он собирался провозгласить его царем и вернуть ему отцовский престол. Малх первоначально отнесся недоверчиво к этому плану и Трифону, но так как последний долгое время спустя все-таки настаивал на этом, то Малх наконец сдался на доводы Трифона. Однако сказанного пока довольно об этом лице.

2. Между тем первосвященнику Ионатану крайне хотелось удалить гарнизон из иерусалимской крепости, равно как освободиться от гнусных иудейских перебежчиков и македонских гарнизонов в рассеянных по всей стране крепостях; он отправил к Деметрию послов с подарками и просил его удалить указанные войска из Иудеи. На это Деметрий не только отвечал выражением своей полной готовности исполнить его просьбу, но даже обещал ему сделать гораздо больше, только после окончания войны, в которую он был запутан и которая теперь отнимала у него все свободное время. При этом Деметрий, со своей стороны, просил первосвященника послать ему союзнический отряд, потому что его собственные войска отпали от него. Ввиду этого Ионатан отправил Деметрию три тысячи отборных ратников.

3. Тем временем ненавидевшие Деметрия за причиненные им, а еще более отцом его, Деметрием, бедствия антиохийцы только и выжидали удобного случая, чтобы восстать против него. Когда же они узнали о прибытии со стороны Ионатана, то тотчас поняли, что ему удастся собрать значительную рать, если они не предупредят его и не захватят его врасплох. Поэтому они раздобыли оружие и обложили царский дворец форменною осадой, заняли все выходы из него и старались схватить царя. Увидя восстание антиохийской черни, которая в полном вооружении приступила уже к военным против него действиям, Деметрий собрал своих наемников и присланных ему Ионатаном иудеев и сразился с антиохийцами. Так как последних было несколько десятков тысяч, то ему пришлось потерпеть от них полное поражение. Тогда иудеи, видя, что антиохийцы одолевают, взобрались на крышу дворца и стали оттуда забрасывать наступающих дротиками. Так как они, благодаря высоте здания, были слишком удалены от нападающих, чтобы подвергаться с их стороны какой бы то ни было опасности, а, напротив, сами наносили им огромный урон своей стрельбою сверху, то им удалось вскоре отогнать антиохийцев от ближайших зданий. Затем иудеи немедленно подожгли эти здания, а так как дома стояли близко друг к другу и большинство зданий были деревянными, то пламя вскоре распространилось по всему городу и уничтожило его дотла. Тогда антиохийцы, не будучи в силах дольше держаться и совладать с огнем, обратились в бегство. Тем временем иудеи бросались из дома в дом, преследуя врагов, и таким образом произошла эта единственная в своем роде погоня. И вот, когда царь заметил, что антиохийцы думают теперь только о том, чтобы спасти жен и детей и поэтому более уже не сражаются, он напал на них через другие улицы и перебил при этом такое множество жителей, что тем самым принудил их побросать все оружие и сдаться ему. Затем Деметрий простил им их дерзкую попытку и тем самым положил предел этой смуте. Одарив иудеев из богатой добычи и отблагодарив последних, как истинных виновников одержанной победы, царь отправил их обратно в Иерусалим к Ионатану и еще раз закрепил с последним союз свой. Впоследствии, однако, он нечестно поступил по отношению к Ионатану и нарушил свои ему обещания, пригрозив ему войною, в случае если тот не выплатит ему полностью той дани, которую платил прежним царям народ иудейский. Деметрий

действительно привел бы свою угрозу в исполнение, если бы его от этого не удержал Трифон и не заставил бы обратить все направленные против Ионатана приготовления против самого его, Трифона.

Дело в том, что последний вернулся из Аравии в Сирию с малолетним еще сыном Антиоха⁸²⁴ и провозгласил его царем. А так как на его сторону перешло все войско, которое покинуло Деметрия за неполучение наемной платы, то Трифон объявил войну Деметрию, сошелся с ним на поле брани, разбил его и захватил всех его слонов и самый город Антиохию.

4. Потерпев такое поражение, Деметрий отступил в Киликию. Тем временем молодой Антиох отправил к Ионатану послов с письменным уверением в своей дружбе и союзе и с утверждением за ним первосвященнического достоинства, равно как права на те четыре нома, которые были присоединены к стране иудейской. Сверх того, он послал также золотую утварь, посуду и пурпурную одежду с разрешением носить ее, а также одарил его золотым запястьем и принял его в число своих первых приближенных. В то же время он утвердил брата его, Симона, главнокомандующим над всеми войсками от Тирийских гор вплоть до границ Египта. Благодарный за такое отношение к нему со стороны Антиоха, Ионатан, в свою очередь, отправил послов к нему и к Трифону с заявлением своей дружбы и союза и с обещанием воевать с ним против Деметрия. При этом Ионатан объяснил, что и Деметрий не отплатил ему благодарностью за все оказанные ему в тяжелую минуту услуги, но даже обидел его, воздав злом за добро.

5. Получив затем от Антиоха поручение собрать из Сирии и Финикии значительную рать и вступить в борьбу с военачальниками Деметрия, Ионатан немедленно выступил к городам⁸²⁵. Последние хотя и оказали ему блестящий прием, однако не дали ему войска. Отсюда он затем отправился в город Аскалон, и когда жители встретили его радушно и с подарками, он стал убеждать их, равно как и жителей всех отдельных городов в Келесирии, отпасть от Деметрия и, перейдя к Антиоху, в союзе с Антиохом пытаться отомстить Деметрию за все те притеснения, которые им когда-либо довелось испытать от него. При этом он указал, что на такой образ действий у них имеется достаточно оснований.

Склонив таким образом эти города к союзу с Антиохом, он прибыл в Газу, чтобы ее жителей убедить перейти на сторону Антиоха. Однако жителей этого города он нашел совершенно иначе настроенными, чем он предполагал. Так, например, они заперли перед ним ворота: не желали настолько же примыкать к Антиоху, сколько и отказываться от Деметрия. Это побудило Ионатана подвергнуть город осаде, а область опустошению; а именно, обложив частью войска Газу, он с остальной ратью ринулся на окрестные владения, предавая все огню и мечу.

Увидев себя в столь стесненном положении и не получая никакой помощи со стороны Деметрия в такую ужасную минуту и видя эту помощь и пользу от нее лишь впереди, да и то крайне неопределенной, жители Газы решили, что благоразумнее будет оставить Деметрия и подчиниться Антиоху. Поэтому они отправили к Ионатану послов с заверениями своей готовности заключить с ним дружественный союз.

Таковы уже люди: раньше, чем испытать несчастье, они не сознают того, что им полезно. Лишь впад в беду, они выбирают наконец то, что было бы лучше сделать с самого начала, потому что теперь только начинают соображать, что можно бы было без всякого для себя ущерба остановиться на этом и раньше.

Ионатан принял их предложение, заключил с ними дружественный союз и, взяв заложников, отправил последних в Иерусалим, а сам прошел по всей стране, вплоть до Дамаска.

6. Тут он узнал, что военачальники Деметрия, во главе большой рати, двинулись ему навстречу, к городу Кедасе, находящемуся как раз на границе между областью тирийскою и

Галилею; полководцы рассчитывали на то, что они выманят его из Сирии и направят в сторону Галилеи, потому что он наверное не оставит без поддержки своих галилейских приверженцев, которые теперь были удручены войною. Ионатан выступил против них и оставил в Иудее брата своего Симона.

Последний собрал из всей страны все наиболее подходящее войско и принялся за осаду Бет-Цуры, самой укрепленной местности во всей Иудее, как нами об этом было уже выше упомянуто. Крепость эту занимал гарнизон Деметрия. Когда же Симон воздвиг осадные валы, поместил осадные орудия и принялся по всем правилам искусства осаждать Бет-Цуру, гарнизон испугался взятия крепости силою и собственной гибели. Поэтому он отправил к Симону посланцев с просьбою поклясться, что, если им не будет причинено никакого зла, они могут покинуть эту местность и уйти к Деметрию. Ионатан дал им в этом клятвенное уверение, изгнал их из города и поместил в нем свой собственный гарнизон.

7. Выступив из Галилеи от так называемого Генисаретского озера, где он было расположился станом, Ионатан прибыл в равнину Асор, не зная, что тут находятся враги. Солдаты же Деметрия, лишь накануне узнав, что Ионатан собирается прийти к ним, устроили ему засаду и тайком поместили в ущелье горы воинов, сами же с остальной ратью двинулись ему навстречу на равнину. Увидя их готовыми к бою, Ионатан и сам стал по силе возможности ободрять своих воинов к битве. Но когда враги, помещенные военачальниками Деметрия в засаде, очутились в тылу у иудеев, последние испугались, как бы им не очутиться отрезанными от своего войска и наверняка не погибнуть, и потому обратились в бегство. Тогда и все остальные покинули Ионатана, несколько же, числом не более пятидесяти человек, в том числе сын Апсалома, Магтафия, и сын Хапсея, Иуда, бывшие военачальниками над всей ратью, остались при нем. Они храбро и с полным самозабвением ринулись на врагов и, поразив их своей смелостью, храбро обратили их в бегство. Когда вернувшиеся из воинов Ионатана увидели бегство врагов, то и сами приостановились, собрались в кучу и принялись гнаться за врагами. Так гнали они их до Кедеса, где находился лагерь неприятелей.

8. Одержав такую блестящую победу и перебив до двух тысяч врагов, Ионатан вернулся в Иерусалим. Видя, что с помощью Божией все ему удастся, он отправил посольство к римлянам с предложением возобновить прежний дружественный союз иудейского народа с ними. Этим своим посланным он поручил завернуть на обратном пути из Рима к спартанцам и напомнить им об их дружественном союзе с иудеями. Когда же посланные прибыли в Рим и, придя в сенат, объявили, что они приехали от первосвященника Ионатана, который прислал их с целью укрепления союза, то сенат утвердил прежнее свое постановление относительно дружбы с иудеями⁸²⁶ и снабдил посольство грамотами ко всем царям Азии и Европы и к правителям различных городов, чтобы послы могли безопасно вернуться восвояси. На обратном пути посольство заехало в Спарту и отдало там грамоту, заготовленную с этой целью Ионатаном. Содержание ее было следующее:

«Первосвященник иудейского народа, Ионатан, совет старейшин и народ иудейский посылают привет свой эфорам лакедемонским⁸²⁷, герусии⁸²⁸ и братскому племени. Если вы здоровы и все ваши общественные и частные дела идут хорошо, то это прекрасно и вполне соответствует нашим желанием. Сами же мы здоровы. В прежние времена наш первосвященник Хоний получил у нас от вашего царя Арея через посредство Димотела послание относительно нашего общего с вами происхождения. Копия его при сем прилагается. Послание это мы приняли охотно и любовно отнесли как к Димотелу, так и к Арею, тем более что нам вовсе не было необходимости в доказательстве этого нашего родства, так как в том уже убеждали нас данные нашего Св. Писания. И если мы сами не сделали первого шага для признания между нами указанного родства, то это произошло лишь оттого, что мы не желали показать виду, будто

мы предвосхищаем у вас оказанную нам честь. И все-таки, несмотря на то, что со времени установления между нами наших дружественных отношений прошло уже достаточное число лет, мы во все праздники и во все знаменательные дни при принесении Господу Богу жертв всегда молимся Ему о вашем здравии и благополучии. Несмотря на то, что, благодаря дерзости и заносчивости наших соседей, нам пришлось вести множество войн, мы все-таки не решались впутывать в них ни вас, ни других нам дружественных лиц. Окончив теперь борьбу с неприятелями своими, мы по случаю отправки нами почтенных членов совета, Нумения, сына Антиоха, и Антипатра, сына Ясона, снабдили последних также посланием к вам с целью возобновить с вами наш дружественный союз. Поэтому вы поступите прекрасно, если и вы, в свою очередь, напишете нам, не нужно ли вам чего-либо от нас, всегда готовых во всех случаях оказать вам посильную поддержку». Лакедемоняне любезно приняли послов и, постановив решение о закреплении дружественного союза с иудеями, отправили их на родину.

9. В это время существовало среди евреев три секты, которые отличались различным друг от друга мировоззрением. Одна из этих сект называлась фарисейскою, другая саддукейскою, третья ессеюскою. Фарисеи утверждают, что кое-что, хотя далеко и не все, совершается по предопределению, иное же само по себе может случаться. Секта ессеев учит, что во всем проявляется мощь предопределения и что все, постигающее людей, не может случаться без и помимо этого предопределения. Саддукеи, наконец, совершенно устраняют все учение о предопределении, признавая его полную несостоятельность, отрицая его существование и нисколько не связывая с ним результатов человеческой деятельности. При этом они говорят, что все лежит в наших собственных руках, так что мы сами являемся ответственными за наше благополучие, равно как сами вызываем на себя несчастья своей нерешимостью. Впрочем, об этом я подробно говорил уже во второй книге своей «Иудейской войны»⁸²⁹.

10. Между тем, однако, военачальники Деметрия, желая вознаградить себя за понесенное поражение, собрали значительно большую рать, чем в первый раз, и двинулись с ней на Ионатана. Узнав об их нашествии и желая предупредить их вторжение в Иудею, последний быстро пошел им навстречу в область Амафы. Расположившись станом на расстоянии пятидесяти стадий от врагов, он выслал соглядатаев, которым было поручено высмотреть их лагерь и способ укрепления его. Лазутчики все донесли Ионатану и даже захватили ночью в плен нескольких неприятелей, которые сообщили ему о намерении врагов напасть на него.

Поэтому он, будучи своевременно предупрежден, приготовился к этому, выставил около своего лагеря сторожевые посты и в течение всей ночи держал свое войско под оружием. Вместе с тем он увещевал своих людей мужаться и быть наготове биться даже ночью, если бы это потребовалось, дабы враги знали, с кем имеют дело. Когда же военачальники Деметрия узнали, что Ионатану уже все известно, они впали в отчаяние и их смутило сознание, что они спасовали перед неприятелями, что их коварный умысел не удался и что им не придется осилить другого; для них было очевидно, что им не совладать с войском Ионатана. Поэтому они решились на бегство и отступили, зажегши предварительно множество костров, чтобы вид последних заставил врагов предположить, будто они еще остаются в лагере. Когда же Ионатан на заре нагрянул на их стан и нашел его пустым, то понял, что они бежали, и бросился за ними в погоню. Однако ему так и не удалось настичь их, потому что они уже успели переправиться через реку Елевфер и быть в безопасности. Поэтому он отсюда повернул в сторону Аравии, вступил в борьбу с набатейцами и отнял у них значительную добычу и множество военнопленных. С ними он двинулся к Дамаску и всех их там продал. Около того же времени и брат его, Симон, обошел всю Иудею и Палестину вплоть до Аскалона, завладел крепостями страны и, укрепив их новыми постройками и новыми гарнизонами, добрался до Яффы. Заняв и ее, он ввел туда значительный гарнизон, потому что слышал о желании жителей передать город

военачальникам Деметрия.

11. После всех этих предприятий как Симон, так и Ионатан вернулись в Иерусалим. Собрал затем весь народ в святилище, Ионатан посоветовал ему восстановить городские стены, вновь отстроить разрушенную ограду вокруг храма и укрепить ее высокими башнями; далее, воздвигнуть среди города другую стену и отрезать таким образом гарнизону крепости доступ на рыночную площадь; тем самым он и предлагал лишить этот гарнизон возможности снабжаться съестными припасами; кроме того, он предлагал еще более укрепить и тем обезопасить существовавшие в стране крепости. Так как все эти предложения были благосклонно приняты народом, то он сам принялся за отстройку города, а Симона отправил внутрь страны, чтобы обезопасить ее. Между тем Деметрий переправился в Месопотамию, намереваясь овладеть ею и Вавилоном и, подчинив себе верхние сатрапии, овладеть уже отсюда всем царством. Дело в том, что жившие там греки и македоняне постоянно отправляли к нему посольства с обещанием передаться ему, если только он явится к ним, и в союзе с ним идти войной на парфянского царя Аршака⁸³⁰. В уповании на это, Деметрий двинулся к ним в расчете, если только подчинит парфян и создаст себе войско, начать войну с Трифоном и изгнать его из Сирии. Жители страны приняли его радушно, и он, собрав войско, начал борьбу с Аршаком, но потерял при этом все свое войско и сам попал в плен, как мы рассказали в другом месте⁸³¹.

1. Лишь только Трифон узнал, чем окончилось предприятие Деметрия, он уже более не оставался верным Антиоху, но стал злоумышлять против него, решив убить его и самому овладеть царством. Однако пока его удерживал от приведения этого намерения в исполнение страх перед Ионатаном, который был другом Антиоху. Вследствие этого он хотел первоначально избавиться от Ионатана, а затем уже приняться и за Антиоха. Решив избавиться от первосвященника коварством и обманом, он отправился из Антиохии в Вефсану, носившую у греков название Скифополиса, куда навстречу ему выступил Ионатан во главе сорокатысячного отборного войска, потому что Ионатан предвидел его воинственные намерения. Видя готовность Ионатана к бою, он отправился к нему с подарками, был с ним ласков и любезен. Вместе с тем он приказал своим полководцам повиноваться Ионатану, думая таким способом уверить последнего в своей преданности и совершенно освободить его от подозрения относительно того, будто он замышляет захватить его врасплох. Вместе с тем он посоветовал Ионатану распустить войско, указывая на то, что в настоящее время, когда нет войны и царствует полный мир, нет никакой необходимости держать это войско. Трифон советовал Ионатану оставить при себе лишь небольшой отряд и двинуться вместе с ним к Птолемаиде, которую он обещал передать ему, равно как помочь ему овладеть всеми остальными крепостями страны. На это-то, как бы на причину своего приезда, и указывал Трифон.

2. Ионатан, действительно, не предполагал во всем этом злого умысла, но поверил, что Трифон дал ему дружеский и вполне искренний совет, и потому распустил свое войско и удержал из него лишь три тысячи человек, из которых 2000 оставил в Галилее, а с остальной тысячей вместе с Трифоном пошел на Птолемаиду. Немедленно по его прибытии туда жители, по заранее данному им, Трифоном, приказанию, заперли городские ворота; тут-то Трифон взял Ионатана живьем в плен, а всех товарищей его велел перебить. Вместе с тем он послал и за оставленными в Галилее двумя тысячами человек, чтобы и их также перерезать. Однако до этих уже дошла молва о постигшем Ионатана злополучии, и потому они предупредили прибытие посланных Трифоном отрядов и поспешили с оружием в руках удалиться из страны. Высланные против них войска, увидя евреев вполне готовыми биться до последней крайности, не рискнули причинить им какой-либо вред и вернулись к Трифону.

3. Когда жители Иерусалима узнали о плене Ионатана и о гибели его солдат, постигшее его несчастье опечалило всех и все стали жалеть об этом муже. Вместе с тем они страшно беспокоились и боялись, как бы теперь, когда они единовременно лишились талантливой и столь храброго Ионатана, враждебные им и лишь сдерживавшиеся Ионатаном окрестные племена ныне не напали на них и не заставили их вступить в крайнюю борьбу не на живот, а на смерть. А между тем эти опасения вскоре же действительно осуществились; ибо лишь только соседние племена узнали о смерти Ионатана, то начали войну с иудеями, зная, что те не имеют руководителя, сам же Трифон собрал войско и решил отправиться в Иудею и объявить войну ее населению.

Когда же Симон увидел, что иерусалимцев все это повергло в такое отчаяние, он, желая ободрить их и словом вызвать их мужество, чтобы смело встретить нашествие Трифона, собрал весь народ в святилище и оттуда обратился к нему со следующим увещанием:

«Единоплеменники! Вам небезызвестно, насколько охотно, после смерти отца моего, как я, так и братья мои шли за вашу погибель на разные опасности, сопряженные с возможностью смерти. Полагаю, что как я лично, так и смерть членов нашей семьи за законы и богопочитание дали вам достаточные тому доказательства. Поэтому нет такого страха, который вытеснил бы из

души моей эту решимость и вызвал бы в ней особую привязанность к жизни или презрение к славе. Итак, если уже у вас нет теперь такого военачальника, который решился бы за вас на всякие крайности, то добровольно последуйте за мной, куда бы я вас ни повел. Если я не лучше своих братьев, чтобы не щадить своей жизни, то и не хуже их, и не отступлюсь позорно от того, что они признали за наилучшее, а именно умереть за ваши законы и ваше истинное богочитание. Где понадобится явить себя достойным их, там я и явлю себя таковым. Я смело надеюсь не только наказать врагов, но и избавить всех вас с вашими женами и детьми от их заносчивости и с Божьею помощью сохранить в целости Его святой храм. Я отлично понимаю, что соседние племена наступают на вас оттого лишь, что считают вас не имеющими военачальника, который повел бы вас в бой».

4. После этой речи Симона народ воспрянул духом, и боязнь его сменилась новым упованием на лучшее будущее. Поэтому весь народ единодушно провозгласил Симона своим военачальником и заместителем его братьев, Иуды и Ионатана, причем обещал безусловное повиновение всем его распоряжениям. Тогда Симон немедленно собрал все свои боевые силы и поспешил окончить постройку городской стены. Укрепив ее высокими и прочными башнями, он отправил одного из своих друзей, некоего Ионатана, сына Апсалома, с войском в Яффу [832](#) и поручил ему изгнать оттуда всех жителей, потому что опасался, как бы они не сдали города Трифону. Сам же он остался в Иерусалиме для охраны его.

5. Тем временем Трифон во главе большого войска выступил из Птолемаиды и двинулся в Иудею, ведя за собою пленного Ионатана. Навстречу ему выступил Симон с его ратью и подошел к городу Аддиде [833](#), лежащем на горе, у подошвы которой расстилается Иудейская равнина. Когда же Трифон узнал, что иудеи выбрали Симона главнокомандующим, то он послал к нему, имея в виду обмануть и его, с предложением выдать ему, в виде выкупа за его брата Ионатана, сто талантов серебра и двоих из детей Ионатана в качестве заложников, дабы Ионатан, будучи выпущен на свободу, не вздумал склонить Иудею к отпадению от царя. При этом Трифон ссылался на то, будто Ионатан держится в плену за долг, которого он не возвратил царю. Однако Симон отлично понял маневр Трифона. Напротив, он знал, что если он отдаст деньги, то и их потеряет, и брата не освободит, а лишь, кроме него, оставит во власти врага еще детей своего брата. Однако, боясь навлечь на себя обвинения народа в том, что это он стал причиною смерти брата, если не отдаст за него выкупа и не оставит заложниками детей его, Симон собрал свое войско и сообщил ему о предложении Трифона, причем заметил, что тут и кроется коварная ловушка. Однако при этом он сказал, что все-таки предпочитает послать Трифону деньги и выслать детей, чем отвергнуть предложение его и тем самым навлечь на себя подозрение в нежелании спасти брата. Ввиду всего этого Симон действительно послал Трифону детей Ионатана и деньги, но, по получении их, Трифон все-таки не сдержал своего слова и не отпустил Ионатана, но со своим войском обошел вокруг Иудеи, решив впоследствии пройти к Иерусалиму через Идумею. Таким образом он достиг идумейского города Адоры. Симон, однако, со своею ратью не отставал от него, но постоянно располагался лагерем против него.

6. Между тем гарнизон иерусалимской крепости отправил к Трифону просьбу поспешить к ним и выслать съестных припасов. Поэтому он отрядил свою конницу и велел ей достигнуть в течение ночи Иерусалима. Ночью, однако, выпало много снегу, который занес все дороги, сделал их труднопроходимыми для лошадей и не дал Трифону возможности добраться до Иерусалима. Поэтому он отсюда двинулся в Келесирию и затем быстро вторгся в область Галаадскую. Тут он велел казнить и похоронить Ионатана, а сам вернулся в Антиохию. Потом Симон послал в город Баску за останками своего брата и похоронил их на родине, в Модии, причем глубокая печаль охватила весь народ. При этом случае Симон воздвиг отцу своему и братьям своим огромный памятник из белого отесанного камня. Вышина этого памятника была

очень велика, так что он был виден на далекое расстояние; окружен был этот мавзолей портиками и обелисками удивительно искусной работы. Кроме того, он соорудил еще семь пирамид в честь своих родителей и каждого из братьев. Размерами и красотой эти сооружения вызывают вообще удивление. Они сохранились по сей день. С таким-то рвением позаботился Симон о гробнице Ионатана и надгробных памятниках прочих членов семьи своей. Ионатан умер после четырехлетнего первосвященничества. Он был главою своего рода...⁸³⁴.

7. Такова была кончина Ионатана.

Симон был народом избран в первосвященники⁸³⁵ и в первый же год своего служения избавил его от македонского ига настолько, что иудеям уже более никогда не приходилось платить дани македонянам. Это освобождение как личное, так и от податей началось у иудеев со стосемидесятого года со времени ассирийского владычества, именно с того времени, как Селевк, прозванный Никатором, овладел Сириею⁸³⁶. Народ был в таком восторге от Симона, что в своих деловых сношениях и всех народных постановлениях стал писать: «...в первый год правления Симона, благодетеля и князя иудейского». При Симоне дела иудеев шли очень удачно, и они осилили окрестные племена. Дело в том, что он взял города Газару, Яффу и Ямнию; затем он осадил иерусалимскую крепость⁸³⁷ и срыл ее до основания, чтобы врагам более не представилось возможности иметь в ней опору для своих враждебных действий, как то было раньше. Сделав это, Симон признал за целесообразное срыть всю гору, на которой помещалась крепость, дабы тем самым поднять холм, на котором стоит святилище. Созвав народ, он старался убедить его в необходимости этого мероприятия, упомянув, сколько уже пришлось пострадать иудеям от неприятельских гарнизонов и перебежчиков, и указывая на то, что им придется претерпеть еще в будущем, если власть вновь перейдет в руки иноверного царя, который снова поместит в этой крепости своих воинов. Этими доводами ему удалось убедить народ в целесообразности предлагаемой меры.

Все охотно приступили к этому делу и принялись срывать гору. После трехлетней, не прерывавшейся ни днем ни ночью работы они срыли гору до основания и сровняли все занимаемое ею место; с тех пор, после уничтожения крепости и горы, над всем городом царит здание храма.

Таковы были дела, совершенные Симоном.

1. Немного спустя после взятия в плен Деметрия Трифон умертвил сына Александра, Антиоха, который был прозван Богом и который во время своего четырехлетнего правления находился под опекою Трифона. Последний объявил о смерти Антиоха, будто она последовала от операции, и в то же самое время послал наиболее преданных и близких друзей к войскам с обещанием выплатить огромную сумму денег, если они провозгласят его царем. При этом он заявил, что Деметрий попал в плен к парфянам, и если брат Деметрия, Антиох, достигнет власти, то он сильнейшим образом накажет их за их отпадение. Ввиду этого солдаты, надеясь на всякие блага, если выберут на царство Трифона, провозгласили его правителем. Достигнув такого положения, Трифон немедленно выказался весь, во всем своем непривлекательном свете: будучи частным человеком, он служил народу и прикидывался добрым, угождая всем желаниям народа; достигнув же царской власти, он скинул с себя маску и явился настоящим Трифоном ⁸³⁸. Однако этим самым он лишь сыграл на руку врагам, потому что войско, ненавидевшее его, перешло на сторону жены Деметрия, Клеопатры, которая тогда заперлась с детьми своими в Селевкии. В то время по стране скитался брат Деметрия, Антиох, прозванный Сотером ⁸³⁹. Его ни один город не принимал к себе из страха перед Трифоном. К нему-то Клеопатра послала предложение жениться на ней и овладеть царством. Призвала она Антиоха не только потому, что к тому побуждали ее приближенные, но и потому, что она боялась будущего, так как некоторые из жителей Селевкии приготовились отдать город Трифону.

2. Прибыв в Селевкию и видя, что его положение со дня на день упрочивается, Антиох начал войну с Трифоном, победил его и прогнал из Верхней Сирии в Финикию. Он преследовал его до пределов последней и осадил в неприступной крепости Доре, куда тот спасся бегством. Вместе с тем он отправил к иудейскому первосвященнику послов с предложением заключить дружественный союз. Симон охотно принял его предложение, послал Антиоху значительное количество денег и много съестных припасов для осаждавших Дору войск и поступил при этом так великодушно, что в короткое время стал считаться одним из наиболее преданных друзей царя. Между тем Трифон бежал из Доры в Апамею и был там во время осады захвачен в плен и убит, успев процарствовать три года.

3. Однако Антиох, в своей заносчивости и испорченности, вскоре забыл об оказанной ему Симоном поддержке и выслал одного из своих приближенных, Кендебая, с войском для разграбления Иудеи и поимки Симона. Когда же последний узнал об этом вероломстве Антиоха, то он, хоть и старик, невзирая на свои годы и побуждаемый несправедливостью, допущенною по отношению к нему Антиохом, с юношеским пылом взял на себя начальствование в походе. Сыновей своих он выслал с ядром войска вперед, а сам с другою частью рати двинулся с другой стороны в путь. Поместив часть своих сил в засаде в ущельях гор, он не потерпел неудачи ни в одном из своих предприятий, но повсюду разбивал врагов. После этого он жил до скончания дней своих в глубоком мире, успев еще заключить дружественный союз с римлянами.

4. Всего восемь лет процарствовал Симон над иудеями и умер от коварного покушения, которое совершил на него во время пира зять его, Птолемей. Последний захватил также его жену и двоих сыновей его и, велев поместить их в темницу, подослал убийц к его третьему сыну, Иоханану, который носил также имя Гиркана ⁸⁴⁰. Узнав, однако, об их приходе, юноша успел избежать грозившей ему опасности путем быстрого бегства в город, решаясь поручить себя здесь охране народа и уповая при этом, с одной стороны, на заслуги отца своего пред этим народом, а с другой — на ненависть черни к Птолемею. Когда же Птолемей пытался

проникнуть в город через другие ворота, то народ не позволил ему этого, потому что дал уже приют Гиркану.

1. Птолемей отступил в одну из крепостей, именно Дагон, расположенную вблизи Иерихона. Тем временем Гиркан, получив по наследству первосвященническое достоинство и путем жертвоприношений с самого начала умилостивив Предвечного, выступил походом на Птолемея и приступил к указанной крепости (Дагону). Тут он сначала одерживал победы, но в конце концов должен был уступить, исключительно благодаря чувству сострадания к своей матери и братьям. Птолемей, выведя последних на [крепостную стену], стал «подвергать их на глазах у всех оскорблениям и угрожал сбросить их вниз, если Гиркан не прекратит осады.

Хотя Гиркан старался овладеть этой местностью, однако считал нужным щадить и наиболее близких людей и не давать их в обиду и приостановил свои нападения. Однако мать его воздела руки к небу и стала умолять его не поддаваться ради нее, но с большею ревностью и старанием взять место и отомстить врагу за насилия, причиненные его близким. При этом она заметила, что и бесславная смерть в мучениях приятна, если только врагу придется поплатиться за все совершенные им изуверства. Эти слова матери придали Гиркану известную бодрость все-таки взять крепость приступом, но когда он увидел, как мать его подвергают побоям и оскорблениям, он пал духом и уступил из чувства жалости к ней. Таким образом осада затянулась надолго, пока наконец не настал тот год, в который иудеям не приходится работать; это, подобно седьмому дню недели, обыкновенно происходит каждый седьмой год.

Освободясь по этой причине от войны, Птолемей казнил братьев Гиркана и мать его и после этого отправился к Зенону, носившему прозвище Котила и бывшему в то время правителем города Филадельфии.

2. Между тем Антиох все еще никак не мог забыть того, что причинил ему Симон, и потому вторгся в Иудею на четвертый год своего правления и в первый год правления Гиркана, именно в 162 олимпиаду⁸⁴¹. Разграбив страну, он запер Гиркана в его столице. Окружив последнюю семью отрядами войска, он, однако, ничего не мог с нею поделаться как вследствие высоты стен, так и доблести осажденных, несмотря на полный недостаток у них воды. От этого иерусалимцев избавил сильный проливной дождь, заливший всю местность после захода семизвездия Плеяд. Но так как с северной стороны города было место, где стена являлась доступной, он распорядился выстроить тут сто трехэтажных осадных башен и поместил на каждой из них по отряду солдат. Кроме того, он делал ежедневные нападения на город, и велел вырыть глубокий и широкий двойной ров, и тем крайне стеснил жителей города. Последние, в свою очередь, предпринимали частые вылазки и наносили врагам значительный вред при всяком случае, где могли напасть неожиданно; когда же враги замечали их попытку, они поспешно возвращались в город. Но так как Гиркан видел, что чрезмерное население города только вредит делу и, способствуя скорейшему истощению съестных припасов, не ведет решительно ни к чему, а только всех стесняет, он отобрал из него все бесполезные элементы и изгнал их из города, оставив себе лишь сильных и действительно способных сражаться. Между тем так как Антиох не давал изгнанникам возможности удалиться, то им пришлось скитаться около городских стен и многие из них умерли от голода жалкой смертью. Когда же наступил праздник Кущей, то заключенные в городе сжалились над этими несчастными и вновь приняли их к себе.

Затем, когда Гиркан обратился к Антиоху с просьбой назначить семидневное перемирие вследствие наступления праздника, Антиох, движимый уважением к Предвечному, не только охотно согласился на перемирие, но даже послал в город драгоценные жертвенные дары, именно быков свызолоченными рогами и серебряные и золотые чаши, полные благовонных

курений. Это жертвоприношение стража, стоявшая у ворот, приняла от жертвователей и доставила его в святилище. Антиох же в то же самое время устроил угощение, чем сильно отличился от Антиоха Эпифана, который по взятии города стал закалывать на жертвенниках свиней, осквернил храм жиром этих животных и тем надругался над установлениями иудеев и их древним благочестием. Вследствие этого народ и восстал на него и стал его непримиримым врагом, тогда как этого Антиоха все прозвали «Благочестивым» за его высокое богопочитание.

3. Благодаря такой любезности Антиоха и убедившись в благочестии его, Гиркан отправил к нему посольство с просьбой оставить иудеям их прежнее государственное устройство. Антиох не внял совету приближенных своих, требовавших полного искоренения иудейского народа за его отчуждение от прочих народов, и окончательно отверг его. Повинуясь голосу благочестия и желая во всем следовать последнему, он ответил посланным, что готов прекратить войну, если осажденные выдадут оружие, предоставят ему право взимания дани с Яффы и других соседних с Иудеею городов и, кроме того, примут к себе его гарнизон. Иудеи согласились на все его условия, но отказались принять к себе гарнизон, указывая на ритуальное запрещение общения с иноземцами. Вместо принятия гарнизона они выдали заложников и пятьсот талантов серебра. Из этой суммы они немедленно выплатили триста талантов и выдали заложников, по собственному выбору Антиоха. В числе этих заложников находился и брат Гиркана. Вместе с тем Антиох велел срыть городские укрепления.

На этих условиях Антиох снял осаду и удалился.

4. Затем Гиркан распорядился вскрыть гробницу Давида, который некогда превосходил богатством всех прочих царей, и, вынув оттуда три тысячи талантов серебра, первый из иудеев начал содержать наемные войска⁸⁴².

Впоследствии он заключил дружественный союз с Антиохом, принял его в свой город и в изобилии и с удовольствием доставил его войску все необходимое. Затем Гиркан участвовал вместе с ним в походе на парфян. У нас имеется также свидетельство Николая Дамасского, повествующего об этом следующим образом: «На реке Лике Антиох воздвиг памятник в честь своей победы над парфянским военачальником Индатом и оставался на том месте в течение двух дней, потому что об этом просил его иудей Гиркан ввиду наступления какого-то иудейского праздника, в который иудеям по их закону запрещено путешествовать». И в этом Николай вполне прав: после субботы наступил праздник Пятидесятницы⁸⁴³, и нам, действительно, запрещено законом путешествовать как по субботам, так и в праздник.

Когда же Антиох впоследствии сразился с парфянином Аршаком⁸⁴⁴, он не только потерял большую часть своего войска, но и сам погиб тут. Сирийский престол перешел затем к его брату Деметрию⁸⁴⁵, которого Аршак отпустил из плена как раз около того времени, когда Антиох вторгся в страну парфянскую, как нами уже было рассказано в другом месте.

1. Узнав о смерти Антиоха, Гиркан немедленно отправился походом на сирийские города, потому что, как и оказалось на самом деле, он рассчитывал их застигнуть врасплох и без труда захватить. Действительно, ему удалось на шестой месяц осады завладеть Медавою, причем войско его здесь подверглось многим серьезным лишениям. Затем он взял также Самегу и окрестные местности и, кроме нее, Сихем, Гаризим и подчинил себе племя хуфейцев⁸⁴⁶, которые построили себе храм наподобие иерусалимского святилища. Этот храм, как мы уже выше упомянули, Александр разрешил построить своему военачальнику Санаваллету для его зятя Манассии, брата первосвященника Иадую. Теперь, по прошествии двухсот лет, этот храм был закрыт.

Затем Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумеян, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по законам иудейским. Идумеяне действительно из любви к отчизне приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу. С этого самого времени они совершенно стали иудеями.

2. Между прочим Гиркан пожелал возобновить дружественный союз с римлянами и ввиду этого отправил к ним посольство. Сенат принял послание его и следующим образом заключил с Гирканом дружбу:

«За восемь дней до февральских ид претор⁸⁴⁷ Фаний, сын Марка, открыл собрание в комициях⁸⁴⁸, в присутствии Луция Манлия, Луция Ментины, Гая Семпрония, Гнея Фалерна, и рассмотрел просьбу послов: Симона, сына Досафея, Аполлония, сына Александра, и Диодора, сына Ясона, почтенных мужей, посланных иудейским народом. Они изложили положение дела относительно наличности дружественного союза иудеев с римлянами и познакомили собрание со своими политическими требованиями, а именно чтобы Яффа с ее гаванями, Газара с источниками и вообще все остальные города и области, которые, вопреки сенатскому постановлению, отнял у них на войне Антиох, были возвращены им; затем, чтобы царским войскам не был разрешен проход по владениям иудейским или областям подвластных иудеям племен, чтобы все, Антиохом предпринятое во время той войны и не соответствующее сенатским постановлениям, было признано недействительным; далее, чтобы особое посольство вернуло иудеям все отнятое у них Антиохом и приступило к новой переоценке всех опустошенных этим царем земель и, наконец, чтобы римляне выдали им к царям и неподвластным им народам пропускные грамоты, дабы они, послы, могли беспрепятственно совершить обратное путешествие на родину. И вот сенатом постановлено следующее: возобновить дружественный союз с этими почтенными лицами, послами великого и почтенного народа». Что касается писем [Гиркана], то римляне отвечали, что они об этом будут совещаться между собой, когда сенат несколько освободится от внутренних текущих дел, дали уверение, что на будущее время иудеев более никогда не постигнет такая несправедливость, и распорядились, чтобы претор Фаний отпустил послам денежные средства из казны для возвращения посольства на родину. Ввиду этого Фаний снабдил иудейских послов казенными деньгами на обратный путь и отправил их домой, дав им постановление сената для всех тех, к кому они должны были на обратном пути приехать, дабы эти последние не ставили им никаких препятствий во время их пребывания и путешествия.

3. Сказанного относительно первосвященника Гиркана, однако, достаточно. Между тем царю Деметрию очень хотелось выступить в поход против Гиркана, но это ему не удалось, как вследствие неимения времени, так и по недостатку средств, потому что сирийцы, да и войска,

ненавидели его за тяжелый характер. Как те, так и другие отправили к Птолемею Фискону ⁸⁴⁹ послов с просьбой назначить им какого-нибудь преемника из рода Селевка на царский престол. На это Птолемей отправил к ним с войском Александра, прозванного Зевинем. Когда Александр вступил в бой с Деетрием, последний потерпел поражение и бежал к своей жене Клеопатре в Птолемаиду, но так как жена не приняла его к себе, то он отсюда направился к Тиру. Тут он был взят в плен и погиб в страшных мучениях от рук ненавидевших его врагов. После этого Александр, вступив на царство, заключил дружественный союз с первосвященником Гирканом. Затем, однако, когда против него двинулся сын Деетрия, прозванный Грипом ⁸⁵⁰, он потерпел поражение в битве и сам пал.

1. Овладев сирийским престолом, Антиох тотчас же приготовился пойти войной на Иудею. Но когда он услышал, что единоутробный брат его (также носивший имя Антиоха) набирает в Кизике⁸⁵¹ войско, чтобы предпринять против него поход, он решил пока остаться в Сирии и готовиться к отражению своего брата. Последний носил также прозвище Кизикийца вследствие того, что воспитывался в том городе, так как отцом его был Антиох Сотер, погибший в стране парфянской. Этот, в свою очередь, доводился братом Деметрию, отцу Грипа; Клеопатра же, как мы упомянули уже, вышла замуж последовательно за обоих братьев.

И вот, когда Кизикиец Антиох прибыл в Сирию, он в течение многих лет вел войну со своим братом. Гиркан же все это время пользовался полным миром. Еще со времени смерти Антиоха он совершенно устранился от македонян и не доставлял им ничего, ни в качестве подданного, ни в качестве союзника. Вследствие этого во времена правления Александра Зевина, а еще более при названных братьях, он всецело занимался своими делами, которые стали поправляться и вскоре достигли значительного процветания. Междоусобная же война двух братьев дала Гиркану полную возможность спокойно пользоваться плодами земли своей, так что ему за этот период удалось скопить значительные богатства. Когда же однажды Кизикиец вздумал опустошать его область, Гиркан открыто оказал ему отпор, и так как он видел, что Антиох лишился поддержки со стороны египтян, и отлично понимал, что оба брата ратуют за несправедливое дело, то он не обращал внимания ни на того, ни на другого.

2. Впрочем, он предпринял поход на весьма укрепленный город Самарию, о котором, так как он теперь носит название Себасты и вновь был отстроен Иродом, мы скажем в своем месте. Он приступил к этому городу и обложил его осадой, потому что самаряне, повинувшись сирийским царям, жестоко обидели жителей Мариссы, которые были колонистами и союзниками иудеев. Вокруг всего города, на расстоянии около восьмидесяти стадий, Гиркан обвел ров и двойную стену и поручил ее надзору своих обоих сыновей, Антигона и Аристубула. Так как последние стали налегать на город, то он довел самарян до такого отчаянного положения, что они с голода стали есть всякую мерзость и в конце концов обратились за помощью к Антиоху Кизикенскому. Последний немедленно явился на этот зов, но потерпел поражение от войск Аристубула, а затем бежал, преследуемый вплоть до Скифополиса обоими братьями. Затем братья вернулись назад к Самарии и вновь замкнули ее жителей за их стенами, так что они вторично обратились за помощью, теперь уже к [другому] Антиоху. Последний обратился к Птолемею Лафуру⁸⁵² и получил от него около шести тысяч войска, к величайшему прискорбию матери фараона, которая, узнав об этой посылке солдат, чуть было не свергла сына своего с престола. Антиох первоначально стал с этими египтянами разорять страну Гиркана разбойными набегами, но не решался вступать с ним в открытый бой, потому что для этого у него не было достаточно сильного войска. Такими разорительными набегами на страну он рассчитывал принудить Гиркана прекратить осаду Самарии. Однако ему пришлось попасть в засаду, и при этом он потерял значительную часть своего войска, почему и отступил к Триполису, поручив ведение войны с иудеями [своим военачальникам] Каллимандру и Эпикрату.

3. Каллимандр стал смелее действовать против врагов, но был обращен в бегство и немедленно погиб. Эпикрат, в свою очередь, побуждаемый сребролюбием, открыто передал иудеям Скифополис и прочие прилегавшие к нему местности и не был в состоянии освободить Самарию от осады. Поэтому после годичной осады Гиркан взял город и при этом не только не удовольствовался этим, но и разрушил его дотла, предоставив его действию бурных горных

потоков. Дело в том, что он совершенно подрыл его, так что город провалился в пропасть, и могло казаться, что у него навсегда отнята была возможность когда-либо снова принять вид настоящего города.

При этом случае рассказывается о совершенно исключительном явлении, имевшем место по отношению к первосвященнику Гиркану, именно каким образом с ним говорил Предвечный. Дело в том, что в тот самый день, в который сыновья его сразились с Кизикийцем, сам первосвященник приносил в храме жертву Богу. Тут он услышал голос, возвестивший ему, что его сыновья только что одержали победу над Антиохом. Выйдя из храма, Гиркан сообщил об этом народу, и известие это вполне оправдалось.

4. Таковы данные о Гиркане. В это же самое время дела не только иерусалимских и вообще палестинских евреев шли хорошо, но также удачно складывалась и жизнь иудейских жителей Александрии, Египта и острова Кипра. Дело в том, что египетская царица Клеопатра восстала против своего сына Птолемея Лафура и назначила правителями страны Хелкию и Ананию, сыновей того самого Хония, который, как мы рассказали выше, построил в гелиополитанском номе храм наподобие Иерусалимского. Поручив им войско, Клеопатра ничего не предпринимала без их одобрения, как о том свидетельствует и каппадокиец Страбон⁸⁵³, выражаясь по этому поводу следующим образом: «Большинство солдат, явившихся вместе с ними и впоследствии отправленных на Кипр, немедленно передались Птолемею; верность сохранили ей одни только так называемые онийские евреи, потому что их сограждане, Хелкия и Анания, пользовались величайшим влиянием у царицы». Так повествует Страбон.

Между тем удачи Гиркана и его сыновей возбудили к нему зависть со стороны иудеев. Особенно нерасположены были к нему фарисеи, иудейская секта, о которой мы упоминали уже выше. Эти фарисеи пользуются таким авторитетом в глазах народа, что им безусловно верят, хотя бы они говорили против царя или первосвященника. Учеником их был некогда и Гиркан и пользовался с их стороны большим расположением.

5. Однажды Гиркан пригласил их к себе на пир и принял их весьма радушно. Когда же увидел, как они довольны, то стал говорить им, что они знают, насколько он старается быть праведным и делать только угодное Богу и им. При этом он просил их, если они заметят за ним какие бы то ни было ошибки или уклонения от пути истины, направить его обратно на этот путь и наставить. На это присутствующие громко засвидетельствовали Гиркану, что он человек праведный; он же порадовался их похвалам. Один только из гостей, некий Элеазар, человек дурного нрава и придирчивый, сказал: «Если хочешь знать истину, то, желая быть справедливым, ты должен сложить с себя сан первосвященника и удовлетвориться положением правителя народа».

Когда же Гиркан спросил его о причине необходимости такого отречения от первосвященнической власти, тот ответил: «Мы слышали от стариков, что ты родился в то время, когда мать твоя находилась в плену у Антиоха Эпифана».

Это замечание было совершенно ложно, но на него Гиркан разгневался, а все фарисеи были глубоко возмущены этим.

6. Между тем среди секты саддукеев, которые держатся диаметрально противоположных фарисеям взглядов, находился один очень близкий Гиркану человек по имени Ионатан. Он стал уверять Гиркана, что Элеазар в нанесенном ему оскорблении выражал как бы общее мнение фарисеев, и указывал при этом на то, что Гиркан может убедиться в этом путем предложения фарисеям вопроса, какому наказанию подлежит то лицо за свое заявление. Когда же Гиркан предложил им запрос, какого наказания считают они Элеазара достойным (при этом Гиркан был убежден, что нанесенное ему оскорбление не исходило от всей фарисейской секты и что они восстановят его честь назначением должного возмездия), те отвечали, что Элеазар заслужил

наказание ударами и заключением в темницу. Итак, фарисеи в данном случае не остановились на смертной казни за клевету (как то полагалось по закону). Впрочем, фарисеи вообще весьма снисходительны в своих наказаниях.

На это Гиркан очень рассердился и готов был поверить, что тот человек нанес ему оскорбление именно с их ведома. В этом его особенно поддерживал Ионатан, который достиг в результате того, что Гиркан примкнул к партии саддукеев, совершенно отказавшись от фарисеев и не только разрешив народу не соблюдать установленных фарисеями законоположений, но даже установив наказание для тех, кто стал бы соблюдать их. Благодаря последнему обстоятельству как сам Гиркан, так и его сыновья стали ненавистны народу. Впрочем, об этом мы расскажем немного ниже. Здесь же я только упомяну, что фарисеи передали народу, на основании древнего предания, множество законоположений, которые не входят в состав Моисеева законодательства. Ввиду этого-то секта саддукеев совершенно отвергает все эти наслоения, требуя обязательности лишь одного писаного закона и отнимая всякое значение у устного предания. Благодаря этому часто возникало множество споров и разногласий между обеими сектами, причем на стороне саддукеев стоял лишь зажиточный класс, а не простой народ, тогда как на стороне фарисеев была чернь. Впрочем, об этих двух сектах, равно как об ессеях, у меня подробно рассказано во второй книге моей «Иудейской войны».

7. Гиркану, однако, удалось прекратить эти распри и прожить остаток дней своих в полном спокойствии. Являя из себя в течение тридцати одного года образец примерного правителя, он затем умер⁸⁵⁴, оставив после себя пять сыновей и удостоившись от Господа Бога трех величайших благ: властвования над своим народом, первосвященнического достоинства и дара прорицания. Господь Бог не покидал его и дал ему возможность предвидения и пророчествования. Так, например, он предсказал, что оба старшие его сына не удержатся во главе правления. Судьба этих последних достойна более подробного повествования, и последнее покажет, сколь мало сыновья были счастливы в сравнении с отцом своим.

1. После смерти отца своего старший сын его, Аристокбул, решил изменить прежнюю форму правления и провозгласить себя, по собственному своему усмотрению, царем. Действительно, четыреста восемьдесят один год и три месяца спустя после возвращения [иудейского] народа из вавилонского плена он первый возложил на себя царский венец⁸⁵⁵. Любя из своих братьев лишь ближайшего к нему по возрасту, именно Антигона, он только его держал наравне с собой, а остальных вверг в темницу. Равным образом он подверг заключению и родную мать свою, которая поссорилась с ним из-за правления (дело в том, что именно ее Гиркан назначил главной после себя правительницей), и дошел до такого изуверства, что уморил ее в темнице голодом. Подобной же участи подвергся затем и брат его, Антигон, которого он, по-видимому, так сильно любил и которого сделал своим соправителем. Он стал отчуждаться от Антигона вследствие наветов, которым он первоначально не поверил, потому что сперва действительно любил его, а затем и потому, что считал эти доносы наветами, имевшими своим основанием зависть недоброжелателей его брата. Но однажды Антигон со славой вернулся из какого-то похода (в то время как раз наступил праздник Кущей, Аристокбул же заболел) и Антигону пришлось в блестящем наряде и в сопровождении своих тяжеловооруженных вступить в храм, чтобы тем подать знак к началу празднеств, а еще более, чтобы помолиться за выздоровление брата. Нашлись-таки гнусные люди, которым во что бы то ни стало хотелось посеять раздор между братьями, и вот они воспользовались блеском шествия Антигона и его распоряжениями, чтобы отправиться к царю и с гнусной задней мыслью значительно преувеличить торжественность обстановки, при которой Антигон начал празднество. При этом они указывали на то, что все происшедшее тут вовсе не соответствовало положению Антигона, как частного лица, и что все это указывает лишь на стремление его к достижению царской власти; далее, что Антигон, очевидно, собирается явиться к Аристокбулу со значительной партией и убить его, так как он совершенно логично рассуждает, что вместо того, чтобы участвовать, с разрешения брата, в управлении, он может сам овладеть престолом и достигнуть высочайшего почета.

2. Услыша это и поверив этому, Аристокбул не пожелал возбуждать никакого подозрения в брате, но и захотел позаботиться о своей личной безопасности. Поэтому он велел поместить своих телохранителей в темном подземелье (в это время он сам лежал в укрепленном дворце, переименованном в замок Антониев) и распорядился, чтобы они не трогали никого, кто бы пришел к нему без оружия, но немедленно убить Антигона, если бы он явился к нему вооруженным. Тем временем он послал за Антигоном и просил его прийти к нему без оружия. Однако царица и лица, злоумышлявшие вместе с ней против Антигона, уговорили посланного сказать как раз обратное, а именно что брат слышал, будто Антигон завел себе новое оружие и доспехи и поэтому просит его к себе в полном вооружении, чтобы он мог полюбоваться им в его военном убранстве.

Антигон, не предполагая тут никакого злого умысла и вполне полагаясь на расположение брата, отправился в вооружении к Аристокбулу, чтобы показать ему свое оружие. Когда же он достиг башни, носящей имя Стратоновой, где имеется темный проход, телохранители зарубили его. Смерть его служит явным доказательством мощи клеветы, которая разрывает все узы благоволения и родства и показывает, что никакое возвышенное и благородное чувство недостаточно сильно, чтобы оказать противодействие зависти.

Особенное же удивление вызвал к себе по поводу этого случая некий ессеи, по имени Иуда, который никогда еще не ошибался в своих предсказаниях. Видя шествие Антигона к храму, этот человек, окруженный товарищами и учениками, посещавшими его ради того, чтобы обучаться у

него прорицанию, воскликнул, что ему лучше умереть, так как он ошибся: Антигон, смерть которого он предсказал на сегодня в Стратоновой башне, как видно, еще жив, потому что проходит теперь мимо него; между тем эта местность (Стратонова башня), где он предсказал ему смерть, отстоит отсюда на целых шестьсот стадий; теперь же прошла уже большая часть дня, так что, по всей вероятности, есть опасность, что его предсказание не сбудется. И вот в то самое время, как Иуда жаловался на это, ему донесли, что Антигон убит в подземелье, которое также носит название Стратоновой башни, подобно приморскому городу Кесарии. Последнее обстоятельство и сбilo прорицателя.

3. На Аристобула немедленно после описанного события напало раскаяние в совершенном братоубийстве, а затем он впал в болезнь. Рассудок у него помрачился от постоянно испытываемого позыва к тошноте, а внутренности его жестоко болели, так что он даже харкал кровью. И вот однажды один из малолетних прислужников, вероятно по божественному предопределению, вынося кровь Аристобула, поскользнулся на том самом месте, где был убит Антигон и где еще виднелись следы преступления, и пролил кровь. Видевшие это подняли крик и завопили, что слуга умышленно пролил тут кровь [царя]. Тогда Аристобул справился, в чем дело, но не получая ответа, тем более заинтересовался причиной крика, как то совершенно естественно у людей, видящих в молчании признак особенного несчастья. Когда же приближенные царя ввиду угроз его сказали ему всю правду, Аристобул, мучимый угрызениями совести по поводу вины своей, разразился потоком слез и громко застонал: «Итак, Господь Бог не забыл такого нечестивого и дерзкого поступка моего, и вот меня сейчас постигает кара за убийство родного мне человека! Доколе же, бестыжее тело, удержишь ты в себе душу, запятнанную кровью брата и матери? Почему ты не выпускаешь ее, но по частям приносишь мою кровь в жертву убитым?»

Это были его последние слова, с которыми он умер, успев процарствовать один только год ⁸⁵⁶. Правда, он выказывал себя другом греков, но зато он оказал и большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским. По природе своей он был человеком мягким и очень застенчивым, как о том свидетельствует от имени Тимагена и Страбон, говоря:

«Этот человек был мягок и принес иудеям большую пользу, потому что расширил область иудейскую и поселил среди своего народа часть итурейцев, принудив их принять обряд обрезания».

1. После смерти Аристобула жена его, Саломея, носившая у греков имя Александры, освободила из оков братьев своего покойного мужа (мы уже выше упомянули о том, что он их держал в темнице) и объявила царем Янная Александра, который был к тому лицом наиболее подходящим, как по возрасту своему, так и по порядочности. Этому Яннаю пришлось с первого же момента своего рождения навлечь на себя ненависть отца своего, так что он, вплоть до его смерти, не смел никогда показываться отцу на глаза. Причиной этой ненависти, как говорят, послужило следующее обстоятельство: Гиркан больше всех других детей любил Антигона и Аристобула. И вот, когда он во сне однажды увидел самого Предвечного, то спросил Его, кто из детей будет его преемником. Господь Бог указал на Янная. Тогда Гиркан, огорчившись, что именно этот сын его станет наследником всех его благ, распорядился, когда Яннаю родился, отдать его на воспитание в Галилею. Однако предсказание Предвечного Гиркану оправдалось.

Получив после смерти Аристобула царский престол, Яннаю казнил того из своих братьев, который сделал попытку лишить его царской власти, а к другому, который предпочел жить вдали от дел, он относился с большим почетом.

2. Устроив дела свои наилучшим, по его мнению, образом, Яннаю отправился в поход на Птолемаиду; разбив жителей в открытом бою, он замкнул их в городе и, обложив последний, приступил к его осаде. В прибрежной области ему оставалось только подчинить себе еще Птолемаиду и Газу, а также Стратонову башню⁸⁵⁷ и Дору, которыми владел Зоил. Но так как [в это время] Антиох Филометор⁸⁵⁸ и брат его Антиох, прозванный Кизикийцем, все еще воевали друг с другом и губили свои войска, то жителям Птолемаиды нечего было ждать от них помощи. Однако в стесненном вследствие осады положении к ним на помощь явился Зоил, владевший тогда Кесарией и Дорою, и привел с собой отряд войска, и так как он рассчитывал на расширение своей власти благодаря распре царей между собой, то он оказал некоторую поддержку жителям Птолемаиды. Впрочем, цари вовсе уже не были столь расположены к последним, чтобы надеяться на получение какой-нибудь выгоды от них. Таким образом, как та, так и другая стороны поступили в этом случае подобно борцам, которые обессилели в борьбе, но, стыдясь уступить друг другу, паузами и кратковременными передышками стараются затянуть ее подольше. Последней надеждой населения Птолемаиды являлись египетские фараоны и владевший островом Кипром Птолемей Лафур, который перебрался на Кипр после того, как был матерью своей⁸⁵⁹ лишен власти. Итак, жители Птолемаиды отправили к последнему просьбу явиться к ним на помощь и вырвать их из рук Александра, который подвергает их всевозможным опасностям. А так как посланные укрепили Птолемея в надежде, что он сможет подчинить себе жителей Газы, находившихся в союзе с птолемаидцами, а также Зоила и, кроме того, сидонян и еще многие другие народы, если только переправится в Сирию, то он в уповании на это согласился и поспешно стал готовиться к отплытию.

3. Однако в это же самое время жителей Птолемаиды старался разубедить в их решении некий Деменет, пользовавшийся тогда у них большой популярностью народный оратор. Он указал на то, что лучше будет рискнуть опасностью войны с иудеями, чем подвергать себя явному рабству, если отдаться [иноземцу] деспоту, который при этом вовлечет их не только в эту войну, но и подвергнет их гораздо большей опасности со стороны Египта. Он указал также на то, что Клеопатра не отнесется безучастно к тому, что Птолемей по соседству с ней составляет себе крупную военную мощь, но наверное нападет на них с огромным войском. Если Птолемей ошибется в своих расчетах, то ему предоставляется полная возможность вернуться назад на Кипр, тогда как им самим во всяком случае грозит крайняя опасность.

Между тем Птолемей, узнав в пути об изменившемся решении жителей Птолемаиды, тем не менее поплыл к ним и, прибыв в Сикамин, высадил там свое войско.

Всего у него было, вместе с конницей, около тридцати тысяч человек, которых он и повел к окрестностям Птолемаиды. Тут он расположился лагерем; а так как жители города не только не приняли его посланных, но и не стали слушать их, то это его весьма озаботило.

4. Когда к нему явились Зоил и представители города Газы с просьбой вступить с ними в союз для борьбы против иудеев и Александра, разорвавших их область, Александр испугался Птолемея и снял осаду. Уведя свое войско домой, он теперь обратился к хитрости, тайно послав к Клеопатре просьбу оказать поддержку против Птолемея и в то же самое время делая вид, будто заключает с последним дружбу и союз. При этом он обещал уплатить Птолемею четыреста талантов, если тот подчинит ему правителя Зоила и присоединит его владения к Иудее.

Птолемей тогда охотно заключил дружественный союз с Александром и подчинил ему Зоила; но когда он впоследствии узнал, что Александр тайно обращался к матери его, Клеопатре, за содействием, он счел себя свободным от всяких по отношению к нему обязательств, отправился к Птолемаиде и осадил ее за то, что жители этого города не приняли его к себе. Осаду он поручил своим полководцам, которым предоставил с этой целью часть своего войска, а сам он с остальными солдатами принялся покорять Иудею.

Но так как Александр [вовремя] узнал о намерении Птолемея, то и он собрал около пятидесяти тысяч воинов, а по данным у некоторых историков, даже восемьдесят тысяч, и с этой ратью двинулся на Птолемея. Тогда последний неожиданно напал на галилейский город Асохис, взял его штурмом в одну из суббот и увел и унес оттуда около десяти тысяч пленных и значительную добычу.

5. Попробовав сделать то же самое с городом Сепфорисом, отстоявшим недалеко от разрушенного Асохиса, он, однако, потерял здесь множество войска и [потому] пошел войной на Александра. Последний встретился с ним около реки Иордан, в местности, носящей название Асофон, в непосредственной близости около реки Иордан, и расположился лагерем вблизи врагов. У Александра, между прочим, было до восьми тысяч солдат, которым он дал название гекатонтамахов⁸⁶⁰ и которые были снабжены медными щитами. Впрочем, и у передовых бойцов Птолемея имелись медные щиты. И хотя противники уступали во многом иудеям, все-таки солдаты Птолемея с большой уверенностью шли на опасность, потому что их воодушевлял специалист по военной тактике Филостефан, который распорядился переправить войско с того берега реки, где оно расположилось станом, на противоположный. Впрочем, Александр решил не препятствовать этому переходу, потому что он рассчитывал, что, если река останется у них в тылу, ему легче будет захватить врагов, которые тогда будут лишены возможности бегства.

Когда противники сошлись, вначале с обеих сторон мужество и энергия были выказаны одинаковые и множество воинов пало, как там, так и здесь. Когда же победа стала склоняться в пользу воинов Александра, Филостефан разделил свою рать и очень удачно послал подкрепление отступавшим. Часть иудеев дрогнула, и так как ей не было оказано поддержки, то она ударилась в бегство, причем близстоящие отряды не только не поддержали их, но тоже обратились в бегство, тогда как войска Птолемея поступили как раз наоборот. Следуя за иудеями, которые в конце концов все бросились бежать, они стали так рубить бегущих, что мечи их наконец притупились и руки устали. Таким образом пало, как говорят, тридцать тысяч иудеев (Тимаген даже говорит о пятидесяти тысячах убитых), остальные же либо попали в плен, либо бежали на родину.

6. После этой победы Птолемей напал на окрестности и, при наступлении вечера, остановился в некоторых иудейских деревнях, которые нашел полными женщин и детей. Тогда

он приказал своим воинам всех их перерезать и разрубить на мелкие части, а последние затем бросить в котлы с кипятком. После этого он удалился. Он сделал это распоряжение с той целью, чтобы беглецы, вернувшись из битвы домой, предположили, что враги их людоеды, и при представившемся их взорам зрелище еще более исполнялись страха перед ними. О таких действиях [Птолемея] рассказывают, подобно мне, также и Страбон и Николай [Дамасский].

После этого Птолемей штурмом овладел также и Птолемаидой, как это сообщено мной в другом месте [861](#).

1. Когда Клеопатра увидела, как усиливается могущество ее сына, который беспрепятственно разорял Иудею и успел подчинить своей власти город Газу, она не могла спокойно отнестись к тому, что Птолемей как бы уже находится перед воротами в ее царство и, благодаря своей силе, нагоняет страх на Египет. Поэтому она немедленно выступила против него с флотом и войском, назначив начальниками над всеми своими силами иудеев Хелкию и Ананию⁸⁶².

Главные же свои богатства, внуков своих и духовное завещание она отправила на остров Кос для сохранения. Дав затем своему сыну, Александру, повеление отплыть с огромным флотом в Финикию, сама Клеопатра со всем войском прибыла к Птолемаиде. Но так как жители последней не захотели принять ее к себе, то она приступила к осаде города.

Тем временем Птолемей покинул Сирию и внезапно поспешил в Египет, рассчитывая овладеть им теперь, когда в нем не было более войска. Однако ему пришлось ошибиться в своем расчете. Около этого же времени Хелкия, один из двух военачальников Клеопатры, умер в Келесирии, преследуя Птолемея.

2. Клеопатра, узнав о попытке своего сына относительно Египта и о том, что попытка эта совершенно не удалась ему, отправила туда часть своего войска и изгнала его из страны. Таким образом, ему вновь пришлось покинуть Египет и провести зиму в Газе, между тем как гарнизон Птолемаиды не выдержал осады и Клеопатре удалось взять город.

Не имея другой защиты, кроме Клеопатры, и сильно пострадав от ее сына, Птолемея, Александр Яннай прибыл к царице с дарами и оказал ей те знаки уважения, которых она была достойна. Тогда некоторые из приближенных царицы посоветовали ей принять дары, но в то же самое время напасть на Иудею, овладеть ею и не забывать того, что от этого одного человека находится в зависимости такое значительное количество храбрых воинов. Однако Анания воспротивился их убеждениям, указывая на то, что царица поступит несправедливо, если лишит власти союзника своего, который вдобавок является единоплеменником. «Знай,- сказал он ей при этом,- что если ты обидишь его, то возбудишь против себя ненависть со стороны всех нас, иудеев».

Благодаря такому совету Анании Клеопатра решила не трогать Александра и даже заключила с ним дружественный союз в Келесирии, в городе Скифополисе.

3. Избавившись таким образом от страха перед Птолемеем, Александр Яннай немедленно двинулся походом на Келесирию. Тут он после десятимесячной осады взял Гадару, а также Амафунт, значительнейшую крепость на Иордане, где сын Зенона, Теодор, сохранял тогда самые лучшие и ценные свои сокровища. Однако Теодор неожиданно нагрянул на иудеев, перебил из них десять тысяч человек и разграбил обоз Александра. Однако последний не испугался этого, а направился в приморские области, Рафию и Анфедон, который царь Ирод впоследствии переименовал в Агриппиаду. Последний город ему удалось взять приступом. Видя затем, что Птолемей ушел из Газы на Кипр, а мать его, Клеопатра, вернулась в Египет, он в гневе на жителей Газы за то, что они призвали к себе на помощь Птолемея, приступил к осаде также и этого города и стал разорять всю примыкавшую к нему область. Однако военачальник Газы напал ночью во главе двух тысяч наемников и десяти тысяч жителей на иудейский лагерь. Пока было темно, победа оставалась на стороне горожан, потому что в иудеях им удалось поселить уверенность, будто на них напал Птолемей. Когда же рассвело, ошибка эта обнаружилась, и иудеи увидели, с кем имеют дело; иудеи подбодрились, налегли на жителей Газы и перебили до тысячи человек их. Тем не менее горожане стойко выдерживали нападение

и не сдавались, несмотря на отчаянное положение и на массу убиваемых иудеями людей (они предпочитали вынести все, только бы не подчиниться врагам своим). Кроме того, они крепились в надежде на то, что знаменитый арабский царь Арета явится и окажет им поддержку. Впрочем, раньше этого Аполлодоту пришлось погибнуть: брат его Лисимах, относившийся к нему с завистью вследствие его популярности у граждан города, умертвил его. Затем он склонил на свою сторону войско и сдал город Александру. Этот, войдя в город, сперва воздержался от всякого насилия, но затем напустил войско на жителей Газы и разрешил ему наказывать их. Солдаты повсюду ринулись на жителей города и стали умерщвлять их. Впрочем, и горожане оказались не робкими и, оказывая сопротивление нападавшим на них иудеям, перебили немалое число их. Некоторые из них покидали дома свои и зажигали их при этом, чтобы ничего из имущества не попало в руки врагов. Другие самолично убивали своих жен и детей, не видя другой возможности спасти их от рабства у врагов. Городской совет, состоявший из пятисот членов и как раз заседавший в то время, когда произошло нападение на жителей, в полном составе бежал в храм Аполлона и искал там убежища. Однако Александр велел перебить и этих людей и, предав затем город пламени, вернулся в Иерусалим после годичной осады Газы.

4. Около того же времени умер и Антиох Грип, коварно убитый неким злоумышленником Гераклеоном; прожил он всего сорок пять лет и был царем двадцать девять. Преемником его стал сын его, Селевк⁸⁶³, который начал войну с дядей своим, Антиохом Кизикийским, победил его, захватил в плен и велел казнить. Немного спустя сын последнего, Антиох, прозванный Благочестивым⁸⁶⁴, прибыл в Арад, провозгласил себя царем и пошел войной на Селевка, которого ему наконец удалось победить и совершенно изгнать из Сирии. Тогда Селевк бежал в Киликию и, прибыв в город Мопсуэсту, вновь стал требовать от жителей денег. За это чернь города рассердилась на него, подожгла его дворец и умертвила его и приверженцев его.

Пока сын Антиоха Кизикийского правил в Сирии, брат Селевка, Антиох, пошел на него войной, но был побежден и погиб со своим войском. После него брат его, Филипп, возложил на себя корону и стал править одной частью Сирии. В то же время Птолемей Лафур послал в Книд за четвертым его братом Деметрием, носившим прозвище Эвкера⁸⁶⁵, и провозгласил его царем в Дамаске. Антиох оказывал этим двум братьям сильное сопротивление, но вскоре умер, потому что нашел геройскую смерть в бою с парфянами, оказывая поддержку самийской царице Лаодике. Тогда Сирией стали владеть оба брата Деметрий и Филипп, как об этом сказано нами в другом месте⁸⁶⁶.

5. Между тем на Александра восстали его подчиненные (так как народ был возбужден против него): когда наступил праздник и Александр приблизился к алтарю, чтобы принести жертву, они стали кидать в него лимонами; дело в том, что, как нам пришлось уже упоминать в другом месте⁸⁶⁷, у иудеев был обычай держать в руках в праздник Кущей ветки финиковых пальм и лимонных деревьев. Кроме того, народ стал поносить его, что он родился от военнопленных родителей и потому не может быть признан достойным чести совершать жертвоприношения.

Рассердившись на это, Александр велел перебить до шести тысяч человек и, кроме того, распорядился отделить деревянной перегородкой алтарь и часть храма вплоть до того места, куда имели право доступа одни лишь священнослужители. Этим он оградил себя от оскорблений черни.

В то же время он содержал наемные писидийские⁸⁶⁸ и киликийские войска. С сирийцами же он не желал иметь никакого дела, потому что они питали к нему неприязнь. Затем он напал на живших в Аравии моавитян и галаадцев и сделал их своими данниками, равно как разрушил Амафунт, причем Теодор не посмел сразиться с ним. После этого он вступил в борьбу с

арабским царем Обедом⁸⁶⁹, но очутился в засаде в тесном и труднопроходимом месте. Множество верблюдов вогнало его в глубокую ложбину около галаадской деревни Гадары, и он едва спасся оттуда бегством в Иерусалим. К довершению его несчастья народ тут восстал против него, и он вступил с ним в ожесточенную борьбу, длившуюся шесть лет, в течение которых он перебил не менее пятидесяти тысяч иудеев. Несмотря на его увещания прекратить против него неприязненные действия, народ не унимался, но еще более стал его ненавидеть за все свои несчастья. Когда же он предложил им высказаться, чего им собственно нужно, все потребовали его смерти. Затем иудеи призвали к себе на выручку Деметрия Эвкера.

1. Деметрий действительно явился со своим войском, принял в него тех, которые призвали его, и расположился лагерем в окрестностях города Сикима (Сихема). Александр двинулся во главе 6200 наемников и около 20 000 приверженцев своих из иудеев ⁸⁷⁰ навстречу Деметрию, в распоряжении которого находилось три тысячи всадников и сорок тысяч пехоты. Тогда с обеих сторон были пущены в ход всевозможные средства, чтобы склонить наемные войска Александра на сторону Деметрия указанием того, что они эллины, а от Деметрия отвратить иудеев. Но когда ни те, ни другие не поддались этим убеждениям и предпочли сразиться, победа осталась за Деметрием. Тут пали все наемники Александра, являя редкий пример верности и храбрости; впрочем, и Деметрий потерял многих из своих воинов.

2. Когда же Александр бежал в горы, то из жалости к переменчивой судьбе под его знаменами собралось шесть тысяч иудеев. Испугавшись последних, Деметрий тогда отступил. Однако после этого иудеи начали войну с Александром, но проиграли сражение, и множество их пало в битве. Потом Александр запер самых влиятельных из иудеев в городе Вифоме и обложил его осадой. Взяв затем город и овладев иудеями, он отвел их в Иерусалим и учинил над ними ужасное дело: находясь со своими наложницами в уединенном уголке и пируя там с ними, он велел распять около восьмисот иудеев и перерезать на виду их всех жен и детей. Таким образом он наказал их за все причиненные ему огорчения, и этот способ возмездия превзошел все, что когда-либо совершалось в этом роде. Правда, он чрезмерно и более чем следует пострадал [в своей жизни] от иудеев, которые угрожали ему постоянными войнами и довели его до крайнего страха за жизнь и за целостность царства, так как они не удовлетворились сами сражаться за себя, но даже повели на него толпу иноземцев и наконец настолько стеснили его, что ему пришлось уступить царю [сирийскому] все владения моавитские, галаадские и прочие области Аравии, которые он себе подчинил, и все это для того, чтобы царь не оказал иудеям поддержки в войне их с ним. Кроме того, иудеи десятки тысяч раз глумились и насмехались над ним. Однако, как бы там ни было, поступать так было явно нелепо, и за свою чрезмерную жестокость он получил от иудеев прозвище Фракида ⁸⁷¹. Все его противники, число которых доходило до восьми тысяч человек, ночью бежали и находились в изгнании в течение всего того времени, что Александр был жив. Этот же, освободясь от их угроз, правил остальное время в полном спокойствии.

3. Между тем Деметрий, покинув Иудею, пошел к городу Верее и с десятью тысячами пехотинцев и тысячью всадников приступил к осаде ее, причем там находился его брат, Филипп. Тогда союзник Филиппа, владетельный князь Верей, Стратон, призвал на помощь Зиза, князя одного арабского племени, равно как Митридата Синака, властелина парфянского ⁸⁷². Последние прибыли с огромным войском и стали осаждать Деметрия в его же окопах. Тут их метательные снаряды, равно как недостаток воды у осажденных, принудили последних сдаться. Опустошив всю страну и захватив в плен Деметрия, они отправили его к тогдашнему парфянскому царю Митридату, а всех тех военнопленных, которые были антиохийцами, они отдали антиохийцам без выкупа.

Парфянский царь Митридат оказывал Деметрию всякие почести, пока Деметрий не впал в болезнь и не умер. Филипп же немедленно после битвы двинулся на Антиохию, занял ее и стал царствовать над Сирией ⁸⁷³.

1. Затем брат Филиппа, Антиох, носивший прозвище Диониса, желая овладеть престолом, явился в Дамаск, забрал там все в свои руки и стал царствовать⁸⁷⁴. Пока он ходил войной на арабов, об этом узнал его брат Филипп и двинулся на Дамаск. Некий же Милезий, который был оставлен для охраны дамасской крепости, передал ему город. Но так как Филипп оказался по отношению к Милезию неблагодарным и не даровал ему ничего из того, на что тот рассчитывал при впуске его в город, и так как Филиппу было желательно, чтобы казалось, что он взял город, наведя страх на жителей, а не обязан был этим приобретением любезности Милезия, то он навлек на себя нерасположение [жителей] и вскоре должен был покинуть Дамаск. Дело было так: когда он однажды отправился на ипподром, Милезий запер город и стал оберегать последний для Антиоха.

Когда же Антиох узнал о предприятии Филиппа, то вернулся из Аравии и двинулся немедленно в Иудею во главе восьми тысяч тяжеловооруженных воинов и восьмисот всадников. Испугавшись его нападения, Александр стал рыть глубокий ров от самого города Хавррзавы, носящей теперь имя Антипатриды, до Яффского залива, т.е. в той местности, которая одна только и представляла опасность в смысле нападения; равным образом он воздвиг стену с деревянными башнями и с бойницами на расстоянии полутора стадий и стал ожидать нашествия Антиоха. Последний, однако, поджег все эти сооружения и перевел затем по этой местности войско свое в Аравию. Сперва царь арабский отступил, но затем внезапно вновь появился с десятью тысячами всадников. Выступив навстречу им, Антиох вступил с ними в ожесточенный бой, одержал верх, но вместе с тем сам пал мертвый, подавая помощь части войска, находившейся в опасности. Когда пал Антиох, войско его бросилось бежать в деревню Кану, где большинство воинов погибло от голода.

2. После него царем Келесирии стал Арета, которого призвали на царство войска, занимавшие Дамаск; к тому побудила их ненависть к Птолемию Меннаю⁸⁷⁵. Напав отсюда на Иудею, Арета разбил Александра в сражении при Аддиде, но затем, на основании заключенного договора, вновь удалился из Иудеи.

3. Затем Александр, в свою очередь, двинулся на город Дий, взял его и пошел на Весу, где в то время находились главные сокровища Зенона. Окружив этот город тройною стеною, он овладел им и двинулся на города Гауланию и Селевкию. Заняв эти пункты, он овладел также так называемым Антиоховым ущельем и крепостью Гамалою. Здесь он под всевозможными предложениями совершенно ограбил правителя тех мест Деметрия и затем возвратился, после трехлетнего отсутствия, на родину, где иудеи приняли его с радостью благодаря его военным удачам.

4. Около этого же времени иудеи успели овладеть целым рядом сирийских, идумейских и финикийских городов, а именно приморскими городами: Башнею Стратоновою, Аполлонию, Яффою, Ямнию, Азотом, Газою, Афедоном, Рафиию, Ринокорурой; на суше, вблизи границ Идумеи, Адорюю, Мариссою и вообще всею Идумею, Самариею, горою Кармилом и Итавирийским хребтом, Скифополисом, Гадарою, Гавланитидою, Селевкию, Гавалою, моавитскими городами: Ессевоном, Медавою, Лемвою, ороном, Телифоном, Зарою, ущельем Киликийским, Пеллою (этот город они разрушили до основания, так как жители не согласились принять иудейские обычаи) и другими главнейшими сирийскими городами, которые они уничтожали дотла.

5. После этого царь Александр впал, вследствие невоздержанности в вине, в болезнь и хотя в течение трех лет страдал перемежающейся (через четыре дня) лихорадкою, однако не

отказывался от своих походов, пока не умер от истощения в горах Герасинских во время осады крепости Рагавы по ту сторону Иордана.

Когда царица увидела его столь близким к смерти и убедилась, что более уже нет никакой надежды на его спасение, то она, ударяя себя в грудь и плача, стала убиваться по поводу предстоявшего ей и ее детям одиночества и сказала мужу: «На кого оставляешь ты теперь меня и детей, столь нуждающихся в поддержке, и как отнесется ко всему этому народ, столь тебя ненавидящий, когда узнает о твоей смерти?» На это царь просил ее слушаться его советов, а именно крепко с детьми держаться престола и скрыть от солдат его смерть, пока город не будет взят; затем же, когда она после блестящей победы вернется в Иерусалим, предоставить фарисеям какую-нибудь привилегию, ибо если последние станут хвалить ее за дарованную им милость, то тем самым они расположат и народ в ее пользу. При этом царь заметил, что фарисеи могут сильно повредить в глазах иудеев тому, кто относится к ним недружелюбно, равно как могут оказать поддержку тому, кто к ним отнесется ласково. Дело в том, что народ им очень верит, если они из зависти говорят о ком-нибудь дурно; этому примером является он сам, так как они, униженные им, поссорили его с народом.

«Итак, ты,- сказал он,- по прибытии в Иерусалим, призови к себе самых влиятельных из них (фарисеев), покажи им мой труп и предоставь им поступить с ним как угодно, захотят ли они лишить меня погребения за все нанесенные им мною обиды, или как-нибудь иначе в гневе опозорить меня. При этом обещай им не предпринимать ничего в делах правления помимо совета их. И вот, если ты так скажешь им, то они и меня удостоят более почетных похорон, чем могла бы ты устроить мне, так как они уже более не захотят обидеть мертвого, да и ты будешь править спокойно».

С этим советом жене своей царь умер, процарствовав двадцать семь лет и прожив без одного года пятьдесят лет⁸⁷⁶.

1. Между тем Александре удалось взять крепость, и затем она обратилась к фарисеям сообразно указанию своего покойного мужа; передав им труп последнего и бразды правления, она успокоила гнев фарисеев на Александра и вместе с тем окончательно расположила их к себе. Фарисеи стали после этого распространять в народе добрую славу о деяниях Александра и уверяли народ, что у них погиб праведный царь. Этим они так разжалобили и своими похвалами так настроили народ, что последний почтил царя своего более торжественными похоронами, чем кого-либо из предшествовавших правителей.

Александр оставил после себя двух сыновей, Гиркана и Аристобула, а царство передал Александре. Из сыновей этих Гиркан был неспособен к государственным делам и более всего предпочитал мир и спокойный образ жизни, тогда как младший, Аристобул, был энергичнее и предприимчивее его. Вместе с тем царица сумела снискать себе расположение народа тем, что открыто выказывала свое несочувствие ко всему тому, что предпринимал столь ошибочно ее покойный муж.

2. Царица назначила первосвященником сына своего, Гиркана, как вследствие его возраста, так еще более для того, чтобы наполнить чем-нибудь его досуг. Вместе с тем она передала все дела фарисеям, повиноваться которым повелела и народу, причем вновь санкционировала все те дополнения фарисеев к установленному закону, которые были введены фарисеями и затем отменены ее свекром, Гирканом. Таким образом она носила лишь имя царицы, вся же власть на самом деле была в руках фарисеев. Последние возвращали изгнанников на родину, освобождали заключенных, одним словом, ни чем не отличались от настоящих правителей.

Впрочем, и царица не совсем оставляла своих забот о государстве. Она набрала огромное войско из наемников и значительно расширила свою власть, побив окрестных владетелей и взяв с них заложников. Тем временем вся страна жила в глубоком мире; волновались одни только фарисеи. Они стали терроризировать царицу, убеждая ее перебить всех тех, кто посоветовал Александру избиение восьмисот [фарисеев]. Затем они убили одного из таких людей, некоего Диогена, а после него последовательно еще несколько человек, пока некоторые из [наиболее] влиятельных лиц не явились во дворец. В числе их находился и Аристобул (он открыто порицал все случившееся и заявил, что, безусловно, когда только сможет, воспротивится начинаниям своей матери). Все эти лица напомнили [царице], сколько претерпели они во время опасностей войны и как они всегда являли государю своему верность, за что и удостоивались со стороны его величайшего почета; при этом они просили царицу не лишать их последней надежды и не предоставлять их безнаказанному избиению, подобно скотине, у себя дома после того, как им удалось избежать опасностей войны. Если враги, говорили они, удовлетворятся числом пока загубленных жертв, то они из уважения к царскому дому спокойно перенесут все случившееся; если же те безобразия повторятся, то они просят об увольнении. Помимо ее, царицы, у них нет спасения, и потому они даже были бы готовы умереть в ее дворце, если бы она не простила их ухода. Впрочем, как для них, так и для самой царицы будет позором, если они, отстраненные ею, найдут приют у врагов ее мужа. Они встретят наверное в высшей степени радушный и почетный прием у арабского князя Ареты и у других правителей, которые будут рады увидеть на своей стороне стольких мужей, при произнесении одного только имени коих они еще так недавно содрогались. Если же она на это не согласна и предпочитает другое, именно отдаться во власть фарисеев, то пусть она каждого из них назначит начальником какой-либо крепости, ибо, если уже раз такое несчастье постигло дом Александра, они готовы проводить жизнь свою хотя бы в жалкой и низкой должности⁸⁷⁷.

3. Так как они еще долго и много говорили на эту тему и призывали дух Александра сжалиться над умершими и подвергавшимися такой же участи, то все окружающие разразились слезами. Особенно непринужденно высказывал свое мнение Аристокбул и при этом отнюдь не щадил своей матери. Между тем придворные, собственно говоря, были сами виноваты в постигшем их несчастье, тем что наперекор обычаю предоставили властолюбивой женщине править государством, тогда как у нее был вполне подходящий для этого сын. Не зная, как с честью выйти из этого затруднительного положения, царица доверила им тогда охрану различных местностей, кроме, впрочем, Гиркании, Александриона и Махерона, где она держала свои драгоценности. Немного спустя она отправила сына своего, Аристокбула, в поход против Дамаска, против Птолемея Менная, который являлся тяжелым для города соседом...

4. Однако Аристокбулу пришлось вернуться, не совершив ничего достопримечательного. Около того же самого времени пришло известие, что армянский царь Тигран⁸⁷⁸ ворвался с трехсоттысячным войском в Сирию и собирается прибыть в Иудею. Это, вполне естественно, испугало царицу и народ, и потому, пока царь осаждал Птолемаиду, к нему было отправлено посольство со многими ценными дарами. В то время Сирию правила царица Селена, иначе называвшаяся Клеопатрою. Она-то и уговорила жителей Птолемаиды закрыть перед Тиграном городские ворота. И вот посланные явились к Тиграну и стали просить его пощадить царицу и их народ, он же благосклонно принял их, ибо они явились столь издалека для выражения своей покорности, и обещал им свою милость.

Впрочем, Тигран только что успел взять Птолемаиду, как ему было донесено, что Лукулл⁸⁷⁹, находясь в погоне за Митридатом, упустил его, потому что Митридат⁸⁸⁰ спасся бегством в Иверию⁸⁸¹ и теперь грабит Армению и старается овладеть ею. При этом известии Тигран немедленно поспешил к себе домой.

5. Вскоре после этого царица [Александра] впала в тяжкую болезнь, и тогда Аристокбул решил овладеть правлением. Поэтому он однажды ночью, в сопровождении одного только слуги, отправился к тем крепостям, где находились преданные ему отцовские друзья его. Если он уже раньше был крайне недоволен мероприятиями своей матери, то теперь он очень опасался, как бы, с ее смертью, вся семья не подпала окончательно влиянию фарисеев. Он отлично сознавал полную невозможность передачи правления брату. Об этом предприятии Аристокбула знала одна лишь жена его, которую он с детьми оставил тут в городе.

Сначала он прибыл в Агаву, где жил один из самых влиятельных приверженцев его, Галест, и тут нашел приют.

Когда под утро царице было донесено об исчезновении Аристокбула, она пока вовсе не думала приводить этот факт в связь со стремлением сына совершить государственный переворот. Когда же затем постепенно стали прибывать друг за другом новые лица с извещением, что Аристокбул овладел первым укреплением, затем вторым и всеми остальными (дело в том, что, покончив с первою крепостью, он тем самым немедленно овладел и всеми прочими), тогда и царицу и весь народ обуяло величайшее беспокойство. Все боялись, что весьма скоро Аристокбул будет в состоянии захватить всю власть, и особенно опасались мести с его стороны за оскорбления, нанесенные его дому. Предварительно было решено заключить жену и семью Аристокбула в крепость около святилища.

Между тем около Аристокбула собралась такая значительная толпа приверженцев, что он уже стал походить на настоящего царя. Менее чем за пятнадцать дней он овладел двадцатью двумя городами, что дало ему возможность набрать войско на Ливане, в Трахонее и от соседних правителей. Так как люди вообще охотно примыкают к более могущественному, то и в этом случае легко подчинялись Аристокбулу; кроме того, поддержав его теперь при не вполне выяснившемся положении дел, рассчитывали извлечь впоследствии пользу, когда он станет

царем, потому что царство будет им добыто при помощи их.

Тогда старейшины иудейские и Гиркан явились к царице и просили ее высказать свое мнение относительно положения дел в настоящий момент. Аристокбул, овладев таким множеством пунктов, фактически почти уже безгранично владел всем; и хотя царица теперь так тяжело больна, они все-таки считают неуместным решать что бы то ни было помимо ее, пока она еще жива; между тем опасность, угрожающая им, уже не за горами.

На это царица предоставила им решить и поступить по их усмотрению, указав на то, что в их распоряжении имеется еще целый ряд значительных средств, а именно: сильный народ, войско и богатая казна. Она же сама мало интересуется делами, так как тело ее уже сокрушено.

6. Вскоре после этого царица умерла, процарствовав девять лет и прожив семьдесят три года⁸⁸², ничем не уступавшая, несмотря на свой пол, мужчине по силе характера. Преисполненная ненасытным властолюбием, она в серьезнейших положениях жизни явила на практике доказательство того, как тверда была ее воля и как неразумны мужчины, терпящие крушение в государственных делах. Так как она всегда придавала большее значение настоящему, чем будущему, и на первом плане ставила неограниченную власть свою, она не заботилась ни о прекрасном, ни о справедливом. Таким образом, она своими отнюдь не приличествовавшими именно женщине вкусами довела свой дом до того, что он вскоре утратил могущество, добытое столькими трудностями и опасностями, потому что она добровольно подчинилась влиянию тех, кто был неприязненно настроен против ее семьи, и лишила правительство искренне заботливых и преданных друзей. Таким образом она наполнила дом свой бедствиями и смятением и своими поступками навлекла несчастье на всю свою династию даже после своей смерти. И все-таки, несмотря на такое правление, она сохранила для народа своего мир. Так окончилась деятельность царицы Александры. Теперь же, в следующей своей книге, я собираюсь рассказать о судьбе, постигшей после ее смерти сыновей ее, Аристокбула и Гиркана.

Предисловие

Книга посвящена событиям в Иудее от начала правления Аристовула II (67 г. до н.э.) до утверждения на царском престоле Ирода I и казни последнего правителя из хасмонейской династии Антигона (37 г. до н.э.). Историю Иудеи Иосиф Флавий излагает в тесной связи с историей Рима. Главная сюжетная линия — это покорение Иудеи Римом. Здесь фигурируют Помпей, Красс, Юлий Цезарь, Марк Антоний, Октавиан. Особым достоинством этой книги является обильное цитирование Иосифом множества официальных документов, касающихся Иудеи и евреев диаспоры, чего нет в других источниках.

1. О деяниях царицы Александры и о ее смерти мы рассказали в предшествующей нашей книге. Теперь нам следует непосредственно перейти к ближайшим к этому событиям, причем придется обратить все внимание на то, чтобы не упустить ничего, ни одной подробности, ни по неведению, ни по забывчивости. Ведь читателям необходимо иметь историческое повествование о таких фактах, которые по своей древности большинству совершенно неизвестны, мы же должны по силе возможности украсить этот рассказ чистотою стиля, поскольку это в смысле гармоничности сочетаний отдельных слов зависит от нас, дабы читатели получали сведения в красивой форме и с удовольствием усваивали их; но на первом плане для историков все-таки должна стоять историческая точность и правда, потому что читатели путем чтения их сочинений желают пополнить пробелы своего знания.

2. Когда на третий год сто семьдесят седьмой олимпиады, в консульство Квинта Гортензия и Квинта Метелла⁸⁸³, носившего прозвище Критского, Гиркан стал первосвященником, Аристокбул немедленно объявил ему войну; и вот во время битвы, произошедшей при Иерихоне, многие из солдат [Гиркана] перешли на сторону его брата. Вследствие этого Гиркан бежал в крепость, где в то время были заключены, по распоряжению его матери, как это было нами изложено выше, жена и дети Аристокбула. Последний, однако, между тем успел напасть и захватить своих [главных] противников, искавших спасения в портике святилища. Затем Гиркан вступил в переговоры со своим братом по поводу всего случившегося, и спор их разрешился соглашением в том смысле, что править станет Аристокбул, а самому ему жить вне дел, спокойно пользуясь своими личными средствами. Когда они порешили это в храме, то закрепили свой уговор клятвою и рукобитием, а затем на виду у всего народа обняли друг друга и расстались, причем Аристокбул направился во дворец, а ставший теперь частным человеком Гиркан в [прежнее] жилище Аристокбула.

3. У Гиркана был друг Антипатр, идумеянин родом, который при значительном богатстве обладал весьма энергичным и беспокойным характером; вследствие своего расположения к Гиркану он находился в неприязненных и натянутых отношениях к Аристокбулу. Николай из Дамаска сообщает, что он происходил от первых вернувшихся из Вавилона в Иудею евреев; но это он говорит лишь в угоду сыну его Ироду, который по некоей случайности стал царем иудейским. Об этом [Ироде] мы в свое время побеседуем.

Итак, этот Антипатр первоначально, как и отец его, носил имя Антипа. Отца его царь Александр и жена его назначили начальником над всею Идумсею, а он, как говорят, заключил дружбу с симпатизировавшими ему арабами и жителями Газы и Аскалона, причем склонил их в свою сторону многими богатыми дарами.

И вот Антипатр младший взглянул косо на захват власти Аристокбулом и, боясь, как бы ему самому не пострадать вследствие ненависти к нему Аристокбула, тайно собрал к себе наиболее влиятельных и знатных из иудеев на совещание, причем выставил им на вид, что совершенно невозможно спокойно взирать на то, что Аристокбул незаконно захватил власть, лишив ее своего старшего и вследствие этого старшинства гораздо более правоспособного брата. Точно такие же речи он постоянно твердил и Гиркану и указывал ему при этом на то, что он подвергает свою жизнь опасности, если не оградить себя бегством. Дело в том, говорил он, что друзья Аристокбула не пропускают ни одного случая, чтобы не советовать ему умертвить брата, так как только в таком случае он сможет прочно укрепить за собою власть. Однако Гиркан не придавал веры этим речам, потому что он по природе был честным человеком и по своей порядочности нелегко склонялся на сторону клеветы. Кроме того, его бездеятельность и

умственная вялость вызывали у всех представление о нем как о человеке слабом и немужественном, тогда как Аристокбул был как раз обратного нрава, человеком предприимчивым и смелым.

4. И вот, когда Антипатр увидел, что Гиркан не склоняется на его речи, он не пропускал ни единого дня без того, чтобы не наговорить ему на брата и не убеждать его в том, что Аристокбул собирается его умертвить. Лишь после настойчивых просьб ему удалось склонить его к бегству к арабскому царю Арете. При этом он обещал ему помощь последнего, если он согласится внять его просьбам. Ввиду этого [Гиркан] действительно признал бегство к Арете весьма полезным, тем более, что Аравия граничит с Иудеею. Впрочем, сперва Гиркан послал к арабскому царю Антипатра, которому поручил взять с царя клятвенное уверение, что тот его не выдаст врагам, если он явится к нему с просьбою об убежище. Получив от арабского царя нужное обещание, Антипатр вернулся к Гиркану в Иерусалим и немного спустя вместе с ним покинул город ночью и после продолжительного путешествия прибыл с ним в так называемую Петру, резиденцию Ареты. Будучи очень дружен с царем, Антипатр стал его уговаривать вернуть Гиркану Иудею; делая это беспрестанно, ежедневно, и подкрепляя слова свои подарками, он наконец склонил Арету. Впрочем, и Гиркан обещал последнему, в случае, если удастся вернуться в страну и вновь овладеть престолом, отдать ему область с двенадцатью городами, которую отец его, Александр, отнял у арабов. Города эти были следующие: Медава, Навалло, Ливиада, Фараваса, Агалла, Афона, Зоара, Орон, Марисса, Ридда, Луса и Орива.

1. Побуждаемый такими [заманчивыми] обещаниями, Арета во главе пятидесятитысячного войска, отчасти конного, отчасти пешего, выступил в поход против Аристобула и победил его в бою. Так как после этой победы многие воины перешли на сторону Гиркана, Аристобул увидел себя покинутым и бежал в Иерусалим. Тогда царь арабский двинулся во главе всего войска за ним к святилищу и приступил к осаде Аристобула. При этом народ, со своей стороны, стал поддерживать Гиркана и помогать ему в осаде [врага], тогда как на стороне Аристобула оставались одни только священнослужители. Между тем Арета распорядился, чтобы арабы и иудеи расположились лагерем рядом, и затем со всем усердием принялся за осаду. Так как все эти события произошли как раз в праздник опресноков, носящий у нас название Пасхи, то наиболее знатные из иудеев покинули теперь страну и бежали в Египет.

Тем временем некий праведный и боголюбивый муж, по имени Хоний, который некогда во время засухи обратился к Предвечному с молитвою о даровании дождя и молитве которого Бог немедленно внял, скрывался, видя, что эта жестокая распря еще нескоро прекратится.

Когда же его привели в лагерь иудеев, то стали упрашивать, чтобы он, как некогда, молитвою своею прекратил бездождие, и теперь проклял Аристобула и его приверженцев. Несмотря на все возражения и просьбы, Хоний был принужден толпою стать посредине ее, затем он сказал: «о, Предвечный, царь всего существующего! Так как окружающие теперь меня — народ, а осаждаемые — твои служители, то я молю Тебя не внимать ни просьбам первых, ни же приводить в исполнение относительно вторых их просьбы».

За эту его молитву ближайшие из стоявших около него гнусных иудеев убили его.

2. Однако Предвечный немедленно наказал их за эту гнусность и следующим образом воздал им за убиение Хония: пока священнослужители и Аристобул подвергались осаде, наступил праздник Пасхи, в который, по нашему обычаю, приносятся Предвечному обильные жертвы. Тогда товарищи Аристобула, нуждаясь в материале для жертвоприношений, обратились к единоверцам с просьбою снабдить их таковыми за какие угодно деньги. Несмотря на то, что единоверцы назначили за каждую голову [жертвенного животного] по 1000 драхм, Аристобул и священнослужители охотно согласились заплатить эту цену и выплатили деньги, спустив их на ремнях со стен. Однако осаждающие, взяв деньги, и не думали отдать за них жертвенных животных, и даже дошли при этом до такой гнусности, что нарушили данное слово и глумились над Предвечным, не выдав просителям нужного для жертвоприношения. Увидев себя таким образом обманутыми, священнослужители стали молить Бога воздать единоверцам по заслугам. Предвечный же не откладывал возмездия, но наслал на страну сильный ураган, который уничтожил все плоды страны, так что модий⁸⁸⁴ зерна стоил тогда одиннадцать драхм.

3. В это время бывший пока еще в Армении Помпей⁸⁸⁵, все еще воевавший с Тиграном, послал в Сирию Скавра. Когда последний прибыл в Дамаск, то нашел там Лоллия и Метелла, которые только что взяли этот город, и потому сам поспешил в Иудею⁸⁸⁶. По прибытии его туда к нему явились посланные как от Аристобула, так и от Гиркана с просьбою оказать поддержку. За это Аристобул обещал заплатить ему четыреста талантов и такую же сумму обещал ему Гиркан. Но Скавр склонился на сторону Аристобула, потому что этот был и богаче, и великодушнее, и менее требователен, тогда как Гиркан был беден и скуп и требовал за свое неопределенное обещание гораздо большего. Большая была разница, насильно ли взять в высшей степени укрепленный и сильный город или же прогнать беглецов с толпою набатейцев, даже не вполне приготовленных к ведению войны.

В силу этих соображений он склонился на сторону Аристобула, получил с него деньги и

освободил его от осады, причем повелел Арете удалиться, иначе он будет объявлен врагом римлян. После этого Скавр вернулся в Дамаск, Аристобул же во главе большого войска двинулся на Арету и Гиркана, сразился с ними при Папироне и разбил их. При этом он перебил до шести тысяч врагов, в числе которых пал и брат Антипатра, Фалион.

1. Через некоторое время Помпей прибыл в Дамаск и посетил Келесирию. Тогда к нему явились посланные от всей Сирии, от Египта и от Иудеи. Аристокбул при этом послал ему крупный подарок, а именно золотой виноградник ценою в пятьсот талантов. Об этом подарке упоминает также каппадокиец Страбон, выражаясь следующим образом: «Из Египта также явилось посольство с венцом стоимостью в четыре тысячи золотых монет, и от иудеев с целым виноградником или садом; это произведение было названо художниками «Усладою».

Это подношение и мы видели в Риме выставленным в святилище капитолийского Юпитера⁸⁸⁷ с надписью: «Принадлежит Александру, царю иудейскому». Оценено оно было в пятьсот талантов, и, по преданию, именно оно и было послано Аристокбулом, правителем иудейским.

2. Немного спустя к Помпею вновь явились посланные, а именно от лица Гиркана Антипатр, а от лица Аристокбула Никодим. Последний стал обвинять во взяточничестве сперва Габиния, а потом Скавра, указывая, что один из них взял триста, а другой четыреста талантов. Этим он увеличил лишь в лице их число врагов Аристокбула.

Приказав спорящим сторонам явиться в другое время, Помпей с наступлением весны вывел войска свои из зимних стоянок и двинулся в область Дамаска. По дороге он разрушил крепость Апамею, которую укрепил кизикиец Антиох, и разгромил владения Птолемея Менная, гнусного человека, который был нисколько не лучше своего родственника, обезглавленного Дионисия из Триполиса, сам же за свои злодеяния он избег кары ценою десяти тысяч талантов, которыми Помпей и выплатил жалованье своим солдатам. После этого Помпей овладел Лифиадою, где властвовал иудей Силас. Затем он прошел через города Гелиополь и Халкиду и, перейдя через хребет, прорезающий Келесирию, вернулся через Пеллу в Дамаск. Тут он занялся также разбором дел иудеев и их споривших между собой вождей, Гиркана и Аристокбула, тем более, что и народ был восстановлен против обоих, не желая подчиняться ни тому, ни другому и мотивируя это тем, что у них существует обычай, в силу которого народ обязан подчиняться лишь священнослужителям почитаемого Бога. Между тем, хотя Гиркан и Аристокбул и потомки священников, они старались ввести другую форму правления, чтобы поработить себе народ. Гиркан обвинял брата в том, что, хотя он, Гиркан, и старше его, был, однако, лишен Аристокбулом права перворождения и владеет небольшою частью страны, тогда как всю остальную насильно захватил Аристокбул. Именно Аристокбул, по его обвинению, совершает постоянные набеги на пограничных соседей, равно как занимается морским разбоем; народ никогда бы не думал восстать против него, если бы Аристокбул не был таким своевольным и беспокойным человеком. Это обвинение поддерживалось более чем тысячею наиболее знатных иудеев, которых привел Антипатр. Аристокбул на это возражал, что виною потери власти брата является характер последнего, его бездеятельность и вследствие этого отсутствие у него авторитетности. Сам он по необходимости принужден был взять власть в свои руки из опасения, как бы ее не утратить вовсе, а теперь правит совершенно так же и на том же основании, как некогда его отец, Александр. Для подтверждения своих слов он сослался на молодых франтов, которых пурпурные одежды, головные прически, запястья и прочие украшения вызывали насмешки, так как эти щеголи явились сюда как будто не на суд, а на какой-то парад.

3. Выслушав их, Помпей признал факт насилия, совершенного Аристокбулом, и затем с ласковыми увещаниями отправил их домой, обещая явиться в их страну и там привести все в порядок, лишь только покончит все с набатейцами. Пока же он просил их держаться спокойно. Вместе с этим он отличил Аристокбула, чтобы удержать его от организации восстания в стране и

от занятия проходов. Впрочем, Аристокбул действительно так и сделал: он не стал ожидать всего того, что ему обещал Помпей, но отправился в город Дий⁸⁸⁸, а оттуда в Иудею.

4. На это Помпей разгневался и, собрав войско, предназначенное для похода против набатеев, равно как вспомогательные отряды из Дамаска и прочей Сирии, во главе всех римских войск двинулся на Аристокбула. Миновав Пеллу и Скифополис, он прибыл в Корею, самый северный город Иудеи, и отсюда отправил в прекрасную, воздвигнутую на вершине горы крепость Александрией, куда бежал Аристокбул, [гонца] с предложением явиться к Помпею. Аристокбул, побуждаемый многими не воевать с римлянами, покинул крепость и, уговорившись с братом относительно дальнейшего правления, вернулся затем, с разрешения Помпея, назад в крепость. Так поступал он и во второй, и в третий раз, постоянно льстя себя надеждою овладеть еще царством и притворяясь покорным исполнителем всех решительно приказаний Помпея, но вместе с тем каждый раз возвращаясь назад в свою крепость, чтобы не лишать себя опоры и иметь возможность готовиться [там] на случай войны, постоянно опасаясь, как бы власть не перешла все-таки к Гиркану. Когда же [в конце концов] Помпей приказал ему сдать крепость и лично поручить это своим военачальникам (иначе нельзя было сделать это), то Аристокбул хотя и повиновался, но сделал это со злобою в сердце, вернулся затем в Иерусалим и стал готовиться [там] к войне. Немного спустя, когда Помпей был уже в пути, собираясь воевать с ним, к Помпею прибыли посланные из Понта с известием о смерти Митридата, павшего от руки собственного своего сына, Фарнака⁸⁸⁹.

1. Расположившись станом около Иерихона, где растут финиковые пальмы и добывается лучший бальзам, вытекающий, если надрезать острым камнем плоды кустарников, откуда и появляется пахучий сок⁸⁹⁰, Помпей затем на заре двинулся к Иерусалиму.

Тогда Аристокбул переменил свое решение, явился к Помпею, обещал ему [значительную] сумму денег и впустил в Иерусалим. При этом он просил его прекратить войну и мирно решить дело, как ему будет угодно. Помпей внял его просьбам и простил его, а затем послал Габиния с военным отрядом в город за деньгами. Впрочем, ни одно из этих обещаний не было приведено в исполнение: Габинию пришлось вернуться без денег и не быв впускенным в город, потому что воины Аристокбула не допустили сделать так, как было уговорено. На это Помпей страшно рассердился: он отдал Аристокбула под стражу и сам двинулся в город, который со всех сторон был очень укреплен и лишь с севера представлял менее надежный оплот; дело в том, что город был окружен широким и глубоким ущельем, шедшим вокруг весьма сильно укрепленного каменной стеною храма.

2. Внутри города тем временем происходил спор партий, не соглашавшихся между собою относительно дальнейшего образа действий: одним казалось лучше всего отдать город Помпею, другие же, именно приверженцы Аристокбула, советовали запереться в городе и воевать, так как Аристокбула держат под стражей. Затем последние предупредили первых, заняли храм и уничтожили мост, который ведет от него к городу; они решились вполне выдержать осаду. Прочие жители впустили [римское] войско и передали Помпею город и царский дворец.

Тогда Помпей послал своего военачальника Пизона с войском для занятия города и дворца и для того, чтобы укреплять дома вблизи и около храма. Сперва он еще предложил заключившимся в храме мирные переговоры, когда же те не приняли его предложения, он окружил стеною все окрестности храма, причем Гиркан охотно помогал ему во всем. Помпей между тем на заре расположился лагерем вблизи северной части святилища, там, где его легче всего можно было взять. Впрочем, и здесь вздымались огромные башни и был проведен ров по ту сторону глубокого ущелья. Сторона, направленная к городу, представляла из себя крутой обрыв, после того как был разрушен мост, около которого расположился Помпей, и поэтому насыпаемый римлянами вал весьма медленно подвигался вперед, причем римлянам приходилось вырубать окрестные леса. После того как вал достиг достаточной вышины и глубокий ров был более или менее засыпан, Помпей придвинул привезенные из Тира осадные орудия и снаряды и, поместив их [на валу], стал осыпать святилище градом камней. Если бы закон наш не повелевал нам не работать по субботним дням, то вал не достиг бы своей вышины, потому что этому воспрепятствовали бы осажденные; дело в том, что закон разрешает отражать наступление и нападение, но не позволяет препятствовать какому-либо другому предприятию неприятелей.

3. Когда римляне заметили это, то они по субботам перестали обстреливать иудеев или вступать с ними в бой, но занимались насыпанием валов и сооружением башен либо придвигали осадные орудия, чтобы на следующий день иметь их под рукой в полной исправности. В сколь высокой мере у нас развито богопочитание и соблюдение законов, видно из того, что священнослужителей не удерживал от отправления своих обязанностей страх перед осадой, но что они ежедневно, дважды, рано утром и около девятого часа, приносили свои жертвы на алтарь и не прекращали этих своих жертвоприношений даже в тех случаях, когда в деле защиты храма от нападений иудеи терпели какую-нибудь неудачу. Так, например, когда город был взят в день поста третьего месяца в сто семьдесят девятую олимпиаду, в консульство Гая Антония и Марка

Туллия Цицерона⁸⁹¹, в то время, как враги ворвались в храм и стали избивать всех там находившихся, священнослужители тем не менее не прерывали своего священнодействия и их не могли принудить к бегству ни страх за свою жизнь, ни множество убитых уже товарищей, потому что они были убеждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенников, чем в чем бы то ни было нарушить предписания законов. А что это не только пустые речи в похвалу ложного благочестия, но истинная правда, это свидетельствуют все историки, повествующие о деяниях Помпея, в том числе и Страбон, и Николай, и вдобавок Ливий, написавший римскую историю⁸⁹².

4. Когда вследствие ударов подведенного тарана обрушилась величайшая башня и образовалась некоторая брешь, враги толпою влились [за стену]. Первым вступил на стену сын Суллы, Корнелий Фауст⁸⁹³, со своими воинами, за ним в другом месте центурион⁸⁹⁴ Фурий со значительным отрядом. Тогда все преисполнилось убийства. Некоторые из иудеев были перерезаны римлянами, другие своими же земляками; были и такие, которые кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели. Таким образом погибло до двенадцати тысяч иудеев; римлян же пало очень немного.

Также и Апсалом, дядя и тесть Аристобула, попал при этом случае в плен. Сильное поругание постигло тогда и святилище, которое до этого было закрыто и невидимо. Дело в том, что туда проникли Помпей и немалое число его товарищей и узрели то, что не было разрешено видеть никому, кроме первосвященников. Несмотря на то что он нашел здесь золотую трапезу⁸⁹⁵ со светильником, жертвенные чаши и множество курений, да, кроме того, в казне еще около двух тысяч талантов священных денег, он, в силу своего благочестия, ничего этого не тронул, но поступил так, как того и следовало ожидать от его добродетели⁸⁹⁶.

Повелев на следующий день храмовым прислужникам очистить храм и принести Предвечному установленные жертвы, он передал первосвященство Гиркану за множество оказанных им услуг и, между прочим, за ту услугу, которую он оказал ему, удержав живших в той местности иудеев от союза с Аристобулом; затем он распорядился отрубить головы виновникам войны и наградил Фауста и остальных его товарищей, которые храбро взобрались [первыми] на стену, соответственными знаками отличия⁸⁹⁷.

Иерусалим он заставил платить дань римлянам, те же города Келесирии, которые прежде находились в зависимости от жителей Иерусалима, он занял сам и подчинил их собственному полководцу, народ же весь [иудейский], дошедший прежде до высокой степени могущества и распространения, он втиснул обратно в пределы его страны. Незадолго перед тем разрушенный город Гадару он велел вновь отстроить в угоду своему вольноотпущеннику Деметрию гадарскому, остальные же города, Гиппос, Скифополис, Пеллу, Дий, Самарию, Мариссу, Азот, Ямнию и Арефусу, вернул прежним обитателям. Все эти расположенные внутри страны города, исключая те, которые были окончательно разрушены, равно как приморские: Газу, Яффу, Дору и Стратонову Башню, которая, великолепно отстроенная Иродом и украшенная гаванями и храмами, была теперь переименована в Кесарию,- все эти города Помпей объявил независимыми и включил их в состав [римской] провинции⁸⁹⁸.

5. Виновниками этого бедствия, постигшего Иерусалим, являлись Гиркан и Аристобул, ссорившиеся между собою. Теперь мы утратили свою свободу и стали подвластны римлянам, теперь нам пришлось поневоле вернуть сирийцам страну, которую мы отняли у них силою нашего оружия; кроме того, римляне в короткое время получили с нас более десяти тысяч талантов, а царская власть, которая прежде предоставлялась в виде почета родовитым первосвященникам, теперь стала уделом мужей из простонародья. Впрочем, об этом нам еще придется говорить в своем месте. Между тем Помпей, передав Скавру Келесирию до реки

Евфрата и Египта и оставив ему два римских легиона⁸⁹⁹, направился в Киликию, чтобы скорее вернуться в [Рим](#). Вместе с ним ехал в оковах также и Аристокбул с его семейством; у Аристокбула было две дочери и столько же сыновей; из последних один, Александр, по дороге бежал, младший же, Антигон, вместе со своими сестрами был доставлен в [Рим](#).

1. Между тем Скавр предпринял поход на аравийскую Петру, и, так как ее было трудно взять и он кругом нее опустошил всю страну, войску его пришлось страдать от голода. Тогда, по распоряжению Гиркана, Антипатр доставил ему из Иудеи хлеба и всего, в чем Скавр нуждался. Когда же Скавр послал Антипатра к Арете, с которым он находился в дружественных отношениях, в качестве посла, то Антипатр убедил его заплатить Скавру известную сумму денег за прекращение опустошения страны и сам явился поручителем в сумме трехсот талантов. На этих условиях Скавр прекратил войну, впрочем, не столько по желанию Ареты, сколько потому, что и сам давно хотел этого.

2. Когда впоследствии сын Аристобула, Александр, объезжал Иудею, то в Сирию прибыл претором римским Габиний⁹⁰⁰. В числе прочих предприятий последнего можно отметить также то, что он пошел войною на Александра. Гиркан пока еще не был в состоянии совладать с силою римлянина, хотя и пытался уже вновь восстановить иерусалимскую стену, разрушенную Помпеем. Однако в этом ему воспрепятствовали находившиеся в городе римляне. Между тем Александр объезжал всю страну и вооружал множество иудеев; в короткое время ему удалось собрать десять тысяч пехотинцев и к ним пятьсот всадников и укрепить Александрией, крепость около Кореи, равно как Махерон в горах арабских.

Тогда на него двинулся Габиний, успев послать вперед Марка Антония с остальными военачальниками. Последние вооружили своих римлян, равно как подвластных им иудеев с Пифолаем и Малихом во главе, и, захватив также добровольцев Антипатра, выступили навстречу Александру. За ним следовал сам Габиний во главе регулярного войска. Александр отступил тогда в местность вблизи Иерусалима, и когда враги здесь сошлись и дело дошло до битвы, римляне перебили около трех тысяч врагов и не меньше того взяли в плен.

3. В это время Габиний подошел к Александриону и предложил находившимся в нем воинам сдаться, обещая простить им все их прежние провинности. Между тем перед крепостью расположилось станом множество врагов. На них напали римляне, и при этом случае Марк Антоний отличился как храбрый воин, перебивший множество неприятелей⁹⁰¹. Между тем Габиний оставил тут часть своего войска, чтобы овладеть этим местом хотя бы путем осады, а сам двинулся в другую часть Иудеи, где распорядился вновь отстроить города, которые находил разрушенными. Таким образом вновь возникли Самария, Азот, Скифополис, Анфедон, Рафия, Дора, Марисса, Газа и множество других. Так как люди охотно повиновались распоряжениям Габиния, тогда можно было опять спокойно жить в тех городах, которые столь долгое время оставались пустыми.

4. Совершив все это в пределах страны, Габиний вернулся к Александриону. Во время осады Александр отправил к нему посольство с просьбою простить ему его провинности и получить взамен того крепости Гирканию и Махерон, а затем и Александрией. Эти укрепления Габиний срыл до основания; когда же к нему прибыла мать Александра, державшая сторону римлян, потому что ее муж и остальные дети находились тогда в Риме, Габиний исполнил все ее просьбы⁹⁰². Удовлетворив ее, он ввел Гиркана в Иерусалим и поручил ему на будущее время заботу о святилище. После этого Габиний учредил пять синедрионов⁹⁰³ и разделил весь народ на пять округов, так что одна часть иудеев имела свое управление в Иерусалиме, другая в Гадаре, третья в Амафунте, четвертая в Иерихоне, а пятая в галилейском Сепфорисе.

1. Таким образом, иудеи, утратив монархическое устройство, подчинились аристократическому образу правления. Тем временем Аристокбул бежал из Рима в Иудею и собрался вновь восстановить Александрию, только что окончательно разрушенный. Тогда Габиний выслал против Аристокбула воинов под начальством Сисенны, Антония и Сервилия, чтобы они воспрепятствовали ему овладеть местностью и захватили его. Тогда многие иудеи перешли на сторону Аристокбула за его прежнюю доблесть, а также потому, что они всегда радовались каким-нибудь новшествами. Так, например, передался ему с тысячью воинов некий Пифолай, бывший помощником военачальника в Иерусалиме. Между тем многие из перешедших к Аристокбулу были безоружны. Аристокбул отпустил всех их в Махерон, так как они ему только мешали, не будучи годны для дела, и двинулся вперед во главе восьми тысяч вооруженных. Когда же на них с силою ударили римляне, иудеи были побеждены, несмотря на всю свою отчаянную храбрость, и под натиском врагов обратились в бегство. При этом их было перебито до пяти тысяч человек, остальные же разбежались и старались спастись кто как мог. Впрочем, более чем с тысячью [товарищей] Аристокбул бежал в Махерон и стал там укрепляться, предаваясь розовым надеждам, невзирая на понесенный урон. В течение двух дней ему удавалось выдерживать осаду; но затем, покрытый ранами, он попал вместе со своим сыном Антигоном, бежавшим с ним из Рима, в плен к Габинию. После этого несчастья Аристокбул вновь был отослан в Рим и там содержался в темнице, процарствовав и быв первосвященником три года и шесть месяцев⁹⁰⁴. Это был блестящий и великодушный человек. Детей его сенат, впрочем, отпустил на волю, потому что Габиний написал, что обещал это их матери в награду за передачу [римлянам] крепостей.

2. Затем дети Аристокбула вернулись назад в Иудею. Габиний тем временем решил предпринять поход на парфян. Когда же он уже перешел через Евфрат, ему заблагорассудилось двинуться в Египет и восстановить Птолемея на троне. Впрочем, об этом рассказано в другом месте⁹⁰⁵.

Во время этого похода против Архелая⁹⁰⁶ Антипатр снабдил Габиния хлебом, оружием и деньгами, а также расположил в его пользу и сделал его союзниками тех иудеев, которые жили выше Пелузия и должны были охранять доступ в Египет. Когда же он вернулся из Египта, то нашел Сирию в полном возмущении и восстании. Дело в том, что сын Аристокбула, Александр, которому вновь удалось насильно овладеть царством, возбудил многих иудеев, прошел во главе огромного войска по стране, убивал всех римлян, попадавшихся ему на пути и бежавших на гору Гаризим, и наконец приступил к осаде остальных [римлян].

3. Когда же Габиний нашел Сирию в таком положении, он как умный человек послал вперед к повстанцам Антипатра с тем, чтобы тот постарался отговорить их от безумного предприятия и вернуться на более разумный путь. Антипатру действительно удалось уговорить многих и вернуть их к своим обязанностям, но Александра он не был в состоянии убедить. Последний во главе тридцатитысячного иудейского войска выступил против Габиния, но потерпел в бою поражение, причем у него пало у горы Итавирийской⁹⁰⁷ десять тысяч воинов.

4. Устроив затем дела в Иерусалиме таким образом, как то казалось желательным Антипатру, Габиний двинулся на набатейцев. Победив их в бою, он послал вперед [в Рим] парфянских беглецов, Митридата и орсана, которые явились было к нему под предлогом, что они убежали⁹⁰⁸. Затем Габиний после великих и славных военных подвигов сам отправился в Рим, а провинцию передал Крассу. О походах Помпея и Габиния на иудеев писали также Николай Дамасский и каппадокиец Страбон, причем их сообщения совершенно совпадают

между собою.

1. Собираясь в поход против парфян. Красс явился в Иудею. Тут он похитил храмовые деньги, оставшиеся от Помпея (на сумму две тысячи талантов), а также имел дерзость утащить из храма всю золотую утварь (на сумму восемь тысяч талантов). При этом он присвоил себе также штангу из червонного золота весом в триста мин, а наша мина весит два с половиной фунта. Эту жердь передал ему священнослужитель Элеазар, на обязанности которого лежала охрана сокровищ храма, и сделал он это не из глупости (напротив, это был человек почтенный и праведный), но потому, что видел, как Красс собирается захватить все золото храма. Так как Элеазару было поручено охранять также завесы храма, которые были удивительной красоты и очень ценны, то он, опасаясь за все храмовые сокровища, решился отдать Крассу золотую жердь вместо всех остальных ценностей, причем взял с Красса клятвенное уверение, что тот не тронет ничего более, но удовлетворится этим подарком стоимостью во много десятков тысяч. Золотая штанга была вделана внутрь деревянной перекладины; об этом было известно одному только Элеазару, тогда как все прочие ничего о том не знали. Между тем Красс взял эту штангу, как будто бы действительно не имел в виду взять еще что-нибудь, но затем, вопреки своей клятве, похитил из храма решительно все золото.

2. Никого не должно удивлять, что в нашем храме была такая масса золота, потому что все в мире иудеи, равно как прочие почитатели Предвечного в Азии и в Европе, с давних времен доставляли туда свои приношения. Впрочем, масса упомянутых нами сокровищ вовсе не преувеличена нами из тщеславия или из хвастовства; множество других историков подтверждают наши данные. Так, например, у каппадокийца Страбона сказано следующее: «Послав на [остров] Кос, Митридат велел взять ценности, спрятанные там царицею Клеопатрою, а также восемьсот талантов иудеев». У нас нет другой общественной казны, кроме священной; поэтому очевидно, что азиатские евреи из страха перед Митридатом перевезли свои богатства на остров Кос: иначе совершенно непонятно, почему иудеи, обладавшие укрепленным городом и храмом, стали бы посылать свои ценности на Кос. В равной мере вполне естественно, что этого не сделали александрийские иудеи, которым нечего было бояться Митридата.

В другом месте тот же самый Страбон сообщает, что в то время, как Сулла переправлялся в Элладу для войны с Митридатом, он послал в Кирену Лукулла для подавления восстания наших единоплеменников, говоря, что последними полон весь мир. Его слова следующие: «Четыре рода жителей было в городе Кирене: граждане, земледельцы, колонисты и иудеи. Последние проникли уже во все города, и нелегко найти какое-либо место на земле, где не нашлось бы это племя и которое не было бы занято им. Так, например, Египет и Кирена, находящиеся под властью одних и тех же правителей, относятся ко всем остальным безразлично, но охотно принимают и содержат у себя толпы иудеев и процветают вместе с ними, следуя законам иудейским. В самом Египте иудеи пользуются правом жительства и гражданства, и в Александрии значительная часть города отведена этому племени. Над ними поставлен даже их собственный этнарх, который управляет народом, разбирает его тяжбы и скрепляет сделки и решения, совершенно на правах представителя самостоятельного народа. Итак, в Египте иудейское племя достигло такого могущества, потому что египтяне и иудеи одного происхождения, а также оттого, что вышедшие [из страны] иудеи поселились поблизости; а в Кирену это перешло потому, что ее границы находятся в соприкосновении с Египтом, подобно Иудее, которая вдобавок прежде была составной частью Египта». Таковы данные Страбона.

3. Устроив все по своему желанию, Красс пошел войною на Парфию. Тут он погиб со всем своим войском, как то рассказано в другом месте⁹⁰⁹. Кассий⁹¹⁰ между тем бежал в Сирию и

овладел ею, стал охранять ее от набега парфян, ставших смелее после победы над Крассом. Затем он прибыл в Тир и пошел также на Иудею. Тут он напал на Тарихею, быстро взял ее, захватив около тридцати тысяч человек в плен, велел казнить Пифолая, который сменил Аристобула в качестве главаря мятежников; к этой казни побудил его Антипатр, который пользовался огромным авторитетом у него, так же как и у идумеян, из среды которых он взял себе и жену знатного арабского рода по имени Кипра. От нее Антипатр имел четырех сыновей, Фазаеля, Ирода, который впоследствии стал царем, Иосифа и Ферора, а также дочь, Саломею.

Этот Антипатр находился, впрочем, в дружеских отношениях также с другими правителями, особенно с арабским князем, которому он даже переслал детей своих во время войны с Аристобулом. Кассий, впрочем, вскоре двинулся к Евфрату, чтобы там встретить нападение врагов, как то повествуется и другими писателями.

4. Несколько позже Цезарь овладел Римом после бегства Помпея и сената за Ионийское море⁹¹¹ и, освободив Аристобула из заточения, решил послать его во главе двух легионов в Сирию, чтобы в качестве влиятельного там лица дать благоприятный оборот тамошним делам⁹¹². Однако Аристобулу не пришлось порадоваться осуществлению надежд, которые возникли у него, благодаря могуществу Цезаря: соумышленники Помпея поторопились отравить его, и приверженцам Цезаря пришлось похоронить его. Его труп был набальзамирован долгое время и сохранялся в меду, пока впоследствии Антоний не послал его в Иудею, распорядившись похоронить его в царском склепе. Затем по поручению Помпея Сципион велел отрубить голову сыну Аристобула, Александру, обвинив юношу в происках против римлян. Александр таким образом погиб в Антиохии, а братьев его принял к себе Птолемей Меннай, который правил над Халкидой, расположенной вблизи Ливанского хребта. Потом Птолемей послал сына своего Филиппиона в Аскалон к вдове Аристобула, предлагая переслать к нему ее сына Антигона и дочерей. В одну из них, Александру, Филиппион влюбился и женился на ней. Впрочем, впоследствии Птолемей убил его и сам женился на Александре, а о братьях ее постоянно заботился.

1. После победы над Помпеем и его смерти⁹¹³, когда Цезарь сражался в Египте, ему весьма много услуг оказывал Антипатр, правитель иудеев сообразно повелению Гиркана. Так, например, когда Цезарь пытался привести вспомогательное войско пергамскому царю Митридату и не был в состоянии пройти через Пелузий, почему и должен был остановиться около Аскалона, к нему явился на выручку Антипатр с тремя тысячами тяжеловооруженных иудеев и в конце концов побудил также союзников из Аравии явиться к нему на помощь. Ради Антипатра пошли в поход также все сирийцы, не желавшие отставать от других в своем воодушевлении к Цезарю, в том числе князь Ямвлих и сын его, Птолемей, населявшие хребет Ливанский, а также почти все остальные города. Тогда Митридат выступил из Сирии и прибыл в Пелузий⁹¹⁴. Когда жители отказались принять его к себе, он приступил к осаде города. Тут опять отличился Антипатр, а именно он первый пробил брешь в одном месте стены и тем дал всем прочим возможность проникнуть в город. Таким образом окончилось дело при Пелузий. Когда же Антипатр и Митридат были на пути к Цезарю, иудеи, населявшие дом Хония⁹¹⁵, воспротивились их проходу. Впрочем, и их убедил перейти на свою сторону Антипатр, особенно тем, что предъявил им письмо первосвященника Гиркана, где тот убеждал их быть друзьями Цезарю и доставлять его войску съестные припасы и все необходимое. Когда же иудеи убедились в солидарности Антипатра и первосвященника, то охотно подчинились; а на основании слухов об их покорности жители окрестностей Мемфиса также пригласили к себе Митридата, который явился к ним и подчинил их себе.

2. Когда он обошел так называемую Дельту, он сразился с врагами около Иудейского стана⁹¹⁶. Над правым крылом начальствовал Митридат, над левым Антипатр. Когда войска сошлись в бою, крыло Митридата отступило и ему пришлось бы подвергнуться страшной опасности, если бы Антипатр, который успел уже разбить врагов, не прибежал со своими солдатами вдоль берега реки, не освободил бы Митридата и не обратил бы в бегство уже побеждавших египтян. Во время преследования последних Антипатр овладел также их лагерем, а Митридата удержал от дальнейшего бегства. У Митридата было при этом восемьсот человек, у Антипатра же сорок. Обо всем этом Митридат сообщил Цезарю, указывая при том на Антипатра, как на виновника не только победы, но и их спасения, так что тогда Цезарь выразил Антипатру похвалу и впоследствии, в самые критические минуты войны, всегда пользовался его поддержкою. Во время этих битв Антипатр был ранен.

3. Когда впоследствии Цезарь окончил войну и отплыл обратно в Сирию, он удостоил Гиркана и Антипатра великих почестей: первого он утвердил в сане первосвященника, а второму дал право римского гражданства и освободил от всех решительно повинностей.

Много уверяют, будто и Гиркан участвовал в том походе и [вместе с Антипатром] был в Египте. Это доказывается сообщением каппадокийца Страбона, говорящего от имени Азиния⁹¹⁷ следующее: «...после вторжения Митридата и иудейского первосвященника Гиркана в Египет...». Тот же самый Страбон в другом месте, ссылаясь на Ипсикрата, говорит, что Митридат выступил [против Египта] один, а затем призвал к себе в Аскалон Антипатра, правителя Иудеи, который и доставил ему 3000 воинов, равно как склонил на его (Митридата) сторону также и других правителей, и что в этом походе участвовал тоже первосвященник Гиркан.

4. Так повествует Страбон. В это время явился к Цезарю Антигон, сын Аристобула, и, жалуясь на печальную участь отца своего, который по вине Цезаря пал жертвою отравления, и на то, что брат его был казнен Сципионом, просил сжалиться над его грустным положением

человека, изгнанного из своих владений. При этом он обвинял Гиркана и Антипатра в том, что они правят народом лишь при помощи насилия и поступили с ним (Антигоном) крайне несправедливо. Бывший при этом Антипатр стал оправдываться в возводимых против него обвинениях, указал на то, что Антигон окружен мятежными и беспокойными людьми, а также упомянул о своих трудах и подвигах во время походов, коих, по его словам, сам Цезарь был свидетелем. Он при этом указывал на то, что Аристокл совершенно основательно был увезен в Рим, потому что являлся всегда заклятым врагом римлян; что же касается его брата, то его казнь Сципионом была лишь заслуженным возмездием за его разбойничьи набеги, и он потерпел наказание совершенно основательно и справедливо.

5. После такого объяснения Антипатра Цезарь объявил Гиркана первосвященником, а Антипатру предоставил все права, которых тот домогался, и решил сделать его полновластным наместником в Иудее. При этом он разрешил Гиркану, на основании его просьбы о такой милости, восстановить стены родного города, которые оставались после Помпея все еще разрушенными. Вместе с тем он распорядился, чтобы консулы в Риме записали это постановление и поместили его на Капитолии. Решение сената поэтому отредактировано следующим образом:

«Претор Луций Валерий, сын Луция, сделал следующее предложение сенату в декабрьские иды⁹¹⁸ в храме Согласия⁹¹⁹. Присутствовали при записи решения Луций Колоний, сын Луция, из коллинской и Папирий из квиринской [трибы]⁹²⁰.

Относительно предложения иудейских старейшин: Александра, сына Ясона, Нумения, сына Антиоха, и Александра, сына Дорофея, мужей доблестных и [римских] союзников, возобновить прежде заключенный с римлянами дружественный союз, в знак чего они привезли золотой щит ценностью в пятьдесят червонцев и просили выдать им охранные грамоты к независимым городам и царям, чтобы беспрепятственно и безопасно проезжать по их владениям и входить в их гавани,- постановлено: вступить с ними в дружественный союз, исполнить их просьбы и принять привезенный щит». Этот договор был заключен при первосвященнике и правителе Гиркане, в девятый год его правления⁹²¹, в месяце панеме.

И от афинского народа Гиркан, оказавший ему множество услуг, добился подобной же чести. Афиняне прислали ему народное постановление следующего содержания: «При притании⁹²² и священстве Дионисия, сына Асклепиада, в пятый день после месяца панема, было передано старейшинам сие решение афинян. Записал при архонте⁹²³ Агафокле Эвкл, сын Менандра из Алимусы, в одиннадцатый день месяца мунихиона⁹²⁴, в одиннадцатую пританию, во время заседания в театре; за правильностью голосования следил эрхиец⁹²⁵ Дорофей с помощниками; докладывал Дионисий. Постановлено народом: так как Гиркан, сын Александра, первосвященник и правитель иудейский, постоянно являл по отношению ко всему [афинскому] народу и по отношению к отдельным его представителям благоволение и всяческую о них заботливость, как относительно тех афинян, которые являлись к нему в качестве послов, так и по своим личным делам, всегда радушно принимал их и заботился о доставлении им безопасного проезда по стране, что было и прежде засвидетельствовано нами и подтверждается ныне сообщениями сунийца Феодосия, сына Феодора, который сделал об этом доклад народу и упомянул о доблести названного мужа, присовокупив, что последний имеет в виду и впредь оказывать нам по силе возможности всяческую поддержку,- мы решаем почтить Гиркана золотым почетным венком по закону, воздвигнуть в храмах народном и харит⁹²⁶ его бронзовую статую и возвестить об этом через глашатаев в театре, во время праздников Диониса⁹²⁷, при представлении новых трагедий, а также в праздники Панафинейские⁹²⁸ и Элевсинские⁹²⁹ во время гимнастических игр. Чиновники должны позаботиться о том, чтобы Гиркану, пока он

будет пребывать в столь дружественном к нам расположении, оказывались всевозможные льготы и любезности, дабы видно было, что народ наш чествует славных мужей и питает такие чувства признательности к достойным людям. Вместе с тем следует избрать из среды афинян послов, которые отвезли бы Гиркану данное постановление и предложили бы ему, после оказания ему указанных почестей, и впредь всегда относиться благожелательно к нашему городу».

Однако довольно этих доказательств того, каким почетом пользовался Гиркан у римлян и у афинского народа.

1. Устроив дела в Сирии, Цезарь отплыл назад. Лишь только Антипатр, сопровождавший Цезаря во время отбытия его из Сирии, вернулся в Иудею, он приступил немедленно к восстановлению разрушенной Помпеем стены и, разъезжая по стране, успокаивал смуту либо угрозами, либо увещаниями держаться спокойно. При этом он поставлял на вид, что те, кто будет предан Гиркану, будут жить в полном благополучии и спокойно и безмятежно пользоваться своим имуществом, тогда как все те, которые станут предаваться пустым надеждам на возможность восстания и рассчитывать на могущие явиться в результате его выгоды, будут иметь в нем, вместо наместника, властелина, в Гиркаие, вместо царя, тирана, а в римлянах и Цезаре, вместо покровителей, злых врагов. При этом Антипатр присовокуплял, что и римляне не допустят смещения того, кто ими самими поставлен во главе страны. Такими убеждениями он водворял порядок по всей стране.

2. Видя, что Гиркан медлителен и апатичен, Антипатр назначил старшего из сыновей своих, Фазаеля, начальником над Иерусалимом и его окрестностями, а следующему за ним сыну, весьма еще молодому Ироду (ему было тогда лишь двадцать пять лет), поручил управление Галилеею. Впрочем, последнему нисколько не мешала его юность; будучи человеком рассудительным, юноша немедленно нашел возможность выказать свою доблесть, а именно ему удалось захватить Иезекию, атамана разбойников, совершавшего во главе огромного отряда набеги на пограничные с Сириею области; затем он казнил его и многих его товарищей по шайке. Это дело вызвало в сирийцах большую симпатию к Ироду, потому что он очистил страну от разбоев, о чем они давно мечтали. Поэтому они стали прославлять его за это в деревнях и городах, так как он вернул им мир и спокойное, безмятежное пользование благами жизни. Благодаря этому, Ирод стал известен также и Сексту Цезарю, родственнику Цезаря Великого, наместнику Сирии. Тогда у брата Ирода, Фазаеля, также явилось желание совершить подобные подвиги, и, побуждаемый славою брата, он желал снискать себе такую же популярность. Ему удалось достигнуть этого и снискать полное благоволение жителей иерусалимских, самостоятельно управляя городом, не возносясь, как то свойственно неблагодарным людям, и не злоупотребляя своею властью. Все это привело к тому, что Антипатр пользовался в глазах народа прямо царскою властью и почестями, которые обыкновенно выпадают на долю лишь неограниченным властителям. Между тем, однако, Антипатр нисколько, как то часто случается, в своем всемогуществе не умалял своей преданности по отношению к Гиркану.

3. Когда те из иудеев, которые занимали общественные должности, увидели, насколько возвысились Антипатр и его сыновья, благодаря популярности их и денежным средствам Иудеи и Гиркана, они почувствовали злобу против Антипатра. Дело в том, что он заключил дружбу с римскими властелинами, а затем уговорил Гиркана послать им денег, которые тот передавал ему, а Антипатр пересылал римлянам эти суммы уже от своего имени, а не от лица Гиркана. Когда Гиркан узнал об этом, он не только не рассердился, но даже очень был рад этому.

Между тем более выдающиеся иудеи, видя, как своевластен, отважен и властолюбив становится Ирод, явились к Гиркану и стали уже открыто обвинять Антипатра, говоря: «Доколе же станешь ты спокойно взирать на все происходящее? Или ты не видишь, что Антипатр и его сыновья разделили между собою всю власть, тогда как ты лишь по имени остаешься царем? Не закрывай же на это глаз своих, не считай себя вполне безопасным, относясь столь легкомысленно к себе и царской власти. Не обманывай себя убеждением, что Антипатр и его сыновья теперь все еще твои заместители, но обрати внимание на то, что они открыто

признаются полновластными правителями. Так, например, сын его, Ирод, нарушил наш закон, казнив Иезекию и его товарищей. А между тем закон запрещает казнить без приговора суда даже преступника. Тем не менее он решился на такое деяние, не имея от тебя на то полномочия».

4. При этих словах Гиркан склонился [в пользу обвинителей], тем более, что и матери убитых Иродом возбуждали его гнев тем, что ежедневно напоминали в храме царю и народу, что он должен предать Ирода суду синедриона. Все это наконец побудило Гиркана вызвать Ирода в суд, дабы он оправдал себя в возводимых на него обвинениях. Ирод действительно явился в суд, причем отец посоветовал ему явиться туда не в качестве частного лица, но с предосторожностями и отрядом телохранителей. Сделав в Галилее нужные на всякий случай распоряжения, Ирод явился в сопровождении такого отряда, который по сравнительной многочисленности своей не мог возбудить опасений у Гиркана, но вместе с тем был достаточен для того, чтобы в случае необходимости защитить его в суде. Тем временем наместник сирийский Секст написал Гиркану письмо с предложением оправдать Ирода и с выражением угрозы в противном случае. Письмо Секста явилось для Гиркана желанным поводом освободить Ирода, которого он любил как родного сына, от ответственности перед синедрионом. И вот, когда Ирод, окруженный своим отрядом, явился в синедрион, он нагнал на всех такой страх, что никто из прежних его обвинителей не решился сказать против него ни одного слова; наступила минута всеобщего молчания, и все были в полном недоумении, что делать дальше. В таком положении один только человек, некий Самея, муж праведный и стоявший, вследствие того, выше всякого страха, поднялся со своего места и сказал: «Судьи! И ты, царь! Ни я сам, ни вы, вероятно, никогда еще не видали, чтобы таким образом являлся в суд обвиняемый. Всякий, кому приходилось когда-либо являться сюда на судьбище в качестве обвиняемого, являлся сюда в смущении и с робостью, с видом человека, желающего возбудить нашу жалость, с распущенными волосами и в темном одеянии. Между тем наш любезнейший Ирод, обвиняемый в убийстве и с этой целью приглашенный сюда, облекся в пурпур, убрал по-праздничному свою голову и явился к нам в сопровождении воинов с целью перебить всех нас, если мы по закону осудим его, а самому спастись, совершив насилие над правосудием. Впрочем, я не стану обвинять Ирода, что он более занят ограждением своей личной безопасности, чем соблюдением закона: ведь вы сами, равно как и царь, приучили его к такой смелости. Однако знайте, что Господь Бог всемогущ и что этот [юноша], которого вы теперь желаете в угоду Гиркану оправдать, некогда накажет вас и самого царя за это».

Все это действительно впоследствии вполне сбылось: Ирод, сам став царем, казнил всех судей синедриона, кроме одного Самеи, равно как самого Гиркана. Самею Ирод ставил очень высоко за его праведность, равно как за то, что, когда впоследствии город был осаждаем Иродом и Сосием, Самея уговорил народ впустить их, ссылаясь при этом на то, что вследствие греховности народа это неизбежно. Впрочем, об этом мы поговорим в своем месте.

5. Когда Гиркан заметил, что члены синедриона [все-таки] собираются осудить Ирода, он отложил заседание до другого дня, а сам тайно послал Ироду совет бежать из города и тем избежать опасности. Ирод действительно удалился в Дамаск, как будто убегая от царя, когда же он прибыл к Сексту Цезарю и почувствовал себя у него в безопасности, то явно выказал нежелание повиноваться, если бы синедрион вздумал вызвать его вторично в суд. На это члены синедриона рассердились и всеми силами старались убедить Гиркана, что все это он делает себе же во вред. Гиркан это отлично сознавал, но ничего не мог поделать, по отсутствию мужества и бездеятельности.

Когда же Секст назначил Ирода (за известную сумму денег) наместником над Келесириею, Гиркан испугался, как бы Ирод не вздумал пойти на него войною. Немного спустя это его

опасение действительно сбылось, потому что Ирод двинулся во главе войскавойною, чтобы отомстить за свой вызов в суд и за то, что ему пришлось выслушать в заседании синедриона. Впрочем, от нападения на Иерусалим его удержали выступившие ему навстречу отец Антипатр и брат его; им удалось успокоить его гнев и убедить не предпринимать ничего, но удовлетвориться тем, что он нагнал страх на того, кто помог ему достигнуть такого высокого положения. Если Ирод, говорили они, сердится на то, что ему пришлось предстать перед судом, то пусть он вспомнит также о своем освобождении и будет благодарным за него, вместо того, чтобы платить за это насилием и не быть признательным за свое спасение; кроме того, пусть он подумает также о том, что, если Господь решает судьбы войны, этот поход крайне несправедлив; поэтому он не может и рассчитывать на победу, так как собирается воевать с царем и близким человеком, от которого он испытал много хорошего и который не оказал ему никакого зла; если же этот человек навлек на себя его подозрение и хотя бы тень неудовольствия, то в этом можно обвинять не его самого, а скорее его советников.

Ирод внял таким убеждениям, полагая при этом, что для его личных расчетов вполне уже достаточно, если ему удалось хотя бы только показать народу свое могущество.

1. Таковы были тогда дела в Иудее. Тем временем Цезарь, вернувшись в Рим, готовился к отплытию в Африку, чтобы воевать там со Сципионом и Катонам⁹³⁰. Тогда Гиркан отправил к нему послов с просьбою утвердить дружественный союз с ним. При этом случае я считаю необходимым упомянуть здесь о всех почетных союзах, заключенных между римлянами, их властителями и нашим народом, дабы все знали, как хорошо относились к нам цари Азии и Европы, уважая нашу храбрость и верность. Так как многие из нерасположения к нам не доверяют тому, что писано о нас персидскими и македонскими авторами, которые к тому же не находятся в публичных библиотеках, но имеются только у нас и у некоторых других варварских народов, тогда как сообщения римлян неоспоримы (дело в том, что все эти данные записаны в городских архивах и в Капитолии до сих пор находятся вырезанными на медных таблицах, подобно тому как Цезарь Юлий, сделав александрийских иудеев полноправными гражданами, объявил о том, распорядившись воздвигнуть медную колонну в Александрии с соответствующею надписью), - ввиду всего этого я и остановлюсь на данном вопросе. Я приведу факты на основании решений римского сената и Юлия Цезаря, касающихся Гиркана и нашего народа.

2. «Гай Юлий Цезарь, император и верховный жрец⁹³¹, вторично избранный диктатором⁹³², посылает свой привет начальству, совету и народу сидонийскому. Если вы себя чувствуете хорошо, то я радуюсь, ибо я со своим войском тоже доволен.

Посылаю вам при сем копию постановления, внесенного на [медную] доску и касающегося Гиркана, сына Александра, первосвященника и правителя иудейского, дабы вы внесли его в ваш государственный архив, и выражаю при этом желание, чтобы вы выставили это постановление на медной таблице написанным по-гречески и по-латински. Вот эта копия: Юлий Цезарь, вторично император и верховный жрец, постановил на основании решения совета: так как иудей Гиркан, сын Александра, как ныне, так и раньше, во время мира и на войне, являл себя всегда верным и ревностным представителем наших интересов, как то засвидетельствовано целым рядом других полководцев, и ввиду того, что он во время последнего александрийского похода явился к нам на помощь во главе полуторатысячного отряда, а во время отправки его мною против Митридата превзошел всех, бывших в строю, храбростью, то по всем этим причинам я назначаю Гиркана, сына Александра, с потомками иудейскими этнархами⁹³³, желаю, чтобы они навсегда сохранили за собою установленное их законами первосвященническое достоинство, и желаю видеть в нем и его сыновьях наших союзников, которые должны постоянно считаться в числе преданнейших друзей наших. Все дела, касающиеся культа или внутренних отношений иудеев между собою, пусть разрешает он сам или ведают его сыновья. Равным образом, если бы возник какой-либо спор между иудеями, я признаю авторитетность его решения [Гирканом]. Вместе с тем запрещаю, чтобы войска располагались у него на зимние стоянки или чтобы с него взимались какие-либо денежные суммы»

3. «Решение и постановление консула⁹³⁴ Гая Цезаря таково: пусть сыновья его [Гиркана] правят народом иудейским и пользуются доходами с предоставленных им земель, а первосвященник, он же и правитель иудеев, пусть творит верховный суд. К Гиркану, сыну Александра, иудейскому первосвященнику, следует отправить послов для заключения с ним дружественного наступательного и оборонительного союза. Должно выставить на Капитолии, равно как в храмах сидонском, тирийском и аскалонском, по медной таблице с соответствующею надписью на римском и греческом языках. Пусть это постановление будет

сообщено всем городским начальникам и их подчиненным, равно как всем нашим друзьям. Следует вручить послам дары и повсюду разослать это [наше] решение».

4. «Гай Цезарь, император, диктатор и консул, сим объявляет сенату и римскому народу, что за доблесть и расположение назначает самого Гиркана, сына Александра, и его потомков первосвященником и священнослужителями иерусалимскими и судьями народа на том самом основании, в силу которого их предки занимали священнические должности».

5. «Гай Цезарь, в пятый раз консул⁹³⁵, сим постановляет, что первосвященник и этнарх иудейский Гиркан, сын Александра, может владеть, управлять городом Иерусалимом по своему усмотрению и укрепить его стенами. Пусть будут иудеи освобождены в каждый второй податной год от взноса одного кора [пшеницы] и пусть они не будут употребляемы на какие бы то ни было общественные работы и освобождены от всяких других повинностей».

6. «Гай Цезарь, вторично император, сим постановил: все иудейские города, за исключением Яффы, должны платить известную сумму в пользу Иерусалима ежегодно, исключая каждый седьмой год, который называется иудеями субботним, в каковой не сеют, не собирают плодов древесных; жители Сидона обязаны каждый второй год в виде пошлины выплачивать четвертую часть жатвы; кроме того, они обязаны платить Гиркану и его сыновьям десятину, как они платили таковую также предкам его; пусть ни один чиновник, ни один претор, ни один легат⁹³⁶ не набирает войск в пределах иудейских, равно как не допускает солдат вымогать от иудеев деньги ни для зимовок, ни под каким-либо другим предлогом; пусть иудеи будут свободны от всех решительно повинностей; все, что впоследствии будет принадлежать иудеям в силу приобретения или покупки, должно принадлежать им невозбранно. Мы желаем, чтобы город Яффа, который первоначально уже принадлежал иудеям при заключении ими дружественного договора с римлянами, будет, как и прежде, их собственностью; пусть в качестве натуральной повинности сын Александра, Гиркан, и его потомки получают с окрестных земледельцев за вывозимую ежегодно из страны в сидонскую гавань пшеницу двадцать шесть тысяч семьдесят пять мер, исключая седьмой год, так называемый субботний, когда иудеи не сеют, не собирают плодов древесных; все поселения, находящиеся в так называемой Великой равнине, которыми раньше владели Гиркан и его предки, по решению сената должны и впредь принадлежать ему на прежних основаниях. Равным образом остаются в силе все древние отношения как между отдельными иудеями, так и между первосвященниками и священнослужителями, равно как все постановления [римского] народа и сената относительно иудеев. Все эти права их распространяются также на жителей города Лидды. Все местности, земли и поселения, которыми владели сирийские и финикийские цари в награду за свой союз с римлянами, сенат признает [отныне] собственностью этнарха Гиркана и иудеев. Гиркану, его сыновьям и их послам предоставляется право сидеть в театре среди сенаторов во время гладиаторских боев или боя зверей, и, в случаях, если бы они просили у диктатора или высшего сановника права присутствовать на заседаниях сената, то они должны быть допускаемы туда и постановления сената должны сообщаться им не позже десятидневного срока после постановления решения».

7. «Гай Цезарь, в четвертый раз выбранный полномочным диктатором и уже пожизненным и в пятый раз назначенный консулом, постановил следующее решение относительно прав иудейского первосвященника и этнарха Гиркана, сына Александра: ввиду того, что мои предшественники по управлению провинциями засвидетельствовали все лучшее относительно первосвященника иудейского Гиркана и самих иудеев перед лицом сената и народа римского, причем как народ, так и сенат выразили иудеям свою за это признательность, то и нам следует вспомнить о том и позаботиться, чтобы со стороны сената и римского народа еще раз воспоследовало выражение благодарности Гиркану, всему иудейскому народу и сыновьям

Гиркана за выраженное ими к нам расположение и всяческие их нам услуги».

8. «Юлий Гай, претор и консул римский, посылает привет свой начальникам, совету и народу [острова] Пароса⁹³⁷. В присутствии ваших послов ко мне явились делегаты от делосских иудеев и некоторые из иудейских поселенцев и заявили мне, что вы путем законодательных решений препятствуете им жить по их родным обычаям и отправлять их богослужение. Мне вовсе не нравятся такие решения ваши относительно наших друзей и союзников, что вы им препятствуете жить по их собственным обычаям, собирать деньги на их личные и богослужебные нужды, тогда как это не возбраняется им даже в Риме. Наш претор и консул Гай Цезарь в своем постановлении относительно запрещения всяких сходок в городе [Риме] изъял именно иудеев из общего правила и разрешил им собирать деньги и собираться на совещания. Равным образом и я, запретив все прочие сходки, разрешаю одним только иудеям собираться сообразно их установлениям и отправлять требования их закона. Поэтому и вы должны отменить все свои постановления, которые вы сделали относительно наших друзей и союзников, вследствие доблестного и прекрасного к нам отношения иудеев».

9. Когда после смерти Гая консулами были Марк Антоний и Публий Долабелла⁹³⁸, они собрали сенат и, введя туда посланных Гиркана, стали поддерживать их просьбу, т.е. также заключили дружественный союз с ними. Все их просьбы исполнил сенат, сделав соответственное распоряжение. Для того чтобы читатели этого сочинения имели под руками точное тому доказательство, я привожу здесь самый текст сенатского решения. Вот оно:

10. «Сенатское решение, взятое из архива и из общественных таблиц квесторов⁹³⁹, при квесторах Квинте Рутилии и Квинте Корнелии. Таблицы второй начало: постановлено за три дня до апрельских ид⁹⁴⁰ в храме богини Согласия, в присутствии Луция Кальпурния Пизона из мененской трибы, Сервия Папиния Квинта из демонской трибы, Гая Канипия Ревила из теретинской трибы, Публия Тидетия, сына Левкия, из поллийской трибы, Левкия Апулина, сына Левкия, из серпийской трибы, Флавия Левкия из демонской трибы, Публия Плавтия, сына Публия, из папирской трибы, Марка Акилия, сына Марка, из мекийской трибы, Левкия Эрукия, сына Левкия, из стеллагинской трибы, Марка Квинта Планкилла, сына Марка, из поллийской трибы и Публия Серия. Доклад сделали консулы Публий Долабелла и Марк Антоний. Ввиду того, что сенатское постановление, состоявшееся относительно иудеев при Гае Цезаре, не было внесено в квесторский архив, мы, по предложению консулов Публия Долабеллы и Марка Антония, решили внести его на медные таблицы и сообщить городским квесторам, дабы и они поместили у себя двойную копию его. Постановление это состоялось за пять дней до февральских ид⁹⁴¹ в храме Согласия. Представителями первосвященника Гиркана были при этом следующие лица: Лисимах, сын Павсания, Александр, сын Феодора, Патрокл, сын Херея, и Ионатан, сын Хония».

11. Одного из этих делегатов Гиркан послал также к тогдашнему претору в Азии⁹⁴² Долабелле с просьбою освободить иудеев от военной службы и разрешить им, держась старинных обычаев, не нарушать исконного их образа жизни. Получение этого разрешения ему не стоило большого труда: получив письмо Гиркана, Долабелла без дальних совещаний разослал по всем городам Азии, на первом же плане главному тогда городу в Азии, Эфесу, относительно иудеев циркуляр следующего содержания:

12. «В первое число месяца ленея⁹⁴³, при притане Артемене, претор Долабелла посылает совету, начальникам и народу города Эфеса свой привет. Александр, сын Феодора, посланный первосвященника и этнарха иудейского Гиркана, сына Александра, доложил мне о невозможности его единоплеменникам носить оружие и участвовать в походах в субботные дни, равно как о невозможности доставать предписанную им законом пищу. Поэтому и я, сообразно

примеру своих предшественников, освобождаю иудеев от военной службы, разрешаю им следовать их законным исконным ритуальным установлениям и отправлять священные жертвы, равно как собирать с этой целью нужные для того денежные суммы, и предлагаю вам сие мое решение оповестить по городам».

13. Такую любезность оказал Долабелла Гиркану, отправившему к нему посла.

Постановление консула Луция Лентула:

«Сим освобождаю римских граждан иудейского исповедания, живущих и отправляющих свое богослужение в Эфесе, ввиду их религиозных убеждений, в этом заседании, состоявшемся за двенадцать дней до октябрьских календ⁹⁴⁴, в консульство Луция Лентула и Гая Марцелла⁹⁴⁵, от военной службы. Постановление это состоялось в присутствии трибуна Тита Аппия Бальба, сына Тита, из гарантинской трибы, Тита Тонгия, сына Тита, из кростоминской трибы. Квинта Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, военного трибуна⁹⁴⁶ Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из теретинской трибы, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы и Гая Сенция, сына Гая, из саботинской трибы».

«Трибун и пропретор⁹⁴⁷ Тит Аппий Бальб, сын Тита, сим посылает должностным лицам, совету и народу города Эфеса свой привет. Ввиду моего ходатайства за живущих в Азии иудеев консул Луций Лентул освободил их от военной службы. После этого я достиг того же самого постановления от пропретора Фаяния и проквестора⁹⁴⁸ Луция Антония, почему прошу вас позаботиться о том, чтобы никто не побуждал [к военной службе] иудеев».

14. Народное решение⁹⁴⁹ делосцев:

«Распоряжение начальства при архонте Беоте, в двадцатый день месяца фаргелиона⁹⁵⁰. Квартирующий в нашем городе и заведующий воинским набором легат Марк Пизон, созвав нас и правоспособных граждан, распорядился не набирать в военную службу никого из римскоподданных иудеев, ввиду того, что они по ритуальным соображениям освобождены от военной службы консулом Луцием Корнелием Лентулом. В силу этого мы должны повиноваться решению легата».

Подобное же постановление сделали относительно нас также граждане города Сард⁹⁵¹.

15. «Гай Фанний, сын Гая, проконсул, посылает привет должностным лицам Коса⁹⁵². Сим извещаю вас, что посланники иудейские обратились ко мне с просьбою получить копию постановленного относительно их сенатского решения, которое при сем и прилагается. Вместе с тем прошу вас, на основании сенатского декрета, позаботиться об этих людях и приложить старание, чтобы они могли беспрепятственно проехать к себе домой через ваши владения».

16. «Консул Луций Лентул объявляет: тех иудеев римскоподданных, которых я нашел отправляющими свое богослужение в Эфесе, я освобождаю сим вследствие соображений ритуального свойства [от военной службы]. Постановление это сделано за двенадцать дней до календ месяца квинтилия»⁹⁵³.

17. «Проквестор и пропретор Луций Антоний, сын Марка, сим шлет привет свой должностным лицам, совету и населению города Сард. Так как римские граждане иудейского закона явились ко мне с заявлением, что у них имеются издревле существующие собрания и судилище, где они разрешают все свои [внутренние] дела и личные споры, и просили меня сохранить за ними эти учреждения, я решил исполнить их просьбу и предоставить и дальше им его».

18. «Марк Публий, сын Спурия, Марк, сын Марка, и Луций, сын Публия, заявляют: после того, как мы доложили проконсулу Лентулу о просьбе александрийца Досифея, сына Клеопатрида, чтобы римские граждане иудейского вероисповедания, отправляющие издавна свое богослужение, были освобождены от военной службы и спросили его мнения на сей счет,

он освободил этих иудеев ввиду соображений ритуального свойства. Постановление его состоялось за двенадцать дней до календ месяца квинтилия».

19. При консулах Луций, Лентуле и Гае Марцелле, в присутствии трибуна Тита Аппия Бальба, сына Тита, из горацанской трибы, Тита Тонгия из кростолинской трибы, Квинта Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, из корнелийской трибы, военного трибуна Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из трибы теретинской, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы, военного трибуна Гая Тевтия, сына Гая, из эмилийской трибы, Секста Атилия Серрана, сына Секста, из эмилийской трибы. Гая Помпея, сына Гая, из сабатинской трибы, Тита Аппия Менадра, сына Тита, Публия Сервилия Страбона, сына Публия, Луция Пакция Капитона, сына Луция, из коллинской трибы, Авла Фурия Тертия, сына Авла, и Аппия Менаса — в присутствии всех этих лиц Лентул постановил следующее решение: «Сим освобождаю [от военной службы] тех римских граждан иудейского вероисповедания, которые издавна отправляют свое богослужение в Эфесе; я делаю это в настоящем заседании ввиду соображений ритуального свойства».

20. «Должностные лица города Лаодикеи⁹⁵⁴ сим приветствуют консула Гая Рабилия, сына Гая⁹⁵⁵. Отправленный первосвященником Гирканом посол Сопатр вручил нам письмо твое, в котором ты пишешь нам, что от первосвященника иудейского Гиркана явились послы с письменною просьбою разрешить иудеям отправление суббот и остального культа сообразно их древним религиозным постановлениям, чтобы никто не имел права вмешиваться в их дела, так как они наши друзья и союзники, и чтобы никто не обижал их в нашей области. Так как жители Тралл⁹⁵⁶ открыто воспротивились этому твоему постановлению, а ты все-таки принудил их к этому, то иудеи просили тебя также отписать и нам относительно их. Итак, мы готовы повиноваться твоему предложению и заявляем, что, получив твое послание, мы внесли его в наш общественный архив. Относительно же всего того, что ты нам предлагаешь, мы примем надлежащие меры к точному его исполнению».

21. «Проконсул Публий Сервилий Гальба, сын Публия, посылает привет должностным лицам, совету и народу Милета⁹⁵⁷. Ваш согражданин Пританис, сын Герма, обратился ко мне, когда я был в заседании в Траллах, с заявлением, что вы относитесь к иудеям несообразно нашим установлениям, препятствуете им справлять их субботы и собирать плоды сообразно с их обычаями, тогда как он постановил решение на законном основании. Ввиду этого заявляю вам, что по выслушании обеих сторон я решил, что не следует препятствовать иудеям в отправлении их обычаев».

22. Постановление жителей Пергама. «При притане Кратиппе, в первый день месяца дасия, состоялось следующее решение властей: так как римляне, следуя похвальному примеру своих предков, охотно заступаются за сохранение безопасности всех вообще людей и особенное внимание и старание прилагают к тому, чтобы доставлять своим союзникам и друзьям благоденствие и прочный мир, то, когда к ним были посланы от иудейского народа и его первосвященника Гиркана послы в лице почтенных и заслуженных Стратона, сына Феодота, Аполлония, сына Александра, Энея, сына Аптипатра, Аристубула, сына Аминта, Сосипатра, сына Филиппа, сенат, по выслушании всех отдельных пунктов их предложений и просьб, постановил: чтобы царь Антиох, сын Антиоха, не смел ни в чем обижать иудеев, римских союзников; чтобы он возвратил им все укрепления, гавани и вообще местности и все, что он у них отнял; затем, чтобы был разрешен вывоз товаров из их гаваней, но с тем условием, чтобы никто, ни царь, ни народ какой-либо, не смел вывозить из страны или гаваней иудейских ничего беспощадно, исключая одного только александрийского царя Птолемея, так как он союзник и друг наш; наконец, чтобы был удален, сообразно их просьбе, яффский гарнизон. В силу этого один их сочленов нашего совета, Луций Петтий, человек доблестный и почтенный, предложил

выразить нашу полную готовность следовать во всем предписанию сената и позаботиться о доставлении посланным возможности возвратиться беспрепятственно и безопасно домой. Потом мы пригласили в заседание совета и народного собрания Феодора, который вручил нам свою грамоту с изложением сенатского решения, и выслушали его горячую речь, в которой он описал нам всю доблесть и все великодушие Гиркана, ко всем вообще прекрасно относящегося и особенно любезно принимающего у себя всякого иностранца. Затем мы отправили грамоту [Феодора] в общественный архив, а сами решили, сообразно сенатскому постановлению, оказать всякую поддержку иудеям, как союзникам римлян. После этого Феодор, вручив нам грамоту, обратился с просьбой к нашим властям отправить Гиркану копию решения с послами, которым поручил сообщить ему о прекрасном отношении к нему народа нашего, а также просить его и впредь сохранять и не умять к нам дружбы и поддержать нас при случае, за что ему будет выражена должная благодарность, равно как напомнить, что еще во времена иудейского патриарха Аврама наши предки были в дружественных с ними отношениях, как мы находим о том официальные записи в общественных архивах».

23. Постановление жителей Галикарнаса⁹⁵⁸. «По предложению Марка Александра, при священстве Мемнона, родного сына Аристида и приемного сына Эвонима, [такого-то числа, месяца] анфестериона⁹⁵⁹, постановлено народом: «Так как мы всегда относились и относимся с благоговением к выражению всякого религиозного чувства, то, следуя великодушному по отношению ко всем людям народу римскому, известившему нашу общину относительно своей дружбы и союза с иудеями и пожелавшему, чтобы последним были разрешены их богослужение, установленные празднества и собрания, мы также решили, чтобы всем желающим иудеям, будь то мужчины или женщины, было позволено справлять их субботы, приносить жертвы по иудейскому ритуалу и совершать богослужения у моря, сообразно их установлениям. Буде же кто либо, частное лицо или официальное, воспрепятствует им в том, да будет обложен в пользу города денежным штрафом».

24. Постановление жителей Сард. «По предложению должностных лиц, совет и народное собрание решили: после того как наши иудейские сограждане, которые всегда пользовались большими симпатиями со стороны нашего народа, теперь обратились к совету и народному собранию с просьбой разрешить им, ввиду восстановления им со стороны римского совета и народа права пользоваться свободно собственными установлениями и жить по своим законам, свободно и беспрепятственно отправлять свой культ, а также отвести им место, где бы они могли собираться с женами и детьми своими для отправления своего богослужения и принесения Господу Богу своих жертв,- совет и народное собрание постановили: разрешить иудеям собираться в определенные дни для отправления установленного их законами богослужения и предписать начальникам отвести им соответствующее для постройки место, которое они найдут подходящим, равно как вменить в обязанность городским сборщикам доставлять им все для того необходимое».

25. Постановление жителей Эфеса. «В пританию Минофила, в первый день месяца артемисия, народ решил, по докладу Никандра, сына Евфима, и по предложению должностных лиц: ввиду того что иудейские жители [нашего] города обратились к проконсулу Марку Юнию Бруту, сыну Понтия, с просьбой разрешить им отправление суббот и беспрепятственное богослужение сообразно их установлениям, и ввиду того что он согласился на их просьбу, совет и народное собрание, в солидарности с римскими интересами, сим постановили, чтобы никто не смел препятствовать иудеям справлять субботы, чтобы они за это не подвергались никакому взысканию, а напротив, чтобы им было разрешено руководствоваться во всем их собственными законоположениями».

26. Существует еще множество других подобных постановлений римского сената и

должностных лиц относительно Гиркана и нашего народа, равно как имеется масса решений отдельных городов и охранных грамот должностных лиц для утверждения за нами прав, поверить содержанию коих могут спокойно читатели наши ввиду всего того, что мы пока привели. Так как мы привели целый ряд явных и наглядных доказательств дружественного к нам отношения со стороны римлян, доказательств, записанных на медных столбах и таблицах, по сей день хранящихся в Капитолии⁹⁶⁰, где они и впредь будут храниться, то мы сочли приведение всех решительно постановлений [такого рода] излишним и неинтересным и полагаем, что не найдется столь неумного читателя, который бы не поверил нашей искренности и правдивости наших слов относительно дружественного расположения к нам римлян после приведения вышеуказанных тому доказательств и потребовал бы еще больше их. Итак, мы [в достаточной мере] показали, сколь дружественны были [нам] римляне в те времена.

1. Около того же времени вспыхнули смуты в Сирии и притом по следующей причине: один из единомышленников Помпея, Басс Цецилий, составил заговор против Секста Цезаря и, убив его, стал во главе войска и овладел верховной властью⁹⁶¹. Ввиду этого возгорелась ожесточенная война вблизи Апамеи, так как военачальники Цезаря двинулись [против Басса] во главе отряда конницы и пешей рати. В виде помощи Антипатр также послал им отряд под начальством своих сыновей, потому что помнил все оказанные ему Цезарем благодеяния и считал вследствие этого своей обязанностью отомстить за его убийство и наказать его убийцу. Пока затягивалась эта война, заместителем должности Секста явился из Рима Мурк⁹⁶². В это время был убит в курии Кассием и Брутом также и [Юлий] Цезарь⁹⁶³, после того как владел верховной властью три года и шесть месяцев.

2. Когда вследствие возникшей из-за смерти Цезаря войны все более или менее влиятельные лица рассеялись повсюду с целью набирать войска, в Сирию прибыл из Рима Кассий⁹⁶⁴ с тем, чтобы принять командование над стоявшими при Апаmee войсками. Затем он снял осаду, примирил Басса и Мурка, направился к прочим городам, чтобы набрать там оружие и войска, и наложил на эти города значительную дань. При этом он особенно обидел Иудею, требуя с нее семьсот талантов серебра. Видя ужас и большое смущение населения, Антипатр распорядился распределить сбор этой дани между своими сыновьями и другими лицами, в числе которых находился также некий Малих, очень плохо относившийся к нему. Первым внес назначенную сумму от лица Галилеи Ирод и тем снискал себе особенную дружбу Кассия, так как Ирод разумно решил, что теперь следует выслуживаться перед римлянами и за чужой счет снискивать их благоволение. Тем временем заплатились своей личной свободой управители всех других городов, и Кассий лишил самостоятельности четыре города; наиболее могущественными из них были Гофна и Эммаус; другими же двумя являлись Лидда и Фамна. Кассий при этом был так разгневан, что убил бы Малиха (рискнувшего оказать ему противодействие), если бы Гиркан не удержал его от решительного шага при посредстве Антипатра, послав ему сто талантов из собственных своих средств.

3. Когда Кассий покинул Иудею, Малих стал злоумышлять против Антипатра, рассчитывая, что смерть его станет для Гиркана залогом прочности власти последнего. Между тем этот план не остался секретом для Антипатра. Узнав о нем, Антипатр двинулся за Иордан и стал набирать [себе] войско из арабов в туземцев. Будучи, однако, хитрым человеком, Малих отрицал свои козни и стал клятвенно уверять Антипатра и его сыновей, что ему никогда и в голову не могла прийти такая мысль, потому что ведь Фазаель охраняет Иерусалим, да и склады оружия находятся в ведении Ирода. Видя невозможность осуществления своих планов, он примирился с Антипатром. В это время претором Сирии был Мурк. Узнав о готовящемся Малихом перевороте в Иудее, он чуть было не казнил его, но Малиха спас заступившийся за него Антипатр.

4. Однако Антипатр не думал, что в лице Малиха он спас своего собственного убийцу. Дело в том, что, собрав войско, Кассий и Мурк поручили заведование всеми делами Ироду, назначили его правителем Келесирии и, дав ему флот и конные и пешие отряды, обещали провозгласить его царем иудейским после войны, которая тогда возникла между Антонием и молодым Цезарем [Августом]⁹⁶⁵. Испугавшись такого оборота дел, Малих теперь стал особенно стараться избавиться от Антипатра; с этой целью он подкупил виночерпия Гиркана, у которого Антипатр обедал, и тот отравил последнего. Держа наготове солдат, Малих овладел всем городом. Когда же Ирод и Фазаель узнали о покушении Малиха на их отца и гневно потребовали от него объяснения, Малих вновь стал отрицать свою вину и так и не сознался в убийстве. Таким

образом умер Антипатр, отличавшийся благочестием, справедливостью и любовью к своей отчизне. Сын его, Ирод, немедленно решил отомстить за отца и двинуться с этой целью во главе войска на Малиха, тогда как старшему сыну, Фазаелю, казалось более подходящим захватить Малиха хитростью, чтобы не навлекать на себя обвинения в возбуждении междоусобной войны. Поэтому он принял к сведению оправдания Малиха и подал вид, будто верит, что тот отнюдь не виновен в смерти Антипатра. Тем временем он стал воздвигать отцу своему роскошный надгробный памятник. Между тем Ирод отправился в Самарию, которую нашел в грустном положении, и прекратил распри населения ее.

5. Когда вскоре затем наступил праздник в Иерусалиме, он явился во главе своего войска к городу. Малих испугался и стал уговаривать Гиркана не позволять Ироду вступать в город. Гиркан послушался его и привел в качестве объяснения своего запрещения, что нельзя вводить в город иностранцев во время священного праздника. Однако Ирод, не обратив никакого внимания на вестника [Гиркана], ночью вступил в город. Этим он вверг в ужас Малиха, который, впрочем, не переставал разыгрывать комедию, открыто оплакивая Антипатра и называя его своим другом, на самом же деле втайне принимая меры предосторожности для ограждения своей личности. Тогда и приверженцы Ирода решили не подавать виду, что понимают эту комедию, а, как будто ничего не подозревая, относились к нему любезно и предупредительно.

6. Тем временем Ирод письмом сообщил Кассию о смерти отца своего. Кассий, отлично зная характер Малиха, написал ему в ответ, что должно отомстить за смерть отца, а сам тайно разослал предписания тирийским военачальникам оказывать всякое содействие Ироду, когда тот начнет требовать [с Малиха] удовлетворения. Когда Кассий взял Лаодикею и к нему стали со всех сторон привозить венки и дары, то Ирод рассчитал, что туда прибудет Малих и получит там свое возмездие. Однако Малих, находившийся тогда около финикийского города Тира, стал подозревать о всем этом и решился на исполнение еще более отчаянного плана, а именно, так как его собственный сын находился тогда в Тире в качестве заложника, он решил, проникнув в город, похитить ребенка, двинуться в Иудею и, пока Кассий будет занят войной с Антонием [966](#), склонить народ к отпадению и самому занять престол. Однако этот план потерпел неудачу вследствие противодействия со стороны Предвечного и потому, что более хитрый Ирод разгадал его. Он послал в город одного из своих служителей под предлогом приготовить все к пиру (на который были приглашены все его друзья), на деле же к начальникам с предложением выступить против Малиха с кинжалами. Начальники вышли из города, нашли Малиха поблизости на морском берегу и убили его там. В ужасе Гиркан лишился языка; когда же он затем пришел в себя, то спросил у людей Ирода о подробностях этого случая и кто явился убийцей Малиха. Когда же ему ответили, что тот убит по повелению Кассия, Гиркан выразил свое одобрение, потому что Малих был весьма гнусным человеком и [часто] злоумышлял против отчизны.

7. Такое возмездие понес Малих за свое предательство относительно Антипатра.

Лишь только Кассий покинул Сирию [967](#), в Иудее [опять] возникла смута. Дело в том, что оставленный в Иерусалиме некий Геликс [968](#) двинулся во главе войска на Фазаеля. Таким образом, народу [опять] пришлось взяться за оружие. Тогда Ирод двинулся к дамасскому военачальнику Фабию, но в своем желании поспешить на помощь к брату был удержан болезнью. Тем временем, впрочем, Фазаель собственными силами одержал верх над Геликсом, заключил его в башню, а затем уже, заключив с ним договор, отпустил опять на волю. Вместе с тем он стал укорять Гиркана в том, что он, которому они оказывали столько услуг, поддерживает их врагов. Дело в том, что брат Малиха склонил тогда немало местностей к отпадению и стал укреплять их, в том числе также и наиболее недоступный город Масаду.

Впрочем, в это же самое время Ирод успел оправиться от своей болезни; он отнял у него все занятые им местности и, на основании заключенного договора, отпустил его на волю.

1. Тем временем расположенный к сыну Аристобула, Антигону, который успел набрать войско и деньгами склонить на свою сторону Фабия, Птолемей Меннай из родственных чувств сделал попытку вернуть Антигону власть. Вместе с ним двинулся в поход также оставленный Кассием в Тире в качестве правителя Марион. Этот Кассий разделил вообще всю Сирию на отдельные наместничества. Марион вторгся в находившуюся по соседству Галилею, захватил там три укрепленных пункта и занял их своими гарнизонами. Против него двинулся Ирод и отнял у него все его приобретения; но при этом он отнесся крайне снисходительно к тирийским гарнизонам; некоторым из них он даже дал подарки из расположения своего к их городу. Совершив это, Ирод выступил навстречу Антигону, сразился с ним и, победив его, изгнал из Иудеи, пока тот еще не достиг [пограничных] возвышенностей. По возвращении своем в Иерусалим Ирод удостоился от Гиркана и народа награждения венками. В то время он успел уже стать в близкие отношения к семье Гиркана и потому оказывал последнему особенное внимание; он был нареченным женихом дочери Аристобула, сына Александра, и внучки Гиркана со стороны матери. Впоследствии она родила ему трех сыновей и двух дочерей ⁹⁶⁹. Впрочем, раньше он успел уже взять себе жену из простонародья, некую Дориду, от которой у него родился его старший сын, Антипатр.

2. Тем временем Антонию и Цезарю [Августу] удалось победить Кассия при Филиппах, как о том повествуется и другими историками. После этой победы Цезарь отправился в Италию, Антоний же в Азию ⁹⁷⁰. Когда Антоний прибыл в Вифинию, к нему отовсюду потянулись посольства. В числе прочих явились также и знатные представители иудеев и стали жаловаться на Фазаеля и Ирода, указывая на то, что Гиркан царствует лишь по имени, тогда как на деле вся власть в руках последних. Между тем Антоний относился весьма хорошо к Ироду. Когда последний прибыл к нему, чтобы оправдаться в возводимых на него обвинениях, ему удалось добиться, что обвинителей перестали даже слушать. Этого достиг Ирод у Антония путем подкупа.

Когда Антоний прибыл в Эфес, первосвященник Гиркан и весь народ [иудейский] отправили к нему посольство с поручением вручить ему золотой венец и с просьбой издать указ, в силу которого были бы отпущены на свободу по отдельным епархиям ⁹⁷¹ все неправильно захваченные Кассием в плен иудеи и им была бы возвращена земельная собственность, которой они были лишены во времена Кассия. Признав это ходатайство иудеев правильным, Антоний немедленно отправил Гиркану и иудеям, равно как и тирийцам, постановление следующего содержания:

3. «Марк Антоний император посылает привет первосвященнику и этнарху Гиркану, а также [всему] иудейскому народу. Если дела ваши хороши, я доволен; сам я с войском своим нахожусь в вожделенном здравии. Лисимах, сын Павзания, Иосиф, сын Менная, и Александр, сын Феодора, явились ко мне в Эфес в качестве послов, исполнили теперь, как и некогда в Риме, данное им поручение твое и народа, и усердно описали мне твое к нам расположение. Убежденный их вещественными доказательствами и доводами в том, что вы действительно весьма преданы нам, и узнав ваш благородный образ мыслей и ваше благочестие, позволяю себе выразить вам свое благоволение. После того как враги ваши и римского народа прошли по всей Азии, не щадя ни священных мест, ни храмов и не соблюдая данных клятв, мы, которые заступаемся не только за наши личные интересы, но преследуем общее благо, наказали всех виновных в беззакониях относительно людей и безобразиях по отношению к богам. Этими своими преступлениями враги, по нашему мнению, вызвали и то, что солнце отвернулось, лишь

бы не взирать на гнусное убийство Цезаря. Однако мы расстроили их богопротивные замыслы, для приведения в исполнение которых Македония представляла самое подходящее и самой природой как бы предназначенное место, и разбили гнусную толпу их единомышленников, которую они собрали вблизи македонского города Филиппы, причем им удалось занять отличные позиции за оградой тянувшихся до самого моря гор, так что доступ туда представлялся возможным лишь через один только проход. Несмотря на все это, мы побили их, потому что боги решили наказать их за все их безбожные начинания. Бежавший в Филиппы и подвергшийся там осаде нашей, Брут разделил с Кассием его печальную участь⁹⁷². Итак, теперь, когда те подверглись наказанию, мы надеемся, что Азия впредь сможет наслаждаться миром и отдохнуть от войны. Дарованный нам Господом Богом мир мы желаем распространить и на союзников наших, так что ныне, благодаря нашей победе, тело Азии сможет как бы оправиться от продолжительной болезни. Поэтому я теперь памятую особенно о тебе и о [твоем] народе, заботясь о развитии вашего благосостояния. Ввиду сего я рассылаю указы по отдельным городам, чтобы была возвращена свобода всем тем свободнорожденным или рабам, которые были проданы с публичного торгога Гаем Кассием или его подчиненными. Вместе с тем я утверждаю за вами невозбранное пользование всем тем, что даровано вам было мной и Долабеллой. Тирийцам я сим запрещаю подвергать вас каким бы то ни было насилиям и повелеваю им возратить все то, что они отняли у иудеев. Присланный тобой венец [с благодарностью] я принял».

4. «Император Марк Антоний посылает привет должностным лицам, совету и народу города Тира. Ввиду того что ко мне в Эфес прибыли послы первосвященника и этнарха Гиркана и заявили мне, что вы владеете их областью, которую вы заняли во время владычества наших противников, я желаю, так как мы начали войну за главенство и, заботясь о всех благочестивых и праведных людях, наказали тех, кто забывал оказанные благодеяния и нарушал данные клятвы,- итак, я желаю, чтобы тот мир, которым пользуетесь вы, распространился также на союзников наших, и повелеваю вам более не задерживать имущества, полученного от наших противников, но возратить его тем, у кого вы его отняли. Ведь никто [из противников наших] не получал ни своей области, ни своего войска от сената; напротив, овладев всем этим насильно, они держались за это силой и вознаграждали этим своих сообщников по преступности.

Так как они подверглись теперь заслуженному наказанию, то мы желаем, чтобы наши союзники невозбранно владели своей прежней собственностью и чтобы вы вернули иудейскому этнарху Гиркану все занятые вами теперь земли, которые принадлежали ему хотя бы за день до начала преступной войны Гая Кассия против нашей провинции, равно как запрещаем вам насильно мешать им в пользовании их личной собственностью. Если же у вас есть какие-нибудь в этом отношении оправдания, то вы можете привести их в свою пользу, когда мы приедем в ваши места, ибо мы намерены соблюдать в одинаковой мере интересы всех союзников наших».

5. «Император Марк Антоний посылает привет свой должностным лицам, совету и населению Тира. Сим посылаю вам свое распоряжение, которое прошу принять к сведению и относительно которого прошу распорядиться поместить его в общественном архиве с латинскими и греческими копиями. Самый же оригинал прошу держать на особенно видном месте, чтобы все желающие могли прочитать его. Император Марк Антоний, один из триумвиров, постановил: «Ввиду того что во время последнего бунта Гай Кассий разграбил чужую провинцию, занятую войсками союзников, и притеснял дружественных римскому народу иудеев, мы, наказав его за наглость с оружием в руках, путем наших постановлений и решений повелеваем, чтобы все отнятое у наших союзников, равно как все то, что у иудеев было продано [с публичного торгога], будь то люди или вещи, было возвращено им, а именно чтобы

всем людям была возвращена их первоначальная свобода, а вещи были отданы прежним владельцам. Всякого, кто осмелился ослушаться моего распоряжения, постигнет кара. В случае нарушения мне предоставляется право распорядиться с ослушником согласно моему личному каждому раз усмотрению».

6. Совершенно то же самое он написал также сидонянам, антиохийцам и арадийцам. Мы считали уместным привести здесь все это в подтверждение указанного нами расположения и попечения римлян о нашем народе.

1. Когда впоследствии Антоний прибыл в Сирию, то выехавшая к нему навстречу и свидевшаяся с ним в Киликии Клеопатра⁹⁷³ очаровала его своими прелестями. Тогда вновь явились к нему сто самых влиятельных иудеев с жалобами на Ирода и его клеветов, причем они выбрали из своей среды наиболее ловких ораторов. Но против них стал говорить от имени молодого поколения Мессала⁹⁷⁴ и сделал это в присутствии самого Гиркана, который тем временем уже успел породниться [с Иродом]. Антоний выслушал обе стороны в Дафне⁹⁷⁵ и затем спросил Гиркана, кто из них лучше умеет править народом. Когда же тот указал на Ирода, Антоний, который и раньше относился к нему благосклонно в память своей давнишней дружбы к отцу его, с которым он и Габиний некогда были в наилучших приятельских отношениях, назначил обоих братьев тетрархами⁹⁷⁶ и поручил им заведование всеми делами иудеев, причем утвердил их в этом сане специальной грамотой. Вместе с тем он распорядился арестовать пятнадцать противников их. Когда же он собрался казнить их, его отговорили от этого намерения приверженцы Ирода.

2. Впрочем, вернувшиеся с такой неудачей послы все-таки не отчаивались, но послали еще тысячу человек к Антонию в Тир, куда тот, по слухам, должен был приехать. Однако Антоний, успевший получить от Ирода и его брата большие взятки, отдал приказ наместнику казнить иудейских посланников, которые-де стремятся к возбуждению смут, и поддерживать приверженцев Ирода. В то же время Ирод (находившийся вместе с Гирканом на песчаной равнине перед городом) тотчас пошел к ним навстречу и посоветовал им удалиться, чтобы, в противном случае, не подвергнуться крупной беде. Послы не послушались этого совета, и тогда внезапно выбежавшие [из города] и вооруженные короткими мечами римляне многих из них перебили, а некоторых ранили. Остальные же обратились в бегство, вернулись домой и прятались в ужасе. Когда народ стал громко роптать на Ирода, Антоний разгневался и приказал умертвить арестованных.

3. На следующий год Сириею овладели царский сын Пакор и парфянский сатрап Барцафарн⁹⁷⁷. В это время умер также и Птолемей Меннай; получивший после него престол сын его Лизаний заключил дружбу с сыном Аристобула, Антигоном, причем это дело уладил [вышеуказанный] сатрап, который пользовался у него огромным влиянием. Антигон обещал дать парфянам тысячу талантов и пятьсот женщин, если они лишат Гиркана власти, передадут ее ему и убьют приверженцев Ирода. Впрочем, обещания своего он [впоследствии] не сдержал. Ввиду этого парфяне пошли войной на Иудею, собираясь сделать царем Антигона; Пакор двинулся по прибрежной полосе, Барцафарн же вторгся изнутри страны. Тирийцы не впустили Пакора, сидоняне же и птолемаидцы приняли его к себе.

Тогда Пакор отправил в страну иудейскую конный отряд для рекогносцировки и поддержки Антигона. Начальствовал над этим отрядом царский виночерпий, носивший с ним одно и то же имя. Когда же многие из живших около горы Кармила иудеев явились к Антигону с изъявлением желания принять участие в его экспедиции, Антигону показалось вероятным, что он при их помощи овладеет частью страны. Место это называется Дримы. Но здесь им было оказано сопротивление, и они распались и двинулись [окольными путями] к Иерусалиму. Так как по дороге к ним присоединялись новые приверженцы, то в конце концов образовался значительный отряд, который явился к царскому дворцу и приступил к его осаде. Однако люди Фазаеля и Ирода немедленно явились на помощь; произошел бой на площади, и тогда молодежь побила врагов, вогнала их в храм и разослала по ближайшим домам воинов для ограждения их. Однако поднявшийся против них народ, видя их покинутыми союзниками, сжег их вместе с

этими домами. За это насилие, впрочем, немного спустя Ирод сильно отомстил своим противникам, сразился с ними и перебил многих из них.

4. Пока между ними ежедневно происходили стычки, враги стали поджидать из страны прибытия престолярства, которое должно было явиться к так называемому празднику Пятидесятницы. Когда же наступил этот праздник, около храма собралось несколько десятков тысяч людей, вооруженных и безоружных. Они заняли святилище и весь город, исключая окрестности дворца, который был еще во власти Ирода и его немногочисленного военного отряда. И вот, пока Фазаель охранял стену, Ирод во главе отряда двинулся на врагов через городское предместье и, сразившись тут с ними в жестоком бою, обратил в бегство много десятков тысяч, причем одни из его противников бежали в город, другие в храм, третьи в находящееся вне города небольшое укрепление, которое там имеется.

При этом Фазаель оказал брату должную поддержку. Тем временем парфянский военачальник Пакор по просьбе Антигона прибыл в город во главе немногочисленного конного отряда под предлогом подавить восстание, на самом же деле с тем, чтобы помочь Антигону добиться власти. Так как Фазаель выехал ему навстречу и принял его дружелюбно в свой дом, то Пакор стал уговаривать его отправить его во главе посольства к Барцафарну, причем имел в виду коварный какой-то замысел. Ничего дурного не подозревавший Фазаель так бы и поступил, если бы Ирод не удержал его от этого шага, не доверяя варварам. Напротив, он советовал принять меры предосторожности относительно Пакора и его спутников.

5. Впрочем, Гиркан и Фазаель все-таки отправились [к сатрапу], и Пакор, оставив у Ирода двести всадников и десять человек отборного отряда, известного под именем «свободных», поехал вместе с ними. Когда они прибыли в Галилею, к ним навстречу выступили с оружием в руках начальники тамошних городов. Барцафарн принял [иудеев] сперва любезно и одарил их подарками, а затем стал злоумышлять против них. Фазаель с товарищами был помещен вблизи [города] Экдиппона⁹⁷⁸, недалеко от моря.

Когда они тут узнали, что Антигон обещал парфянам за них тысячу талантов и пятьсот женщин, то они стали уже с подозрением относиться к варварам, тем более, что кто-то сообщил им, будто на них ночью готовится нападение и будто с этой целью за ними наблюдает специальная стража. Они действительно были бы схвачены, если бы варвары не вздумали подождать, пока оставшиеся в Иерусалиме парфяне не схватят Ирода, чтобы он не убежал от них, если узнает об избиении своих товарищей. Так оно и было на самом деле, и иудеи [своими собственными глазами] видели стражу. Тогда кое-кто посоветовал Фазаелю сесть на коня и не ждать дольше. Особенно побуждал его к этому офелий, который узнал [о коварных замыслах парфян] от некоего Самаралла⁹⁷⁹, самого богатого в то время сирийца, и обещал приготовить корабли для бегства, ибо море было близко. Однако Фазаель не желал покинуть Гиркана и навлекать опасность на брата. Поэтому он отправился к Барцафарну и представил ему всю незаконность его действий, если он так злоумышляет против них. При этом он обещал ему заплатить больше денег, чем дал бы ему Антигон, и указал на то, что для него было бы опасно убивать явившихся к нему на основании его слова послами ни чем не обидевших его людей. На это варвар стал клясться, что все эти опасения нисколько не основательны и что он мучается ложной подозрительностью. Затем он отправился к Пакору. После его отъезда несколько парфян заключили Гиркана и Фазаеля в оковы, а эти несчастные стали осыпать парфян бранью за их вероломство.

6. Отправленный к Ироду виночерпий получил поручение выманить Ирода за стены города и там схватить его. Между тем Фазаелем были посланы люди с извещением о коварстве парфян, но эти вестники были перехвачены врагами. Когда об этом узнал Ирод, он обратился к Пакору и к парфянским военачальникам, которые, в силу своего высокого положения, являлись

начальниками остальных парфян. Хотя им на самом деле и было все известно, однако они коварно прикинулись, будто ничего не знают, и предложили Ироду выехать в их обществе за город навстречу послам, которые привезут извещение; при этом парфяне уверяли, что эти посланные отнюдь не захвачены врагами, но скоро явятся с извещениями о том, как устроился Фазаель. Ирод им не поверил, потому что узнал из других источников о плене своего брата. Когда же его предупредила о том еще его теща, дочь Гиркана, он стал еще осторожнее относиться к парфянам. Хотя другие и не очень доверяли ей, однако сам Ирод поверил этой в высшей степени умной женщине.

7. Пока парфяне совещались о дальнейшем образе действий (они не решались открыто напасть на человека, занимавшего столь видное положение) и сговаривались отложить исполнение своего плана до следующего дня, Ирод был крайне смущен и, более доверяя тому, что он узнал о судьбе своего брата и о кознях парфян, чем уверениям противоположного характера, с наступлением вечера решил воспользоваться темнотой для бегства и более не медлить, как будто бы угрожавшая ему со стороны врагов опасность была еще не достаточно определена. Поэтому, собрав своих воинов и посадив на вьючных животных женщин, а именно мать, сестру и невесту, внучку Аристобула, равно как мать последней (дочь Гиркана), а также младшего своего брата, равно как всю прислугу и домочадцев, Ирод незаметно от врагов двинулся по направлению к Идумее. Впрочем, навряд ли нашелся бы тогда столь черствый сердцем враг, который, присутствуя при этом, не пожалел бы о судьбе этих людей, видя, как женщины прижимали к себе младенцев и со слезами и рыданиями покидали теперь свою отчизну и томившихся в оковах друзей своих, идя навстречу собственной весьма неопределенной будущности.

8. Между тем Ирод, возвышаясь над постигшим его страшным ударом, сам нисколько не терял мужества и присутствия духа, но во время пути утешал еще своих спутников и уговаривал их не предаваться слишком печали, потому что это только помешает их бегству, в котором одном заключается все их спасение.

Ввиду утешений Ирода те, действительно, по мере сил старались спокойнее переносить постигшее их горе. Впрочем, сам Ирод чуть было не наложил на себя руки, когда один из мулов оступился и мать Ирода подверглась при этом большой опасности. Этот порыв его был вызван не только мыслью о матери, но и опасением, как бы не попасть в руки гнавшихся за ними неприятелей, вследствие происшедшей от этого падения задержки. Он было уже извлек свой меч и собирался пронзить себя им, но тут его удержали многочисленные спутники и указали ему, что он не может бросить их на произвол врагам, ибо не благородно избегать самому опасности и тем самым ввергать в нее близких людей. Таким образом. Ирод был удержан от приведения в исполнение своего отчаянного намерения отчасти чувством самолюбия, отчасти убеждениями, отчасти же множеством лиц, не допустивших его наложить на себя руки. Когда же тем временем и мать его опять пришла в себя и оправилась, насколько позволяли обстоятельства, благодаря окружавшим ее попечениям. Ирод стал продолжать начатый путь и по возможности скорее пытался достигнуть крепости Масады. По дороге ему пришлось часто сражаться с выступавшими ему навстречу и преследовавшими его парфянами, но он [постоянно] оставался победителем.

9. Впрочем, во время своего бегства Ирод подвергался опасностям также со стороны иудеев, которые напали на него с оружием в руках по пути, когда он успел удалиться от города на расстояние шестидесяти стадий. Однако он побил их так, как будто бы он не был захвачен в тяжелую и критическую минуту, но был наилучшим образом вооружен и стоял во главе огромного специально готового к бою войска.

Впоследствии, когда Ирод стал уже царем, он воздвиг на месте этой своей победы над

иудеями великолепный дворец и положил основание городу, который назвал Иродиадою. Когда Ирод достиг идумейского города Трессы, навстречу ему выступил брат его Иосиф и стал совещаться с ним о дальнейшем образе действий, потому что с Иродом шла значительная масса народа, помимо наемных воинов, а Масада, куда он хотел укрыться, не могла вместить в себе такого огромного числа людей. Тогда Ирод отпустил от себя большинство их, более девяти тысяч человек, предложив им по мере возможности укрываться в Идумее и дав им деньги на дорогу. Сам же он с самыми ловкими и преданными удалился в крепость, оставил там женщин и свиту (около восьмисот человек), благодаря значительным в крепости запасам хлеба, воды и прочих припасов, а сам двинулся к Петре Аравийской.

Тем временем с наступлением дня парфяне стали грабить все в Иерусалиме и между прочим царский дворец, оставив, впрочем, нетронутым имущество Гиркана, доходившее стоимостью до трехсот талантов. Однако многое из имущества Ирода ускользнуло от них, главным образом потому, что этот умный и предусмотрительный человек заранее предупредил их, отослав главные свои ценности в Идумею. Однако парфяне не удовлетворились тем, что нашли в городе; поэтому они предавали грабежу и разорению также все его окрестности и разрушили при этом весьма могущественный город Мариссу.

10. После того как Антигон таким образом был вновь водворен в Иудее, при помощи парфянского царя он получил от него пленных Гиркана и Фазаеля. Впрочем, он был в довольно безвыходном положении, так как у него ускользнули те женщины, которых он должен был, согласно своему обещанию, отдать врагам вместе с деньгами. Вместе с тем он опасался также, как бы народная масса не вздумала вернуть царскую власть Гиркану (которого стерегли парфяне), и потому он велел отрубить ему уши, рассчитывая лишить его таким образом возможности быть первосвященником вследствие телесного порока, так как закон требовал, чтобы сан первосвященника занимало лицо нормально сложенное.

Нужно изумляться присутствию духа Фазаеля, который, при известии о предстоящей ему казни, вовсе не утрастился смерти, но, считая такую смерть от руки врага слишком тяжелой и позорной, не имея возможности лично наложить на себя руки вследствие оков, решил разбить себе голову о стену. Таким образом, он сам лишил себя жизни, причем этот род смерти казался ему наиболее достойным в его безысходном положении: он все-таки лишил врага удовольствия казнить его по своему усмотрению. Говорят, что, когда он умирал от своей тяжелой раны, Антигон послал к нему врачей якобы для оказания помощи, но на самом деле чтобы окончательно отравить его. Но раньше, чем Фазаель испустил дух, некая женщина принесла ему известие, что его брат Ирод избег преследований врагов. Поэтому Фазаель спокойно встретил смерть, зная, что остается в живых человек, который сможет отомстить за его смерть и жестоко наказать врагов.

1. Тем временем Ирод не отчаивался в постигших его крупных несчастиях, но изо всех сил старался выпутаться из затруднительного положения. Например, он отправился к арабскому царю Малиху, которому он раньше оказал целый ряд услуг, и рассчитывал получить от него столь нужную ему теперь денежную помощь, в виде ли ссуды или в форме подарка, так как царь сам в свое время немало попользовался его щедростью. Так как Ирод пока не знал еще ничего о постигшей его брата судьбе, то он спешил освободить его из рук врагов и был готов заплатить за него крупный выкуп, хотя бы стоимостью в триста талантов. Ввиду этого он захватил с собой также семилетнего сына Фазаеля, чтобы оставить его арабам в качестве заложника. Когда же ему навстречу выехали послы Малиха с просьбой вернуться назад (дело в том, что Малих утверждал, будто бы парфяне запретили ему принять Ирода; впрочем, эта отговорка служила лишь предлогом, чтобы не возвращать Ироду долга, а также была вызвана убеждениями знатнейших арабов, которые не желали лишаться денежных сумм, оставленных им некогда Антипатром), тогда Ирод ответил им, что целью его приезда вовсе не является желание стеснить арабов, но необходимость посоветоваться [с царем] о крайне неотложных делах.

2. Затем, однако, Ирод все-таки считал более разумным удалиться в Египет. Тогда он прибыл в какое-то святилище (где он оставил небольшой отряд своих приверженцев), а на следующий день в Ринокоруру, где узнал о судьбе, постигшей его брата. Тем временем, впрочем, Малих успел одуматься и поспешил вслед за Иродом, однако не мог его догнать, потому что последний, спеша к Пелузию, удалился значительно вперед. Когда он прибыл туда и находившиеся там корабельщики не захотели повезти его в Александрию, он обратился к начальствующим лицам. Принятый последними с почтением и сопутствуемый ими к городу, он прибыл туда и был там удерживаем Клеопатрой. Однако Клеопатра не смогла уговорить его остаться у нее, потому что он вследствие наступления зимы спешил в Рим, тем более, что из Италии приходили вести о тамошних смутах и больших политических переменах⁹⁸¹.

3. Поэтому Ирод поехал отсюда [на корабле] в Памфилию; его застигла страшная буря, и он с трудом спасся в Родосе, потеряв при этом, однако, свой багаж. Тут он встретил двух друзей, Саппина и Птолемея. Найдя город страшно разоренным вследствие войны Кассия, он, несмотря на личный недостаток средств, все-таки не мог удержаться от того, чтобы не поддержать его, и помог ему свыше сил своих. Затем он велел снарядить себе трирему⁹⁸² и поехал на ней в сопровождении друзей своих в Италию, где и высадился в Брундизии. Прибыв затем в Рим, он сперва сообщил Антонию о событиях в Иудее, а именно как был загублен взятый парфянами в плен брат его, Фазаель, как Гиркан [до сих пор] находится у них в плену, как парфяне провозгласили царем Антигона, обещавшего им [за это] тысячу талантов деньгами и пятьсот женщин из наиболее знатных семейств, как он сам, Ирод, однако, увез этих женщин ночью и как ему удалось избежать врагов, претерпев множество лишений; как затем его домашние подвергаются крайней опасности вследствие осады и как он сам, несмотря на зимнее время и забыв о всяких личных неудобствах, приплыл сюда в уповании исключительно на его, Антония, помощь.

4. Антоний сжалился над постигшим Ирода бедствием, и, так как подумал о том, что и самые могущественные люди зависят от превратностей судьбы в такой же точно мере, как и угнетенные, он, в память прежних дружественных отношений к Антипатру, а также побуждаемый обещанными Иродом, в случае назначения своего царем, денежными суммами (он заплатил ему и раньше, когда был назначен тетрархом), особенно же вследствие ненависти к Антигону (в котором видел опасного для римлян мятежника), охотно согласился поддержать

Ирода и исполнить его просьбу. Сам Цезарь ⁹⁸³ также выразил готовность исполнить желание Ирода и поддержать его, потому что он памятовал о походе Антипатра вместе с отцом его в Египет, равно как его гостеприимство и во всех отношениях предупредительную любезность, а также потому, что желал сделать угодное Антонию, который особенно отстаивал интересы Ирода. Когда затем собрался совет, представленные Иродом Мессала, а за ним Атратин рассказали об услугах, оказанных отцом его (Антипатром) римлянам, вспомнили о всегдашнем его расположении к ним, а также стали обвинять Антигона во враждебных римлянам замыслах, что видно не из одного того только, что он, совершенно помимо римлян, добился власти при помощи парфян. Так как сенат не скрыл при этом своего гнева, то Антоний немедленно явился с указанием, что для предстоящей парфянской войны было бы полезно провозгласить Ирода царем. Это предложение было принято и единогласно утверждено.

5. Так ревностно соблюдал Антоний интересы Ирода, что не только выхлопотал ему, не рассчитывавшему вовсе на это, царскую власть, но и добился того, чего уже никак не ожидал Ирод, что он мог в качестве царя выехать спустя семь дней из Италии (дело в том, что Ирод хотел домогаться царского достоинства не для себя лично, так как не рассчитывал на это, потому что римляне имели обыкновение провозглашать царями лишь лиц соответствующего происхождения, а для своего шурина Аристубула, который был внуком Аристубула со стороны отца и внуком Гиркана по матери) Этого молодого человека Ирод, впрочем, казнил, как мы покажем в свое время.

Когда окончилось заседание сената, Антоний и Цезарь вышли оттуда в сопровождении Ирода, консулов и всех остальных должностных лиц, для того чтобы принести [установленную] жертву и поместить состоявшееся решение в Капитолии. Затем Ирод в первый день своего царствования обедал у Антония.

Таким образом, он достиг царской власти в сто восемьдесят четвертую олимпиаду, во вторичное консульство Гнея Дометия Кальвина и [в первое] — Гая Азиния Поллиона ⁹⁸⁴.

6. В течение всего этого времени Антигон осаждал засевших в Масаде, причем у них было вдоволь всяких жизненных припасов и ощущался лишь недостаток в воде, так что вследствие этого брат Ирода, Иосиф, решил было с двумястами своих людей бежать к арабам, так как до него дошли слухи, что Малих раскаивается в своем проступке относительно Ирода. От исполнения этого предприятия, впрочем, сам Господь Бог удержал Иосифа, послав ночью дождь: когда водоемы наполнились влагой, не было более необходимости бежать, и все теперь снова ободрились, тем более, что в пополнении недостававшего запаса воды они усматривали поддержку, оказанную им самим Предвечным. Поэтому они рискнули сделать вылазку и сразиться с войсками Антигона, отчасти в открытом поле, отчасти под прикрытием. При этом они перебили множество неприятелей. В то время прибыл за парфянами в Иудею римский полководец Вентидий ⁹⁸⁵, посланный из Сирии для того, чтобы прогнать парфян. Он явился якобы на помощь Иосифу, на самом же деле вся цель его была при этом получить взятку с Антигона. Расположившись поэтому вблизи самого Иерусалима, он тотчас получил от Антигона деньги и сам удалился с большей частью своего войска; а для того, чтобы не навлекать на себя подозрения [в подкупе], он оставил тут Силона с отрядом. Антигон, впрочем, подкупил и его и обезопасил себя этим, рассчитывая, между прочим, на то, что парфяне вторично поддержат его.

1. Когда вскоре затем Ирод приехал из Италии в Птолемаиду и набрал там значительное войско, состоявшее отчасти из наемников, отчасти из единоплеменников (иудеев), он направился по Галилее против Антигона. Вместе с тем к нему примкнули также Силон и Вентидий, которых уговорил посланный Антонием Деллий поддержать Ирода. Вентидий был как раз занят тем, что подавлял беспорядки, возникшие в различных городах благодаря парфянам, тогда как Силон, подкупленный Антигоном, пребывал в Иудее. Между тем, по мере того как Ирод подвигался вперед, могущество его росло с каждым днем, и, за малыми исключениями, к нему присоединилась вся Галилея. Когда же он двинулся к Масаде (где было необходимо выручить осажденных родственников), город Яффа ⁹⁸⁶ представил ему некоторую задержку; ввиду его враждебности пришлось сперва взять этот город, чтобы, при дальнейшем следовании Ирода к Иерусалиму, не оставалось крепости в тылу для врагов. При этом Силон воспользовался представившимся случаем изменить свою позицию; когда же иудеи принялись преследовать его, Ирод во главе небольшого отряда поспешил к нему на выручку, обратил иудеев в бегство и тем спас Силона, очутившегося было в крайне затруднительном положении. Взяв затем Яффу, Ирод поспешил на выручку своих родных. Из жителей многие теперь примкнули к нему, отчасти вследствие расположения к отцу Ирода, отчасти ввиду славы, которая следовала за Иродом, отчасти в воздаяние оказанных им обоими услуг, большинство же было побуждаемо к тому надеждами, которые возникали у них относительно будущего, когда Ирод утвердит за собой царскую власть.

2. Таким образом, у Ирода набиралось внушительное войско, и по мере того, как он двигался вперед, Антигон занимал своими отрядами самые важные пункты по пути следования его или помещал в них засады; впрочем, все это вовсе или по крайней мере очень мало не вредило врагам. Ирод освободил своих родственников в Масаде, взял крепость Трессу и двинулся на Иерусалим, причем вместе с ним шло не только войско Силона, но к нему примкнули также многие из жителей Иерусалима, испугавшиеся его могущества. Когда Ирод расположился лагерем на западной стороне города, то поставленная здесь стража стала стрелять из луков и метать дротики; некоторые отряды рискнули даже выйти из города и вступили в борьбу с авангардом Ирода. Тогда Ирод в первый раз приказал возвестить под стенами [города], что он, явившись лишь для блага народа и спасения города, готов не только забыть все обиды, нанесенные ему его отъявленными врагами, но и дать амнистию за самые тяжкие провинности. В ответ на это воззвание Ирода Антигон обратился к Силону и римскому войску, что они нарушат всякую справедливость, если отдадут царскую власть Ироду, который является совершенно частным лицом и притом идумеянином, т.е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям [страны] эта власть должна принадлежать лишь кровным иудеям. Если, продолжал он, иудеи теперь и недовольны тем, что он (Антигон) добился царской власти при помощи парфян, и решили ее отнять у него, то все-таки имеется еще много членов его семьи, которые, не причинив никакого зла римлянам и вдобавок будучи священниками, совершенно несправедливо терпят обиду, будучи лишены этой власти; впрочем, они сумеют добиться ее. Пока происходили переговоры, перешедшие затем в ругань, Антигон распорядился отогнать врагов от стены. Последние, однако, принялись за стрельбу из луков и, пустив в ход всю свою храбрость, без труда согнали противников с их башен.

3. Тогда-то Силон явно обнаружил, что его подкупили. Дело в том, что по его наущению многие из солдат стали громко роптать на недостаток съестных припасов и требовать денег для приобретения их, причем просили, чтобы их отвели в более удобные места на зимние стоянки,

потому что все окрестности города разорены солдатами Антигона. Вследствие этого весь лагерь заволновался и сделал попытку удалиться. Однако Ирод стал энергично убеждать военачальников Силона и его солдат не покидать его, ссылаясь при этом на то, что они следуют за ним по приказанию Цезаря, Антония и сената. При этом он говорил, что позаботится об их благополучии и без труда доставит им в изобилии все, чего бы они ни пожелали. После этого обещания он немедленно двинулся в глубь страны и тем самым лишил Силона всякого повода к отступлению; при этом ему удалось добыть такое множество припасов, на какое никто не мог рассчитывать, и послал своим друзьям в Самарии просьбу доставить к нему в Иерихон хлеба, вина, оливкового масла, скота и всего прочего, дабы его войско не терпело ни малейшего недостатка. Об этом узнал также Антигон, и потому он немедленно распорядился разослать по окрестностям отряды, которые должны были перехватить обозы [Ирода]. Сообразно приказанию Антигона, около Иерихона собралось значительное войско, которое засело в горах и стало ожидать прохода транспортов. Впрочем, и Ирод, в свою очередь, не дремал. С десятью когортами, пятью римскими и пятью иудейскими, равно как с отрядом наемников, к которым было присоединено еще несколько кавалерии, он двинулся к Иерихону. Город этот он нашел покинутым жителями; лишь пятьсот человек заняли с женами и детьми крепость, но Ирод взял ее и отпустил их; римляне тем временем рассыпались по городу и стали грабить его, причем нашли в жилищах множество всевозможных драгоценностей. Затем царь оставил в Иерихоне гарнизон, сам вернулся назад и отпустил римское войско на зимовье в преданные ему области: Идумею, Галилею и Самарию. Вместе с тем и Антигон путем подкупа добился от Силона согласия на оставление части войска в Лидде; этим он думал снискать себе расположение Антония. Таким образом, римляне, освободясь от военной службы, устроились отлично.

4. Ирод, однако, не желал пребывать в бездействии. Послав в Идумею брата своего Иосифа во главе двух тысяч пехотинцев и четырехсот всадников, он сам направился к Самарии. Устроив тут свою мать и прочих домашних, освободившихся тем временем от заключения в Масаде, Ирод пошел в Галилею с целью занять несколько пунктов, где были помещены гарнизоны Антигона. Прибыв при снежной вьюге в Сепфорис, причем отряд Антигона покинул город, он завладел богатым запасом продовольствия. Так как там жило в пещерах несколько разбойничьих шаяк, он выслал против них отряд конницы и три когорты пехоты и решил прекратить грабежи. Это произошло в непосредственной близости к деревне Арбеле. На сороковой день явился сам Ирод во главе всего своего войска, и хотя враги выступили ему навстречу весьма храбро, однако правое крыло их дрогнуло; когда же они вступили в бой с отрядом самого Ирода, то они, которые одержали уже победу, обратились в бегство, и воины царя преследовали их. Таким образом Ирод гнался за ними до реки Иордана, а также за теми, которые бежали по другим дорогам. Таким путем Ирод подчинил себе всю Галилею, исключая разбойничьи шайки в [горных пещерах]. После этого он роздал войску денежные награды, а именно каждому солдату вручил полтораста драхм, а начальникам гораздо более. Затем уже он разместил все войско по зимним квартирам. В это время прибыли к нему Силон и другие, находившиеся на зимних стоянках военачальники, потому что Антигон отказался давать им продовольствие дольше месячного срока. Вместе с тем Антигон распорядился отдать всем своим приверженцам в окрестностях приказ собрать все припасы, имеющиеся в стране, и бежать с ними в горы, дабы римляне, лишены всего необходимого, погибли от голода. Между тем Ирод поручил своему младшему брату Ферору позаботиться об этих людях и вместе с тем приказал ему вновь отстроить Александрией; последний быстро доставил войску в изобилии все нужное, а также укрепил покинутый всеми город Александрией.

5. Около того же времени Антоний находился в Афинах. Вентидий между тем, послав Силона против парфян в Сирию, поручил ему сперва поддержать в этой войне Ирода, а затем

уже собрать союзников для римского похода. Ирод, однако, отправил Силона обратно к Вентидию, а сам собрался лично покончить с разбойничьими шайками в пещерах и с этой целью двинулся против них. Пещеры находились в крайне недоступных горах, и вход в них был среди почти отвесных скал, защищенных остроконечными утесами. В этих пещерах разбойники укрывались со своими семействами. Тогда царь распорядился соорудить большие кованые ящики и спустить их на железных цепях с вершины гор, потому что его люди не могли ни спуститься по скатам благодаря их отвесности, ни подняться на верх [по той же причине]. Эти ящики были полны воинов, снабженных длинными баграми, которыми они должны были схватывать выходящих из пещер разбойников и сбрасывать их затем вниз. Впрочем, спуск этих ящиков представлял значительную опасность ввиду необычайной глубины пропастей. В то же самое время разбойники [в пещерах] были снабжены в достаточной мере продовольствием и всем нужным; когда же ящики были спущены вниз, никто из разбойников не решился выйти на площадки перед пещерами, но все были в большом страхе. Тогда один из воинов [Ирода] опоясался мечом, ухватился обеими руками за цепь, на которой висел ящик, и выскочил на площадку, сердясь на то, что разбойники не решаются выйти к нему. Подойдя затем к входу в пещеру, он сперва своими копьями перебил множество столпившихся у входа, а затем схватил багром тех, кто двинулся вперед, вытащил их на площадку и сбросил в пропасть. После этого он проник в самую пещеру, убил там множество разбойников, а затем спокойно прыгнул обратно в свой ящик. Тогда на остальных врагов напал страх, они услышали стоны умирающих и стали отчаиваться в своем спасении. Однако наступление ночи положило конец всему этому предприятию. Когда царь возвестил им требование сдаться, многие вышли, отдались во власть его и обещали ему покорность. Точно таким же образом продолжалась осада [остальных] на следующий день, тем более, что солдаты стали смелее выскакивать из ящиков и драться у входа в пещеры, куда они также кидали огонь, чтобы опустошить внутренности пещер, где было собрано много дров. При этом один старик, заключенный в пещере с семьей сыновьями своими и женой, сделал следующее: когда члены его семьи просили его разрешить им выйти на площадку и отдаться во власть римлян, он сам встал у входа и поочередно перебил всех выходящих детей своих, равно как и жену. Затем он сбросил тела их в пропасть и за ними сам ринулся вниз, предпочитая смерть рабству. Перед этим он еще стал хулить Ирода за его низкое происхождение, хотя царь (присутствовавший при всем этом) и простирал к нему правую руку, обещая полную безопасность. Таким образом все пещеры в конце концов были заняты.

6. После этого царь поручил Птолемею охрану этих местностей, а сам во главе шестисот всадников и трех тысяч пехотинцев двинулся к Самарии с целью решить спор свой с Антигоном на поле брани. Однако командование Птолемея окончилось для него неудачей, потому что те отряды, которые и раньше производили смуты в Галилее, напали на него и убили его, после чего бежали в болота и неприступные местности, предавая все на пути своем разграблению. Однако Ирод сейчас же вернулся и наказал их, перебив часть мятежников и подвергнув осаде других, которые бежали в укрепления. Укрепления эти он взял, а людей перебил. Этим он раз и навсегда подавил в них стремление к мятежам, а города в наказание обложил данью в сто талантов.

7. Тем временем Пакор пал в битве, и счастье отвернулось от парфян. Тогда, по приказанию Антония, Вентидий послал Ироду на помощь Махера с двумя легионами и тысячью всадников. Между прочим, Махер, несмотря на увещевания Ирода, склонился на подкуп со стороны Антигона и удалился под предлогом ближе ознакомиться с положением дел последнего. Но, подозревая о его истинных намерениях, Антигон не стал дожидаться его прибытия, а встретил его градом камней пращников, тем самым показывая ему, что он понял его планы. Когда теперь Махер убедился, что Ирод посоветовал ему наилучшее и что он, не вняв его совету, поступил нехорошо, он двинулся назад к городу Эммаусу и в гневе на постигшую его

неудачу стал избивать всех попадавшихся ему по пути иудеев, невзирая на то, враждебны ли они или дружественны ему. Тогда царь, в свою очередь, страшно рассердился и пошел к Самарии. Он решил пожаловаться Антонию и сказать ему, что не нуждается в таких союзниках, которые приносят больше вреда ему, чем врагам, и что он сам в силах справиться с Антигоном. Однако Махер последовал за ним и стал упрашивать остаться здесь или, по крайней мере, в случае ухода, все-таки оставить при нем брата своего Иосифа, чтобы он вместе с ним мог воевать с Антигоном. Усиленные просьбы Махера заставили Ирода склониться на его сторону; он оставил ему Иосифа с войском, но советовал брату остерегаться опасности и не ссориться с Махером.

8. Сам Ирод поспешил к Антонию (который как раз в это время осаждал город Самосату на Евфрате), имея для своего прикрытия отряды конный и пеший. Прибыв в Антиохию и найдя там множество лиц, которые непременно желали поехать к Антонию, но не решались на это из боязни подвергнуться по пути нападению варваров и погибнуть, он смело предложил взять на себя главенство в этой экспедиции. На расстоянии двухдневного перехода от Самосаты туземцы устроили засаду, чтобы лишить Антония подвоза [припасов], причем эти люди заняли лесные опушки при входе в равнину, а значительные, спрятанные там же конные отряды должны были дожидаться, пока проезжающие не вступят на равнину. Когда проехали первые части и проследовал в арьергарде Ирод, на него внезапно бросилось из засады до пятисот врагов. Первые ряды быстро были обращены в бегство, царь же ринулся немедленно вперед на выручку товарищей и стал рубить врагов; этим он вновь возбудил мужество своих людей и придал им отваги, а так как тем временем бежавшие вернулись назад, то на варваров отовсюду посыпались удары и множество их подверглось избиению. Царь сам налег на них изо всех сил и двинулся вперед тогда лишь, когда ему удалось отбить у врагов все то, что они успели было похитить (множество вьючного скота и рабов). Когда же затем на них напало еще более значительное количество врагов, находившихся в засаде в лесах при выходе из равнины. Ирод вступил и с ними в отчаянный бой, обратил их в бегство и, перебив множество их, дал своим спутникам, которые называли его теперь своим спасителем и заступником, возможность беспрепятственно совершать дальнейший путь свой.

9. Когда Ирод приблизился к Самосате, Антоний выслал ему навстречу войско и личную свою свиту, чтобы выразить ему этим свое почтение и оказать поддержку: Антоний уже знал о нападении варваров. Он с удовольствием ждал приезда Ирода, и так как узнал о подвигах, совершенных им в пути, то принял его с выражением удивления его храбростью, немедленно заключил его в объятия и принял его с тем большим почетом, что он сам недавно провозгласил его царем. Так как немного спустя Антиох сдал Антонию свою крепость и тем самым война окончилась, Антоний поручил Сосию Сирию с приказанием поддерживать Ирода, а сам двинулся в Египет. Сосий тотчас выслал два легиона в Иудею для поддержки Ирода, а сам с ядром своего войска последовал за ним.

10. В это время в Иудее умер Иосиф следующим образом: он совершенно забыл о том, что советовал ему брат его при отъезде к Антонию, и расположился лагерем на склонах гор (дело в том, что он во главе предоставленных ему Махером пяти когорт собирался двинуться на Иерихон, чтобы овладеть посеянным тамошними хлебом). Но так как римский отряд состоял из одних только новобранцев, которые были еще неопытны в военном деле (тем более, что большинство этих людей было набрано в Сирии), то, когда на него там напали враги, он увидел себя в критическом положении и должен был умереть. Пал он, сражаясь геройски, и потерял при этом всех своих воинов, именно шесть когорт. Победив таким образом врагов, Антигон велел отрубить Иосифу голову, а брат последнего Ферор предложил ему за нее пятьдесят талантов. После этого галилеяне отложились от своих наместников и потопили приверженцев

Ирода в озере. В Иудее [также] произошли значительные смуты. Тем временем Махер принялся за укрепление местечка Гитты.

11. К царю между тем явились вестники с сообщением о случившемся и довели до его сведения в антиохийской Дафне о судьбе его брата, причем сам Ирод уже был предварен различными непреложными сновидениями о смерти брата. Поэтому он ускорил свое выступление к Ливанскому хребту, прибыл туда и, приняв в свое войско, состоявшее из одного римского легиона, еще около восьмисот туземцев, направился к Птолемаиде. Отсюда он ночью выступил во главе своего войска и пошел через Галилею. Тут против него выступили враги, но, будучи побеждены в битве, должны были вновь запереться в той крепости, откуда они вышли накануне. На заре Ирод совершил нападение на эту крепость, но так как он вследствие сильной снежной бури ничего не мог тут поделывать, то отступил со своим войском в ближайшие деревни. Когда же сюда прибыл к нему второй, присланный ему Антонием легион, то враги, занимавшие укрепление, испугались и ночью покинули его. Затем царь поспешил к Иерихону, имея в виду отомстить жителям за смерть своего брата. Расположившись станом и угостив всех начальствующих лиц, Ирод затем отпустил их, а сам отправился в свою половину. Тут явилось доказательство милости Божией к царю: дело в том, что в этот самый момент рушилась крыша дома, причем никого не ранила. Из этого все могли убедиться, как Предвечный любит Ирода, раз он дал ему возможность избежать такой явной и великой опасности.

12. На следующий день шесть тысяч врагов спустились с горных вершин и своим желанием вступить в бой испугали римлян. Неприятельские легковооруженные выступили вперед и стали закидывать дротиками и камнями вышедший против них отряд царя, причем какой-то воин ударил самого Ирода копьем в бок.

Тем временем Антигон послал в Самарию полководца по имени Паппа, с небольшим отрядом, желая возбудить во врагах убеждение, что он ведет войну с большими силами, чем бы следовало. Этот полководец укрепился станом против Махера. Между тем Ирод [вскоре] взял пять городов, перебил найденных и захваченных там жителей, число которых доходило до двух тысяч, а сам, сжегши эти города, двинулся на Паппу. Последний расположился станом около деревни Каны. Тут [к Ироду] пристало множество людей из Иерихона и других частей Иудеи; когда же он подошел ближе и враги отчаянно ринулись ему навстречу, он сразился с ними и разбил их, а затем в отместку за убиение брата преследовал их до самой деревни, в которую они бежали, и по пути предавал их избиению. Так как все жилища были наполнены воинами и многие искали убежища на крышах, то Ироду пришлось взять их силой; когда же он велел разрушать крыши, то увидел, что внутри дома были полны воинов. Тогда сверху стали на них швырять глыбами камней и убивать их кучами. Это было самое ужасное зрелище за всю ту войну; груды тел были затем свалены друг на друга около стен. Это обстоятельство совершенно подавило мужество врагов, которым приходилось ожидать и себе такой же [печальной] участи.

Тогда вблизи деревни можно было видеть множество народа. Это были беглецы. Если бы не наступила жестокая зима, упоенное победой царское войско пришло бы к самому Иерусалиму, и все дело было бы сделано, тем более, что и Антигон ввиду всеобщего бегства теперь думал лишь об окончательном оставлении города.

13. Тогда царь, ввиду наступления вечера, отпустил солдат своих обедать, а сам, будучи очень утомлен, вошел в один из домов и стал купаться. Здесь [опять] он подвергся крайней опасности, из которой спасло его лишь Божие Провидение. Дело в том, что Ирод совсем уже разделся и при нем находился для услуг один только мальчик, как вдруг мимо него пробежал какой-то воин с обнаженным мечом и выскочил в дверь, за ним последовали с таким же оружием второй и третий. Эти воины бежали было в тот дом и скрывались внутри его из страха. Теперь они так были напуганы, что не тронули царя, думая об одном лишь, как бы самим

беспрепятственно спастись из дома. На следующий день Ирод распорядился отрубить у павшего Паппы голову и отослать ее Ферору в знак отмищения за судьбу брата: Паппа собственноручно убил последнего.

14. По окончании зимы Ирод двинулся отсюда подошел к самому Иерусалиму и расположился вблизи его лагерем⁹⁸⁷. То был уже третий год, что его назначили в Риме царем. Затем он двинулся вперед, подошел совсем близко к той части городской стены, которая была менее всего укреплена, и расположился лагерем перед самым храмом, имея в виду вести атаку точно таким же образом, как то некогда сделал Помпей. Он распорядился соорудить три вала в этой местности и воздвигнуть на них башни, причем работа шла крайне энергично и все окрестные деревья были срублены.

Поручив эти работы специалистам, сам Ирод, пока его войско стояло здесь еще лагерем, поехал на свою свадьбу в Самарию, чтобы жениться там на дочери Александра и внучке Аристобула, с которой, как мной было выше упомянуто, он был обручен⁹⁸⁸.

1. Свадьба эта была уже справлена, как через Финикию двинулся Сосий, выславший вперед часть своего войска изнутри страны, а сам во главе многочисленного конного и пешего отряда следовавший за ним. Тогда явился из самарянской области и царь, ведя с собой значительное подкрепление к прежним своим боевым силам: у него было теперь около тридцати тысяч человек. Все эти войска, в составе одиннадцати легионов, шести тысяч конницы и прочих вспомогательных сирийских сил, собрались под стенами Иерусалима и расположились станом у северной части города. Войска эти были под командой двух лиц; Сосия, посланного Антонием в качестве союзника, и Ирода, старавшегося ради себя самого лишиться власти Антигона, который в Риме был объявлен врагом [республики], чтобы самому вместо него занять, сообразно сенатскому постановлению, царский престол.

2. Собравшиеся отовсюду иудеи тем временем с большим рвением и мужеством сопротивлялись войскам Ирода и, будучи заключены в стенах города, сильно хвастались [неприступностью] храма и прославляли народ свой, которого Господь освободит-де от угрожающих опасностей. Все то, что из припасов находилось еще вне города, они собрали к себе, чтобы ни самим врагам, ни их выючным животным не оставалось никакой пищи, причем доставляли врагам затруднения своими неожиданными разбойничьими набегами. Когда об этом узнал Ирод, он поместил в наиболее соответствующих местах засады для поимки разбойников, а для доставления припасов разослал на далекое пространство вооруженные отряды и, таким образом, собрал столько продовольствия, что вскоре у его войска было в изобилии все необходимое.

Вместе с тем, благодаря дружной работе стольких рук, вскоре были сооружены и три вала. Теперь было летнее время, так что ни погода, ни люди не могли помешать успешному ходу этих работ. Затем поместили [на валах] осадные орудия, стали поражать стену и пустили в ход все способы, чтобы овладеть городом. Тем временем, однако, осажденные нисколько этим не смущались, но, в свою очередь, употребляли все старания, чтобы ослабить начинания врагов; так, например, при своих вылазках они поджигали полуготовые или уже совсем готовые осадные орудия, а в происходивших при этом стычках нисколько не уступали римлянам в смелости, хотя и не обладали их опытностью [в военном деле]. Когда они разрушили первые осадные сооружения [римлян], неприятели воздвигнули новые; иудеи приняли, в свою очередь, все меры, сражались под землею с солдатами, занятыми прокладкой подземных подкопов, и вообще бились в этой войне до крайности, скорее, впрочем, из отчаяния, чем по предварительно строго определенному плану, тем более, что их осаждало такое значительное войско, да и донимали их голод и недостаток во всем необходимом, потому что тот год был субботним. И вот первыми из врагов взошли на стену двадцать добровольцев, а затем и центурионы Сосия. Первая стена была взята по истечении сорока дней, а вторая по прошествии пятнадцати дней. При этом были подожжены некоторые из храмовых портиков, в чем Ирод обвинил Антигона, имея в виду тем самым возбудить против него ненависть иудеев. Когда же были взяты окрестности храма и Нижний город, иудеи бежали в самый храм и в верхнюю часть города. А так как они боялись, что римляне помешают продолжать ежедневные жертвоприношения Господу Богу, то они отправили к ним посольство с просьбой разрешить им ввоз исключительно жертвенных животных. Ирод позволил им это в расчете, что они теперь сдадутся ему. Когда же он увидел, что ошибся в своих надеждах и что иудеи особенно рьяно стоят за Антигона, он собрал все свои силы и штурмом взял город. Произошла страшная резня, так как римляне были разъярены продолжительностью осады, а иудейские приверженцы Ирода не желали оставлять в

живых ни одного противника. Тогда происходили массовые избиения на улицах, в домах и в храме, где жители искали убежища. Не было пощады никому — ни детям, ни старцам, ни слабым женщинам. Хотя царь повсюду посылал своих людей с просьбой щадить врагов, однако никто уже не сдерживал своих порывов, но предавал, как бы в опьянении, всех и все избиению. Тогда и Антигон, не думая о своей прежней, равно как и настоящей, участи, покинул башню и бросился к ногам Сосия. Последний, однако, отнюдь не сжалился над постигшей его неудачей, но резко накинулся на него и обзывал его Антигоною⁹⁸⁹; впрочем, это не помешало ему не отпустить его, как женщину, на свободу; напротив, он велел связать его и отдать под стражу.

3. Теперь, победив врагов, Ирод задался целью обуздать также и своих иноверных союзников, потому что чужеземные войска собирались подвергнуть осмотру храм и его святыни. Одних царь удержал от этого путем убеждения, других угрозами, а некоторых пришлось прогнать даже с оружием в руках, потому что, если бы они узрели что-либо из запрещенного, он считал бы победу хуже поражения.

Вместе с тем он запретил также вполне разграблять город, неоднократно спрашивая Сосия, разве римляне желают лишить город окончательно людей и имущества и оставить его (Ирода) царем пустыни, тогда как ему не хотелось бы купить владычество даже над всей вселенной убиением стольких сограждан. Когда же тот возразил, что солдаты имеют право на грабеж вследствие участия своего в осаде, Ирод сказал, что он готов выдать каждому из них вознаграждение из своих собственных средств. Выкупив таким образом остальную часть города, царь исполнил свое обещание: он блестяще вознаграждал каждого воина, подобающим образом одарил военачальников, а Сосию сделал прямо царский подарок, так что римляне расстались с ним богатыми людьми.

4. Это бедствие постигло Иерусалим в консульство Марка Агриппы и Каниния Галла, в третий месяц сто восемьдесят пятой олимпиады⁹⁹⁰, и опять-таки в день поста, как бы для повторения постигшего иудеев несчастья при Помпее: двадцать семь лет тому назад, в этот же самый день, город был взят последним. Принеся затем в жертву Господу Богу золотой венец, Сосий ушел из-под Иерусалима и повез с собой в оковах Антигона, чтобы отдать его Антонию. Однако Ирод опасался, как бы Антигон не был пощажён Антонием, привезен им в Рим и там не был бы оправдан сенатом, если только он там заявит, что сам он происходит из царского рода, Ирод же простой человек, и что поэтому несмотря на некоторые его провинности относительно римлян, все-таки по происхождению царская власть принадлежит детям Антигона. Опасаясь такого оборота дела, он большой суммой денег уговорил Антония казнить Антигона. После этого Ирод избавился от своего страха, а владычество Хасмонеев прекратилось после ста двадцати шести лет⁹⁹¹.

Эта семья отличалась блеском и славой, не только происходя из знатного рода и обладая первосвященническим саном, но и выдаваясь геройскими подвигами, совершенными предками на пользу народа. Но Хасмонеи потеряли власть благодаря своим постоянным распрям, и власть эта перешла к сыну Антипатра, Ироду, происходившему из простонародья и из семьи, подчиненной царям. Однако довольно о семействе Хасмонеев.

Предисловие

Содержание книги охватывает первые восемнадцать лет правления Ирода I. Политическая история Иудеи этого времени снова излагается Иосифом Флавием в тесной связи с политическими событиями в Риме, приведшими к утверждению империи. Довольно подробно рассказана история борьбы за власть между Октавианом и Антонием. Но главное внимание автора сосредоточено на усилиях Ирода сохранить свою власть в сложной политической ситуации, когда он, будучи союзником Антония, сумел добиться расположения Октавиана. Иосиф описывает беспощадные расправы Ирода с теми, кто посягал либо мог посягать на его власть. Много внимания уделяется личной жизни жестокого правителя; центральное место здесь занимает неистовая любовь Ирода к Мариамме, завершившаяся ужасной трагедией. Но даже и эта сюжетная линия своеобразно накладывается на эпизод из римской истории — пылкую и тоже трагическую любовь Марка Антония и Клеопатры. Последняя глава книги содержит описание Иерусалимского храма, построенного Иродом I.

1. О том, как Сосий и Ирод силою взяли Иерусалим и при этом полонили Антигона, нами было рассказано в предшествующей книге. Теперь нам придется говорить о событиях, находящихся в связи с предыдущими.

После того как Ирод подчинил себе всю Иудею, он удостоил высокого почета всех тех, кто поддерживал его, пока он еще не достиг власти; всех же приверженцев своих противников он постоянно и непрерывно преследовал, и не проходило дня, чтобы он не подвергал их мучениям. Особенного же почета с его стороны удостоивались фарисей Поллион и ученик последнего, Самея, потому что эти люди советовали своим согражданам во время осады Иерусалима принять к себе Ирода. Теперь они получали за это заслуженную награду. Этот же самый Самея некогда предсказал Гиркану и судьям, когда они судили Ирода за преступление, за которое полагалась смертная казнь, что, если они оправдают Ирода, последний всех их умертвит. Это предсказание, по воле Господа Бога, впоследствии действительно оправдалось.

2. Теперь же, овладев Иерусалимом, Ирод стал собирать все царские драгоценности. При этом он не стеснялся грабить лиц состоятельных. Набрав таким образом множество серебра и золота, он одарил всем этим Антония и его друзей. Вместе с тем он распорядился умертвить сорок пять главных приверженцев Антигона и велел поставить к городским воротам стражу с приказом следить за тем, чтобы из города не было унесено имущество казненных. При этом убитые подвергались тщательному обыску, и все серебро и золото, равно как все находившиеся при них драгоценности, передавались царю. Вообще творились всякие безобразия ввиду того, что царь отличался отчасти большою любостыжательностью, отчасти очень нуждался в деньгах, потому что ввиду субботного года земля оставалась совершенно невозделанною. Именно теперь наступил субботный год, когда нам запрещено сеять.

Между тем, взявший в плен Антигона и державший его в оковах, Антоний рассчитывал сохранить его для своего триумфа. Когда же он узнал, что народ волнуется и относится с расположением к Антигону, ненавидя Ирода, он решил отрубить Антигону голову в Антиохии, ибо иначе нельзя было никак успокоить иудеев. Подтверждение моим словам находится у каппадокийца Страбона, который говорит [по этому поводу] следующее:

«Привезя иудея Антигона в Антиохию, Антоний отрубил ему там голову. Он был первым римлянином, который велел таким образом казнить царственное лицо; по его мнению, иначе нельзя было заставить иудеев признать вместо него вновь провозглашенного царем Ирода, потому что даже пытки не могли побудить иудеев называть последнего царем. Так высоко было их мнение о прежнем царе. Антоний при этом полагал, что бесславная смерть царя заставит забыть иудеев о нем, а с другой стороны, ослабит ненависть их к Ироду». Таково свидетельство Страбона.

1. Когда первосвященник Гиркан, находившийся в плену у парфян, узнал, что царская власть перешла к Ироду, он явился к последнему, бежав следующим образом из плена: Барцафарн и Пакор, военачальники парфянские, захватив в плен Гиркана, бывшего сперва первосвященником, а затем и царем, а также брата Ирода, Фазаеля, увели их к себе в страну парфянскую. Фазаель, не снесший позора быть в оковах и предпочитавший славную смерть какой-нибудь жалкой жизни, сам наложил на себя руки, как я рассказал уже выше.

2. Когда же Гиркан был привезен к парфянскому царю Фраату ⁹⁹² и последний узнал о его знатном происхождении, то к нему стали относиться более мягко. Ввиду этого царь освободил Гиркана от оков и разрешил ему жить в Вавилоне, где тогда было много иудеев. Последние почитали Гиркана как первосвященника и царя, равно как делали это и все прочие иудеи, жившие у Евфрата. Это было Гиркану приятно. Когда же он узнал, что царская власть перешла к Ироду, он воспрянул духом, во-первых, потому, что был вообще расположен к Ироду, а затем и оттого, что рассчитывал, что Ирод вспомнит об оказанной ему некогда услуге, когда Гиркан спас его от опасности смерти во время суда, которому подвергся Ирод. При этом Гиркан говорил с иудеями о том, как бы ему хотелось отправиться к Ироду. Те, однако, удерживали Гиркана от этого и уговаривали его остаться, указывая на то, что он пользуется у них всяческой властью и почетом как первосвященник и царь, тогда как он на это не будет там иметь права вследствие того, что его некогда искалечил Антигон, при этом они поставляли ему еще на вид, что цари не всегда помнят услуги, оказанные им, когда они были еще простыми людьми, и что поворот в их судьбе нередко изменяет их мирозерцание.

3. Несмотря на все эти представления, имевшие в виду одно лишь благо Гиркана, последний, однако, все-таки хотел уехать, тем более, что и Ирод прислал ему письмо, в котором советовал упросить Фраата и тамошних иудеев не сердиться на него, если он, Гиркан, разделит царскую власть с Иродом. При этом Ирод упоминал еще, что теперь как раз наступил момент, когда он сможет отблагодарить его за все оказанные ему благодеяния — как за полученное воспитание, так и за спасение ему жизни, — и тогда Гиркан сможет воспользоваться этим. Отправив такое письмо Гиркану, Ирод одновременно с этим послал к Фраату послом Сарамаллу с богатыми дарами и просьбою долгие не препятствовать ему воздать должное по заслугам своему благодетелю. Впрочем, Ирод тут вовсе не имел в виду оказать услугу Гиркану: но так как он правил вовсе не так, как следовало, то он опасался всяких осложнений и потому скорее желал иметь в руках Гиркана или же совершенно от него избавиться. Последнее он, впрочем, несколько позже и сделал.

4. Гиркан склонился на эти убеждения и, будучи отпущен царем парфянским и снабжен деньгами со стороны иудеев, прибыл [к Ироду], который принял его со всякими почестями и дал ему первое место во время совещаний и обедов, называя его при этом обманным образом отцом своим и всячески стараясь подавить в нем всякое подозрение в его лояльности. Вместе с тем Ирод предпринял также многое другое, чтобы таким путем закрепить за собою власть. Но из этого вышли лишь осложнения для него самого и для его семьи. Остерегаясь назначить на пост первосвященника какого-нибудь представителя знати, он нарочно послал в Вавилон за неким Ананилом, простым священником, и поручил ему первосвященство.

5. Однако дочь Гиркана, Александра, жена Александра, сына царя Аристовула, родившая Александру двоих детей, прекрасного Аристовула и миловидную Мариамму, жену Ирода, не отнеслась спокойно к такому унижительному с нею обращению. Она очень обеспокоилась и смутилась позором ее сына в том смысле, что при его жизни первосвященническое достоинство

перешло к какому-то выскочке. Поэтому она отправила при содействии одного музыканта письмо Клеопатре с просьбою добиться от Антония назначения на пост первосвященника ее сына.

6. Но Антоний медлил с исполнением этой просьбы; [в это время] в Иудею прибыл по своим делам друг его, Деллий. Увидя Аристокбула, он был в восторге от его красоты и статного сложения, равно как преклонился перед красотой царицы Мариаммы, и сказал, что Александра является матерью редко красивых детей. Когда же Александра стала говорить с ним, он убедил ее велеть срисовать обоих детей и послать портреты Антонию, который-де при виде их не откажет ей ни в чем. Александра из тщеславия поддавалась этим убеждениям и послала портреты Антонию. При этом Деллий не прекращал своих восхвалений и дошел до того, что сказал, что эти дети не человеческие, но от какого-нибудь бога. Этим он хотел возбудить в Антонии чувство похотливости. Антоний, впрочем, побоялся послать за царицею, женою Ирода, но отправил послов за юношею с оговоркою, впрочем: «...если это не представит затруднений». Когда это было сообщено Ироду, он решил, что не безопасно послать такого красавца, каким тогда был шестнадцатилетний Аристокбул, да вдобавок еще знатного рода, к Антонию, самому могущественному тогда римлянину, который охотно предавался всевозможным эротическим увлечениям и имел возможность беспрепятственно доставлять себе какие угодно удовольствия. Поэтому он отписал ему, что, если только этот юноша выедет из страны, это подаст немедленно повод к войне и всяким смутам, потому что иудеи только и рассчитывают на нового царя для совершения государственных переворотов.

7. Приведя это в свое оправдание перед Антонием, Ирод решил дольше не оскорблять юноши и Александры, тем более, что и жена его, Мариамма, усиленно упрашивала его предоставить первосвященническую власть ее брату; к тому же и Ирод был убежден в соблюдении своих личных при этом интересов, потому что Аристокбул, достигнув такого почета, не сможет уже уйти из страны. Поэтому он созвал друзей своих на совещание и стал сильно жаловаться на Александру, говоря, что она злоумышляет против царства и при посредстве Клеопатры домогается свержения его с престола, дабы, при помощи Антония, юный Аристокбул получил престол вместо него. При этом он указал на незаконность и бесчестность ее домогательств, потому что Александра тем самым лишила бы и дочь свою ее высокого почетного положения и вместе с тем вызвала бы смуты в самом царстве, которое он создал с такими трудностями и которого добился путем невероятных опасностей. Вместе с тем, продолжал он, он готов забыть все несправедливые домогательства и попытки ее лишить его законной власти и готов теперь передать первосвященническое достоинство ее сыну, вместо которого он раньше назначил Ананила, так как [в то время] Аристокбул был еще совсем ребенком. Все это Ирод говорил не без задней мысли и крайне обдуманно, имея в виду ввести в полнейшее заблуждение присутствующих женщин и друзей. Тогда Александра в волнении, отчасти от радости вследствие выпавшей на долю сына ее чести, которой она теперь никак уже не ожидала, отчасти из страха перед тем, как бы не навлечь на себя подозрения, стала со слезами на глазах оправдываться, говоря, что она действительно изо всех сил старалась добиться для сына первосвященнического достоинства, но отнюдь не злоумышляла против царской власти. Впрочем, говорила Александра, она не желала бы воспользоваться последней, если бы ей и пришлось достигнуть ее, так как уже теперь на ее долю выпала достаточно великая честь, что царствует Ирод, который один перед всеми умеет дать всей семье достаточную безопасность. Ныне же, закончила она речь свою, она совершенно подавлена благодеянием, оказанным ее сыну в форме предоставленной ему чести быть первосвященником, и она сама готова безусловно повиноваться во всем [Ироду], причем просит извинить ее, если она, вследствие родственных отношений или слишком понадеявшись на себя, совершила что-нибудь

непристойное.

После этого все они помирились и в знак того подали друг другу руки. Этим, казалось, было устранено всякое недоразумение.

1. Тогда Ирод немедленно сменил первосвященника Ананила, который, как мы упомянули выше, не был туземным евреем, но происходил из переселившихся за Евфрат иудеев, ибо много десятков тысяч представителей этого народа поселилось в Вавилонии. В числе их был и Ананил, происходивший, впрочем, из первосвященнического рода. Издавна у него были дружественные отношения к Ироду. Захватив царский престол, Ирод почтил Ананила [высоким саном первосвященника], а теперь опять сместил его для того, чтобы уладить внутренние семейные неурядицы. Впрочем, тут Ирод поступил противозаконно, потому что первосвященник, раз утвержденный в этом сане, считался несменяемым. Впрочем, первым нарушил это правило Антиох Эпифан, сменивший Иисуса и поставивший на его место Хонию, вторым был Аристокбул, отнявший сан у своего брата Гиркана, а третьим явился Ирод, предоставивший это место юному Аристокбулу.

2. Таким образом, Ироду казалось, что он уладил свои семейные дела, хотя он и не переставал, как бы то следовало ввиду состоявшегося примирения, относиться с подозрением к Александре, боясь, чтобы она, по примеру прежних интриг, не вздумала улучшить минуту для совершения государственного переворота. Поэтому он распорядился, чтобы она не покидала царского дворца и ничего не смела предпринимать самостоятельно; кроме того, была назначена стража, которая должна была следить, чтобы она без ведома царя не делала ничего, что не входило бы в круг ее ежедневных обязанностей. Все это вскоре восстановило против него Александру и вызвало в ней ненависть к Ироду. Преисполненная женского тщеславия, она не выносила подозрительного за собою наблюдения, предпочитая подвергаться чему угодно, чем лишаться, под видом почета, свободы и жить в рабстве и [постоянном] опасении.

Поэтому она отправила Клеопатре письмо с горькими сетованиями на свою судьбу и с просьбою оказать ей посильную помощь. Клеопатра посоветовала ей тайно бежать с сыном к ней в Египет. Этот совет пришелся Александре по вкусу, и она следующим образом стала приводить его в исполнение. Велев приготовить два гроба, она легла в один и приказала сыну лечь в другой, причем распорядилась, чтобы посвященные в план слуги вынесли их ночью. Путь отсюда лежал у них к морю, где уже был готов корабль, на котором беглецы намеревались переправиться в Египет. Этот план сообщил при случайной встрече Саббиону, одному из приверженцев Александры, ее прислужник Эзоп, полагая, что тот уже знает о нем.

Узнав об этом, Саббион, который был на дурном счету у Ирода, считавшего его одним из отравителей отца своего, Антипатра, вздумал вновь снискать себе благоволение царя доносом и сообщил ему о всем плане Александры. Ирод дал последней дойти до исполнения задуманного намерения и затем велел схватить ее с поличным на месте преступления. Несмотря на все желание наказать ее, Ирод тем не менее посмотрел сквозь пальцы на ее провинность (тем более, что не желал возбуждать и без того недовольную им Клеопатру) и сделал вид, будто прощает ее из великодушия. Однако вместе с тем он окончательно решил избавиться от юноши; впрочем, он решил отложить пока это дело, чтобы совпадение двух событий не слишком резко бросилось всем в глаза.

3. Когда вскоре наступил праздник Кущей (празднующийся у нас с большой пышностью), он весело провел эти дни, предаваясь вместе со всем остальным народом удовольствиям. Впрочем, по этому поводу чувство зависти вскоре побудило его привести в исполнение задуманное намерение. Дело в том, что, когда юный Аристокбул, достигший тогда семнадцатилетнего возраста, в полном первосвященническом облачении приступил к алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этом обнаружилась

его необыкновенная красота и статность, явный признак его родовитого происхождения, собравшуюся толпу народную охватил нескрываемый экстаз, и все вспомнили о деяниях, совершенных его дедом, Аристокбулом. Побежденная этим чувством, толпа сейчас же обнаружила свое настроение, стала громко и бурно выражать свой восторг кликами и пожеланиями всякого благополучия, так что тут обнаружился весь восторг народа, притом в более высокой степени выражалась благодарность за прежде полученные благодеяния, чем то было позволено в присутствии настоящего царя. Вследствие всего этого Ирод решился привести в исполнение свой замысел относительно юноши. Когда однажды, после праздника, Ирод обедал в Иерихоне, куда Александра пригласила его вместе с сыном, царь весело шутил с юношей, а затем увлек его в отдаленное место и здесь стал предаваться в его обществе различным играм и юношеским забавам. Но так как здесь стало слишком жарко, то они скоро утомились и вышли освежиться к тем большим прудам, которые находились на дворе и несколько освежали полуденный зной. Они сперва глядели, как купались служители и приближенные, а затем и Аристокбул, по совету Ирода, полез в воду. Тут приятели, которым Ирод заранее отдал соответствующее распоряжение, стали как бы в шутку погружать Аристокбула в воду и не раньше отпустили его, пока он не утонул. Таким образом погиб Аристокбул, которому было всего только восемнадцать лет. В течение одного года он был первосвященником, а преемником ему вновь стал Ананил.

4. Когда весть об этом несчастье дошла до женщин, их радость сразу сменилась горем и глубокою печалью о безвременно погибшем; также и во всем городе при получении скорбного известия был траур, причем каждая семья оплакивала юношу как своего родного. Еще более скорбела Александра, особенно когда узнала, каким образом произошла гибель ее сына; но ей приходилось сдерживать себя, чтобы избежать еще большего горя. Она несколько раз думала покончить с собою, но воздерживалась от этого при мысли, что, если она останется в живых, ей легче будет отомстить за столь гнусно загубленного юношу. Поэтому она решила оставаться дольше в живых и не подавать никакого виду, будто знает, что ее сын погиб не случайно, самой же тем временем выжидать удобного случая для мести. Таким образом Александра всеми силами отвлекала от себя подозрение. Ирод же, со своей стороны, старался перед всеми показать, что смерть юноши произошла совершенно случайно, и потому не только представлялся глубоко опечаленным, но горько плакал и выражал печаль свою открыто, причем, быть может, истинная скорбь и обуяла его, когда он видел перед собою труп цветущего и прекрасного усопшего, хотя и считал смерть последнего необходимою для своей личной безопасности. Очевидно, всем этим Ирод старался отвлечь от себя подозрение в виновности в смерти юноши. Вместе с тем он ревностно отнесся к устройству особенно торжественных похорон, велел соорудить великолепный гроб и позаботился об обилии курений; равным образом он распорядился положить в гроб также множество драгоценностей. Этим он рассчитывал несколько умерить горе женщин и ободрить их своею щедростью.

5. Между тем всем этим он, однако, нисколько не обманул Александры; напротив, постоянное напоминание ей о постигшем ее бедствии делало ей царя еще ненавистнее, и она печалилась больше и больше; тогда она написала Клеопатре о коварстве Ирода и гибели сына. Клеопатра и раньше всегда готова была исполнить просьбы Александры, которой несчастью она соболезновала, и потому она приложила всяческое старание, не переставая побуждать Антония отомстить за смерть юноши. Несправедливо, говорила она при этом, что Ирод, получивший от Антония без всякого со своей стороны права царскую власть, теперь совершает такие беззакония по отношению к настоящим царям. Антоний склонился на ее доводы и, когда прибыл в Лаодикею, послал за Иродом, чтобы он оправдался в гибели Аристокбула, причем Антоний присовокупил, что, если это убийство случилось с его ведома, он поступил

совершенно незаконно. Опасаясь этого разбирательства, а также боясь раздражить Клеопатру, не перестававшую возбуждать против него Антония, Ирод решил повиноваться (другого выхода тут не было); поэтому он передал все дела шурина своему, Иосифу, тайно наказав ему, в случае, если ему, Ироду, придется погибнуть от руки Антония, немедленно убить также Мариамму: сам он был слишком привязан к этой женщине и опасался, как бы, в случае его смерти, ее красота не послужила для кого-либо другого предметом искушения. Такого позора Ирод особенно боялся, имея в виду главным образом Антония, который домогался этой женщины, потому что уже успел прослышать о ее красоте и влюбиться в нее. Распорядившись таким образом, Ирод отправился к Антонию, причем вообще не ожидал ничего для себя хорошего.

6. Заведывая всеми делами во дворце и потому часто встречаясь с Мариаммой, которую приходилось навещать из чувства приличия, Иосиф многократно бывал у нее и каждый раз особенно распространялся о любви и преданности к ней Ирода. А так как они, и в особенности Александра, по-женски принимали его слова за комплименты, Иосиф в своем рвении показать расположение царя к Мариамме дошел однажды до того, что сообщил им о приказании царя. Этим он думал уверить царицу, что Ирод не может жить без нее и не желал бы даже разлучаться с нею после смерти, если бы его постигло какое-нибудь несчастье. Таковы были намерения Иосифа. Между тем женщины, как и можно было предполагать, вовсе не усмотрели в этом любви Ирода, а, напротив, вывели заключение о гнусности его, который при своей смерти думал лишь об их гибели и насильственной кончине, и отнеслись к словам [Иосифа] с сильною подозрительностью.

7. В это же время со стороны недругов Ирода по городу Иерусалиму был пущен слух, что Антоний позорно казнил его. Конечно, этот слух привел в замешательство всех во дворце, особенно женщин. Александра стала уговаривать Иосифа бежать с ними из дворца к знаменам римского легиона⁹⁹³, который тогда расположился станом под стенами города для охраны царской власти и находился под командою Юлия. Таким путем, говорила она, во-первых, расположенные в их пользу римляне дадут им безопасное убежище в случае возникновения бунта во дворце, а во-вторых, они смогут рассчитывать на исполнение всевозможных желаний, если только Мариамму увидит Антоний, при помощи которого можно будет вернуть утраченную власть и все то, что по праву принадлежит людям истинно царского происхождения.

8. Между тем, пока они все еще рассуждали об этом, пришло письмо Ирода с сообщением всего хода дела, из которого видно было, что слухи, безусловно, ложны и неправильны. Прибыв к Антонию, Ирод быстро склонил его на свою сторону теми дарами, которые привез с собою из Иерусалима, а дружественным разговором вскоре достиг того, что Антоний перестал сердиться на него и прежние наветы Клеопатры на него совершенно утратили всякую силу. При этом Антоний выразился в том смысле, что нехорошо привлекать царя к ответственности за то, что происходит у него в царстве (в таком случае он сам не желал бы быть царем), ибо те, кто предоставил царю его власть, должны предоставить ему и полное право пользоваться ею. Вместе с тем он сказал, что не позволит более Клеопатре вмешиваться в дела правителей. О всем этом писал Ирод и описывал при этом о почестях, которыми удостоил его Антоний, ежедневно приглашавший его на совещания и к своему столу, несмотря на все происки Клеопатры, сильно желавшей завладеть его страной и добиться царской власти, а потому старавшейся всеми способами избавиться от него. А раз он достиг благоволения Антония, ему, Ироду, уже нечего опасаться более неприятностей с его стороны; он скоро вернется, а расположение Антония укрепит его на престоле и упрочит за ним его положение. Клеопатре тоже более не на что рассчитывать, потому что, в ответ на ее домогательства, Ирод предоставил ей Келесирию, чем удовлетворил ее и положил предел ее вожделениям, которые она всегда

питала относительно Иудеи.

9. По получении этого письма женщины отказались от своего намерения бежать к римлянам в случае смерти Ирода. Однако план их не остался в тайне. Когда Антоний двинулся на парфян⁹⁹⁴, а Ирод вернулся в Иудею, сестра царя Саломея и мать его немедленно донесли ему то, что они узнали об Александре, причем Саломея стала еще обвинять мужа своего, Иосифа, в сожителстве с Мариаммою. Саломея говорила все это из чувства давнишней вражды к царице, потому что последняя во время случавшихся между ними размолвок всегда держала себя свысока с нею и укоряла ее в низком происхождении. Так как Ирод был страстно влюблен в Мариамму, то страшно взволновался и едва мог удержаться от выражения своей ревности каким-нибудь насильственным актом. Однако он сдержал свой порыв и с глазу на глаз спросил Мариамму о ее отношениях к Иосифу. Та стала клясться и привела в доказательство своей невинности все, что только могла, и тогда царь понемногу склонился в ее пользу. Победенный любовью к жене, он вскоре забыл свой гнев, так что даже стал извиняться, что поверил наветам. Вместе с тем он горячо благодарил ее за ее целомудрие и стал уверять ее в своей пылкой любви. В конце концов, как это бывает в таких случаях, оба расплакались и заключили друг друга в объятия. Пока царь хотел все больше и больше уверить ее в своей любви к ней и вызвать в ней то же самое чувство к нему, Мариамма вдруг сказала: «однако вовсе не доказательство твоей любви, что ты приказал сделать, если бы погиб от руки Антония, а именно чтобы и я безвинно погибла». Эти слова совершенно расстроили царя, он немедленно оттолкнул от себя жену, зарыдал, стал рвать на себе волосы и говорил, что теперь имеется налицо явное доказательство ее интимных отношений к Иосифу, ибо тот не проговорился бы о тайно полученном поручении, если бы у них не установились слишком близкие отношения. В таком состоянии царь чуть не убил свою жену; однако и на этот раз любовь к ней осилила порыв его и он сдержался, хотя это стоило ему громадных усилий. Вместе с тем он, даже не повидав Иосифа, велел казнить его; Александру же, как виновницу всего несчастья, приказал заключить в темницу.

1. В это время в Сирии опять возникли волнения, потому что Клеопатра не переставала возбуждать Антония против всех. Она уговаривала его отнимать у всех престолы и предоставлять их ей, а так как она имела огромное влияние на страстно влюбленного в нее Антония и при своей врожденной любостыжательности отличалась неразборчивостью в средствах, то решилась отравить своего пятнадцатилетнего брата⁹⁹⁵, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсиною⁹⁹⁶, несмотря на то, что та искала убежища в храме эфесской Артемиды⁹⁹⁷. Где только Клеопатра могла рассчитывать на деньги, там она не стеснялась грабить храмы и гробницы; не было столь священного места, чтобы она не лишила его украшения, не было алтаря, с которого она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбие. Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей; точно таким же образом она вздумала добиться Сирии, после того как с ним проехала по ней. Так она добилась смерти Лизания, сына Птолемея, под предлогом, будто он соединился, для совершения переворота, с парфянами, а затем стала требовать от Антония, чтобы он отнял у царей Иудею и Аравию и предоставил эти страны ей. Хотя Антоний вообще во всем уступал этой женщине, однако расположение и страстная любовь к ней не допустили его до готовности во всем слушаться ее, потому что он не желал навлекать на себя укор, будто он для нее не останавливается даже перед самыми тяжкими преступлениями. Итак, для того чтобы не навлекать на себя обвинения в явной гнусности в силу исполнения всех решительно желаний этой женщины, он отнял у каждого из царей по части их владений и подарил их Клеопатре. Он отдал ей города в пределах области от реки Элевтера до границ Египта, исключая Тир и Сидон, которые, как он знал, издавна пользовались независимостью, хотя Клеопатра и сильно приступала к нему с просьбами отдать их ей.

2. Добившись этого и проводив до Евфрата Антония, отправлявшегося в поход против Армении⁹⁹⁸, Клеопатра вернулась назад и прибыла в Апамею и Дамаск. Затем она поехала также в Иудею, и здесь с нею встретился Ирод, который заарендовал у нее полученную ею в дар часть Аравии и окрестности Иерихона. Эта область дает наилучший бальзам, равно как имеет множество прекрасных финиковых пальм. При этих обстоятельствах, когда ей приходилось иметь довольно много дела с Иродом, Клеопатра, природою своею побуждаемая к чувственным удовольствиям, а может быть, и охваченная действительно чувством искренней любви к нему, пыталась интимнее сблизиться с царем; может быть, она тут преследовала цель, и это вероятнее, иметь новый повод овладеть им для исполнения своих коварных замыслов. Как бы то ни было, она делала вид, будто совершенно покоряется Ироду. Однако последний и раньше не был расположен к Клеопатре, зная, что она всем в тягость; он стал ее еще более ненавидеть за то, что она дошла до такого бесстыдства, и вместе с тем решил предупредить ее коварные замыслы и отомстить ей. Поэтому он отверг ее предложения и стал совещаться со своими приближенными, не лучше ли будет убить ее, раз она теперь в его руках. Таким образом, он полагал освободить из затруднения всех тех, кто уже испытал на себе гнет Клеопатры, равно как и будущие ее жертвы. Этим самым он думал оказать услугу самому Антонию, так как Клеопатра изменит ему, если только он очутится в каком-нибудь затруднении и обратится к ее помощи. От исполнения этого замысла Ирода, однако, удержали друзья его, поставляя ему, во-первых, на вид, что ему, который имеет совершить более важные предприятия, вовсе не подобает подвергать себя такой явной опасности, а затем, умоляя его не предпринимать ничего

слишком поспешно, ибо Антоний не снесет этого спокойно, даже если ему кто-нибудь наглядно сумеет представить всю пользу такого поступка. Его страсть к Клеопатре лишь еще более возгорится от сознания, что его лишили ее насильственным или коварным образом. При этом Ирод не будет в состоянии привести какое-либо достаточное основание того, что он рискнул поднять руку на женщину, обладавшую величайшим значением своей эпохи. А пользу, которая проистечет из этого, навряд ли кто-либо примет во внимание, несмотря на то, что Ирод добьется ее ценою такой смелости и риском потерять расположение [Антония]. Из всего этого очевидно, что он потрясет царство свое массою невообразимых бедствий и подвергнет таковым всю семью свою, тогда как он вполне приличным образом может отклонить столь преступное предложение [Клеопатры]. Такими соображениями и представлением очевидной опасности приближенные удержали Ирода от приведения в исполнение задуманного им плана. Поэтому он щедро одарил Клеопатру и проводил ее до Египта.

3. В это время Антоний овладел Арменией и отослал в Египет пленными сына Тиграна, Артавазда, с его семьею и сатрапами. При этом он подарил всех их, равно как все награбленные сокровища, Клеопатре. Впоследствии в Армении воцарился Артаксес⁹⁹⁹, старший из сыновей царя, успевший спастись тогда бегством. С течением времени, однако, Архелай и Нерон Цезарь прогнали его из страны и возвели на престол его младшего брата Тиграна¹⁰⁰⁰.

4. Но об этом потом; что же касается дани, которую Клеопатра должна была получать с подаренной ей Антонием области, то Ирод был в этом отношении аккуратен, не считая безопасным подавать Клеопатре повод к ненависти. Арабский царь, за которого поручителем являлся Ирод, некоторое время выплачивал двести талантов, но затем стал неисправен в своих платежах, и если иногда и выплачивал часть наложенной на него дани, то делал это не без принудительных мер.

1. Ирод, в свою очередь, видя такую неискренность [арабского царя], который в конце концов не желал более исполнять свои обязанности, решил пойти на него походом, но был удержан от этого римскою [междоусобною] войною. Так как теперь ожидалась битва при Акции, которая и произошла в сто восемьдесят седьмую олимпиаду, причем Цезарь сражался с Антонием из-за верховного владычества¹⁰⁰¹. Ирод решил собрать для Антония отборное вспомогательное войско, потому что страна Ирода давно уже давала обильные урожаи, а сам царь достиг значительного благосостояния. Впрочем, Антоний отклонил эту помощь и [вместо того] предложил Ироду вступить в борьбу с царем арабским, недобросовестность которого по отношению к нему и к Клеопатре уже была известна ему. Этого также желала Клеопатра, рассчитывая сама выиграть, если те ослабят друг друга. Ввиду такого поручения со стороны Антония Ирод вернулся восвояси, но не отпускал еще своего войска, чтобы немедленно вторгнуться в пределы Аравии. Поэтому он приготовил значительные конные и пешие отряды и двинулся к Диосполису, где его уже поджидали арабы, которые успели узнать о готовящейся против них войне. В ожесточенной последовавшей затем битве победителями остались иудеи. После этого в Кане, местности Келесирии, собралось огромное арабское войско. Заранее об этом извещенный, Ирод явился туда во главе ядра своего войска и, приблизившись к Кане, решил расположиться там лагерем, чтобы в удобный момент вступить в бой. Пока он был занят этим, иудейское войско стало кричать, что довольно потеряно времени и что следует идти на арабов. Войско желало немедленно вступить в бой с врагами, потому что оно уповало на свою отличную боевую готовность и потому что особенно храбрились все те, которые участвовали в победоносной первой схватке с арабами.

При такой явной и шумной воинственности царь решил воспользоваться пылом своего войска и, уверяя солдат, что не желает стеснять их мужество, выехал в полном вооружении вперед, тогда как все остальные следовали за ним в боевом порядке. Тотчас арабов обуял ужас; хотя они сперва и оказали некоторое сопротивление, однако, увидав непоколебимость и отчаянную решимость врагов, большинство их дрогнуло и побежало. Арабы наверно погибли бы при этом случае, если бы [некий] Афенион не навредил Ироду и иудеям. Будучи военачальником над той частью Аравии, которая находилась в зависимости от Клеопатры, и [постоянно] враждуя с Иродом, он не стал равнодушно смотреть на ход событий, но решил держаться в стороне, если победителями выйдут арабы, а в случае их поражения, как то и было на самом деле, напасть на иудеев во главе отряда, заранее выбранного и приготовленного к бою. И вот, когда иудеи успели утомиться и уже считали себя победителями, он внезапно напал на них и стал избивать их. Дело в том, что иудеи уже успели израсходовать весь запас энергии в борьбе с явными врагами, да и слишком беспечно пользовались своею победою над ними. Поэтому они потерпели поражение от быстрого натиска врагов и понесли тяжкие утраты в этой неудобной для кавалерии гористой местности, к которой нападающие, однако, привыкли. Видя поражение иудеев, арабы также вновь собрались с силами, вернулись еще раз и стали избивать уже обратившихся в бегство иудеев.

Таким образом всюду происходила ожесточенная резня, а из тех, кто успел спастись, немногие вернулись назад в лагерь. Видя такой исход битвы, Ирод немедленно поехал за помощью; однако он не успел вовремя вернуться, потому что лагерь иудеев был уже взят и арабы немало радовались, что им неожиданно удалось одержать такую победу над грозным врагом и уничтожить столь значительное неприятельское войско. После этого Ирод принялся за грабежи и, делая частые набеги на страну арабов, наносил им крупный вред. При этом он

располагался станом на горах, но воздерживался от открытого боя. Беспokoя и расстраивая врагов своими постоянными набегами, он вместе с тем заботился также о том, чтобы всячески исправить урон, нанесенный его воинам.

2. В это время между Цезарем и Антонием произошла также битва при Акции, а именно в седьмой год царствования Ирода. Тогда же страну иудеев постигло небывалое дотолемлетрясение, результатом которого была массовая гибель скота. Также погибло до тридцати тысяч человек под развалинами рушившихся зданий. Впрочем, одни только солдаты, жившие под открытым небом, не потерпели при этом никакого урона. Когда о том узнали арабы от тех людей, которые сообщением этих сведений хотели особенно выслужиться перед ними, то арабы еще более возгордились, полагая, что теперь, после постигшего неприятельскую страну бедствия и гибели стольких людей, им уже нетрудно будет овладеть этой страной. Они даже схватили посланников иудейских (явившихся для заключения с ними, после всего случившегося, мира) и убили их, чтобы затем с отчаянною храбростью двинуться на само войско иудеев. Однако иудеи не решились встретить нападение врагов, отчасти потому, что впали в оцепенение после стольких бедствий, отчасти же и еще более потому, что не забыли недавнего поражения; поэтому у них не было уже никакой надежды победить арабов в открытом бою, тем более, что нельзя было рассчитывать на помощь единоплеменников, столь тяжко у себя дома пострадавших. В таком положении царь старался всячески образумить военачальников и пытался ободрить тех, которые совершенно пали духом. Когда ему удалось успокоить и ободрить главнейших между ними, он решился обратиться также к войску. Этого он не посмел раньше, чтобы при таких грустных обстоятельствах не возбудить его еще более. Теперь же он обратился к солдатам со следующей речью:

3. «Я, люди, отлично понимаю, что в настоящее время произошло многое такое, что препятствует нашему преуспеванию; вполне естественно, что даже самые храбрые люди при таких обстоятельствах теряют свое мужество. Однако, так как война теперь неизбежна и постигшие нас бедствия не таковы, чтобы одним славным подвигом нельзя было поправить все сделанное, я решился поговорить с вами и указать, каким образом вы сможете вновь явить свою прежнюю, врожденную вам храбрость. Сперва я желаю объяснить вам всю правоту этой нашей войны, к которой мы вынуждены благодаря наглости наших врагов. Если вы об этом хорошенько подумаете, то это должно быть для вас главной побудительной причиной в храбрости. После этого я намерен доказать вам, что постигшие нас теперь бедствия вовсе уже не так страшны и что у нас есть немало надежды на победу.

Итак, я начну с первого пункта, причем беру вас в свидетели правильности моих слов. Вы, конечно, знаете незаконный образ действий арабов, которые всегда и всюду отличаются вероломством, как то и естественно в варварах, не знающих Господа Бога. Особенно же они насолили нам своим корыстолюбием, своею завистливостью и своими коварными интригами. Зачем мне много говорить об этом? Кто другой, как не мы, спасли их от опасности потерять власть и подпасть под иго Клеопатры? Только моя дружба с Антонием и расположение его к нам было причиной того, что их не постигли слишком тяжелые бедствия, так как Антоний старательно избегал предпринимать все такое, что могло бы возбудить наше подозрение. Когда же Антоний пожелал предоставить Клеопатре по части наших обоюдных владений, я также уладил это дело, одарив его из своих средств богатыми подарками и снискав обоим дальнейшую безопасность. Расходы по этому делу я также взял на себя, выплатив двести талантов и поручившись [за арабов] в такой же сумме. Эти деньги должны были бы пасть на всю страну, а теперь мы освобождены от этого платежа. Если уже несправедливо, чтобы иудеи платили кому-нибудь подати или поземельные налоги, то еще более неосновательно, чтобы мы платили таковые за тех, кого мы сами выручили. Особенно это относится к арабам, которые, по

собственному признанию, удержали за собою свою независимость благодарянам и которые теперь желают лишить нас всего и обидеть нас, причем мы не враги их, но друзья. Если верность должна иметь место относительно самых ярых врагов, то тем более она неизменно должна быть соблюдаема по отношению к друзьям. Впрочем, это не относится к арабам, которые на первом плане преследуют одну свою личную выгоду, причем не отступают даже перед [явною] несправедливостью, лишь бы иметь возможность обогатиться. Итак, неужели у вас еще возникает сомнение в том, следует ли наказывать нечестивцев, когда того желает сам Предвечный и требует, чтобы [мы] всегда ненавидели заносчивость и несправедливость, тем более, что мы в данном случае начали не только вполне справедливую, но и необходимую войну? То, что [даже] у эллинов и варваров признается за величайшее беззаконие, они сделали с нашими посланниками, а именно убили их. Греки считают послов людьми священными и неприкосновенными, мы же получили величайшие откровения и священнейшие законы наши от вестников самого Господа Бога. Священное имя послов может напоминать людям о Господе Боге и в состоянии примирять врагов между собою. Итак, разве можно совершить более крупное беззаконие, как убить послов, отправленных для выяснения истины? И каким образом такие люди смогут впредь быть счастливыми в жизни или рассчитывать на военную удачу, если они совершили такое злодеяние? Я полагаю, что это невозможно. Впрочем, быть может, найдется человек, который скажет, что правда на нашей стороне, тогда как враги и многочисленнее и храбрее нашего. Но так говорить совершенно недостойно вас, ибо на чьей стороне право, там и Бог, а где Господь Бог, там и сила и мужество. Если мы разберем наше положение, то придем к следующим результатам: в первой битве мы остались победителями; когда мы вторично сразились с ними, то они также не выдержали нашего нападения, но тотчас ударились в бегство, не будучи в состоянии выдержать наш натиск и нашу храбрость. Когда мы уже одерживали победу, на нас напал Афенион, не известив нас о своей войне с нами. Разве это свидетельствует о храбрости врагов, а не о вторичной гнусности и коварстве? Чего нам поэтому отчаиваться в таком положении, которое, напротив, раскрывает нам наилучшие надежды? Неужели нам страшиться таких людей, которые всегда побеждаемы, когда сражаются по всем правилам, а когда считают себя победителями, то всегда достигают этого незаконным способом? Итак, если кто-нибудь все-таки станет еще считать их храбрыми, разве он сам при таком положении вещей не бросится на них с еще большим мужеством? Ибо отвага заключается не в бою со слабыми противниками, а в умении побить более сильных врагов. Если же кого-либо устрашают наши домашние бедствия и результаты землетрясения, то пусть он подумает о том, что этими самыми бедствиями введены в заблуждение те же арабы, имеющие о них самое преувеличенное представление, а также о том, как недостойно нам трусить из-за того, что придает им столько смелости. Ведь враги наши набираются храбрости не вследствие какой-нибудь своей личной удачи, но потому, что рассчитывают, что мы утратили всякую надежду, будучи сломлены нашими бедствиями.

Когда же мы двинемся на них, то сумеем умерить их пыл, причем наше мужество возрастет по мере того, как они в битве будут падать духом. Ведь мы вовсе не понесли уже столь крупного урона, да и постигшее нас бедствие вовсе не является, как готовы думать некоторые, знаком гнева Предвечного на нас. Вся эта неудача — дело простого случая. Если же все это случилось по желанию Господа Бога, то ясно, что теперь и прекратилось по Его желанию, ибо он удовлетворяется прошедшим; если бы он и дальше думал наказывать нас, то не изменил бы теперь Своего решения. А что сам Господь желает этой войны и считает ее справедливую, это видно из следующего: в то самое время, когда многие в стране погибли от землетрясения, все солдаты остались невредимыми и все вы спаслись, так что тем самым Предвечный показал вам, что, если бы вы двинулись в поход всем народом, с детьми и женами, никто из вас не потерпел

бы никакого урона. Имея все это в виду, особенно же памятуя, что в Господе Боге вы имеете всегдашнего заступника, вы теперь смело и спокойно можете выступить против тех, кто нечестив к друзьям, кто вероломен в битвах, кто насильствен по отношению к послам и кто всегда был побеждаем вашею доблестью».

4. После этой речи иудеи почувствовали больше храбрости вступить в бой. Ирод же совершил установленные жертвоприношения и быстро двинулся на арабов, перейдя через реку Иордан. Затем он расположился лагерем вблизи врагов, имея в виду занять лежавшее между ним и неприятелями укрепление, которое считал полезным для себя как в случае быстрого начала битвы, так и в том случае, если бы дело затянулось, так как у него был бы в распоряжении укрепленный стан. Так как и арабы рассчитывали таким же точно образом, то произошел бой из-за крепости. Сперва завязалась перестрелка, затем большие толпы вступили между собою в рукопашный бой, причем порядочное число людей пало с обеих сторон, и наконец арабы были побеждены и отступили.

Это тотчас же сильно воодушевило иудеев; Ирод же, понимая, что войско арабское теперь решится скорее на все другое, только не на бой, начал храбро срывать их укрепления и двинулся вперед с целью овладеть их лагерем. Таким образом, враги были принуждены биться и выступили в беспорядке и робко, потеряв всякую надежду на одержание победы. И все-таки они вступили в бой, уповая на свое большинство и побуждаемые к тому необходимостью. Произошла ожесточенная битва, в которой пало немало людей с обеих сторон. Под конец, однако, арабы были обращены в бегство. При этом началась страшная резня среди бегущих, потому что они не только умирали от руки врагов, но сами губили друг друга, ибо при массе и беспорядочности беглецов последние топтали друг друга или ранили себя своим же собственным оружием. Таким образом их пало около 5000 человек, остальная же масса врагов поспешно бежала в [какое-то] укрепление, где ей, однако, представлялось мало надежды спастись вследствие недостатка в съестных припасах, особенно же в воде. Преследовавшим их иудеям не удалось проникнуть вместе с ними в крепость; поэтому они окружили ее и отрезали к ней решительно всякий доступ, не впуская и не выпуская из нее никого.

5. В такой крайности арабы отправили парламентариев к Ироду, чтобы переговорить с ним об условиях сдачи, а также (вследствие ужасной жажды) с предложением каких угодно условий, лишь бы он дал им воды. Однако царь не принял ни послов, ни выкупа за пленных, ни другого чего-либо, потому что намеревался наказать их за все несправедливости, нанесенные ими иудеям. Таким образом, побуждаемые недостатком всего прочего и особенно жаждою, некоторые арабы вышли из крепости, отдались в руки врагов и дали связать себя. Так в течение пяти дней отдались в плен около четырех тысяч человек; на шестой день все остальные решили сделать из крепости нападение на врагов и вступить с ними в бой, предпочитая пасть на поле брани в случае необходимости, чем бесславно погибать поодиночке. Решив это, они вышли из укрепления, но не могли долго биться и храбро сопротивляться, потому что были утомлены душою и телом и видели благоденствие в смерти и позор, если бы остались в живых. В этой первой битве пало около семи тысяч человек. После такого удара арабы окончательно утратили все свое прежнее мужество. В таком бедственном положении арабы, изумляясь военному искусству Ирода, добровольно подчинились ему и признали его правителем своего народа. Ирод, очень радуясь своим успехам, вернулся в свою страну, где его сильно превозносили за этот его доблестный подвиг.

1. После того как Ирод устроил дела свои вообще хорошо и во всех отношениях гарантировал себя, он подвергся опасности сразу потерять все, так как Цезарю удалось победить Антония в сражении при Акции. Тогда изменилось положение не только самого Ирода, но вместе с тем также всех его друзей и врагов, потому что казалось невероятным, чтобы Ирод остался теперь безнаказанным вследствие его столь тесной дружбы с Антонием. Друзья Ирода перестали уповать на возможность поддержки с его стороны, что же касается его врагов, то они делали вид, будто соболезнуют ему, а в тайниках души своей лелеяли надежду на перемену к лучшему. При таких обстоятельствах Ирод считал полезным избавиться от Гиркана, в котором видел единственного себе соперника, имеющего право на царский престол; при этом он рассчитывал, что, если он сам (Ирод) удержится и избегнет грозящей опасности, в настоящем положении дел для него будет выгоднее, если не найдется человека, имеющего больше прав на царский престол, чем он сам, если же придется потерпеть от Цезаря, то он все-таки считал более целесообразным избавиться от Гиркана, не желая, чтобы последний стал его преемником по престолу.

2. Пока царь обдумывал это дело, с другой стороны, ему само собою представился повод привести его в исполнение. Вследствие мягкости своего характера Гиркан ни в это, ни в другое время не желал интриговать и вообще касаться политики, удовлетворяясь тем положением, которое дала ему судьба. Между тем отличавшаяся честолюбием и постоянно рассчитывавшая на поворот дел Александра стала теперь уговаривать отца своего (Гиркана) не допускать, чтобы Ирод навсегда продолжал свои беззакония относительно членов своей семьи, но воспользоваться случаем и в уповании на лучшее будущее постараться гарантировать себе безопасность. Поэтому, уговаривала она, нужно о всем написать правителю арабскому, Малиху, и просить его принять их к себе и дать им безопасное убежище, ибо, если по их удалении дела Ирода примут такой оборот, как они должны принять вследствие вражды к нему Цезаря, им одним будет принадлежать законное право на престол как по их происхождению, так и вследствие расположения к ним народной массы. Первоначально Гиркан не обращал на эти слова никакого внимания, но когда Александра, в пылу своего честолюбия и женской настойчивости, не переставала уговаривать его денно и нощно и всегда указывала ему на подходящий момент и на козни Ирода, старик наконец решился вручить одному из преданных друзей своих, некоему Досифею, письмо, где он просил араба прислать ему всадников, которые могли бы взять их и проводить до Асфальтового озера ¹⁰⁰², отстоявшего от пределов Иерусалима на расстояние 300 стадий. Гиркан потому доверил это письмо Досифею, что он был предан ему и Александре и к тому же имел немало поводов быть враждебным Ироду. Дело в том, что Досифей приходился родственником казненному Иродом Иосифу и братом тех, которые в Тире были раньше перебиты Антонием. Впрочем, все это не побудило Досифея оставаться верным Гиркану, но, предпочитая снискать себе милость царя, он передал письмо Ироду. Последний похвалил его за расположение и приказал ему довести дело до конца, а именно вновь запечатать письмо, доставить его Малиху и получить от него ответ, потому что Ироду очень хотелось узнать при этом случае мнение Малиха. Досифей старательно исполнил поручение, арабский же правитель ответил, что готов принять к себе Гиркана и членов его семьи, равно как всех его единомышленников из иудеев, и обещал прислать рать, которая могла бы эскортировать их, причем обещал всякую поддержку, в чем бы иудеи ни нуждались. Получив и это письмо, Ирод немедленно послал за Гирканом и спросил его, не заключил ли он союза с Малихом. Когда же Гиркан стал отрекаться, он в заседании синедриона предъявил ему письмо и затем велел

казнить его.

3. Все это мы описываем, как рассказано в мемуарах самого царя Ирода. У других писателей имеются, впрочем, на этот счет разногласия, а именно будто Ирод велел казнить Гиркана не за это дело, но основываясь на всегдашних интригах последнего против него. По этим источникам выходит, будто Ирод задал во время пира ничего не подозревавшему Гиркану вопрос, не получал ли он каких-либо писем от Малиха; когда Гиркан сказал, что в письме Малих послал ему только привет, то Ирод будто бы спросил, не получил ли при этом Гиркан чего-либо в подарок [от арабского правителя]. Когда же старик ответил, что принял от араба лишь четырех верховых коней. Ирод в этом усмотрел подкуп и измену и велел казнить старика. В виде же доказательства того, что Гиркан совершенно невинно умер таким образом, писатели приводят только мягкость его характера, в силу которой он даже в юности не выказывал ни смелости, ни предприимчивости, ибо он в то время, как сам имел в руках своих царскую власть, лично вовсе не пользовался ею, но предоставил ее почти целиком Антипатру, из расположения к последнему. В данное же время ему шел уже семьдесят второй год; он знал, что Ирод вполне упрочил за собою власть свою; при этом он ведь также приехал из-за Евфрата, где покинул глубоко чтившее его население, чтобы совершенно отдаться во власть Ирода. Ввиду всего этого совершенно неправдоподобно, будто Гиркан домогался чего-либо или принимал участие в заговоре; всему этому препятствовал, весь склад его характера, и [потому] все это произошло вследствие подозрительности одного только Ирода.

4. Такой конец постиг Гиркана, после того как он в жизни испытал всевозможные перемены и превратности судьбы. С самого начала, когда царство перешло к его матери Александре, он был тотчас назначен первосвященником иудейского народа и девять лет занимал эту почетную должность. Затем, после смерти матери, царство перешло к нему, и он правил три месяца, после чего был смещен своим братом, Аристокбулом, но затем вновь восстановлен в своих правах Помпеем. Пользуясь всеми знаками почета, он пребывал царем в течение сорока лет. Будучи вторично свергнут с престола, а именно Антигоном, и изувечен им, он жил в плену у парфян. Через некоторое время он вернулся от них на родину, побуждаемый к тому упованием на поддержку со стороны Ирода. Однако во всех своих на этот счет надеждах он ошибся, найдя [во дворце царя] лишь многотрудные условия существования. Самое тяжелое несчастье его постигло в момент вышерассказанной нами смерти его. Он был человеком покладистым и нерешительным, а так как он не задавался широкими замыслами и, в сущности, не был способен заниматься государственными делами, то и предоставлял главную заботу об управлении близким людям. Вследствие мягкости Гиркана Антипатру и Ироду и удалось добиться своего высокого положения, а между тем они-то и уготовили ему столь незаслуженный и безбожный конец.

5. Избавясь таким образом от Гиркана, Ирод поспешил к Цезарю, причем не мог рассчитывать со стороны последнего за все свои деяния, а особенно за дружбу к Антонию, на отличный прием. Так как Ирод опасался, что Александра воспользуется удобным случаем, взбунтует народ и восстановит его против царя, то он поручил все дела брату своему Ферору, отправил мать свою Кипру, сестру и всех детей своих в Масаду и поручил брату, в случае если он услышит о каком-либо постигшем его бедствии, не выпускать из рук власти. А так как жена его, Мариамма, вследствие размолвки между нею и его матерью и сестрою, не могла жить вместе с последними, то он поместил ее с ее матерью Александрою в Александрионе, причем оставил их там под присмотром своего казначея Иосифа и итурейца Соема, которые с самого начала доказали ему свою полнейшую верность. Теперь он поручил им надзор за этими женщинами под предлогом оказания им особого почета. При этом Иосифу и Соему было дано поручение немедленно убить обеих женщин, если бы они узнали о каком-либо несчастье,

постигшем Ирода, и всеми силами стараться закрепить царскую власть за его детьми и братом, Ферором.

6. Сделав все эти распоряжения, Ирод поспешил в Родос, чтобы встретиться там с Цезарем. Приехав в город, он снял диадему, но остался во всем прочем царском убранстве своем. Когда ему удалось добиться аудиенции, он в полной мере выказал всю свою неустрашимость, а именно не прибег, как то делается обыкновенно в таких случаях, к просьбам и не выказал ни малейшего опасения за все совершенные им проступки, но безбоязненно дал отчет во [всех] своих поступках. Он рассказал Цезарю о своей большой дружбе с Антонием, о том, что он не участвовал в его походах, так как сам был вовлечен в борьбу с арабами, но что он посылал Антонию деньги и хлеб. Этого было, впрочем, слишком мало, что он сделал для Антония, потому что, по его мнению, тот, кто объявляет себя чьим-либо другом и видит в нем своего благодетеля, должен всеми силами души и тела, насколько это в его власти, поддерживать друга. Хотя он (Ирод) и оказал, таким образом, Антонию меньше услуг, чем бы следовало, он все-таки очень доволен дальнейшим образом своих действий относительно его, а именно он не покинул Антония после поражения его при Акции и не перешел на сторону того, которому теперь улыбнулось счастье, но остался если и не фактическим товарищем Антония по полю брани, все-таки его наилучшим советником, а именно он указал ему, как на единственную возможность спастись и не утратить власти навсегда, на необходимость умертвить Клеопатру. «Если бы он избавился от нее,- продолжал Ирод,- то у него осталась бы надежда захватить верховную власть и легче найти средство примириться во вражде своей к тебе. Однако Антоний не внял этому совету, себе во вред, а тебе на пользу, и предпочел отвергнуть его. Итак, если ты теперь в гневе на Антония, поставишь мне в вину мое к нему расположение то я не только не стану отрекаться, но не задумаюсь еще раз открыто подтвердить здесь мою приязнь к нему. Если же ты, оставя его в стороне, посмотришь, каков я к своим благодетелям и каков я в дружбе, то у тебя доказательство налицо в виде совершенных мною деяний. Если переменялось имя, из этого еще не следует, чтобы моя дружба пошатнулась к тому, кто является заместителем и преемником моего друга».

7. Такими словами, в которых ясно звучала полная независимость. Ирод без труда склонил на свою сторону Цезаря, человека, отличавшегося благородством духа, так что то, что представлялось первоначально поводом к обвинениям, теперь вызвало благоволение к нему императора. Вместе с тем последний вновь венчал Ирода царским венцом и просил его об одном лишь: быть с ним так же дружным, как дружен он раньше был с Антонием. К этому Цезарь присовокупил, что ему написал Квинт Дидий, насколько отважно Ирод поддержал его в бою с гладиаторами [1003](#). Удостоившись такого приема и видя, что теперь он укрепился еще более в своей власти отчасти благодаря подарку Цезаря, отчасти же вследствие римского [сенатского] постановления, которого он добился для большей уверенности, Ирод решил сопровождать Цезаря в Египет после того, как успел по мере сил одарить и самого императора и его приближенных и выказать им все свое великодушие. Вместе с тем он рискнул даже заступиться за одного из близких Антонию людей, именно за Александра, прося пощадить его. Однако достигнуть этого Ироду не удалось, потому что Цезарь клятвенно обещал казнить его. Затем Ирод вновь вернулся в Иудею с большим почетом и большею уверенностью, чем крайне поразил всех, кто ожидал совершенно обратной развязки. Народу казалось, что царь, по милости Предвечного, всегда выходит из опасности лишь с большим и новым блеском. Ирод немедленно приступил к приготовлениям к встрече Цезаря, собиравшегося вторгнуться из Сирии в Египет. Когда император прибыл, он принял его с царскою пышностью в Птолемаиде, причем угостил все его войско и изобильно снабдил его всеми припасами. Таким образом он вскоре попал в число наиболее близких императору людей. Во время военных смотров он сопровождал Цезаря

верхом, примкнув к его свите с отрядом из блестяще и богато вооруженных ста пятидесяти человек. Вместе с тем он сопровождал императорское войско также по пустынным местностям. Самому Цезарю он преподнес в подарок восемьсот талантов и этим заставил всех предположить, что данный подарок превзошел все платежные силы его царства. Это уверило всех еще более в его преданности и расположении, и для него было весьма полезно, что он умел так кстати выказать свое великодушие. Когда римляне возвращались назад из Египта, он также явил снова полную готовность снабжать их всем нужным и оказывать им услуги.

1. Вернувшись назад, Ирод застал всю семью свою в сильном смятении и жену свою, Мариамму, и ее мать, Александру, крайне расстроенными. Они были очень огорчены, потому что поняли, как и можно было подозревать, что их заключили в Александрион не для их личной безопасности, но как в крепость, где они не только потеряли всякую власть над другими, но и не были в состоянии распорядиться собою. Мариамма стала подозревать, что вся любовь царя к ней является лишь притворною и притом в его же личных интересах, и печалилась о том, что, если бы что-нибудь случилось с Иродом, и у нее была бы отнята всякая надежда остаться долее в живых. При этом она вспомнила о поручении, некогда данном Иосифу, и старалась всячески склонить в свою пользу стражу, особенно же Соема, понимая, что судьба ее всецело зависит от последнего. Сначала Соем соблюдал верность Ироду и в точности исполнял все его предписания, но несколько позже поддался увещаниям и подаркам льстивших ему женщин и кончил тем, что сообщил им обо всем, что поручил ему царь. Сделал он это главным образом потому, что уже не рассчитывал, что Ирод вернется назад облеченным прежнею властью. Рассчитывая ввиду этого не подвергнуться со стороны Ирода особенно большой опасности, он решил сделать многое в угоду этим женщинам, которых, по его расчетам, никак не минует власть и которые впоследствии особенно щедро наградят его, когда сами овладеют престолом или по крайней мере станут в близкие отношения к [будущему] царю. Но он не боялся ничего даже в том случае, если бы Ирод, устроив все по своему желанию, вернулся назад, потому что и в таком случае Ирод ни в чем не откажет жене своей, так как Соем отлично знал необыкновенную любовь царя к Мариамме. Все эти соображения побудили его рассказать Мариамме о полученном поручении. Мариамма тут с ожесточением узнала, что ей предстоят со стороны Ирода одни только опасности, и была бы очень опечалена, если бы царя не постигла заслуженная им участь, причем решила, что дальнейшая совместная жизнь ее с Иродом невозможна, если он вернется.

Впоследствии она все это высказала Ироду, нисколько не скрывая от него всей своей печали.

2. Когда царь возвратился с большею, чем на какую мог рассчитывать, удачею, он, как и следовало, раньше всех поделился своею радостью с женою, которую любил больше всего на свете. Мариамма, однако, во время его рассказа об удачном путешествии видимо не столько радовалась, сколько казалась огорченною и не могла скрыть неудовольствие, но в сознании своего достоинства и благородства вздохнула в ответ на приветствие Ирода, причем открыто показала, что скорее печалится при его рассказах, чем радуется. Следствием этого было то, что теперь Ирод смутился не только на основании [неопределенных] подозрений, но и вследствие наличности фактов. Он совершенно растерялся при виде такой нескрываемой ненависти со стороны жены, опечалился, но не считал возможным отказаться от любви своей к ней. Он то не мог сдержать свой гнев, то снова примирялся с нею, переходя от одного к другому и всегда сильно страдая. Таким образом, обуреваемый и ненавистью и любовью к ней, он несколько раз был готов казнить ее за ее пренебрежение [к нему], но каждый раз чувствовал себя слишком слабым для того, чтобы устранить от себя эту женщину [навсегда]. Вообще же он охотно казнил бы ее, но вместе с тем боялся разлуки и полагал, что, если Мариамма умрет, он сам будет более ее наказан.

3. Видя такие отношения Ирода к Мариамме, сестра и мать его признали этот момент наиболее подходящим для выражения своей ненависти к ней и в разговоре стали постоянно возбуждать против нее Ирода такими тяжкими обвинениями, которые были в состоянии

возбудить в нем единовременно как ненависть, так и отвращение к Мариамме. Ирод слушал все эти речи не без удовольствия, но вместе с тем не решался на основании их предпринять что-либо против нее, так как был далеко не уверен. Однако отношение к ней становилось у него все хуже и хуже, и наконец возникли несказанные страдания, так как Мариамма не скрывала своего недовольствия, а у Ирода любовь понемногу сменялась гневом. В конце концов он принял бы решительные меры, но в это время получил извещение, что Цезарь вышел победителем из борьбы, что Антоний и Клеопатра умерли и что он овладел теперь Египтом. Поэтому он поехал навстречу Цезарю и оставил домашние дела в прежнем их положении. При отъезде царя Мариамма стала просить у него награды Соему за его ревностную службу, а именно места военачальника. Соем действительно получил это почетное назначение. Ирод же, встретившись с Цезарем в Египте, мог теперь свободнее общаться с ним, считаясь его другом, и удостоился при этом величайших почестей: Цезарь подарил ему четырехсот галлов¹⁰⁰⁴, телохранителей Клеопатры, и вновь отдал ему область, отнятую у него царицею, равно как включил в пределы его царства также Гадару, Гиппос и Самарию, а также приморские города Газу, Анфедон, Яффу и Стратонову Башню.

4. Достигнув этого, Ирод еще более возвысился и сопровождал Цезаря в Антиохию. Насколько его внешние дела шли удачно, настолько печальными нашел он при возвращении домашние дела свои, особенно относительно жены, со стороны которой он прежде всего пользовался таким счастьем. Любил он Мариамму действительно так сильно, как никто другой, о котором повествует история. Хотя она и соблюдала царю верность и вообще держала себя во всех отношениях к нему благопристойно, однако, по привычке всех женщин, вместе с тем относилась к нему с неприязнью, причем иногда обходилась с ним, невзирая на всю его страсть к ней, крайне резко и, несмотря на все свое подчинение и покорность ему, нередко давала ему чувствовать свои капризы. Но всего этого Ирод как будто не замечал вовсе и с достоинством и терпением переносил все. Вместе с тем она открыто стала укорять мать и сестру царя в низком происхождении, так что результатом этого явилась ненависть и непримиримая вражда между всеми этими женщинами; в то же время появились и более тяжкие обвинения. Таким образом, подозрительность царя получала обильную пищу и возрастала в течение целых полугода с тех пор, как Ирод вернулся от Цезаря. В конце концов эта все более и более раздуваемая вражда обнаружилась по следующему поводу. Когда однажды Ирод в полдень отправился в опочивальню, чтобы отдохнуть от жары, он позвал к себе Мариамму, побуждаемый большою любовью к ней. Царица явилась к нему, но отказалась разделить с ним ложе и стала укорять и поносить его за убийства ее отца и брата.

Царь с трудом снес это оскорбление и готов был решиться на крайность, но в это время услышавшая необычайный шум сестра царя Саломея послала к нему заранее подготовленного к тому виночерпия, которому было приказано сказать Ироду, будто Мариамма просила снабдить его любовным питьем для царя. Если же царь смутится и спросит его, что это за питье, то виночерпий должен отдать его царю по приказанию последнего; если же царь не смутится этим, пусть он воздержится от дальнейших разговоров; при этом Саломея уверила виночерпия, что здесь нет никакой опасности. Подготовив все таким образом, Саломея именно теперь послала виночерпия к царю. Виночерпий уверенно и свободно явился к царю с заявлением, что Мариамма дала ему подарки и уговорила его предложить царю любовное питье. Когда Ирод крайне заволновался и спросил его, что это за питье, тот ответил, что Мариамма дала ему нечто такое, содержание чего он сам не знает. Поэтому-то он и объявляет ему об этом, чтобы оградить себя от ответственности и предупредить царя. Услышав это, и без того уже возбужденный Ирод еще более разгневался и велел пытать евнуха, наиболее преданного Мариамме, потому что знал, что помимо этого евнуха жена его не могла решительно ничего предпринять. В такой крайности

евнух под пыткой ничего, правда, не мог сказать относительно любовного питья, но зато рассказал, как у царицы явилась ненависть к Ироду вследствие разоблачений, сделанных ей Соемом. Не успел тот произнести свои слова, как царь громко закричал, что, всегда бывший верным ему и царству, Соем не осмелился бы проговориться о полученном поручении, если бы не был в близких отношениях к Мариамме. Поэтому он распорядился немедленно схватить и казнить Соема, а жену свою предал суду самых преданных друзей своих, ожесточенно обвиняя ее в приготовлении любовного питья и отравы. При этом Ирод несколько не сдерживал себя и был вспыльчивее, чем бы следовало при судебном разбирательстве. В конце концов присутствующие, видя такое настроение царя, приговорили Мариамму к смерти. По произнесении этого приговора как сам царь, так и некоторые из судей решили не сразу приводить его в исполнение, но пока посадить царицу в одну из темниц при дворце. Однако Ироду пришлось внять настойчивым требованиям Саломеи, советовавшей ему умертвить Мариамму, чтобы тем самым избежать народных смут, которые могли бы возникнуть, если бы народ узнал, что царица еще жива.

5. Итак, Мариамма была отведена на казнь. Тогда Александра, видя, в каком положении дела, и понимая, что ей осталось мало надежды не потерпеть таким же точно образом от Ирода, круто и весьма неприлично изменила прежнее свое высокомерное поведение. Желая доказать полную свою непричастность к взводимому на царицу обвинению, она выбежала [на улицу] и стала при всех поносить дочь свою, называя ее гадкою и неблагодарною к мужу женщиною и говоря, что теперь она подвергается заслуженному наказанию за свои дерзости, так как поступила непристойно относительно своего главного благодетеля. Так как Александра столь наглым образом притворялась и даже вцепилась при этом дочери своей в волосы, то ее, как и следовало, многие сочли неприличною ханжою; особенно дала понять это Александре сама осужденная, которая с самого начала не ответила ей ни слова и, несколько не смутясь, лишь с презрением посмотрела на эту гнусную женщину, очевидно показывая ей все ее жалкое ничтожество. Сама она совершенно бесстрашно и не изменившись в лице пошла на казнь, даже в последнюю минуту являя всем доказательство своего благородства.

6. Таким образом умерла Мариамма, этот высочайший идеал женской целомудренности и великодушия. Впрочем, ей недоставало сдержанности, и в характере ее в слишком сильной степени замечалась некоторая неуживчивость. Красотою своею и уменьем с достоинством держать себя она превосходила всех своих современниц: это и явилось главною причиною того, что она недостаточно любезно встречала царя и относилась к нему с недостаточною предупредительностью; пользуясь всегда любовью со стороны царя и не имея повода предполагать с его стороны какой-нибудь неприятности, она позволяла себе с ним слишком много. А так как ее угнетала судьба, постигшая близких ей людей, и она несколько не стеснялась высказывать ему это прямо, то она в конце концов навлекла на себя вражду матери и сестры царя и даже самого Ирода; относительно последнего между тем она всегда была уверена, что он оградит ее от всяких неприятностей.

7. После казни Мариаммы любовь царя к ней возросла еще более, чем то было когда-либо раньше, как мы уже имели случай упоминать. Дело в том, что эта любовь к ней царя вовсе не была временною или ослабилась вследствие привычки, но как она с самого начала отличалась страстным энтузиазмом, так она не ослабевала и впоследствии при постоянном сожителстве. Теперь же казалось, что в виде наказания за казнь Мариаммы любовь к ней охватила его в еще гораздо более сильной степени, так что он часто громко призывал ее к себе, предавался ничем не сдерживаемым слезам, в конце концов стал придумывать всевозможные способы забыться и развлечься и с этою целью задавал попойки и пиры. Впрочем, все это отнюдь не помогало, так что он запустил даже все государственные дела и страдал в столь высокой степени, что приказал

своим слугам громко звать Мариамму, как будто бы она была еще жива и могла слышать это и явиться. В то время как царь находился в таком состоянии, [в стране] появилась чума, которая похитила не только массу простонародья, но и наиболее близких к царю друзей его, причем у всех явилась мысль, что это бедствие служит доказательством гнева Божьего за беззаконие, совершенное относительно Мариаммы. Все это еще более расстраивало царя, так что он под предлогом охоты отправился наконец в пустынное место. Но здесь ему удалось пробыть лишь короткое время, ибо через несколько дней он впал в опасную болезнь. Его поразило сильное и сопряженное со страшными болями воспаление затылка, связанное с сотрясением мозга и расстройством умственных способностей. Все примененные средства, однако, нисколько не помогали, так что наконец явилось сомнение в возможности выздоровления царя. Так как все попытки в этом отношении оказывались тщетными и сам царь мог соблюдать лишь ту диету, к которой принуждал его характер болезни, врачи согласились давать ему все, чего бы он ни пожелал, и предоставили случаю выздоровление его, на которое, впрочем, было мало надежды. Болезнь эта охватила царя в Самарии, прозванной Себастею.

8. Тем временем пребывавшая в Иерусалиме Александра, успев узнать о положении царя, приложила все старания, чтобы овладеть укрепленными пунктами города. Этих пунктов было два; из них один находился в самом городе, другой же в храме. Всякий, кто овладевал ими, тем самым подчинял себе и весь народ иудейский: помимо этих пунктов не могли совершаться жертвоприношения, без которых не может жить ни один иудей, потому что все они готовы скорее лишиться жизни, чем отступить от установленного служения Предвечному. Поэтому Александра вступила в переговоры со стражею, указывая на необходимость передать эти укрепления ей и детям Ирода, чтобы в случае кончины последнего никто не мог предупредить их и захватить власть. В случае же, если бы царь выздоровел, по ее мнению, опять-таки самыми надежными людьми явятся члены его собственной семьи. [Командиры] гарнизонов отнеслись к этому предложению Александры с неудовольствием и, оставаясь прежде верными царю, тем более решили оставаться таковыми и теперь, так как чувствовали ненависть к Александре и считали безбожным изменять находившемуся еще в живых Ироду. Они были издавна преданы ему, а один из них, Ахиаб, даже доводился племянником царю. Поэтому они немедленно донесли последнему о планах Александры. Ирод распорядился тотчас казнить ее, а так как он сам едва успел оправиться от болезни и все еще страдал душою и телом, то был крайне раздражителен и стал казнить по самым ничтожным причинам всех, кто попадался ему под руку. Так, например, он казнил многих из самых преданных друзей своих, а именно Костобара, Лисимаха, Гадию, носившего прозвище Антипатра, а также Досифея. Поводом к этому послужило следующее.

9. Костобар был идумеянином и принадлежал к числу знати своей страны, потому что предки его были жрецами идумейского божества Котзе. После того, как Гиркан ввел у идумеян иудейские обычаи и религию, Ирод овладел страной и назначил правителем Идумеи и Газы Костобара, причем выдал за него сестру свою, Саломею, после казни ее первого мужа Иосифа, о которой мы сообщали выше. Достигнув неожиданно столь высокого положения, Костобар вознесся в своем счастье и несколько вышел из своих границ, не считая себя более обязанным повиноваться предписаниям Ирода и полагая, что идумеяне вовсе не для того приняли иудаизм, чтобы быть в подчинении у иудеев. Поэтому он послал сказать Клеопатре, что, так как Идумея всегда находилась под властью ее предков, она имеет право требовать себе от Антония эту страну, причем он сам выражал полную готовность примкнуть к царице. Впрочем, все это Костобар сделал не для того, чтобы угодить Клеопатре и усилить ее власть, а потому, что рассчитывал сам стать полновластным правителем идумейского народа и увеличить свое могущество за счет ослабления Ирода. Этим надеждам он предавался с тем большею охотою,

что имел крупную поддержку не только в знатности своего происхождения и в значительных денежных средствах, добытых путем систематической экономии, но и в том, что всегда энергично преследовал раз намеченную цель.

Итак, Клеопатра стала просить у Антония эту страну, но не получила ее, тогда как Ироду было сообщено все это и он совсем уже было приготовился казнить Костобара. Однако ввиду заступничества сестры и матери своих он простил его, причем, однако, все остальное время никак не мог освободиться от недоверия к Костобару за его тогдашнюю попытку.

10. Спустя некоторое время Саломея поссорилась с Костобаром. Тогда она немедленно послала ему разводное письмо с целью расторжения своего брака.

Так поступила она вопреки иудейским законам, потому что это у нас разрешается мужу, тогда как женщина не вправе вступить в новый брак, пока она не получила развода от первого своего мужа. Однако Саломея пренебрегла этим основным законом и поступила здесь совершенно произвольно. Брату же своему, Ироду, она объявила, что бросила мужа из любви к нему, Ироду: она узнала, что муж ее, вместе с Антипатром, Лисимахом и Досифеем, злоумышляет против безопасности государства. Вместе с тем для подтверждения своих слов она указала на то, что Костобар держит у себя вот уже двенадцать лет сыновей Вава, что и было в действительности так. Все это, узнанное столь неожиданно, крайне смутило царя, и он очень заволновался, так как не ожидал ничего подобного. Что касается сыновей Вава, Ирод первоначально собирался казнить их, так как они стали во враждебные к нему отношения, впоследствии же он совершенно забыл о них, и с тех пор прошло много времени. Вражда же и ненависть к ним возникла следующим образом: когда еще царская власть была в руках Антигона, и Ирод во главе войска осаждал Иерусалим, нашлось много лиц, которые вследствие массы связанных с осадой бедствий желали впустить Ирода в город и уже были готовы возложить на последнего все свои надежды. Происходившие, однако, из знатного рода и пользовавшиеся в глазах толпы авторитетом сыновья Вава продолжали оставаться верными Антигону, постоянно поносили Ирода и побуждали народ сохранить за Антигоном принадлежащую ему по праву рождения власть. И вот народ держался их взгляда на вещи, считая это более полезным и целесообразным. Когда же Ирод взял город и верховная власть оказалась в его руках, Костобар, которому было поручено занять и оберегать все выходы из города, чтобы из него как-нибудь не ускользнули виновные граждане или противники царя, принял сыновей Вава и отвез их к себе, зная, в каком они почете у народа, и рассчитывая, что в случае переворота спасение их может сослужить ему самому крупную службу. Впоследствии он, чтобы освободиться от всякого с его стороны подозрения, клятвенно уверил Ирода, что ему ничего неизвестно о судьбе их. Также и позже, когда Ирод велел объявить о том во всеобщее сведение и обещал награду за поимку и всячески старался найти их, Костобар не сознался. Раз он однажды солгал, то он считал теперь для самого себя небезопасным выдать этих людей и еще старательнее скрывал их не только из расположения к ним, но и по необходимости.

После того как Ирод узнал все это от сестры своей, он послал в указанное место, где находились сыновья Вава, и велел казнить как их, так и всех вместе с ними обвиненных. Теперь не оставалось в живых уже никого из родни Гиркана, и Ирод властвовал единолично, так что никто более не осмеливался противодействовать его незаконным начинаниям.

1. Таким образом Ирод все более и более уклонялся от соблюдения древних установлений и обычаев и введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни. Так как все то, что раньше поддерживало в народной массе прежнее благочестие, теперь подвергалось презрению, то мы в результате от этого немало пострадали в позднейшее время. Во-первых, он ввел в честь Цезаря через каждые пять лет повторявшиеся общественные игры и построил в [самом] Иерусалиме театр, равно как на равнине огромный амфитеатр, роскошь которых бросалась всем в глаза, но которые отнюдь не соответствовали мировоззрению иудеев, ибо иудеи были непривычны к такого рода зрелищам. Празднование этих игр он производил с большою торжественностью, приглашая с этою целью зрителей из соседних стран и собирая весь [иудейский] народ из них. Также и борцы и всякие другие участники в состязаниях приглашались со всех концов земли, и они являлись в надежде на призы и на славу победы, причем тут участвовали крупнейшие корифеи своего дела. Ирод назначал выдающиеся призы не только участникам в гимнастических состязаниях, но также и знатокам музыки и танцев и тем побуждал лучшие силы вступать в состязания. Равным образом он назначал также большие призы квадригам¹⁰⁰⁵, парным экипажам и одиночкам; одним словом, все, что где бы то ни было выдавалось роскошью и блеском, он старался превзойти еще большею красотою. Кругом всего театра тянулись надписи в честь Цезаря и были воздвигнуты из червонного золота и серебра изображения трофеев его от тех народов, которых он победил на войне. Не было таких драгоценных и прекрасных одеяний и камней, которые бы не показывались зрителям на этих состязаниях. При театре имелся запас диких зверей, в том числе масса львов и всяких других зверей, отличавшихся чрезмерною силою или особенною редкостью. Этих зверей выпускали на бой как между собою, так и с присужденными к смерти людьми, причем иноземцам в одинаковой мере доставляли удовольствие как роскошь обстановки, так и волнение, вызываемое этими опасными зрелищами, тогда как для туземцев тут было лишь доказательство явного разложения нравов, чистоту которых они так свято соблюдали. Иудеи считали явным безбожием предоставлять диким зверям людей для удовольствия других людей и в столь же высокой степени безбожным вводить в свою личную жизнь чужеземные обычаи. Больше же всего оскорбляли их трофеи, и они не мало печалились, видя в них запрещенные законом изображения вооруженных людей.

2. Впрочем, от Ирода не ускользнуло возмущение народа; и так как он счел неуместным действовать в этом случае силою, то позвал к себе несколько лиц и пытался убедить их, что тут нет ни малейшего богохульства. Однако это ему не удалось, и все в негодовании на его беспутство единогласно закричали, что, если они пока сносили многое, теперь они никак не допустят в городе идолов, причем имели в виду трофеи. При этом они ссылались на то, что это возбранено им их законом. Видя такое их волнение и что нелегко будет их успокоить иначе как путем наглядного доказательства, Ирод пригласил наиболее влиятельных из них в театр и, указав на трофеи, спросил, за что они принимают их. Когда же те закричали, что это изображения людей, он распорядился снять оружие и показал им голые деревянные столбы. Это тотчас же вызвало неудержимый смех, и общая веселость еще более увеличилась оттого, что иудеи раньше столь иронически относились к убранству этих трофеев.

3. Успокоив таким образом народ и умерив его гнев, Ирод увидел, что большинство убедилось в безопасности [этих трофеев] и более не волнуется. Впрочем, было еще несколько лиц, которые никак не желали примириться с противными народному духу нововведениями и видели в нарушении основных обычаев начало великих бедствий. Эти люди считали своею

священною обязанностью скорее подвергнуться опасности, чем допускать такие нововведения в государстве и спокойно взирать на то, как Ирод насильно насаждает противные народному духу начала, причем является царем лишь по имени, а на деле представляет из себя врага народа. Вследствие этого десять граждан составили заговор и поклялись подвергнуться любой опасности (в числе заговорщиков был также один слепой, которого принудили примкнуть тревожные слухи; хотя он и не был в состоянии принять в деле личное участие, однако он приготовился пострадать со всеми прочими, если бы заговорщиков постигла неудача; этим он немало содействовал подъему духа остальных своих товарищей).

4. Спрятав под плащами кинжалы, заговорщики немедленно отправились в театр в надежде, что Ирод не уйдет от них, так как они нападут на него внезапно, и что в крайнем случае, даже если им не удастся убить его самого, они перебьют многих из его приверженцев; они готовы были удовольствоваться хотя бы тем, что смерть их заставит по крайней мере царя образумиться и подумать, насколько он поглумился над народом. Заговорщики были вполне приготовлены ко всему и отличались большою отвагою. Но один из шпионов Ирода разузнал все дело и сообщил о всем плане царю, когда последний собирался войти в театр. Так как Ирод знал, что большинство его реформ вызывало лишь возбуждение и ненависть, то счел это сообщение довольно вероятным и потому вернулся во дворец и велел поодиночке позвать к себе обвиняемых. Ввиду того что заговорщики были схвачены слугами царя с поличным, они стали думать не о том, как бы избежать наказания, но решили встретить неизбежную теперь смерть с возможно большим мужеством. Поэтому они не выказали раскаяния и не пытались отрицать свою вину, но тотчас после ареста отдали свои кинжалы и храбро сознались, что составили заговор с благою и честною целью, причем не было и речи о какой-нибудь личной для себя выгоде или о личной мести, но преследовалось лишь общее благо народа, которое оберегать и за которое умирать должен быть готов всякий. После того как они так смело рассказали весь ход своего заговора, они были арестованы царскими телохранителями и умерщвлены под пыткой. Немного, впрочем, спустя некоторые лица схватили и навлекшего на себя всеобщую ненависть доносчика и не только убили его, но разорвали на части и бросили псам. Хотя многие из граждан присутствовали при этом, но никто не донес о том. Наконец Ирод распорядился нарядить строжайшее следствие, и тогда несколько женщин во время пытки показали то, чему они были свидетельницами. После этого всех виновных вместе с их семействами постигла кара, причем пощады не было никому. Но народное волнение и привязанность иудеев к своим законам поставили Ирода в затруднительное положение, и ему пришлось изыскивать меры обезопасить свое правление. Поэтому он решил всячески удерживать в повиновении народ и поставить его в такие условия, чтобы он при таком стремлении к перевороту не мог перейти к открытому восстанию.

5. У него в городе имелось два укрепленных пункта, а именно дворец, в котором он сам жил, и храмовая крепость, названная Антониею и сооруженная им. Теперь он задумал возвести для ограждения себя от народа третью крепость, а именно в Самарии, которую он назвал Себастою. Итак, он решил укрепить это место, находившееся на расстоянии одного дня пути от Иерусалима и представлявшее то удобство, что оно могло служить отличным средством для обуздания не только города, но и всей страны. Для ограждения себя от всенародного восстания Ирод приступил к перестройке города, носившего название Стратоновой Башни и теперь прозванного Иродом Цезареєю. На широкой равнине он воздвиг укрепление и поместил в нем отряд всадников, выбранный для того по жребию; в Галилее он построил Гаву, в Перее Есевон. Ирод воздвиг все эти крепости в разных местностях, постоянно заботясь о том, чтобы укрепить и обезопасить свое положение, и стараясь держать в своих руках весь народ, чтобы он менее думал о возмущении (впрочем, некоторое небольшое брожение замечалось всегда) и чтобы ни

малейшее движение не оставалось незамеченным, так как всегда имелись налицо силы, бывшие в состоянии немедленно все узнать и подавить всякую такую попытку. Когда он отправился, чтобы укреплять Самарию, он пригласил поселиться там многих из своих прежних солдат, равно как и многих пограничных жителей, причем соблазнил их перспективую постройку нового храма. Вместе с этим он также желал поднять таким образом значение этого города, который раньше не принадлежал к числу особенно блестящих. Главною побудительною для этих иноземцев причиною было то, что Ирод в видах своей личной безопасности не скупился на деньги. При этом Ирод переименовал город в Себасту и распределил между жителями ближайшую, лучшую во всей стране землю, дабы они при своем поселении сейчас же пользовались известным благосостоянием. Он окружил город крепкою стеною и воспользовался покатостью местности, причем дал городу такие размеры, что он не уступал в этом отношении даже наиболее знаменитым городам. Он обнимал двадцать стадий. Внутри города он оставил красивую открытую площадь в полторы стадии и воздвиг здесь храм, принадлежавший по величине и красоте к числу самых выдающихся. Отдельные части города также были им постоянно украшаемы, причем это вызывалось соображениями личной безопасности, стремлением воспользоваться крепкими стенами для обращения всего города в огромную крепость, а также желанием оставить после себя достойный памятник своего вкуса и человеколюбия.

1. В этот же самый год, именно в тринадцатый год царствования Ирода, великие бедствия постигли страну вследствие ли гнева Господня или потому, что несчастья повторяются периодически. Сперва наступила продолжительная засуха, так что земля стала совершенно бесплодной и не принесла даже того, что она обыкновенно дает в необработанном виде. Затем, так как вследствие недостатка хлеба пришлось изменить весь образ жизни, явились болезни и род чумы, причем одно бедствие сменяло другое. Ввиду отсутствия должного ухода и пищи чума уносила все больше и больше жертв, а гибель последних уменьшала бодрость остальных, тем более, что они не были в состоянии противопоставить этому бедствию что бы то ни было. Так как посевы текущего года погибли и запасы прежних лет истощились, то не было уже никакой надежды на благоприятное будущее, тем более, что чума, против ожидания, затягивалась все дольше и дольше. Итак, теперь уже ничего не оставалось; были уничтожены также и семена для будущего посева, так что можно было ожидать вторичной голодовки. Нужда заставляла людей прибегать в этой крайности к многообразным средствам. В не меньшей мере ощущал ее и сам царь, так как он теперь лишился обычных земельных податей и в своей щедрости успел израсходовать все свои деньги на тех, чьи города он восстановил. Он не видел тут никакой возможности помочь беде, а последняя между тем росла, и с ней росла также ненависть его подданных: в неудаче обыкновенно обвиняются лица начальствующие.

2. Находясь в таком положении, Ирод стал всячески измышлять средства помочь беде. Его положение затруднялось тем, что и у соседей, которых постигло то же бедствие, нельзя было получить хлеба, и что у него не хватило бы денег, если бы даже они нашлись, помочь такой массе страждущих. Но так как царь считал обязанностью всеми возможными средствами помочь беде, то он собрал все ценности своего дворца и велел сплавить все золото и серебро, не щадя ни драгоценной, ни художественной утвари. Затем он послал эти деньги в Египет, где наместником Цезаря [тогда] был Петроний. Несмотря на то что многие искали у последнего помощи в этой беде, он все-таки, будучи очень расположен к Ироду и желая помочь его подданным, дал ему первому право вывезти [из Египта] хлеб, причем всячески содействовал покупке этого хлеба и его вывозу. Таким образом, Ирод был главным виновником этой помощи. И вот Ирод по прибытии хлебных запасов легко заставил народ приписать именно его заботливости эту помощь и тем самым не только изменить мнение своих прежних недоброжелателей, но и постарался высказать народу свою особенную о нем заботливость и свое попечение. Классифицировав население точнейшим образом, он сперва роздал часть хлеба всем тем, которые были в состоянии сами озаботиться приготовлением себе пищи; потом он направил к пекарям и доставил готовую пищу всем тем многочисленным лицам, которые по старости или другой какой-либо причине не могли сами испечь себе хлеб. Вместе с тем царь позаботился также оградить от бедствий зимы многих, которые не имели теплой одежды, потому что в этой беде погиб также весь скот, так что не было ни шерсти, ни другой возможности сделать одежду. Когда и эти лица были удовлетворены, он оказал помощь соседним городам и послал в Сирию семян для посевов. Тем самым он оказал не в меньшей мере и самому себе услугу, потому что вернул стране ее плодородие и дал всем возможность впредь иметь обилие хлеба. Когда же вновь наступило время жатвы, он разослал по стране пятьдесят тысяч человек, которых он сам кормил за это время и которым помог оправиться, и таким образом вернул себе расположение всего своего столь сильно пострадавшего царства, причем немало оказывал поддержки и окрестным племенам, очутившимся в столь же бедственном положении. Не было такого лица, постигнутого нуждою, которому он не помог бы

сообразно средствам; при этом он оказал поддержку даже целым народам и городам, не говоря уже о тех частных лицах, которые впали в нужду вследствие многочисленности своих семей. Все, кто обращался к нему, получали просимое, так что, по точному подсчету, оказалось, что царь роздал иностранцам десять тысяч коров хлеба (кор равняется десяти аттическим медимнам), а своим подданным около восьмидесяти тысяч. Эта заботливость и своевременная помощь царя настолько упрочили его положение среди иудеев и так прославили его у других народов, что возникшая прежде к нему ненависть из-за введения новых порядков в царстве теперь прекратилась у всего народа, потому что царь своею щедрою помощью в столь опасную минуту примирил с собою всех. Слава его росла за пределами его владений, и казалось, что все это постигшее страну горе было предназначено лишь для того, чтобы увеличить его популярность. Так как Ирод во время бедствия выказал столь неожиданное великодушие, то отношение простонародья к нему совершенно изменилось: народ смотрел теперь на него не так, как привык судить о нем по его прежним деяниям, а видел в нем своего заступника в беде.

3. Около этого же времени царь послал также Цезарю пятьсот избранных телохранителей своих для войны. Галл Элий повел их к Красному морю¹⁰⁰⁶, и здесь они оказали ему весьма ценную поддержку. Когда же у Ирода вновь накопились в достаточном количестве деньги, он приступил к постройке дворца в верхней части города, причем устроил в нем обширные помещения, которые богато изукрасил золотом, камнями и диванами; в каждом из них имелось много кроватей, чтобы принять большое количество людей. Сообразно с объемами этих помещений царь дал им и названия, наименовав, например, одно из них в честь Цезаря, другое в честь Агриппы¹⁰⁰⁷.

В это же время Ирод вновь вступил в брак. Его побудили к тому его эротические наклонности, причем он вообще никогда не упускал случая пользоваться обстоятельствами для своего удовольствия. Мысль о браке явилась у него следующим образом: живший в Иерусалиме некий Симон, сын александрийца Воэта, выдающийся священнослужитель, обладал дочерью, считавшейся тогда первою красавицею. О ней говорили в городе, и слухи о ней дошли до Ирода. Когда же он увидел эту девушку, красота ее поразила его¹⁰⁰⁸. Но царь отказался от мысли прибегнуть в данном случае к насилию, справедливо боясь навлечь на себя обвинение в тирании. Поэтому он предпочел вступить с девушкою в [законный] брак. Но так как Симон занимал слишком незначительное место, чтобы быть в состоянии породниться с царем, с другой же стороны, был слишком известен, чтобы не считаться с ним, то Ирод нашел удобное средство исполнить свое желание, решив поднять общественное положение всей семьи и дать ей более почетное место. Поэтому он немедленно сместил первосвященника Иисуса, сына Фавита, и назначил на его место Симона. Затем он вступил с ним в родственные отношения.

4. По окончании брачных празднеств он соорудил укрепление в той местности, где когда-то одержал победу над иудеями, когда он сам утратил власть и она была в руках Антигона. Эта крепость отстоит от Иерусалима на расстоянии около шестидесяти стадий и самую природою предназначалась быть удобным укреплением, так как поблизости находился довольно значительный холм, искусственно увеличенный человеческими руками и наверху срезанный и выровненный. На нем возвышались круглые башни, к которым вела крутая лестница из двухсот отесанных камней. Внутри этих башен находятся красивые царские покои, сооруженные не только в целях безопасности, но и для красоты. Около подножия холма возвышались грандиозные здания, служившие, между прочим, водопроводами (в этой местности воды нет), причем вода течет сюда издалека. Здания эти сооружены с огромными издержками. Равнина покрыта домами наподобие целого города, а на холме возвышается крепость, господствующая над всей этой местностью¹⁰⁰⁹.

5. Так как Ироду все удалось сообразно его надеждам, то он более уже не боялся

возникновения смут в государстве: подданных он держал вполне в руках, отчасти нагоняя на них страх, будучи неумолим в случае необходимости наказания, отчасти же выказывая к ним великодушную заботливость в беде. Вместе с тем, однако, он прибег к помощи иностранцев для укрепления своей личной безопасности, как будто бы ему нужен был такого рода оплот против своих собственных подданных. С иностранными государствами он поддерживал отличные отношения и при случае оказывал им услуги, чем еще более располагал их в свою пользу, причем выказывал всю свою истинно царскую щедрость. Благодаря этому и постоянной удаче влияние его росло. Такое ревностное его отношение и такая услужливость его к Цезарю и к наиболее влиятельным римлянам поневоле заставили его уклониться от установленных родных обычаев и во многом нарушать иудейские законоположения. Он в своем усердии основывал города и воздвигал храмы, правда не в Иудее (иудеи этого не потерпели бы, так как почитание статуй и изображений на манер греческих нам запрещено), но делал это вне пределов страны. При этом он оправдывался перед иудеями тем, что все это он предпринимает не по собственному желанию, но по поручению и предписаниям свыше, тогда как перед Цезарем и римлянами он выказывал достаточное пренебрежение к установленным законоположениям и делал вид, будто ставит почитание римлян выше последних. Впрочем, сам он больше всего имел тут в виду свою собственную пользу, так как сгорал желанием оставить потомству выдающиеся памятники своего правления. Это-то и побуждало его основывать города и не жалеть для того никаких расходов.

6. Найдя на морском берегу местность, в высшей степени удобную для города и раньше называвшуюся Стратоновою Башнею, он велел составить обширный план и приступил к постройкам, восстановил весь город, притом из белого мрамора, и украсил его роскошными дворцами и общественными зданиями. Самым же замечательным его сооружением, отличавшимся как величиною, так и массою употребленного на него труда, была обширная гавань, величиною с Пирейскую¹⁰¹⁰, представлявшая внутри отличную стоянку и двойной ряд пристаней. Сооружение это было замечательно особенно тем, что царь не имел нужных материалов на месте, но должен был с большими издержками доставать их издалека. Город этот расположен в Финикии, по дороге в Египет, между Яффою и Дором. Это два приморских пункта, неудобные по своей доступности ветрам, которые здесь наносят песок морской на берег и затрудняют причал, так что в большинстве случаев купцам приходится становиться на якорь в открытом море. Желая изменить характер этой местности, царь назначил для гавани настолько обширное пространство, что тут могли укрыться целые большие флотилии, и с этою целью приказал бросить в воду на глубину двадцати аршин огромнейшие камни. Большинство из них имело пятьдесят футов в длину, не менее восемнадцати футов в ширину и около девяти футов в высоту. Впрочем, тут были камни и больше, и поменьше. Весь мол, который он воздвиг в море, достигал двухсот футов в длину. Половина этого сооружения представляла оплот против набегавших волн (почему и называлась молом), а другая половина представляла из себя каменную стену с башнями. Самая большая башня получила название Друзовой и была особенно красива. Название свое она получила в честь пасынка Цезаря, Друза, умершего в юных годах¹⁰¹¹. Тут же были устроены и сводчатые помещения, служившие местом отдыха и пристанищем для моряков. Пространство перед ними представляло шедшую кругом всей гавани набережную, которая служила отличным местом прогулки для желающих. Вход в гавань был устроен с северной стороны, потому что именно северный ветер тут наиболее мягкий. При въезде в гавань с левой стороны возвышалась огромная башня, построенная на прочном основании, чтобы противостоять напору волн, а с правой стороны были поставлены как раз напротив башни два огромных и соединенных между собою каменных столба. Кругом всей гавани тянулись дома из белого мрамора; среди них воздымался холм, на котором стоял храм в

честь Цезаря. Храм этот был виден еще издали с моря; в нем находились две статуи: одна, изображавшая Рим, другая — самого Цезаря. Вследствие красоты и дороговизны материалов сам город получил название Цезареи¹⁰¹². Подземные его каналы и ходы были не менее грандиозны, чем наружные сооружения. Некоторые из них, отделенные друг от друга равными промежутками, тянулись вплоть до самого моря. Всех их перерезал один большой канал, куда стекались дождевая вода и нечистоты; а так как он выходил в самое море, то волны морские проникали сюда извне и очищали таким образом весь город. Царь соорудил в самом городе также и театр, равно как амфитеатр за городом, у южной оконечности гавани. Этот амфитеатр мог вместить огромное количество народа и был помещен так удобно, что из него открывался вид на море. Город принял такой вид свой в течение двенадцатилетнего периода, потому что царь не щадил в этом случае ни сил, ни денег.

1. Окончив это дело, равно как успев отстроить и Себасту, Ирод решил послать сыновей своих, Александра и Аристобула¹⁰¹³, в Рим, чтобы они представились Цезарю. Когда они прибыли в Рим, то нашли пристанище в доме особенно преданного друга Ирода, Поллиона, хотя могли остановиться также у самого Цезаря. Последний принял юношей в высшей степени любезно и предоставил Ироду право назначить одного из них, по собственному желанию, своим наследником. При этом он отдал ему также области Трахонеи, Батанеи и Авранитиды. Подарок этот был вызван следующим поводом: некий Зиодор арендовал у Лизания его область, но так как он не удовлетворялся доходами с нее, то увеличивал последние путем разбойничьих набегов на Трахонею. В этой местности обитали вообще погибшие люди, грабившие владения дамасцев. Между тем Зиодор нисколько не препятствовал этому, но, напротив, сам имел долю в добыче. Страдавшие от этого пограничные жители обратились к тогдашнему наместнику Варрону с жалобой и просили написать Цезарю о безобразном поступке Зиодора. В ответ на это Цезарь послал распоряжение прекратить эти разбои, а самую область предоставить Ироду, который позаботится уже о том, чтобы соседи более не подвергались неприятностям со стороны жителей Трахонеи. Впрочем, поимка разбойников представлялась делом далеко не легким, так как они привыкли к грабежам, представлявшим для них единственный источник доходов: у них не было ни города, ни земельной собственности, и они укрывались в подземных пещерах, которые служили им убежищем и где они жили со своим скотом. Так как они запаслись водою и пищею, то очевидно могли выдержать довольно продолжительную осаду. Входы в их пещеры были узки, и в них приходилось входить гуськом, тогда как внутри эти пещеры были весьма обширны и могли вместить множество народа; при этом верх их выступал немного наружу, будучи почти сровнен с поверхностью. Вся местность представлялась скалистой и трудно проходимою, если не пользоваться указаниями проводника, потому что тропинки вели не прямо, но сильно перекрещивались. Когда жившие здесь люди не могли совершать насилия над ближайшими соседями, они грабили друг друга, не останавливаясь ни перед какими преступлениями. И вот когда Ирод отправился в эту местность, полученную им в дар от Цезаря, он при содействии проводников прекратил все прежние безобразия и даровал окрестным жителям спокойствие и мир.

2. Рассердившись сперва на отнятие области, а еще более возбужденный тем, что она досталась Ироду, Зиодор отправился в Рим, чтобы пожаловаться на Ирода. Но ему пришлось вернуться безуспешно. Тем временем в местности за Ионийским морем был в качестве представителя Цезаря послан Агриппа. Когда последний остановился для зимовья в Митилене, находившийся с ним в коротких приятельских отношениях Ирод прибыл также туда, а затем возвратился обратно в Иудею. Тогда к Агриппе явилось несколько гадарцев с обвинениями против Ирода, но Агриппа даже не выслушал их и отправил их в оковах обратно к царю. Также и арабы, которые издавна были недовольны образом правления Ирода, всполошились и пытались устроить восстание, притом, как кажется, по довольно веским соображениям. Дело в том, что, когда Зиодор увидел, что ему уже не на что более рассчитывать, он поспешил отдать арабам за пятьдесят талантов часть своих земель, а именно Авранитиду. Так как эта область входила в состав подаренных Ироду Цезарем, то арабы усмотрели в этом насилие лично по отношению к себе, совершали поэтому частые набегы, желая овладеть странюю насильно, или же прибегали к жалобам. Вместе с тем они склоняли на свою сторону также несостоятельных солдат, вообще были очень враждебно настроены против Ирода и надеялись всегда на какой-нибудь переворот, на который обыкновенно рассчитывают всякие неудачники. Давно видя это и

не желая подавать повода к открытым смутам, Ирод не обращал внимания на их угрожающие выходки, а старался успокоить их добрыми речами.

3. По истечении семнадцатого года царствования Ирода в Сирию прибыл Цезарь. Тогда значительное количество жителей Гадары обратилось к нему с жалобой на Ирода, обвиняя его в жестокости и тираническом образе правления. На этот шаг они решились главным образом по настояниям и наущению Зинодора, который при этом клятвенно уверял их, что не преминет всяческим образом освободить их из-под власти Ирода и подчинить их исключительно и непосредственно одному только Цезарю. Гадарцы дали себя убедить такими соображениями и энергично принялись обвинять царя, причем большую смелость придавал им факт, что выданные Агриппой Ироду связанными жалобщики не подверглись никакому наказанию, ибо Ирод отпустил их, не причинив им ни малейшего зла. Вообще насколько Ирод был неумолим по отношению к своим собственным подданным, настолько же великодушно он прощал проступки чужеземцев. И вот, когда гадарцы стали обвинять его в насилиях, грабежах и разорении храмов, Ирод бесстрашно стал готовиться к защите; однако Цезарь крепко пожал ему руку и несколько не переменяя своего к нему отношения, несмотря на волнение народной толпы. Расследование этого дела продолжалось целый день, а на следующий оно стало совершенно лишним, потому что гадарцы, видя расположение к нему Цезаря и синедриона и предполагая, что и было естественно, что их выдадут царю, боясь пыток, решили ночью покончить с собою; при этом одни из них зарезались, другие низверглись со скал, третьи искали добровольной смерти в волнах реки. Итак, они сами осудили себя за свое легкомыслие и за свою виновность, вследствие чего Цезарь немедленно оправдал Ирода. К этой удаче царя присоединилась другая, довольно крупная, а именно Зинодор повредил себе кишку, так что, обессилев от большой потери крови, умер в сирийской Антиохии. Тогда Цезарь отдал Ироду также довольно значительную область Зинодора, а именно всю местность Улафу и Паниады с окрестностями, лежавшими между Трахонеей и Галилеей. Вместе с тем он познакомил его также с сирийскими наместниками, причем приказал им предпринимать все только с одобрения Ирода. Вообще царь имел во всем большую удачу, а именно два правителя огромного римского государства, Цезарь и Агриппа, относились к нему с таким расположением: Цезарь после Агриппы любил больше всего Ирода, Агриппа же отводил Ироду в своем сердце второе место после Цезаря. Пользуясь таким большим влиянием, Ирод выпросил у Цезаря для брата своего Ферора тетрархию, причем уделил брату из своей собственной казны капитал в сто талантов, чтобы в случае несчастья он был бы лично гарантирован и не очутился в зависимости от сыновей его (Ирода). Проводив затем Цезаря до моря, Ирод на обратном пути воздвиг в честь его в бывшей области Зинодора, вблизи места, называющегося Панием, великолепнейший храм из белого мрамора. Здесь в горе находится очень красивая пещера, под которую земля образует глубокую, бездонную, наполненную стоячею водою бездну, а сверху возвышается огромнейшая гора. У подошвы ее, вблизи пещеры, находятся истоки реки Иордана. Это чудное место Ирод украсил храмом, посвященным Цезарю.

4. В это же время он освободил подданных своих от взноса третьей части податей, под предлогом, чтобы люди оправились от неурожая, а на самом деле с целью вернуть себе утраченное расположение сограждан. Дело в том, что последние были недовольны всеми этими новыми сооружениями, в которых усматривали залог гибели прежнего благочестия и падение нравов, причем на это постоянно глухо раздавался ропот недовольного народа. Впрочем, Ирод зорко следил за всем этим, лишая подданных удобного случая для выражения неудовольствия и постоянно принуждая их к работам. Сходки были запрещены гражданам, равно как совместные прогулки и собрания, причем везде был установлен строжайший надзор. Ослушников постигали жестокие наказания. Многие люди открыто и тайно были уводимы в крепость Гирканию и там

предаваемы казни. Как в городе, так и по большим дорогам имелись смотревшие за этим шпионы. Рассказывают, что сам Ирод не брезговал этим средством, но часто, облекшись в одежду простолюдина, ночью смешивался с толпою простонародья, чтобы узнать настроение его относительно правительства. Тех, кто всячески и решительно противился нововведениям, он преследовал многоразличным образом, прочий же народ он принуждал присягать на соблюдение ему верности и повиновения всем правительственным предначертаниям. Большинство уступало этим требованиям отчасти из расположения, отчасти из страха, всех же недовольных и озлобленных этими насилиями он всяческим образом губил. При этом Ирод потребовал присяги на верность также от учеников фарисея Поллиона и от Самеи, равно как от большинства их приверженцев; но последние отказались от этого и, несмотря на такой отказ, все-таки не подверглись каре, благодаря заступничеству Поллиона. Равным образом были освобождены от этой принудительной меры так называемые ессеи. Это секта, образ жизни которой устроен по образцу школы греческого мудреца Пифагора [1014](#). Впрочем, о них я в другом месте скажу подробнее. Здесь следует указать, почему царь так глубоко чтит ессеев и считал их выше прочих людей, тем более, что таким путем выяснится и взгляд общества на эту секту.

5. Был некий есей по имени Манаим (Менахем), который вообще, особенно же вследствие своего праведного образа жизни, пользовался общим уважением, тем более, что Господь Бог открыл ему знание будущего. Этот человек взглянул однажды на маленького Ирода, когда тот шел в школу, и предсказал ему, что он будет царем иудейским. На это Ирод, полагавший, что тот его не знает или шутит с ним, ответил, что он ведь принадлежит к простому классу. Манаим, однако, улыбнулся, ударил его рукою по спине и сказал: «И тем не менее ты будешь царствовать и притом счастливо, ибо Предвечный так решил. Помни также об ударах Манаима, и пусть они будут тебе символом переменчивости судьбы. Все это было бы прекрасно, если бы ты всегда любил справедливость и благочестие, равно как всегда был бы мягок со своими подданными. Но я, который знаю все, знаю, что ты не останешься таковым. Правда, ты будешь счастлив, как никто другой, и уготовишь себе вечную славу, но вместе с тем ты забудешь также о благочестии и справедливости. Все это известно Предвечному, и в конце своей жизни ты вспомнишь о Его гневе на тебя».

На эти слова Ирод тогда не обратил внимания, потому что не мог рассчитывать на их осуществление. Впоследствии, однако, он возвысился, достиг царской власти и высшего счастья. Тогда он во всем величии своей власти послал за Манаимом и стал расспрашивать его, сколько времени он будет править. Манаим воздержался от точного ответа. Тогда ввиду его молчания Ирод спросил его, будет ли его царствование продолжаться десять лет, на что Манаим отвечал, что и двадцать и тридцать; но при этом он воздержался от точного определения этого срока. Ирод удовлетворился и этим, обласкал старика и отпустил его, и с тех пор в честь его относился всегда с уважением к ессеям. Несмотря на всю странность этого факта, мы все-таки сочли необходимым уделить ему здесь место и сообщить нашим читателям все о нем, тем более, что многие из ессеев высоко чтимы [у нас] за свой праведный образ жизни и за знание всего божественного.

1. После стольких прекрасных сооружений Ирод приступил при начале восемнадцатого года¹⁰¹⁵ своего царствования к невиданному дотоле делу, а именно к перестройке храма Господня. Он желал расширить его объемы и увеличить его высоту, считая, что тем он окончит самое замечательное из всех своих сооружений. Так оно и было в действительности, и этим Ирод снискал себе вечную славу. Но так как он знал, что народ не расположен к нему, и отлично понимал трудности такого сооружения, он счел за лучшее, раньше, чем приступить к делу, убедить народ речью в целесообразности такого начинания. Поэтому он собрал народ и обратился к нему со следующими словами: «Сограждане! Говорить о всем, что сделано мною во время моего царствования, я теперь считаю излишним; впрочем, все это я сделал не столько для своей собственной славы, сколько в видах вашей же личной безопасности. И вот, после того как я не забывал о вас в многоразличных и крайних бедствиях и при сооружении разных построек думал менее о себе, чем о вашем благе, я полагаю, что мне с помощью и по желанию Предвечного удалось довести вас до такого цветущего благосостояния, которого раньше не достигал народ иудейский.

Поэтому мне кажется теперь лишним говорить здесь вам, вы это сами прекрасно знаете, о том, что я сделал для страны, сколько городов мы воздвигли в стране и вновь присоединенных к ней владениях, чем отличнейшим образом мы сами возвысились; здесь я хочу указать лишь на то, сколько поднимет наше благочестие и прославит нас то сооружение, приступить к которому я теперь имею в виду. Этот храм построили в честь Всесильного Бога наши отцы по возвращении из Вавилона; но ему недостает целых шестидесяти локтей в высоту, чтобы сравняться с древним Соломоновым храмом. Но пусть никто не вздумает при этом случае обвинять предков наших в недостатке благочестия. Они сами имели в виду соорудить его в должных размерах, но меры были тут предписаны им Киром и Дарием Гистаспом¹⁰¹⁶, которым и потомкам которых были подвластны наши предки¹⁰¹⁷, равно как впоследствии они были подчинены македонянам. Поэтому они не имели возможности построить храм такой высоты, какой бы требовали его прототип и их собственное благочестие. А так как я теперь, по милости Божией, правлю [самостоятельно], наслаждаюсь полным миром, у меня много денег и большие доходы, а главным образом так как к нам расположены и дружелюбны римляне, эти властители всего, как говорится, мира, то я попытаюсь исправить ошибку прежних времен, объясняющуюся стесненным положением зависимых людей, и воздам Предвечному дань благочестия за все те благодеяния, которыми он осыпал меня во время этого моего царствования».

2. Так говорил Ирод, и его неожиданная речь поразила большинство присутствовавших. Отсутствие твердой уверенности не придавало им бодрости, и они беспокоились, что царь уничтожит все [старое] здание храма раньше, чем сможет довести до конца свое предприятие. Эта опасность казалась им тем более серьезной, чем серьезнее представлялись им размеры нового сооружения. Видя их в таком настроении, царь стал их успокаивать, говоря, что не раньше снесет храм, чем когда у него будет все готово для сооружения [нового святилища]. В этом он, действительно, и не обманул их: приготовив тысячу телег для перевозки камней, выбрав десять тысяч наиболее опытных работников, купив для тысячи священников облачения и позаботившись обучить одних из этих священнослужителей плотничьему, других же строительному искусству¹⁰¹⁸, он при такой подготовке приступил к самому сооружению нового храма.

3. Срыв древние фундаменты и возведя вместо них новые, он воздвиг на них храм длиною в сто локтей, шириною в сто, высоту же в сто двадцать локтей, из которых последние двадцать с

течением времени ушли в землю, когда фундамент опустился¹⁰¹⁹. Впрочем, возвести эти добавочные двадцать локтей мы собрались во времена Нерона. Храм был сооружен из прочных белых камней, из которых каждый имел в длину двадцать пять, в высоту восемь, а в ширину около двенадцати локтей. Все здание, подобно царскому чертогу, понижалось к краям, тогда как высшею частью являлась середина, так что ее можно было видеть издалека на расстоянии многих стадий; особенно же хорошо видно было это тем, кто жил как раз напротив здания или подходил к нему. Входные двери и их карнизы были, наподобие входа в самый храм, украшены пестрыми занавесами, на которых были вышиты узоры цветы и которые свешивались со столбов. Сверху над входом с фриза свешивалась золотая виноградная лоза, кисти которой спадали вниз. Зрители поражались в одинаковой мере как величиною, так и искусством этого украшения, равно как ценностью употребленного на него материала. Царь окружил здание храма рядами покоев, которые все находились по величине своей в соответствии со зданием храма. При этом он потратил на них такое множество денег, что казалось, никто раньше его не мог так украсить храм. Эти здания покоились на огромной стене, в свою очередь представлявшей одно из замечательнейших человеческих сооружений. Гора (на которой стоял храм) представляла значительный каменистый холм, постепенно повышавшийся к восточной стороне города и заканчивавшийся там крутою вершиною. По повелению Предвечного первый наш царь Соломон¹⁰²⁰ вершину этого холма отделил и обстроил крупными сооружениями, равно как воздвиг стену и снизу у подошвы холма, там, где открывается глубокое ущелье. Тут он постепенно охватил края холма большими, соединенными свинцовыми скрепами глыбами камня, так что в конце концов получилась четверугольная терраса, удивительная как по своему объему, так и по высоте, на которой она находится. Огромные глыбы показывали снаружи всю свою величину, тогда как внутри они были связаны между собою прочными железными скреплениями, делавшими их устойчивыми навеки. Когда это сооружение было доведено таким образом до вершины холма, царь велел сровнять верх тем, что засыпал промежуток между скалою и стеною и устроил таким образом совершенно гладкое и ровное место без выступов. Вся окружность этой площади обнимала в совокупности четыре стадии, причем каждая сторона ее имела одну стадию в длину. Внутри, вокруг всей вершины горы тянулась еще стена, к которой с востока примыкала двойная галерея одинаковой со стеною длины и лежала как раз против находившегося в центре площадки входа в здание храма. Эту галерею украсили многие из прежних царей. Вокруг всего здания храма тянулись прибитые к стенам доспехи варваров, и к этим трофеям, которые Ирод опять поместил теперь на их прежнем месте, он присоединил еще доспехи, отнятые им у арабов.

4. С северной стороны этого сооружения была построена прямоугольная сильная крепость, славившаяся своею неприступностью. Ее воздвигли еще предшественники Ирода, цари и первосвященники из дома хасмонейского, и назвали ее Варис. Здесь сохранялось у них священное облачение, которое надевал на себя только первосвященник в случае необходимости принести жертву. Также и Ирод сохранял здесь это облачение; после его смерти оно попало в руки римлян, у которых и оставалось вплоть до времен императора Тиберия. При последнем сирийский наместник Вителлий¹⁰²¹, прибыв в Иерусалим и удостоившись от жителей весьма блестящего приема, желал им выказать свою за это благодарность, и так как они просили вернуть им это священное облачение, написал о том императору Тиберию. Тиберий согласился вернуть священное одеяние иудеям, и таким образом оно оставалось у них до смерти царя Агриппы. После него тогдашний наместник сирийский Кассий Лонгин и наместник Иудеи Куспий Фад¹⁰²² приказали иудеям положить это облачение в крепость Антонию, ибо римляне одни должны были быть хозяевами, как они были таковыми и раньше. Тогда иудеи послали послов к императору Клавдию с соответственными представлениями. Когда послы эти прибыли

в Рим, находившийся там как раз царь Агриппа Младший¹⁰²³ обратился по этому поводу с просьбою к императору и получил разрешение вернуть иудеям облачение, причем соответствующее распоряжение было послано верховному сирийскому наместнику Вителлию. Прежде первосвященническое облачение было обыкновенно запечатано печатями самого первосвященника и казначеев, так что за день до наступления праздника казначеи являлись к начальнику римского гарнизона и по поверке печатей получали от него облачение. Затем, по миновании праздника, они относили его обратно на прежнее место, показывали начальнику крепости и осматривали и удостоверяли печати. Все это я упомянул здесь вследствие многообразных горестных событий, имевших совершиться в будущем.

В то время иудейский царь Ирод еще более укрепил эту цитадель в целях усиления и ограждения храма и назвал ее Антонию в честь своего друга, бывшего римского военачальника Антония.

5. В западной стене, окружавшей все храмовые постройки, было четверо ворот. Одни из них вели к царскому дворцу, причем необходимо было пересечь лежавшую по пути котловину, двое вели к предместью города, а четвертые ворота обращены были к самому городу. При этом спуск в ложбину и выход из нее совершался по ряду специально устроенных для того ступеней. Город лежал как раз напротив святилища, образуя амфитеатр, за которым с южной стороны тянулось глубокое ущелье.

Фасад святилища также имел с южной стороны в середине входы и вместе с тем тройную царскую галерею, тянувшуюся от восточного до западного склона в долину; провести ее дальше оказалось невозможным. Это было одно из самых замечательных сооружений в мире. Дело в том, что долина была так глубока, что голова кружилась, если смотреть в нее сверху; а тут была построена еще огромная галерея, так что у каждого кружилась голова еще раньше, чем взор достигал дна долины, потому что здесь присоединялась глубина последней к высоте галереи. Вместе с тем с одного конца галереи до другого были воздвигнуты четыре параллельных ряда колонн; из них последний, четвертый ряд входил в самую стену здания. Толщина каждой колонны была так значительна, что для обхвата ее требовалось три человека; высота каждой достигала двадцати семи футов, причем подножие ее составляло двойную базу. Всех колонн было сто шестьдесят две; капители их были снабжены коринфскими украшениями¹⁰²⁴ и поражали тонкостью своей работы. Так как колонны тянулись четырьмя рядами, то получались три [крытых] галереи. Из них две были совершенно одинаковы, а именно по тридцати футов в ширину, по стадии в длину и более чем по пятидесяти футов в высоту. Ширина же средней галереи была в полтора, а высота в два раза больше крайних галерей, так что она значительно возвышалась над последними. Крыши этих зданий были украшены рельефными резными деревянными изображениями. Крыша средней галереи была выше прочих, и кругом вдоль стены были поставлены небольшие колонки, делившие все пространство на отдельные поля. Все это было так гладко отполировано, что иной, кто не видал этого, пожалуй, и не поверит и что никто не мог взирать на это без величайшего изумления.

Такова была внешняя ограда храма. Внутри, на небольшом от нее расстоянии, была другая, снабженная несколькими ступенями. Она образовалась из каменной стены, на которой находилась надпись, под страхом смертной казни запрещающая иностранцам доступ сюда¹⁰²⁵. Эта внутренняя ограда имела на южной и северной стороне по три входа, отстоявших друг от друга на равном расстоянии, с восточной же стороны одни большие ворота, через которые входим мы с женами своими в состоянии ритуальной чистоты. За этою оградю находилось недоступное женщинам святилище, а дальше третье отделение, доступ куда был открыт одним только священнослужителям. Тут находился сам храм, а перед ним возвышался алтарь, на котором мы приносим Господу Богу жертвы всесожжения. Ни в одно из этих трех отделений

царь Ирод не вступал (ему это было запрещено как несвященнослужителю); он лично участвовал лишь в возведении галерей и внешних стен, которые и были воздвигнуты им в течение восьми лет.

6. Самый храм был отстроен священнослужителями за один год и шесть месяцев. Весь народ преисполнился радости и возблагодарил Господа Бога, во-первых, за быстрое окончание работы, а затем и за ревность царя. При этом они устроили радостный праздник в честь освящения храма. Царь принес в жертву Предвечному триста волов; остальные жертвовали каждый сообразно своим средствам; впрочем, невозможно установить совершенно точное число принесенных тогда в жертву животных. При этом день освящения храма совпал с днем восшествия царя на престол (а этот день уже всегда праздновался), и поэтому теперь празднество отличалось особенным блеском.

Предисловие

Эту книгу Иосиф Флавий посвятил описанию дальнейшего правления Ирода в Иудее. В центре внимания автора — придворные интриги и взаимоотношения Ирода с римской императорской властью. Иосиф хорошо передает атмосферу подозрительности, наветов и борьбы за влияние при дворе иудейского царя. Кульминацией книги является чудовищная расправа Ирода с собственными сыновьями — Александром и Аристокбулом. В своем рассказе Иосиф приводит множество примеров раболепствования Ирода перед Октавианом Августом и его ближайшим сподвижником Марком Випсанием Агриппой.

В книге содержится немало интересных сведений о положении иудеев в разных частях Римской империи. Ценными являются данные Иосифа по истории североаравийского Набатейского царства.

1. Ревностно заботясь при устройстве всего общественного строя об искоренении всяческого зла как из пределов самого города, так и вообще из страны, царь лично властью издал закон, который совершенно не соответствовал прежним установлениям и который требовал продажи воров в рабство вне пределов царства. Это постановление было не только слишком сурово за подобные провинности, но и шло вразрез с основными иудейскими законами: быть рабом у иноземцев, ведших различный с иудеями образ жизни, и быть вынужденным исполнять все требования иноземцев, само по себе представляло уже нарушение благочестия, а вовсе не наказание виновных, относительно которых древнее законодательство сохранило известное постановление, гласившее: вор должен был вчетверо возместить убыток, а в случае невозможности быть проданным в рабство, впрочем, никак не к иноземцам и отнюдь не навсегда; он обязательно получал обратно свою свободу по истечении шестилетнего срока¹⁰²⁶. И вот когда вышло это [царское] постановление, определявшее столь суровое и незаконное наказание, в этом была усмотрена известная доля заносчивости царя, который издал свое постановление не как царь, а как тиран в насмешку над подданными; а так как оно вполне соответствовало вообще характеру всех прочих его постановлений, то оно послужило поводом к упрекам и недовольству по адресу его.

2. Около этого же времени царь предпринял поездку в Италию, чтобы повидаться с Цезарем, а также со своими сыновьями, жившими в Риме. Цезарь принял его во всех отношениях любезно и разрешил ему отвезти обратно на родину сыновей, которые уже успели закончить свое образование. Когда Ирод вернулся с ними из Италии, простонародье восторженно отнеслось к юношам, снискавшим себе всеобщее благоволение как дарами счастья, которыми их наделила судьба, так и своею царственной внешностью и осанкою. Но за то они тотчас же навлекли на себя и недоброжелательство со стороны Саломеи, сестры царя, и тех, что своими наветами загубили Мариамму. Дело в том, что последние уже теперь боялись, что, когда юноши сами вступят на престол, им придется поплатиться за незаконные свои поступки по отношению к их матери. Это опасение опять побуждало [придворных] к клеветническим наветам на юношей, причем выставлялось на вид, что те вовсе не находят удовольствия в обществе отца своего, так как считают безнравственным жить вместе с тем, кто являлся убийцею их матери.

Так как подобные наветы походили на истину, основываясь на убедительном факте, то врагам удалось преуспеть в своих кознях и лишитъ юношей расположения, которое питал к ним отец их. Конечно, недоброжелатели ничего этого не высказывали царю прямо, но распространяли такие слухи в народе; когда же об этом было донесено Ироду, в нем понемногу стала развиваться та ненависть [к сыновьям], подавить которую он с течением времени уже по самой природе своей не был в состоянии. Впрочем, пока у царя чувство родительской любви было еще сильнее всякой подозрительности и клеветы, и потому он заботился, чтобы его сыновьям оказывались всевозможные почести; когда же они достигли соответственного возраста, он женил их, а именно Аристокла дал в жены Беренику, дочь Саломеи, а Александру — Глафиру, дочь каппадокийского царя Архелая¹⁰²⁷.

1. Устроив это и узнав, что Марк Агриппа вновь прибыл из Италии в Азию, Ирод тотчас поехал к нему и просил его приехать в иудейское царство, чтобы найти там гостеприимство преданного ему друга. Тот уступил настойчивым просьбам царя и приехал в Иудею. Ирод принял его с возможной любезностью во вновь отстроенных городах своих, где показывал ему все замечательные сооружения, а затем доставлял ему и друзьям его всевозможные развлечения и удовольствия, не щадя на это никаких средств. Так он показал ему Себасту и вновь отстроенную приморскую Кесарию, равно как и сооруженные с такими крупными издержками крепости Александрией, Иродиадой и Гирканию. Вместе с тем он повез его также в Иерусалим, где народ встретил Агриппу в праздничных одеяниях и с кликами восторга. Агриппа, в свою очередь, принес Всевышнему в жертву гекатомбу [1028](#) и устроил народу угощение, причем не давал никому перещеголять себя в щедрости. Несмотря на то что он охотно остался бы здесь еще несколько дней, Агриппа, однако, был стеснен временем: будучи принужден вернуться вновь в Ионию, он ввиду приближения зимы не считал безопасным отлагать свое плавание.

2. Итак, Агриппа отплыл назад, богато одаренный Иродом, который почтил подарками также наиболее выдающихся лиц его свиты.

Царь провел зиму у себя дома, а с наступлением весны направился опять к Агриппе, который, как он знал, имел в виду предпринять поход на Босфор. Таким образом, он проплыл мимо островов Родоса и Коса, рассчитывая у Лесбоса встретиться с Агриппой. Но тут застиг его северный ветер, который не дал кораблям возможности войти в гавань. Простояв поэтому несколько дней у Хиоса [1029](#), он принял тут множество просителей и отпустил их, одарив по-царски; когда же он увидел городские портики, разрушенные во время войны с Митридатом и нелегко восстанавливаемые, как другие здания, вследствие своей величины и красоты, Ирод отпустил [гражданам] столько денег, сколько было нужно для восстановления этого сооружения и даже больше, и приказал не мешкать, а поскорее приняться за постройку, чтобы вернуть городу его прежнее украшение.

Когда наконец ветер улегся, царь поехал в Митилену [1030](#), а оттуда в Византий; узнав же, что Агриппа успел уже миновать Кианейские скалы [1031](#), он поспешил нагнать его. Около Синопа на Черном море Агриппа неожиданно увидал флотилию Ирода, и это доставило ему удовольствие. Свидание было очень радостно, так как Агриппа увидел доказательство величайшей преданности и любви к нему Ирода, который пустился в столь продолжительное плавание и не желал покидать его в нужную минуту, причем бросил свою страну и поставил на втором плане управление своими собственными делами. Во время этого похода Ирод был неотлучно с ним, являясь его союзником в боях, советником в серьезные минуты и приятным товарищем в удовольствиях; всегда и везде был он с ним, деля с ним все тягости вследствие своего к нему расположения и радости, чтобы почтить его.

Когда окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан туда, они решили возвратиться назад уже не морем, но проехать через Пафлагонию [1032](#) и Каппадокию. Перерезав затем Великую Фригию, они прибыли в Эфес, а оттуда морем переправились на Самос [1033](#). Тут в каждом городе царь оказывал великие милости всем обращающимся к нему за помощью. Он никогда не останавливался в раздаче денег или в оказании любезности, беря все издержки на свой счет. Он являлся также у Агриппы заступником за тех, которые имели к нему какие-либо просьбы, и достигал того, что никто из просителей не уходил недовольным. Так как сам Агриппа был человеком хорошим, великодушным и готовым быть всякому по мере сил своих полезным, лишь бы не обижать никого, то заступничество царя находило себе здесь

широкое поле применения, побуждая и без того тароватого Агриппу к оказанию всевозможных благодеяний. Так, например, царь примирил его с илионцами¹⁰³⁴, на которых тот гневался, заплатил за хиосцев сумму, которую они должны были императорским наместникам, освободил их от ввозных пошлин и вообще поддерживал всех, по мере сил, в их нуждах.

3. Когда они, таким образом, прибыли в Ионию, к ним явилась огромная толпа живших в [ионийских] городах иудеев, которые воспользовались представившимся удобным случаем, чтобы пожаловаться на те притеснения, которым их подвергают, а именно что им мешают жить сообразно их обычаям, что их нарочно заставляют являться в суд в дни священных праздников, что у них отнимают предназначенные для Иерусалима деньги, что их заставляют нести военную службу и заниматься общественными работами, причем принуждают тратить на это священные деньги, тогда как от всего этого они навсегда освобождены римлянами, предоставившими им право жить по собственным их законам. И вот, когда они так кричали, царь просил Агриппу выслушать их жалобу и приказал одному из своих друзей, некоему Николаю, выступить в качестве их заступника и представителя. Агриппа собрал римских должностных лиц и присутствовавших там царей и властителей, а Николай выступил вперед и начал за иудеев [следующую] речь:

4. «Всесильный Агриппа! Все те, которые находятся в стесненном положении, должны обращаться за помощью к лицам, могущим поддержать их. Особенное право на это имеют здесь предстоящие ныне. Получая от вас прежде неоднократно те милости, которые служили их благополучию, они теперь просят, чтобы вы, даровавшие им эти милости, теперь не лишали их таковых.

Ведь они получили свои привилегии от тех, у которых исключительно и есть на то возможность и власть, а теперь у них отнимают эти преимущества не более сильные, но такие же точно, как они сами, подданные ваши. Если они удостоились больших преимуществ, то в этом самом и заключается уже похвала им; значит, они оказались достойными таких великих милостей.

Если же эти преимущества незначительны, то гнусно, что дарование их не дает им возможности спокойно пользоваться ими. Вполне ведь ясно, что те, которые стесняют и гнетут иудеев, оскорбляют обе стороны, как тех, кто удостоился милостей, не признавая порядочными людьми тех, кого таковыми признавали более могущественные, почему и даровали им указанные привилегии, так и самих даровавших эти преимущества, потому что стараются свести на ничто дарованные ими привилегии. И вот, если бы кто-нибудь спросил их, чего они предпочли бы лишиться, жизни или родных своих обычаев, процессий, жертвоприношений и празднеств, устраиваемых ими в честь так называемых богов их, то я отлично знаю, что они готовы были бы претерпеть все, лишь бы не тронуть чего-либо из обычаев. Ведь большинство их и предпринимает войны для ограждения этих установлений. Мы же тем измеряем благополучие, которым ныне благодаря вам пользуется все человечество, что каждой стране предоставлена возможность справлять почитаемые родные обычаи и жить по ним. И вот теперь люди, которые сами не согласились бы претерпеть таковое, изо всех сил пытаются навязать это другим, совершенно упуская из виду, что они поступают одинаково безбожно, когда пренебрегают собственными священными постановлениями относительно своих богов или когда святотатственно посягают на подобные чужие установления. Посмотрим теперь на дело еще с другой стороны. Разве существует такое племя, такой город или целый народ, которым покровительство вашей власти и могущество римлян не представлялось бы величайшим благом? Разве найдется кто-либо, который бы отказался от ваших милостей? Нет, не найдется такого сумасшедшего. Нет никого, ни частного лица, ни общины, которые бы не чувствовали на себе этих милостей. Действительно, все, кто собирается отнять у кого бы то ни было вами

дарованные милости, должны отказаться, в свою очередь, и от своих собственных вами дарованных привилегий; при этом вес такие милости не могут быть даже вполне оценены во всем их значении: если сопоставить прежнюю форму правления с теперешнею, то среди многих прочих преимуществ последней, направленных к всеобщему благополучию, следует особенно остановиться на том, что ныне люди более не рабы, но свободны. И тем не менее, невзирая на все наши преимущества, последние все-таки не могут возбуждать зависти. Благодаря вам мы живем счастливо во всех отношениях и теперь просим только одного, именно и впредь пользоваться правом беспрепятственно соблюдать требования древнего благочестия, а это как само по себе не может быть вредно, так не может стеснять и тех, кто нам разрешил это. Ведь Божество в одинаковой мере охотно принимает поклонение, как и относится доброжелательно к тому, кто способствует поклонению Ему. В наших установлениях нет решительно ничего несовместимого с человеческим достоинством, а все направлено к благочестию и благотворной справедливости. Мы отнюдь не утаиваем данных нам для повседневной жизни предписаний, которые являются лишь напоминанием о нашем благочестии и свидетельствуют о прекрасном отношении нашем к людям вообще; каждый седьмой день [недели] мы посвящаем изучению всего, что избавило бы нас от будущих прегрешений. Если кто рассмотрит эти законы наши поближе, то увидит, что они, и сами по себе прекрасные, особенно выигрывают в наших глазах от своей древности, хотя некоторые и отрицают это; а эта древность их вызывает к ним тем более почтения и любознательности в тех, кто, приняв эти законы, свято чтит их. Теперь нас лишают этих преимуществ, насильственно отнимая у нас деньги, собранные нами с богоугодною целью, и таким образом открыто кощунствуя, назначают нам принудительные работы, заставляют нас в праздники являться в судилища и на работы, и все это не на основании заранее заключенного договора, но чтобы поглумиться над нашею хорошо всем известною религиозностью и для того, чтобы выразить нам свою ни на чем не основанную и беспредельную ненависть. Впрочем, ваше распространившееся по всей земле владычество одно в состоянии поддерживать в одинаковой мере добрые стремления, как и сдерживать всякое недоброжелательство, высказываемое одними против других.

Поэтому, могущественный Агриппа, мы теперь просим о том, чтобы не подвергаться обидам и глумлениям, чтобы не быть стесненными в наших обычаях, чтобы не лишаться нашего имущества и не подвергаться насилиям со стороны тех, кого мы сами ни в чем не стесняем.

Все эти требования наши не только справедливы, но уже раньше были признаны с вашей стороны вполне законными. Мы могли бы сослаться на целый ряд сенатских постановлений и на таблицы, помещенные на Капитолии, относительно наших привилегий, которые наглядно показали бы, что они дарованы нам вами за испытанную верность нашу, и которые имели бы все-таки законную силу, даже если бы мы их вовсе не заслужили своим к вам отношением. Охраняя права не только наши, но вообще всех людей, вы благодетельствуете в вашем владычестве всем, даруя милости в большей мере, чем можно было бы рассчитывать; всякий, кто вздумал бы перечислять все оказанные вами благодеяния, мог бы вести речь свою без конца. Впрочем, для того чтобы доказать, что мы достигли всех милостей совершенно справедливо, нам достаточно, умолчав о всем прочем, назвать одно лишь имя теперешнего царя нашего, который ныне сидит здесь рядом с тобою.

Разве он хоть раз изменил своему расположению к вашему дому, разве он когда-либо обнаружил какую-нибудь неверность? Разве можно говорить о какой-нибудь такой чести, которой он не оказал бы вам? Разве есть такая услуга, в оказании которой он не явился бы первым? Что же препятствует тому, чтобы число наших услуг не сравнялось с числом ваших нам благодеяний? Конечно, вполне уместно, чтобы я не оставил теперь без упоминания также и доблести отца его Антипатра, который явился на помощь Цезарю с двумя тысячами воинов при

вторжении его в Египет и не уступал в храбрости никому ни во время сухопутных сражений, ни во время морских битв. Что теперь говорить о том, какую поддержку явились тогда эти воины и каких великих наград удостоился каждый из них от Цезаря; мне следовало бы тут напомнить о письмах, посланных тогда Цезарем сенату, о том почете, которого публично удостоился Антипатр, получивший тогда и право [римского] гражданства.

Итак, все с достаточною убедительностью свидетельствует о том, что мы вполне заслужили [римские] милости и теперь на вполне законном основании требуем от тебя подтверждения этих наших преимуществ, на которые мы могли бы, если бы они даже не были дарованы нам раньше, ныне рассчитывать, видя добрые отношения нашего царя к вам, а ваши к нему. Вместе с тем нам сообщили тамошние [иерусалимские] иудеи, сколь милостиво ты посетил страну их, как ты принес богатые жертвы Предвечному, выразив свое к Нему почтение молитвами, как ты угостил народ и благосклонно принял от него его дары.

Такой прием, оказанный тебе, человеку со столь обширную властью, народом и городом [Иерусалимом], должен служить символом твоей дружбы к народу иудейскому, дружбы, возникшей благодаря посредничеству дома Ирода. Напоминая тебе обо всем этом, мы теперь, в присутствии здесь сидящего царя нашего, не просим ничего сверх того, что вы сами уже даровали нам, и умоляем не относиться безразлично к тому, что этих ваших милостей собираются теперь лишить нас посторонние лица».

5. На такую речь Николая греки и не думали возражать, тем более, что тут не было никакого судебного разбирательства, но лишь возбуждался вопрос о насильственном нарушении фактических прав. Поэтому греки вовсе и не отрицали правильности приведенных фактов, но ограничились лишь указанием на то, что иудеи совершенно завладели теперь их территорией) и позволяют себе всяческие несправедливости. На это иудеи отвечали, что они сами являются такими же коренными жителями страны [как и греки] и, соблюдая свои родные установления, никому не причиняют ни малейшего зла. Тогда Агриппа признал, что иудеи являются потерпевшею стороною, и, ввиду расположения к нему и дружбы Ирода, выразил готовность оказать иудеям всяческую поддержку в их совершенно законных требованиях, сказав при этом, что он готов исполнить и всякие другие просьбы их, лишь бы это не умаляло власти римлян. Что же касается их просьбы о подтверждении уже прежде дарованных им прав их, то он сим вновь утверждает их за ними и требует, чтобы никто не препятствовал им спокойно жить согласно их собственным установлениям.

С этими словами он распустил собрание. Ирод же поднялся с места, обнял Агриппу и выразил ему свою признательность за его расположение к нему. Обрадованный этим, Агриппа, в свою очередь, заключил царя в объятия и расцеловался с ним.

После этого Агриппа уехал с Лесбоса, царь же решил от Самоса вернуться домой и поэтому простился с Агриппою. Несколько дней спустя он прибыл, благодаря попутному ветру, в Кесарию. Отправившись отсюда в Иерусалим, он созвал народ в собрание; там было также много обитателей внутренних частей страны. Тут он выступил вперед, дал отчет о своем путешествии и особенно подчеркнул то обстоятельство, что ему удалось добиться для всех иудеев повсеместно в Азии невозбранного на будущее время отправления своих установлений. О своей удаче и об устройстве своих дел он сумел также упомянуть, равно как о том, что он не упускал никогда случая заботиться о благе иудеев. В радости он отпустил народу четвертую часть повинностей за истекший год. Народ в восторге от его речи и оказанной милости разошелся в великой радости, выражая царю своему всяческие благопожелания.

1. Тем временем неурядица в доме царя росла и росла, принимая все более угрожающий характер: с одной стороны, Саломея как бы по наследству перенесла всю свою ненависть на юношей и, принимая во внимание успешность своих интриг против их [покойной] матери, совершенно потеряла чувство меры и дошла до того, что решила не оставить в живых никого из родни покойной, ею загубленной, царицы, кто мог бы отомстить за смерть ее; с другой же стороны, и у юношей кипела глухая злоба против отца отчасти при воспоминании о страданиях их матери (и эта злоба была вполне основательна), отчасти вследствие пробуждавшегося и в них страстного желания власти. И вот вновь началось горе, подобное прежнему, а именно раздалась укоры юношей по адресу Саломеи и Ферора, возникали ненависть последних к юношам и интриги против них. Обе стороны отличались одинаковою ненавистью друг к другу; неодинаков был лишь характер проявления этой ненависти. В то время как юноши видели признак благородства в том, что по неопытности не сдерживали своего гнева и всегда были готовы открыто высказывать хулу и порицания, придворная партия поступала таким же образом, но прибегала при этом к ловким и остроумно подведенным наветам, постоянно тем самым подзадоривая юношей и побуждая их к решительному и рискованному шагу относительно их родителя. Так как юноши не обращали внимания на приписываемые их матери провинности и полагали, что она, во всяком случае, пострадала невинно, то придворные не сомневались, что они лично отомстят тому, кто видимо являлся виновником ее смерти. В конце концов этими слухами преисполнился весь город и, как это бывает в борьбе, все сожалели о неопытности юношей; вместе с тем росла и бдительность Саломеи, которая старалась в поведении самих юношей найти доказательство непреложности своих слов. Они так скорбели о смерти своей матери, и смерть ее, по их мнению, ложилась позором и на них самих, что старались повсюду вызвать законную жалость не только к участи своей матери, но и к самим себе, которые принуждены жить вместе с убийцами ее и делить с ними все.

2. Все эти распри быстро росли, так как удобною для того почвою являлось отсутствие царя. Когда Ирод вернулся и обратился, как мы выше упомянули, с речью к народу, Ферор и Саломея немедленно явились к нему с представлением, как велика для него опасность со стороны юношей, которые-де без стеснения грозят не отлагать мщения за убийство своей матери. Вместе с тем они указывали Ироду также на то, что те рассчитывают при помощи каппадокийца Архелая предстать перед Цезарем и обратиться к нему с обвинениями против отца своего. Услышав это, Ирод очень встревожился и еще более смутился, когда ему о том же сообщили также и другие. При этом он не мог не подумать о прежде постигших его бедствиях, как он лишился своих лучших друзей и любимой жены вследствие возникших в семье распрей, а так как он предвидел, что ближайшее будущее сулит ему гораздо более тяжкое горе и несчастье, он был крайне расстроен. Дело в том, что, несмотря на дарованные ему Господом Богом и превосходившие всякие ожидания внешние успехи, он в домашней жизни был невыразимо несчастен и рознь эта доходила до таких пределов, что никто себе этого даже не мог представить; вместе с тем он не знал, не отдать ли ему все внешние свои успехи за устранение зол в домашней среде и не лучше ли будет избавиться от такого обилия домашних неурядиц отречением от высокого царственного положения.

3. Находясь в таком смущении и столь неопределенном положении, он решил, чтобы обуздать юношей, призвать другого сына своего, Антипатра, который родился у него, когда он еще был частным человеком, и дать ему почетное положение, впрочем, не в такой степени, как сделал он это впоследствии, уступив и отдав ему все. Таким путем Ирод рассчитывал сократить

притязания сыновей Мариаммы и думал, что они тем скорее придут в себя, чем скорее поймут, что не они являются единственными господами положения и что не им одним и притом обязательно предстоит унаследование царской власти. Поэтому он ввел при дворе Антипатра в качестве их соперника, рассчитывая не без основания на целесообразность такой меры для себя лично и на то, что, если он поставит юношей на второй план, они со временем исправятся. Однако все случилось иначе, чем он предполагал.

Сыновьям [Ирода] отнюдь не понравилось стеснение, которому они теперь подверглись, с другой же стороны, Антипатр выказал всю силу своего характера, внезапно добившись власти, на которую раньше никак не мог рассчитывать: теперь у него была одна только цель — вредить своим братьям и не допускать их к занятию первенствующего положения, равно как не отходить от отца, который уже поддался наветам со стороны и благодаря стараниям [Антипатра] мог быть еще более возбуждаем против опороченных юношей. Все такие наветы исходили от Антипатра, причем последний, однако, остерегался подавать вид, что он является виновником их; напротив, он пользовался для этого совершенно неподозрительными клеветами, которые тем самым лишь еще более доказывали свое мнимое расположение к царю. В то время [при дворе] было уже много лиц, которые примкнули к Антипатру в расчете на награды и которые заставляли Ирода верить, что они говорят все это из преданности ему. При таком дружном и верно рассчитанном образе действий сами юноши, со своей стороны, подавали все новые поводы к сплетням. Они нередко плакали над постигшим их унижением, взывали к матери своей и открыто в присутствии приближенных царя обвиняли последнего в нарушении права. Все это ловко подхватывалось гнусными сообщниками Антипатра и доносилось Ироду в приукрашенном виде, так что домашние смуты только росли и росли. Царь расстраивался этими доносами и, желая еще более унижить сыновей Мариаммы, все более возвышал Антипатра, так что в конце концов решился даже пригласить ко двору мать его ¹⁰³⁵; вместе с тем он неоднократно писал о нем императору и выставял его как особенно дельного человека.

Когда же Агриппа после десятилетнего правления в Азии собрался вернуться в Рим, Ирод отплыл к нему из Иудеи и взял с собою при этом случае одного лишь Антипатра. Последнего он поручил Агриппе с просьбою взять его с большими подарками в Рим, чтобы Антипатр там мог заслужить благоволение Цезаря. Таким образом, могло казаться, что Антипатр забрал всю власть в свои руки, тогда как его юные братья окончательно и раз навсегда были лишены ее.

1. Во время этого путешествия Антипатр достиг действительно всякого почета и видимо пользовался огромным успехом; так как Ирод заранее оповестил всех друзей своих о его приезде, то в Риме ему был оказан блестящий прием. Но Антипатр теперь страдал от того, что он вдали от отца и что ему не представляется более случая по-прежнему клеветать на братьев; поэтому он опасался возможности перемены в отце, который мог бы вздумать относиться к сыновьям Мариаммы более ласково. Носясь с этими мыслями, Антипатр не отступал от раз принятого намерения своего, но посылал и отсюда частые письма отцу своему, чтобы восстановить последнего и раздражать его относительно братьев; предлогом ему служило при этом сильное беспокойство об отце; на самом же деле тут целиком сказывалась вся гнусность его характера и вся сила его и без того необузданного властолюбия. В конце концов ему удалось довести Ирода до такого гнева и такой злобы, что последний окончательно возненавидел юношей; впрочем, пока он еще воздерживался от приведения в исполнение своих [мрачных] планов касательно их. Чтобы, однако, не совершить опрометчивости по недосмотру или по слишком большой поспешности, Ирод предпочел поехать в Рим и там пожаловаться императору на детей своих. При этом он желал избежать всего, чем он мог бы навлечь на себя подозрение в слишком большой жестокости. Прибыв в Рим, он поспешил в Аквилею¹⁰³⁶, чтобы тут поскорее повидаться с Цезарем. Получив аудиенцию и попросив разрешения побеседовать о крупном, постигшем его горе, Ирод представил [императору] сыновей своих¹⁰³⁷ и стал жаловаться на их недружелюбие и дерзкие замыслы, направленные к тому, чтобы всюду и всячески выказывать отцу враждебность и ненависть, которые-де клонятся к тому, чтобы умертвить его и таким безбожным образом овладеть царским престолом. При этом Ирод указывал на то свое, дарованное ему самим Цезарем право, в силу которого он перед смертью вовсе не был обязан отдать царство тому или другому сыну, но пользовался правом свободной передачи престола тому из сыновей своих, которого он сочтет по его преданности ему наиболее достойным. Впрочем, продолжал он, они вовсе уже не столь заботятся о власти, но охотно отказались бы даже вовсе не только от нее, но и от собственной своей жизни, лишь бы иметь возможность умертвить отца своего: такая дикая и свирепая ненависть к нему развилась в сердцах их. Это свое горе, которое он долго был принужден таить в себе, ему теперь приходится раскрывать перед Цезарем и такими речами оскорблять его слух. Пусть скажут юноши, подвергались ли они когда-либо какому-нибудь стеснению с его стороны? Когда он был жесток с ними? Как же они смеют у него, столь справедливого человека, оспаривать право власти, которой он сам достиг после долгих трудов и опасностей! Как они могут мешать ему пользоваться ею и предоставить ее тому, кого найдет достойным ее? Ведь такая награда, наравне со всякою другою за благочестие, выпадает лишь на долю того, кто старается за это сравниться в достаточной заботливости со своим предшественником. Итак, очевидно, что все их интриги против него никак не могут быть названы приличными. Ведь тот, кто только и думает о получении царской власти, тем самым все время рассчитывает, вместе с тем, и на смерть отца своего: иначе ему не достигнуть власти. Сам он давал до сих пор [всем] своим подданным и особенно своим царственным детям все в изобилии, позаботившись не только о приличной обстановке, о служителях и о содержании их, но и поживив их блестящим образом, а именно дав одному из них в жены дочь сестры своей, Александру же — дочь царя Архелая. Самое важное, однако, теперь то, что он сам при таких обстоятельствах не воспользовался своею личною властью, но решил привезти юношей к их общему благодетелю, Цезарю, и, отказавшись теперь от всего, на что может иметь право оскорбленный отец и подвергшийся козням царь, готов вместе с ними

выслушать решение императора. Впрочем, он просит, чтобы его права не были попораны и чтобы ему не приходилось дольше жить в постоянном страхе за себя; он надеется, что Цезарь не оставят дольше в живых тех, кто решился на такое ужасное дело: если они теперь избегнут кары, то им самим впоследствии придется так же сильно пострадать от людей, как они теперь причинили страдания другому.

2. С такую страстностью жаловался Ирод Цезарю на сыновей своих. Пока он говорил, юноши в крайнем смущении разразились слезами, а еще громче заплакали, когда он кончил, потому что в них было искреннее сознание, что они никогда не доходили до такого безбожного намерения; но, вместе с тем, они отлично сознавали, как трудно на самом деле оправдаться им в возведенных на них Иродом обвинениях; несмотря на то что теперь представлялся к тому наиболее подходящий случай, они все-таки не сочли уместным выяснить, насколько отец был введен в заблуждение своею собственною страстностью и поспешностью. Поэтому они совершенно не знали, что им говорить, только плакали и в конце концов разразились громкими рыданиями; они боялись, что, если будут молчать, это может подтвердить их виновность, а с другой стороны, затруднялись, по юности и вследствие страшного смущения, в способе своей защиты. Впрочем, от Цезаря, который следил за ними, отнюдь не ускользнуло, что они молчат не столько по сознанию своей виновности, сколько по неопытности и смущению. Жалость к ним обуяла всех присутствовавших; вместе с тем сам отец их в тайниках души своей не мог не чувствовать сострадания к ним.

3. Увидя некоторое расположение как со стороны отца, так и со стороны Цезаря, видя также, что многие из присутствующих плачут и все глубоко опечалены, один из братьев, Александр, обратился к отцу со следующей речью, в которой пытался опровергнуть возводимые обвинения:

«Отец! Расположение твое к нам подтверждается уже всем этим делом; ведь если бы ты замышлял против нас что-нибудь ужасное, ты не привел бы нас к тому, кто является общим спасителем. Тебе, в силу твоей царской и отцовской власти, было вполне возможно расправиться с людьми, тебя обидевшими. Но то, что ты привез нас в Рим и посвящаешь его (императора) во все это дело, служит гарантией нашего спасения. Ведь никто не поведет того, убить кого имеет в виду, в святилища и храмы. Но наше положение отчаянное: мы не желали бы оставаться долее в живых, если во всех укоренилась уверенность, что мы посягали на такого отца. Еще хуже было бы, если бы предпочли безвинной смерти жизнь, оставаясь в вечном подозрении. Итак, если наше сознание, что мы говорим правду, имеет некоторую силу в глазах твоих, нам доставила бы блаженство возможность одновременно убедить тебя в своей невинности и избежать грозящей нам опасности; но если все-таки клевета удержится на своем месте, то к чему нам это солнце, на которое мы взирали бы, запятнанное подозрением? Конечно, указание на то, что мы стремимся к власти, является достаточно ловким обвинением по отношению к таким молодым людям, как мы, а если к тому еще присоединить упоминание о нашей достойной матери, то этого вполне достаточно, чтобы усугубить первое наше несчастье и довести нас до настоящего горя. Но взгляни на то, не общий ли это случай и не применимо ли подобное обвинение в сходных случаях. Ведь ничто никогда не мешает царю, у которого есть молодые сыновья, мать коих умерла, видеть в них подозрительных лиц, домогающихся престола своего отца. Однако одного только подозрения не довольно, чтобы высказывать столь безбожное обвинение. Пусть кто-либо осмелится сказать нам, что случилось нечто такое, в силу чего при всем легковерии [людей] нечто невероятное стало непреложным. Разве кто-либо смеет обвинять нас в составлении отравы, или совершении заговора среди сверстников, или в подкупе прислуги, или в распространении воззваний против тебя? И все-таки каждое из таких преступлений, даже если оно и не имело места, легко служит предметом клеветы. Правда, отсутствие единоклассника в

царской семье является крупным несчастьем, и эта власть, которую ты называешь наградой за благочестие, часто вызывает в гнуснейших людях такие надежды, ради которых они готовы не сдерживать своих дурных наклонностей. Никто не сможет упрекнуть нас в чем-либо противозаконном. Но как устраним клевету тот, кто не желает слушать? Быть может, мы сказали что-либо лишнее?

Если это так, то во всяком случае это не относилось к тебе, ибо это было бы несправедливо, но относилось к тем, которые не умалчивают ни о чем сказанном. Кто-либо из нас оплакивал свою мать? Да, но мы жаловались не на то, что она умерла, а на то, что и после смерти она подвергается поруганию со стороны недостойных людей. Обвиняемся мы в том, что стремимся к власти, которая, как нам известно, в руках отца нашего? Но с какой стати? Если, как это и есть на самом деле, мы пользуемся царским почетом, разве мы стараемся не напрасно? Или если мы им еще не пользуемся, то разве мы не можем впоследствии рассчитывать на него? Или неужели мы стремились захватить власть, уничтожив тебя? Но после такого злодеяния нас не несла бы земля и не держало бы море. Разве благочестие и религиозность всего народа допустили бы, чтобы во главе правления стали отцеубийцы и чтобы такие люди входили в священный храм, тобою же сооруженный? Далее, наконец! оставя в стороне все прочее, разве мог бы, пока жив император, оставаться безнаказанным какой-либо убийца? Сыновья твои не так безбожны и безумны, но, право, они гораздо несчастнее, чем бы следовало для тебя. Если же у тебя нет поводов к обвинениям, если ты не находишь козней, что же укрепляет тебя в уверенности совершения такого страшного преступления? Мать наша умерла. Но ее судьба не могла нас восстановить [против тебя], а лишь сделать нас более рассудительными. Мы хотели бы еще многое привести в свое оправдание, но у нас нет слов для этого, так как ничего не случилось. Поэтому мы предлагаем всемогущему Цезарю, являющемуся в настоящую минуту судьей между нами, следующий исход: если ты, отец, вновь желаешь относиться к нам без подозрительности и верить нам, то мы готовы оставаться в живых, хотя, конечно, уже не будем по-прежнему счастливы, ибо среди крупных несчастий одно из наиболее тяжких — быть ложно обвиненным; если же у тебя еще есть какое-либо опасение относительно нас, то спокойно принимай себе меры к ограждению своей личной безопасности, мы же удовлетворимся сознанием своей невиновности: нам жизнь вовсе не так дорога, чтобы сохранять ее ценою беспокойства того, кто даровал нам ее».

4. Пока юноша говорил таким образом. Цезарь, который и раньше не верил чудовищной клевете, теперь еще более склонился в его пользу и не спускал глаз с Ирода, видя, как он расстроен. Волнение охватило также всех присутствовавших, и в зале раздался ропот против жестокосердия царя. Всеобщее сожаление вызвало столь невероятное обвинение цветущих и красивых юношей, и все готовы были оказать им поддержку, особенно после того, как Александр так ловко и умело возразил на обвинение. Впрочем, и юноши сами еще не были в состоянии прийти в себя, плакали и, убитые горем, смотрели в землю.

Таким образом, однако, у них опять явилась надежда на благополучный исход этого дела, тем более, что царь, видимо построивший свое обвинение на весьма шатком основании, нуждался в некоторой поддержке, так как сам не был в состоянии что-либо возразить. Немного погодя Цезарь сказал, что, если, по его мнению, юноши и были довольно далеки от желания совершить возводимое на них преступление, они все-таки не так держали себя по отношению к отцу своему, чтобы не подавать повода к такому обвинению. При этом император предложил Ироду оставить всякое подозрение и помириться со своими сыновьями, потому что несправедливо с его стороны верить в такие козни собственных детей. Взаимное примирение, говорил он, заставит забыть все случившееся и лишь усилит любовь их друг к другу, причем обе стороны должны будут простить друг другу слишком поспешное подозрение и постараться

загладить последнее еще большею преданностью. Увещевая их таким образом, император сделал юношам знак [рукою]. Когда же они хотели броситься к ногам отца и со слезами вымолить себе у него прощение. Ирод предупредил их, заключил их в объятия и стал осыпать их поцелуями, так что никто из присутствовавших, ни свободнорожденный, ни раб, не был в состоянии скрыть свое волнение.

5. Поблагодарив затем Цезаря, юноши вместе удалились, и с ними ушел Антипатр, притворно выражавший свою радость по поводу их примирения. В течение ближайших дней Ирод одарил Цезаря, который как раз устраивал для римского народа игры и раздачу хлеба, тремястами талантами. Цезарь в свою очередь подарил ему половину доходов с кипрских медных рудников и поручил ему заведование другою половиною их; вместе с тем он почтил царя всяческими другими дарами и вниманием, относительно же престолонаследия предоставил Ироду полную свободу в выборе себе либо одного преемника, либо нескольких, между которыми он, по личному усмотрению, мог разделить свое царство. Ирод хотел это сделать немедленно, но император не разрешил, указывая на то, что при жизни не следует отказываться от власти ни над царством, ни над детьми своими.

6. После этого Ирод вернулся назад в Иудею. Пока он был в отсутствии, значительная часть, а именно область Трахонская, отпала от него. Впрочем, оставленные в ней военачальники вскоре опять справились с нею и побудили ее к повиновению. Когда Ирод с сыновьями приплыл к киликийскому городу Элеусе, который теперь переименован в Себасту, он встретился тут с каппадокийским царем Архелаем; тот радушно приветствовал его, радуясь его примирению с сыновьями и особенно тому обстоятельству, что именно его зять Александр опроверг возведенное на них обвинение. Тут они обменялись истинно царскими дарами. Отсюда Ирод поехал в Иудею и, прибыв туда, вступил в храм, где сообщил о всем случившемся во время путешествия, упомянул о расположении к нему Цезаря и о всем прочем, что считал полезным довести до сведения народа. Закончил он речь свою увещанием жить дружно и обратился с этим увещанием не только к сыновьям своим, но и к придворным и ко всему прочему населению и объявил, что назначает себе в преемники по престолу сыновей своих, сперва Антипатра, а затем и сыновей от Мариаммы, Александра и Аристубула. Пока же он просил смотреть на него одного как на царя и властелина, так как ему не мешают ни его старость, являющаяся наилучшим моментом для царствования ввиду приобретенного опыта, ни что другое держать еще бразды правления: он еще в силах управлять государством и держать в повиновении детей своих. Затем он обратился к военачальникам и войску с указанием, что, если они будут пока смотреть на него одного как на государя, — жизнь их потечет спокойно и они сами будут способствовать собственному благополучию.

С этими словами царь распустил собрание. Большинству присутствовавших речь его понравилась. Впрочем, были также некоторые, не оставшиеся довольными ею, потому что вследствие его борьбы с сыновьями и надежд, возлагавшихся на них, многое в государстве изменилось и население допускало возможность коренного переворота.

1. Около этого времени закончилась отстройка города Цезарей Себасты, которую вновь отделал Ирод¹⁰³⁸; десятый год со времени начала работ близился к концу, а освящение города пало на двадцать восьмой год правления царя, в сто девяносто вторую олимпиаду. Для ознаменования освящения города был устроен необычайный праздник, к которому были сделаны блестящие приготовления. Царь обещал при этом случае устроить музыкальные и гимнастические состязания, заготовил огромное число гладиаторов и диких зверей, позаботился о конском ристалище и вообще обставил все празднество большим блеском, чем то было принято даже в Риме или в других местах. Эти игры он посвятил Цезарю и распорядился, чтобы они повторялись каждые пять лет. Император, в свою очередь, желая почтить преданность Ирода, посылал ему из личных средств все нужное для игр. Равным образом и жена Цезаря, Юлия¹⁰³⁹, послала от себя много особенно ценных [в Палестине] вещей, дабы ни в чем не было недостатка. Стоимость всех этих даров исчислялась в общем до пятисот талантов.

В городе на игры собрались огромные массы народа и целые посольства, которые отправили отдельные общины в знак благодарности за полученные благодеяния. Всех их Ирод принял радушно и гостеприимно и почтил их непрерывными удовольствиями: днем увеселяли их театральные зрелища, а по ночам их ждали изысканные и дорогие удовольствия, так что щедрость царя вошла в поговорку. Во всех своих предприятиях Ирод всегда старался превзойти все, что было раньше. Говорят даже, будто Цезарь и Агриппа неоднократно заявляли, что страна Ирода слишком мала для его великодушия и что он достоин быть царем всей Сирии и Египта.

2. После этого празднества и игр царь воздвиг новый город на равнине, носящей название Кафарсава, выбрав для того богато орошенную и плодородную местность. Вокруг нового города текла река, а над ним возвышалась замечательная по величине деревьев роща. В честь отца своего, Антипатра, Ирод назвал этот город Антипатридою. Кроме того, он построил выше Иерихона в честь своей матери укрепление, отличавшееся как неприступностью, так и красотой, и назвал его Кипроном. В честь своего нежно любимого брата Фазаеля он воздвиг великолепный мавзолей, а именно соорудил над самым городом [Иерусалимом] башню, не уступавшую по величине своей маяку в Фаросе¹⁰⁴⁰. Башню эту он назвал Фазаелевой, и она служила как для охраны города, так и для сохранения воспоминания об умершем брате, в честь которого и была названа. Вместе с тем он основал в честь того же брата также город при входе в северную часть иерихонской долины, и благодаря ему он поднял благосостояние дотоле бесплодных окрестностей города, так как о том позаботилось новое население его. И этот город был назван им Фазаелидою.

3. Было бы затруднительно перечислить здесь все прочие благодеяния, которыми он осыпал города Сирии и Элады, равно как другие местности, куда ему приходилось заезжать во время своих путешествий. Для общественных и казенных зданий он, видимо, израсходовал действительно крупные денежные средства, равно как доставлял таковые для окончания начатых построек, если первоначально ассигнованные суммы оказывались недостаточными. Самыми крупными и знаменитыми из его сооружений и деяний являются следующие:

Родосцам он на собственные средства отстроил пифийский храм¹⁰⁴¹ и дал им много талантов серебра на снаряжение флота; жителям Никополя, основанного императором вблизи Акция, он помог соорудить большинство их общественных зданий; антиохийцам, жителям крупнейшего сирийского центра, он украсил двумя рядами портиков ту широкую улицу, которая пересекает весь город, и велел всю занимаемую городом площадь вымостить шлифованными плитами для большего украшения города и удобства жителей; олимпийским

играм, по безденежью утратившим свою прежнюю славу, он даровал прежнее их значение и почет тем, что назначил им денежную субсидию и путем жертвоприношений и прочими подарками сделал их вновь популярными. Благодаря своей щедрости он был навеки записан эллистами¹⁰⁴² в число почетных строителей игр.

4. При таких обстоятельствах, конечно, многие изумляются противоречиям в характере Ирода. Если мы взглянем на щедрость и благодеяния, которыми он осыпал всех людей, то никто, сколь низко ни оценивал бы его, не смог бы не согласиться, что царь обладал весьма доброю душою. Если же, с другой стороны, обратить внимание на насилия и несправедливости, которые он совершал относительно своих подчиненных и ближайших родственников, и вспомнить о жестокости и неумолимости его характера, то придется склониться к убеждению, что Ирод являлся чудовищем, чуждым всякой мягкости. Вследствие этого некоторые полагают, что он страдал внутренним разладом и всегда боролся сам с собою. Я, впрочем, с этим не согласен и думаю, что обе указанные черты его характера имеют одну общую причину. Так как он был честолюбив и совершенно подчинялся этой страсти, то он предавался порывам великодушной щедрости, лишь бы у него была надежда сейчас же снискать себе славу или впоследствии увековечить себя; благодаря, однако, непосильным при этом денежным затратам ему поневоле приходилось быть жестоким к своим подданным. Все то, что он изобильно тратил на одних, приходилось насильно отнимать у других. Отлично сознавая, насколько подданные ненавидят его за все притеснения, а с другой стороны, не будучи в состоянии прекратить насилия (что отозвалось бы неблагоприятно на его доходах), он пользовался этим самым нерасположением народа в целях личного своего обогащения. Что касается далее его приближенных и домашних, то если кто-либо из них не льстил ему на словах, или не признавал себя рабом его, или возбуждал к себе подозрение в смысле злоумышления против царской власти, то Ирод не умел владеть собою и свирепствовал без меры против родственников и друзей своих, обходясь с ними как с врагами; все эти гнусности он позволял себе относительно их исключительно потому, что безумно жаждал личного почета. Доказательством столь сильно в нем развитой страсти этой служат мне почести, оказанные им Цезарю, Агриппе и прочим друзьям своим. Поскольку он сам преклонялся пред более могущественными, постольку же он желал почета и для себя лично, и такое сильное приложение с его стороны старания доказывало лишь, что он сам домогался подобного. Народ иудейский по своему закону чужд всему подобному и привык ставить справедливость выше славолубия. В силу всего этого он и не пользовался благосклонностью в глазах Ирода, так как не умел льстить честолюбию царя ни статуями, ни храмами, ни подобными средствами. Во всем этом я вижу причину безобразного отношения Ирода к своим домашним и приближенным, а также объяснение его потворства иноземцам и людям вообще недостойным.

1. Отдельные общины притесняли иудеев, живших в Азии, равно как в ливийской Кирене; хотя прежние правители когда-то даровали им равноправие, но в это время греки относились к ним отвратительно, отнимая у них священные деньги и нанося им вред в их частных владениях. Сильно от этого страдая и не предвидя предела бесчеловечному отношению к ним греков, иудеи отправили к императору посольство с жалобой на свое положение. Цезарь восстановил им их прежнюю равноправность и послал в указанные провинции соответственные распоряжения. Здесь мы приводим копии с этих постановлений в доказательство расположения, которое питали к нам древние правители.

2. Цезарь Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна ¹⁰⁴³, объявляет: «Ввиду того что народ иудейский не только в настоящее время, но и прежде, особенно при отце моем, императоре Цезаре, являл себя преданным римскому народу, особенно когда иудейским первосвященником был Гиркан, я и присяжные советчики мои, по решению римского народа, постановляем: чтобы иудеи пользовались правом невозбранно жить по своим законам, как то было при первосвященнике Всевышнего Гиркане; чтобы священные деньги были неприкосновенны, посылались в Иерусалим и вручались там казначеям иерусалимским; чтобы иудеев не привлекали в судебные заседания ни по субботам, ни накануне суббот с девятого часа. Если кто-нибудь будет уличен в краже священных книг или священных денег из молитвенного дома или зала иудейского совета, тот будет обвинен в кощунстве, а имущество его поступит в римскую казну. Свидетельство, данное мне иудеями относительно моего гуманного отношения ко всем людям, а также о Гае Марции Цензорине, равно как настоящее постановление, я приказываю вывесить в знаменитом посвященном мне всеми жителями Азии храме анкирском ¹⁰⁴⁴. Кто нарушит в чем-либо это постановление, будет жестоко наказан». Это было записано на колонне в святилище Цезаря.

3. «Император посылает привет свой Норбану Флакку. Все те иудеи, которые, по древнему обычаю, собирают и отправляют в Иерусалим священные деньги, пусть делают это беспрепятственно».

4. Таковы постановления императора. Также и Агриппа издал следующее постановление об иудеях:

«Агриппа посылает привет свой начальству, совету и населению города Эфеса. Я желал бы, чтобы контроль и охрана отправляемых в Иерусалимский храм священных денежных сумм лежали, сообразно издревле установленному обычаю, на живущих в Азии иудеях. Все те, кто украдет священные деньги иудеев и будет искать убежища в священном месте, должны быть схватываемы и выдаваемы для заслуженной кары иудеям как лица кощунствующие. Вместе с тем я послал также претору Силану письменный приказ о том, чтобы в субботные дни ни один иудей не привлекался к суду».

5. «Марк Агриппа посылает привет начальству, совету и народу Кирены. Киренские иудеи, относительно которых уже Август запретил ливийскому претору Флавию и остальным лицам провинции затруднять отсылку священных, по их обычаям, денег в Иерусалим, теперь обратились ко мне с жалобой, что некоторые чиновники препятствуют им в этом, совершенно неосновательно и незаконно домогаясь различных поборов. Поэтому я приказываю отныне ни в чем не стеснять иудеев и, если у некоторых общин были священные деньги, возвратить их тем, кому поручено было собрать их, или живущим там иудеям».

6. Проконсул «Гай Норбан Флакк посылает привет свой должностным лицам и совету города Сард. Цезарь прислал мне приказание не мешать никому из иудеев, сколько бы их ни

было, и собирать по установленному у них обычаю и отсылать в Иерусалим священные деньги. Я пишу вам об этом, дабы вы знали, что то желание не только мое, но и самого императора».

7. Равным образом и проконсул Юлий Антоний писал: «Посылаю привет свой должностным лицам, совету и населению города Эфеса. Живущие в Азии иудеи явились ко мне в февральские иды во время судебного заседания в Эфесе и заявили мне, что Цезарь Август и Агриппа разрешили им пользоваться собственными их законоположениями жить по их установлениям и в знак благочестия приносить в жертву Всевышнему по собственному усмотрению и невозбранно все перворожденное; равным образом они просили теперь меня закрепить за ними это право, дарованное им Августом и Агриппою. Посему я объявляю вам, что сообразно постановлениям Августа и Агриппы я сам также разрешаю им это делать беспрепятственно на основании их древних постановлений».

8. Все это я привел здесь по необходимости, потому что наша история попадет главным образом в руки греков. Им я хочу доказать, что мы не только издревле удостоивались всяких почестей и правители никогда не возбраняли нам жить по нашим установлениям, но что они даже поддерживали нас в нашем благочестии и в воздавании почестей Всевышнему. Я часто упоминаю об этом, чтобы примирить народы с нами и уничтожить причину врожденной во многих неразумных людях вражды к нам и этим нашим установлениям. Среди отдельных племен нет ни одного, которое жило бы по обычаям вполне тождественным с нравами других народов; между государствами мы в этом отношении находим множество различий. Между тем у всех людей, у греков и у варваров, справедливость представляет одинаковое понятие и считается везде в равной мере полезным началом для всех. А так как наши законы в особенно сильной мере отличаются этой справедливостью, то естественно, что, если мы только точно следуем этим законам, мы становимся ко всем решительно расположенными и любвеобильными людьми. Поэтому мы можем и от других требовать к себе хорошего отношения и не допустим, чтобы с нами обходились как с чужеземцами, лишь вследствие различия в наших установлениях; напротив, мы желали бы признания нашей пригодности и порядочности. Стремление к последней обще всем людям и представляет из себя единственное средство, как следует устроить жизнь.

Возвращусь, однако, к своему повествованию.

1. Расходовав большие деньги на внешние и внутренние дела царства, Ирод как-то узнал, что предшественник его, Гиркан, открыл гробницу Давида и похитил оттуда три тысячи талантов серебра, но что там осталось весьма много денег, которыми можно было бы покрыть все расходы; поэтому он довольно долго обдумывал план воспользоваться этими суммами. И вот однажды ночью он с большими предосторожностями, чтобы никто из граждан не узнал о том, распорядился открыть гробницу и в сопровождении преданнейших друзей своих вошел в нее. Впрочем, денег, подобно Гиркану, он тут не нашел, но зато обрел огромное множество золотых украшений и разных драгоценностей. Все это он взял себе. Желая основательно ознакомиться с содержимым склепов, он захотел проникнуть глубже в гробницы, к тому самому месту, где покоились тела Давида и Соломона. Тут, однако, погибли двое из его оруженосцев, как говорят, от пламени, которое вылетело на них, когда они сделали попытку проникнуть внутрь склепа. В полном ужасе Ирод выбежал из склепа и затем распорядился воздвигнуть, в знак умилоствления Предвечного, памятник из белого камня при входе в гробницу. На это он израсходовал огромную сумму денег. Об этом памятнике упоминает также современный Ироду историк Николай, но не говорит, чтобы царь проник в самую гробницу, так как он (Николай) понимал все неприличие подобного деяния. Впрочем, и в других случаях этот писатель поступает подобным же образом. Живя в его царстве и находясь с царем в личных сношениях, он писал лишь в угоду ему и чтобы ему льстить, останавливаясь при этом исключительно на таких фактах, которые могли возвеличить Ирода, оправдывая многие из явных его несправедливостей и даже особенно тщательно скрывая их. Так, например, он старается превознести царя даже в таких его поступках, как казнь Мариаммы и умерщвление сыновей ее, и для этого клеветает, обвиняя царицу в отсутствии целомудрия, а юношей в интригах [против царя]. Вообще, во всей своей истории этот автор чрезмерно превозносит все справедливые поступки царя и в такой же мере старается извинить все совершенные им беззакония. Впрочем, как я уже говорил, ему это вполне простительно: он писал не историю, а оказывал лишь услугу царю. Мы же, которые сами происходим из хасмонейского царского рода и поэтому сами принадлежим к священническому сословию, не сочли удобным говорить о нем неправду и чистосердечно и сообразно истине излагаем ход событий; правда, мы высоко чтим многих царственных потомков Ирода, но гораздо выше их мы ставим истину, которой, когда Ирод поступал справедливо...[1045](#)

Поэтому случилось, что мы навлекли на себя гнев их.

2. После его безбожного посягательства на гробницу домашние дела Ирода видимо стали ухудшаться, оттого ли, что уже прежде замечались изъяны, которые теперь стали расти от его греховности и наконец привели к неописанным бедствиям, или потому, что царя преследовал злой рок; при этом то обстоятельство, что он [в прочих делах] был счастлив, могло вызвать предположение, что все эти [домашние] неурядицы являлись следствием его греховности. В придворном кругу был такой разлад, какой бывает в момент междоусобной войны: всюду чувствовалась ненависть, выражавшаяся в чудовищных взаимных наветах. Антипатр постоянно ковал крамолу против своих братьев; он очень ловко навлекал на них обвинение извне, тогда как сам притворялся нередко их заступником. Делал он это с целью выказать им якобы свое расположение и преданность; на самом деле он преследовал лишь свои личные планы. Таким образом действий он ловко обманывал даже отца своего, так что последний был убежден, что он все предпринимает исключительно в видах его блага. Ввиду этого Ирод подчинил Антипатру даже своего главного министра Птолемея и стал советоваться относительно государственных

дел с его матерью. Одним словом, эти люди стали отныне играть главнейшую роль, могли делать, что бы ни пожелали, и возбуждать царя против кого угодно. Тем временем сыновья Мариаммы все сильнее ощущали тягость своего положения и в сознании своего благородного происхождения никак не могли примириться с постигшим их бесчестьем, именно, что они были отторгнуты [от семьи] и занимали такое неблестящее положение. Что касается женщин, то жена Александра, дочь Архелая, Глафира, питала ненависть к Саломее, отчасти из чувства привязанности к своему мужу, отчасти потому, что ее обвиняли в слишком высокомерном отношении к дочери Саломеи. Дочь последней была замужем за Аристокбулом, а Глафира не выносила, что та держала себя как равная ей.

3. Когда эта ссора обнаружилась во второй раз, сюда оказался замешанным даже брат царя, Ферор. Он навлек на себя особенное подозрение и ненависть, потому что совершенно подчинился одной из своих рабынь, так недостойно увлекся любовью к ней — и в столь сильной мере отдался ей, что совершенно забросил невесту, дочь царя, и только думал о рабыне. Ирод почувствовал себя опозоренным со стороны брата, которому он оказал такие значительные благодеяния, которого он сделал своим соправителем и который, как он видел, платил ему теперь злом за добро. Он не желал его даже видеть. Не считая Ферора достойным этой девушки. Ирод выдал ее за сына Фазаеля; лишь долго спустя, когда он мог предположить, что страсть погасла в его брате, он вступил с ним вновь в переговоры о браке и предложил ему в жены свою вторую дочь, называвшуюся Кипрой. Вместе с тем и Птолемей стал советовать Ферору прекратить оскорбительное для брата поведение и покончить со своим любовным увлечением. При этом [министр] указывал, что постыдно в угоду рабыне лишать себя расположения со стороны царя, возбуждать последнего и подавать ему повод к сильной ненависти.

Видя всю пользу такого изменения вещей, Ферор вспомнил, что и раньше ему простили одну провинность, и отторгнул рабыню, успевшую родить ему ребенка. Вместе с тем он выразил царю согласие на брак со второю его дочерью, назначил сроком свадьбы тридцать дней и поклялся при этом, что отныне прекратит все свои отношения с отторгнутой рабыней. По истечении тридцатидневного срока, однако, он настолько был одержим любовью к рабыне, что отказался решительно от всех своих намерений и вновь вернулся к любимой женщине. Это окончательно расстроило и взорвало Ирода, который не скрывал своего гнева. Отныне царь в разговорах постоянно делал разные намеки, и многие, основываясь на гнев Ирода, делали эти замечания исходною точкою разных наветов против Ферора. Вообще теперь не проходило ни дня, ни даже часа, чтобы царю не приходилось волноваться. Напротив, постоянно ему докладывали о новых распрях между его родными и наиболее близкими ему людьми. Так, например, Саломея дошла в своем сильном озлоблении против сыновей Мариаммы до того, что вмешалась в супружеские отношения своей родной дочери, бывшей замужем за Аристокбулом, одним из юных сыновей Мариаммы, и побудила ее рассказать и сообщить ей о многом, чего бы та, собственно, не должна была говорить. Этим она вызывала раздоры и давала новые поводы к подозрениям. Таким образом она сама разузнавала все, что происходило между юношами, и сеяла разлад между дочерью и ее мужем. В угоду своей матери дочь часто сообщала Саломее, как братья, оставаясь наедине, вспоминают о Мариамме, как ненавидят отца и как постоянно грозят, в случае, если когда-либо достигнут царства, обратить сыновей Ирода от прочих жен в сельских писарей (к чему-де они благодаря своим теперешним занятиям и по своей подготовке только и способны), и как они грозят, если увидят женщин в царственном убранстве их матери, облечь их в мешки и бросить в темницы, где бы они не видели даже солнечного света. Все это через посредство Саломеи немедленно сообщалось царю, который узнавал о том, правда, со скорбью в сердце, но все-таки заботился об общем умиротворении. Впрочем, все эти подозрительные вести мучили его, он лишь более озлоблялся и в конце концов начинал верить

всему. Хотя он тогда относительно своих сыновей держал себя все еще довольно милостиво, вследствие того, что они сумели оправдаться перед ним, однако зато впоследствии произошло гораздо более крупное горе.

4. Дело в том, что Ферор явился к Александру, женатому, как мы упомянули, на дочери Архелая, Глафире, и сообщил ему, будто бы со слов Саломеи, что Ирод воспылил страстью к Глафире и притом страстью неудержимою. Услышав это, Александр, по юности и страстности своей, страшно разгорячился и на основании случайно прорвавшегося замечания стал особенно подозрительно относиться к проявлениям нежности Ирода к молодой женщине (а Ирод действительно неоднократно выражал ей свое расположение) и принимать их с самой скверной стороны. Наконец он чувствовал себя более не в силах сдерживать свое горе, отправился к отцу и со слезами поведал ему то, что сообщил ему Ферор. Ирод окончательно вышел из себя и, не будучи в состоянии снести столь гнусной для него и притом ложной клеветы, страшно заволновался; он громко стал жаловаться на гнусность своих родных, которым он оказал столько добра и которые, в свою очередь, возвели на него такую напраслину, послал затем за Ферором и обратился к нему с проклятиями:

«Гнуснейший мерзавец,- сказал он ему,- неужели ты дошел до такой степени неблагодарности, что мог обо мне подумать и распространять такие вещи? Разве я не вполне ясно вижу в этом твои намерения; ведь ты являешься к моему сыну с такими речами не только для того, чтобы позорить меня, но и добиваешься моей гибели, заставляя детей моих ковать крамолу против меня и готовить мне яд их руками? Какой бы сын, если бы его не охраняли, подобно этому, добрые гении, удержался от убийства родного отца при таком обвинении, возводимом на него? Разве ты желал вселить в его душу один лишь разлад или же дать ему в руку и меч против родителя? Чего же ты желал, когда ты в ненависти своей к нему и к его брату, прикидываясь другом, клеветал ему на меня и говорил ему такие вещи, которые измыслить и вымолвить могла лишь твоя гнусность? Прочь, негодяй, который так подло поступил относительно своего благодетеля и брата; пусть позор твой будет вечно на тебе, я же не только не стану преследовать моих детей, как они того заслуживают, но превзойду самого себя в ласковом к ним отношении в гораздо большей мере, чем они того достойны».

5. Так говорил царь, Ферор же, который на месте попался в своей гнусности, сказал, что все выдумала Саломея, от которой-де и исходят все эти речи. Лишь только услышала это присутствовавшая тут же Саломея, как она притворно возопила, что все это ложь относительно ее, что все прилагают всяческие усилия навлечь на нее ненависть царя и что всяким образом хотят погубить ее за ее преданность Ироду, которого она всегда предваряет об угрожающих ему опасностях. В настоящую минуту возбуждение против нее достигло еще гораздо больших размеров, потому что она была единственною, которая убеждала брата отречься от теперешней жены своей и жениться на дочери царя. Очевидно, что он и возненавидел ее за это. Пока она так говорила, она рвала на себе волосы и неоднократно била себя в грудь. Все это по виду убеждало в ее искренности, но гнусность ее характера явно свидетельствовала о притворстве с ее стороны. Тем временем Ферор стоял посреди них и не имел возможности приличным образом оправдаться; он должен был признаться в том, что действительно распускал такие слухи про царя, но ему не верили, что он говорил с чужих слов. Эта перебранка и спор между ними продолжались порядочное время. Наконец царь с чувством гадливости отпустил от себя как брата, так и сестру, похвалил сына за силу воли и за то, что он передал ему все эти наветы, и уже поздно вечером подумал о том, чтобы дать телу своему покой и отдых. Вся эта внезапно обнаружившаяся история сильно повредила репутации Саломеи (все были уверены, что навет все-таки исходил от нее). Жены царя¹⁰⁴⁶ были и без того восстановлены против нее, так как знали ее скверный характер и ее непостоянство, в силу которого она становилась с ними то во

враждебные, то в дружеские отношения. Поэтому они постоянно имели сказать что-нибудь Ироду против нее, а один случай еще более укрепил их в этой решимости.

6. Арабский царь обод был человеком недеятельным и апатичным по характеру, и [поэтому] все дела его лежали на Силлае, муже способном, еще молодым и красивом. Однажды Силлай по какому-то делу прибыл к Ироду. Обедая вместе с последним, он увидел Саломею и почувствовал влечение к ней. Зная к тому же, что она вдова, он вступил с нею в разговор. Саломея, в свою очередь, теперь не пользовавшаяся таким расположением брата, как некогда, и отнесшаяся тепло к молодому человеку, согласилась на брак с ним. С этого момента все присутствовавшие за столом [женщины] убедились, что между Силлаем и Саломеей явно установились необыкновенно короткие отношения. Обо всем этом женщины донесли царю, причем смеялись над неприличным поведением обоих. Ирод обратился по этому поводу также к Ферору и поручил ему проследить за столом, как те относятся друг к другу. Ферор сообщил, что, судя по их жестам и взорам, они очевидно пришли к взаимному между собою соглашению. После этого араб уехал, оставаясь под подозрением. Спустя, однако, два или три месяца он вновь вернулся и теперь уже прямо явился к Ироду с предложением выдать за него замуж Саломею. При этом он указывал, что такое родство будет не бесполезно для него в смысле вступления царя в более тесное общение с царством арабским, которое, в сущности, у него уже теперь почти в руках, а впоследствии наверно перейдет к нему. Когда Ирод передал сестре своей это предложение и спросил ее, согласна ли она на такой брак, та немедленно ответила утвердительно. Тогда от Силлая потребовали перехода в еврейство (иначе брак был невозможен); тот, однако, на это не согласился, ссылаясь на то, что в таком случае арабы побьют его камнями. С этим он уехал. Между тем Ферор стал обвинять Саломею в несоблюдении целомудренности, тем более, что и женщины утверждали, что у нее установились слишком интимные отношения к арабу. Тогда Саломея попросила выдать за сына своего от брака с Костобаром ту девушку, которую царь первоначально предназначал в жены своему брату, но которой не взял Ферор, так как, сообразно нашему сообщению, он был увлечен другой женщиной. Царь первоначально согласился на этот брак, но затем склонился на убеждения Ферора, который указывал на то, что юноша этот не будет надежным зятем, так как его отец был убит Иродом, и что было бы куда правильнее выдать девушку замуж за его собственного сына, будущего владельца тетрархии. Вместе с тем он просил прощения у Ирода, и тот согласился на это. Таким образом, девушка, переменяв жениха, вышла за сына Ферора, и царь подарил ей в приданое сто талантов.

1. Домашние смуты, однако, отнюдь не прекращались, но постоянно вызывали все новые и большие осложнения. И вот случилось нечто, что, проистекая из довольно скверного источника, повело впоследствии к крупным затруднениям. У царя были евнухи, которых он крайне любил за их красоту. Из них один исполнял обязанности виночерпия, другой служил за столом, а третий, как наиболее преданный, должен был заботиться о ложе царя. Влияние их на государственные дела было огромно.

Кто-то донес царю, что сын Ирода, Александр, подкупил этих евнухов огромною суммою денег. Когда они были допрошены относительно дружественных сношений с Александром и близости к нему, они этого не отрицали, но вместе с тем настаивали на невинности своей в смысле каких-то козней против отца Александра. Однако, когда их подвергли пытке и они очутились в безвыходном положении, причем палачи в угоду Антипатру особенно старательно мучили их, несчастные сказали, что в душе Александра [действительно] были нерасположение и ненависть к отцу и что Александр убеждал их покинуть уже слишком состарившегося Ирода, который-де старался скрыть свои лета, крася волосы и таким образом вводя всех в заблуждение относительно своего возраста. Если же, говорил он, они будут преданы ему, то, лишь только он добьется царского престола, который, несмотря ни на какие желания царя, все-таки должен перейти только к нему (Александр), они быстро получают первые места в государстве. При этом он будто бы указывал на то, что не только благодаря своему происхождению, но и вследствие того, что у него все уже приготовлено, власть не может миновать его, так как многие из военачальников и целый ряд верных и надежных друзей вполне готовы сделать для него все и подвергнуться чему угодно.

2. Узнав об этом, Ирод весь преисполнился гнева и страха; он озлобился такими гнусными речами, и вместе с тем они испугали его, заставляя видеть всюду опасность. Все это в совокупности только еще больше раздражало его, и он в своем озлоблении опасался, как бы в эту минуту ему не угрожала более серьезная опасность, чем от какой он был в силах оградить себя. Ввиду этого он не приступал к открытому расследованию дела, но подслал к подозрительным лицам соглядатаев. Так как он относился с недоверием и ненавистью решительно ко всем и всюду видел угрожающую опасность, то стал питать подозрение даже относительно ни в чем не повинных людей. В этом он совершенно не знал никаких границ: те, кто, на его взгляд, были при нем слишком долго, казались ему опасными, так как он считал их более способными нанести ему зло; тех же, кто почему-либо не общался с ним, было достаточно только назвать; этого ему было довольно, чтобы загубить их и тем гарантировать себе личную безопасность.

В конце концов его приближенные, потеряв всякую уверенность в своей безопасности, стали доносить друг на друга, торопясь предупредить в этом своих товарищей и думая лишь оградить самих себя; когда случалось, что они достигали своей цели, то, в свою очередь, навлекали на себя подозрения и оказывались сами [в глазах царя] достойными того же наказания, которое они столь предупредительно и преступно уготовили своим товарищам. Таким-то образом поступали все те, кто имел с кем-либо личные счеты, но месть их падала назад на их же собственные головы; каждый случай представлялся им удобным для того, чтобы устроить ловушку противникам; впрочем, они сами попадались таким же способом, каким старались устроить козни другим. Дело в том, что на царя вскоре нападало раскаяние в гибели людей очевидно невиновных, но это тяжелое чувство отнюдь не удерживало его от дальнейших подобных мероприятий, а скорее побуждало его подвергать доносчиков такой же участи.

3. Таковы были смуты при дворе. Царь объявил уже многим приближенным своим, что впредь не требует более их посещений. Это распоряжение он сделал для того, чтобы иметь большую свободу действий и не стесняться по-прежнему. При этом случае он удалил от себя также двух издавна преданных ему друзей, Андромаха и Гемелла, которые оказали ему многочисленные услуги при дворе и немало поддерживали его во время посольств и разных совещаний, равно как воспитали сыновей Ирода; они раньше занимали высокое место при дворе. Андромаха царь удалил оттого, что сын его был близок к Александру, Гемелла же потому, что он знал личную преданность старика Александру, которого он воспитал и обучил и с которым не разлучался во все время пребывания его в Риме. Царь охотно избавился бы от них менее деликатным способом, но так как он не мог этого сделать относительно столь выдающихся и недавно еще игравших у него столь крупную роль мужей, то лишил их только внешнего почета и тем предупредил возможность преступных замыслов с их стороны.

4. Виновником всего этого являлся Антипатр, который, поняв страшное действие распущенности отца своего, издавна был его ближайшим советником и рассчитывал скорее всего добиться своей цели, если избавится решительно от всех лиц, которые могли бы оказывать ему сопротивление. И вот, лишив таким образом Андромаха всякого влияния, царь стал подвергать пыткам всех, кого признавал за лиц, преданных Александру, и добиваться, не знают ли они о какой-нибудь интриге против него. Все эти люди умирали, не имея что сказать. Это [еще более] озлобляло царя, так как он не мог допытаться ничего из предполагавшегося им. Антипатр при этом выказал необычайное умение представлять действительно невинных людей в качестве непоколебимых и преданных приверженцев [Александра] и побуждать тем самым царя к еще более тщательным розыскам в области тайных мероприятий. Однажды одна из многочисленных жертв пытки сказала, что знает, как юноша неоднократно, когда его хвалили за высокий рост и умение стрелять и прославляли его доблесть, говаривал, что все эти блага, которыми наделила его природа, скорее вредны ему, чем полезны: за них-де отец сердится на него и завидует ему. Поэтому он во время совместных прогулок всегда нагибается, чтобы казаться меньше отца, а на охоте в присутствии отца всегда дает промах, ибо ему хорошо известно завистливое чувство отца ко всяким соперникам. Когда подвергшийся пытке вследствие этих слов почувствовал некоторое облегчение, он присовокупил к сказанному, что Александр в сообществе брата своего Аристобула решил устроить во время охоты засаду и умертвить отца, затем, по совершении этого преступления, бежать в Рим и добиться там утверждения на царском престоле. Вместе с тем было захвачено также письмо юноши к брату, где Александр обвинял отца в несправедливости, так как он предоставил Антипатру область, дававшую доход в двести талантов. Ирод решил, что тут у него в руках имеется уже существенное и непреложное, на его взгляд, доказательство виновности сыновей. Поэтому он распорядился схватить Александра и посадить в тюрьму. Впрочем, он все-таки и теперь еще не успокоился, так как не очень верил доходившим до него слухам (при некотором размышлении царь приходил к выводу, что пока еще нисколько не обнаружилось коварные замыслы юношей, а, напротив, только их неудовольствие и известное юношеское самолюбие, да и очевидно было, что убийца никак не отправится в Рим). Вместе с тем он хотел бы иметь в руках какое-либо более солидное доказательство незаконных происков сына и очень бы не желал, чтобы казалось, будто он слишком поспешно решил посадить его в тюрьму. Поэтому он подверг пытке наиболее выдающихся друзей Александра, загубил множество их, но не добился от них ничего, на что рассчитывал. И вот в то самое время, как Ирод решился на такие мероприятия, а во дворце все было преисполнено страха и смущения, один молодой человек сказал под пыткой, что Александр поручил своим римским друзьям добиться у Цезаря скорейшего приглашения его (Александра) в Рим, так как он имеет сообщить подробности направленного против императора

плана, в силу которого отец его склонил на свою сторону против римлян парфянского царя Митридата. К этому юноша присовокупил, что Александр приготовил и держит в Аскалоне наготове яд.

5. Этому навету Ирод поверил, находя некоторое утешение относительно своей поспешности в льстивых уверениях гнусных приближенных. Впрочем, несмотря на немедленно принятые меры, яда не нашлось. Между тем Александр, упрямо желая преисполнить чашу своих бедствий, нисколько не стал отрицать возводимые на него обвинения, но встретил страстность отца еще большею ошибкою, быть может, с целью пристыдить таким путем отца, столь готового внимать клевете, а быть может, и для того, чтобы в случае, если ему поверят, загубить Ирода со всем его двором. Дело в том, что Александр составил в четырех экземплярах и разослал заявление, где говорилось, что нечего прибегать к пыткам и дальнейшему следствию, так как он действительно составил заговор, в котором приняли участие также Ферор и наиболее преданные друзья его, и что здесь против его воли замешана явившаяся к нему ночью Саломея. Все заговорщики (говорилось далее) пришли к одному и тому же выводу, а именно решили как можно скорее избавиться от царя и восстановить прочный мир и безопасность. В этом заявлении находились также указания на причастность к делу Птолемея и Сапинния, наиболее преданных царю людей. Старинные друзья теперь свирепствовали друг против друга, как будто бы только что всех охватило какое-то ослепление; ни защита, ни обвинения не принимались более в расчет; над всеми тяготело сознание неизбежной роковой гибели. Пока одни томились в окопах, другие шли на смерть, а третьи с ужасом думали о подобной же предстоявшей им самим судьбе, во дворце, на месте прежнего веселья, воцарились уединение и грусть... Невыносимую показалась Ироду вся жизнь его, он был сильно расстроен; великим наказанием ему было — никому больше не верить и от всех чего-то ожидать. Нередко его расстроенному воображению чудилось, что сын его восстает против него и он видит его подле себя с обнаженным мечом. При таком, длившемся день и ночь, душевном состоянии царя обуяла болезнь, не уступавшая бешенству или [полному] расстройству умственных способностей.

6. В таком положении находился Ирод. Узнав об этом его состоянии, озабочиваясь судьбою дочери и мужа ее и сочувствуя Ироду, с которым был дружен и бедственное положение которого знал, каппадокийский царь Архелай прибыл [в Иерусалим], потому что не строил себе иллюзий насчет действительности. Застав Ирода в таком состоянии, он счел в данный момент совершенно неуместным ни укорять его, ни указывать на преждевременность некоторых его мер; он понимал, что если начнет хулить его, то только укрепит его в настойчивости, если же поспешит защищать, то вызовет в нем лишь еще больший гнев. Поэтому он начал другую тактику, чтобы поправить столь несчастное положение, прикинулся разгневанным на юного зятя своего и говорил, что Ирод еще достаточно мягок, что не предпринимает ничего поспешно. Вместе с тем он указал на свое желание расторгнуть брак дочери с Александром и не щадить даже дочери, если бы оказалось, что она знала что-либо и не донесла о том.

Когда Ирод сверх всякого ожидания нашел Архелая таковым, особенно же когда увидел, как он сердится за него, царь стал несколько мягче и, полагая, что он, по всей видимости, все-таки был не вполне справедлив в своих предшествующих мероприятиях, понемногу дал охватить себя прежнему отцовскому чувству. Однако теперь он оказался вполне достойным сожаления: когда кто-нибудь стал отвергать возведенные на юношу обвинения как клеветнические, он выходил из себя, если же Архелай поддерживал обвинение, он преисполнялся страшной скорбью, плакал и даже просил его не расторгать брака и не так сердиться на совершенные юношей злодеяния. Когда Архелай нашел, что Ирод смягчился, он стал переносить обвинения на друзей Александра, указывать на то, что молодого и неопытного человека загубили те, и все более навлекать подозрения Ирода на его брата. А так как Ирод и без

того был восстановлен против Ферора, то последний, не имея посредника и видя влияние Архелая, сам явился к нему в черной одежде. Видя перед собой в недалеком будущем все признаки неизбежной гибели, он сделал это. Архелай не отказался от заступничества, но вместе с тем указал также на полное свое бессилие скоро убедить царя, находившегося в таком состоянии. Он сказал, что гораздо лучше будет, если Ферор сам отправится просить у него прощения и при этом возьмет всю вину на себя. Таким образом он несколько умерит гнев Ирода, при этом Архелай обещал поддержать его своим присутствием. Убедив Ферора в целесообразности этого, он достиг двух благих результатов: во-первых, юный Александр освобождается от тяготевших на нем клеветнических обвинений, и, во-вторых, Ферор примирился с братом. После этого Архелай вернулся в Каппадокию, успев себе, как никто в те времена, снискать благоволение Ирода, который почтил его весьма ценными подарками и, между прочим, торжественно причислил его к наиболее преданным друзьям своим. Вместе с тем он обещал ему также поехать в Рим, тем более, что об этом уже было написано императору. До Антиохии они ехали вместе. Тут Ирод устроил примирение между сирийским наместником Титием и Архелаем, которые поссорились друг с другом, и затем вернулся обратно в Иудею.

1. Пробыв в Риме и вернувшись оттуда, Ирод начал войну с арабами по следующему поводу: жители Трахонеи, область которых император отнял у Зенодора и отдал Ироду, не имели более возможности заниматься разбоями, но были принуждены жить теперь спокойно, занимаясь земледелием. Однако этим они не были довольны, да и земля не щедро вознаграждала труд их. Вначале, впрочем, они воздерживались от насилий над соседями, потому что царь не допускал этого, и своей заботливостью Ирод стяжал себе великую славу. Когда же он отплыл в Рим с целью обвинить там своего сына Александра и представить императору Антипатра, жители Трахонеи стали распускать слухи, будто Ирод погиб, отпали от царства и обратились к прежним обычным своим насилиям относительно соседей. Впрочем, тогда их усмирили военачальники отсутствовавшего царя. Около сорока главных разбойников покинули страну в страхе, что их постигнет участь попавшихся в плен, отправились в Аравию и были там приняты Силлаем в отместку за неудавшийся брак его с Саломеей. Он предоставил им укрепленное место, где они и поселились; отсюда они совершали разбойничьи набеги не только на Иудею, но и на всю Келесирию, причем Силлай оказывал им поддержку в их злодеяниях.

Когда Ирод вернулся из Рима, то узнал, в каком бедственном положении обстоят дела в его стране; а так как он не был в состоянии совладать с разбойниками, благодаря поддержке, оказываемой им арабами, но вместе с тем был вне себя от их злодейств, то отправился в Трахонею и стал умерщвлять родственников разбойников. Вследствие этих бедствий разбойники еще более озлобились, а так как у них был закон, в силу которого требовалось всяческим образом мстить убийцам родных¹⁰⁴⁷, они усиленно продолжали разорять и грабить всю страну Ирода. Тогда царь переговорил об этом с императорскими наместниками Сатурнином и Волумнием¹⁰⁴⁸ и потребовал наказания разбойников. Но от этого те в своем возбуждении стали еще более дерзки, приводили в полное смятение области Иродова царства, разрушали деревни и умерщвляли пленных, так что их беззакония походили на настоящую войну. Теперь число разбойников доходило уже до тысячи. В гневе на это Ирод стал требовать выдачи разбойников и, кроме того, возвращения долга в шестьдесят талантов, которые он при посредстве Силлая дал ободу и срок отдачи которых миновал. Между тем совершенно отстранивший обода Силлай самостоятельно правил страной; он отрицал, что в Аравии находились разбойники, отдачу же долга отложил впредь до постановления на этот счет Сатурнина и Волумния, наместников сирийских. В конце концов последние постановили, что деньги должны быть выданы Ироду в тридцатидневный срок, равно как должна состояться взаимная выдача подданных. В стране Ирода не нашлось, впрочем, решительно ни одного араба, бежавшего туда вследствие совершения какого-либо преступления или по иной причине, арабам же было доказано, что они дают у себя приют разбойникам.

2. По миновании условленного срока Силлай отправился в Рим, не исполнив ничего из постановленного решения. Ирод стал настойчиво требовать возвращения денег и выдачи разбойников, а так как Сатурнин и Волумний дали ему разрешение пойти на арабов походом, то он во главе войска двинулся на Аравию и сделал в течение трех дней семь [обычных] переходов. Достигнув крепости, где засели разбойники, он приступом взял их всех, сравнял крепость, носившую название Раипты, с землей, но, впрочем, никого при этом не обидел. Арабы под предводительством Накеба поспешили им на помощь, и произошла битва, в которой пало немного людей Ирода, но были убиты сам предводитель Накеб и около двадцати пяти людей его. Остальные обратились в бегство. Наказав их, Ирод переселил в Трахонею 3000 идумейцев, которые должны были держать разбойников в повиновении. Затем он отправил находившимся

тогда в Финикии [римским] наместникам донесение об этом и сообщил, что он ничем не преступил данного ему относительно арабов полномочия. По точном расследовании наместники нашли это донесение вполне согласным с истиной.

3. Поспешившие в Рим вестники немедленно сообщили Силлаю о всем происшедшем и при этом по обыкновению сильно все преувеличили. Силлай тем временем уже успел стать известным императору. Лишь только он узнал о посольстве, как немедленно отправился к двору, облекшись в черную одежду, и предстал перед Цезарем с жалобой на то, что Аравия опустошена войной и все его царство приведено в смятение, так как Ирод разгромил его со своим войском. Со слезами на глазах он уверял, что 2500 самых лучших арабов пало и в числе их был убит также предводитель Накеб, его друг и родственник, что богатства, находившиеся в Раипте, разграблены и что никакого внимания не обратили на обода, который не в состоянии вести войну, так как не было налицо ни его, Силлая, ни ядра арабской рати. Так говорил Силлай и хитро прибавил, что он сам не покинул бы страны, если бы не был уверен в желании Цезаря, чтобы везде и всюду царствовал мир, и что война не окончилась бы благоприятно для Ирода, если бы он сам оставался дома. Цезарь разгневался на это и стал спрашивать находившихся налицо приверженцев Ирода и его посланных из Сирии о том только, действительно ли Ирод предпринял поход. Так как те были принуждены подтвердить это, император же не входил в рассуждение, по какой причине все это случилось, гнев Цезаря еще возрос, и он написал Ироду резкое письмо, в котором говорил, что, если он обходился с ним раньше как с другом, он будет видеть в нем теперь лишь своего подданного.

Вместе с тем и Силлай сообщил арабам письмом о повороте дела. Арабы воспрянули духом, не стали вовсе выдавать разбойников, искавших у них убежища, и не заплатили денег; напротив, они теперь совершенно овладели пастбищами, которые им Ирод предоставил за плату, и говорили, что вследствие гнева императора царь иудейский смещен. Этим же моментом воспользовались трахонцы, восстали против идумейских гарнизонов и стали разбойничать вместе с арабами, которые разоряли страну иудейскую, преследуя здесь не только цели наживы, но особенно свирепствуя в видах гнусного мщения.

4. Когда Ирод потерял расположение Цезаря, то всем этим крайне опечалился; но он должен был переносить это и еще худшее, что вскоре случилось и что его еще больше расстроило. Дело в том, что Цезарь не принял его посольства, которое царь отправил [в Рим], чтобы оправдаться, равно как отослал обратно без аудиенции и второе посольство. Все это убивало царя и внушало ему опасения; еще больше огорчало его, что Силлай находился в Риме и снискал себе доверие, в то же самое время домогаясь всевозможных льгот. Обод успел тем временем умереть, и власть его над арабами перешла к Энею, изменившему свое имя на Арета. Силлай старался клеветой устранить последнего от власти, чтобы самому овладеть ею и с этой целью роздал крупные суммы царедворцам, обещая заплатить самому Цезарю тоже большие деньги. Император успел уже рассердиться на Арету за то, что он вступил на престол, не списавшись предварительно с ним. Между тем Арета послал императору письмо и дары, в числе которых находился золотой венец стоимостью во много талантов. В этом письме он обвинял Силлая, говоря, что это презренный раб, который отравил обода и еще при жизни его захватил высшую власть, что он совершал постоянные прелюбодеяния с арабскими женами и что он занимал деньги, чтобы таким образом добиться власти. Однако император не обратил на это письмо никакого внимания, но отправил его обратно вместе со всеми дарами.

Между тем положение Иудеи и Аравии все ухудшалось, так как в одной царствовала неурядица, а в другой все расплзлось за отсутствием хозяина. Царь арабский пока не имел возможности подавлять всех нечестивцев, так как не успел еще упрочить власть свою. Ирод же был принужден сносить все незаслуженные оскорбления, потому что император сердился на

него за его слишком поспешные мероприятия. Не видя исхода из столь бедственного положения. Ирод решил еще раз отправить посольство в Рим с целью вновь снискать себе расположение Цезаря при помощи друзей или непосредственным обращением к самому императору.

1. Туда уехал Николай Дамасский. В это время дела с семейством и сыновьями стали у Ирода гораздо хуже [прежнего]. Вообще, если раньше было очевидно, что злой рок уготовил царю самое ужасное горе, которое может испытать человек, то теперь еще более крупное бедствие постигло царя. Эврикл из Лакедемона, человек, происходивший из довольно знатного рода, но вполне испорченный, равно как отличавшийся большим сладострастием и льстивостью, но умевший скрывать то и другое, приехал к Ироду, привез ему подарки, за которые, впрочем, получил гораздо более ценные, и сумел ловко воспользоваться представившимися обстоятельствами для того, чтобы снискать себе в особенно высокой степени расположение царя. Собственно, он остановился у Антипатра, но посещал больше всего Александра, потому что говорил, что находится в близких отношениях к каппадокийскому царю Архелаю. Таким точно образом он представился также поклонником Глафиры и вообще незаметно сумел всех склонить на свою сторону, причем постоянно следил за всем, что говорилось и делалось, чтобы выводить из этого сплетни.

В конце концов оказывалось, что каждый считал его исключительно своим только другом, тогда как всем прочим казалось, что он общается с другими лишь им на пользу. И так удалось ему склонить на свою сторону юного еще Александра и убедить его в том, что он только ему одному может сказать решительно все. Тогда тот со скорбью рассказал ему о своем отчуждении от отца, сообщил ему о судьбе своей матери и об отношениях к Антипатру, как последний, отстранив их совсем, пользуется теперь неограниченной властью. Все это, говорил Александр, прямо невыносимо, тем более, что отец настолько уже всех их возненавидел, что не принимает больше участия в их обедах и вовсе не говорит с ними. Так, вполне естественно, поведал ему Александр все, о чем скорбел.

Все эти разговоры Эврикл передал Антипатру, указывая на то, что он делает это не из корыстных или личных целей, но потому, что его, которого Антипатр принял с такими почестями, совершенно подавляет вся серьезность этого положения: он присовокупил еще совет остерегаться Александра. Вероятно, говорил он, все это было сказано неспроста: очевидно, что в основании всех этих слов лежит какое-нибудь крайнее решение. Видя в этом доказательство его дружбы и расположения, Антипатр стал теперь делать Эвриклу при разных случаях подарки и в конце концов уговорил его даже сообщить обо всем Ироду. Царь из его убедительных речей вполне вывел заключение о правильности неприязни Александра, и Эвриклу постоянными ловкими нашептываниями удалось настолько настроить и возбудить царя, что ненависть последнего не знала теперь пределов. Это он показал сейчас же, сделав Эвриклу подарок в пятнадцать талантов. Получив эти деньги, Эврикл поехал к каппадокийскому царю Архелаю и стал там восхвалять Александра и Ирода, говоря, что он сам оказал ему крупную услугу, примирив Александра с отцом его. Получив затем деньги и от Архелая, он уехал раньше, чем обнаружилась его гнусность. Впрочем, и в Лакедедоне Эврикл не прекратил своего скверного образа жизни и за целый ряд гнусностей был затем изгнан из отечества.

2. Иудейский царь теперь уже относился к Александру и Аристобулу не так, как прежде, когда он только выслушивал возводимую на них клевету, он стал настолько озлоблен против них, что, если ему не клеветали на них, сам доискивался чего-либо, заставляя следить решительно за всем, все разузнавая и охотно слушая каждого, кто мог сказать против юношей что бы то ни было. [И вот он узнал]¹⁰⁴⁹, что Эварат с острова Коса¹⁰⁵⁰ вошел в соглашение с Александром. Это известие доставило Ироду особенное наслаждение.

3. Так как клевета против юношей росла и все как будто видели особую, так сказать,

заслугу в том, что могли сообщить относительно их что-либо тяжкое, донесение о чем могло казаться преследующим лишь благо царя, то случилось нечто весьма серьезное в жизни молодых людей. У Ирода было два телохранителя, Юкунд и Тиранн, особенно ценимые им за силу и рост. Царь рассердился на них и удалил их от себя; и вот они стали сопровождать Александра, который ценил их за их гимнастическую ловкость, давал им кое-какие деньги и вообще делал им разные подарки. Царю немедленно они показались подозрительными, и он велел подвергнуть их пытке. Сперва они долго крепились, но затем сознались, что Александр убеждал их умертвить Ирода, если он во время охоты за дикими зверями очутится вблизи их. Тогда-де возможно будет сказать, что царь свалился с лошади и упал на их копья, как это раз с ним действительно и случилось. Вместе с тем они показали, что в конюшне у них зарыто золото, и обвинили начальника охоты в том, что он дал им копья из царского арсенала, равно как, по приказанию Александра, снабдил оружием также и слуг последнего.

4. После них был схвачен также комендант крепости Александриона и подвергнут пытке. Его обвинили в том, что он хотел принять в эту крепость [царственных] юношей и выдать им хранившуюся там царскую казну. Однако он не признался в этом, но явившийся Иуда, сын его, подтвердил правильность обвинения и представил видимо писанное рукой Александра письмо следующего содержания: «Если мы, с Божией помощью, совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам. Поэтому, согласно обещанию, приготовьте все к нашему приему в крепости». После получения этого письма Ирод уже несколько не сомневался в существовании заговора сыновей против него. Александр, однако, уверял, что писец Диофант подделал его почерк и вся эта записка является плодом коварства Антипатра. Диофант слыл знатоком своего дела и впоследствии умер, избалованный в таком же точно поступке.

5. Всех тех, кто подвергся пытке, царь представил в Иерихоне толпе народной, дабы добиться обвинения сыновей своих. Чернь побила их собственноручно камнями. Когда же толпа приготовилась подобным же образом умертвить и Александра, царь удержал ее от этого и выслал для успокоения ее Птолемея и Ферора. Юношей заключили под стражу и учредили за ними тщательный надзор; к ним более не допускали никого, все их поступки и слова замечались, одним словом, они очутились в ужасном положении бесчестных преступников. Один из арестантов, именно Аристокл, был доведен до такого отчаяния, что заставил даже свою тещу и тетку [Саломею] пожалеть о постигших его бедствиях и возненавидеть виновника их. «Разве,- говорил он,- и тебе не угрожает опасность гибели, потому что о тебе клеветают, будто ты, в надежде на брак с Силлаем, сообщаем ему все здесь происходящее?» Впрочем, та немедленно поспешила сообщить об этих речах брату. Последний тогда более уже не мог сдержаться себя, приказал заковать их в оковы и разлучить, а также велел им самим написать императору, какое зло они причинили отцу своему. Так им это было велено, но они написали, что вовсе не злоумышляли против отца своего и не принимали никаких мер относительно его; что они, [правда], задумали бежать, да и то по необходимости, потому что вечные подозрения делали им жизнь невыносимой.

6. Около этого времени из Каппадокии от Архелая прибыл посол, некий Мела, который принадлежал к числу сановников царя. Ирод, желая ему доказать нерасположение к нему Архелая, велел позвать Александра, который и явился, как был, в кандалах, и вновь стал расспрашивать его, куда и как [братья] решили бежать. Александр сказал, что к Архелая, потому что последний обещал доставить их в [Рим](#). Впрочем, говорил он, они не имели в виду ничего неуместного или гнусного относительно отца и нет ни слова правды в том, в чем обвиняют их бессовестные противники. Им бы хотелось, в видах более точного расследования, чтобы Тиранн и его товарищи еще оставались в живых, но и их загубили скорее, причем Антипатр подослал в народ своих собственных клеветников.

7. При этих словах его царь приказал отвести Мелу и Александра вместе к дочери Архелая Глафире и спросить у нее, не знает ли она чего-либо относительно злого умысла против Ирода. Лишь только они явились и Глафира увидела Александра в оковах, как стала биться головой об стену и вне себя громко и жалостно рыдать. У молодого человека также выступили на глазах слезы, и всем присутствующим зрелище это было крайне тягостно, так что они долго не были в состоянии сделать или говорить то, ради чего явились. Несколько позже Птолемей, которому было поручено привести Александра, обратился с просьбой сказать, знала ли его жена что-либо из его планов, и тогда Александр воскликнул: «Да разве она этого не знала, она, которую я люблю больше жизни своей и которая является матерью детей моих?» На это Глафира с рыданиями отвечала, что она не знала ни о чем дурном; если же она тем сможет способствовать спасению мужа, то она готова лгать на себя и рассказать все, что угодно. Александр сказал: «Ни я сам, ни ты, мы не знаем ни о чем гнусном, что предполагают те, кому это всего менее к лицу; тебе известно только, что мы решили удалиться к Архелаю, а оттуда в Рим». Когда Глафира, «в свою очередь, подтвердила это, Ирод, полагая, что он изобличил Архелая в происках против него, вручил олимпу и Волумнию письма и приказал им во время проезда отдать их в Элеузе Киликийской, выразить ему свое неудовольствие на то, что он принял участие в заговоре сыновей его, а оттуда поехать в Рим; если там Николай сообщит им, что Цезарь более не гневается на него, то пусть они вручат ему прилагаемые письма, которые вполне изобличают козни юношей. Архелаю удалось оправдаться признанием, что он действительно собирался принять у себя юношей, но лишь с целью оказать пользу им и их отцу, дабы последний в своем гневе на возводимые против них обвинения не прибег к слишком крутым мерам; при этом Архелай совершенно отрицал свое намерение направить юношей к императору, равно как не обещал им ничего, что могло бы служить доказательством его отпадения от Ирода.

8. Когда посланные приехали в Рим, им вскоре представился случай вручить письмо императору, уже успевшему примириться с Иродом. Посольство Николая постигла судьба такого рода: когда он прибыл в Рим и явился ко двору, то решил говорить сперва не только о цели своего приезда, но и прямо приступить к обвинению Силлая. Дело в том, что арабы, еще до его прибытия, очевидно распались на враждебные друг другу партии. Надеясь найти поддержку в нем, многие арабы примкнули к Николаю, сообщили ему о всех преступлениях, совершенных Силлаем, и доставили ему очевидные доказательства того, что он умертвил весьма многих приближенных обоюда. У них в руках были и письма, попавшие к ним во время ссоры и вполне изобличавшие Силлая. Видя в этом особенно благоприятный случай, Николай воспользовался им для приведения своих намерений в исполнение и ревностно занялся примирением Ирода с Цезарем. Он отлично понимал, что если вздумает оправдывать образ действий Ирода, то не достигнет ничего, и поэтому решил обвинять Силлая, полагая, что тут представится случай замолвить словечко и за Ирода. Когда при таком положении дел был назначен день для разбора обоюдных жалоб, Николай в присутствии послов Ареты стал во многом обвинять Силлая, особенно же в том, что он умертвил царя и многих арабов, что он занимал деньги не для полезных мероприятий, и доказал, что он виновен в изнасиловании не только многих арабских, но и римских женщин. Ко всему этому он присоединил затем самое важное обвинение, а именно, что он обманул Цезаря, рассказав ему совершенно неправильно о поступках Ирода. Когда Николай дошел до этого пункта, Цезарь остановил его, требуя, чтобы он говорил лишь об Ироде, правда ли, что тот повел свое войско на Аравию, что он умертвил 2500 жителей и подверг страну разграблению и увел массу пленных. Николай сказал, что именно об этом он и собирался говорить и объяснить, что ничего не произошло из того, что донесли императору, и что вполне несправедливо сердиться на все это. При таком неожиданном обороте дела Цезарь стал особенно внимательно слушать Николая, который рассказал о ссуде в пятьсот талантов и о

существовании расписки, в которой сказано, что, если будет пропущен срок платежа, Ироду предоставляется право гарантировать себе уплату захватом всей территории. При таких условиях, говорил он, весь поход царя является уже не походом, а лишь поездкой с целью потребовать себе обратно собственные свои деньги. К тому же и этот поход не был предпринят скоро и опрометчиво и не совпал с сроком обязательства. Ирод решился на крайнюю меру лишь после того, как неоднократно обращался к содействию сирийских наместников Сатурнина и Волумния, и после того, как Силлай наконец в присутствии их поклялся именем императора, что он в тридцатидневный срок уплатит деньги и выдаст Ироду бежавших из Иудеи к нему подданных его. А так как Силлай не сдержал своего обещания, то Ирод опять отправился к [римским] наместникам; когда же они разрешили ему взять свое, то и тогда он нехотя выступил со своим войском. «Такова то была война,- сказал Николай,- каковою представляли ее тебе эти артисты, таков был весь поход. Какая же это война, разрешение на которую дали твои собственные военачальники, которую допускал договор, причем подверглось поруганию имя не только прочих богов, но и твое собственное, Цезарь? Теперь же мне следует поговорить также относительно пленных. Бежавшие от гнева Ирода сперва сорок трахонейских разбойников, а потом и больше сделали своим убежищем Аравию. Их принял к себе Силлай и стал кормить их назло всем прочим обитателям страны. Им он роздал земли и с ними он сам делил добычу от грабежей их. Он клятвенно обещал выдать этих людей [Ироду] в день возвращения своего долга, но и теперь еще нельзя указать ни на кого, кто был бы уведен царем из Аравии, кроме именно этих разбойников, притом даже не всех, а тех лишь, которые не нашли возможности скрыться. И вот так как вся история о пленниках является ложным и злобным измышлением, то ты, Цезарь, узнаешь, какое огромное здание лжи воздвиг Силлай для того только, чтобы вызвать гнев твой. Я утверждаю, что, когда на нас напала арабская рать и лишь после того, как на стороне Ирода пал один или двое, а Ирод слабо отбивался, явился на поле битвы арабский военачальник Накеб, потерявший при этом случае около двадцати пяти воинов. Число их Силлай умножил на сто и заявил, что пало две тысячи пятьсот человек».

9. Это еще более подействовало на императора, и, обратясь к Силлаю, он, преисполненный гнева, спросил, сколько арабов пало. Когда тот смутился и сказал, что его ввели в заблуждение, тогда были прочитаны письменный договор, документы наместников и целый ряд жалоб [разных] городов на грабежи. Цезарь был вне себя от ярости, так что присудил было Силлая к смертной казни; затем он помирился с Иродом, высказал ему сожаление по поводу слишком резкого письма своего, вызванного клеветой, и упрекнул Силлая в том, что тот лживым доносом принудил его опозорить преданного друга¹⁰⁵¹. В конце концов Силлай был отправлен домой для того, чтобы исполнить свои обязательства, согласно договору, а затем потерпеть заслуженное наказание. Цезарь, однако, не благоволил Арете за то, что он не через него, а самовольно сел на престол. Он решил было отдать и Аравию¹⁰⁵² Ироду, но от этого его удержали посланные последним письма. Узнав о том, что император [вновь] благосклонен к Ироду, олимп и Волумний, сообразно приказанию царя, решили немедленно вручить Цезарю письменное извещение о виновности сыновей Ирода. По прочтении этих писем император решил, что будет неудобно предоставить новую область старику, который не в ладах со своими собственными детьми. Поэтому он принял послов Ареты и, укорив их только в том, что царь их поступил слишком поспешно, не дождавшись с его стороны утверждения на престоле, взял у них дары их и утвердил за Аретой власть.

1. Примирившись с Иродом, император написал ему об этом, выразил свое соболезнование по поводу неурядиц его с сыновьями и сказал, что, если последние действительно решились на какую-либо крайнюю меру, с ними следует обойтись как с отцеубийцами, на что он его сам и уполномочивает; если же они имели в виду только бегство, то ему следует изменить свое решение и не предпринимать относительно их ничего серьезного. При этом Цезарь советовал ему созвать суд в Берите, где имелось римское население, пригласить туда наместников и каппадокийского царя Архелая, равно как всех тех, кого Ирод считает настоящими и неизменными своими друзьями, и порешить с ними, как поступить в данном случае. Такое письмо Цезарь послал Ироду. По получении его царь очень обрадовался состоявшемуся примирению, но еще более был доволен, что ему предоставлена относительно своих сыновей полная свобода действий. И поскольку прежние несчастья сделали его человеком тяжелым, хотя и не могли бы подвинуть его на кровавую расправу с собственными детьми, постольку он теперь, ввиду поворота дел к лучшему и возвращения свободы действий, совершенно отдался мощному чувству своей ненависти. Итак, он послал в суд такое количество человек, какое ему заблагорассудилось, за исключением, впрочем, одного Архелая: он не считал возможным пригласить его, ввиду его враждебности, а также оттого, что предусматривал с его стороны серьезный отпор.

2. Когда в Берит прибыли [римские] наместники и все вызванные царем из различных городов. Ирод поместил сыновей своих (не желая их представлять судьям) в сидонской деревушке Платане, вблизи города, чтобы всегда иметь возможность представить их в случае их вызова в суд. Сам он лично предстал перед полтора десятка судьями и начал свое обвинение, которое казалось не слишком тяжким, поскольку его принуждали к тому печальные обстоятельства, но которое было совершенно неуместно в устах отца относительно детей своих. Он был крайне раздражен и выходил из себя, доказывая виновность юношей; при этом он выказал явные признаки своего гнева и необузданной дикости, не давая судьям возможности лично проверить доказательства виновности, но повторяя свое недостойное отца обвинение детей, сам читая их письма, в которых, впрочем, вовсе не упоминалось ни о заговоре, ни о каком-либо другом преступном замысле, но где только говорилось об их планах бегства и встречались некоторые крупные резкости по его адресу, вызывавшиеся его собственной враждебностью к детям. На таких местах царь возвышал голос и говорил, что тут лишнее доказательство очевидного существования заговора, причем клялся, что охотнее лишился бы жизни, чем выслушивать такие речи. В заключение он сказал, что как по природе, так и в силу предоставленной ему императором власти он имел бы право решить данный вопрос по собственному усмотрению, и привел древнее постановление, в силу которого, если родители человека выступали против него с обвинением и возлагали руки свои на голову сына, последний обязательно подвергался побитию камнями со стороны всех присутствовавших при этом. Несмотря на то что он (царь) властен делать в своей стране и в своем царстве все, что угодно, он все-таки готов выслушать приговор судей. Последние, говорил он, здесь не столько в качестве судей, долженствующих вынести приговор по очевидному преступлению детей, которые его чуть не погубили, сколько в качестве свидетелей, имеющих возможность понять гнев его, так как никто, даже иноземец, не отнесется безучастно к столь коварному замыслу.

3. После этой речи царя судьи, даже не пригласив юношей в заседание для возражения на обвинения, решили, что невозможно смягчить гнев Ирода или побудить его к примирению, и поэтому согласились с ним. Первым высказал свое мнение Сатурнин, бывший консул [1053](#) и

человек с весом, выражаясь сдержанно, как то подобало его высокому общественному положению. Он сказал, что Ирод может судить сыновей своих, но не считает его вправе умерщвлять их. Он-де говорит, как отец, также имеющий сыновей, и оставался бы при своем мнении даже при более тяжких условиях, если бы дети его причинили ему даже более крупное горе. За ним высказались совершенно в таком же точно смысле и сыновья Сатурнина; их было трое, и они сопровождали отца своего в качестве легатов. Волумний, напротив, настаивал на смертной казни людей, совершивших такое преступление относительно отца своего. То же самое по очереди говорило и большинство судей, так что казалось, что теперь уже ничто не спасет юношей от смерти.

Вдруг Ирод увез юношей в Тир. Сюда прибыл к нему из Рима Николай. Рассказав ему предварительно обо всем, происшедшем в Берите, царь стал расспрашивать его, какого мнения держатся его римские друзья насчет сыновей его. Тот ответил, что друзья считают их намерения преступными, но советовал при этом заключить их только в тюрьму и стеречь их там. «Если ты, впрочем,- сказал он,- все-таки решишь казнить их, то сделай это погоя, чтобы не навлечь на себя обвинения, будто ты действовал по внушению гнева, а не рассудка. Если же ты, напротив, думаешь помиловать их, то отпусти их, чтобы не вызывать на себя еще большей и окончательно непоправимой беды. Таково мнение и большинства твоих римских друзей». Он умолк, а царь погрузился в глубокое раздумье и затем приказал Николаю ехать вместе с ним.

4. Когда Ирод приехал в Кесарию, все население тотчас стало говорить только о его сыновьях, и вся столица была в волнении, какой исход примет дело. Страх обуял всех при мысли, что старая неурядица приведет теперь к крайне тягостному концу и, хотя все сочувствовали страданиям [узников], без риска нельзя было ничего говорить и даже слушать других. Все скрывали в душе свое соболезнование и заметно переносили страшнейшие страдания. Впрочем, нашелся некий ветеран, по имени Терон, сын которого, будучи сверстником Александра, находился в дружественных отношениях с последним. Все то, о чем думали другие и о чем они молчали, он свободно высказывал, причем неоднократно и без стеснения говорил народу, что истина погибла, что справедливость в людях исчезла, что ложь и порочность овладели ими и что дела находятся в таком неприглядном свете, что преступники не видят даже всего ужаса человеческих страданий. Все это он говорил свободно, подвергаясь при этом значительной опасности. Правильность его взглядов трогала всех, так как он столь смело и мужественно выступил с ними в такую минуту. Поэтому все, кто слышали его речи, относились к нему с уважением и с удивлением взирали на его бесстрашие в то самое время, как сами считали более безопасным хранить молчание. Перспектива самим пострадать заставляла всех разделять его взгляды.

5. Терон затем явился совершенно свободно к самому царю и потребовал, чтобы ему позволили переговорить с ним один на один. Когда ему была дана эта возможность, он сказал: «Не будучи, о царь, в состоянии удерживаться долее в таком бедственном положении, я решился рискнуть своей личной безопасностью и позволить себе эту вольность, которая, однако, необходима в твоих же собственных интересах и принесет тебе пользу, если ты только как следует отнесешься к ней. Куда девался твой рассудок, [очевидно] тебя покинувший? Где тот тонкий ум, при помощи которого ты совершил столько великих деяний? Почему это тебя покинули друзья твои и близкие тебе люди? Я не в состоянии признать в приближенных твоих искренне преданных тебе друзей, которые спокойно взирают на такое злодеяние, совершаемое в некогда столь счастливой стране. Разве ты сам не хочешь понять, что делается? Неужели ты собираешься умертвить двух юношей, которых родила тебе твоя царственная супруга, юношей, наделенных всякими преимуществами, и на старости лет отдашь в распоряжение сына, который плохо оправдал возлагаемые на него надежды, или в распоряжение родных, которых ты

сам уже столько раз приговаривал к смерти? Разве ты не можешь понять, что молчащая чернь все-таки видит совершаемое преступление и преисполняется ненависти к этому бедствию и что солдаты, особенно же их начальники, питают сострадание к несчастным и вместе с тем ненависть к виновникам всего этого?» Сначала царь выслушивал все это довольно безучастно; но он, естественно, рассвирепел, когда Терон прямо коснулся его слабого места и упомянул о неверности его приближенных. В свою очередь Терон, по необразованности не применяясь к обстоятельствам, постепенно расходился все более и более и говорил с исто солдатской развязностью. Тогда Ирод сильно возмутился и принял слова его скорее за поношение, чем за полезный совет. Когда же царь услышал о неудовольствии солдат и о возбуждении их предводителей, то приказал схватить и посадить в тюрьму всех тех, кого поименовал Терон, равно как его самого.

6. Этим случаем ловко воспользовался некий Трифон, царский брাদобрей. Явившись к царю, он заявил, будто Терон неоднократно уговаривал его зарезать Ирода бритвой во время исполнения его служебных обязанностей. При этом будто бы старик указывал ему на то, что таким путем Трифон добьется высокого положения у Александра и получит от него крупные подарки. После этого царь велел схватить Трифона и подвергнуть пыткам Терона, его сына и брাদобрея. Терон оставался непреклонен, но сын его, видя, как уже измучен отец, и не имея никакой надежды на спасение, иаоборот предвидя для себя еще большие мучения вследствие бедственного положения старика, обещал поведать царю всю правду, лишь бы только такой ценой избавить от пытки и истязаний самого себя и отца своего. Когда царь честным словом обещал ему это, он объявил, что было решено, чтобы Терон лично расправился с Иродом, так как, оставаясь с ним наедине, такого рода замысел мог быть легко приведен в исполнение; в таком случае по совершении этого намерения он мог наверное рассчитывать на благодарность и признательность со стороны Александра. Этими словами юноша действительно избавил отца своего от пытки; остается лишь неизвестным, сказал ли он сущую правду или выдумал все это, чтобы избавить себя и родителя своего от тяжкого положения.

7. Если Ирод раньше хоть несколько задумывался и в тайниках души своей стыдился казнить сыновей своих, то теперь он устранил все, что могло бы его подвинуть на более гуманное решение, и спешил поскорее привести свое намерение в исполнение. Сперва он вывел на площадь 300 обвиненных начальников, Терона с сыном и обвинявшего их брাদобрея. Всех их он осудил, а чернь закидала их на смерть всем, что попадало ей под руку. Александр и Аристобул были доставлены в Себасту и казнены там, по повелению отца, через повешение. Трупы их ночью были похоронены в Александрионе, где уже покоились их дядя со стороны матери и весьма многие из предков.

8. Вероятно, кое-кому покажется довольно неестественным, что давно питаемая ненависть могла возрасти до таких пределов и, перейдя все границы, побороть даже самую природу. Равным образом можно было бы спросить, какая вина была возведена на юношей: разве они чем-нибудь основательным довели отца своего до такого гнева, что впоследствии уже никак не могли примирить его с собой? Или, быть может, он был так бессердечен, так властолюбив и тщеславен, что не терпел рядом с собой никого, лишь бы одному нераздельно владеть всем? Или следует признать здесь вмешательство рока, который в состоянии осилить всякое самое толковое рассуждение, того рока, который, как мы уверены, неизбежно направляет все деяния людей, который мы называем судьбой и помимо которого не случается ничего? Мне кажется, будет вполне достаточно определить это представление совершенно различным от того, в силу которого мы якобы сами себе приписываем все и становимся лично ответственными за все свои начинания. Впрочем, обо всем этом еще раньше нас дал свое определение закон. Что касается двух других причин, то, пожалуй, можно было бы упрекнуть юношей в том, что они в своем

юношеском самообольщении и своем царственном тщеславии были доступны всяким возводимым на отца наветам, что они недостаточно терпимо относились к его поступкам и привычкам, что они легко верили всем гнусностям и не были сдержанны на язык; вследствие обеих последних причин не трудно было поймать их шпионам, следившим за ними и доносившим о них в угоду царю. Однако и отец их очевидно никак не может рассчитывать на оправдание своего преступного решения, так как вовсе не собрал достаточно ясных улик существования заговора и рискнул умертвить собственных детей своих без достаточного расследования. Между тем эти сыновья его были красивы и популярны, никому ни в чем не уступали, были одинаково искусны как на охоте, так и на войне и при случае могли блеснуть красноречием. Во всем этом они преуспевали, особенно старший, Александр. Если Ирод решил уже окончательно осудить их, то было бы достаточно, оставя их в живых, бросить их в темницу или изгнать их и держать вдали от власти, причем римское могущество представило бы ему полную гарантию того, что они не повредили бы ему ни нападением, ни каким-либо насильственным действием.

Между тем столь поспешная казнь сыновей, вызванная лишь обуявшей его страстностью, является доказательством его необузданной преступности; при этом он совершил такое преступление в старческом уже возрасте. Вместе с тем его не может извинить также то обстоятельство, что он так долго тянул дело и постоянно откладывал казнь. Иногда бывает, что человек в [первом] волнении решается на какой-нибудь неуместный поступок; но если он обдумывает этот поступок и колеблется, то решаясь на него, то опять отступая, и в конце концов все-таки приводит его в исполнение, это доказательство гнуснейшей кровожадности характера. Это Ирод действительно впоследствии и подтвердил, не остановясь перед казнью остальных своих друзей, которых особенно любил; хотя о них и можно было сожалеть меньше, так как они вполне заслужили гибель, однако и здесь царь проявил прежнюю жестокость и не пощадил никого. Впрочем, об этом ниже придется еще говорить.

Предисловие

Книга содержит описание событий, происходивших в Иудее в последние годы правления Ирода I и в период правления его наследника Архелая. Иосиф Флавий по-прежнему много внимания уделяет придворным интригам (заговор Антипатра против отца, раскрытый Иродом, что повлекло за собой казнь уже третьего сына жестокого властителя и расправы над многими другими людьми; борьба между родственниками Ирода I за его наследство и раздел Августом между ними владений Ирода). Архелай, назначенный Августом правителем Иудеи, Идумеи и Самарии, установил не менее жестокий режим, чем его отец. Иосиф приводит многие факты массовых выступлений иудейского населения против Рима и местной верхушки, служившей его опорой. Это — и два восстания в Иерусалиме, подавленные Архелаем и римскими войсками, и восстания Иуды Галилеянина, царского раба Симона, пастуха Афронта, участники которых грабили и сжигали царские дворцы, захватывали имущество местной знати. Впрочем, Иосиф с его проримскими симпатиями называет этих повстанцев разбойниками. Обстановка в Иудее была столь накаленной, что Октавиан Август предпочел сместить Архелая и включить в 6 г. н.э. территорию Иудеи в состав римской провинции Сирии.

1. После того как Антипатр погубил своих братьев и заставил отца решиться на гнуснейшую относительно их крайность и безбожную преступность, ему уже не приходилось рассчитывать впоследствии на особенную жизненную удачу. Хотя он и был избавлен от страха за прочность своей власти вследствие невозможности вмешательства со стороны братьев, но находил, что овладеть царством представит ему крупные затруднения и тягости: глубоко внедрилась в народе ненависть против него. Если уже это было для него весьма тягостно, то еще более огорчало его нерасположение к нему войска; а между тем на войске всегда зиждилось внутреннее благополучие, если чернь проявляла склонность к мятежам. Таковую опасность уготовила ему гибель его братьев. Тем не менее он был теперь соправителем отца своего и собственно настоящим царем; отец ему доверял больше прежнего, причем Антипатр укрепил свое положение именно тем, за что он, собственно, был достоин гибели; но при этом он загубил братьев своих, как будто бы заботясь о спасении Ирода, а не потому, что его побуждала к тому ненависть к этим братьям; больше их он сам был враждебен отцу своему. Такие мучения терзали теперь Антипатра. Он во всем этом положении предвидел возможность удалить со своего пути Ирода и тем предупредить, что кто-либо станет обвинять его в чем-нибудь и этим поставит его в затруднение; с другой стороны, он предвидел для Ирода возможность найти поддержку, если бы он, Антипатр, открыто выступил в качестве его врага. И вот, подобно тому, как одна лишь ненависть к отцу побудила его посягнуть на братьев, эта же самая ненависть теперь еще более подзадорила его не выпускать из рук начатого дела. Он рассчитывал, что если Ирод умрет, то он тем самым прочно утвердит за собой власть, если же дольше останется в живых, то это лишь усугубит его опасность, потому что раскрытие всех тех планов, которые он затеял по необходимости, заставят отца смотреть на него, как на заклятого врага. Поэтому он не щадил средств, чтобы снискать себе расположение приближенных отца, стараясь крупными денежными подарками подавить ненависть многих к себе и особенно добиваясь путем блестящих и щедрых даров снискать благоволение друзей своих в Риме, на первом же плане расположение сирийского наместника, Сатурнина. Щедростью даров он надеялся склонить на свою сторону также и брата Сатурнина, равно как сестру царя, которая была замужем за одним из виднейших приближенных Ирода. В искусстве притворяться другом людей, с которыми он общался, он достиг величайших результатов и снискал доверие; вместе с тем он сумел отлично заглушить во многих ненависть к себе. Впрочем, он не был в состоянии обмануть свою тетку, которая уже давно его поняла, которую нельзя было ввести в заблуждение и которая вполне приготовилась оказать отпор его гнусным начинаниям. Несмотря на то что ее дочь была замужем за дядей Антипатра со стороны матери (причем этот дядя женился на ней, которая раньше была женой Аристобула, благодаря посредничеству и заботливости именно Антипатра, тогда как другая дочь ее была замужем за Каллеем, сыном Саломеи от второго брака), однако это родство не могло оградить его от того, что вся его гнусность была понята. Так же точно его не избавили от [всеобщей] ненависти и прежние его родственные отношения. Дело в том, что Ирод заставил Саломею, влюбленную в араба Силлая и желавшую выйти за него замуж, вступить в брак с неким Алексой. При этом Ироду оказывала поддержку [императрица] Юлия; она-то именно и уговорила Саломею не отказываться от этого брака, чтобы не вызывать открытой вражды, так как Ирод поклялся, что поссорится с Саломеей, если она не выйдет за Алексу. Саломея подчинилась отчасти потому, что ее уговорила Юлия, жена самого Цезаря, а отчасти и потому, что та указала ей на всю выгоду этого брака. В это же самое время Ирод отправил дочь царя Архелая, бывшую замужем за его сыном Александром, назад к отцу ее и

вернул ей из своих личных средств ее приданое, чтобы не было на этот счет никаких недоразумений между ними.

2. Ирод сам весьма заботливо занялся воспитанием детей сыновей своих (у Александра было от Глафиры двое мальчиков¹⁰⁵⁴, а у Аристобула от Береники, дочери Саломеи, трое мальчиков и две девочки¹⁰⁵⁵); когда его навещали друзья, он показывал им внуков и при этом [всегда] оплакивал судьбу, постигшую его собственных сыновей. При этом он молил Бога, чтобы его внуков не постигла подобная же участь, но чтобы они росли в добродетели и любви к справедливости и тем отплатили ему за все его попечения о них.

Когда внуки его достигли соответственного возраста, он подумал об их браке и помолвил старшего из сыновей Александра с дочерью Ферора, а сына Аристобула с дочерью Антипатра; одну из дочерей Аристобула он решил выдать замуж за сына Антипатра, другую же дочь Аристобула за своего собственного сына Ирода, который родился у него от дочери первосвященника¹⁰⁵⁶. У нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет нескольких жен¹⁰⁵⁷. Эти помолвки царь устроил из сострадания к сиротам, думая путем нового родства вызвать в Антипатре расположение к ним.

Однако Антипатр не преминул выказать к этим юным существам такую же неприязнь, какую он питал к их родителям, своим братьям; заботливость Ирода о них только раздражала его, так как он предполагал, что влияние их будет гораздо больше влияния их отцов и что, особенно когда они подрастут, царь Архелай станет поддерживать своих внуков, да и Ферор, который уже был тетрархом, даст одну из девушек в жены сыну своему. Вместе с тем его возмущало также простонародье своей постоянно выказываемой жалостью к сиротам, а также тем, что оно из ненависти к нему всячески доказывало непримиримую вражду его относительно братьев. Поэтому он особенно старался побудить отца к отмене его решения, устрашая его представлениями об опасности, связанной с дарованием [юношам] такой силы. Наконец Ирод уступил просьбам Антипатра, так что последний сам решил жениться на дочери Аристобула, а его сын на дочери Ферора. Таким образом, состоявшиеся помолвки были, благодаря уступчивости царя, отменены.

3. У царя Ирода в это время было девять жен: мать Антипатра¹⁰⁵⁸, дочь первосвященника, которая родила ему сына его же имени (Ирода), дочь его брата и дочь его сестры, у которых обеих, впрочем, не было детей. В числе его жен находилась также одна самарянка¹⁰⁵⁹, от которой он имел двух сыновей, Антипу и Архелая, и дочь олимпиаду, которую впоследствии взял в жены Иосиф, племянник царя. Архелай и Антипа воспитывались у одного частного лица в Риме. Кроме того, женой Ирода была также иерусалимская гражданка Клеопатра, от которой у него были сыновья Ирод и Филипп, также воспитывавшиеся в Риме. Другая жена его была некая Паллада, родившая ему сына Фазаеля. Помимо этих жен он жил еще с Федрой и Эльпидой, родившими ему двух дочерей, Роксану и Саломею. Что касается старших дочерей Ирода от Мариаммы, от брака с которыми отказался Ферор, то одну из них царь выдал замуж за племянника своего Антипатра, а другую за племянника своего Фазаеля¹⁰⁶⁰.

Вот из кого состояла семья Ирода.

1. Желая обезопасить себя относительно трахонцев, царь решил в центре их страны основать иудейское поселение, по размерам своим не уступавшее городу. Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро нападать на врагов своих. Узнав, что некий вавилонский еврей перешел через Евфрат во главе пятисот вооруженных луками всадников и около ста родственников и поселился наудачу в сирийском городе Антиохии Эпидафне, причем тогдашний претор Сатурнин предоставил ему для поселения местность Валафу, Ирод послал за ним и за его отрядом и обещал отдать ему область в топархии Батане, граничащей с Трахонеей, желая тем самым создать оплот лично для себя. Вместе с тем он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему в безвозмездное пользование.

2. Привлеченный этими обещаниями, вавилонянин прибыл к [царю], принял от него землю и настроил в ней крепости, а также поселение, которому дал имя Бафиры. Этот человек стал действительно оплотом как туземцам, так и иудеям, являвшимся из Вавилона в Иерусалим для жертвоприношений, и ограждал их от разбоев трахонцев. Поэтому многие, которым были дороги иудейские установления, со всех сторон стекались к нему. Таким образом, эта страна [быстро] заселилась, тем более, что при полной безопасности она была еще свободна от налогов. Это продолжалось все время, пока Ирод был жив. Когда власть перешла после него к Филиппу, последний короткое время взимал незначительные подати. Однако Агриппа Великий и сын его Агриппа¹⁰⁶¹ в значительной степени повысали соки из населения этой области, причем, впрочем, не желали лишать его свободы. Римляне, к которым перешла власть после них, оставили за населением его прежнюю свободу, но сильно притесняли его повышением налогов.

Впрочем, о том я еще поговорю в своем месте, когда пойдет речь об этом.

3. Когда скончался вавилонянин Замарис, который оказал Ироду такую услугу сохранением за ним указанной области, всю жизнь свою отличался доблестью и оставил после себя доблестных сыновей, один из них, Иоаким, выдававшийся своей храбростью, приучил своих вавилонян к конским ристаниям, так что отряд из этих лиц служил телохранителями указанным царям. Когда Иоаким в преклонных летах умер, он оставил после себя доблестного и отважного сына Филиппа, который мог быть во всех отношениях сопоставлен с крупнейшими героями. Поэтому-то царь Агриппа соблюдал верную с ним дружбу и питал непреклонное к нему благоволение. Какое бы крупное войско царь ни содержал, этот Филипп постоянно должен был заведовать обучением его, и всегда, во всех походах, на его долю выпадала обязанность предводительствовать этой ратью.

4. Но возвращаюсь к Ироду. Все дела при нем были поручены Антипатру. Ирод не стеснял его решительно ни в чем, так как Антипатр окончательно сумел овладеть расположением и доверием отца. Полагаясь на последнего, Антипатр стал серьезно помышлять о том, как бы еще расширить свою власть, тем более, что отец чувствовал себя совершенно безопасным со стороны его. Между тем Антипатр внушал всем страх не столько своим могуществом, сколько гнусностью своих интриг.

Впрочем, Ферор особенно льстил ему, равно как тот, в свою очередь, отвечал ему в высокой степени тем же, причем, однако, Антипатр, склонив на свою сторону всю женскую половину двора, завлек его в искусно расставленные сети. Дело в том, что Ферор находился в полном подчинении у своей жены, тещи и свояченицы, несмотря на всю ненависть к последним вследствие оскорбительного их поведения относительно его незамужних дочерей. Тем не менее он подчинялся им и не мог ничего предпринять помимо этих женщин, которые совершенно

обставили его и окончательно между собой спелись. Таким же точно образом и Антипатр повиновался им, как по собственному своему желанию, так и в угоду своей матери: эти четыре женщины были вполне солидарны между собой. Впрочем, раз между Ферором и Антипатром возникла размолвка из-за пустяков. Повод к этому подала сестра царя, которая давно поняла положение дел. Видя, что эта солидарность всех их направлена во вред Ироду, она не задумалась сообщить последнему обо всем. Понимая, что их дружба неприятна царю, они решили с виду более не сходиться друг с другом, но выказывать взаимную ненависть и хулить друг друга, особенно в присутствии самого Ирода или кого-либо из лиц, могущих донести ему об этом, втайне же еще теснее сплотиться между собой. Так они и поступили. Однако от Саломеи не осталась скрытой с самого начала ни их солидарность, ни значение их дальнейшего поведения. Она не дала ввести себя в заблуждение, но выведывала все и сообщала об этом с крупными преувеличениями брату, рассказывая ему об их тайных собраниях и пиршествах, а также об их сокровенных планах. Если бы последние не преследовали гибели царя, то ничто, по ее мнению, не препятствовало бы действовать им открыто. Теперь же они, будучи на глазах у всех, враждуют между собой и всячески стараются якобы повредить друг другу, когда же они вдали от народа, они, как лучшие друзья, стараются во всем быть солидарными между собой и соглашаются относительно [совместной] борьбы с теми, от которых столь старательно скрывают свою дружбу. Все это она разузнавала и при случае в точности доносила брату, который и сам уже понимал положение, но не решался принять крутые меры на основании почти голословных обвинений сестры. Дело в том, что среди иудеев существовала партия, которая кичилась своим точным соблюдением предписаний закона и имела притязание на особое благоволение Всевышнего. В полном подчинении у этой секты были женщины. Партия эта именуется фарисеями. Они могли в сильной степени оказывать противодействие царям, будучи в одинаковой мере хитры и готовы открыто воевать с ними и подрывать их авторитет. Когда все иудеи клятвенно подтвердили свою верность Цезарю и повиновение постановлениям царя, эти лица в числе более шести тысяч человек отказались от присяги. Когда царь приговорил их за это к уплате денежного штрафа, жена Ферора внесла за них требуемую сумму. В ответ на эту ее любезность они предсказали ей (все верили, что Господь Бог даровал им предвидение будущего), что по решению Предвечного власть будет отнята у Ирода и его потомства и что царство перейдет к ней и ее детям от Ферора. Это не осталось скрытым от Саломеи и было объявлено царю с присовокуплением того, будто некоторые из придворных уже подкуплены. Тогда царь распорядился казнить наиболее виновных фарисеев, а также своего евнуха Багою, равно как одного из наиболее красивых в то время прислужников своих, некоего Кара. Вместе с тем он распорядился предать казни также всех тех своих близких, которые поверили предсказанию и речам фарисеев. Они подействовали на тщеславие Багои, предсказав ему, что он еще будет носить имя отца и благодетеля ими объявленного будущего царя. Они говорили, что он со временем будет держать всех в своих руках, потому что к нему вернется способность вступить в брак и иметь законных детей.

1. Наказав таким образом избалованных фарисеев, Ирод собрал синедрион из своих друзей, обвинил жену Ферора в дерзких оскорблениях, нанесенных ею его племянницам, и объявил, что он сам чувствует себя обесчещенным ею: она-де сеет раздор и распрю между ним и его братом, по силе возможности, словом и делом, она виновна в том, что фарисеям удалось увернуться от наложенного на них денежного штрафа, и она виновница всего того, что теперь происходит. «Итак, Ферор,- сказал он,- если ты, не настаивая на моих на этот счет объяснениях, сам по личной инициативе расстанешься с этой женщиной, которая только подает повод к распрям между нами, и если теперь же решишь отпустить ее, дорожа родственным ко мне чувством, то только таким образом ты останешься мне братом, и ничто не нарушит наших отличных отношений».

Однако Ферор, правда, сильно потрясенный этими прекрасными словами, сказал, что он не считает возможным ни отказаться от родственных чувств к брату, ни же отречься от любви к жене своей, но охотнее бы умер, чем лишился любимой жены. Несмотря на тяжкое оскорбление, заключавшееся для царя в этих словах, Ирод, однако, пока подавил в себе гнев против Ферора, но запретил Антипатру и его матери общаться с Ферором, а также советовал удерживать от этого остальных женщин. Те обещали это, но при случае Ферор и Антипатр продолжали видеться и даже пировать вместе. В то же время поговаривали также о том, будто жена Ферора находится в близких отношениях с Антипатром, причем посредницей служит мать Антипатра.

2. Побаиваясь, однако, отца и опасаясь, как бы далее не навлечь на себя еще больше неудовольствия с его стороны, Антипатр написал своим римским друзьям, чтобы они посоветовали Ироду отправить его как можно скорее к императору. На основании этого Ирод послал Антипатра [в Рим], дав ему с собой ценнейшие подарки и завещание, в котором назначал после своей смерти Антипатра своим преемником или, в случае, если бы он умер раньше его, своего сына Ирода, который был у него от дочери первосвященника. Одновременно с Антипатром и араб Силлай приехал [в Рим]; впрочем, он не сделал ничего из того, что повелел ему Цезарь. Поэтому Антипатр стал обвинять его перед императором в тех же преступлениях, в каких обвинял его раньше Николай. Вместе с тем и Арета выступил с жалобой на Силлая, так как последний распорядился против его воли казнить многих выдающихся лиц, в том числе Соема, человека, заслуживающего во всех отношениях глубокого уважения, а также императорского слугу Фабата. Поводом к последнему обвинению, возбужденному против Силлая, послужило следующее обстоятельство: у Ирода был в качестве особенно доверенного телохранителя некий Коринфий. Силлай уговаривал его крупной суммой денег умертвить Ирода, и тот согласился. Об этом узнал Фабат от самого Силлая и сообщил о том царю. Последний велел схватить и пытать Коринфия и в конце концов добился от него полного признания. На основании оговора Коринфия он распорядился также арестовать двух других арабов; один из них был начальником племени, другой другом Силлая. Эти люди, которых царь также подверг пытке, сознались, что они явились с тем, чтобы ободрить Коринфия в его намерении и оказать ему, в случае необходимости, поддержку в деле убийства Ирода. После того как Ирод донес обо всем том Сатурнину, этот распорядился отправить их в [Рим](#).

3. Так как Ферор не изменял любви своей к жене, то Ирод приказал ему удалиться в свою тетрархию. Ферор с удовольствием повиновался этому повелению и дал священную клятву в том, что возвратится не раньше, чем узнает о смерти Ирода. В силу этой клятвы он не повиновался царю даже тогда, когда Ирод перед смертью просил его к себе, чтобы оставить ему

кое-какие распоряжения. Однако Ирод не поступил по его примеру, но сам без приглашения явился впоследствии к Ферору, когда тот заболел. Когда же Ферор умер, он торжественно перевез его тело в Иерусалим и похоронил его там, назначив продолжительный траур по нему. Это обстоятельство стало для Антипатра, несмотря на его отплытие в Рим, причиной бедствий, и Господь Бог наказал его теперь за братоубийство. Я в подробностях расскажу всю его историю, которая может служить примером того, насколько во всем главную роль играет добродетель.

1. После смерти и погребения Ферора к Ироду явились два особенно чтимых Ферором вольноотпущенника его и просили не оставлять так смерти брата, но подвергнуть расследованию его неожиданную и грустную кончину. Ирод внимательно отнесся к этим речам, которые вызвали в нем доверие, и вольноотпущенники заявили, что Ферор накануне заболевания обедал у своей жены и что он умер оттого, что был там отравлен ядом, всыпанным в дотолу неизвестное ему блюдо. Этот яд был привезен какой-то арабской женщиной и должен был якобы служить любовным зельем (откуда он носит и название свое), но на самом деле был предназначен для отравления Ферора. Как известно, все арабские женщины искусны в составлении ядов. Та же женщина, которую они теперь обвиняют, сама созналась, что была особенно дружна с одной из приятельниц Силлая. Вместе с тем они утверждали, что для покупки яда к ней отправились также теща Ферора и его свояченица, которые накануне указанного обеда и возвратились в обществе той аравитянки. Разгневанный этими сообщениями, Ирод приказал подвергнуть пытке прислужниц указанных женщин, а также нескольких свободнорожденных женщин, но вследствие их упорного молчания дело оставалось темным, пока наконец одна из рабынь, терзаемая пыткой, не сказала только того, что просит Предвечного уготовить такие же мучения Антипатровой матери, которая одна является виновницей всех их страданий. Все это раскрыло глаза Ироду, и в конце концов он с помощью пыток выведал от женщин все о пиршествах и тайных сходках, о том, что Антипатр передавал Ферору самые тайные вещи, сообщенные ему под секретом (а между тем Антипатр получил от отца подарок в сто талантов в награду за обещание ничего не сообщать Ферору), о ненависти Антипатра к отцу и о его постоянных жалобах своей матери на живучесть Ирода, тогда как к самому Антипатру уже приближается старость, так что, если он когда-либо добьется власти, последняя навряд ли порадует его; о том, что многие из его братьев и их сыновей воспитываются как будущие правители и тем самым безусловно лишают его твердой уверенности в получении власти. Уже теперь, говорил Антипатр, в случае какого-нибудь несчастья, преемником на престоле объявлен его брат, а не сын его. Вместе с тем Антипатр обвинял царя в крайней жестокости, выразившейся, между прочим, в умерщвлении сыновей. При этом он говорил, что, опасаясь подобной же участи, он сам придумал свою поездку в Рим, а Ферор по той же причине удалился в тетрархию.

2. Все это совпадало с доносами сестры царя [Саломеи] и заставляло более не сомневаться в искренности показаний женщин. В отместку за гнусность Антипатра Ирод отнял у его матери Дориды все ее драгоценности стоимостью на много талантов и изгнал ее из страны, с женщинами же Ферора он вступил опять в дружеские отношения. Особенно возбуждал гнев царя против его сына самарянин Антипатр, управляющий делами царского сына Антипатра.

Между прочим, этот самарянин сообщил под пыткой, что Антипатр приготовил яд и вручил его Ферору с советом всыпать его отцу во время его (Антипатра) отсутствия, чтобы тем менее навлечь подозрение именно на него. Этот яд привез из Египта Антифил, один из друзей Антипатра; затем яд этот был послан Ферору через Феодиона, дядю Антипатра со стороны матери; таким-то образом яд попал в руки жены Ферора, которой последний передал его на сохранение. При допросе со стороны царя та созналась во всем и, побежав якобы для того, чтобы принести яд, бросилась с крыши дома; однако она не убилась насмерть, потому что упала на ноги. Приведя ее затем в чувство, царь обещал ей и ее родным полную безопасность, если только она скажет всю правду, тогда как пригрозил ей ужаснейшими мучениями, если она вздумает скрывать что-либо. Тогда она клятвенно обещала рассказать все по правде и

действительно, по мнению многих, рассказала эту правду следующим образом: «Яд был привезен из Египта Антифилом, которому дал его брат врач. Затем этот яд доставил нам Феодион, и я спрятала его, получив его от Ферора, которому вручил его для тебя Антипатр; когда же Ферор заболел и ты, прибыв к нему, отнесся к нему столь ласково, он увидел твоё к нему расположение и переменял свое первоначальное намерение. Призвав меня, он сказал: «Жена, Антипатр соблазнил меня и подговорил меня к умерщвлению своего отца, моего брата, задумав адское дело и дав мне яд для совершения его. Теперь же, когда брат мой ясно доказал неизменность своих прежних чувств ко мне, а сам я собираюсь покончить все свои счета с жизнью, я не желаю осквернять памяти своих предков, соглашаясь на братоубийство. Принеси поэтому яд и сожги его на моих глазах».

Затем она сказала, что принесла яд и поступила совершенно сообразно повелению своего мужа, сжегши большую часть яда и оставив лишь ничтожную долю его, чтобы, после смерти Ферора, в случае притеснений со стороны царя, самой принять отраву и тем покончить с собой и своими бедствиями. Сказав это, она представила флакон с ядом. Второй брат Антифила и его мать подтвердили все это под пыткой и признали флакон за настоящий. Вместе с тем подверглась обвинению также и жена царя, дочь первосвященника, в том, что она, зная обо всем, захотела скрыть все. В силу этого Ирод прогнал ее с сыном и вычеркнул его из своего завещания, где он первоначально фигурировал в качестве претендента на царский престол. Тестя своего Симона, сына Боэта, он лишил первосвященнического сана и назначил на его место иерусалимца Матфия, сына Феофила.

3. В это время прибыл из Рима в Бафилл вольноотпущенник Антипатра. Будучи допрошен под пыткой, он показал, что привез яд для вручения его матери Антипатра и Ферору с тем, чтобы, в случае неудачи первой попытки отравления царя, теперь можно бы по наверняка избавиться от Ирода. Вместе с тем Ирод получил также письма от своих римских друзей, которые извещали его, что по наущению Антипатра обвиняются Архелай и Филипп ¹⁰⁶² в том, что они будто бы ненавидят отца за убиение Аристовула и Александра и начинают уже жалеть о своей собственной судьбе, причем будто бы высказывают предположение, что отец зовет их назад с исключительной целью и их также загубить. Этой клеветы приверженцы Антипатра добились ценой крупных денежных сумм. Вместе с этим и сам Антипатр писал о братьях отцу, приводя все возводимые на них тяжкие обвинения, но при этом прося совершенно простить юношей, ссылаясь на их возраст и объясняя этим их невоздержанные речи. Сам он в то время продолжал свою борьбу с Силлаем и ухаживал за влиятельными лицами, приобретая с этой целью всяких дорогих подарков на сумму до двухсот талантов. Станным является во всяком случае то обстоятельство, что он сам ничего не узнал из того, что готовилось против него в течение последних семи месяцев. Причиной тому были надзор и охрана путей и общая ненависть всех к Антипатру: не было никого, кто бы подверг себя опасности ради доставления Антипатру сведений, касавшихся его спокойствия.

1. Когда Антипатр написал отцу, что вскоре окончит все свои дела как следует и затем приедет, Ирод скрыл свой гнев и ответил ему, чтобы он не замешкался в пути, дабы с ним (Иродом) не произошло чего-либо во время его отсутствия; вместе с тем он коснулся слегка и обвинений, возведенных на его мать, но обещал покончить все дело миром, лишь только Антипатр приедет. Ирод пустил здесь в ход всю свою любезность, боясь, как бы сын его не заподозрил чего-либо и не только не отложил бы своего путешествия, но и, оставаясь в Риме, не стал бы интриговать против царской его власти и не добился бы в этом отношении чего-нибудь существенного. Антипатр получил это письмо в Киликии, после того как ему уже успели сообщить в Таренте о смерти Ферора. Последнее известие сильно смутило его, впрочем, не потому, чтобы он был столь сильно расположен к Ферору, но оттого, что Ферор умер, не отравив, сообразно обещанию своему, Ирода. Прибыв в киликийский город Келендерис, он уже стал колебаться, следует ли ему вообще возвращаться домой: очень уж его огорчало изгнание матери. При этом одни из друзей его советовали ему где-нибудь обождать исхода дела, другие же настаивали на необходимости его возвращения домой, говоря, что он своим появлением прекратит все обвинения, подобно тому, как и теперь обвинители его только потому так сильны, что он отсутствовал. Антипатр внял совету последних и поехал в гавань Себасту, которую дорогой ценой соорудил Ирод и которую назвал в честь Цезаря Себастою [1063](#). Тут Антипатр уже явно мог догадаться о грозящей ему беде, потому что никто не встретил и не приветствовал его, тогда как при его отплытии народ провожал его благословениями и пожеланиями всего лучшего. Теперь то же население не задумалось встретить его самыми враждебными проклятиями, видя, что ему приходится поплатиться за смерть братьев.

2. В это самое время в Иерусалиме находился преемник сирийского наместника Сатурнина, Вар Квинтилий [1064](#). Ирод послал за ним, прося его выступить советчиком в данном деле. Пока они совещались между собой, прибыл Антипатр, который был совершенно не осведомлен о случившемся. Он, еще облаченный в порфиру, вошел во дворец. Привратники впустили его, но запретили доступ его друзьям. Теперь он сильно испугался, отлично поняв, в какое попал положение; особенно же поразило его, что, когда он приблизился к отцу, чтобы обнять его, царь оттолкнул его от себя, стал упрекать его в братоубийстве и в злоумышлении против его собственной жизни и сказал, что на следующий день Вар все разберет и рассудит. Лишь только Антипатр узнал о таком постигшем его бедствии, как удалился удрученный этим горем. Тут ему встретились его мать и жена (дочь Антигона, предшественника Ирода на иудейском престоле). Узнав от них все подробности, он занялся приготовлениями к своей защите.

3. На следующий день Вар и Ирод собрались на заседание, куда были призваны также приверженцы обеих партий, родственники царя и его сестра Саломея, равно как все те, которые могли дать какие бы то ни было показания, те, которые подверглись пыткам, и схваченные незадолго до его приезда рабы матери Антипатра. Последние представили также письмо, содержание которого главным образом сводилось к тому, чтобы Антипатр не возвращался, так как царь осведомлен обо всем, и что единственным теперь для него заступником является император, где он может рассчитывать не попасться в руки отцу. Антипатр бросился перед отцом на колени и стал умолять его не произносить приговора, не расследовав дела, но выслушать его, потому что он имеет возможность оправдаться. Однако Ирод приказал вывести Антипатра в середину зала и затем стал громко жаловаться на то, что у него такие дети, от которых он уже столько страдал раньше, теперь ему на старости лет пришлось убедиться в столь ужасной гнусности Антипатра; при этом Ирод упомянул о том, как он постоянно

заботился о воспитании и образовании своих детей, не жалея для этого ничего и всегда предоставляя для удовлетворения всех их желаний крупные денежные суммы. За это, говорил он, воздаянием теперь служит то, что они коварно старались загубить его жизнь и преступно домогаются царства, во всяком случае раньше, чем это дозволяется законом, желанием отца и чувством справедливости. Он удивляется Антипатру и тому, в расчете на что тот решился на столь отчаянный шаг. Ведь он документально уже назначен его преемником на престол и при жизни царя ни в чем не уступал ему, ни во внешнем блеске, ни в фактическом могуществе; ведь Ирод предоставил ему ежегодную ренту в пятьдесят талантов и дал ему на дорогу в Рим триста талантов. Вместе с тем он напомнил ему, что он теперь вполне уподобился своим братьям, если они действительно виновны в том, в чем он их осуждал; что если же они не виновны, то он напрасно взвалил на них вину и обвинил в тяжком преступлении [столь близких] родственников. Ведь все то, что постановил относительно их он сам, он постановил исключительно на основании донесений и сообщений его (Антипатра). Теперь братья считаются вполне оправданными, так как он сам навлек на себя подозрение в покушении на отцеубийство.

4. При этих словах Ирод разразился слезами и не был в состоянии говорить дальше. По просьбе царя заступить его место Николай Дамасский, который был дружен с Иродом, долго жил при нем и знал все дела его, стал приводить затем все доводы за и против Антипатра. Антипатр обратился с защитительной речью к отцу своему и стал указывать на множество примеров своей ему преданности, равно как на те почести, которых он за это удостоился и которые не имели бы места, если бы он не доказал ему своей полнейшей верности. «Везде, - говорил он, - где представлялась необходимость в особой заботливости, я прилагал все старания, чтобы предусмотреть все, если требовалось личное вмешательство, я все брал лично на себя». Поэтому, продолжал он, нисколько не основательно предполагать, что он, который столько раз ограждал отца своего от гнусных интриг, теперь сам является злоумышленником и заменяет явную, засвидетельствованную ему преданность гнусностью такого намерения. Ведь он уже давно провозглашен преемником отца своего, и никто не оспаривал у него в будущем тех почестей, которые воздаются ему уже теперь; нисколько не вероятно, чтобы человек, невозбранно и заслуженно владеющий половиной чего-либо, стал с риском и опасностью для себя домогаться целого, причем остается вполне невыясненным, насколько ему удастся достигнуть своей цели. Неужели он предпринял бы нечто такое, он, который был свидетелем казни своих братьев, он, который выступил доносчиком и обвинителем, когда дело могло оставаться скрытым, и исполнителем самого приговора, когда гнусное их намерение относительно отца выяснилось целиком. Все эти поступки его служат поэтому доказательством того, насколько благожелательно он, Антипатр, всегда поступал относительно отца своего. Касательно его поступков в Риме он ссылается на свидетельство императора, которого столь же трудно обмануть, как самого Господа Бога. Все это могут подтвердить письма императора, причем нехорошо, что больше веры, чем им, приписывается тем, которые клеветой стараются посеять смуту; большинство этих лиц воспользовалось для проявления своей враждебности досугом, явившимся у них вследствие его отъезда, и они ничего не смогли бы сделать, если бы он не уехал. После этого Антипатр стал проклинать пытки, говоря, что они приводят лишь к лжи, потому что по самой природе вещей пытаемые говорят в своих мучениях все, что угодно палачам; впрочем, он сам предложил подвергнуть его пытке.

5. После этого в судилище произошло движение. Все очень жалели Антипатра, который обливался слезами и жестоко царапал себе лицо; даже во врагах его явилось чувство жалости, и видно было, что и Ирод поколеблен, хотя не желал показать это. Тем временем, однако, Николай стал дальше и подробнее развивать мысль, высказанную вначале царем, привел

доказательства виновности обвиняемого на основании признаний под пыткой и сообщений прочих свидетелей, особенно же он остановился на явном мягкосердечии царя, который не щадил никогда ничего для воспитания и образования своих сыновей и теперь попадает из одного тяжелого положения в другое. Правда, говорил он, его не столько изумляет дерзость тех братьев, потому что они были слишком юны и подпали влиянию гнусных людей, советовавших им поправить все законы природы и поспешить овладеть могуществом раньше, чем следовало. Но зато его, естественно, крайне поражает гнусность Антипатра, который не только остался безучастен к величайшим благодеяниям, оказанным ему отцом (подобно самым ядовитым змеям, хотя и в последних замечается стремление не жалить своих благодетелей), но и в своей жестокости не принял во внимание ужасную судьбу, постигшую его братьев, сам вел следствие над ними и сам настаивал на приведении в исполнение приговора над изобличенными: «Мы, однако, не укоряем теперь тебя в том, что ты не сдержал своего гнева на них, но мы поражены тем, что ты поспешил уподобиться им по преступности. Мы убеждаемся, что все твои начинания в этом смысле вовсе не были направлены к тому, чтобы оградить отца, но преследовали лишь гибель братьев, дабы своей ненавистью к ним ты мог более уверить всех в своей сыновней преданности и тем получить возможность вернее погубить его самого. Все это ты подтвердил своими поступками.

Ты умертвил своих братьев, доказав их виновность, но не выдал их единомышленников. Этим ты всем доказал, что ты накануне обвинения вошел с ними в сделку, направленную против твоего отца, желая один воспользоваться плодами отцеубийства и из обоих преступлений извлечь удовольствие, вполне достойное твоего характера. Впрочем, явно перед всеми ты выступил в роли преследователя своих братьев, за что тебя все, как и следовало, превозносили высоко. Если же это было не так, то ты являешься еще большим негодяем, так как ты втайне ковал козни против отца своего, не схватив братьев как злоумышленников против него (сам ты не задумался перед таким же преступлением), но ненавидя их, как преемников власти, на которую они имели больше прав, чем ты. Кроме того, ты желал после братьев умертвить также и отца своего, чтобы не рискнуть быть изобличенным в ложном обвинении их. Ту смерть, которую ты теперь сам заслужил, ты уготовил несчастному отцу своему, задумав не обыкновенное отцеубийство, но такое, какого до сих пор не знала история.

Ты злоумыслил не только как сын против отца, но поднял руку на своего друга и благодетеля, которому ты помогал в государственных делах и преемником которого ты был объявлен, причем тебе не было возбранено теперь уже пользоваться всеми благами власти; напротив, желания отца твоего и его письменное постановление гарантировали тебе исполнение всех твоих надежд. Между тем ты не имел в этом деле в виду расположение Ирода, но решил все это по своему личному усмотрению и своей гнусности, желая отнять у отца, который во всем слепо доверял тебе, его часть, причем, однако, ты на словах выставлял себя его спасителем. На самом же деле ты искал случая умертвить его и не только довольствовался при этом своей личной испорченностью, но втянул в интриги также и мать свою, посеял смуту в семье относительно своих братьев и даже осмелился называть отца своего разъяренным зверем. Этим ты выказал злобу, которая сильнее злобы всякой змеи. Ведь ты напустил своего яду в душу ближайших родных и благодетелей своих. Ты втянул в свое дело телохранителей и впутал в свои интриги против старца мужчин и женщин, как будто тебе не было довольно удовлетвориться чувством своей личной ненависти. И теперь, после того, как ради тебя подверглись пыткам свободнорожденные и рабы, и после того, как мужчины и женщины сознались в существовании заговора, ты явился сюда и спешишь не только отрицать истину, утверждая, что ты вовсе не задумывал умерщвления отца своего, но и восстаешь против принятого относительно тебя решения, против добропорядочности Вара и против всякой справедливости! И вот ты настолько

уверен в своем собственном бесстыдстве, что выражаешь сам готовность подвергнуться пытке, чтобы все, преданные отцу твоему, оказались лжецами, а твоим заявлениям под пыткой была предана вера. Конечно, ты, Вар, не станешь ограждать царя против дерзких поползновений его родных, ты не умертвишь того гнусного животного, которое притворяется преданным отцу своему для того лишь, чтобы добиться гибели своих братьев и затем поскорее овладеть самолично престолом, причем оно выказывает всю свою смертельную ненависть к нему. Ведь ты знаешь, что отцеубийство является одинаковым преступлением как против природы, так и против всех жизненных условий, причем исполнение его нисколько не отличается от самого замышления его. Тот, кто за это не наказывает, сам совершает преступление против природы».

6. К этому [оратор] присоединил еще целый ряд обвинений против матери Антипатра, указал на то, сколь много она по женскому легкомыслию болтала, упомянул о ее заговорах и жертвоприношениях, предпринятых с целью повлиять на царя, рассказал, как разнузданно и цинично держал себя Антипатр с женами Ферора, и остановился на данных, добытых пыткой и свидетельскими показаниями. Он заранее заготовил много различных пунктов обвинения и ловко пользовался в этих видах также случайно раскрывавшимися теперь фактами. Все те люди, которые раньше, боясь мщенья Антипатра в случае его оправдания, умалчивали о многом, теперь открыто выдали его врагам и не скрывали более своей к нему ненависти, потому что видели, насколько он подавлен всеми обвинениями и насколько изменяет ему его обычное счастье. Все это ускорило обвинительный над ним приговор, и притом не столько в силу нерасположения к нему обвинителей, сколько вследствие чудовищной его дерзости, вследствие его ненависти к отцу и братьям, так как он преисполнил дом свой смутой и убийствами и всегда относился ко всем либо с ненавистью, либо дружелюбно не по заслугам, но по степени возможной пользы, которую могли ему впоследствии оказать. Большинство этих людей уже давно ясно видели все это, именно те из них, которые обладали критическим чутьем и могли нелицеприятно судить о фактах; но прежде они не решались громко объявлять о том, теперь же, когда им нечего было бояться, они выложили решительно все, что знали. И вот тогда-то посыпались всевозможные разоблачения, причем их нельзя было оспаривать ни ссылкой на то, будто большинство своими показаниями заискивает у Ирода, ни тем, что они умалчивают о чем-либо в видах личной безопасности. Все это люди высказывали потому, что действительно считали поведение Антипатра гнусным и побуждались к тому не ограждением безопасности Ирода, но были убеждены в необходимости наказания Антипатра. Многие выступили со своими разоблачениями даже без приглашения, так что Антипатр, несмотря на свое умение отрицать все и не краснеть, не имел возможности раскрыть рот для возражения. Когда Николай закончил обвинительную речь свою. Вар предложил Антипатру приступить к опровержению обвинений, если у него имеются доказательства невинности. При этом Вар указал как на свое желание, так и, как ему известно, на желание отца его, чтобы Антипатр вышел из суда оправданным. Тогда Антипатр, вместо того чтобы предъявить непреложные доказательства своей невинности в заговоре против отца, бросился наземь и стал взывать к Господу Богу и ко всем, прося их засвидетельствовать его невинность. Таков уже прием всех не порядочных людей: когда они задумывают какую-либо гнусность, то забывают совершенно о Боге и приступают к своему делу по личному усмотрению; когда же их накрывают и они подвергаются опасности поплатиться за свои деяния, они всегда прибегают к Предвечному, прося его засвидетельствовать их невинность. Так было и с Антипатром. Сперва он решил на все, как будто бы Бога не существовало вовсе; когда же ему был отрезан всякий путь к самооправданию и не на что было опереться, чтобы опровергнуть возведенные обвинения, он положился на милость Божию, прося Его засвидетельствовать за него и явить чудо для его спасения. При этом он не переставал выставлять перед отцом на вид все свои заслуги.

7. После того как Вар несколько раз обращался к Антипатру, но не добился от него ничего, кроме взывания к Всевышнему, он, видя неуспешность своей попытки, приказал принести яд, чтобы убедиться в его действенности. Когда яд был принесен, то, по требованию Вара, его должен был выпить осужденный на казнь преступник. Он немедленно пал мертвым. После этого Вар поднялся с места и распустил собрание. На следующий день он поехал в Антиохию, где, как в столице Сирии, чаще всего и пребывал.

Ирод распорядился немедленно заключить сына в оковы. Впрочем, никто не узнал, в каких отношениях были Вар и Ирод и что сказал последнему Вар перед своим отъездом. Однако большинству казалось, что все предпринятое впоследствии Иродом относительно Антипатра было сделано им с одобрения Вара.

Посадив Антипатра в темницу, царь послал донесение об этом деле императору в Рим и поручил лицам, везшим это письмо, устно сообщить Цезарю о гнусности Антипатра. В эти же дни было перехвачено также и письмо Антифила к Антипатру (первый находился тогда в Египте), и когда царь распечатал его, то прочитал следующее: «С опасностью для своей собственной жизни я посылаю тебе письмо Акмы¹⁰⁶⁵. Тебе известно, что, если это узнают, я подвергнусь опасности с двух сторон. Желаю тебе, впрочем, успеха в своем деле».

Таково было содержание письма. Царь же стал искать второе письмо, которого нигде нельзя было найти. Раб Антифила, доставивший это послание, говорил, что не получал другого. Царь был в большом смущении. Тогда кто-то из приближенных Ирода увидел сшитую на хитоне¹⁰⁶⁶ раба складку (на нем было два платья) и подумал, не спрятано ли письмо внутри этой складки. Так оно и оказалось. Письмо было захвачено и оказалось следующего содержания: «Акма — Антипатру. Я написала для твоего отца такое письмо, какое ты пожелал, и послала копию с него моей госпоже якобы от имени Саломеи; когда [Ирод] прочитает это письмо, он наверное накажет Саломею, как злоумышляющую против его жизни». Письмо это было якобы адресовано Саломеей на имя госпожи Акмы и было по заказу Антипатра составлено от имени Саломеи, причем Акма сама сочинила его по указаниям Антипатра. Содержание его было следующее: «Акма — царю Ироду. Задавшись целью сообщать тебе решительно о всех направленных против тебя начинаниях и найдя письмо Саломеи к моей госпоже, я с личной для себя опасностью, но имея в виду твою пользу, сняла с него копию и послала тебе ее. Это письмо Саломея писала еще тогда, когда собиралась выйти замуж за Силлая. Разорви письмо, чтобы моя жизнь не подвергалась опасности». Это было написано также Антипатру, дабы он знал, что по его желанию Акма известила Ирода, будто Саломея прилагает все усилия к тому, чтобы злоумышлять против царя, и что Акма послала ему копию с подложного письма Саломеи к ее госпоже. Акма была еврейка, находившаяся в услужении у императрицы Юлии¹⁰⁶⁷. Все это она сделала в угоду Антипатру, потому что была подкуплена им ценой крупной суммы денег для того, чтобы способствовать ему в его начинаниях, направленных против его отца и тетки.

8. Ирод рассвирепел от неслыханной гнусности Антипатра и решил было немедленно казнить его как виновника такого преступления и злоумышленника, направившего все силы свои не только против него и его сестры, но и как человека, введшего смуту в семью Цезаря. К этому побуждала его также Саломея, которая била себя в грудь и предлагала казнить ее, если бы обнаружилось, что это обвинение правильно. Ирод послал за сыном и подверг его допросу, причем предложил ему без страха говорить все, что он может привести в свое оправдание. Когда же Антипатр молчал, царь просил его, так как все равно он по всем пунктам изобличен, по крайней мере не скрывать от него имен своих сообщников по преступлению.

Антипатр взвалил всю вину на Антифила, но больше не выдал никого. В гневе Ирод решил отправить сына к императору в Рим, чтобы он там дал ответ в своих страшных замыслах. Но затем он побоялся, как бы Антипатру не удалось при помощи друзей избежать угрожающей

ему опасности, и потому по-прежнему велел держать его в темнице в оковах, сам же послал новых послов с письменным обвинением против сына, сообщил, в какой мере Акма является соучастницей в преступлениях Антипатра, и приложил к этому копии писем.

1. Посланные, получив инструкции о том, что говорить на вопрос [императора], и снабженные письмами, поехали в Рим. Царь же тем временем заболел и составил новое завещание, в котором, из ненависти к сыновьям Антипатра, Архелаю и Филиппу, за козни их отца, предоставлял престол младшему своему сыну¹⁰⁶⁸; кроме того, он оставлял императору тысячу, жене его Юлии, его детям, друзьям и вольноотпущенникам пятьсот талантов. Вместе с тем он назначил в завещании также сыновьям и внукам своим денежные суммы, ренты и земельные наделы. Сестру свою Саломею он наградил особенно щедро, ибо она всегда оставалась ему верна и никогда не решалась злоумышлять против него. Так как царь отчаивался в своем выздоровлении (ему было уже около семидесяти лет), то он стал особенно раздражителен против всех и легко сердился. Причиной такому раздражению его служило предположение, что все его презирают и народ радуется постигнутому его горю, тем более, что некоторые из более влиятельных в глазах народа лиц восстали против него по следующему поводу:

2. Иуда, сын Сарифея, и Матфий, сын Маргалофа¹⁰⁶⁹, считались самыми красноречивыми и наиболее опытными знатоками иудейских законов; эти люди пользовались большим расположением в глазах народа за то, что они воспитывали юношество (все, кто желали усовершенствоваться в добродетели, бывали у них ежедневно). Узнав, что теперешняя болезнь царя неизлечима, они побудили юношество уничтожить все начинания царя, противоречившие основным древним законам, и начать борьбу благочестия за эти законы. Благодаря дерзким нововведениям царя, говорили они, и противоречию этих нововведений основному закону его и постигли не только неслыханные для обыкновенного человека несчастья, но и сама болезнь его является последствием этого. Действительно, Ирод кое в чем нарушил закон, в чем его и могли упрекать последователи Иуды и Матфия. Так, например, царь воздвиг над главным фронтоном храма очень дорогой жертвенный дар в форме огромного золотого орла¹⁰⁷⁰. Между тем закон возбраняет своим последователям постановку статуй и вообще изображений живых существ. Учителя потребовали снятия этого орла, причем говорили, что если тут и есть опасность, то людям, которые собираются пожертвовать жизнью для спасения и сохранения родных обычаев, приходится значительно выше удовольствий жизни ценить свою доблесть, потому что они тем самым создадут себе вечную славу как теперь, так и впоследствии: их жизнь будет всегда вспоминаться с уважением. Ведь и тем, кто беспрепятственно и спокойно живет теперь, придется неизбежно когда-либо умереть, и поэтому все, кто стремится к самоусовершенствованию, должны твердо решиться расстаться с жизнью со славой и почетом. Ведь великое успокоение заключается в том, что умираешь, совершая славные подвиги, связанные с опасностью, и в таком случае как сыновья умирающих, так и все родственники их, мужчины и женщины, делаются участниками их славы.

3. Такими речами Иуда и Матфий возбуждали молодежь; в это время до них донесся благоприятный им слух, будто царь скончался. Поэтому они в полдень отправились к храму, сорвали на глазах у множества бывшего в храме народа золотого орла и разрубили его на куски. Царский военачальник (которому немедленно сообщили об этом деле) посмотрел на это серьезнее, чем бы следовало, и явился во главе значительного отряда, достаточного для того, чтобы дать отпор черни, собиравшейся снять священное изображение. Он совершенно неожиданно напал на толпу; как это обыкновенно бывает, чернь решилась на свою решительную попытку скорее необдуманно, чем по здравом рассуждении, и потому пришла в замешательство и совершенно не знала, что ей делать. Поэтому военачальнику удалось

захватить не менее сорока юношей, которые смело остались на месте, когда остальная толпа бежала, а также взять в плен Иуду и Матфия, считавших позорным бежать при его появлении; он представил их царю. Когда их привели и царь спросил их, почему они осмелились уничтожить им воздвигнутый жертвенный подарок, они отвечали: «То, что мы задумали, мы решили исполнить и исполнили все так, как подобает настоящим мужчинам. Мы желали оградить святилище, которое посвящено Господу Богу, тем более, что укрепило нас в нашем решении постоянное ознакомление с законом. Нет ничего удивительного в том, что мы выше оценили те законы, которые преподал нам Моисей и которые он по указанию Предвечного оставил нам записанными, чем твои постановления. Мы с удовольствием подвергнемся смерти и какому угодно наказанию с твоей стороны, потому что сознаем, что мы подвергнемся этому не за преступные деяния, но за любовь к истинному благочестию». То же самое сказали все они и доказали на словах такую же решимость, которая заставила их и действовать.

Тогда царь велел заковать их в оковы и послать в Иерихон, куда он созвал всех влиятельных иудеев. Когда последние съехались, царь пригласил их в амфитеатр. Там, лежа на постели и не будучи более в силах держаться на ногах, он принялся перечислять все свои заслуги перед ними, упомянул, с какими расходами он построил храм, чего не могли сделать в течение своего стадвадцатилетнего царствования Хасмонеи, и сказал, что он соорудил его во славу Предвечному и украсил его драгоценными приношениями, память о которых, как он надеется, и слава которых останется за ним и после смерти. Затем он возвысил голос и начал кричать, что они еще при его жизни не стесняются оскорблять его, что днем на виду у всех нагло прикасаются к его жертвенным дарам и что, хотя как будто все это направлено против него лично, если присмотреться поближе, на деле тут совершенно простое святотатство.

4. Боясь, как бы Ирод в своей жестокости не расвирепел на них и не сделал бы их ответственными за происшедшее, все присутствующие стали утверждать, что все это произошло помимо их ведома и что, по их мнению, этого дела нельзя оставить безнаказанным.

Ирод обошелся с ними вообще довольно мягко, но сместил с должности первосвященника Матфия, как отчасти виновника всего случившегося, и назначил первосвященником брата жены своей, Иозара. При этом же первосвященнике Матфии случилось, что на один день был назначен другой первосвященник, именно на один из дней постных. Произошло это дело таким образом: накануне постного дня Матфий видел во сне, будто бы он общается с женой. Так как он в силу этого лишился возможности отправлять свои священнические обязанности, то его заместил его родственник Иосиф, сын Эллина.

Итак, Ирод сместил первосвященника Матфия, а другого Матфия, который поднял бунт, вместе с несколькими товарищами велел сжечь живьем. В эту ночь произошло лунное затмение.

5. Между тем болезнь Ирода все ухудшалась, так как Господь Бог наказывал его за все его беззакония. То был медленный огонь, который был не столько заметен наружно, сколько свирепствовал у него внутри тела; к этому присоединялось еще страстное, непреодолимое желание оторвать у себя какой-нибудь член тела.

Его мучили также внутренние нарывы, особенно же страшные боли в желудке; ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью. Такая же болезнь постигла и низ его живота; на гниющих частях появлялись черви; когда он хотел подняться, дыхание причиняло ему страшные страдания как вследствие зловония, так и вследствие затруднительности своей; всего его охватывали судороги, причем царь обнаруживал неестественную силу. Богобоязненные люди, которые по своим знаниям умели объяснять такие явления, говорили, что теперь Предвечный наказывает царя за его великие беззакония. Между тем больной, страдая более всякого другого, все еще надеялся на выздоровление, посылал за врачами и не переставал в точности пользоваться всеми предписываемыми ими средствами. Переправившись через

Иордан, он даже погрузился в горячие ключи Каллирои¹⁰⁷¹, которые вообще очень целебны и содержимое которых годно для питья. Вода этих ключей стекает в так называемое Асфальтовое (Мертвое) море. Тут врачам показалось, будто он поправляется; но когда царь сел в ванну, наполненную маслом, он чуть не умер на глазах их. Ирод пришел в себя лишь от громких криков слуг. Теперь он уже потерял всякую надежду на выздоровление и потому приказал выдать каждому солдату по пятидесяти драхм. Вместе с тем он распорядился выдать крупные награды военачальникам и друзьям своим. Затем он вернулся назад в Иерихон, и тут желчь так возбудила его против всех, что он перед самой смертью выдумал следующее страшное дело: когда, по его приказанию, явились отовсюду все наиболее влиятельные иудеи (это была страшная масса людей, потому что все повиновались предписанию, ибо ослушникам угрожала смертная казнь), царь, в одинаковой мере возбужденный как против невинных, так и против виновных, приказал всех их запереть в ипподроме. Затем он послал за своей сестрой Саломеей и ее мужем Алексой и сказал им, что он скоро умрет, так как его страдания неимоверны. Конечно, это вполне естественно и бывает со всеми, но его особенно огорчает, что он умрет и никто не станет оплакивать его и скорбеть о нем в такой мере, в какой это было бы прилично, так как он ведь царь.

Ему прекрасно известно настроение иудеев, и он знает, насколько желательна и приятна им смерть его, так как они еще при его жизни устроили бунт и нагло отнеслись к его жертвенным дарам. Поэтому, говорил он, теперь их дело придумать для него какое-нибудь облегчение его страданий. Итак, если они (Саломея и ее муж) не откажутся помочь ему, то ему будут устроены такие пышные похороны, каких не удостоился еще никто из царей, и тогда весь народ обуяет искренняя скорбь, между тем как теперь народ этот издевается и смеется над ним. Поэтому, когда они (Саломея и ее муж) удостоверятся в его смерти, пусть они распорядятся окружить ипподром войсками, которым, однако, не следует пока сообщать о его кончине (это можно будет возвестить народу после исполнения его воли) и прикажут им перестрелять заключенных в ипподроме людей. Тем, что они таким образом умертвят всех, они окажут ему двойную услугу, во-первых, тем, что в точности исполняют выраженное им перед смертью желание, а во-вторых, тем, что в таком случае народ почитит его искренним горем. Ирод умолял их об этом со слезами на глазах, прося их сделать это из родственного чувства к нему и из любви к Господу Богу. Так как он настаивал на том, чтобы они оказали ему эту честь, те обещали в точности исполнить его желание.

6. Если кто-либо вздумает объяснять прежние поступки этого человека относительно родных тем, что он совершил их из привязанности к жизни (и боязни умереть), то это его приказание является окончательно бесчеловечным, так как он, покидая жизнь, желал повергнуть весь народ в горе вследствие утраты самых дорогих ему лиц. Ведь он приказал умертвить из каждого дома по одному человеку, притом без того, чтобы эти лица совершили что-либо незаконное или обвинялись в каком-нибудь преступлении; все, кто ценит добродетель, обыкновенно в такие минуты забывают свою ненависть к действительным врагам своим¹⁰⁷².

1. Пока Ирод давал это поручение родственникам своим, было получено письмо от отправленных им к римскому императору послов. Сущность этого письма сводилась к тому, что Цезарь в гневе велел казнить Акму за ее участие в преступлениях Антипатра; последнего же он вполне отдавал в распоряжение Ирода, как отца и царя, и предоставлял царю право либо изгнать его из страны, либо казнить. Услышав это, Ирод немного оправился от своих страданий, потому что письмо доставило ему удовольствие; особенно же он был доволен казнью Акмы и предоставлением ему права по личному усмотрению распорядиться с Антипатром. Но так как вскоре страдания его опять возобновились со страшной силой, он в изнеможении захотел съесть чего-нибудь и потребовал себе яблока и ножа.

И раньше он обыкновенно сам срезал с яблок кожу и ел плод, нарезав его небольшими кусочками. Взяв нож и оглянувшись, он вдруг вздумал пронзить себя им. Он, наверное, привел бы это намерение в исполнение, если бы его не предупредил его двоюродный брат Ахиаб¹⁰⁷³, который схватил его за руку. Он громко закричал, и сейчас же по всему дворцу раздались крики и громкие стенания, как будто царь уже умер. Ввиду этого Антипатр, убежденный в смерти отца, воспрянул духом, рассчитывая теперь выйти на волю и немедленно захватить в свои руки царскую власть. Он тотчас вступил в переговоры с тюремщиком, обещая ему большую награду сейчас и впоследствии и указывая на то, что теперь наступил момент действовать решительно. Однако тюремщик не только не склонился на просьбы Антипатра, но и сообщил царю весьма красноречиво о его планах. Ирод, который и раньше не был расположен к сыну, услышав это сообщение тюремщика, громко возопил и стал биться головой об стену, несмотря на то, что лежал уже при последнем издыхании. Затем он оперся на локоть и приказал послать нескольких копьеносцев, не откладывая умертвить Антипатра и похоронить его без всяких почестей в Гиркании.

1. Ирод изменил свое первоначальное решение и вновь переделал свое завещание. Антипе, которого он сперва назначил своим преемником на царском престоле, он отдал тетрархию в Галилее и Перее, Архелая он провозгласил своим преемником, а области Гавланитиду, Трахонею, Батанею и Панеаду оставил в виде тетрархии Филиппу, сыну Архелая, царского брата¹⁰⁷⁴. Ямнию, Азот, Фазаелиду он предоставил сестре своей Саломее, которая получила сверх того пятьсот тысяч серебряной монеты. Царь подумал также о всех остальных родственниках своих и, дав каждому из них денежные суммы и значительные ренты, сделал их всех богатыми людьми. Императору он завещал десять миллионов серебряников, кроме различной золотой и серебряной утвари и весьма драгоценной одежды, а жене его Юлии и некоторым другим лицам он оставил по пятьсот тысяч. Затем он умер, спустя пять дней после казни Антипатра, процарствовав тридцать четыре года после умерщвления Антигона и тридцать семь лет после провозглашения своего царем со стороны римлян. Это был человек, одинаково жестокий ко всем, необузданный в гневе, попиравший справедливость, но притом пользовавшийся большей удачей, чем кто-либо иной. (Ведь он, исходя из простого звания, добился царского сана и, несмотря на тысячи опасностей, всегда ускользал от них, сумев при этом дожить до преклонного возраста¹⁰⁷⁵.) Что же касается его домашней обстановки и его сыновей, то и здесь все соответствовало его личным желаниям и стремлениям, потому что он мог радоваться тому, что сумел совладать с ними, как со своими врагами. Мне, однако, он и в этом отношении представляется человеком крайне несчастным.

2. Между тем Саломея и Алекса выпустили заключенных в ипподроме на свободу раньше, чем стало известно о смерти царя. При этом они сказали, будто сам царь распорядился, чтобы они вернулись к себе домой к делам своим. Этим они оказали народу крупное благодеяние. Когда весть о смерти царя распространилась повсюду, Саломея и Алекса собрали войско в иерихонский амфитеатр и тут сначала прочитали ему послание Ирода к воинам, где царь благодарил последних за верную преданность и просил их так же отнестись и к его сыну Архелая, которого он назначает своим преемником. Затем Птолемей, которому был доверен царский перстень с печатью, прочитал завещание; последнее, впрочем, не иначе вступало в законную силу как с утверждения императора. По прочтении завещания немедленно поднялись громкие клики в честь [нового] царя, Архелая; воины по отдельным частям, предводительствуемые своими начальниками, присягнули ему на верность и преданность и призвали Господа Бога в хранители царя.

3. Затем состоялись похороны царя, причем Архелай озаботился устроить их как можно пышнее и не щадил средств, чтобы придать им в честь усопшего больше блеска. Тело умершего покоилось на золотом ложе, усеянном разнообразными драгоценными камнями; покров был пурпуровый, и тело покойного было облачено в багряницу; на голове его покоилась диадема¹⁰⁷⁶, поверх которой был надет золотой венец; в правой руке находился скипетр. Около ложа шли сыновья умершего и масса его родственников; за ними следовало войско по отрядам сообразно своей национальности: сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов, все в полной походной форме. За ними следовало уже все остальное войско, предводительствуемое своими лохагами¹⁰⁷⁷ и таксиархами¹⁰⁷⁸ и снаряженное как бы на войну. Затем шли пятьсот служителей, несших курения. Вся процессия прошла [таким образом] восемь стадий до Иродиона, где, сообразно повелению покойного, и состоялось его погребение.

4. Так умер Ирод. Архелай справил в честь отца, как того требовал обычай, семидневный траур, затем угостил своих друзей и, отменив траур, направился в храм. Везде на пути его

приветствовали кликами радости и прославлениями, так как все наперебой друг перед другом старались высказать ему свои благопожелания. Затем Архелай взошел на устроенное возвышение, снабженное золотым тронном, и обратился с приветственной речью к народу, выражая ему свое удовольствие по поводу его расположения к нему, которое высказалось в его благопожеланиях; вместе с тем он благодарил собравшихся, что они предали забвению все несправедливости, совершенные относительно их его отцом, и обещал приложить все старания, чтобы воздать им добром за их к нему расположение. При этом Архелай сказал, что он пока не принимает титула царя, потому что тогда только будет иметь на него право, когда император утвердит завещание отца его. По этой же причине он отклонил и желание иерихонского войска, собиравшегося возложить на него диадему; он-де отлично понимает неуместность такой почести, потому что еще не удостоился официального утверждения со стороны императора. Когда же он достигнет власти, то приложит все свое старание, чтобы вознаградить их за расположение к нему; он постарается доказать им, что хочет быть во всех отношениях и для всех лучше отца своего. Как это обыкновенно бывает с толпой, последняя была уверена, что люди, достигшие высокого положения и власти, в первые же дни выказывают весь свой характер; поэтому, поскольку Архелай говорил мягко и любезно с народом, постольку же чернь еще более превозносила его похвалами, а затем стала требовать себе всяких льгот: одни громко требовали, чтобы им облегчили ижежегодные налоги, другие просили освободить узников, заключенных Иродом в темницы (там их давно томилось множество), были, наконец, и такие, которые требовали отмены налогов, безжалостно взимающихся со всего покупаемого и продаваемого на рынках. Считая весьма важным для себя с самого начала заслужить расположение народа, нужное для утверждения его во власти, Архелай нисколько не отклонял этих просьб, но начал с полной готовностью исполнять все эти желания народа. Затем он принес жертву Предвечному и отправился обедать со своими друзьями.

1. В это время некоторые иудеи, собравшись для того чтобы совершить попытку к восстанию, стали громко оплакивать Матфия и его умерщвленных Иродом товарищей, которые из страха народа перед последним до сих пор не удостоились еще чести быть погребенными; эти люди были приговорены к казни за снятие золотого орла [с храма]. И вот бунтовщики с криками и воплями стали поносить царя, как будто бы это могло облегчить положение казненных. Собравшись на сходку, они потребовали, чтобы Архелай наказал всех тех лиц, которые пользовались особым благоволением Ирода, а раньше всего сместил назначенного Иродом первосвященника и заменил его более сведущим в законах и более порядочным человеком. Хотя Архелай и был очень обеспокоен этим их движением, однако постарался успокоить их, имея в виду поскорее отправиться в Рим и там гарантировать себе поддержку со стороны императора. Поэтому он выслал к ним одного из своих военачальников с приказанием уговорить их, указать им, чтобы они оставили свою неразумную в данный момент затею и приняли во внимание, что смерть, постигшая их друзей, была вполне законной; вместе с тем военачальнику было поручено доказать им, что в их требованиях много оскорбительного и что современные обстоятельства требуют на первом плане единодушия, пока Архелай не вернется к ним обратно с утверждением в сане царя со стороны императора. Тогда он готов обсудить с ними совместно их требования, пока же просит воздержаться от дальнейших манифестаций, чтобы не навлечь на себя названия бунтовщиков.

2. Такое поручение царь дал военачальнику и отпустил его затем к народу. Бунтовщики, однако, кричали и не дали военачальнику промолвить слова; они угрожали смертью ему, равно как всякому, кто бы вздумал уговорить и остановить их в их намерениях; при этом они придавали больше значения своим собственным желаниям, чем требованиям начальников, считая безобразным, что если они при жизни Ирода лишились друзей своих, не имеют, после его смерти, возможности отомстить своим врагам. В своем крайнем озлоблении они считали законным и справедливым всякий приятный им поступок, совершенно игнорируя связанную с этим для них опасность; если кому-нибудь из них и приходила в голову такая мысль, то он предпочитал насладиться скорее чувством мщенья своим злейшим врагам, чем думал о возможных последствиях этого мщенья. Несмотря на то что Архелай высылал к ним для переговоров несколько лиц и некоторые сами, без его приказа, от себя пытались успокоить недовольных, последние никому не дали говорить. Напротив, они страшно рассвирепели и подняли целый бунт; при этом было очевидно, что они решатся на крайние меры, если к ним присоединится побольше простонародья.

3. В это время наступил праздник, в который иудеям древним законом предписано есть опресноки. (Этот праздник носит название Пасхи, служа напоминанием их удаления из Египта; эти дни иудеи празднуют особенно охотно, и у них в обычае приносить тогда больше жертв, чем в какой-либо другой праздник; в это же время на поклонение Всевышнему стекается в город бесчисленная масса жителей не только из пределов их собственной страны, но и из-за границы.) И вот бунтовщики, оплакивавшие смерть законоучителей Иуды и Матфия, также собрались в храме, где у них всего было вдоволь, потому что им не было стыдно выклянчивать себе запасы у других. Тогда Архелай, опасаясь, как бы эти люди в своем ослеплении не решились на опасные меры, выслал к ним отряд тяжеловооруженных под командой хилиарха¹⁰⁷⁹ с предписанием сдерживать пыл бунтовщиков раньше, чем к ним присоединится и ими будет увлечена слишком большая часть народа. При этом царь приказал привести к нему всех тех, кто обнаружил бы слишком большое увлечение беспорядками. На этих солдат руководители бунта и масса

простонародья набросились с яростью, крича и ободря друг друга, окружили их и закидали большинство их камнями. Спаслись бегством лишь немногие из солдат и их военачальник, но все они были ранены. Затем, совершив это, бунтовщики вновь принялись за жертвоприношения. Между тем Архелай стал опасаться за целостность своего царства, если не подавить этого волнения народа. Поэтому он выслал все свое войско, а также кавалерию, предписав последней воспрепятствовать тому, чтобы заключенным в храме была оказываема какая-либо поддержка со стороны расположившихся вне святилища, а также ловить тех, кто избегнет рук пехоты и считал бы себя уже в безопасности. Таким образом всадники перебили до трех тысяч человек; остальные ушли на ближайšie возвышенности. Затем Архелай велел возвестить всем, что разрешает им вернуться к делам своим. Тогда эти люди оставили празднование Пасхи и возвратились домой, боясь всяких осложнений, хотя они [вначале] и выказали, благодаря своей необразованности, такую дерзость.

После этого Архелай в сопровождении своей матери ¹⁰⁸⁰, Птолемея, Николая и многих друзей отправился в морское путешествие, поручив заведование всеми домашними и государственными делами своему брату Филиппу. Вместе с ним поехала также Саломея, сестра Ирода, со всей многочисленной родней своей, под предлогом поддержать Архелая в его утверждении царем, на деле же с целью противодействовать ему в этом и особенно для того, чтобы поднять шум из-за случившегося в храме. В Кесарии с Архелаем встретился Сабин, сирийский уполномоченный императора, отправлявшийся в Иудею, чтобы арестовать денежные суммы Ирода. Однако от этого намерения удержал его прибывший туда Вар, которого с этой целью Архелай специально пригласил через Птолемея. В угоду Вару Сабин воздержался от занятия иудейских крепостей и от опечатания казны, которую предоставил в распоряжение Архелая до принятия соответствующего решения со стороны императора. Сам он остался в Кесарии, обещав это Архелаю. Когда же Архелай отплыл в Рим, а Вар вернулся в Антиохию, Сабин двинулся на Иерусалим и занял царский дворец. Затем он послал за начальниками гарнизонов и всеми чиновниками и прямо потребовал от них отчета, распоряжаясь по личному усмотрению судьбой укреплений. Однако чиновники не ослушались ни в чем приказаний Архелая, удержали у себя все, что им доверил царь, и сослались на то, что они берегут все для императора.

4. В то же самое время отправился в Рим также другой сын Ирода, Антипа, имея в виду со своей стороны выступить претендентом на престол. Он был побужден к тому Саломеей, которая убедила его, что он имеет больше прав на престол, чем Архелай, так как он был объявлен царем в первом завещании, которое имеет более законной силы, чем написанное впоследствии. Его сопровождали его мать и Птолемей, брат Николая, который раньше принадлежал к числу наиболее влиятельных друзей Ирода, а теперь был близок к нему. Особенно же сильно побуждал Антипу домогаться престола некий Иреней, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и достигший благодаря этому своему недюжинному таланту высокого общественного положения. Поэтому Антипа и не внимал советам тех, которые уговаривали его уступить своему старшему брату Архелаю, вдобавок назначенному царем в самом завещании Ирода.

Когда Антипа прибыл в Рим, все родные стали на его сторону, впрочем, не из расположения к нему, но из ненависти к Архелаю, особенно же оттого, что все они жаждали свободы и желали быть подчинены римскому наместнику. Если бы, однако, тут вышла задержка, то они считали для себя более выгодным поддерживать Антипу, чем Архелая, и потому всячески отстаивали интересы первого. Вместе с тем и Сабин прислал Цезарю письменное обвинение против Архелая.

5. Архелай, со своей стороны, представил императору прошение, в котором излагал свои

притязания и, приложив к этому завещание отца, равно как послав к Цезарю Птолемея с перечнем Иродова имущества и перстня, стал ожидать исхода своего дела. Император прочитал бумаги его и письма Вара и Сабина, удостоверился в состоянии имущества Ирода и в егоежегодных доходах, а также внимательно разобрал все доводы Антипы относительно его прав на царский престол. Затем он собрал для обмена мыслей своих друзей, и в том числе Гая, сына Агриппы и его дочери Юлии¹⁰⁸¹, который пользовался у него большим влиянием и которого он считал своим первым советником. Всем желающим высказаться относительно настоящего положения дел император предоставил это право. Первым выступил с речью Антипатр, сын Саломеи, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и весьма враждебный Архелая. Он сказал, что притязания Архелая на престол являются насмешкой, потому что Архелай на самом деле вполне воспользовался царской властью раньше, чем его утвердил в этом сане император; при этом он укорял его в том, как дерзко он распорядился с умерщвленными во время праздника, наказание которых ему, даже если бы те были действительно виновны, надлежало бы предоставить власть имущим, а не оставлять это право за собою: если он тут действовал как царь, то он оскорбил императора, не зная еще, как тот относится к нему; если же он действовал как частное лицо, то это еще хуже, так как нельзя иметь притязания на какое-либо право и на утверждение в нем, если отнял у самого Цезаря принадлежащее ему одному право. Вместе с тем он обвинил Архелая также в том, что тот уволил некоторых военачальников, что самовольно сел на царский престол, что он, как настоящий царь, постановлял решения и соглашался на требования лиц, предъявивших ему свои притязания официально, и что он вообще держал себя так, как только мог себя держать человек, уже утвержденный Цезарем в сане. При этом он поставил ему также на вид, что Архелай выпустил лиц, заключенных в ипподроме, и присоединил к этому еще многое, что отчасти было верно, отчасти по самому существу своему могло случиться вследствие того, что слишком молодые люди злоупотребляют властью из честолюбия. Равным образом он укорял его в недостаточном уважении к памяти отца, указывая, будто Архелай задал пир в ту самую ночь, когда скончался Ирод, следствием чего и явилась попытка народа устроить бунт. Если, продолжал он, Архелай так отплатил мертвому отцу своему, который оказал ему столько благодеяний и притом таких значительных, днем притворно обливался слезами, как актер, а ночью предавался всяким удовольствиям, которые были ему доступны вследствие его высокого положения, то ясно, что Архелай таким же точно образом поступит и относительно Цезаря, если тот утвердит его во власти, как он поступил и относительно отца своего: ведь он танцует и поет, как будто бы умер его враг, а не ближайший родственник и вдобавок благодетель. Весьма странным поступком со стороны Архелая является и то обстоятельство, что он теперь прибыл к Цезарю с просьбой утвердить его на престоле, после того как раньше сделал все, на что уполномочить его могло лишь признание его верховным властителем. Особенно же ярко он описывал преступное избиение людей в святилище, подробно рассказал, как они при наступлении праздника были перерезаны наподобие жертвенных животных (причем в числе их находилось несколько чужестранцев, остальные же были туземцами), как храм наполнился мертвыми телами. Он подчеркивал, что такое злодеяние было совершено не иноземцем, но человеком, облеченным священным именем царя, и было сделано им для того, чтобы удовлетворить ненавистную и прирожденную всем людям страсть к тираническому своеволию. Поэтому-то отцу и во сне никогда не снилось сделать такого человека своим преемником на престоле: ведь Ироду был известен характер Архелая. При этом оратор указал на то, что и по смыслу завещания преимущество принадлежит Антипе, которого отец назначил своим преемником на троне тогда, когда он еще не страдал ни физически, ни душевно, но был в полном владении своими умственными силами и настолько здоров, что мог сознательно

управлять и распоряжаться всеми своими делами. Впрочем, если бы отец Архелая в прежнем своем завещании распорядился относительно его так же, как в последнем, то ясно, каким бы царем мог стать Архелай, который уже теперь пренебрег императором, тогда как от последнего только и зависит его утверждение в сане, и который, будучи еще частным человеком, не задумался перерезать своих сограждан в храме.

6. Сказав все это и скрепив свою речь свидетельскими показаниями целого ряда тут же находившихся родственников, Антипатр смолк. Тогда в качестве представителя интересов Архелая поднялся Николай¹⁰⁸² и начал говорить, что все случившееся в храме скорее должно быть приписано самовольному поведению пострадавших, чем властным распоряжениям Архелая; ведь лица, решающиеся на такие предприятия, не только поступают гнусно с теми, кого они возбуждают, но и принуждают к насильственным мерам людей совершенно спокойных. Вполне ясно, что бунтовщики восстали на словах как бы против Архелая, в действительности же против императора. Ведь они напали на высланных вполне своевременно Архелаем воинов, которые должны были остановить их в дерзком начинании, и перебили их, не принимая во внимание ни близости Предвечного, ни святости праздника. За таких-то людей Антипатр выступил теперь ходатаем, потому ли, что желает насытить вражду свою к Архелая, или оттого, что ненавидит голую истину. «Те, кто приступают неожиданно к насильственным действиям, именно и являются лицами, принуждающими других даже против воли братья за оружие для ограждения своей безопасности». Вместе с тем оратор привел целый ряд других возражений против доводов обвинителей, которые сами находились в числе советчиков [Архелая]: ничто, что облекается в форму обвинения, не произошло помимо их ведома. Впрочем, все это само по себе и не является преступным, но выставляется теперь таковым для того лишь, чтобы повредить Архелая, ибо таково уже у них желание насолить родственнику, который оказал крайне важные услуги отцу своему, а по отношению к ним всегда выказывал родственные чувства и обходился с ними гуманно. При этом царь Ирод составил свое завещание в полном обладании умственными способностями, и это второе завещание уже потому действительнее первого, что царь предоставил Цезарю, как верховному правителю, право утвердить его по всем пунктам. [Я убежден, что] Цезарь никоим образом не последует примеру тех дерзких людей, которые, пользуясь всеми благами власти при жизни Ирода, теперь во всем нагло противодействуют его желаниям, причем не имеют даже права считать себя такими его слугами (каким является Архелай). Ведь Цезарь и не подумает нарушить последнюю волю человека, который постоянно и во всем следовал его указаниям, был его другом и сотрудником и написал свое завещание в уповании на его лояльность. Император по своей доблести и верности, которые известны всему миру, не последует примеру этих гнусных людей и не признает сумасбродным безумцем человека и царя, который назначил преемником своим достойного сына и в этом вполне уповал на преданность Цезаря. Ирод не мог ошибиться в выборе своего наследника, если он был настолько рассудителен, что решил все это оставить на утверждение императора.

7. Этим словом Николай закончил речь свою, Архелай же бросился к ногам Цезаря. Последний велел ему подняться и сказал, что он считает его вполне достойным престола. Этим он в достаточной мере ясно высказал свое личное на этот счет мнение и доказал, что он поступит совершенно сообразно завещанию и вполне примет во внимание интересы Архелая. Сейчас, впрочем, он не решил дальнейшего образа своих действий, но удовлетворился тем, что удостоверился в полном успокоении Архелая. Распустив затем собрание, император стал обсуждать вопрос о том, утвердить ли на престоле Архелая, или распределить эту власть между всеми представителями Иродовой семьи, которая ведь также нуждалась в поддержке.

1. Пока, однако, император постановлял какое бы то ни было решение, мать Архелая, Малтака, заболела и умерла, а от сирийского наместника Вара было получено письмо, в котором он извещал о бунте иудеев. Дело в том, что после отплытия Архелая народ стал волноваться; сам Вар приехал, жестоко наказал зачинщиков восстания, по силе возможности успокоил волнующихся и возвратился в Антиохию, оставив в Иерусалиме один легион для подавления всякой попытки иудеев к восстанию. Впрочем, ему не вполне удалось подавить возмущение. Дело в том, что по отъезде Вара императорский наместник Сабин, оставшийся на месте, стал сильно удручать восстающих, рассчитывая на то, что при помощи оставленного ему войска он справится с ними и с народом. Он окружил себя значительным числом телохранителей, чем возбуждал лишь иудеев и побуждал их к возмущению. При этом он пытался насильно овладеть укреплениями и в своей алчности и своем корыстолюбии всецело предавался разысканию царских сокровищ.

2. При наступлении Пятидесятницы (так называется один из наших праздников) огромные толпы народа собрались в город не только с целью помолиться, но и для того, чтобы выразить свое негодование по поводу насилий Сабина; много явилось также галилеян, идумеян, иерихонцев, а также жителей Заиорданья; к ним присоединилось огромное множество иудеев, которые сильнее других пылали желанием отомстить Сабину. Все собравшиеся разбились на три отряда и расположились каждый отдельно, причем одни заняли ипподром, а из прочих двух отрядов один расположился вдоль восточной, южной и северной сторон святилища, а другой вдоль западной стороны, где находился царский дворец. У них были сделаны приготовления для осады отовсюду окруженных ими римлян. Сабин испугался такой массы врагов и опасался вспышки со стороны мужей, которые предпочли умереть, чем подчиниться, и всю свою доблесть полагали в победе; поэтому он немедленно послал Вару письмо и настоятельно просил его тотчас же поддержать его в крайней опасности, угрожающей оставленному им войску; он писал ему о возможности быть вскоре захваченными в плен и перебитыми. Сам он занял высокую башню крепости, так называемую Фазаелеву башню, воздвигнутую в честь Иродова брата Фазаеля и получившую свое название после убиения Фазаеля парфянами, и дал знак римлянам выступить против иудеев; и в то время как сам он не решался спуститься к друзьям своим, он считал возможным, чтобы другие умирали за него и за его любостяжание. Когда римляне рискнули сделать вылазку, произошел ожесточенный бой, в котором римляне одержали верх над врагами. Однако, невзирая на такое бедствие и несмотря на массу павших, иудеи не переставали сохранять мужество. Они сделали обход и взобрались на крыши галерей, окружающих снаружи храм; тут снова возгорелся ожесточенный бой, причем иудеи бросали сверху камни, либо прямо руками, либо из пращей; они были на это мастера. К ним также присоединились все стрелки¹⁰⁸³, которые наносили римлянам значительный урон, потому что успели занять более возвышенную позицию и были недостижимы для неприятельских дротиков, тогда как сами имели крупные преимущества перед врагами. В таком виде бой продолжался значительное время. Наконец римлянам надоело все это, и они, незаметно от иудеев, взобравшихся на крыши галерей, подожгли эти галереи. Так как они при этом кидали в огонь много горючего материала, то пламя быстро охватило крышу, деревянные части которой, особенно благодаря наличности массы смолы и воска, равно как покрытой лаком позолоты, вскоре были объаты пламенем. Таким образом, это великое и дивное сооружение превратилось в ничто, а находившиеся на крыше нашли тут нежданно свою гибель. Когда крыша рухнула, многие упали вместе с ней в огонь, других при этом застрелили враги. Отчаиваясь в своем

спасении и страшась предстоящей участи, многие сами ринулись в огонь, другие же собственноручно покончили с собой при помощи своих мечей. Те, наконец, которые пытались спастись тем же путем, каким взобрались на крышу, были все перебиты римлянами вследствие своей безоружности, своего отчаяния и потери мужества, в которую их ввергала безоружность. Таким образом, ни один из тех, которые взобрались на крышу, не спасся. Римляне ринулись повсюду, где только можно было проникнуть, внутрь храма и старались овладеть богатствами последнего. При этом многое было разворовано солдатами, Сабин же унес на глазах у всех четыреста талантов¹⁰⁸⁴.

3. Иудеи были огорчены несчастьем, постигшим павших в битве друзей, а также похищением сокровищ. Тем не менее, однако, они заняли царский дворец всеми своими наиболее дельными и храбрыми воинами и угрожали поджечь дворец и перебить всех; при этом они предлагали римлянам скорее удалиться, обещая им и Сабину с его приверженцами в этом случае полную безопасность. Тогда большинство царских войск перешло на их сторону. Руф же и Грат, располагавшие тремя тысячами отборного и рослого войска Ирода, примкнули к римлянам. То же самое сделал и отдельный конный отряд, бывший под командой Руфа¹⁰⁸⁵. Иудеи, в свою очередь, не ослабляли осады; они подкапывали стены и кричали осажденным, чтобы те не мешали им вернуть прежнюю свою свободу. Сабину, правда, хотелось удалиться со своими воинами, но вместе с тем он не решался поверить [иудеям] вследствие учиненных над ними насилий, да к тому же его сильно сбивала неожиданная мягкость врагов. Кроме того, он ожидал прибытия Вара и потому подвергался дальнейшей осаде.

4. В это же самое время множество других волнений охватило Иудею, причем многие решились на открытую борьбу либо в надежде на личную выгоду, либо из ненависти к иудеям. Так, например, две тысячи бывших солдат Ирода, вернувшись теперь на родину, собрались в пределах самой Иудеи и начали неприязненные действия против царских приверженцев. Спротивление стал им оказывать двоюродный брат Ирода, Ахиаб, но так как более опытные в военном деле противники оттеснили его с равнины на плоскогорье, то он искал по возможности спасения в неприступных горных ущельях.

5. Был там также некий Иуда, сын могущественного атамана разбойников Иезекии, которого Ирод с большими трудностями держал в повиновении. Этот Иуда собрал около галилейского города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил все находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги. Так как он грабил и брал в плен всех, кто ему попадался на пути, то он всюду вселял ужас. При этом им руководило желание добиться высшего положения и даже царского достоинства; впрочем, он рассчитывал достигнуть этого не столько доблестью, сколько дерзким захватом.

6. Существовал тогда также один из служителей царя Ирода, некий Симон, человек красивый, огромного роста и крайне сильный, пользовавшийся доверием царя. Основываясь на беспорядочном состоянии дел, этот человек осмелился возложить на себя царский венец. Собрав себе толпу приверженцев, которые в своем безумии провозгласили его царем, и считая себя вполне достойным этого высокого сана, Симон разграбил и сжег царский дворец в Иерихоне. Равным образом он предал пожару целый ряд других дворцов в стране, причем предоставлял толпе своих приверженцев грабить их сколько угодно. Он, наверное, совершил бы еще более значительные беззакония, если бы против него не были приняты меры: Грат присоединил царские войска к римским и во главе этой рати выступил против Симона. Когда затем произошла продолжительная и ожесточенная битва, большинство приверженцев Симона, происходивших из Переи и представлявших из себя беспорядочную толпу, сражавшуюся скорее храбро, чем умело, погибло, а сам Симон, искавший спасения в бегстве по узкому ущелью,

попался в руки Грата и был им обезглавлен¹⁰⁸⁶.

Около Иордана, в Амафе, дворец был также сожжен толпой бродяг, похожих на приверженцев Симона. Таким образом, полная разнузданность овладела народом, так как у него не было своего царя, который мог бы доблестным правлением сдерживать народную массу, а прибывшие для успокоения возмущившихся иноземцы лишь подливали масла в огонь своим наглым отношением и своим корыстолюбием.

7. Вместе с тем даже некий Афронг, человек, не блиставший ни знатностью рода, ни личной доблестью, ни обилием денежных средств, всего-навсего простой пастух, отличавшийся, впрочем, огромным ростом и недюжинной физической силой, решил домогаться царской власти. Удовольствие пользоваться выдающимся положением заставляло его не дорожить даже личной жизнью и подвергнуться гибели. У него было четверо братьев, таких же рослых и сильных, как он сам. В них он рассчитывал иметь хорошую поддержку при овладении царским престолом. Так как около них собралась огромная толпа приверженцев, то каждый из братьев взял на себя командование одним отрядом. Таковы-то были его военачальники. Они помогали ему, вступая постоянно, по собственному усмотрению, в стычки.

Сам же Афронг надел на себя царский венец и держал совет относительно дальнейшего образа действий. При этом он всюду руководился лишь своим собственным мнением. В руках такого человека власть была долгое время; он назывался царем и мог невозбранно делать все, что ему было угодно. Как он сам, так и его братья сильно вредили своей жестокостью римлянам и царским войскам, питая как к тем, так и к другим сильную ненависть: последних они ненавидели за надменность при жизни Ирода, римлян же за те обиды, которые они, по их мнению, наносили им. С течением времени озлобленность их росла все более и более. Никому, кто попадался им в руки, уже не было спасения, либо вследствие их корыстолюбия, либо вследствие их любви к убийствам. Однажды они напали близ Эммауса на когорту римлян, которая везла войску хлеб в оружие. Окружив римский отряд, они закидали дротиками начальника его, Ария, и сорок лучших его пехотинцев. Испугавшись этого поражения, остальные римляне спаслись бегством, бросив трупы товарищей; им на выручку, впрочем, пришел Грат во главе царских войск, бывших в его распоряжении.

Такие стычки устраивали они в течение долгого времени, нанося римлянам немало вреда и сильно притесняя свой собственный народ. Впрочем, впоследствии все они пали, один в битве с Графом, другой в бою с Птолемеем. Старший попался в руки Архелая, и тогда последний, в горе от постигшей братьев неудачи и не видя для себя спасения вследствие своего одиночества и потери войска от переутомления, отдался, уповая на Господа Бога, в полное распоряжение Архелая¹⁰⁸⁷.

8. Все это, впрочем, произошло значительно позже, Тем временем Иудея была полна разбойничьих шаек. Где только ни собиралась толпа недовольных, она тотчас выбирала себе царя, на общую гибель. Правда эти цари наносили римлянам незначительный вред, зато свирепствовали среди своих собственных единоплеменников.

9. Лишь только Вар узнал из письма Сабина о случившемся, он стал опасаться за участь римского легиона. Поэтому он взял два остальных легиона (в Сирии их было всего три) и четыре отряда конницы, равно как вспомогательные войска, которые тогда предоставили в его распоряжение некоторые цари и тетрархи, и поспешил с ними на помощь осажденным в Иудее. Войска, высланные вперед, получили приказание спешить в Птолемаиду. Между прочим, когда он проходил через город Берит, жители дали ему вспомогательный отряд в полторы тысячи человек. Равным образом и царь Каменистой Аравии, Арета, который из вражды к Ироду сдружился с римлянами, послал ему довольно значительные пешие и конные отряды. Когда же вся рать собралась в Птолемаиде, он дал часть ее своему сыну и одному из своих друзей¹⁰⁸⁸ для

того, чтобы они начали войну с галилеянами, населявшими окрестности Птолемаиды. Было совершено нападение, и враги были обращены в бегство. Затем был занят город Сепфорис, жители его проданы в рабство, а город сожжен. Сам Вар во главе всего войска двинулся к Самарии, но не причинил этому городу никакого вреда, так как жители его не принимали участия в смутах. Тут он расположился станом в деревушке Ар, входившей в состав области Птолемея. Эту деревню подожгли арабы, побуждаемые к тому ненавистью к Ироду и потому также враждебно относившиеся ко всем друзьям последнего. Выступив отсюда, арабы разграбили и сожгли другую деревню, Самфон, которая представляла из себя довольно укрепленный и неприступный пункт. Вообще на пути их все подвергалось насилию, везде царили пожар и убийство. Таким образом, по приказанию Вара, желавшего устроить нечто вроде искупительной жертвы в память павших воинов, был подожжен и Эммаус; жители, впрочем, успели вовремя покинуть этот город. Отсюда он двинулся уже к Иерусалиму. Когда же расположившиеся у стен для осады иудеи увидели приближение его войска, то не стали дольше ждать и отступили, бросив осаду. Затем, когда Вар жестоко накинулся на иерусалимских иудеев, последние стали оправдываться тем, что стечение такой массы народа в городе объясняется наступившими праздниками и что войну следует приписать вовсе не их желанию, но дерзости пришельцев и что они вместе с римлянами скорее подвергались осаде, чем думали сами осаждать римлян. Навстречу Вару выехали Иосиф, двоюродный брат царя Ирода ¹⁰⁸⁹, Грат и Руф во главе войск своих и все осажденные римляне. Сабин, впрочем, не попадался Вару на глаза: он удалился из города к морю.

10. Потом Вар разослал по стране часть своего войска и стал ловить виновников возмущения. Когда ему указывали на таковых, он их наказывал как зачинщиков; многих, впрочем, он отпустил без наказания. Таким образом, было казнено (через пригвождение к кресту) две тысячи человек. Видя затем, что войска ему более не нужны, он распустил их, потому что они, вопреки повелениям и желаниям Вара, совершили много насилий и грабежей из любостяжания. Когда же он узнал, что вновь собралось десять тысяч иудеев, он поспешил захватить их. Впрочем, они не вступили с ним в бой, но, по совету Ахиаба, сдались Вару.

Последний простил толпе ее провинности, руководителей же ее отправил к императору. Большинство из них Цезарь отпустил безнаказанными, подвергнув казни лишь тех из участников бунта, которые принадлежали к числу родственников Ирода, потому что они, вопреки всякой справедливости, выступили против своих сородичей.

1. Устроив таким образом дела свои и оставив в Иерусалиме в качестве гарнизона прежний легион, Вар двинулся к Антиохии. Для Архелая же тем временем в Риме возникли новые осложнения по следующему поводу: с разрешения Вара в Рим прибыло посольство иудеев, просившее автономии. Этих представителей народа было всего пятьдесят; в Риме к ним присоединилось еще свыше восьми тысяч иудеев. Когда Цезарь собрал совет из своих приближенных и главных римских должностных лиц в храме Аполлона, сооруженном им с большими расходами, туда прибыли посланные в сопровождении толпы местных евреев, а также Архелай со своими друзьями. Так как родственники царя питали ненависть к Архелаяу, то, с одной стороны, они не желали поддержать его, с другой же, считали тягостным вместе с посланными выступить против него, причем понимали, насколько будет позорно в присутствии Цезаря выступать против родственников. Вместе с тем и Филипп, по совету Вара, прибыл из Сирии в Рим, главным образом для поддержания брата (к которому питал большое расположение Вар), а с другой стороны, также для того, чтобы в случае перемены порядка правления (Вар считал и это возможным, так как предвидел разделение царства вследствие множества поборников автономии) не упустить случая гарантировать и себе некоторую часть.

2. Когда было предоставлено слово иудейским посланным, собиравшимся говорить о необходимости уничтожения царской власти, они приступили к обвинению Ирода во всевозможных беззакониях; правда, они называли его царем, и он был таковым по имени, но позволял себе тиранические деяния, направленные к гибели иудеев, и не отступал перед самовольным введением различных новшеств. Существовало множество людей, которых он загубил дотоле неизвестным по своей жестокости в истории способом, а еще хуже страдания оставшихся в живых, так как он стеснял их не только лично, но и угрожал отнять у них все их имущество. Окрестные города, населенные иноземцами, он не уставал украшать за счет гибели и разорения своих собственных подданных; народ он вверг в безвыходную нищету, тогда как он застал его, за немногими исключениями, в положении благосостояния; у знати, которую он подвергал казни по самым ничтожным причинам, он отнимал имущество, тех же представителей ее, которым оставлял жизнь, окончательно лишал всех денег. Помимо того, что насильно и беспощадно взимались налоги, назначенные каждому жителю ежегодно, никогда нельзя было обойтись без взяток как ему самому, так и его приближенным, друзьям и чиновникам, которым было поручено взимание этих налогов. Иначе, если не заплатить денег, нельзя было спокойно жить. Можно обойти молчанием растление им девушек и опозорение женщин. Так как эти злодеяния совершались им в пьяном виде и без свидетелей, то потерпевшие лучше молчали, как будто бы ничего и не было, чем разносили молву об этом. Итак, Ирод выказал относительно их такое же зверство, какое могло выказать лишь животное, если бы последнему была предоставлена власть над людьми. Хотя народ претерпевал и раньше многие превратности и пертурбации, однако история не знает о таком несчастье, какое постигло народ благодаря Ироду. Поэтому-то они так охотно провозгласили царем Архелая, полагая, что, кто бы ни сел на престол, он будет все-таки мягче Ирода; поэтому они охотно несли траур по его отцу и были готовы сделать все, лишь бы расположить к себе нового царя. Последний, однако, видимо боясь показаться неродным сыном Ирода, не задумался немедленно выказать народу весь свой характер и притом в такое время, когда император еще не успел утвердить его в сане и дать ему безграничную власть. Он немедленно показал своим подданным пример той доблестной «мягкости и законности», которую желал впоследствии проявлять относительно их: первым его поступком относительно народа и Предвечного было то, что он

учинил избиеание трех тысяч единоплеменников в святилище. Как же им теперь не выказывать ему совершенно основательной ненависти, если он помимо своей жестокости еще возвел на них обвинение в незаконном сопротивлении его власти! Результат их просьбы сводится теперь к тому, чтобы освободиться от такого царства и таких правителей, слиться с населением Сирии и подчиниться посылаемым туда наместникам. Тогда-то обнаружится, действительно ли они беспокойны и добиваются смут, или же они могут быть добрыми подданными при мягких правителях.

3. Так говорили иудеи. Николай приступил к оправданию царей от возводимых на них обвинений и сказал, что они не выступали против Ирода, пока он был жив (особенно неприлично обвинять мертвого, когда имели возможность сделать это при его жизни и когда они могли добиться наказания его). Поступок Архелая он отнес на счет их собственной дерзости; они стремились к противозаконным деяниям и сами начали избивать тех, на обязанности которых лежало удерживать их от насилий; теперь они жалуются на то, что и с ними поступили так же. Вместе с тем он упрекнул их в беспокойном нраве и в том, что они находят удовольствие в возмущениях, причем их невоспитанность выражается в нежелании повиноваться справедливости и законам, так как они хотят везде занимать первенствующее место.

4. Так говорил Николай. Услышав это, император распустил собрание. Через несколько дней он назначил Архелая, правда, не царем, но этнархом половины владений Ирода, причем обещал ему почетный титул царя, если только Архелай заслужит этого своим поведением. Вторую половину он разделил на две части и отдал их двум другим сыновьям Ирода, а именно Филиппу и Антипе. Последний являлся конкурентом своему брату Архелая на всю область. Антипе достались Перея и Галилея, дававшие ежегодный доход в двести талантов. Батанея, Трахоней, Авранитида и область, носящая название «удел Зенодора», доставляли Филиппу доход в сто талантов. Остальное, именно Идумея, Иудея и Самария, достались Архелая, причем самаряне были освобождены от четвертой части налогов; император даровал им эту льготу за то, что они не приняли участия в общем восстании народа. Таким образом, Архелая были подчинены города: Стратонова башня, Себаста, Яффа и Иерусалим.

Газа, Гадара и Ипп были городами с греческим населением; император отнял их у него и включил их в состав Сирии. Архелай получал с уделенной ему области ежегодного дохода шестьсот талантов¹⁰⁹⁰.

Это досталось сыновьям Ирода из отцовского наследия. Саломее император подарил кроме того, что оставил ей по завещанию брат ее (а именно Ямнию, Азот, Фазаелиду и 500 000 серебряных монет), еще царский дворец в Аскалоне. Таким образом, ежегодный доход ее достигал шестидесяти талантов, а владения ее находились в области Архелая. Также и остальные родственники царя получили уделы, назначенные им по завещанию. Двум незамужним дочерям царя император подарил помимо того, что оставил им отец, еще по 250 000 серебряников и выдал их замуж за сыновей Ферора. Все те суммы, до полутора тысяч талантов, которые были царем завещаны самому Цезарю, он вернул сыновьям его, а себе оставил лишь несколько вещей, не столько, впрочем, вследствие их ценности, сколько на память о царе Ироде.

1. Когда Цезарь распорядился таким образом, один иудейский юноша, воспитывавшийся в городе Сидоне у некоего римского вольноотпущенника, выдал себя за сына Ирода, так как очень походил лицом на Александра, которого умертвил его отец Ирод. Это сходство было подтверждено всеми видевшими юношу. Это-то обстоятельство и побудило его добиваться царской власти. В сообщники он выбрал себе единоплеменника, человека опытного в придворных интригах, впрочем, большого негодяя, который по самой природе своей был искусным интриганом. Этого человека иудей взял себе в руководители в своем гнусном предприятии и затем объявил себя Александром, сыном Ирода, говоря, что его спрятал один из тех, кому было поручено казнить его. Последний умертвил других юношей, чтобы ввести в заблуждение присутствовавших при этом, его же и его брата Аристобула он спас. Этим он сам был окончательно сбит с толку и невольно вводил в заблуждение других. Когда он прибыл на остров Крит, то убедил в том всех иудеев, с которыми ему пришлось иметь дело. Снабженный с их стороны значительной денежной суммой, он поехал затем на остров Мелос. Тут в еще гораздо большей степени стали стекаться к нему деньги, потому что люди верили в его царственное происхождение и давали ему деньги в надежде, что он, по достижении престола отца своего, вознаградит своих благодетелей. Затем он, в сопровождении своих новых друзей, поехал в Рим и, прибыв в Дикеархею, также удачно сумел обмануть тамошних иудеев. К нему отнеслись как к царю и особенно примкнули к нему те, кто был расположен к Ироду и дружен с ним. Причиной этого служило общечеловеческое свойство, в силу которого охотно слушаешь речи человека красивого. Ему удалось вселить в людях, имевших сношения с Александром, уверенность, что он именно и есть сам царевич, так что те даже готовы были присягнуть в этом. Молва о нем достигла Рима раньше его, так что все тамошние иудеи вышли к нему навстречу. Их особенно увлекала чудесность его спасения и, когда он проезжал на колеснице по улицам, они выражали особенно бурную радость по поводу того, что он сын именно Мариаммы. Вся обстановка Александра была, за счет друзей его, поистине царская. Народ окружал его толпою, в честь его раздавались ликования, и вообще произошло все то, что обыкновенно бывает, когда, против ожидания, находится мнимо погибший.

2. Когда весть о нем дошла до императора, последний не поверил ей, так как знал, что нелегко было обмануть Ирода в столь серьезных для него делах. Однако, не будучи вполне уверен, он приказал одному из своих вольноотпущенников, Келаду, который был [когда-то] близок с царственными юношами, привести к нему Александра. Так тот и сделал, причем оказался не смысленнее прочих. Император, впрочем, не дал ввести себя в заблуждение. Сходство действительно было, но не настолько большое, чтобы можно было обмануть зоркий глаз. От тяжелой работы Лже-Александр огрубел, и тогда, как можно было бы ожидать у человека такого происхождения и получившего такое воспитание нежности кожи, последняя, напротив, на всем его теле была жестка и груба. Видя, насколько учитель и его ученик спелись в своей лжи и держали себя одинаково дерзко, император стал спрашивать мнимого Александра о судьбе спасшегося вместе с ним Аристобула и по какой причине он не явился сюда для участия в тех почестях, которые подобают лицам столь высокого происхождения. Тот сказал, что Аристобул из боязни перед опасностями моря остался на Кипре, а также для того, чтобы в случае, если Александра постигнет неудача, род Мариаммы не пресекся окончательно; тогда Аристобул, оставаясь в живых, мог бы начать действовать против своих врагов. Когда же выдумавший всю эту комедию стал подтверждать слова юноши и поддерживать его, император отвел юношу в сторону и обратился к нему со следующими словами:

«Если ты мне скажешь всю правду, то я тебе в награду за это подарю жизнь. Поэтому скажи мне, кто ты такой и кто побудил тебя к такому рискованному предприятю; ведь это преступление, которого ты, по юности своей, не мог сам придумать»¹⁰⁹¹. Тут не было уже исхода. Пришлось рассказать Цезарю о всем плане, каким образом и кем он был придуман. Видя крепкое телосложение Лже-Александра, император (желавший сдержать данное ему слово) отправил его гребцом на корабль, а виновника всей этой истории предал казни. Жителям острова Мелоса было уже достаточным наказанием, что они бросили на ветер в пользу Лже-Александра такую кучу денег.

Так бесславно окончился дерзкий план Лже-Александра.

1. Когда назначенный тетрархом Архелай прибыл в Иудею, то лишил сына Боэта, Иоазара, первосвященнического сана в наказание за его участие в восстании и назначил на его место его брата Элезара. Затем он роскошно отстроил иерихонский дворец и провел половину воды, орошавшей в избытке деревушку Неару, к городу, причем засадил всю окрестную равнину финиковыми пальмами. Тут он основал деревню, которую назвал Архелаидою. Вместе с тем он позволил себе одно правонарушение, а именно женился на Глафире, дочери Архелая, которая раньше была женой его брата Александра и имела от последнего детей¹⁰⁹². Иудеям строго возбраняется жениться на вдовах своих братьев. И Элезар недолго был первосвященником, так как еще при его жизни эту должность занял вместо него Иисус, сын Сия.

2. На десятом¹⁰⁹³ году правления Архелая наиболее выдающиеся иудеи и самаряне, не будучи в состоянии переносить его жестокость и тиранию, обвинили его перед императором, особенно ввиду того, что Архелай, как они узнали, нарушил предписание Цезаря обращаться мягко с поданными. Когда это услышал император, то разгневался и послал за поверенным Архелая в Риме (его также звали Архелаем), так как не считал нужным писать этварху Архелая. Поверенному этому он сказал: «Поезжай немедленно и привези к нам Архелая», Последний тотчас же отправился в путь и, прибыв в Иудею, застал Архелая за пиром в обществе друзей. Тут он сообщил ему о желании Цезаря и стал торопить его с отплытием. Когда же он прибыл [в Рим] и Цезарь выслушал некоторых обвинителей и его самого, то он приговорил его к изгнанию, назначил ему для жительства галльский город Виенну¹⁰⁹⁴ и конфисковал его имущество.

3. Раньше чем Архелай получил приглашение явиться в Рим, он рассказал своим друзьям о следующем сне: он видел десять¹⁰⁹⁵ зрелых и полных колосьев пшеницы, склонившихся низко; их объедало десять волов. Проснувшись и считая этот сон весьма знаменательным, он послал за снотолкователями, которые были искусны в своем деле. Пока те еще спорили между собой и не могли прийти к соглашению, некий ессеи Симон потребовал, чтобы ему было предоставлено право говорить без стеснения, и сказал, что виденный Архелаем сон предвещает поворот судьбы к худшему. Волы знаменуют собою горе, потому что труд этих животных тяжкий, а перемена судьбы предвещается тем, что волы трудом своим вспахивают землю, которая поэтому благодаря им подвергается изменениям. Десять колосьев указывают на такое же количество лет, потому что колосья зреют ежегодно один раз. Итак, наступает конец правлению Архелая. Таким образом Симон объяснил сон, а на пятый день после этого прибыл посланный императором в Иудею уполномоченный Архелай.

4. Нечто подобное случилось также с женой Архелая, Глафирой, дочерью царя Архелая, с которой тот, как я упомянул выше, вступил в брак, после того как она была замужем за Александром, сыном Ирода и братом Архелая. Когда ее первый муж, Александр, был казнен отцом своим, то она вышла замуж за ливийского царя Юбу. После смерти последнего она жила вдовой в Каппадокии, у отца своего, и тут-то на ней женился Архелай, расставшийся по этому поводу со своей женой Мариаммою. Такая сильная любовь к Глафире обуяла его. Уже в бытность замужем за Архелаем ей приснился следующий сон: ей приснилось, будто Александр явился к ней, и она заключила его в свои объятия. Он же стал укорять ее, говоря: «Глафира, ты теперь подтверждаешь поговорку, что не следует доверять женщинам. Ты девушкой вышла за меня и жила со мною, у нас с тобою были дети, но ты предала забвению мои ласки и вступила во второй брак. И с тебя не было достаточно этого позора. Ты решилась отдаться третьему мужу, и притом бесстыдно и нагло ввела его в мой дом. Выйдя за Архелая, ты связалась со

своим шурином, моим братом. Я же не могу забыть своей любви к тебе; поэтому я освобожу тебя от этого позора и верну тебя к себе, как то было прежде».

Глафира рассказала это своим родственникам, а несколько дней спустя умерла.

5. Я считал приведение этих фактов вполне уместным в своем повествовании, которое в этом месте посвящено истории царей. Кроме того, я полагаю, что тут мы имеем отличное доказательство бессмертия души и того, что Предвечный печется о людях. Кто же этому не поверит, тот, оставаясь при своем мнении, никому не должен препятствовать признавать за истину то, что побуждает человека к добродетели.

Область, некогда подчиненная Архелаю, была включена в состав Сирии. Император же послал туда бывшего консула, Квириния [1096](#), чтобы сделать перепись в Сирии и продать дом Архелая.

Предисловие

Иосиф Флавий рассказывает здесь о событиях в Иудее после отстранения от власти Архелая (6 г. н.э.) до 40-х годов I в. Книга особенно ценна своими сведениями по истории первоначального христианства. В ней содержится знаменитый рассказ Иосифа Флавия о деятельности и распятии Иисуса, повествуется об Иоанне Крестителе, как нигде, полно рассказывается о деяниях жестокого и алчного прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Иосиф сообщает также о переписи в Иудее (которая в евангелиях связывается с биографией Иисуса Христа), проведенной сирийским наместником Квиринием. В этой книге Иосиф Флавий тоже дает краткие характеристики «философских школ» у иудеев, добавляя на сей раз к фарисеям, саддукеям и ессеям zelотов. Снова события в Иудее оказываются тесно связанными с событиями, происходившими в Риме. В этом плане особенно интересен рассказ о пребывании в Риме Агриппы в последние годы правления Тиберия и в начале правления Гая Калигулы.

Иосиф приводит немало ценных сведений о взаимоотношениях Рима и Парфии и истории Аршакидской державы. Заканчивается книга весьма пространством рассказом о положении евреев, живших в Парфии.

1. Сенатор Квириний, который раньше занимал все государственные должности и проложил себе дорогу к консульству, человек, пользовавшийся во всех делах огромным влиянием, явился в Сирию, куда его посылал император для того, чтобы творить суд и оценить все имущество населения¹⁰⁹⁷. Вместе с ним был послан и Копоний, происходивший из всаднического сословия¹⁰⁹⁸. Ему была предоставлена верховная власть [прокуратора] над всею Иудеею. Затем в Иудею, которая тем временем вошла в состав Сирии, прибыл и Квириний, желая совершить общую перепись¹⁰⁹⁹ и конфисковать имущество Архелая.

Хотя иудеи при первых слухах о переписи с самого начала были возмущены этим, но в конце концов оставили всякую мысль о сопротивлении, благодаря увещаниям первосвященника Иоазара, сына Боэта. Уступая увещаниям Иоазара, они, наконец, беспрепятственно допустили расценку своего имущества. Однако некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Саддуком стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение переписи поведет лишь к рабству¹¹⁰⁰. Они побуждали народ отстаивать свою свободу. Их не может постигнуть неудача, говорили они, потому что налицо самые благоприятные условия; даже если народ ошибется в своих расчетах, он создаст себе вечный почет и славу своим великодушным порывом; Предвечный лишь в том случае окажет иудеям поддержку, если они приведут в исполнение свои намерения, особенно же, если они, добываясь великого, не отступят перед осуществлением своих планов.

Народ с восторгом внимал этим речам, и таким образом предприятие получило еще более рискованный характер. Не было большего бедствия для нашего простонародья, как то, какое готовили ему вышеназванные люди. Благодаря постоянным войнам иудеи более уже не были в состоянии оказывать кому бы то ни было сопротивления; друзей, которые могли бы поддержать их в трудную минуту, тем более не было; зато происходили постоянные разбойничьи набеги и умерщвления наиболее именитых граждан под предлогом преследования общего блага, на самом же деле для того, чтобы палачи могли пользоваться имуществом умерщвленных. Отсюда возникли всевозможные возмущения, происходил ряд политических убийств, отчасти вследствие кровопролитной междоусобной борьбы, так как люди, озверев, кидались друг на друга и в своем увлечении не желали оставлять в живых никого из своих противников, отчасти же вследствие избиения врагов. Наконец наступил голод, доводящий людей до крайнего бесстыдства; города брались насильно и разрушались, пока наконец эта смута не довела до того, что сам храм Предвечного стал жертвою пламени, брошенного врагами. Такое горе и такие осложнения приносят с собою нарушение и отвержение родных установлений для всех участников этого дела.

Между тем Иуда и Саддук ввели у нас четвертую философскую школу. Имея большое число горячих приверженцев, они не только в настоящий момент преисполнили государство смуту, но и необычными философскими учениями положили на будущее время начало всевозможных бедствий.

Я думаю на этом несколько подробнее остановиться, особенно уже потому, что гибель нашему государству принесла ревностно приверженная этому учению молодежь.

2. У иудеев с давних пор существовали три философских школы, основывавшиеся на толковании древних законов: школы ессеев, саддукеев и фарисеев¹¹⁰¹. Нам уже приходилось говорить о них во второй книге [нашей] «Иудейской войны»¹¹⁰², но вместе с тем я и здесь готов в немногих словах упомянуть о них.

3. Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий. Всему

тому, что разум признает за благо, они следуют, считая разум лучшим охранителем во всех желаньях. Они выдаются своим почтительным отношением к людям престарелым и отнюдь не осмеливаются противоречить их предначертаниям. По их мнению, все совершающееся происходит под влиянием судьбы. Впрочем, они нисколько не отнимают у человека свободы его воли, но признают, что по предначертанию Божию происходит смешение Его желания с желанием человека, идти ли ему по пути добродетеля или злобы. Фарисеи верят в бессмертие души и что за гробом людей ожидает суд и награда за добродетель или возмездие за преступность при жизни; грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть¹¹⁰³. Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения. Таким образом, отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, так как все были убеждены, что фарисеи на деле и на словах стремятся лишь к наиболее высокому.

4. По учению саддукеев, души людей умирают вместе с телом; они не признают никаких других постановлений, кроме постановлений закона. Они считают даже похвальным выступать против учителей своей собственной философской школы. Это учение распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатным родам. Впрочем, влияние их настолько ничтожно, что о нем и говорить не стоит. Когда они занимают правительственные должности, что случается, впрочем, редко и лишь по принуждению, то саддукеи примыкают к фарисеям, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьем.

5. Учение ессеев¹¹⁰⁴ требует все предоставлять на волю Божию; они признают бессмертие душ и считают стремление к справедливости высшею целью. В храм они доставляют пожертвования, но сами они не занимаются жертвоприношениями, признавая другие способы очищения более целесообразными. Поэтому им запрещен доступ в общий храм и они совершают свое богослужение отдельно. Впрочем, это наилучшие люди, которые всецело отдаются земледельческому труду. Достоин удивления то чувство справедливости у них, которое они, помимо всех прочих народов, ставят не ниже добродетели и которого не знают ни греки, ни другие народы. Это столь в них развитое чувство укоренилось у них не со вчерашнего дня, а издревле, и в силу его они не препятствуют никому жить со всеми общею, равную жизнью: имущество у них общее, и богат пользуется у них не большим, чем ничего не имеющий бедняк. Такой образ жизни ведут эти люди, и число их превышает четыре тысячи человек. Они не имеют ни жен, ни рабов, полагая, что женщины ведут лишь к несправедливостям, а вторые подают повод к недоразумениям. Живя сами по себе, они обслуживают друг друга. Для заведования доходами и плодами земли они с помощью голосования избирают наиболее достойных лиц из священнического сословия; последние и должны заботиться о доставлении хлеба и прочих съестных припасов. Они живут все одинаково и наиболее подходят к тем дакийским племенам, которые носят название полистов¹¹⁰⁵.

6. Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкою своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою главенства человека. Так как в этом лично может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры; напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблением своей власти до восстания против

римлян [1106](#).

Таковы были философские школы иудеев.

1. Секвестровав имущество Архелая и окончив перепись в тридцать седьмом году после поражения Антония Цезарем Августом при Акции¹¹⁰⁷, Квириний сместил первосвященника Иоазара за то, что он не поладил с народом, и назначил на его место Анана, сына Сефа¹¹⁰⁸. Ирод¹¹⁰⁹ и Филипп получили каждый по предназначенной им тетрархии¹¹¹⁰. Ирод затем окружил стенами Сепфорис, красивейший город всей галилейской страны, и посвятил его императору, а другой город, Вифарамфту, он также окружил стеною и назвал его в честь императрицы Юлиадою. Филипп, со своей стороны, отстроил расположенную у истоков Иордана Панаеду и назвал ее Кесарией. Местечко Вифсаиду¹¹¹¹, расположенное у Генисаретского озера, он обратил в город, увеличив число жителей и снабдив его всем нужным, и назвал его Юлиадою в честь Юлии, дочери императора.

2. При прокураторе Колонии, который, как я упомянул, прибыл в Иудею вместе с Квиринием, произошло следующее событие: во время праздника опресноков, носящего у нас название Пасхи, в полночь священнослужители обыкновенно открывали врата храма. Когда они и на этот раз последовали этому обычаю, несколько тайно прибывших в Иерусалим самарян разбросали под сводами галерей человеческие кости¹¹¹². Вследствие этого пришлось, чего раньше никогда не было, никого не впускать в храм и вообще снабдить последний большею охраною.

Вскоре после этого Колоний возвратился в Рим, и преемником ему стал Марк Амбивий¹¹¹³. При нем умерла Саломея, сестра царя Ирода Великого, оставив [императрице] Юлии Ямнию, всю топархию, расположенный на равнине город Фазаелиду и город Архелаиду, где находились огромные плантации пальм с наилучшими плодами. После Амбивия наместником стал Анней Руф¹¹¹⁴, при котором умер второй римский император после пятидесяти семи лет, шести месяцев и двух дней правления (в течение этого периода он четырнадцать лет делил власть с Антонием) в семидесятисемилетнем возрасте¹¹¹⁵. Преемником ему на престоле стал Тиберий Нерон, сын его от императрицы Юлии¹¹¹⁶. Он был, следовательно, третьим римским императором. При нем был послан в Иудею пятый наместник, преемник Аннея Руфа, Валерий Грат¹¹¹⁷. Он сместил первосвященника Анана и поставил на его место Исмаила, сына Фаби. Впрочем, недолго спустя он уволил и Исмаила и назначил на его место Элеазара, сына первосвященника Анана. По прошествии года он удалил и его и передал этот пост Симону, сыну Камифа. Однако и последний удержался не более года, и преемником ему был назначен Иосиф, прозванный также Каиафой. После всего этого Грат возвратился в Рим, проведя в Иудее одиннадцать лет, и вместо него прибыл его преемник Понтий Пилат.

3. Тетрарх Ирод, находившийся в очень дружественных отношениях с Тиберием, основал в честь последнего в самой плодородной местности Галилеи¹¹¹⁸, у Генисаретского озера, город Тивериаду¹¹¹⁹. Невдалеке отсюда, в деревушке Аммаус, находятся горячие ключи. Здесь были поселены всевозможные пришельцы отовсюду, в числе которых было немало галилеян, множество насильно удаленных и отправленных в ссылку людей, а также несколько высокопоставленных лиц. Сюда же были привлечены для поселения всевозможные набранные отовсюду бедняки, равно как целый ряд лиц, свободное происхождение которых не было даже установлено. Всем им тетрарх предоставил права свободнорожденных граждан и дал им различные преимущества; а для того чтобы привязать их к городу, он настроил жилища и дал им земельные участки. Он отлично понимал, что поселение здесь людей было, собственно, противно иудейским законам, вследствие того, что Тивериада была основана на месте

множества находившихся здесь и разрытых с этой целью могил. Тут закон постановлял, что жители должны считаться ритуально нечистыми в течение семидневного срока.

4. Около этого времени пал от руки сына своего Фраатака парфянский царь Фраат¹¹²⁰. Поводом к этому послужило следующее: хотя у Фраата были законные дети, однако он взял себе в наложницы итальянскую рабыню Формусу, которую прислал ему в числе прочих даров Юлий Цезарь. Сперва он находился с нею в незаконном сожительстве, но с течением времени, увлеченный ее красотой, женился на ней и сделал ее своею законною супругою. После того как она успела родить ему сына Фраатака, она вскоре достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы укрепить за своим сыном престол парфянский. Впрочем, она [вскоре] увидела, что достигнет этого не иначе как если коварным образом избавится от законных детей Фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных детей в Рим в качестве заложников. Так оно и было сделано (Фраат не был в состоянии отказать Формусе в чем бы то ни было), и Фраатак, оставшись один, получал теперь подготовку к будущему правлению. Но вместе с этим юноше показалось слишком долгим ждать смерти отца для получения престола, и потому он задумал умертвить отца при содействии своей матери, с которою, как гласила молва, он даже находился в преступной связи. Все это, т.е. Отцеубийство, равно как кровосмешение с матерью, возбудило в одинаковой мере ненависть к нему его подданных, и поэтому он, не успев достигнуть совершеннолетия, потерял власть¹¹²¹ во время мятежа и был убит. Тогда, однако, наиболее родовитые парфяне пришли к заключению, что им невозможно жить без царя. Последний должен был, иначе это противоречило бы закону, происходить непременно из рода Аршакидов, тем более, что и раньше неоднократно, да и теперь происходили в правлении затруднения вследствие наличности итальянской наложницы и ее потомства. Поэтому они отправили депутацию к Ороду¹¹²² и просили его сесть на престол. Впрочем, этот человек, по своей гнусности, легкой раздражительности и крайней жестокости, вскоре заслужил ненависть всего народа, хотя и принадлежал к царскому роду. Решив убить его, заговорщики привели свой план в исполнение, по мнению некоторых, во время пиршества за столом (парфяне никогда не расстаются со своими мечами), а по мнению большинства, во время охоты. Потом парфяне послали в Рим и стали просить себе царя из числа тамошних заложников. Преимущество перед прочими братьями было оказано Вонону¹¹²³, который теперь стал думать, что судьба улыбнулась ему, так как царство предлагали ему две крупнейшие державы в мире, его собственная страна и чужая [ему Римская империя]. Впрочем, варвары, вообще по природе своей не отличающиеся устойчивостью, быстро раскаялись в своем выборе, считая последний и неуместным, и бесславным, так как не хотели повиноваться чужеземному рабу: заложничество они признавали рабством, да и к тому же царь у них появился не в результате правильной войны, но, что было гораздо хуже, был им позорно навязан в мирное время. Поэтому они немедленно признали на царство мидийского¹¹²⁴ правителя Артабана, происходившего из рода Аршакидов. Артабан принял это приглашение и явился к ним с войском. Навстречу ему выступил Вонон, а так как первоначально парфяне еще оставались верны последнему, то в происшедшей затем битве он победил своего соперника и Артабан должен был бежать к пределам Мидии. Вскоре, впрочем, Артабан набрал новое большое войско и сразился с Вононом, которого ему удалось победить. Вонон умчался верхом в сопровождении немногих приверженцев в Селевкию¹¹²⁵. Учинив затем страшную резню среди не оправившегося еще от ужаса парфянского войска, Артабан двинулся во главе своей многочисленной рати к Ктесифону. Таким образом он стал наконец царем парфянским¹¹²⁶, а Вонон бежал в Армению¹¹²⁷. Тут он продолжал сначала домогаться своей страны и отправил посольство к римлянам. Однако Тиберий ответил ему отказом, как вследствие его малодушия, так и по причине угроз Артабана

(который, в свою очередь, отправил послов с извещением, что он начнет войну). Так как теперь уже не было никакой возможности вернуть престол, тем более, что и могущественные, жившие около Нифаты¹¹²⁸, армянские князья примкнули к Артабану, Вонон отдался под покровительство сирийского претора Силана. Последний, принимая во внимание римское воспитание Вонона, оставил его у себя в Сирии, Артабан же отдал Армению одному из своих сыновей, именно ороду.

5. Тем временем умер также царь Коммагены, Антиох¹¹²⁹. При этом простонародье восстало против знати; обе партии послали [в Рим] делегации. Знать просила обратить область в римскую провинцию, народ, однако, желал иметь по-прежнему своих царей. Сенат решил отправить Германика для улаживания положения на востоке¹¹³⁰, но здесь судьба уготовила Германику найти смерть. Прибыв на восток и устроив там все дела, он был отравлен Пизоном, как о том рассказывается в других источниках¹¹³¹.

1. Когда претор [1132](#) Иудеи Пилат повел свое войско из Кесарии в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем закон наш возбраняет нам всякие изображения. Поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, который внес эти изображения в Иерусалим, и сделал это без ведома населения, вступив в город ночью. Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Кесарию и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изображения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора, а когда толпа не переставала досаждать ему, он на шестой день приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании ристалища, а сам взшел на возвышение, там же сооруженное. Но так как иудеи опять возобновили свои просьбы, то он дал знак и солдаты окружили их. Тут он грозил немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь и не удалится восвояси. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитают умереть, чем допускать такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима [императорские] изображения и доставить их в Кесарию.

2. Затем Пилат соорудил водопровод в Иерусалиме. На это он употребил деньги святилища. Водопровод питался ключами, находившимися на расстоянии двухсот стадий от города. Однако население воспротивилось этому, и много десятков тысяч иудеев собралось около рабочих, занятых сооружением водопровода, и стало громко требовать, чтобы наместник оставил свой план. Как то обыкновенно бывает в таких случаях, некоторые из них позволили себе при этом оскорбить Пилата ругательствами. Последний распорядился переодеть значительное число солдат, дал им дубины, которые они должны были спрятать под платьем, и велел им окружить толпу со всех сторон. Толпа, в свою очередь, получила приказание разойтись. Но так как она продолжала поносить его, то он подал воинам условный знак и солдаты принялись за дело гораздо более рьяно, чем то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они одинаково поражали как шумевших мятежников, так и совершенно невинных людей. Иудеи, однако, продолжали держаться стойко; но так как они были безоружны, а противники их вооружены, то многие из них тут и пали мертвыми, а многие ушли, покрытые ранами. Таким образом было подавлено возмущение.

3. Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поньше еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени [1133](#).

4. Около этого же самого времени другое горе постигло иудеев. Впрочем, об этом после. В это же самое время не прекращались в Риме бесстыдства, совершавшиеся в храме богини Исиды [1134](#). Поэтому я сперва упомяну о последнем, а затем перейду уже к рассказу о судьбе иудеев.

В Риме жила некая знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким

Сатурнином, который был так же порядочен, как и она, и не уступал ей в хороших качествах. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулина была слишком порядочная женщина, чтобы ее можно было купить подарками, как он узнал от подосланных лиц, Деций возгорел еще большим желанием обладать ею, так что обещал за единожды дозволенное сношение с нею заплатить ей целых 200 000 аттических драхм. Однако Паулина не склонилась и на такое щедрое вознаграждение, и тогда юноша, не будучи далее в силах переносить муки [неудовлетворенной] любви, решил покончить с собою и умереть голодной смертью. Решив это, он не откладывал исполнения этого решения в долгий ящик и сейчас же приступил к нему. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, как юноша чахнет и озабоченная его решением покончить с собою, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения сможет ему доставить возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм для того, чтобы овладеть Паулиною. Подбодрив таким образом Мунда и получив от него требовавшуюся сумму денег, она пошла не тою дорогою, какою пошел он, так как видела, что той женщины за деньги не купишь. С другой стороны, зная, как ревностно относится Паулина к культу Исиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам [Исиды] для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиною. Жрецы, побужденные громадностью суммы, обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у нее разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса¹¹³⁵, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни, и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем явились жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумлялись необычности явления, но и не могли согласиться с таким невероятным событием, тем более, что знали целомудрие и порядочность Паулины. На третий день после этого события она встретила Мунда, который сказал ей:

«Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждение, а потому я и прикрылся названием Анубиса». С этими словами юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее [немедленно] сообщил обо всем императору.

Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиберий приговорил к приговорению к кресту их и Иду, которая была виновницею всего этого преступления, совершенного столь гнусно над женщиною. Затем он велел разрушить храм Исиды, а изображение богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию, полагая, что наказал его таким образом достаточно за его любовное увлечение.

Таковы были позорные поступки жрецов храма Исиды.

Теперь я, по обещанию своему, возвращусь к рассказу о судьбе, постигшей в это время римских иудеев.

5. В это время из Иудеи бежал человек, боявшийся обвинения в нарушении некоторых законов и наказания за это. Вообще, это был гнусный человек. Он тогда проживал в Риме и соединился здесь с тремя подобными ему негодями. К ним примкнула Фульвия, знатная женщина, принявшая иудаизм. Они убедили ее послать пурпур и золото в Иерусалимский храм, и когда та сдала им это, то они присвоили его себе, как то и было их первоначальным намерением. Тиберий, которому по желанию Фульвии сообщил об этом муж ее Сатурнин, бывший с императором в дружественных отношениях, распорядился изгнать из Рима всех иудеев. Консулы выбрали из них четыре тысячи человек и послали их в качестве солдат на остров Сардинию. Гораздо большее число, однако, они предали казни, потому что те отказались от участия в военной службе, благодаря запрещению этого иудейскими законами¹¹³⁶.

1. Таким образом, иудеи, вследствие гнусности четырех человек, были изгнаны из города. Также и самаряне не удержались от возмущения. Их смутил некий лживый человек, который легко во всем влиял на народ. Он побудил их собраться к нему на гору Гаризим, которую они считают особенно священной. Тут он стал уверять пришедших [отовсюду] самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея. Самаряне вооружились, поверив этой басне, и расположились в деревушке Тирафана. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большею толпою подняться на гору. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен, Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

2. Когда этим дело кончилось, представители верховного совета самарян явились к бывшему консулу Вителлию, который теперь был прокуратором сирийским¹¹³⁷, и стали обвинять Пилата в казни их погибших единоплеменников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Тогда Вителлий послал Марцелла¹¹³⁸, одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на него обвинениях. Проведя в Иудее десять лет, Пилат поехал в Рим, так как не смел послушаться приказа Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиберий умер¹¹³⁹.

3. После этого Вителлий поехал в Иудею и прибыл в Иерусалим как раз во время праздника Пасхи. Так как он был встречен радушно, то Вителлий навсегда освободил население от платежа налога на привозимые и продаваемые [в городе] плоды. Вместе с тем он разрешил держать первосвященническое облачение и все к этому относящееся в храме, предоставив надзор и охрану этих вещей священнослужителям, как то было некогда раньше. Теперь же эти облачения хранились обыкновенно в так называемой крепости Антония, по следующей причине: некий Гиркан, первый из целого ряда первосвященников, носивших это имя, построил себе вблизи храма башню, в которой обыкновенно и жил. Здесь у него хранилось его облачение, надевать которое он один только был вправе, и когда он уходил в город, то облакался в свою простую собственную одежду. Так поступали затем его сыновья и их дети. Овладев царством, Ирод Великий роскошно отстроил эту башню, названную им в честь своего друга Антония Антониею, и как нашел там первосвященническое облачение, так и продолжал хранить его там, не думая, что возбудит этим неудовольствие народа против себя. Такого же образа действий держался и преемник и сын его Архелай. Овладев областью последнего, римляне удержали у себя также облачение первосвященника, которое сохранилось в каменном здании, запечатанном печатями священнослужителей и казначеев, причем начальник стражи башни обязан был ежедневно заботиться о том, чтобы перед этим помещением всегда горел светильник. За семь дней до наступления праздника облачение выдавалось священнослужителям начальником стражи. Освятив облачение, первосвященник возвращал его через день после окончания праздников, и оно продолжало по-прежнему храниться в башне. Так делалось в каждый из трех больших ежегодных праздников и в день поста. Вителлий разрешил иудеям хранить облачение у себя и запретил вмешиваться в это дело начальнику стражи, но предоставить иудеям пользование облачением, когда в том представится надобность. Этим он расположил народ в свою пользу. Затем он сместил первосвященника Иосифа Каиафу и назначил на его место Ионатана, сына бывшего первосвященника Анана. После этого Вителлий вернулся обратно в

Антиохию.

4. Тем временем Тиберий отправил Вителлию письмо, в котором просил его заключить дружественные сношения с парфянским царем Артабаном. Император опасался его враждебных действий, так как Артабан успел овладеть Арменией и мог подать повод к значительным осложнениям. При этом император указывал на то, что лишь в том случае может доверять Артабану, если он выдаст заложников и главным образом в числе их своего собственного сына. Вместе с этим письмом Вителлию Тиберий отправил значительные денежные подарки царям Иберии и Албании¹¹⁴⁰, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Цари, однако, воздержались от такой войны, но напустили на Артабана скифов¹¹⁴¹, предоставив последним свободный пропуск через свои владения и проход Каспийский. Таким образом, Артабан вновь лишился Армении, страна парфянская стонала под ужасами войны, наиболее влиятельные лица были убиты, везде царило полное смятение и сын самого царя пал со многими тысячами войска в одной из битв. Вителлий был готов умертвить старика Артабана и с этою целью за большие деньги подкупил друзей и родственников царя, но Артабан понял, что этот замысел будет приведен в исполнение, так как он окружен массою влиятельных лиц, которые не остановятся ни перед чем. Он ясно сознавал, что все его родственники подкуплены и лишь коварным внешним образом выказывают ему преданность, которая у них впоследствии немедленно изменится, когда они перейдут на сторону врагов. Поэтому он решил спастись бегством в свои горные сатрапии. Тут ему удалось впоследствии набрать большое войско из даев и саков¹¹⁴², вступить затем в борьбу с противниками и вернуть себе власть¹¹⁴³.

5. При известии об этом Тиберий пожелал заключить с Артабаном дружественный союз. Получив приглашение в этом смысле, старик охотно принял предложение. Тогда Артабан и Вителлий встретились у берегов Евфрата. На реке был сооружен мост, и посредине этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядом своих телохранителей. После того как они обо всем условились, тетрарх Ирод угостил их в роскошной палатке, которую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста. Вскоре после этого Артабан послал Тиберию в качестве заложника своего сына Дария и отправил императору богатые дары. В числе последних находился также некий иудей Элезар, человек семи футов роста, прозванный за это гигантом. После того Вителлий вернулся в Антиохию, Артабан же в Вавилон.

Желая, чтобы император от него первого узнал о получении заложников, тетрарх Ирод отправил к нему посланных с письмами, где все было в точности донесено, так что консуляру [Вителлию] не приходилось ничего прибавить к этому. Когда император известил Вителлия, что он уже все знает из донесения Ирода, Вителлий страшно рассердился, видя в этом поступке [Ирода] большее оскорбление, чем то было на самом деле. Однако он подавил в себе гнев до тех пор, пока власть не перешла к Гаю Калигуле.

6. Тогда же, на двадцатом году правления Тиберия¹¹⁴⁴, умер и брат тетрарха Ирода, Филипп, после того как в течение тридцати семи лет правил Трахоном, Гавланитидой и Батанею. Его правление отличалось мягкостью и спокойствием. Он провел всю жизнь в пределах подчиненной ему области. Когда ему случалось выезжать, он делал это в обществе нескольких избранных. При этом за ним всегда возили его кресло, сидя на котором, он творил суд. Если по пути к нему являлся кто-либо с жалобою, то он, недолго думая, тут же ставил кресло, садился на него и выслушивал обвинителя. Виновных он тут же подвергал наказанию и немедленно отпускал тех, кого обвинили несправедливо. Филипп умер в Юлиаде. Труп его был доставлен в мавзолей, который он сам заранее воздвиг для себя, и торжественно похоронен там. Так как Филипп не оставил после себя потомства, то Тиберий взял его область себе и присоединил ее к Сирии. Впрочем, доходы с этой тетрархии он распорядился сохранить за нею.

1. Около этого времени царь каменистой Аравии Арета и тетрарх поссорились между собою по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Ареты. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристовула и сестрою Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорила с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Ареты. После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда же он, по исполнению в Риме всего нужного, собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать все о его условиях с Иродиадою, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Ареты и Ирода, причем никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там ее отцом, просьбу приготовить все к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причем арабские князья последовательно сопровождали ее, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арета на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причем вместо Ареты и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве все войско Ирода было уничтожено, благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа собственно к числу подданных тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиберию. Император разгневался на образ действий Ареты, послал Вителлию приказ объявить ему войну и представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать ему его голову.

2. Такой приказ отдал Тиберий сирийскому наместнику. Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более, что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души. Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен. Иудеи же были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за эту казнь, так как Предвечный желал проучить Ирода¹¹⁴⁵.

3. Приготовив для войны с Аретой два легиона и присоединив к ним тех легковооруженных и всадников, которых ему предоставили подвластные римлянам царьки, Вителлий между тем двинулся к Петре (столице Аравии) и прибыл [сперва] в Птолемаиду. Когда же он собрался повести свое войско через Иудею, к нему навстречу вышли наиболее влиятельные граждане и умоляли его не проходить через их страну, так как по закону они не вправе разрешить внесение в Иудею тех изображений, которые в таком значительном числе имеются на его знаменах. Вителлий согласился, изменил свое первоначальное решение и, велел войску идти по великой равнине, сам в сопровождении тетрарха Ирода и некоторых друзей своих поехал в Иерусалим,

чтобы, ввиду наступления иудейского национального праздника, принести там жертву Предвечному. Здесь он был восторженно принят населением и пробыл там три дня, в течение которых отнял первосвященство у Ионатана и поставил на его место брата его Феофила. На четвертый день он получил письменное извещение о смерти Тиберия и потому заставил население присягнуть на верность императору Гаю Калигуле. Вместе с тем он отозвал также свое войско и распустил его на зимние стоянки, так как теперь, с переходом престола к Гаю, Вителлий не имел уже полномочия продолжать войну. Рассказывают, что и Арета, при известии о походе Вителлия, стал гадать по полету птиц и пришел к заключению, что неприятельское войско не дойдет до Петры: из военачальников сторон умрет либо тот, кто начал войну, либо тот, кто отдал приказание к выступлению войск, либо тот, против кого направлен весь поход.

Таким образом, Вителлий вернулся в Антиохию. Тем временем сын Аристовула, Агриппа, за год до смерти Тиберия отправился в Рим, чтобы там, при первой представившейся возможности, добиться чего-либо от императора. Мне хочется здесь несколько подробнее остановиться на потомстве Ирода Великого, отчасти потому, что это потомство играло большую роль в истории, отчасти потому, что тут оправдывается положение, что ни обилие потомков, ни другая какая-либо находящаяся в распоряжении людей сила не имеет никакого значения, если люди не отличаются истинным благочестием. Ведь в течение столетнего периода почти все многочисленное потомство Ирода, за немногими исключениями, подверглось гибели. Вместе с тем каждому будет полезно ознакомиться с постигшими этих потомков бедствиями. Особенно интересна в этом отношении судьба наиболее выдающегося из них, Агриппы, который, исходя из совершенно второстепенной семьи, помимо всякого ожидания, достиг такой значительной власти. Правда, на эту тему мы говорили и раньше, но теперь я хотел бы остановиться на этом подольше.

4. У Ирода Великого было от Мариаммы, дочери Гиркана, две дочери. Одна из них, Салампсо, была выдана отцом своим замуж за своего двоюродного брата Фазаеля, сына брата Ирода того же имени. Другая дочь, Кипра, также вышла замуж за другого двоюродного брата своего, сына сестры Ирода, Саломеи. Салампсо родила Фазаелю пятерых детей, сыновей: Антипатра, Ирода и Александра, и дочерей Александру и Кипру. На последней женился Агриппа, сын Аристовула. Александра же вышла замуж за знатного киприйца, Тимия, и умерла бездетною. Кипра родила Агриппе двух мальчиков, Агриппу и Друза (из них последний умер ребенком), и трех дочерей: Беренику, Мариамму и Друзиллу. Отец их, Агриппа, когда-то воспитывался вместе с другими своими братьями. Иродом и Аристовулом. Все трое были детьми Береники и сына Ирода Великого. Береника в свою очередь была дочерью Костобара и сестры Ирода, Саломеи. Все они остались сиротами после казни, постигшей отца их Аристовула и его брата Александра, как мы рассказали уже выше. Когда они подросли, то поженились; именно указанный Ирод, брат Агриппы, взял себе в жены Мариамму, дочь олимпиады и внучку царя Ирода Великого. Мариамма была дочерью Иосифа, племянника Ирода. От нее Ирод имел сына Аристовула. Третий брат Агриппы, также носивший имя Аристовула, женился на дочери эмессийского царя Сампсигерама, Иотапе, которая родила ему глухую дочь, также названную Иотапою. Это было потомство по мужской линии. Сестра их Иродиада вышла замуж за сына Ирода Великого, Ирода же, происходившего от Мариаммы, дочери первосвященника Симона. Она родила ему дочь Саломею. После рождения этой девочки Иродиада, вопреки нашим законам, вышла замуж за сводного брата своего мужа, именно за галилейского тетрарха Ирода, но разошлась и с ним еще при его жизни. Ее дочь Саломея вышла замуж за трахонского тетрарха Филиппа, сына Ирода [Великого]. Так как Филипп умер бездетным, то на ней женился Аристовул, сын Ирода и брат Агриппы. У них было трое детей: Ирод, Агриппа и Аристовул. Это, следовательно, было потомство Фазаеля и Салампсо.

У Кипры родилась от Антипатра дочь того же имени, на которой впоследствии женился Алекса Гелкий, сын Алексы, и от которой он также имел дочь Кипру. Братья же Антипатра, Ирод и Александр, умерли бездетными. У казненного царем Иродом Александра были от дочери каппадокийского царя Архелая сыновья Александр и Тигран. Последний стал царем Армении и умер бездетным после обвинений, возведенных на него в Риме. У Александра же родился сын, прозванный в честь дяди своего Тиграном. Нерон сделал его царем Армении, и у него родился сын Александр. Последний женился на Иотапе, дочери коммагенского царя Антиоха, и был провозглашен Веспасианом царем киликийского острова. Все потомство Александра сейчас же при рождении оставляло старинные иудейские обычаи и жило по образцу греков. Остальные дочери царя Ирода умерли бездетными. А так как перечисленные мною потомки Ирода были еще в живых в то время, когда Агриппа Великий овладел престолом, то мне остается теперь рассказать, какие превратности судьбы постигли Агриппу и как он, преодолев их, сумел добиться величайшего почета и власти.

1. Незадолго до смерти царя Ирода Великого Агриппа жил в Риме, где очень сдружился со своим сверстником Друзом, сыном императора Тиберия¹¹⁴⁶. Вместе с тем он сблизился также с Антониею, женою Друза Великого (т.е. старшего)¹¹⁴⁷. Антония очень ценила мать Агриппы, Беренику, и хотела вывести в люди также сына ее. Будучи по характеру своему человеком широким и в высшей степени щедрым, Агриппа, однако, сдерживал себя в этом отношении, пока была жива его мать, так как боялся возбудить ее гнев. Когда же Береника умерла и он стал самостоятелен, Агриппа растратил свои средства отчасти постоянными ежедневными кутежами, отчасти путем той расточительности, с которою он раздавал деньги. Наиболее значительные суммы пошли в карманы императорских вольноотпущенников¹¹⁴⁸, так как Агриппа рассчитывал на их поддержку. Вскоре он впал в такую бедность, что не мог долее жить в Риме. Кроме того и Тиберий запретил друзьям своего [недавно] скончавшегося сына показываться ему, чтобы вид их не вызывал в нем горестных воспоминаний о покойном.

2. Вследствие этого Агриппа отплыл в Иудею. Он был убит потерей всех своих денег, а также невозможностью уплатить долги кредиторам, которых было много и которые не давали ему случая как-нибудь скрыться. Не зная, что делать, и мучимый стыдом, он отправился в идумейскую крепость Малафу, чтобы там покончить самоубийством. Об этом намерении узнала его жена Кипра и стала употреблять все усилия, чтобы помешать приведению его в исполнение. Так, например, она отправила жене тетрарха Ирода, сестре своей Иродиаде¹¹⁴⁹, письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила ее как родственницу помочь ее мужу выпутаться, причем указывала на свои собственные в этом направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж ее послали за Агриппою, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агораном¹¹⁵⁰. Вскоре, однако, Ирод изменил свое решение относительно зятя, хотя то, что он для него сделал, вовсе не удовлетворяло Агриппу. Однажды в Тире во время пиршества возникли у них за вином какие-то разногласия; Ирод стал ругать зятя бедняком и укорять его в том, что он получает свое пропитание от него. Этого не снес Агриппа; он тотчас отправился к консуляру Флакку¹¹⁵¹, с которым был когда-то в Риме особенно дружен и который теперь был сирийским наместником.

3. Флакк его принял любезно и дал ему помещение, приняв к себе раньше также брата Агриппы, Аристубула, с которым Агриппа, впрочем, жил в ссоре. Однако, несмотря на их взаимную вражду, консуляр одинаково дружественно относился к ним обоим и одинаково почитал их. Впрочем, Аристубул успокоился не раньше, чем во вражде своей к брату восстановил против него также и Флакка, причем поводом к этому послужило следующее обстоятельство: жители Дамаска спорили с сидонцами относительно правильности границ. Флакк собирался разрешить их распрю. Зная, каким влиянием пользуется Агриппа у Флакка, они решили просить его о заступничестве и обещали ему за это крупную сумму денег. Агриппа постарался сделать все в пользу дамасцев. Между тем Аристубул, который узнал об обещанной брату взятке, донес о том Флакку. Так как при расследовании этот донос оказался правильным, то Флакк порвал свою дружбу с Агриппой и прогнал его от себя. Впав таким образом опять в крайнюю бедность, Агриппа отправился в Птолемаиду, а так как ему ни здесь ни в другом месте не представлялось возможности жить, он решил ехать в Италию. Однако он был стеснен в деньгах. Поэтому он просил своего вольноотпущенника Марсию занять у кого-нибудь для него нужную сумму. Марсия обратился к некоему Петру, вольноотпущеннику Береники, матери

Агриппы, которая, однако, в завещании передала его в распоряжение [своей подруги] Антонии, и просил его выдать ему деньги под письменное обязательство Агриппы с его поручительством. Петр, однако, который был зол на Агриппу за то, что потерял за ним несколько денег, потребовал от Марсии расписку в получении двадцати тысяч аттических драхм, хотя и выдал ему на две с половиною тысячи меньше. Марсия должен был согласиться на это, так как иначе ничего нельзя было сделать.

Получив эти деньги, Агриппа поехал в Амфедон, где нанял корабль, чтобы отправиться в дальнейший путь. Узнав об этом, наместник Ямнии, Геренний Капитон, выслал военный отряд с тем, чтобы вытребовать от Агриппы триста тысяч сестерций, взятых им в Риме из императорской казны, и вместе с тем распорядился насильно задержать должника. Агриппа внешне подчинился последнему распоряжению, с наступлением же ночи велел перерубить канаты и отплыл в Александрию. Тут он просил алабарха¹¹⁵² Александра дать ему займы двести тысяч драхм. Александр отказал ему в этом, но согласился выдать эту сумму под поручительство Кипры, из уважения к ее преданности мужу и вообще за ее порядочность. Кипра дала свое поручительство. Тогда Александр выдал им в Александрии пять талантов, а остальные обещал вручить в Дикеархее по прибытии туда Агриппы: он знал и боялся расточительности последнего. Кипра затем простилась с мужем, который поехал в Италию, и возвратилась с детьми своими в Иудею.

4. Прибыв в Путеолы¹¹⁵³, Агриппа отправил письмо императору Тиберию, находившемуся тогда на острове Капрее¹¹⁵⁴, извещая его о своем приезде и прося его разрешения приехать поклониться ему на Капрее. Тиберий был очень рад этому, ответил ему любезным письмом и сказал, что с удовольствием примет его у себя на Капрее. Когда Агриппа приехал, император принял и приветствовал его с тою же любезностью, которую выказал ему и в письме. На следующий день, однако, Тиберий получил письмо от Геренния Капитона, который писал ему, что Агриппа задолжал 300 000 сестерций, пропустил условленный срок уплаты и, когда ему напомнили об этом, бежал из страны своей; таким образом, теперь Геренний совершенно не знает, как вернуть эти деньги. Прочитав письмо, император сильно разгневался и запретил Агриппе доступ ко двору, пока он не заплатит долга. Агриппа, однако, несколько не испугался гнева императора, но обратился к Антонии, матери Германика и Клавдия¹¹⁵⁵, который впоследствии стал императором, с просьбою одолжить ему 300 000 сестерций, чтобы не утратить дружбы Тиберия. В уважение к памяти его матери Береники, с которою ее связывала тесная дружба, равно как потому, что он был сверстником и товарищем ее сына Клавдия, Антония выдала ему деньги, так что он мог уплатить означенный долг, и у него возобновились прежние дружеские отношения к Тиберию. Последний в свою очередь даже поручил ему своего внука (Тиберия)¹¹⁵⁶ и велел сопровождать его повсюду. Питая благодарность к Антонии, Агриппа стал особенно ласково относиться к ее внуку Гаю¹¹⁵⁷, который пользовался особенною популярностью, благодаря расположению всех к его покойному отцу. В это время жил некий самарянин Фалл, императорский вольноотпущенник. Сделав у него заем в миллион сестерций, Агриппа вернул Антонии долг свой, а с помощью остальных денег старался угождать Гаю, причем достиг на него особенно значительного влияния.

5. Между тем дружба между Агриппою и Гаем все росла. Когда они однажды вместе выехали на прогулку, у них зашла речь о Тиберии, и, так как они были одни, Агриппа выразил желание, чтобы Тиберий поскорее умер и предоставил власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях. Это услышал Евтих, вольноотпущенник и возница Агриппы. Впрочем, пока он молчал об этом. Впоследствии Агриппа совершенно основательно обвинил этого вольноотпущенника в похищении у него плаща. Евтих бежал, но, будучи пойман, был приведен

к городскому префекту Пизону. Когда последний спросил его о причине бегства, Евтих отвечал, что ему необходимо сделать императору сообщение, касающееся безопасности его личности. Поэтому Пизон велел связать его и отправить на Капрею. Тиберий по своей привычке оставил его в оковах (и не торопился с его допросом), потому что был вообще наиболее медлительным государем. Так, например, он никогда не принимал посольств тотчас же по их прибытии и не смещал военачальников и наместников до их смерти. Так же медленно происходил и допрос арестантов. Когда друзья однажды спросили его о причине такой его медлительности, Тиберий отвечал, что он потому задерживает посольства, чтобы их сейчас же не сменили новые депутации уполномоченных, которых затем во множестве пришлось бы принимать и угощать; общественные же должности он оттого дает людям один раз навсегда, чтобы те несколько совестились и не слишком притесняли подчиненных. В самой природе всякого должностного лица, говорил он, лежит стремление к любостыжанию. Если должности будут предоставляться чиновникам не надолго и не на определенное, но на короткое время, то эти чиновники приложат все свое старание полнее обобщать людей состоятельных. Если же их назначают на более продолжительный срок, то они, имея перед собою возможность беспрепятственного грабежа, вскоре вследствие своего обогащения утомятся этим и надолго оставят подчиненных в покое. Если же перемещения следуют быстро друг за другом, то начальники не успевают удовлетвориться наложенными на подчиненных поборами, так как они не будут иметь времени ощутить неудовольствие по поводу своих вымогательств и не успеют обогатиться до перемещения на новую должность. В доказательство правильности этого своего взгляда он приводил следующий пример: некий раненый лежал на дороге и множество мух село на его раны. Кто-то из прохожих почувствовал сострадание к несчастному и, видя его беспомощное состояние, решил отогнать мух. Но раненый просил его оставить это, и тогда прохожий удивленно спросил, почему он противится, чтобы тот облегчил ему его страдания. На это раненый отвечал: «Ты причинишь мне еще более сильные страдания, если отгонишь этих мух. Так как они успели уже насытиться моею кровью, то они не с такой силою кусают меня и даже иногда совсем перестают меня терзать. Если же затем явятся новые рои мух голодных и найдут меня уже истощенным, то я окончательно погибну». Поэтому-то, продолжал император, он, заботясь о состоянии без того уже сильно разоренных подданных своих, и не отправляет к ним одного чиновника за другим, которые, наподобие мух, стали бы высасывать все из них, тем более, что тогда к их любостыжательности присоединилась бы боязнь, что их вскоре лишат предоставленного им удовольствия. Подтверждением этого взгляда Тиберия служит и соответственный образ его действий: в течение тех двадцати двух лет, что он был императором, он послал в Иудею всего только двух наместников, Грата и его преемника Пилата. Так поступал он не только относительно Иудеи, но и относительно других подвластных ему провинций. Также и преступления арестантов он, по собственному признанию, подвергал разбору всегда спустя лишь продолжительное время, дабы преступники быстрою казнью не получали облегчения своих страданий, которого они, по преступности своей, вовсе не заслужили, и для того, чтобы наказание им увеличилось томительною неизвестностью.

6. По этой-то причине и Евтих не мог добиться, чтобы его допросили, и оставался в темнице. Через некоторое время Тиберий переехал с острова Капреи в Тускулан, который находится на расстоянии ста стадий от Рима. Тут Агриппа стал просить Антонию добиться [у императора] допроса Евтиха по возведенному на него обвинению. Антония пользовалась у Тиберия большим почетом отчасти вследствие близких родственных своих к нему отношений (она была женою его брата Друза), отчасти же вследствие своего добродетельного образа жизни. Дело в том, что, несмотря на свою молодость, она оставалась вдовою и отказывалась от всякого нового брака, хотя император и уговаривал ее выйти вторично замуж. При этом она вела

незапятнанный образ жизни. Кроме того, она оказала Тиберию неоценимую услугу: некий Сеян, начальник преторианской гвардии¹¹⁵⁸, бывший друг мужа Антонии и пользовавшийся, благодаря войскам, огромною властью, устроил опасный заговор, к которому примкнули многие сенаторы и вольноотпущенники¹¹⁵⁹. Так как заговорщики сумели подкупить войско, то дело приняло бы серьезный оборот и Сеян привел бы свой план в исполнение, если бы Антония не выступила смело противницею его гнусных начинаний. Узнав о задуманном покушении на жизнь Тиберия, она написала последнему о том подробное письмо, которое вручила одному из преданнейших слуг своих, Палланту, для доставки Тиберию на остров Капрею. Извещенный об этом, император велел казнить Сеяна и его заговорщиков¹¹⁶⁰. С этих пор Антония, которую Тиберий и раньше очень уважал, пользовалась в его глазах еще большим почетом и доверием.

И вот, когда Антония просила Тиберия допросить Евтиха, император сказал: «Если Евтих выдумал слова, которые он приписал Агриппе, то он получит от меня должное возмездие; если же при расследовании окажется, что он сказал правду, то пусть Агриппа остерегается, как бы наказание, которое он собирается уготовить своему вольноотпущеннику, не пало на его собственную голову». Когда Антония сообщила об этом Агриппе, последний еще более настаивал на производстве следствия, и так как Агриппа не переставал просить об этом Антонию, то она выбрала удобную минуту, когда Тиберия после обеда вынесли в носилках на прогулку в сопровождении ее внука Гая и Агриппы, приблизилась к носилкам и просила императора вызвать Евтиха и допросить его. На это Тиберий заметил: «Клянусь, Антония, богами, что то, что я теперь делаю, я делаю не по своей личной воле, но благодаря твоим просьбам». С этими словами он приказал Макрону, преемнику Сеяна, привести Евтиха. Когда тот вскоре затем явился, император спросил его, что он может сказать против человека, которому он обязан свободою. Евтих сказал: «Государь! однажды этот вот Гай и Агриппа выехали на прогулку в колеснице, а я сидел у ног их. Они беседовали долго о всякой всячине, и наконец Агриппа обратился к Гаю со следующими словами: «Наступит ли день, когда этот старик умрет и сделает тебя владыкою мира? Ведь внук его, Тиберий, не будет нам препятствием. Ты можешь умертвить его. Тогда вселенная будет счастлива, а более ее я». Тиберий поверил этому, и в нем пробудилось прежнее неудовольствие против Агриппы, так как он приказал ему когда-то следить за его внуком Тиберием, сыном Друза; однако Агриппа не поступил сообразно этому, но всецело посвятил себя Гаю. Поэтому император сказал: «Макрон, наложи на него оковы». Макрон, однако, не понял, о ком говорил Тиберий, никак не предполагая, что последний мог иметь в виду Агриппу, и поэтому не привел приказания в исполнение.

Вскоре затем император застал Агриппу на ипподроме. Тогда он обратился к Макрону: «Ведь я же приказал наложить на него оковы!» Когда Макрон еще раз переспросил императора, о ком идет речь, последний ответил: «об Агриппе».

Тогда Агриппа стал просить о помиловании, указывая на то, что ведь он воспитывался совместно с его сыном и руководил воспитанием младшего Тиберия. Однако он ничего не добился, и в пурпуровой одежде был отведен в темницу. Тогда стояла сильная жара, и, так как Агриппа за обедом выпил много вина, его теперь стала мучить жажда, так что он совершенно изнемогал от нее и жестоко страдал. Вдруг он увидел, что один из рабов Гая, некий Фаумастр, нес воду в сосуде. Он попросил дать ему напиться. Тот охотно подал ему кувшин, и Агриппа воскликнул: «Юноша, так как ты оказал мне эту услугу, то, когда я освобожусь от оков, я не премину добиться у Гая освобождения твоего; ведь ты услужил мне, арестанту, совершенно таким же образом, как делал это раньше, когда я был полноправным человеком». Агриппа, действительно, сдержал это свое обещание: когда он впоследствии сам стал царем, то добился у Гая, ставшего тем временем императором, полного освобождения Фаумаstra и сделал его своим

личным управляющим; перед смертью своею он поручил его сыну своему Агриппе и дочери своей Беренике с тем, чтобы они оставили его в этой должности. Фаумаст и умер в ней, достигнув преклонного возраста.

7. Все это, впрочем, случилось гораздо позже. Тогда же Агриппа в числе многих других арестантов стоял перед императорским дворцом и в отчаянии прислонился к дереву. На это дерево внезапно слетел филин, и тогда один из арестантов, германец по происхождению, увидя это, спросил стоявшего тут же солдата, кто этот человек в пурпуровом плаще. Узнав, что тот называется Агриппою, что он иудей, принадлежащий к числу наиболее видных представителей своего народа, он просил воина подвести его поближе к Агриппе, так как имеет сообщить ему нечто и желал бы задать ему несколько вопросов относительно иудейских законов. Когда ему это было разрешено, германец обратился через переводчика к Агриппе и сказал ему: «Молодой человек, теперь ты опечален внезапным поворотом в судьбе своей, которая так круто изменилась у тебя. Вероятно, ты не поверишь словам моим, когда я скажу тебе, что Предвечный решил изменить твою судьбу и прекратить настоящую скорбь твою. Однако знай, что я готов клясться как своими собственными богами, так и римскими, благодаря которым мы томимся в этих окопах, что скажу одну только правду, и притом не ради праздного времяпрепровождения и болтовни и не для того, чтобы тщетно ободрить тебя. Ведь обещания, в случае их неисполнения, лишь усугубляют печаль, и лучше их с самого начала вовсе не делать. И несмотря на это, несмотря на то, что я рискую личной безопасностью, я считаю себя обязанным сообщить тебе о решении богов. По всей видимости, ты скоро будешь освобожден от этих своих цепей; тогда ты достигнешь величайшего почета и власти, и все те, кто теперь скорбит о постигшей тебя судьбе, будут заискивать перед тобою. Ты умрешь, добившись счастья и оставив состояние детям своим. Помни, однако, что, когда ты вновь увидишь эту птицу, тебе предстоит умереть через пять дней. Что все так и случится, это возвещают тебе боги, пославшие эту птицу. Я, знакомый с предсказанием будущего, не счел себя вправе скрыть от тебя все это, дабы ты, зная, что тебя ждет лучшее будущее, легче переносил страдания настоящей минуты и не придавал им слишком большого значения. Помни также, что когда счастье улыбнется тебе, то были мы, товарищи твои по заключению, которые предсказали тебе скорое освобождение». Это предсказание германца первоначально показалось Агриппе столь же смешным, сколь оно впоследствии возбудило его удивление.

Тем временем Антония, которую очень огорчало постигшее Агриппу несчастье, но которая понимала, что теперь несвоевременно да и бесполезно будет заступаться за него у Тиберия, постаралась добиться от Макрона, чтобы в виде стражи Агриппы и в лице сотников, которым поручался неуклонный надзор за арестантами, назначались люди более мягкосердечные, чтобы Агриппе ежедневно разрешалось купаться, чтобы ему было дозволено видеться с друзьями и вольноотпущенниками своими и чтобы он вообще не ощущал никакого существенного недостатка ни в чем. Таким образом, арестованного посещали его друг Сила и вольноотпущенники Марсия и Стойхей. Они доставляли ему любимую пищу и вообще всячески заботились о нем; так, например, они приносили с собою, как будто бы для продажи, плащи, которые, с наступлением ночи, при содействии солдат и с ведома Макрона, подстилали Агриппе. Так продолжалось дело в течение шести месяцев.

8. Таково-то было положение Агриппы. Между тем Тиберий возвратился на остров Капрею, где и заболел¹¹⁶¹, сперва, правда, легко, но затем, когда болезнь осложнилась, он стал сильно опасаться за свое выздоровление. Поэтому он приказал Эводу, самому приближенному из вольноотпущенников своих, привезти к нему детей, с которыми ему необходимо было переговорить перед смертью. Родных детей у Тиберия больше не было, после того как единственный сын его, Друз, умер. Теперь оставались в живых еще сын Друза, Тиберий Гемелл,

а также сын брата Тиберия, Германика, Гай, юноша, получивший вполне законченное образование и пользовавшийся в глазах народа большою популярностью за доблесть отца своего Германика. Последний (т.е. Германик) пользовался особенным расположением простонародья благодаря чистоте нравов, легкой доступности и тому, что он никогда не домогался особенно выдающегося положения. Поэтому-то не только народ и римский сенат весьма уважали Германика, но и все подвластные римлянам племена, которых подкупала мягкость его обращения с ними или которые слышали об этой черте его характера. Когда он умер, всех обуяла скорбь, причем люди не представлялись опечаленными в угоду властям, но потому, что все в государстве горевали о нем, как о родном дорогом покойнике. Так воспоминание о нем продолжало жить среди людей. Результатом всего этого была большая популярность его сына; особенно привязаны были к нему солдаты, которые сильно старались, чтобы престол перешел к нему, и в случае необходимости готовы были умереть за него.

9. Тиберий, приказав Эводу привести к нему на следующий день рано утром детей, стал теперь молить богов явить знамение, кому из юношей надлежит стать его преемником. Правда, он охотнее всего оставил бы престол своему внуку, но еще больше значения и веры, чем своему личному взгляду на дело и желанию, он придавал решению богов. У него, между прочим, было твердое убеждение, что тот из претендентов получит престол, который первым явится к нему рано утром.

Решив это, он послал за воспитателем своего внука и приказал ему на заре привести к нему питомца. Тиберий предполагал, что этим он повлияет на решение богов. Бог, однако, решил иначе. В таком расчете император приказал Эводу, как только стало светать, впустить к нему того из юношей, который придет первым. Тот вышел и, найдя Гая (Тиберий еще не пришел, так как ему слишком поздно подали завтрак, а Эвод ничего не знал о намерениях своего государя), сказал ему: «отец зовет тебя». С этими словами он ввел его к императору.

Увидя Гая, Тиберий понял всемогущество Бога и то, что он сам ничего не мог против этого поделать и не мог теперь уже изменить принятое решение. Затем он стал жалеть как о самом себе, что у него отнята возможность привести в исполнение собственное желание, так и о своем внуке Тиберии, который не только лишился римского престола, но и вместе с тем подвергается личной опасности, потому что его безопасность теперь в руках других, более могущественных лиц, которые не станут терпеть его рядом с собою. При этом император понимал, что и родственные узы не окажут Тиберию услуги, так как наследник престола будет бояться и ненавидеть его отчасти как претендента на власть, отчасти как человека, который не сможет не злоумышлять против его особы с целью совершить государственный переворот.

Тиберий был вообще предан учению о предзнаменованиях и более кого бы то ни было другого руководствовался этим в течение всей своей жизни. Так, например, однажды при появлении Гальбы¹¹⁶² он сказал своим приближенным, что входит человек, которому некогда выпадет на долю честь быть римским императором. Так как Тиберий более других императоров придавал значение предзнаменованиям, тем более, что неоднократно видел их оправдавшимися, то он руководствовался ими также в делах правления. Теперь его крайне огорчало все случившееся, он страдал, как будто бы его внук уже был умерщвлен, и упрекал себя в том, что так положился на предзнаменование. Ему ведь было так легко спокойно и без печали умереть в неведении будущего, а теперь приходилось расставаться с жизнью, предвидя грядущее горе наиболее близких ему людей. Хотя его и очень огорчало, что престол неожиданно перешел к нежелательному лицу, однако император, правда нехотя и с неудовольствием, обратился к Гаю со следующими словами: «Дитя мое! Хотя Тиберий мне и ближе, чем ты, однако я все-таки по доброй воле и с утверждения богов вручаю тебе власть над римским народом. Но при этом прошу тебя: не забывай, когда ты будешь императором, ни о моем к тебе благоволении, в силу

которого я поставил тебя на такое высокое место, ни о родстве своем с Тиберием. Знай, что я с соизволения богов даровал тебе такое благо, за которое ты вознаградишь меня, если подумаешь о родстве своем с Тиберием. С другой стороны, помни, что, пока он будет жив, Тиберий будет оплотом твоей власти и личности, а если умрет, то это будет началом твоего несчастья. Стоять одиноким на таком высоком посту тяжело, и боги не оставят безнаказанным беззаконное нарушение какого-либо предписания». Так говорил Тиберий. Впрочем, ему не удалось повлиять на Гая, который обещал ему, правда, повиновение, но который, вступив на престол, немедленно распорядился умертвить Тиберия, как то предвидел старый император. Однако и сам он недолго спустя погиб, пав жертвою заговора.

10. Несколько дней спустя после назначения Гая своим преемником Тиберий умер, пробыв императором двадцать два года пять месяцев и три дня. Таким образом Гай стал четвертым римским императором¹¹⁶³. Когда римляне узнали о смерти Тиберия, они очень обрадовались этому приятному для них известию. Они все еще не решались поверить этому, хотя они того и страстно желали (за верность этого сообщения они готовы были заплатить огромные деньги); однако вместе с тем они опасались, как бы в случае, если бы известие было опровергнуто, им не пришлось по доносам поплатиться жизнью за проявление такой своей радости. Ведь один этот человек совершил ужаснейшие преступления по отношению к римской знати, будучи крайне раздражительным и совершенно не умея сдерживать свой гнев, даже когда не было никакого повода к тому. Он ко всем относился крайне жестоко и за самые маловажные провинности сейчас же налагал смертную казнь. Поэтому, насколько римляне радовались при извещении о его смерти, настолько же им мешало предаваться этой радости опасение за то наказание, которому они подверглись бы, если бы слух оказался ложным.

Узнав о смерти Тиберия, вольноотпущенник Агриппы, Марсия, поспешил к последнему, чтобы сообщить ему эту добрую весть. Он застал его отправляющимся на купанье, наклонился к нему и по-еврейски шепнул ему на ухо: «Лев умер!» Агриппа сразу понял смысл этих слов, очень обрадовался и сказал: «Я тебя отблагодарю за все твои услуги и за эту добрую весть. Лишь бы это была правда». Сотник, которому было поручено наблюдение за Агриппой, видя, с какою поспешностью прибыл Марсия и какую радость вызвали в Агриппе слова его, подумал, не случилось ли что-нибудь особенное, и спросил их об этом. Те сперва старались уклониться от ответа, но когда сотник стал приставать к Агриппе, последний (успевший уже снискать его благоволение) открыто рассказал ему дело. Сотник разделил радость Агриппы, предвидя выгоду и для себя, и предложил ему вместе пообедать. Пока они еще сидели за столом и наслаждались вином, пришел кто-то с известием, что Тиберий жив и через несколько дней вернется в город. Тогда сотник страшно испугался, совершив проступок, за который полагалась смертная казнь, а именно, что он при известии о смерти императора на радостях пировал с арестантом. Поэтому он столкнул Агриппу с ложа и воскликнул: «Да разве ты думаешь, что безнаказанно обманул меня с известием о кончине императора? Ведь ты за это заплатишь мне головою своею». Затем он приказал вновь заковать Агриппу в цепи, которые он перед тем снял с него, и усилил за ним надзор. Это была страшная ночь для Агриппы.

На следующий день, однако, по городу распространилось известие, подтверждавшее кончину Тиберия; теперь население уже не боялось открыто говорить об этом; некоторые лица даже стали приносить [благодарственные] жертвы. Тем временем были получены письма от Гая. Одно из них было адресовано в сенат, которому Гай сообщал о смерти Тиберия и о том, что престол перешел к нему. Другое письмо было получено городским префектом Пизоном с тем же известием и приказанием освободить Агриппу из военной тюрьмы и перевести его в дом, где он жил до своего ареста. Теперь он мог спокойно ожидать будущего. Правда, он был еще подвержен аресту и охраняем стражею, но мог жить по своему усмотрению.

Когда затем Гай приехал с телом покойного Тиберия в Рим и, по римскому обычаю, устроил пышные похороны, он хотел в тот же самый день освободить Агриппу. Однако Антония отговорила его от этого, впрочем, не из нерасположения к арестанту, а потому, что заботилась, чтобы Гай не скомпрометировал себя и не навлек на себя обвинения, будто он так обрадовался смерти Тиберия, что немедленно освободил человека, подвергнутого покойным императором тюремному заключению. Впрочем, по прошествии нескольких дней Гай послал за Агриппой, велел его привести во дворец, поручил его заботам своего бравьера и портного, а затем возложил ему на голову диадему и провозгласил его правителем тетрархии Филиппа, к которой он присоединил еще тетрархию Лисания. Вместо той железной цепи, в которую был закован Агриппа, он подарил ему золотую такого же веса. Начальником стоявшей в Иудее римской кавалерии он назначил Марилла.

11. На втором году правления императора Гая [Калигулы] Агриппа просил разрешения отправиться в свои владения, чтобы устроить там дела свои. Затем он обещал возвратиться ко двору. Разрешение это было дано ему Гаем, и Агриппа поехал домой, куда, вопреки ожиданию всех, возвратился царем, причем наглядно показал людям, знавшим его некогда в бедности и теперь видевшим такое его благополучие, насколько велика сила судьбы. Они поздравляли его с тем, что его надежды сбылись, другие же не верили всему этому.

1. Между тем сестра Агриппы, Иродиада, бывшая замужем за тетрархом Галилеи и Перее Иродом, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что он занимает гораздо более высокое положение, чем ее муж, и вернулся, покрытый почетом и богатый, тогда как ему некогда пришлось спасаться бегством от кредиторов. Она печалилась и сердилась при такой перемене в положении брата, особенно же она была недовольна, когда видела Агриппу в царском облачении разъезжающим по улицам. Тут она не была в состоянии скрыть свое неудовольствие и зависть и уговаривала мужа отправиться в Рим и добиться там подобных же почестей. Она указывала на то, как трудно жить ей, если Агриппа, сын некогда казненного родным отцом своим Аристубула, человек, впавший в такую нужду, что люди из сострадания изо дня в день доставляли ему все необходимое для жизни, человек, уехавший от своих кредиторов, теперь вернулся домой царем, тогда как Ирод, сын царя, которому самое происхождение дает право на занятие такой высокой должности, сидит себе спокойно дома, оставаясь частным человеком. «Если ты, Ирод,- говорила она,- раньше не огорчался тем, что занимаешь положение ниже отца своего, то теперь по крайней мере воспользуйся своим царским происхождением и не оставайся позади человека, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы он добился своею бедностью большего, чем мы, так как мы можем многого достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тех, кто вчера еще и позавчера жили благодаря твоему состраданию. Поедем в Рим и не будем щадить ни труда, ни денег, потому что несколько не лучше копить деньги, чем добиться с помощью их царского престола».

2. Ирод настойчиво отклонял это предложение, любя свой покой и подозрительно относясь к шумной римской жизни. Иродиаду он старался отговорить от ее намерения. Ввиду этого последняя, однако, еще более приставала к нему, настаивая на том, что необходимо пустить в ход все, чтобы добиться царского престола. Она не раньше успокоилась, чем склонила его на свою сторону; впрочем, он не умел ей ни в чем отказать и подчинялся ее решениям. Итак, он приготовился к отъезду, который обставил всевозможною пышностью, не щадя для этого денег, и отправился в Рим в сопровождении Иродиады. Лишь только Агриппа узнал об их намерениях и приготовлениях, как и сам принял свои меры. Узнав об их отъезде, он отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, которому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Остальное Фортунат при случае должен был словесно сообщить Гаю. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом, и плавание его было столь благополучно, что он прибыл к императору одновременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, которому Фортунат сейчас же вручил письмо. Оба корабля одновременно пристали в Дикеархее. Гая они нашли в кампанском городке Байях, который отстоит от Дикеархеи на расстоянии пяти стадий. Тут в Байях находится целый ряд сооруженных с большими издержками императорских вилл, причем каждый государь старался при постройке этих дворцов перещеголять своего предшественника. В этой местности имеются бьющие из земли горячие ключи, которые отличаются целебными свойствами. Вообще, жизнь тут представляет много приятного. Гай только что разговаривал с Иродом, который явился к нему раньше других, как ему было подано письмо Агриппы, содержащее обвинения против Ирода. Дело в том, что Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тиберии и в заговоре с парфянским царем Артабаном, направленном против Гая. Он подкреплял свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70 000 воинов оружие. Гай, прочитав письмо, пришел в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии. Не имея возможности отрицать истину, Ирод признался, что это

так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил ее к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, которого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдунум [1164](#). Узнав, что Иродиада сестра Агриппы, император вернул ей ее личные средства и, полагая, что она не захочет разделить печальную участь своего мужа, сказал, что отныне защитником ей будет брат ее. Однако Иродиада ответила на это: «Государь! Ты великодушно и милостиво предложил мне исход, но мне мешает воспользоваться милостью твоею моя преданность мужу: я, разделявшая с ним все, когда он был счастлив, теперь не считаю себя вправе бросить его при перемене судьбы». Император рассердился на нее за это великодушие и приговорил ее к ссылке вместе с Иродом. Имущество ее он предоставил Агриппе. Такое наказание постигло Иродиаду от Господа Бога за ее зависть к брату и за то, что она легкомысленно уговорила мужа, а он ее послушался.

Первый и следующий год своего правления Гай являл себя великодушным государем и человеком мягким, чем и заслужил глубокую любовь римлян и подчиненных народов. С течением же времени он, благодаря своей власти, перестал считать себя обыкновенным смертным, сам провозгласил себя божеством и вообще начал всячески глумиться над Предвечным.

1. Тем временем между александрийскими иудеями и жившими в том же городе греками произошла распря, результатом которой было то, что к императору Гаю явилась депутация из трех выборных с той и с другой стороны¹¹⁶⁵. В числе представителей александрийских граждан находился также некий Апион, который возводил на иудеев тяжкие обвинения и, между прочим, утверждал, что они отказываются почитать императора. Все-де подданные Римской империи, говорил Апион, воздвигают в честь Гая алтари и храмы и всюду почитают его, как бога; одни только александрийские иудеи считают позорным воздвигать в честь его статуи и клясться его именем. На эти гнусные и тяжкие обвинения, которыми Апион естественно рассчитывал восстановить Гая против иудеев, готовился возражать главный представитель иудейской депутации. Филон, человек, пользовавшийся широкою известностью, брат алабарха Александра и большой знаток философии¹¹⁶⁶. Но Гай не разрешил этого Филону и приказал ему удалиться. При этом император был так озлоблен, что, очевидно, замыслил что-то ужасное против иудеев. Филон, оскорбленный, удалился и сказал при этом своим товарищам-иудеям, что они не должны терять мужества, так как Гай на словах, правда, страшно озлоблен против них, но на деле он уже успел восстановить против себя Предвечного.

2. Разгневанный тем, что одни иудеи так презирают его, Гай послал в Сирию легата Петрония, преемника Вителлия. Он приказал ему с сильною ратью вторгнуться в Иудею и, если иудеи добровольно уступят, воздвигнуть в храме Господнем его статую, если же они окажут сопротивление, сделать это с оружием в руках. Приняв начальство над Сириею, Петроний поспешил исполнить поручение императора. Он собрал возможно больше союзнических войск, присоединил к ним два римских легиона¹¹⁶⁷ и явился в Птолемаиду на зимовку, чтобы весною начать правильную войну. Об этих своих решениях он написал Гаю. Последний похвалил его за энергию и советовал не уступать, но неуклонно преследовать ослушников войною. Между тем толпы иудеев являлись к Петронию в Птолемаиду, моля его не побуждать их к противозаконным действиям и к нарушению древних установлений. «Если тебе уже безусловно необходимо воздвигнуть статую [императора],- говорили они,- то делай по-своему, но сначала перебей нас всех. Мы не в состоянии допустить вещь, запрещенную нам авторитетом законодателя нашего, а также нашими предками, которые в этом запрещении видели главное побуждение к добродетели». Петроний, сдерживая гнев, ответил: «Если бы я был императором и постановил бы это самолично, то обращение ваше ко мне имело бы смысл. Теперь же я, как уполномоченный государя, обязан всеми силами исполнить его предначертания, чтобы ослушанием не навлекать на себя тяжкого наказания». «Так как, Петроний, таково твое решение,- сказали иудеи,- а именно не нарушать повеления Гая, то и мы сами не станем нарушать предписания закона, которому мы, повинувшись Предвечному и памятуя о добродетели и трудах наших предков, до сих пор оставались верны; мы не решимся на гнусное нарушение тех предписаний, которые, по постановлению Предвечного, должны принести нам счастье, и все это из страха перед смертью. Поэтому мы попытаем счастья в бою за соблюдение наших древних установлений и знаем, что, раз мы решились подвергнуться опасности, у нас будет надежда с помощью Божиею на победу во славу Его, особенно если мы ради Его рискнем на все это и подвергнемся военной судьбе. Если же мы послушаемся тебя, то навлечем на себя страшный позор трусости как по отношению к самому факту нарушения законов, так и особенно тем, что вызовем неудержимый гнев Предвечного, которого ведь и ты сам признаешь более могущественным, чем Гая».

3. Видя из этих слов непоколебимость иудеев и то, что ему без боя не удастся исполнить

приказание Гая и воздвигнуть его статую придется лишь ценою страшной резни, Петроний решил в обществе своих приближенных и слуг отправиться в Тивериаду, чтобы ознакомиться с настроением тамошних иудеев. Сознывая всю опасность войны с римлянами, но считая гораздо более опасным и преступным нарушать законы, огромные толпы иудеев и здесь встретили Петрония по его прибытии в Тивериаду. Они умоляли его не доводить их до такой крайности и не осквернять города постановкою статуи. «Итак,- воскликнул Петроний,- вы желаете воевать с императором, не принимая во внимание его боевой готовности и своего собственного бессилия?» Иудеи отвечали: «Мы вовсе не желаем войны; мы охотнее умрем, чем нарушим законы». При этом они бросались наземь и открывали шеи, готовясь принять смертельные удары. Так поступали они в течение сорока дней. При этом они окончательно запустили свои занятия земледелием, несмотря на то, что было время посева. Они выказывали большую стойкость и полную готовность скорее умереть, чем допустить постановку статуи.

4. При таком положении дел Аристокбул, брат царя Агриппы, и Хелкия Великий, в сопровождении прочих знатных членов семьи и главнейших представителей народа, обратились к Петронию с просьбою, так как он видит решимость народа, не доводить последнего до наступления, но написать Гаю, как толпа противится постановке статуи, как она бросила даже земледельческие занятия, как она не желает и не может вступить в войну, но охотнее соглашается умереть, чем преступить свои законы, и как по причине невозделанности почвы явятся разбои неизбежным следствием этого и невозможности платить повинности. Быть может, Гай при таких условиях оставит свою мысль о насильственном образе действий и не захочет погубить народ во время возмущения. Если же Гай все-таки будет настаивать на своем прежнем решении начать войну, то тогда и Петроний сможет приняться за это дело. Такими представлениями товарищи Аристокбула старались уговорить Петрония. Видя, с одной стороны, столь серьезное отношение и настойчивые просьбы их, причем они не щадили средств убедить его, с другой же стороны, видя непоколебимость иудеев и считая большим грехом перед Всевышним пожертвовать жизнью стольких десятков тысяч людей в угоду сумасбродству Гая, Петроний, боясь также вечных угрызений совести, решил все-таки написать об этом Гаю — о невозможности исполнить его приказание, хотя и был уверен в страшном гневе императора за то, что не повиновался ему неотложно. Быть может, Петроний рассчитывал также уговорить императора, а в противном случае уже, если тот будет настаивать на своем безумном мнении, решил начать войну с иудеями. Даже если бы гнев императора обратился против него самого, Петроний готов был в силу своей доблести умереть за такое множество людей. Поэтому он решил послушаться иудеев, умолявших его.

5. Созвав иудеев в Тивериаду (куда явились несметные толпы их) и обратившись к ним с речью, Петроний сказал, что теперешний шаг он предпринимает не по собственному желанию, но по повелению императора, который приказал дать почувствовать его гнев немедленно всем тем, кто бы осмелился ослушаться его. Поэтому он, Петроний, который достиг такого почетного положения, считает своею обязанностью поступить вполне согласно повелению государя. «И тем не менее,- продолжал он,- я счел бы несправедливым пожертвовать своею личною безопасностью и своим почетным положением ради вас, которых так много. Я преклоняюсь пред величием закона, который вы, благодаря его древности, считаете своею обязанностью отстаивать, и преклоняюсь главным образом пред величием и могуществом Всевышнего. Я не могу допустить, чтобы храм Его был осквернен дерзким святотатством правителя. Поэтому я посылаю Гаю донесение о вашем решении и по силе возможности поддерживаю вас, чтобы доказать вам, что я соглашаюсь с вашими, вполне правильными взглядами. Предвечный же, могущество которого выше всякого человеческого начинания и уменья, да поддержит вас в соблюдении вами древних законов и да предохранит его (Гая) от того, чтобы он в своих нечеловеческих

требованиях не лишился окончательно того почета, к которому привык. Если же Гай выйдет из себя и направит против меня всю силу гнева, я готов идти на всякую опасность и подвергнуться всякому физическому и нравственному страданию скорее, чем видеть гибель вашу, гибель такого множества людей за столь славную идею. Теперь же пусть каждый отправится восвояси, к делам своим. Позаботьтесь о возделке земли. Сам я пошлю в Рим и не упущу ни лично, ни через друзей своих никакого случая, чтобы добиться для вас благоприятного результата».

6. С этими словами он отпустил иудеев, причем просил наиболее выдающихся из них принудить народ к занятию земледелием и успокоить его обещаниями всего лучшего в будущем. Так Петроний спешил ободрить народ. Предвечный в свою очередь явил Петронию свою помощь и заботливость во всем. Лишь только Петроний окончил разговор с иудеями, Всевышний ниспослал сильный дождь. Это было большою неожиданностью, потому что с самого утра этого страшно жаркого дня не было видно на небе ни одного облачка, да и жара в течение целого года отнимала у людей всякую надежду на дождь, хотя они иногда и видели на небе облачки. Когда поэтому теперь так неожиданно и внезапно полил сильный дождь, иудеи почерпнули в этом надежду, что и Петронию удастся его ходатайство за них. Сам Петроний поразился еще больше, видя воочию, насколько Предвечный заботится об иудеях и как он проявляет это; никто, даже если бы захотел, не мог бы утверждать противное. Поэтому все то, что Петроний написал Гаю, должно было побудить императора к перемене решения и заставить его отказаться от мысли довести до отчаяния столько тысяч человек. При этом Петроний поставлял на вид, что, если Гай распорядится перебить их всех (а по его мнению было ясно, что они без борьбы не допустят нарушения законов), он лишится доходов и подвергнет себя позору на вечные времена. Затем Петроний охарактеризовал Гаю могущество Бога, покровительствующего иудеям, как чрезвычайное, которое наверное не преминет вскоре же явить себя во всей своей силе.

Таковы были доводы Петрония.

7. Царь Агриппа, живший пока еще в Риме, все более и более сближался с другом своим Гаем. Однажды Агриппа пригласил его обедать, причем постарался превзойти всех как расходами, так и роскошью блюд и всяческих удовольствий, так что, не говоря уже о других, и сам Гай не мог бы, в случае желанья, не только превзойти его, но даже и померяться с ним в этом отношении. Одним словом, Агриппа превзошел самого себя и сделал все возможное в угоду императору. Преклоняясь перед его расположением к нему и перед великодушием, с которым Агриппа в угоду ему принудил себя понести огромные, чрезмерные расходы, Гай, желая в свою очередь не отставать от Агриппы и вознаградить его чем-либо за доставленное ему удовольствие, разгоряченный и развеселившийся от вина, которое ему постоянно подливал Агриппа за обедом, воскликнул: «Я и раньше чувствовал честь, которую ты мне всегда оказывал, и знаю твою великую преданность мне, выражавшуюся тобою с личной опасностью при Тиберии. И теперь ты ни в чем не изменил своего ко мне отношения и стараешься даже выше сил своих выказать мне свою преданность. Поэтому я, считая, что было бы постыдно уступать тебе со своей стороны в подобном же рвении, желаю теперь наверстать упущенное. То, чем я до сих пор одаривал тебя, конечно, были сущие пустяки. Теперь я хочу доставить тебе от всего сердца и по мере сил моих все, что могло бы сделать счастье твое полным». Гай говорил таким образом, предполагая, что Агриппа попросит себе обширной земельной собственности или доходов с каких-либо городов. Хотя у Агриппы была уже вполне готова просьба, однако он пока умолчал о ней, а тотчас ответил Гаю, что, как в прежних его добрых отношениях к нему вопреки желанию Тиберия, так и в теперешнем его добром расположении к нему, им, Агриппою, никогда не руководила мысль об извлечении для себя каких-либо выгод. То, что Гай дал ему раньше, уже является крупным вознаграждением, превосходящим всякие самые смелые

надежды. «Даже если бы дары эти,- сказал он,- и были меньше, чем они есть, то и в таком случае они все-таки явились бы слишком большою наградою за мою любовь и заслуги перед тобою».

Гай был поражен этою скромностью и стал настаивать, чтобы Агриппа сказал ему, чего он желает. Тогда тот сказал: «Государь, так как ты столь милостиво считаешь меня достойным награды, то я не стану просить тебя ни о чем таком, что имело бы в виду мое обогащение; ведь я, благодаря твоему великодушию, и без того не беден. Поэтому я попрошу тебя о такой вещи, которая даст тебе славу человека благочестивого, которая побудит Предвечного быть твоим защитником во всех твоих начинаниях и которою я смогу стяжать себе добрую память у всех, кто о том узнает; могу ли я рассчитывать на исполнение с твоей стороны моего желания? Прошу тебя, откажись от мысли воздвигнуть твою статую в иудейском храме, как ты о том послал распоряжение Петронию».

8. Хотя Агриппа понимал всю опасность этой просьбы (если бы Гай не согласился на исполнение ее, то ему предстояла бы неизбежная смерть), однако он сознавал все значение ее и решил попытать счастья. Гай был очарован любезностью Агриппы, с другой стороны, не желал оказаться лжецом перед столькими свидетелями, видевшими, как он сам настаивал на просьбе Агриппы, и не хотел, чтобы эти люди подумали, будто он сейчас же раскаялся в своем решении. Вместе с тем он изумился сдержанности Агриппы, который отстранил на задний план личное счастье в виде ли денежных доходов или другим каким-либо способом, и выставил вперед лишь общее благо, сохранение законов и поклонение Предвечному. Поэтому Гай согласился на исполнение просьбы Агриппы и тотчас же отправил Петронию письмо, в котором похвалил его за набор войска и за то, что он послал к нему за советом, как поступать дальше. В письме этом между прочим было сказано:

«Если ты успел уже воздвигнуть мою статую, то пусть она стоит; если же ты не успел еще сделать это, то не заботься дольше о том, но распусти войско и вернись к тому делу, ради которого я тебя первоначально послал. Я не интересуюсь более постановкою статуи и делаю это в угоду Агриппе, человеку, которого я слишком высоко чту, чтобы мог отказать ему в какой-либо просьбе».

Это письмо Гай написал Петронию раньше, чем получил его донесение о том, что иудеи оказывают отчаянное сопротивление и открыто выражают намерение вступить в борьбу с римлянами. Получив это сообщение, Гай страшно разгневался, что иудеи дерзнули испытать его могущество. Он был вообще человеком, который, если озлоблялся против кого-нибудь, уже не знал никаких пределов, но находил удовольствие лишь в удовлетворении своей злобы. Поэтому он послал Петронию следующий ответ: «Так как ты оценил дары, преподнесенные тебе иудеями, выше моих приказаний и осмелился в угоду им ослушаться моих повелений, то я повелеваю тебе самому быть своим судьей и решить, как тебе следует поступить, дабы почувствовать мой гнев. Я желаю, чтобы твоя судьба послужила уроком для всех в настоящее и будущее время, что нельзя не исполнять приказаний своего государя».

9. Такое письмо написал Гай Петронию. Однако последний не получил его при жизни Гая, так как путешествие тех, кому была поручена доставка этого письма, затянулась и Петроний раньше получил другое письмо с известием о смерти Гая¹¹⁶⁸. Господь Бог не забыл об опасностях, которым добровольно подверг себя Петроний в угоду иудеям и во славу Божию, но дал ему удовлетворение тем, что в гневе своем низверг Гая за его дерзкую попытку объявить себя божеством. Вместе с Петронием были довольны и Рим и вся империя, особенно же выдающиеся сенаторы, против которых необузданно свирепствовал Гай. Последний умер недолго спустя после отправки Петронию письма с приказанием ему покончить самоубийством. О причине смерти Гая и о характере составленного против него заговора я поговорю

впоследствии. Петроний сперва получил письмо, извещавшее его о смерти Гая, а немного спустя пришло то, в котором ему предписывалось покончить самоубийством. Он был доволен гибелью, постигшею Гая, и изумлялся Провидению, которое вознаградило его так быстро за оказанное им Господу Богу почтение и за спасение храма и иудеев. Таким образом, Петроний избег, сам того не зная, смертельной опасности.

1. Тем временем живших в Месопотамии и главным образом в Вавилоне иудеев постигло страшное, необычайное бедствие, выразившееся в том, что многие из них были перерезаны так, как раньше не бывало тому примера в истории. Чтобы в точности рассказать обо всем этом, мне придется изложить причины, поведшие к такому несчастью. В Вавилонии находится город Наардея, крайне оживленный, обладающий отличною и обильною землею. Ко всем прочим преимуществам присоединялось еще и то, что там был избыток населения. Город этот недоступен врагам, так как река Евфрат со всех сторон окружает его и он, кроме того, защищен стенами. В таких же благоприятных условиях находится на той же реке город Низибис. Уповая на укрепленность своих городов, тамошние иудеи удерживали у себя двойные драхмы, которые закон предписывает отдавать Предвечному, равно как не посылали никаких других жертвенных даров, и смотрели на свои города как на казнохранилища. Отсюда уже деньги при случае посылались в Иерусалим, причем огромные тысячные толпы людей сопровождали эту доставку денег из боязни перед грабежами парфян, которым Вавилония платила дань. В это время в Наардее жило два брата, Асинеи и Анилей. Так как они [рано] лишились отца, то мать приучила их ткать, тем более, что в этом, по понятиям местных жителей, не было ничего позорного; у них мужчины даже прядут шерсть. Однажды мастер, у которого они учились, стал выговаривать им за их опаздывания на работу и затем подверг их телесному наказанию. Юноши приняли это за личное оскорбление, собрали все хранившееся у них в доме оружие и отправились в такое место, где река разделяется на два рукава; тут были отличные пастбища и множество хлеба, запасенного на зиму.

К ним собрались все негоднейшие юноши; им братья роздали оружие, сами стали во главе их и не переставали руководить ими при совершении всевозможных гнусностей. Уповая на недоступность своего убежища и соорудив себе укрепление, братья стали посылать товарищей к соседним пастухам с предложением выплачивать известную дань овцами, которые могли бы им служить пищею. При этом они обещали, в случае повиновения, жить с пастухами в дружбе и ограждать их от всех врагов, откуда бы они ни явились, и угрожали перебить их стада в случае отказа. Так как при таких условиях не было выбора, то пастухи послушались и послали им столько скота, сколько те от них потребовали. Таким образом, силы юношей крепили и они были в состоянии внезапными нападениями вредить кому угодно по личному своему усмотрению. Всякий, кто имел с ними дело, старался задобрить их, а они наводили страх даже на смельчаков. Молва о них дошла наконец до парфянского царя.

2. Тогда вавилонский сатрап, узнав об этом и желая подавить мятежников в самом корне раньше, чем они успели бы натворить бед, собрал возможно большее войско из парфян и вавилонян и ринулся на них, имея в виду нагрянуть на них врасплох, пока они еще не узнали о готовящемся на них походе. Он тихо оцепил низменность и спокойно дожидался следующего дня. То была суббота, когда иудеи отдыхают от трудов. Полагая, что враги в этот день не решатся вступить с ним в бой и что ему придется лишь схватить и перевязать их, он понемногу начал подвигаться вперед, имея в виду затем сразу неожиданно нагрянуть на них. В это время Асинеи сидел со своими товарищами в стороне, причем оружие лежало вблизи их. Вдруг Асинеи воскликнул: «Товарищи, до меня доносится конское ржанье, но не коней, которые пасутся на свободе, а таких, на которых сидят всадники; при этом я слышу лязг удил, боюсь, как бы враги не застали нас врасплох и не окружили нас. Пусть кто-нибудь выйдет вперед соглядатаем, чтобы принести точную весть о случившемся; я желал бы, чтобы мое предположение оказалось ложным».

Так он говорил, и немедленно некоторые из его товарищей пошли удостовериться. Впрочем, они весьма быстро вернулись и сказали: «Ты нисколько не ошибся относительно действия врагов, которые более не желают, чтобы мы дольше издевались над ними. Они нас застигли хитростью и теперь нагрянут на нас с такою огромною ратью, что перебьют нас как скот, причем мы оказываемся бессильными что-нибудь поделывать, так как наш закон повелевает нам воздерживаться от всякого труда в сегодняшней день». Однако Асиной не разделял мнения лазутчиков на этот счет, но считал более разумным мужественно нагрянуть на врагов, чем спокойно дать убить себя; поэтому он предпочел прибегнуть в такой крайности к силе, на которую его побуждали обстоятельства; он решился даже преступить закон и готов был в случае необходимости умереть. После этого он взялся за оружие и тем подал пример смелости и храбрости своим товарищам. Итак, они ринулись на врагов, перебили множество их, которые столь беспечно рассчитывали на легкую победу, и обратили в бегство остальных.

3. Между тем парфянский царь, получив известие об этом сражении и удивившись мужеству братьев, пожелал лично повидать их и поговорить с ними. Поэтому он послал к ним самого верного своего телохранителя со следующим поручением: «Царь Артабан, хотя вы и позволили себе нанести дерзкое оскорбление ему и его стране, готов, однако, подавить свой гнев ради вашей доблести; он прислал меня предложить вам вступить с ним в союз, и с этою целью предоставляет вам безопасный проезд по всем его дорогам и просит дружественно явиться к нему без обмана и коварства. При этом он вам обещает подарки и такой почет, который вам при вашем теперешнем положении будет особенно полезен благодаря могуществу царя». Между тем Асиной сам не решился ехать, а послал своего брата Анилея с дарами, какие мог набрать. Тот отправился и вскоре предстал перед царем. Артабан, увидев одного только Анилея, спросил его о причине отсутствия Асиной. Узнав, что тот остался в своей низине из опасения, царь стал клясться всеми богами, что он никогда не обидит никого, кто явится к нему, полагаясь на его слово. При этом он протянул ему правую руку, что служит у всех варваров доказательством величайшего доверия. Никто из них, дав правую руку, никогда не счел бы себя вправе обмануть другого и никто не сомневается в своей безопасности, если получит это доказательство верности со стороны тех, кого он подозревал бы в желании причинить ему зло. Поступив таким образом с Анилеем, Артабан отослал его назад к брату для того, чтобы он уговорил его приехать к нему. Все это царь сделал, имея в виду воспользоваться доблестью этих иудейских братьев в свою пользу, а именно думая сделать из них себе оплот против своих собственных сатрапий, которые уже возмутились или собирались возмутиться. В таком случае он думал выпустить их против сатрапий; с другой же стороны, он боялся, что, если будет принужден к войне против мятежников. Асиной и вавилоняне лишь укрепятся в своем могуществе, при первом слухе о войне сами начнут неприязненные действия и в крайнем случае не упустят возможности по мере сил разорить страну.

4. С такими расчетами Артабан отправил Анилея. Последний крайне убедительно рассказал брату о любезности царя вообще, в особенности же о данной им клятве. В результате оба поехали к Артабану.

Последний принял их с большим удовольствием и удивился Асиной, который выказал такое геройство духа, тогда как на вид был так мал и настолько ничтожен, что вызывал во всех чувство презрения. При этом царь сказал друзьям своим: «он, очевидно, обладает душою гораздо более величественною, чем его тело». Во время пиршества царь указал на Асиной Авдагасу, начальнику своих телохранителей, и сказал, какой он славный герой и какую доблесть обнаруживает на войне. Однако Авдагас просил царя разрешить ему убить этого человека и тем воздать ему за все то зло, которое он причинил стране парфянской. На это царь ответил: «Не могу же я дать тебе такое разрешение по отношению к человеку, доверившемуся

моему слову, человеку, которому, кроме того, я дал свою правую руку и которому поклялся именем богов. Но если ты толковый человек, то не заставишь меня прибегнуть к нарушению клятвы и сам постарайся отомстить за погранную парфянскую страну. Поэтому, когда он пойдет назад, ты напади на него и без моего ведома расправься с ним». На заре царь послал за Асинею и сказал ему: «Юноша, теперь пора тебе вернуться восвояси уже для того, чтобы не возбудить в некоторых здешних полководцах зависти и не вызывать в них желания помимо моего ведома расправиться с тобою. Я тебе предоставляю вавилонскую область, дабы твоя заботливость оградила ее от грабежей и от всяких бедствий. Я считаю себя вправе видеть в тебе своего друга, так как я поклялся в своей верности, при этом ни в каких-нибудь мелких делах, а в серьезном вопросе, касающемся твоей личной безопасности». С этими словами он вручил ему дары и немедленно отпустил Асинея. По возвращении последнего на родину он принялся за сооружение крепостей и за укрепление запущенных местностей. Таким образом, он вскоре достиг большого могущества, какого раньше не достигал никто, кто собственной смелостью добился столь высокого положения. Также и парфянские полководцы, которые посылались в его распоряжение, весьма раболепствовали перед ним. Малым сравнительно с их почетом казался почет, который оказывали ему за его доблесть жители Вавилона. Таким образом, Асинею достиг величайшего могущества: все дела Месопотамии сосредоточились в его руках, и это счастье его длилось пятнадцать лет.

5. Несмотря на такую удачу братьев, в конце концов и их начали постигать бедствия, главным образом потому, что они обратили свою добродетель, при помощи которой достигли такой великой власти, в насмешку, решившись ради удовлетворения своих страстей и удовольствия преступить древние узаконения. Дело в том, что в их страну прибыл некий парфянский военачальник; он привез с собою и жену свою, которая отличалась всевозможными прелестями и красотой своего стана вызывала всюду удивление. О красоте ее либо узнал, либо лично в ней убедился Анилей, брат Асинея; он в нее безумно влюбился и вместе с тем был в большом затруднении, так как у него не было никакой надежды овладеть этой женщиной иначе как силою; а с другой стороны, он никак не мог противостоять своей страсти. Поэтому немедленно мух ее был признан врагом Анилея, и лишь только между ними произошел поединок, в котором, конечно, пал муж, женщина должна была насильно выйти за Анилея. Вместе с тем она вошла в дом братьев и принесла в одинаковой мере горе как Анилею, так и Асинею, и причиною этого послужило следующее обстоятельство. Когда она после смерти мужа была захвачена насильно, то принесла с собою также изображения богов, которых почитали она и ее муж. У жителей тех мест в обычае держать в домах божков и брать их с собою во время путешествий; так и она привезла их с собою по обычаю своей страны. Сперва она поклонялась этим божкам втайне, когда же стала женою Анилея, она стала по-прежнему почитать их и воздавать им те почести, которые воздавала при первом муже. Тогда наиболее приближенные к брату лица стали укорять Анилея, что он нарушает еврейские постановления и глумится над их законом, взяв себе в жены иностранку, которая отвергает жертвоприношения и установленное богопочитание. Пусть он смотрит, как бы ему в погоне за удовольствиями не пришлось потерять власть, которая теперь, благодаря Господу Богу, достигла такого значения. Однако они не только ничего не добились, но Анилей убил даже одного из наиболее почитаемых воинов за то, что он позволил себе слишком вольные речи. Умирая за законы, этот воин стал взывать к Богу о мести, которая должна была постигнуть Анилея и Асинея, и просил послать остальным товарищам такой же конец от руки врагов. Такая месть должна была постигнуть братьев за то, что они подали пример беззаконий, товарищей же за то, что они не поддержали его и допустили такие его страдания за глумление над законом. Товарищи очень опечалились, но пока сдерживали себя, памятуя, что они достигли благополучия исключительно

благодаря могуществу братьев. Когда же они услышали, что среди них происходит культ парфянских божеств¹¹⁶⁹, они не сочли возможным дольше допускать такое глумление Анилея над законами. Поэтому они в громадном количестве явились к Асинею и громко требовали от Асинея, чтобы он, если раньше не сумел соблюсти своих интересов, теперь по крайней мере вернулся на путь истинный раньше, чем его преступление станет причиною гибели как для него, так и для всех остальных. Затем они жаловались на то, что брак его с этою женщиною заключен против их законов и обычаев, и говорили, что культ этой женщины направлен к обещанию Господа Бога.

Асиной и сам знал прекрасно, что преступление его брата является и явится причиною великих бедствий; впрочем, он ничего не сделал, уступая родственному чувству, против брата, который был охвачен такою сильною страстью. Но когда ежедневно товарищи все в большем числе стали приставать к нему и все громче жаловаться на брата, он обратился к Анилею с соответственными представлениями и стал порицать его за прежние его поступки, потребовал прекращения этих безобразий на будущее время и велел отослать жену к ее родственникам. Однако он этим ничего не достиг; напротив, женщина, узнав, что народ волнуется из-за нее, и боясь, как бы Анилей не пострадал из-за любви к ней, подсыпала Асинею в пищу яду и таким образом освободилась от этого человека. При этом она не беспокоилась о последствиях своего поступка, так как судить ее пришлось бы ее же сожителю.

6. Став, таким образом, единовластным правителем, Анилей задумал идти походом на некоего Митридата, человека, занимавшего в стране парфянской высокое положение и женатого на дочери царя Артабана. Это владение он подверг разграблению, причем захватил здесь массу денег, рабов, скота и много другого, что может сделать жизнь человека приятною. Находившийся поблизости Митридат, узнав о захвате своих владений, страшно рассердился на то, что Анилей без всякого повода и невзирая на его высокое положение вздумал обидеть его; потому он набрал как можно более всадников, и притом наилучших, и явился во главе их, чтобы начать неприятельские действия против Анилея. Прибыв к одной из своих деревень, он расположился здесь на отдых, имея в виду на следующий день вступить в бой, так как следующий день была суббота, которую иудеи обыкновенно проводят в бездействии. Анилей узнал о том от некоего сирийца, жителя другой деревни; этот человек, между прочим, сообщил ему все в точности, а также указал ему место, где Митридат собирался ужинать; поэтому Анилей, накормив своих солдат заранее, ночью двинулся вперед в расчете застигнуть парфян врасплох. Около четвертой стражи¹¹⁷⁰ он напал на врагов, когда те еще спали, перебил многих из них, а остальных обратил в бегство. При этом он захватил Митридата живьем, посадил его голого на осла и повез с собою, а это у парфян считается величайшим бесчестием. Приведя его затем в таком жалком виде в лес, Анилей должен был приложить все старания отговорить товарищей своих, которые требовали смерти Митридата. Он указал им на то, насколько нехорошо убивать человека, занимающего у парфян столь высокое положение, притом особенно высоко чтимого у царя, благодаря родству с ним. Теперь дело еще возможно поправить, потому что, если Митридат и подвергся оскорблению, он все-таки будет относиться с благодарностью к тем, кто спас ему жизнь. Если же он подвергнется гибели, царь, конечно, не задумается устроить великую резню среди вавилонских иудеев. Последних, однако, следует пощадить как из родственных чувств, так и потому, что, если приключится какая-нибудь неудача, они лишатся последнего убежища, тем более, что цвет иудейского юношества уже призван под знамена. Так рассуждал Анилей и убедил собрание, которое отпустило Митридата.

Когда последний вернулся домой, жена встретила его упреками и спросила его, неужели он, зять царя, так спокойно отнесется к нанесенному оскорблению и не подумает отомстить обидчикам своим, удовлетворившись тем, что избег плена у иудеев. «Поэтому вернись теперь,-

сказала она, - к своей прежней доблести, или я должна поклясться своими царственными богами, что перестану быть твоей женой». Тогда Митридат, не будучи в состоянии выносить изо дня в день постоянные глумления, а с другой стороны, зная гордость жены и боясь расторжения брака с нею, против воли и неохотно решился собрать по возможности большое войско и двинулся во главе его на врагов. При этом он решил скорее погибнуть, чем попасть в руки иудеев.

7. Когда Амилей узнал, что Митридат приближается к нему во главе огромного войска, он счел постыдным оставаться в своих низинах, а не выступить навстречу врагам. Поэтому он, полагаясь на прежние свои удачи, рассчитывал и теперь справиться с врагами и думал, что, по обыкновению, возбудит мужество своих воинов. Таким образом, он двинул вперед свою рать. К его войску пристали многие лица в расчете поживиться на чужой счет во время грабежа; кроме того, эти люди думали утешить врагов своим внешним видом. Они прошли около 90 стадий, причем путь их лежал по безводной местности, был полдень и их страшно мучила жажда. Тут-то внезапно появился Митридат и нагрянул на них, истощенных жаждой и потому не бывших в состоянии в такую жару даже нести оружие. Началось постыдное бегство людей Анилея, так как им, утомленным, приходилось сражаться с бодрым неприятелем. Произошла страшная резня, и много десятков тысяч народа пало.

Анилей с трудом собрал остатки войска и спасся бегством в лес. Этим он доставил большую радость Митридату, который одержал такую победу. Впрочем, к Анилею вскоре собралось огромное количество всякого сброда, который несколько не дорожил своею безопасностью, но искал лишь минутной удачи. Конечно, эти люди несколько пополнили ряды его поредевшего войска, но они не могли сравниться с павшими, благодаря своей полной неподготовленности; впрочем, он с ними нагрянул на вавилонские деревни и подверг их полному опустошению. Тогда вавилоняне и прочие участники войны послали в город Наарду к жившим там иудеям с требованием выдать им Анилея. Это было тщетное желание, потому что иудеи, даже если бы и хотели, не имели возможности выдать его; поэтому они предложили заключить мир. Так как и те желали мира, то они вместе с вавилонянами послали людей к Анилею для переговоров. Вавилоняне, лично осмотрев и изучив то место, где расположился станом Анилей, ночью тайно напали на опьяненных и покоившихся в глубоком сне врагов и без труда перебили всех, и в том числе Анилея.

8. Таким образом вавилоняне освободились от столь тягостного им соседа, который до сих пор служил им препятствием в их действиях против иудеев. С последними они всегда сильно ссорились вследствие разности религиозных установлений, и обе стороны старались делать друг другу неприятности. Поэтому теперь с гибелью Анилея вавилоняне набросились на иудеев. Последние боялись насилия со стороны вавилонян и, не будучи в состоянии оказать им сопротивление в открытом бою, а с другой стороны, считая невозможным жить с ними, ушли в Селевкию, один из наиболее выдающихся городов, основанный Селевком Никатором. Население этого города составляют в большом числе македоняне, а еще в большем — греки; также имеется там значительное ассирийское население. В этот город бежали иудеи; тут они в течение пяти лет жили спокойно, на шестой же год в Вавилоне появилась среди них чума. Вследствие этого в Селевкию пришли новые иудеи. Их постигло тогда более крупное бедствие, о котором я сейчас расскажу.

9. Между греками и сирийцами Селевкии происходили постоянные споры и разногласия, причем, однако, победителями всегда оставались греки. Теперь же, когда в этот город переселились иудеи, перевес оказался на стороне сирийцев, потому что к ним примкнули иудеи, привыкшие к опасности и отличавшиеся также способностью воевать. Тогда греки, видя, что они в меньшинстве, и считая единственным средством к восстановлению своего прежнего значения по силе возможности разъединение иудеев и сирийцев, вступили в переговоры с теми

сирийцами, с которыми они раньше были близки, и обещали им мир и дружбу. Те охотно на это согласились. Таким образом, обе стороны вступили в переговоры, которые вели наиболее выдающиеся представители той и другой партии. Вскоре состоялось полное соглашение. После этого, желая дать друг другу веское доказательство взаимной дружбы, они воспользовались ненавистью к иудеям, напали на них неожиданно и перебили свыше 50 000 человек. Таким образом погибли все иудеи, кроме тех, кого спасли сострадательные друзья или кому дали возможность бежать близкие соседи. Беглецы направились в Ктесифон, город с греческим населением, недалеко от Селевкии. Тут царь обыкновенно проводил зиму, и здесь у него были собраны значительные запасы. Впрочем, и тут они не могли долго оставаться, потому что селевкийцы не питали никакого уважения к своему царю. Таким образом, все тамошнее иудейское население дрожало перед вавилонянами и селевкийцами, тем более, что все жившие в тех местах сирийцы соединились с селевкийцами с целью истребить иудеев. Поэтому многие иудеи ушли в Наарду и в Низибис из-за безопасности в этих городах и руководствуясь тем, что там была сосредоточена масса воинов. Таково было положение вавилонских евреев.

Предисловие

Материалы этой книги являются ценным источником прежде всего по истории Римской империи периода правления Гая Калигулы и начала правления Клавдия. Сведения Иосифа Флавия во многом дополняют жизнеописание Калигулы, составленное Светонием. Уникален материал Иосифа о событиях, связанных с убийством Калигулы и провозглашением императором Клавдия. Весьма подробно (в отличие от «Иудейской войны») автор повествует о правлении в Иудее Агриппы I, смертью которого и заканчивается эта книга.

1. Император Гай не только выказывал сумасбродство относительно иерусалимских и прочих живших в тех местах иудеев, но и в своем безумии свирепствовал по всему протяжению Римской империи, на суше и на море, преисполняя мир тысячами таких бедствий, о которых никогда раньше не было слышно. Наиболее чувствовал его гнет город Рим, который он нисколько не выделял из числа прочих городов; тут он своевольно обращался со всеми гражданами и особенно с сенаторами, главным же образом с теми, которые принадлежали к числу патрициев и пользовались почетом за знатное происхождение. Он ревностно преследовал сословие всадников, которые пользовались особенным почетом и значением благодаря своим деньгам и которые почитались одинаково с сенаторами [1171](#); из числа их поэтому пополнялись члены сената. Этим людям он подвергал бесчестию и изгнанию, убивал их и присваивал их имущество. Вообще все эти казни в большинстве случаев имели в виду разграбление имущества казненных. Он требовал себе божественных почестей и желал, чтобы подданные его поклонялись ему, как богу. Придя в храм Зевса [1172](#), который римляне называют Капитолием и считают наиболее священным капищем своим, он осмелился назвать Зевса братом. В прочих своих поступках также сказывалось безумие. Так, например, считая лишним проезжать на корабле от кампанского города Дикеархеи до другого приморского города Мизены и вообще признавая себя владыкой моря и земли и потому считая себя вправе требовать от них покорности, он соединил эти города, находящиеся на расстоянии тридцати стадий, мостом и оставил таким образом в стороне весь залив и ездил по мосту в колеснице, утешая себя тем, что ему, как богу, так подобает путешествовать [1173](#). Он не оставил ни одного греческого храма без разграбления; везде, где находились какие-нибудь рисунки или изваяния или утварь, он приказывал привозить все это к нему, говоря, что красивое обязательно должно находиться в красивейшем месте, а таким является город [Рим](#). Похищенными таким образом вещами он украшал дворец и свои сады, а также свои многочисленные, рассеянные по всей Италии, виллы. Он даже распорядился перевезти в Рим статую почитаемого греками Зевса олимпийского, работы афинянина Фидия [1174](#). Впрочем, это намерение его не было приведено в исполнение, так как архитекторы сказали Манлию Регулу, которому была поручена перевозка статуи, что изваяние сломается, если его вздумают сдвинуть с места.

Говорят, что Манлий по этой причине, а также потому, что ему явились во сне необыкновенные знамения, отказался от своего намерения и написал Гаю извинение, что не может исполнить его поручение. В результате он, конечно, подвергся бы казни, если бы его не спасла неожиданная кончина Гая.

2. Сумасбродство императора достигло такой степени, что, когда у него родилась дочь, он снес ее на Капитолий и положил на колени статуи Юпитера, уверяя, что этот ребенок в одинаковой мере принадлежит как ему, так и Юпитеру, что у нее, значит, двое отцов и что он, Гай, поэтому оставляет вопрос открытым, кто из них обоих является более могущественным. Между тем народ спокойно взирал на такие его поступки. Гай также позволил рабам выступать с какими угодно обвинениями против своих хозяев; конечно, все, что они говорили, было ужасно, потому что в угоду Гаю и по его понуждению ими возбуждались страшнейшие обвинения. Дело дошло даже до того, что некий раб Полидевк решился выступить с обвинением против Клавдия, и Гай не постеснялся явиться послушать судебное разбирательство по делу своего родственника; он питал даже надежду найти теперь предлог избавиться от Клавдия. Однако это дело у него не выгорело, ибо он преисполнил все свое государство наветами и злом, а так как он сильно восстановил рабов против господ, то теперь во множестве стали возникать

против него заговоры, причем одни участвовали в них, желая отомстить за испытанные бедствия, другие же считали нужным избавиться от этого человека раньше, чем он вверг бы их в большие бедствия. Поэтому смерть его была бы по законам всех народов всякому желательна, особенно же нашему народу, который чуть не погиб, если бы смерть Гая не наступила так быстро. Я желаю подробно рассказать о нем особенно потому, что этот рассказ должен возбудить во всех, которые находятся в каком-нибудь стеснении, большую уверенность во всемогуществе Божьем и дать им утешение; для тех же, которые считают счастье вечным, даже если оно не связано с добродетелью, тут заключается предостережение.

3. Тремя способами собирались умертвить Гая, и в каждом из этих заговоров инициаторами являлись благородные мужи. Так, например, Эмилий Регул, родом из иберийского города Кордубы, собрал товарищей, имея в виду либо при помощи их, либо самолично умертвить Гая. Во главе другой партии заговорщиков стоял трибун Кассий Херея; наконец, Аппий Минуциан был также готов покончить с этой тиранией. Причиной их ненависти к Гаю являлись различные обстоятельства. Так, Регул был человеком весьма вспыльчивым и с ненавистью относившимся ко всему, в чем проявлялась несправедливость; в его характере вообще была решимость и любовь к свободе, почему он и не скрывал своих планов, о которых сообщил друзьям и другим людям, казавшимся ему достаточно решительными. Минуциан пришел к своему решению вследствие желания отомстить за близкого друга Лепида, одного из выдающихся граждан, которого казнил Гай¹¹⁷⁵. С другой же стороны, его побуждал страх за самого себя, так как Гай и ему, подобно другим, выразил свой гнев и намерение казнить его. Наконец, Херея был возмущен теми упреками в трусости, которые швырял ему в лицо Гай, а с другой стороны, несмотря на свое расположение и готовность служить ему, отлично сознавал, что каждый день приносит ему опасность; поэтому он не усматривал в убиении Гая постыдного поступка. Все эти заговорщики считали удобным сообщать о своих намерениях тем, которые видели безобразия Гая и после его смерти могли надеяться избежать затруднений. Они рассчитывали на вероятный успех своего предприятия и в этом случае считали большим преимуществом располагать таким количеством добрых товарищей, которые на благо города и государства не задумались бы рискнуть собой даже с возможностью собственной гибели. Главным образом эти желания ободряли Херею, который желал прославиться; с другой же стороны, ему как трибуну, имевшему свободный доступ к Гаю, исполнение покушения представлялось менее затруднительным, чем другим¹¹⁷⁶.

4. В это время начались игры¹¹⁷⁷. Зрелище это особенно любимо римлянами, которые охотно стекаются в цирк и толпой приступают с просьбами о своих нуждах к императору. Последний не считает себя вправе отказывать им и всегда исполняет эти просьбы. И в этот раз народ приступил к Гаю с настоятельной просьбой об ослаблении поборов и облегчении бремени налогов. Гай не согласился, а так как народ слишком бурно выражал свои желания, он распорядился схватить крикунов и безотлагательно казнить их. Так велел Гай, и приказание его было исполнено; тут погибла масса народа. Чернь перестала кричать и в ужасе смотрела на это, убедясь воочию, насколько легко их просьбы могут повести к смерти. Между тем Херею все это побудило и еще более убедило в необходимости заговора и освобождения человечества от озверевшего Гая. Неоднократно собирался он покончить с ним во время пира, но каждый раз удерживался, не потому, что затруднялся его умертвить, но потому, что желал выбрать наиболее удачное время, чтобы наверняка привести в исполнение свой замысел.

5. Он служил уже продолжительное время, но общение с Гаем не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Когда Гай поручил ему собирание податей и всяких недоимок императорской казне, которые успели с течением времени удвоиться, Херея не торопился с этим делом, слушаясь более своего сердца, чем приказаний Гая, а так как он жалел и щадил

людей при взимании этих поборов, то возбудил против себя гнев Гая, и тот вследствие такого медленного собирания податей назвал его старой бабой. Император вообще глумился над ним, и всякий раз, когда на его долю выпадала необходимость просить о назначении пароля, тот назначал слово «баба», делая к этому всевозможные позорные добавления. Все это Гай делал, хотя сам не был свободен от упрека в неких таинственных похождениях. Дело в том, что он облакался в женские одежды и выдумал своего рода прическу, причем вообще придавал себе вид женщины; несмотря на все это, он осмеливался называть Херею такими позорными именами. Всякий раз, когда Херее приходилось являться за паролем, у него вскипал гнев, особенно когда ему приходилось сообщать пароль войску, потому что тогда товарищи его смеялись над ним. Всякий раз, когда он являлся с докладом к императору, они рассчитывали на немалое удовольствие. Поэтому у Хереи, который был доведен в своем гневе до крайности, окончательно созрела решимость наметить некоторых товарищей по заговору. Тут был некий Помпедий, имевший звание сенатора и прошедший почти все общественные должности; впрочем, он был эпикурейцем¹¹⁷⁸ и вел праздный образ жизни. На него донес его враг Тимидий, будто он позволил себе неприличные отзывы о Гае; при этом он призвал в свидетельницы актрису Квинтилию, отличавшуюся большой красотой и имевшую множество поклонников, и в том числе Помпедия. Женщина эта отказалась лжесвидетельствовать против него и тем навлекла смерть на своего возлюбленного. Тогда Тимидий потребовал для нее пытки. Гай в исступлении приказал Херее немедленно пытать Квинтилию; он охотно пользовался Хереей для приведения в исполнение смертных приговоров и вообще во всех тех случаях, когда требовалась известная жестокость. Он рассчитывал на особенную безжалостность Хереи, который, конечно, будет стараться избежать обвинения в слишком большой мягкости. Когда Квинтилию повели на пытку, она наступила на ногу одному из своих поклонников, побуждая его тем самым мужаться и не бояться за нее во время пытки, которую она собиралась перенести со стойкостью. Тогда Херея стал жестоко пытать ее, правда, он делал это против воли и лишь из необходимости, дрожа за самого себя. Затем, когда она все-таки ничего не сказала, он представил ее Гаю. Квинтилия своим истерзанным видом вызвала у всех присутствующих ужас. Сам Гай почувствовал при виде ее жалость, оправдал и отпустил ее и Помпедия, причем почтил ее даже денежным подарком в утешение за испытанные страдания и в награду за выказанную стойкость.

6. Этот случай расстроил Херею, как будто бы он добровольно причинял людям такие бедствия, которые вызвали сострадание даже в Гае; поэтому он сказал Клименту и Папинию, из которых первый был начальником стражи, а другой трибуном: «Мы, Климент, не можем упрекнуть себя, что не были на страже императора; из тех, которые составили заговор против его власти, мы, благодаря нашей предусмотрительности и старанию, одних казнили, других пытками привели в такое состояние, что они вызвали жалость даже в Гае; а кто станет укорять нас в нашем отношении к войскам?» Так как Климент молчал, а с другой стороны, покрасневшее лицо его показывало, насколько он стыдился предписаний императора, но не решался в видах своей личной безопасности говорить о безумии тирана, Херея стал в своих речах смелее и без стеснения говорить с ним об ужасах, постигших город и всю империю. При этом он сказал, что Гая упрекают во всех этих позорных поступках. «Но,- сказал он,- те, кто ищет истины, могут убедиться, что я и Климент, а также Папиний и более нас другие нанесли римлянам и всему человечеству ужасные удары, причем поступали так не по приказанию Гая, но по собственному своему желанию. Хотя теперь было бы время покончить нам с жестокостями по отношению к нашим согражданам и подчиненным, мы служим в качестве палачей вместо того, чтобы быть воинами, носим оружие не за свободу и за власть римлян, но на благо человека, который поработает тела и души. При этом мы ежедневно обагрям себя кровью убийства и пытаем этих людей до тех пор, пока кто-нибудь по приказанию Гая не

поступит точно так же и с нами. И, несмотря на все это. Гай не относится к нам с расположением, но скорее с подозрительностью, невзирая на множество принесенных ему нами человеческих жертв. Гай никогда не успокоится, потому что он ищет не справедливости, но наслаждения. Мы сами испытываем это на себе, тогда как нам бы следовало заботиться об общем благе и свободе и ограждать себя от всяких опасностей».

7. Климент очевидно отнесся сочувственно к мыслям Хереи, но советовал ему молчать, чтобы эти речи не проникли в народ, указывая на то, что если распространятся об этом слухи раньше исполнения и узнают о заговоре, то они будут подвергнуты смертной казни: следует все предоставить времени и связанным с ним надеждам, потому что счастье неожиданно улыбнется им. Сам он, конечно, слишком стар, чтобы идти на такие рискованные предприятия. «Конечно,- сказал он,- я сумел бы противопоставить твоим намерениям и речам нечто более безопасное, но кто бы мог выставить против них что-либо более благородное?» Затем Климент удалился в смущении от всего слышанного и сказанного... Между тем Херея испугался и поспешил к Корнелию Сабину, который также был трибуном. Он вообще знал его за порядочного человека, любившего свободу и потому враждебно относившегося к настоящему положению вещей. Он желал немедленно сообщить ему свои планы и побудить его к исполнению их, так как опасался болтовни Климента, а с другой стороны, ему надоели постоянные неизвестность и откладывание.

8. Сабину все это понравилось, тем более, что он и раньше был того же самого мнения и лишь потому молчал, что у него не было никого, с кем бы он мог безопасно поделиться своими мыслями. Теперь же, когда он нашел человека, который не только был готов молчать о слышанном, но и вполне разделял его мнение, он воспрянул духом и стал уговаривать Херею отнюдь не откладывать дела. Поэтому они отправились к Минуциану, человеку, не уступавшему им в доблести и одинаково с ними великодушному.

Этот Минуциан возбуждал в Гае подозрение после казни Лепида. Дело в том, что Минуциан и Лепид были очень дружны между собой, тем более, что их связывал постоянный страх за свою безопасность. На всех, занимавших высокое общественное положение, Гай наводил ужас, так как не переставал свирепствовать против каждого из них. Такие люди отлично знали, насколько каждый из них страдает при настоящем положении дел, но от общения друг с другом и от выражения своего настроения и ненависти к Гаю их удерживала боязнь за свою личную безопасность. С другой же стороны, они отлично понимали всеобщую ненависть к Гаю и потому не переставали дружественно относиться друг к другу.

9. И вот, когда эти три человека сошлись вместе, они поздоровались, причем по обыкновению, как и раньше, предоставили Минуциану первенство за его высокий сан, за то, что он был одним из выдающихся граждан и пользовался общей популярностью; так они поступали и раньше, особенно когда Минуциану приходилось говорить. Теперь Минуциан ласково спросил Херею, какой пароль назначил ему император на этот день. Весь город отлично знал, каким глумлениям подвергался Херея при назначении пароля. При этом ласковом обращении тот не желал более медлить и ответил Минуциану, что благодарит его за доверие и относительно этих вопросов желает поговорить с ним как с другом.

«Ты мне,- сказал он,- даешь теперь пароль свободы, и я тебе благодарен, что ты тем самым окончательно и всецело разбудил меня от сна, в который я был погружен. Я не нуждаюсь в длинных речах, которые возбудили бы мое мужество, раз ты того же взгляда на вещи, что и я; если мы были сообщниками раньше, то с тем сошлись сюда и сейчас; я опоясан лишь одним мечом, но этот меч будет достаточен для двоих; поэтому примемся за дело; будь ты руководителем, приказывай — и я пойду, куда ты захочешь; или же я сам при твоей помощи и твоём содействии возьмусь за дело. Люди, которые вносят в дело душу, не нуждаются в железе;

благодаря этой душе их и железо становится страшнее; я готов действовать, и меня не пугает представление о возможных моих страданиях; мне нет времени думать о своей личной опасности, когда приходится оплакивать рабство моего столь свободного некогда отечества, когда нужно плакать о попираемых законах и когда приходится оплакивать всех людей, падающих от руки Гая. О, если бы я удостоился в настоящую минуту найти в тебе верного судью, который смотрит на дело моими глазами и который меня не осудит!»

10. Минуциан отлично понял смысл этих слов, с радостью заключил Херею в объятия и укрепил его в его решимости. Затем он похвалил его и, обняв еще раз, отпустил со всевозможными благопожеланиями.

Некоторые уверяют, будто Херея был укреплен в своем намерении еще следующим случаем: дело в том, что когда он раз входил в здание совета, из толпы раздавался голос, побуждавший его исполнить предприятие и полагаться на Божество. Сперва Херея испугался, подозревая, что кто-либо из заговорщиков изменил и что теперь он будет схвачен. Однако, в конце концов, он убедился в том, что этот призыв обещает ему удачу, так как в нем сказывалось либо одобрение со стороны одного из товарищей, либо действительно Божество, взиравшее на все человеческие дела, этим побуждало его не терять мужества. Между тем слух о заговоре распространился среди многих, и все эти люди — сенаторы, всадники и простые воины — вооружились; не было вообще никого, кто бы не считал умерщвление Гая великим счастьем. Вследствие этого все, кто как мог, старались не только не отставать друг от друга в доблести, но по силе возможности от всего сердца словом и делом способствовать убиению тирана. Даже Каллист принадлежал к числу заговорщиков. Это был вольноотпущенник Гая, человек, достигший величайшей власти, почти такой же, как сам тиран, потому что все его боялись, между прочим, за его огромное богатство; он брал крупные взятки и позволял себе величайшие несправедливости, злоупотребляя властью и отлично зная непримиримую натуру Гая, который никогда не отступал от раз принятого намерения. Он также знал, что имеет много разнообразных причин бояться за свою личную безопасность; особенно тут играло роль его несметное богатство. Поэтому он сблизился к Клавдием¹¹⁷⁹ и тайно примкнул к нему в надежде, что после смерти Гая власть должна же будет перейти к Клавдию и что он тогда, благодаря своему влиянию, достигнет у него подобного же почетного положения, особенно потому, что заранее успеет доказать ему свою благодарность и расположение. По крайней мере, он позволил себе сказать Клавдию, будто Гай приказал ему отравить его, но будто он, Каллист, придумал различные способы уклониться от этого. Мне же кажется, что Каллист выдумал все это, чтобы заслужить расположение Клавдия, так как если бы Гай действительно решил избавиться от Клавдия, он не остановился бы перед отговорками Каллиста, да и Каллист, получив такое приказание, исполнил бы его; нарушая предписания своего государя, он бы сам немедленно подвергся наказанию. Я полагаю, что Клавдий избег безумства Гая лишь по воле Предвечного, Каллист же приписал себе заслугу, на которую не имел ни малейшего притязания.

11. Между тем, благодаря нерешительности большинства заговорщиков, планы Хереи отлагались со дня на день. Сам Херея неохотно соглашался на такую проволочку, считая всякую минуту удобной для этого. Такой случай представлялся, например, неоднократно, когда Гай ходил на Капитолий, чтобы принести жертвы за дочь свою. Тут нетрудно было сбросить его с высокой крыши на площадь, когда он стоял на этой крыше и кидал народу золотые и серебряные монеты; также не трудно было покончить с ним во время введенных им мистерий¹¹⁸⁰: он ведь заботился только о том, чтобы все было устроено как можно лучше, и совершенно не верил, что кто-нибудь мог предпринять против него что-либо. Если даже не было доказательств тому, что боги внушат Херею мысль покончить с Гаем, у него самого было достаточно силы и без оружия расправиться с ним. Поэтому Херея сердился на своих товарищей по заговору, боясь, что они

упустят удобный случай. Те должны были согласиться, что Херея прав и вполне основательно требует большей поспешности, но, с другой стороны, они просили его повременить еще немного, чтобы в случае, если бы предприятие постигла неудача, город не был приведен в замешательство тем, что начнут ловить соучастников преступления и тем отнимут у заговорщиков всякую возможность действовать, так как Гай будет им тогда недоступен. По их мнению, было бы лучше взяться за дело во время Палатинских игр. Эти игры установлены в честь первого императора, присвоившего себе власть¹¹⁸¹, и тут присутствуют, кроме самого императора, римские патриции с детьми и с женами, причем недалеко от царской ложи для них сооружается особая трибуна. Итак, заговорщики полагали, что в присутствии такой массы зрителей, собранных на столь небольшом пространстве, им нетрудно будет совершить покушение на Гая, когда он войдет в театр. Даже его телохранители, если бы и пожелали, не смогли бы оказать ему в этом случае помощь.

12. Так спешил Херея и, когда наступили игры, решил в первый же день привести в исполнение свое намерение; однако сильнее его была судьба, которая потребовала отсрочки. Таким образом прошли первые три дня праздников, пока наконец на четвертый и последний день дело было приведено в исполнение. Херея созвал своих товарищей и сказал им: «Уже много времени прошло, и это заставляет нас стыдиться, что мы в своем намерении были так долго нерешительны. Ужасно будет, если произойдет донос, который заставит рухнуть все наше дело и побудит Гая к еще большим насилиям; разве мы не видим, что отнимаем от свободы столько же дней, сколько мы потворствуем тираническому правлению Гая? Разве мы не должны на будущее время обезопасить себя и тем самым, дав остальным людям залог счастья, на веки вечные снискать себе удивление и всеобщий почет?» Но так как те не сумели на это ничего ответить и все-таки не решались взяться за дело, молчали и видимо были поражены, он сказал:

«Чего же мы, друзья, медлим? Разве вы не видите, что сегодня последний день игр и что Гай собирается совершить морское путешествие?» Дело в том, что император готовился отплыть в Александрию, чтобы посетить Египет. «Красиво будет, если мы при громе рукоплесканий римлян выпустим из рук своих этого безобразника для того, чтобы он с торжеством объезжал земли и моря; разве мы не испытаем справедливого стыда, если его умертвит какой-нибудь египтянин, который не сочтет возможным допустить его издевательство над свободнорожденными людьми? Я более не в состоянии выносить вашу медлительность и поэтому еще сегодня приступлю к своему предприятию, будучи готов с удовольствием снести все его последствия, которым в случае необходимости охотно подвергнусь. Что могло бы меня, разумного человека, более обидеть, если бы на моих глазах кто-либо другой покончил с Гаем и этим лишил меня моей славы?»

13. Сказав это, он не только еще более возгорел желанием осуществить свое дело, но возбудил и в остальных решимость, так что у всех возникло желание, не откладывая, осуществить предприятие.

С раннего утра, опоясавшись [коротким] всадническим мечом, Херея явился во дворец. Таков уже был обычай, что трибуны в подобном вооружении являлись к императору за паролем. В этот день именно на долю Херея выпала очередь принять пароль. Народ в большом множестве с громким криком и толкотней уже стекался к театру, чтобы запастись местами на зрелище. Между тем Гай с удовольствием смотрел на эту толпу и нарочно распорядился не оставлять свободных мест ни для сенаторов, ни для всадников. Все садились вперемежку: мужчины рядом с женщинами и рабы рядом со свободными гражданами. Между тем для Гая был оставлен свободный проход. Он стал приносить жертву в память Цезаря Августа, в честь которого и были установлены эти игры. Случилось так, что при падении одного из жертвенных животных была совершенно забрызгана кровью одежда сенатора Аспрена. Это обстоятельство вызвало смех Гая,

но для Аспрена являлось очевидно дурным предзнаменованием. Дело в том, что он был убит вместе с Гаем. Вообще рассказывают, что Гай в этот день, вопреки своему обыкновению, был особенно обходителен и настолько ласков и доступен, что все видевшие это были поражены. После совершения жертвоприношения он направился к своему месту и сел там, окруженный наиболее выдающимися из приближенных. Театр, который вновь ежегодно сооружался, был следующего устройства: он имел два выхода, из которых один вел на улицу, а другой оставлял открытыми вход и выход к портику, дабы находившиеся внутри зрители не подвергались стеснению; здесь же был выход для актеров и для музыкантов, которые могли удаляться в особое отделенное для них помещение.

И вот, когда толпа уселась по своим местам, а Херея со своими трибунами поместился недалеко от Гая, который занимал правую сторону театра, Ватиний, один из сенаторов и бывший претор, спросил сидевшего рядом с ним консуляра Клувия, не слышал ли он чего-нибудь нового. При этом Ватиний нарочно говорил так тихо, чтобы никто другой не расслышал его слов. Когда сосед ответил на это отрицательно, Ватиний сказал:

«А между тем, Клувий, имеется в виду представить убиение тирана». На это Клувий отвечал: «Помалкивай, милый друг, дабы кто из ахеян не услышал твоего слова»¹¹⁸². Затем стали кидать в зрителей огромное количество редких фруктов и разных дорогих и редких птиц; Гаю доставляло удовольствие смотреть на борьбу и драку, происходившие из-за них среди зрителей. Тут произошло два обстоятельства, которые могли заключать в себе дурное предзнаменование, а именно началось представление пьесы, в которой подвергался казни на кресте атаман разбойничьей шайки, а затем давалась пьеса, представлявшая историю Кинира. В этой пьесе умирали как сам Кинир, так и его дочь Мирра¹¹⁸³. Как во время казни разбойника, так и при умерщвлении Кинира, было пролито много искусственной крови. Рассказывают, что в этот же самый день некогда случилось убиение македонского царя Филиппа, сына Аминта, Павсанием, одним из его товарищей, в то время, когда Филипп входил в театр¹¹⁸⁴. Между тем Гай был в нерешительности, оставаться ли ему до конца игр в театре, так как то был последний день, или же пойти выкупаться и позавтракать, а затем вернуться назад. Тогда сидевший выше Гая Минуциан, опасаясь, как бы опять попусту не было потеряно время, и видя, что Херея встал и пошел к выходу, поспешил к нему, чтобы ободрить его, но в эту минуту Гай любезно удержал его снизу за одежду, спросив: «Куда же ты, милейший?» Тогда Минуциан, по-видимому, из уважения к императору, сел на свое место (на самом же деле он испугался), а немного спустя опять поднялся. Теперь уже Гай не препятствовал его уходу, полагая, что это обусловливается необходимостью. Между тем Аспрен, который также участвовал в заговоре, стал советовать Гаю по примеру прошлых дней пойти выкупаться и позавтракать, а затем уже вернуться. Этим он думал ускорить исполнение задуманного плана.

14. Херея со своими товарищами стали на известных пунктах, и каждый должен был стараться по мере возможности не покидать своего места. Между тем они тяготились провололочкой и постоянным откладыванием дела, тем более, что наступил уже девятый час дня. При нерешимости Гая Херея уже был готов броситься в его ложу и покончить с ним. Однако он понимал, что тут должно произойти большое кровопролитие, так как было налицо такое количество сенаторов и всадников; вместе с тем он был готов рискнуть на все, считая, что общая безопасность и свобода не будут куплены слишком дорогой ценой, даже если будет перебито столько народу. И вот поднялся шум, потому что Гай встал со своего места. Народ столпился у входа в театр, однако заговорщики стали отгонять и оттеснять народ, уверяя, что такое скопление рассердит Гая, на самом же деле потому, что желали наверняка совершить покушение и для того должны были по возможности удалить от Гая его защитников. Впереди Гая шли его дядя Клавдий, его зять Марк Виниций¹¹⁸⁵ и Валерий Азиатик, которых по их

высокому положению никоим образом невозможно было разлучить с императором; за ними следовал сам Гай с Павлом Аррунцием.

Когда он вошел во дворец, то миновал главный вход, где были выстроены прислуживающие ему рабы и через который прошли Клавдий и его товарищи, и свернул в узкий и темноватый проход, ведущий в ванную комнату. Тут он вместе с тем хотел взглянуть на мальчиков, прибывших из Азии, которые должны были во время устраиваемых им мистерий петь гимны или выступать в театре в качестве танцовщиков. Здесь его встретил Херея и спросил у него пароль; когда же тот ему опять ответил насмешкой, Херея, не задумываясь, произнес проклятие по адресу Гая, извлек меч и нанес ему жестокий, впрочем, не смертельный удар. Некоторые говорят, будто Херея умышленно не покончил с Гаем одним ударом, но хотел наказать его, нанеся ему целый ряд ран. Однако такой взгляд мне кажется невероятным, потому что в таких случаях страх не оставляет времени для размышлений; если Херея действительно имел в виду это, я считал бы его величайшим глупцом, который охотнее желал удовлетворить свой гнев, чем освободить себя и своих товарищей сейчас же от грозивших всем им опасностей. Ведь много было способов оказать Гаю помощь, если бы тот не умер тотчас же; в таком случае Херея, значит, думал не о том, чтобы отомстить Гаю, но о том, чтобы не наказать себя и товарищей, если бы он напрасно загубил себя и потерял время; между тем при удобном исходе он втихомолку мог избежать преследования стражи, причем раньше было совершенно неизвестно, насколько все это кончится удачно. Впрочем, предоставляю судить об этом каждому по его желанию. Между тем Гай, терзаемый болью (меч проник между плечом и горлом, и его остановила на пути ключица), даже не вскрикнул в первую минуту и не позвал никого из друзей своих, потому ли, что он не доверял им, или просто потому, что не догадался. Застонав от страшной боли, он сделал попытку к бегству. Тут его встретил Корнелий Сабин, который уже приготовился к этому. Он толкнул его, Гай упал на колени, и тут по данному знаку заговорщики окружили его и стали рубить его мечами, ободряя друг друга. Известно, что последний, окончательно смертельный удар нанес ему Аквила ¹¹⁸⁶. Однако Херею нужно рассматривать как настоящего виновника всего дела; если он привел свой план в исполнение в сообщничестве со многими, он был все-таки первым, который задумал это дело; он раньше всех других приступил к его осуществлению, первый смело решился говорить с остальными об этом; когда же они выслушали его призыв к покушению, он собрал заговорщиков отовсюду, везде являлся со своим советом и не только всюду достигал успеха, где он действовал путем убеждения; своими умелыми речами он убедил всех, даже нерешительных людей; когда же наступил момент действовать, то и здесь он был первым, который взялся за дело, произвел покушение и нанесением смертельного удара Гаю облегчил задачу остальным. Вследствие этого мы по справедливости должны приписать рассудительности, доблести и отваге Херея все то, что было сделано остальными.

15. Убитый таким образом Гай лежал на полу, покрытый множеством ран. Когда товарищи Хереи покончили с Гаем, то поняли, что им невозможно спастись тем же путем, каким они пробрались во дворец; с другой стороны, они ужаснулись своему поступку, потому что убийство императора было связано для них с большой опасностью ввиду того, что он был почитаем и любим безрассудной толпой, и солдаты, отыскав его, не оставили бы этого деяния без кровавой мести; с другой же стороны, коридор, в котором они совершили покушение, был узок и вблизи находилась большая масса прислуги, равно как те солдаты, на долю которых в этот день выпало охранять особу императора. Поэтому они избрали другие пути и проникли во дворец отца убитого Гая, Германика. Этот дом был связан с дворцом, так как собственно весь дворец составлял одно собрание различных пристроек, сооруженных разными правителями, дававшими каждой пристройке свое имя, либо по готовому зданию, либо по начатому. Таким

образом заговорщики избегли ярости толпы и пока находились в безопасности: бедствие, постигшее императора, не получило еще огласки. Весть о смерти Гая дошла сначала до германских телохранителей, называющихся так по народу, из среды которого набираются. Из них же набирается так называемый кельтский легион. Эти варвары легко раздражаются; этим они походят на некоторые варварские племена, отличающиеся недостаточной рассудительностью в своих поступках. Обладая страшной физической силой, они всегда совершают первый натиск на тех, которых считают врагами, и нередко пользуются успехом.

Когда они узнали об умерщвлении Гая, то страшно опечалились, впрочем, не потому, что подумали о том, что здесь произошло нечто не доблестное, но только оттого, что вспомнили о своей выгоде: Гай пользовался у них большой популярностью, успев снискать их расположение денежными подарками. Извлекши мечи, они под предводительством Сабина [1187](#), который был трибуном их не вследствие доблести или знатного происхождения (он был гладиатором), но сумел своей огромной физической силой снискать власть над этими людьми, бросились по всему зданию разыскивать убийц императора. Сперва им попался в руки Аспрен, которого одежда, как я выше рассказал, была забрызгана кровью жертвенного животного, что было дурным предзнаменованием. Его они искрошили на мелкие куски. Вторым попался им Норбан, один из благороднейших граждан, считавший в числе своих предков целый ряд полководцев. Так как они не обратили внимания на его сан и набросились на него, то Норбан, отличавшийся значительной физической силой, выхватил меч у первого попавшегося германца и нанес ему удар, тем самым показывая, что недешево продаст им свою жизнь. Однако массой нападающих он был наконец сбит с ног и пал, весь покрытый ранами; третьим попался им в руки Антей, один из сенаторов. Впрочем, германцы схватили его не случайно, как двух предшествующих лиц: ненависть к покойному Гаю, любопытство и желание убедиться в его смерти понуждало его проникнуть во дворец. Дело в том, что Гай не только не удовлетворился тем, что присудил к изгнанию его отца, которого тоже звали Антеем, но еще подослал солдат убить его. Итак, Антей явился сюда, чтобы испытать удовольствие от личного созерцания убитого. При суматохе, охватившей всех, он захотел спрятаться, но не избег германцев, которые в поисках убийц одинаково свирепствовали как над виновными, так и над невинными.

16. Таким образом погибли эти люди. Когда в театр пришло известие о смерти Гая, всех охватило смятение и недоверие. Одни с удовольствием приняли весть о его гибели и считали ее великим для себя счастьем, но не верили ей из страха. Были и такие, которые, не желая подобного конца Гаю, не могли поверить этому и никак не хотели свыкнуться с фактом, так как не считали возможным, чтобы какой-нибудь человек мог решиться на столь смелый поступок. К числу последних относились женщины, молодые люди, многие рабы и некоторые воины. Солдаты эти получали от него плату, поэтому поддерживали его тиранические наклонности, потворствовали его насилиям и, умерщвляя наиболее видных граждан, тем добивались личного почета и всяких выгод. Женщины и молодежь, как это обыкновенно бывает, увлекались даровыми зрелищами, гладиаторскими боями и массовыми истреблениями [зверей], которые производились как будто в угоду народу, на самом же деле служили лишь к удовлетворению сумасбродной жестокости Гая. Рабы получили при нем возможность обвинять своих господ и глумиться над ними, находя при каждом случае поддержку в самом императоре. Даже если они решались на ложные доносы на своих господ, им довольно легко верили; при этом нужно было лишь указать на денежные средства господ, и тогда рабы-доносчики получали не только свободу, но и вознаграждение за свои доносы, так как им полагалась за это восьмая часть всего имущества оклеветанных. Что же касается, наконец, патрициев, то, хотя многие из них и верили слуху об этом, так как, с одной стороны, знали о заговоре, с другой же, страстно желали умерщвления Гая, они, однако, должны были при этом известии либо молча скрывать свою

радость, либо подавать вид, будто совсем не слышат, о чем идет речь: одни боялись, как бы упования их не оказались ложными и как бы их не постигла кара, если они без стеснения выкажут таким образом свой взгляд на вещи; другие, хотя и были вполне уверены в справедливости слухов, однако, будучи соучастниками заговора, тем более хранили молчание, не зная настроения других лиц; при этом были и такие, которые боялись сказать что-либо лишнее людям, извлекавшим личную выгоду из тиранического правления Гая: они опасались доноса и наказания, если бы Гай остался в живых, так как [по городу] распространился слух, будто Гай только сильно ранен, не умер, но остался жив и находится на попечении врачей. Таким образом, никто никому не мог довериться и смело высказать свое мнение. Если собеседник был другом [Гая], то возникало подозрение, что он загубит вследствие своей приверженности к тирану, если же ненавидел императора, то его боялись и не верили ему именно в силу этой ненависти. Некоторые лица стали распускать слух (этим они особенно разочаровали и убивали патрициев), будто Гай, невзирая на опасность и не думая о своих ранах, явился, как был, залитый кровью на форум и там говорит с народом. Впрочем, эти слухи распространялись лишь теми людьми, которые старались посеять смуту и желали угодить всяким партиям. Между тем, однако, никто не покидал своего места, боясь, что, если уйдет, навлечет на себя ответственность: всякому приходилось опасаться, что его осудят не за действительный образ мыслей, но за то, что пожелают приписать ему обвинители и судьи.

17. Когда же толпа германских телохранителей с мечами наголо окружила театр, все зрители подумали, что настали их последние минуты. При каждом появлении германца они содрогались, как будто бы уже началась резня. Люди были в полном отчаянии, не смея удалиться из театра, а с другой стороны, видели, что дальнейшее их пребывание там связано с большой опасностью. Когда же германцы действительно ворвались в театр, поднялся крик и вопль; стали умолять воинов о пощаде, указывая на то, что преступление было совершено без ведома здесь собравшихся и что никто не знал о возмущении, если таковое действительно имело место. Поэтому их следует, вопили они, пощадить, не наказывать ни в чем не повинных людей за чужое преступление и стараться разыскать настоящих виновников того, что случилось. Таким и подобным образом, с воплем и отчаянием призывая и умоляя богов, кричали люди ввиду близкой опасности и видя неизбежность смерти. Гнев воинов смягчился при этом, и им стало жаль своего намерения относительно собравшихся в театре зрителей. Несмотря на всю свою озверелость, германцы наконец сами поняли жестокость, после того как они возложили головы Аспрена и павших вместе с ним на алтарь [в театре]. Однако зрители при этой картине еще более содрогнулись, видя, что тех не спасло их высокое общественное положение. Им особенно стало жаль их, так как и сами они вскоре могли подвергнуться такой же печальной и опасной участи, причем оставалось совершенно неизвестным, удастся ли им в конце концов избежать этой участи. Таким образом, даже те, которые от всей души и справедливо ненавидели Гая, были теперь лишены возможности радоваться постигшей его судьбе, так как они сами подвергались опасности погибнуть и у них не было никакой уверенности, что при теперешних обстоятельствах им удастся избежать как-нибудь этой своей гибели.

18. В то время жил в городе Эварест Аррунций, по профессии аукционный глашатай. Благодаря последнему обстоятельству он отличался громовым голосом. Кроме того, он был одним из самых богатых римлян и поэтому имел возможность как теперь, так и впоследствии приобретать какие угодно имущества в городе. Хотя он и ненавидел Гая всею силою души, однако страх за свою личную безопасность и боязнь лишиться жизни при выражении своего удовольствия в настоящую минуту побудили его прибегнуть к хитрости. Он притворился в высшей степени опечаленным, надел на себя траур, как будто потерял кого-либо из самых дорогих ему людей, и явился в театр, где со слезами объявил о смерти Гая. Этим самым он

положил конец неизвестности по поводу случившегося. Вскоре прибыл и [Павел] Аррунций, за которым послали. Он немедленно отозвал германцев, а сопровождавшие его трибуны приказали им вложить мечи в ножны. При этом они также объявили о смерти Гая. Это-то обстоятельство окончательно спасло всех, находившихся в театре, которым раньше угрожали германцы. Дело в том, что пока у последних еще имелась надежда, что Гай жив, они не останавливались ни перед какими насилиями: в них было столько расположения и привязанности к императору, что они готовы были отдать жизнь за него, чтобы оградить его от покушения или подобного несчастья. Когда же они получили определенное известие о смерти Гая, то весь их гнев и вся их мстительность сразу прекратились, тем более, что теперь было совершенно бесполезно стараться за того, кто погиб и не мог уже вознаградить их; вместе с тем им приходилось при дальнейших насилиях опасаться наказания либо со стороны сената, к которому могла теперь перейти верховная власть, либо со стороны вновь назначенного правителя. Поэтому германцы, правда неохотно, все-таки должны были сдерживать свой порыв, который охватил их при первом известии о кончине Гая.

19. Между тем Херея, который очень боялся, как бы Минуциан не попал в руки обезумевших германцев и не погиб бы, обращался к каждому воину, прося пощадить его, и всячески старался узнать что-либо о судьбе Минуциана. Тем временем Климент, к которому привели Минуциана, отпустил последнего и тем самым вместе с прочими сенаторами явно засвидетельствовал правильность совершенного поступка и доблесть тех лиц, которые задумали его, хотя и не могли лично почему-либо принять участие в этом деле. Таким образом, подтверждалось, что тиран, правда короткое время, может быть довольным, удовлетворяя свою страсть к насилиям, но что он вместе с тем не может рассчитывать хорошо окончить жизнь свою, так как он, благодаря ненависти к нему всех, в конце концов найдет такую смерть, какая постигла Гая. Последний ведь еще раньше, чем возник против него заговор и было решено покончить с ним, сам стал врагом себе. Этим самым он же показал, что, совершая безобразия и совершенно пренебрегая законами, он обратил своих лучших друзей в заклятых врагов. Итак, если эти люди теперь как будто и являлись убийцами Гая, то на самом деле Гаю приходилось себе же приписывать собственную гибель.

20. Теперь, когда стража удалась, все в театре поднялись со своих мест, чтобы уйти. Тут среди присутствующих произошли сильный шум и давка. Причиной такого поспешного бегства из театра явился врач Алкион, который отлучался под предлогом, что ему необходимо поспешить к некоторым тяжелораненым, и который усрал вперед своих людей якобы для того, чтобы они приготовили все нужное для операций над ранеными, а на самом деле с расчетом спасти их от опасности в настоящую критическую минуту. В это же самое время сенат собрался на совещание, а народ, по обыкновению, двинулся к Форуму и расположился там. Как сенаторы, так и народ занялись исследованием вопроса, кто убийцы Гая, причем народ взялся за это дело вполне серьезно, а сенат делал лишь вид, будто также серьезно заботится об этом. Между тем бывший консул Валерий Азиатик явился к народу, шумевшему и очень недовольному тем, что до сих пор еще не найдены убийцы императора. Когда все набросились на него с вопросом, кто же преступник, то Валерий рискнул сказать: «о, если бы им был я сам!»

В то же самое время консулы издали прокламацию с обвинениями против Гая. Здесь они предлагали народу и войскам разойтись по домам; при этом они обещали народу значительное сокращение налогов, а войску почетные дары, если только они соблюдут обычное спокойствие и не вздумают прибегать к насилиям. Дело в том, что возникло опасение, как бы народ и войска не обратились к грабежу и разорению храмов и город таким образом не пострадал бы при таком возбужденном состоянии их. Впрочем, скоро все собравшиеся сенаторы, особенно же заговорщики, учинившие убиение Гая, стали выказывать большую смелость и решимость, как

будто бы власть уже перешла в их руки.

1. Во время всех этих событий Клавдий внезапно был увезен из своего дворца. Дело в том, что солдаты собрались на сходку и стали совещаться относительно дальнейшего образа действий. Они понимали, что при обширности Римской империи демократический образ правления был бы неуместен, тем более, что в таком случае они сами остались бы внакладе. С другой стороны, рассуждали они, если какое-либо лицо сумеет захватить верховную власть в свои руки, им самим навсегда придется отказаться от своих выгод, так как они ничем не способствовали его возвышению. Поэтому, так как дела находились пока в столь неопределенном положении, они сочли наилучшим провозгласить императором Клавдия, дядю убитого Гая, тем более, что Клавдий не уступал никому из сенаторов ни в знатности происхождения, ни в образовании. При этом естественно было предположить, что Клавдий, будучи провозглашен ими императором, наверное воздаст им по заслугам и богато одарит их. Решив это, они немедленно приступили к исполнению своего плана, и таким образом Клавдий был уведен солдатами¹¹⁸⁸. Тогда Гней Сентий Сатурнин, лишь только узнал о том, что Клавдий уведен воинами, делая вид, будто неохотно принимает предлагаемое ему императорское достоинство, на самом же деле очень довольный этим, поднялся в сенате со своего места и безбоязненно и вполне достойно свободного и благородного человека обратился к товарищам со следующей речью:

2. «Римляне! Как это ни невероятно, однако мы достигли того, на что мы так долго не смели рассчитывать, а именно свободы. Правда, неизвестно, на сколь продолжительное время мы удержим ее. Это зависит от воли богов, даровавших ее нам. Теперь, однако, мы можем пока наслаждаться ею, и если бы даже мы [вновь] лишились ее, она все-таки принесет нам счастье. Ведь уже одного часа довольно для хороших людей, если только они проживут в течение этого часа с чистым сердцем и в свободном государстве по тем законам, благодаря которым эта их родина некогда достигла цветущего состояния. Что касается прежней нашей свободы, то я не могу здесь говорить о ней, так как, родившись значительно позже того [как мы ее утратили], я не знал ее; теперь же я вполне отдаюсь минуте и считал бы весьма счастливыми всех тех, кто родится именно теперь или в это время юн. После богов поэтому я считал бы особенно достойными всякого почета тех мужей, которые, хотя и поздно, однако все-таки и в таком возрасте дали нам возможность вкусить этой свободы. О, если бы эта свобода теперь навеки оставалась нам невозбранною! Нам же, будь мы молоды или близки к могиле, пусть будет удовлетворением хотя бы [один уже] этот день. Старики могут быть довольны, если, умирая, почувствуют все блага свободы, для молодежи же эта свобода будет доказательством и примером доблести мужей, даровавших им это благо и являющихся их предками. И нам поэтому, которые достигли уже зрелого возраста, не может быть другой, более священной задачи, как жить по заветам добродетели, которая одна может гарантировать человечеству свободу. Я сам знаю из примеров древности и убедился личным опытом о том, какими бедствиями преисполняют тираны свои государства, как они подавляют всякую доблесть, как отнимают у всех свободнорожденных всякую самостоятельность, как распространяют всюду лезть и страх, причем все дела ведутся не сообразно мудрости законов, но по произволу правителей. С тех пор как Юлий Цезарь решил отнять у народа власть и произвольным насилием над законодательством потряс основы государственности, попирая право и направляя все сообразно личному своему удобству, с тех пор не было такого бедствия, которое не постигло бы нашего города. При этом все преемники Юлия Цезаря, сколько их ни было, наперерыв друг перед другом старались о том, чтобы уничтожить древние установления и чтобы по

возможности избавиться от всех благородных граждан, считая необходимым в видах якобы личной безопасности привлечь на свою сторону самых отъявленных негодяев. Таким образом они не только подавляли всякую самостоятельность людей порядочных, но и считали своей задачей навсегда загубить последних. Хотя этих тиранов было много и каждый из них старался ознаменовать свое правление невыносимыми притеснениями, однако сегодня погибший Гай превзошел в своих преступлениях всех их, обращая свой необузданный гнев не только против сограждан, но и против своих родственников и приближенных; он одинаково насилует и безвинно наказывал всех и одинаково свирепствовал против людей и против богов. Ведь тирану недостаточно путем насилия удовлетворять своим страстям и распространять вокруг себя печаль, похищая имущество и жен своих противников; он находит удовлетворение лишь в безусловном и окончательном истреблении всей родни этих своих противников. А такими противниками его являются все свободомыслящие люди, и даже те не в состоянии снискать себе его расположение, которые терпеливо подчиняются ему и сносят его обиды. Так как эти тираны отлично сознают несправедливости, которые они причинили многим людям, а эти последние, в свою очередь, великодушно мирятся с постигшей их судьбой, то тираны наконец сами начинают думать, не будучи в состоянии обманывать себя относительно своей виновности, что только в том случае смогут гарантировать себе полную личную безопасность, если окончательно избавятся от этих несчастных. Теперь вы избавились от подобных бедствий и равноправны; а так как подобный способ правления наиболее способствует не только минутному благополучию, но и дальнейшему спокойствию и славе благоустроенного государства, то вы должны каждый подумать о том, как принести наивозможную пользу обществу и открыто высказать свое мнение, если кому-либо не нравится то, что сделано было до сих пор: пусть при этом никто не боится за свою безопасность, так как теперь уже нет более деспота, который безнаказанно мог бы причинить вред городу или мог бы своевольно умертвить лиц, без стеснения высказавших свое мнение. Тиранию ничто так не поддерживало, как трусость и боязнь противоречить ее предначертаниям. Подавленные, убаюканные спокойствием и приученные вести жизнь рабов, мы из боязни доблестно умереть старались избежать этого, сносили величайший позор и гнуснейшие бедствия и спокойно взирали на позорную смерть наших товарищей. Поэтому раньше всего следует оказать величайшие почести тем, кто избавил нас от тирана, а именно Кассию Херее. С помощью богов этот один человек как по своей сообразительности, так и вследствие своей решимости даровал нам свободу. Не следует об этом забывать, что мы должны сообразно с тем, как он единовременно не только подумал о возвращении нам свободы, но и подвергся опасности для достижения ее, недолго думая и размышляя, выразить ему за это наше почтение и благодарность. Является поступком прекраснейшим и достойнейшим свободных мужей воздавать благодарностью своим благодетелям; в числе последних находится и тот муж, который облагодетельствовал всех нас, при том совершенно не так, как это сделали убийцы Гая Юлия [Цезаря], Кассий и Брут. Они своим поступком посеяли смуту и междоусобные распри в государстве, этот же, убив тирана, тем самым избавил город от всяких бедствий».

3. Так говорил Сентий, и речь его была с восторгом принята сенаторами и теми всадниками, которые присутствовали в заседании. Тогда вдруг вскочил некий Требеллий Максим и совок с пальца Сентия перстень с камнем, на котором было выгравировано изображение Гая¹¹⁸⁹. Этот перстень Сентий, в пылу своей речи и сгорая желанием сделать то, что он только что совершил, забыл снять. В эту же самую минуту камень с портретом Гая сломался.

Между тем наступила ночь и Херея обратился к консулам¹¹⁹⁰ с просьбой назначить пароль. Они дали ему пароль, гласивший «свобода». Они при этом сами удивились, и подобный

поступок их вызвал даже недоверие. Дело в том, что теперь вновь, спустя сто лет после утраты власти, консулам пришлось назначать пароль: раньше чем город попал во власть тиранов, консулы были главнокомандующими над войсками. Получив этот пароль, Херея сообщил его солдатам, стоявшим у здания сенатского собрания. То были четыре когорты, которые охотнее желали оставаться совершенно без императора, чем служить тирану. Итак, войска ушли под предводительством своих трибунов, а затем разошелся по домам и народ, радуясь, полный надежд и упований и сознавая, что власть в его руках, а не в руках верховного вождя. Теперь Херея стал в глазах народа воплощением всех доблестей.

4. Между тем Херея был очень недоволен тем, что в живых оставались еще дочь и вдова Гая и что не вся семья его истреблена, так как он полагал, что все остающиеся в живых члены семьи его могут быть причиной гибели города и законов. А так как Херея хотел довести свое дело до конца и вполне удовлетворить свою ненависть к Гаю, то послал трибуна Юлия Лупа с приказанием убить вдову¹¹⁹¹ и дочь Гая. Луп получил это поручение, так как он был родственником Климента и так как было желательно, чтобы он, приняв хотя бы это участие в истреблении тиранов, мог гордиться своею гражданскою доблестью, как будто бы он принимал участие в заговоре с самого начала возникновения его.

Однако некоторым из заговорщиков казалось слишком жестоким убивать вдову Гая, потому что последний всегда действовал скорее по своим собственным природным побуждениям, чем по ее указаниям во всем, что принесло государству бедствия и погубило цвет его граждан. Другие же, наоборот, приписывали все ее влиянию и считали именно ее виновницей всех содеянных Гаем несправедливостей, говоря, будто она дала Гаю любовное зелье, чтобы окончательно поработить его себе и сделать из него игрушку своих прихотей. Этим-де она довела его до безумия и навлекла такое горе на судьбу римлян и всей подчиненной им империи. Таким образом, мнение, что ее следует умертвить, одержало верх, так как желавшие спасти ее ничего не смогли поделать, и Лупу было дано это поручение.

Последний не замедлил ни минуты с приведением в исполнение приказа посланных его, ибо не желал навлекать на себя укор в том, будто он задумался перед чем-либо, что могло послужить на пользу народа.

Придя во дворец. Луп нашел вдову Гая, Цезонию, рядом с трупом убитого, лежащим на земле, совершенно не удостоившимся того, что закон повелевает оказывать мертвому. Цезония была покрыта кровью, которая вытекла из ран покойного ее мужа, и представляла картину полнейшего несчастья и отчаяния, а рядом с ней на полу лежала ее дочь. Женщина твердила только одно: она упрекала Гая, что он не хотел послушаться ее, когда она неоднократно уговаривала его. Уже тогда эти речи вдовы Гая подверглись двоякого рода толкованию, да и теперь еще можно понимать их так или иначе, как угодно. Одни истолковывали эти речи в том смысле, что она уговаривала его отказаться от своей безумной жестокости по отношению к гражданам и мягко и добропорядочно править делами, чтобы не погибнуть от руки граждан. Другие же уверяли, будто, когда стали распространяться слухи о существовании заговора, она советовала Гаю, не откладывая, перерезать всех заговорщиков, даже если они еще не успели причинить ему никакого зла, и тем обезопасить себя; таким образом будто бы в ее словах заключался упрек в бездеятельности в то время, как она уговаривала его принять решительные меры. Таковы были речи Цезонии, и таким-то образом люди истолковывали их.

Когда Цезония заметила приближающегося Лупа, она указала ему на труп Гая и со слезами и стоном просила подойти поближе. Когда же она увидела, что Луп явился вовсе не из сострадания к ней и не для того, чтобы оказать ей поддержку, она сразу поняла причину его прихода и с полной готовностью обнажила шею, умоляя его в полном отчаянии готового к смерти человека не медлить дольше и привести в исполнение то, что ему поручено. Таким

образом Цезония мужественно пала от руки Лупа, и вместе с ней погибла также ее дочь ¹¹⁹². Луп после этого поспешил известить о том Херею и его товарищей.

5. Таким образом погиб Гай после четырехлетнего без четырех месяцев правления над римлянами. Еще раньше, чем власть перешла к нему, он явил себя человеком жестоким и в высшей степени испорченным, преследовавшим исключительно свои личные удовольствия и доступным клевете; он легко пугался всего и поэтому был кровожаден там, где мог бы быть вполне покоен; всю свою власть и безумное чванство он направил к тому, чтобы обижать наименее того заслуживающих людей; при этом он извлекал для себя выгоды из казней и противозаконий. Он желал быть и казаться выше самого Бога и Его законов, с другой же стороны, рабски преклонялся перед похвалой толпы. Все то, что закон считает постыдным и клеймит позором, он признавал высшей добродетелью. Он совершенно забывал о своих друзьях, несмотря даже на бесчисленные крупнейшие услуги их, и за мельчайшие провинности готов был жестоко наказывать их. При этом он считал враждебным себе все то, что делалось в видах добродетели, и принимал все, даже самое невероятное, если только к тому побуждала его страстность.

Так, например, он находился в близких сношениях с родной сестрой своей ¹¹⁹³, что и положило начало особенной ненависти граждан к нему, так как они этому сперва не хотели верить и такой безобразный поступок доселе был в истории еще неизвестен. С другой стороны, никто не был бы в состоянии привести в пример какой-либо великий чисто царственный поступок его на пользу его современников или потомства. Исключение составляют разве только задуманные им гавани в Регии и Сицилии для стоянки прибывающих из Египта судов с хлебом. По общему признанию, эти сооружения имели громадное значение и представляли большую пользу для моряков. Однако он так и не довел их до конца, и дело остановилось на полпути. Причиной тому служило то обстоятельство, что Гай думал о разных ненужных вещах и тратил деньги на свои удовольствия, которые могли удовлетворить его одного и которые делали невозможным более щедрый отпуск сумм на полезные предприятия.

Между прочим, Гай был отличным оратором, одинаково хорошо владевшим греческим и латинским языками. При этом он сразу понимал все; пока другим приходилось соображать и сопоставлять, он сразу находил, что ответить, и тем далеко оставлял за собой любого оратора в любом деле. Он развил свои природные дарования трудом и достиг силы в этом отношении благодаря усидчивому труду.

Будучи внучатым племянником Тиберия, преемником которого ему пришлось сделаться. Гай должен был особенно заботливо отнестись к требованиям образования, потому что сам Тиберий придавал образованию большое значение.

Повинуясь своему родственнику и подчиняясь требованиям императора, Гай старался угодить ему в этом смысле. Таким образом, он занимал в этом отношении одно из первых мест среди своих сограждан; впрочем, плоды его образования не были в состоянии оградить его от гибели, надвигавшейся на него вследствие его произвола. Так тяжела добродетель самообладания для тех, которые могут не отдавать [никому] отчета в своих действиях и следовать личному своему желанию. Первоначально Гай окружил себя друзьями и по своему образованию и любви к славе стремился иметь дело с наиболее достойными людьми, пока с увеличением его произвола он понемногу не стал утрачивать свою популярность; когда же, наконец, ненависть к нему стала возрастать, ему пришлось погибнуть от руки заговорщиков, бывших первоначально его приближенными.

1. Когда Клавдий, как я выше рассказал, расстался с Гаем и услышал, что весь дворец огласился криками и стонами по поводу смерти Цезаря, он стал беспокоиться относительно своей личной безопасности и спрятался в узком проходе; впрочем, он знал, что ничто, кроме его высокого происхождения, ему не может теперь повредить. Дело в том, что он вел замкнутый образ жизни частного человека и вполне удовлетворялся этим, работая над расширением своего образования и особенно занимаясь греческой литературой. Таким образом, он вполне ушел от шумной внешней жизни. И вот, когда теперь народ находился в большом смятении, весь дворец был преисполнен обезумевшими солдатами, а отряд телохранителей обуяли те же смущенность и растерянность, что и частных лиц, так называемые преторианцы, представлявшие из себя отборный отряд войска, собрались на совещание о том, что следует предпринять.

Все эти воины менее всего думали о том, чтобы отомстить за смерть Гая, которого постигла лишь вполне заслуженная кара, а скорее заботились о своем личном благосостоянии, подобно тому, как германцы, столь кровожадно преследовавшие убийц, делали это скорее в своих личных интересах, чем для общего блага.

Все это, однако, приводило в смущение Клавдия, который стал беспокоиться за свою участь, особенно когда увидел, как пронесли головы Аспрена и его товарищей. И вот, под покровом ночи, он стал на возвышении, к которому вело несколько ступеней. Тут его увидел Грат, один из дворцовых солдат, и так как он не мог разглядеть в темноте лицо его, с другой же стороны, думал, что имеет, вероятно, дело с человеком злонамеренным, подошел к нему поближе и, когда Клавдий просил его удалиться, стал наступать на него. Схватив его, он, однако, признал Клавдия и, обратившись к товарищам, воскликнул: «Да это Германик [1194](#), возьмем и провозгласим его императором». Когда же Клавдий увидел, что воины собрались насильно увести его, он испугался, как бы его не постигла участь Гая, и стал молить о пощаде, напоминая солдатам о том, что он никогда никого не притеснял и вообще находится в полном неведении о случившемся. Тогда Грат с улыбкой схватил его правую руку и сказал: «Перестань же повторять малодушные слова о своем спасении; будь храбр и подумай об императорской власти, которую боги, заботясь о вселенной, отняли у Гая и предоставили теперь тебе в награду за твою добродетель. Иди и воссядь на троне своих предков!» При этом он поддержал Клавдия, который от страха, а также от радости едва держался на ногах.

2. Между тем к Грату присоединилось еще много телохранителей, которые, видя, что Клавдия куда-то ведут, опечалились, так как предполагали, что его тащат также на казнь; а между тем они знали его как человека всегда очень смиренного, который неоднократно при правлении Гая подвергался со стороны последнего значительным опасностям. Поэтому некоторые воины решили обратиться к консулам за заступничеством за него. Тем временем число прибывавших солдат все росло и росло; приближенные же Клавдия, которому по его физической слабости было очень тяжело идти [1195](#), разбежались, равно как разбежались при известии о взятии Клавдия и его слуги, которые обыкновенно носили его носилки. Они все думали, что пришел конец их господину. И вот, когда воины и Клавдий пришли к площадке на Палатинском холме (тут, по преданию, были воздвигнуты первые постройки города Рима и тем положено его основание) и собирались решить участь народа, толпа солдат стала прибывать. Все они с радостью желали взглянуть на Клавдия и из расположения к Германику особенно охотно готовы были провозгласить его императором: Клавдий ведь был братом Германика, а последний, как известно, распространил свою славу на всех близких ему. При этом солдатам пришло на ум вспомнить о корыстолюбии лиц, заседавших теперь с властью в руках в сенате, и

о том, какие беззакония эти люди позволяли себе в предшествующие царствования. Вместе с тем они подумали также о своем собственном безвыходном положении, в котором они очутились бы, если бы был выбран кто-нибудь другой в императоры, тогда как если эта власть перешла бы при их посредстве и благодаря их преданности именно к Клавдию, они могли рассчитывать на то, что он в память этой услуги воздаст им так, как того заслуживала их помощь.

3. Таким образом рассуждали воины между собой и сообщили свои взгляды на дело вновь прибывавшим. Узнавая, в чем дело, последние охотно присоединялись к решению, и затем воины окружили Клавдия плотной стеной и торжественно повели его в казарму, чтобы там никто не мог помешать их начинанию. Тем временем, однако, произошел разлад во взглядах народа и сенаторов. Последние добивались прежней власти, пользуясь представившимся случаем, хотели свергнуть с себя иго, которое наложили на них насилия тиранов. Народ, между тем, относился к этому недоброжелательно, так как понимал, что в лице императора имел сдерживающее начало против притязаний знати и мог опереться на личность императора и потому радовался уводу Клавдия, предполагая, что избрание его на престол положит предел междоусобной смуте. Пример тому был уже при Помпее. Когда сенат узнал, что Клавдий в сопровождении солдат прибыл в казарму, то послал к нему нескольких выдающихся членов своих с советом не настаивать на получении престола, но уступить сенату, против численного превосходства которого он стоит одиноким, и предоставить законной власти заботиться об общем благе; пусть он при этом вспомнит, насколько прежние правители повредили государству и насколько он сам вместе с ними, сенаторами, подвергался разным опасностям со стороны Гая. Итак, если он был возмущен тягостью тиранических насилий других, то пусть сам добровольно не осмеливается предпринять что-либо против блага своей родины. Если он послушается их и удовлетворится по-прежнему прочным почетом спокойной жизни частного человека, он удостоится этого почета со стороны своих свободных сограждан и сможет снискать себе славу доблестного мужа, который в пределах законности готов находить благо не только во власти, но и в добровольном своем отречении. Если же он не разделяет их взгляда и не примет в соображение примера Гая, они сумеют с ним справиться: на их стороне большая часть войска, у них большие запасы оружия и они располагают множеством рабов, которые сумеют воспользоваться этим оружием. Главная при этом надежда их сводится к тому, что судьба и боги оказывают поддержку лишь тем, кто доблестно идет в бой за правду, а такими, в свою очередь, являются все те, кто готов сразиться за независимость своего отечества.

4. Так говорили посланные, Вераний и Брокх (оба были народными трибунами), причем пали на колени и просили не навлекать на государство войн и бедствий. Когда же они увидели, какая масса воинов окружает Клавдия и что в этом случае сами консулы не смогут ничего поделать, они просили его, если он уже непременно добивается власти, принять таковую от сената: ведь он будет править куда спокойнее и счастливее, если добром получит эту власть от сената, чем если добьется ее путем насилия.

1. Понимая, с каким расчетом были посланы эти депутаты, Клавдий, однако, в данную минуту под влиянием их слов был готов идти на некоторые уступки. Впрочем, он уже успел оправиться от страха за свою личную безопасность, с одной стороны, потому что ему придавало мужества наличие войск, а с другой, царь Агриппа советовал ему не выпускать из рук такую явившуюся к нему сама собою власть. Между прочим, Агриппа поступил и относительно Гая так, как мог поступить человек, которого тот столь любил. Дело в том, что он взял и снес труп Гая на его ложе, покрыл его там одеялами, а затем отправился к отряду телохранителей и объявил им, что хотя Гай еще жив, однако сильно страдает от полученных ран и требует медицинской помощи. Когда же Агриппа услышал, что солдаты увели Клавдия, он побежал к нему и застал его в ту самую минуту, когда тот был в полном смущении и уже намеревался уступить требованиям сената. Он ободрил Клавдия и советовал ему не упускать власти. Затем он отправился к себе домой. Когда из сената прислали за ним, он умастил себе волосы, как будто бы только что явился с пира, пришел в собрание и спросил сенаторов, что подельывает Клавдий. Сенаторы сообщили ему о положении дел и спросили его мнения насчет этого. Тогда Агриппа ответил, что он сам охотно готов умереть за сенат, но что нужно иметь в виду [общую] пользу и отрешиться от всего, что могло бы быть полезно отдельным личностям. Он сказал, что, если сенаторы хотят удержать власть в своих руках, им нужно будет подумать об оружии и войске, которое могло бы оградить их, чтобы им неожиданно не попасть впросак неподготовленными. Когда же сенат возразил, что у него в распоряжении масса оружия и будет много денег, что у них уже имеется некоторая часть войска и что они уже согласились освободить с этой целью рабов, Агриппа воскликнул: «Да будет вам, сенаторы, удача во всем сообразно вашему желанию! Я должен теперь без обиняков высказать свое мнение, касающееся общего блага. Знайте, что войско, которое готово сражаться за Клавдия, испытано долголетней службою. Наша же рать будет состоять из разного сброда и случайно освобожденных рабов, а это скверно. Нам придется сражаться с испытанными воинами и выставить против них людей, навряд ли знающих, как извлечь меч из ножен. Поэтому мне сдается, что следует послать теперь же к Клавдию депутатов с предложением отказаться от власти, и я сам готов принять на себя это поручение».

2. Так сказал Агриппа. С ним согласились, и он был вместе с другими послан к Клавдию. Говоря с ним наедине, он советовал ему отвечать потверже, как достойно будущего императора, и опираться при этом на могущество своей будущей власти. Поэтому Клавдий отвечал, что он нисколько не удивится, если сенат неохотно подчинится чужой власти, так как он уже столько выстрадал от жестокости прежних правителей; теперь же настали более благоприятные времена, сенаторы испытают его, Клавдия, мягкость, так как он лишь по имени будет правителем, на деле же готов с ними делиться этой властью. Ввиду того что он на глазах их вел столько разных дел, они навряд ли не поверят ему. С такими данными депутаты были отправлены назад. Затем Клавдий потребовал от собравшихся воинов присяги на верность и подарил каждому из телохранителей по пяти тысяч драхм; начальствующим лицам он сделал соответственно большие подарки и обещал всем частям войск, где бы они ни были расположены, подобное же вознаграждение.

3. Между тем консулы, несмотря на поздний ночной час, созвали сенат на совещание в храм Юпитера-Победоносца. Однако при известии об ответе Клавдия одни испугались и спрятались в городе, другие поспешили уехать в свои поместья, предвидя, к какому печальному концу придет все дело, и потому они отказались от мысли о свободе и предпочитали в

безопасном подчинении вести бездеятельный образ жизни, чем сохранить за собой власть и положение своих предков и постоянно дрожать за свое личное спокойствие. И все-таки собравшихся было сто человек¹¹⁹⁶. Пока они совещались относительно положения вещей, бывшее в их распоряжении войско внезапно подняло крик, требуя, чтобы сенат выбрал кого-нибудь одного императором и не ослаблял власти, разделив ее между многими лицами. Войска высказывались в том смысле, что власть следует предоставить не всем [сенаторам], но одному лицу, и требовали, чтобы им, солдатам, было предоставлено выбрать того, кто, по их мнению, является наиболее достойным ее. Теперь положение сената стало особенно затруднительным, потому что, с одной стороны, приходилось отказаться от свободы, а с другой, следовало опасаться Клавдия. Между тем среди сенаторов были люди, которые рассчитывали сами быть избранными, как вследствие своей родовитости, так и вследствие родства с императорским домом. Таким претендентом, например, являлся Марк Виниций, который происходил из очень знатного рода и, кроме того, был женат на сестре Гая, Юлии. Когда он объявил себя кандидатом на императорский престол, консулы стали, однако, приводить против его кандидатуры всевозможного рода возражения. Валерия Азиатика, который также подумывал об этом, удержал Минуциан, один из убийц Гая. Если бы кандидаты на престол получили удовлетворение, то при неизбежной борьбе их с Клавдием произошла бы крайне кровопролитная резня. Тем временем и гладиаторы (которых в городе было довольно значительное количество), и ночная городская стража, и гребцы направились к [преторианским] казармам, так что лица, домогавшиеся [первоначально] власти, теперь отказались от своего намерения, отчасти чтобы оградить и пощадить город, отчасти из опасения за свою личную безопасность.

4. На самом рассвете Херея и его товарищи отправились к войскам, имея в виду обратиться к ним с речью. Когда же масса солдат увидела, как они делали знаки рукой, чтобы вызвать тишину и начать свою речь, она закричала, что не даст им говорить, а настаивает на том, чтобы им был дан единовластный правитель. Они требовали императора, так как им надоело ждать. Тем временем сенат находился в большом затруднении, не зная, каким образом разрешить вопрос о форме правления: солдаты не хотели признавать компетентности сената, а убийцы Гая не допускали вмешательства войска в это дело. При таком положении вещей Херея не мог удержаться, чтобы не выразить своего гнева по поводу требования ими императора, и обещал дать им такового, если кто-либо из солдат принесет ему удостоверение от Евтиха. Евтих этот был одним из возниц партии зеленых¹¹⁹⁷ и был особенно предан Гаю, что наглядно выразилось в его отношениях к солдатам во время постройки царских конюшен. Тут Евтих обременял воинов всевозможными позорными для них работами. На последние теперь иронически намекал Херея, равно как осыпал воинов насмешками в том же роде и говорил, что принесет [им] голову Клавдия. При этом он указывал, что будет ужасно, если они после сумасшедшего передадут власть слабоумному¹¹⁹⁸. Однако солдаты не смущались его речами, но извлекли мечи и, подняв знамена, отправились к Клавдию, чтобы присоединиться к тем, которые уже принесли присягу. Таким образом, сенат остался без защитников, и консулы обратились в частных лиц. Всюду наступили смущение и уныние, так как никто не знал, что предпринять и как оградить себя от гнева Клавдия; люди стали укорять друг друга и все раскаивались в своей горячности. Тогда Сабин, один из убийц Гая, выступил вперед и объявил, что он скорее сам убьет себя, чем согласится на избрание Клавдия и допустит восстановление рабства. Затем он стал укорять Херею в трусости, если он, который первый пошел на Гая, теперь готов остаться в живых, когда он своим поступком не смог вернуть отечеству свободы. Херея ответил на это, что он ни минуты не задумается умереть, но сперва желал бы узнать о настроении Клавдия.

5. Пока дела были в таком положении, все воины отовсюду стали стекаться к Клавдию,

чтобы выразить ему свою преданность. При этом они обвиняли одного из консулов, именно Квинта Помпония¹¹⁹⁹, в том, что он особенно возбуждал сенаторов к отстаиванию свободы. Солдаты даже извлекли мечи и, устремившись на Консула, покончили бы с ним, если бы их вовремя не остановил Клавдий. Освободив его таким образом от опасности, Клавдий посадил затем Помпония рядом с собою. Однако те сенаторы, которые были тут вместе с Квинтом, не удостоились со стороны Клавдия подобного почета. Некоторые из них подверглись даже побоям, так как их насильно не хотели допустить к Клавдию; Апоний должен был удалиться, совершенно израненный, и все вообще сенаторы подверглись крайней опасности. Тогда царь Агриппа приблизился к Клавдию и просил его оградить сенаторов и обойтись с ними помягче, потому что если они подвергнутся истреблению, ему некому будет показать свою власть. Клавдий внял этому совету и предложил сенаторам собраться в Палатинском дворце, куда он затем велел снести себя в носилках через весь город, причем войско сопровождало его и по пути позволяло себе совершать различные насилия над народом. Тогда вышли на улицу также убийцы Гая, Херея и Сабин, хотя это им было запрещено Поллионом, которого незадолго перед тем Клавдий назначил начальником отряда телохранителей. Когда Клавдий прибыл во дворец, он собрал приближенных и предложил им решить участь Хереи. Хотя те и признали в поступке последнего много благородства, однако вместе с этим они обвиняли его также в известном вероломстве (по отношению к Гаю) и решили подвергнуть его смертной казни, как пример на будущее время. Таким образом, Херея был поведен на казнь и вместе с ним Луп и еще целый ряд римлян. Говорят, что Херея мужественно отнесся к постигшему его несчастью и не только не изменился при этом в лице, но и осыпал упреками разрыдавшегося Лупа. Когда же последний снял одежду и стал жаловаться на холод, Херея заметил ему, что холод ведь привычен волку¹²⁰⁰. Масса народа шла за осужденными, чтобы присутствовать при казни. Когда они пришли к месту казни, Херея спросил солдата (который должен был исполнить обязанность палача), ловко ли он делает свое дело или же ему впервые приходится действовать мечом. Затем он просил принести меч, которым он сам убил Гая.

Херея умер, не дрогнув, под первым же ударом меча. Луп, вследствие своего отчаяния, не так счастливо окончил жизнь свою; ему пришлось нанести повторный удар, так как он недостаточно спокойно подставил свою голову.

6. Несколько дней спустя наступил праздник поминовения усопших, когда римский народ приносит жертвы в память своих покойников¹²⁰¹. Тогда же римляне почтили и память Херея, бросив в честь его лепешки в огонь и умоляя его быть милостивым к ним и не воздавать злом на народную неблагодарность.

Таков был конец Хереи. Сабин же, которому Клавдий не только простил его вину, но которого он даже утвердил в его прежней должности, счел бесчестным отречься таким образом от прежних своих товарищей по заговору и сам покончил с собой, бросившись на меч, который вонзился в его тело вплоть до самой рукоятки.

1. Между тем Клавдий немедленно удалил из войска все ненадежные элементы, а затем издал указ, которым утверждал за Агриппою власть, дарованную ему Гаем, причем отозвался о царе в весьма лестных выражениях. Он прибавил к его владениям все области, которыми правил дед Агриппы, Ирод Великий, а именно Иудею и Самарию. Эти области он отдал ему как принадлежавшие ему по праву рождения. Кроме того, Клавдий предоставил ему еще Авилу¹²⁰², которою управлял некогда Лизаний, и всю местность в пределах Ливанского хребта. Затем он на Форуме в Риме заключил клятвенный союз с Агриппою. Антиоху он подарил отнятые у него владения, а именно часть Киликии и Коммагену¹²⁰³. Вместе с тем он освободил также алабарха Александра [Лисимаха], который навлек на себя гнев Гая и томился в темнице; он был с ним издавна дружен, тем более, что тот заведовал делами его матери Антонии. Сын этого алабарха женился на дочери Агриппы, Беренике. Когда Марк — так звали сына алабарха — умер, Агриппа выдал его вдову за своего брата Ирода и упросил Клавдия предоставить Ироду царство халкидское.

2. В это время произошли смуты между иудейским и греческим населением города Александрии. Дело в том, что после смерти Гая, под властью которого народ иудейский был очень притесняем и подвергался со стороны александрийцев страшнейшим насилиям, он воспрянул духом и немедленно взялся за оружие. Клавдий приказал египетскому наместнику подавить смуту. Вместе с тем он, по настоянию царей Агриппы и Ирода, отправил в Александрию и в Сирию указ следующего содержания:

«Так постановляет император Тиберий Клавдий Германик Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна: принимая во внимание, 1) что александрийские иудеи, называющиеся александрийцами, были поселены в Александрии вместе с первыми жителями этого города и пользовались, благодаря распоряжению царей, одинаковыми [с греками] гражданскими правами, как то явствует из писанных документов и имеющих на сей счет указов; 2) что во время нашего (римского) владычества Александрия была подчинена Августу, и при этом в различные времена дарованные тамошним иудеям права были соблюдаемы посылаемыми туда наместниками, которые отнюдь не умаляли этих прав; 3) что вместе с этим в то время, когда в Александрии находился Аквила и умер иудейский этнарх, Август не препятствовал избранию новых этнархов, так как желал, чтобы все его подданные невозбранно пользовались самоуправлением и не были принуждаемы к нарушению своих исконных религиозных обрядов; и, наконец, 4) что возмущение александрийских греков против тамошних иудеев датируется еще со времен императора Гая, который в своем великом безумии и недомыслии притеснял иудеев за то, что они не желали отречься от религии своих предков и признать самого его богом,- принимая все это во внимание, я не желаю, чтобы, вопреки глупому распоряжению Гая, иудейский народ был чем-либо стеснен в своих правах, но требую, чтобы за ним были утверждены все прежние права его, дабы иудеи могли жить по своим обычаям. При этом я требую, чтобы с обеих сторон было приложено всяческое старание избегнуть каких бы то ни было волнений после обнародования этого моего распоряжения».

3. Таково было содержание императорского указа относительно александрийских иудеев. Другое же распоряжение, касавшееся остальных частей империи, гласило следующим образом:

«Я, Тиберий Клавдий Август Германик император, верховный жрец с трибунскою властью и вторично консул¹²⁰⁴, постановляю: так как любезнейшие мне цари Агриппа и Ирод обратились ко мне с просьбой утвердить за всеми римскоподданными иудеями те же права, которые я утвердил за иудеями александрийскими, я с удовольствием согласился на это, и

притом не только в угоду посетителям, но и потому, что счел того достойными тех, за которых они просили, ибо они всегда соблюдали верность римлянам; поэтому я решил, чтобы права эти распространялись на все даже греческие города, где есть иудейское население, так как права эти были признаны еще божественным Августом. Пусть поэтому иудеи, живущие на всем протяжении нашей славной империи, невозбранно соблюдают свои исконные обычаи, причем я, по своему великодушию позволив им это, требую, чтобы они держали себя спокойнее, не глумились над религиозными обрядами иноверцев и соблюдали в точности свои собственные законы. Это мое распоряжение пусть будет сообщено всем правителям городов, колоний и муниципий¹²⁰⁵ не только в пределах Италии, но и вне ее, а также царям и князьям через их собственных посланников. Пусть этот указ будет вывешен в течение тридцатидневного срока на видном месте, где каждый легко сможет прочитать его».

1. Этими распоряжениями, разосланными в Александрию и вообще по всей империи, Клавдий достаточно ясно выказал свой взгляд на иудеев. Затем он с величайшим почетом отпустил Агриппу в его царство, причем послал всем преторам и наместникам письменные указы с требованием принимать его любезно. Агриппа, в свою очередь, как это и было вполне естественно со стороны человека, судьба которого приняла самый благоприятный оборот, поспешил воспользоваться разрешением уехать. По прибытии своем в Иерусалим он принес благодарственные жертвы и исполнял все предписания законов. Так, например, он распорядился остричь волосы множеству назиреев¹²⁰⁶. Подаренную ему Гаем золотую цепь, которая весила столько же, сколько железная, некогда отягчавшая его царственные руки, он повесил внутри храма над входом в ризницу в память тяжелой участи своей и в доказательство того, как судьба человека может перемениться к лучшему; эта цепь служила напоминанием, что и великие мира сего могут когда-нибудь пасть и что Предвечный может поднять павших. Посвящение этой цепи Богу показывало всем, что царь Агриппа по маловажной причине утратил свою прежнюю власть и попал в темницу, откуда некоторое время спустя вышел, чтобы сделаться еще более могущественным, чем был прежде. Все это являло наглядный пример того, что среди людей великое могло быть унижено, а униженное вновь возродиться к прежнему величию.

2. Исполнив все ритуальные предписания, Агриппа сместил первосвященника Феофила, сына Анана, и поручил его должность сыну Боэта, Симону, носившему также имя Канферы. У этого Симона было два брата и отец Боэт, дочь которого, как нами было упомянуто выше, была замужем за царем Иродом. Таким образом, и Симон, и его отец, и его братья были первосвященниками, подобно тому как некогда, во времена македонского владычества, первосвященство переходило последовательно к трем сыновьям Симона, сына Хония. Впрочем, об этом мы уже упоминали в предшествующих книгах.

3. Устроив таким образом дела, касавшиеся первосвященнического достоинства, царь задумал вознаградить иерусалимцев за их преданность ему. Поэтому он, желая воздать им за любовь их, освободил каждый из домов их от специального налога. Затем он назначил начальником над всем войском Силу, человека, который некогда разделял с ним все его бедствия.

Спустя некоторое время несколько юношей из города Дора, решившихся поглумиться над священными вещами и по природе своей отличавшихся необычайной смелостью, задумали поставить в одной из синагог статую императора. Это привело Агриппу в страшную ярость, потому что тем могло быть положено начало попирания исконных иудейских законов. Поэтому он немедленно отправился к сирийскому наместнику Публию Петронию¹²⁰⁷ и выступил перед ним с жалобой на доритян. Петроний не менее самого Агриппы рассердился на этот поступок последних (дело в том, что он сам считал нарушение законов верхом безбожия) и в гнев своем послал доритским отступникам письмо следующего содержания: «Публий Петроний, представитель императора Тиберия Клавдия Августа Германика, обращается к начальствующим лицам доритян. Так как некоторые из вас дошли в своей безрассудной дерзости до того, что, вопреки предписанию императора Клавдия Августа Германика относительно предоставления иудеям права соблюдать их законы, решились не послушаться его и поступить как раз наоборот, а именно осквернили собрание иудеев постановкой статуи императора в зале их заседаний, вы поступили противозаконно не только относительно иудеев, но и относительно самой личности императора. Ведь постановка статуи последнего была бы гораздо уместнее в его собственном, лично ему посвященном храме, чем в чужом месте, тем более в синагоге. По самой природе

вещей справедливо, чтобы каждый был у себя дома своим хозяином; так посмотрел на дело и император. При этом было бы смешно упоминать здесь относительно моего постановления после императорского указа, в силу которого иудеям разрешено жить по собственным законам и пользоваться полной равноправностью с греческим населением. Так как ослушники решились на свой поступок вопреки распоряжению Августа, чем они навлекли на себя, вероятно, и неудовольствие своих начальников, и так как они при этом указали на то, что поступили таким образом не по собственному побуждению, а по требованию простонародья, я распорядился, чтобы центурион Прокл Вителлий представил мне виновных для расправы. Вместе с тем я предлагаю лицам начальствующим, если они не желают навлекать на себя подозрения в соучастии в этом правонарушении, назвать центуриону имена виновных и тем предотвратить всякие смуты и междоусобия, которые, по моему мнению, должны быть вызваны этими делами. При этом я, равно как почтеннейший друг мой, царь Агриппа, не забочусь ни о чем более, как о том, чтобы предотвратить смуты среди иудейского населения, которое под предлогом самозащиты уже начало собираться и делать ряд неосмотрительностей. А для того чтобы было вполне известно, как смотрит на все дело император, я присоединяю к своему письму его указ относительно жителей Александрии, указ, который, несмотря на свою общеизвестность, был мне в собрании прочитан любезнейшим царем Агриппою. Последний счел нужным в свое время заступиться перед императором за иудеев и постарался, чтобы у них не были отняты прежние императорские милости. Поэтому я на будущее время предлагаю вам не выискивать никакого предлога для смут и волнений, но дать каждому возможность по-своему отправлять свое богослужение».

4. Таким-то образом Петроний позаботился загладить нанесенную иудеям обиду и оградить их от подобных явлений на будущее время. Между тем Агриппа лишил Симона Канферу первосвященства и вновь поставил на эту должность Ионатана, сына Анана, считая его достойным этого высокого сана. Однако Ионатан отказался в следующих выражениях от этой чести: «Царь! Получая от тебя столь почетное предложение, я радуюсь, тем более, что ты сам собою пришел к этому решению. Однако Предвечный никак не может считать меня достойным первосвященства. С меня довольно, что я единожды облекся в это священное одеяние. Тогда я сделал это с более чистым сердцем, чем сделал бы это теперь. Если же ты желаешь, чтобы ныне эта честь была оказана человеку, более меня достойному ее, то позволь дать тебе совет. У меня, царь, есть брат, который совершенно чист от всякого греха, как относительно Бога, так и относительно тебя. Его я предлагаю тебе как лицо, достойное этой чести».

Царь вполне согласился с этими доводами, высоко почтил мнение Ионатана и утвердил в первосвященническом сане брата последнего, Матфия.

1. Немного спустя Петрония сменил Марс и стал наместником сирийским¹²⁰⁸.

Между тем Сила, царский главнокомандующий, который оставался верен Агриппе во всех превратностях его судьбы и не только неизменно разделял с ним некогда все тягости, но и неоднократно подвергал себя крайней опасности, очень чванился этим, думая, что царь должен воздавать ему за его верную дружбу высшим почетом. Ввиду этого он никоим образом не желал уступать первенство царю, но обходился с ним всегда крайне фамильярно, а во время дружеских бесед даже становился крайне тягостным, так как он безмерно кичился и часто напоминал царю о превратностях его судьбы. Делал он это с единственной целью, чтобы выказывать ему свою большую давнишнюю преданность. Поэтому он часто и подробно перечислял царю все тягости, которым он подвергался ради него.

Такие хвастливые речи в конце концов звучали как насмешка, почему царь однажды возмутился такой несдержанной нескромностью этого человека. Ведь никому не доставляет удовольствия напомирование о бесславном прошлом, а постоянное повторение этой темы может быть делом лишь близорукого глупца. В конце концов Сила добился того, что страшно рассердил царя, который, уступая чувству раздражения перед рассудительностью, не только сместил Силу, но и велел заковать его в цепи и отправить на родину. С течением времени, однако, гнев царя смягчился, и он, припоминая целый ряд заслуг Силы, понял, что слишком сурово обошелся с этим человеком. Поэтому, когда наступил день рождения Агриппы, который ознаменовывался празднествами всех его подчиненных, он велел призвать Силу обратно и пригласить его во дворец к нему на пир. Сила же, отличавшийся откровенностью, нисколько не постеснялся выказать перед посланными справедливый, по его мнению, гнев и сказал им: «Зачем царь приглашает меня для такой чести, которой он все равно немного погодя лишит меня? Ведь и прежние доказательства благодарности его ко мне за мою преданность были непродолжительны, так как он позорно лишил меня их. Или он думает, что я раз навсегда отказался от свободы своего слова? Сознывая свою правоту и это право за собой, я теперь еще громче буду говорить о том, в скольких тяжелых положениях я выручал Агриппу, каким тягостям подвергался ради него, доставляя ему спасение и почет; и за все это в благодарность я получил лишь кандалы и темную тюрьму. Конечно, я об этом никогда не забуду. Быть может, вскоре мне придется расстаться с жизнью, и тогда моя смерть облегчится сознанием доблестно исполненного долга».

Так энергично говорил Сила и требовал, чтобы его слова были переданы царю. Видя его столь непримиримым, Агриппа оставил Силу в крепости.

2. Тем временем царь стал укреплять стены Иерусалима со стороны Нового города. Делал он это за счет государственной казны, расширяя стены и значительно возвышая их. Ему удалось бы придать этим стенам окончательную неприступность, если бы сирийский наместник Марс письменно не сообщил о том императору Клавдию. Последний, усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным послушаться.

3. Этот царь был по природе своей весьма щедр на подарки и любил одаривать подчиненных. Расходуя на это часто значительные суммы, он снискал себе славу, находя удовольствие в своей щедрости и в том, что жизнь его от этого лишь выигрывала. Этим он совершенно не походил на своего предшественника Ирода [Великого]. Последний отличался страстной мстительностью и неудержимой ненавистью ко всем противникам своим и в то же время открыто признавался, что симпатии его скорее на стороне греков, чем иудеев.

Иностранные города Ирод одарил значительными денежными суммами, сооружая термы театры и всякие другие здания; в одних он строил храмы, в других портики. Между тем он решительно ничего не сделал ни для одного иудейского города и не подарил ему ничего, что было бы достойно упоминания.

Агриппа, напротив, был мягкого характера и одинаково щедр ко всем. С иноземцами он был предупредителен и любил одаривать их, но зато он не менее щедрым являл себя также к своим единоплеменникам и даже старался особенно выказывать им сочувствие и благоволение. Поэтому он любил подолгу жить в Иерусалиме; он всегда в точности исполнял предписания законов. Во всем он старался точно соблюдать требования ритуала, и не проходило дня, чтобы он не совершил установленного законом жертвоприношения.

4. В Иерусалиме в это время жил иудей, считавшийся особенно глубоким знатоком законов. Его звали Симоном. Когда однажды царь уехал в Кесарию, он собрал народ на сходку и решился выступить тут с обвинениями против Агриппы, говоря, что последний не религиозен и что ему следовало бы запретить доступ в храм, куда могли входить лишь природные иудеи. Эти речи Симона к народу были [немедленно] письменно сообщены царю военачальником города. Тогда Агриппа послал за Симоном и по прибытии его велел ему сесть рядом с собою (Агриппа в это время был в театре). Затем он мягко спросил его: «Скажи мне, что делается тут противозаконного?» Симон не нашелся, что ответить на это, и стал просить у царя прощения. Царь простил его раньше всякого другого; вообще, он считал мягкость особенно царственным качеством и понимал, что великим мира сего более приличествует доброта, чем гнев. Затем он дал Симону еще кое-что в подарок и с этим отпустил его.

5. Среди множества воздвигнутых Агриппою сооружений те, которыми он почтил город Берит, занимают особенно выдающееся место. Тут он воздвиг роскошный театр, который мог равняться с любым зданием этого рода, а также необычайно красивый амфитеатр, равно как термы и портики. Не желая стеснять себя в смысле красоты и объемов всех этих зданий, он не щадил средств на них. Освящение этих зданий он обставил особенной торжественностью. В театре он велел устроить представления, во время которых дал зрителям всевозможную музыку и поэтические состязания. Масса гладиаторов в амфитеатре должна была служить доказательством необычайной щедрости царя. Желая доставить зрителям особенное удовольствие, Агриппа распорядился устроить бой двух отрядов по семьсот человек в каждом. Для этого он отрядил решительно всех имевшихся в стране преступников, дабы некоторые из них получили тут заслуженное наказание, и это воинственное зрелище положило основание продолжительному миру. Так он избавил страну от злодеев.

1. Поступив в Берите так, как нами было рассказано, Агриппа отправился в галилейский город Тивериаду. В это время Агриппа пользовался уже большим уважением в глазах прочих царей. Поэтому к нему сюда съехались Антиох, царь Коммагены, Сампсигерам, царь эмесский, Полемон, владетель Понта, и, наконец, его собственный брат Ирод, царь халкидский. Всех этих лиц Агриппа принял радушно и любезно, выказывая тем самым большое великодушие, почему эти цари и считали его достойным своего почетного посещения. Пока гости еще были у него, прибыл сирийский наместник Марс. Желая почтить в его лице римлян, царь Агриппа выехал ему навстречу за семь стадий от города. Впрочем, этот же самый поступок его относительно Марса послужил поводом к недоразумению. Дело в том, что Агриппа выехал к нему навстречу в сообществе прочих гостивших у него царей. Однако это согласие между последними и такая их дружба показались Марсу подозрительными, так как он полагал, что столь тесное общение нескольких правителей между собою не может быть особенно полезно в римских интересах. Поэтому Марс вскоре послал к каждому из царей по одному из своих приближенных и советовал каждому немедленно вернуться в свою область. Агриппа отнесся к этому поступку Марса с крайним неудовольствием, и с этих пор между ними установились дурные отношения. Впоследствии царь лишил Матфия первосвященнического сана и поставил на его место Элионея, сына Канферы.

2. Между тем исполнилось три года, что Агриппа царствовал над всею Иудеею. Однажды он поехал в город Кесарию, которая раньше называлась Стратоновою башнею. Тут он устроил игры в честь императора, так как наступил какой-то праздник, установленный в честь Клавдия. На эти игры стеклась масса лиц начальствующих и таких, которые занимали видное общественное положение. На второй день игр, рано утром, царь явился в театр в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца, так что все были ослеплены и с содроганием должны были отвращать свои взоры от Агриппы. Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали, впрочем не на благо царю, громко возносить его и называть его богом, говоря: «Будь милостив к нам! Если мы до сих пор преклонялись перед тобой, как перед человеком, то теперь мы готовы признать, что ты по природе своей выше всякого смертного». Царь не особенно был поражен этими заявлениями и не думал остановить кощунствующих льстецов. Когда же он, немного погодя, поднял взор кверху, то увидел на перекладине сидящего там филина. Он немедленно признал в нем предвестника грядущих бедствий, как эта же птица некогда принесла ему счастье¹²¹⁰; скорбь обуяла сердце царя. Вскоре затем Агриппа почувствовал, что во внутренних органах его начинается сильнейшая боль. Он поднялся с места и обратился к своим со следующими словами: «Я, которого вы признали своим богом, теперь готов расстаться с жизнью. Судьба неожиданно изобличила мне всю лживость ваших уверений, ибо я, которого вы [только что] назвали бессмертным, теперь должен умереть. Впрочем, следует покорно отнестись к решению Предвечного. Я рад, что прожил не как бездеятельный ленивец, но счастливо и с блеском». Лишь только Агриппа сказал это, как его охватила особенно сильная боль. Тогда его поскорее перенесли во дворец. Быстро повсюду разнеслась весть, что царю придется вскоре умереть. Тогда масса народа с женами и детьми облеклась в мешки и по исконному обычаю стала молить Господа Бога о здравии царя. Везде раздавались плач и стенания. Царь же тем временем лежал в верхнем этаже дворца и мог видеть толпу коленопреклоненных. При виде этого зрелища он не был в состоянии удержаться от слез. Затем, промучившись еще пять дней страшными болями в желудке, царь умер в возрасте пятидесяти

четырёх лет, на седьмом году своего правления¹²¹¹. При императоре Гае он царствовал в течение четырёх лет, правя три года тетрархией Филиппа, а на четвёртый — получив в удел ещё область Ирода. Затем он прожил ещё три года во время правления императора Клавдия. Тут он не только был царем вышеупомянутых областей, но царствовал над всей Иудеей, Самарией и Кесарией. Он извлекал из своих владений крупнейшие доходы, доходившие до двух миллионов. Однако, несмотря на это, ему пришлось делать крупные займы; так как он был очень щедр, то доходы не покрывали его расходов, тем более, что он не умел сдерживать свою щедрость.

3. Народ ещё не знал о кончине Агриппы, когда сговорившиеся заранее халкидский царь Ирод и наместник и друг царя Хелкия послали одного из преданнейших слуг, некоего Аристора, убить Силу (который был во враждебных с ними отношениях). Сделали они это как бы по распоряжению самого царя Агриппы.

1. Таким образом окончил жизнь свою царь Агриппа. Он оставил после себя сына, Агриппу же, которому шел тогда семнадцатый год, и трех дочерей: шестнадцатилетнюю Беренику, вышедшую замуж за своего родного дядю Ирода¹²¹², и двух девочек, Мариамму и Друзиллу, из которых первой было десять, а второй шесть лет. Отец предназначил Мариамму в жены Юлию Архелаю, сыну Хелкии, а Друзиллу Эпифану, сыну коммагенского царя Антиоха.

Когда распространилось известие о смерти Агриппы, жители Кесарии и самаряне забыли о полученных от него благодеяниях и позволили себе поступить, как отъявленные враги его. Они стали осыпать усопшего насмешками, неподдающимися описанию, и все находившиеся там (в довольно значительном количестве) солдаты отправились домой, выгнали статуи царских дочерей, понесли их в торжественной процессии в дома терпимости и, поставив их там на крышах, стали изо всех сил издеваться над ними, так что и рассказывать о том неприлично. Затем они расположились пировать на площадях и устроили всенародные празднества, причем надевали венки, умащались благовонными мазями и совершали возлияния в честь Харона¹²¹³, чокаясь между собою по поводу кончины царя, так неблагодарны были они не только к памяти Агриппы, щедростью которого они столь часто пользовались, но и к памяти его деда, Ирода Великого, отстроившего им города их и с крупными издержками соорудившего им гавани и храмы.

2. В это время сын усопшего, Агриппа, находился в Риме, воспитываясь при дворе императора Клавдия. Когда последний узнал о кончине Агриппы и о том, как издевались над ним жители Кесарии и Самарии, он глубоко опечалился и страшно разгневался на их неблагодарность. Клавдий сперва немедленно хотел послать молодого Агриппу на место отца его и вместе с тем собрался возобновить с ним клятвенный союз. Однако от этого удержали его пользовавшиеся огромным влиянием вольноотпущенники и приближенные, указывавшие на то, что было бы рискованно поручать юноше, едва вышедшему из детского возраста, управление таким обширным царством, с которым ему невозможно будет справиться и которое для взрослого человека представляло бы значительные затруднения. Император вполне признал правильность их доводов. Поэтому он отправил в качестве наместника над Иудеею и всеми владениями Агриппы Куспия Фада и оказал тут честь покойному царю, не поручив этой должности Марсу¹²¹⁴, с которым, как узнал Клавдий, усопший находился в натянутых отношениях. Раньше всего он приказал Фаду наказать жителей Кесарии и Самарии за оскорбление памяти умершего и за их глумления над его дочерьми. Затем Фаду было поручено перевести эскадрон, состоявший из граждан Кесарии и самарян, равно как сформированные из них пять когорт, на службу в Понт и выбрать в качестве заместителей сосланных соответственное число расположенных в Сирии римских легионеров. Однако это приказание не было приведено в исполнение, потому что виновные отправили депутацию к Клавдию, смягчили его гнев и добились того, что им было разрешено остаться в Иудее. Впрочем, с течением времени эти именно люди положили начало величайшим бедствиям для иудеев, потому что они посеяли смуту, из-за которой впоследствии произошла война Флора. Поэтому, когда Веспасиан, как мы вскоре расскажем, подчинил себе эту страну, он распорядился выслать их из пределов данной области.

Предисловие

Завершающая книга «Иудейских древностей» охватывает период с 44 по 66 г. Основная ее сюжетная линия — описание нарастания недовольства в Иудее, которое в итоге вылилось в Иудейскую войну. По мнению Иосифа Флавия, главной причиной смут и войны явилось безудержное самоуправство римских прокураторов, особенно Гессия Флора, а также действия «разбойников», под которыми он подразумевает различные движения, в разных формах (мессианские учения, восстания, индивидуальный террор, грабежи имущества знати) выступавшие против римского владычества и засилья местной аристократии. В книге также приведен интересный материал по истории Рима, Парфии и особенно Адиабены, правитель которой, Изат, принял иудаизм. В этой книге много ценных сведений по истории первоначального христианства. Здесь помещен уникальный рассказ о казни Иакова, брата Иисуса, содержатся более обширные данные о ряде мессианских движений, упоминаемых в Новом Завете. Из книги можно почерпнуть много интересного о личностях, которые фигурируют в Деяниях святых апостолов (прокураторы Иудеи Феликс, Порций Фест, его жена Друзилла, царь Агриппа II, пророк Февда, Иуда Галилеянин и др.). В конце книги Иосиф Флавий излагает краткую историю института иудейских первосвященников.

1. Когда умер царь Агриппа, император Клавдий послал, как мы рассказали в предшествующей книге, преемником Марсу Кассия Лонгина¹²¹⁵. Это Клавдий сделал в угоду памяти покойного царя, так как Агриппа неоднократно при жизни своей обращался к императору с просьбой не оставлять Марса во главе Сирии. Когда же в Иудею прибыл новый наместник, Фад¹²¹⁶, то нашел здесь распрю между переийскими иудеями и жителями Филадельфии¹²¹⁷ из-за границ области Мии, причем население уже взялось за оружие. Между тем жители Переи, помимо ведома своих начальников, успели перебить множество филадельфийцев. Узнав об этом, Фад очень рассердился, что они не предоставили ему разрешения своего спора, если считали себя обиженными со стороны филадельфийцев, но немедленно приступили к военным действиям. Поэтому он велел схватить трех начальников их и заковать в кандалы как виновников всей этой смуты. Одного из них, Аннибала, он затем приказал казнить, а двух других, Амарама и Элезара, приговорил к изгнанию. Немного спустя к нему привели также схваченного атамана разбойников, некоего Фоломея, который причинил много вреда Идумее и арабам. Фад распорядился казнить его. Таким образом, благодаря заботливости и усердию Фада, вся Иудея и Аравия были избавлены от разбойников. Затем он, сообразно предписанию императора, призвал первосвященника и наиболее именитых иерусалимских граждан и предложил им доставить, как то практиковалось прежде, головной убор и священную ризу, которую мог надевать на себя один лишь первосвященник, в крепость Антонию, чтобы они там находились под наблюдением римлян. Собравшиеся, правда, не осмелились противоречить требованию наместника. Но вместе с тем они просили Фада и Лонгина, также явившегося в Иерусалим во главе значительного войска из боязни, чтобы требования Фада не вызвали волнений среди иудейского простонародья, сперва разрешить им отправить послов к императору с просьбой оставить священную одежду в их распоряжении. При этом они умоляли Фада подождать с исполнением своего требования, пока не будет получен ответ Клавдия на их ходатайство. Римляне отвечали, что они готовы разрешить иудеям отправку депутации при условии выдачи ими детей в качестве заложников. На это иудеи охотно согласились и, выдав заложников, отправили своих послов. Когда последние прибыли в Рим и Агриппа Младший, сын умершего царя, узнал о причине их приезда (Агриппа, как мы уже раньше упоминали, жил при дворе императора), он стал просить Клавдия исполнить просьбу иудеев относительно священного облачения и написать в этом смысле письмо Фаду.

2. Призвав затем депутатов, Клавдий сообщил им, что исполняет их просьбу, и велел им благодарить за это Агриппу (по ходатайству которого он, император, это делает). При этом он вручил им в виде письменного ответа бумагу следующего содержания: «Император Клавдий Германик, в пятый раз облеченный властью народного трибуна, в четвертый раз консул¹²¹⁸ и в десятый раз главный военачальник, отец своего отечества, сим посылает привет начальникам, членам совета, населению иерусалимскому и всему вообще иудейскому народу. Так как мой любезный Агриппа, которого я воспитал и который так предан мне, представил мне ваших послов, поблагодаривших меня за мою заботливость о вашем народе и усердно и почтительно просивших меня представить в ваше собственное распоряжение священную одежду и головной убор первосвященника, я сим выражаю свое на это согласие, подобно доблестному и любезнейшему мне Вителлию¹²¹⁹. На эту вашу просьбу я согласился, во-первых, как вследствие своего благочестия, так и желая, чтобы каждый мог исполнять по-своему требования религии; а во-вторых, я согласился на это потому, что знаю, что этим я доставлю удовольствие царю Ироду и младшему Аристоклуду, преданность которых ко мне и заботливость которых о вас мне

одинаково известны. К тому же я особенно расположен к этим отличным и милым людям. Вместе с тем я послал своему наместнику Куспию Фаду соответствующее распоряжение. Это письмо вручено Корнелию, сыну Керона, Трифону, сыну Фейдиона, Дорофею, сыну Иоанна. Составлено оно за четыре дня до июльских календ¹²²⁰, в консульство Юлия Руфа и Помпея Сильвана¹²²¹».

3. Тогда же Ирод, брат покойного Агриппы, управлявший в это время Халкидою, обратился к императору Клавдию с просьбой предоставить ему право заведования [Иерусалимским] храмом, его суммами и назначением первосвященников. Клавдий согласился на это. С того времени право это оставалось за всеми его потомками вплоть до конца [Иудейской войны]. Между прочим, Ирод сместил первосвященника, прозванного Канферой, и предоставил его сан Иосифу, сыну Каменя.

1. Около того же времени адиабенская царица Елена и ее сын Изат приняли иудаизм. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство:

Царь Адиабены¹²²², Монобаз, известный также под именем Базея, влюбился в свою сестру Елену и стал жить с ней. Затем она забеременела. Когда он однажды спал с нею, то случайно во сне прикоснулся рукой к ее животу. Тут ему показалось, будто он слышит голос, требующий, чтобы он отнял руку и не повредил бы младенца в утробе жены своей, так как это дитя зачалось по особенному желанию Господа Бога и будет всю свою жизнь счастливо. Голос поразил царя, который тотчас же проснулся и сообщил обо всем жене. Когда у них родился сын, царь назвал его Изатом. У Монобаза был еще другой, старший сын от Елены, равно как были другие сыновья от других жен. Однако всю свою любовь он очевидно сосредоточил на Изате, как будто бы он был единственным его сыном.

2. В результате получилось то, что другие братья стали завидовать Изату. Вскоре это чувство зависти перешло в ненависть, так как все были огорчены явным предпочтением, которое Изату оказывал отец его. Хотя Монобаз и отлично замечал это, однако он простил других сыновей своих, зная, что они поступают так не по злобе, а потому, что каждый из них считал и себя достойным такой же любви со стороны отца. Однако, опасаясь, как бы ненавидевшие его братья не устроили Изату какой-нибудь неприятности, Монобаз отправил его с большими подарками к Авеннеригу, царю Спасинхараксы¹²²³, и поручил ему позаботиться о безопасности юноши. Авеннериг любезно принял последнего, очень полюбил его и выдал за него замуж свою дочь Симахо, причем подарил ему область, из которой Изат мог извлекать значительные доходы.

3. Состарившись и видя, что ему уже немного остается жить, Монобаз перед смертью захотел повидаться с сыном. Поэтому он послал за ним. Когда Изат прибыл, он сердечнейшим образом приветствовал его и подарил ему область, носящую название Карры. Эта местность отличается обилием смолы амома. Тут же сохраняются и остатки ковчега, в котором, по преданию, Ной спасся во время потопа; эти остатки по сей день показываются всем желающим.

Изат оставался тут вплоть до смерти отца своего. В самый день кончины Монобаза царица Елена послала за всеми высшими начальниками, за сатрапами и теми, кому были вверены ответственные должности. Когда все они явились к ней, она сказала им: «Я полагаю, что вам небезызвестно, что мой покойный муж признал Изата достойным себе преемником на престоле; впрочем, я ожидаю теперь и вашего на этот счет решения; счастлив может быть лишь тот правитель, которому вручается власть не одним человеком, но который получает ее добровольно от многих». Царица сказала все это, чтобы испытать настроение созванных ею лиц. Последние, лишь только услышали слова царицы, преклонились перед нею, по обычаю своей страны, а затем выразили полное сочувствие решению покойного царя и сказали, что охотно повинуются ему, так как Монобаз вполне справедливо предпочел, по их мнению, Изата всем его братьям. Затем они предложили умертвить всех прочих братьев и родственников, дабы Изат был гарантирован в безопасности и прочности своей власти. Они указывали на то, что, когда эти будут умерщвлены, исчезнет всякий страх из-за ненависти их к Изату. На это Елена выразила им свою признательность за их преданность ей и Изату, но вместе с тем советовала удержаться от умерщвления остальных братьев, хотя бы до тех пор, пока не прибудет Изат и не даст им на то свое разрешение. Не убедив таким образом царицы в необходимости избавиться от соперников, придворные стали уговаривать ее по крайней мере арестовать братьев и держать их, для своей же безопасности, в заключении, пока не приедет Изат. Вместе с тем они советовали

ей временно вручить бразды правления человеку, которому она наиболее доверяет. Елена согласилась с этим и назначила временно исполняющим обязанности царя старшего сына своего Монобаза. Она сама возложила на него диадему, вручила ему именной перстень отца (у них это называется сампсерою) и велела ему управлять государством до прибытия брата. Последний скоро приехал, узнав о смерти отца. Затем он сменил своего брата Монобаза, который передал ему правление.

4. В то время как Изат жил в Спасинхараксе, некий иудей-купец, по имени Анания, вошел в сношения с женами [покойного] царя и познакомил их с сущностью иудейской религии. Таким образом, Анания при посредстве женщин стал известен также Изату, которого ему тоже удалось склонить на свою сторону, и когда Изат был призван отцом своим в Адиабену, Анания сопровождал его по настоятельной просьбе Изата. Тем временем и Елена, которую просветил другой иудей, приняла иудаизм.

Когда Изат, став царем, прибыл в Адиабену и увидал тут своих братьев и прочих родственников в окопах, он был очень недоволен этим. Считая безбожным не только умерщвлять их, но и томить в темнице, а с другой стороны, не считая безопасным держать их при себе, когда они могли быть злопамятны, он отправил часть их вместе с их семьями в Рим к императору Клавдию, а прочих послал в качестве заложников к парфянскому царю Артабану. Узнав затем, насколько его матери нравятся положения иудейской религии, он поспешил и сам принять эту веру, а так как не мог считать себя настоящим иудеем, пока не принял обрезания, то выразил готовность подвергнуться и этому.

5. Когда же его мать узнала об этом, она пыталась отговорить его и указывала ему на опасность, связанную с таким переходом: ведь он царь и может навлечь на себя неудовольствие своих подданных, которые, узнав о его расположении к иноземцам и их обычаям, смогут не пожелать повиноваться царю-иудею. Так рассуждала Елена и всячески старалась отговорить сына от его намерения; последний, между тем, передал все ее речи Анании. Анания вполне согласился со взглядами царицы и стал грозить Изату покинуть его и уехать, если он будет настаивать на своем. При этом Анания указывал на то, что он сам, если все это дело станет известным, должен опасаться и за себя, так как все будут считать именно его виновником такого перехода и наставником царя в столь недостойном деле. Анания присовокуплял, что Изат может поклоняться Господу Богу и не принимая обрезания, если уже он непременно желает примкнуть к иудейству. Такое поклонение, по его мнению, будет гораздо важнее принятия обрезания. Когда же Анания указал еще на то, что Предвечный простит ему это упущение, так как он согласился на него по необходимости и из соображений политического свойства, царь наконец склонился в пользу мнения Анании. Однако Изат не мог вполне подавить в себе желание подвергнуться обрезанию. После этого к нему однажды прибыл некий Элеазар, галилейский иудей, пользовавшийся славою большого знатока закона. Этот-то человек и склонил Изата подвергнуться обрезанию. Войдя к царю и приветствовав его, Элеазар застал его за чтением Моисеева Пятикнижия и воскликнул: «о, царь, ты не исполняешь главного закона и этим грешишь против Господа Бога. Тебе следует не только читать эти законы, но раньше всего исполнять их. Доколь же ты хочешь оставаться необрезанным? Если тебе до сих пор неизвестны законоположения на этот счет и ты не знаешь, в чем заключается настоящее благочестие, то познакомься теперь с этим». При этих словах царь перестал откладывать дело, но перешел в другую комнату, позвал врача и велел ему совершить операцию. Затем он послал за своею матерью и за своим наставником Ананиею и сообщил им о случившемся. Последние были поражены и очень испуганы этим, боясь, как бы при распространении известия о поступке царя Изат не подвергся опасности потерять царство, так как подданные не захотят повиноваться человеку, который преданся чужим обычаям; вместе с тем они боялись и за себя, так как их

могли признать виновниками всего этого дела. Однако Господь Бог оградил их от осуществления их боязни. Когда Изату и его детям пришлось действительно подвергнуться серьезным опасностям, он выручал их всегда из затруднительного положения и тем показывал, что люди, уповающие на Него и доверяющиеся Ему одному, постоянно получают награду за свое благочестие.

6. Впрочем, об этом мы поговорим впоследствии. Тем временем мать царя, Елена, видя, что мир в стране не нарушается, что ее сын счастлив, всеми любим и благодаря заступничеству Предвечного заслужил расположение даже иноземных народов, возымела желание поехать в город Иерусалим, поклониться пользовавшемуся знаменитостью храму Господа Бога и принести там благодарственные жертвы. Поэтому она просила сына дать ей на то разрешение. Изат весьма охотно исполнил просьбу матери, распорядился приготовить все нужное для поездки, снабдил ее очень крупною суммою денег и проводил ее довольно далеко, когда она отправилась в Иерусалим. Приезд царицы был весьма полезен и кстати для жителей, потому что в это время город страдал от голода и многие жители умирали от недостатка в съестных припасах. Тогда царица Елена послала нескольких лиц своей свиты с крупными суммами в Александрию для закупки хлеба, а других приближенных на Кипр за сушеными финиками. Поручения ее были быстро исполнены, и когда посланные вернулись, она стала раздавать пищу нуждавшимся. Этим благодеянием она навсегда оставила среди нашего народа добрую о себе память. Когда же ее сын Изат узнал об этом голоде, то и он послал значительные деньги иерусалимским начальникам. Распределенные среди нуждающихся, эти суммы спасли многих от жестоких мучений голода. Эта династия вообще оказала нашему городу большие услуги; как мы за то выручали ее, мы расскажем впоследствии.

1. Между тем парфянский царь Артабан узнал, что его сатрапы устроили против него заговор. Не считая себя безопасным среди них, он решил уехать к Изату, чтобы просить его о помощи и о восстановлении своем в царской власти, если это будет возможно. Таким образом, он поехал к нему в сопровождении своих родственников и слуг и встретился на пути с Изатом, которого он сам прекрасно знал, но который не знал его вовсе. Подъехав ближе, Артабан начал с того, что, по обычаю своей страны, пал ниц, а затем уже обратился к нему со следующими словами: «о, царь! Не отвращай от меня, явившегося к тебе просителем, взора своего и не относись безучастно к моей просьбе. Меня постигло несчастье, я превратился из царя в частное лицо и теперь прибегаю к твоему заступничеству. Подумай о том, сколь непостоянна судьба, вспомни, что всех нас может постигнуть несчастье, и подумай о моей любви к тебе. Ведь если я буду покинут тобою без помощи, то могут явиться и другие, более смелые злоумышленники, которые восстанут против других царей». Эти слова Артабан произнес со слезами на глазах и низко склонив голову.

Когда Изат узнал имя просителя и увидел его в таком жалком и измученном положении, то немедленно соскочил с коня и воскликнул: «Мужайся, царь, и пусть теперешнее несчастье не сокрушает тебя. Настоящая печаль твоя скоро сменится радостью. Во мне ты найдешь друга и товарища, который будет лучше, чем ты сам рассчитывал: или я верну тебе обратно твой парфянский трон, или предоставлю тебе свой собственный».

2. С этими словами он предложил Артабану сесть на коня, а сам пошел пешком рядом с ним, чтобы оказать ему тем высокую честь. Артабан не мог равнодушно отнестись к этому, стал отказываться от предложенной ему чести и сказал, что положительно сойдет с коня, если Изат, в свою очередь, не сядет на лошадь и не поедет вперед. Изат наконец уступил его настояниям и также поехал верхом. Привезя затем гостя во дворец, он стал оказывать ему всевозможный почет, сажая его во время заседаний и обедов на первое место. При этом он не взирал на теперешнее его положение, но делал все это из уважения к его прежнему сану, отлично сознавая, что всякого человека могут постигнуть превратности судьбы. Вместе с тем Изат написал парфянам письмо, убеждая их вновь принять к себе своего царя Артабана, причем ручался им клятвенно и своим царским словом, что всем им будет дарована амнистия. Хотя парфяне и не отказывались вновь принять к себе Артабана, однако они ответили, что это им теперь невозможно потому, что они уже доверили власть другому лицу (его звали Киннамон) и теперь опасаются, как бы среди них из-за этого не произошли волнения. Когда Киннамон узнал об этом ответе парфян, он немедленно сам написал Артабану (воспитанником которого он был; Киннамон отличался добрым и благородным сердцем), чтобы тот доверился ему и приехал назад получить от него обратно бразды правления. Артабан доверился ему и поехал. Киннамон же выехал ему навстречу, преклонился перед ним, как перед царем, и, сняв со своей головы диадему, возложил ее на главу Артабана.

3. Таким образом, Артабан при содействии Изата вернул себе трон, которого раньше лишился благодаря своим сановникам. Он не забывал оказанных ему Изатом благодеяний, но старался воздать ему за это тем, что у парфян считается особенно почетным, а именно он разрешил ему носить прямую тиару¹²²⁴ и спать на золотой кровати.

Эти привилегии принадлежат одним только парфянским царям. Вместе с тем он предоставил Изату также обширную и плодородную область, которую отнял у армянского царя. Имя этой области — Низибис; тут когда-то македоняне основали город Антиохию, прозванную Епимигдонийскою.

4. Таким почетом парфянский царь отличил Изата. Вскоре затем, однако, Артабан умер [1225](#) и оставил царство сыну своему, Вардану. Прибыв к Изату и намереваясь начать войну с римлянами [1226](#), этот Вардан просил его о помощи и предложил примкнуть к нему. Однако Изат не согласился, потому что знал силу и удаль римлян и не считал возможным померяться с ними. Вместе с тем Изат послал своих пятерых сыновей, находившихся еще в юном возрасте, в Иерусалим, чтобы они там научились нашему языку и законам и получили законченное образование. Он очень охотно, как я уже упомянул выше, отпускал свою мать на поклонение храму. Тем временем постоянными рассказами о могуществе и подвигах римлян он старался удержать Вардана от его намерения, рассчитывая таким образом запугать его и подавить в нем желание воевать с римлянами. В конце концов парфянин на все это рассердился и объявил войну самому Изату; однако он не привел своей угрозы в исполнение, потому что Предвечный расстроил все его планы. Дело в том, что парфяне, узнав характер Вардана и его решение вступить в борьбу с римлянами, умертвили его, а царство передали его брату Готарзу. Впрочем, и этот немного времени спустя пал жертвою заговора [1227](#), и преемником ему стал его брат Вологез [1228](#), который, в свою очередь, доверил две большие части своих владений двум братьям своим, а именно отдал область мидийскую старшему брату Пакору, а Армению младшему, Тиридату.

1. Тем временем брат Изата, Монобаз, и его родственники видели благочестие царя, его душевную чистоту и то, насколько он любим всеми. Поэтому они и сами пожелали отказаться от своей религии и принять иудаизм. Действительно, это свое намерение они и привели в исполнение. Между тем их поступок стал известен среди подданных; сановники очень рассердились на это, но, впрочем, не выказывали гнева, имея в виду выбрать удобный момент и расправиться с ними. Поэтому они написали Авии, царю арабскому, письмо, в котором обещали ему крупную сумму денег, если он согласится начать поход против их царя. При этом они заявили ему, что в первом же сражении покинут Изата, ибо желают наказать его за его вероотступничество. Они готовы были связать себя с Авиєю клятвенным договором и просили его явиться поскорее. Арабский царь согласился на это и, не откладывая, во главе большой рати двинулся против Изата. В первой же стычке, даже еще до начала настоящего рукопашного боя, все заговорщики по данному знаку покинули Изата и, будто охваченные паническим ужасом, повернули тыл и бросились бежать. Впрочем, Изат не испугался этого; он понял, что начальствующие лица совершили измену. Поэтому он сам пока отступил к своему лагерю и стал расследовать дело. Когда же он узнал, что действительно было заключено соглашение с царем арабским, он казнил виновных. На следующий день он вновь сразился с врагами, перебил множество их, а всех остальных обратил в бегство. При этом, преследуя самого арабского царя, он добрался до крепости Арсама; он стал упорно осаждать ее и в конце концов взял ее силою. Захватив там крупную добычу, он возвратился в Адиабену. Авию же ему не удалось поймать живьем, так как он, находясь в таком стесненном положении, раньше чем попасть в руки Изата, сам покончил с собою.

2. Потерпев таким образом неудачу в своем первом предприятии, так как Предвечный выдал их царю с головою, влиятельные адиабенцы, однако, не успокоились на этом, но написали новое письмо, теперь уже к парфянскому царю Вологезу, с предложением умертвить Изата и дать им какого-нибудь другого правителя, хотя бы парфянина; они ссылались при этом на свою ненависть к Изату, который изменил их древней вере и ревностно предан чужим обычаям. При этом известии царь парфянский приготовился к войне; но так как у него не было достаточного повода к ней, то он послал Изату требование отказаться от предоставленных ему его отцом (Артабаном) почетных преимуществ. В противном случае он угрожал войною. Изат очень смутился при этом известии; однако отречение от раз дарованных ему прав он считал позорным и боялся этим навлечь на себя обвинение в трусости. С другой же стороны, он также понимал, что даже в случае его отречения парфянский царь не успокоится. Поэтому Изат в такой опасности решил обратиться к всемилосердному Богу. Видя в Нем своего могущественнейшего заступника, он распорядился отвезти детей и женщин в наиболее безопасную крепость, собрать туда весь хлеб и сжечь все сено и подножный корм. Сделав эти приготовления, он стал ожидать врагов. Тем временем парфянский царь, совершая непрерывные переходы, прибыл раньше, чем его ожидали, во главе огромного пешего и конного войска, и расположился станом вблизи реки, отделяющей Адиабену от Мидия. Невдалеке от него и Изат стал лагерем, имея в своем распоряжении около шести тысяч всадников. В это время к Изату явился посланный парфянским царем вестник, который объявил, как велико могущество парфянского царя и что его владения простираются от реки Евфрата до границ Бактрии¹²²⁹. При этом он также перечислил всех царей, находившихся у него в зависимости. Посланный грозил, что парфянский царь накажет Изата за его неблагодарность, и говорил, что от власти врага не сможет избавить его даже столь почитаемый им Бог его. Когда вестник кончил, Изат ответил

ему, что он знает, насколько могущество парфян больше его собственной власти, однако он знает также и то, что Предвечный могущественнее всех в мире. Дав такой ответ, он обратился с молитвою к Богу, пал ниц, посыпал главу пеплом и стал с женами и детьми своими поститься.

Затем он обратился к Господу Богу со следующей мольбою: «Всевышний! Если я не напрасно уповал на Твою милость, считая Тебя главным заступником и владыкою, яви мне теперь свою помощь и отрази врагов не столько ради меня, сколько потому, что они дерзко отзывались о Твоем могуществе и не сдержали своего нахального языка». Так, со слезами и стенаниями, молил Изат Предвечного, и Господь услышал его: еще в ту же ночь, пока царь молился, Вологез получил письмо с извещением, что дай и саки собрали огромное войско, воспользовались его отсутствием и предают страну парфянскую разграблению. Поэтому Вологез тотчас вернулся назад, не причинив Изату ни малейшего вреда. Таким образом, Изат, благодаря заступничеству Предвечного, счастливо избавился от грозного парфянского царя.

3. Немного времени спустя Изат умер пятидесяти пяти лет от роду, на двадцать четвертом году своего правления. Он оставил после себя 24 сына и столько же дочерей. Преемником он назначил своего брата Монобазу в благодарность за то, что он во время его отсутствия, после смерти отца их, так верно сохранил ему престол. Когда Елена узнала о смерти сына, то очень опечалилась, как и подобало матери, лишившейся столь благочестивого сына. Вместе с тем ей послужило утешением известие, что преемником ему стал старший брат его. Она немедленно поспешила к Монобазу. По прибытии своем в Адиабену Елена недолго пережила сына своего Изата, но вскоре умерла от старости и от тоски по нему. Монобаз отправил останки ее и брата в Иерусалим, где распорядился похоронить их в тех трех пирамидах, которые на расстоянии трех стадий от города воздвигла Елена. О деянии же царя Монобазу во время его царствования мы расскажем впоследствии.

1. Во время наместничества Фада в Иудее некий Февда, обманщик, уговорил большую массу народа забрать с собою все имущество и пойти за ним, Февдою, к реке Иордану. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их. Этими словами он многих ввел в заблуждение. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, которая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живьем, истервенев, воины отруоили самому Февде голову и повезли ее в Иерусалим¹²³⁰. Это было все, что случилось выдающегося у иудеев во времена наместничества Куспия Фада.

2. Преемником Фада стал Тиберий Александр, сын александрийского алабарха Александра, который выдавался среди своих сограждан как знатностью происхождения, так и богатством. Вместе с тем алабарх отличался также благочестием, тогда как сын его не оставался верен древним традициям. В это же самое время случился в Иудее и тот большой голод, когда, как я рассказал выше, царица Елена на большие деньги закупила хлеба в Египте и раздала его нуждавшимся. Тогда же были казнены и сыновья галилеянина Иуды, Иаков и Симон, которые, как мы упомянули выше, во время переписи Квирина возбудили народ к отпадению от римлян¹²³¹. Александр велел их пригвоздить ко кресту. Тогда же и халкидский царь Ирод сместил первосвященника Иосифа, сына Кемея, и передал эту должность Анании, сыну Недевея.

Преемником Тиберия Александра стал Куман¹²³². При нем умер Ирод, брат царя Агриппы Великого, на восьмом году правления императора Клавдия. Он оставил после себя троих сыновей: Аристокбула, которого родила ему его первая жена, Береникиана, и Гиркана от дочери своего брата, Береники. Царство Ирода¹²³³ император Клавдий передал Агриппе Младшему.

3. Во времена наместничества Кумана в Иудее в Иерусалиме произошли волнения, причем погибли многие из иудеев. Но сперва я расскажу о причине этого волнения. Когда наступил праздник Пасхи, в который у нас принято есть опресноки, и когда отовсюду в город стеклось большое количество народа, Куман стал опасаться, как бы не произошли беспорядки. Поэтому он приказал одному отряду солдат с оружием в руках занять галереи храма и подавлять, в случае необходимости, всякий беспорядок. Так обыкновенно поступали во время празднеств и прежние наместники.

На четвертый день праздника какой-то солдат позволил себе непристойную выходку в храме пред народом, который при виде этого рассвирепел, говоря, что солдат оскорбил не их, но самого Господа Бога. Некоторые из более смелых иудеев стали даже поносить Кумана, указывая на то, что он разрешил это солдату. Когда Куман узнал об этом, он сам крайне рассердился и стал увещевать народ успокоиться, не волноваться и избегать смут и волнений. Но он не мог убедить их; они еще более поносили его. Тогда он собрал все войска и повел их в полном вооружении в замок Антонию, который, как мы уже раньше упоминали, примыкал к самому храму. При виде солдат толпа испугалась и бросилась бежать. Но улицы были узки, и народ, предполагая погоню врагов, стал тесниться и толкаться, и таким образом на улицах были задавлены во время этого бегства многие; число человеческих жертв тут было исчислено в двадцать тысяч¹²³⁴. Таким образом, праздник обратился в печаль. Народ оставил свои молитвы и жертвоприношения, плакал и предавался горю. Вот какое бедствие навлек на народ святотатственный поступок одного солдата.

4. Еще не успели люди успокоиться от постигшего их горя, как произошло новое бедствие. Дело в том, что несколько людей, искавших повода к смутам, напали на большой дороге на расстоянии ста стадий от города на ехавшего там императорского чиновника Стефана и

окончательно ограбили его. Узнав о том, Куман немедленно выслал воинов с приказанием разграбить ближайшие местности и, схватив наиболее видных представителей населения, доставить их в окопах к нему, чтобы он мог привлечь их к ответу за содеянное. В то время как воины предавали местность разграблению, какой-то безрассудный молодой солдат нашел в одной деревне хранившийся там экземпляр Моисеева законодательства. Вытащив этот свиток, солдат бессовестно разодрал его на глазах у всех, причем глумился, ругался и всячески издевался над ним. Узнав об этом, иудеи собрались в большом числе и отправились в Кесарию, где находился тогда Куман. Тут они просили отомстить не за них, но за Предвечного, законы которого подверглись поруганию. Они при этом указывали на то, что не могут оставаться долее в живых, если их старинные установления попираются таким образом. В свою очередь, Куман опасался новых народных волнений. Поэтому он, по совету друзей своих, велел отрубить виновному солдату голову и тем подавил уже готовое вспыхнуть восстание.

1. Между самарянами и иудеями произошла распря по следующей причине: галилеяне, которые отправлялись во время праздников в священный город, имели обыкновение проходить через пределы Самарии. И вот, когда они однажды держали таким образом путь свой, из деревни Гинеи, лежавшей между Самариею и Великою равниною, на галилеян напало несколько человек и перебило множество их. Узнав об этом происшествии, именитые галилеяне явились к Куману и просили его отомстить за смерть невинно погибших. Однако Куман дал себя подкупить крупною суммою денег, полученных от самаритян, принял их сторону и отказался от наказания виновных. На это галилеяне рассердились и стали уговаривать народ иудейский взяться за оружие, перебить врагов и тем отстоять свою свободу, потому что, как говорили они, рабство само по себе уже тяжело и становится совершенно нестерпимым, если связано с глумлением. Хотя начальники и пытались умиротворить их и положить предел волнениям и обещали склонить Кумана к наказанию убийц, однако они ничего не добились: иудеи взяли за оружие, призвали к себе на помощь Элеазара, сына Диная (то был разбойник, уже много лет хозяйничавший в горах), подожгли несколько самарянских деревень и предали их разграблению.

Когда весть об этом деле дошла до Кумана, он взял себастиийский отряд и четыре роты пехоты, вооружил также самарян и двинулся против иудеев. Сойдясь с ними, он многих из них перебил, а еще большее количество их взял в плен. Видя, до какого ужасного бедствия дожил народ, наиболее почитаемые и родовитые граждане облеклись в мешки, посыпали головы пеплом и все вместе стали уговаривать возмущившихся успокоиться. Они наглядно представляли «толпе, как погибнет от этого родина, как будет предан пламени храм, как их жены и дети попадут в рабство, и убеждали их опомниться, бросить оружие, успокоиться на будущее время и разойтись по домам. Эти увещания имели успех. Народ разошелся, а разбойники вновь удалились в свои неприступные убежища. С той поры вся Иудея наполнилась разбойниками.

2. В это время главные представители самарян отправились к сирийскому наместнику Уммидию Квадрату [1235](#), который тогда жил в Тире, с жалобою на то, что иудеи сожгли и разграбили их деревни. При этом самаряне заявляли не столько о своем личном неудовольствии, сколько указывали на то, что иудеи отнеслись презрительно к римлянам; им бы следовало обратиться к их суду, если они почувствовали себя обиженными, вместо того чтобы самостоятельно совершать набеги, как будто бы римляне не были хозяевами страны. Ввиду всего этого они, самаряне, и явились к нему с просьбою взыскать с виновных. Так формулировали обвинение самаряне, иудеи же, со своей стороны, говорили, что виновниками всей смуты и военных действий являются самаряне, уже потому что они задобрили Кумана дарами, так что тот не дал хода делу об умерщвлении [галилеян]. Когда Квадрат узнал об этом, он отложил постановление своего решения, сказав, что сделает это, когда приедет в Иудею, в точности расследует все дело и узнает истину. Таким образом, те уехали ни с чем.

Немного погодя Квадрат прибыл в Самарию, где предполагал найти виновных в смутах самарян. Когда же он узнал, что и некоторые иудеи находились в числе бунтовщиков, он распорядился пригвоздить ко кресту тех, которых забрал Куман. Отсюда он поехал в деревню Лидду, которая, впрочем, по величине своей «не уступала целому городу. Здесь он вторично стал публично творить суд над самарянами. Тут ему сообщил один самарянин, что некий влиятельный иудей по имени Дорт и вместе с ним четыре бунтовщика уговаривали народ отложиться от римлян.

Квадрат распорядился казнить виновных, первосвященника же Ананию и военачальника

Анана велел заковать в цепи и отправить в Рим, чтобы они там дали ответ императору Клавдию обо всем случившемся. Вместе с тем он предписал наиболее влиятельным самарянам и иудеям, равно как наместнику Куману и трибуну Целеру, отправиться в Италию к императору, который-де разберет их жалобы друг на друга. Сам же он, опасаясь новых волнений со стороны иудеев, поехал в Иерусалим. Однако он нашел город спокойным и занятым отправлением праздника в честь Предвечного.

Убедившись таким образом, что ему нечего бояться волнений, он покинул иудеев и вернулся в Антиохию.

3. Когда Куман и влиятельнейшие самаряне прибыли в Рим, император назначил день для разбора их взаимных жалоб друг на друга. Императорские вольноотпущенники и приближенные тем временем усердно хлопотали за Кумана и самарян, и те, наверное, одержали бы верх над иудеями, если бы случайно находившийся в Риме Агриппа Младший, видя интриги против иудеев, не обратился к императрице Агриппине ¹²³⁶ с настоятельной просьбою уговорить мужа внимательно и беспристрастно отнестись ко всему делу и уже тогда наказать настоящих виновников смуты. Подготовленный этим путем, Клавдий выслушал дело, признал самарян главными зачинщиками и приказал казнить тех из них, которые явились к нему. Кумана он приговорил к ссылке, трибуна же Целера велел отвезти в Иерусалим, позорно провезти по всему городу, чтобы все видели его, и затем подвергнуть казни ¹²³⁷.

1. После этого Клавдий послал в качестве правителя в Иудею Феликса, брата Палланта ¹²³⁸. На тринадцатом году своего правления император отдал Агриппе тетрархию Филиппа, а также Батанею и Трахонею с Авилою (входившие некогда в состав тетрархии Лизания). Вместе с тем, однако, он отнял у него Халкиду, после того как Агриппа правил ею в течение четырех лет. Получив эти области в удел от императора, Агриппа выдал свою сестру Друзиллу замуж за эмесского царя Азиза, пожелавшего принять обрезание. Дело в том, что Эпифан, сын царя Антиоха ¹²³⁹, отклонил брак с нею, не желая принимать иудаизм, хотя он раньше и обещал ее отцу сделать это. Мариамму Агриппа выдал за Архелая, сына Хелкия; она уже раньше еще отцом Агриппы была объявлена невестою Архелая. От этого брака родилась дочь Береника.

2. Впрочем, немного спустя расстроился брак Друзиллы с Азизом. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство:

В то время наместником Иудеи был Феликс. Когда он увидел Друзиллу, отличавшуюся необыкновенною красотою, он захотел сблизиться с этою женщиною. Поэтому он подослал к ней некоего Симона, иудея, происходившего с острова Кипра и выдававшего себя за мага, и стал уговаривать ее бросить мужа и выйти замуж за него, Феликса. При этом он, в случае ее согласия, обещал сделать все для ее счастья. Друзилла была настолько испорчена, что дала себя уговорить преступить закон и выйти замуж за Феликса ¹²⁴⁰. К этому ее, между прочим, побудило также желание избавиться от постоянного выражения зависти со стороны своей сестры Береники, которая немало досаждала ей ее красотою. Она родила затем Феликсу сына, которого назвала Агриппою. О том, каким образом этот юноша погиб вместе со своею матерью при извержении горы Везувия во времена императора Тита, я расскажу впоследствии.

3. После смерти своего мужа и дяди Ирода Береника долго оставалась вдовою. Но затем, когда стали носиться слухи, будто она живет со своим братом, она уговорила Полемона, царя киликийского, принять обрезание и жениться на ней. Таким путем она рассчитывала покончить со всеми сплетнями. Полемон согласился на это, особенно ввиду ее богатства. Впрочем, этот брак продолжался недолго: Береника, как говорят, вследствие своей невоздержанности, вскоре покинула Полемона, который при этом отказался от иудаизма. Около этого же самого времени и Мариамма бросила Архелая и вышла замуж за Деметрия, родовитого и богатого александрийского иудея, который тогда был там алабархом. Родившегося от этого брака сына она назвала Агриппином. Впрочем, о каждом из них мы впоследствии расскажем подробно.

1. Около этого времени умер император Клавдий, процарствовав тринадцать лет, восемь месяцев и двадцать дней¹²⁴¹. Между некоторыми лицами распространился слух, что он был отравлен женою своею Агриппиною. Отцом последней был Германик, брат Клавдия. Сперва она была замужем за Домицием Агенобарбом, одним из выдающихся римских граждан. После его смерти она долго вдовела, а затем вышла за Клавдия; у нее тогда был уже сын от первого брака, Домиций. Перед этою женитьбой на Агриппине Клавдий из ревности развелся с женою своею Мессалиною¹²⁴², от которой у него было двое детей, Британник и Октавия. Кроме того, у него была еще дочь, Антония, которую родила ему его первая жена, Петина. Октавию он выдал за Нерона, как Клавдий впоследствии, после усыновления, назвал Домиция¹²⁴³.

2. Агриппина, опасаясь, как бы достигший зрелого возраста Британник не стал преемником отца своего, и желая гарантировать своему собственному сыну (Нерону) престол, отравила, как говорят, Клавдия. Затем она немедленно послала за военачальником Бурром¹²⁴⁴, равно как за трибунами и наиболее влиятельными вольноотпущенниками, чтобы они представили Нерона войскам и провозгласили его императором.

Таким образом власть перешла к Нерону. Он тайно распорядился отравить Британника, а затем недолго спустя уже открыто умертвил родную мать¹²⁴⁵, оплатив ей таким образом не только за то, что она даровала ему жизнь, но и за то, что благодаря ее стараниям он стал римским императором. Вместе с тем он велел убить также жену свою Октавию¹²⁴⁶, равно как целый ряд выдающихся лиц под предлогом, будто они составили заговор против него¹²⁴⁷.

3. Однако довольно об этом! Многие писатели повествовали о Нероне; одни из них, которым он оказывал благодеяния, из признательности к нему извращали истину, другие из ненависти и вражды настолько нагнали на него, что не заслуживают никакого извинения. Впрочем, мне не приходится удивляться тем, кто сообщил о Нероне столь лживые данные, так как эти люди не говорили истины даже относительно предшественников его, несмотря на то, что они не имели никакого повода относиться неприязненно к ним и жили гораздо позже их. Однако пусть те, кто не дорожит истиною, пишет о нем, как ему угодно, если это доставляет ему такое удовольствие. Мы же на первом плане ставили истину и потому коснулись лишь вскользь всего того, что не относится прямо к нашему предмету; касательно же иудейских дел мы распространяемся подробно, не останавливаясь ни перед постигшими иудеев бедствиями, ни перед их ошибками. Итак, я возвращаюсь к своему повествованию о наших внутренних делах.

4. В первый же год правления Нерона умер эмесский царь Азиз, и преемником его стал его брат Соем. Управление Малою Армениею Нерон поручил Аристобулу, сыну халкидского царя Ирода. Агриппе он отдал часть Галилеи, Тивериаду и Тарихею, равно как переийский город Юлиаду и двадцать четыре окрестные деревни.

5. Между тем дела Иудеи приходили со дня на день все в больший упадок. Страна вновь наполнилась разбойниками и обманщиками, которые вводили простонародье в заблуждение. Тем временем Феликсежеледневно ловил и казнил как тех, так и других. Так, например, он хитростью захватил Элезара, сына Диная, собравшего вокруг себя огромную шайку разбойников: уверениями полнейшей безопасности он заманил его к себе, затем велел заковать в оковы и отправил его в Рим. Особенную неприязнь Феликс питал к первосвященнику Ионатану за то, что тот часто напоминал ему о необходимости лучшего управления иудейскими делами, дабы Феликс, которого император по просьбе Ионатана же послал наместником в Иудею, не навлекал на себя ненависти народа. Поэтому Феликс стал придумывать предлог, под которым он мог бы избавиться от столь тягостного ему Ионатана, потому что постоянные

увещевания тяжелы тем, кто имеет в виду поступать противозаконно. По этой причине Феликс за огромную сумму денег подкупил одного из преданнейших друзей Ионатана, иерусалимского жителя Дораса, и уговорил его подослать к Ионатану наемных убийц. Дорас согласился и следующим образом решил привести, при помощи убийц, в исполнение свой замысел: несколько человек отправились в город под предлогом поклониться Господу Богу; при этом у них под платьем были спрятаны ножи. Затем они приблизились к Ионатану, обступили его и покончили с ним. Так как это убийство прошло безнаказанным, то разбойники впоследствии стали совершенно безбоязненно являться во время праздников в город, держа под платьем ножи наготове. Затем они смешивались с народной толпой и убивали тут как своих личных врагов, так и тех, против которых их нанимали за деньги. Это они делали не только в пределах города, но и в самом храме, так как не стеснялись осквернять святилище столь святотатственными убийствами¹²⁴⁸. Поэтому, полагаю я, и Господь Бог, в гневе на такое кощунство, лишил нас нашего города и напустил на нас римлян, не видя более в своем храме прежней его чистоты и незапятнанности, предал город всеочищающему пламени и дал увести нас с женами и детьми в рабство, желая, чтобы мы образумились при таких бедствиях.

6. Итак, деяния убийц преисполнили весь город ужасом. Тем временем разные проходимцы и обманщики старались побудить народ последовать за ними в пустыню, где обещали ему явить всякие чудеса и необыкновенные вещи, которые будто бы должны случиться по желанию Предвечного. Многие поверили этому и [жестоко] поплатились за свое безумие, потому что Феликс возвращал их обратно и наказывал. Около того же времени в Иерусалим явился некий египтянин, выдававший себя за пророка; он уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Елеонской горе, отстоящей от города на расстоянии пяти стадий. Тут он обещал легковерным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город. Когда Феликс узнал об этом, он приказал войскам вооружиться; затем он во главе большого конного и пешего отряда выступил из Иерусалима и нагрянул на приверженцев египтянина. При этом он умертвил четыреста человек, а двести захватил живьем. Между тем египтянину удалось бежать из битвы и исчезнуть¹²⁴⁹. Впрочем, разбойники вновь стали побуждать народ к войне против римлян, говоря, что не следует повиноваться. При этом они грабили и сжигали деревни тех, кто не примыкал к ним.

7. Около того же времени возникли разногласия и между иудейским населением Кесарии и ее сирийскими жителями из-за вопроса о политической равноправности. Дело в том, что иудеи требовали себе первенства вследствие того, что основатель Кесарии, царь Ирод, был иудейского происхождения. Сирийцы с этим хотя и соглашались, но вместе с тем указывали на то, что Кесария первоначально называлась Стратоновой башней и тогда в городе не было ни одного жителя из иудеев. Когда римские чиновники узнали об этом, они распорядились арестовать зачинщиков всей смуты как с той, так и с другой стороны, велели наказать их палочными ударами и таким образом ненадолго подавили волнение. Однако вскоре иудейские жители города, кичась своим богатством и потому презрительно относясь к сирийцам, вновь стали глумиться над последними, имея в виду вызвать их неудовольствие. Сирийцы, правда, уступали иудеям в зажиточности, но зато полагались на то обстоятельство, что большинство римских легионеров, там квартировавших, состояло из кесарийцев и себастийцев. Поэтому и они, в свою очередь, некоторое время глумились над иудеями. Впоследствии, однако, дело дошло до того, что они стали кидать друг в друга камнями, пока много человек с обеих сторон не было ранено и пало. В конце концов, впрочем, победителями остались иудеи.

Когда Феликс заметил, что эта распря переходит в открытую войну, он поспешил уговорить иудеев прекратить ее. Но так как те не повиновались ему, он выпустил на них вооруженных солдат, многих иудеев перебил, а еще большее количество их захватил живьем, причем

разрешил солдатам разграбить несколько особенно богатых домов. Более сдержанные и влиятельные иудеи, между тем, испугались за свою личную безопасность и просили Феликса велеть трубить отбой, вообще пощадить их сограждан и дать им возможность загладить проступок. Феликс внял их просьбам.

8. Около этого времени царь Агриппа передал первосвященство Измаилу, сыну Фаба. Тогда же возникли ссоры и смуты между первосвященниками, священниками и наиболее влиятельными иерусалимскими гражданами. Каждый из враждующих собирал вокруг себя толпу крайне отчаянных и беспокойных приверженцев, становился во главе их и вел их в бой. При столкновениях эти отряды осыпали друг друга сперва бранью, а затем и камнями. Между тем не было никого, кто бы мог их припугнуть и тем положить предел смуте; напротив, все эти злоупотребления происходили, как будто бы в городе не было начальства. Первосвященники настолько потеряли всякий стыд и дошли до такой дерзости, что решались отправлять своих слуг к гумнам, чтобы забирать там десятину, предназначавшуюся для простых священнослужителей. Таким образом случилось, что несколько бедных священников умерло от голода. Насилия бунтовщиков подавили всякое понятие о справедливости.

9. Когда Нерон назначил Феликсу преемником Порция Феста [1250](#), наиболее влиятельные из кесарийских иудеев отправились в Рим и там выступили с обвинениями против Феликса. Последний, вероятно, поплатился бы за совершенные над иудеями притеснения, если бы брат Нерона, Паллант [1251](#), которого император тогда особенно ценил, не заступился за него. Тогда же главные сирийцы Кесарии путем огромной суммы денег склонили Бурра, бывшего воспитателя Нерона [1252](#) и теперь его греческого секретаря, выхлопотать для них у императора указ, которым бы у иудеев отнималась всякая равноправность. Буру действительно удалось склонить императора к изданию такого указа, который впоследствии подал повод к разным бедствиям для нашего народа. Дело в том, что, когда жившие в Кесарии иудеи узнали об этом указе Нерона в пользу сирийцев, они стали еще более предаваться смутам, пока не дошли до открытой войны.

10. Когда Фест прибыл в Иудею, он нашел страну бедствующую от разбойников, которые предавали грабежу и пожарам все селения. Эти разбойники носили название сикариев. Их расплодилось тогда очень много, и они пускали в ход ножи, по величине своей схожие с персидскими акинаками [1253](#), а по изогнутости с римскими *sicae* [1254](#); от этих-то ножей убийцы, умерщвлявшие много народа, и получили название сикариев.

Как мы упоминали выше, они смешивались во время праздников с народною толпою, отовсюду стекавшеюся в город для отправления своих религиозных обязанностей, и без труда резали тех, кого желали. Нередко они появлялись также в полном вооружении во враждебных им деревнях, грабили и сжигали их [1255](#). Фест, между прочим, выслал конный и пеший отряды против людей, введенных в заблуждение неким проходивцем, который обещал им спасение и избавление от всех бедствий, если они пожелают последовать за ним в пустыню. Высланные против них воины перебили как самого обманщика, так и его жертвы.

11. Около этого времени царь Агриппа воздвиг огромное здание вблизи царского дворца в Иерусалиме, у гимнасия. Сам же дворец возник еще при Хасмонеях. Так как этот дворец был расположен на возвышенности, то отсюда открывался прелестнейший вид на город. Лежа там на своем ложе, царь мог оттуда видеть все, что происходило в храме. Когда иудейские главари заметили это, то страшно рассердились, потому что никогда законом не было дозволено глядеть на происходившее в святилище, особенно во время службы. Поэтому они построили у галереи с западной стороны храма высокую стену, которая не только скрывала вид из царской столовой, но и замыкала вид на западную галерею, тянувшуюся вдоль храма; там римляне ставили караулы во время религиозных иудейских праздников.

Агриппа рассердился на это, но еще более был недоволен наместник Фест, приказавший иудеям снести стену. Те, однако, просили его разрешить им отправить относительно этого дела посольство к Нерону, говоря, что они предпочитают умереть, чем снести какую-либо из построек храма. Фест разрешил им это, и тогда иудеи отправили к Нерону десять наиболее влиятельных лиц из своей среды, равно как первосвященника Измаила и храмового казначея Хелкию.

Выслушав их, Нерон не только простил им их поступок, но и согласился оставить стену; это он сделал в угоду жене своей Поппее (она отличалась истинным благочестием)¹²⁵⁶, которая просила его за иудеев. Императрица затем отпустила десять депутатов¹²⁵⁷, Хелкию же и Измаила оставила у себя в качестве заложников. Когда царь [Агриппа] узнал о том, он сделал первосвященником сына первосвященника же Симона Иосифа, прозванного Кавием.

1. Узнав о смерти Феста, император послал в Иудею наместником Альбина. Около того же времени царь [Агриппа] лишил Иосифа первосвященнического сана и назначил преемником ему Анана, сына Анана же. Последний, именно Анан старший, был очень счастлив: у него было пять сыновей, которые все стали первосвященниками после того, как он сам очень продолжительное время занимал это почетное место.

Такое счастье не выпадало на долю ни одного из наших первосвященников. Анан же младший, о назначении которого мы только что упомянули, имел крутой и весьма беспокойный характер; он принадлежал к партии саддукеев, которые, как мы уже говорили, отличались в судах особенною жестокостью. Будучи таким человеком, Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока еще Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения своей суровости). Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями¹²⁵⁸. Однако все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие [тогда] в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбою запретить Анану подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права, помимо его разрешения, созывать синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анану гневное письмо с угрозой наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея.

2. Когда Альбин приехал в Иерусалим, он приложил всяческое старание и усердие, чтобы умиротворить страну. При этом он умертвил множество сикариев. Тем временем влияние первосвященника Анана росло со дня на день и он пользовался любовью и почетом среди своих сограждан. Дело в том, что он давал займы деньги и постоянно умел склонять подарками Альбина и другого первосвященника (Иисуса). При этом у него были крайне испорченные слуги, которые в обществе подонков народа отправлялись на гумна и там насильно овладевали предназначавшеюся для простых священнослужителей десятиною; в случае же сопротивления они прибегали к побоям. Так как никто не мог препятствовать этому, то и другие первосвященники делали то же, что и слуги Анана. Тогда-то многим из священников, для которых раньше десятина представляла источник существования, пришлось умереть от голода.

3. Когда во время наступившего праздника сикариям удалось ночью пробраться в город, они схватили письмоводителя храмового смотрителя Элезара, который был сыном первосвященника Анана, связали его и увели с собою. Затем они послали к Анану, обещая, что отпустят к нему письмоводителя, если Анан уговорит Альбина освободить захваченных им десять сикариев. Анан был принужден уговорить Альбина, и тот исполнил его просьбу. Между тем этот случай подал повод к большим бедствиям. Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь из членов семьи или близких Анана и систематически держать их у себя до тех пор, пока не получат в обмен несколько сикариев. Тем временем число последних вновь увеличилось, и они с неслыханною дотоле дерзостью опустошали всю страну.

4. Около этого времени царь Агриппа расширил город Кесарию Филиппову и назвал ее в честь Нерона Нерониадою. Равным образом он с большими издержками воздвиг в Берите театр, в котором ежегодно устраивал на свой счет представления. На это он тратил огромные суммы. Вместе с тем он раздавал народу хлеб и масло. Весь город он украсил статуями и картинами древних мастеров и вообще почти весь блеск своего двора он перенес именно в этот город.

Впрочем, это-то обстоятельство и усилило нерасположение к нему его подданных, потому что он отнимал у них многое для украшения чужого города.

Потом Иисус, сын Гамалиила, был назначен в преемники первосвященнику Иисусу, сыну Дамнея. Результатом этого была ссора, возникшая между ними обоими. Каждый из них собрал вокруг себя толпу отчаянных приверженцев, которые нередко от ругательств переходили к закидыванию друг друга камнями. Тем временем Анан, благодаря своему богатству, пользовался огромным влиянием, так как с помощью денег склонял людей на свою сторону. Также и Костобар и Саул, происходившие из царского рода и пользовавшиеся большою популярностью благодаря своему родству с Агриппой, набрали себе каждый по толпе негодяев, совершали во главе которых всякие насилия и были всегда готовы отнять имущество более слабых. С этого времени для нашего города начались особенно тяжкие бедствия, так как все дела стали клониться к окончательному упадку.

5. Когда Альбин узнал, что прибыл его преемник, Гессий Флор [1259](#), он пожелал оставить какие-нибудь результаты своего пребывания среди иерусалимцев. Поэтому он велел предать казни всех арестантов, которые заслужили смерть, тех же лиц, которые сидели в тюрьме по каким-либо незначительным и маловажным причинам, он освободил за известную сумму денег. Таким образом, тюрьма, правда, опустела, зато страна наполнилась разбойниками.

6. Те представители левитов, которые исправляли обязанности певчих, обратились к царю с просьбою созвать синедрион и внести предложение о разрешении всем левитам носить такую же льняную одежду, какую носили священники [1260](#). При этом они говорили, что он таким достойным его правления нововведением сможет снискать себе вечную славу. Просьба их была уважена, и царь, по постановлению членов синедриона, разрешил певчим заменить прежние одежды льняными, как они того желали. Так как одна часть левитов участвовала в храмовом богослужении, то он, по просьбе их, разрешил и им также изучить псалмы. Все это, однако, находилось в противоречии с древними законоположениями, нарушение которых не могло не повлечь за собою наказания.

7. В то время была вполне закончена постройка храма. Когда же народ увидел рабочих, которых было свыше восемнадцати тысяч человек, без дела и понял, что теперь они, по окончании работ, останутся без хлеба, а с другой стороны, из страха перед римлянами не желал копить храмовые деньги, то он, думая о рабочих и имея в виду употребить эти деньги на них (всякий рабочий, который поработал хотя бы один час в день, немедленно получал свой заработок), обратился к царю с просьбою о перестройке восточной галереи храма. Эта галерея тянулась вне храма и была воздвигнута над глубоким обрывом. Она покоилась на стенах, имевших в длину четыреста локтей. Эти стены были сооружены из белого мрамора, каждая глыба которого имела в длину двадцать, а в вышину шесть локтей, и представляли дело царя Соломона; он первый отстроил весь храм. Однако Агриппа, которому император Клавдий поручил заведование делами храма, полагая, что разрушение всякой вещи нетрудно, тогда как тяжело ее создание, особенно же в применении к такой галерее, которая потребует много времени и громадных денежных затрат, отказал населению в этой просьбе. Зато он ничего не имел против того, чтобы весь город был вымощен белым мрамором.

Вместе с тем царь лишил первосвященнического сана Иисуса, сына Гамалиила, и поставил на его место сына Феофила Матфия, при котором началась война иудеев с римлянами.

Теперь я считаю необходимым и полезным в видах полноты исторического повествования остановиться на первосвященниках, рассказать о возникновении их, кто удостоился этой высокой чести и сколько их было всего до окончания [Иудейской] войны. По преданию, первым первосвященником был Аарон, брат Моисея; после его смерти преемниками ему немедленно становились сыновья и потомки его, среди которых это звание оставалось наследственным. Поэтому-то и вошло в обычай не назначать никого на эту должность, кто не происходил бы из рода Ааронова. Лицо, принадлежащее к другой семье, даже к царской, не имеет права на первосвященство. И вот всех первосвященников, от упомянутого нами родоначальника их, Аарона, до Финееса, который бунтовщиками был провозглашен первосвященником во время войны, было восемьдесят три. Из них с того времени, как Моисей в пустыне воздвиг скинию в честь Предвечного, до прибытия [народа] в Иудею, когда царь Соломон построил Господу Богу храм, первосвященствовало тринадцать человек. Сначала они были несменяемы до самой смерти, а затем смещались. Эти тринадцать первосвященников, которые являлись потомками двух сыновей Аарона, последовательно друг за другом удаивались своего высокого сана. При них государственное устройство иудеев первоначально носило аристократическую, потом единоподданную, а затем царскую (с известными ограничениями) форму. Указанные тринадцать лиц первосвященствовали с того дня, когда предки наши под предводительством Моисея покинули Египет, вплоть до сооружения в Иерусалиме Соломонова храма, т.е. в течение шестисот двенадцати лет. После указанных тринадцати лиц звание это принадлежало восемнадцати первосвященникам, а именно в течение периода от иерусалимского царя Соломона и до нападения Навуходоносора, царя вавилонского, который при этом сжег храм, увел народ в рабство в Вавилонию и захватил в плен первосвященника Иосадака. Эти лица занимали свои должности в течение четырехсот шестидесяти шести лет, шести месяцев и десяти дней.

В это время иудеи управлялись царями. Спустя семьдесят лет после вавилонского пленения персидский царь Кир вновь отпустил живших в Вавилонии иудеев назад на родину и разрешил им воздвигнуть храм. Первосвященническое звание перешло тогда к одному из возвратившихся из плена, именно к Иисусу, сыну Иосадака. Он и его потомки, всего пятнадцать человек, управляли получившим демократический строй государством в течение трехсот сорока четырех лет, вплоть до царя Антиоха Эвпатора. Этот-то упомянутый Антиох вместе со своим военачальником Лисием решили сместить первосвященника Хония и умертвить его в Берее; при этом они обошли его сына и назначили первосвященником Иакима, происходившего, правда, из рода Ааронова, но не принадлежавшего к семье Хония. Поэтому-то другой Хоний, двоюродный брат вышеупомянутого, называвшийся так же, как и отец его, отправился в Египет, снискал дружбу Птолемея Филометора и его жены Клеопатры и уговорил их построить в Гелиополитанском номе Предвечному храм наподобие Иерусалимского и назначить его, Хония, первосвященником. Впрочем, об этом египетском храме мы говорили уже неоднократно.

Между тем Иаким пробыл первосвященником всего три года и затем умер. Ему не тотчас же был назначен преемник, но город в течение семи лет обходился без первосвященника. Затем уже Хасмонеи, которым было доверено управление народом, по окончании войны с македонянами назначили первосвященником Ионатана, занимавшего эту должность семь лет. Когда же он пал жертвою интриг и заговора Трифона, как мы в свое время рассказали, то первосвященство перешло к брату его, Симону. Но и этот, пробыв в своей должности годом дольше брата, был во время обеда коварно умерщвлен своим зятем.

Преемником ему стал его сын Гиркан. Последний был первосвященником в течение тридцати одного года и умер в преклонных летах, оставив сан свой Иуде, прозванному также Аристокбулом. Ему наследовал его брат, царь Александр, когда Иуда умер от болезни; этот Иуда был одновременно царем и первосвященником, так как он за год до своей смерти воздел на главу свою царский венец. Александр умер, пробыв царем и первосвященником в течение двадцати семи лет, и поручил жене своей Александре назначить первосвященника по собственному усмотрению. Александра поручила эту должность Гиркану, сама же в течение десяти лет, вплоть до своей смерти, была царицею. Столько же времени был первосвященником и сын ее Гиркан. Дело в том, что после ее смерти брат Гиркана, Аристокбул, вступил в борьбу с ним, победил его и отнял у него власть, которую присвоил себе как царь и как первосвященник. Однако по истечении трех лет и стольких же месяцев его правления [в Иудею] явился Помпей, силою взял Иерусалим и затем отправил Аристокбула с детьми его пленными в [Рим](#). При этом Помпей вернул Гиркану первосвященнический сан и поручил ему управление народом, но в то же время запретил носить диадему. Таким образом, Гиркан был еще двадцать четыре года правителем. После того парфянские князья Барцафарн и Пакор перешли через Евфрат, объявили войну Гиркану, взяли последнего в плен и провозгласили царем сына Аристокбула, Антигона. Он успел процарствовать [лишь] три года и три месяца, как Сосий и Ирод осадили его. Затем Антоний повез его в Антиохию и казнил там. После этого царская власть была передана римлянами Ироду [Великому], который не стал более назначать первосвященников из рода Хасмонеев, но, за исключением одного только Аристокбула, передавал этот почетный сан некоторым ничем не выдававшимся, простым священникам. Если же он назначил первосвященником Аристокбула, внука взятого парфянами в плен Гиркана и брата жены своей Мариаммы, то он сделал это лишь в угоду простонародью, которое высоко чтит память Гиркана. Но так как он впоследствии стал опасаться слишком большой популярности Аристокбула, то он, как мы уже рассказали, решил избавиться от него, утопив его во время купания в Иерихоне. После него Ирод уже более не поручал первосвященства потомкам Хасмонеев. Подобно Ироду поступили в деле назначения первосвященников также его сын Архелай и римляне, к которым впоследствии перешло управление Иудеею. И вот со времен Ирода вплоть до того дня, когда Тит взял город и сжег храм, было всего двадцать восемь первосвященников в течение ста семи лет. Некоторые из них правили еще при жизни царя Ирода и его сына Архелая. После же смерти их форма правления стала опять аристократическою, причем, однако, управление народом было доверено первосвященникам. Однако этого достаточно о первосвященниках.

1. Между тем Гессий Флор, которого Нерон назначил преемником Альбина, навлек на иудеев большие бедствия. Сам он происходил из города Клазомен и привез с собою свою жену Клеопатру, бывшую в дружбе с женой Нерона, Поппеею. Клеопатра несколько не отличалась от последней своею испорченностью. Благодаря Поппее Гессий Флор и достиг своего назначения. Флор настолько злоупотреблял своею властью и позволял себе такие насилия, что иудеи в своем крайнем горе вспоминали об Альбине как о благодетеле. Последний, по крайней мере, старался скрывать свою гнусность и заботился о том, чтобы не уронить себя окончательно; Гессий же Флор кичился своими беззакониями относительно нашего народа, как будто бы он был прислан лишь для выказания своей испорченности: он не упустил ни одного случая, где он мог грабить или обижать людей. Чувство жалости было недоступно ему, и его любостяжание было прямо ненасытно, так что он не делал различия между большим и малым, но делил свою добычу с разбойниками.

Большинство последних действовало смело, потому что могло быть уверено в безнаказанности со стороны наместника, которому за это уделялась часть награбленного. Однако это было еще не все. Так как несчастные иудеи не могли дольше сносить грабежей разбойников, то они видели себя принужденными отказаться от своих привычек и массою выселяться, думая найти убежище где бы то ни было среди иноземцев. Чего же еще больше? Флор был тем, кто принудил нас начать войну с римлянами [1261](#), так как он держался того мнения, что лучше гибнуть многим зараз, чем умерщвлять немногих отдельных лиц. Эта война началась во втором году наместничества Флора и на двенадцатом году правления Нерона.

К чему мы тогда были вынуждены и что нам пришлось перенести, об этом подробно может узнать всякий желающий из моих книг об Иудейской войне.

Здесь я закончу свое сочинение «Древности», продолжением которых служит моя книга «Иудейская война». Содержание его обнимает рассказ от возникновения первого человека до двенадцатого года правления Нерона [1262](#). Тут повествуется о судьбе нашей в Египте, Сирии и Палестине, как мы страдали от ассирийцев и вавилонян, что с нами сделали персы и македоняне и впоследствии римляне. Надеюсь, что все это передано мною с возможною точностью. Вместе с тем я попытался также установить преемство первосвященников за двухтысячелетний период их существования. Равным образом я в точности передал, как я и обещал в начале своего повествования, последовательно историю царей, их деяний и образа правления, равно как пределы их власти сообразно с тем, что имеется об этом в Писании.

В заключение своего сочинения позволю себе смело сказать, что передать все это настолько подробно по-гречески не смог бы, при всем своем желании, никто другой, будь то иудей или иноземец. Мои соотечественники все согласны с тем, что я являюсь одним из лучших знатоков истории страны нашей. Я старался с большим усердием преодолеть трудности в изучении греческого языка и литературы, основательно усвоив его грамматику. Впрочем, свободно говорить по-гречески мешает мне мое иудейское происхождение. Дело в том, что у нас не уважаются те, кто изучил много языков или умеет украшать речь свою красивыми оборотами. Это уменье считается принадлежностью не только свободнорожденных людей, но и рабов. Лишь те, которые в точности знают закон и отличаются уменьем толковать Св. Писание, признаются истинно образованными людьми. Поэтому-то, хотя многие и трудились над приобретением таких познаний, однако едва двое или трое вполне преуспели в том. Впрочем, за то они и вкусили от плодов трудов своих.

Вероятно, большинству не покажется неуместным и неудобным, если я здесь вкратце

упомяну о своем происхождении и о своих деяниях в жизни. Пока живы еще люди, которые могли бы либо изобличить, либо поддержать меня.

На этом я и покончу свои «Древности», которые распадаются на двадцать книг и состоят из шестидесяти тысяч строк. Если Господу Богу будет угодно, я впоследствии кратко расскажу об [Иудейской] войне и историю нашей иудейской жизни до сегодняшнего дня, т.е. до тринадцатого года правления императора Домициана и до пятидесятишестилетнего года моей жизни¹²⁶³. Я имею также в виду изложить в четырех книгах наше иудейское вероучение о Господе Боге и Его существе, равно как поговорить о законах и о причинах, почему одно нам разрешено, а другое запрещено.

Во дни Шамгара, сына Анат, в дни Иаили пути были пусты, А идущие тропой проходили окольными путями, Пусты были села в Израиле, пусты — Пока не восстала я, Дебора, не восстала матью народа. (Кн. [Суд 5.6—7](#), перевод И.М. Дьяконова)

В этом отрывке упоминаются богиня Анат Иаиль, у Иосифа Флавия — Иала.

Вообще рассказ Иосифа Флавия о посещении Александром Иерусалима выглядит крайне сомнительным.

Всадники являлись вторым высшим сословием Рима. При Октавиане Августе для них был установлен имущественный ценз в 400 тыс. сестерциев. В основном это была финансово-торговая верхушка общества, хотя многие всадники являлись землевладельцами. Уже Октавиан Август возводил всадников в сенаторское сословие, в эпоху принципата они играли важную роль в аппарате управления.

Милетская (VII — нач V в до н.э.):

талант (60 мин) — 42,75 кг

мина (50 статеров) — 712,5 г

статер (двойная драхма) — 14,25 г

драхма — 7,125 г

металл — электр (сплав золота и серебра)

Фокейская (VII в до н.э. — 30-е гг. IV в до н.э.):

талант — 43 кг

мина — 800 г

статер — 16 г

драхма — 8 г

металл — электр

Эгинская (VII — II в до н.э.):

талант — 36,42 кг

мина — 607 г

статер — 12,14г

драхма — 6,07 г

металл — серебро

Эвбейско-аттическая (594 г. до н.э. — 1 в. до н.э.):

талант — 26,16 кг

мина — 436 г

статер — 8,72 г

драхма — 4,36 г

металл — серебро

Коринфская (начало VII в. до н.э. — 30-е гг. IV в. до н.э.):

талант — 26,16 кг

мина — 436 г

статер (3 драхмы) — 8,72 г

драхма — 2,91 г

металл — серебро

Хиосская (VI — IV в. до н.э.):

талант — 23,4 кг

мина — 390 г

статер — 7,8 г

драхма — 3,9 г

металл — серебро

Родосская (IV в. до н.э.):

талант — 22,5 — 23,4 кг

мина — 375—390 г

статер — 7,5—7,8 г

драхма — 3,75—3,9 г

металл — серебро

Родосская (III в. до н.э.):

талант — 18—18,9 кг

мина — 300—319 г
статер — 6—6,38 г
драхма — 3—3,19 г
металл — серебро

Персидская денежная система на территории Малой Азии (VI-IV в. до н.э.)

талант (60 мин) 29,4 кг золота 38,88 кг серебра

мина вавилонская легкая (60 статеров) 490 г золота 648 г серебра

статер (сикл) 8,1 г золота 10,8 г серебра

Денежная система Древнего Рима

269—217 гг. до н.э.:

денарий — 4,55 г (серебро)

сестерций — 1,137 г (серебро)

217—27 гг. до н.э.:

денарий — 3,9 г (серебро)

сестерций — 0,975 г (серебро)

27 г. до н.э. — 54 г. н.э.:

денарий — 3,9 г (серебро)

сестерций — 27,28 г (латунь)

54—58 гг. н.э.:

денарий — 3,41 г (серебро)

сестерций — 27,28 г (латунь)

Древнеримские единицы веса

талант (100 фунтов) — 32,745 кг

фунт (12 унций) — 327,45 г

унция (24 скрупула) — 27,28 г

скрупул — 1,137 г

Первосвященники ветхозаветного периода

1. Аарон
2. Елеазар
3. Финеес
4. Авишуй
5. Буккия
6. Уззий
7. Илия
8. Ахитув
9. Ахия
10. Ахимелех
11. Авиафар
12. Садок
13. Ахимаас
14. Азария
15. Иорам
16. Иедайя
17. Аксиорам
18. Иодай
19. Фидея
20. Судея
21. Азария II (у Иосифа Флавия — Иоель)
22. Йотам
23. Урия
24. Азария III (у Иосифа Флавия — Нерия)
25. Одия
26. Шаллум
27. Хилкия
28. Азария IV
29. Серайя (у Иосифа Флавия — Сарейя)
30. Иоседек
31. Иисус
32. Иоаким
33. Елияшив
34. Ионада (у Иосифа Флавия — Иуда)
35. Иоханан (у Иосифа Флавия — Иоанн)
36. Иаддуй
37. Хоний I

Цари Израиля и Иудей (1020—587 гг. до н. э.)

Единое царство:

Саул (1020—1004)

Давид (1004—965)

Соломон (965—928)

Иехония (598)

Седекия (598—587)

Израиль:

Иеровоам I (922—901)

Надав (901—900)

Вааса (900—877)

Элах (877—876)

Зимри (876)

Омри (876—869)

Ахав (869—850)

Охозия (850—849)

Иорам (849—842)

Ииуй (842—815)

Иоахаз (815—801)

Иоас (801—786)

Иеровоам II (786—746)

Захария (746—745)

Шаллум (745)

Менахем (745—738)

Пекахия (738—737)

Факей (737—732)

Осия (732—724)

Иудея:

Ровоам (928—901)

Авиа (911—908)

Аса (908—873)

Иосафат (873—849)

Иорам (849—843)

Охозия (843—842)

Гофолия (842—836)

Иоас (836—798)

Амасия (798—769)

Озия (785—742)

Иофам (742—735)

Ахаз (735—715)

Езекия (715—687)

Манассия (687—642)

Амон (642—640)

Иосия (640—609)

Иоахаз (609)

Сирийско-македонский календарь (с приблизительным соответствием месяцам современного календаря)

диос — ноябрь
апеллай — декабрь
аудинай — январь
перитий — февраль
дистр — март
ксантик — апрель
артемисий — май
дасий — июнь
панем — июль
лаос — август
гарпей — сентябрь
иперберетай — октябрь

Единицы длины, использованные в «Иудейских древностях»

гар — 5,9 м

локоть — 0,4443 м

стадий — 184,97 м

схойнос — 6,2 км

Примечания

Полагают, что в этом случае Иосиф Флавий имеет в виду воспоминания одного из римских полководцев, которые не сохранились до наших дней. Возможно, что речь идет о сочинении Юста Тивериадского, участника антиримского восстания, полемике с которым Иосиф посвятил затем значительную часть своего сочинения «Жизнь».

***

Имеется в виду Иудейская война 66—73 гг., которой Иосиф Флавий посвятил свой первый труд.

О личности Эпафродита имеются различные мнения. Одни полагают, что он — отпущенный на волю римский раб, впоследствии — секретарь императора Нерона (54—68 гг.), казненный при императоре Домициане (81—96 гг.). Более распространена версия, что Эпафродит, весьма образованный человек, служил префектом (наместником) Египта, затем поселился в Риме, где жил еще во время правления императора Нервы (96—98 гг.).

Птолемей II Филадельф (285—246 гг. до н.э.) — получил великолепное образование, был склонен к изнеженности и жестокости. Пригласил ко двору многих известных ученых и поэтов своего времени. Был инициатором перевода Ветхого Завета на греческий язык (об этом см. ниже, кн. XII, 2, 1 и далее).

Первосвященник — т.е. первых из священников, глава иудейского жречества. По Ветхому Завету, этот сан был узаконен при Моисее, он обычно переходил по наследству от отца к сыну первосвященника. Носил особое одеяние, только он мог входить в Святая Святых Иерусалимского храма. Обязан был вступать в брак только с девушкой. Во времена царя Ирода право на этот пост захватила аристократическая партия, используя его как средство для обогащения и политического влияния. О первосвященнике Элеазаре подробнее см. ниже, кн. XII, 2, 5—6.

*****

Александрия — город в Египте, расположен на северо-западной окраине дельты Нила, основан Александром Македонским, столица страны в период правления династии Птолемеев (305—31 до н.э.).

*****

Пятикнижие — название первых пяти книг Ветхого Завета (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), авторство которых приписывается легендарному библейскому пророку Моисею.

В кн. Бытие ([Быт 1.7—10](#)) дается более подробное описание творения Земли. А в одном из комментариев к библейскому тексту приведена и такая версия: бог взял из-под своего трона горсть твердого вещества и бросил в воду, заполнившую мировое пространство. Из нее и образовалась Земля.

Здесь Иосиф Флавий, вслед за греческими философами, видит различие между дыханием (духом) и душой.

Глина как исходный материал для творения человека присутствует во многих космогониях древности. К примеру, в египетской мифологии отец богов Хнум создал первых людей на гончарном круге. Иногда глину красной делала примешанная кровь богов, которая была призвана оживить фигурки первых людей.

Критики Библии недавнего прошлого многократно указывали на нелепость рассказа о творении первой женщины из ребра ранее сотворенного богом Адама. Но, задолго до распространения библейских сказаний, на периферии цивилизованного мира в фольклоре туземцев встречался мотив о сотворении женщины именно из ребра первого мужчины. По данным известного английского этнолога Дж. Дж. Фрэзера, в Полинезии, на о. Таити и других островах, рассказывали, что первый человек был создан из камня. Через некоторое время он сам вынул из левой стороны груди ребро и поместил его в изваяние. Оно мигом превратилось в живую женщину. Перво-человек назвал ее Иви, что значит «ребро». По преданию сибирских татар, бог вначале сотворил мужчину и тот долго жил один на Земле. Однажды, когда мужчина спал, дьявол коснулся его груди, и из ребра выросла кость. Упав на землю, она разрослась и стала женщиной.

Здесь Иосиф Флавий приводит не совсем точное написание др.-евр. ischa — форму женского рода от ijsch — «мужчина».

Это слово происходит от глагола «течь», «струиться».

Иосиф Флавий называет Евфрат «Фором» (др.-греч. Φορα), но это имя означает не «распространение» или «цветок», а «сладкая вода». Известно, что вкус воды Евфрата вошел в пословицу у современных арабов. Его название родственно вавилонскому Pura_tu — «большая река». Ср. с древнеперсидским Ufratus.

Авторский пересказ кн. Бытие ([Быт 3.1—24](#)).

Это объяснение совершенно произвольно приведено здесь Иосифом Флавием и принадлежит лично ему; смысл сказанного в кн. Бытие ([Быт 3.7](#)) противоречит этому. (Перев.)

Это толкование всецело заимствовано из кн. Бытие ([Быт 4.1](#)), где присутствует этимологическое объяснение имени Каина. (Перев.)

Собственно «страдание (при родах), боль, тщетность, суета». (Перев.)

Авторский пересказ кн. Бытие ([Быт 4.9—16](#)).

Это слово, которое передается в кн. Бытие ([Быт 4.16](#)) через «Нод» и поясняется уточнением «на восток от Эдема», означает собственно «бегство и нужда». Арабское предание считает эту страну Нод баснословно плодородной частью Индии. (Перев.)

В кн. Бытие (4—5) об этом ничего не сказано. Вероятнее всего, число 77 заимствовано Иосифом Флавием из известной песни Ламеха ([Быт 4.23—24](#)). (Перев.)

«Был родоначальником всех играющих на лютне и свирели», - сказано ([Быт 4.21](#)) о Явале. Самое же имя Явал может быть приведено в связь с сирийским jubaba — «звук рогов или труб», т.е. во всяком случае духовых инструментов. (Перев.)

Как Явал, сын Ламеха, был отцом бродячих музыкантов, так Товел (Тубал-Каин) стал учителем всех кузнецов и медников (профессия, которая в древности была нередко связана с бродяжничеством).

Приведенная здесь родословная есть пересказ кн. Бытие ([Быт 4.17—22](#)). Существует и другая родословная ([Быт 5.6—30](#)). Здесь рассказывается, что после гибели Авеля Адам породил сына Шета (Сифа), у которого, в свою очередь, родился Энош, что значит «человек». Сыном Эноша был Каинан, или малый Каин, а после него, в пятом поколении родился Ламех. Сыном Ламеха, по генеалогии от Шета, был Ной. Это генеалогия позднего происхождения (конца VII — начала VI в. до н.э.) отражает пристрастия какой-то политической группы в Иудейском царстве того времени. Первая генеалогия, изложенная Иосифом Флавием, с ее распределением открытий различных искусств, вполне соответствует подобным представлениям классической древности. Поэтому неудивительно, что даже по смысловой этимологии имена Явала, Тубал-Каина и Ноемы (последнее имя означает «ласка», «миловидность») соответствуют Аполлону, Гефесту и Афродите.

Сюжет, рассказанный в кн. Бытие ([Быт 4.23—24](#)), представляет собой образец древнейшей еврейской лирики. (Перев.)

По преданию, Адам после рождения Авеля воздержался на 130 лет от супружеских отношений с Евой. (Перев.)

О Шете (устаревшее — Сиф) и его потомках этих данных нет в Ветхом Завете. Говоря о потомках Шета как о замечательных астрономах, увековечивших свои открытия на колоннах с надписями, Иосиф имеет в виду главным образом Эноша (устаревшее — Енох), которому обыкновенно приписываются астрономические открытия, а также сообщения Манефона о египетских божествах Сете и Тоте, из которых, по преданию, последний изобрел иероглифическое письмо. Впоследствии все это, равно как всевозможные предсказания будущего, стало связываться с именем Шета, от которого вела свое начало целая гностическая секта, уверявшая, будто имеет в своем распоряжении семь составленных самим Шетом священных книг. (Перев.)

Некоторые исследователи и переводчики считают эту землю Сирийской, а не «Сириадской». Местоположение последней не поддается определению.

Мотив вступления богов в половую связь с земными женщинами чрезвычайно распространен в мифах Древнего Востока и античности.

Гиганты — существа сверхъестественного происхождения, враждебные богам исполины, дети Геи (Земли) и Урана (Неба). Они восстали против богов, стали забрасывать обломками скал и горящими деревьями Олимп. Боги одолели гигантов с помощью сторуких великанов и героя Геракла. Борьба богов с гигантами стала популярной темой последующей греческой литературы и произведений изобразительного искусства, т. наз. Гигантомахии.

Это неверно. Иосифу Флавию следовало бы сказать, что до наступления потопа оставалось всего сто двадцать лет. (Перев.)

Это, очевидно, транскрипция еврейского названия восьмого месяца, мархешвана. (Перев.)

Еврейский текст дает только 905. Ср.: [Быт 5.11](#). (Перев.)

Ср.: [Быт 5.20](#), где поставлено число 962. (Перев.)

В кн. Бытие ([Быт 5.24](#)) сказано: «И Энош шествовал с Богом, и его не стало, ибо Бог взял его к себе». То обстоятельство, что Энош был взят на небо, прожив праведником лишь половину того времени, которое выпало на долю другим допотопным патриархам, дало повод к возникновению целого рода преданий о нем. Уже значение его имени — «посвященный, знающий» (арабск. idris — «ученый») и странное число 365, которым определяется время его жизни и которое невольно напоминает число дней солнечного года, послужило причиной к таким легендам и целой апокрифической литературе, нашедшей себе типичного представителя в так наз. «Книге Эноха», относящейся к 1 в. до н.э. и найденной на эфиопском языке в 1773 году. В древности было распространено мнение, что выдающиеся люди не умирают естественной смертью, а сразу исчезают на небо. Но существует точка зрения, что Энош вовсе не был безусловно благочестивым человеком, но совершал даже противозаконные проступки. Его внезапное исчезновение с лица земли объясняют как предупреждение, посланное в лице Эноша всему погрязшему в греховной жизни допотопному человечеству. (Перев.)

Кн. Бытие ([Быт 5.28—31](#)) дает совершенно иной вариант этому месту. (Перев.)

Сказание о потопе, залившем всю землю и погубившем все живое, распространено в самых разнообразных местах ойкумены. Происхождение этого сюжета объясняли возможным катастрофическим наводнением, одновременно случившимся на значительной части планеты. Впоследствии было установлено, что причины и ход потопа в разных сказаниях объясняются по-разному, в зависимости от характера местных периодически или неперiodически повторяющихся наводнений. В тех местах, где не бывает наводнений, такие рассказы являются заимствованиями. В частности, библейское сказание о потопе — месопотамского происхождения. В XI таблице шумерского по происхождению эпоса о царе-герое Гильгамеше сказание начинается с построения корабля, повествуется о грехах и гневе богов на людей и т.д. В сущности, библейский рассказ есть более краткий вариант месопотамского, с изменением собственных имен и пропуском некоторых подробностей и поэтических описаний.

По библейскому повествованию Ноев ковчег остановился в «горах Араратских». Но в том же Ветхом Завете колыбель послепотопного человечества относится к востоку от Месопотамии, а Арарат, как известно, лежит к северо-западу от нее. В кн. Бытие говорится, что потомство Ноя двинулось (очевидно, с места остановки ковчега) с востока на запад и нашло в земле Сеннар (т.е. Вавилонии второй половины II тысячелетия до н.э.) равнину, где и поселилось. На то, что Арарат здесь поставлен на место Армении, указывают не только Иосиф Флавий, но и Библия ([Быт 8.4](#); [Иер 51.27](#)), клинописные источники и Моисей Хоренский.

Берос (Бероос) (ок. 350—280 гг. до н.э.) — вавилонский жрец, историк, написал для селевкидского царя Антиоха I Сотера (324—261 гг. до н.э.) историю Месопотамии на греческом языке на основе местной легендарной и исторической традиции. В древности его труд пользовался большим авторитетом. Труд сохранился частично и в цитатах более поздних историков. Послужил Иосифу Флавию одним из самых ценных источников.

По сирийскому преданию, ковчег остановился на хребте Джебель Чуди, сирийское Карду, недалеко от озера Ван.

Иероним из Кардии — современник Александра Македонского. Мнасей из города Патр жил примерно в середине II века до н.э.

Николай Дамасский (64 г. до н.э. — нач. I в. н.э.) — историк и философ, родом из Дамаска, был воспитателем детей Антония и Клеопатры, другом царя Ирода. Впоследствии пользовался расположением императора Августа. Писал трагедии, изложил всемирную историю, начиная с вавилонян и ассирийцев и до своего времени. Она состояла из 144 книг, сохранились ее значительные фрагменты.

Минийцев упоминает и пророк Иеремия ([Иер 51.27](#)), этот народ идентичен маннеям, или муннеям, ассирийских клинописных текстов. Он проживал к востоку от озера Ван. Моисей Хоренский упоминает манависитян, с которыми могли бы совпадать названные минийцы. О горе Барис не сохранилось, кроме приведенных здесь, никаких подробностей.

Ср. Лев 17.11 и [Втор 12.23](#). Известно изречение Галена — «кровь — душа».

В современной астрономии «великим, или платоническим» годом принято называть период времени в двадцать шесть тысяч лет, необходимых для возвращения Земли на тот же пункт мироздания, на котором она находилась в момент весеннего равноденствия. Если Иосиф Флавий говорит здесь о шестистах годах, то у него были под руками какие-нибудь исчисления Бероса или Манефона, до нас не дошедшие. (Перев.)

Манефон (конец IV-III в. до н.э.) — египетский историк, жрец, современник Птолемея II Филадельфа, отличался огромной начитанностью. Он написал много сочинений исторического, хронологического и астрономического содержания. Сохранились только отрывки его египетской истории, доведенной от древнейших времен до Александра Македонского.

Мохос, или Охос,- древний финикийский историк из Сидона. (Перев.)

Гекатей Абдерский (IV — III вв. до н.э.) — греческий историк, современник Александра Македонского и Птолемея I Сотера. Написал несколько сочинений, в их числе и не сохранившуюся «Историю Египта».

Гесиод (VIII — VII вв. до н.э.) — греческий поэт, автор поэм «Труды и дни» и «Теогония». Последняя написана под сильным влиянием древневосточных космогонических мифов.

Гелланик (480—400 гг. до н.э.) — греческий историк и писатель с о. Лесбоса; сохранились названия 28 его сочинений.

Акузилай — писатель и историк из Аргоса, современник Геродота; сохранились фрагменты его трудов.

Эфор (ок. 405–330 гг. до н.э.) — греческий историк из г. Кумы (Малая Азия) Автор несохранившейся «Истории» в 30 книгах.

Сеннар — одно из названий Вавилонии. В клинописных источниках так именуется Вавилония второй половины II тысячелетия до н.э.

Немврод (евр. Нимрод) — в легендах «первый богатырь на земле», «могучий охотник пред Яхве», под его властью находились Вавилон и другие большие города Двуречья. Построил Ассур и Ниневию.

Так объясняется название Вавилона в Библии ([Быт 11.9](#)). В вавилонских клинописных источниках название главного города страны дословно «врата бога». Впервые упоминается в письменных источниках в XXIV в. до н.э. Превратился в крупнейший город всей Передней Азии при царе Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.). При Навуходоносоре II (604—562 гг. до н.э.) достиг наивысшего расцвета. Пришел в упадок после построения Селевкии, столицы эллинистического государства Селевкидов. Ко II в. до н.э. окончательно сошел с исторической арены.

Сивиллы — полумифические прорицательницы древнего мира. Самой знаменитой была кумекая сивилла, жившая близ Эритреи. По римской легенде, именно она продала царю Тарквинию Гордому книги, в которых была предсказана судьба Рима. Подобные книги действительно существовали. Благодаря им в римский государственный культ были введены греческие божества и была подготовлена эллинизация римской религии.

Здесь, вероятно, имеется в виду еврейская сивилла Сабба, или Самбетта, отождествленная с халдейской или египетской сивиллами. Еще теперь существует на греческом языке двенадцать книг сивиллиных предсказаний очень разнообразного содержания и, безусловно, разного времени. Самая древняя — это третья книга, говорящая об обращении язычников в вечном царстве. Заключая в себе смешение языческих, еврейских и даже христианских воззрений, эти пророчества состоят большей частью из облеченного в форму предсказания рассказа исторических событий, сообщений о разных царствах, городах и народах. В последнем отношении они представляют нередко огромный интерес. (Перев.)

Эниалием, т. е богом военной свалки, греки обыкновенно называют не Зевса, а Ареса, бога войны. Впрочем, издревле Эниалий упоминается также как самостоятельное божество. Ср.: Гомер. Илиада. XIII, 519; XXII, 132. (Перев.)

Ср.: [Быт 11.9](#). Как известно, древнейшими жителями Греции считаются лелеги, кары, кавконы, гиганты, абанты, аоны и пеласги. Все они с течением времени были подчинены греками и объединены под общим названием эллинов. (Перев.)

Шестая глава представляет по времени первую в древности обработку знаменитой генеалогической таблицы народов, помещенной в Библии. Особого внимания заслуживает пятый отдел данной главы, при составлении которого Иосиф Флавий особенно руководствовался Септуагинтой. (Перев.)

Аманом, или Абаном, называется река, протекающая по живописной долине Антиливана и затем направляющаяся к городу Дамаску, чтобы наконец впасть в самое северное из дамасских озер. За быстрое течение и холодную воду река называется теперь Нахр-Барада — «студеный поток». По этой наиболее выдающейся реке Антиливана и самый хребет называется Аманом ([Песн 4.8](#)). Более, однако, вероятным представляется нам признать в Амани ту юго-западную ветвь Тавра, которая ныне называется Альмадаг, а в классической литературе известна под именем Амапус. Предположение наше находит свое подтверждение также в том, что Тавр и Аман названы Иосифом Флавием вместе. Танаис — древнегреческое имя Дона, считавшегося границей между Азией и Европой. (Перев.)

Gadeir (римск. Gades), ныне Кадикс — древняя финикийская колония, получившая свое имя якобы от семитского geder — «ограда» (т.е. конец земли). На острове вблизи города возвышался во времена Страбона величественный храм Геракла, колонны которого были покрыты финикийскими письменами. Тут же находился и древний оракул. (Перев.)

Гомар является родоначальником киммерийцев, народа, жившего, по Гомеру (Одиссея, XI, 14), в бессветной туманной мгле на севере от Понта Эвксинского, западнее Дона. Галаты — кельтские племена, вторгшиеся в Малую Азию в 278—277 гг. до н.э., осели в местности Галатия. (Перев.)

Скифы (VII-III вв. до н.э.) — народ североиранской ветви индоевропейской языковой семьи, родственны сарматам, массагетам, сакам; вытеснили из Северного Причерноморья киммерийцев.

Мада, мадаи, мидяне. Мидия — наименование племенного союза, а затем и державы, основанной пришлыми индоиранскими племенами к югу от Каспийского моря в IX-VIII вв. до н.э. Мидийцам удалось в конце VII — середине VI в до н.э. создать громадную по территории державу от Капподокии на западе до границ с Индией на востоке. Затем она была захвачена персами и включена в состав Древнеиранской державы.

Иберы — этническое название, обозначавшее в античных источниках восточногрузинские племена. В 65 г. до н.э. в Иберию вторглись римляне, но не утвердились и установили с иберами союзнические отношения.

Капподокия — греческое название центральной части Малой Азии, где имели место частые этнические перемены. Древнейшее население, известное по письменным источникам, называло себя «хаттами». С середины III тысячелетия до н.э. сюда проникли индоевропейские племена, которые, смешавшись с хаттами, стали именоваться хеттами. Их царство просуществовало до XII в. до н.э. и было уничтожено ветвью «морских народов», выходцев с Балканского полуострова. В клинописных источниках их стали именовать мушки. Западные мушки создали Фригийское государство. Затем Каппадокия была завоевана поочередно мидийцами (VI в. до н.э.) и державой Ахеменидов (V в. до н.э.). В IV в. до н.э. на короткое время стала независимой, затем вошла в состав державы Селевкидов, а с I в. до н.э. завоевана римлянами.

Мазака — столица Каппадокии; после смерти последнего царя Каппадокии Архелая переименована в Кесарию (в честь императора Августа)

Фракийцы — общее название группы индоевропейских племён, населявших в древности северо-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии.

Фригийское царство достигло наивысшего расцвета в VIII в. до н.э. в правление царей Гордия и Мидаса.

Это объяснение Иосифа Флавия совершенно неправильно. Главный город Киликии Тарс, лежащий на материке, довольно далеко от моря, смешивается Иосифом Флавием в этой книге (IX, 10, 2) с городом Тартессом богатой серебром и оловом испанской области Тартессиды. У Геродота (I, 168) рассказывается, что Тартесс был основан еще задолго до прибытия туда финикийцев выходцами из греческой области Фокиды. (Перев.)

Ср.: [Быт 10.4](#). Название этого народа упоминается в Септуагинте, у Евсевия и Иеронима, с незначительными фонетическими отличиями.

Ввиду того что в основе генеалогических сообщений в кн. Бытие (10, 11) лежит почти исключительно географическая точка зрения, то весьма кстати будет напомнить здесь, что так наз. яфетидам отводится весь север известной древней карты Земли, причем Гомар, Магог и Мадай занимают более северную, а Яван, Товел и Мосох южную полосу; перечисление же идет с запада к востоку. (Перев.)

Хус соответствует библейскому Куш, хусейцы — кушита́м, т.е. тем народам эфиопского происхождения, которые, часто встречаясь с египтянами ([Ис 20.3—5](#)), жили по верховьям Нила в нынешней Нубии по направлению к Абиссинии. Указание Иосифа Флавия на то, что кушиты встречаются в Азии или по крайней мере известны там, приобретает особую ценность потому, что частые переходы кушитов из Африки в Азию, именно в южную Аравию и обратно, составляют теперь бесспорный факт. (Перев.)

Греч. Messtredmon. Мы имеем здесь дело с евр. названием Mizraim, которое встречается в Библии ([Ис 19.6](#); [Ис 37.25](#) и [Мих 7.12](#)) и соответствует слоим Misir и Musur клинописных памятников. (Перев.)

Phaiat, вместо которого стоит также имя Lube,- коптское название Ливии. (Перев.)

О происхождении имени Африка см. ниже, I, 15 настоящей книги

Ханаан — доизраильское название территории Палестины, Сирии и Финикии. Ее границы в различные исторические периоды простирались от Средиземного моря на западе до долины рек Оронта и Иордана на востоке, от гор Тавра на севере до Газы на юге. Население говорило на угартском, хананейском, аморейском языках в III — II тысячелетиях до н.э.

В этой книге (II, 10, 2) Иосиф Флавий отождествляет город Сабу с Мерое — столицей древнего жреческого государства по Нилу и его притоку (Голубому Нилу). Сабатейцы населяли южный берег Аравии. (Перев.)

О месте жительства этого народа до сих пор почти ничего не известно. (Перев.)

В еврейском тексте ([Быт 10.7](#)) Регм носит имя Раема и является четвертым сыном Хуса, а не пятым, как здесь. (Перев.)

См. I, 4, 2.

В свете современной науки филистимляне являются народом индоевропейского происхождения, представителями «народов моря». Два их племени осели на плодородном побережье Средиземного моря, на полосе длиной 60 и шириной 20 км. В XII в. до н.э. создали союз пяти самоуправляемых городов. Принесли с собой позднемикенскую материальную культуру, технику железа и железное оружие. От их имени происходит само слово «Палестина».

Об этом эфиопском нашествии Иосиф Флавий рассказывает в кн. II, 10, 1 и далее.

Под этим именем город существует до сих пор в Сирии на берегах реки Оронта у подошвы Антиливана ([Нав 13.5](#); [Суд 3.3](#)). Амафа упоминается в этой книге ниже: III, 14, 2; VII, 5, 4; VIII, 6, 3. (Перев.)

Эпигоны (греч. «потомки») — аргосские вожди, которые через 10 лет после похода «семерых против Фив» выступили в новый поход, чтобы отомстить за своих отцов. Начиная с эллинистической эпохи так именуют потомков и воинов Александра Македонского.

Эпифания получила свое название, вероятнее всего, от имени Антиоха IV (175—163 гг. до н.э.) — царя государства Селевкидов.

Ассир. Arvada, Aruada. По Библии ([Иез 27.8:11](#)), жители Арада славились как отличные мореходы и воины. Он лежал на небольшом скалистом острове близ сирийского побережья. (Перев.)

Развалины этого города сохранились и поныне и носят у арабов название «Ирка». Во времена Римской империи назывался Кесерией Ливанской. (Перев.)

«Народ Хета», т.е. хетты, часто упоминается в Библии. После краха Хеттского царства в XII в. до н.э. продолжали существовать меньшие по территории позднехеттские государства, правители которых оставили иероглифические надписи. Во многих случаях поздние хетты носят семитские имена.

Иевус — старинное название Иерусалима ([1Пар 11.4](#); [Суд 19.10](#) и далее; [Нав 15.8](#); [Нав 18.28](#)). (Перев.)

По-аккадски — «Амурру» (шумерск. МАР.ТУ) означает «Сирия». Здесь жили западные скотоводческие племена, которые носили различные самоназвания и, по всей вероятности, говорили на нескольких различных диалектах. Среди них выделялась группа племен «Суту», что в нарицательном значении значит кочевники вообще. Этот термин соответствует в Библии имени их племенного предка, патриарха Сифа, сына Адама.

Элам — горная страна, расположенная в долинах рек Каруна и Керхе (современная иранская область Хузистан). К началу III тысячелетия до н.э. здесь возникло несколько раннегосударственных объединений в форме городов-государств. Позднее возникло единое государство с центром в Сузах. Часто воевало с переменным успехом с государствами Месопотамии. В начале государственности была создана местная иероглифическая письменность. С XXIII в. до н.э. эламиты приспособили для письма месопотамскую клинопись. В VI в. до н.э. Элам был захвачен персами. Его культура оказала заметное влияние на древних иранцев. Эламский язык стоит особняком, пока не известны родственные ему мертвые или живые языки, не исключено его родство с дравидскими языками.

Политическая история Ассирии начинается с возникновения города-государства Ашшура. Историческая территория включала южные склоны Армянского нагорья и верхнее и среднее течение р. Тигр. В XXI в. до н.э. за короткое время была подчинена царству Шумера и Аккада. Ассирийцы имели свои торговые колонии в Малой Азии в XX-XIX вв. до н.э., где найдены многочисленные деловые документы. В начале правления царя Шамши-Адада I (1813—1781 гг. до н.э.) Ассирия начала территориальные захваты в северном и среднем Двуручье. В XVIII в. до н.э. была завоевана Вавилонией. Путь к наивысшему могуществу начался в IX в. до н.э. Успешно завершились войны в Восточном Средиземноморье и с Урарту. Были завоеваны Вавилония, Мидия, Израильское царство. Ассирия прекратила существование как государство в конце VII в. до н.э. после поражения от мидян и Ново-Вавилонского царства.

Халдеи — группа независимых семитских скотоводческих племен, говоривших на смешанном вавилонско-арамейском диалекте. В исторической литературе XIX — начала XX в. термин «халдеи» ошибочно применялся к шумерам и вавилонянам. В Древней Греции и Риме так называли жрецов и гадателей вавилонского происхождения.

Лидия занимала центральный район запада Малой Азии; в начале I тысячелетия до н.э. входила в состав Фригийского царства. С получением независимости образовалось мощное военно-паразитическое и торговое государство, достигшее расцвета в VII-VI вв. до н.э. Ему удалось выдержать сокрушительный набег киммерийцев в VII в. до н.э.; война с Мидией (590—585 гг. до н.э.) завершилась мирным договором. Царь Крез (562—547 гг. до н.э.) завоевал греческие города в Малой Азии и обложил их данью. Покорил Лидию персидский царь Кир в 547 г. до н.э. Лидийский язык относится к анатолийской ветви языков индоевропейской группы.

Келесирия — область в границах современного Ливана.

Армяне (перс. «армина») — древний народ сложного происхождения, произошёл от смешения индоевропейского народа балканского происхождения, именуемого в клинописных источниках мушками, с хурритами и урартами.

Бактрия названа здесь Иосифом Флавием без достаточного основания. (Перев.)

Этот город был основан Александром Македонским, впоследствии переименован в Харакс, восстановлен Антиохом IV Эпифаном под именем Антиохия. (Перев.).

Вернее — Эбер с основными смыслами: «переход» (например, через реку), «раздел», «пастьба скота». В Септуагинте «еврей» переводится как «живущий по ту сторону Евфрата».

Ур — один из древнейших городов южного Двуречья, существовал уже во второй половине IV тысячелетия до н.э.

Харран — город и прилежавшая местность в Северной Месопотамии.

С именем Авраама связано у евреев и арабов множество преданий. Рожденный матерью тайком в пещере, Авраам, по одной версии, пробыл там три, по другой — тринадцать лет, а по третьей — лишь десять дней. Когда он вышел из пещеры и увидел восходившее среди чудной природы солнце, то готов был преклониться перед ним и почитал его за божество. Но смена дневного светила луною и звездами так поразила его, что Авраам заключил, что планеты не могут быть самостоятельными, а управляются посторонней силой, именно всемогущим творцом. На пятидесятом году жизни Авраам объявил войну идолопоклонникам, и в том числе родному отцу Фарре, который зарабатывал себе средства к жизни изготовлением и продажей идолов. (Перев.)

В предании рассказывается, что фараона и весь его двор постигла не только проказа, но и невозможность исполнять самые простые дела. В последнем смысле и объясняется выражение Иосифа Флавия «расстройство в делах». Подробно сообщается о мучениях фараона, который впал в бесчувственное состояние, затем стал страдать меланхолией и лишь после долгих стараний врачей перестал чувствовать мучительную боль во всем теле. (Перев.)

В «Иудейской войне» (V, 9, 4) Иосиф Флавий называет фараона, пожелавшего овладеть Сарой, Нехо (Нехао).

Из предания видно, что слава Авраама, как выдающегося астронома, была так велика, что восточные и западные цари приезжали к нему за советом.

Вероятнее всего, это Танис, построенный на месте и из остатков сооружений более древнего Пер-Рамзеса — города, в сооружении которого участвовали израильтяне и где, по преданию, воспитывался Моисей. Был расположен в дельте Нила на границе Египта и Палестины. Ср.: [Чис 13.23](#). На короткое время после правления XX династии египетских фараонов (1200—1085 гг. до н.э.) стал столицей страны.

Иосифу Флавию, как и многим современным ему историкам, не было известно о шумерских и вавилонских властителях Переднего Востока. Первой известной крупной державой для него была Ассирия. Не известно было ему и о хетто-египетских войнах за господство в Восточном Средиземноморье.

Иосиф Флавий произвольно пересказывает Ветхий Завет ([Быт 14.1](#)), где говорится о присоединении Авраама к войне Содома и Гоморры, вместе с тремя другими городами долины Иордана, против четырех могущественных восточных царей, в числе которых не было правителя Ассирии. По кн. Бытие, Авраам будто бы сражался с коалицией царей-завоевателей, среди которых встречается неожиданное сочетание Амрафеля сеннарского (вероятно, Хаммурапи вавилонского), Тид'аля, «царя народов» (Тутхалияса, царя хеттов?), а также царей Элама и Элласара (Ларсы?). Цари с такими именами действительно правили в указанных государствах, были современниками и входили в число сильнейших правителей тогдашнего мира. И такая победа была одержана Авраамом всего с 318 слугами и тремя союзниками (?!).

Совершенно непонятно, что хочет сказать этим Иосиф Флавий. Если здесь нет ошибки в греческом тексте (издатели, однако, единодушно оставляют термин «гиганты»), то можно подумать, что имеются в виду потомки строителей вавилонской башни, которые (см. выше, 4, 3) явились в долину Сеннаар со священной утварью Зевса Эниалия. Связь Зевса с гигантами, подобие судьбы строителей вавилонской башни с судьбой гигантов и титанов, восставших против богов, могли подать повод к этому темному месту. (Перев.)

Это теперь Мертвое море. Ср.: «Иуд. война». IV, 8, 3—4. (Перев.)

Ср. ниже, VII, 10, 3, где рассказывается, что здесь, в двух стадиях от Иерусалима, был воздвигнут царем пирамидальный мраморный обелиск. (Перев.)

Этот рассказ является оправданием позднейшего заселения Иерусалима предполагаемыми потомками Авраама.

Нигде, кроме данного места, не упоминается имени этого знаменитого каменного дуба, который, по преданию, существует здесь с начала миротворения. Слово «огигос» по-гречески имеет значение «древний», «почтенный». (Перев.)

Околобиблейская литература приводит массу подробностей об отношениях Агари к Сарре. Так, например, мы узнаем, что Агарь была дочерью фараона, который подарил ее Сарре в свое время в Египте; что она не была рабой в доме Сарры, а получила от последней свободу перед сожителем с Авраамом, чтобы она могла быть его женою; что Сарра подвергала ее побоям и сглазила ее, так что плод чрева ее преждевременно появился на свет. По этим преданиям, Измаил родился уже от второго зачатия Агари, после ее возвращения из пустыни, и т.д. (Перев.)

Ср.: [Быт 13.13](#). По археологическим данным, Содом и Гоморра погибли после землетрясения.

Ср. «Иуд. войну» (IV, 8, 4), где местность названа, однако, Цоара, и «Иуд. древности» (XIV, 1, 4). (Перев.)

[Быт 19.31—38.](#)

Один из древнейших филистимлянских городов на южной границе страны.

Совр. Вирсавия (Беер-Шеба) — город и местность на юге Палестины; это название может быть переведено двояко — как «колодезь семи» и как «колодезь клятвы». Здесь пересказан эпизод из кн. Бытие ([Быт 21.25—34](#)). В другом месте ([Быт 26.26—33](#)) ситуация в целом повторяется, однако на этот раз вместо Авраама действует его сын Исаак. Ср.: «Иуд. древности». VIII, 13, 7. См. ниже, I, 18, 2.

Вследствие этого арабы обыкновенно подвергали своих детей обрезанию между 6-м и 15-м годом жизни. У евреев восьмой день для этой церемонии назначен потому, что только со второй недели жизни родившееся существо может считаться самостоятельным. Ввиду этого ([Исх. 22](#) и [Лев. 22:27](#)) допускается жертвоприношение молодых животных не ранее достижения восьмидневного возраста. Впрочем, в случае, если у одной матери уже двое детей умерло от этой операции, обрезание разрешалось на двенадцатый и более отдаленный день. Обрезание — весьма распространенный религиозный обычай, встречающийся во всех частях света. У христиан отменено во времена апостолов. Ср.: «Иуд. древности». VIII, 10, 3.

Ср. ниже, VIII, 3, 9, и «Иуд. война». V, 4, 1. Это тот самый иерусалимский холм, который общеизвестен под именем Сиона. Здесь, по Библии ([2Цар 24.16](#) и далее, [1Пар 21.15](#) и далее, [2Пар 3.1](#)), Бог явился Давиду (откуда объясняется имя горы); здесь впоследствии Соломон воздвиг храм. (Перев.)

Пятикнижие запрещает человеческие жертвоприношения; см. Лев 18.21; Лев 20.2—5; [Втор 12.31](#); [Втор 18.10](#). Но ср.: [Суд 11.30—40](#).

Иосиф Флавий здесь существенно отошел от кн. Бытие ([Быт 23.1—20](#)).

Троглодиты — дословно «жители пещер». В древности под «страной троглодитов» имелись в виду прибрежные местности Абиссинии. Чермное море — древнее название Красного моря.

Александр Полигистор (род. ок. 105 г. до н.э.) — историк и писатель, уроженец Милета. Попал в римский плен и был продан в рабство, но затем получил свободу. Его труды не сохранились.

Этот «прорицатель» упоминается только здесь. Другие писатели древности о нем ничего не знают. (Перев.)

Здесь Иосиф Флавий ошибается. Ассирия получила свое название от имени г. Ассура (Ашшура). Это и имя главного Бога страны.

Африка — название дано римлянами: около Карфагена в древности жили «афарики», или «авриги» (лат. «афри», «африкани").

Авторский, с дополнениями из античной традиции, пересказ кн. Бытие ([Быт 25.1—6](#)).

Ср.: [Быт 24.2:9](#). Это прикосновение к бедрам является древнейшей формой ритуала клятвы или присяги. В книгах Бытие ([Быт 14.22](#)) и Исход ([Исх 6.8](#)) упоминается также о поднятии руки к небу во время клятвы. (Перев.)

Близко к тексту кн. Бытие ([Быт 11.31](#)). Харран — город и прилежащая местность в Северной Месопотамии.

Авторский пересказ кн. Бытие (24).

В кн. Бытие ([Быт 25.22](#)) Бога вопрошал не Исаак, а сама Ревекка. (Перев.)

Как известно, Исав носил также имя Эдома. Имя Сиира (в Ветхом Завете — Сеир) он, вероятно, получил от названия пустынного эдомитского нагорья, где он долго жил (см. [Быт 36.8—9](#); [Чис 24.18](#)). До этого здесь проживали хурриты ([Быт 14.6](#); [Втор 2.12](#)), среди которых также упоминается родоначальник Сеир ([Быт 36.20—30](#)). (Перев.)

Это слово значит «узкое ущелье», «теснина». В кн. Бытие ([Быт 26.17](#)) сказано, что Исаак поселился на берегах р. Герара. Ср. ниже, III, 14, 1, где также упоминается ущелье Фаранкс. (Перев.)

Цистерна — высеченные в скалах или вырытые в земле и плотно обложенные камнем емкости для сбора дождевой воды. Иерусалим снабжался питьевой водой системой цистерн, расположенных на трех террасах.

Объяснения имен этих цистерн даны уже в кн. Бытие ([Быт 26.20—22](#)). (Перев.)

Ср.: [Быт 26.34—35](#), где сказано, что родители Исава были весьма недовольны поступком сына. В этом и других сообщениях о браках Исава ([Быт 28.9](#); [Быт 36.2](#) и далее, где приведены иные имена его жен) видно, что неудовлетворение родителей браком объясняется нежеланием смешения их потомков с иноплеменниками. Это смешение оправдывает ([Быт 26.34—35](#); [Быт 27.26—48](#); ср. [Быт 35.9](#) и далее) то обстоятельство, что преемником благословения Авраама стал не старший сын Исаака, Исав, а младший — Иаков. (Перев.)

Последних слов нет в кн. Бытие ([Быт 27.1](#)). В легенде слепота Исаака объясняется упавшими слезами ангелов на его глаза во время несостоявшегося жертвоприношения. (Перев.)

В кн. Бытие ([Быт 27.27—29](#)) благословение Исааком Иакова передано по-иному. (Перев.)

Околониблейское предание повествует, что этих камней было двенадцать. На них когда-то Авраам собирался принести в жертву Исаака. Когда Иаков на следующее утро проснулся, то с удивлением заметил, что все двенадцать камней за ночь слились вместе; это послужило ему предзнаменованием будущего единения двенадцати колен иврайльских. (Перев.) Здесь значительнейший отход от кн. Бытие ([Быт 28.11](#)), где упоминается только об одном камне.

Вифил, библейск. Вефиль (евр. Бет-Эль) — дословно «Дом Бога», прежде его название было Луз; служил резиденцией хананейских царей.

По кн. Бытие ([Быт 29.30](#)) и легендам, где рассказаны все подробности совершенного Лаваном обмана, видно, что Иаков женился на Рахили семь дней спустя после брака с Лиею и затем уже служил тестю семь лет, будучи фактическим обладателем Рахили. (Перев.)

Мандрагора — многолетнее травянистое растение из семейства пасленовых, корневище напоминает по виду человеческую фигуру. Их употребляли в качестве амулетов и как приворотное зелье. Плоды, желтые «яблочки» *atropa mandragora* linn давали сок, который, по распространенному и теперь мнению, возбуждает половое чувство.

В кн. Бытие ([Быт 30.23—24](#)) присутствует двойное толкование имени Иосифа: от asaph (удалять, отнимать), т.е. как тот, которым удаляется у Рахили позор бесплодия, и от jasaph в смысле желания, чтобы господь прибавил ей еще одного сына. В последнем смысле принял это имя и Иосиф Флавий, хотя полное преимущество на стороне первого библейского объяснения. (Перев.)

Это были так называемые терафимы, т.е. фетиши хананейских домашних божеств, изображавшихся (по сопост. [Быт 31.34](#) с [1Цар 19.13](#) и далее) в виде фигурок мужского пола. С переходом этих фетишей из дома в дом было связано представление о передаче благополучия. Поэтому Рахиль берет их с собой в путешествие. Ср. ниже, XVIII, 9, 5, где Иосиф Флавий сообщает, что «в Месопотамии до сих пор обычай — брать с собой домашних Богов в путешествия». (Перев.)

См. [БЫТ 30.25—26](#); [БЫТ 31.1—21](#).

См. [БЫТ 31.22—31](#).

Это Галаад — историческая область в Палестине на востоке от среднего течения р. Иордан (ныне в современной Иордании). В XIII в. до н.э. был захвачен и заселен израильтянами. В конце IV-III в. до н.э. возник ряд городов, объединенных в 63 г. до н.э. под властью Рима в союз, именуемый Десятиградьем.

См. [БЫТ 31.32—55](#).

Это точный перевод имени «Маханаим»; ср.: [Быт 32.2](#).

Это евр. Яббок, впадает против г. Сихема в р. Иордан. (Перев.) Ср. ниже. IV, 5, 2.

По преданию, ангел, вступивший с Иаковом в борьбу, был ангелом смерти Самаилом, который хотел воспрепятствовать сближению и примирению братьев. Сообщается, что ангел упрекал Иакова в неисполнении данного при вступлении в Харран обета посвятить Богу десятую часть имущества при возвращении домой. Повреждение бока у Иакова, все неприятности его с Лаваном, равно как изнасилование Дины,- лишь следствие этого неисполнения данного слова. (Перев.)

Из этого видно, что Сайр здесь идентичен с Сеиром. Все рассказанное здесь взято из кн. Бытие ([Быт 32.1—32](#); [Быт 33.1—16](#)).

Несомненно, это г. Сихем, известный у Иосифа Флавия и под именем Неаполь. (Перев.)

По кн. Бытие ([Быт 36.3—6](#)), расселение братьев Исава и Иакова вызвано естественными причинами: совместная территория их «странствования» не могла прокормить их стада.

Идумея (др.-евр. Эдом) — древняя страна, расположенная на пустынном плоскогорье к югу от Палестины между Мертвым морем и заливом Акаба. Названа по обитавшим здесь во II тысячелетии до н.э. племенам эдомитян, объединившимся с конца II тысячелетия до н.э. в государство. Местные цари находились в зависимости от израильских племен, в VII в. до н.э. попали в зависимость от Ассирии, а затем — от Ново-Вавилонского царства. Войска эдомитов были в составе вавилонской армии при взятии и разрушении Иерусалима. Входила в состав набатейского государства. В конце II в. до н.э. завоевана Маккавеями, население было обращено в иудаизм. В 63 г. до н.э. покорена Римом; из эдомитян происходил царь Ирод. В 106 г. значительная часть Идумеи вошла в состав римской провинции Аравия.

На этот счет есть и другая версия: Исав родился с красной кожей (см. [Быт 25.25](#)).

Обе эти местности входили в состав т. наз. Каменистой Аравии. Ср. ниже: IX, 9, 1 и III, 2, 1. Полагают, что Говолита (от др.-евр. «Габал») была только в пределах эдомских гор, т.е.- на хребте Сеире. (Перев.)

В [Быт 37.10](#), напротив, сказано, что Иаков был очень недоволен сновидениями сына и даже прикрикнул на него в негодовании при мысли о возможности поклонения родителей сыну. (Перев.)

Рувил (др.-евр. Реубен), в славянской Библии — Рувим. Это старший сын Иакова от Лии. Занимательный сюжет в кн. Бытие ([Быт 30.14—27](#)) начинается с находки им «мандрагоровых яблок», принесенных матери.

В кн. Бытие ([Быт 37.20—22](#)) далеко не так пространно, как здесь, передано сказанное Рувилем, но сохранена основная идея его убеждения о судьбе брата (ср. [Быт 42.22](#)). Пространность рассказа Иосифа Флавия в известной мере объясняется тем, что Рувил пользовался его особой симпатией. Кстати, и в последующей, внебиблейской, истории сюжета о Иосифе Прекрасном уделено достаточное внимание благородному поступку его старшего брата.

Из кн. Бытие ([Быт 37.28](#)) известно, что Иосиф был продан братьями мадиамским купцам. Мадиакитяне — пастушеский семитский народ II тысячелетия до н.э. на северо-западе Аравии в р-не Акабского залива и Синайского п-ова. Они родственны израильтянам. В конце II тысячелетия до н.э. совершали опустошительные набеги на Палестину, были разгромлены израильским вождем Гидеоном. В I тысячелетии ассимилировались с набатеями.

Серебреник, сребреник — монета, обыкновенно принимаемая за один сикл. Сикл (др.-евр. шекель) — мера веса вавилонского происхождения — 8,4 г. Изобретение монеты как средства платежа относится к VII в. до н.э., и нельзя принимать всерьез сообщения о монетах времен Авраама, Иосифа, Давида. В те эпохи основным средством платежа было серебро в слитках или по весу. В Септуагинте др.-евр. шекель большей частью переводят словом «сребреник».

По преданию, Иаков не поверил трагической вести. У него вызвало подозрение отсутствие следов когтей дикого зверя на окровавленных одеждах. Он приказал сыновьям изловить этого зверя. В сети братьев попался волк, который пред Иаковом заговорил вдруг человеческим голосом о своей безвинности. Он сказал, что до поимки сам искал свое пропавшее дитя. Иаков отпустил волка на волю. Есть рассказ и о том, что Иаков, не проверяя сыновей, отлично понял все происшедшее.

В предании много любопытного о путешествии Иосифа из северо-западной Аравии в Египет. Рассказывается, каким страданиям и истязаниям подвергся изнеженный юноша в пути. Минуя Вифлеем, он с громкими рыданиями бросился на могилу своей матери Рахили, горько жалуясь ей на печальную судьбу свою. Из могилы раздался голос; «Сын мой! Несчастья и страдания твои я вижу, но уповай на Всевышнего, он защитит тебя и направит все к лучшему, поэтому безбоязненно продолжай свой путь». И когда один из купцов грубо оттолкнул Иосифа от могилы, то Бог смилостивился над ним и послал внезапно страшную бурю, грозившую каравану гибелью. Буря столь же внезапно прекратилась, а купцы стали обходиться с юношей с тех пор гораздо человечнее и т.д. (Перев.)

Петефрес (в славянском переводе «Потифар», по др.-егип. P-edē-p-ḡa — «Тот, кого породил Бог Ра»). По кн. Бытие ([Быт 39.1](#)), он начальник телохранителей, а не «один из заведующих кухнею фараона». Правда, в обязанности телохранителей фараона входил и убой скота для царской кухни.

По писаным законам «библейских стран», в подобных случаях мужчина признавался виновным, если происшедшее имело место за пределами селения. Если же это случилось в доме мужа, виновной признавалась только жена, если она громко не кричала о посягательстве на ее честь. Этим, очевидно, и объясняется поведение супруги Потифара — она криком призвала слуг, заимев, как вещественное доказательство, плащ Иосифа.

В начале гл. 41 кн. Бытие об этом ничего не сказано.

В послебиблейских рассказах сохранилось, что Бог послал ночью к Иосифу архангела Гавриила, которому было повелено обучить его всем существующим 70 языкам, чтобы сделать его способным занять высокий пост, который должен был ему предложить фараон. (Перев.)

Багряница — в древности царское одеяние багряно-красного цвета.

Канвой сюжета для этой главы послужила кн. Бытие ([Быт 40.1—23](#); [Быт 41.1—46](#)).

Эта часть сюжета о Иосифе Прекрасном стала основой для XII суры Корана, арабской повести «Юсуф и Зулейка» и одноименной поэмы Фирдоуси.

См. [Быт 41.45](#). Египетское имя Иосифа — «Цафнаф-пане-ах» — представляет собой на самом деле гебраизированный египетский придворный титул от *sot* — «благо», *ench* — «мир», подобно персидскому *Schach-Alem*, что Иероним правильно переводит *servator mundi* — «охранитель мира». (Перев.)

Несмотря на подобие имен, это не первый хозяин Иосифа в Египте.

Толкование Библии ([Быт 41.52](#)) — «двойное плодородие» — безусловно правильное.
(Перев.)

Этого добавления в Библии нет. Такие длительные неурожайи действительно имели место в Египте, например, в 1064—1071 гг., как засвидетельствовал арабский историк Аль-Макризи.

Ср. отступления в тексте с кн. Бытие ([Быт 43.34](#)). В последнем случае он послал Вениамину пицци впятеро больше долей каждого брата.

И опять значительный отход от рассказанного в кн. Бытие ([Быт 44.1—10](#)).

О Рувиле, равно как об этом чистосердечном раскаянии братьев, Библия ничего не упоминает в соответствующем месте ([Быт 44.1](#)).

По кн. Бытие ([Быт 44.2](#)), в мешок Вениамина кроме серебра была подложена и чаша Иосифа. Чаша у древних являлась неременным атрибутом предсказателя.

Вся речь Иуды — вымысел Иосифа Флавия, использовавшего риторические приемы древних классических историков (Фукидида и Ливия) и лишь отчасти воспользовавшегося при этом библейскими данными ([Быт 44.18—34](#)). Психологический конфликт во всем рассказе об отношениях братьев к Иосифу и между собой вообще настолько интересен, что Флавий, особенно под влиянием Фукидида и др., не мог себе отказать в удовольствии остановиться на данном эпизоде подольше. Это было заметно и выше, при обрисовке характера Рувила. (Перев.)

Канвой для изложенного в этой главе послужила кн. Бытие ([Быт 41.47—57](#); [Быт 42.1](#); [Быт 43.1](#); [Быт 44.1](#); [Быт 45.1—24](#)).

Т.е. к Вирсавии (Беер-Шеба), о которой см. выше, прим. 126 к книге I.

О том, почему здесь поименован Иосиф с сыновьями, не участвовавшими в этом путешествии, см. ниже. (Перев.)

Эта генеалогическая таблица, составленная Флавием по Библии ([Быт 46.8—27](#), [Чис 26.1](#) и отчасти [1Пар 2.3](#); [1Пар 8.1—30](#); [1Пар 2.9](#)), представляет собой строгую классификацию потомства, но является в значительной мере искусственной. При желании вывести непременно священное число семь (здесь удесятенное, т.е. 7×1070), тогда как в кн. Бытие ([Быт 46.26](#)) первоначально упоминается лишь 66 человек, переселившихся с Иаковом в Египет, Флавий не задумывается включить в это число, кроме самого Иакова, также Иосифа с его двумя сыновьями. (Перев.)

Собств. «город героев». Некоторые отождествляют этот город с Раамсесом ([Исх 1.11](#)), что, однако, неправильно. Вероятнее всего, этот город находился вблизи впадения царского канала в самый западный угол Красного моря, у Героонполитанского залива. (Перев.)

В Библии ([Быт 46.34](#)) сказано, что у египтян считался нечистым всякий, занимавшийся разведением мелкого скота. По сведениям Геродота (II, 47 и 164) и Диодора Сицилийского (I, 74), всякий пастух принадлежал к низшей из семи египетских каст, причем позорным считалось лишь свиноводство. (Перев.)

Этот город упоминается Флавием неоднократно, между прочим, как предполагаемая родина Моисея. Гелиополь, букв.- «город [Бога] Солнца», по др.- егип.- «город Бога Ра», у Иеремии ([Иер 43.13](#)) — Бефсамис. Он находился в Нижнем Египте на границе с Аравией, у знаменитого канала Траяна. Город замечателен храмом Солнца (Геродот. II, 59) и жреческой академией (Страбон. XVII, 805). (Перев.)

Букв. «они не только были порабощены телом, но и мыслью», т.е. деградация народа дошла до крайних пределов, так что, как это неизбежно бывает при подобных бедствиях, народ предался необузданному разгулу и разврату. Быть может, Иосиф имеет здесь в виду только нравственное падение народа усердного и работающего, но принужденного теперь жить вообще подачками царя. (Перев.)

События этой главы заимствованы из кн. Бытие ([Быт 45.25](#) — [Быт 47.28](#)).

Предание, повторяющееся с различными мелкими вариантами также в сочинениях многих арабских писателей, сообщает подробности о том, как тело Иосифа было положено в мраморный гроб и опущено в Нил. По сирийским преданиям, этот гроб был помещен в одной из царских пирамид. Когда Моисей собрался вывести евреев из Египта, ему пришлось обратиться за указанием относительно местонахождения праха любимого патриарха к престарелой Серах, отождествленной с дочерью Ашера, сына Иакова. Последняя указала Моисею на требуемое место, и великий вождь путем разных заклинаний вызвал на поверхность реки гроб, который был доставлен евреями, после сорокалетнего странствования в пустыне, благополучно в Хананею. (Перев.)

Как известно, строительство пирамид прекратилось во II тысячелетии до н.э. Их заменили подземные, тщательно скрытые гробницы царей и знати.

Если принять, что фараон, при котором жил Иосиф, был Мернепта, сын Рамзеса II, то здесь приходится иметь в виду Рамзеса IV или Сетнахта Миамуна. Во всяком случае, здесь указывается на воцарение XX династии. (Перев.)

Предание сохранило, что фараону однажды приснился следующий сон: перед ним стоит старик с весами в руках. На одну чашку он положил всех знатных египтян, на другую молодого барашка. При этом вторая чашка перетянула первую. Тогда фараон собрал совет старейшин и книжников, между которыми находился и Валаам. Последний-то и указал на предстоящую опасность и на необходимость уничтожения еврейских новорожденных мужского пола. Он же посоветовал именно потопить детей, а не прибегнуть к другому способу умерщвления их, потому что история патриархов Авраама, Исаака и Иакова доказывает, что ни огнем, ни изнурительным трудом ничего не достигнешь в этом отношении. Рассказывается и то, что книжники и звездочеты предсказали фараону о предстоящем рождении лица, которому выпадет на долю вывести евреев из Египта. В силу этого царь сделал это распоряжение — бросать детей в Нил. Когда через три года те же прорицатели возвестили фараону, что Моисей уже родился, только неизвестно где, то фараон приказал взвалить на евреев непосильные работы. (Перев.)

В Библии ([Исх 6.18](#); [Чис 3.19](#) и [1Пар 6.3](#)) не Амарам, а Амрам.

Сохранился такой рассказ. Когда фараон повелел потопить всех новорожденных младенцев мужского пола, Амрам сказал: «Таким образом, евреи тщетно будут иметь общение со своими женами». Поэтому он немедленно отпустил свою жену Иохавед, отказался от совместной с ней жизни и развелся с нею, хотя она была беременна Моисеем уже три месяца. Следуя примеру Амрама, и все прочие израильтяне развелись со своими женами. Тогда дочь Амрама, Мариамма, сказала ему: «Твое решение хуже решения фараона, потому что последний решил извести лишь мальчиков, ты же решаешь участь и мальчиков и девочек. Фараон безбожник, и поэтому сомнительно, чтобы его решение исполнялось, ты же праведник, а потому и решение имеет серьезное значение». Ввиду этого Амрам принял вновь жену к себе, так же и все прочие израильтяне опять сошлись со своими женами. Амрам в это время был главой синедриона и имел заслуженное общественное положение. (Перев.)

В книге Исход ([Исх 2.1](#)) нет этих подробностей об Амраме. (Перев.)

Предание сообщает много любопытных сказаний о том, как еврейки рожали детей в те тяжелые времена. Обыкновенно это делалось в поле, под деревом, без свидетелей. О жене Амрама говорится, что она родила Моисея «среди стен египетских», т.е. не в поле. Из факта, что рождение Моисея состоялось без страданий для его матери, следует, что на добродетельных женщин не распространялось проклятие, тяготеющее над Евой. (Перев.)

Сохранился рассказ, что, когда родился Моисей, весь дом был озарен необычайным светом. Повивальная бабка, принявшая Моисея, хотела было уже сообщить фараону о рождении мальчика. Но именно свет, озарявший его чело, побудил изменить это решение, и она промолчала. Когда затем соглядатаи фараона подошли к дому, жена Амрама в ужасе бросила сына в топившуюся печь, сама не сознавая, что она делает. После ухода пришельцев ребенок был извлечен из огня невредимым, так как Бог охладил пламя. (Перев.)

Арабские историки подчеркивают обстоятельство, что мать спустила ребенка в реку по велению самого Бога. Волны понесли затем корзинку прямо к тем деревьям, которые находились против царского дворца у берега реки. Присутствие здесь Мариаммы объясняется тем, что ее родители потеряли было уже всякую надежду на осуществление предсказания относительно будущего величия Моисея. (Перев.)

По кн. Исход ([Исх 2.5—7](#)), египетская царевна собралась купаться в Ниле, а не только гуляла по берегу реки. Предание сообщает, что царевна страдала проказой и хотела избавиться от своей болезни, купаясь в воде священного Нила. Но одного прикосновения к ребенку было достаточно, чтобы исцелить ее. Арабские комментаторы замечают в примечаниях к суре 28(8), что дочь фараона, которая носит у них имя Асия, увидела сияние на челе ребенка, сосавшего в то время свой палец, из которого текло молоко. Она тотчас полюбила его. У фараона была другая дочь, прокаженная, которую, по определению врачей, могла спасти только слюна человекоподобного речного существа. Асия употребила для сестры слюну Моисея и тем исцелила ее. Этим объясняется и успех Моисея при дворе фараона. (Перев.)

В арабской традиции сохранилось, что при виде сына мать в радости чуть было не воскликнула: «Это — сын мой!» Однако Бог вовремя удержал ее от такого безумия. (Перев.)

Этот перевод не совсем правилен, так как «Моисей» означает собственно «извлекающий из чрева матери». Более правдоподобно и сопоставление с др.-егип. «месс, месу» — «дитя», корень, часто встречающийся в наиболее распространенных собственных именах.

Это поздняя вставка, встречающаяся не во всех изданиях этой работы Иосифа Флавия.
(Перев.)

В предании сохранилось: «Так как он был прекрасен, все хотели его видеть, и кто его видел, не мог оторвать глаз от него», ввиду чего царица запретила выносить ребенка из дворца. (Перев.)

Многие источники сообщают не только об этом эпизоде из детства Моисея, но и дают целый ряд вариантов этого сказания. По ним, советники предложили фараону самому убедиться в степени осознанности ребенком своего поступка. Тогда по совету одного царедворца перед Моисеем поставили два блюда, одно с золотом (или, в арабской версии рассказа, с драгоценными камнями), другое — с раскаленными углями. Ребенок протянул руки к золоту, но архангел Гавриил направил ее к блюду с углями. Моисей схватил один из последних и сунул его в рот, чем прижег себе язык. С тех пор Моисей стал косноязычным. В другом предании рассказывается, что однажды царь с царицей, царевной и главными советниками сидели за столом и обедали. Моисей покоился на коленях у царевны и сам протянул руку за царским венцом, который возложил себе на голову. Дурное предзнаменование, заключавшееся в этом поступке, побудило царя созвать совет мудрейших людей, среди которых ко двору явился под видом ученого и архангел Гавриил, который якобы и дал совет испытать умственное развитие ребенка вышесказанным образом. Только вместо золота в этом случае упоминается чудодейственный камень Шомар. (Перев.)

События этой главы изложены почти целиком в кн. Исход ([Исх 1.1—22](#); [Исх 2.1—10](#)).

Мерое — столица Мероитского царства — государства (конец VI в. до н.э. — сер. IV в. н.э.) в долине р. Нил в Нубии. Страбон и Диодор Сицилийский указывают на то, что Мерое был переименован Камбизом в Саву, а не наоборот. Торговое значение этого города было известно уже в древности, и Страбон (XVII, 821) упоминает об этой местности как одной из главных в караванной торговле того времени. (Перев.)

Т.е. египтяне.

О мадианитянах см. выше, прим. 187 к этой книге.

По путевым заметкам путешественников нового времени, свободное мужское население этих местностей считало ниже своего достоинства пасти скот и предоставляло эту обязанность женщинам. На Синайском полуострове этим делом вообще занимались незамужние девушки, причем ни для кого в этом отношении не делалось исключения, даже для дочерей шейхов и князей. (Перев.)

Рагуил, Иофор — священник и правитель мадианского племени, тесть Моисея, женившегося на его дочери Циппоре (Сепфоре). Будучи одновременно верховным жрецом и светским правителем, он носил и два имени — Иофор и Рагуил ([Исх 2.16:18](#)). После исхода евреев из Египта он оказал Моисею помощь в деле управления народом ([Исх 18.13—26](#)).

Рассказанное в этой главе примыкает к кн. Исход ([Исх 2.15—22](#)). Поздние источники сообщают подробности о бегстве Моисея в Эфиопию, где он был избран царем. Затем, вследствие нежелания вступить в брачные отношения с местной царицей, он вынужден был покинуть страну и оказался в Мадiane. (Перев.)

В околонибиблейской литературе об этом посохе, который в Библии ([Исх 4.20](#); [Исх 17.9](#)) называется божественным, рассказано много любопытного. Во-первых, самое сотворение этой палки было необыкновенно, так как оно случилось в сумерки первой пятницы, после того как Бог закончил мироздание. Во-вторых, он был весь из сапфира, взятого из трона Бога, весил около пуда и был украшен выгравированным на нем именем Божества. Посох этот, далее, был собственностью Адама, от которого последовательно переходил к патриархам. После смерти Иосифа посох попал во дворец фараона, откуда его взял Рагуил и поместил в своем саду. Посох так твердо засел в почве, что никто не имел сил извлечь его. Когда это без труда удалось Моисею, Рагуил, по преданию, узнал в нем избранника Бога и дал ему в жены дочь свою Циппору. (Перев.)

Кн. Исход ([Исх 3.13](#)) содержит в себе совершенно другую мотивировку просьбы Моисея.
(Перев.)

Как известно, верующие евреи произносят имя Бога не «Яхве», а «Адонай» — «господин». Произнесение имени так, как оно пишется, считается кощунством, потому что это имя представляет исходную точку и основание всей каббалистической философии. Лишь по достижении известного, вполне зрелого возраста и изучении всех данных Каббалы, т.е. религиозной философии, ученый не рискует профанировать имени Бога. Вот почему и Флавий, писавший по-гречески и для греков, не входит здесь в подробности, связанные с именем Предвечного. (Перев.)

Имя жены Моисея также передается через «Сафуру», что напоминает библейскую Циппору. (Перев.)

Собственно «отцовского Бога». Здесь, очевидно, имеется в виду Бог Эль, древнее семитское божество, предшествовавшее Иегове. На это не только указывает состав слова «Елеазар» (Эль — помощь), но и вариант имени Рагуила, вторая часть которого также представляет имя этого коренного божества. (Перев.)

По преданию, у входа в царский дворец лежали львы, которые пропускали лиц с царскими провожатыми. Моисею, однако, было достаточно прикоснуться к ним своим посохом, и звери покорно последовали за ним. (Перев.)

Этот факт отсутствует в Библии.

Пасха — первоначально иудейский праздник. Вначале был праздником скотоводов-кочевников и связывался в их представлениях с обеспечением хорошего приплода скота. С этой целью духам пустыни и пастбищ приносили в жертву ягнят. В дальнейшем праздник Пасхи был связан с земледелием, с годовым урожайным циклом (начало уборки урожая, отсюда праздник опресноков, приготовленных из муки первых зерен нового урожая). Затем символический смысл праздника стал истолковываться как память об исходе евреев из Египта под предводительством Моисея.

По кн. Исход ([Исх 12.35](#)), сами израильтяне просили у египтян серебро, золото и одежду.

Летополь — город в Нижнем Египте, в 30 км к северу от Мемфиса.

Этот Вавилон, основание которого Диодор Сицилийский (I, 56) относит ко временам Сезостриса (Сеяусерта III) (1878—1841 гг. до н.э.), а Ктесий к веку Семирамиды (ассирийской царицы IX в. до н.э. Шаммурагат), представлял укрепление на правом берегу Нила, при входе в большой канал, соединявший Нил с Красным морем. Лишь при императоре Августе эта местность получила важное стратегическое значение.

Находился, вероятно, к северо-западу от совр. Суэца. (Перев.)

Собственно семидневный. Древнейшая часть библейского законодательства отделяет праздник Пасхи от праздника опресноков: для первого назначалась ночь с 14 на 15 нисана, второй представлял из себя семидневное народное празднество. Лишь впоследствии, во времена Иосии ([4Цар 23.21—23](#)), произошло полное слияние этих двух праздников, хотя уже в кн. Второзаконие ([Втор 16.1](#)) предписано праздновать и Пасху всему народу у общего святилища. Иосиф Флавий подробнее останавливается на различных еврейских праздниках ниже, в III кн. (гл. 10). Там же находится и косвенное объяснение термина «восьмидневный», возникшего от того, что первый день Пасхи (14 нисана) присчитывался к семидневному празднику опресноков. (Перев.)

Здесь, очевидно, имеются в виду филистимляне. (Перев.)

Памфилийским морем назывался большой залив у берегов Ликии, Памфилии и Киликии, образуемый у южного побережья Малой Азии Средиземным морем. Рассказанное здесь событие из истории Александра Македонского принадлежит, безусловно, к числу вымыслов. Типично отношение Иосифа Флавия к чудесам. Как здесь, так и неоднократно ниже (ср., напр., III, 1, 2) он пытается объяснить то или другое чудесное и необычайное явление естественным путем. В этом наглядно сказывается рационалистическое направление Флавия. (Перев.)

В Септуагинте — Marra или Píkĩa. Вполне точно определить его положение не удалось до сих пор. Вероятнее всего, это современный Айн-Хаварах, находящийся на расстоянии 15—16 часов пути к востоку от Суэца. (Перев.)

Как мы видели выше (II, 16, 5), Иосиф Флавий стремится подыскать вполне естественные причины для объяснения разных чудесных явлений. Здесь мы имеем еще один такой пример. (Перев.)

Местность Элим (др.-евр. — «крепкие деревья»), вероятно, современное Вади Гарандель, находящееся на расстоянии двух с половиной часов пути от Мара. До сих пор там сохранились теплые ключи и некоторая растительность. (Перев.)

В Библии несколько раз упоминается о том, что евреи дважды питались перепелками ([Исх 16.13](#); [Чис 11.31](#) и далее; [Пс 77.27](#); [Пс 104.40](#)), притом оба раза весной. Это очень понятно, потому что в это время года перепелки возвращаются через Средиземное море к средним полосам Европы. Отличаясь значительной неповоротливостью и тяжестью, эти птицы любят держаться земли, чтобы иметь возможность почаще отдыхать. (Перев.)

Бделлий (др.-евр. bedolach) упоминается уже в кн. Бытие ([Быт 2.12](#)) как произведение страны Хавилы; он представлял весьма ценную в древности, особенно у греков, смолу дерева, которая подробно у описана Плинием Старшим (Естественная история. XII, 19). Лучший бделлий добывался в Бактрии, Аравии и Индии. Кориандр (от др.-греч. κορίανδρον — «клоп») — растение с маленькими круглыми, желтоватыми или сероватыми семенами, которые неоднократно служили предметом сравнения со знаменитой манной небесной. Сладковатые ароматичные семена употреблялись не только как приправа ко многим блюдам, но и в качестве целебного средства. Кориандр во множестве разводился в Египте и особенно в Палестине, где он обильно растет и по сей день в диком виде в долине Иордана. (Перев.)

Иосиф Флавий имеет здесь в виду, очевидно, иссарон (см. Лев 14.10; Лев 23.13,14,17), который вполне соответствует более известной др.-евр. мере емкости — омер, или кор. Последний, в свою очередь, равнялся десяти эфам. (Перев.) Эфа — 39,5 л.

Это последняя стоянка евреев перед Синаем, ее местонахождение пока не установлено.

Ср. выше, кн. II, 16, 5 и прим. В основу содержания этой главы положена кн. Исход ([Исх 15.27](#); [Исх 16.3—36](#); [Исх 17.1—7](#)).

О Говолите и Каменистой Аравии см. выше, кн. II, 1, 2 и прим.

Амалекитяне — семитское кочевое племя, обитавшее во II тысячелетии до н.э. на Синайском полуострове. Амалекитяне совершали набеги на Палестину с целью грабежа и угона населения в рабство. На рубеже XI-X вв. до н.э. подверглись разгрому Саулом и Давидом и были почти целиком истреблены.

Предание и арабские комментаторы Корана обставляют акт синайского законодательства массой фантастических сообщений. Сообщается, что во время провозглашения заповедей вся природа, горы, скалы и деревья задвигались и зашатались, откуда якобы и возник обычай евреев раскачиваться из стороны в сторону при чтении Торы. Упоминается и обратное: вся природа в священном ужасе замолкала, когда раздавалось: «Я Господь, Бог твой». По традиции Моисей вовсе не был уверен, что народ отнесется благосклонно к законодательству, имевшему целью нормировать его жизнь. (Перев.)

Скрижали — две каменные плиты, на которых были выбиты десять заповедей. Первые скрижали, принесенные Моисеем с Синая, были им разбиты (см. [Исх 32.19](#)). Пришлось изготавливать новые, которые затем хранились как величайшая сокровенность в Святой Святынь скинии, а затем в ковчеге завета в Иерусалимском храме.

Как известно, такого сочинения Иосиф Флавий не оставил. Возможно, здесь имеется в виду его знаменитое возражение «Против Апиона». Там действительно затрагиваются и местами поясняются законоположения евреев, но систематического разбора Пятикнижия там нет. (Перев.)

В основу рассказанного в этой главе легло содержание кн. Исход ([Исх 19.1—25](#); [Исх 20.1—22](#); [Исх 31.18](#); [Исх 32.1—16](#)).

Скиния (евр.- шалаш, куща, палатка) — еврейский походный храм, сооруженный по образцу, указанному Богом Моисею на Синае. Ср. греч. «скене», — место, где разыгрываются ритуальные действия, откуда произошло сцена.

Капитель (от лат. *capitellum*, — головка) — верхняя часть, обычно выступающая, колонны или столба.

Виссон — особо дорогая, очень тонкая ткань, из которой делались составные элементы царской и жреческой одежды. В Египте — тончайшее льняное полотно. По Геродоту, виссон сделан из «древесной шерсти», т.е., возможно, из хлопка. В переводе Библии Лютера — шелк. В эпоху Римской империи продавался на вес золота.

Фас (от лат. *fares* — внешность) — лицевая сторона здания.

Портал (от лат. porta — ворота) — архитектурно оформленный вход в монументальные общественные и культовые здания.

Пилоны ставились перед египетскими храмами и дворцами и состояли из двух башен в форме усеченной пирамиды и ворот между ними.

Помимо рассеянных в Библии указаний на устройство скинии, описание последней встречается также у Филона Александрийского (Жизнь Моисея. III), что дало возможность восстановить почти весь план и особенности этого сооружения. Так как данные Флавия играли здесь далеко не последнюю роль, целесообразно передать обобщенное представление о скинии. Ограду двора ее образовали 60 деревянных столбов с бронзовыми подножиями и посеребренными капителями, стоявшими на расстоянии пяти локтей друг от друга. Серебряные кольца и гвозди прикрепляли к верхней части этих колонн, между которыми тянулись деревянные или металлические шесты. Занавес был прикреплен к кольям канатами. По свидетельству Библии и Филона Александрийского, расстояние между входом во двор и входом в скинию было ровно вдвое больше, чем расстояние от входа в скинию до западной стороны ограды, так как святилище занимало последнюю треть всего огороженного пространства. (Перев.)

Пурпур — дорогая тонкая шерстяная ткань, названная по драгоценному красителю, добываемому в древности из моллюсков на восточных берегах Средиземного моря.

Вообще вход в скинию был закрыт завесою. (Перев.)

Это описание не во всем согласуется с описанием, имеющимся в Библии (см. [Исх 27.9—19](#)).

Это аравийская акация, единственная древесная порода на Синайском полуострове, которая достигает такой толщины, из которой получают доски. (Перев.)

«Кивот», синоним слова «ковчег» (от греч. kibotos — «ящик», «сундук").

мера длины в половину локтя.

О Святая Святых и ее устройстве см. ниже. гл. 7 и 8.

Дельфийский храм — с VI в. до н.э. храм Бога Аполлона в древнегреческом г. Дельфах в Фокиде. В 80-е гг. до н.э. Дельфы были разграблены фракийскими племенами. В конце I века н.э. храм был восстановлен.

Дорийцы — одно из главных греческих племен. Первоначально населяли Среднюю Грецию. Около 1200 г. до н.э. начали расселяться в юго-западные районы Греции.

мера емкости в 0,275 л.

Фимиам (от др.-греч. *fimicun* — курю, кажу из кадила) — благовонное вещество для курения, ладан.

См. ниже, 10, 6—7.

Мина — др.-греч. мера веса преимущественно драгоценных металлов в 436,6 г, а также денежная единица, равная 100 драхмам. Талант — др.-греч. мера веса в 26,2 кг и денежная единица, равная 100 серебряным драхмам.

В основу этого описания положена кн. Исход ([Исх 25.23—39](#); [Исх 26.1—37](#); [Исх 35.4—35](#); [Исх 36.1—3](#); [Исх 37.1—28](#)).

В Септуагинте так именуется высший представитель иудейского священства — первосвященник (Лев 4.3). Это наименование в Новом Завете применено и к Иисусу Христу ([Евр 4.14](#)).

Иерей (др.-греч. *iereis*) — греческое название пресвитера, перешедшее в христианскую терминологию из античных культов. В буквальном переводе на русский язык — священник.

См. [Исх 39.28](#).

Хитон — мужская и женская одежда у древних греков, имевшая вид сорочки без рукавов.

Это место текста неясно. Поэтому мы прибавили поставленное в скобках. (Перев.)

Головной убор состоял из подобия тиары или особым образом повязанного тюрбана. (Ср. Лев 8.1).

Здесь, очевидно, имеется в виду библейское «меил», искаженное Флавием. (Перев.) Это верхняя риза, связанная из пурпурной шерсти, убранный внизу разноцветными яблоками и золотыми колокольчиками.

Это библейское «эфод» (ср.: [Исх 28.4—14](#); [Исх 39.2—7](#)) — короткая верхняя одежда с золотыми застежками на плечах, на каждой было по ониксу с вырезанными именами 12 израильских племен.

Ессен — это, без сомнения, плохо написанное еврейское «хошен» — четырехугольная квадратная сумка, снаружи украшенная двенадцатью драгоценными камнями. В ней находились «Урим и Туммим», с помощью которых первосвященник гадал о будущем народа. (Перев.)

Написано по кн. Исход ([Исх 28.15—38](#); [Исх 39.8—24](#), [Исх 39.26—30](#)), с пояснениями и дополнениями. (Перев.)

Драхма — др.-греч. монета, первоначально серебряная, весом в 160 мины. В Древней Греции по территориям различали семь драхм. Аттическая драхма — 4,25 г.

Аттический хой — мера емкости прибл. 97 л.

Апрель.

Дарик — золотая монета времен Персидской державы весом в 1 сикл.

См. [Чис 7.1—89](#), где изложены эти законы.

Это сочинение Иосифа Флавия до нас не дошло.

Лев 24.5—9.

Пергамент (др.-греч. pergamenos от Pergamos — г. Пергама в Малой Азии) — материал для письма из особым способом обработанной кожи.

Лев 20.10—21.

Лев 21.7—23.

Слово *jobel* первоначально означает «бараний рог», а в кн. Левит (Лев 25.9) имеет значение трубного звука, собственно звук из рога, которым в 10-й день седьмого месяца возвещалось наступление дня искупления ("иом киппур").

В основу приведенных в этом отрывке сведений положена кн. Числа ([Чис 1.1—54](#)).

Это описание восполняется изображениями этого инструмента на триумфальной арке Тита в Риме и на монетах. (Перев.)

Положение этой местности до сих пор в точности не выяснено.

Это библейское «Kirboth hattaawah». При его переводе Иосиф Флавий следует Септуагинте.
(Перев.)

В основу содержания этой главы легли данные кн. Числа ([Чис 13.1—34](#); [Чис 14.1—10](#)).

Что эта местность была крайне пустынна, видно из кн. Числа ([Чис 13.1](#)). Слово «Фаранкс» по др.-греч. значит «ущелье», «теснины». Точно определить местность здесь трудно. (Перев.)

Этот город упоминается Иосифом Флавием выше, см. I, 6, 2.

Здесь имеется в виду так называемая Иудейская война, описанию которой Иосиф Флавий посвятил отдельное сочинение, тесно примыкающее к настоящему.

Клавдий — римский император в 41—54 гг.

[Кор — 395:5](#) л.

др.-греч. мера сыпучих веществ, равная 52,5 л.

О событиях, рассказанных в этой главе, см. [Чис 14.40—43:45](#).

В предании рассказывается, что Моисей обвинялся в прелюбодеянии с женщиной, которая нарочно для этого была подкуплена Кореем, отличавшимся баснословным, вошедшим в пословицу у арабов богатством. Когда женщина эта предстала, по требованию Моисея, перед народным собранием, то торжественно отреклась от возводимого на нее и вождя обвинения. (Перев.)

Корею и его сторонникам удалось привлечь на свою сторону более 250 старейшин из различных колен (см. [Чис 16.2](#)). Они посягнули на почести и привилегии Моисея и Аарона, потому что были недовольны подчиненным положением левитов в богослужебной иерархии (см. [Исх 16.9—11](#)).

См. [Чис 16.4—40](#); [Чис 17.1—13](#). В предании сохранилось, что в этом споре Корея с Моисеем из-за первенства не только все небесное воинство, но даже планеты заступились за Моисея.

Библия ([Чис 13.22](#), [Чис 33.36](#); [Чис 34.3](#)) знает лишь пустыню Цин, которая здесь, очевидно, и имеется в виду. Она представляет собой северную окраину пустыни Фаран, так что город Кадеш относится то к последней, то к пустыне Цин. Впрочем, точное положение этой местности до сих пор не выяснено. (Перев.) В славянском переводе Библии — везде Син, как и у Иосифа Флавия.

Иссоп — пряность, похожая на чебрец, которая играла важную роль при культовых очищениях.

В седьмой главе этой книги Иосиф Флавий называет этот город по его основателю Арекемою. Ср. также «Иуд. древности». XIV, 1, 4, и «Иуд. война». I, 6, 2; 13, 8. В Библии ([Суд 1.36](#); [4Цар 14.7](#)) он называется Села. А в Септуагинте и у Евсевия он известен под именем Петры. По указанному месту в Книге Судей, это был главный город Набатеи на небольшом расстоянии от Иерихона. (Перев.)

Гекатомбеон соответствовал нашему августу, еврейскому аву, вавилонскому абу. События этой главы рассказаны в кн. Числа ([Чис 20.22—30](#)).

Это река Яббок.

К этому месту имеется более обычный вариант: «впадая в Иордан, уступает последнему свое имя». (Перев.)

Теперь эта местность, находящаяся к востоку от Тивериадского озера и представляющая собой крайне плодородное плоскогорье, называется Дшаулан. (Перев.)

В окрестностях Мертвого моря и в начале нижнего течения Иордана, где царит почти тропическая жара, особенно вблизи Иерихона, в изобилии разводилось это растение, из которого путем надреза коры добывалась по каплям драгоценная смола. Ср.: «Иуд. война». I, 6, 6; «Иуд. древности». VIII, 6, 6, IX, 1, 2; XV, 4, 2, и Плиний Старший. Естественная история. XII, 54. (Перев.)

Арабскими комментаторами рассказывается, что послы подкупили жену Валаама, благодаря настойчивым просьбам которой он вторично спросил Бога. Не получив, однако, ответа, прорицатель поддался уговорам жены, что молчание Бога есть знак согласия. (Перев.)

Восора, или Восорра ("Иуд. древности». XII, 8, 3), не должна быть смешиваема с позднейшей Басрой. Эту Восору взял и разрушил до основания Иуда Маккавей ([1Мак 5.26:28,36](#)). Рамафа, или Арамафа, ("Иуд. древности». VI, 4, 6; VIII, 15, 3) соответствует библейскому Рамоф ([Втор 4.43](#); [Нав 21.38](#)) к западу от Аммана. Ныне обычно принимают за его остатки местность, носящую название Эссальт, которая еще и теперь служит у бедуинов местом убежища. От города Гауланана получила свое имя и вся область, упоминаемая Иосифом в «Иуд. древностях» (IV, 5, 3). Точно определить местонахождение города теперь невозможно. (Перев.)

Это библейский Целафхад, в Септуагинте — Sallpaad, в славянской Библии — Салпаад.

Этот город находился к востоку от Гадары. Иосиф Флавий о нем еще упоминает в этой книге (V, 1, 1; XII, 3, 3), а также в «Иуд. войне» (IV, 7, 6). (Перев.)

Такая книга Иосифа Флавия неизвестна.

Ср.: [Втор7.25](#). Сведения здесь умышленно изменены Иосифом Флавием ввиду предназначения этой книги для греческих читателей.

[Втор 17.6](#); [Втор 19.15—21](#).

[Втор 21.1—9.](#)

И эта фраза, по всей вероятности, написана в угоду греческим читателям.

В древности на Востоке было в обычае пускать волов в поле, на котором был убран урожай, для обмолота срезанных снопов копытами.

Этот обряд освобождения деверя от брака практикуется еще и поныне и известен под именем халицы. (Перев.)

[Исх 22.1—4.](#)

[Исх 21.2—6](#); [Втор 15.12—18](#).

[Втор 22.1—3.](#)

Как было уже упомянуто, такого сочинения Иосифа Флавия не сохранилось.

Ср. ниже, V, 1, 19; XIV, 6, 2. Эта гора Гевал к северу от г. Сихема (совр. Наблус). Ныне гора называется Джебель Сулемие. (Перев.)

См. прим. 47 и 48 к книге третьей.

Ср.: [Втор 34.1](#); здесь гора Нево в Моаве, близ Иерихона.

В Библии этот город называется Ай, или Айя (Айят), а у Евсевия — Haggai. Дословно — «груды камней», чему соответствует современное Тель-эль-Хадшар — «каменистый холм». (Перев.)

Гаваониты занимали город Гаваон, расположенный, по «Иуд. древностям» (VII, 11, 7), на расстоянии 40, а по «Иуд. войне» (II, 19, 1), - ста стадий от Иерусалима. Теперь это маленькая деревушка Эль-Дшиб к северо-западу от Иерусалима. Вблизи ее находился город Кафире (совр. Котире), а у западной границы области, которую впоследствии заняло колено Вениаминово, был расположен Кариафиарим, лесной город, где помещался ковчег завета. (Перев.)

В Книге Иисуса Навина ([Нав 10.13](#)) сказано: «И остановилось солнце» и т.д. На этот счет в предании сохранилось: Иисус Навин и евреи сражались однажды в пятницу с язычниками; Иисус боялся, что наступление субботы лишит евреев возможности продолжать бой, тем более что он видел, как языческие кудесники каким-то образом воздействовали на планеты во вред евреям. Тогда он простер руку свою по направлению к солнцу, луне и звездам, причем произнес священное имя Господне. Планеты остановились в своем течении и пребывали в неподвижности 36 часов, в продолжение которых Иисусу удалось окончательно победить врагов.

Вирофа — город на северной границе Палестины, принадлежавший во времена Давида сирийцам и расположенный недалеко от Дамаска. Во всяком случае он не идентичен с упомянутым здесь, который, судя по упоминанию Кедеса, лежал вблизи Меромского озера и положение которого еще точно не установлено. Несколько ниже (п. 24) Кедес помещается в пределах колена Неффалимова, а местоположение упомянутого в кн. XIII, 5, 7 Кедеса приходится между Тиром и Галилеею. (Перев.)

В славянской Библии — Силом, город в окрестностях Самарии.

Еще одно наименование Мертвого, или Асфальтового, моря происходит от названия города Содома.

Этот город, упоминаемый и в Евангелии ([Мф 8.28](#); [Мк 5.1](#) и [Лк 8.26](#)), находился к юго-востоку от Генисаретского озера и в древности был знаменит своими сернистыми ключами, привлекавшими массу больных. В «Иуд. войне» (III, 7, 1) рассказывается, как Веспасиан разбил Гадару до основания и перерезал всех ее жителей. (Перев.)

Дор — приморский финикийский город, расположенный на склоне горы Кармел. Во времена Селевкидов Дор представлял собой сильную крепость. (Перев.)

Скифополь — город на юге Палестины на расстоянии 20 стадий от Тивериады. (Перев.)

Гора Итавирион, библейское Тавор, совр. Джебелет-Тур. Ее описание есть в «Иуд. войне» (IV, 1, 8).

Кроме названных, в древности были и другие наименования этого города.

Это известный город Ашдод, центр филистимлянского «пятиградия», место культа бога Дагона, стратегически важный и сильно укрепленный в древности город, выдержавший массу осад противника.

Ямния находилась между Азотом (Ашдодом) и совр. Яффой и была до разрушения Иерусалима в 70 г. н.э. местом собрания Великого синедриона. (Перев.)

Библейская Гата — также один из городов филистимлян.

Аккарон, библ. Экрон,- еще один город в составе филистимлянской федерации.

См. [Нав 11.16](#) — [Нав 17.14](#).

[Нав 24.1—28.](#)

В Библии — Фафнаф-Сараи; этот город находился на северной границе удела колена Иудова и был некогда во власти филистимлян.

Местоположение этого города до сих пор еще не выяснено. Евсевий и Иероним знали две соседние деревни этого имени, лежавшие на дороге из Сихема к Скифополю. Во всяком случае Везека находилась на северной окраине Палестины. (Перев.)

В Библии — семидесяти царям.

По многим мотивам вариантом этого рассказа может служить история, случившаяся с гостями Лота перед гибелью Содома. См. выше, 1, 11, 3.

Точное местоположение этого города до сих пор не установлено. Его имя сохранилось в названии речки, впадающей с востока в Иордан. (Перев.)

Ныне скала Риммон вблизи древней Элии, представляющая необычное зрелище: на совершенно пустынной и ровной местности возвышается довольно крутой холм, откуда взор может обнять все окрестности на далекое расстояние. Сейчас на его склонах расположена деревня Рамман (или Румман). (Перев.)

В Библии — Хусарсафем, вероятнее всего, это ассирийский царь Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н.э.).

Семехонитское, или Самохонитское, озеро называется в Библии также Меромским. Иосиф Флавий пишет о нем в «Иуд. войне» (IV, 1, 1) следующее: «Это озеро имеет 30 стадий ширины и 60 длины; его тони простираются до чрезвычайно живописной местности Дафны, и героиня эпоса водные источники которой питают так называемый Малый Иордан и вместе с ним, ниже храма Золотого быка, впадают в Большой». (Перев.)

Об этих событиях свидетельствует древнейший памятник древнеизраильского эпоса конца XII в. до н.э., сохранившийся в Библии как часть Книги Судей ([Суд 5.1](#)),- так называемая Песнь Деборы, отрывок из дружинного эпоса, сочинение которого, по всей вероятности, мало отстояло от времени событий:

Эпический отрывок Песни Деборы сообщает о гибели Сисары так: Благославенна ты будь, Иаиль, жена Хебера-кенита, Среди женщин в шатрах ты будь благославенна! Воды он попросил — молока предложила, Сливки подала ему в чаше для могучих. Руку же свою к колку протянула, К молотку работников — десницу И ударила Сисару, ему голову разбила И виски ему пробила и пронзила. У ее ног он согнулся, упал, разлегся, У ее ног согнулся, разлегся, Где согнулся, там лежал, погублен. (Кн. [Суд 5.24—27](#), перевод И.М. Дьяконова)

В основу рассказанного в этой главе положено содержание Кн. [Суд 4.1—24](#); [Суд 5.32](#).

Древние делили сутки на восемь страж, т.е. трехчасовые промежутки времени, по истечении которых каждый раз сменялся караул. Начинался счет с утра или вечера, с шести часов, и сообразно с этим стражи делились на дневные и ночные. Первая ночная стража продолжалась от 6 часов вечера до 9, вторая до полуночи и т.д. (Перев.)

Здесь мы встречаемся с первой притчей в Ветхом Завете. (Перев.)

Оьяснением к этому может служить то обстоятельство, что в Книге Иова ([Иов 39.6](#)), Псалтире ([П с 106.34](#)), Книге пророка Иеремии ([Иер 17.6](#)) слово «мелелах» означает солончаковую, неплодородную пустыню, обреченную на вечное запустение. Так и здесь (ср. также [Втор 29.23](#) и [Соф 2.9](#)) обряд посыпания солью служил аллегорией окончательного уничтожения всякой жизни в этой местности. (Перев.)

Это библейский Гебез в средней части Палестины, вблизи Сихема. (Перев.)

Аналогичная смерть постигла эпирского царя Пирра, который также был убит кирпичом, брошенным на него с крыши какой-то женщиной. Ср.: Плутарх. Пирр. 31 и Юст. XXV, 5.

Здесь отсутствует рассказ об израильском судье Фоле ([Суд 10.1](#)), и вообще этот фрагмент значительно отстает от библейского текста.

Иaira, вероятно, имеет в виду Полибий (V, 70, 12) в своем пересказе событий эпохи больших и малых судей.

До сих пор не удалось точно определить местонахождение этого города. (Перев.)

В Ветхом Завете ([Суд 12.7](#)) этот город вовсе не упомянут, так что, вероятно, в распоряжении Иосифа Флавия был иной источник, кроме Библии.

Это библейский Пирафон ([Суд 12.15](#)), где и сейчас на месте этого города стоит деревушка Ферата около Наблуса, на юго-запад. (Перев.)

Здесь мы имеем дело с установленным в кн. Числа ([Чис 6.1—21](#)) институтом назорейства.
(Перев.)

См. выше, V, 1, 29, где упоминается этот город как место захоронения Иисуса Навина.

В Кн. Судей ([Суд 15.15—16](#)) говорится о том, что в этой местности Самсон нашел свежую ослиную челюсть, которой убил 1000 филистимлян. Иосиф Флавий называет эту местность Сиагон, что по-гречески значит «челюсть» и соответствует др.-евр. «лехи» в том же смысле.

Сариаса, известная и под именем Зореа, помещалась Иеронимом на расстоянии десяти римских миль к северу от Елевфорополиса. Еще в 1334 году в деревеньке Сурзах между Иерусалимом и Ябне показывали старинную могилу, украшенную ослиной челюстью. Здесь, по преданию, был похоронен Самсон. (Перев.) В основу содержания этой главы положена Кн. Судей ([Суд 15.1—20](#); [Суд 16.1—31](#)).

Т.е. совершить обряд халицы, освобождения от обязанности левиратного брака, о чем см. выше, прим. 58 к книге четвертой.

Местностей, имевших такое название, у Иосифа Флавия и в Библии встречается несколько. Этот город находился к северо-западу от Иерусалима. (Перев.)

Даган (Дагон) — западно-семитский бог растительности, бури и дождей, почитался в Сирии, Палестине и Двуречье.

В основу рассказанного в этой главе легло содержание Первой книги Царств ([1Цар 5.1 — 1Цар 7.2](#)).

Собственно «вышка» — находилась в области колена Вениаминова, к северо-западу от Иерусалима. Сейчас, на месте предполагаемой гробницы Самуила, возвышается мечеть Неби Самвил (т.е. пророка Самуила). (Перев.)

В Септуагинте — Вефхор, город в южной части Палестины.

См. выше, IV, 7, 4, где этот город назван Ариманом.

См. [1Цар 7.15—17](#); [1Цар 8.1—22](#).

Рахиль, по кн. Бытие ([Быт 35.16—19](#)), похоронена по дороге из Вефиля в Еффрафу.

Об этом городе см. выше, V, 2, 11.

О точном местоположении этого города ничего не известно.

Схойнос — египетская мера длины. Древние писатели сильно расходятся в определении этой меры, которая, видимо, колебалась между 30 и 120 стадиями. (Перев.)

Библейский Михмас (собственно — «потайной угол») — город в области колена Вениаминова.

Одним из основных положений Моисеева законодательства является, как известно, запрещение употреблять в пищу кровь. Ср.: книги Бытие ([Быт 9.4](#)), Левит (Лев 3.17, Лев 7.26, Лев 17.10; Лев 19.26) и Второзаконие ([Втор 12.16:23](#) и след.), из которых вытекает, что, по древнему представлению, кровь —местилище души, а у животных кровь заменяет душу. (Перев.)

Здесь, очевидно, вкралась неточность. Имя первосвященника было Ахия, он был сыном Ахитува. Вся его родословная до Илии дана в Первой книге Царств ([1Цар 14.3](#)).

Во Второй книге Царств ([2Цар 8.3](#); [2Цар 10.6—15](#)) также упоминается царь Софы, которого Давид дважды победил. О положении государства, или города, Софы, имя которого упоминается и в ассирийских текстах, пока ничего определенного сказать нельзя. Вероятнее всего, он был расположен к северу от Палестины между Средиземным морем и Евфратом.

Этот город находился в Нижнем Египте на восточном рукаве Нила. Будучи ключом к Египту, он неоднократно был свидетелем военных действий (ср.: Геродот. II, 14; III, 10; Диодор. 15, 42; 16, 48 и след.; Плутарх. Антоний. 74; Ливии. 45, 11 и др.). (Перев.)

В Библии здесь названы не сикимитяне, а кенитяне.

В основу содержания этой главы положена Первая книга Царств ([1Цар 15.1—34](#)).

Предание сообщает: «Когда Самуил захотел помазать на царство Елиава, то елей не стал вытекать из сосуда (рога); то же самое странное явление повторялось и при попытках пророка с другими братьями. Когда же очередь дошла до Давида, то елей свободно потек из сосуда и окропил голову — юноши». (Перев.)

События в этой главе изложены по Первой книге Царств ([1Цар 15.34](#) — [1Цар 16.23](#)).

Сохо и Азика — города на иудейской низменности, где была дубовая роща — место поединка Давида и Голиафа. (Перев.)

Сохранился рассказ об интересном приключении Давида. Когда тот был еще совсем маленьким мальчиком, он уже пас стада отца. Однажды на пастбище Давид нашел какого-то спавшего там зверя, влез на него и стал возиться на нем. От этого зверь проснулся и поднялся на ноги. Каковы же были изумление и ужас мальчика, когда зверь оказался мифическим гигантским Реемом, достигавшим головой неба. Давид обратился с мольбой к Богу, который заставил зверя опуститься на колени и тем самым спас мальчика. В связи с этим и выше-рассказанными эпизодами стоит и сообщаемое арабским историком Табари предание о приключении со львом. (Перев.)

В предании рассказывается, что когда Давид надел на себя панцирь Саула, то последний пришелся ему как раз впору, несмотря на исполинский рост царя. В этом чуде Саул усмотрел предзнаменование, что Давид займет его место на престоле, юноша же заметил недоброжелательный взгляд царя и поэтому поспешил освободиться от этого вооружения. (Перев.)

По данным околониблейской литературы, эти камни были им взяты в расчете призвать во время метания последовательно Бога, Аарона и патриархов Авраама, Исаака к Иакова, что он и сделал на самом деле. Арабские писатели рассказывают, что камни сами просили Давида взять их для борьбы с Голиафом, что три захваченных Давидом и положенных им в пастушескую сумку камня сами собой слились воедино и образовали одну огромную глыбу. (Перев.)

Это явная неточность у Иосифа Флавия. Первая книга Царств ([1Цар 19.16](#)) рассказывает о статуе и козьей шкуре. Михала положила под одеяло довольно большую статую домашнего божества Терафима, а голову его покрыла козьей шкурою, чтобы издали казалось, будто видны волосы спящего. (Перев.)

В Септуагинте это место названо Naiad ([1Цар 19.18](#)), где находились школы и общежития пророков, впервые строго и точно организованные Самуилом. Здесь Самуил и Давид могли себя чувствовать в большей безопасности от Саула, чем в любом другом месте. (Перев.)

Напротив, в Первой книге Царств ([1Цар 20.20—22](#)) сказано: «А я в ту сторону пущу три стрелы, как будто стреляя в цель; потом пошлю отрока, говоря: «пойди, найди стрелы»; и если я скажу отроку: «вот стрелы сзади тебя, возьми их,- то приходи ко мне, ибо мир тебе, и, жив Господь, ничего тебе не будет; если же так скажу отроку: «вот, стрелы впереди тебя», то ты уходи, ибо отпускает тебя Господь; а тому, что мы говорили, я и ты, свидетель Господь между мною и тобою во веки». (Перев.)

Нава, или Нова,- город вблизи Иерусалима, откуда его можно было, благодаря недалекому расстоянию, хорошо видеть. (Перев.)

В двух местах Ветхого Завета ([1Цар21.7](#) и [Пс51.2](#)) этот Доик назван идумеянином.
(Перев.)

Библейский Одоллам. Этот город относился к числу древнейших хананейских поселений и лежал в низменности, известной под именем Шефелы. Пещере же Адуллам, по преданию, соответствует огромная пещера к юго-западу от Вифлеема. (Перев.)

В этом месте греческий текст оригинала испорчен. (Перев.)

В еврейском оригинале ([1Цар 22.5](#) — Хорет, тогда как в Септуагинте, которой, очевидно, и придерживался Иосиф Флавий, передано: «полис Сарик». (Перев.)

Иосиф Флавий и здесь придерживался текста Септуагинты, а не подлинника Библии, где сказано ([1Цар 22.6](#)), что «услышал Саул, что Давид появился и люди, бывшие с ним. Саул сидел тогда в Гиве под дубом на горе, с копьем в руке, и все слуги его окружали его».

Город Килла, библейский Кеиль, находился недалеко от Елевтерополя, на пути в Хеврон, на иудейской равнине на границе с филистимлянами. Ныне это развалины под названием Кила. (Перев.)

Дословно «козий колодец», находится в южной части Палестины на берегу Мертвого моря.
(Перев.)

И здесь Иосиф Флавий следует неверному переводу Септуагинты, где значение «лес», «чаща» в Первой книге Царств ([1Цар 23.15:16](#)) интерпретировано как название города. (Перев.)

Современное Тель Цифа недалеко от древнего Хеврона. (Перев.)

Эта пустыня находится к юго-западу от Хеврона, недалеко от горы Кармел, где был и город Маон. (Перев.)

Эти теснины, очевидно, идентичны с указанными в Первой книге Царств ([1Цар 24.1—2](#)) близ Эн-Гадди. (Перев.)

Этот город известен под именем Маона и находился вблизи горы Кармел, сохранились его развалины. (Перев.)

Филистимлянский город, развалины которого сохранились к востоку от Газы. (Перев.)

В основу рассказанного в этой главе легли данные Первой книги Царств ([1Цар 23.1 — 1Цар 27.1](#)).

Местность неизвестная, о ней не упоминается в Библии. (Перев.)

См. [1Цар 28.9](#).

Ныне это маленькая деревушка Сунем на склонах малого Гермона. (Перев.)

Это горный хребет Гилбоа близ Скифополя, ныне Джебель Факуа.

Эндор — маленькое, первоначально филистимлянское поселение на северной стороне Малого Гермона, современный Эндур, или Хондурах.

И здесь Иосиф Флавий заметно отходит от библейского текста.

Астарта — древнесемитская богиня плодородия, почитавшаяся в Финикии, была богиней любви и брака.

В Библии нет указаний на продолжительность правления Саула.

С пятого параграфа этой главы содержание соответствует Первой книге Царств ([1Цар 29.1—1Цар 31.1](#)) и Первой книге Паралипоменон ([1Пар 10.1—14](#))

Имеется в виду последняя битва царя Саула с филистимлянами, окончившаяся поражением израильтян и смертью их первого царя. (Перев.)

Это испорченное транскрипцией библейское слово «маханаим» — «лагерь», «стан».
(Перев.)

В Библии — Авесса.

В Библии ([2Цар 2.24](#)) этот холм именуется Амма — дословно «холм потока». (Перев.)

В Библии — Иевосфей.

Хилиарх — начальник тысячи, тысяцкий.

Хирам (Ахирам) — царь Тиро-Сидонского царства (969— 936 гг. до н.э.).

В письменных источниках под своим именем Иерусалим впервые зафиксирован в письме правителя города Абди-Хибы египетскому фараону Эханатону (XIV в. до н.э.).

См. ниже VII, 12, 4, где сказано, что эта долина тянется от Иерусалима до Вифлеема на расстоянии 20 стадий. (Перев.)

Газар — город в Самарии; развалины его были найдены в 1873 г. между Эль-Кулабом и Екроном (Акиром) у Тель-эль-Джезер.

Город к югу от Хеврона.

По данным Страбона (XII, 3), это провинция великой Армении между хребтами Антиливаном и Малием. (Перев.)

Николай Дамасский

На дворе Соломонова храма стоял этот огромный бронзовый сосуд в 5 локтей высотой и 30 локтей в окружности. (Перев.)

Амафа — город в Финикии, на р. Хермон, современный Хамат.

В Библии — Мемфивосфей.

Это библейский Лодевар (Иодобар) ([2Цар 9.4](#); [2Цар 17.27](#)) — местечко в Галааде недалеко от Иордана, вблизи Филадельфии.

Из Второй книги Царств ([2Цар9.1](#)) видно, что этот Сива и был вышеупомянутым вольноотпущенником Саула. (Перев.)

Вероятно, это тот царь, которого разбил Саул, см. выше, VI, 5, 1.

Город на границе с Аравией на северо-восток от Красного моря, современный Рамман.

Иосиф Флавий отошел от библейского текста ([2Цар 11.14:15](#)), добавив, что в письме Иоаву было сообщено, что Урия провинился и, следовательно, заслужил наказания.

Околобиблейские предания подробно останавливаются на этом грехопадении Давида, рассказывая, что Давид так был уверен в своей преданности Богу что сам просил испытать его. Тогда к Давиду явился дьявол в виде золотистого голубя или под видом газели. Царь выстрелил в дичь из лука, и она побежала или полетела туда, где купалась Вирсавия. Пленный красотой ее, Давид потерял голову и дал увлечь себя дьяволу. Это предание сохранилось и у арабских писателей Табари, Ибн-Асира и Аль-Кисаи, из которых первые два передают также любопытные подробности о покаянии Давида и о суде над ним после смерти. (Перев.).

Это библейский Гессур ([Втор 3.14](#); [Нав 12.5](#); [Нав 13.13](#)), небольшая область в Сирии, сохранившая во времена Давида полную независимость. (Перев.)

К северо-востоку от Иерусалима, на дороге между Масляничной горой и Иорданом.

Гелмон, библейский Гило ([Нав 15.51](#)) — город в Палестине, вероятно, на месте современного Бет-Диала.

Это библейское «маханаим» — «стан», «лагерь» в Галааде, о котором уже упоминалось выше. (Перев.)

Здесь у Иосифа Флавия вкралась ошибка. Выше, VII, 3, 3 и 8, 1, Фамара (библейское Фамарь) является дочерью Давида, здесь же Иосиф Флавий называет ее дочерью Авессалома. (Перев.)

Гаваон — жреческий город в колене Вениаминовом, современный Эль-Дшиб.

Ниже (XII, 10, 4) эта местность носит имя Авелланы, города в Северной Палестине, современный Абель-эль-Камх.

Газарь (или Газара, Газар). См. прим. 15 к этой книге.

Кифара — вид цитры, набла — арфа.

Как было видно выше, это место, известное из сюжета о Самсоне, под названием «Ослиная челюсть».

Об этом в соответствующих местах Библии ([2Цар 24.1](#) и [1Пар 21.1](#)) не упоминается.

В Библии — Орна.

См. ниже, VIII, 1, 2.

Др.-евр. «Гихон» (ключ, источник) — это источник, ныне именуемый «Источник Девы Марии». (Перев.)

Многие народы древности знают о праве убежища, которое даровалось прикосновением к алтарю божества. В Библии об этом упоминается в кн. Исход ([Исх 21.14](#)), причем единственным лишаящим этого права преступлением определено умышленное убийство. (Перев.)

Статир, упоминаемый также в Евангелии от Матфея ([Мф 17.27](#)), первоначально был введен Александром Македонским и сначала соответствовал двум, потом — четырем аттическим драхмам.

В основу рассказанного в этой главе положены Третья книга Царств ([3Цар 1.1—53](#)) и Первая книга Паралипоменон ([1Пар 20.1—19](#); [1Пар 23.2—24:31](#); [1Пар 27.1 — 1Пар 29.24](#)).

Иоханан Гиркан, ставший первосвященником после смерти его отца Симона в 135 г. до н.э.
См.: «Иуд. война». I, 2, 3.

См. выше, VII, 15, 1.

Вероятнее всего, это Псусеннас II, последний фараон XXI династии (1085—950 гг. до н.э.).

Это должно быть понимаемо не только буквально, но и в переносном смысле: брак Соломона с египетской царевной вернул ему отпавшее от него небольшое, расположенное по соседству с Египтом, царство Газер. (Перев.) Соломон получил его как приданое.

По всем данным, Соломон тогда уже не был так молод, каким его пытается представить Иосиф Флавий. (Перев.)

Здесь у Иосифа Флавия неточность: Библия и Септуагинта упоминают Гаваон, а не Хеврон. Под жертвенником из меди следует иметь в виду находившуюся тогда в Гаваоне скинию, тогда как ковчег завета уже помещался в Иерусалиме. (Перев.)

Здесь Иосиф Флавий строго следует за библейским текстом ([3Цар 3.17—18](#)), тогда как в Септуагинте имеются существенные отклонения.

Гаулан (совр. Джошолан) — широкая плодородная равнина на границе Галилеи и Самарии.
Ср.: «Иуд. война». III, 4, 1.

[Кор](#) - мера сыпучих тел. 1 кор 60 гинам, 1 гин 12 логам, 1 лог емкости 6 яичных скорлуп.

Этим нарушалось повеление, данное в кн. Второзаконие ([Втор 17.16:17](#)), где Бог запрещал царю иметь много лошадей и жен.

Парабола — иносказательное нравоучение, притча. В библейской книге Притчи Соломона до нас дошли лишь скудные обломки такого рода произведений. Кроме дидактической поэзии, царь был и любителем лирики, на что указывает обстоятельство, что Соломон признается автором 2-го [псалма](#). Что же касается 72-го и 127-го псалмов, на основании которых автором Третьей книги Царств и устанавливается, что Соломон оставил после себя тысячу пять гимнов, то современная библейская критика, основываясь на соображении, высказанном еще древнейшим греческим переводчиком означенного 2-го псалма, что выражение «ли-Шеломо» должно указывать не на авторство царя Соломона, но на посвящение ему данного гимна, вполне убедительно показала, что это число определено в достаточной мере произвольно (Перев.)

Что монотеизм, каким он должен быть по учению Моисея, не мог допускать мысли о существовании духов, это ясно само собою. Лишь после вавилонского плена, когда евреи пришли в теснейшее соприкосновение с парсизмом, в народные представления глубоко внедрились учения о демонах и их могуществе, хотя без того специфически парсийского характера, в силу которого духи и демоны (так называемые «дэвы» в учении Парсов) являются самостоятельными, рядом с благим божеством (Ормуздом) существующими созданиями. Напротив, по духу иудаизма, такая самостоятельная деятельность демонов явилась совершенно неуместной и невозможной. Будучи падшими ангелами или потомками ангелов, демоны находились вполне под властью Бога и были ему подчинены безусловно. Так думало большинство народа, и поэтому многим пророкам приходилось бороться с распространившимся если не лжеучением, то суеверием. Книги Нового Завета также представляют немало материала для характеристики распространенности в Палестине таких верований. Неудивительно поэтому, что Иосиф Флавий отдает здесь некоторую дань духу своего времени, включая рассказ, эпизодически иллюстрирующий его повествование, хотя, конечно, и не находящийся в Библии. Нечто подобное он делает и в «Иуд. войне» (I, 32, 2; и VII, 6, 3). (Перев.)

Император Цезарь Веспасиан Август (69—79 гг.).

Это библейский царь Хирам, или Хурам (финик. Хирам, что, вероятно, Ахирам, т.е. брат, друг величия, подразумевается — Ваала). По известиям Иосифа Флавия, здесь и в возражении «Против Апиона» (I, 17,18), составляющем почти единственный остаток, уцелевший из некогда очень богатой исторической литературы финикийцев, и поэтому представляющем особую историческую ценность, он был сыном царя Абибала, царствовал тридцать четыре года и оставил престол своему наследнику Валеазару после своей смерти, постигшей Хирама на пятьдесят третьем году его жизни. Хотя данные Библии вполне совпадают с тем, что нам известно о Хираме из Дия и Менандра по указаниям Иосифа Флавия, однако в них заключается хронологическое недоразумение, которое не может быть разрешено вполне и окончательно. Дело в том, что по Третьей книге Царств ([3Цар 9.10](#) и след.; ср.: [3Цар 6.1](#)) оказывается, что Хирам был еще жив во время 24-го года правления Соломона, из чего вытекает, что если действительно Хирам правил только 34 года, то он мог быть правителем одновременно с Давидом лишь в продолжение десяти лет. Сообразно с этим Иосиф Флавий на самом деле утверждает (см. ниже, VIII, 3, 1, а также «Против Апиона». I, 18), что «иерусалимский храм был сооружен в двенадцатом году царствования Хирама». Из этого вытекает, что современником Давида Хирам мог быть лишь в продолжение первых 8 лет своего правления. Но в таком случае пришлось бы признать, что Давид также соорудил свой дворец лишь в течение восьми последних лет своего царствования. Но почему же в таком случае об этой постройке упоминается уже в главе V Второй книги [Царств](#). Вероятно, потому, что редактор следует там не столько хронологическому порядку, сколько последовательности предметного изложения. Хотя последнее предположение может показаться на первый взгляд удовлетворительным и вполне разрешающим всякие недоразумения, однако на деле оно ведет к еще более значительному затруднению, а именно противоречит библейскому свидетельству Второй книги Царств ([2Цар 11.2](#)), в силу которого постройка дворца Давида была окончена еще до брака царя с Вирсавней. Существует и другая версия примирения этих разногласий. Она сводится к гипотезе, что дружественный Давиду Хирам не идентичен Хираму, союзнику Соломона, являясь либо дедом второго Хирама, либо отцом Хирама — Абибалом. Но это не увязывается с Третьей ([3Цар 5.1:2](#)) и Второй ([2Цар 2.3](#)) книгами [Царств](#). Поэтому остается предположить: 1) что, благодаря какой-нибудь неточности или ошибке в тексте, Абибал, дружественный Давиду и помогавший ему при сооружении дворца, смешивается с также дружественным Давиду его сыном Хирамом. В последнем случае хронологические построения Иосифа Флавия внушают некоторое недоверие; и 2) что Менандр, на основании которого Иосиф Флавий и делает свои хронологические выкладки, слишком укоротил правление единственного существовавшего Хирама. (Перев.)

Как известно из возражения «Против Апиона» (I, 17,18), в официальных финикийских летописях, которые до нас не дошли, писатели Менандр и Дий, относительно которых ничего более неизвестно, находили материал для своих повествований. О свидетельствах Дия и Менандра см. VIII, 5, 3 и IX, 14, 2.

В основу рассказанного в этой главе легли данные Третьей книги Царств ([3Цар 1.1 — 3Цар 5.18](#)) и Второй книги Паралипоменон ([2Пар 2.3—10](#)).

Исходные данные для хронологических построений о времени возведения первого храма имеются в Третьей книге Царств ([3Цар 6.1:37](#)) и во Второй книге Паралипоменон ([2Пар 3.2](#)). Ср. ниже, X, 8, 5; XX, 10 и «Против Апиона» (II, 2).

Описание Иерусалимского храма у Иосифа Флавия имеет несколько искаженный вид по следующим причинам. Во-первых, он находился под сильным впечатлением вида позднего храма Ирода, который он хорошо знал. Во-вторых, сам текст Третьей книги Царств ([3Цар 6.2—18](#)), лежащий в основе описания Иосифа Флавия, подвергся позднейшим переработкам и интерполяциям под влиянием Книги пророка Иезекииля. (Перев.)

Это число Иосифа Флавия ошибочно. Зданий было три, они находились в тесной связи между собой. Все они имели по три этажа, и в каждом помещалось по 30 комнат, предназначенных для ризниц, сокровищниц и кладовых. Эти комнаты распределялись следующим образом: по боковым стенам главного здания их было с каждой стороны и на каждом этаже по 12 (121224), а с западной, тыльной, стороны по 6. Таким образом, на каждом этаже их число 30. Правда, по Иезекиилю ([Иез 41.6](#)), их было 33. О небольших размерах этих комнат свидетельствует их большое число. (Перев.)

Общий вход в постройку находился с южной стороны, хотя у Иезекииля ([Иез 41.11](#)) симметрично прибавлен еще один такой же вход с северной стороны здания. (Перев.)

Отдельные помещения пристройки, хотя и были одинаковой высоты, значительно отличались друг от друга своей длиной, расширяясь по мере приближения к крыше здания. (Перев.)

Это потолок, а не главная крыша этого здания, проходивший по всему зданию. Сама крыша была плоской и, вероятно, была выложена каменными плитами, возможно мраморными. (Перев.)

Третья книга Царств (6) не упоминает об этих технических приспособлениях, хотя они были, безусловно, необходимы, так как кедровые балки могли бы легко прогнуться. (Перев.)

Этому противоречит описание храма у Иезекииля. И текст Третьей книги Царств ([3Цар 6.21—30](#)), особенно при сопоставлении с Септуагинтой, вполне устанавливает здесь ошибочность свидетельств Флавия, который, очевидно, при описании храма Соломона был под впечатлением виденного им храма Ирода. (Перев.)

Это единственная лестница, упоминаемая при описании здания. (Перев.)

Маленькие двери, вероятно, были просто открытыми дверными проемами. (Перев.)

Стена, отделявшая Свята́я Святы́х собственно от храма, была из дерева и доходила до самого потолка. (Перев.)

О такой завесе нет упоминаний в Библии. Правда, под влиянием кн. Исход ([Исх 36.31](#)), где описана скиния, завеса фигурирует во Второй книге Паралипоменон ([2Пар 3.14](#)). (Перев.)

Эти двери, вероятно, были правильной четырехугольной формы, и притом значительно шире, чем вход в Святая Святых. Об этом можно судить по описанию Иезекииля ([Иез 41.2—3](#)), где ширина внутреннего входа определена в шесть, а среднего — в десять локтей. (Перев.)

Это явное преувеличение Иосифа Флавия. (Перев.)

В Третьей книге Царств ([3Цар 7.13](#) и след.) имя этого сирийского художника передается как Хирам, тогда как во Второй книге Паралипоменон ([2Пар 2.13—14](#)) он назван Харам-Авиену (что соответствует сирийскому «Хурам-Аби» — т.е. Хурам-отец) и его матерью называется женщина из колена [Дан.](#) (Перев.)

Вероятно, эти столбы в честь Яхве были подобны упоминаемым Геродотом (II, 44) при входе в храм Мелькарта в городе Тире: «Среди прочих посвячительных приношений в нем было два столпа, один из чистого золота, а другой из смарагда, ярко сиявшего ночью».

1 бат содержит 72 секстария. 1 секстарий — 12 л. Это число, заимствованное из Второй книги Паралипоменон ([2Пар 44.1](#)), является результатом ошибки в тексте и должно быть поправлено на 2000 бат.

По Второй книге Паралипоменон ([2Пар 4.6](#)), эти сосуды предназначались главным образом для омовения мяса жертвенных животных. (Перев.)

Устройство таких подставок описано в Третьей книге Царств ([3Цар 7.27—36](#)), оно не ясно из-за поврежденности текста. (Перев.)

Мехонот — подвижные (на колесах) сосуды для воды. (Перев.)

«Медное море» помещалось на площадке перед входом в храм, вблизи большого жертвенника, влево от входа. (Перев.)

Описание этого жертвенника отсутствует в Третьей книге Царств, но см.: [2Пар 4.1](#), [Иез 43.13](#) и след. (Перев.)

Конечно, кроме большого алтаря для жертвоприношений, находившегося во внутреннем дворе перед входом в храм. (Перев.)

В Библии нет числовых данных этого отрывка. Вероятно, в распоряжении Иосифа Флавия были какие-то инвентарные записи храма царя Ирода. (Перев.)

Электрон — янтарного цвета сплав, по Плинию Старшему (Естественная история. XXXIII, 4—23), состоявший приблизительно из четырех частей золота и одной части серебра. (Перев.)

Струнный инструмент, подобный мандолине.

Этого слова в др.-евр. языке нет, но такое греческое слово означает небольшой навес из отесанных камней. (Перев.)

Сообщение Иосифа Флавия о дворах храма отличается большой скудностью. Здание храма было окружено внешним двором, куда имели доступ и лица, не являющиеся священниками (ср.: [2Пар 4.9](#)). Внутренний двор был расположен выше, отделялся не особенно высокой оградой из трех рядов отесанных камней с настилкой из кедровой обшивки. Были и иные дворы, непосредственно примыкавшие к самому дворцу Соломона. (Перев.)

тищри

Это выражение напоминает учение Филона о Логосе. (Перев.)

Сохранилось интересное предание о причине греховности Соломона и о всех бедствиях, постигших евреев как следствие этой греховности. Причиной пренебрежения Богом Соломона стал, как известно, культ иноземных божеств, принесенный в Иерусалим женами и наложницами царя. Легенда знает о том, что в ночь, последовавшую за окончанием торжеств по случаю освящения воздвигнутого храма, Соломон отпраздновал свою свадьбу с дочерью египетского фараона. Благодаря необузданному веселью, царившему за брачным пиром, Соломон проспал время утреннего жертвоприношения и лишил народ возможности принести жертву, потому что ключи от храма лежали у него под подушками брачного ложа. В итоге момент освящения храма стал и временем отступничества Соломона. (Перев.)

Рассказанное в этой главе соответствует Третьей книге Царств ([3Цар 8.1—66](#)) и Второй книге Паралипоменон ([2Пар 5.1—14](#); [2Пар 6.1—42](#); [2Пар 7.8—22](#)).

Здесь речь идет о капителях, близких к коринфскому стилю, т.е. составленных из ветвей и листьев. (Перев.)

Более точен перевод — «строго определенное, ограниченное место», «сухое песчаное место». (Перев.)

В возражении «Против Апиона» Менандр назван Эфесским, тогда как его именуют и Пергамским. Иосиф Флавий его цитирует в этой книге (VIII, 13, 2 и IX, 14, 2).

Еврихор означает «широкое поле», это название восточной части острова, где был построен новый Тир. (Перев.)

Имя «Геракл» означает здесь финикийского Мелькарта, их часто путали древние греки. Астарта — богиня любви, главное женское божество пантеона. (Перев.)

Перитий — февраль — начало марта по сирийско-македонскому календарю.

Жители финикийской колонии Итики (Итаки); см. подробнее «Против Апиона» (I, 18).
(Перев.)

Более пространно об этом см. «Против Апиона» (I, 18).

О личности этого писателя еще сказано в возражении «Против Апиона» (I, 17). (Перев.)

Это эллинизированное Ваал Шамаим — «владыка». Иосиф Флавий именует его Зевсом для того, чтобы показать греческим читателям, что Хирам воздвиг храм в честь главного бога тирян. (Перев.)

В основу содержания этой главы положены Третья книга Царств ([3Цар 7.1—12](#); [3Цар 9.10—24](#)) и Вторая книга Паралипоменон ([2Пар 8.1](#)).

См. [3Цар 9.15—18](#).

Др.-ег. «фараон» (дословно «Пер-аа» — «Великий дом») — стало титулом древнеегипетских царей.

Александрия — основана Александром Македонским в 332 г. до н.э.

Птолемеи — ветвь македонской династии, правившей в Египте с 305 по 31 год до н.э.

Здесь у Иосифа Флавия большая неточность; по египетской исторической традиции с момента возникновения государства правило более 30 династий фараонов. Геродот (II, 100) говорит о правлении 330 фараонов, что примерно соответствует современным научным представлениям.

Вполне вероятно, что это мифическая женщина-фараон Нитокрида (Нит-Акра), официально записанная в списки VI династии фараонов (2423—2263 гг. до н.э.).

Это не соответствует Библии ([3Цар 5.16](#); [3Цар 9.23](#)); евреи жестоко угнетались Соломоном, работали под надзором на тяжких строительных работах. (Перев.)

Элана (ныне Аила) — идумейский порт в восточном углу Аравийского залива в Каменистой Аравии. По Второй книге Царств ([3Цар 8.13—14](#)), был завоеван Давидом, а при Соломоне стал местом отправления торгового флота в африканскую страну Офир.

Так это имя передается не только Иосифом Флавием, но и Септуагинтой. Местоположение этой страны еще не установлено и относится как к Индии, так и к Малакке. Ее искали на Малабарском берегу, а также на островах Индийского океана, в Западной, Восточной и Южной Африке. (Перев.)

Известное свидание царицы Савской с Соломоном здесь описано Иосифом Флавием довольно сухо и лаконичнее, чем в библейских книгах. Между тем этот сюжет послужил источником для возникновения и развития целого ряда интересных преданий, сохраненных арабскими писателями. Последние с большой подробностью рассказывают об этой поездке и связывают ее с просветительской деятельностью царя Соломона. (Перев.)

При сравнении с этим свидетельств Исаии ([Ис 22.8](#), [Ис 39.2](#)), Третьей книги Царств ([3Цар 10.17](#)) и Неемии ([Неем 3.19](#)) очевидно, что дворец из ливанского кедра был своего рода оружейной палатой, где было выставлено дорогое оружие и парадная утварь царя. (Перев.)

Это замечание Иосифа Флавия об Amyris Orobalsamum в связи с Аравией и царицей Савской обратило внимание на свойства этого высоко оцененного римлянами растения. Оно и ныне произрастает в Палестине. (Перев.)

Талант делился на 60 мин, каждая мина на 60 сиклей.

Имеется в виду залив на востоке Средиземного моря у г. Тарса, около устья реки Кидна, где расположена родина апостола Павла.

Уже в древности торговля чернокожими рабами была обычным явлением. (Перев.)

Здесь, вблизи от Вифлеема, находились знаменитые сады Соломона, см. [Песн 6.11](#) и [Еккл 2.5](#). (Перев.)

Вероятно, здесь имеются в виду почтовые станции, где во время переездов царь мог без задержки пользоваться готовыми колесницами. (Перев.)

По кн. Песнь Песней Соломона ([Песн 6.8](#)), в гареме Соломона имелось всего сто сорок наложниц, тогда как в Третьей книге Царств ([3Цар 11.3](#)) говорится о тысяче женщин. Иосиф Флавий, видя в Соломоне лишь пожилого сластолюбца, только последним и объясняет его терпимость к иноземным культам его сожительниц. Но такие культы были повсеместно распространены в государстве Соломона, тогда как законная жена Соломона, египетская царица, не имела, подобно другим женам, своего святилища на горе Масхит. (Перев.)

Софена — город в Самарии.

Это Шешонк, один из вождей-военачальников при тесте Соломона, основатель XXII династии египетских фараонов, так называемой ливийской (950—730 гг. до н.э.).

Более того, он стал зятем фараона Шешонка I и был готов стать новым царем евреев.

Город недалеко от Иордана, на северо-востоке от Суккота. (Перев.)

Эта глава рассказана по Третьей книге Царств ([3Цар 12.1 — 3Цар 13.9](#)) и по Второй книге Паралипоменон ([2Пар 10.1 — 2Пар 11.4](#)).

Это находится в противоречии с Третьей книгой Царств ([3Цар 13.26](#)), где читаем: «Пророк, возвративший его с дороги, услышав это, сказал: это тот человек божий, который не повиновался устам Господа; Господь предал его льву, который изломал и умертвил его, по слову Господа, которое он изрек ему». (Перев.)

Сезострис — египетский фараон, который, согласно греческой традиции, завоевал много стран. Его часто отождествляли с реальными египетскими правителями Сенусертом III и Рамзесом II. Вероятно, греки перепутали этих фараонов, слили воедино и необычайно преувеличили масштабы их завоеваний.

В 949 г. до н.э. Шешонк I, не без участия Иеровоама, осадил и взял Иерусалим и с богатой добычей вернулся в Фивы. На южной стене Карнакского храма перечислены все палестинские города, завоеванные египтянами во время этого похода. (Перев.)

Геродот (II, 104) рассказывает, что первоначально все египтяне, подобно прочим хамитам, соблюдали этот обычай. От египтян его переняли и евреи. Этот обычай отсутствует у финикийцев. (Перев.)

Находится к востоку от Вифиля, к северу от Иерихона. (Перев.)

Город в Иудее, родной город Саула.

Библейский Мареша, до нового времени сохранились его развалины под именем Мараш.
(Перев.)

Герар — древний филистимлянский город на границе между Газой и Вирсавией (Беер-Шебой).

Это библейский Фирца (Тирцах), расположен к северу от Сихема.

Это город Рама (Рамафа), уже ранее упоминавшийся.

Города на территории племени Неффалима, современные Телль-Нама, Абиль-эль-Камх, Дана.

Иппарх — начальник конницы.

Имя этого города по-еврейски — Шамерон, по-арамейски — Шамерайян, а по ассирийским надписям — Самирина, откуда явилось греко-латинское Самария. Царь Омри (у Флавия — Амарин) купил холм у некоего Шемера, на котором впоследствии возник город примерно в 922 г. до н.э. Вскоре стал центром культа Ваала, затем неоднократно подвергался нашествиям и разрушениям. Ирод Великий его восстановил и дал ему новое название — Себастия. (Перев.)

В основу содержания этой главы положены Третья книга Царств ([3Цар 15.8—15:3Цар 15.18—34](#); [3Цар 16.1—28](#)) и Вторая книга Паралипоменон ([2Пар 14.1 — 2Пар 16.6](#)).

Вaal (Бэл) — «господин», «владыка» — западно-семитский верховный бог, отождествлялся с шумерским Энлилем.

Город в Галилее — место рождения пророка Илии.

О нем см. ниже, IX, 14, 2, а также «Против Апиона» (I, 18) и выше. VIII, 5, 3.

По Библии ([3Цар 18.1](#); [Иак 5.17](#) и [Лк 4.25](#)), засуха продолжалась три с половиной года.

Из Третьей книги Царств ([3Цар 17.22](#)) очевидно, что ребенок был действительно мертв.
(Перев.)

Из позднейших преданий известно, что этот ребенок был сыном самого пророка и вдовы.
(Перев.)

Город в Самарии в долине Иезреель, современный Церхин.

В Третьей книге Царств ([3Цар 19.5](#)) читаем: «И лег, и заснул под можжевельным кустом. И вот, ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь и [пей]».

Авела — город в Палестине, к югу от Бет-Шана (Скифополиса), в долине Иордана.

Это библейский Венадад, дословно «Сын Адада». Ниже этот сирийский царь называется просто именем своего отца Адада. (Перев.)

Этот город носит название Афекана. Он, очевидно, не идентичен с Афеканой, упоминаемой в V, 11, 1, и лежал к востоку от Сунема, на южном склоне Малого Гермона. (Перев.)

В Третьей книге Царств ([3Цар 20.35—38](#)), откуда заимствован этот сюжет, имя пророка вовсе не упомянуто. (Перев.)

В основу рассказанного легло содержание Третьей книги Царств ([3Цар 20.1—43](#)).

Арамиса — город-убежище в племени Гад, современный Эс-Салт.

Это предопределение указывает на близость Иосифа Флавия к учению стоиков. Ср. ниже, XVI, 11, 8. (Перев.)

Библейский рассказ об этом событии, имеющийся в двух вариантах (соответственно [3Цар 22.6—28](#) и [2Пар 18.5—27](#)), не упоминает об указанном лжепророке, ни о его имени. Напротив, в библейских рассказах этот Седекия является чем-то вроде злого демона-искусителя, отправившегося к Богу и получившего, подобно сатане в книге Иова, разрешение действовать самостоятельно. Как у Иова, так и в этом случае демон, конечно, служит лишь орудием в руках Бога. Указание на бронзовые рога не вполне ясно, тем более что в Библии нет никаких указаний на эту затею Седекии. Здесь нужно иметь в виду прежнее богоотступничество Ахава, а в культах Ваала и Астарты рога на голове были неизменным атрибутом: Ваал часто изображался с бычьей головой, а Астарта — в облике коровы» (Перев.)

Одно из чтений названия города Арамисы.

Это еще один вариант чтения названия города Арамафы (Арамисы).

Об этом городе и особенно об окружающей местности см. [1Цар.](#)

Имеется в виду Понт Еквсинский, т.е. Черное море, по берегам которого уже тогда было большое число торговых городов. (Перев.)

Эта глава написана по данным Второй книги Паралипоменон ([2Пар 19.1—11](#); [2Пар 20.1—37](#)).

Следует иметь в виду, что уже в древности, как и теперь, дома на Востоке имели плоские крыши, где по вечерам собиралась вся семья для молитвы. (Перев.)

Это финикийское божество Веельзевул (Баалзевуху), бог города Аккарона, воплощение летнего зноя (Ср. [Мк 3.22](#); [Лк 11.15:18](#) и след.; [Мф 10.25](#); [Мф 12.24:27](#)).

Таксиарх — второй после главнокомандующего чин в армии, командир полка тяжеловооруженной пехоты.

Однако в Четвертой книге Царств ([4Цар 2.1—11](#)) подробно описаны последние мгновения пребывания пророка Илии на земле.

В основу рассказанного в этой главе положены Третья ([3Цар 22.40:52—54](#)) и Четвертая ([4Цар 1.1—17](#)) книги [Царств](#).

Это правивший в начале IX в. до н.э. царь Моава Меша. В августе 1864 г. была найдена стелла с надписью этого царя, которая имеет много точек соприкосновения с библейским текстом.

Очевидно, это личное предположение Иосифа Флавия, так как в Четвертой книге Царств ([4Цар 3.20—23](#)) нет этой вставки.

Здесь возможен иной перевод: не «на горах», а на «границе (своей) страны». (Перев.)

Жертвоприношение царских детей — часто зафиксированное в письменных источниках явление в западно-семитском мире древности. К примеру, в Третьей книге Царств ([3Цар 16.33—34](#)) сказано: «...Ахав делал то, что раздражает Господа, Бога Израилева. В его дни Ахиил Вефилянин построил Иерихон: на первенце своем Авираме он положил основание его и на младшем сыне своем Сегубе поставил ворота его, по слову Господа, которое Он изрек через Иисуса, сына Навина». Как известно из Книги Иисуса Навина ([Нав 6.25](#)), вождем израильтян после разрушения Иерихона было высказано проклятие: «Кто восстановит и построит город сей Иерихон, на первенце своем он положит основание его и на младшем своем поставит врата его». См. ниже, IX, 12, 1.

Очевидно, последующие события отражены в упомянутой выше надписи Мешы. В начале ее рассказано, что в течение сорока лет Моав был подчинен израильскому царю Амврию и его сыну Иораму, потому что главный бог моавитян Кемош «гневался на землю». Далее Меша свидетельствует: «И Кемош сказал мне: иди, отними населенный пункт Нево у Израиля. И я пошел ночью, и сражался с восхождения утренней зари до полудня, и взял город и всех избил, 7000 человек... женщин и дев я посвятил Кемосу, Астарте, и взял оттуда сосуды, посвященные Иегове, и доставил их пред лицо Кемоша...»

Здесь союзниками царя египетского и «царя островов» предполагаются хетты, упоминаемые в позднеассирийских источниках. Их страна, по сведениям ассирийских хроник, представляла собой обширное пространство от среднего Евфрата до Оронта. Во II тысячелетии до н.э. эти пространства входили в сферу влияния Хеттской державы. Затем здесь возникли небольшие по территории новохеттские царства, стремившиеся сохранить традиции великодержавной эпохи. Только со времени Саргона Ассирийского (721—705 гг. до н.э.) в состав «страны Хатти» включились истинно хананейские земли в «стране обетованной». С момента падения Хеттского царства под натиском «морских народов» местом обитания «хеттеев» стал о. Кипр, с главным городом Кеттион, и близлежащие мелкие острова. Поздние хетты использовались как наемники в армиях других государств. См. [4Цар 7.6](#).

Римский модий — около 8,75 л.

Лавена (Ливна) — город и местность между Бетелем и Сихемом. Впоследствии ассирийский царь Синахериб дважды осаждал этот город. (См. [Ис 36.1](#); [Ис 37.8](#)).

Въше, VIII, 12, 3, он именуется Васаном.

В Библии не сохранилось упоминаний о последствиях «сирийского» похода ассирийского царя Салманасара III (858—824 гг. до н.э.) на 18-м году его правления, в 846 г. до н.э., когда Иуй вместе с царями соседних государств сдался на милость победителя. Во втором ряду знаменитого «черного обелиска» Салманасара III изображен коленопреклоненный Иуй пред ликом царя-победителя в сцене приношения дани. В сопроводительной надписи значится: «Дань от Иахуа, сына Хумри, т.е.- Иуя, сына Амврия (ассир. Омри): серебро, золото, золотые сосуды, ведра с золотом, свинец... дерево — я получил». Правда, как известно, Иуй, будучи самозванцем и узурпатором, не был сыном и даже родственником Амврия и беспощадно расправился с его потомками. Рельефное изображение Иуя и его свиты — древнейшее из известных изображений израильтян.

В дальнейшем, как и в Библии, этот первосвященник носит имя Иодай. (Перев.)

Над ними, на страшной высоте, возвышался сам храм (см. «Иуд. война». VI, 3, 2). Недалеко были Конские ворота. О них упоминается у Неемии ([Неем 3.28](#)).

Эта глава написана на материале Четвертой книги Царств ([4Цар 11.1 — 4Цар 12.3](#)) и Второй книги Паралипоменон ([2Пар 22.10—12](#); [2Пар 23.1 — 2Пар 24.3](#))

Об этом городе точных сведений нет.

Это Яффа, ныне пригород Хайфы. В Библии вместо киликийского Тарса назван просто Тарсис, который идентифицируется с городом-царством Тартессом в Испании, куда, по Иезекиилю ([Иез 38.13](#)), финикийские купцы ездили со своими товарами. Тартесс был колонией Тира.

Иона, сын Амафиина, упомянут в Четвертой книге Царств ([4Цар 14.25](#)) как житель Израиля конца IX в. до н.э. Однако Ниневия, о которой идет речь в Книге пророка Ионы, стала большим городом и столицей Ассирии лишь на сто лет позже.

Это гора, название которой означает «раскол», «разрыв» и отождествляется с холмом Джебель-Абу-Тор. (Перев.)

Это Тиглатпаласар III (744—727 гг. до н.э.); после включения Вавилонии в состав Ассирии были отдельные царские списки в Ниневии и Вавилоне, где короновались ассирийские цари. В вавилонской летописи Тиглатпаласар III фигурирует под именем Пулу.

Действительно, в длинном перечне сдавшихся на милость победителя царьков после «сирийского» похода 738 г. до н.э. в летописи Тиглатпаласара III отмечен и «Минихимми уру Самирина» — Манаим из города Самарии.

В Библии ([4Цар 15.20](#)) подать составляла 50 сиклей.

Это поход 734 г. до н.э., и в ассирийской летописи Тиглатпаласара III засвидетельствовано: «Далекую землю Бит-Хурмии ... всех ее жителей, с их добром, я увез в Ассирию».

В основу рассказанного легли данные Четвертой книги Царств ([4Цар 15.8—29](#)), Второй книги Паралипоменон ([2Пар 27.1—6](#)) и содержание Книги пророка Наума ([Наум 2.1](#) и след.).

В Библии его имя Рецин; царь с таким именем упоминается в Четвертой книге Царств ([4Цар 15.37](#)).

Выше, VIII, 6, 4, этот город уже упоминался. Впоследствии это известный идумейский порт Элана. (Перев.)

Действительно, в летописи Тиглатпаласара III за 734 г. до н.э. в числе приносивших дань упомянут и «Иахухази мат Иаудаи» — Ахаз из страны Иудеи.

В летописи Тиглатпаласара III на этот счет сохранилось интересное свидетельство: «Факея, царя их, я умертвил; Аузи (Осию) я поставил над ними. 10 талантов золота... талантов серебра я получил в дар». Очевидно, здесь имел место заговор проассирийской партии в придворных кругах. Осия был в свите ассирийского царя во время похода против Дамаска.

Сын и наследник Тиглатпаласара III, Салманасар V (726—722 гг. до н.э.), в вавилонских летописях — Улулай.

Сой, Сох, по Библии ([4Цар 17.4](#)), Сигор, т.е. Шабака (греч. Сабакон) — кушитский царь, завоевал Египет и явился основателем XXV (кушитской) династии; правил в Египте в 726—718 гг. до н.э.

Действительно, Салманасар V в течение трех последних лет своего правления осаждал Самарию, но до конца жизни не успел ее взять. Это сделал, как следует из летописи его сына и наследника Саргона Ассирийского (722—705 гг. до н.э.), именно последний: «В начале моего царствования я осаждал и взял, с помощью бога Шамаша, даровавшего мне победу над моими врагами, город Самарию. 27 280 жителей я увел. Я взял 50 колесниц... Я взял и увел [пленных] в Ассирию. На их места поселил людей, моею дланью побежденных. Я поставил над ними моих чиновников и наместников и обложил их такой же данью, какая была при прежних [ассирийских] царях».

См. выше; это совершено уже в правление Саргона, хотя Мидия попала в сферу влияния ассирийцев еще в середине VIII в. до н.э.

Кроме мидян в их числе были представители кутийско-касситского населения. Еще арабские географы упоминали о реке Куга, ныне пересохшей, русло которой расположено к югу от Каспийского моря. (Перев.)

Из Четвертой книги Царств ([4Цар 17.25](#)) видно, что кара, постигшая их, была не чума, а что они стали добычей львов. (Перев.)

В основу рассказанного в этой главе положена Четвертая книга Царств ([4Цар 18.9—12](#); [4Цар 17.24—41](#)).

После падения Самарии и включения территории десяти израильских племен в ассирийские владения под властью Езекии остались земли племен Иуды и Вениамина с городом Иерусалимом.

Синахериб (705—681 г. до н.э.), сын Саргона Ассирийского. Иосиф Флавий не обратил внимания на действия Езекии, послужившие поводом для похода ассирийцев на израильтян, отмеченные в Четвертой книге Царств ([4Цар 18.7—8](#)); «И отложился от царя Ассирийского, и не стал служить ему. Он (Езекия) поразил филистимлян до Газы и в пределах ее, от сторожевой башни до укрепленного города». Предвидя неизбежное военное столкновение Ассирии с Египтом, Езекия и предпринял поход против ассирийских вассалов — филистимлян, в первую очередь против правителя города Экрона, Пади. Подробности случившегося сохранились в анналах Синахериба о его походе в Палестину в 701 г. до н.э.: «Наместники и цари Экрона, которые Пади, своего царя, союзника Ассирии, бросили в железные цепи и выдали Езекии-иудею, совершив враждебность, грех и злодеяние, испугались и призвали к себе царей Египта ... несчетную рать, и те пришли им на помощь».

В летописи Синахериба об этом сказано так: «А [что касается] Езекии-иудея, который не склонился под иго мое, [то] я окружил и завоевал приступом боевых машин и натиском таранов, боем пехоты, подкопами ... 46 городов его могучих, крепостей и мелкие селения, что в их окрестностях, которым нет числа. 200 150 человек, малых и больших, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот без числа я вывел из них и счел добычей. Его самого, подобно птице в клетке, я запер внутри Иерусалима, его столицы. И воздвиг против него укрепления и превратил выход из города в мерзость для него».

По сведениям ассирийской летописи, Езекия уплатил намного больше: « [Езекия] послал вслед за мною в Ниневию, город моего владычества, посольство с 30 талантами золота, 800 талантами отборного серебра, сурьмою, украшениями, большими кусками сердолика, ложами из слоновой кости, креслами из слоновой кости, слоновыми кожами, слоновой костью, кленовой древесиной, самшитовой древесиной, пестрыми льняными одеждами, фиолетовым пурпуром, красным пурпуром, бронзовой и железной утварью, медью, свинцом, железом, колесницами ... боевой утварью, которой нет числа, вместе со своими дочерьми, наложницами своего дворца, певцами и певицами, отправил для отдачи дани и исполнения своего рабства».

В этом случае Рапсак не личное имя, а придворный титул, производное от вавилонских «рабу» — «великий, значительный, большой» и «саг» — «голова». Иосиф Флавий прочитал как собственные имена и два последующих титула, приведенные в Четвертой книге Царств ([4Цар 18.17](#)),- «Тартан» и «Рабсарис». Второе является производным от упомянутого выше «рабу» и «Шарри» — «царский», т.е.- «Великий царя». Первое, «тартан»,- библейская передача вавилонского придворного титула «тарденну» — главнокомандующий, второй после царя военный чин в государстве.

В славянском переводе Библии ([4Цар 18.18](#)) Иоах назван «дееписателем».

В библейском тексте — «трость».

В Четвертой книге Царств ([4Цар 18.26](#)) — не «по-сирийски», а «по-арамейски».

Это древнейший известный по письменным источникам пример пропаганды перед войсками противника.

Пелузий — город в Нижнем Египте, в восточной части дельты Нила, традиционные ворота в страну из Передней Азии.

Настоящее имя — Тахарка; его носили несколько эфиопских царей, но они жили на поколение позже.

Геродот. II, 141.

Имя этого бога у Геродота — Сетос, созвучно имени египетского бога Сета, бога пустыни, бури и войны.

В условиях Египта ассирийцы широко применяли подвластные им воинские контингенты из аравийских стран.

У Геродота Синахериб — «царь арабов и ассирийцев».

о Беросе см. выше I, 3, 6 с прим. Мышь у древних семитов была символом чумы.

В этом месте греческий текст испорчен и предложенный перевод ненадежен. (Перев.)

В 682 или 681 г. до н.э. Синахериб определил своим наследником Асархаддона, одного из своих младших сыновей. Немалую роль при этом сыграла царица Закуту, сирийка по происхождению, любимая жена царя, мать Асархаддона.

Это Адармелик (Адармелех) и Шарру-уцур (Шарецер); недовольные решением царя и отца лишить их прав на престол, они сначала мирно воздействовали на Синахериба, но, не без колебаний, тот им отказал, и пролилась кровь.

В Библии ([4Цар 19.37](#), [Ис 37.38](#)), покушение свершилось в храме «Нисроха», т.е. Нинурты — бога успешной войны, отождествлявшегося с планетой Сатурн.

В Библии — «убежали в землю Араратскую».

В Библии — «Асардан». Это — Асархаддон, правивший с 681 по 669 г. до н.э.

См. ниже, 11-ю главу настоящей книги.

В Четвертой книге Царств ([4Цар 20.12](#)) он назван «Беродах Баладан, царь вавилонский», тогда как у Исаии ([Ис 39.1](#)) он упоминается под именем «Меродах Валадан». Это Мардук-апла-иддин II, первоначально халдейский вождь; захватил власть в Вавилоне и царствовал с 722 по 710 г. до н.э. Был низвергнут Саргоном Ассирийским в 710 г. до н.э. Вновь захватил верховную власть в Вавилоне в 703 г. до н.э. и сразу же послал упомянутое посольство к Езекии в Иерусалим. После египетского похода Синахериба, в 702 г. до н.э., разбил союзные вавилоно-эламские войска в битве при г. Кише, после чего Мардук-апла-иддин бежал в Элам, где вскоре скончался.

В основу рассказанного в этой главе положено содержание Четвертой книги Царств ([4Цар 20.1—19](#)), Второй книги Паралипоменон ([2Пар 32.24](#) и 31) и Книга пророка Исаии ([Ис 38.1—22](#) и [Ис 39.1—8](#)).

В Библии — Хефциба.

об этом во Второй книге Паралипоменон ([2Пар 33.11](#)) сказано: «И привел Господь на них военачальников царя Ассирийского, и заковали они Манассию в кандалы, и оковали его цепями, и отвели его в город Вавилон». По завещанию Асархаддона, его наследник Ашшурбанипал короновал своего младшего брата Шамаш-шум-укина вавилонским и халдейским царем. Пленение Манассии, вероятнее всего, связано с восстанием Шамаш-шум-укина в 653 — 647 гг. до н.э., создавшего в борьбе против верховной власти брата мощную коалицию, в которую входили и цари Восточного Средиземноморья.

Содержание этой главы является авторским пересказом Четвертой книги Царств ([4Цар 21.1—16](#)) и Второй книги Паралипоменон ([2Пар 33.1—11](#)).

В отличие от современного смысла этого слова в древнем Риме так именовали двух выборных должностных лиц, ведавших проведением ценза, т.е. Оценки имущества граждан для налогообложения.

В Четвертой книге Царств ([4Цар 22.8](#)) так переданы слова первосвященника: «Книгу закона я нашел в доме Господнем». Во Второй книге Паралипоменон ([2Пар 34.14](#)) сказано: «...священник нашел книгу закона Господня, данную рукой Моисея». Очевидно, что эта книга, получившая название «Второзаконие» и включавшая совершенно новые установления, была специально положена в храмовую сокровищницу инициаторами описанной выше реформы и якобы случайно найдена там. Это дало основание отнести окончательную редакцию кн. Второзаконие к 20-м годам VII в. до н.э.

Здесь греческий текст плохо сохранился и после слова «пророк» стоит «Ахиан», и, возможно, здесь указание на пророка Ахию, или Иадона, о котором упоминалось выше (VIII, 8, 5). (Перев.)

В основу содержания этой главы положены Четвертая книга Царств ([4Цар 21.19—22](#); [4Цар 20.3—20](#); [4Цар 23.1](#)) и Вторая книга Паралипоменон ([2Пар 33.21 — 2Пар 35.19](#)).

Это Нехо — фараон XXII династии египетских фараонов (610—594 гг. до н.э.).

В 612 г. до н.э. Объединенные войска мидян и вавилонян взяли приступом и разрушили столицу ассирийской державы Ниневию. Однако уцелела значительная часть ассирийской знати, возглавившая боеспособные контингенты ассирийской армии и продолжившая борьбу в окрестностях г. Харрана в северо-западной Месопотамии. Сюда и устремился Нехо — верный союзник еще полностью не сокрушенных ассирийцев.

Это Мегиддо Септуагинты (ср.: Геродот. II, 159 и [2Пар 35.22](#)), город в северной Палестине.

См. ниже, 7-ю главу настоящей книги.

Город находится вблизи Елевтерополя. Ср. выше: IX, 5, 1.

В 609 г. до н.э. Нехо и последний ассирийский царь Адпур-убаллит отступили под натиском вавилонян от Харрана, что означало окончательный крах Ассирии в мировой истории. Нехо и остатки ассирийского войска отступили в Сирию и расположились близ Хамата.

В Библии ([4Цар 23.33](#)) — «в Ривле, земле Емафской».

Вероятно, это Арума Книги Судей ([Суд 9.41](#)). (Перев.)

Сын Набопаласара, ассирийского наместника в Вавилонии, провозгласившего независимость страны и ставшего первым царем Ново-Вавилонского царства. В 607 г. до н.э. Набопаласар назначил своего наследника Навуходоносора главнокомандующим армии.

Т.е. Кархемьш — город в верхнем течении Евфрата, важнейший узел караванных путей между Месопотамией, Сирией и Малой Азией.

Битва под Кархемьшем, имевшая место весной 605 г. до н.э., остается одним из наиболее значительных сражений древнего мира.

Царь Иоаким отдал вавилонянам часть дорогих сосудов из Иерусалимского храма и как заложников знатных иудейских юношей.

В известной Вавилонской хронике, где рассказано о войне Вавилонии с Ассирией и последовавших затем походах Навуходоносора II, сообщено, что в 597 г. до н.э. вавилонский царь «осадил город Иудеи (т.е. Иерусалим) ... захватил город и взял в плен царя. Он назначил туда царя, который был ему по сердцу, получил тяжелую подать и послал ее в Вавилон...»

Эти события имели место в 595 г. до н.э.

Т.е. Навуходоносора. (Перев.)

После смерти египетского фараона Нехо его преемник Псамметих II (594—588 гг. до н.э.) начал подготовку к новой войне с Вавилонией. Египетские эмиссары активизировали свою деятельность в Палестине и сопредельных странах. В 594 г. до н.э. в Иерусалиме тайно собрались послы царей государств Моава, Эдома, Аммона, Тира и Сидона для переговоров с иудейским царем Седекией о совместном выступлении против Вавилона. После этого иудейские послы отправились в Египет просить помощи у фараона.

В 589 г. до н.э. началось восстание против Вавилонии в Иерусалиме, и вскоре Навуходоносор вместе с союзниками осадил Иерусалим. В эти дни в Египте умер фараон Псамметих II, и его преемник Априя (589—570 гг. до н.э.) направил армию и флот на помощь союзникам-иудеям. Прервав осаду Иерусалима, Навуходоносор оттеснил армию Априя к границам Египта.

По Иеремии ([Дан 32.1—16](#)), пророк, будучи заключенным в темницу Седекией, публично оформил покупку у своего двоюродного брата участка земли в этом селении.

Войска Навуходоносора возобновили осаду Иерусалима летом 587 г. до н.э.

Большинство рукописей имеет следующий вариант: «Погрузившись по шею, пророк ... а народ обступил его». (Перев.)

Более точна библейская транскрипция — Риала (Рибла); этот город находился на большой дороге из Вавилона в Палестину.

Этих имен полководцев в Библии нет. Из вавилонских источников известно, что в числе полководцев, штурмовавших Иерусалим, был и будущий царь Нергал-шарру-уцур (Нериглиссар). Ср.: [Иер 39.3](#)

См. [Иер 32.4](#).

См. [Иез 12.13](#).

Это начальник царских телохранителей Набу-зер-иддин, который прибыл в Иерусалим спустя месяц после падения города.

См. выше, VIII, 3, 5.

Из Иеремии ([Иер 37.21](#); [Иер 38.13:28](#)) следует, что Седекия не вернул свободы пророку

Возможно, здесь название местности искажено, так как по другим источникам оно неизвестно.

Это случилось в 582 г. до н.э. Египтяне выдали упомянутому выше разрушителю Иерусалима Набу-зер-иддину укывшихся в стране 745 иудеев.

В основу рассказанного в этой главе легли данные Четвертой книги Царств ([4Цар 25.22](#)) и Книги пророка Иеремии ([Иер 52.16](#); [Иер 40.1—16](#); [Иер 41.1](#) — [Иер 43.7](#))

В основу рассказанного положено содержание Книги пророка Даниила ([Дан 1.1—20](#); [Дан 2.1 — Дан 3.100](#) и [Дан 4.1—34](#))

Мегасфен — советник Селевка I Никатора (311—281 гг. до н.э.), в 90-х гг. III в. до н.э. был отправлен послом к индийскому царю Чандрагупте (греч. Сандракотту), оставил описание Индии, сохранившееся только частично, главным образом у Страбона. Сведения о походах Навуходоносора у Мегасфена вымышлены и не подтверждаются документальными источниками.

В древности так именовалась вся Африка.

В этом случае синоним Испании.

Это, вероятно, Диокл Пепарефский, живший не позже III в. до н.э. (Перев.)

об этом писателе, кроме сказанного здесь, ничего неизвестно. (Перев.)

В Четвертой книге Царств ([Дан 25.27](#)) и Книге пророка Иеремии ([Иер 52.31](#)) — «Евиль-меродах», вавилонское Авиль-Мардук (562—560 гг. до н.э.), старший сын Навуходоносора II.

Нериглиссар (560—556 гг. до н.э.), халдей по происхождению, военачальник, выше упоминался как один из полководцев, штурмовавших Иерусалим в царствование Навуходоносора II. Совершил покушение на Авиль-Мардука, последний был убит. Был женат на дочери Навуходоносора II. Правил не сорок, а всего четыре года.

Это Лабашу-Мардук, был отстранен от власти сторонниками вавилонской знати.

Это Набонид; правил с мая 556 по октябрь 539 г. до н.э.

Здесь явное недоразумение: Дарий не мидянин, а представитель персидского царского рода Ахеменидов и правил намного позднее Кира.

Приведенные здесь слова — из арамейского, а не из греческого языка.

Дословно «мене, мене, текел, упарасин» по-арамейски значит — «исчислен, исчислен, взвешен и разделен».

Иосиф Флавий имеет здесь в виду Киаксара II, сына последнего мидийского царя Астиага (585—550 гг. до н.э.). Введение этой мифической личности в историческую канву основано, вероятно, исключительно на смутном воспоминании о том, что персидскому господству предшествовало мидийское владычество. Имя Астиага было забыто и его заменили очень распространенным персидским именем «Дарий». Вавилония никогда не находилась во власти мидян. (Перев.)

Сатрапы (др.-перс. «ситраб») — в Древнем Иране наместник области (сатрапии), пользовавшийся неограниченной гражданской властью.

Сузы (Шушан, греч. Хоасп) — древний город, столица Элама.

В основу рассказанного в этой главе легли данные Четвертой книги Царств ([4Цар 25.27—30](#)) и Книги пророка Даниила ([Дан 5.1 — Дан 6.28; Дан 8.1—26](#)).

Кир — основатель державы Ахеменидов. Здесь имеется в виду 539 г. до н.э., когда после завоевания Вавилона он стал и местным царем.

Действительно, Кир II издал эдикт о восстановлении Иерусалимского храма, который сохранился в библейской книге Ездры в двух версиях: на древнееврейском и арамейском языках. См. [Езд 1.2—4](#) и [Езд 6.3—5](#).

Это место, в котором отсутствуют данные о длине здания, безусловно испорчено. Заметка в Первой книге Ездры ([Езд 6.4](#)), где говорится: «рядов из камней больших три, и ряд из дерева один; издержки же пусть выдаются из царского дома», привела к неправильному пониманию Иосифом Флавием этого места. Здесь имеются в виду отнюдь не стены храма, а лишь стена, окружавшая его внутренний двор (Ср. [3Цар 6.3](#)). (Перев.)

Фиал — у древних греков — чаша в виде широкой бутылки с узким горлышком; позднее — чаша, кубок.

Только общая сумма предметов сходится у Иосифа Флавия с библейскими данными, в частности есть большие отклонения. Ср.: [Езд 1.9—11](#). (Перев.)

По Геродоту (I, 192), артаба, персидская мера сыпучих веществ, равна одному аттическому медимну и трем аттическим хеникам.

Иные рукописи Иосифа Флавия приводят здесь число 42 462. В этом случае сохранено число, упомянутое в Библии. (Перев.)

В основу содержания этой главы легли данные Первой книги Ездры ([Езд 1.1—11](#); [Езд 2.1—15](#)) и Книги пророка Исаии ([Ис 44.28](#)).

Это Салманасар V (726—722 гг. до н.э).

Индо-иранский союз племен в бассейне Амударьи.

о смерти Кира II, последовавшей в 529 г. до н.э., древние авторы свидетельствуют различно. Самый распространенный рассказ сохранился у Геродота (III, 201—214).

Камбиз правил с 529 по 522 г. до н.э.

В основу рассказанного легли данные Первой книги Ездры ([Езд 4.4—21](#)).

Геродот (I, 101) считает магов особой кастой жрецов, отличавшихся особенным искусством в астрологии и волшебстве.

Это представители семей из персидского царского рода Ахеменидов. См. Геродот, III, 68—88.

Рассказанное в этом месте является дополнением самого Флавия.

Число сатрапий не превышало, по данным документальных источников, двадцати пяти.

Этот рассказ, с некоторыми изменениями и дополнениями, взят из Второй книги Ездры ([2Езд 3.1 — 2Езд 4.46](#)), которой нет на древнееврейском и древнегреческом языках. Она известна только по латинскому тексту Вульгаты. (Перев.)

Т.е. священников.

Это явно преувеличенное число объясняется, вероятнее всего, ошибкой в тексте. (Перев.)

Т.е. утренние и вечерние жертвы. (Перев.)

Т.е. Яффы.

Начальник области.

олигархия (греч.) — власть немногих, чаще — государство с таким правлением.

До сих пор рассказ этой главы соответствует содержанию Первой книги Ездры ([Езд 3.1—13](#); [Езд 4.1—4](#); [Езд 5.3—5](#); [Езд 6.5—22](#)).

Ксеркс правил в 486—464 гг. до н.э.

У Иосифа Флавия в этом случае поставлено слово «постофорион», что означает маленькую часовню при храме.

Здесь точное чтение не установлено: различные рукописи приводят различные написания.
(Перев.)

В основу рассказанного легли данные Первой книги Ездры ([Езд 7.1—26](#)), Третьей книги Ездры ([3Езд 8.1](#)). Первой книги Ездры ([Езд 9.1—15](#); [Езд 10.1—44](#)), Третьей книги Ездры ([3Езд 9.1—56](#)), Второй книги Ездры ([2Езд 8.1—18](#); [2Езд 1.1](#); [2Езд 2.19 — 2Езд 7.73](#)).

Подобно тому как выше (5, 6) упоминается Ксеркс вместо Артаксеркса II (404—359 гг. до н.э.), так и этот Асвир, или, по Библии, Агасфер, есть известный в истории Ксеркс, сын Дария III. (Перев.)

В Библии — Астин.

То же, что и багряница — царственные пурпурные одежды.

Имеется в виду последний персидский царь (336—330 гг. до н.э.) из династии Ахеменидов — Дарий III.

Филипп II, царь Македонии в 356—336 гг. до н.э., был убит во время свадебных торжеств, устроенных в г. Эги в связи с браком его дочери Клеопатры с эпирским царем. Убивший царя Павсаний был придворным гвардейцем. Относительно мотивов этого загадочного убийства высказывались различные версии: личная месть Павсания за надругательство над ним, происки македонской аристократии, недовольной возрастающим всевластием Филиппа, месть терявшей свое положение супруги царя властолюбивой олимпиады и ее желание утвердить на престоле Александра, заговор самого Александра с целью обретения власти. Убийство произошло накануне выступления Филиппа (завершившего объединение Македонии и подчинившего Грецию) в грандиозный поход «возмездия» против Персии. Поэтому существует также предположение, что убийство македонского царя было инспирировано персами.

Александр, сын Филиппа и Олимпиады, был провозглашен македонским царем в 336 г. до н.э., когда ему было 20 лет. Укрепив свое положение в Македонии и Греции, он весной 334 г. со своим войском переправился через Геллеспонт (пролив Дарданеллы) и вскоре у реки Граник одержал блестящую победу над персами. Затем двинулся в Лидию, бывшую персидской сатрапией. Главный город Лидии Сарды сдался Александру без боя. Греческие города Ионии (области на западном побережье Малой Азии) также не оказали ему сопротивления (за исключением Милета) — действуя под лозунгом освобождения греков от персидского владычества, Александр снискал там симпатии демократов. В Карий (юго-восток Малой Азии) при осаде Галикарнаса он одержал победу над силами местного персидского сатрапа и греческими наемниками, находившимися на службе у персов. Зимой 334 г. до н. э. Александр вторгся в Памфилию (область на юге Малой Азии). Основная часть его войска добралась туда через труднодоступные горы, сам же Александр со свитой прибыл в Памфилию по узкой тропе, с одной стороны которой были отвесные скалы, с другой — бушующее море. То обстоятельство, что ветер с моря в это время стих (хотя тропа и была залита водой), послужило для ряда античных историков основанием для легенды о чудесном успокоении моря у ног великого завоевателя.

Киликия — область на юго-восточном побережье Малой Азии (к востоку от Памфилии).

К этому времени Александр, покорив Памфилию, двинулся во Фригию (центр Малой Азии). Там в г. Гордии он соединился с остальными силами своего войска, действовавшими ранее в центральных областях Малой Азии. В этом городе македонский царь, по сообщениям ряда античных историков, разрубил так называемый гордиев узел, которым были связаны поводья древней колесницы фригийских царей. По преданию, тот, кто сможет развязать этот узел, должен стать царем Фригии (или всей Азии), но это не удавалось никому. Потерпев неудачу в попытках развязать узел, Александр разрубил его мечом (по другой версии — просто вынул из хомута заклепку, крепившую поводья). Из Фригии Александр двинулся к югу — в Киликию. Задержавшись там на некоторое время из-за болезни в г. Тарсе, он направился в Сирию. В пути Александр получил известие, что противник оказался у него в тылу — в недавно покинутом им киликийском городе Иссе. Персидское войско, в два или три раза превосходившее по численности силы Александра, на сей раз возглавил сам царь Дарий III. Он отказался от своего первоначального плана не вступать в крупные сражения с македонянами в Малой Азии и попытаться перенести военные действия в тыл противника — в Грецию и Македонию. Неудачи заставили Дария перейти к более решительным действиям.

Битва при Иссе произошла глубокой осенью 333 г. да н.э. Александр разгромил персидское войско. В ходе боя цари едва не встретились лицом к лицу, но Дарий бежал. Александр захватил лагерь персов, мать, жену и детей Дария. Но к родственникам Дария он проявил великодушие и не унизил их царского достоинства.

Сразу после победы при Иссе Александр направил в Дамаск своего полководца Пармениона для захвата находившегося там обоза персидского царя. Македонянам досталась огромная добыча — в обозе находилась походная казна Дария III.

Город Сидон (так же как Арад и Библ) подчинился Александру без боя. Занимая финикийские города, Александр лишал баз морские силы Дария III (в значительной степени персидский флот состоял из финикийских кораблей). Только самый могущественный город Финикии Тир оказал македонскому завоевателю упорное сопротивление. Осада его длилась семь месяцев.

Тир был взят в июле или августе 332 г. до н.э. По приказу Александра к городу, расположенному на острове в полутора километрах от берега, была насыпана дамба, с окружавших же его кораблей и плотов действовали метательные машины, были подвезены тараны и другая осадная техника. Сквозь пролом в стене македоняне ворвались в город. Расправа Александра с жителями Тира была жестокой — после ужасной резни оставшихся в живых продали в рабство, а тех, кто был способен носить оружие, распяли на крестах (по сведениям Квинта Курция, к крестам были пригвождены две тысячи человек).

оборону Газы, расположенной на юге Палестины, возглавлял преданный Дарию перс Бетис (Квинт Курций. История Александра Македонского. IV, 6).

Расправа над защитниками Газы была не менее жестокой, чем в Тире. Во время осады Александр был ранен в плечо стрелой — на него совершил покушение араб-перебежчик. После взятия города женщины и дети были проданы в рабство, всех, кто сопротивлялся с оружием в руках, убили. Попавшего в плен Бетиса по приказу Александра привязали за ноги к колеснице, и кони проволокли его тело вокруг разрушенного города.

По сообщению Квинта Курция (История Александра Македонского. IV, 7), после взятия Газы Александр сразу двинулся в Египет и прибыл туда через 7 дней.

Парменион (400—330 гг. до н.э.) — выдающийся македонский полководец, представитель высшей знати. Его высоко ценил Филипп II. После убийства Филиппа Парменион был среди тех, кто добился провозглашения Александра царем. Опытный полководец принял деятельное участие во многих походах Александра в качестве его первого помощника. В 330 г., после казни заговорщиков, среди которых был сын Пармениона Филота, престарелого полководца убили по приказу Александра.

Вероятно, речь идет о видении, изложенном в восьмой главе Книги пророка Даниила, где аллегорически повествуется о гибели «царя Персидского» (овен) от руки «царя Греции» (козел, идущий над землей). Однако если иудео-христианская традиция относит время создания Книги пророка Даниила к VI в. до н.э., то еще с античных времен существует мнение (имеющее многих приверженцев и в наши дни), что эта книга была написана в середине II в. до н.э., и ее пророчества в действительности являются аллегорическим изложением уже произошедших событий. Это доказывается, в частности, лингвистическим анализом, истолкованием числовой символики и т.д.

Александр Македонский скончался 13 июня 323 г. до н.э. От малярии в Вавилоне в возрасте 33 лет.

Диадохи — полководцы Александра Македонского, разделившие после его смерти территорию огромной державы. Преемников диадохов обычно называют эпигонами.

Раздел державы, созданной завоеваниями Александра Македонского, который описывает Иосиф, относится к одному из промежуточных периодов борьбы между диадохами (данная ситуация сложилась примерно к 311 г. до н.э.).

«Сотер» по-древнегречески означает «спаситель».

Агатархид Книдский (ок. 200 — ок. 120 гг. до в. э.) — придворный историк и географ Птолемея, живший в Александрии.

Александр Македонский был царем с 336 по 323 г. до н.э. Птолемей I Сотер правил Египтом с 323 г. до н.э. как сатрап, а с 305 г. и до своей смерти в 282 г. как царь. Птолемей II Филадельф ("любящий сестру") — соблюдая древние обычаи фараонов, он первым из Птолемеев женился на собственной сестре Арсиное — царствовал в Египте с 282 г. до н.э. (по некоторым сведениям, с 285 г.) по 246 г.

Речь идет о знаменитой александрийской Библиотеке, ставшей крупнейшей библиотекой античности. Там же, в Александрии, Птолемеем I был основан Мусейон ("храм муз") — крупный научный центр, где видные ученые того времени занимались исследованиями в области математики (например, Эвклид), астрономии, зоологии, ботаники, филологии и т.д. Птолемеи покровительствовали развитию науки и культуры, и Александрия по праву считается крупнейшим центром эллинистической культуры.

Гекатей из Абдеры — писатель IV в. до н.э. Известен прежде всего своими фантастическими повествованиями о народах дальних стран.

Имеется в виду Арсиноя — жена (она же сестра) Птолемея II.

В эллинистическую эпоху физика (как наука о природе) являлась частью философии. Огромное внимание проблемам физики уделялось учеными александрийского Мусейона, столь лелеемого Птолемеем II.

В данном случае трудно установить, о каком Аристее говорит Иосиф.

Это остров Фарос, замыкающий александрийскую бухту. (Перев.) Здесь в 299—279 гг. до н.э. был построен знаменитый маяк высотой 110 м, считавшийся одним из семи «чудес света».

Вероятно, речь идет о Феопомпе Хиосском (IV в. до н.э.), историке и риторе, известном своим морализаторством и прежде всего обличениями дурных склонностей выдающихся исторических личностей.

Феодект (IV в. до н.э.) — автор трагедий, из которых сохранились лишь названия и отрывки десяти из них.

Селевк I Никатор ("победитель") — один из полководцев Александра Македонского, основавший в ходе борьбы между диадохами державу Селевкидов, куда вошли Сирия, Месопотамия, Малая Азия и ряд других восточных территорий, которые были завоеваны Александром.

По-видимому, речь идет о масле, которое использовалось при занятиях борьбой в гимназиях. Несмотря на процесс эллинизации, что выразилось и в занятиях иудейской молодежи в этих заведениях, строгие нормы иудаизма, связанные с понятием ритуальной нечистоты, все же продолжали соблюдаться.

Антиохия, основанная на реке Оронте Селевком I в 300 г. до н.э., была одной из столиц державы Селевкидов. С 64 г. до н.э. стала резиденцией римских наместников Сирии.

Лициний Муциан был наместником Сирии в период борьбы за власть в Римской империи после смерти Нерона. Активно поддерживал Веспасиана.

Веспасиан, командовавший римскими войсками в Иудее во время Иудейской войны, был провозглашен императором в 69 г. н.э. Его сын Тит стал соправителем в 71 г.

Марк Випсаний Агриппа (64—12 гг. до н.э.) — один из ближайших сподвижников Октавиана Августа, его наиболее талантливый полководец.

Это Антиох II Теос — правитель Селевкидской державы с 261 по 246 г. до н.э.

Антиох III Великий-селевкидский царь (223—187 гг. до н.э.). Значительно расширил свои владения на востоке, однако в борьбе за Грецию и ряд территорий Малой Азии потерпел поражение от римлян.

Келесирией в античности называли либо долину между хребтами Ливаном и Антиливаном, либо Южную Сирию с Палестиной.

Птолемей IV Филопатор — царь (222—205 гг. до н.э.) из династии Птолемеев.

Полибий (201—120 г. до н.э.) — один из крупнейших историков античности, автор «Всемирной истории» в 40 книгах, в которой изложены события с начала Пунических войн (264 г. до н.э.) до разрушения римлянами Карфагена (146 г. до н.э.).

Это, вероятно, ошибка. Антиох не имел решительно никакого повода посылать такое письмо Птолемию, своему врагу, войска которого были им разбиты. Кроме того, выше ясно говорится, что письма царя были адресованы его военачальникам и приближенным. (Перев.)

Персидская мера емкости (около 10 литров).

Здесь, видимо, вкралась неточность. Антиох заключил союз с Птолемеем Филадельфом раньше, а именно в 217 г. (Перев.)

С первосвященниками этого имени мы имели случай встречаться уже выше. Их было всего четыре. Хоний I, сын и преемник Иаддуя (XI, 8, 7), вероятно, тот, которого Флавий ниже (XII, 4, 10) ошибочно смешивает с Хонием III; к нему-то, по Первой книге Маккавейской (12.7,8,20), спартанский царь и обратился с посланием. Внуком этого Хония был Хоний II при Птолемеях Эвергете (247—222 гг. до н.э.). Хоний III, внук Хония II, был первосвященником при сирийском царе Селевке IV Филопаторе (187—175 гг.) и отличался большим благочестием. Его сын Хоний IV основал около 160 года храм в египетском городе Леонтополе. (Перев.)

См. XII, 2, 5. (Перев.)

Селевк IV Филопатор правил со 187 по 175 г. до н.э.

Ср.: [1Мак 12.7:19—20](#). Здесь может быть указание на Арея I, который царствовал в Спарте с 309 до 265 г. до н.э. Поэтому и первосвященником тут может быть только Хоний I, а не Хоний III. Впрочем, имя Арея встречается в этой форме лишь в латинском переводе Первой книги Маккавейской и здесь, у Флавия (также ниже, XIII, 5, 8); в греческом и сирийском тексте оно переделано в «Дария». (Перев.)

Т.е. Хония.

Кроме приведенных здесь Флавием данных, об этом Тире ничего более неизвестно. (Перев.)

Антиох IV Эпифан — правитель Селевкидской державы в 175—163 гг. до н.э.

Птолемей V Эпифан правил с 204 по 180 г. до н.э.

Птолемей VI Филометор царь из династии Птолемеев (180—145 гг. до н.э.).

См. X, 11, 7.

Селевкидская эра считается с 312 г. до н.э., когда Селевк I вступил в Вавилон. Следовательно, Антох Эпифан овладел Иерусалимом в 170 г. до н.э. (Перев.)

То были приверженцы первосвященника Менелая. (Перев.)

Летосчисление по олимпиадам было введено в середине III в. до н.э. греческим историком Тимеем и математиком Эратосфеном. Точкой отсчета стал год проведения первых олимпийских игр (776 г. до н.э.). Олимпиада включала в себя четыре года.

Гекатомбеон — название месяца, взятое Иосифом Флавием из местных календарей (возможно. Смирны). Примерно соответствовал панему в сирийско-македонском календаре.

Т.е. в 166 г. до н.э.

Т.е. в 165 г. до н.э.

Из крепости Акры, возведенной в Иерусалиме Антиохом IV.

Т.е. в декабре 164 г. до н.э.

В честь освящения храма и его торжественного очищения Иудой Маккавеем установлен праздник Ханукка ("обновление")

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 5.35](#)) этот город называется Масфа.

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 5.36](#)) — Хасфон.

Это, вероятно, упоминаемая Плинием (V, 16) Рефана, один из десяти сирийских городов на южном берегу ручья Гиеромакса или одного из его притоков. (Перев.)

Это Аштероф-Карнаим ([Быт 14.5](#)). Этот храм двурогой богини Астарты назывался Атергатион, а сама богиня — Атаргатис. (Перев.) Атаргатис была одной из почитаемых арамейских богинь в эллинистическое время. В ее образе слились черты богини любви и плодородия Астарты и богини охоты и битвы Анат.

В Первой книге Маккавейской ([Быт 5.44](#)) об этом говорится следующее: «Тогда взяли они этот город и сожгли огнем капище со всеми находившимися в нем: и побежден был Карнаин и не мог более противостоять Иуде».

В основу содержания этой главы легли данные Первой книги Маккавейской ([1Мак 5.1—68](#)). (Перев.)

Такого города на самом деле не существовало. Некоторые комментаторы полагают, что тут имеется в виду Экбатана. (Перев.) В Первой книге Маккавейской ([1Мак 6.1](#)) этот город назван Елимаис.

Артемида — в древнегреческой мифологии богиня охоты, сестра-близнец Аполлона. В классическом варианте выступала как девственница и защитница целомудрия. Однако в ряде мест почиталась как богиня растительности и плодородия, в частности в Эфесе, где был построен знаменитый храм Артемиды (сожженный в 356 г. до н.э. Геростратом и затем восстановленный), который причислялся к семи «чудесам света». Известно, что, будучи в Эфесе, Александр Македонский принес щедрые жертвы этому храму.

Антиох IV умер в 163 г. до н.э. Его сыну Антиоху V Эвпатору ("эупатор» — «рожденный славным отцом") было тогда 9 лет.

Т.е. в 160 г. до н.э.

В «Иудейской войне» (I, 1, 5) Иосиф Флавий приводит другие данные — 50 000 человек пехоты, 5000 всадников и 80 слонов.

около 13 км.

обыкновенно щиты были покрыты чехлами. В бою их блеск должен был ослеплять врагов.
(Перев.)

По «Иудейской войне» (I, 1, 5), сражение при Бет-ЗахариИ произошло после того, как селевкидское войско взяло Бет-Цуру.

Субботним годом у иудеев был каждый седьмой год. В этот год посевы не производились, чтобы не истощать землю. Это было обосновано авторитетом религии. В Библии установление субботнего года приписывается самому богу, который повелел на горе Синай Моисею объявить израильтянам: «Шесть лет засевай поле твое и шесть лет обрезывай виноградник твой, и собирай произведения их, а в седьмой год да будет суббота покоя земли, суббота Господня: поля твоего не засевай, и виноградника твоего не обрезывай; что само вырастет на жатве твоей, не сжинай, и гроздов с необрезанных лоз твоих не снимай; да будет это год покоя земли...» (Лев 25.3—5). С субботним годом связан «юбилейный» (пятидесятый) год (7x749). Во время субботнего года нельзя было вести военные действия, но в случае нападения извне иудеи не прекращали сопротивления захватчикам и в этот год, о чем, например, свидетельствует яростный отпор осажденных в Иерусалиме селевкидскому войску Лисия в субботний год.

Маловероятно, чтобы распоряжения, подобные нижеизложенным, отдавал 9—10-летний мальчик. Очевидно, это были распоряжения Лисия от имени малолетнего царя.

Деметрий был сыном Селевка VI Филопатора; в Риме он находился в качестве заложника.

Антиох V Эвпатор был царем Селевкидской державы в 163—162 гг. до н.э.

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 7.43—45](#)) говорится о том, что Никанор был убит первым, и войско его разбежалось, так что битва свелась главным образом к преследованию бежавших.

По данным Первой книги Маккавейской ([1Мак 9.54—56](#)), смерть Алкима последовала лишь тринадцать месяцев спустя после кончины Иуды Маккавея. (Перев.)

Речь идет, очевидно, не о Галатии (области в центре Малой Азии), покоренной Римом значительно позднее, а о территории Северной Италии, заселенной галлами (кельтским народом). Этим галлов Рим окончательно покорил к концу Второй пунической войны (218—201 гг. до н.э.)

Иберия — греческое название древней Испании. Римляне захватили значительную ее часть в ходе Второй пунической войны. Однако дальнейшее завоевание Пиренейского полуострова Римом заняло еще несколько десятков лет.

Это древний Карфаген, основанный финикийцами в IX-VIII вв. до н.э. на территории нынешнего Туниса. Могущество сильной Карфагенской державы было сломлено Римом в ходе Пунических войн. После второй из них Карфаген утратил все свои внеафриканские владения. Однако сам город был взят и разрушен римлянами в 146 г. до н.э.

Македонский царь Филипп V (238—179 г. до н.э.), союзник Карфагена во Второй пунической войне, потерпел сокрушительное поражение от римлян в 197 г., что привело к утрате македонской гегемонии в Греции. Окончательное поражение царю Македонии Персею Рим нанес в 168 г. Македония и Греция попали в зависимость от Римской державы, а в 146 г. до н.э. Греция стала римской провинцией. Антиох III Великий потерпел неудачу в своих попытках воспрепятствовать римской экспансии в Греции. После ряда поражений он был вынужден отказаться от своих европейских и малоазиатских владений.

Это произошло в 161 г. до н.э.

По Первой книге Маккавейской ([1Мак 9.5](#)), у Иуды было три тысячи человек.

Иуда Маккавей погиб в 161 г. до н.э.

В Первой книге Маккавейской Асфар назван озером ([1Мак 9.33](#)).

Т.е. в 152 г. до н.э.

Речь идет о мятеже Александра Баласа.

Скорее всего здесь авторская ошибка. Ни в одном из сочинений Иосифа Флавия об этом ничего не говорится.

Праздник Кущей ("суккот") — вначале был праздником урожайного цикла и праздновался в течение семи дней после уборки урожая. Затем ему было придано иное символическое значение. Праздник стал связываться с преданиями об исходе евреев из Египта, где говорится, что странствовавшие по пустыне евреи жили в шатрах. В последний день праздника совершается торжественное богослужение (этот день называется «радость Торы").

«Топос» — «местность», «архэ» — «власть» (др.-греч.). В данном случае речь идет о территориях, подвластных Деметрию I Сотеру, царствовавшему в селевкидской державе со 162 по 150 г. до н.э. и павшему жертвой мятежа Александра Баласа.

См. [Ис 19.19](#).

Это египетская богиня Баст. Богиня радости и веселья древних египтян изображалась в виде женщины с головой кошки (кошка была священным животным богини Баст). Бубастис — главное место культа богини.

См. «Иуд. война». VII, 10, 3.

Т.е. в 147 г. до н.э.

Дагон — древнее семитское божество (см. прим. 1 к книге шестой).

Этот сюжет в сочинениях Иосифа Флавия больше нигде не встречается.

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 11.17](#)) — Завдиил.

Александр Балас правил державой Селевкидов в 150—145 гг. до н.э.

Деметрий II Никатор ("победитель") правил в Селевкидском государстве со 145 по 139 138 г. до н.э.

Речь идет об Антиохе VI Эпифане, сыне Александра Баласа.

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 11.60](#)) говорится о городах, расположенных на другом берегу Иордана.

Т.е. был подтвержден прежний договор, заключенный Иудой Маккавеем в 161 г. до н.э. между Иудеей и Римом.

Эфоры — в Спарте (Лакедемонe) пять должностных лиц, которым принадлежала высшая власть. Эфоры избирались на год всеми полноправными спартанцами. Коллегия эфоров обладала правом контроля над всеми сферами жизни спартанского общества: воспитанием подрастающего поколения, поведением взрослых граждан, деятельностью царей, которых при необходимости они могли привлекать к ответственности. Эфоры ведали набором ополчения, сопровождали царей в военных походах. Фактически в их руках находилась вся политическая жизнь Спарты.

Герусия — в Спарте совет старейшин (геронтов), высший политический орган. В герусию входили два царя и 28 граждан (не моложе 60 лет), избираемых пожизненно народным собранием. Герусия созывалась эфорами и готовила решения по наиболее важным государственным делам.

Подробнее о фарисеях, саддукеях и ессеях см. «Иуд. война» (II, 8, 2—14).

очевидно, имеется в виду парфянский царь Митридат I (Аршак VI) из династии Аршакидов.

об этом рассказывается в Первой книге Маккавейской ([1Мак 14.1—3](#)).

В Первой книге Маккавейской ([1Мак 13.11](#)) этот город назван Иоппией.

Точное месторасположение этого города неизвестно.

Здесь следует, вероятно, дополнить: «в течение восемнадцати лет». (Перев.)

В 140 г. до н.э. Симон получил наследственное звание первосвященника, стратега и этнарха, сосредоточив таким образом в своих руках верховную религиозную, военную и гражданскую власть. Еще от Деметрия II Никатора Симон добился освобождения от уплаты Иудеей дани селевкидским царям. При Симоне Иудея обрела полную независимость от Селевкидов.

Т.е. в 312 г. до н.э.

Это крепость Акра.

«Трифон» (др.-греч.) — «роскошь, изнеженность».

Как селевкидский царь Антиох VII (138—129 гг. до н.э.) имел прозвище Сидет, а не Сотер.

Симон был убит в 135 г. до н.э. Его убийство было результатом происков Антиоха VII, который пообещал власть над Иудеей зятю Симона Птолемею, бывшему военачальником в районе Иерихона. Когда Симон с женой и сыновьями Маттафией и Иудой объезжал города Иудеи, Птолемея пригласил их в Иерихон на пир, где Симон и был убит. По Первой книге Маккавейской, младшие братья Иоханана Гиркана были убиты вместе с их отцом.

Разные системы датировки, используемые здесь Иосифом Флавием, затрудняют установление точной даты этого события. К тому же автор при датировке по олимпиадам обычно не указывает год (один из четырех) той или иной олимпиады (как принято было делать). Скорее всего в данном случае следует говорить о 134 г. до н.э.

Использование чужеземных наемников вместо гражданского ополчения было одним из моментов эволюции государства Хасмонеев в эллинистическую монархию.

Пятидесятница — «шебуот» (др.-евр. «праздник недель») — справляется на 50-й день после Пасхи. Поначалу был земледельческим праздником жатвы у древних евреев, затем получил иной смысл — праздника в память дарования богом Торы (Пятикнижия) Моисею на горе Синай.

очевидно, речь идет об одном из правителей парфянской династии Аршакидов — Фраате II (139—129 гг. до н.э.).

Деметрий II Никатор царствовал вторично в 129—125 гг. до н.э.

В «Иудейской войне» (I, 2, 6) — хутяне.

Преторы — высшие магистраты в Риме того времени, подчинявшиеся консулам. Занимались судопроизводством.

Комиции — народное собрание.

Речь идет о правителе эллинистического Египта Птолемеи VIII Фисконе (145—116 гг. до н.э.).

Антиох VIII Грип правил в Селевкидской державе со 125 по 96 г. до н.э., ведя ожесточенную борьбу за престол.

По названию этого греческого города Антиох IX получил свое прозвище — Кизикенский; он правил на части территории государства Селевкидов в 115—95 гг. до н.э.

Птолемей IX Лафур правил в эллинистическом Египте (совместно с Клеопатрой III) в 116—107 гг. до н.э.

Страбон (ок. 64/63 — 24 гг. до н.э.) — знаменитый античный географ и историк, уроженец города Амасии (на северном побережье Малой Азии). Известен прежде всего своими капитальными трудами «География» (сохранилась полностью) и «Исторические комментарии» (до нас дошли лишь отрывки).

Иоханан Гиркан скончался в 104 г. до н.э.

Аристократ, не удовлетворившись завещанным ему отцом саном первосвященника, в 104 г. до н.э. принял царский титул. Таким образом, он стал первым царем Иудеи после почти полутысячелетнего перерыва. Вавилонский плен положил конец царской власти в Иудее. Вероятно, желая подчеркнуть этот момент, Иосиф Флавий и говорит о 481 годе после возвращения из вавилонского плена применительно к дате возложения царской диадемы на Аристократа. Но Иосиф дает неточную цифру — если исходить из его данных, то датой возвращения иудеев (конечно, уведена в плен была только часть иудейского населения, главным образом социальная верхушка) следует считать 585 г. до н.э., а не традиционно принятое начало 30-х годов VI века.

Смерть Аристобула I наступила в 103 г. до н.э.

Т.е. город, переименованный затем Иродом I в Кесарию.

Несколько ранее (XIII, 9, 3 и 10, 1) Иосиф называет его Антиохом Грипом и подробно описывает его родственные связи с Антиохом Кизикенским.

Т.е. Клеопатрой III.

Т.е. таких, из которых каждый должен был вступить в бой с сотней противников. (Перев.)

Больше об этом Иосиф Флавий ни в одном из своих произведений не сообщает.

Речь идет о египетских иудеях.

Селевк VI Эпифан Никатор — селевкидский правитель в 96—95 гг. до н.э.

Антиох X Благочестивый — селевкидский царь в 95—83 гг. до н.э.

«Эукерос» (др.-греч.) — «своевременный».

Именно об этом у Иосифа Флавия больше ничего не говорится.

См. выше, III, 10, 1. (Перев.)

Писидия — страна воинственных горцев (в горах Тавра).

По «Иудейской войне» (I, 4, 4), имя этого аравийского царя — Обеда.

В «Иудейской войне» (I, 4, 5) иные цифры: 1000 всадников, 8000 наемной пехоты и еще 10 000 сторонников из иудеев.

Фракийцы пользовались славой беспримерно жестоких. (Перев.)

Митридат II правил в Парфии со 124 по 88 г. до н.э.

Филипп I Филадельф был царем части Селевкидской державы в 94—83 гг. до н.э.

Антиох XII Дионис был одним из царей Селевкидского государства в 87—84 гг. до н.э. Правление нескольких царей в этой эллинистической державе было одним из проявлений охватившего ее кризиса.

Птолемей, сын Менная, был тираном Халкиды (области в Келесирии), Арета правил набатеями, обитавшими к востоку от Иордана.

Александр Яннай правил в Иудее со 103 по 76 г. до н.э.

Здесь, как и несколько ниже, в греческом тексте заметен пропуск. (Перев.)

Тигран Великий — правитель Армении (95—55 гг. до н.э.). Ему удалось захватить часть Месопотамии, Сирию, Киликию и Каппадокию. Он находился на селевкидском престоле с 83 по 69 г. до н.э.

Луций Лициний Лукулл — римский полководец, в 74—70 гг. до н.э. — проконсул Киликии и Азии, нанес решающее поражение царю Понта Митридату VI Эвпатору, а затем Тиграну Великому.

Митридат VI был тестем Тиграна Великого. Рим начал войну с Тиграном из-за его отказа выдать Митридата.

Речь идет о стране, располагавшейся на территории современной Грузии.

Александра (Саломея) правила с 76 по 67

По летосчислению по олимпиадам — это 70 г. до н.э., если же исходить из данных римских консульских списков — 69 г.

около 8 литров. (Перев.)

Гней Помпей (106—48 гг. до н.э.) к этому времени приобрел в Риме славу выдающегося полководца. Он подавил восстание Сертория в Испании, участвовал в подавлении восстания Спартака, всего за сорок дней очистил Средиземное море от пиратов, разгромил понтийского царя Митридата VI Эпатора, подчинил Риму правителя Армении Тиграна Великого. В результате его завоеваний на востоке в римские провинции были превращены Понт и Вифиния, Армения признала вассальную зависимость от Рима. В 63 г. до н.э. римской провинцией стала и Сирия.

Эмилий Скавр прибыл в Иудею по поручению Помпея в 64 г до н.э.

Главный храм Рима, посвященный Юпитеру (в римской мифологии — царь богов), а также его супруге богине Юноне (богиня брака и материнства) и Минерве (богиня мудрости, покровительница ремесел и искусств). Именно к этому храму направлялись триумфальные шествия римских полководцев, чтобы там принести жертву из захваченной добычи.

В «Иудейской войне» — Дион.

Митридат VI, разгромленный римлянами, бежал на Боспор (некогда им завоеванный) к своему сыну Фарнаку. Когда последний поднял мятеж против отца, Митридат приказал рабу убить себя. Произошло это в 63 г. до н.э. Фарнак несколько позднее, воспользовавшись гражданскими войнами в Риме, попытался отвоевать у римлян Понт. Тогда Юлий Цезарь в августе 47 г. стремительно перебросил свои войска из Египта в Малую Азию и с ходу разбил Фарнака в битве у Зелы. Фарнак был убит во время бегства. Об этой своей победе Юлий Цезарь сообщил предельно краткой фразой, ставшей крылатым изречением: «Пришел, увидел, победил».

См. Об этом также в «Иудейской войне» (I, 6, 6).

В 63 г. до н.э. Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н.э.) — выдающийся римский оратор, писатель, общественный деятель. 63 год был апогеем его политической деятельности. На этот год он был избран консулом, и в этом качестве прославился подавлением заговора Катилины.

Тит Ливий (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.) — крупнейший римский историк, автор капитального труда «История Рима от основания города» из 142 книг. К сожалению, текст тех книг, в которых идет речь о событиях, излагаемых здесь Иосифом, не сохранился.

Фауст Корнелий был сыном Луция Корнелия Суллы (138—78 гг. до н.э.), известного римского государственного деятеля и полководца. В 83 г. до н.э. Луций Корнелий Сулла установил свою диктатуру в Риме, а в 79 г. Отказался от власти. Как полководец одержал ряд блестящих побед, в том числе над Митридатом VI. Фауст Корнелий Сулла в дальнейшем оказался среди противников Юлия Цезаря и погиб.

Центурион — в римской армии командир центурии (сотни).

Стол.

Здесь изложена более точная, чем в «Иудейской войне» (I, 7, 6), версия посещения Помпеем Иерусалимского храма.

Corona muralis — золотой зубчатый венок был традиционной римской наградой для воина, который первым взбирался на стену вражеского города.

В состав провинции Сирии.

Легион ("legio" — «набор») — боевая единица римской армии. После реформы Мария (107 г. до н.э.) легион, состоявший из 5—6 и более тысяч человек, подразделялся на 10 когорт по 500—600 воинов в каждой. Когорты делились на манипулы.

Авл Габиний был консулом в 58 г. до н.э. Следовательно, став в 57 г. наместником Сирии, он управлял ею в качестве проконсула, а не претора. Управление римскими провинциями бывшими консулами и преторами было введено во времена диктатуры Суллы.

Эти события изложены и в «Иудейской войне» (I, 8, 3—4) причем Иосиф дает там еще более восторженную оценку храбрости Марка Антония, будущего союзника, а затем главного соперника Октавиана Августа в борьбе за власть в Риме.

По «Иудейской войне» (I, 8, 5), три вышеназванные крепости были разрушены по просьбе матери Александра.

Иерусалим (с ранее единственным в Иудее синедрионом) утратил, таким образом, свое значение столицы. В этой реформе был реализован типично римский политический принцип: «Разделяй и властвуй».

Аристобул II правил в Иудее с 67 по 63 г. до н.э.

об этом говорится в «Иудейской войне» (I, 8, 7), но еще более кратко. Птолемей XII Авлет был изгнан александрийцами, но добился поддержки у Помпея и Красса, двух участников первого триумvirата (в этот негласный союз входил и Юлий Цезарь). По их приказу Габиний вторгся в Египет и снова возвел на престол Птолемея XII. Поскольку этим Габиний нарушил волю римского сената, он вскоре был отозван для суда в Рим, а наместником Сирии в 54 г. стал Красс.

Архелай был поставлен у власти в Александрии вместо изгнанного Птолемея XII.

Библейская гора Табор, ныне Джебелет-Тур. (Перев.)

В борьбе за парфянский престол между сыновьями убитого Фраата III Митридатом и ородом победил последний. Митридат спасся бегством и попытался получить помощь у римлян для захвата власти в Парфии.

В «Иудейской войне» (I, 8, 8) Иосиф повествует об этом также кратко. Римское войско потерпело сокрушительное поражение от парфян при Каррах в 53 г. до н.э. С гибелью Красса распался и первый триумvirат.

Гай Кассий Лонгин был квестором Красса. Он управлял Сирией с 53 по 51 г. до н.э.

Имеются в виду события начала 49 г. до н.э., когда Юлий Цезарь со своим войском из Галлии, перейдя Рубикон, стремительным броском овладел Римом.

Наместником Сирии в 49—48 гг. до н.э. был ревностный сторонник Помпея Квинт Цецилий Метелл Сципион. Он участвовал в битве при Фарсале на стороне Помпея.

Решающую победу над Помпеем Цезарь одержал в июле 48 г. до н.э. при Фарсале (на северо-востоке Греции). Помпей бежал в Египет, но был там убит. Юлий Цезарь, преследуя Помпея, высадился в Египте.

Здесь содержится явное противоречие с тем, что сообщает сам Иосиф в «Иудейской войне» (I, 9, 3). Там он говорит, что не Юлий Цезарь послал войска Митридату, которые остановились у Аскалона, а, наоборот, Митридат стремился в Египет и был вынужден остановиться у Аскалона. Версия «Иудейской войны» выглядит гораздо убедительнее. Митридат, царь Пергама, спешил с войском на выручку Цезарю в Египет, где последний в Александрии отбивался от значительно превосходящих сил египтян (невероятно, чтобы в этой исключительно сложной ситуации Цезарь мог послать войска Митридату). Конфликт же в Египте произошел из-за вмешательства Юлия Цезаря в спор о египетском престоле между Птолемеем Дионисом и Клеопатрой. Митридат оказал существенную поддержку Цезарю. Соединившись с Митридатом, Цезарь разгромил египтян и отдал египетский престол очаровавшей его Клеопатре.

Это так называемый онийский округ, где жили египетские евреи.

Иудейский стан (лагерь) — это название местности, как сообщает Иосиф Флавий в «Иудейской войне» (I, 9, 4).

Азиний Поллион (76 г. до н.э. — 4 г. н.э.) — римский оратор, общественный деятель (консул в 40 г. до н.э.), поэт, историк. Известен как покровитель выдающегося поэта Вергилия. «История» Азиния не сохранилась. Известен также как основатель первой публичной библиотеки в Риме.

Т.е. 13 декабря. Идами римляне называли тринадцатый или пятнадцатый день месяца.

Это храм Конкордии на римском Форуме. В римской религии существовало обожествление некоторых абстрактных понятий. Так было обожествлено и персонифицировано в виде богини Конкордии понятие согласия (гражданского согласия).

В данном случае имеются в виду территориальные трибы (округа). Одной из форм народных собраний в Риме были трибутные комиции, где голосование происходило по трибам (каждая триба имела один голос).

Неясно, какую дату избрал в данном случае Иосиф Флавий для начала отсчета правления Гиркана II.

Притания — исполнение обязанностей афинскими должностными лицами — пританами — из числа Совета 500. Обязанности пританов исполнялись поочередно в течение года представителями каждой из десяти фил, на которые были разделены афинские граждане. Срок исполнения своих обязанностей каждым пританом составлял 35—36 дней. По пританам афиняне вели исчисление времени.

Архонты — высшие должностные лица в Афинах. По имени первого архонта (эпонима) назывался год.

Мунихион (по афинскому календарю) примерно соответствует апрелю.

очевидно, принадлежавший к Эрхии (дему, т.е. части филы, в Аттике).

Хариты — в древнегреческой мифологии богини радости и женской красоты. Наиболее известны были три хариты: Аглая ("блеск"), Талия ("цвет"), Эвфросина ("радость"). Обычно их изображали в виде трех прекрасных обнаженных девушек. В Риме харит стали называть грациями.

Дионис — у древних греков бог растительности, виноградарства и виноделия. В честь Диониса устраивались празднества — дионисии (Великие дионисии. Сельские дионисии, Леней), сопровождавшиеся жертвоприношениями, хоровым пением, торжественными процессиями, театральными представлениями и состязаниями поэтов.

Панафинеи — главный афинский праздник в честь богини Афины. Великие Панафинеи праздновались раз в четыре года в течение пяти дней. Кульминационным моментом праздника было торжественное шествие с жертвами и новой одеждой, сотканной женщинами Афин для статуи богини в храме Эрехтейон на Акрополе. Празднество включало в себя также конкурсы музыкантов и певцов, соревнования атлетов, колесниц и т.д.

Элевсинские мистерии — официальные культовые празднества в Афинах в честь богини плодородия Деметры и ее дочери Персефоны. В основе символического содержания элевсинских мистерий лежал миф о похищении Персефоны богом подземного царства мертвых Аидом. Персефона получила возможность две трети года проводить с Деметрой (и тогда природа плодоносит), но треть года она должна была оставаться с Аидом (в этот период года плодоносящие силы земли замирают). В мистериях могли принимать участие только посвященные — только им открывался сокровенный смысл культовых действий. Во время празднества совершалось торжественное шествие из Афин в близлежащий Элевсин, происходило посвящение в мисты, приносились жертвы Деметре, совершались культовые действия, недоступные для непосвященных.

Юлий Цезарь возвратился в Рим после победы над Фарнаком. В Риме он сумел погасить бунт легионеров, пообещав выполнить их требования, и вскоре отправился с шестью легионами в Африку, где находились крупные силы сторонников Помпея во главе с полководцем Метеллом Спипионом, ярым республиканцем и противником всякого единовластия Марком Порцием Катонем Младшим и нумидийским царем Юбой. В апреле 46 г. до н.э. в битве при Тапсе Цезарь разгромил своих противников. Катон и Юба покончили жизнь самоубийством.

Император — высший почетный титул полководцев в республиканском Риме. Юлий Цезарь получил этот титул от своих воинов еще во время наместничества в Испании. В 45 г. до н.э. титул императора был присвоен ему сенатом (после разгрома Цезарем сыновей Помпея в Испании). Верховный жрец (*pontifex maximus*) — высшая жреческая должность в Риме. Юлий Цезарь был избран великим понтификом еще до своего наместничества в Испании.

Диктатор — должностное лицо в Риме, наделенное высшими чрезвычайными полномочиями на срок не более шести месяцев. В первый раз Цезарь получил полномочия диктатора осенью 49 г. до н.э., во второй раз — после победы при Тапсе (на десять лет); в 44 г. решением сената Юлий Цезарь был провозглашен пожизненным диктатором.

Этнарх — правитель области, в данном случае Иудеи.

Консул — высшее должностное лицо в Римской республике. На каждый год народное собрание избирало двух консулов. Гай Юлий Цезарь был консулом в 59 г., 48 г., 46 г. и 44 г. до н.э. Он отказался от присвоенного ему в 45 г. десятилетнего консульства.

Это постановление относится к 44 г. до н.э., так как пятое консульство Цезаря приходится на этот год.

Легат — в данном случае скорее всего чиновник из канцелярии наместника либо заместитель командующего армией.

Парос — один из островов Кикладской группы в Эгейском море. Остров Делос также находится в этом архипелаге.

Марк Антоний и Юлий Цезарь были избраны консулами на 44 г. до н.э. Поскольку Юлий Цезарь был убит в марте этого года, то коллегой-консулом Марка Антония стал Публий Корнелий Долабелла (избираемый в таких случаях консул назывался консулом суффектом).

Квесторы ведали финансовыми делами, их учетом. В военных походах они сопровождали консулов.

Т.е. 11 апреля.

Т.е. 9 февраля.

Азия — территория бывшего Пергамского царства в Малой Азии, ставшая римской провинцией в 129 г. до н.э.

Леней — название месяца в одном из местных календарей Малой Азии. Соответствует дистру в сирийско-македонском календаре.

Календы — в римском календаре первое число месяца. За двенадцать дней до октябрьских календ — 20 сентября.

Это римские консулы 49 г. до н.э.

Военный трибун — римский офицер (в легионе было от четырех до десяти трибунов).

Народный трибун — римский магистрат, избиравшийся только из плебеев как защитник их прав и интересов. Он имел право вето на решения магистратов, мог опротестовать решение сената. Пропретор — бывший претор, назначенный наместником провинции после окончания своей претуры.

Проквестор — квестор в провинции.

Т.е. постановление народного собрания.

Фаргелион — название месяца в афинском календаре. Соответствует дасию в сирийско-македонском календаре.

Сарды — город в Малой Азии (некогда столица Лидийского царства).

Кос — остров в Эгейском море.

Квинтилий — пятый месяц в древнеримском календаре (год начинался с марта). После смерти Юлия Цезаря был переименован в «юлий» (июль). По реформе календаря, осуществленной Юлием Цезарем, год начинался с 1 января.

Лаодикея — город в Малой Азии на реке Лик.

один из консулов суффектов 45 г. до н.э., избранный на три последних месяца этого года, так как Юлий Цезарь сложил с себя звание консула.

Траллы — город в Малой Азии.

Милет — город на юго-западном побережье Малой Азии.

Галикарнас — город на юго-западном побережье Малой Азии. В честь правителя Мавсола (371—353 гг. до н.э.) в городе был воздвигнут Мавзолей, считавшийся одним из семи «чудес света».

Анфестерион — название месяца в афинском календаре. Соответствовал дистру в сирийско-македонском календаре.

На Капитолии находился государственный архив Рима (Табулярий).

Это произошло в 46 г. до н.э.

Луций Стаций Мурк, прибывший в Сирию с тремя легионами, был наместником этой провинции в 45—43 гг. до н.э.

Гай Юлий Цезарь был убит в здании сената 15 марта 44 г. до н.э. Во главе заговора стояли Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. Вскоре после этого в Риме началась новая полоса гражданских войн.

Гай Кассий Лонгин прибыл в Сирию наместником вопреки решению комиций, которое отменяло прежнее решение Цезаря. Сирия должна была достаться не Кассию (ему была определена Киренаика), а Долабелле, сыгравшему важную роль в установлении порядка в Риме в связи с массовыми выступлениями плебса из-за убийства Цезаря. Но Кассий прибыл в Сирию в конце 44 г., раньше Долабеллы.

Иосиф Флавий, очевидно, имеет в виду соперничество за власть между консулом Марком Антонием и молодым (ему было всего 19 лет) Октавианом, усыновленным в свое время Цезарем, сразу после убийства Цезаря. Это соперничество вылилось в военные действия, когда Марк Антоний двинул войска в Галлию, чтобы расправиться с противником Цезаря Децимом Брутом, а против Антония выступили основные силы римской армии во главе с консулами и Октавианом. Антоний был разбит, однако в ноябре 43 г. до н.э. Октавиан, Марк Антоний и наместник Нарбоннской Галлии Эмилий Лепид заключили союз (так называемый второй триумвират).

При заключении своего договора триумвиры условились, что Лепид должен стать консулом на следующий год и остаться в Риме, а Антоний и Октавиан поведут легионы на восток, где обосновались их главные противники Марк Юний Брут (в Македонии) и Гай Кассий Лонгин (в Сирии).

Кассий отправился с войском в Малую Азию, чтобы соединиться с Брутом. Соединение их сил произошло в начале 42 г. до н.э. в Сардах. Затем они двинулись в Македонию, куда прибыли легионы Антония и Октавиана.

В «Иудейской войне» (I, 12, 1) Иосиф называет его Феликсом.

Речь идет о Мариамме из рода Хасмонеев.

В октябре 42 г. до н.э. при Филиппах (в Македонии) Антоний и Октавиан разгромили Брута и Кассия. После этой победы триумвиры разделили управление территорией государства: Антонию достались восточные провинции, Октавиану — западные, Лепид получил Африку.

Эпархия — греческий эквивалент латинского термина «провинция».

В ходе первого боя при Филиппах Брут обратил в бегство войска Октавиана, Кассий же потерпел поражение от Антония и покончил жизнь самоубийством. Во втором сражении Антоний и Октавиан разгромили легионы Брута. Бежавший Брут пронзил себя мечом.

Речь идет о правительнице Египта Клеопатре VII, сумевшей до этого очаровать Юлия Цезаря (у них родился сын Цезарион). Будучи любовницей Цезаря, Клеопатра два года жила в Риме (до его убийства). Ее приезд в киликийский Тарс, где находился Антоний, по сообщению Плутарха, был обставлен чрезвычайно помпезно. Женское обаяние 28-летней Клеопатры, окружавшие ее роскошь и праздность пленили Марка Антония. С этих пор начался его пылкий роман с Клеопатрой, который смогла прервать только смерть.

Мессала — римский сенатор.

Так называлось предместье Антиохии, славившееся своей красотой и служившее любимой резиденцией сперва Селевкидам, а затем и римским полководцам. Здесь находилась знаменитая роща из лавровых деревьев (отсюда название местности) с храмом Аполлона. (Перев.)

Тетрарх — титул правителя четвертой части какого-либо региона. Тетрархами называли также не только «четверовластников» в строгом смысле этого слова, но и мелких властителей вообще.

Парфяне захватили почти всю Сирию в конце 41 или в начале 40 г. до н.э. Пакор был сыном парфянского царя орода I.

Приморский город в Галилее между Тиром и Птолемаидой. (Перев.)

В «Иудейской войне» (I, 13, 5) Иосиф называет этого сирийского богача Сарамаллой.

По «Иудейской войне» (I, 13, 8) — Иродион.

очевидно, речь идет о событиях 41—40 гг. до н.э., когда произошел острый конфликт между Октавианом и консулом 41 года Луцием Антонием (братом Марка Антония), вместе с которым действовала Фульвия, жена Марка Антония. Октавиан осадил противников в городе Перузии и принудил их сдаться. Сохранив жизнь Луцию Антонию и Фульвии, он жестоко расправился с жителями и защитниками Перузии. Обеспокоенный Марк Антоний прибыл в Рим, однако до сражения дело не дошло. Конфликт был урегулирован новым соглашением (фактически повторявшим прежнее), триумvirат сохранился.

Трирема — корабль с тремя рядами весел.

Т.е. Октавиан. После усыновления Юлием Цезарем он сменил свое имя на Гай Юлий Цезарь Октавиан (прежнее имя было Гай Октавий Фурий). С 40 г. до н.э. (о событиях этого года как раз и идет речь) он именовался Императором Цезарем.

Т.е. в 40 г. до н.э.

Публий Вентидий Басс, легат Антония, прибыл в Иудею в 39 г. до н.э. В 39—38 гг. Он нанес парфянам ряд крупных поражений, вернув Риму восточные провинции. За это он был удостоен титула императора и триумфа.

Т.е. Иоппия.

Это был 37 г. до н.э.

Речь идет о свадьбе Ирода и Мариаммы из рода Хасмонеев.

Конечно, Сосий не сравнивал Антигона с Антигоной, которая была, по греческой мифологии, дочерью фиванского царя Эдипа и похоронила вопреки приказу царя брата-изменника, за что была осуждена на мучительную смерть, но покончила с собой. Сосий хотел подчеркнуть беспомощность Антигона, называя его женским именем.

По спискам римских консулов — это 37 г. до н.э. При датировке по олимпиадам Иосиф снова не указывает порядковый год очередной олимпиады (почему-то назван месяц).

Антигон — последний правитель из рода Хасмонеев — был казнен в 37 г. до н.э. Определяя срок правления этой династии, Иосиф противоречит себе, так как ранее он сообщал, что Иуда Маккавей стал править со 166 г. до н.э. (XII, 6, 3). Возможно, Иосиф ведет отсчет правления этой династии со 163 г., исходя из того, что именно в этом году Иуда стал первосвященником (XII, 10, 6).

Фраат IV — царь Парфии (ок. 40—3 гг. до н.э.).

До 100 г. н.э. легионы не имели знамени из материи. Знаком легиона было изображение орла (из серебра или золота).

В свой первый поход на Парфию Антоний выступил в 36 г. до н.э.

Речь идет о Птолемее XIV, втором муже (и брате) Клеопатры. Он скончался в 44 г. до н.э. в пятнадцатилетнем возрасте. Возможно, его отравили.

Арсиния была сестрой Клеопатры. Во время бурных событий в Александрии, когда там находился Юлий Цезарь, она была провозглашена александрийской царицей. Однако Цезарь восстановил на престоле Клеопатру. Арсиния была убита по воле Клеопатры, когда та заручилась уже покровительством Марка Антония.

Храмы имели право убежища — человека, скрывавшегося в храме, нельзя было ни убить, ни схватить. Иосиф Флавий, сообщая эту подробность, тем самым обвиняет Клеопатру в святотатстве.

Этот поход Антоний предпринял в 34 г. до н.э.

Артавазд II был царем Армении в 55—34 гг. до н.э. Его брат Артаксес царствовал с 34 по 20 г.

Речь идет о походе в Армению Тиберия Клавдия Нерона в 20 г. до н.э. Тогда на армянский престол взошел Тигран III (20—8 гг. до н.э.). Тиберий стал именоваться Цезарем лишь после его усыновления Октавианом Августом в 4 г. н.э.

Решающее сражение между Октавианом и Антонием произошло на море у мыса Акций (греческое побережье Ионийского моря) в сентябре 31 г. до н.э. В этом морском бою Клеопатра оставила боевые порядки флота Антония и отплыла в Египет, что сыграло немалую роль в поражении Антония. Сухопутная армия Антония без боя перешла на сторону Октавиана. Летом 30 г. Октавиан вторгся в Египет и довольно легко завоевал его, превратив вскоре в римскую провинцию. Антоний покончил с собой, немного позднее это сделала и 39-летняя Клеопатра, предпочтя смерть позору участия в триумфе Октавиана. Октавиан стал единоличным правителем Римской державы. В 27 г. сенат присвоил ему имя Августа ("возвеличенного богами"), и он стал именоваться «Император Цезарь Август». В истории Рима началась эпоха Империи, хотя внешне государство выглядело республиканским (все республиканские учреждения и должности были сохранены), а себе Октавиан взял титул принцепса (первого в сенате). Отсюда период в истории Римской империи до конца III в. (до императора Диоклетиана) определяют как эпоху принципата. Основы принципата как формы государственного правления были заложены Октавианом Августом.

Т.е. до Мертвого моря.

Гладиаторы, о которых идет речь, были подготовлены Антонием (или Клеопатрой) для участия в играх, которыми он хотел отметить свою победу над Октавианом. Гладиаторы находились в Кизике (южное побережье Мраморного моря) и после поражения Антония при Акции попытались по суше пробиться в Египет к своему хозяину. Их продвижение было остановлено наместником Сирии Квинтом Дидием. В разгроме гладиаторов существенную помощь Квинту Дидию оказал Ирод. Квинт Дидий сорвал также замысел Клеопатры бежать из Египта через Красное море в Африку или Индию. По его приказу арабы сожгли корабли Клеопатры.

Речь идет не о галлах, а о галатах. Галаты (кельтский народ) в 70-е годы III в. до н.э. вторглись в Малую Азию, в центре которой и осели, дав название этой области (Галатия). С 25 г. до н.э. Галатия стала одной из римских провинций. Немало галатов служили наемниками у эллинистических правителей.

Квадрига — колесница с запряженными в один ряд четырьмя лошадьми.

В 25 г. до н.э. по распоряжению Октавиана Августа наместник Египта Элий Галл двинулся в поход на юг Аравийского полуострова. Несмотря на захват некоторых городов Химьяритского царства, поход оказался неудачным.

Марк Випсаний Агриппа, друг Октавиана с юности, в то время был фактически вторым человеком в империи после Октавиана Августа.

Ее звали Мариаммой, как и казненную Иродом Мариамму из рода Хасмонеев.

Как уже говорилось, в «Иудейской войне» (I, 21, 10) Ирод, по словам Иосифа Флавия, назвал эту крепость Иродионом.

Пирей был портом Афин (имел три гавани). При Перикле (V в. до н.э.) от Афин до Пирея были сооружены стены в несколько километров длиной, которые обеспечивали безопасность связи между Афинами и Пиреем.

Нерон Клавдий Друз (38—9 гг. до н.э.) был младшим сыном третьей жены Октавиана Ливии (и младшим братом Тиберия, будущего императора).

Т.е. Кесарии.

они были сыновьями Ирода от Мариаммы из рода Хасмонеев.

Пифагор (540—500 гг. до н.э.) — древнегреческий философ. О его философском учении достоверного известно мало. Пифагор учил о бессмертии души, о переселении душ, проповедовал необходимость очищения души и тела, особое внимание уделял числовой символике, пытаясь при помощи ее осмыслить мироздание. В Южной Италии, в г. Кротоне, основал религиозно-философскую школу-братство с общим имуществом на принципах строгого аскетизма. Пифагорейская община взяла власть в Кротоне и проводила антидемократическую политику.

В «Иудейской войне» (I, 21, 1) Иосиф говорит о том, что Ирод заново отстроил храм на пятнадцатом году своего правления.

Речь идет о персидских царях Кире II (559—530 гг. до н.э.) и Дарии I (522—486 гг. до н.э.).

Иосиф Флавий говорит здесь о первом храме, возведенном при царе Соломоне и о втором, построенном вместо разрушенного Навуходоносором в конце VI в. до н.э. при тогдашнем персидском сатрапе Зоровавеле.

Эти священнослужители должны были строить те части храма, куда запрещался вход мирянам. (Перев.)

Здесь текст представляет пропуск, восстановленный мною по латинскому переводу.
(Перев.)

Конечно, Соломон вовсе не был первым царем Иудейским. Его здесь и в других местах (например, XX, 10) Иосиф называет так, потому что желает характеризовать Соломона как первого действительно блестящего и могущественного государя евреев. (Перев.)

Луций Вителлий был наместником Сирии в 35—39 гг. н.э., Тиберий же был императором с 14 по 37 г. н.э.

Следовательно, это могло произойти в период с 45 по 47 г. н.э.

Это Агриппа II, сын Агриппы I.

Капитель — венчающая часть колонны. Коринфские капители (наиболее пышные из всех видов греческих капителей) представляли собой расширяющиеся кверху чаши, украшенные стилизованными листьями и завитками.

Вот этот текст, найденный недавно: «Ни один иноземец не смеет войти за решетку и ограду святилища. Кто будет схвачен, тот сам станет виновником собственной смерти». (Перев.)

об освобождении раба-еврея через шесть лет говорится в книге Исход ([Исх 21.2](#)).

Архелай — последний царь Каппадокии (36 г. до н.э. — 17 г. н.э.). В 17 г. н.э. Каппадокия стала римской провинцией.

Гекатомба — сто быков.

Хиос — остров у берегов Малой Азии. Был разорен Митридатом VI в 86 г. до н.э. (с 85 г. находился под властью Рима).

Митилена — главный город острова Лесбос, расположенного в Эгейском море севернее о. Хиос.

Так назывались два островка, лежащие при впадении Босфора в Черное море. Они известны по мифу об аргонавтах. (Перев.)

Пафлагония — область в Малой Азии на южном берегу Черного моря

Самос — остров у побережья Малой Азии неподалеку от Эфеса.

Жители Илиона — города вблизи древней Трои.

Т.е. Дориду.

Аквилея — город на северном побережье Адриатического моря.

В «Иудейской войне» (I, 23, 3) Иосиф говорит о том, что Ирод привез к Октавиану Августу только одного Александра, обвинив своего сына в попытке отравить его.

Это бывшая так называемая Стратонова башня. (Перев.)

Речь идет о Ливии, третьей жене Октавиана Августа. По его завещанию она была принята в патрицианский род Юлиев и получила имя Юлии.

Как уже говорилось выше, маяк на острове Фарос (у Александрии) достигал в высоту 110 метров.

Храм Аполлона (Пифия), победившего змея Пифона.

олимпия, где находилось святилище Зевса и где проводились олимпийские игры, с 572 г. до н.э. принадлежала Элиде, и с того времени именно элидцы обладали правом организации олимпийских игр.

Октавиан Август был великим понтификом с марта 12 г. до н.э. Власть народного трибуна он получил в 30 г. до н.э. пожизненно, чем нарушил закон, по которому народным трибуном мог быть только человек из плебейского рода.

Анкира — город в Галатии.

Здесь в тексте пропуск. (Перев.)

У Ирода было десять жен; правда, Мариамма из рода Хасмонеев уже была им казнена.

Т.е. закон кровной мести.

Сентий Сатурнин являлся наместником провинции Сирии в 9—6 гг. до н.э. Волею судьбы был направлен императором в качестве проконсула и ведал в провинции главным образом сбором налогов.

Тут в тексте пропуск, восстановленный нами по смыслу. (Перев.)

Кос — один из островов Додеканеса вблизи побережья Малой Азии (неподалеку от Галикарнаса), о нем уже упоминалось выше.

Слово «друг» по отношению к Ироду и Октавиану Августу не следует понимать буквально. «Друзьями» императора и Рима титуловались зависимые от Рима цари.

Здесь, как, впрочем, и везде, Иосиф именует Набатейское царство Аравией.

Сентий Сатурнин был консулом в 19 г. до н.э.

Сыновьями Александра были Тигран и Александр.

Сыновей Аристобула звали Ирод, Агриппа и Аристокбул, дочерей — Иродиада и Мариамма.

Т.е. От Мариаммы, дочери первосвященника Симона.

Как известно, нигде в книгах Ветхого Завета многоженство не запрещается. Евреи, живущие в мусульманских странах, до сих пор держатся полигамии. В Европе раввин Гершом в 1018 году установил моногамию. (Перев.)

Т.е. Дорида.

Малтака.

Антипатр и Фазаель — дети Саломеи, сестры Ирода I.

Т.е. Агриппа I и Агриппа II.

Архелай — сын Ирода I от Малтаки, Филипп — от Клеопатры.

Эпитет «Август», обязательно присоединявшийся к имени римского императора, передается по-гречески через «Сэбастос». (Перев.)

Квинтилий Вар был наместником Сирии в 6—4 гг. до н.э.

В «Иудейской войне» (I, 32, 6) Иосиф Флавий называет Акму служанкой Ливии, жены Октавиана Августа.

Хитон — одежда из куска ткани, он набрасывался на правый бок и соединялся на левом плече. Хитон перетягивался поясом. Эта одежда закрывала тело (за исключением левого бока и правого плеча) до колен.

Т.е. Ливии.

По «Иудейской войне» (I, 32, 7) — Антипе.

В «Иудейской войне» (I, 33, 2) Иуда назван сыном Сепфора, Матфий — сыном Маргала.

Установка Иродом золотого орла над фронтоном храма была не только нарушением иудейских религиозных предписаний, но прежде всего характеризовала его лояльность Риму. Орел был символом Рима еще со времен ранней Республики. Кроме того, орел считался одним из важнейших атрибутов Юпитера.

Каллироя находилась на восточном берегу Мертвого моря и представляла в древности оживленный курорт. Горячие ключи с большой примесью минеральных ингредиентов еще по сей день служат арабам для целебных целей. (Перев.)

Насколько серьезно можно относиться к этому рассказу Иосифа, видно из того, что то же деяние приписывается в Талмуде Яннаю... Таким же вымыслом, по мнению Э. Ренана ("Евреи под владычеством Рима"), является и рассказ об осквернении золотого орла над фронтоном храма. (Перев.)

В «Иудейской войне» (I, 33, 7) Ахиаб назван племянником Ирода.

Судя по дальнейшему содержанию «Иудейских древностей» и по «Иудейской войне», речь здесь должна идти о Филиппе, брате Архелая и сыне Ирода.

Ирод скончался в возрасте 70 лет.

Диадема — головная повязка, на Востоке издревле считалась знаком царского достоинства.

Лохаг — командир лоха (отряда), очевидно, в те времена соответствовал римскому центуриону.

Таксиарх — командир отряда, колонны в тысячу воинов (во времена Александра Македонского).

Хилиарх — командир отряда в тысячу воинов. Однако в данном случае, если сравнить с соответствующим местом из «Иудейской войны» (II, 1, 3), это военный трибун, возглавлявший когорту воинов (500—600 человек).

Т.е. Малтаки.

Гай был старшим сыном Агриппы от его брака с Юлией, дочерью Октавиана Августа, единственной от его брака со Скрибонией. От брака Юлии и Агриппы родилось пять детей, однако уже тогда Юлия увлеклась любовными похождениями и через несколько лет после кончины Агриппы Октавиан применил к своей распутной дочери суровые санкции закона о прелюбодеянии, отправив ее в ссылку, где она и скончалась.

Т.е. Николай Дамасский.

Т.е. стрелки из лука.

В «Иудейской войне» (II, 3, 3) говорится о том, что 400 талантов из храмовой казны было расхищено римскими воинами во время грабежа, Сабин же забрал себе остальное.

Грат был командиром гвардейской пехоты Ирода, Руф — кавалерии.

По «Иудейской войне» (II, 4, 2), Симон был убит в бою.

В «Иудейской войне» (II, 4, 3) Иосиф говорит о том, что все братья Аффонта были взяты в плен.

Гаю («Иуд. война». II, 5, 1). Именно Гай подавил мятежи в Галилее и захватил Сепфорис.

В «Иудейской войне» (II, 5, 2) Иосиф фигурирует как троюродный брат Архелая.

По «Иудейской войне» (II, 6, 3), — 400 талантов.

В «Иудейской войне» (II, 7, 2) говорится, что помилование взамен раскрытия обмана Лже-Александрю пообещал не сам Август, а Келад от имени императора.

Глафира — дочь каппадокийского царя Архелая была замужем за сыном Ирода I (от Мариаммы из рода Хасмоиеев) Александром.

По «Иудейской войне» (II, 7, 3), на девятом году. (Перев.)

Виенна — город в Нарбоннской Галлии, недалеко от Лугдуна (Лиона).

В параллельном месте «Иудейской войны» (II, 7, 3) число колосьев и волов определено в девять, сообразно указанному там числу лет правления Архелая. (Перев.)

Публий Сульпиций Квириний был консулом в 12 г. до н.э.

Публий Сульпиций Квириний принадлежал к старинному римскому патрицианскому роду, представители которого неоднократно занимали высшие государственные должности. Трудно установить по лаконичному сообщению Иосифа о том, что Квириний «занимал все государственные должности», какие же это были должности. И хотя действовал определенный порядок продвижения по лестнице магистратур (квестор, трибун, эдил, претор, консул), при Октавиане Августе появилось немало должностей, на которые не избирали, а назначал император. Ко времени своего прибытия в Сирию в качестве наместника в 6 г. н.э. Квиринию было уже не менее 61 года: для консулов был установлен возрастной ценз в 43 года, а Квириния избрали на эту должность в 12 г. до н.э.

Прокурорами обычно были представители сословия всадников.

о переписи, проводимой Квиринием в Иудее, повествуется в Евангелии от Луки ([Лк 2.2](#)) и в Деяниях святых апостолов ([Деян 5.37](#)). Впрочем, существует мнение, что речь там идет о двух переписях, и это в определенной мере сказалось на установлении времени наместничества Квириния в Сирии (утверждается, что он был наместником этой провинции дважды — в 3—2 гг. до н.э. и в 6—7 гг. н.э.).

о выступлении Иуды Галилеянина против переписи повествуется и в христианской литературе ([Деян 5.37](#)).

Термин «фарисеи» происходит от древнееврейского «перушим» — «отделившиеся, обособившиеся». Название саддукеев скорее всего происходит от имени Садока, древнего иерусалимского первосвященника. Термин «ессеи», вероятно, происходит от арамейского «assaја» — «врачи, лекари».

Впрочем, и в «Иудейских древностях» (XIII, 5, 9) автор останавливается на этих сектах.
(Перев.)

В «Иудейской войне» (II, 8, 14) Иосиф говорит о том, что фарисеи верят в бессмертие души. По их мнению, души злых людей обречены на вечные мучения, души же добрых людей после их телесной смерти переселяются в другие тела.

Наиболее подробно учение ессеев Иосиф излагает во Второй книге «Иудейской войны», восьмая глава которой почти полностью посвящена описанию этой секты.

очевидно, Иосиф Флавий выбрал в качестве примера для сравнения с образом жизни ессеев одно из дакийских племен, жившее еще в условиях первобытных отношений, так как во время написания им «Иудейских древностей» в Дакии вспыхнуло мощное антиримское восстание под предводительством Децебала. Императору Домициану пришлось тогда заключить мир с даками, невыгодный для Рима. Лишь в начале II в. Дания была завоевана императором Траяном.

Гессий Флор был прокуратором Иудеи в 64—66 гг. Иосиф здесь и в «Иудейской войне» стремится свести причины Иудейской войны к злоупотреблениям римских наместников.

Т.е. в 6—7 гг. н.э. (битва при Акции произошла в сентябре 31 г. до н.э.).

В Новом Завете он фигурирует под именем Анны. (Перев.)

Это Ирод-Антипа (или Антипа), сын Ирода I от Мариаммы.

Т.е. Ирод и Филипп сохранили свои владения (установленные Августом) после включения владений Архелая в римскую провинцию.

Эту Вифсаиду не следует смешивать с расположенным к западу от Генисаретского озера местечком того же названия; там родились апостолы Андрей и Петр. (Перев.)

По Моисееву законодательству, такой поступок осквернял храм и всех пребывавших в нем.
(Перев.)

Марк Амбивий — прокуратор Иудеи в 9—12 гг.

Анней Руф стал прокуратором Иудеи в 12 г. и исполнял эту должность до 15 г. н.э.

очевидно, Иосиф считал первым римским императором Юлия Цезаря, а Октавиана Августа — вторым. Октавиан скончался 19 августа 14 г. н.э. (родился 23 сентября 63 г. до н.э.). Иосиф Флавий отсчитывает срок его правления с 43 г. до н.э., когда он стал триумвиром вместе с Марком Антонием и Антонием Лепидом.

Тиберий Клавдий Нерон был старшим сыном третьей супруги Октавиана Августа Ливии (Юлии Августы) от ее первого брака с сенатором Тиберием Клавдием Нероном. В 4 г. Тиберий был усыновлен Августом и получил имя Тиберий Юлий Цезарь. Став императором, именовался Тиберием Цезарем Августом.

Валерий Грат был прокуратором Иудеи в 15—26 гг.

Галилея входила в тетрархию Ирода-Антипы.

озеро поэтому получило название Тивериадского. (Перев.)

Речь идет о парфянском царе Фраате IV (40—3 гг. до н.э.).

Фраат V был царем Парфии в 3 г. до н.э. — 3 г. н.э.

Ород I правил в Парфии с 4 по 7 г. н.э.

Вонон I — царь Парфии в 7—12 гг.

Мидия — местность на западе Иранского плоскогорья.

Селевкия находилась в Вавилонии на реке Тигр.

Артабан II был парфянским царем в 10—38 гг.

Вонон занимал армянский престол в 11—16 гг.

Снежные горы Курдистана в Северной Месопотамии. (Перев.)

Антиох III — царь Коммагены, умер в 17 г. н.э., правил не более трех лет. После его смерти Коммагена (на северо-востоке Сирии) была подчинена Риму (с 17 по 38 г. н.э.).

Германик (15 г. до н.э. — 19 г. н.э.) — племянник Тиберия; в 4 г. н.э. был усыновлен Тиберием по приказу Октавиана Августа. Германик являлся выдающимся римским полководцем, одержал важные победы над германцами. После смерти Августа он отказался от предложения своих войск стать властелином Рима. Испытывавший подозрительность и зависть к Германику Тиберий отправил его в восточные провинции. В Сирии его отравил враждовавший с ним наместник Гней Кальпурний Пизон. Германик был чрезвычайно популярен среди римлян, смерть его вызвала повсеместный траур. В отравлении Германика молва обвиняла самого императора Тиберия. Пизон перед судом сената был обвинен в убийстве Германика, жажде власти, нечестивых жертвоприношениях. Окруженный всеобщей ненавистью, он покончил с собой.

об этом писали, правда немного позднее, Светоний (Тиберий. 52) и Тацит (Анналы. II, 69—72).

Употребление Иосифом термина «претор Иудеи» применительно к Понтию Пилату неясно. В «Иудейской войне» (II, 9, 2) Пилат назван прокуратором, так же титулуется его и Тацит (Анналы. XV, 44). Можно было бы предположить, что Иосиф Флавий хотел подчеркнуть высокую степень власти Понтия Пилата в период, когда наместником Сирии (?-32 гг. н.э.) был назначен Элий Ламий (консул 3 г. н.э.), который в Сирии так и не появился. Ранг претора полагался как раз наместнику-легалу императорской провинции Сирии. Но скорее всего здесь допущена элементарная путаница, поскольку чуть ниже Иосиф и прежних прокураторов называет преторами. Такая же путаница встречается у него и с определением титула наместника Сирии Вителлия, сместившего Пилата (XVIII, 4, 2). Он титулуется бывшего консула (I) Вителлия прокуратором Сирии, фактически поменяв местами не только должности правителей Сирии и Иудеи, но даже их сословную принадлежность (к сенаторам и всадникам). Прокураторы назначались из всадников либо (только при династии Юлиев-Клавдиев) из вольноотпущенников.

Можно согласиться с переводчиком текста «Иудейских древностей», что это действительно самое знаменитое место в трудах Иосифа Флавия. В связи с длительными спорами относительно подлинности этого фрагмента считаем нужным привести соответствующую цитату из «Иудейских древностей» в версии «Всемирной истории» Агапия (X в.): «В это время был мудрый человек, которого звали Иисус. Весь его образ жизни был безупречным, и он был известен своей добродетелью, и многие люди среди евреев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть. Но те, кто стали его учениками, не отказались от его учения. Они рассказывали, что он им явился через три дня после распятия и что он был тогда живым; таким образом, он был, может быть, мессия, о чудесных деяниях которого возвестили пророки».

Исида — древнеегипетская богиня, сестра и жена бога осириса. В эпоху эллинизма Исида получила функции богини мироздания, возник сложный культовый комплекс мистерий, понятный лишь для посвященных. Его главным символическим содержанием был миф о ее сошествии в подземный мир и воскрешении осириса. Культы Исиды были присущи вера в индивидуальное спасение (Исида представлялась спасительницей людей) и загробное блаженство, мистицизм, яркая эмоциональность. Этот культ был широко распространен и в Римской империи, хотя поначалу в Риме его поклонников преследовали. Описание мистерий Исиды дал в своем романе «Метаморфозы» (XI глава) известный древнеримский писатель II в. н.э. Апулей.

Анубис — в египетской мифологии бог смерти, покровитель умерших. В римскую эпоху считался сыном осириса и богини Нефтиды (сестры Исиды), олицетворявшей неплодородие земли.

Тацит в «Анналах» (II, 85) сообщает об этом так: «обсуждался (в сенате. — Ред.) и вопрос о запрещении египетских и иудейских священнодействий, и сенат принял постановление вывезти на остров Сардинию четыре тысячи зараженных этими суевериями вольноотпущенников, пригодных по возрасту для искоренения там разбойничьих шаек, полагая, что если из-за тяжелого климата они перемрут, то это не составит большой потери; остальным предписывалось покинуть Италию, если до определенного срока они не откажутся от своих нечестивых обрядов». Тацит датирует эти события 19 г. н.э. Об этом же имеется сообщение и у Светония (Тиберий. 36).

Луций Вителлий был наместником Сирии в 35—39 гг.

Марцелл был прокуратором Иудеи в 36—37 гг.

Тиберий скончался 16 марта 37 г. н.э. По мнению Светония, 79-летнего императора умиротворил Гай Калигула (Гай Калигула. 12).

Албания находилась на территории современного Азербайджана.

Тацит в «Анналах» (VI, 33), описывая эти события, говорит не о скифах, а о родственниках им сарматах.

У Тацита говорится о том, что Артабан II призвал на помощь скифов (Анналы. VI, 44).

Более подробно эти события, связанные с борьбой за парфянский престол и Армению, изложены в «Анналах» Тацита (VI, 31—37, 41—44). По словам Тацита, именно Луцию Вителлию Тиберий поручил утвердить на парфянском троне римского ставленника. «Мне известно,- пишет Тацит,- что об этом человеке в Риме ходила дурная слава и что он оставил о себе позорную память, но провинциями он управлял с поистине древнею доблестью». Луций Вителлий позднее стал одним из приближенных императора Клавдия, ревностно помогал его супруге Мессалине в ее расправах над неугодными ей людьми, затем активно участвовал в осуждении своей покровительницы.

Т.е. 34 г.

Это чрезвычайно важное сообщение Иосифа Флавия об Иоанне Крестителе, о котором так много говорится в новозаветных евангелиях. Автор излагает иную версию казни Иоанна, чем та, которая приводится в Евангелии от Матфея ([Мф 14.3—11](#)). Если, по этому евангелию, причиной казни Иоанна послужила ненависть к нему Иродиады, которую тот обвинял в незаконном браке с братом первого мужа, то Иосиф видит причины казни Иродом пророка в опасности для тетрарха большой популярности в народе учения Иоанна. В то же время Иосиф ничего не говорит об эсхатологических мотивах в проповедях Иоанна Крестителя, а именно на этом ("приблизилось Царство Небесное") сделан особый акцент в евангельских изложениях учения Иоанна Крестителя.

Друз Юлий Цезарь — сын Тиберия и его первой жены Випсании Агриппины (дочери Марка Випсания Агриппы). Пал жертвой интриг командира императорской гвардии Сеяна и своей жены Ливии, ставшей любовницей Сеяна. Сеян и Ливия в 23 г. отравили Друза медленно действующим ядом. Через восемь лет Тиберию стало известно об этом преступлении. Сеян и Ливия были казнены, много других людей погибло в результате чудовищной расправы, устроенной Тиберием при расследовании этого дела.

Друз Старший (Нерон Клавдий Друз) — младший брат Тиберия, сын Ливии и Тиберия Клавдия Нерона. Родился через три месяца после того, как Ливия вступила в новый брак с Октавианом. Прославился во время походов в Германию (в ряде их участвовал вместе с Тиберием). В 9 г. н.э. погиб в результате несчастного случая в возрасте 47 лет. Женой Друза была Антония Младшая (дочь Марка Антония и Октавии). Женщина редкой красоты и высокой нравственности, она предпочла остаться вдовой. Именно Антония сообщила Тиберию о заговоре Сеяна.

Вольноотпущенники — рабы, отпущенные на волю, но сохранявшие определенные обязанности по отношению к своему бывшему господину (патрону), чье родовое имя они принимали. В эпоху ранней Империи вольноотпущенники играли значительную роль не только в экономике, но и в государственном управлении, в том числе и в провинциях. В первую очередь это относилось к императорским вольноотпущенникам. Особенно велика их роль была при императоре Клавдии, когда могущественные вольноотпущенники (Нарцисс, Паллант, Каллист, Посид и др.) во многом вершили внутреннюю и внешнюю политику Империи. Кстати, один из них — Феликс — был назначен Клавдием прокуратором Иудеи. Однако слой вольноотпущенников был крайне неоднороден как в имущественном отношении, так и в их общественном положении.

Кипра (жена Агриппы I) была дочерью Салампсо и приходилась двоюродной сестрой Агриппе. Иродиада же являлась родной сестрой Агриппы, так что Кипра и Иродиада были двоюродными сестрами.

Так назывались в греческих городах чиновники, в обязанности которых, как и у римских эдилов, входил присмотр за рынками и взимание податей за доставляемые туда товары.

Консуляр (т.е. бывший консул) Л. Помпиний Флакк был консулом в 17 г. н.э. В 32—35 гг. являлся наместником Сирии.

Алабарх — должность откупщика государственных доходов.

Путеолы — портовый город на месте древнегреческой колонии Дикеархеи, близ Неаполя.

Т.е. на острове Капри. После смерти своего сына Друза Тиберий обосновался на этом острове, не покидая его до самой смерти. По словам Светония, лишь дважды он пытался вернуться в [Рим](#).

Т.е. к Антонии Младшей. У Антонии, кроме сыновей Германика и Клавдия, была дочь Ливия, жена Друза, которая вместе с Сеяном отравила его.

Внук Тиберия Тиберий Гемелл (от брака Друза и Ливии) был убит в 37 г. по распоряжению императора Гая Калигулы.

Это Гай Калигула (будущий император), сын Германика. После ссылки своей матери Агриппины Старшей на о. Пандатерию, где она и погибла, Гай жил сначала у своей прабабки Ливии Августы, а после ее смерти в 29 г. у своей бабки Антонии. В 31 г. Тиберий вызвал его к себе на Капри. Тиберий крайне подозрительно относился к жене и детям Германика, были репрессированы братья Гая — Нерон Цезарь и Друз Цезарь (их уморили голодом); Гай же сумел убедить Тиберия в своей лояльности.

Императорская гвардия была создана Октавианом Августом. Сеян собрал все преторианские формирования в один лагерь в Риме.

Сеян был фаворитом Тиберия и после отъезда императора на Капри фактически правил государством. Целью заговора Сеяна был императорский престол. Поэтому он стремился убрать возможных претендентов на трон и пытался организовать покушение на Тиберия.

Сообщение Иосифа Флавия о раскрытии заговора Сеяна является весьма ценным, так как в сохранившихся текстах «Анналов» Тацита в этом месте имеются существенные пропуски.

По Светонию (Тиберий. 72), Тиберий заболел по дороге из Рима на Капри во время своей второй поездки в Рим в период каприйского затворничества.

Сервий Сульпиций Гальба (из знатного патрицианского рода Сульпциев) был римским императором с 9 июня 68 г. по 15 января 69 г. Убит преторианцами за отказ заплатить им за свое избрание.

Т.е. четвертым, по мнению Иосифа Флавия,- после Юлия Цезаря, Октавиана Августа и Тиберия.

В «Иудейской войне» (II, 9, 6) Иосиф утверждает, что Ирод был сослан в Испанию.

История посольства к Калигуле подробно рассказана Филоном в его сочинениях «Против Флакка» и «о посольстве к Гаю». (Перев.)

Речь идет о Филоне Александрийском (25 г. до н.э. — 50 г. н.э.) — иудейскоэллинистическом философе, пытавшемся рационализировать иудейскую религию и соединить ее с греческой философией (главным образом со стоицизмом и платонизмом). Некоторые идеи Филона были близки христианскому учению.

По «Иудейской войне» (II, 10, 1) — три легиона.

В «Иудейской войне» (II, 10, 5) изложена иная версия этих событий. Там ничего не говорится об Агриппе и о том, что он добился у Калигулы отмены решений об установке статуй императора в иудейских городах. Не фигурирует там и соответствующее письмо Калигулы к Петронии. В «Иудейской войне» Иосиф говорит лишь о том, что, получив письмо Петрония, император направил ему послание с угрозой смерти за невыполнение своего приказа. Но раньше, чем Петроний получил это послание, он узнал о смерти Калигулы.

очевидно, речь идет о зороастрийском культе.

Между тремя и шестью часами утра (Перев.)

Сенаторы были высшим сословием в Риме. Если в период Республики это были члены сената, назначаемые из числа бывших магистратов, то в период ранней Империи принадлежность к сенаторскому сословию определялась по наследственному принципу, имущественным цензом (Октавиан Август установил для сенаторов ценз в 1 млн. сестерциев), присвоением титула принцепсом. Представители этого сословия были преимущественно крупными землевладельцами.

Т.е. Юпитера.

Светоний сообщает, что Калигула перекинул мост через залив между Байями и Путеоланским молем длиной в 3600 шагов, собрав для этого грузовые суда, которые выстроили в два ряда и насыпали на них земляной вал. По этому мосту Калигула разъезжал два дня. По мнению Светония, Калигула сделал это из-за стремления опровергнуть слова астролога Фрасилла, который сказал тревожившемуся о своем преемнике императору Тиберию, что Гай скорее на лошадях проскачет через Байский залив, чем будет императором.

Эта статуя, изваянная Фидием в V в. до н.э., считалась одним из семи «чудес света».

Эмилий Лепид был обвинен в заговоре против Калигулы. По этому делу Калигула осудил и своих сестер Агриппину (мать Нерона) и Юлию, отправив их в ссылку.

Кассий Херия был преторианским трибуном, т.е. имел отношение к личной охране императора, хотя телохранителями Калигулы, по сведениям Светония (Калигула. 58), были германцы.

Это были Палатинские игры, установленные в 14 г. н.э. в честь Октавиана Августа. Проводились ежегодно на Палатинском холме в Риме. Игры начинались 17 января и продолжались несколько дней.

Эпикурейцы — последователи древнегреческого философа Эпикура, учившего в частности, что цель жизни — удовольствие.

Будущим императором, братом Германика. Клавдий приходился дядей Калигуле.

очевидно, речь идет о мистериях Исиды. Калигула не только прекратил репрессии против поклонников этой богини, но и построил ей храм в Риме.

Октавиана Августа, хотя ранее Иосиф Флавий называет первым императором Юлия Цезаря.

Это выражение заимствовано у Гомера. (Перев.)

Кинир — в древнегреческой мифологии царь Кипра, сын Аполлона. Вступил в любовную связь со своей дочерью Миррой, не подозревая о кровосмешении. Плодом этой связи был Адонис. Узнав о кровосмесительном характере связи, Кинир покончил с собой.

Филипп, отец Александра Македонского, был убит в 336 г. до н.э., когда входил в театр, где должны были состояться игры, которые завершали торжества по случаю брака его дочери Клеопатры.

Марк Виниций был мужем сестры Калигулы Юлии, сосланной к тому времени на Понтийские острова.

В версиях убийства Калигулы, приводимых Светонием (Калигула. 58), имеются некоторые расхождения с сообщением Иосифа Флавия.

По одной из версий, приводимых Светонием, трибун Сабин был среди убийц Калигулы и нанес ему удар мечом в грудь тотчас после Кассия Хереи.

Светоний же утверждает, что при убийстве Калигулы перепуганный Клавдий спрятался за занавесью в галерее. Пробегавший мимо солдат, увидев его ноги, вытащил Клавдия, назвал его императором и отвел к воинам. Те, не зная, что делать дальше, унесли Клавдия в свой лагерь.

Это так называемая гемма. (Перев.)

Консулами 41 г. были Гней Сентий Сатурнин и убитый 24 января этого же года Гай Калигула. Очевидно, были и консулы суффекты, но о них нет достоверных сведений.

Цезонию. Цезония (третья жена Калигулы) имела троих детей от первого брака. В браке с Калигулой родила дочь Юлию Друзиллу.

Светоний (Калигула. 59) повествует об этом так: «Вместе с ним погибли и жена его Цезония, зарубленная центурионом, и дочь, которую разбили о стену».

Друзиллой. Светоний сообщает, что Калигула растлил свою сестру еще будучи подростком. Выдав Друзиллу замуж за Луция Кассия Лонгина, он вскоре отнял ее у мужа и держал при себе в качестве супруги. Смерть Друзиллы настолько потрясла Калигулу, что, по словам Светония (Калигула. 24), он, не в силах вынести горя, «внезапно ночью исчез из Рима, пересек Кампанию, достиг Сиракуз и с такой же стремительностью вернулся, с отросшими бородой и волосами».

Полное имя Клавдия (сына Друза Старшего) — Тиберий Клавдий Нерон Германик. Он был младшим братом Германика.

Светоний (Клавдий. 30) сообщает: «Но когда он ходил, ему изменяли слабые колени...»

Собралось, таким образом, незначительное число членов сената (при Октавиане Августе, например, сенат состоял из 600 человек).

Речь идет о командах гонщиков на колесницах, которых в Риме было четыре: «белые», «красные», «голубые» и «зеленые» (по цвету одежды). Калигула, как сообщает Светоний (Калигула. 55), был рьяным болельщиком «зеленых». Одному из возниц «зеленых», Евтиху, он как-то подарил два миллиона сестерциев.

За Клавдием еще при жизни Октавиана Августа и его собственной матери закрепилась репутация тупоумного. Антония Младшая, как повествует Светоний (Клавдий. 2), желая укорить кого-либо в тупоумии, говорила: «Глупее моего Клавдия». Это явно не соответствовало действительности, хотя сам Клавдий, избегая опасности политических интриг и отдавшись занятиям наукой, старался поддерживать такую свою репутацию, очевидно, чтобы сохранить жизнь при бурных событиях времен правления Тиберия и Гая Калигулы.

Вероятно, консула суффекта.

Здесь — игра слов. «Луп» (lupus) по латыни значит «волк». (Перев.)

Это Паренталии, отмечающиеся 13—21 февраля.

По Полибию (V, 71, 2), это была столица области Авилены в Келесирии, недалеко от Дамаска. (Перев.)

Речь идет, очевидно, об Антиохе IV (38—72 гг.), последнем царе Коммагены. Во время его правления Коммагена на короткое время обрела независимость от Рима.

Второе консульство Клавдия приходилось на 42 г.

Первоначально статус муниципия римляне давали италийским городам, а статус колонии — городам, основанным на завоеванных ими территориях. При принципате статус муниципиев распространился и на города в провинциях; постепенно разница в правах между колониями и муниципиями сглаживалась. И те и другие имели свои магистратуры, совет декурионов (из бывших магистратов), народное собрание. Эта структура соответствовала устройству Рима.

Как известно, назиреи — это люди, давшие обет навсегда или на определенное время вести воздержанный образ жизни, не пить вина и т.п. и в знак этого отращивавшие себе волосы. По окончании срока обета священнослужители в особенно торжественной обстановке стригли им волосы. (Перев.)

Публий Петроний был наместником Сирии в 39—42 гг.

Г. Вибидий Марс был сирийским наместником в 42—45 гг.

Термы — бани, которые у римлян служили не только для мытья, но и были одним из любимых мест отдыха; при них имелись спортивные площадки, иногда и библиотеки. Наиболее роскошными были римские термы (первым их построил Марк Випсаний Агршша), в провинциях старались подражать римским образцам.

См. выше, XVIII, 6, 7.

Как видно из последующих рассуждений Иосифа Флавия, он включает в семилетний срок правления Агриппы I его правление в качестве тетрарха.

Т.е. за Ирода, правителя Халкиды.

Харон — в древнегреческой мифологии перевозчик душ умерших по водам подземных рек Аида (царства мертвых).

Таким образом, после короткого перерыва, связанного с правлением Агриппы I, Иудея снова стала управляться римскими прокураторами.

Агриппа I скончался в 44 г. Кассий Лонгин был послан наместником в Сирию в 45 г.

Куспий Фад был прокуратором Иудеи в 44—47 гг.

Это была столица Аммонитской области. Раньше она называлась Раббат-Аммоном. (Перев.)

Четвертое консульство Клавдия приходилось на 47 г.

Луций Вителлий являлся консулом 47 г. (вместе с Клавдием). Это было уже третье его консульство (первое — в 34 г. при Тиберии, второе — в 43 г.). После первого консульства Луция Вителлия назначили наместником Сирии.

Т.е. 28 июня. (Перев)

очевидно, это консулы суффекты. При принципате для удовлетворения амбиций знати количество таких консулов в году могло достигать двух десятков — с 1 января каждого года вступала в должность пара консулов ординариев (в 47 г. это Клавдий и Луций Вителлий), а через несколько месяцев их сменяла пара консулов суффектов, затем следующая пара и т.д.

Адиабена — местность к востоку от реки Тигр (на территории современного Курдистана).

об этой местности см. выше, I, 6, 4.

Тиара — царский головной убор в форме усеченного конуса.

По сведениям Тацита (Анналы. XI, 8), Артабан II вместе с женой и сыном был, убит своим братом Готарзом. Но парфяне признали царем сына Артабана Вардана, который в борьбе за власть победил Готарза. Вардан I правил в Парфии в 39—45 гг.

очевидно, речь идет о намечавшемся походе парфян в Армению, где римлянам удалось утвердить у власти своего ставленника Митридата.

По сообщению Тацита (Анналы. XII, 14), Готарз заболел и умер. В борьбе за власть в Парфии (инспирированной римлянами) при правлении Готарза Изат склонялся на сторону Готарза, хотя и вынужден был присоединить свое войско к войскам противника. Впрочем, Изат довольно скоро покинул войско римского ставленника Мегердата, способствуя этим поражению того в борьбе с Готарзом.

По Тациту (Анналы. XII, 14), после смерти Готарза царем Парфии стал Вонон, но правил он очень недолго, и Вонона сменил его сын Вологез I (50—76 гг.).

В среднеазиатской Бактрии после завоевания ее кочевниками в 40-х годах II в. до н.э. вначале сложилось несколько мелких государств кочевников, а в I в. н.э. Она вошла в состав Кушанской державы.

об этом событии в Деяниях святых апостолов ([Деян 5.36](#)) говорится так: «Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли».

В Деяниях святых апостолов ([Деян 5.37](#)) хронология событий спутана, и утверждается, что после Февды во время переписи населения Иуда Галилеянин поднял мятеж, но погиб.

Вентидий Куман был прокуратором Иудеи в 48—52 гг.

Т.е. территорию Халкиды.

По «Иудейской войне» (II, 12, 1),- десять тысяч.

Уммидий Квадрат был наместником Сирии в 51—60 гг.

Агриппина Младшая (дочь Германика и Агриппины Старшей) была четвертой женой Клавдия, выйдя замуж за него (своего дядю) в 49 г. От первого брака с Гнеем Домицием Агенобарбом имела сына Луция Домиция, который после его усыновления Клавдием стал именоваться Нероном. Вероятно, Агриппина отравила Клавдия, стремясь сделать своего единственного сына императором.

Тацит (Анналы. XII, 54) по-иному интерпретирует эти события. По его словам, в Иудее тогда было два прокуратора: Вентидий Куман и Феликс. Куман управлял Галилеей, а Феликс — Самарией. Враждовавшие между собой галилеяне и самаритяне не сдерживались прокураторами, так как им передавалось немало награбленного из Галилеи и Самарии. Когда же стычки стали угрожать вылиться в войну, прокураторы попытались прекратить смуты, но их войска понесли большие потери. Ситуацию спасло лишь прибытие Квадрата с его войсками. Клавдий поручил Квадрату суд над обоими незадачливыми прокураторами. Уммидий Квадрат, по словам Тацита, посадил Феликса в трибунале между судьями, а Кумана осудил. Эти события могли происходить в 51—52 гг.

Паллант (Паллас) был влиятельным вольноотпущенником в администрации Клавдия. Бывшему рабу своей матери император поручил заведовать финансами. По сообщению Тацита, этот вольноотпущенник имел состояние в триста миллионов сестерциев (Анналы. XII, 53). Его брата Феликса Тацит обвинял в гораздо большей алчности. Феликс был прокуратором Иудеи в 52—60 гг.

Царя Коммагены.

В Деяниях святых апостолов ([Деян 24.24](#)) говорится о том, что прокуратор Феликс в присутствии своей жены Друзиллы допрашивал арестованного апостола Павла.

Клавдий скончался 13 октября 54 г. на шестьдесят четвертом году жизни.

Валерия Мессалина была третьей женой Клавдия. Прославилась своим развратным поведением (она не только вступала в любовные связи со многими людьми из римской верхушки, но и в поисках острых ощущений занималась проституцией под именем Лициски в римских лупанарах — публичных домах). Роковым для Мессалины стало увлечение Гаем Силием, с которым она открыто вступила в брак, не разводясь с Клавдием, в надежде сделать своего любовника новым императором. С молчаливого согласия Клавдия, Мессалина и ее последний любовник были убиты в 48 г. Тогда же подвергли казни и других любовников неверной супруги императора.

Клавдий усыновил Луция Домиция в 50 г.

Афраний Бурр благодаря стараниям Агриппины был назначен командиром преторианцев.

Это произошло в апреле 59 г. По словам Тацита (Анналы. XIV, 9), в Риме говорили о том, что когда-то, задолго до этого ужасного события, Агриппина спросила у магов о судьбе ее сына и, услышав, что он будет властвовать, но убьет мать, воскликнула: «Пусть умерщвляет, лишь бы царствовал!»

Октавия (дочь Мессалины и Клавдия) в отличие от своей матери слыла добродетельной женщиной.

Жертвами Нерона стали, в частности, всемогущий вольноотпущенник Паллант и философ Сенека (воспитатель Нерона в юности). Особенно массовыми и жестокими были расправы Нерона с людьми, заподозренными в заговоре против него в 65 г.

Таким образом Иосиф Флавий пытается приписать само возникновение движения сикариев (которое выступит одной из главных сил будущей Иудейской войны) проискам негодного, с его точки зрения, римского правителя Иудеи. В «Иудейской войне» такой версии он еще не излагает, ограничиваясь лишь характеристикой сикариев как «разбойников».

Упоминание о пророке-египтянине содержится и в Деяниях святых апостолов ([Деян 21.38](#)). Когда апостол Павел был арестован в Иерусалиме воинским отрядом, его командир спросил Павла: «Ты знаешь по-гречески? Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?»

Порций Фест, упоминаемый в Деяниях святых апостолов ([Деян 24.27](#); [Деян 25.1—32](#)) в связи с расследованием дела Павла, правил Иудеей в качестве прокуратора в 60—62 гг.

Здесь какая-то путаница. У Нерона не было братьев, а Паллант (отравленный по приказу Нерона в 62 г.) был братом Феликса.

Бурр вместе с Сенекой были ближайшими советниками молодого Нерона.

Акинак — короткий меч.

Sica (лат.) — кинжал.

Сикарии представляли собой радикальную политическую группировку в Иудее, вероятно, вначале составлявшую крайнее крыло зелотов. Сикарии выступали против римского владычества и против иудейской знати. Они разоряли дворцы аристократов, захватывали имущество богачей, провозглашали свободу рабам, уничтожали долговые записи, выступали против существовавших порядков. Основную массу сикариев составляли социальные низы, в том числе и рабы. Главной формой их борьбы были вооруженные восстания, широко использовался и индивидуальный террор. Нетрудно заметить, что отношение Иосифа Флавия к сикариям было крайне отрицательным.

Этого уж никак нельзя сказать о Пoppее. Все ее благочестие заключалось в том, что она внешним образом приняла иудейство. (Перев.) По словам Тацита (Анналы. XIII, 45), «у этой женщины было все, кроме честной души... Под личиной скромности она предавалась разврату». Через три года после заключения своего брака с Пoppеей Сабиной Нерон убил ее в припадке гнева.

В числе их находился и сам Иосиф Флавий. (Перев.)

Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» (II, 23, 3), написанной в начале IV в., приводит сообщение христианского автора II в. Гегесиппа (полностью его сочинение не сохранилось) о том, что Иаков был сброшен с крыши Иерусалимского храма и побит камнями. Это событие датируется 63 годом, что, в общем, соответствует данным Иосифа Флавия. В Новом завете Иаков назван братом Иисуса ([Мк 6.3](#) и [Гал 1.19](#)). Иаков сыграл важную роль на Иерусалимском соборе апостолов и пресвитеров, принявшем решения по проблеме обращения в христианство неиудеев ([Деян 15.6—29](#)). Тем не менее существуют различные точки зрения на степень родства Иисуса и Иакова.

Гессий Флор сменил Альбина на посту прокуратора Иудеи в 64 г.

Т.е. когены.

Таким образом, Иосиф Флавий пытается представить главным виновником Иудейской войны именно этого прокуратора.

Т.е. до 66 г.

Т.е. до 94 г.

Приложение подготовили Г.И. Довгяло и Е.А. Федосик.

Высшие весовые единицы талант и мина были лишь счетными единицами, средствами же денежного обращения служили статер, драхма и монеты, кратные им (до 10 драхм).

См. также: [Иудейская война](#)